XXIV 14/2
6.90 1934

П 158/110
XXIV 14/2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
КАРЛА МАРКСА

ИЗВЕСТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Выпуск 90

М 158
110

КАРЛ МАРКС
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

СБОРНИК
К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ
КАРЛА МАРКСА

83-174

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1934

2007333334

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

2593-34

KARL MARX
ET
LES SOCIÉTÉS
DES FORMATIONS
PRÉCAPITALISTES

RECUEIL D'ÉTUDES HISTORIQUES
À LA MÉMOIRE
DE KARL MARX
(1883—1933)

LES ÉDITIONS DE L'ÉTAT
SECTION SOCIALE-ÉCONOMIQUE
MOSCOU—LENINGRAD
1 9 3 4

Ответственная редакция: *Н. Я. Марр, А. Г. Пригожин*

Наблюдение за выпуском
Научный сотрудник Академии
М. А. Тиханова

Техническое оформление
Научный сотрудник Академии
Г. Г. Гильо

В наши дни, через полвека со дня смерти основоположника научного коммунизма, учителя и вождя международного пролетариата Карла Маркса, мы являемся свидетелями величайшего торжества и победы тех идей, которые разработал и во имя которых боролся величайший теоретик и вождь международного рабочего класса.

Главное в марксизме — учение о диктатуре пролетариата, которое неразрывно связано с учением о пролетарской революции, об исторической роли пролетариата, как могильщика капитализма и созидателя нового социалистического общества, — являлось и является великим знаменем передовой части всего международного пролетариата. Это учение ныне воплощено в жизнь непосредственным продолжателем дела Маркса-Энгельса — партией Ленина-Сталина, превратившей нашу страну в оплот мировой пролетарской революции, в ударную бригаду мирового пролетариата, в первую страну, осуществляющую социализм на практике.

Маркс нераздельно принадлежит коммунистам, которые уже в течение почти двух десятков лет в авангарде миллионов пролетариев, вооруженных марксистско-ленинской теорией, в непримиримой борьбе двух миров воплощают в жизнь его великое учение. Современный марксизм есть ленинизм. «Ленин оставил нам революционную т е о р и ю, которую он, продолжая дело Маркса и Энгельса, развил в соответствии с условиями эпохи империализма и пролетарских революций и тем самым поднял марксизм на новую, высшую ступень... Знамя Ленина, знамя партии и Коминтерна высоко поднял и понес дальше С т а л и н — лучший сын большевистской партии, достойный преемник и великий продолжатель дела Ленина» (Тезисы ИМЭЛ, к десятилетию смерти Ленина).

Полвека со дня смерти Маркса дают нам яркую картину развития марксизма под руководством Ленина и Сталина. Марксистско-ленинская теория оплодотворяет всю теоретическую мысль, бурно развивающуюся

в стране победившего социализма. Успехи СССР во всех областях науки и техники особенно ярко выступают при сопоставлении с кризисом и загниванием буржуазной науки в капиталистических странах. Сталин в своем Отчетном докладе XVII-му съезду партии о работе ЦК ВКП(б) указывал: «Говорят, что на Западе, в некоторых государствах, уже уничтожен марксизм. Говорят, что его уничтожило будто бы буржуазно-националистическое течение, называемое фашизмом. Это, конечно, пустяки. Так могут говорить лишь люди, не знающие истории. Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса. А уничтожить рабочий класс невозможно. Более 80 лет прошло с тех пор, как марксизм выступил на арену. За это время десятки и сотни буржуазных правительств пытались уничтожить марксизм. И что же? Буржуазные правительства приходили и уходили, а марксизм оставался. Более того, — марксизм добился того, что он одержал полную победу в одной шестой части света, где марксизм считали окончательно уничтоженным. Нельзя считать случайностью, что страна, где марксизм одержал полную победу, является теперь единственной страной, которая не знает кризисов и безработицы, тогда как в остальных странах фашизма вот уже четыре года царят кризис и безработица».

Нет, марксизм не умер и не умрет. Имена его величайших основоположников, имена Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, переживут века.

Государственная Академия истории материальной культуры, являясь научно-исследовательским центром по изучению истории докапиталистических формаций, отмечает пятидесятилетие со дня смерти К. Маркса настоящим сборником, составленным в плане разработки марксистско-ленинских идей в области истории докапиталистических формаций. Поскольку проблемы истории докапиталистических обществ являются наименее разработанными, с этой точки зрения многие из помещенных в настоящем сборнике статей должны рассматриваться лишь в порядке постановки вопроса, за которой должна последовать дальнейшая углубленная и кропотливая исследовательская работа историков-марксистов Советского Союза.

КАРЛ МАРКС И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

К 50-летию смерти Карла Маркса.

Н. Я. МАРР

Трудно, говоря о Марксе, не начать с Энгельса. Оценивая гегелевскую философию в применении к историческим сменам, смене римской республики римской империей и уничтожению французской монархии Великой французской революцией, упоминаемой Гегелем всегда с восторгом, Энгельс пишет: «Таким образом, здесь монархия оказалась недействительной, а революция действительной. И совершенно так же, по мере развития, всё, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место умирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости». Не правда ли, сейчас при этой гегелевской тезе, превращаемой у Энгельса диалектикою того же Гегеля в ее противоположность, готов у нас вырваться крик-вопрос: а почему ни старое, ни даже молодое не бывает достаточно рассудительным, чтобы умереть мирно? «Но именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии..., что она раз навсегда положила конец всякой мысли об окончательном характере человеческого мышления и действия».

Нам важнее дальнейшая мысль самого Энгельса: «История так же мало может остановиться, как и познание; она никогда не получит окончательного завершения в некотором совершенном, идеальном состоянии общества; совершенное общество, совершенное «государство», это — вещи, которые могут существовать только в фантазии. Все общественные порядки, сменяющиеся один за другим, представляют собою лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшего к высшему. Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание в то время и при тех обстоятельствах, которым она обя-

зана своим происхождением. Но она становится шаткой и лишается своего оправдания перед лицом новых высших условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она должна уступить место высшей ступени, которая также в свою очередь приходит в упадок и гибнет». [1]

В приведенном отрывке каждая мысль, для лингвиста некогда проблема, ныне является уже положением, устанавливаемым историею языка. Но из них особое директивное указание на инициативно-активный способ работы представляет утверждение: «ничто не может устоять перед нею [диалектической философией], кроме непрерывного становления и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему». Другой тезис нас поддерживает в революционности той же диалектики в историческом развитии: «Ее консерватизм относителен, ее революционный характер безусловен, — вот единственное безусловное, для чего она оставляет место», и когда мы знаем, что «она сама является лишь отражением этого процесса в мыслящем мозгу», то спокойно можно мириться с тем, что работа по-новому над языковым материалом и переживаемый нами процесс развертывания Октябрьской революции отразили ту же революционность в новом учении об языке. Нас не смущает, а удивляет скептическое отношение к тому, что новой наукой об языке так много вскрывается замолчанных революций, они вызываются на свет точно из подполья, так их много, но идеологически сраженные враги революций (не одной, а длинного ряда стадий) перекроили их, эти революции с величайшими в свое время достижениями, в чуждый им костюм, принимаемый за сущность дела. Достаточно сослаться на проблемы христианства. Христианство абсолютно не существовало фактически в общепринятое в европейском мировом масштабе за христианскую эру время. При учете одних письменных памятников и идеологическом неучете памятников материальной культуры, а еще более при игнорировании громадного качественно своеобразного фактического материала о так наз. христианстве у малых народов, обнаруживается, что противники его при слабости в марксизме также не попадают в намеченную ими цель в своем опровержении, как сторонники ровно ничего не доказывают по существу проблемы, при всем колоссальном накопленном ими фактическом материале и при всей рачительности изучения детальных фактов без интереса к их причинности. Не помогает, разумеется, ни в том, ни в другом случае даже блестящий литературный стиль.

В интересах правильного восприятия настоящей работы в линии трактовки нами темы Маркс и проблемы языка, где основной чертой и Маркса—Энгельса и языка — историзм, который диалектически увязывает самые несовместимые в буржуазной науке моменты, в том числе древнейшие эпохи

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии, К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 326—327, Партиздат, 1933 г.

с современностью, с событиями и лицами сегодняшних дней, хочу отметить сугубую историчность Маркса и, следовательно, Энгельса, как творцов и истории бытия, и истории его философского отражения, глубочайшей теории. Отмечая факт, что в Германии XIX в., подобно Франции XVIII в., «философская революция служила введением к политическому краху», Энгельс в то же время французам, действенным в борьбе с официальной наукой, с церковью, часто также государством, противопоставляет немцев, профессоров, государством назначенных наставников юношества, одобренные начальством руководства которых завершались системой Гегеля, венцом философского развития, с таким положением (предметом беспримерной признательности, по характеристике самого Энгельса, со стороны близоруких правительств и в то же время гнева со стороны не менее близоруких либералов), как «все действительное разумно, все разумное действительно». «То, чего не замечали, — говорит Энгельс, — ни правительства, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек», поэт Генрих Гейне, изложивший для французской публики в статье о Германии историю культуры немецкого народа до Канта, до Гегеля, от, также знаменательно, Лютера, и только. Даже в 1848 г., когда «революция оставила в Германии почти все на месте», в философии «произошел полный переворот». [1] Можно подумать, что это в результате разгара творческой работы специалистов по философии. Однако, констатируя тут же факт чрезвычайно ценных естественнонаучных открытий, углублявших понимание природы, мироздания, Энгельс выдвигает важность знакомства натуралистов с историческим развитием человеческого мышления для теоретического естествознания и конкретно отмечает их до курьеза малую осведомленность по этой части, проявление изумительного незнания такого необходимого основного источника истории, как философия. Выходит так, что для разработки теоретического мышления, являющегося «прирожденным свойством... в виде способности», «не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения истории философии»; [2] между тем, «сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля до наших дней, ареной ожесточенных споров», и немногим пошла вперед с тех пор доселе по существу исторического разъяснения. Что же касается «диалектики, то до сих пор [т. е. до основоположников новой философии, начиная с самого Маркса] она была исследована более или менее точным образом лишь двумя мыслителями: Аристотелем и Гегелем», но в греческой философии, включающей и Аристотеля, особенно ценного для истории, «диалектическое мышление выступает еще в первобытной простоте». Потому-то «в многообразных формах греческой философии [в диффузном состоянии, разрешите употре-

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1930 г., стр. 88.
[2] Там же, стр. 87.

бить термин «диффузный», с протестом против применения здесь «синтетического»] имеются в зародыше, в возникновении, почти все позднейшие типы мировоззрения». Потому же и «греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы», «она у них рассматривается еще как целое, в общем и целом». Потому же первобытная простота в греческой философии не нарушается «милыми препятствиями, которые сочинила себе сама метафизика XVII и XVIII столетий — Бэкон и Локк в Англии, Лейбниц в Германии — и которыми она заградила себе путь от понимания единичного к пониманию целого, к проникновению во всеобщую связь сущего». В результате Маркс и Энгельс поставили одну из величайших проблем современного марксистского мышления, сделали по ней надлежащие выводы и дали в целом и не гадавшееся в их время решение, получившее и для общего вывода и для всех предпосланных ему отдельных мыслей оправдание в истории мышления, вскрытой в наши пооктябрьские дни в истории языка на детальных фактических данных звуковой речи, палеонтологически разъясненных анализом по элементам.

Энгельс, подходя к своему общему выводу по существу, писал: у греков «всеобщая связь явлений в мире не доказывается в подробностях (на ней инстинктивно основано греческое мировоззрение): для греков она является результатом непосредственного созерцания». Или еще по части дополнительного констатирования того же факта: у греков «не было эмпирического естествознания (в современном смысле)». И Энгельс с поразительной меткостью бьет по самой сердцевине проблемы диалектически двумя противоположными мнениями с единством функции: «в этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее превосходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками. Если метафизика права по отношению к грекам в подробностях, то греки правы по отношению метафизики в целом». Какой из этого вразумляющий вывод делает Энгельс? Очевидно, один и единственный. Энгельс его и дает, говоря об одной из причин своего отношения к греческой философии, усиливая тем другой, уже сообщенный выше мотив интереса Энгельса к греческой философии, как к «диалектическому мышлению в первобытной простоте». «Это,— пишет Энгельс,— одна из причин, в силу которой мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа [греков], универсальная одаренность и деятельность которого обеспечили ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один другой народ». Потому Энгельс рекомендует настоятельно натуралистам, чтобы «теоретическое естествознание, если оно хочет познакомиться с историею возникновения и развития своих современных общих теорий», возвратилось («должно возвратиться») к грекам, и в заключение высказывает пожелание, чтобы

понимание естественников («это понимание») «углубилось и привело к действительному ознакомлению с греческой философией».

Значит ли это, что Энгельс призывал обратиться к греческой философии, диалектической, как порождению универсальной одаренности маленького народа, и отказывал всем иным народам в праве претендовать на положение греков в истории развития человечества? Лишь при таком ошибочном или умышленном толковании можно подумать, что Энгельс говорит о расовости в обоих случаях. На самом деле ничего подобного.

Энгельс восставал тогда против высокомерного отношения европейских мыслителей к маленькому греческому народу так же, как теперь восставал бы против высокомерного отношения носителей классовых предубеждений того или иного народа к малым национальностям. Он осаживал бы теперь с такой же диалектически построенной язвительностью националистические тенденции языковедов высокой квалификации. Это ясно видно из теоретическо-исследовательской работы Энгельса, напр., над франкским языком. Последний послужил Энгельсу сырьем-источником для разоблачения специалистов единственного тогда учения об языке — феодально-буржуазного индоевропеизма — для разоблачения политическо-общественной подоплеки их необоснованного утверждения о пределах распространения франкского языка, в котором ученые специалисты сознательно или несознательно искали свидетельство немецкого национального господства в соответственных районах (в сторону Голландии). В этой связи мастера техники своего дела создавали лживое представление о главном источнике, отстаивавшемся ими как памятник франкского языка. Энгельс еще тогда, в эпоху отроческого расцвета индоевропейской лингвистики, потревожил чисто формальные основы этого первого в Европе опыта научного построения учения об языке, учения сначала частного о предопределенных богом или природой к верховодству языках, затем общего индоевропейского учения для всех языков Европы и отчасти Азии, сподобившихся быть включенными в эту святую семью. Чисто формальные основы этого аристократического учения об арийских языках, обращенных механистически в индоевропейские, рвались в ювелирно-тонкой исследовательской работе Энгельса над письмом и языком соответственных текстов; они рвались у него в освещении аргументации, насквозь пропитанной диалектическим материализмом, рвались при первом соприкосновении с практикой и вообще с действительностью и в тех частях, где, казалось, индоевропейская лингвистика наиболее сильна. Положение было труднейшее, критическое не только для самого учения, но и для всех, невольно обращавшихся к реальному изучению любого языка, ибо росла жизненная значимость языка из-за социальных сдвигов, последовавших в результате французской революции. Раньше всех с охватом языка это осознала Германия в лице диалектика-идеалиста Гегеля. Но у Гегеля речь, восприня-

тая в целом как язык и мышление, разъяснялась лишь как явление, и вошла притом как часть в феноменологию, построенную верхом вниз.

Между тем, социальные сдвиги, последовавшие за французской революцией, значительно углубились с развитием техники материального производства и ростом в зависимости от этого естественных наук. В результате всколыхнувших уже более широкие низовые массы революций они получили усиленные политико-экономические стимулы в языковедных потребностях, новые возможности для осознания языка, идущие корнями все из техники материального производства, получили и основные линии построения и оформления языковедения. Маркс и Энгельс, оказавшись с новым тогда индоевропейским учением об языке в руках, вынуждены были феноменологически разъясненные в их причинности языковедные проблемы переключить ввиду растущей политической значимости языка в плоскость его восприятия как действенного орудия. В конкретной работе они все-таки шли в линии единственно существовавшей лингвистики, притом в работе над родным немецким языком в шаг с немецкой идеологией.

Немецкий язык, с одной стороны, был орудием для внедрения реакционного националистического мировоззрения специалистов-языковедов и в то же время немецкий язык, росший в массовом осознании как орудие действия освободительной от гнета борьбы, ставился в европейской действительности в положение бесправного языка. В противоположность «святой семье» индоевропейских языков намечались уже тогда к выделению как чуждые им по своему низшему природно (расово) происхождению языки Африки и Америки, колониальные языки, и немецкий язык попадал в число колониальных языков. В связи с этим научный термин, наименование науки об аристократических языках Европы и Азии — «индоевропейский» — изменен был в «индогерманский». Работа Энгельса над франкским, как и мысли его же о готском,—лишь частная иллюстрация того трудного положения. Однако Германия в своей непримиримой противоположности прочему миру была осознана в Европе давно. Энгельс поднимал перчатку, давно брошенную «культурным» Римом «некультурным» германам в первые два века христианской эры. Перчатка, брошенная древним римским культурным миром в лице историка Тацита германам, как варварам, была поднята Лютером, что не только раскололо европейский мир на аристократический римский и германский низший, но, можно подумать, послужило причиной нового раскола германов на германов-католиков и германов-протестантов в эпоху Лютера или в ближайшие к нему времена. На самом деле раскол этот отнюдь не религиозного происхождения, ибо с таким пониманием действительности мы попадаем в ошибку прежде всего по первому тезису Маркса о Фейербахе, в главный недостаток материализма Фейербаха, у которого «действительность, чувственность,

берется только в форме *объекта* или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность*, *практика*, не субъективно; «*действенная сторона*» у него потому «в противоположность материализму, развилась идеализмом, но только абстрактно», «он не постигает самую человеческую деятельность как *предметную* деятельность. Поэтому в «Сущности христианства» он рассматривает, как истинно человеческую, только теоретическую деятельность, тогда как практика постигается и утверждается только в ее грязно-еврейской форме проявления. Он не понимает поэтому и значения «революционной» практически-критической «деятельности».

Этот раскол европейского мира на католиков и протестантов — дело значительно более древней эпохи и имеет корни всегда в сдвигах производства и техники, конкретно в преодолении германами, тогда еще иберами, природных ресурсов таких центров их сосредоточения, как Рейнский край, Пиренеи и др., еще раньше с участием басков, когда речь была еще так наз. яфетической системы, когда по всей северной, средней и восточной Европе и далее, как на Кавказе, действовали сплошь мышлением все еще первобытного общества и на отдельных участках этого чуждого Риму мира вспыхивала борьба с римскими легионами или накоплялись, с самосознанием, силы для наступательных войн уже не из Африки, а из глубин Европы и ее предальпийского севера на Рим. Об этом память сохранил нам замечательный фрагмент баскской эпической поэмы, по оформлению продукт первобытного общества с астрально-космическим мировоззрением, а в содержании впитавший события римских вторжений, связанные с именем императора Октавиана, «прославившего» эпоху своего правления завоевательными вторжениями во все не римские еще тогда по массовому населению края Афревразии, от Армении да страны аффров до Испании (Иберии и Баскии), Ретии и Германии, и с восторженными памятниками собственных римских писателей. Обвинение в варварстве германов, высказанное в форме риторического вопроса, чрезвычайно поучительно старанием автора изобразить германов страшными обитателями изолированной от всего мира страны, без путей сообщения с суши или моря и с одними опасностями, куда (в эту Германию) «вряд ли кто, не говоря об опасности страшного и незнакомого моря, оставив Азию, Африку или Италию, станет стремиться... в страну невзрачную, с суровым климатом, неприятную для обитания и на вид, если только она ему не родина».

Разумеется, это явная фальшь, чистота крови и отсутствие какого-либо общения с культурным миром афревразийского Средиземноморья, его побережья. Фальшь эта разоблачается ответом на один простой вопрос: а почему римляне посылали свои легионы в эти края? И как это произошло, что эти германы под начальством своего вождя нанесли сокрушительное поражение, ставшее «притчей во языцех»: «Вар, Вар, верни мне мои

легионы!»? И почему эти носители римского порядка воспринимали бытовой облик германов и в обстановке и в мировоззрении? Но из этого вовсе не следует, что самое впечатление римлянина от Германии, как страшной и чуждой страны, давало нам картины действительности. В римском зеркале Тацита отражен уровень мышления «коллективного» собственника, свысока смотрящего всегда и везде на культурно отсталые и чуждые («дикие», «варварские») народы. Ныне не подлежит сомнению, что германы были тогда на той ступени развития, на какой дошли до нас в Закфедерации сваны, что не мешало ни тем, ни другим быть металлургами первобытного порядка, создателями вошедших в обиход соответственных народностей понятий-терминов по этому производству вместе с басками на Западе и армянами на Востоке. Не помешало это германам сделать скачок в новый просвещенный европейский мир в связи с развитием производства своего края. Уже у Тацита — взгляд классово-культурного общества на отсталые народы, имеющие возможность запечатлеть осознание своей действительности и своих протестов лишь в эпосе, как можно видеть ясно в фрагменте баскской эпической поэмы в обработке эпохи римских императоров. В более глубокие по древности времена отражения этих социально-сродных германам родственников зеркало вовсе не берет исторически, а лишь мифологически, космическими представлениями и образами, как предисторию тех же германов, по соответствию со ступенью их стадиального развития, общей у германов со всеми производственно-социальными коллективами по действенности мышления и языка при всем расхождении их на различных отрезках.

В движении от тех эпох к современности расхождения углубляются в технике оформления при усилении единства техники и идеологического содержания, ибо растет массовое осознание собственной национальной личности, вскрывая в объекте исследования свою коллективную индивидуальность. С социальных сдвигов, последовавших за поражением, нанесенным французам франко-прусской войной, углубляется национальное осознание. В науке об языке единство германских языков расщепляется, возникает новая филология с усиленным вниманием к собственным живым говорам, и создается романо-германская филология. Уже к империалистической войне с усилением факторов, оживляющих религию и всякие пережитки оторванных от действительности учений средневековья, выступает особое восприятие латинского мира в отличие от германского. Процесс осознания без насильственной задержки, вызывающей его застой, ведет к охвату всех низовых масс в Европе и Америке и одновременно всех формирующихся новых и переоформляющихся старых народностей, растущих в противоречии с общественностью мировых международных хозяев-эксплуататоров, идет до осознания множества национальных языков, как категории новой нарождающейся системы. В академическом мире

оформляется новое учение об языке. Лишь по вступлении теории марксизма-ленинизма в практику правомочного фактора истории, социальной революции, в Советском Союзе создаются многие новые языки, как национальные языки, и с проникновением становятся уже в социалистическом строительстве на путях снятия множества национальных языков единством языка и мышления. Слагается окончательно новое марксистско-ленинское учение об языке. Начало его восходит к положению, формулированному Марксом почти три четверти века тому назад в определении сущности товарной стоимости. Путь конкретной реализации этого положения предуказан тогда же Марксом мыслью о решающей для исторической науки значимости истории материального производства. Язык же является первым по времени для древности и единственным ныне по девственно непочатому богатству источником истории.

Излишне здесь излагать историю конкретной работы Маркса и неразлучного с ним двойника Энгельса над языком и мышлением или излагать неразлучимую с ними по преемству работу по развитию идеологии Маркса—Энгельса Лениным по языку-мышлению и Сталиным по языку-нации, сочетавшими в себе дальнейшую разработку марксистско-ленинской теории с практикой и опытом революционного творчества. Этот опыт довел до четкого осознания материальной культуры, вслед за художественной, как необходимой части всех без исключения национальных культур, понимаемых диалектически в известной формулировке Сталина.

Как не сказать, что новое учение об языке начинается с Маркса—Энгельса, ибо Маркс не только определил сущность значения слов, но и всем поведением своим, а не только писанием, утверждал, что без знаний лучше не браться за такие ответственные дела? Впрочем, он еще в июле 1866 г. писал Энгельсу: «Наша теория об определении организации труда средствами производства нигде, кажется, так блестяще не подтверждается, как в «человекоубойной промышленности». Право, стоило бы, чтобы ты написал об этом что-нибудь (*у меня для этого нехватает знаний*) [курсив мой. *Н. М.*], что можно было бы за твоей подписью внести в мою книгу в виде приложения». Ведь, с такой же подготовленностью в пределах научных знаний его эпохи Маркс писал и об ошеломляющих сменах в функциях слов, способных привести в потрясение ученых спецов. Такое же потрясающее утверждение выдвигает Энгельс о переустройстве всей истории, разумеется, требуя соответственного действенного усвоения марксизма, а не марксистского кликушества. Едва ли следующее место из письма Энгельса Конраду Шмидту от 5 VIII 1890 имеет меньше основания быть обращенным к некоторой части молодежи (да, увы, не одной молодежи) Советского Союза, чем к Германии: «Вообще, для многих более молодых писателей в Германии слово *материалистический* служит звуком, который применяют к разным вещам, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, т. е. приклe-

ивают этот ярлычок и считают, что этим все исчерпывается. Но наше понимание жизни есть главным образом введение к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегелианства. *Всю историю надо изучать сызнова* [курсив мой. *Н. М.*]. Надо исследовать в деталях условия существования различных общественных образований, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения. В этом отношении сделано до сих пор очень мало, потому что очень немного людей серьезно этим занималось».

А что сделано с 1890 г. в старой лингвистике по языку в отмечаемой Энгельсом линии развития? Или, быть может, лингвистика, как не имеющая [?!] прямого отношения к экономике, входящая в круг интересов культурного, в значительной мере художественного, а не материального производства, отметается как презренная величина? Этому противоречат все дела, все поведение обоих первых основоположников марксистской философии, не говоря о Ленине и Сталине. Впрочем, нельзя не привести следующего места из письма Энгельса к Блоху от 21 IX 1890 г.: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является *единственным* определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты... и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения, и их дальнейшее развитие в систему догм». А язык, ведь, сложнейшая и содержательнейшая категория надстройки, проверяющая свои выводы и внутри себя сопоставлением двух неразлучимых в языке моментов, формального и идеологического, в звуковом языке — техники звукового оформления и техники идеологического построения.

Со времени возникновения марксизма не только были сделаны поразительные открытия во многих областях знания, особенно хорошо известные и широким кругам до самых низов в естественноисторических, химических и технических науках, но и созданы новые области знания, оформлены новые науки. С тех пор развилось востоковедение на совершенно новых началах, были произведены раскопки, перевернувшие наше представление верхом вниз не только по архитектуре и технике материального производства, но и по истории права и технике письма и языка. Нельзя себе пред-

ставить, чтобы Маркс или Энгельс в наши дни, говоря о праве собственности, исходили бы из норм античности, т. е. конкретного классического мира европейского Средиземноморья, хотя бы эллинского эпох рабовладельческих, как исходной совершеннейшей конкретной формации, игнорируя, например, то, что дают клинописные памятники на тысячи лет более древние по дате о крепостничестве и т. п.

Более того. Если бы Маркс воскрес и обратился бы к тому, что происходит в части исследовательской работы и практики в пределах Советского Союза, он увидел бы громадную, неслыханную практику со сдвигами в теории по всей стране и изумительные положения нового учения о языке, с вкладом в теорию познания, правда, не скрестившего свои достижения в полной развернутой форме в масштабе пределов Союза, но являющегося во всех случаях или развитием, или детальным конкретным положительным ответом, или решением проблем языка так, как ставил их Маркс.

А в настоящее время какие проблемы языка? Все те же, но до конкретных задач, например, терминологии, письма, даже буквы, они все приобретают сугубо общественно-политическую значимость. А техника передачи, даже стенография, разве может она оставаться без перестройки не по наличным достижениям техники, а по тому историческому процессу в развитии языка, когда сама природная машина — полость рта от глотки до губ — переоформливалась, оформлялся весь облик лица и фигуры самого человека по социальным закономерностям сначала зрительной, именно ручной речи, затем более сложного звукового языка?

Когда же речь о терминологии, — здесь, где идеология создается из потребностей техники систематизировать создаваемые ею понятия, — приходится начинать в теоретической работе не с частных явлений, а с общих. В пределах этих общих явлений все частности получают свои точные и конкретные исторически обоснованные наименования, учитывающие одновременно определение (termes, термины). Дело специалистов данного производства, в первую очередь материального, затем культурного, научного и художественного, но дело первейшее, — проследить реальную историю, действительность всех конкретных языков, чтобы исходить не от формальных, оторванных от жизни явлений, а к ним приходить, и в них опознать новую функцию, всегда общественную стоимость, всегда актуальную, всегда увязанную с производством, всегда воспроизводящую не только производство материальное, но и его технику по обоим моментам, формальному и идеологическому.

В чисто формальных основах аристократической лингвистики, ныне лишь наследии буржуазной культуры, вскрылись изыскания графическо-фонетических деталей и прочности единственного оплота ее историзма, общегерманского переозвончения, как теперь оказалось в свете нового учения об языке, наследия той стадии в развитии языка вообще в мировом

масштабе, когда германские языки, в том числе и немецкий, действительно существовали, но они входили тогда в иные системы.

В подтверждение функциональности значений слов, следовательно, их сменяемости, с одной стороны, а с другой — к иллюстрации и мысли, и действенности Маркса, сводящихся к тому, что всякое теоретическое суждение должно исходить из познавательного учета фактов, их также потребительной стоимости, остановим на несколько минут внимание на двух лингвистических фактах, из коих один не что иное, как турецкое название своего рода «петрушки». Это «Карагёз». Другой термин — 'труд' и 'работа'. Кстати, это иллюстрирует также и мысль, общую Маркса и Энгельса, только различно выраженную. Общая мысль такая, что надо считаться с нарастающими знаниями и соответственно перестраивать прежние наши знания, ибо марксистская теория познания не останавливает своего ни количественного роста, ни качественного повышения. Об отношении Маркса к теории и практике и революционному развитию практикой теории не приходится распространяться, но и Энгельс четок в этом отношении. Он утверждает о необходимости «перестроить всю историю», но ни тот, ни другой и в мыслях не имели, что такую перестройку можно произвести или легковооруженно, вроде легкой кавалерии нагомудрецов, или только в отношении старых мыслителей и чужих авторитетов, но не себя. Оба указанные вопроса мною будут лишь освещены в новой установке, а не изложены со всеми деталями.

Karagöz, собственно, казалось бы, 'черноглазый' и только. В действительности же слово это обозначает в разъяснении на немецком языке «главную фигуру турецкого теневого театра» (Schattentheaters) или во французском переводе «шута турецкой игры», представления. На самом деле это, смотря по отправной точке зрения, и 'петрушка лицедейства', 'игры', неисчерпаемый кладезь смешливости, герой как бы *печального* образа, т. е. соединение двух противоположностей, причем печаль или смех это не простое, неизвестно откуда взявшееся психическое настроение или случайный припадок смешливости, беспричинное явление, а последствие определенных реальных предпосылок, в миниатюре — результат весьма серьезных причин, имеющих корни не в том, что природно, а в том, что выявляется в действительности, в практике нашей жизни, и оформление этой действительности в мировоззрении и способе мышления, самой технике восприятия явлений. Только такой подход нам объясняет и то, почему тут тени, да еще китайского театра, и почему рядом с Karagöz'ом, Karaqaber'ом 'оповещение о смерти', вообще 'неприятная или нерадостная весть', тут ни Китай, ни даже 'смерть' сами по себе не при чем. Никто не отрицает, что kara значит 'черный', и göz 'глаз', и по сложении этих двух понятий получаем 'черный глаз', в приложении к предмету в турецком, без дальнейшего оформления каким-либо окончанием, суффиксом или представкой-пре-

фиксом, прилагательное 'черноглазый'. Но, во-первых, этот 'черноглазый' значит у турок также 'роковой' (кстати сказать, франц. sinistre, лат. sinister одновременно 'левый'),[1] и вот эта серия идей, в линии отрицательных восприятий, 'смерть', 'тень-призрак', 'явление в темной среде', космически астрально 'луна ночи', в противоположении красному 'солнцу', 'радости', 'жизни', 'смеху', как и göz 'глаз'; собственно 'пара очей', *'левый* глаз' и *'правый* глаз', в первобытном обществе так и представлялись в образах 'ночной луны', 'мрака', 'смерти' и дневного 'солнца', 'света', 'жизни' и т. п. И все это разъясняется и анализом наших слов, в частности, тур. göz и тур. kara, и это подтверждается изучением памятников материальной культуры. Так, в Турции — в развалинах близ Салахлы, древнего города (не так уже древнего, именно VII в. до н. э.), столицы культурнейшего для своего времени и цветущего государства Лидии, где господствовал последним царем сказочный богач Крез (Creusus) п. Krösus = л. Crösus, в точном произношении Kröz, найдены камни с надписями, одной двуязычной лидо-греческой с выражением культа 'луне' [AR-tımu] и 'солнцу' [AN-aetı), и под этими словами изображение 'пары глаз', чего мы раньше не видели и никто не знал, разве по преданию об Египте, но палеонтологическим анализом языка, его исследованием по стадиям нам удалось еще раньше установить эту связь. Глаз был предметом культа в Лидии, как в первобытном обществе, хотя в ней было уже цветущее государство, но это первобытное представление, раньше реальное и в практике в связи с соответственной первобытной «техникой», пережило уже как верование, ставшее религиозным не только в Лидии, но во всем мире и у всех народов. С ним связаны и бытовые, общие, и художественные творения, различные у различных народов, национальностей, казалось бы, ничего общего не имеющих друг с другом, точно происшедшие от различных рас. На самом деле все это представления веков, когда не было ни подлинной техники, ни точных знаний, ни вообще науки, а была 'магия', 'шаманство', не только в Азии или в Африке, да в Америке, Австралии, но во всем мире, в Европе также, в Италии, Испании, Франции, не говоря о германских странах и т. п. И если этого не знать, то ничего не понять в истории, а ученые специалисты еще более углубляют это невежество. Вот Маркс и вообще основоположники марксизма и вскрыли всю эту фальшь не только философии, но и исторической науки, в частности и такой исторической науки, как учение об языке, лингвистика. Разумеется, сто лет да и пятьдесят тому назад той лингвистики, нового учения об языке, что теперь мы имеем в Союзе, не было, а было учение так наз. индоевропейское (собственно европейское, буржуазное), которое доселе царит как единствен-

[1] Н. Марр, 'Север' и 'мрак' || 'левый' от Пиренеев до Месопотамии, стр. 8—9 и другие работы.

ная филологическо-лингвистическая дисциплина за пределами Союза, а не реальная материально-культурная языковедная историческая наука.

Маркс и Энгельс и тогда дали, создали единственный исторический метод, вне которого нет возможности произвести обстоятельное историческое исследование. Они вскрыли в истории языка такие смены, такие ступени развития языка и общества, какие тогда казались невероятными, да сами Маркс и Энгельс не досказывали до конца или делали оговорки, а новое учение полностью, с избытком оправдывает эти смены, раскопав в самом языке пласты различных смен, именуемых нами стадиями, и продолжает еще более углубленно оправдывать все положения Маркса уточнением этих стадий, создав соответственно новую технику анализа речи, палеонтологию, вскрывающую по стадиям эпохи, ступени развития языка и языков, независимо от национальности и рас, независимо от того, язык восточный или западный, азиатский или европейский и т. д., и т. п. И на различных стадиях вскрылись различные реальные взаимоотношения языков, в корне переворачивающие не только историю народов, но сами представления наши о родстве языков и народов. Русский оказался по пластам некоторых стадий более близким к грузинскому, чем русский к любому индоевропейскому, хотя бы славянскому, или грузинский к любому языку Кавказа, считавшемуся языком одной группы с грузинским, например, мегрельскому или лазскому, именуемому и чанским; у живого немецкого и уже «мертвого» готского вскрылись непререкаемые связи с языками Кавказа так наз. яфетической системы, куда входит и мегрело-лазо-грузинская группа (так у «мертвого» готского с мегрельским языком и лазским все той же так наз. яфетической системы, не говоря о связях, доселе исторически не учтенных, французского с бретонским, а бретонского с баскским и их обоих с армянским и т. д. и т. п.). В самом едином языке, например, в английском, казавшемся результатом скрещения германского и романского, вскрылись пласты более древних стадий в такой мере, что современные англичане читают даже написанные английским же обычным письмом английские тексты условно, ибо современные англичане ниоткуда не приезжали, а вышли из другой социальной среды той же Англии. И надо знать, что и Маркс и Энгельс об этом также говорили. Так, Маркс в письме Энгельсу от 14 XII 1855 г. иронически пишет, имея в виду посетившего его Э. Бауэра: «Английский язык «никуда не годен» — совершенно романизирован. Я утешил его [Э. Бауэра] тем, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что исландцы являются единственными истыми германцами, не затронутыми южной иностранщиной».

В свою очередь Энгельс, комментируя это насмешливое замечание Маркса касательно представления о языках посетившего его Э. Бауэра, дает изумительные не прогнозы, а анализы таких терминов, как греч. βασιλεύς 'царь', нем. König 'царь' и готск. sibya, англо-сакс. sib, др.-

верхне-герм. sippia, sippa 'родня', равно др.-сев. язык мн. ч. sifyar 'родственники', в единственном числе sif, «только как имя богини Sif». Это все оправдалось с избытком в том смысле, что не только все эти формы и значения с такими же соотношениями выявлены теперь палеонтологией речи и в других языках, но в самом немецком со словом Sif, именем богини, собственно тотемом, оказались увязанными и англ. «self» 'сам', и нем. «selb», 'сам', и нем. «Elfe», мифическое женское существо, с потрясающей сменой обозначаемых словами в образах и понятиях предметов. В этом смысле палеонтология речи, что исключительно важно отметить, уже предусмотрена самим Марксом с ударением на ее историчность в письме его от 25 III 1868 г. Энгельсу, где он пишет: «С человеческой историей происходит то же, что с палеонтологией. Вещи, лежащие под носом, принципиально, благодаря какой-то слепоте суждения, не замечаются даже самыми выдающимися умами. А потом, когда наступает время, удивляются тому, что замечают всюду следы тех явлений, которые раньше совсем не привлекали внимание». И вот в этой обстановке не удивительно, что Маркс говорил о потрясающих для педантов-профессоров сменах значений у слов, хотя он еще не знал то, что вскрыло новое учение об языке в этом отношении. Теперь понятно и то, когда он пишет в «Капитале»: «название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно так же и в денежных названиях фунт, талер, франк, дукат и т. д. изглаживается всякий след отношения стоимости» и т. д. [1] Тогда же было указано и на

[1] Капитал, т. I, стр. 54, 8-е изд. То же и в 1-м издании — Das Kapital, I, Hamburg, 1867 г., стр. 60. Специалист по тексту основоположника марксизма указал на ненадежность русского перевода в данном месте. Однако возможность понять в зависимости от подхода немецкий подлинник в двух различных смыслах, во-первых, не говорит о двусмысленности самого изложения и отнюдь не освобождает от долга понять чтение в правильном восприятии. Русский перевод действительно резко расходится с немецким подлинником в формальном выявлении мысли. В дословном переводе немецкий текст гласил бы: «название какой бы то ни было вещи совершенно чуждо ее природе и потому-то и преходит [замирает] в нем определение понятий. Я ровно [решительно] ничего не знаю об этом человеке, если я знаю [только то], что это некто [человек], называемый Яковом. Так же исчезает всякий след [взаимо]отношений ценностей в денежных [монетных] названиях фунт, талер, франк, дукат» и т. д., и т. д. («Der Name einer Sache ist ihrer Natur ganz äusserlich, und daher er lischt auch ihre Begriffsbestimmung in ihm. Ich weiss nichts vom Menschen, wenn ich weiss, dass ein Mensch Jakobus heisst. Ebenso verschwindet in den Geldnamen Pfund, Thaler, Franc, Dukat u. s. w. jede Spur des Wertverhältnisses»). Ведь, по этому пути формальной верности можно дойти до требования буквального перевода, что часто и предпочитается для облегчения не понимания, а труда переводчика, который таким путем думает ответственность с себя снять под заслоном непонятной абракадабры. Ведь, если бы итти всерьез до полной формальной передачи немецкого подлинника, то пришлось бы сохранить и особенности письма, где имена, а то порой и местоимения пишутся заглавными буквами (пожалуй, это еще с полбеды, да не без полезности для лежащего в основе этого фор-

то, что люди читают английский текст не соответствующим этим латинским буквам произношением потому, что читатели уже новые; социально сохранившие же прежний социальный быт доселе так и произносят, как написано.

Вот тут и понятно, почему не было замечено, какие тесные связи у турецкого языка с лидским. Ведь, царь их в VI в. до н. э. назывался Krös'ом, и Krös был тотем, предмет культа лидян, означавший различные предметы, не только 'глаза', 'очи', 'левый' и 'правый', но и 'волка', и 'палицу' или Геркулеса (Her + cul-ey + s), буквально 'дитя неба'. И более древний вид слова Krös это Kors ⟷ Kurs, смягченно Körs ⟷ Kürs и тур. kö-z 'глаз', тур. kur-t 'волк' → тур.-перс. kur-z 'палица' находят поддержку в серии имен древнейших мифических царей Лидии, времен, когда никакого еще «индоевропейского» греческого или латинского языка не существовало, никаких миграций ни оттоманской, ни сельджукской не было, а связи с турецким налицо, и это дает нам возможность по-новому читать не только лидские надписи, но и понимать и греческие, и латинские надписи не только в столице Лидии, но и в окружении, так, например, и в Пергаме. [1]

Энгельс в примечании к английскому переводу «Капитала» пишет: «Английский язык имеет то преимущество, что в нем существует два различных слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется work в противоположность labour; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется labour в противоположность work». Это опять-таки специально лингвистическая работа. Факт отмечен именно лингвистический и потому важный не только вообще для истории культуры, но прежде всего для любого конкретного языка. Но откуда он, этот лингви-

мального явления исторического наследия, ибо вначале имена все были тотемы, личные же местоимения возникли с функциею заместителей тотемов, в первую очередь показателей собственнических выявлений тотема). Но затем, в зависимости от ранней стадии фондовой системы немецкого, у немцев слова двузначимы, не дифференцированы четко 'имя' и 'название', 'вещь' и 'предмет' (Sache появляется в значении и Gegenstand) и т. п. Более того, äusserlich 'внешний' получает (хотя это считается и «устаревшим») значение äusser 'внешнего' в смысле чужого' → 'чуждого'. И едва ли есть надобность тут дать образчик такого точного перевода. Все сказанное, однако, вовсе не решает еще вопроса о данном месте, но не мне защищать авторов русского перевода или спорить с их оппонентами, и раньше хотелось бы располагать обоснованием их мыслей, исходящим от них же.

[1] Подробнее об этой существенной детали и увязке всех перечисленных исторически нараставших понятий в образах и слагавшихся мифах с героями и их аттрибутами, культом предков и тенями, призраками, видениями - снами, переходящими в литературные сюжеты в труде, подготовляемом к печати, — «О лингвистической поездке в Средиземноморье» (отчетное сообщение по командировке от ГАИМК по истории материальной культуры и увязанных с нею личных работах в Турции).

стический факт, взялся? Откуда взялись эти два слова? Какова их история? Это дело, казалось бы, филологов, но филологи этого вопроса никогда не ставили. Если вы поставите его им, ничего не могут они ответить, кроме разве констатирования факта, им (как им представляется) ненужного.

Это еще больше, казалось бы, дело лингвистов, но лингвисты историей языка занимаются лишь уже сложившегося и стабилизованного, т. е. без сдвигов и без подлинной истории, без учета того, как язык слагался и развивался в процессе смен его реальных внутренних факторов. Этот же «генетический» вопрос они считают неприемлемым всерьез, научно неисследуемым, чуждой им метафизикой, и европейская лингвистика старого мира, хотя и в новейшие дни, на этот вопрос ничего ответить по существу не может или отвечает известно чем: что «labour» происходит от лат. «labor», а при «work» запнутся или укажут на наличие нем. «Werk» [1] и т. д. И это несмотря на то, что технически подошли к освещению материалов, представленных в более чем достаточной мере, и даже приходят к положениям, не подлежащим сомнению, [2] напр., к тому, что «Werk» означает 'работу' и лишь разновидность «wirken» и связано с плетением, с ткацким делом, как «Wolf» 'волк' отожествляется с «lupus», «λύκος» и т. п. Но как и почему и с какого времени, это все неизвестно, как и то, что греческое ergon никак нельзя отожествить в звуковом отношении с «Werk», [3] ни λύκος с «Wolf» вовсе, даже с «lupus» в полной мере и т. д., и т. п. и что со словом «Arbeit» «вовсе не перевешивает первично (ursprünglich) представление о тяжком, обременительном» (почему, мол, страдание им выражалось порой) и целесоответственная работа, даже продукт также не возникает из страдания (H. Paul), как и из его противоположности, радости — искусство, художество. Мы не говорим уже о том, что в словах налицо весьма сложные, длительно нараставшие и в отношении формы образования. Так, напр., в «Arbeit» имеем три элемента. По отвлечении из них начального слога (элемента А), идеологического дифференциала, при космическом мировоззрении первобытного еще общества означавшего светило ('месяц + солнце', раньше до расщепления 'месяц', 'луну', затем 'солнце' и т. п.), получаем bey-t — некогда самостоятельное слово, а по снятии этого позднее наросшего стадиального ar (← har ⌒ sar, ср. арм. sar-dən ‖ груз. dedazardl 'паук') [4] остаток (двухэлементный ВС композит) не только связан с тем же нем. «Werk» и англ. «work», но выходит своими социальными увязками за пределы расово различаемых поныне языковых систем.

[1] H. Hirt, Etymologie der Neuhochdeutschen Sprache, 2-te Aufl., 1921 г., § 25, стр. 27

[2] H. Paul, Deutsches Wörterbuch, 3-te Aufl., 1921 г., s. v. H. Hirt, § 393, стр. 320.

[3] H. Hirt, § 31, стр. 46.

[4] Н. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 30—37.

И вот новое учение об языке отвечает на этот вопрос четко, поскольку (отметим попутно и это) выяснено, что, если, например, у русских, как у англичан, также имеем с дифференциацией производственных терминов 'работу' «work», «качественно определенный труд, создающий потребительные стоимости», и 'труд' «labour», «создающий стоимость и измеряемый лишь количественно», то у немцев одно выражение «Arbeit», ибо немецкий язык своей фондовой системой еще сохраняет диффузное состояние речи, не дающее так легко оторваться отвлеченным понятиям от материальной реальности.[1] В то же время в своем материальном выявлении столь близкий с английским «work» выпадает в отношении существа, смысла, из этого ряда того исторически неустранимого смысла, палеонтологически устанавливаемого, который ставит в необходимость англ. «work» сблизить не только с нем. «Werk» формально, но и с немецким и английским же «Wort» → «word» 'слово', уже по единству происхождения. И, несмотря опять-таки на богатый, но не уразумленный материал, и в новейшем издании этимологического словаря Kluge,[2] освещение дается по существу ложное, без ясных перспектив движения вперед, без подлинной истории в прошлом: достаточно отметить, что здесь не только опять-таки абсолютно антиисторическое навязывание слову «Arbeit» «первичного» значения — 'страдания', 'беспокойства', 'заботы' (Mühsal), но совершенно невозможное отожествление его с «др.-слав. rabŭ ‖ robŭ, и выдумывание праформы * orbŭ для значения 'раб', 'крепостной', при произведении от «раба» «работы» (!), да еще с привлечением сюда, к 'рабу', армянского a+rb-an-e-a+k без осознания весьма сложного развития этого армянского термина, представленного и в немецком, но совсем иным, именно возрастным термином, и без учета, что ra+b-ŭ ‖ ro+b-ŭ при забытом re+b-en-o+k, resp. -yon+o+k 'дитя', связан при своем основном двухэлементном (DB) составе с лат. «labor» и т. д., и льет воду на мельницу, где уже смолота мука, сводящаяся к тому, что не только мысль и слово, т. е. язык и мышление, но оба они вместе с производством составляют единство, и начальных корней вне трудового процесса можно искать, лишь идя вспять или застряв в темном тупике. Задача трудная, испытанная хорошо в процессе преодоления языкового материала и нами не раз, но и ошибочные наши в деталях ступени или пройденные в развитии чисто лингвистические работы строились все-таки прежде всего идеологически, так, в частности, и в отношении «раба», каковой в двух пробных таблицах семасиологического развития слова, исходя из 'зрелого в половом отношении юноши', доходит до крепостного,

[1] Н. Марр, Новый поворот в работе по яфетической теории, стр. 681; его же, Verba impersonalia, defectiva, auxiliaria.

[2] Fr. Kluge, Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, 11-te Aufl., 1930 г., s. v.

'раба' одновременно с его противоположностью — будет ли это 'рыцарь'— 'витязь' — 'вассал', [1] 'герой' или 'вассал-рыцарь' и т. п.

Осталась совершенно недосказанная, но уже разрешенная проблема технизации уже готовых теоретических положений о каждом конкретном языке. Однако в пределах Советского Союза это дело самих говорящих, на том или ином национальном языке, ибо помех самоопределению любой национальности и по языковому строительству у нас нет.

[1] Н. Марр, Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре», стр. XXXVI—XXXVII.

К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций

А. Г. ПРИГОЖИН

Всемирноисторические победы, одержанные пролетариатом нашей страны под руководством славной большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным, знаменуют собою величайший всемирно-исторический триумф марксизма. Только на основе марксистско-ленинской теории, которую наша партия сумела отстоять от всех и всяческих посягательств и поползновений, откуда бы и от кого бы они ни исходили, и положить ее в основу всей борьбы за социализм, мы могли добиться того, что СССР превратился в страну победоносного социализма, в «ударную бригаду мирового пролетариата» (Сталин). Главное в марксизме-ленинизме — учение о диктатуре пролетариата, которое тесно связано с наукой об общественно-экономических формациях, разработанной Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.

Учение Маркса — Ленина об общественно-экономических формациях — *основной вывод* материалистического понимания истории, «научного изучения истории, как единого закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса».[1] Концепция Маркса — Ленина об общественно-экономических формациях теснейшим образом увязана с марксистско-ленинской теорией общественных закономерностей.

1. Проблема общественных закономерностей

Исходя из того факта, что объективный мир представляет собою вечно движущуюся и развивающуюся материю, мы можем установить не только объективность существующих закономерностей природы, общества и мышления, но и раскрыть закономерность движения материи, как *специфическую* диалектическую закономерность. Материалистическая диалектика есть наука о всеобщих законах развития материи. Развитие общих зако-

[1] В. И. Ленин, Соч., изд. 2, т. XVIII, стр. 13.

номерностей мертвой природы, органической природы, общества и мышления на основе законов диалектики позволяет нам раскрыть связь этих отдельных областей между собой и, что особенно для нас важно, специфику общественных закономерностей. «Формой всеобщности в природе является закон», отмечает Энгельс в «Диалектике природы», и эта «всеобщность», взятая «в особенном» и далее «в единичном»,[1] отмечает собою принципы, на основе которых основные общие законы диалектики находят свое специфическое выражение в законах движения природы, общества и мышления. С этой точки зрения проявление общих закономерностей в развитии общества, как специфически *общественных* закономерностей, делает эти общественные закономерности по отношению к основным принципам диалектики — всеобщим закономерностям — частными закономерностями. Но эти частные по отношению к всеобщим закономерностям законы в свою очередь являются для общественного развития не чем иным, как общими закономерностями, или, вернее, *общими историческими* закономерностями. Задача Маркса, писал Энгельс, «сводилась к открытию тех *общих законов движения*, которые в качестве *господствующих* действуют в истории человеческого общества».[2] Общими законами движения человеческого общества являются законы возникновения, развития и уничтожения общественно-экономических формаций, по отношению к которым закономерности развития отдельных формаций в их конкретно-историческом проявлении выступают как *частные* закономерности. «Его научная цель, — писал рецензент «Капитала» по поводу метода, применяемого Марксом, — заключается в выявлении тех *частных* законов, которым подчиняются возникновение, существование, развитие, смерть данного социального организма и заменение его другим, высшим».[3]

Основными общественными закономерностями, лежащими в основе учения об общественно-экономических формациях, являются закономерности развития материального производства. «... Историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно, основу всей общественной жизни, — пишет Маркс, — а потому и всей действительной истории».[4] Но проблема исторических закономерностей может быть понята только в связи с тем обстоятельством, что мы имеем историю человеческого общества, историю, в которой действуют определенные коллективы людей, выступающие на известных ступенях человеческого раз-

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 353—354.

[2] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667. Подчеркнуто мной. *А. П.*

[3] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 8-е. послесловие к 2 изд., стр. XXII. Курсив мой. *А. П.*

[4] Там же, стр. 122, примеч. к 2-му изд.

вития как определенные классы, словом — что «история делается через людей». Эту особенность закономерностей общественного развития непосредственно подчеркивают Маркс и Энгельс. «Когда заходит речь об исследовании тех причин, от которых — сознательно или бессознательно — зависели побуждения исторических деятелей и которые были, стало быть, истинными последними причинами исторических событий, — пишет Энгельс, — то надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых замечательных, сколько те побуждения, которые приводят в движение *большие массы: целые народы или целые классы данного народа*». [1] Дальше Энгельс подчеркивает, что речь идет, понятно, не о кратковременных эпизодах, а о «продолжительных движениях, причиняющих великие исторические перемены». В связи с этим в задачу исследователя входит «искать те причины, которые ясно или неясно, непосредственно или в идеологической, может быть, даже в фантастической форме отражаются, как сознательные побуждения, в головах массы и ее вожаков». Это значит, по мнению Энгельса, «выступить на единственный путь, ведущий к познанию законов, господствующих в истории вообще и в ее отдельных периодах или в отдельных странах». [2] Этот единственный путь ведет к познанию законов развития материального производства, осуществляемого через человеческий коллектив.

Но раскрытие общих исторических закономерностей возможно только в процессе выяснения отдельных, связанных с этими закономерностями проблем. Прежде всего для нас имеет значение проблема производительных сил и производственных отношений. Проблема производительных сил и производственных отношений раскрывается как проблема диалектического единства, в котором производительные силы выступают как содержание (материальное производство), а производственные отношения — как форма — форма развития материального производства. Противоречия производительных сил и производственных отношений, выступающие, таким образом, как противоречия формы и содержания, разрешаются через конфликт, катастрофу — Zusammenbruch — социальную революцию. Именно исходя из этого анализа развития противоречий, Маркс и дал нам революционную многообразную теорию развития исторического процесса — «развития скачкообразного, катастрофического, революционного» (Ленин), которая противостоит всем буржуазным теориям линейного, эволюционного развития, не говоря уже о всяких «теориях», отрицающих вовсе внутренние законы развития.

Далее, проблема всеобщих закономерностей в развитии общества, а

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 669. Курсив мой. *А. П.*

[2] Там же.

именно — материального производства, и проблема участия людей в историческом процессе производства раскрываются в связи с проблемой всемирной истории. Мы имеем в основе истории процесс развития материального производства. Материальное производство непрерывно, и поскольку существует такая непрерывность материального производства, осуществляются связь и непрерывность человеческой истории. Маркс в письме к Анненкову от 28 декабря 1846 г. особенно ярко подчеркивает эту сторону вопроса: «Люди отнюдь не могут свободно распоряжаться *своими производительными силами* [подчеркнуто в оригинале. *А. П.*], которые являются базисом всей их истории... В силу того простого факта, что каждое последующее поколение получает в свое распоряжение производительные силы, которые завоеваны были предшествующим поколением и которые служат ему как бы сырым материалом для нового производства, — образуется преемственная связь истории людей, образуется история человечества...». [1] Но люди, наследуя производительные силы предыдущих поколений, в то же время не связаны формой их развития. В результате борьбы человеческого коллектива, борьбы классов, люди добиваются изменения той или иной «унаследованной» [traditionnelle] общественной формы производственных отношений. Таким образом, мы имеем у Маркса учение о непрерывности человеческой истории. Эта непрерывность, связь человеческой истории представляет собой *диалектическую* непрерывность, обусловленную тем, что процесс исторического развития идет, так сказать, «по спирали, а не по прямой линии», через «перерывы постепенности» (Ленин), что непрерывность и дискретность общественного развития взаимообусловлены. Ведь, «история идет часто скачками и зигзагами» — отмечает Энгельс. [2] Связь исторического развития, «связь, дающая единый закономерный мировой процесс движения» (Ленин), лежит в основе Марксовой концепции мировой истории.

Эта концепция всемирной истории рассматривает развитие человеческого общества как смену определенных прогрессивных ступеней, из которых каждая «последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе». [3] Взаимозависимость и взаимосвязь отдельных этапов исторического развития покоится на строгой детерминированности развития самой истории. Маркс рассматривает историю как единый мировой процесс движения и в связи с этим подчеркивает строгую обусловленность законов всемирноисторического процесса, как естественноисторического процесса. Для Маркса проблема всемирноисторического процесса раскры-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 284—285.

[2] Ф. Энгельс, Рецензия на работу К. Маркса «К критике политической экономии», К. Маркс, К критике политической экономии, 1933 г., стр. 208.

[3] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 31.

вается в связи с анализом закономерностей, определяющих взаимоотношения и взаимосвязь природы и общества.

Общество есть часть природы, но общество и природа не представляют собой тождества, а выражают собой единство противоположностей. В то время как в природе господствуют слепые, стихийно возникающие бессознательные силы, и «общие законы проявляются во взаимодействии этих сил» (Ф. Энгельс), общественные законы выявляются в сознательной деятельности людей: «в истории общества, — пишет Энгельс, — действуют люди, одаренные сознанием, движимые умыслом или страстью, ставящие себе определенные цели». Но эти различия в развитии природы и общества не изменяют того, что «ход истории определяется *внутренними общими* законами». [1] А в основе этих внутренних общих законов истории лежат закономерности развития материального производства.

Маркс и Ленин, показавшие, как многообразие общественных явлений в конечном счете сводится к процессу развития материального производства, подчеркивали строгую детерминированность законов общественного развития. Эта детерминированность, как закономерность, в то же время не означает фатализма с характерным для него отрицанием субъективного фактора в истории. Голому декларированию «неизбежности исторического процесса» Маркс и Ленин противопоставляли «исследование *действительных* общественных отношений и их *действительное* развитие». [2] В этом смысле Маркс рассматривает законы движения общества как естественные законы — Naturgesetz. Отсюда и анализ всемирной истории, рассматриваемой как естественноисторический процесс. Наконец, закономерности исторического процесса не могут быть поняты вне связи с проблемой логического и исторического.

Меньшевиствующий идеализм в лице Деборина и др. смешивал логическое и историческое, делая ударение на ту сторону указаний Маркса и Энгельса, которые подчеркивали, что логическое есть тоже историческое, но только лишенное своей исторической формы и нарушающих его случайностей.

Между тем Маркс и Энгельс предостерегали против смешения логического и исторического: хотя логическое представляет собой «зеркальное отражение исторического процесса», тем не менее это отражение выступает как «исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс». [3] Так, например, Маркс в введении «К критике политической экономии» считает недопустимым и ошибочным

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667. Курсив мой. *А. П.*

[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 282.

[3] Ф. Энгельс, Рецензия на работу К. Маркса «К критике политической экономии», стр. 208.

«брать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они стоят друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствующим последовательности исторического развития». [1]

Таковы основные положения марксистско-ленинского учения об общественных закономерностях. С учением о законах исторического развития тесно связана и теория общественно-экономических формаций. Ведь, конкретная историческая закономерность может быть раскрыта только в результате определения общества, как общественно-экономической формации.

2. Понятие общественно-экономической формации

Маркс и Энгельс сформулировали понятие общественно-экономической формации уже в «Немецкой идеологии», произведении, написанном в 1845—1846 гг. Выступая в этой работе уже не как «критические материалисты», а как «практические материалисты», т. е. диалектики-материалисты, Маркс и Энгельс развернули свою борьбу на два фронта: против гегельянской концепции истории — идеализма и метафизики Б. Бауэра и Макса Штирнера, с одной стороны, и против одностороннего «созерцательного» материализма Фейербаха — с другой. Таким образом, основоположники марксизма дали нам уже в «Немецкой идеологии» основные положения материалистического понимания истории, а вместе с ним основные положения учения об общественно-экономических формациях. Ведь, в «Немецкой идеологии», как правильно отмечает т. Адоратский, «новое мировоззрение [т. е. марксизм] впервые было изложено *с достаточной полнотой в своих основных чертах*». [2]

«Предпосылки, с которых мы начинаем, — пишут Маркс и Энгельс в этом произведении, — не произвольны, они — не догматы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью... Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих личностей» (перечеркнуто: «Первый *исторический* акт этих индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить *себе средства к существованию*»). [3]

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 33.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, предисловие, стр. XV. Курсив мой. *А. П.*
[3] Там же, стр. 10.

Делая, таким образом, исходным пунктом своих рассуждений факт общественного материального производства, Маркс и Энгельс обращают внимание на закономерную связь общественного и политического развития с развитием способа производства. Подчеркивая особенности выступающего в качестве «естественного» и «общественного» отношений производства жизни «как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения», Маркс и Энгельс приходят к формулировке определения способа производства: «Определенный способ производства или определенная промышленная ступень, — пишут они, — всегда связаны с определенным способом сотрудничества, с определенной общественной ступенью (и самый этот способ сотрудничества есть некая «производительная сила»)... совокупность доступных людям производительных сил обусловливает общественное состояние, и, следовательно... «историю человечества» всегда необходимо изучать и обрабатывать в связи с историей промышленности и обмена». [1]

Установив закономерную связь «способа производства или промышленной ступени» с определенной ступенью общественного развития, Маркс и Энгельс в качестве резюме дают свою концепцию истории, не оставляющую камня на камне от спекулятивно-идеалистических построений Бруно Бауэра и К°. «Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения, т. е. гражданское общество на его различных ступенях, как основу всей истории, а затем изобразить его [гражданского общества] деятельность в качестве государства, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д., и проследить процесс их возникновения из них [этих различных ступеней], благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие его различных сторон). Это понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе какую-нибудь категорию, а остается постоянно на *почве* действительной истории, не объясняет практику из идеи, а объясняет идейные формации из материальной практики, и в силу этого приходит к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в «самосознании» или превращением их в «привидения», «призраки», «блажь» и т. д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор». [2] И, чтобы окончательно разделаться с «высокопарными хвастли-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.

[2] Там же, стр. 28.

выми торговцами мыслями», каковыми являются Б. Бауэр, М. Штирнер и проч., Маркс и Энгельс прямо подчеркивают *революционный* характер своей концепции всемирной истории: «не критика, а *революция* — *движущая сила истории*, а также религии, философии и всякой иной теории». [1]

Наконец, уже в «Немецкой идеологии» эта концепция всемирной истории покоится на учении о разделении труда — о закономерной связи, существующей между «каждой ступенью разделения труда» и «взаимоотношениями индивидов в связи с материалом, орудием и продуктом труда». [2] Именно исходя из этого понимания разделения труда, Маркс и Энгельс сформулировали свое определение особенностей форм собственности, как имущественного выражения производственных отношений доклассового, античного и феодального общества.

Таким образом, в «Немецкой идеологии» мы видим, что основные положения учения об общественно-экономических формациях уже сформулированы Марксом и Энгельсом. Но они сформулированы были все же, как указывает Адоратский, лишь «в своих основных чертах»: отдельные формулировки в дальнейших работах основоположников марксизма подверглись уточнению. Так, например, в «Немецкой идеологии» говорится, что «со способом производства изменяется форма сношений, т. е. гражданского общества на его различных ступенях». Маркс и Энгельс для формулировки определения совокупности материальных условий жизни здесь пользуются термином «гражданское общество», взятым Гегелем у англичан и французов XVIII в. [3] В последующей разработке их концепции истории мы встречаем у Маркса и Энгельса более четкую формулировку определения способа производства, как совокупности производственных отношений, лежащих в основе общественно-экономических формаций.

Следующей работой, где эти формулировки подверглись некоторым уточнениям, явилось знаменитое, цитированное выше письмо Маркса к П. В. Анненкову, написанное под свежим впечатлением прудоновской «Философии нищеты». Маркс, иронизируя по поводу «печати германской философии», лежащей на работе Прудона, прежде всего подчеркивает преходящий исторический характер тех форм, в которых протекает процесс материального производства. Затем он обращает внимание на связь человеческой истории и на то обстоятельство, что с приобретением новых производительных сил люди изменяют и свой способ производства, а со способом производства они меняют все экономические отношения,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 28 Курсив мой. *А. П.*

[2] Там же, стр. 12.

[3] Ср. К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 42.

являющиеся необходимыми отношениями данного определенного способа производства. Руководящая идея письма — концепция истории, которая в основе своей содержит «великое историческое движение, зарождающееся на почве конфликта между уже завоеванными производительными силами людей и их общественными отношениями... ужасающие битвы, которые подготовляются между различными классами каждой нации и между различными нациями... практическое и насильственное действие масс... обширное, длительное и сложное движение». [1]

Дальнейшее развитие своей концепции исторического развития и вместе с ней учения об общественно-экономических формациях Маркс дает в «Нищете философии», вышедшей в 1847 г. «Господин Прудон-экономист очень хорошо понял, что люди выделывают сукно, полотно, шелковые ткани и проч. при определенных производственных отношениях. Но он не понял того, что эти определенные общественные отношения так же точно произведены людьми, как и полотно, лен и т. д. Общественные отношения тесно связаны с производительными силами... Те же самые люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно своему способу материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям. Таким образом, эти идеи, эти категории столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения. Они представляют собой *исторические и преходящие продукты*. Непрерывно совершается движение роста производительных сил, разрушение общественных отношений, возникновение идей...» [2]

В 1849 г. мы встречаем у Маркса в еще более систематизированной формулировке определение общественно-экономических формаций. Я имею в виду «Наемный труд и капитал». Подчеркивая, что в процессе производства люди вступают в определенные отношения не только к природе, но и друг к другу, Маркс устанавливает изменение общественных отношений производства одновременно с изменением материальных средств производства — производительных сил. Дальше он пишет: «*Отношения производства в своей совокупности образуют то, что* называют *общественными отношениями, обществом, образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития*, — общество с своеобразным отличительным характером». [3]

Здесь мы имеем уже полное определение общественно-экономических формаций. Вместо способа производства, правда, фигурирует здесь «общество с своеобразным отличительным характером»; зато, вместо «способа сношений» и связанного с ним «гражданского общества», мы имеем конкрет-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 292.

[2] К. Маркс, Нищета философии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 364. Курсив оригинала.

[3] К. Маркс, Наемный труд и капитал. Соч., т. V, стр. 429.

ную формулировку понятия трех общественно-экономических формаций: античной, феодальной и буржуазной.

Наконец, классическую формулировку понятия общественно-экономических формаций мы встречаем в знаменитых введении и предисловии к «К критике политической экономии»: «В общественном производстве своей жизни, — писал Маркс в начале 1852 г., — люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». [1]

Наконец, нельзя не отметить характеристику учения об общественно-экономических формациях, данную Энгельсом в 1883 г. в речи на могиле Маркса. «Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями простой факт, что люди должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, — прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств существования и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они поэтому должны быть объяснены».

Помимо отмеченных выше двух формулировок Маркса и Энгельса — из предисловия к «К критике» и речи Энгельса — в произведениях Маркса и Энгельса мы имеем, понятно, еще много формулировок, характеризующих понятие общественно-экономической формации. Приведенные здесь формулировки важны для нас как наиболее законченные и выраженные в наиболее отчетливой форме. Эти формулировки дают нам понятие общественно-экономической формации, характерное для всех формаций: для доклассового общества, антагонистических классовых формаций и для бесклассового общества. Как увидим далее, для всех этих видов общественно-экономических формаций Маркс и Энгельс, помимо общих закономерностей, характерных для понятия общественно-экономической фор-

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 42—43.

мации, дают указания еще на ряд специфических, особых закономерностей, устанавливаемых на основе присущей каждой формации особой, частной формы движения. И это раскрытие специфических для каждой формации законов движения занимает, как увидим, *центральное место* в учении об общественно-экономических формациях.

В качестве введения к теме пришлось говорить о понятии общественно-экономической формации, хотя марксизм-ленинизм в первую очередь рассматривает *общество на определенной ступени развития* и имеет дело со специфическими, *присущими каждой стадии общества формами движения*. Именно эту сторону в анализе закономерностей общественно-экономических формаций особенно подчеркивает Ленин. Ленинская характеристика общественно-экономических формаций является не простым пересказом основных положений Маркса и Энгельса, а *дальнейшей разработкой* марксистского учения о формациях. Общественно-экономическими формациями Ленин считал «совокупность данных производственных отношений», [1] конкретный исторически определенный строй «материальных жизненных отношений», [2] включающий в себя не только отношения людей «к материалу, орудию и продукту труда», но и отношения людей «в общественно организованном процессе производства», [3] отношения «весьма сложные и запутанные», [4] но сведенные Марксом к точно определяемым «условиям жизни и производства различных *классов*[5] общества».

Таким образом, подчеркивает Ленин, общественно-экономическая формация представляет собой «живой, находящийся в постоянном развитии» особый социальный «организм», [6] находящийся всегда на конкретной исторически определенной ступени развития, «имеющий особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм». [7]

Ленинское уточнение, несомненно, дает нам возможность окончательно сформулировать понятие общественно-экономической формации и покончить, таким образом, со всякого рода «теориями», отрицающими наличие в марксизме-ленинизме законченных формулировок понятия общественно-экономических формаций. [8] Общественно-экономическая формация представляет собою определенную социально-экономическую систему, в основе

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 63.
[2] Там же, стр. 59 и 70.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 28.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 106.
[5] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 13.
[6] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 82.
[7] Там же, стр. 284.
[8] См., например, дискуссию о книге Дубровского в ИКП — «Против механистических тенденций в исторической науке», где в речах отдельных ораторов проскальзывали такие нотки необоснованного скептицизма.

которой лежит господствующий способ производства. Этот способ производства, как совокупность производственных отношений, образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается целая система надстроек. Но это определение общественно-экономической формации выражает лишь общие закономерности развития всех формаций и представляет собой, таким образом, лишь теоретическую абстракцию. Марксизм-ленинизм, как я уже указывал, требует раскрытия закономерностей каждой формации, как специфических закономерностей, отражающих специфику форм движения для каждой ступени общества.

Эту задачу мы можем выполнить лишь в результате дальнейшего анализа. Прежде всего требует своего раскрытия понятие способа производства вообще и господствующего способа производства в частности.

В связи с учением о способе производства необходимо подчеркнуть, что мы у Маркса имеем две формулировки: прежде всего способ производства характеризуется как совокупность определенных производственных отношений; вместе с тем способ производства определяется как способ соединения рабочей силы и средств производства. Эти обе формулировки исходят из того факта, что всякий способ производства выражает специфическую форму единства производительных сил и производственных отношений. Конкретный анализ работ Маркса и Энгельса показывает, что формулировкой, подчеркивающей способ соединения рабочей силы и средств производства, они чаще всего пользуются, когда исследуют какое-либо антагонистическое общество.

Содержание способов производства для каждого общества раскрывается определенной стадией в развитии самого общества. Маркс, рассматривая общественный процесс с всемирноисторической точки зрения, исходит из того факта, что самый процесс исторического развития прошел три основных стадии: первая стадия — доклассовое общество, вторая стадия — эпоха антагонистических формаций и, наконец, последняя стадия — бесклассовое общество. Понять своеобразие способов производства для каждой из этих ступеней мы можем в результате установления закономерностей, определяющих отношения, существующие между формацией, способом производства и укладом. Эту закономерность легче всего вскрыть путем анализа антагонистической общественной формации.

Способ производства представляет собою определенную совокупность производственных отношений, выступающую в диалектическом единстве с производительными силами; но отсюда вовсе *не следует*, что эта совокупность во всех конкретных обществах представляет собою *однородную* совокупность производственных отношений. Больше того, мы можем сказать, что эта совокупность, за исключением первичной стадии доклассового общества — эпохи становления первобытнокоммунистического способа производства — и за исключением последней стадии бесклассового

общества — развернутого коммунизма, — представляет собой *неоднородную* совокупность производственных отношений.

Поскольку мы имеем непрерывный процесс развития материального производства, постольку, естественным образом, мы имеем для каждой данной ступени развития общества, за исключением особо оговоренных выше стадий, совокупности производственных отношений, которые содержат в себе *остатки* прошлых способов производства — способов производства, которые могли в прошлых формациях господствовать, *и* вместе с тем *зародыши* тех способов производства, которые в своем развитии могут превратиться в новые способы производства, господствующие на последующей стадии. На эти остатки прошлых формаций и зародыши новых способов производства, сосуществующие в борьбе (или иной раз мирно) с господствующим способом производства, прямо указывает Маркс при анализе капиталистического способа производства. «Категории, выражающие его [буржуазного общества. *А. П.*] отношения, понимание его структуры [Gliederung], дают вместе с тем возможность проникновения в строение и производственные отношения всех *отжившихх* общественных форм, из *обломков* и *элементов* которых оно строится, частью продолжая *влачить за собой их остатки*, которые оно не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде *намека*».[1]

То, что верно для капитализма и предшествующих формаций, то, в основном, остается верным и для отношений других антагонистических формаций между собой.

По вопросу об укладе и формации среди историков-марксистов существовала и существует порядочная путаница. Одни из них, как, например, Дубровский, так и не смогли разрешить вопроса, связанного с отношениями между формацией и укладом, то отожествляя формацию с укладом, то идентифицируя уклад и способ производства. Эту ошибку в известной степени повторил и Минц на докладе Ефимова о социально-экономических формациях в Обществе историков-марксистов.[2] Другие, избежав ошибок т. Дубровского, ограничивались указанием, что уклад представляет собой остаток прежних формаций и зародыш будущих. Но такое определение явно недостаточно. Мы не можем при анализе уклада пренебречь таким чрезвычайно важным моментом в понимании уклада, как то обстоятельство, что уклад представляет собою определенную ступень в развитии самого способа производства. В самом деле, если в феодальном обществе возникает капиталистический способ производства, то он возникает первоначально в виде уклада, и в качестве такового он представляет собой лишь определенную ступень развития капиталистического способа произ-

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 30—31. Курсив всюду мой. *А. П.*

[2] «Историк-марксист», 1930 г., № 16, стр. 151.

водства. Или, например, при переходе от антагонистической формации к бесклассовому обществу мы можем отметить, что социалистические производственные отношения, не вызревающие в недрах капитализма, а появляющиеся лишь в связи с пролетарской Октябрьской революцией, проявляются первоначально как социалистический уклад — ведущий уклад, — который лишь в процессе дальнейшей борьбы за социализм превращается в господствующий социалистический способ производства. Пять укладов, характеризующие, как отмечал Ленин, экономику переходного периода, также в свое время были господствующими способами производства, или им предстояло, как социалистическому, господствовать.

В связи с разрешением проблемы: формация — способ производства и уклад, мы можем перейти далее к уяснению дальнейшей специфики отдельных формаций. Логически удобнее всего начать с антагонистических формаций.

Когда мы подходим к анализу антагонистических формаций, мы должны подчеркнуть еще одну их специфическую особенность: мы имеем в основе их не просто господствующий способ производства, а господствующий *антагонистический* способ производства. Он образуется прежде всего на основе антагонистического распределения производительных сил, которое имеет своей базой монопольное владение орудиями и средствами производства одной части общества и превращение остальной части общества в истинных производителей, попадающих в ту или иную форму зависимости от класса-монополиста. Эта система господства и подчинения предопределяет наличие в обществе определенной, присущей ему *формы эксплуатации*. Господствующий в антагонистическом обществе способ производства находится с соответствующим ему способом эксплуатации в диалектическом единстве. А на нем основывается весь процесс формирования экономической структуры общества — реальный базис, на котором возвышаются государство и целая система классовых надстроек. Ведь, для антагонистического способа производства мы имеем не просто совокупность производственных отношений, а совокупность *классовых* производственных отношений. Таким образом, понятие общественно-экономических формаций для антагонистических обществ отличается рядом специфических черт, которые мы должны внести в прежние формулировки. У Маркса во 2 части III тома «Капитала» мы имеем классическую формулировку, характерную для антагонистической формации:

«Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основывается весь процесс формирования экономической структуры общества, вырастающей

из самих производственных отношений, и вместе с тем его специфическая политическая форма. [1] Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а, следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства». [2]

Специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственного производителя, определяет отношения господства и подчинения и определяет антагонистический характер господствующего в классовом обществе способа производства.

Дальнейший анализ антагонистических формаций требует раскрытия специфических закономерностей каждого классового общества, количества антагонистических формаций, существовавших и могущих существовать в процессе исторического развития, и, наконец, последовательности отдельных формаций в их развитии.

В «Немецкой идеологии» и «Наемном труде и капитале» мы имеем указание на существование трех классовых формаций: античной, феодальной и буржуазной. А в введении и предисловии к «К критике политической экономии» мы имеем выделение Марксом особенностей «восточного общества». Так, например, в введении к «Критике» Маркс подчеркивает, что «буржуазная экономия лишь тогда подошла к пониманию феодального, античного и восточного общества, когда началась самокритика буржуазного общества». [3] А в предисловии к тому же произведению мы встречаемся с знаменитым местом у Маркса, которое, следуя Ленину, а не так, как у нас напечатано в изданиях ИМЭЛ, надо читать: «В общих чертах азиат-

[1] В оригинале идет вопрос о «Gemeinwesen» — слово, которое у нас в изданиях «Капитала» обычно переводится как «структура экономического общества»; что означает «структура экономического общества», откровенно говоря, никто до сих пор толком не объяснил. Между тем речь идет об экономической структуре общества. Дальше у Маркса говорится о политической форме, вырастающей из экономической структуры, а не о «специфической экономической структуре», вырастающей из отношений производства, как это напечатано в переводе «Капитала». Эти грубейшие ошибки легко обнаружить, сверив с пятым энгельсовским изданием «Kapital», т. III, ч. 2, под ред. Энгельса, стр. 324, где сказано: «Hierauf aber gründet sich die ganze Gestaltung des ökonomischen, aus der Produktionsverhältnissen selbst hervorwachsenden *Gemeinwesens*, und damit zugleich seine spezifische *politische* Form». Курсив мой. *А. П.* См. статью Ф. В. Кипарисова «Как Партиздат и Соцэкгиз издают «Капитал» Маркса», «Правда», ЦО, от 16 II 1933 г., № 46/5572.

[3] К. Маркс, Капитал, изд. 8-е, т. III, ч. 2, стр. 570.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 31.

ские, античные, феодальные и новейшие буржуазные производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества». [1] В связи с тем, что Маркс подчеркивает специфику восточного общества, возникло даже, как известно, среди историков-марксистов целое направление — сторонников «азиатского» способа производства, лежавшего будто бы в основе специфической «азиатской формации». При обсуждении этой проблемы нередко доказательства в пользу того или иного толкования шли в плоскости противопоставления цитат: за три или четыре формации. Естественно, что дискуссия, которая опирается только на жонглирование определенными цитатами, не может разрешить нашей проблемы. Мы имеем другой способ доказательства, и более важный.

Если мы вспомним, что в основе господствующего способа производства в антагонистическом обществе лежит специфическая форма соединения рабочей силы и средств производства и что каждому из этих способов производства соответствует определенный способ эксплуатации, то мы увидим, что в историческом развитии существовали лишь *три* антагонистические формы соединения рабочей силы и средств производства: рабство, крепостничество и капитализм, которым соответствовали лишь три формы способов эксплуатации.

В самом деле, простейшей и элементарнейшей антагонистической формой соединения рабочей силы и средств производства являлась та форма, при которой рабочая сила выступала одновременно как средство труда, — система, которая вытекала из простейшей формы аппроприации личности, — *рабство*. Более высокая форма соединения рабочей силы со средствами производства выступала тогда, когда истинный производитель, несмотря на наличие у него орудий и средств производства, подгоняемый внеэкономическим принуждением со стороны монополистов в области реального базиса производства — земли, должен был в качестве «принадлежности» к последней лишь осваивать находящуюся у него землю и отдавать господствующему классу не только добавочный, но и часть необходимого продукта, — *крепостничество*.

И наконец, способ соединения рабочей силы и средств производства, вытекающий из имманентного капиталистическому способу производства антагонизма между рабочим, свободно продающим единственно принадлежащий ему товар — рабочую силу, и капиталистом, собственником общественных средств производства,—антагонизма, вытекающего из общественного характера производства и частного способа присвоения. Поскольку, таким образом, имели место только три формы, и четвертой формы быть не могло, постольку о какой-либо четвертой форме — «азиатской» или ка-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 60; ср. К. Маркс, К критике политической экономии, изд. 1933 г., стр. 43.

кой-либо другой — мы для классовых обществ говорить не можем.[1]

Таковы основные закономерности, определяющие развитие антагонистических общественно-экономических формаций. Но этот анализ для нас является недостаточным, ибо марксизм-ленинизм, как сказано, требует выявления специфических для каждой конкретной антагонистической общественной формации форм движения.

Прежде чем перейти к раскрытию этих специфических закономерностей, необходимо остановиться на тех извращениях в учении об общественно-экономических формациях, какие существуют в исторической литературе, несмотря на ряд проведенных историками-марксистами дискуссий. Эти извращения марксизма-ленинизма в таком кардинальнейшем вопросе теории истории являются, несомненно, данью социал-фашистским и всякого рода оппортунистическим извращениям. Этим только и можно объяснить их проникновение в советскую литературу.

Всякие антимарксистские и ревизионистские извращения в учении об общественно-экономических формациях прежде всего имеют своим источником социал-фашистскую историографию. Кунов и Каутский вовсе отрицают понятие общественно-экономической формации. Кунов, правда, готов признать наличие общественных закономерностей, но в качестве основной исторической закономерности он выдвигает лишь географическую среду; расширяя таким образом пределы влияния естественных условий, он подменяет законы возникновения, развития и уничтожения общественно-экономических формаций и объясняет особенности в развитии отдельных ступеней человеческого общества географическим фактором. Каутский, особенно в его последнем откровении «Война и демократия»,[2] приглашает вовсе абстрагироваться от проблемы классовой борьбы и эксплуатации и объявляет все докапиталистические формации «нерациональными»; по мнению Каутского, источником появления всех докапиталистических формаций служит война, голое насилие, которые затем предопределяют закономерности развития этих обществ. В этих условиях все докапиталистические общества — «нерациональны». Отсюда Каутский делает вывод, что нельзя говорить о прогрессивности исторического развития до тех пор, пока общество не вступило в стадию капитализма. Для апологета капитализма, для махрового социал-фашиста Каутского такая концепция чрезвычайно характерна.

Помимо этих социал-фашистских концепций, мы имеем антимарксистское понимание общественно-экономической формации у Богданова. Он делит общественно-экономическое развитие на три «основных типа»: простое натуральное хозяйство, меновое хозяйство и объединенное натуральное хозяйство.

[1] Более подробно об «азиатском» способе производства см. соответствующий раздел.

[2] K. Kautsky, Krieg und Demokratie. Erstes Buch «Revolutionskriege», 1932 г.

Несомненно, ревизией марксизма является плехановская трактовка теории исторического развития, которая сводит своеобразие исторического развития и особенности отдельных ступеней общественного процесса к географической среде. Сюда надо присоединить струвистский «объективизм» и даже фатализм в анализе закономерностей исторического развития и связанное с ним полное отрицание субъективного развития в истории. Характерно, что в основных работах Плеханова, как «Основные вопросы марксизма» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вовсе не говорится о теории общественно-экономических формаций.

Контрреволюционный троцкизм также отрицает учение Маркса — Ленина об общественно-экономических формациях. В троцкистской трактовке исторических закономерностей место детерминированных законов развития общества занимают субъективно-идеалистические концепции — психологизма и волюнтаризма, между прочим, имеющие своим источником, вслед за социал-фашистом Максом Адлером, разрыв материалистического понимания истории и диалектического материализма; таким образом, в троцкистской концепции истории нет места для марксистско-ленинского понимания общественно-экономических формаций.

Извращения в области теории истории правооппортунистического порядка имеют своим источником богдановско-бухаринскую методологию истории. Тов. Бухарин, толкующий об обществе как о «широкой системе взаимодействия, обнимающего все длительные взаимодействия между людьми» и видящий в теории равновесия единственную общественную закономерность, стоит на почве натуралистическо-технической концепции производительных сил и рассматривает производственные отношения как пассивный рефлекс производительных сил. В этих условиях бухаринская концепция чужда научному пониманию закономерностей общественно-экономических формаций; вместо него Бухарин выдвигает пресловутый «закон трудовых затрат» и рассматривает общество как механическую сумму самостоятельных внешне соприкасающихся отраслей хозяйства. «Теория Бухарина, — как отметил т. Стецкий, — закон которого по существу является самой тощей абстракцией, некий общий закон, который якобы действителен и для капитализма, и для социализма, и для всех других общественных формаций, — представляет из себя самую отвратительную отрыжку буржуазной политической экономии». [1]

Именно на основе бухаринско-богдановской методологии т. Дубровский и сконструировал свою знаменитую «теорию» о 10 общественных формациях, где патриархальный строй и крепостничество, переходный период и, наконец, социализм представляют собой отдельные формации. Поскольку т. Дубровский признает, что между одной и другой формациями

[1] А. Стецкий, Пролетарская диктатура и экономическая теория, Ц. О. «Правда» от 29 III 1933 г.

лежит революция, его теория означает, что, прежде чем мы придем к коммунистическому обществу, нужна будет еще одна революция, помимо Октябрьской революции. Таким образом, Дубровский объективно способствовал контрреволюционным теориям, которые выступают на борьбу против нашей партии. Эти «открытия» Дубровского не являются случайностью, поскольку его концепция полностью построена на богдановско-бухаринской методологии: у него даже проблема производственных отношений есть проблема «расстановки людей в процессе производства».

Помимо этих извращений следует отметить оппортунистические извращения, связанные с меньшевистствующим идеализмом. У представителей последнего мы имеем попытки сконструировать общее понятие о формациях на основе идеалистической гегельянской схемы абстрактного производства и воспроизводства (Тымянский), попытки объявления общественно-экономических формаций общим понятием для совершенно различных вещей (Карев). Нет никакого сомнения, что меньшевистствующий идеализм служит и в истории для обоснования право-левацких концепций.

Наконец, мы имеем утверждение, что Маркс несколько раз пересматривал свою концепцию общественной формации. Наиболее ярким примером может служить А. Ефимов, который в своем докладе «Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса» не только неправильно отожествлял формацию со способом производства, но и утверждал, что «взгляд Маркса и Энгельса на классовую структуру восточных обществ [а значит и на учение о формациях. *А. П.*] претерпевал весьма значительные изменения в разные периоды их жизни».[1] В том же духе толковал и А. В. Шмидт в работе о «Развитии взглядов Маркса на первобытное общество».[2] Нельзя также не отметить, что нередко «оригинальничание» также приводит к извращениям. Для некоторых истматчиков, например, теория общественно-экономических формаций является логикой общественного развития. Между тем, если уже есть потребность в каком-либо лапидарном определении теории формации (потребность, кстати сказать, весьма сомнительная, поскольку ленинская формулировка в этом отношении исчерпывающая), то и нужно было бы со всей четкостью сказать, что в данном случае речь идет о *диалектике*, как логике общественного развития и теории познания общественных наук, ибо диалектика есть логика и теория познания марксизма. «Если Маркс не оставил *Логики* (с большой буквы), то он оставил, — указывает Ленин, — *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория материализма (не надо трех слов: это одно и то же), взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед».[3]

[1] «Историк-марксист» № 16, 1930 г., стр. 131.
[2] Известия ГАИМК, 1931 г., т. XI, вып. 5-6.
[3] XII Ленинский сборник, стр. 291—292.

Таковы основные виды извращений концепции общественно-экономических формаций. Перейдем теперь к анализу закономерностей отдельных формаций.

3. Основные проблемы доклассового общества

Прежде всего, в основе доклассового общества, или, как Маркс позднее называл, «архаической формации», лежал определенный способ производства: общинный или первобытнокоммунистический способ производства, который имел своей основой «единство между рабочим и средствами производства», [1] единство [в оригинале: Identität [2]] труда и собственности [3] и выражался в единстве земледельческого и ремесленного труда в его натуральной конкретной форме. [4] Первобытнокоммунистическому способу производства соответствовали обобществленный труд, коллективная организация производственного процесса и коллективная собственность. [5] Основным противоречием доклассовой формации было противоречие между коммунистическими производственными отношениями и разрывом между трудом и собственностью, на основе которого идет процесс развития производительных сил. Это противоречие между трудом и собственностью, противоречие, развивающееся в сторону отделения рабочей силы от средств производства, приводит в конечном счете к превращению его в антагонизм и, таким образом, к гибели доклассового общества, к переходу общества на стадию антагонистических формаций. Первобытнокоммунистическая собственность с самого начала выступает как форма развития первобытнокоммунистических производительных сил, и только при определенном уровне их развития эта форма превращается в их оковы.

Архаическая формация в своем развитии прошла в основном три стадии, соответствующие процессу становления первобытнокоммунистического способа производства, его утверждения и упадка: 1) общество так наз. *дородовое*, или «первобытное стадо» (Ленин); 2) общество родовое, или «первобытную коммуну» [6] (Ленин), и 3) сельскую общину. Этим основным стадиям в развитии архаической формации соответствовали *уровень* развития господствовавшего в доклассовом обществе способа производства, а вместе с тем и определенный *этап* в развитии отмеченного выше основного противоречия. Естественно, что каждая из указанных выше ступеней

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, изд. 1932 г., т. III, стр. 308.

[2] «Die Scheidung zwischen Eigentum und Arbeit wird zur notwendigen Konsequenz eines Gesetzes, das scheinbar von i h r e r I d e n t i t ä t a u s g i n g» (Das Kapital, Erstes Band, Buch I, S. 612, 1932, Moskau).

[3] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 270, 459. Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 308.

[4] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 303.

[5] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 36, 167, 270 и др.

[6] Письмо Ленина к Горькому, I Ленинский сборник, стр. 158.

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

является лишь подготовительным этапом для последующей, и каждая последующая рассматривает предыдущую как ступень к самой себе. «Архаическое образование общества вскрывает перед нами ряд различных типов, отмечающих собой последовательные эпохи».[1]

Перейдем теперь к анализу отдельных этапов архаического общества.

Дородовое состояние первобытного общества, или «первобытное стадо» — эпоха становления архаической формации, — характеризовалось в области организации производства тем, что человеческий коллектив перешел из начальных форм случайной охоты к организованной охоте и систематическому постоянному рыболовству. Труд людей, рассматриваемый как общественно-производительная сила, развивался от простого сотрудничества, ограниченного поддержкой друг друга в охоте и поддержкой людьми одной группы людей другой, в систему организации, находившуюся под воздействием общественного разделения труда, проявлявшегося пока еще в примитивной возрастно-половой форме. Организованная охота и постоянное рыболовство строились уже на основе развития примитивной формы кооперации. Таким образом, процесс становления первобытнокоммунистического способа производства выразился в прогрессе производства, прошедшего путь от стадии простого сотрудничества и отсутствия какого-либо разделения труда, за исключением чисто физиологического, к более высокой ступени, связанной с кооперацией.

Соответственно этому изменению уровня развития производства развивался и процесс разделения труда, обозначавший вместе с тем прогресс в развитии общества.

Если на начальных стадиях дородового общества мы имели разделение труда в примитивной возрастно-половой форме («разделение труда в половом акте, разделение труда, совершающееся само собой или естественно благодаря природным задаткам, — например, телесная сила, потребности, случайности и т. д.», как указывают Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»), то в период дальнейшего становления первобытнокоммунистического способа производства мы имеем в результате поло-возрастного разделения труда уже выделение вождей и старейшин, как необходимое последствие усовершенствованных методов организованной охоты и постоянного рыболовства.

Посмотрим теперь, как на этой стадии выглядят первобытнокоммунистический способ производства и характерная для данной стадии общества форма основного противоречия.

Уровень развития способа производства выражался в совокупности *однородных*, т. е. первобытнокоммунистических, производственных отношений. Но вместе с тем становление первобытнокоммунистического способа производства обнаруживает уже отдельные черты основного противо-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 281.

речия доклассового общества. Хотя выделение вождей и старейшин внутри общества, как результат проявления закономерности возникновения и развития общественного разделения труда, совместимо с первобытнокоммунистическим способом производства, тем не менее зачатки дифференциации общества, развивающиеся первоначально на основе натуральной формы разделения труда, уже содержат в *себе зародыши будущего разрыва того единства труда и собственности*, которое являлось основой единства рабочей силы и средств производства. *Совместимость отнюдь не означает существования и развития на основе отсутствия всяких противоречий.* Дальнейший прогресс общества лежал по линии расширения существующего в семье натурального разделения труда, выхода его за пределы семьи и, таким образом, разрыва с его натуральной формой и дальнейшей дифференциации первобытного общества. Марксистско-ленинский анализ требует отметить эти зародыши основного противоречия доклассового общества даже в эпоху его становления хотя бы ценой тех «ложных антиципаций», к которым неоднократно прибегал Маркс для того, чтобы теоретически обосновать зарождение новых отношений в старых. Совершенно естественно, что развивающиеся внутренние противоречия доклассового общества не вырастают в антагонизм: с появлением антагонистических противоречий общество выходит за пределы архаической формации. Своеобразие противоречий первобытного общества состоит в том, что они зарождаются в результате диалектики первобытного социально-экономического равенства. Диалектика эта раскрывается в том, что, несмотря на единство интересов первобытных общинников [1] и первоначальное равенство при распределении продуктов производства, [2] вернее вследствие *первобытности* этого равенства, создаются предпосылки для неравенства, для разъединения интересов первобытных общинников — для развития внутренних противоречий. «Родовой строй, — пишет Энгельс, — вырос из общества, не знавшего никаких внутренних антагонизмов». [3]

Развитие первобытнокоммунистического способа производства из стадии становления в стадию своего утверждения связано уже с переходом общества из стадии дородового состояния в развитой родовой строй, из «дикого состояния» к состоянию «варварства». [4]

Маркс и Энгельс дали нам характеристику родовой организации как развернутой системы первобытного коммунизма. Вместо охоты, связанной

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, изд. 1932 г., стр. 159—160.

[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 150.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 170. В русском издании неправильно переведено «Gegensätze» — «противоречий» вместо «антагонизма». Как будто общество может развиваться при отсутствии противоречий!

[4] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 159.

с постоянным рыболовством, производство родового общества развивается на основе мотыжного земледелия, сочетаемого с ранними формами скотоводства. Общество на этой стадии развивается, как правило, на основе расширенного воспроизводства, причем прибавочный продукт является уже не чем иным, как условием существования самого общества.

Система производственных отношений родового общества особенно ярко выступает в связи с учением Маркса — Энгельса о племенной собственности. «Первая форма собственности, это — *племенная* собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенной земли. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается *дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда*. Поэтому общественное расчленение ограничивается лишь расширением семьи: *патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы*. Имеющееся в скрытом виде в семье рабство развивается лишь постепенно с ростом населения и потребностей и с расширением внешних сношений в виде войны и меновой торговли». [1] С другой стороны, нельзя забывать другого замечания Энгельса, сделанного к 3-му изданию «Капитала» о том, что «племя было первоначальной естественной формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве».

Несомненно, что связанная с племенной собственностью система производственных отношений охватывает не только первичную ступень начала родового общества, но и стадию разложения его: племенное образование с рабством выступает как более высокая форма развития общества. Характеристику родового строя Маркс и Энгельс дают в ряде других своих произведений. Во втором черновике своего письма к В. Засулич Маркс, рассматривая отличия сельской общины от более древних общин, т. е. родовых общин, писал: «...общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Структура этих организмов есть структура генеалогического дерева... Общий дом и коллективное жилище были... экономической основой более древних общин уже во времена, далеко предшествовавшие установлению пастушеской и земледельческой жизни... Работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления». [2]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 12. Курсив мой *А. П.*

[2] Третий черновик письма К. Маркса к В. Засулич, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284.

Таким образом, родовой строй объединяет человеческий коллектив на основе кровного родства. В основе социально-экономической структуры лежат общее жилище и коллективное производство, вырастающее из общей собственности на землю. Коллективная собственность на основные средства производства — землю — образует «естественную основу коллективного производства и присвоения» и, таким образом, «первобытный тип кооперативного или коллективного производства». [1] Система первобытного коммунизма, достигающая в родовом строе своего высшего развития, определяется тем, что «то, что делается и используется сообща, является общею собственностью». [2] Система первобытного коммунизма представляла собой, несмотря на низкий уровень развития техники (мотыжное земледелие, пастушеское скотоводство), «картину планомерной и авторитарной организации общественного труда». [3] Эта планомерная организация коллективного общественного труда по сравнению с капиталистической системой производства может вызвать лишь удивление.

Так выглядела первобытнокоммунистическая система общества. Посмотрим теперь, какими внутренними закономерностями определялись господство и расцвет первобытнокоммунистического способа производства.

Если вообще можно отделить эпоху становления от эпохи утверждения архаического общества, то первобытный коммунизм получил уже в наследство от предыдущего периода систему вождей и старейшин, на обязанности которых лежало регулирование системы коллективного производства и распределения. Хотя, таким образом, разделение труда характеризовалось лишь дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда, тем не менее мы видим не только разделение труда внутри общины, но и разделение труда между общинами. «Обмен продуктов возникает в тех пунктах, — указывает Маркс, — где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, ибо в начале человеческой культуры не отдельные индивиды, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношения как самостоятельные единицы». [4] Однако прогресс общества толкал к дальнейшему разделению труда и выходу его за пределы натурального разделения труда. И в этих условиях мы имели патриархальных глав племен, подчиненных им членов племени и, наконец, рабов.

Это общественное расчленение, выросшее из естественного разделения труда в семье, представляет собой, тем не менее, для системы первобытнокоммунистических отношений *противоречивый* процесс. Выделение глав племен, подчинение им общинников и патриархальное рабство совместимы

[1] Первый черновик письма к В. Засулич, Архив, т. I, стр. 272.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 269.
[3] Ф. Энгельс Происхождение семьи, стр. 160.
[4] К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 265.

с первобытнокоммунистическим способом производства, но вместе с тем они ведут к «распадению общества на отдельные противостоящие друг другу семьи» и «неравному, как количественно, так и качественно, распределению труда и их продуктов». [1] А примитивное и даже скрытое в семье рабство дает возможность «распоряжаться чужой рабочей силой». [2] Так «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом». [3]

В этих условиях первобытнокоммунистическому способу производства уже в эпоху родового строя соответствовала совокупность *неоднородных* производственных отношений: наряду с чисто первобытнокоммунистическими производственными отношениями развивались и производственные отношения, выражавшие противоречивые тенденции. Так основное противоречие архаической формации — отделение труда от собственности, расщепление прежнего единства рабочей силы и средств производства — сделало в эпоху первобытного коммунизма дальнейший шаг в своем развитии.

«Детские формы» первобытного коммунизма толкают общество в сторону дальнейшей индивидуализации труда, в сторону парцеллярного производства. Это могло итти по линии выделения «свободных людей», порывающих с «кровными узами» родового коммунизма. Это могло итти и по линии развития патриархального рабства, которое существовало ранее в скрытой форме, а в дальнейшем стало более открытым и выходящим за пределы семьи. Отношения эпохи родового строя — эпохи первобытного коммунизма — дают все предпосылки для дальнейшего прогресса общественного разделения труда, для отделения ремесленного труда от земледельческого, для расчленения общества не только по линии патриархальных глав рода, подчиненных членов рода и рабов, но и по линии развития и усиления неравенства среди членов общины, которое совместно с изменением формы собственности создает предпосылки для перехода в высшую фазу доклассового общества, т. е. фазу разложения архаического общества, в сельскую общину.

«Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности». [4]

Рассматривая изменение имущественных отношений, связанных с пе-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. IV, стр. 22.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 23.

[4] Третий черновик письма к В. Засулич, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 285.

реходом от родового строя к сельской общине, Маркс писал: «Перерезая пуповину, связывавшую их [членов общины. *А. П.*] с природой, «сельская община» становится первой социальной группировкой свободных людей, не связанных кровными узами. 2) В сельской общине дом и его придаток, двор, принадлежат земледельцу в собственность... Конечно, встречаются сельские общины, в которых дома, хотя и перестали служить местом коллективного обитания, периодически меняют владельцев. *Индивидуальное пользование комбинируется, таким образом, с общей собственностью.* Но такие общины носят еще печать своего происхождения: они находятся в состоянии, переходном от общины более древней к сельской общине в собственном смысле. 3) Пахотная земля, неотчуждаемая и общая собственность, периодически переделяется между членами сельской общины, так что каждый обрабатывает за свой собственный счет отведенные ему поля и урожай присваивает себе в собственность». [1]

Таким образом, переход кровного союза, общества, основанного на кровном родстве, к территориальному обществу, покоящемуся на территориальных связях, был обусловлен изменениями в системе производственных отношений. Эти изменения шли по линии преодоления основного противоречия, лежавшего в основании родовой общины, противоречия между парцеллирующим производством и связанным с ним частным присвоением и старыми первобытнокоммунистическими производственными отношениями. Эту «тайну» перехода родового строя к стадии сельской общины прямо подчеркивает Маркс: «Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она [сельская община. *А. П.*] получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и его двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, *парцеллярное хозяйство и частное присвоение* его плодов способствуют развитию личности, развитию, не совместимому со строем более древних общин». [2] Изменения, происшедшие в строе сельской общины, были обусловлены изменениями, привнесенными дальнейшим разделением труда.

Строй сельской общины связан с переходом общества к более прогрессивной форме земледелия — пашенному земледелию, сочетаемому с огородничеством и садоводством. В этих условиях общество от обработки всей общиной должно было перейти к обработке на основе выделения более мелких производственных ячеек в виде парной семьи, ведущей самостоятельное хозяйство. Так участок земли, на котором действовала семья, вместе с домом и всеми угодьями перешел в семейную собственность. Но вместе с ними перешли в семейную собственность и орудия

[1] Третий черновик письма к В. Засулич, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284. Курсив мой. *А. П.*

[2] Там же. Курсив мой. *А. П.*

производства в виде скота и инвентаря и всякая движимая собственность.

Так развивается переход от доклассового общества к классовому через сельскую общину.

На этой стадии развития архаического общества основное противоречие выступает в виде «дуализма сельской общины»: с одной стороны, мы имеем первобытнокоммунистические отношения, с другой стороны, имеем отношения, которые сводятся к тому, что идет процесс отделения рабочей силы от средств производства, отделения истинного производителя от собственности, идет развитие неравенства, идет процесс парцелляризации труда. «С течением времени, — пишет Маркс, — тот же дуализм может превратиться в зерно разложения. Не говоря о всяких злокачественных влияниях, привходящих извне, община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Частная поземельная собственность уже вторглась в нее в виде дома с его сельским двором, и он может превратиться в крепость, из которой подготовляется нападение на общую землю. Это случалось. Но самое существенное, это — *парцеллярное хозяйство как источник частного присвоения*. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например — скота, денег, а иногда *даже рабов или крепостных*. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономику. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство. Он привносит чужеродные элементы, вызывающие в недрах общины конфликты интересов и страстей, способные подорвать общую собственность сперва на пахотные земли, а затем и на леса, пастбища, пустоши и пр., каковые, будучи однажды превращены в *общинные придатки* [подчеркнуто Марксом. *А. П.*] частной собственности, постепенно достанутся последней». [1]

Но вместе с превращением господствовавших ранее общинных отношений в «общинные придатки» к частной собственности на место движущего противоречия архаического общества выступает *антагонизм*. Такова схема, данная Марксом для перехода от архаической формации к классовому обществу.

До сего времени речь шла о тех тенденциях социально-экономического развития, которые характерны для отдельных этапов архаического общества. Но развитие доклассового общества имеет своим началом и процессы сужения семьи и расширения родства, которые полностью соответствуют уровню социально-экономического развития в каждый период. Все развитие семейно-брачных отношений в эпоху доклассового

[1] Третий черновик письма к В. Засулич, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284. Курсив мой. *А. П.*

общества сводилось, как указывает Энгельс, «к постепенному суживанию того [брачного] круга, первоначально охватывавшего все племя, внутри которого господствует супружеская общность между полами». [1] Вместе с тем этот же процесс вел, как указывает Энгельс в другом месте, к постепенному разложению «старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени». [2]

На древнейших стадиях первобытного коммунизма, на стадии «полуживотной дикости», когда человек не порвал еще пуповины, связывающей его с человеческим коллективом, и связан с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем, когда труд еще очень не развит и первобытнокоммунистические отношения находятся еще в периоде становления, отношения родства, «отношения по детопроизводству», вполне господствуют над общественными порядками. По мере прослеженного нами выше развития первобытного коммунизма, роста разделения труда, отделения труда от собственности в пределах первобытнокоммунистических производственных отношений, все более и более обособляются отношения «производства собственной жизни», отношения собственно-экономические, которые лишь в классовом обществе достигают полного и нераздельного господства над отношениями родства. Суживание брачного круга имело в качестве своих основных стадий переход от беспорядочных половых отношений к кровнородственной семье, сложение брачно-классовой и пуналуальной семейной организации, конституирование рода и, наконец, в качестве последнего этапа — парную семью. Парная семья — еще детище первобытнокоммунистического способа производства, в то время как моногамная семья имеет уже своей основой частную собственность, т. е. классовое общество. Моногамная семья явилась той «первой формой семьи», указывает Энгельс, «в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, а именно, победа частной собственности над первоначальной, первобытной общинной собственностью». [3]

Разложение архаической формации, имевшее своим источником «детские формы» первобытнокоммунистического труда, которые «одинаково не годятся для того, чтобы развить труд как *общественный* труд и производительность *общественного труда*», [4] и послужило основанием для перехода общества в антагонистическую формацию. Как указывал Энгельс еще в своем примечании к «Коммунистическому манифесту», «со времени разложения первобытной общины начинается разделение общества на различные, а затем противоположные классы». [5]

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 47.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 598.
[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 64.
[4] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 308. Курсив мой. *А. П.*
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. V, стр. 484.

В самом деле, индивидуалистическая тенденция, выражением которой явилось отделение средств производства от рабочей силы, нашла свое выражение в неравенстве не только между отдельными общинами, но и внутри общин. «Когда же в общину, — указывает Ленин, — проникло разделение труда и члены ее стали каждый в одиночку заниматься производством одного какого-нибудь продукта и продавать его на рынке, тогда выражением этой материальной обособленности товаропроизводителей явился институт частной собственности». [1] Это неравенство среди членов общины могло развиваться либо по линии неравенства в землепользовании и землевладении, либо, с другой стороны, могло итти за счет неравенства в пользовании рабочей силой в результате включения общинников в число рабов, в результате превращения общинников в зависимых производителей. Этот момент имеет для нас весьма важное значение для анализа генезиса классового общества. Поскольку рабочая сила и средства производства в результате разложения первобытнокоммунистического способа производства оказались бы отделенными, постольку никакой процесс производства не мог бы продолжаться дальше. Маркс это неоднократно подчеркивал.

Простейшей, наиболее элементарной формой соединения оказавшихся в отделении рабочей силы и средств производства могло быть соединение путем *рабства*, когда раб представляет собою не только рабочую силу, но и средство труда. Таким образом, первой формой образования классового общества является рабство. «Только там, где он [древний общинный быт. *А. П.*] распался, — указывает Энгельс, — самостоятельное развитие пошло вперед, и первым шагом по пути экономического производства было усиление и развитие производства посредством рабского труда». [2]

«Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы» — указывает Ленин еще в своей лекции «О государстве».

Но Маркс, Энгельс и Ленин допускали «вариации и градации», связанные с переходом от сельской общины не только к рабскому строю, но и к крепостничеству, и не только в Европе, но и на Востоке к азиатской разновидности феодализма.

В самом деле, развитие неравенства имело своим результатом недостающее разделение труда, высшим выражением которого является отделение города от деревни, отделение промышленности от земледелия. Но Энгельс прямо подчеркивает, что «только рабство создало возможность более широкого разделения труда между земледелием и промышленностью». [3] Но этот процесс мог до известной степени развиваться, не разрывая окончательно рамок доклассового общества, и происходить еще в пределах

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 72.

[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 183.

[3] Там же.

архаической формации. За пределами доклассового общества не было необходимости обязательного перехода в рабовладельческую систему. Мог совершиться переход в другую форму классового общества — в феодализм европейской или азиатской разновидности. Древние германцы, древняя Русь, древние Ассирия, Вавилон и Египет и др. представляют собою общества, где осуществился переход, как у древних германцев и в древней Руси, в крепостничество, причем на Востоке — в азиатскую разновидность крепостничества, в азиатскую разновидность феодализма. «Вариации» отдельных обществ при переходе к классовому обществу должны быть объяснены особыми специфическими условиями разложения сельской общины. Маркс в качестве основной проблемы доклассового общества выдвигает задачу исследования, «как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают *различные формы ее разложения*».[1] Маркс во многих местах отмечает различные формы развития родового общества, сельской общины — формы, которые отражают собой особенности социально-экономической структуры каждой из общин.

Разложение общины могло происходить в разное время, причем между эпохой разложения одних общин и других могли лежать целые тысячелетия. Так, например, между периодом разложения доклассового общества в Китае, Египте и Индии и у древних германцев прошли тысячелетия. К этой разнице во времени, когда происходило разложение отдельных общин, надо присоединить своеобразие исторической среды, в которой происходило разложение конкретных общин. Так, например, разложение древнегерманской общины происходило в условиях, когда рабовладельческое общество в Европе, в виде античного способа производства, себя уже исчерпало. В древней Руси переход от сельской общины к феодализму происходил под влиянием античного способа производства Римской империи, влиявшего через греческие и римские колонии юга России на строй древней Руси.

Отмечаемое здесь своеобразие в переходе отдельных обществ к классовому обществу не имеет ничего общего с плехановской концепцией двух вариантов перехода от доклассового общества к классовому под влиянием географической среды: перехода либо в античное общество, либо в азиатское общество.[2] Когда Маркс говорит о «вторичном образовании», т. е. об образовании классового общества, он указывает, что «оно охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и *крепостничестве*».[3] Плехановская точка зрения является в данном случае отражением его общей меньшевистской концепции истории, переносящей центр исследования не на

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 52—53. Курсив мой. *А. П.*

[2] См. Г. Плеханов, Основные вопросы марксизма, стр. 54.

[3] К. Маркс, Третий черновик письма к В. Засулич, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 285. Курсив мой. *А. П.*

анализ внутренних закономерностей движения, а на внешние факторы. Между тем отмечаемые мной варианты развития доклассового общества несомненно вытекают из положений, выдвигаемых марксизмом-ленинизмом. В самом деле, Ленин считает началом феодализма в России IX век; до этого периода мы имеем в древней Руси разложившуюся сельскую общину. Попытка некоторых историков, например, Тихомирова, сконструировать систему рабовладельческого общества в Киевской Руси является досужей фантазией автора, обосновываемой лишь юридической терминологией, будто бы адекватно выражавшей положение истинных производителей в древней Руси.

Маркс и Энгельс прямо подчеркивают переход древнегерманского общества в феодальное. Помимо уже известных работ основоположников марксизма, можно еще сослаться на неопубликованную работу Энгельса о древних германцах, [1] где он подробно останавливается на разложении древнегерманской общины и на той эволюции, которую проделало древнегерманское общество от Цезаря до Тацита. Древнегерманское общество эпохи Тацита уже обнаружило ряд феодальных тенденций, развивавшихся внутри общины. В дальнейшем мы знаем, что в результате разложения древнегерманской сельской общины имел место переход к феодальной формации. Такой же в общем путь от доклассового общества к антагонистической формации проделали народы Британии и Скандинавии.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что переход от сельской общины к классовому обществу, *как правило, ведет к рабовладельческой системе*, в виде ли ее разновидности вроде античного общества, или других форм рабовладельческих обществ. Но в конкретно-историческом развитии мы имеем отдельные «вариации», когда сельская община сразу переходила к крепостничеству.

Проблемы архаической формации, а в особенности первобытного коммунизма имеют несомненно остро-революционное значение, и в этих условиях они подверглись всяческим извращениям со стороны буржуазной и социал-фашистской историографии.

Прежде всего мы встречаемся с социал-фашистскими упражнениями, связанными с объявлением первобытного коммунизма — фикцией (Кунов).[2]

Характерно, что Кунов отрицает первобытный коммунизм потому, что он служит в руках коммунистов и революционно настроенных рабочих аргументом для пропаганды научного коммунизма. «В последнее время,— пишет он, —в коммунистической и социалистической пропагандистской литературе сплошь да рядом снова начинают возвращаться к старым представлениям о «первобытном коммунизме», якобы повсюду существовав-

[1] Ф. Энгельс, Набросок истории древних германцев. Особенно гл. 4 «Успехи цивилизации за период до переселения народов».

[2] Г. Кунов, Первобытный коммунизм, изд. Пролетарий, 1932 г., стр. 3.

шем в начальных стадиях развития человечества, причем этот коммунизм выставляется как некое «естественное состояние», имеющее корни в природе примитивного человека». Последнее замечание о первобытно-коммунистической стадии в развитии человечества, как имеющей основой естественные имманентные природе первобытного человека свойства, является, понятно, также своеобразной формой дискредитации марксизма; отождествляя учение Маркса и Энгельса с идеями французских материалистов XVIII в., Кунов хочет подчеркнуть ненаучность понятия первобытного коммунизма.

Для Кунова первобытный коммунизм фактически коммунизм «нищеты». В своей работе «Всеобщая история хозяйства» он с присущим социал-фашисту цинизмом рисует в следующих словах систему коммунистического потребления: «Несомненно, что у австралийских племен нередко можно наблюдать так наз. «коммунизм потребления»... Счастливый охотник, возвращающийся домой с убитой дичью, принужден отдавать из нее более или менее значительную часть некоторым членам орды... его голодные товарищи требовали, чтобы он им позволил пожирать ее вместе с ним, а в тех случаях, когда он не хотел им ничего дать или давал им мало, они нападали на него и отнимали у него большую часть его добычи». [1] Характерно также для Кунова, что возникновение государства и классов он рассматривает лишь как процесс, совершившийся «на основе завоевания одних племен другими и господства одного племени над другим».

Социал-фашисты отрицают за доклассовым обществом право считаться формацией (Каутский) и отказываются видеть какие-либо внутренние закономерности движения в первобытном обществе (Каутский).

«Попытки объяснить возникновение классового государства и факторов, действующих внутри первобытной общины, — поучает Каутский, — не дают удовлетворительных результатов. Несостоятельными оказываются не только наивные теории насилия, но и гораздо более квалифицированные попытки найти во внутреннем экономическом развитии общины причины, ведущие к возникновению классового государства». [2]

4. Основные проблемы античной формации

Из истории всех рабовладельческих обществ наиболее разработана Марксом и Энгельсом проблема античного общества. Античное общество является, несомненно, лишь разновидностью рабовладельческой формации. Строй античного общества, сменивший прежний, основанный на кровном родстве, общественный порядок, характеризовался, по словам Энгельса, государственными учреждениями, основанными на террито-

[1] Г. Кунов, Всеобщая история хозяйства, т. I, Хозяйство первобытных и полукультурных народов, стр. 59.

[2] К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 75.

риальном делении и на имущественном различии.[1] Античное общество возникло вследствие разложения греческого или римского рода, благодаря объединению путем договора или завоевания нескольких племен в один город, при сохранении рабства. Маркс и Энгельс различают четыре формы рабства: патриархальное, домашнее, античное и плантационное. Когда мы говорим об античном рабстве, то мы имеем в виду рабство, как «основу производства», т. е. «рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости».[2] Эта рабовладельческая система выросла из прежней патриархальной системы рабства.

Античный способ производства с точки зрения соединения рабочей силы и средств производства определяется отношениями рабовладельца и раба. Раб — несвободный рабочий, сам превращен в средство труда и работает при помощи чужих средств производства. Превращение истинного производителя в раба и собственника условий производства в рабовладельца служит Марксу и Энгельсу основанием для определения основного противоречия античного общества как противоречия двух форм собственности. Маркс выделяет прежде всего ту форму собственности, которая явилась результатом прямого продолжения прежней родовой и племенной собственности, т. е. *античную общинную и государственную форму собственности*. Наряду с общинной формой собственности существует и *движимая и недвижимая частная собственность*, «но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма».[3] Когда Маркс говорит об античной и коллективной форме собственности, он делает существенную оговорку, что он имеет в виду не только общинную форму собственности в смысле общинного владения землей, но и ту специфическую особенность, что в античном обществе существовало коллективное владение свободных рабами: «граждане государства лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности».[4]

Таким образом, основное противоречие античного общества выступает как противоречие между рабовладельческой собственностью, предполагающей простую кооперацию рабского труда, и индивидуальной собственностью, основанной на индивидуальном, конкретнее — на парцелльном производстве. Маркс указывает, что развитие этого противоречия идет следующим путем: движимая и впоследствии недвижимая частная собственность, которая первоначально является подчиненной по отношению к античной государственной форме собственности, с течением времени борется с этим подчиненным положением, и когда наступает время, что дви-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 109 и след.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 232.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология., Соч., т. IV, стр. 12.
[4] Там же.

жимая и недвижимая форма частной собственности готовы победить, — античная форма погибает, и вместе с ней погибает и само рабовладельческое общество.

Развитие крупной рабовладельческой собственности, вырастающей на базе и в рамках общинной и государственной собственности, разрушает этот специфический коллектив рабовладельцев и его государственную форму — «полис». Под влиянием этих же причин происходит и разорение мелких свободных производителей, которые являлись важнейшей экономической и военной базой «полиса» в «лучшие времена классической древности» (Маркс).

Разрешаемая таким образом проблема основного противоречия античного общества имеет гигантское значение: стоит только выявить те классы, которые стояли за упомянутыми формами собственности, чтобы получить ключ к действительному пониманию основных этапов классовой борьбы в античную эпоху. В самом деле, несмотря на преобладающее значение рабовладельческого труда и в сельском хозяйстве — в латифундиях, и в городском хозяйстве — в тех ремеслах, которые существовали в городах, и, наконец, в ремесле при латифундиях, на всем протяжении античного общества продолжали существовать парцеллярное крестьянское землевладение и городские независимые ремесленники. Свободные производители — мелкие крестьяне и мелкие ремесленники — существовали, несмотря на конкуренцию рабского труда, с которой они сталкивались и в городе и в деревне, несмотря на ожесточенную классовую борьбу, своим острием направленную против них.

Под влиянием экономических, а затем и политических обстоятельств они не могли найти для себя выхода по линии превращения в рабовладельцев. В этих условиях они были объективно заинтересованы в уничтожении рабовладельческой системы. Поскольку в связи с рабовладельческой системой для парцеллариев существовала угроза потери собственного клочка земли, собственной мастерской, собственных инструментов, постольку они были заинтересованы в борьбе против рабовладельческой системы.

Картина классовых отношений в римском обществе на основе этих двух форм собственности соответственно вырисовывается в следующем виде.

В ранний республиканский период крупнейшим земельным собственникам-рабовладельцам, из среды которых рекрутировалось служилое сословие патрициев, противостояло большинство населения малоимущих и неимущих граждан-плебеев, которые в своей основе, согласно характеристике Маркса, были «свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли». Плебеи были, как правило, лишь *потенциальными* рабовладельцами. Дальнейшее развитие, связанное, между прочим, с развитием торгово-ростовщического капитала, при-

водит к дифференциации плебеев, к смешению верхушки плебеев с патрициями и к образованию нового сословия — нобилей. Дифференциация плебеев превратила часть плебеев, собственников участков земли, в истинных производителей — мелких и мельчайших крестьян-парцеллариев, настроенных по отношению к рабовладельческой системе в полном смысле антагонистично. Путь к тому, чтобы стать рабовладельцами, для них был закрыт. Нобили же совместно с образовавшимся около II в. до н. э. сословием ростовщиков-капиталистов «всадников» представляли собой настоящих рабовладельцев.

Утверждение империи принесло с собою новую перегруппировку классовых сил. Нобилем мог стать любой денежный магнат, точно так же, как за деньги можно было сделаться членом старинного римского сословия всадников. В этих условиях старые республиканские нобили слились с денежными «выскочками» и вместе с всадниками по рождению и по капиталу образовали новый господствующий класс рабовладельцев-аристократов, крайне реакционным флангом которых были «оптиматы». Ниже аристократов стояли «куриалы», состоявшие либо из чистых рабовладельцев, либо из купцов, связанных опять-таки с рабовладением. Наконец, большинство римского населения, как и в эпоху республики, составляли плебеи; однако в эпоху империи в состав плебеев уже входили, помимо парцеллярных крестьян и мелких ремесленников, еще обнищавшие арендаторы, люмпен-пролетарии городов, вольноотпущенники. Таким образом, плебеи в эпоху империи представляли собой либо уже носителей движимой и недвижимой частной собственности, либо потенциальных носителей ее. Во всяком случае их благополучие ни в какой степени больше не связывалось с рабовладельческой системой. Пьедесталом этого общества были рабы, естественно, антагонистически настроенные к господствовавшей в античном обществе системе производства. Так развивалась «совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранить эту естественно возникшую форму ассоциации». [1]

Анализируя дальше античный способ производства, необходимо отметить, что хотя в основе его лежал земледельческий труд, тем не менее более развитое по сравнению с доклассовым обществом разделение труда сделало город в дополнение к деревне центром промышленного труда. Более того, мы имеем в античном обществе противоположность между городом и деревней, «впоследствии противоположность между государствами, представляющими городские и сельские интересы». [2] Поскольку промышленный труд и земледельческий труд существуют раздельно, постольку существовал и обмен, существовало развитие торгового капитала.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 12.

[2] Там же, стр. 13.

Однако Маркс подчеркивает, что в античной формации мы имеем развитие торгового капитала «в пределах своих античных форм». [1]

Разгадка этого замечания Маркса об «античной форме» торгового капитала лежит в его общем учении о торговом капитале. Хотя торговый капитал не создает ни стоимости, ни прибавочной стоимости, тем более каких-либо способов производства, тем не менее он, присоединяясь к любому способу производства, влияет на него или разлагающе, или консервирующе. Вообще же «развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость». [2] Влияние торгового капитала сказывается, таким образом, в том, что он создает предпосылки для развития новой, высшей формы способа производства. В античном же обществе влияние торгового капитала снова приводит к рабовладельческому хозяйству. «В античном мире, — пишет Маркс, — влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеют своим результатом *рабовладельческое* хозяйство». [3] Но, ведь, источником для развития торгового капитала в античную эпоху было то же рабовладельческое хозяйство. Таким образом, мы имеем своеобразный circulus vitiosus: рабовладельческое хозяйство — торговый капитал — рабовладельческое хозяйство. Это — «заколдованный круг», из которого нет выхода, кроме гибели этого общества. Но эта обреченность античного общества зависит отнюдь не только от особенностей экономического развития, а опять-таки от характера классовой борьбы, которая в античном обществе развивалась на базе основного противоречия по линии борьбы двух форм собственности, о которых я говорил.

В связи с анализом классовой борьбы прежде всего нужно остановиться на характере той борьбы, которую вели рабы. Правда, классовая борьба рабов в большинстве случаев носила латентные формы: порча инвентаря, грубое обращение со скотом, расхищение господского имущества и т. д., и т. п., но эти скрытые формы классовой борьбы, несмотря на отсутствие у рабов определенной политической программы, часто переходили в открытое состояние рабских восстаний, превращавшихся в революции. Так, например, рабские восстания II—I вв. до н. э. потрясли до основания весь организм рабовладельческого общества и государства и по существу предопределили судьбу Римской республики. Еще бóльшую роль рабские восстания играли в конце империи, хотя в этот период численно рабы значительно уменьшились по сравнению с предыдущей эпохой. Кроме того, восстания рабов не происходили изолированно от других угнетенных классов: в самих рабских восстаниях нередко принимали активное участие мелкие крестьяне, ремесленники и городская беднота. В восстаниях

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 426.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 232.
[3] Там же. Курсив мой *А. П.*

Спартака принимали участие и свободные сельские рабочие. По свидетельству Диодора, во время второго сицилийского восстания рабов «не только рабы, но и бедняки из числа свободных предавались всевозможным бесчинствам и грабежам»; согласно Страбону, Аристоник «собрал большое количество неимущих, которых он призвал к свободе» и т. д. и т. п. В этих условиях рабские восстания неоднократно сопровождались соответствующими восстаниями крестьян, ремесленников и городских низов. Мы имели такие факты, как участие в рабских восстаниях определенных проварварских партий, создававшихся на территории Римской империи и рекрутировавшихся по преимуществу из среды крестьян и мелких ремесленников. Так создавался единый фронт представителей мелкой парцеллярной или общинной собственности: колонов, рабов, городской бедноты, солдат и варваров. Мы имеем ряд указаний относительно совместных выступлений крестьян и рабов — переплетание крестьянских и рабских восстаний. Правда, рабские восстания не имели в качестве положительной программы переход к феодализму, тем не менее, выражая основное противоречие античного общества, они еще более его усиливали и разрушали систему рабовладельческого хозяйства. Уже в этом смысле «революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся» (Сталин). Но значение революции рабов в античную эпоху полностью раскрывается в свете всей проблемы *социальной революции в античности*.

Крах античного общества, обнаружившийся со времени так наз. «кризиса III в.», сопровождался обострением классовой борьбы: восстаниями городского и сельского населения на всем протяжении империи, восстаниями в армии, развитием так наз. пиратского и разбойничьего движения, вторжением варваров. Этот процесс обострения классовой борьбы, с другой стороны, сопровождался развитием феодальных тенденций: развитием колонатных отношений, отношений патрициния или патроната и распространением эмфитевзисных отношений на складывающиеся в пределах всей Римской империи поместные порядки: этим процессам феодализации в деревне соответствовала политика так наз. «закрепощения сословий» в городах. Крах античного способа производства, таким образом, вызывал развитие феодальных тенденций, причем все эти процессы феодализации имели своей базой мелкую парцеллярную собственность. Энгельс прямо указывает, что в результате развития рабских латифундий «получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание, таким образом, способ производства, в котором *уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века*». [1]

[1] Ф. Энгельс, Юридический социализм. «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 1, стр. 57. Курсив мой. *А. П.*

Но одними рабскими восстаниями и развитием феодальных тенденций проблема социальной революции в античности не решается. Правда, уже изложенная постановка вопроса наносит удар концепциям экономического самотека, или каутскианской теории войны, в результате которого и произошел будто бы крах античного общества. Но проблема социальной революции в античности заключает в себе проблему завоевания — варваризации Римской империи.

Вкратце проблема завоевания может быть сформулирована следующим образом: мелкая парцеллярная собственность в городе и деревне, устоявшая против всех многочисленных поползновений рабовладельческих классов во все времена античного общества, к моменту упадка античного общества, начиная, примерно, с III в., оказалась под угрозой, в связи с развитием феодализирующихся тенденций, попасть уже в окончательную зависимость от рабовладельческих классов. Тонущему парцеллярию в деревне и городе протянул руку германский варвар, своей «маркой» давший римскому мелкому крестьянину и ремесленнику твердую почву для сохранения себя в виде мелкого производителя, наделенного орудиями и средствами производства. Не важно, что мелкий производитель не обрел путем германского завоевания полной свободы и стал крепостным: крепостничество было уже смягченной формой рабства, и германская марка давала истинному производителю не только силу сопротивления в его борьбе с феодалами, но и базу для дальнейшей борьбы за освобождение.

Таким образом, переход от античного общества к феодальному представляет собой социальную революцию, в которой громадную роль играла «революция рабов». На эта социальная революция античности представляет собой революцию, выступающую в особой, модифицированной форме.

Таковы основные проблемы античной формации.

5. Основные проблемы феодальной формации

Из всех проблем докапиталистических формаций Маркс наиболее подробно разработал проблему западноевропейского феодализма — одной из разновидностей феодализма, как формации.

Западноевропейский феодализм сложился в результате своеобразного синтеза из разложившегося античного способа производства и тех общественно-экономических отношений, какие развились в результате разложения древнегерманской общины.

С характером одной стороны этого синтеза, а именно, с системой общественных отношений, сложившихся в результате разложения античного способа производства, мы уже знакомы. Крах античного общества вызвал появление феодальных тенденций, нашедших свое выражение в развитии на основе возврата к натуральным отношениям центробежных

тенденций, зачатков поместных отношений, зачатков поместных прав, опутывания свободных крестьян и ремесленников отношениями частной зависимости. С другой стороны, уже при разложении родового строя древних германцев мы также сталкиваемся с феодальными тенденциями.

Древнегерманское общество еще эпохи Тацита строилось уже не на основе кровного родства, а на основе территориальных отношений. «Дуализм» древнегерманской марки приводил к социально-экономической дифференциации древнегерманского общества: помимо свободных общинников, мы встречаемся в ту же эпоху не только с рабами, но и с крепостными, и выделившейся верхушкой — зачатком будущей знати. Вспомним замечание Маркса, что у древних германцев «земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства».[1] Естественно, что это социальное неравенство базировалось на экономическом неравенстве прежде равных общинников.

Синтез феодальных тенденций, образовавшихся в результате крушения античного общества и разложения древнегерманского общества, осуществленный отчасти в результате завоевания варварами Римской империи, и дал европейский феодализм.

Нельзя не отметить, что ведущим началом в этом синтезе являлись древние германцы, поскольку они располагали таким институтом, каким являлась «марка». Нет надобности сейчас вспоминать о том значении, какое придавали Маркс и Энгельс марке, как институту, определившему весь ход исторического развития в эпоху феодализма вообще, не говоря уже о его значении для крестьянства: «марка» давала крестьянству силу сопротивления в борьбе с феодалами.

Западноевропейский феодализм, поскольку воздействие германцев на народы, заселявшие Римскую империю, было неодинаково, развивался тоже своеобразно. Мы имеем, по существу говоря, три пути развития его.

Прежде всего следует отметить феодализацию общественных отношений через так наз. *«германизацию»* отношений, примером чему является Британия, где англосаксы силой оружия покорили Британию и навязали коренному кельтскому населению характерный для германцев строй общественных отношений. В этих условиях англосаксонское варварское королевство по своей структуре во многом напоминало древнегерманское общество эпохи Тацита.

Мы имеем далее путь «романизации», какой проделали остготы, попав в Италию. Поселившись на положении незначительного меньшинства,— около 200—300 тысяч семей, расселенных на громадном пространстве,— остготы сумели полностью воспринять римские порядки; слияние германской знати с верхушкой римского общества наряду с сохранением старого

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 23.

римского бюрократического аппарата государственного управления привело к полной *романизации* остготского общественного строя. Остготское королевство, просуществовавшее всего лишь до половины VI в., когда оно было завоевано византийцами, не могло оказать решающего влияния на общий характер социально-экономических отношений, возникших в Европе в результате варваризации.

Наконец, третий путь, проделанный салическими франками, был путем, который полностью реализовал отмеченный выше синтез и, таким образом, создал европейский феодализм. Франки застали на территории Римской империи зачатки поместных отношений, вследствие чего поместье осталось попрежнему центром хозяйственной жизни. В результате варваризации развитие поместных отношений стало определять судьбу не только прежнего римского крестьянина, превратившегося в колона или попавшего под «покровительство», но и свободного франка. В этих условиях Франкское королевство представляет собой наиболее типичное для анализа генезиса западноевропейского феодализма общество.

Производственные отношения феодального общества сложились не сразу. Мы имели, во-первых, развитие, помимо унаследованных от римской эпохи колонатных и патронатных отношений, уже новых отношений в виде так наз. «прекарных», «бенефициальных» и затем «вассальных отношений. Слияние бенефициальных отношений, при которых в зависимость попадала прежде всего земля, с вассальными, при которых зависимой делалась личность, дает отношения, которые мы называем «феодом», феодально-производственными отношениями. Путем прекария, бенефиция, вассалитета и иммунитета класс феодалов сумел закрепить себя в качестве монополиста в области земельной собственности и на основе внеэкономического принуждения подчинить себе совместно с мелкой собственностью и истинных производителей.

В основе феодализма, как общественной формации, лежит феодальный способ производства. Феодальный способ производства — это антагонистический способ производства, выражающий такую систему производственных отношений, при которой истинный производитель, наделенный средствами производства, в условиях монопольного владения землей классом феодалов и системы внеэкономического принуждения превращен в зависимого человека: крепостного или полукрепостного, или даже свободного в феодальном смысле слова, т. е. в зависимого. Это внеэкономическое принуждение позволяет феодалам присваивать у истинного производителя не только добавочный продукт, но и известную часть необходимого ему продукта. В этих условиях феодальному способу производства соответствует феодальный способ эксплуатации.

«При таких условиях [когда производители владеют своими собственными средствами производства. *А. П.*], — пишет Маркс, — прибавочный

труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее... Необходимы отношения *личной зависимости*, *личная несвобода* в какой бы то ни было степени и *прикрепление к земле в качестве придатка последней*, принадлежность в настоящем смысле этого слова». [1]

Феодальный способ производства, как антагонистический способ производства, конечно, не выражает собой совокупности однородных производственных отношений: в качестве укладов в эпоху феодализма мы имеем рабский уклад, старый общинный патриархальный уклад и затем, в эпоху разложения феодализма, уклад простого товарного хозяйства.

Феодальный способ производства представляет собой соединение земледельческого и ремесленного труда, причем основой является земледелие. При феодализме способ соединения рабочей силы и средств производства принимает форму отношений феодала к крепостному.

Система производственных отношений феодального общества нашла свое выражение в учении о феодальной собственности.

Феодальная форма собственности отражает всю специфику производственных отношений феодального общества. С одной стороны, «формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер»; [2] с другой стороны, система землевладения, строившаяся на системе натуральных отношений и обусловившая эти отношения, — труд в феодальную эпоху выступал в своей натуральной конкретной форме, — являлась источником нефетишизированных отношений. Производственные отношения феодального общества выступали как отношения личной зависимости. «Вместо нашего независимого человека, — указывает Маркс, — мы находим здесь [в эпоху феодализма. *А. П.*] людей, которые все зависимы, — крепостные и помещики, вассалы и сеньоры, миряне и попы». [3] Поскольку личные отношения, «личная зависимость характеризуют тут общественные отношения материального производства», [4] постольку и общественные отношения, покоящиеся на основе отношений в землевладении, определяют феодальное расчленение собственности: организация феодального производства строится на распределении земли, т. е. основного источника производства, между отдельными зависимыми крестьянами, истинными производителями.

Эпоха феодализма — эпоха, когда «разделение труда... было еще совершенно примитивно». [5] Недостающее разделение труда отчасти компенсировалось сословным разделением общества: «помимо разделения на кня-

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 569—570. Курсив мой. *А. П.*
[2] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 32.
[3] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 35.
[4] Там же.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 42.

зей, дворянство, духовенство и крестьян в деревне и мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и черни-поденщиков в городах, не было сколько-нибудь значительного разделения труда». [1] В этих условиях отношения личной зависимости, вытекавшие из феодального расчленения собственности, вели к иерархической структуре земельной собственности. Иерархическое расчленение вполне соответствовало, таким образом, сословному расчленению собственности, а затем и общества.

Это единственно научное экономическое обоснование системы внеэкономического принуждения, господствовавшего в феодальную эпоху, обоснование средневековой иерархии, позволяет нам вскрыть классовую структуру феодального общества. За пестрой многостепенной иерархией мы в состоянии разглядеть двухклассовую систему феодального общества: на одном полюсе находятся «господа» и «сюзерены», на другом им противостоят «ленно-зависимые крестьяне» в деревне; в городе торговой и ремесленной знати противостояли подмастерья, ученики и поденщичья чернь в качестве истинных производителей. Присвоение паразитическим классом феодалов в свое монопольное пользование не только прав на землю, но и военных, административных и судебных функций и приводило к тому, что закрепощение крестьян и превращение их в зависимых закреплялось системой привилегированных сословий, выражением которых была иерархия.

Наконец, феодализм как формация определял свою специфическую систему надстроек, начиная с государства и кончая всеми видами идеологии. Феодальное государство, ставившее своей целью «удержать власть помещиков над крепостными крестьянами» (Ленин), было, таким образом, «органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян». [2]

Дальнейший анализ требует исследования системы феодальных производственных отношений с точки зрения характеристики способа соединения рабочей силы и средств производства и вместе с тем с точки зрения характеристики основного противоречия на каждом этапе развития феодального способа производства. «Рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда, т. е. всего избыточного труда, который непосредственный производитель принужден даром выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли» [3] — подчеркивает Маркс специфическую форму выражения способа эксплуатации и вместе с тем отношение рабочей силы к средствам производства феодального общества.

Маркс дал нам учение о трех основных этапах докапиталистической

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 15.
[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 174.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 574.

ренты, которые соответствуют трем основным этапам («различным ступеням развития общественного процесса производства» — Маркс) развития феодального способа производства: отработочной ренте, ренте продуктами и денежной ренте. Антагонистическому феодальному способу производства на всех этих трех этапах соответствуют специфические этапы основного противоречия. Основное противоречие феодального общества — противоречие между вызревающим в недрах феодализма, по мере дальнейшего роста феодального способа производства, капиталистическим способом производства и феодальными производственными отношениями. «На известной ступени развития, — указывает Энгельс, — новые, выдвинутые буржуазией производительные силы, — прежде всего разделение труда и соединение в одной мануфактуре многих рабочих, исполняющих частные производительные функции, — и развившиеся благодаря им условия и потребности обмена пришли в непримиримое противоречие с существовавшим тогда исторически унаследованным и узаконенным способом производства, т. е. с цеховыми и прочими бесчисленными личными и местными привилегиями, свойственными феодальному порядку и угнетавшими непривилегированные сословия. В лице своей представительницы, буржуазии, производительные силы восстали против способа производства, защищаемого феодальными землевладельцами и цеховыми мастерами». [1]

Отработочная рента соответствует ранней форме феодальных отношений. Они характеризуются, по словам Маркса, тем, что «непосредственный производитель часть недели обрабатывает фактически принадлежащую ему землю при помощи орудий труда (плуг, скот и т. д.), фактически и юридически принадлежащих ему же, а остальные дни недели работает в имении землевладельца, на земле владельца, даром». [2]

При отработочной ренте господствует внеэкономическое принуждение в своей наиболее ярко выраженной форме, так как «в состав природы, приносящей ренту, — продолжает Маркс там же, — входит и прикрепленная к земле человеческая рабочая сила». Одним из видов такого внеэкономического принуждения является барщина, связанная, между прочим, с «неразвитостью всех общественных принудительных сил труда... примитивностью самого способа труда».

Более высокие формы производственных отношений, связанные с эпохой утверждения феодального способа производства, выступают при «ренте продуктами», хотя «превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты». [3]

Рента продуктами предполагает «более высокую ступень развития его

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, Соч., т. XIV, стр. 670.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 569.
[3] Там же, стр. 572.

[непосредственного производителя. *А. П.*] труда и общества вообще». Непосредственный производитель работает уже, как указывает Маркс, «не под прямым надзором и принуждением земельного собственника или его представителя», а «под своей собственной ответственностью, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлением закона вместо плети». [1] Признаки, которыми характеризует Маркс эпоху господства «ренты продуктами», несомненно, относятся к периоду развитых феодальных отношений, когда неорганизованно возникающие отношения частной зависимости, характерные для раннего периода феодализма, заменяются довольно стройной системой установившихся отношений, освященных законодательной санкцией. Прибавочный продукт выступает тогда уже не в виде барщины, а главным образом в виде оброка. «Прибавочный продукт, — говорит Маркс о «ренте продуктами», — образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческопромышленного семейного труда, причем, как это часто было в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты, или же она доставляется лишь в форме собственно-земледельческого продукта. При этой форме ренты рента продуктами, в которых воплощается прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь, по сравнению с формой отработочной ренты, больший простор для того, чтобы приобрести время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому». [2]

Последний период начинается с эпохи разложения феодализма, которая связана уже с «денежной рентой». «Под денежной рентой мы разумеем, — говорит Маркс, — земельную ренту, возникающую из простой метаморфозы (превращения) ренты в продуктах, которая в свою очередь была лишь превращенной отработочной рентой». [3] В самом деле, разложение феодализма является уже периодом перехода к преобладанию товарно-денежных отношений над натуральными. «Сначала спорадическое, потом все более и более приближающееся к национальному масштабу превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает, — говорит Маркс, — уже сравнительно значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства вообще, а вместе с тем и денежного обращения. Оно предполагает далее рыночную цену продуктов и что они продаются более или менее близко к своей стоимости, чего может и не быть при прежних формах»... [4]

Развитие денежной ренты приводит дальше к тому, что вместо

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 573.
[2] Там же, стр. 573.
[3] Там же, стр. 574.
[4] Там же, стр. 575.

«условного» владения землей на основе феодальной зависимости развиваются договорные отношения между производителем и владельцем земли. Превращение крепостного крестьянина в арендатора дает ему возможность путем выкупа своих обязательств превратиться в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую землю. Этот процесс, между прочим, сопровождается образованием класса неимущих и нанимающихся за деньги сельскохозяйственных батраков. Батраков могут уже эксплуатировать крестьяне, ставшие независимыми владельцами. Таким образом, «для них, — как отмечает Маркс, — постепенно развивается возможность собрать известное состояние и самим превратиться в будущем в капиталистов». [1]

Однако отмеченные здесь своеобразия отдельных этапов в развитии феодального способа производства отнюдь не исчерпывают проблемы.

Хотя на каждом этапе феодализма мы не имеем отношений в чистом виде, — к примеру, на первом этапе мы имеем не только барщину, но известное развитие и оброка, на последующих этапах барщина не исчезает вовсе, — тем не менее мы должны исходить из ведущих отношений. Так, например, на первой ступени развития феодального способа производства мы говорим о ведущем значении барщины, хотя мы знаем, что и оброчные отношения существовали.

Ведущее значение отработочных отношений определялось тем, что в начале феодализма мы имели господство внеэкономического принуждения в максимальном размере. Хотя состав непосредственных производителей уже в эту эпоху представлял собою пеструю картину (сервы, mansuaria, tributaria, крепостные, зависимые и свободные), тем не менее основой производства были категории, выступавшие как объекты внеэкономического принуждения в наиболее очевидной форме. Таковыми были сервы и крепостные. Первые — прямые наследники рабовладельческого общества, хотя они уже перестали играть одновременную роль рабочей силы и средства труда, а следовавшие за ними категории истинных производителей выступали в процессе производства уже на основе смягченного феодализмом рабства, на основе господства внеэкономического принуждения в феодальной форме.

В этих условиях попытка большинства русских историков, пытающихся для периода «первого издания» крепостничества в России изменять схему Маркса и на основе количественного преобладания оброчных отношений, какое они находят якобы в источниках, утверждать, что в России первоначально господствовали оброчные отношения, а не барщина, является попыткой, подменяющей ведущие отношения количественным преобладанием. Нечего и говорить, что подобные теории, ревизирующие учение Мар-

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 576.

кса о законах развития общества и перехода с одного этапа на другой, должны быть отброшены.

Мы имеем прямое указание Ленина, что еще в период IX—XI вв., т. е. как раз в первый период феодализма, в древней Руси имело место господство барщины. В пользу схемы Маркса говорит тот факт, что и в период барщинного хозяйства господствует система простого воспроизводства, в результате которого единственным стимулом повышения производительности труда было усиление эксплуатации со стороны класса феодалов — отсутствие всякого экономического прогресса и в результате этого «примитивность самого способа труда», «неразвитость всех общественных производительных сил» (Маркс); все больший и больший нажим по линии внеэкономического принуждения вызывает гигантское обострение классовой борьбы, которое и решает судьбу барщинных отношений.

Энгельс в уже цитированной неопубликованной рукописи о древних германцах подчеркивает, что даже величина платежей, связанных с бенефициальными отношениями, т. е. с ранними формами производственных отношений феодального общества, определялась уровнем классовой борьбы. Обострение классовой борьбы истинных производителей в условиях экстенсивной системы производства создает кризис барщинного хозяйства, в результате которого происходит переход на более высокую ступень, которую Маркс связывает с господством ренты продуктами: при господстве оброчных отношений истинный производитель получает время для того, чтобы работать на своем поле, создавать у себя в хозяйстве прибавочный продукт; таким образом создаются условия для перехода к системе расширенного воспроизводства.

Для этого периода характерны также изменения, происшедшие в системе обмена. Эпоха феодализма является эпохой господства натуральных отношений, и тем не менее даже первый ранний период феодализма не представляет собою безобменного хозяйства. Обмен существует все время; только в эпоху господства барщины развитие его не столько связано с успехами разделения труда внутри поместья или между поместьями, сколько с обслуживанием потребности в роскоши верхушки феодального общества.

Этой стадии и соответствует период международной торговли, обслуживаемой торговыми народами: фризами, евреями, арабами, генуэзцами и т. д. Сам факт разделения народов на торговые и неторговые говорит об отсутствии нормального развития меновых отношений.

Переход к стадии оброчного хозяйства знаменовал собою сначала распространение ярмарочной торговли — обмена между областями, а затем обмена между поместьями, так наз. районной торговли. Однако последнее изменение было явно связано с дальнейшим процессом общественного разделения труда, наиболее ярким выражением которого для эпохи феодализма явился городской строй.

Средневековый город с ремесленным строем представляет собою составную часть феодальной формации, несмотря на то, что развитие городского строя связано с разложением всего строя феодальных отношений; в связи с развитием городов обостряются основные противоречия феодального общества: противоречия между вызревающим капиталистическим способом производства и, таким образом, развитием производительных сил в сторону капитализма и старыми феодальными производственными отношениями в виде цехового уклада, являющегося, как увидим, дополнением к системе феодального землевладения. [1]

Производственной основой средневековых городов являлось цеховое ремесло. Система организации этого ремесла, а также связанного с ней городского строя подражает складывающимся в землевладении отношениям. Организация промышленности в феодальную эпоху не только отражала те отношения, которые складывались в деревне, но и полностью дополняла поместные отношения. Еще в «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс говорят о «феодальной организации земледелия и промышленности». Мы можем установить, что производство, господствовавшее внутри цеха, было мелкое, со слабым разделением труда, что в цехах господствовал исключительно ручной труд, формы которого были основаны на традиции. В цехах, далее, нашло свое отражение сословное расчленение общества в виде своеобразной иерархии в лице мастера, подмастерьев и учеников. Мастер или ремесленник являлся феодальным собственником своей мастерской; производственная деятельность работников цеха была ограничена феодальной регламентацией, и, наконец, мастер или ремесленник, эксплуатируя своих подмастерьев и учеников, широко пользовался методом внеэкономического принуждения. Цех — это основа городского строя. Но и вся система отношений, которая существовала в городе, отражает основные признаки феодального способа производства и соответствующего ему способа эксплуатации.

Город начал с того, что горожане, как «люди» сеньора, платили оброк и даже отбывали барщину. И в остальном городские жители рассматривались, как и население деревень, в качестве «людей» своего феодала. Они призывались в ополчение сеньора, подвергались феодальному суду и подчинялись феодальной администрации. С развитием городов и ростом их самостоятельности эти феодальные связи не уничтожились, а только видоизменились и лишь отчасти ослабели. Даже после завоевания городом коммунальной автономии города передавались в ленное владение в качестве «бенефиция» или «феода». Со своей стороны, город также имел своих ленников. Характерно, что условием «освобождения» нередко являлась

[1] См. мою статью «Учение Маркса и Энгельса о феодализме как общественной формации», Проблемы марксизма, 1931 г., № 2.

уплата всеми горожанами своему сеньору определенного чинша и установленных крепостных повинностей. Нечего и говорить, что налоги города своему феодалу были очень велики и ложились серьезным бременем на городское производство. Помимо денежных платежей, существовали натуральные повинности: города обязаны были выставлять определенное количество солдат в ополчение феодала; они должны были предоставлять королю и его свите квартиру и корм во время его остановки в городе, жители некоторых городов, например, Франции, должны были на своих лошадях один раз в год перевозить королевское вино и т. д. Таковы были обязательства городов в целом по отношению к своему сеньору.

Эти обязательства еще более возрастали при учете повинностей, ложившихся на каждого из горожан. В первой стадии развития города его жители должны были соблюдать, подобно крестьянам, права «баналитета» — права, вытекавшие из знатного происхождения сеньора: печь хлеб исключительно в печи сеньора за особо установленную плату, молоть хлеб лишь на мельнице феодала и давить виноград, пользуясь господским прессом. С развитием и укреплением городского строя эти обязательства, в силу «баналитета», более не распространялись на горожан. Зато появились новые, связанные с развитием, в первую очередь, городской промышленности.

«Покупка ремесла» цехом или отдельным ремесленником производилась у сеньора. Во Франции почти две трети вступительных взносов, уплачиваемых в цехи, шли еще в XIV в. в пользу сеньора. Платили феодалу не только мастера, но и подмастерья и ученики. Как известно, подмастерье, переезжавший из одного города в другой, должен был держать экзамен, и за право подвергнуться испытанию он должен был платить сеньору. Ученик, вступавший в цех, также платил вступительный взнос в пользу феодала. Ремесленники были обязаны целым рядом натуральных платежей. Так, например, пользуясь мерами и весами феодала, надо было вносить плату натурой; кузнецы, получая право на занятие своим ремеслом, должны были ковать лошадей королевской конюшни; при въезде короля в Париж торговцы фуражом должны были давать на корм лошадям по вязанке сена. Наконец, повинность, связанная с правом сеньора брать с рынка облюбованные им товары либо бесплатно, либо за плату по его усмотрению, являлась наиболее характерной для отношений, какие складывались у горожан с феодалом.

Итак, город подвергался со стороны феодала эксплуатации внеэкономическим принуждением. Маркс на это прямо указывает, говоря, что «в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии».[1]

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 577.

Рассматривая систему производственных отношений в феодальном обществе в целом и в городе в частности, мы видим, что отношение средневековых городов к поместью и система отношений, господствовавшая внутри города, были основаны на отношениях, характерных для феодального способа производства.

Эпоха господства денежной ренты, наступающая в связи с простой модификацией отношений, господствовавших при оброчной системе, представляет собою высший этап развития феодализма и в то же время эпоху его разложения. В эпоху денежной ренты торгово-денежные отношения становятся преобладающими, и продукты все чаще выступают в виде товаров. Мы имеем развитие товарного обращения. Значение этого последнего для господства феодального способа производства раскрывается в связи с анализом проблемы генезиса капитализма.

6. Проблема генезиса капитализма

Проблема генезиса капитализма, несмотря на наличие исключительно яркой работы Ленина, посвященной развитию капитализма в России, в нашей марксистской литературе, по существу говоря, является мало разработанной. Обычно проблема генезиса капитализма сводится к изложению тех процессов, о которых рассказывает Маркс в главе о так наз. «первоначальном накоплении», т. е. насильственной экспроприации истинного производителя, истории превращения феодального производителя, наделенного орудиями и средствами производства, в «свободного, как птица, пролетария» и грабежа колоний со стороны рыцарей первоначального накопления, как источника накопления капитала.

Эти два момента, конечно, играют громадную роль в тайне «предистории капитала», однако они не вскрывают полностью проблемы генезиса капитализма во всем ее многообразии. Проблема генезиса капитализма в конечном счете сводится к выяснению процесса вызревания в недрах старых феодальных производственных отношений капиталистического способа производства, борьбы этого вновь созревшего способа производства со старым, феодальным способом производства и анализу обстоятельств, при которых эта борьба приводит к господству капитализма. Таким образом, проблема генезиса капитализма требует с самого начала выявления тех процессов, которые вызвали потребность и в насильственной экспроприации истинных производителей и в кровавых подвигах на поприще капиталистического накопления в эпоху XVI—XVIII вв.

Исходным моментом нашего анализа должен явиться процесс развития основного противоречия феодального общества, которое полностью соответствовало уровню развития общественного разделения труда.

Процесс разложения феодальных производственных отношений, между прочим, идет по линии выделения города из-под власти деревни. «Наиболь-

шее разделение материального и интеллектуального труда, — пишут Маркс и Энгельс, — это — отрыв города от деревни... Отделение города от деревни можно рассматривать, также как и отделение капитала от земельной собственности, как начало независимого от земельной собственности существования и развития капитала, т. е. собственности, основанной только на труде и обмене». [1] Развитие капитала идет через городской строй, где закладывались начала собственности, «основанной только на труде и обмене». Развитие городского строя, усилившего разложение феодального способа производства, приводит к отделению города от деревни, а затем к подчинению деревни городу. Этот процесс изменения системы производственных отношений сказался в переходе докапиталистической формы ренты в капиталистическую и в изменении отношений ренты и прибыли: уровень прибыли стал определять уже размер ренты. «С точки зрения капиталистического способа производства дело сводится к тому, — указывает Маркс, — чтобы... исследовать, каким образом земельная собственность достигает того, что отнимает у капитала часть произведенной им (т. е. выжатой из непосредственных производителей) и первоначально уже присвоенной им прибавочной стоимости». [2]

При анализе капиталистической ренты мы имеем дело не только с прибылью, но и с заработной платой: при переходе к капиталистическому способу производства из прибыли выделяется и заработная плата. Этому выделению соответствует отделение рабочего от средств производства. Выход прибыли из подчиненного ренте положения и торжество над ней были связаны с торжеством капитала. Свободе городов соответствовала свобода прибыли от ренты. Капиталистическим же производственным отношениям соответствует подчинение ренты прибыли с одновременным отпочкованием заработной платы.

В главе о «первоначальном накоплении» Маркс говорит, что «предистория капитала» и соответствующего ему способа производства представляет собой «исторический процесс отделения производителя от средств производства». Последнее же связано с экспроприацией индивидуальной собственности, которой истинный производитель владел в феодальную эпоху в виде живого и мертвого инвентаря в деревнях и инструментов и продуктов ремесленной деятельности в городах. С другой стороны, образование капитала, его накопление, связано с накоплением богатства в руках мастеров, купцов и других капиталистов. Таким образом, производственные отношения феодального общества, разложившиеся в конце феодальной эпохи, трансформируются в эпоху так наз. «первоначального накопления» в направлении создания двух основных элементов капита-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеалогия, Соч., т. IV, стр. 40—41.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 565.

листического способа производства: свободной рабочей силы и капитала. Этот процесс, однако, во всем своем многообразии вскрывается в связи с процессом «развития общественного разделения труда».

Основными этапами общественного разделения труда были: простая кооперация — мануфактура — машина. Именно этому этапу и соответствует созревание капиталистического способа производства в недрах феодальных производственных отношений. Когда Маркс дает три формы ренты, он все время строит свой анализ на основе сопоставления ренты, выразителя феодального способа производства, и прибыли, выразителя капиталистического способа производства. Для этого он даже прибегает к «ложной антиципации», к ложному допущению возможности видеть в феодальных производственных отношениях категории капитализма, вроде прибыли и заработной платы.

Начнем с последнего этапа докапиталистической ренты.

При господстве денежной ренты Маркс говорит о прибыли в эмбриональной форме. «В своем чистом виде эта [денежная рента. *А. П.*] рента, как отработочная рента и рента продуктами, не представляет какого-либо избытка над прибылью. По своему понятию она поглощает последнюю. Поскольку прибыль существует фактически лишь как особая часть избыточного труда наряду с рентой, денежная рента, как и рента в ее прежних формах, все еще остается нормальной границей этой *эмбриональной прибыли*». [1] Раскрытие «тайны» появления эмбриональной прибыли в пределах докапиталистической ренты — пусть даже на последнем ее этапе — лежит в анализе мануфактурного периода капиталистического способа производства.

7. Мануфактурный период капиталистического способа производства

Развитие капитала, как мы видели, шло через городской строй, где закладывались начала собственности, имевшей «основу только в труде и обмене». Эти начала развивались через простую кооперацию и мануфактуру. «Кооперация, основанная на разделении труда, — указывает Маркс, — создает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства она господствует в течение мануфактурного периода, в собственном смысле этого слова, т. е. *приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII*». [2] Анализируя предпосылки мануфактурного периода, Маркс пишет дальше: «Так как товарное производство и товарное обращение составляют всеобщую предпосылку капиталистического способа производ-

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 575. Курсив мой. *А. П.*

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 252. Курсив мой. *А. П.*

ства, то для мануфактурного разделения труда необходимо, чтобы разделение труда внутри общества достигло известного развития... Мануфактурное разделение труда есть совершенно специфическое создание капиталистического способа производства». [1]

Наиболее полную разработку проблем, связанных с мануфактурой, мы имеем у В. И. Ленина: «По своему возникновению мануфактура, — пишет Ленин, — непосредственно примыкает к описанным выше *«первым стадиям капитализма в промышленности»*. С одной стороны, мастерские с более или менее значительным числом рабочих вводят постепенно разделение труда, и таким образом капиталистическая простая кооперация перерастает *в капиталистическую мануфактуру*... С другой стороны... торговый капитал в мелких промыслах, достигая высшей ступени своего развития, сводит уже производителя на положение наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную плату». [2]

Излагая дальше процесс образования мануфактуры, Ленин указывает: «В развитии капиталистических форм промышленности мануфактура имеет важное значение, *будучи промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией* (фабрикой). С мелкими промыслами мануфактуру сближает то, что ее базисом остается ручная техника, что крупные заведения не могут поэтому радикально вытеснить мелкие, не могут совершенно оторвать промышленника от земледелия... С фабрикой мануфактуру сближает образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала, в полном подчинении у которого находятся массы неимущих рабочих». [3]

Маркс различает две формы мануфактуры: 1) гетерогенную мануфактуру — несовершенную и 2) органическую — централизованную. Классическим типом мануфактуры является централизованная мануфактура, однако и децентрализованная, или гетерогенная, ее форма связана уже с капиталистическим способом производства. «Если мануфактура уничтожает городское ремесло и сельскую домашнюю промышленность в одной форме, — пишет Маркс, — в особых отраслях производства в определенных пунктах, то она *снова создает их в других формах и в других местах*, потому что она до известной степени *нуждается в них для обработки своего сырого материала*. Она создает поэтому новый класс мелких земледельцев, для которых обработка земли является лишь *побочной отраслью*, *а главное занятие — промышленный труд*, изготовление продуктов, продаваемых — непосредственно или при посредстве купца — на мануфактуру». [4]

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 271.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 310. Курсив мой. *А. П.*

[3] Там же стр. 311.

[4] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 600—601. Курсив мой. *А. П.*

Эта роль сельской промышленности в создании базы для мануфактуры недвусмысленно свидетельствует о том, что «manufacture dispersée», так наз. «рассеянная мануфактура», или, как у нас называют ее, «домашняя промышленность», не только не противоречит капиталистическому способу производства, а имеет его в основе. Далее, мануфактурное разделение труда превращает кустаря, домашнего рабочего, в «детального рабочего», выполняющего определенную функцию *в общем процессе производства под командою капитала*. Наконец, мануфактура должна представлять собой такую систему организации производства, в состав которой должно входить обязательно централизованное предприятие, будет ли это первоначальная мастерская, из которой полуфабрикат распространяется на подсобную мануфактуру и домашнюю промышленность, или контора раздатчика, в которой одновременно завершается процесс обработки полуфабриката в готовый продукт. «Последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга». [1]

Таким образом, вся работа на скупщика является, несомненно, уже не просто одним из видов домашней промышленности, а представляет собою одну из форм выражения капиталистического способа производства. Основные принципы этого вида мануфактуры лучше всего разработаны Лениным: «По научной же классификации форм промышленности, в их последовательном развитии, работа на скупщика, — пишет Ленин, — принадлежит большею частью *к капиталистической мануфактуре*, ибо она: 1) основана на ручном производстве и на широком базисе мелких заведений; 2) вводит между этими заведениями разделение труда, развивая его и внутри мастерской; 3) ставит во главе производства торговца, как это и всегда бывает в мануфактуре, предполагающей производство в широких размерах, оптовую закупку сырья и сбыт продукта; 4) низводит трудящихся на положение наемных рабочих, занятых в мастерской хозяина или у себя на дому. Именно этими признаками, как известно, характеризуется научное понятие *мануфактуры, как особой ступени развития капитализма в промышленности*». [2]

Последние замечания Ленина определенно указывают, насколько неправы те буржуазные историки, которые сводят марксистское понимание мануфактуры к вопросу об организации рабочих под одной крышей. Анализ Ленина недвусмысленно обнаруживает, что разбросанные по отдельным цехам кустари выполняют лишь частичные операции в общем процессе производства, что сработанный ими полуфабрикат передается затем в одну из мастерских или контору, где он доделывается, и что таким об-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 259.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 257. В последней фразе курсив мой. *А. П.*

разом вся система работы на скупщика представляет собой с точки зрения способа производства лишь первую ступень той же самой мануфактуры, которая создается на основе объединения рабочих под одной крышей.

Генезис капитализма, как видим, представляет собой более сложную проблему. Проблема перехода от феодализма к капитализму прежде всего сводится к превращению разложившихся производственных отношений феодального общества в капиталистический способ производства. Эта трансформация и происходит в эпоху так наз. «первоначального накопления», а так как эпохе первоначального накопления (XVI—XVIII вв.) хронологически почти соответствует мануфактурный период капитализма (с половины XVI по последнюю треть XVIII в.), то это первоначальное накопление происходит уже на базе существования капиталистического способа производства.

При изучении капиталистического способа производства Маркс рассматривает систему производственных отношений, связанных с капиталом, рентой и заработной платой. «Капитал — процент; земельная собственность, частная собственность на землю, притом современная, соответствующая капиталистическому способу производства, — рента; наемный труд — заработная плата. Итак, связь между источниками дохода должна заключаться в этой форме. Как капитал, так и наемный труд и земельная собственность, — пишет Маркс, — суть исторически определенные общественные формы, одна — труда, другая — монополизированной земли, и притом обе суть формы, соответствующие капиталу и принадлежащие одной и той же экономической формации общества». [1]

При докапиталистических формациях мы не имеем дела ни с капиталом в производстве, ни с наемным трудом. Говоря о капитале в эпоху феодализма, Маркс отмечает натуральную форму капитала в средневековых городах и купеческий капитал. «Капитал в этих [средневековых. *А. П.*] городах, — указывает Маркс, — был натуральным капиталом; он заключался в жилище, инструментах и естественно образовавшейся наследственной клиентуре; вследствие неразвитого общения и недостаточного обращения он не мог быть реализован и потому переходил по наследству от отца к сыну. Капитал этот — в отличие от современного — не исчислялся в деньгах, при которых безразлично, в какой именно вещи он заключается, — а был непосредственно связан с трудом владельца, совершенно неотделим от него и поэтому был *сословным* [подчеркнуто Марксом. *А. П.*] капиталом». [2]

В этом отсутствии категории капитала, как самовозрастающей стоимости при докапиталистических формациях, нет ничего удивительного,

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 588.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 43.

так как «капитал возникает лишь там, где владелец средств производства и средств существования находит на рынке свободного рабочего в роли продавца своей рабочей силы, и уже одна эта историческая предпосылка заключает в себе целый мир особого исторического развития».[1] Этот «целый мир особого исторического развития» — эпоха капиталистического способа производства.

При феодальной формации нам не приходилось иметь дело с системой наемного труда, хотя в эпоху разложения феодализма, связанную с господством денежной ренты, пришлось иметь дело с пролетаризированными истинными производителями, для которых открывался единственный путь существования — путь наемного работника.

При феодальной формации система производственных отношений была связана с докапиталистической рентой в ее различных формах (отработочная рента, рента продуктами и денежная рента). При переходе к капиталистической формации докапиталистическая рента переходит в капиталистическую. Наиболее близкой к капитализму формой ренты является денежная рента.

Рассмотрим теперь, как развивался переход от производственных отношений эпохи разложения феодализма к отношениям капиталистического способа производства.

Именно на основе этого анализа и раскрываются основные этапы в развитии основного противоречия феодального общества; каждому из основных этапов в развитии феодального способа производства — отработочной ренте, ренте продуктами и денежной ренте — соответствует свой этап в отношениях, какие складываются между феодальным способом производства и зреющим капиталистическим способом производства. При отработочной ренте, соответствующей ранним формам феодализма, рента, как указывает Маркс, «является здесь первоначальной формой прибавочной стоимости и совпадает с нею».[2] При ренте продуктами, которой соответствует уже развитый феодализм, Маркс говорит о прибыли, лишь прибегая к ложной антиципации: «Прибыль — если мы, прибегая к ложной антиципации, назовем так ту долю избытка его труда над необходимым трудом, которую он присваивает сам себе, — до такой степени не оказывает определяющего влияния на ренту в продуктах, что скорее можно было бы сказать, что она появляется *за спиной последней* и находит свою естественную границу в размере ренты продуктами».[3] Наконец, при денежной ренте, как мы знаем, прибыль выступает уже в эмбриональной форме.

Итак, проблема генезиса капитализма сводится к проблеме исторических связей и взаимоотношений простого товарного хозяйства и капита-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 112.
[2] К. Маркс, Капитал, г. III, ч. 2, стр. 570
[3] Там же, стр. 574. Курсив мой. *А. П.*

лизма: эпоха разложения феодализма, связанная с денежной рентой, уже дает нам эпоху простого товарного хозяйства. После письма Энгельса к Каутскому, [1] а в особенности его дополнения к III тому «Капитала» [2] вряд ли может быть сомнение, что простое товарное хозяйство представляет определенную реальную ступень в развитии человеческого общества: в эпоху разложения феодализма, точнее в эпоху мануфактурного периода капитализма, оформившийся в недрах феодализма уклад простого товарного хозяйства несомненно играет важнейшую роль. Отделение средневекового города от поместья-деревни и происходило в эпоху простого товарного хозяйства, ибо система простого товарного хозяйства явилась питательной средой капиталистического способа производства.

Проблема простого товарного хозяйства и капитализма имеет не только теоретическое, но и сугубо политическое значение. «Меньшевистски-идеалистическое понимание простого товарного хозяйства, — пишет Леонтьев,[3] — как простой абстракции капитализма чрезвычайно характерно для идеологии троцкизма, являющегося авангардом контрреволюционной буржуазии. В этом пункте особенно ярко выступает связь меньшевистски-идеалистической идеологии рубинщины с идеологией троцкизма. Троцкизм стирает грань между простым товарным производством и капитализмом. С этим связано отрицание революционных возможностей крестьянства, как союзника пролетариата, борьба против ленинской полчтики смычки, против ленинского кооперативного плана. Середняк для Троцкого — младший брат кулака. Непонимание отличий между простым товарным хозяйством и капитализмом составляет один из краеугольных камней троцкистской идеологии и неразрывно связано с троцкистским контрреволюционным отрицанием возможности построения социализма в одной стране. С другой стороны, правый оппортунизм также совершенно извращает действительное соотношение между простым товарным производством и капитализмом; он отрицает связь между тем и другим, он не видит тенденций перерастания простого товарного производства в капитализм; он отделяет простое товарное хозяйство от капитализма китайской стеной. Отсюда — политические установки правого оппортунизма, являющегося рупором кулацких интересов: пресловутая теория мирного врастания кулака в социализм, теория равновесия социальных секторов неразрывно связаны с такой трактовкой проблемы простого товарного хозяйства и капитализма».

Переход от простого товарного хозяйства к промышленному капитализму совершается в результате промышленной революции. Капиталистический способ производства в его мануфактурной стадии нуждается в под-

[1] См. Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 262.
[2] Сборник «О «Капитале» Маркса», ИМЭЛ, 1933 г., стр. 104—118.
[3] Сборник «О «Капитале» Маркса».

ведении под него адекватного материального базиса. В эпоху простого товарного хозяйства мы, с другой стороны, имеем сосуществование и борьбе феодального способа производства и нового капиталистического способа производства. Эта борьба разрешается в форме классовой борьбы, непосредственно увязанной с проблемой промышленной революции.

В качестве исходного момента для анализа проблемы промышленной революции следует взять все изменения, происшедшие в эпоху мануфактурного капитализма.

Как уже отмечалось, мануфактура, покоящаяся на ручном труде, была не в состоянии подчинить старый, феодальный способ производства. Существуя в качестве уклада, она, говоря словами Маркса, «лишь как «кунстштюк» возвышалась над зданием средневекового общества».

В мануфактуре, — указывает Маркс, — исходной точкой переворота «в способе производства служит *рабочая сила*, в крупной промышленности — *средство труда*». [1] Мануфактура была построена на ремесленном труде, и Маркс в дальнейшем показывает, каким образом средства труда из орудия превращаются в машину. Уже централизованная мануфактура была связана с тем, что последовательное расположение отдельных стадий процесса во времени превратилось в их пространственное расположение друг возле друга. С другой стороны, специфическим для мануфактурного периода механизмом был, как указывает Маркс, «сам коллективный рабочий, составленный из многих частичных рабочих». [2] Процесс перехода средств труда из орудий труда в машину совершался в результате того, что «машина заступает место простого орудия»: орудие перешло от человека к механизму.

Причиной этого перехода была ограниченность самой мануфактуры и ограниченность рабочих инструментов, которыми человек мог пользоваться одновременно на основе ручного труда. Как мы знаем, мануфактура неспособна овладеть национальным производством, неспособна «ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать в самой его основе», [3] т. е. превратить докапиталистические отношения в подчиненные себе уклады; с другой стороны, количество рабочих инструментов, которыми человек может действовать одновременно, было ограничено «количеством органов его тела». [4] Таковы технико-экономические предпосылки промышленной революции.

Свой анализ сущности промышленного переворота Маркс строит на основе учения о трех частях машины: двигательном механизме, передаточном и рабочей машине. Поскольку в машине основным механизмом яв-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 280.
[2] Там же, стр. 263.
[3] Там же, стр. 279.
[4] Там же, стр. 282.

ляется тот, который «разом оперирует массой одинаковых или однородных орудий и приводится в действие одной двигательной силой, какова бы ни была форма последней», постольку исходным пунктом промышленной революции и была *рабочая* машина — исполнительный механизм.

Эти технические изменения социально обусловлены, предопределены общественным характером производства. При мануфактуре расчленение общественного процесса производства носило чисто субъективный характер, поскольку она представляла собой «просто комбинацию частичных рабочих». [1]

При машине же, как подчеркивает Маркс, мы имели систему «непосредственно обобществленного или совместного труда». [2] Последнее обстоятельство имеет всеопределяющее значение для характера форм труда, как выражения определенной системы производственных отношений: в то время как на основе феодального способа производства господствовал труд в его *натуральной конкретной форме*, на основе машины, как лежащей в основе системы производственных отношений, строились общественные отношения, выражением которых было господство абстрактного общественно-необходимого труда. Но эта система отношений и является системой промышленного капитализма, эру которого и открыла собой промышленная революция.

Утверждение и господство капиталистического способа производства вместе с тем означали подчинение ему феодальных производственных отношений в качестве уклада. Промышленной революцией разрешалась борьба феодального и капиталистического способов производства. Но эта борьба капиталистического способа производства с феодальным способом производства разрешалась не в результате какого-либо экономического самотека, а в результате жестокой классовой борьбы, высшей формой которой была буржуазная революция (XVII—XVIII вв.). Эпоха буржуазных революций была подготовлена той борьбой, которую вели истинные производители на всем протяжении феодального общества. Крестьянские движения, закономерности которых на примере Германии XVI в. блестяще вскрыл Энгельс и которые Каутский старательно фальсифицирует, и явились теми «революциями крепостных крестьян», которые «ликвидировали крепостников и отменили крепостническую форму эксплуатации» (Сталин). Революция крепостных крестьян с одной стороны смыкалась с плебейской струей, а с другой стороны — с буржуазно-демократической струей. Борьба городов за свое освобождение от власти сеньоров и движения городских низов, так наз. коммуналистические движения, вместе с крестьянскими движениями и были той основой, которая подготовила события, ха-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 292.
[2] Там же, стр. 292.

рактерные для Англии XVII в. (Великая английская революция) и для Франции конца XVIII в. (Великая французская революция); в результате этих революций — *социальных революций буржуазии* — совершился и переход от феодализма к капитализму, переход от феодальной формации в новую общественно-экономическую форму — капиталистическую.

Такова проблема генезиса капитализма, разработанная Марксом — Лениным, во всем его многообразии.

8. Проблема «азиатского» способа производства

Под западноевропейским феодализмом имеют в виду развитие европейских народов, расположенных на территории западной Европы (от Атлантического океана на западе примерно до 37 меридиана восточной долготы, от Средиземного моря на юге примерно до Скандинавии на севере), вступивших в эпоху феодализма в результате варваризации Западной Римской империи. Оставляя в качестве отдельного сюжета проблемы феодального развития скандинавских стран, необходимо также подчеркнуть своеобразия развития стран к западу от Эльбы, ибо страны к востоку от Эльбы пережили, согласно Марксу и Энгельсу, эпоху «второго издания крепостничества». Нечего и говорить, что «второе издание крепостничества» обнаруживает такие «вариации и градации» в развитии феодализма по сравнению с развитием феодализма в «первом издании», что на них следовало бы особо остановиться. Наконец, Маркс и Энгельс предусматривали возникновение феодализма «чисто-экономическим путем, без промежуточного звена в виде завоевания или антагонизма двух племен». [1] Это замечание относится к возникновению крепостничества в Молдавии и Валахии и может быть применено и к ряду других стран, какие не знали возникновения феодализма путем завоевания. Имеется еще один вид феодализма, который заслуживает специального анализа, а именно — феодализм на Востоке.

Как известно, своеобразие развития феодализма на Востоке некоторые историки превратили в самостоятельную формацию «азиатского способа производства». Маркс и Энгельс, а за ними и Ленин подчеркивали своеобразия в развитии стран Востока. Маркс и Энгельс, как я на это уже указывал, видели прежде всего особенности развития восточного общества в своеобразиях разложения сельской общины. Сельская община на Востоке в своем развитии и разложении задержалась на тысячелетия, в результате чего страны Востока в течение тысячелетий не могли дойти до системы частной собственности на землю: «на Востоке не дошли до частной собственности, даже феодальной», [2] — писал Энгельс Марксу 5 июня 1853 г.

[1] Письмо Маркса к Энгельсу от 30 X 1856 г., Соч., т. XXII, стр. 161.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 493.

Далее, в других письмах Маркс и Энгельс дают картину развития восточного общества в эпоху сельской общины. «Причинами, вполне объясняющими застойный характер этой части Азии, — писал Маркс по поводу Индии Энгельсу, — несмотря на всю безрезультатность движений, происходивших на политической поверхности, являются следующие два обстоятельства, друг друга взаимно усиливающие: 1) общественные работы являются делом центральной власти, 2) наряду с последней вся страна, не считая двух-трех больших городов, расчленена на множество деревень, образующих совершенно обособленную организацию и являющихся совершенно замкнутым в себе мирком...

«Должность Potail (деревенский староста) обычно наследственна. Некоторые из этих общин землю обрабатывают сообща, в большинстве случаев каждый обрабатывает свой собственный участок. Внутри общины продолжают существовать рабство и кастовый строй... Жены и дочери занимаются домашним ткачеством и прядильной работой. Эти идиллические республики, ревниво охраняющие лишь *границы своих общин* от вторжения соседних общин, существуют еще и доныне в довольно хорошо сохранившемся виде в северо-западных частях Индии, которые недавно достались англичанам». [1] Приведенное описание Маркса недвусмысленно указывает на строй сельской общины с характерным для нее «дуализмом» в виде сосуществования совместной обработки земли с обработкой земли на собственном участке, наличие рабства и кастового строя, раздробленность и расчлененность страны на множество совершенно замкнутых мирков-общин. Но, вместе с тем, на Востоке мы имеем уже и настоящее антагонистическое классовое общество, общество, возникшее в результате превращения «дуализма», господствующего в сельской общине, в антагонизм. Прежде всего мы имеем страны Востока, где феодализм развивался по классическому образцу. Такой страной является Япония, где со времени сейгуната господствовал типично-феодальный строй. Но одновременно мы имеем ряд стран, где развитие феодализма принимало столь своеобразные формы, что Маркс и Энгельс вынуждены были выделять своеобразие этих стран. Прежде чем перейти к анализу этих своеобразий, необходимо ознакомиться с постановкой вопроса сторонников существования «азиатского способа производства», как особой формации. В наиболее систематическом виде эта точка зрения изложена у т. Мадьяра, у которого мы имели, по существу говоря, две постановки вопроса: в тезисах к всесоюзной конференции аграрников-марксистов и в его предисловии к работе М. Кокина и Г. Папаяна «Цзинь-Тянь». Сопоставление этих двух схем свидетельствует о несомненной неуверенности самих теоретиков «азиатского способа производства».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 500—501.

Общественные формации и аграрный вопрос

(Тезисы к всесоюзной конференции аграрников-марксистов).

1. Искусственное орошение.
2. Национализация земли и отсутствие частной собственности на землю.
3. Характерная для азиатского общества форма землевладения вызывает определенную форму отчуждения прибавочных продуктов крестьян: рента и налог совпадают.

К этим моментам т. Мадьяр прибавил особенности, связанные с техникой земледелия в Китае:

1) поливное земледелие,
2) система удобрения,
3) господство ручного труда,
4) отсутствие скота.

Предисловие к «Цзинь-Тянь». Аграрный строй древнего Китая

1. Отсутствие частной собственности на землю.
2. Необходимость искусственного орошения и соответственно этому необходимость организации общественных работ в большом масштабе.
3. Деревенская община.
4. Деспотия как форма государства.

Эти признаки сами по себе еще не раскрывают способа высасывания прибавочного продукта из непосредственных производителей, но они дают ключ к раскрытию этой самой глубокой тайны азиатского способа производства.

К этой аргументации «основоположника» теории «азиатского способа производства» у нас в СССР можно было бы еще прибавить доклад т. Берина «Феодализм или азиатский способ производства», сделанный им в Тифлисе в Закавказском отделении Общества историков-марксистов в 1930 г. Путем цитатного пасьянса Берин делает открытие, что Восток не знал крепостничества, ибо «внеэкономическое принуждение» там принимает форму «политического отношения господства и подчинения». [1] Далее он утверждает, что «на Востоке непосредственный эксплуататор не является земельным собственником и [поистине замечательно это «и»! *А. П.*] не берет на себя разбирательства судебных дел между подданными, поэтому здесь долго господствует суд «шариата», т. е. суд «обычного права», господствуют родовые и племенные обычаи, как купля-продажа женщин, обычай кровной мести и т. п.».[2] Для пущей убедительности т. Берин пугает: «Все те, которые утверждают, что докапиталистической формацией на Востоке был феодализм, разрабатывают апологию английскому, царскому, персидскому и другим правительствам, раздарившим землю европейским и туземным эксплуататорам на правах капиталистической и феодальной собственности». [3] Наконец, попыткой утвердить азиатский способ производства в Китае является «труд» М. Кокина и Г. Папаяна «Цзинь-Тянь. Аграрный

[1] «Об азиатском способе производства». Стенографический отчет. Дискуссия по докладу т. Берина, изд. Заккнига, 1930 г., стр. 17.

[2] Там же, стр. 18.

[3] Там же, стр. 17.

строй древнего Китая», книга, вышедшая с благословения главного теоретика Л. Мадьяра. [1]

Так наз. «азиатский способ производства» представляет собой систему соединения рабочей силы и средств производства, характерную для феодального общества; основа производства — земля — находится в собственности господствующего класса; истинные производители, несмотря на наличие орудий и средств производства, вынуждены осваивать землю феодалов. Соответствующая этому способу производства форма эксплуатации также феодальная, ибо господствующие классы присваивают внеэкономическим путем не только добавочный продукт, производимый истинными производителями, но и значительную часть необходимого продукта. И, наконец, восточная деспотия представляет собою не что иное, как орган господства феодалов над крепостными и поставленными в зависимость истинными производителями. О том, что проблема азиатского способа производства выглядит именно так, мы имеем прямое указание Маркса. Так, например, в «Теориях прибавочной стоимости», в главе о Ричарде Джонсе, Маркс писал: «Рента исторически (также у азиатских народов на высшей ступени развития) является общей формой прибавочного труда, безвозмездно выполняемого труда. Здесь присвоение этого прибавочного труда происходит не посредством обмена, как у капиталиста; основой его служит насильственное господство одной части общества над другой, следовательно, прямое рабство, крепостничество или политическое отношение зависимости». [2] Таким образом, мы 1) имеем прямое указание Маркса о нахождении азиатских народов «на высшей ступени развития», т. е. на ступени классового общества, 2) азиатские народы были подчинены закономерностям исторического развития, какие были присущи и европейским народам, т. е. они прошли через рабство и крепостничество.

В этом смысле для периода азиатского общества, как периода классового состояния, можно принять следующее объяснение, данное Е. Иолком азиатскому способу производства: «Эта первая прогрессивная полоса антагонистического общества, — пишет Иолк, — не знала своего особого способа эксплуатации, а как бы предвосхищала в самых примитивных и грубых формах два исторически последующих докапиталистических способа эксплуатации — в одних случаях рабство, в других — крепост-

[1] Должен отметить, что критика теории азиатского способа производства несомненно сейчас значительно облегчена той положительной работой, какая была проделана т. М. Годесом, проведшим дискуссию по вопросам «азиатского способа производства» в Ленинградском обществе марксистов-востоковедов, и статьями т. Е. Иолка. Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса, Общество марксистов-востоковедов при ЛОКА, 1931 г.; Е. Иолк, Рец. на книгу М. Кокина и Г. Папаяна «Цзинь-Тянь», Проблемы Китая, 1930 г., № 4; Иолк, «К вопросу об «азиатском» способе производства», «Под знаменем марксизма», 1931 г., № 3.

[2] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 290.

ничество (феодальная зависимость). При этом отношение неприкрытого насильственного господства одной части общества над другой и присвоение на этой основе прибавочного труда производителей могло в некоторых случаях достигнуть такой степени напряжения, что отношение не только выступало в форме собственности господствующего класса на часть или все средства производства, но могло одновременно выступать в форме неограниченной собственности на личность производителя. Отношения крепостничества сближались или совпадали с рабством». [1] Можно лишь пожалеть, что в этой, в основном правильной характеристике особенностей развития азиатского общества т. Е. Иолк все же не принял во внимание особенностей развития сельской общины на Востоке, которая, как я уже указывал, подчеркивается Марксом и Энгельсом как одно из существенных своеобразий восточного общества.

Несомненно, что концепция т. Мадьяра и других сторонников азиатского способа производства покоится в значительной степени на неправильной, с точки зрения марксизма-ленинизма, теории образования классов и на некритическом отношении к буржуазным источникам. По Мадьяру, основное классовое деление восточного общества «происходит между основными крестьянскими массами, объединенными в общинах, и между выделившимися из общин бывшими слугами общины, конституировавшими себя как господствующий класс (жрецы в Египте, литераты в древнем Китае и т. д.). Форма государства — деспотия». [2]

Жрецы и литераты — ученая бюрократия — становятся, по Мадьяру, господствующими классами не в силу овладения отношениями к средствам производства, а в силу своих организаторских функций в деле орошения: «Мы видим... как необходимость искусственного орошения, — пишет Мадьяр,—выделяет из общины группу лиц, которые, выполняя общественные функции, как слуги общины, снабжаются известными полномочиями и как эти слуги общины превращаются в господ общины, как они *конституируют себя по отношению к общине как господствующий класс*. Политическая власть из служанки превращается в госпожу. Тем самым бывшие слуги общины, ставшие господами общины, станут эксплуататорами общины». [3] Нет надобности особенно распространяться по поводу того, что верхушка разлагающейся общины лишь тогда оказывается в состоянии превратиться в господствующий класс, когда «дуализм» сельской общины приводит к такой парцелляризации общины, которая дает возможность господствующей верхушке основать свою монополию на важнейшие условия производства на основе частной собственности.

Точка же зрения Мадьяра приводит к тому, что господствующими клас-

[1] Под знаменем марксизма, 1931 г., № 3, стр. 145.
[2] Предисловие к книге Кокина и Папаяна «Цзинь-Тянь», стр. LIII.
[3] Там же, стр. LI.

сами восточной деспотии являются либо ученая бюрократия и жречество, основывающие свое господство на организации орошения, либо восточная деспотия является каким-то новым видом государства, не выражающим интересов какого-либо господствующего класса.

Далее, аргументом «азиатчиков» является указание на специфику системы эксплуатации в восточном обществе в виде совпадения ренты и налога. Действительно, в восточном обществе, как указывает Маркс, «рента и налог совпадают, или, точнее, не существует никакого налога», который был бы отличен от этой формы земельной ренты». [1] Как уже указывалось, в докапиталистической ренте у Маркса выражена система производственных отношений феодального общества.

Анализируя первый этап феодального общества, связанный с господством отработочной ренты, Маркс, вся теория которого не имеет ничего общего со стремлениями применять универсальное паспарту, подчеркивает одну из «вариаций и градаций» основной закономерности рассматриваемого периода развития общества, характерную для стран Азии: рента-налог является не чем иным, как одной из разновидностей феодальной земельной ренты. Из того факта, что рента и налог совпадают, система производственных отношений *принципиально* не изменяется.

Наконец, теория об отсутствии частной собственности на землю на Востоке является не чем иным, как «теорией». Маркс в переписке с Энгельсом делает определенное указание по поводу существования частной собственности на Востоке. Он отмечает, что по вопросу частной собственности в Индии «среди английских ученых, пишущих об Индии, ведутся большие споры». Далее, «в сильно пересеченной, гористой местности к югу от Кришны собственность на землю, повидимому, существовала». [2] На самом деле проблема частной собственности или отсутствия частной собственности представляет собой проблему имущественного выражения производственных отношений. Согласимся со сторонниками «азиатского способа производства», что истинные производители эксплуатируются со стороны господствующих классов, причем они эксплуатируются, понятно, на основе внеэкономического принуждения. На чем же может основываться это внеэкономическое принуждение? Естественно, что на антагонистическом распределении орудий и средств производства. Что же является основой этих средств производства? Об этом сами «азиатчики» говорят, что земля. Таким образом, именно антагонистические отношения между классом эксплуататоров и эксплуатируемыми истинными производителями вырастают на основе отношений господства и подчинения, складывающихся на земле. Отсюда совершенно естественно, что отсутствие частной собственности на землю

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 570.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 501.

может быть отнесено к периоду сельской общины на Востоке. Это и имеют в виду Маркс и Энгельс. Что же касается классового периода восточного общества, то, естественным образом, попытки приписать Марксу и Энгельсу, создателям теории образования классов и общественно-экономических формаций, замечания, относящиеся бесспорно к доклассовому периоду, являются попыткой с негодными средствами.

Восточная деспотия была крепостническим государством, ибо так наз. азиатский способ производства «на высшей ступени развития», т. е. на ступени классового общества, представляет собою лишь одну из разновидностей феодализма на Востоке. Крепостнический характер стран Востока подчеркивали неоднократно Ленин и Сталин. В статье о Толстом Ленин подчеркивал, что идеология Льва Толстого представляет собою идеологию «восточного строя», «азиатского строя», т. е. «строя крепостного, строя жизни восточных народов». [1] В статье «К вопросу об аграрной политике современного правительства» Ленин прямо указывает, что структура русского помещичьего хозяйства развивается не по-европейски, а «по старокитайски..., по-турецки..., по-крепостнически». [2] В «Лекции о государстве» нет и намека на «азиатский» способ производства и т. д. Тов. Сталин во время дискуссии с троцкистской оппозицией в достаточной степени ярко показал все теоретические потуги троцкистов смазать крепостнический характер отношений в Китае. [3]

Нет надобности особо подчеркивать тот политический вред, который приносит теория «азиатского способа производства», неслучайно являвшаяся орудием троцкизма для его контрреволюционных нападок на партию и теорией всякого рода националистических и оппортунистических течений в странах Востока (в Китае и других странах).

Вся эпоха антагонистических формаций представляет собой лишь область «доистории», которая является подготовительной ступенью для перехода человечества в область настоящей человеческой истории, т. е. бесклассового социалистического общества. При переходе общества из одной антагонистической формации в другую — противоречия, являющиеся основой для антагонизма в этих обществах, не уничтожались, а лишь «снимались»: они продолжали существовать лишь в видоизмененной, «снятой» форме. «История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой эксплуатации, но сама эксплуатация оставалась. Сменялись одни эксплуататоры и угнетатели другими эксплуататорами и угнетателями, но сами эксплуа-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 101.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 459.
[3] См. И. В. Сталин, Об оппозиции, стр. 518, 652 и др.

таторы и угнетатели оставались. Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить *всякую* эксплуатацию и ликвидировать *всех и всяких* эксплуататоров и угнетателей.

«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только» продавать крепостных.

«Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации. Но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При крепостных порядках «закон» разрешал продавать крепостных. При капиталистических порядках «закон» разрешает «только» обрекать трудящихся на безработицу и обнищание, на разорение и голодную смерть.

«Только наша советская революция, только наша Октябрьская революция поставила вопрос так, чтобы не менять одних эксплуататоров на других, не менять одну форму эксплуатации на другую, — а искоренить *всякую* эксплуатацию, искоренить *всех и всяких* эксплуататоров, всех и всяких богатеев и угнетателей, и старых и новых». [1]

Только с социализмом антагонистические противоречия, оставшиеся не только со времени капитализма, но еще со времени докапиталистических формаций и перешедшие затем в «снятом» виде в наследие капитализму, будут уже не «сняты», а окончательно уничтожены. Система производственных отношений развернутого коммунизма, таким образом, будет представлять собой господство коммунистического способа производства, как *однородной* в смысле отсутствия всякого антагонизма совокупности производственных отношений. Эта однородность производственных отношений будет результатом не примитивности общественных отношений, характерных для архаического общества, а следствием колоссального развития производительных сил, именно — возрождения архаических отношений в высшей форме — «a revival in a superior form». [2]

Таков путь, пройденный человечеством от архаической формации к развернутой коммунистической. Этот путь может быть понят лишь на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина об общественно-экономических формациях.

[1] И. В. Сталин, Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников, Партизд., 1933 г., стр. 5.

[2] К. Маркс, Первый черновик письма к В. Засулич, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 278.

Значение для нас Маркса и марксизма-ленинизма прекрасно выразил т. Л. М. Каганович, выступая на заседании в память 50-летия смерти К. Маркса от имени нашей партии.

«Если марксизм победил на одной шестой части земного шара, если великие идеи Маркса о диктатуре пролетариата, руководимого коммунистической партией, о победе социализма стали фактом, то этим мы обязаны твердой и последовательной борьбе нашей партии за революционный марксизм. Именно благодаря этому мы одержали величайшие всемирноисторического значения победы в деле социалистической индустриализации страны и социалистической переделки крестьянства — коллективизации сельского хозяйства. Наша партия оказалась победительницей именно потому, что она на всем своем пути, оставаясь верной традициям марксизма, разбивала все и всякие оппортунистические вылазки, сметала с своего пути всю гниль, все отбросы, всю агентуру классового врага...

«Мы чествуем сегодня память Маркса, память великого пламенного революционера, давшего рабочему классу всего мира правильную теорию— светоч, указывающий путь к победе. Эта память является для нас, большевиков, марксистов-ленинцев, и для всех революционных пролетариев и трудящихся масс новым призывом к сплочению сил для борьбы против капитализма, за международную пролетарскую коммунистическую революцию».

КАРЛ МАРКС И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДОКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА

Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества

П. П. ЕФИМЕНКО

Если взгляды Маркса на родовую и общинную организации, как преддверье классового общества, развитые им и Энгельсом в ряде литературных работ, в общем более или менее хорошо известны советскому читателю, в совершенно ином, значительно худшем положении находятся предшествующие, ранние стадии первобытного коммунизма.

Как представляли себе Маркс и Энгельс эти ранние этапы доклассовой формации, остается еще крайне слабо освещенным в марксистской литературе.

Существует даже мнение, что Маркс и Энгельс вообще не касались этой темы или если касались ее, то лишь вскользь и случайно. Таким образом, если труды основоположников марксизма могут служить для ориентировки во всех общественных формациях, тем более, что историческое значение этих последних впервые и установлено было Марксом и Энгельсом, начальная пора человеческой истории оказывается ими как будто обойденной — отчасти из-за отсутствия фактического материала, отчасти же потому, что она лежит слишком далеко от того, что более всего интересовало идейных вождей коммунизма, — генезиса классового общества.

Вот что пишет, например, В. И. Равдоникас, которому мы обязаны интересными соображениями в отношении доклассового общества: «Во времена Маркса знания о палеолите находились в состоянии «первоначального накопления», и ни Маркс, ни Энгельс никогда пристально не направляли свое внимание в эту возникавшую область науки. Это тем более понятно, что, ведь, основоположники марксизма, как и Ленин, были теоретиками-практиками и теоретиками-политиками прежде всего... Проблема общинно-родовой формации была для Маркса в известной мере практической политической проблемой, почему он ею и занимался («Письма об Индии», соответствующие места «Капитала» и т. п.). С этой

точки зрения дородовое общество его не интересовало, хотя наличия этой самой ранней фазы развития общества он никоим образом не отрицал и не считал, что человечество начало свою историю прямо с рода». И далее, приведя цитату из введения «К критике политической экономии» он замечает: «Значит, общества, существующие на основе охоты и рыболовства, — а сюда как раз и относится весь период палеолита, — Маркс не отрицал, но считал их лежащими за пределами действительного развития, т. е., иными словами, за пределами поддающегося учету общинно-родового развития (ведь, не мог же Маркс отрицать всякое развитие в таких обществах). В этом высказывании ясно сквозит мысль, что общинно-родовому обществу предшествовало какое-то в высокой степени стабильное, почти неподвижное (отсутствие действительного развития) общество на основе не земледелия и скотоводства, а охоты и рыбной ловли. Этим обществом Маркс не имел возможности ближайшим образом заняться, и тщетно было бы искать в его сочинениях развитых, хотя бы в такой же мере, как об общинно-родовой формации, высказываний». [1]

Такая точка зрения пользуется значительным распространением у наших историков-марксистов. В этом утверждении имеется, конечно, известная доля истины в том смысле, что развитых положений в отношении ранних этапов первобытного общества у Маркса было бы тщетно искать. Однако из этого не следует, что труды Маркса и Энгельса не содержат ряд соображений, дающих совершенно определенное освещение поступательного хода развития человеческого общества в интересующие нас эпохи. Мы попробуем показать в дальнейшем, что приведенная выше оценка нуждается в довольно существенных поправках.

Как мы уже говорили, Маркс никогда не ставил своей задачей специальное изучение первобытного общества, хотя он очень внимательно и по обыкновению весьма глубоко подходил к таким вопросам, как архаические формы землевладения в связи с общинной организацией у германцев, кельтов, индусов и пр. Однако совершенно нельзя сказать, что интерес к первобытному обществу у Маркса имел случайный характер. Он прежде всего вытекал из основного требования диалектики брать всякое явление во всех его связях, в его историческом развитии. Отсюда первобытное общество было для Маркса как бы введением, преддверием к классовому обществу, из которого в процессе диалектического развития выросло это последнее. Вместе с тем в своем особом качестве это было то состояние, которое являлось лучшим свидетельством преходящего существования общества,

[1] В. И. Равдоникас, К вопросу о социологической периодизации палеолита, Известия ГАИМК, т. IX, в. 2, 1931 г., стр. 19—20. Нужно заметить, что приведенные цитаты взяты из работы, написанной до последних дискуссий, и отдельные ее положения, в частности понятие общинно-родовой формации, в настоящее время не поддерживаются автором.

движимого антагонизмом классов. Мы знаем, что Маркс действительно с большим вниманием относился к появлявшимся в его время работам знаменитого Якова Гримма, Тэйлора, Леббока и т. д.

Руководясь определенным монистическим взглядом на историческое развитие человеческого общества, Маркс с насмешкой относился к представлениям буржуазных историков, делящих историю на собственно историческое время, связанное с «историческими событиями», и так наз. доисторическую эпоху, находящуюся за чертой исторической жизни. В своем очерке, посвященном Фейербаху, т. е. уже в самом раннем периоде формирования своих взглядов, он и Энгельс писали: «Отсюда ясно... где им [т. е. немецким филистерам. *П. Е.*] нехватает положительного материала и где нет места для богословской, политической или литературной бессмыслицы, там вовсе нет истории, а есть лишь «доисторическое время», причем они нам нисколько не объясняют, как совершается переход от этой бессмысленной «доистории» к собственно истории. Впрочем, с другой стороны, их историческая спекуляция особенно охотно набрасывается на эту «доисторию», потому что тут они считают себя обеспеченными от вторжений «грубого факта» и вместе с тем могут дать полную свободу спекулятивному влечению, создавая и разрушая гипотезы тысячами». [1] Таким образом, здесь Маркс и Энгельс с чрезвычайной заостренностью ставят вопрос об единстве исторического процесса. Хотя эти строки были написаны очень давно, в сороковых годах прошлого столетия, нельзя не видеть, что они и в настоящее время в значительной степени сохранили свою силу в оценке отношения буржуазных историков «к доисторическим временам».

Взгляды на древнейшую историческую формацию вытекали у Маркса и Энгельса вполне последовательно из их представления об историческом развитии человеческого общества. Для них «доисторическое время» являлось закономерным историческим этапом, столь же закономерным и столь же исторически важным, как и этапы развития классового общества.

Основой истории человеческого общества на всех ступенях его развития является, как установили Маркс и Энгельс, производство материальной жизни, т. е. удовлетворение потребностей, вытекающих из организации человека, которые не остаются постоянными, но естественно растут и усложняются вместе с ростом самого общества, и наряду с этим воспроизводство самого общества, сменяющихся человеческих поколений, в исторически созданных формах семейных отношений, также не остающихся одними и теми же в ходе исторического развития. Эти потребности, естественно, присутствуют с момента возникновения человеческого общества. Удовлетворение потребностей производства и воспроизводства материаль-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, 1933 г., стр. 19.

ной жизни, способ их удовлетворения является основным содержанием всего исторического процесса.

Таким образом, в основе истории человеческого общества лежит человеческая деятельность, общественнополезный труд, средство претворения окружающей человека среды в такую форму, в которой она может служить для целей потребления. Средства труда и общественная организация труда представляют собой важнейшие моменты, определяющие высоту исторического развития человеческого общества. Другими словами, степень развития производительных сил, мера власти человека над природой является также мерилом исторического прогресса.

Но борьбу с природой ведут не отдельные единицы, а общество, каково бы оно ни было и на сколь бы низкой ступени развития оно ни находилось. Во всей своей истории человек выступает как общественное существо (der Gesellschaftsmensch). Характер общественных отношений, структура общества зависит в первую очередь от степени развития производительных сил. Не зная этого, не ставя себе этой цели, в результате того же хода исторического процесса люди становятся между собой в отношения производства, которые являются показателем степени общественного развития в ту или иную историческую эпоху.

«Чтобы производить, они (люди) должны вступать в определенные связи и отношения друг к другу, и только в рамках этих общественных связей и отношений совершается их воздействие на природу, совершается их производство... С изменением и развитием материальных средств производства, производительных сил изменяются, претворяются и общественные отношения, при которых производят индивидуумы, или общественно-производственные отношения. Производственные отношения в их совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом обществом на определенной ступени исторического развития, обществом с его особенными отличительными чертами. Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество суть такие совокупности производственных отношений, из которых каждая в то же время отмечает особую ступень в историческом развитии человечества». [1]

Таким образом, действительно можно заметить, что характер этих отношений, отношений производства, представляет собой повторяющееся явление, наблюдаемое у самых различных исторических обществ на определенной ступени развития. Вместе с тем уровень развития производительных сил определяет всю совокупность надстроечных явлений. «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное общение лю-

[1] К. Маркс, Наемный труд и капитал, 1922 г., изд. «Красная новь», стр. 46.

дей еще являются здесь непосредственно вытекающими из материального соотношения людей». [1]

Таковы в самых основных чертах взгляды Маркса на историю человеческого общества. Не трудно видеть, что они естественно вытекают из диалектического материализма, всеобъемлющего учения о развитии природы. Для материалиста-диалектика все явления природы определяются законами, управляющими движением материи. Человеческое общество не представляет в этом смысле какого-либо исключения. Материальными причинами — развитием материальных производительных сил — обусловлены отношения людей, и в этом мы находим ключ к объяснению всех разнообразных явлений общественной жизни.

Отсюда возникает Марксово учение о формациях, как необходимых ступенях «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса». Такой общественной формацией для Маркса и Энгельса являлось и первобытное состояние общества — первобытный коммунизм. [2] Говоря о племенной собственности, как первой форме собственности на низшей, неразвитой ступени производства, отвечающей охотничьему, рыболовческому, скотоводческому или, в лучшем случае, земледельческому хозяйству, и противопоставляя эту стадию античному обществу, как основанному на классовом антагонизме, Маркс и Энгельс, несомненно, имели в виду (уже в 1845 г.) характерную черту именно первобытного коммунизма, причем авторы «Немецкой идеологии», употребляя выражение «племя», имели в виду в этом случае, что не трудно показать, не только родственный, но и хозяйствующий, производственный союз, производственную группу.

Если в той же работе, содержащей в первоначальных набросках все основные положения исторических взглядов Маркса и Энгельса, мы встречаем ссылки на семью, как на древнейшую общественную ячейку, это не значит, что они мыслили себе ее в современных формах. Соответствующие места, на которые ссылаются для обоснования подобных утверждений, свидетельствуют лишь о том, что и Маркс и Энгельс были вынуждены пользоваться термином «семья» для обозначения зачаточного кровнородственного объединения, которое мы предпочитаем в настоящее время определять понятием первобытной группы или первобытной орды. Что это именно так, свидетельствует, например, место из работы «К критике политической экономии», где Маркс уже в этом раннем труде совершенно определенно указывает, что «первобытною формой семьи является сама родовая семья, из которой частная семья развилась только путем исторического разложения».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, 1933 г., стр. 16.

[2] Дискуссия, имевшая место за последние годы, показала с полной очевидностью ошибочность взгляда на первобытное общество, как стоящее вне представления о формации.

Что Маркс, говоря о первобытном обществе, представлял себе его как общество, основанное на кооперативной производственной деятельности, становится вполне очевидным, если обратиться к тем же ранним его работам, где такие мысли высказываются неоднократно, в разной связи. Сам термин «первобытный коммунизм» применялся Марксом уже в 50 гг.

В дальнейшем это представление получает в трудах Маркса и Энгельса все большую определенность.

Но в эпоху, когда складывались взгляды Маркса, фактические сведения о первобытном обществе были крайне скудны. Достаточно напомнить, что только в 60-х годах в ученом мире буржуазной Европы укрепляется убеждение в одновременности грубых орудий из камня, находимых в слоях древних речных наносов, и ископаемых животных — слонов, носорогов и т. д., — что ранее ожесточенно оспаривалось, как противоречащее религии. После опубликования известного труда Ч. Ляйелля, посвященного геологическим доказательствам древности человека (1863 г.), начинает довольно быстро накапливаться новый материал в виде следов обитания и иных остатков, связанных с деятельностью человека, относящихся к так наз. палеолитическому периоду. Однако и значительно позже этот источник знания первобытных эпох, несмотря на полную возможность проникнуть далеко в глубь прошлого человеческого общества, благодаря узости взглядов ученых специалистов и выдвигаемым ими сухим, чисто формальным задачам исследования, в сущности оставался не использованным для сколько-нибудь широких исторических построений.

Не в лучшем положении находилась и этнография, не располагавшая никакими общими историческими перспективами для того, чтобы установить оценку собираемых ею фактов. По той же причине, распавшись уже при своем зарождении на ряд ничем внутренно не связанных, узко построенных областей знания, история первобытного общества, как особой исторической формации, и не могла явиться в своем многообразии предметом изучения. Доисторическая археология, этнография, социология, расовая антропология, обычное право, фольклор, сравнительное языкознание и т. д., все эти области буржуазной науки, вырастающие во второй половине XIX в., ограниченные с момента своего возникновения чисто формальными рамками, не могли не получить в руках буржуазных ученых искусственную, метафизическую направленность. Тем с большим интересом должны были встретить Маркс и Энгельс появившийся в 1877 году труд Льюиса Моргана «Древнее общество» (Ancient Society), представляющий по существу первую попытку дать картину развития первобытного состояния в свете широкого исторического обобщения. Морган имел возможность собрать для этой цели огромный фактический материал, взяв за основание исторического анализа изменения, испытанные формами семьи и родственного союза (рода). Ему на этом пути удалось открыть и солидно обосновать

ряд этапов, которые должно было проходить первобытное общество в своем историческом развитии и превращении в «цивилизованное», т. е. классовое, общество.

Отсюда то исключительное внимание, которое проявляли Маркс и Энгельс к исследованиям Моргана. Труд американского ученого они ценили не только по той причине, что последний подошел к первобытному обществу как большой ученый, глубоко проникая в строение этого общества и стремясь охватить его генезис во всей целостности, от зарождения до разложения и перехода в иное состояние, но и потому, что, следуя своим совершенно самостоятельным путем, он в основном пришел к тем же выводам, которые наметились для Маркса и Энгельса еще в эпоху совместной проработки ими «Немецкой идеологии» и «Коммунистического манифеста». Известны отзывы Маркса и Энгельса об этой выдающейся работе. По словам Энгельса, Морган «заново открыл в Америке материалистическое понимание истории, открытое Марксом за сорок лет перед этим, и, руководимый этим пониманием, пришел при сравнении варварства и цивилизации в главных пунктах к тем же самым результатам, что и Маркс». Насколько высоко оценивал Энгельс (и Маркс) труд Моргана, показывает не раз повторенная им мысль, что последний для ранней истории человеческого общества представляет такое же значение, как учение Дарвина для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для понимания классового общества.

Как известно, исходным моментом исследований Моргана явилось изучение первобытного общества на стадии сложения родовой организации, чему, в основном, посвящены почти все главнейшие его работы. Можно сказать, что значение рода в истории первобытного общества в сущности впервые и было открыто и правильно освещено Морганом. Ему принадлежит раскрытие динамики родовой организации, которую (родовую организацию) ему удалось проследить в первичном типе материнского рода, превращении материнского рода в патриархальный род и смене родовых отношений отношениями классового общества.

С этим переплетаются вопросы эволюции семьи в более тесном смысле слова и собственности, как исторического института. Исследуя первобытное общество, Морган поднимается до понимания этого общества, как общества доклассового, коммунистического, характеризуемого коллективным производством жизненных средств, общественной собственностью на средства труда и внутренней организацией, отвечающей этому строю жизни. Уже этого было достаточно, чтобы создать в буржуазной науке вокруг имени Моргана атмосферу замалчивания или неприкрытой враждебности. С вполне понятной последовательностью в XX столетии, когда по всей линии знания, связанного с первобытным обществом, в научных кругах Европы и Америки начинают брать верх явно реакционные течения,

почти все завоевания исследовательской мысли, которыми мы обязаны Моргану, признаются анахронизмами, не заслуживающими внимания гипотезами, свидетельствующими лишь о младенческом состоянии науки в эпоху Моргана.

Характерно, что то же отношение — игнорирования или ожесточенной ненависти — проявляется со стороны официальных представителей ученых кругов и к другому крупному эволюционисту, имя которого связано с разработкой проблемы первобытных эпох — Габриелю Мортилье.

Естественно, что работы Льюиса Моргана должны были сыграть очень большую роль в формировании взглядов Маркса и Энгельса на первобытное общество. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс, излагая результаты исследований Моргана, считает возможным придерживаться их в существенных пунктах, хотя в этой работе, являющейся до сих пор единственной по своему значению для понимания первобытного общества, Энгельс существенно углубляет взгляды Моргана. Он как бы слой за слоем вскрывает сменяющиеся типы общественной организации первобытного человечества, рисуя пути развития общества на этой исторической стадии, еще слабого, часто беспомощного в отношении сил природы, но сильного сплоченностью составляющих его ячеек. Лишь это последнее обстоятельство давало возможность человечеству выйти победителем в суровых условиях борьбы за существование, сопровождавших его детство.

Попробуем в кратких чертах наметить, как рисовали себе Маркс и Энгельс историю первобытного общества на ее более ранних этапах. Конечно, мы имеем здесь в виду лишь некоторую общую схему. Для нас значение ее заключается в том, что такая схема в действительности дает ключ к пониманию огромного фактического материала, накопленного наукой (в особенности археологией и этнографией) за последние 50 лет.

Прежде всего, нужно оговориться, что было бы неправильно думать, что Маркс и Энгельс, принимая известное деление Моргана, его периодизацию первобытной истории на низшую, среднюю и высшую ступень дикости, низшую, среднюю и высшую ступень варварства, сменяющуюся наконец цивилизацией, придавали ей абсолютное значение.

Энгельс определенно указывает, что эта схема имеет, с его точки зрения, рабочий характер, отвечая наличному состоянию знания: «пока значительное накопление нового материала не заставит внести изменения, его [моргановское] расположение материала останется в силе». Сейчас мы уже можем сказать, что терминология, которой пользовался Морган для обозначения своих стадий, не удовлетворяет требованиям современной науки, как далеко не вполне могут нас удовлетворить данные им характеристики ступеней прогрессивного развития первобытного общества.

Моргану делались справедливые возражения, что признаки, которыми

он характеризует отдельные стадии, как изобретение лука или распространение гончарного дела, далеко не всегда являются обязательными показателями уровня развития, достигнутого данным обществом. Мы знаем, например, такие первобытные общества, как полинезийцев, которые, стоя на относительно высокой ступени хозяйственного развития, отвечающего по схеме Моргана средней ступени варварства, не пользовались, в действительности, ни тем ни другим.

Учитывая приведенные выше соображения, мы должны, однако, признать, что схема Моргана, на которую обрушивается буржуазная наука, представляет собой совершенно реальную и значительную ценность. Нельзя игнорировать тот важнейший факт, что в своем представлении о первобытном обществе Морган первый вполне выдержанно и последовательно проводит идею развития, кладя в основу стадиальной периодизации черты, взятые «непосредственно из производства» (Энгельс). Поэтому не случайно, а, наоборот, вполне понятно и естественно, что устанавливаемые им ступени в существенных чертах не расходятся с исторической действительностью, что в должной мере и было оценено Марксом и Энгельсом.

Древнейшая ступень развития человеческого общества в работах основоположников марксизма, в особенности Энгельса, который не раз возвращался к этим вопросам, рисуется как состояние перехода от животного к человеку, длившееся, очевидно, чрезвычайно долго, — вероятно, несравненно дольше, чем вся последующая история человечества. Несомненно, превращение животного состояния в человеческое было одним из наиболее важных из известных нам в истории природы скачков, переходов из одного качества в другое. Этот процесс невозможно объяснить, исходя из чисто эволюционистских представлений. Все же мы, следуя за Энгельсом, в праве предположить, учитывая глубокие изменения, испытанные видом обезьян, явившимся предком древнейших человеческих существ, что это превращение должно было потребовать многих тысяч, если не сотен тысяч лет.

В противоположность буржуазным ученым, ищущим чисто внешних факторов, обусловивших процесс очеловечения, будь то поднятие части материка Азии, поставившее животных предков человека в несвойственные им условия, или изменение климата, имевшее следствием изменение ландшафта, смену тропических лесов открытыми степными пространствами, Маркс и Энгельс рассматривают этот процесс как процесс имманентный, долженствовавший совершаться в сложном взаимодействии внешних воздействий и внутренних причин.

Энгельс особенно подчеркивает значение, которое должно было иметь в возникновении человеческих качеств обособление руки, явившееся как бы предпосылкой свойственного человеку вертикального положения тела. Эта интересная мысль может быть понята таким образом, что руки, основ-

ной орган действия, должны были играть возрастающую роль в поддержании существования наших отдаленнейших предков. Возрастающая активность этих существ в деле добывания пищи, становившейся все более разнообразной по мере перехода от чисто растительного питания к потреблению также мяса животных, должна была явиться, следовательно, прямой предшественницей целесообразного человеческого труда, который приходит, как говорит Маркс, с приготовлением первых орудий из камня и дерева.

Таким образом, в течение многих и многих тысячелетий первое человеческое общество находилось на низшей, примитивнейшей ступени развития, в состоянии, которое недалеко ушло от животного состояния, живя собирательством, как основным источником добывания пищи, без знания огня, жилища, одежды, с простейшими, зачаточными орудиями труда. Это древнейшее общество должно было распадаться на небольшие группы, к которым могло бы быть применимо название человеческой стаи. Однако, несмотря на относительную незначительность культурных приобретений, отвечающих этой ступени, ее нельзя не рассматривать как огромный исторической важности путь от животного состояния к человеку, от стаи к обществу.

В одной своей работе Энгельс очень правильно указывает на значение в процессе становления человека перехода к питанию мясом. Растущая роль мясной пищи уже в древнейшую эпоху не вызывает сомнений, хотя при крайне несовершенных средствах охоты последняя должна была еще долго носить все же более или менее случайный характер.

Отвечает ли изложенное представление тем фактам, которые собраны наукой? Мы должны сказать, что отвечает в полной мере.

В настоящее время мы имеем возможность судить и о самом существе, стоящем на пути развития к человеку (питекантроп, гейдельбержец, открытый в недавние годы синантроп [1]), располагаем и многочисленными вещественными остатками, восходящими к очень древней поре человеческой истории, — грубыми орудиями из камня, которые могут быть приурочены геологически к ранней фазе четвертичного периода. Подобные весьма характерные для этой начальной поры изделия из камня известны уже по ряду находок, сделанных в южной Азии, в Африке, равно и в более южных странах Европы. Они встречаются, таким образом, в тех областях,

[1] В отношении последнего следует заметить, что при всем интересе этой находки обстановка, в которой были открыты остатки синантропа в древних отложениях близ Бейпина, продолжает оставаться далеко не разъясненной. Во всяком случае то, что пытается связать с ней Брейль, — знание синантропом огня, охота на крупных млекопитающих в качестве источника существования, применение им достаточно уже совершенных орудий из камня и кости, — все это внушает недоверие к рисуемой этим автором картине находок.

которые в раннечетвертичное время пользовались климатическими условиями, отвечающими тропической или субтропической зоне. За пределы этих областей они не выходят.

Такое обстоятельство само по себе представляет значительный интерес, как свидетельство полной еще зависимости возникающего человеческого общества от определенных условий природной среды. «Выйдя из животного мира, люди вступают в историю со следами своего происхождения: еще полуживотными, грубыми, бессильными перед силами природы, не сознающими своих собственных сил и поэтому столь же бедными, как животные» (Энгельс).

В примитивнейших каменных орудиях так наз. шелльской эпохи, наиболее ранних из известных нам изделий человека, встречающихся в слоях древних речных наносов, нельзя не видеть все же уже продукт некоторого исторического развития, начальные фазы которого уходят в глубь тысячелетий, к рубежу, разделяющему третичный и четвертичный периоды.

Исходя из того, что мы знаем об этом этапе, нельзя не отнестись как к антинаучному, явно тенденциозному — к стремлению буржуазных ученых с одной стороны крайне омолодить время появления человека, связывая его с последней (четвертой) ледниковой эпохой, с другой — приписать зарождающемуся человеческому обществу уже с самого начала чуть ли не все приобретения культуры. Не только аббат Брейль, но и Обермайер и другие наделяют синантропа, гейдельбергского человека и шелльца знанием огня, жизнью в хижинах на расчищенных от леса полянах, умением овладевать самой крупной дичью, как бегемоты, слоны, носороги и т. п., — вплоть до утверждения Рюто и Пфейффера о рабах шельльцев, которые занимались выделкой орудий для своих господ.

В этого рода установках буржуазных ученых, которым никак нельзя отказать в большой эрудиции в своей специальной области знания, мы не можем не видеть у одних злостную, сознательную фальсификацию первобытной истории во славу церкви, у других теоретическую беспомощность, объясняемую полным отсутствием представления о закономерности развития человеческого общества. Не будем говорить уже о таких вещах, как так называемая расовая теория, которая в сочетании с теориями культурных кругов и миграций фатально служит для большинства буржуазных ученых единственным объяснением первобытной истории с самых отдаленных ее эпох. К тем же недоброкачественным, антинаучным утверждениям приходится относить и достаточно распространенное, защищаемое видными этнологами учение об исконности парной семьи, как первичной свойственной человеку общественной форме.

Конечно, о внутренней организации человеческого общества на интересующей нас сейчас ступени развития можно судить пока лишь более или

менее предположительно. Но не трудно дать ответ на вопрос, имеем ли мы здесь дело с «индивидуальными поисками пищи» членами патриархальных семей, или, следуя за Марксом и Энгельсом, мы должны говорить уже в эту эпоху о зачаточном общественном коллективе.

Очевидно, что без допущения последнего мы никак не могли бы понять очень многое в истории человечества, начиная с того, каким образом столь слабое существо могло вообще выдержать борьбу за существование и не только не вымереть, но широко распространиться на трех соседних материках — Азии, Африки и Европы — уже в раннюю пору четвертичного периода. «Для развития за пределы животного состояния, для совершения величайшего прогресса, который только знает природа, нужно было еще кое-что: замена недостающей у особи способности к самозащите объединенною силою и коллективными действиями стаи». [1] Но мы имеем и прямые факты, дающие право на такое же истолкование. Сюда относятся, например, случаи находок древнейших известных нам орудий (так наз. шелльских рубил) в количестве десятков и сотен экземпляров в определенных местах по склонам речных долин, где они, очевидно, были оставлены бродячими группами шелльцев.

Так рисуется в настоящее время наиболее низкая ступень общественного развития, которую Морган называл низшей ступенью дикости.

Следующая, средняя ступень дикости, по Энгельсу — Моргану, может быть охарактеризована как значительный шаг вперед в отношении развития производительных сил первобытного общества, находившихся в предшествующую эпоху в более или менее зачаточном состоянии. Существенно важным новым фактом здесь становится появление охотничьего оружия в его простейших формах — деревянного копья с заостренным при помощи огня концом, тяжелой палицы, метательных камней, что, вместе с усложнением самой техники охоты, применением огня, загонов и пр., могло более или менее обеспечить первобытную группу постоянными продуктами охоты. Это приобретение, имевшее, несомненно, чрезвычайно большое значение, вместе с освоением огня, освобождая людей от прежней тесной зависимости от природных условий, давало возможность человеческому обществу впервые значительно расширить занятую им территорию. Человек расселяется теперь в умеренных широтах Европы и Азии, в тех местностях, которые оставались недоступными ему на предшествующей ступени. Естественно, что успехи, достигнутые на этой стадии человеческим обществом, становятся возможными только вместе с значительным усовершенствованием техники — прежде всего в части изготовления каменных орудий, которые были совершенно необходимы для обработки таких

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г., стр. 34.

материалов, как дерево, без коих была невозможна разделка убитого животного и т. д. Энгельс для этой фазы определенно указывает на палеолитическое время, не уточняя его в более узких границах. Не будет ошибкой сказать, что охарактеризованный таким образом этап развития первобытного общества вполне отвечает, по нашим современным представлениям, второй стадии палеолита, его среднему отделу. Известное сомнение может вызвать лишь предполагаемое Морганом на этой ступени значение рыболовства, хозяйственная роль которого вырастает только в гораздо более позднее время.

Испытывало ли само первобытное общество — составляющие его ячейки — какие-либо изменения в эту эпоху? Относительно этого мы можем найти определенные соображения у Маркса и Энгельса. Повторим еще раз, что, конечно, ни Маркс ни Энгельс, как известно, не имели возможности уделить специального внимания проработке фактического материала, относящегося к древнейшему периоду в истории человеческого общества. Да этот материал в значительной мере и отсутствовал еще не только в 40-е — 60-е, но и в 80-е годы. Однако для нас имеет существенное значение, что мы можем встретить у них ряд высказываний по интересующему нас вопросу, вытекавших из их представлений о генезисе доклассовой формации.

Особенно важно, что, вопреки довольно распространенному представлению, ни Маркс ни Энгельс вовсе не рассматривали первобытный коммунизм с его коллективным производством и коллективным распределением и определенными чертами общественной организации как результат хозяйственного развития лишь на общинно-родовой стадии. И наиболее отсталые охотничьи общества современности, на которые ссылаются для утверждения противоположного мнения, в действительности, как и земледельческие родовые общины, в полной мере могут быть отнесены к числу первобытнокоммунистических обществ, хотя, вместе с тем, нельзя забывать указания Энгельса, который подчеркивал, что поскольку мы можем наблюдать у подобных народностей известные факты, свидетельствующие о разложении первичных общественно-хозяйственных связей, эти факты находят свое объяснение в наблюдающемся у этих народностей состоянии социальной и экономической деградации. Таким образом, пережиточно сохранившиеся общества, вроде австралийцев, вовсе не могут быть приняты, без учета особых условий предшествующего развития, за образец первобытнокоммунистического общества на раннем историческом этапе. Эта мысль Энгельса заслуживает большого внимания, и к ней нам придется еще возвращаться. Во всяком случае, ссылками на такого рода примеры трудно обосновать вывод, что охота не могла явиться базой прочных коммунистических отношений в условиях первобытного состояния.

И Маркс и Энгельс неоднократно высказывали взгляд на охоту как на прогрессивную форму первобытного хозяйства, являющуюся в этих условиях первичным видом кооперации, т. е. коллективно-общественного труда. Отсюда понятно повсюду распространенное у отсталых народностей общее владение средствами труда — в первую очередь, естественно, местами охоты и собирания плодов, кореньев и т. п. Понятна также и самая организация общественного коллектива, которая даже у народностей с упадочными формами охотничьего хозяйства, вроде тех же австралийцев и бушменов, имеет бросающиеся в глаза черты коммунистического строя.

Таким образом, приобретение охотой значения важнейшего источника жизненных благ, что имело место на определенной исторической ступени, неизбежно должно было быть связано с оформлением первобытной ячейки как производственного коллектива, который в предшествующее время мог лишь носить совершенно неразвитый, зачаточный характер.

Первым следствием этого порядка вещей должно было явиться усиление внутренней связанности первобытной группы, что, естественно, должно было содействовать появлению в головах составляющих ее индивидуумов осознания общности их происхождения, но, в равной мере, также и противопоставлению себя другим производственным объединениям. Учитывая эти моменты, т. е. замкнутость такой ячейки, соединяющие ее узы кровного родства, мы могли бы назвать эту примитивную форму общественной организации первобытной семьей или «родовой семьей», как ее называли Маркс и Энгельс, — естественно, в очень условном значении этого слова.

Как мы знаем, Морган — Энгельс намечают в истории семьи ряд исторически складывавшихся типов, отражающих в области брачных отношений те изменения, которые происходили внутри самого первобытного общества по мере роста его производительных сил. Это 1) ступень неупорядоченных брачных отношений, 2) кровнородственная семья, 3) семья, отвечающая групповому брачному союзу, 4) парная семья, имеющая широкое распространение у многих современных отсталых народностей, 5) сменяющая ее типичная для классового общества моногамная семья. В эту систему, может быть, следовало бы включить также семью, основанную на индивидуально-групповом браке, переходную между третьим и четвертым типом, которая уцелела в настоящее время у некоторых народностей в виде единственного пережитка древней «родовой семьи», пользуясь выражением Маркса, — единственного пережитка, если говорить о реально существующей форме семьи, так как номенклатура родства в той или иной степени хранит еще у большинства отсталых племен прежнюю структуру семейного союза, сложившуюся на основе группового брака.

Древнейшую форму семьи, «семьи» в совершенно условном смысле слова, характеризующуюся полной неупорядоченностью половых отношений, мы в праве искать на низшей ступени дикости, по терминологии Моргана, отождествляя ее с первобытной шелльской ордой, едва отошедшей от животного состояния. Из этого начального состояния не оформившихся брачных отношений вырастает путем первых ограничений этих отношений между поколениями дедов и бабок, отцов и матерей, детей и внуков то, что Морган назвал кровнородственной семьей. Говоря об этой первоначальной стадии развития общественно-семейного союза (являющегося в то же время цельной, не зависящей от других таких же общественных образований производственной ячейкой первобытного общества), Энгельс указывает на глубокую древность кровнородственной формы семьи, относительно которой «вряд ли можно рассчитывать найти среди социальных ископаемых, у уцелевших дикарей, прямые доказательства ее существования в прошлом».

Не имея возможности непосредственно наблюдать эту наиболее архаическую форму родственного объединения, мы в праве считать, что ее существование в отдаленном прошлом не может вызывать сомнений, поскольку эта стадия вытекает из первобытнокоммунистической организации рождающегося человеческого общества. В этом ни Маркс ни Энгельс не высказывали ни малейшего сомнения. Энгельс в письме к К. Каутскому от 2 марта 1883 г., критикуя взгляды последнего по тому же вопросу, пишет: «где существует общность, будь то общность земли или жен,или чего бы то ни было, там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального, частного владения развивалась, в качестве вторичного явления, общность. Это положение я считаю настолько неопровержимым и общезначимым, что если бы вы даже указали мне на исключения, то, как бы они на первый взгляд ни были разительны, я бы видел в них не аргумент против этого положения, а лишь еще один требующий разрешения вопрос». [1]

Точка зрения Маркса и Энгельса здесь выражена вполне ясно. В несколько более раннем письме к Каутскому Энгельс указывает, что он не может изменить своего мнения, что «общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом половых отношений внутри племени».

Замечательной чертой общественной организации, отвечающей стадии кровнородственной семьи, или, как правильнее ее определить, орды, была замкнутость этих ячеек, т. е. их эндогамность. Когда Морган в своей

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932 г., стр. 218.

«Ancient Society» показал бездоказательность мак-леннановской теории эндогамных и экзогамных племен, он тем самым сделал очевидным, что экзогамия — «постепенное суживание того круга, первоначально охватывавшего все племя, внутри которого господствует супружеская общность между полами», — является этапом огромной исторической важности, является чрезвычайно большим шагом вперед в прогрессивном развитии общественной организации первобытного человечества.

Известно, что и Морган и Энгельс не ставили с полной определенностью вопроса о том, к какой именно стадии в истории первобытного общества может быть отнесено существование кровнородственных групп и переход к системе экзогамных брачных отношений. Сама постановка этого вопроса при крайне недостаточном знании первобытных эпох была тогда в сущности невозможна, хотя Энгельс указывает на то, что существование кровнородственной семьи уходит в глубочайшую древность.

Эта трудная проблема получает возможность своего решения лишь в наше время. Попробуем наметить относящиеся сюда факты. Мы уже раньше видели, что представляет собой древнейшее общество шелльской эпохи. Таким оно восстанавливается нами на основании остатков этой начальной поры человеческой истории, сохранившихся в раннеплейстоценовых наносах Европы. Следующий исторический этап, так называемый средний палеолит, рисует уже иную картину. В результате значительного похолодания, идущего с севера, вместе с распространением ледникового покрова, древний мир животных, привыкших к условиям теплого климата, отступает к югу, к берегам Средиземного моря. Однако человеческие поселения не только сохраняются всюду на прежних местах, но и захватывают новые области на север и на восток от прежних границ обитаемой зоны.

Характерной чертой новых природных условий в эпоху надвигающегося оледенения является необыкновенное богатство животного мира. Бесчисленные стада различных пород быков, оленей, диких лошадей паслись тогда на равнинах и пастбищах Европы, которые превосходили во много раз богатством своего населения знаменитые прерии Северной Америки. К ним присоединялось множество других животных с мамонтом и шерстистым носорогом во главе. Можно думать, что развитие ледниковых явлений, связанное с чрезвычайным увеличением осадков, должно было способствовать исключительному обилию растительного покрова, составлявшего пищу травоядных животных. И вне Европы, например, в северной Африке, также как и в ныне пустынных, безводных долинах Сирии и Палестины, в эту пору четвертичного периода мы видим такое же обилие разнообразных пород травоядных.

В характере остатков, связанных с человеческой деятельностью, нельзя не заметить целый ряд новых черт, неизвестных в предшествующую эпоху.

Места, где сохранились следы человеческого обитания, получают здесь впервые вид настоящих охотничьих становищ, где жизнь группировалась вокруг постоянно горевших костров. Остатки охотничьей добычи показывают, что люди в эту эпоху с большим успехом охотились не только на таких животных, как тур, бизон, лось, канадский олень и т. д., но и на самых крупных и сильных представителей животного мира. Не редки случаи, когда на местах поселений ашельско-мустьерского времени встречаются остатки сотен таких животных, как мамонты, носороги, пещерные медведи, что прежде всего указывает на достаточно продолжительное время существования этих лагерей. Толстые слои всевозможных отбросов жилья, образовавшиеся на местах, занятых человеком, указывают также своим появлением на зарождение в эту эпоху какой-то формы оседлости.

Не останавливаясь на частностях, мы должны подчеркнуть, что человеческое общество среднего палеолита выступает в виде относительно небольших численно, но крепких, сплоченных коллективов. Если принять во внимание чрезвычайно в общем низкий уровень техники, понятно, что только такими и могли быть орды ашельцев и мустьерцев, не боявшиеся столкновений с самыми опасными из представителей мира животных ледниковой эпохи. Вообще в это время человек впервые начинает проявлять себя как весьма внушительная сила.

Разбросанные небольшими группами на огромной территории, эти охотничьи орды должны были вести в значительной степени изолированное существование, представляя собой, как мы уже видели, рассматривая эту стадию в ее общем аспекте у Энгельса — Моргана, замкнутые, кровнородственные, эндогамные образования. Весьма низкий уровень потребностей и зачаточные формы разделения труда с своей стороны должны были поддерживать ту же замкнутость существования и отсутствие нужды в каких-либо формах взаимного общения у отдельных охотничьих групп.

Теми же причинами, т. е. крайней раздробленностью и разобщенностью мелких ячеек, из которых состояло общество на этой ступени развития, объясняется и бытовой облик, как он рисуется в эпоху среднего палеолита: крайняя примитивность культурного уклада неандертальцев, чрезвычайная медленность их культурного развития и т. д. Интересно, с другой стороны, что неандертальские охотники на мамонта и пещерного медведя, жившие 40—50 тысяч лет назад, благодаря добычливости своих охот находились во многих отношениях в лучших условиях в смысле обстановки существования, чем это мы видим у некоторых современных отсталых народностей, как австралийцы, бушмены, ведды и другие.

Вряд ли можно сомневаться в том, что эти народности в более или менее отдаленном прошлом также были окружены еще не истощенной, девственной природой, дававшей им несравненно более надежные и обильные источники для поддержания существования, чем в настоящее время.

В связи с этим нельзя не вспомнить мысль Энгельса, не раз подчеркивавшего, что не грубость является показателем примитивного состояния у отсталых народностей, а степень сохранения ими первобытных коммунистических связей, будет ли речь итти о семейно-брачных отношениях или о совместной производственной деятельности. Если мы не находим у таких народностей коллективного брака, в качестве постоянного института, а, наоборот, наблюдаем установившуюся форму парной семьи; если облавная охота или иные формы широкой хозяйственной кооперации, требующие соединенных усилий всех членов орды, не занимает первенствующего места в существовании этих народностей, — это не говорит за то, что здесь мы имеем какую-то древнейшую, начальную стадию развития первобытной общественной организации. Это значит лишь, что неблагоприятные условия природной, шире — вообще исторической обстановки, которые поставили отдельные группы человечества в состояние изоляции, которые на многие тысячелетия задержали их развитие, именно эти условия в естественном ходе вещей явились причинами некоторого социального регресса и исчезновения прежнего строя их общественно-хозяйственной жизни. В частности и бродяжничество, как необходимая в этих условиях форма хозяйства, по тому же справедливому указанию Энгельса, должно было вызвать значительное огрубение и упрощение всего уклада жизни этих народностей.

Возвращаясь к первобытной охотничьей орде ашельско-мустьерской эпохи — с ее противоречивыми тенденциями развития, имевшими результатом, с одной стороны, чрезвычайное укрепление общественной связи внутри первобытного коллектива, с другой стороны — крайнюю степень раздробленности общества, — видимо, не чем иным, как теми же особенностями социальной структуры, мы должны объяснить и замечательные черты самого человеческого типа, типа неандертальца. Как известно, тип неандертальца Homo primigenius, поражающий нас своими зверообразными чертами, проявляющимися в строении черепа, лица, в пропорции тела, в постановке головы, профиля позвоночника и т. д., с исключительной устойчивостью удерживается до самого конца среднего палеолита.

Приходится думать, что эндогамия древних орд, вынуждавшая их в течение огромного ряда поколений скрещиваться, как правило, внутри небольших групп индивидуумов, не могла не оказать весьма неблагоприятного влияния на физическую природу неандертальцев, прежде всего, конечно, крайне замедляюще влияя на физическое развитие наших предков.

Могучим толчком в формировании современного человеческого типа должен был явиться переход от замкнутой эндогамной к экзогамной организации первобытных ячеек. «Не подлежит сомнению, что племена, у которых половые отношения внутри семьи этим правилом были ограни-

чены, должны были развиваться быстрее и полнее, чем племена, у которых брак между братьями и сестрами оставался обычным явлением и законом». [1] Мы действительно видим, как при переходе к следующей стадии поразительно быстро складывается новый тип человека (Homo sapiens), который мы вскоре обнаруживаем на всех материках.

Третья стадия развития первобытного общества, отвечающая, по той же схеме Моргана, высшей ступени дикости, охарактеризована им значительно менее определенно, чем две предшествующие стадии. Если он вполне правильно отмечает возрастающее на этом этапе значение охоты в связи с усовершенствованием в области охотничьего вооружения, укрепление оседлости, наконец, значительное усложнение производственных навыков в смысле использования различных материалов для надобностей хозяйственного обихода, то не трудно видеть, что в широкие рамки такого определения с одинаковым правом может быть помещено и палеолитическое общество эпохи, следующей за мустье, и родовое общество раннего неолита, стоящее на несравненно более высокой ступени развития. Сам Морган, например, относит сюда племена северо-западных индейцев с хозяйственно-бытовым укладом, отвечающим достаточно высокому уровню развития производительных сил.

Очевидно, что высшая ступень дикости в ее моргановском определении включает в себя не одну стадию. Ее приходится оценивать как дли ельный путь развития, который обычно подразделяется в археологической литературе на две отчетливо выраженные ступени: палеолитическую и неолитическую, представляющие с точки зрения своего хозяйственно-бытового уклада весьма различные этапы в истории первобытного общества.

Рассматривая доклассовое общество под углом зрения изменения его внутренней организации, мы оказываемся вынужденными вслед за Энгельсом относить к данной стадии две различные формы семейно-брачных отношений. Если к более ранней поре ее относится архаическая форма семьи, основанная на принципе группового брака, к концу этой стадии возникает уже другая, хорошо нам известная форма парного брака — в в виде свободного, легко расторжимого союза мужчины и женщины, которую мы застаем у многих из ныне существующих отсталых народностей.

Другим в высокой степени характерным моментом на этом историческом этапе является сложение того, что можно назвать материнской организацией, или матриархатом. «При всех формах групповой семьи, — пишет Энгельс, — неизвестно, кто является отцом ребенка, но известно, кто его мать. Если даже *всех* детей общей семьи она называет своими и по отношению ко всем им несет материнские обязанности, то все же она от-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 38.

личает своих родных детей от остальных. Отсюда ясно, что, поскольку существует групповой брак, происхождение может быть установлено лишь с *материнской* стороны, а потому признается только *женская линия*. Это действительно имеет место у всех диких и стоящих на низшей ступени варварства народов». [1]

Однако это вовсе не значит, что матриархат в пору его возникновения сводится лишь к счету родства. Значение женщины здесь было несравненно более велико. Чтобы понять это, нужно учесть обстановку, в которой возникает экзогамно-групповая брачная организация.

Имеется довольно распространенное мнение, которое приходится слышать в нашей среде, что матриархат с определенной филиацией родства, приматом женщины в хозяйственном обиходе, также как матрилокальный характер брачного союза (переход мужчины в группу жены), представляет собой относительно позднее явление, становящееся исторической необходимостью лишь на ступени оседлого, земледельческого хозяйства. Другими словами, значение женщины в матриархальных родовых коммунах объясняется ролью женщины, как первого земледельца, в оседающих, ранее бродячих охотничьих ордах.

Эта точка зрения в сущности смыкается с взглядом, о котором мы упоминали выше, на первобытный коммунизм, как явление, также в сущности позднее, специфически свойственное древним земледельческим общинам.

Не отрицая наличия матриархата именно в таких условиях хозяйственного развития, когда в естественно вырастающем разделении труда труд женщины становится основой хозяйственного благополучия группы, нельзя не считать все же, вместе с Марксом и Энгельсом, что первобытный коммунизм, групповой брак, матриархат представляют собой особенности социально-экономической структуры доклассового общества, восходящие к древнейшим эпохам, задолго предшествовавшим возникновению земледелия. В различном, нами намеченном, отношении к вопросу о матриархате мы имеем, в сущности говоря, столкновение «экономического» понимания истории с взглядами исторического материализма.

Обращаясь от общих соображений к тому, что говорят факты, не трудно показать, что все находящиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что матриархат имеет глубокие корни в определенной организации общественных отношений и в конечном счете хозяйственного строя уже в очень раннюю пору первобытнокоммунистической формации.

В ходе развития первобытного общества на смену древней кровнородственной, эндогамной ячейке средней ступени дикости приходит, как установил Морган, новое общественное образование — орда, или перво-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 41.

бытная группа, основой которой становится экзогамный, попрежнему еще коллективный брачный союз. Это приходится представить таким образом, что в процессе естественного отбора более жизнеспособных, быстрее развивающихся групп, начинавших практиковать у себя ограничение брачных отношений, устанавливается обычай, воспрещающий браки не только между родителями и детьми, иными словами — между разными поколениями первобытной орды, но и внутри одного поколения ее.

Такого рода обычай, очевидно, узаконивший то, что начинало складываться в житейской практике, «совершался постепенно, начавшись, вероятно, с исключения из полового общения единоутробных братьев и сестер (т. е. с материнской стороны), сперва в отдельных случаях, затем понемногу становясь общим правилом... и кончая запрещением брака даже в боковых линиях, т. е., по нашему обозначению, для детей, внуков и правнуков родных братьев и сестер». [1]

Как мы видим, зачатки родовой организации восходят, таким образом, к весьма отдаленной эпохе.

Морган дает описание группового брака, сохранившегося до XIX в. на Гавайских островах в форме так называемой пуналуальной семьи. Пережиточные формы того же группового брака зарегистрированы и у некоторых других народностей, хотя, как чрезвычайно архаический тип брачного союза, групповой брак не мог уцелеть в сколько-нибудь широких размерах, и мы его встречаем у очень небольшого числа современных отсталых народностей.

Для того чтобы понять условия, в которых складывался этот тип брачных отношений, чтобы вместе с тем отдать себе отчет в том, почему женщина могла в эту эпоху, на еще очень низкой ступени развития, получить значительный вес в хозяйственной жизни первобытных ячеек, нам нужно разобраться в общей картине этой стадии. Прежде всего нам следует найти ответ на вопрос, являлось ли коллективное производство действительно жизненно необходимым на первобытной ступени развития, составляло ли оно реальную основу существования первобытного общества на дородовой стадии, как это утверждали Маркс и Энгельс. Очевидно, только тогда для нас станут ясными основные черты общественной организации, складывающейся при переходе от средней к высшей ступени дикости.

Что представляли собой охотничьи орды верхнего палеолита, мы знаем уже более или менее хорошо, по крайней мере как для северной Азии, Европы, так и для стран, расположенных вокруг Средиземного моря. Исследование мест их поселений открывает перед нами чрезвычайно интересную картину. Во Франции, Германии, Австрии, Моравии, равно и у нас на Дону и на берегах Байкала, повсюду, в определенных условиях, мы встре-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 64.

чаем становища древних охотников, существовавших за счет добычливых охот на мамонтов, диких лошадей, северных оленей и других животных.

Только относительная обеспеченность в смысле источников существования может объяснить нам расцвет культуры, который падает на позднепалеолитическое время. Что эти источники имели постоянный характер, давая, очевидно, ориньякским, солютрейским, мадленским охотникам обильные запасы мяса, жира, шкур и проч., показывает тот факт, что в эту эпоху на всей указанной территории получают широкое распространение прочные полуподземные жилища долговременного типа, близко напоминающие зимние жилища современных арктических народностей. Такие места поселений сопровождаются огромными скоплениями разнообразных отбросов, свидетельствующих о значении охоты в жизни населения этого времени.

Вполне очевидно, что обеспеченность существования была возможна в условиях первобытного хозяйства, лишь если представить себе население таких охотничьих стойбищ как сплоченную производственную организацию — первобытную коммуну. Без такого допущения было бы трудно объяснить чрезвычайную продуктивность охоты, о которой говорят нагромождения костей животных, тех же мамонтов, лошадей, северных оленей, бизонов, обычные в лагерях этой эпохи. Нельзя было бы понять также, каким способом доставлялись на места поселений целые части туши, например, мамонта, весившие иной раз не менее $^1/_2$ — 1 тонны.

Мне уже приходилось писать, что в пользу той же хозяйственной общности говорит и сгруженность мест обитания, отдельных жилищ или «очагов», как их обычно называют, на небольшом пространстве в тесном соседстве с хозяйственными запасами, сохраненными в виде куч костей мамонта и лошади. Сами стойбища, обычно состоящие из нескольких жилищ, служивших приютом каждое 2—3 десяткам человек, дают нам картину такой производственной коммуны. Но нередко жилища, открытые в стоянках ориньяко-солютрейской эпохи, имеют огромные размеры, очевидно, вмещая в себе целую орду. К сожалению, устройство жилищ последнего типа, особенно интересных для нас, остается еще очень мало выясненным.

В обстановке оседлого, хотя и охотничьего по преимуществу, хозяйства, была выдающейся производственная роль женщины, роль женского труда. Очевидно, на женщинах должно было лежать все то, что было связано с оседанием, — поддержание жилища, заготовка запасов, вообще утилизация продуктов охоты и собирательства, как то диктовали потребности существования в суровых условиях позднеледниковой эпохи.

Таким рисуется хозяйственный уклад охотничьих групп верхнего палеолита на всем пространстве от Атлантического до Тихого океана. Вне всякого сомнения, та же ступень общественного развития пережи-

валась и в южных, не затронутых непосредственно оледенением областях. Этим объясняется повсюду наблюдающийся в эту эпоху переход от стадии примитивной мустьерской культуры к так называемому ориньяку.

Этот же переход к высшей ступени хозяйственной и социальной организации первобытнокоммунистического общества на стадии дикости повсюду отмечен, как мы говорили, сложением нового типа человека — Homo sapiens. Можно думать все же, что в южных широтах, в иных климатических условиях наряду с охотой и собирательство должно было занимать существенное место в жизни орд эпохи верхнего палеолита. Доказательством этого являются огромные скопления раковин съедобных моллюсков, нередко имеющие вид холмов площадью до 1000 и более квадратных метров, которые сопровождают в северной Африке места палеолитических поселений. Вне всякого сомнения, активнейшую роль в этого рода хозяйственной деятельности должна была играть женская часть орды.

В обстановке оседлых коммун охотников и собирателей женщинам, таким образом, в общественном производстве должно было принадлежать по праву достаточно важное место. С этим стоит в известной связи появление и широкое распространение уже в раннюю пору верхнего палеолита весьма художественно выполненных изображений женщины, которые можно рассматривать как прямое свидетельство ее значения в хозяйственной и общественной жизни охотников ориньяко-солютрейской эпохи. Здесь проявляется, следовательно, в своих зачаточных формах тот круг представлений, связанных с особым положением женщины-хозяйки и женщины-матери, который впоследствии, на более поздних стадиях родового общества, вырастает в особый культ основателей рода, где женщине также первоначально отводится достаточно важное место.

Из сказанного можно видеть, насколько правы в своих утверждениях те, кто говорит о слабом развитии коллективного труда у доземледельческих народов, кто отрицает существование хозяйственных предпосылок первобытного коммунизма для этой эпохи. В корне неправильны и вытекающие из подобных представлений схемы, изображающие развитие брачных отношений как вырастающих из первенствующего положения мужчины-охотника, где женщине отводится совершенно подчиненное значение, подобное тому, какое она имеет, например, в бродячей орде австралийцев, как ее изображают буржуазные исследователи.

Вне всякого сомнения, женщине ориньякской эпохи приходилось работать не меньше, если не больше мужчины. Но «разделение труда между обоими полами, — говорит Энгельс, — обусловливается совсем другими причинами, чем положение женщины в обществе. Народы, у которых женщины принуждены работать гораздо больше, чем это следует им согласно нашим представлениям, часто питают к женщинам гораздо более

подлинное уважение, чем наши европейцы».[1] И женщины ориньяка, державшие в своих руках коммунистическое домашнее хозяйство, должны были занимать в ориньякском обществе положение не менее, а скорее более почетное, чем мужчина-охотник.

Следует учитывать самый характер возникающих экзогамных образований.

Не разбирая вопроса о непосредственных причинах возникновения экзогамии, как новой прогрессивной формы брачных отношений, рассмотрим, в какой социально-экономической обстановке оформляется этот институт.

В этом вопросе имеются две диаметрально противоположные позиции, которые разделяют с одной стороны основоположников марксизма и объективно мыслящих ученых типа Моргана, с другой стороны многочисленных исследователей разных направлений, объединяющихся в общем желании видеть в первобытной стадии зарождение тех «исконных начал» человеческого общежития, которые получают окончательное выражение в классовом обществе. Для последователей учения Маркса представление о первичной форме брака неотделимо от представления о социально-экономической природе первобытного общества. Наблюдения над пережиточными явлениями этого порядка показывают, что между тем и другим, производством средств к существованию и развитием семейных отношений, исторически устанавливается глубокая внутренняя связь. Коллективные формы хозяйства, коллективная собственность на средства производства и зачаточное состояние индивидуального сознания на первичной стадии человеческого общества сочетаются на ранних ступенях и с коллективной формой брачных отношений.

По отношению к первобытной орде охотников мустьерской эпохи у нас нет никаких оснований сомневаться, что она представляла собой простейший, недифференцированный общественный коллектив, в котором половые отношения отвечали тому, что Энгельс именует кровнородственной семьей — начальной формой человеческого общежития. Возникающая экзогамия, т. е. обычай, запрещающий брак с известными категориями кровных родственников, подробно расследованный в работах Моргана и Энгельса, должна была складываться в такой обстановке, где коллективный характер производства получает значительное дальнейшее развитие.

Это обстоятельство имеет существеннейшее значение для понимания первичных экзогамных образований ориньяко-солютрейской эпохи. Принимая во внимание сказанное ранее, можно думать, что брак в эту эпоху не мог еще сложиться в индивидуальной форме парного брака и должен был

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 49.

носить в господствующей практике экзогамно-коллективный характер. Другими словами, он совершался между целыми группами мужчин и женщин, принадлежавшими к различным экзогамным объединениям. Такой брак, вероятно, должен был уже с момента своего возникновения иметь установленную обычаем определенную организацию, регулирующую брачные взаимоотношения соседних орд.

Зарегистрированные кое-где случаи группового брака являются тем, что некогда составляло основу общественного строя первобытных ячеек. Эти угасающие остатки древнего быта свидетельствуют о том, что распространение этой формы брака относится к весьма отдаленной эпохе.

Не менее важно то обстоятельство, что экзогамия первоначально должна была иметь матрилокальную основу, т. е. сопровождалась переходом мужчин в группу женщин, а не наоборот, как это обычно наблюдается у современных охотничьих народностей. Известно, что случаи матрилокального брака действительно не представляют редкого явления у примитивных охотничьих народностей и, таким образом, уходят далеко в глубь дородовой стадии, хотя в среде некоторых современных первобытных обществ они имеют характер пережиточных обломков древней формы брака, более или менее стертой патрилокальным браком, характеризующимся вступлением женщины в орду, к которой принадлежит получивший ее мужчина.

Матрилокальную практику древнего коллективно-экзогамного брака Энгельс совершенно правильно рассматривает как одно из основных условий матриархата, т. е. господствующего положения женщин в производственной коммуне. «Коммунистическое домашнее хозяйство, при котором женщины все или в своем большинстве принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины распределяются по различным родам, является материальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщин, открытие которого составляет... заслугу Бахофена». [1] Переход в чужую орду, отрывающий женщину от ее родственных связей, ставит ее, как общее правило, в то подчиненное, зависимое положение, в котором мы ее находим у многих наиболее отсталых современных народностей.

Переход от матрилокальной к патрилокальной форме отношений между женской и мужской частью орды имеет свою более или менее ясную экономическую закономерность. Он наблюдается у тех первобытных охотничьих групп, у которых, как говорит Энгельс, приходится предположить состояние «вырождения», т. е. социального (а часто и физического) регресса, тогда как народности, находящиеся на пути прогрессивного развития, обладающие выросшей на основе оседлого, преимущественно

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 49.

земледельческого хозяйства крепкой коммунистической организацией, как известно, сохраняют институт матрилокального брака до очень поздней эпохи.

Изменение характера брачных союзов в связи с возникновением патрилокального брака и в родовых коммунах создавало худшие условия для положения женщины, указывающие на процесс распада древней родовой организации.

В каком направлении происходит изменение общественно-хозяйственного строя у народностей, слишком долго задержавшихся на охотничьей ступени развития, можно видеть на примере целого ряда таких народностей, у которых уже отсутствуют те формы производства, которые реконструируются нами для так называемой палеолитической эпохи. Выражением этого процесса являются изменения, претерпеваемые охотничьей ордой, которая в связи с переходом к патрилокальному браку получает характер территориальной, «локальной», а не родственной в прямом смысле слова группы, и брачно-групповые отношения внутри которой сменяются той парной семьей, сущность которой так выпукло была обрисована в работах Моргана и Энгельса.

Таким образом, ведущая роль в этих обществах, естественно, переходит к мужчине, хотя женщине часто, в случае неудачной охоты, приходится добывать необходимую для питания семьи растительную пищу, личинок, ракушек, мелких животных. Вследствие экономической необходимости женщина в условиях бродячего существования отсталых племен оказывается вынужденной в значительной степени превратиться в спутника охотника-мужчины, в транспортную силу, поскольку на нее падает обязанность тащить со стоянки на стоянку, кроме ребенка, также и весь домашний скарб, запас пищи, часто и лишнее вооружение мужчины. Из сказанного мы могли видеть, что это, однако, вовсе не было исконным положением вещей, как это думают многие этнографы.

Было бы неправильно думать, что то исчезновение матрилокальности и группового брака, которое мы можем наблюдать у ряда отсталых народностей, живущих охотой и собирательством, представляет закономерное, всеобщее явление на данном этапе развития первобытного общества. Нам трудно принять теорию циклического пути развития первобытнокоммунистической формации, которая недавно нашла сторонников среди некоторых научных работников нашей Академии. Нельзя не напомнить еще раз категорическое высказывание Энгельса по данному вопросу, который рассматривает первобытную общность, одинаково в экономических и семейных отношениях, как идущую из самых начал человеческой истории.

Обрисованная нами стадия, когда получают уже вполне определенный облик черты общественной организации, основанной на началах коллек-

тивного хозяйства и господствующего положения женщины в коммунах собирателей и охотников, является той ступенью развития, из которой непосредственно вырастает родовая организация, особенно интересовавшая основоположников марксизма.

На этом мы можем остановиться в рассмотрении хода развития первобытного общества, считая свою задачу выполненной. Думается, нам удалось показать, что высказывания Маркса и Энгельса, рисующие ранние этапы истории человеческого общества как процесс сложения особой исторической формации с характерным для доклассовой стадии коммунистическим строем социально-экономической организации, находят свое полное подтверждение в фактах, собранных современной наукой. В эпоху господства родового уклада этот строй достигает своей зрелости, чтобы далее начать распадаться в силу тех условий, которые им же самим были вызваны к жизни. Нужно удивляться гениальной широте исторических взглядов Маркса и Энгельса, которые еще в 40-е—60-е годы, задолго до открытий Моргана, в эпоху младенческого состояния изучения древнего общества, пришли к такого рода взглядам, которые и сейчас являются плодотворным основанием для понимания первобытной истории.

Маркс—Энгельс и основные проблемы истории доклассового общества

В. И. РАВДОНИКАС

Имя Маркса навсегда вошло в историю, как имя величайшего революционера и величайшего ученого, как имя основателя вождя Первого интернационала и творца диалектико-материалистической науки.

Буржуазные профессора, например, Зомбарт, любят проливать слезу по поводу того, что революционер-Маркс вредил будто бы Марксу-ученому, что «крайности» «Коммунистического манифеста» мешали Марксу смотреть на мир «объективно» и «трезво», как подобает истинному жрецу профессорской науки. Трудно сказать, чего больше в подобных сентенциях — непонимания ли марксизма, или же лакейства перед господствующими классами.

Маркс — фигура монолитная, вылитая из одного куска стали, законченная, классическая фигура непреклонного вождя и глубочайшего теоретика рабочего класса. Его величие и сила заключаются именно в том, что он был до конца выдержанным, до конца последовательным революционером одинаково и в политике и в науке. Научная теория Маркса служила и служит революционной практике, а революционная практика выковывала его научную теорию.

Осуществляющаяся в наши дни коммунистическая революция, делу которой Маркс отдал всю свою жизнь, первая революция, устраняющая навсегда эксплуатацию человека человеком, есть величайший из всех переворотов, когда-либо совершавшихся в человеческой истории.

И столь же велико значение переворота, произведенного Марксом в науке. Его открытия в корне перестроили все отрасли общественной науки, рассеяли господствовавшие веками иллюзии, изменили представления обо всех эпохах человеческой истории, о древнейшей или первобытной эпохе в том числе.

Заложив несокрушимый фундамент материалистического понимания истории, Маркс, говоря словами Ленина, «указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций». Это относится и к наиболее ранней—доклассовой или первобытнокоммунистической формации общества.

Величайшее открытие Маркса — диалектико-материалистический метод — дает ключ к объяснению всех явлений природы и общества. Если бы Маркс ничего не сказал о доклассовом обществе специально, — его гениальный метод уже обусловил возможность создания не существовавшей до Маркса подлинно научной истории доклассового общества и предопределил пути ее развития. Логика «Капитала» заменяет для нас, в качестве орудия исследования, «Большую Логику» Гегеля, и не даром Энгельс указывал, что для изучения, например, экономики разложения родового общества «Капитал» столь же необходим, как и содержащая конкретные факты книга Моргана «Первобытное общество».

Краеугольный камень исторического материализма — учение о социально-экономических формациях, специфических закономерностях развития каждой формации, о необходимости искать и вскрывать эти закономерности в ходе конкретного исследования вместо банальной плоской фразеологии буржуазной науки об обществе «вообще» — направляет историческую науку, какими бы эпохами она ни занималась, по правильному руслу и обеспечивает возможность выводов, адекватных действительности. Само понятие доклассового общества наряду с античным, феодальным, буржуазным и будущим коммунистическим сложилось только благодаря этому учению, благодаря трудам Маркса.

Но особые закономерности каждой формации представляют специфическое, качественно своеобразное проявление всеобщих законов развития общества; общее и особенное вовсе не отделены друг от друга абсолютной непереходимой гранью. Маркс открыл и с исчерпывающей ясностью изложил эти общие законы для человеческого общества, как Дарвин открыл их для органического мира. Развитие общества обусловлено развитием производительных сил, находящихся в противоречивом единстве с производственными отношениями. Совокупность производственных отношений представляет реальный базис общества, определяющий в конечном счете все остальные явления общественной жизни. Материальное производство — основа всей человеческой истории. Ее ведущая движущая сила — противоречие между производительными силами и производственными отношениями, разрешающееся в форме скачков к новому типу общественной структуры с тем, чтобы восстановиться на новой основе и в новом качестве.

Общие законы развития общества указывают нам, как и что нужно

изучать в каждой общественно-экономической формации, чтобы правильно понять ее особые закономерности, чтобы правильно понять исторический процесс в его реальной конкретности. И если бы мы для истории доклассового общества не имели ничего, кроме груды фактов, накопленных буржуазной наукой, материалистические законы истории, открытые Марксом, дают нам в руки Ариаднину нить, с помощью которой можно разобраться в этом лабиринте фактов, можно раскрыть решающую сущность истории доклассовой формации.

Но значение Маркса для науки о доклассовом обществе заключается не только в том, что он указал путь изучения общественно-экономических формаций, разработал единственно-научный диалектико-материалистический метод исторического исследования. Маркс и Энгельс (их нельзя отделять друг от друга ни в политике, ни в науке) [1] в течение всей своей жизни очень много работали сами, как исследователи, над проблемами древнейших эпох человеческой истории и особенно над проблемами доклассового общества. Основоположники марксизма сами применили свой метод к истории доклассового общества. Они оставили нам глубокую, тщательно продуманную концепцию развития доклассового общества, в изложении которой «каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала» (Ленин), [2] концепцию, являющуюся неотъемлемой, органической частью их революционного учения.

Вопросы истории первобытного общества привлекают к себе внимание Маркса и Энгельса уже в середине 40-х годов, когда только что сложился диалектический материализм и когда перед ними встала задача дать первый набросок нового, материалистического объяснения истории на всем ее протяжении, начиная с момента возникновения общества и кончая капитализмом.

Едва ли не наибольшие трудности для этого представляла как раз область первобытной истории. Дело в том, что никакой науки о первобытном обществе тогда еще не существовало. Накопленные сырые материалы, относительно немногочисленные, еще не были уложены ни в какую систему, и первобытная история, или «доистория», как указывал Маркс, давала тогда простор для самых фантастических спекуляций разным «идеологам», чувствовавшим себя здесь обеспеченными «от вторжений грубого факта» [3] и потому ничем не связанными. Подобные спекуляции были в

[1] «С тех пор, как судьба столкнула Карла Маркса с Фридрихом Энгельсом, жизненный труд обоих друзей сделался их общим делом». В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 407.

[2] Эти слова Ленина относятся к труду Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», резюмирующему в основном итоги работы Маркса и Энгельса по истории доклассового общества.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 19.

большом ходу у авторов многочисленных широко распространенных в XVIII в. и в начале XIX в. «историй культур», «историй человеческого рода» и т. п., изображавших первобытную эпоху, в зависимости от настроений автора, но вне всякой связи с фактами, то как время самой мрачной дикости, то как «золотое детство» человечества, «естественное состояние людей». и т. д. Образец таких рассуждений мы имеем, напр., у Руссо в «Общественном договоре». Некоторые из сочинений этого рода содержат и верные мысли (напр., Пагано в «Исследовании о гражданском развитии наций» рисует картину развития «дикости», кое в чем предвосхищающую Моргана; Аделунг в «Опыте истории культуры» говорит о первобытном коммунизме и т. д.), носящие, однако, характер лишенных всяких доказательств догадок, на подобие известной догадки Лукреция о каменном, бронзовом и железных веках, высказанной еще в I в. до н. э. Добахофенская этнография сводилась к известной сумме описаний «диких» народов, составленных большей частью лицами, непричастными к науке. В археологии тогда (конец 30-х годов) только что появилась знаменитая система «трех периодов» (камень, бронза, железо; Томсен, Даннейль и др.) — первая, собственно детская попытка широкого синтеза, к которой Маркс, как известно, отнесся в общем одобрительно, [1] так как видел в ней начало изучения развития древнейшего материального производства и опыт материалистической периодизации ранней истории, во всяком случае имеющий преимущества перед господствовавшими тогда чисто идеалистическими схемами. Не было даже типологического метода; Монтелиус родился только в 1843 г. Не было никаких знаний о палеолите. Буше де Перт бродил тогда в окрестностях Аббевиля, собирая свои камни с целью доказать «допотопное» существование человека. Его книга, вышедшая в 1848 г. («Antiquités celtiques et antédiluviennes»), несмотря на ошибочную предвзятую мысль о некогда бывшем потопе, положила начало учению о палеолите и поэтому делала эпоху в науке. Но она была встречена смехом и затем — обычный метод реакции в науке — надолго замолчана. Энгельс с негодованием вспоминал об этом в 1863 г. по поводу аналогичного случая с работами Шмерлинга и Ляйелля, крайне важными для изучения развития физического типа человека, но также не получившими своевременного признания со стороны господствовавших в официальной науке кругов. «Такие ничтожества, — восклицал по адресу последних Энгельс, — являются блюстителями науки!» [2] Палеоантропология, подводящая базу под современную теорию антропогенеза, также еще не существовала в 40-х годах. Авторитет знаменитого Кювье, в угоду Библии отвергавшего существование ископаемого человека, затормозил развитие

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1930 г., стр. 122, примеч. 5а.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 149.

этой науки и временно укрепил позиции религии в вопросе о происхождении человека.

Мы видим теперь, насколько прав был Энгельс, когда писал, что «в 1847 г. была еще почти неизвестна история первобытного общества, общественная организация, предшествующая всякой писаной истории». [1] Если буржуазные историки до Маркса говорили об истории классовой борьбы, а буржуазные экономисты обобщали по-своему экономику классового общества, то первобытная история представляла в 40-х годах совершенно девственную область. И, однако, основоположники марксизма уже тогда сумели извлечь из разрозненных, отрывочных данных наиболее рациональное и дать в 1845—1846 гг. в «Немецкой идеологии» первое изложение своей концепции доклассового общества, как общества первобытнокоммунистического. Впоследствии им пришлось, по мере расширения научных знаний, развить и во многом дополнить эти свои ранние взгляды, но лишь очень мало пришлось их изменять по существу. Такова сила диалектико-материалистического метода, гарантирующего при правильном его применении от ошибочных заключений.

«Немецкая идеология» содержит в сжатом и, так сказать, попутном изложении уже все наиболее существенные моменты учения о первобытном коммунизме. В ней прежде всего намечено решение проблемы происхождения человека и человеческого общества. Между обществом и природой — писали в этой своей первой вполне диалектико-материалистической работе Маркс и Энгельс, наперекор укоренившимся идеалистическим представлениям — нет разрыва, нет абсолютной противоположности. [2] История природы переходит в историю общества и взаимодействует с ней. Саморазвивающаяся природа на известной ступени делает скачок к новому качеству; возникает человек и общественная жизнь. Люди отличаются от животных прежде всего тем, что «начинают производить необходимые им средства к существованию». [3] «Первое историческое дело — производство самой материальной жизни». [4] Происхождение человека, выделение его из среды животных, обусловлено, следовательно, возникновением производства. Таким образом, мы имеем здесь в точной формулировке центральное положение знаменитой работы Энгельса 70-х годов «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны», высказанное до Дарвина, до учения о палеолите, до возникновения палеоантропологии, в дальнейшем блестяще оправданное всем ходом развития науки.

Далее, в «Немецкой идеологии» дана ясная характеристика структуры первобытного общества. Материальное производство определяет формы

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 483.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 84.
[3] Там же, стр. 11.
[4] Там же, стр. 18.

общения людей друг с другом и формы собственности. [1] «Первая форма собственности — это племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или в лучшем случае земледелием». [2] Племенная собственность есть собственность общественная или, что то же самое, отсутствие частной собственности. С полной четкостью Маркс и Энгельс оттеняют эту мысль и в другом месте той же «Немецкой идеологии»: «новейшие исследования по истории права установили, что как в Риме, так и у германских, кельтских и славянских народов *развитие собственности имело исходным пунктом общинную или племенную собственность и что настоящая частная собственность повсюду возникла путем узурпации*». [3] Отсутствие частной собственности связано с отсутствием классов, так как классы возникают лишь при условии частной собственности на средства производства. Поэтому в первобытном обществе «общественное расчленение ограничивается лишь расширением семьи: патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец рабы». [4] Маркс и Энгельс, несомненно, имеют в виду здесь патриархальное рабство, действительно широко распространенное на последних этапах доклассового общества. Они подчеркивают: «имеющееся в скрытом виде в семье рабство развивается лишь постепенно» и только при возникновении «второй формы собственности» — античной — «классовое отношение между гражданами и рабами уже достигло своего полного развития». [5]

Основываясь на известной фразе «Коммунистического манифеста»: «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов», и на перечислении формаций в предисловии «К критике политической экономии», Каутский утверждает, что Маркс в 40-х и даже в 50-х годах «еще не отличает примитивное бесклассовое общество от классового общества, [6] то есть не считает первобытное общество коммунистическим. При-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 11.

[2] Там же, стр. 12.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 349. В другом месте «Немецкой идеологии» (стр. 347) Маркс и Энгельс, опровергая идеалистическое выведение наследственного права Штирнером из идеи посмертного продления власти и доказывая, что наследование, абсолютная отцовская власть, право майората и т. д. «основываются на определенных материальных отношениях», замечают: «то же самое имеет место у древних народов в эпоху разложения общинной жизни вследствие развития частной жизни (лучшее тому доказательство — история римского наследственного права)». Мысль Маркса и Энгельса ясна: право наследования и связанная с ним частная собственность возникают лишь в эпоху разложения первобытного коммунизма.

[4] Там же, стр. 12.

[5] Там же, стр. 12—13.

[6] K. Kautsky, Die Materialistische Geschichtsauffassung, т. II, Berlin, 1927 г., стр. 3—4.

веденные выше места из «Немецкой идеологии» показывают всю несостоятельность таких ревизионистских попыток дискредитировать ранние работы основоположников марксизма. Идея первобытного коммунизма, предвосхищенная еще историками культуры рационалистами в XVIII веке, усвоенная утопическим социализмом (Фурье, который напр., ссылаясь на полинезийцев, рисует первые стадии своей семичленной схемы истории человечества — «эденизм» и «дикость» — чертами, свойственными коммунистическому обществу: отсутствие земельной собственности, «гармония интересов» и т. д.), была принята Марксом еще в самом начале 40-х годов. Так, в статье, напечатанной в «Рейнской газете» в 1842 г. («Философский манифест исторической школы права»), он пишет: «В последние десятилетия XVIII столетия предполагали, что народы в естественном состоянии обладают глубочайшей мудростью, а птицеловы всюду подражали способу пения ирокезов, индейцев и т. д., думая этими уловками заманить самих птиц в сети. В основании всех этих эксцентричностей лежала верная мысль, что дикое состояние представляет лишь наивную нидерландскую картину идеального состояния человечества». [1] «Идеальное состояние человечества» обозначает здесь, конечно, общество без антагонизмов, т. е. коммунистическое общество. Мысль об отсутствии частной собственности на заре человеческой истории высказана Энгельсом и в «Принципах коммунизма» (1847 г.). [2] Что касается фразы из «Коммунистического манифеста», на которую ссылается Каутский, то она была разъяснена Энгельсом в известном примечании к ней [3] как неточное выражение, а перечисление формаций в предисловии «К критике политической экономии», как видно из контекста, относится лишь к антагонистическим способам производства.

Установив, таким образом, понятие первобытного коммунизма, Маркс и Энгельс намечают в «Немецкой идеологии» движущую силу и общую линию его развития. «Совокупность доступных людям производительных сил обусловливает общественное состояние». «Все исторические коллизии... коренятся в противоречии между производительными силами и формами общения», [4] т. е. производственными отношениями. Развитие производительных сил обнаруживается прежде всего в разделении труда. «Всякая новая производительная сила... влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда». [5] Общественная жизнь в начале первобытной истории носит еще вполне животный, стадный характер. Разделение труда отсутствует. Господствует полное равенство людей друг с друга. Человек

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 209.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 473.
[3] Там же, стр. 483.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 64.
[5] Там же, стр. 11.

не выделяет себя из коллектива в своем «стадном» или «бараньем» сознании. [1] Затем, вследствие «увеличения производительности», «роста потребностей», «роста населения» начинает развиваться разделение труда, «которое ранее было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершившимся само собой, естественно возникшим благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д... Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда», когда «духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов», когда возникают частная собственность и противоречия между людьми. [2]

Эти противоречия могут быть устранены в зависимости от того, *«будет ли снова устранено разделение труда»*. [3] Наиболее яркое выражение разделения материального и духовного труда — отрыв города от деревни. «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству». [4] Наряду с материальным производством и ростом потребностей существует «третье отношение», «с самого начала вклинивающееся в ход исторического развития», заключающееся в том, что «люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это отношение между мужем и женой, родителями и детьми — семья». [5] Семья была вначале «единственным социальным отношением».

Мы нарочно подробнее остановились на «Немецкой идеологии», чтобы показать, с какой проницательностью Маркс и Энге́льс уже в 40-х годах в своем понимании доклассового общества предвосхитили многие выводы современной науки, насколько верно они уже тогда схватили в истории доклассового общества самое основное. В сущности только в одном вопросе, в вопросе о первобытной семье и ее развитии, совершенно не затронутом еще наукой 40-х годов, они должны были изменить свои взгляды впоследствии, как об этом писал Энгельс [6]. Однако необходимо подчеркнуть, что Марксу и в этом вопросе всегда чужды были традиционные представления о *моногамной* или *патриархальной* семье, как праячейке, из которой развилось общество, что пытается навязать ему Кунов, ссылаю-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.
[2] Там же, стр. 21—22.
[3] Там же, стр. 21. Курсив мой. *В. Р.*
[4] Там же, стр. 40.
[5] Там же, стр. 19.
[6] Примечание к 3-му изд. I т. Капитала. K. Marx, Das Kapital, т. I, Moskau, стр. 368.

щийся на те места из «Капитала» и из «К критике политической экономии», где Маркс говорит о развитии семьи в племя. [1] Хотя до исследований Бахофена и в особенности Моргана у Маркса не было, конечно, четкого представления о первобытной семье, но он, как материалист-диалектик, никогда не приравнивал ее к семье классового общества. В доказательство приведу следующие слова Маркса: «первобытной формой семьи является сама родовая семья, из которой частная семья развилась только путем исторического разложения», [2] высказанные им в 1859 г., т. е. за два года до появления книги Бахофена «Das Mutterrecht»!

Буржуазные ученые нередко пытаются изобразить происхождение тех или иных взглядов Маркса как простое заимствование от какого-нибудь предшествующего автора. Зомбарт дошел даже до того, что объявил все материалистическое понимание истории заимствованным от писателя XVIII в. Миллара, будто бы давшего еще в 1771 г. «самое совершенное применение материалистического понимания истории к различным областям культуры, какое только мы имеем». [3] Очевидная нелепость подобных заявлений не смущает их авторов, стремящихся снизить значение Маркса для науки и дискредитировать марксизм, объявляя его устаревшим.

На самом деле учение Маркса складывалось на основе коренной переработки новым методом всех достижений буржуазной науки и множества новых фактов, открытых самим Марксом. В частности, и его концепция доклассового общества представляет стройное целое, а не механическое соединение заимствованных мнений, но, разумеется, материалом для нее послужило лишь то, что Маркс и Энгельс могли найти в современной им и более ранней научной литературе. Было бы крайне важно выяснить для изучения развития взглядов Маркса и Энгельса, какие книги они читали, с какими материалами знакомились, прорабатывая тот или иной вопрос, и как относились к прочитанному. В настоящее время сделать это с достаточной полнотой весьма трудно. Большинство черновых записей, конспектов и записных книжек Маркса и Энгельса еще не опубликовано, почему, кроме немногих опубликованных материалов этого рода, приходится руководствоваться главным образом перепиской основоположников марксизма и ссылками в их сочинениях.

Материалом для взглядов Маркса и Энгельса на первобытное общество в 40-х годах послужили, кроме трудов по философии, политической экономии, истории и социализму (особенно важное значение в этом отношении

[1] H. Cunow, Die Marxsche Geschichts,-Gesellschafts-und Staatstheorie, т. II, Berlin, 1923 г., стр. 84.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1930 г., стр. 116, прим.

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, 1930 г., стр. 197.

имели работы французских материалистов — Руссо, Монтескье и др.), прежде всего сырые факты в виде описаний путешественников к «диким» народам. [1] С самого начала основоположники марксизма и в области доклассового общества работали по первоисточникам. Также хорошо они были знакомы с указанными выше работами по истории культуры. В тетради Маркса, правда, несколько более поздней (датированной London, August 1852), перечислены некоторые книги из этой категории: Millar, Eichhorn, Wachsmut, Drumann. [2] «Третий источник, третий корень» марксизма — утопический социализм, — в первую очередь в лице Фурье, также был широко использован Марксом и Энгельсом и для истории доклассового общества. [3]

Из этого относительно весьма еще скудного материала Маркс и Энгельс извлекли главное и дали в «Немецкой идеологии», правда, только набросок концепции доклассового общества, но такой набросок, который стоит к их позднейшему развитому учению о доклассовом обществе в том же отношении, в каком «Манифест Коммунистической партии» стоит в отношении к «Капиталу».

Проследим в общих чертах главные этапы дальнейшей работы основоположников марксизма над проблемами первобытного общества.

В 50-х годах Маркс, работая над подготовкой «К критике политической экономии», углубился в историю экономических категорий и в частности в историю общинного землевладения. К этому привели его и непосредственные политические интересы (сотрудничество в «Нью-Йоркской Трибуне», анализ английской колониальной политики в Индии, изучение русской общины в связи с вопросом о путях революционного движения в России).

В статьях по текущим политическим вопросам Маркс почти везде делает глубокие теоретические экскурсы, в некоторых случаях и в сторону доклассового общества. Так, в статье «Выборы. — Печальное финансовое положение. — Герцогиня Сутерленд и рабство», [4] он, разоблачая лицемерие английской аристократии, рисует картину обогащения

[1] Сейчас трудно установить, какие именно из таких описаний читали Маркс и Энгельс в 40-х годах, но с литературой этого рода они были хорошо знакомы, что видно из конкретных примеров в «Немецкой идеологии». «Он [М. Штирнер. *В. Р.*] ничего не знает, — писали Маркс и Энгельс, — об ограничениях дикаря, хотя после многочисленных новых книг с описаниями путешествий не так уж мудрено что-нибудь знать об этом» (М. и Э., Соч., т. IV, стр. 283).

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I, 1930 г., стр. 198.

[3] См. позднейшие высказывания Энгельса о Фурье: Происхождение семьи, частной собственности и государства, Москва, 1932 г., стр. 180 прим., и Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 251.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 80 сл.

аристократической семьи Сутерленд за счет ограбления шотландских кланов и попутно довольно подробно характеризует родовую организацию шотландских кельтов, без сомнения, проработав для этого большой исторический материал. В статье «Вынужденная эмиграция»[1] Маркс, вскрывая коренящиеся в условиях капитализма социальные причины современной ему эмиграции из Англии, ставит весь вопрос о расселении и переселении на историческую почву, подчеркивает специфические различия в миграционном процессе и его причинах в разные исторические эпохи и сжато характеризует переселения в условиях первобытнокоммунистического способа производства (у варваров плоскогорной Азии, у индейских племен Северной Америки и т. д.). Чтобы дать в статьях об Индии исчерпывающее понимание типичной для Востока сельской общины, как последней стадии первобытного коммунизма,[2] вошедшее впоследствии в «Капитал», Маркс проделывает огромную работу — изучает вместе с Энгельсом литературу о Востоке и восточные источники (Энгельс изучил персидский и арабский языки), изучает статистические материалы, парламентские отчеты и т. д.[3] И точно так же, подходя к изучению русской общины, Маркс начинает изучать русский язык,[4] чтобы знакомиться с соответствующими материалами в подлинниках. От азиатской и русской общины Маркс переходит к аналогичным общественным формам у римлян, германцев, кельтов и т. д. и таким путем всесторонне обосновывает высказанное им еще в «Немецкой идеологии» положение, что «общинный труд в его естественно развившейся форме» был свойственен всем народам на пороге их истории».[5] Кроме общины, Маркс и Энгельс в 50-х годах изучают ряд других вопросов из области доклассового общества: Энгельс, напр., касается патриархального рода у семитов,[6] обдумывает проблему становления общества («гегелевская история с качественным прыжком в количественном ряде прекрасно сюда подходит»),[7] Маркс изучает работы Я. Гримма по истории языка, права и мифологии у германцев,[8] знакомится с разложением гмины в Польше и общины в Молдавии и Валахии, интересующим его в особенности тем, что «тут можно показать возникновение крепостничества чисто экономическим путем, без промежуточного звена или

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.
[2] Там же, стр. 324, 346 сл.,
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 487 сл., 491 сл., 497 сл.
[4] Там же, стр. 342.
[5] К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1930 г., стр. 97.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 483.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 346.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 239. Здесь интересно замечание Маркса о «гриммовском каменном веке», указывающее на его интерес к ранним эпохам и на характер источников ознакомления с ними в этот период научной работы Маркса.

антагонизма двух племен »[1] и т. д. Некоторые итоги работы Маркса над доклассовым обществом в 50-х годах суммированы в ряде чрезвычайно важных высказываний в «К критике политической экономии», имеющих, как и вся книга в целом вместе с ее знаменитым введением, исключительное методологическое значение (общественно-обусловленное производство как исходный пункт исторического исследования; разоблачение робинзонад, т. е. фиктивных представлений о первобытном обществе, как о совокупности обособленных охотников и рыболовов, бьющее и против современных концепций Бюхера и его сторонников и т. д.;[2] зависимость способа завоевания и его социальных результатов от способа производства и победителей и побежденных;[3] необходимость изучения пережиточно сохранившихся отношений предшествующих формаций в более поздние эпохи [«анатомия человека ключ к анатомии обезьяны», «буржуазная экономия дает нам ключ к античной» и т. д.][4]; необходимость изучения природных условий, в которых протекает история общества;[5] условия возникновения обмена[6] и пр.).

Шестидесятые годы — время грандиозной работы Маркса над его величайшим произведением — «Капиталом». В промежуток между 1861 и 1867 г. он написал все три тома «Капитала» и историю «теорий прибавочной стоимости», переработав для этого колоссальное количество источников и научной литературы из самых различных областей знания. «Капитал» — вершина научного творчества Маркса и методологически неиссякаемый источник для всех общественных наук, для науки о доклассовом обществе, как было указано выше, в том числе. Основным предметом «Капитала» является капиталистический способ производства, но Маркс рассматривает капиталистический способ производства в историческом плане, изучает «развитие экономической формации общества как естественноисторический процесс» и прослеживает корни современных общественных явлений часто до самых отдаленных времен. В период подготовки «Капитала», работая долгими часами в библиотеке Британского музея, он изучал поэтому основную литературу и по докапиталистическим формациям в дополнение к тому, что ему было известно ранее. В области первобытного общества он углубляется в этнографию (знакомство с бытом эскимосов, каффров, северо-американских индейцев)[7] и в архео-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 160.
[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1930 г., стр. 51.
[3] Там же, стр. 32.
[4] Там же, стр. 42.
[5] Там же, стр. 48.
[6] Там же, стр. 176.
[7] K. Marx, Das Kapital, т. I, Moskau, стр. 100—101, прим. 51: его же, Капитал, т. II, 1927 г., стр. 319.

логию. [1] Из замечаний в «Капитале» видно, что Маркс схватил главное в археологии 60-х годов — периодизацию орудий труда по роду материала, общее представление об условиях жизни, как тогда выражались, пещерного человека, значение орудий в происхождении и развитии общества и т. д. С тем же живейшим интересом Маркс и Энгельс попрежнему продолжают следить за новыми работами по происхождению человека, геологии и доистории. В переписке Энгельс обращает, напр., внимание Маркса на книги о происхождении человека Ляйелля и Гексли, упоминает об исследованиях по палеолиту Буше де Перта, [2] Маркс в свою очередь посылает Энгельсу с рекомендацией книгу P. Tremaux «Origines et transformation de l'Homme et des autres Êtres» (1865 г.). По поводу последней книги между Марксом и Энгельсом разгорелась целая дискуссия, характеризующая высокую степень интереса основоположников марксизма к вопросам этого рода, причем Маркс настаивал на правильности (с поправками) основной идеи Тремо о влиянии почвы на образование видов и рас; Энгельс в конце концов должен был с этим согласиться [3].

Глубоко характерно для Маркса его отрицательное отношение к господствовавшему в археологии формализму и эстетизму, выразившееся в частности в известной фразе: «von allen Waren sind eigentlich Luxuswaren die unbedeutensten für die technologische Vergleichung verschiedener Produktionsepochen». [4] Буржуазные археологи, как раз наоборот, предпочтительно занимались изучением предметов роскоши — вещей из драгоценных металлов, украшений и т. п., часто вовсе игнорируя действительно важные открытия в науке. Именно к ним относится приведенное выше презрительное замечание Энгельса: «Такие ничтожества являются блюстителями науки». [5]

Что Маркс и Энгельс знакомились в 60-х годах с узко-специальными работами по археологии, подходя к ним критически, видно хотя бы из следующего места письма Энгельса к Марксу от 2 ноября 1864 г.: [6] «Я в последнее время немного занимался фризско-англо-ютско-скандинавской филологией и археологией и на основании этого изучения прихожу к выводу, что датчане — настоящий народ адвокатов: ради партийных интересов они лгут прямо и сознательно. Свидетельство — книга Ворсо on the Danes etc. in England».

[1] Das Kapital, т. I, стр. 187—188. Здесь с поразительной силой Маркс характеризует значение археологии для истории общественно-экономических формаций. Из общих работ по доистории Маркс в частности был знаком с книгой Тэйлора. Капитал, т. II, 1927 г., стр. 319.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 142 и 149.

[3] Там же, стр. 379 сл.

[4] K. Marx, Das Kapital, т. I, 1932 г., стр. 188, прим. 5.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 149.

[6] Там же, стр. 205.

Речь идет о книге «An Account of the Danes and Norwegians in England, Scotland and Ireland» (London, 1852), в которой Ворсо (J. J. Worsaae), яркий представитель скандинавского национализма в археологии, настойчиво проводит мысль, повторяющуюся лейтмотивом и в других его работах, о величии, могуществе и высокой исторической миссии древних скандинавов, в частности напирая на раннее заселение Англии и Ирландии датчанами и норвежцами, имевшее будто бы особо благотворные последствия в культурной жизни этих стран. Чтобы дать представление о том, что имел в виду Энгельс, говоря: «датчане — настоящий народ адвокатов: ради партийных интересов они лгут прямо и сознательно», приведем несколько выдержек из указанной книги Ворсо, отмеченной Энгельсом, как пример подобной лжи. Ворсо пишет: «Я показывал в своем изложении, что памятники великих (!) деяний датчан и норвежцев на Британских островах до сих пор свежи и ярки как новые. В этом отношении национальная гордость (!) этих наций может найти полное удовлетворение» (стр. 356). «Тем не менее возможно, что рассмотрение великих достижений древних норманнов может вызвать смешанное впечатление у современного скандинава. У него может возникнуть мысль, чем был север тогда, когда его победоносный флот появлялся на севере, юге, западе и востоке, когда скандинавы широко проявляли свое владычество, и чем он стал теперь со своими узкими границами (!), угрожаемый со многих сторон и лишенный преобладающего влияния на Европу. Даже в пределах Севера он уже не слышит своего родного языка там, где он часто звучал в старые времена на чужом побережье (!). Северу пришлось пролить свою лучшую и благородную (!) кровь. Теперь же северянин должен удовлетвориться (!) только тем, чтобы установить при помощи нескольких слов в народном языке, местных названий и полустертых рунических надписей те места, где преобладал прежде датский язык и где сохранились могильные холмы того племени, которое на нем говорило. Но такие печальные (!) соображения должны исчезнуть, если скандинав подумает о том, как ярко проявила себя перед всем миром древняя мощь его расы (!) и как велики были последствия походов норманнов, а в особенности если он подумает о том важном факте, что Север послал самые цветущие и энергичные свои силы не только ради грабежа и разрушения, но и ради основания более свежей жизни в западных странах, сообщая тем самым новый и сильный стимул человеческой цивилизации. В наше время, кроме того, истинной славы и счастья нации следует искать не главным образом (!) в завоеваниях и блеске внешнего величия. Народ, который, как скандинавы, сохранил памятники прежних великих дел и побед, благотворных (!) по своему результату, и которому достаточно характера и мужества своих предков не только для поддержания свободы и независимости своей собственной страны, но также для получения в

сравнении с другими нациями почетного места в науке, этот народ можно по справедливости назвать славным и счастливым» (стр. 357).

Добавим кстати, что совершенно в тех же красках Ворсо живописует в другой работе [1] якобы высоко благотворную для цивилизации роль воображаемой массовой колонизации территории России древними скандинавами. Саркастическое отрицание Энгельсом подобных шовинистических построений в науке имеет актуальнейшее значение и для нашего времени. [2]

Точно так же и Маркс вскрывает политическую подоплеку ученых споров из области этнографии, лингвистики, истории и археологии между польским профессором Духинским и русскими официальными учеными по вопросу об этногонии великороссов. [3] Духинский — польский националист — со всей страстностью доказывал, что великороссы не славяне, а помесь финнов с монголами и тюрками и что поэтому они не имеют никаких прав на славянскую Польшу и на руководящую роль в панславистском движении. Это положение прочно привилось в польской и украинофильской литературе 60-х годов, и, напр., П. Свентицкий прямо со слов Духинского патетически восклицал: «Всем известно, что российский панславизм, столь грозный славянщине, в своих желаниях опирается на то, что финско-монгольская Москва самозванно назвала себя сначала славянской Русией, потом всей Русью, а теперь Россией... Москва только приписывает себе права славянской Руси... мы увидим, что она отделяется от Европы и между ней и Западом стоит неодолимая стена — славянская Украйна-Русь».[4] Духинскому и его последователям возражали Костомаров и др. Маркс подчеркивает политические моменты в теориях той и другой стороны («дело очень беспокоило петербургский кабинет», «во время последнего польского восстания Духинский за свои «открытия» получил от национального правительства премию») и, относясь к научности мнений Духинского скептически [5] («открытия» Духинского Маркс ставит в ковычки), замечает, однако: «я бы хотел, чтобы Духинский ока-

[1] J. J. A. Worsaae, La colonisation de la Russie et du Nord Scandinave, et leur plus ancien état de civilisation Copenhague, 1879 г.

[2] Даже в большей степени, чем в эпоху Маркса и Энгельса. Шовинизмом насыщены современные буржуазные археологические работы (см., напр., В. И. Равдоникас, Археология на службе у империализма, Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 3-4; его же, Археология на Западе и в СССР в наши дни, Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 9-10). Традиции Ворсо о высокой исторической миссии древних скандинавов свято сохранены буржуазной наукой до наших дней. Можно было бы перечислить десятки работ, вышедших за последние годы, трактующих о роли скандинавов на Западе и в России по Ворсо и даже с утировкой его положений. Вспомним фашистское возвеличение пресловутой северной расы.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 290.

[4] А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. III, стр. 285.

[5] Впоследствии (17 II 1870 г.) Маркс писал: «если поляк Духинский в Париже объявил великорусское племя не славянским, а монгольским и выказал немало уче-

зался прав». Маркс хорошо знал реакционность русского панславизма и приветствовал всякие попытки борьбы с ним. Вместе с тем — и это очень важно — в данном высказывании Маркса чувствуется его согласие с тем правильным, что было в теории Духинского, а именно с мыслью о различии путей в этногонии отдельных так наз. славянских народов, о фиктивности категории единого славянства, якобы имеющего своим предком единый праславянский народ.

Стремясь охватить возможно более широкий круг источников изучения первобытных эпох, Маркс и Энгельс занимаются в 60-х годах историей религии, [1] сравнительным языкознанием, [2] древнегерманским эпосом и древнесеверными языками, [3] историей скотоводства и земледелия, [4] историей права. Известно, как отнесся Маркс к монументальным трудам Маурера по истории германской марки («его книги имеют огромное значение») [5] и т. д. и вовсе не потому, как думал А. В. Шмидт, что Маурер произвел целый переворот во взглядах Маркса на первобытное общество, а потому, что работы Маурера, написанные «с истинно-немецкой добросовестностью», подтверждали ранние мнения Маркса, высказанные до Маурера, подтверждали теорию первобытного коммунизма. «Мое предположение, — писал Маркс, — что азиатские или индийские формы собственности сначала существовали везде в Европе, снова тут (хотя Маурер ничего об этом не знает) подтверждается». [6] Располагая более широкими сведениями по истории общины, чем Маурер, Маркс мог отнестись к нему критически и с точки зрения специальных знаний. «Поразило меня, что Маурер, часто приводящий для примера Африку, Мексику и т. д., ничего не знает о кельтах и развитие общинной собственности во Франции приписывает цели-

ности, чтобы доказать это, то с точки зрения поляка — это в порядке вещей. Тем не менее это утверждение неверно. Не в крестьянстве русском, а только в дворянстве сильна примесь монгольско-татарских элементов» (Письма Маркса к Кугельману, Гиз, 1928 г., стр. 70).

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 191. Маркс читал исследование ориенталиста Доза о происхождении существа древнееврейской религии, работы Ренана, Коленсо и др.

[2] Там же, стр. 190; Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 81.

[3] Там же, стр. 292, 295. Знаменитые исследования Якова Гримма по мифологии и истории древних германцев были хорошо знакомы Марксу и Энгельсу. Они часто ссылались на его работы и высоко ценили их. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 34.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 35. Маркс читал по истории земледелия работы Фрааса.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 33—34. Энгельс называл работы Маурера «классическими», см. его «О социальном развитии России» (Энгельс, Статьи 1873—75 гг., 1919 г., стр. 66) и «Анти-Дюринг» (Соцэкгиз, 1931 г., стр. 163). См. также Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1933 г., стр. 206, где Энгельс рекомендует Бебелю работы Маурера как теоретическое оружие в политической борьбе.

[6] Там же, стр. 28.

ком германским завоеваниям... Кроме германского и древнеримского строя, old Маурер изучил только восточный (греко-турецкий!)». [1]

Многочисленные исторические отступления в сторону первобытного общества, содержащиеся в «Капитале», вместе с «Теориями прибавочной стоимости» содержат квинтэссенцию итогов всех предшествующих работ Маркса в этой области. Здесь мы можем лишь перечислить важнейшие из этих классических по богатству содержания и чеканной ясности изложения мест. В первом томе «Капитала» даны: разоблачение робинзонад,[2] замечательная по глубине формулировка закона движения доклассового общества и вместе с тем объяснение причин возникновения религии; [3] анализ условий возникновения обмена; [4] анализ процесса труда с выяснением роли труда в процессе очеловечения; значение орудий труда в развитии формаций и вместе с тем значение их для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций; [5] выяснение условий возникновения классов; [6] анализ простой кооперации труда и значение ее для первобытного общества; [7] формулировки о происхождении и развитии разделения труда; [8] характеристика планомерной и авторитарной организации труда в доклассовом обществе на примере индийской общины; [9] указание на историчность семьи[10] и на соединение земледелия с промышленностью в ранних формах общества; [11] выяснение роли природных условий в развитии общества; [12] характеристика способов ограбления пережиточной общественной собственности кланов, родов и общин феодалами и капиталистами [13] и пр. Во втором и третьем томах «Капитала»: знаменитые формулировки о сущности способа производства; [14] анализ различий между натуральным и товарным хозяйством; [15] характеристика условий возникновения обмена; [16] анализ разлагающего влияния торгового капитала на доклассовое общество; [17] указание на роль труда верхов-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 29.
[2] K. Marx, Das Kapital, т. I, Moskau, стр. 82.
[3] Там же, гл. I, стр. 85, стр. 368 и др.
[4] Там же, стр. 93.
[5] Там же, стр. 185 сл.
[6] Там же, стр. 244—245, 536 сл.
[7] Там же, глава о кооперации и особенно стр. 349—350.
[8] Там же, стр. 368 сл.
[9] Там же, стр. 374 сл.
[10] Там же, стр. 515.
[11] Там же, стр. 531.
[12] Там же, стр. 538 сл.
[13] Там же, глава о первоначальном накоплении.
[14] К. Маркс, Капитал, т. II, Гиз, 1927 г., стр. 10; т. III, ч. II, Гиз, 1928 г., стр. 267.
[15] Там же, т. II, стр. 64, 82, 89, 134, 137, 318.
[16] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, Гиз, 1927 г., стр. 129.
[17] Там же, глава XX, дающая исчерпывающее освещение вопроса.

ного руководства и надзора в первобытном обществе; [1] характеристика монополии земельной собственности, как предпосылки и основы всех антагонистических способов производства; [2] анализ ренты продуктами в условиях восточного феодализма, т. е. при эксплуатации феодалами пережиточно сохранившихся общин; [3] анализ процесса воспроизводства в первобытном обществе; [4] закон движения общественно-экономических формаций. [5] В «Теориях прибавочной стоимости»: выяснение условий возникновения прибавочного труда; [6] указание на историчность разделения труда; [7] формулировка закона развития доклассового общества; [8] указание на условия возникновения религии. [9]

В 70-е годы Маркс и Энгельс много занимались русскими делами и особенно русской общиной в связи с вопросом об историческом развитии России, правильное решение которого было необходимо в интересах успешности русского революционного движения, все более и более разраставшегося в 70-х годах. Они внимательно следят за политикой царского правительства и за деятельностью русских революционеров, читают в подлинниках русские книги и статистические издания, [10] находятся в переписке и личном общении со многими русскими деятелями, вступают с ними в полемику. В процессе этой революционной работы выросли два произведения, имеющих важное значение для истории доклассового общества: 1) статья Энгельса «О социальном развитии России» (1875 г.) и 2) черновики писем Маркса к Засулич (1881 г.). В указанной статье Энгельс, опровергая Ткачева, дает ту же оценку русской общины, какую мы имеем в «Капитале», в предисловии к русскому переводу «Коммунистического манифеста», в письме Маркса в редакцию «Отечественных записок» и в его письме к Засулич, а именно: община не есть специфически русское явление, она существовала у всех народов в ранние эпохи их истории; нигде и никогда этот аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не породил сам из себя ничего иного, кроме собственного распадения; [11] но в случае победы пролетариата и перехода средств производства

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, Гиз, 1927 г., стр. 299—300.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, Гиз, 1928 г., стр. 126 и сл.
[3] Там же, стр. 270 сл.
[4] Там же, стр. 314 сл.
[5] Там же, стр. 443.
[6] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. I, Гиз, 1930 г., стр. 41 сл.
[7] Там же, стр. 96, сл.
[8] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, ч. III Партиздат, 1932 г., стр. 308.
[9] Там же, стр. 383.
[10] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 292 сл. Б. Николаевский, Русские книги в библиотеке К. Маркса и Ф. Энгельса. Архив Маркса и Энгельса, кн. IV.
[11] Ф. Энгельс, О социальном развитии России, статьи 1871—75 гг., изд. Союза Коммун Северной области, 1919 г., стр. 77.

в общественное владение общинные навыки и остатки древней общественной собственности «явятся могучим средством, чтобы значительно сократить процесс перехода к социалистическому обществу»; следовательно, путь к социализму лежит не через общину, саму по себе, а через пролетарскую революцию, без которой община обречена на разложение и гибель. Излагая этот взгляд, Энгельс затрагивает и решает ряд существеннейших вопросов истории доклассового общества (первобытный коммунизм есть формация, через которую прошли все современные культурные народы; [1] первобытный коммунизм с железной необходимостью разлагается и переходит в классовое общество на определенной ступени развития производительных сил; [2] индийская община с коллективным производством и русская община — последовательные этапы первобытно-коммунистической формации [3] и пр.). Черновики писем Маркса к Засулич [4] написаны на ту же тему, но они глубже и значительно богаче теоретическим содержанием. В них твердо устанавливается понятие архаической, или доклассовой, формации общества, намечается ее периодизация и с исчерпывающей ясностью вскрывается основная закономерность перехода первобытного коммунизма в классовое общество.

Не менее важное значение для разработки истории доклассового общества имела работа Энгельса, в которой ему помогал и Маркс, над подготовкой «Диалектики природы» и «Анти-Дюринга» (70-е годы). Нет надобности доказывать, что гениальный отрывок «О роли труда в процессе очеловечения обезьяны» сделал эпоху в науке о первобытном обществе. Из других мест «Диалектики природы», относящихся к доклассовому обществу, отметим здесь высказывания о взаимоотношении общества и природы, [5] о происхождении и развитии мышления. [6] В «Анти-Дюринге» Энгельс посвящает первобытному обществу немало страниц. Перечислим важнейшие места, включая и подготовительные работы к «Анти-Дюрингу»: об общине у кельтов, германцев, славян и в Азии; [7] о первобытном коммунизме, как необходимой фазе развития общества; [8] знаменитое место о двух путях образования классов; [9] о сущности первобытной религии; [10]

[1] Ф. Энгель, О социальном развитии России, ук. изд., стр. 66 и особенно 79.
[2] Там же, стр. 66, 77, 81.
[3] Там же, стр. 67.
[4] Архив Маркса и Энгельса, т. I, изд. 3-е, 1930 г., стр. 269—286.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 406.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XIV, стр. 430, 495, 569 сл.
[7] Там же, стр. 370, 372.
[8] Там же, стр. 89, 137, 150, 178.
[9] Там же, стр. 181 сл., 284. См. также стр. 151 об имущественных различиях внутри общины, как о причине ее разложения.
[10] Там же, стр. 322.

о патриархальном рабстве; [1] о роли прибавочного продукта в развитии общества [2] и др. В предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» Энгельс отмечает, что изложение этой книги в части, касающейся первобытного общества, уже недостаточно после исследований Маркса, и отсылает читателей к своей позднейшей работе «Происхождение семьи». [3]

Еще в начале 70-х годов Энгельс основательно изучал источники древнегерманской и кельтской истории. Переписка между Марксом и Энгельсом в апреле — июне 1870 г. показывает, что Энгельс в это время читал в подлиннике и комментировал древнеирландские законы [4] и что ему в этом помогал Маркс (комментарии со своей стороны и указания книг по древнеирландской истории — Ware, O'Connor и др.). [5] Из замечаний в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» мы знаем о занятиях Энгельса по древнегерманским языкам и древностям. [6] В начале 80-х годов работа Энгельса в этом направлении приняла упорный и систематический характер. В письме к Марксу от 22 ноября 1882 г. Энгельс сообщает, что он «купил наконец переплетенный полный экземпляр «Историков германской древности» и углубился в детальное изучение (критика, сопоставление текстов) римских авторов, писавших о германцах (Плутарх, Цезарь, Тацит). [7] В письме от 8 декабря 1882 г. Энгельс пишет Марксу о своем сравнительном изучении древних германцев и северо-американских индейцев. Из письма Энгельса от 16 декабря 1882 года мы видим, что он изучал в это время историю германского крестьянства и читал, кроме Маурера, труды Мейтцена, [8] а 22 декабря того же года Энгельс уже сообщает Бебелю: «Вчера я отослал в Цюрих последнюю часть рукописи для брошюры [«Развитие социализма от утопии к науке». *В. Р.*], а именно, добавление о Марксе и краткую историю немецкого крестьянства вообще... как только я получу корректурные листы, я тебе пошлю всю работу, потому что в ней не просто извлечения из Маурера, но и косвенная критика его взглядов, а также много нового. Это первый плод моих работ по немецкой истории, которой я занимаюсь много лет, и я очень рад, что могу поднести его в первую очередь не педантам и проч. «образованным», а рабочим». [9]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 163.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Там же, стр. 8.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 328 и 351.
[5] Там же, стр. 339—340.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 327 (указания на Боппа, Гримма и Дица), стр. 347 (замечание о соотношении между различными древнегерманскими языками).
[7] Там же, стр. 592.
[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 601.
[9] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932 г., стр. 214.

Статья о марке, о которой говорит здесь Энгельс,[1] вышла в №№ 12—16 (март — апрель 1883 г.) «Socialdemokrat». Написанная простым, ясным языком, она рисует характер общинно-аграрного строя германцев с древнейших времен до его разложения стадия за стадией (родовая община с коллективным производством, семейно-передельная марка с общим пользованием пахотной землей, лесами и пастбищами, марка с наследственным закреплением пахотных участков, средневековая марка под властью феодалов, ликвидация марки путем насильственного обезземеливания крестьян помещиками и духовенством в эпоху барщинного хозяйства). Вся статья насыщена знанием источников, что чувствуется буквально в каждой строчке, и представляет конкретно-историческую иллюстрацию к теории развития общины Маркса, как она изложена, напр., в «Капитале» и в «Черновиках письма к Засулич».

Другим плодом многолетних работ Энгельса по немецкой истории является его большой (более 6 печатных листов) труд о германцах, написанный в период 1882—1883 гг., но до сих пор еще не изданный.[2] Выступая здесь во всеоружии широкой эрудиции по всем видам источников (археология, антропология, история, лингвистика, этнография), Энгельс прослеживает исторический процесс в западной Европе с древнейших времен — с палеолита — и до франкской эпохи включительно. Он рассматривает вопрос о происхождении германцев, о расселении отдельных германских племен по Европе, характеризует по эпохам их материальное производство, социальный строй и культуру, историю взаимоотношений германцев с Римской империей и протекавший у них процесс феодализации; специальную главу Энгельс посвящает франкскому языку.[3] Частично и в переработанном виде Энгельс использовал этот свой труд в относящихся к германцам отделах «Происхождения семьи».[4] Может быть, это и остановило его от публикации указанного основного труда о германцах.

Как видим, 70-е и 80-е годы были периодом, когда Маркс и Энгельс приводили свои взгляды на доклассовое общество в систему, когда они сделали специально для истории доклассового общества значительно больше, чем в предыдущие годы. Именно в это время ими были написаны

[1] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, Соцэкгиз, 1931 г., приложение (стр. 77—93).

[2] Фотокопия этого труда хранится в институте Маркса и Энгельса.

[3] Доклад А. Д. Удальцова о рукописи Энгельса о германцах на пленуме ГАИМК 21 декабря 1932 г.

[4] «В нижеследующем изложении читатель, в общем, легко отличит, что принадлежит Моргану и что прибавил я... Отделы о кельтах и германцах в существенном принадлежат мне; Морган располагал тут почти только данными из вторых рук, а для германских дел — кроме Тацита — лишь плохими либеральными фальсификациями господина Фримана».

специальные, систематически изложенные работы из этой области (работы Энгельса об очеловечении обезьяны, о социальном развитии России, о марке, о германцах, черновики писем Маркса к Засулич). Именно в это время они устремляют пристальное внимание на первобытные эпохи с целью последовательного, детального изучения их на основе материалистического понимания истории. И как раз в это время им приходит здесь на помощь неожиданный, но крепкий союзник в лице американского этнолога Льюиса Генри Моргана.

Маркс первый обратил внимание на исследования Моргана и оценил их по достоинству. [1] Он сообщил Энгельсу о книге Моргана «Первобытное общество», вышедшей в 1877 г., и подробно проконспектировал ее, имея в виду использовать выдающееся содержание этой книги в особом труде. Болезнь и смерть не дали ему возможности осуществить свое намерение, и Энгельс сделал это вместо него, выполняя, как он писал, завещание Маркса.

В чем ценность исследований Моргана и почему основоположники марксизма придавали им исключительнейшее значение? В буржуазной литературе нередки утверждения, что Морган произвел переворот во взглядах Маркса и Энгельса на первобытное общество настолько, что Маркс и Энгельс механически заимствовали от него свою концепцию первобытного общества, а Энгельс якобы даже просто списал с Моргана «Происхождение семьи» (В. Шмидт, Копперс и др.). Г. Кунов считает год знакомства Маркса с «Первобытным обществом» Моргана (1878 или 1879) переломным [2] для воззрений Маркса на первобытное общество и прямо обвиняет [3] Энгельса в том, что он не задумываясь перенял «ошибки» Моргана в вопросе о происхождении государства, [4] заимствовал от последнего теорию развития семьи [5] и тем самым даже изменил будто бы историческому материализму («damit durchbricht aber Engels völlig die Einheitlichkeit der materialistischen Geschichtsauffassung».) [6] Смысл таких утверждений

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932 г., стр. 247.

[2] H. Cunow, Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts - und Staatstheorie, т. II, Berlin, 1923 г., стр. 85—86.

[3] В СССР пытался «обвинять» Энгельса в мнимой измене историческому материализму К. М. Тахтарев: «Энгельс, однако, как сказано, рядом с экономическим двигателем или фактором жизни ставил под влиянием Моргана генетический, говоря не только о производстве, но и о воспроизводстве жизни (знаменитое «детопроизводство»)... От признания генетического фактора к признанию психического один шаг... Подобной изменой монизму является и признание генетического фактора Энгельсом, признание, которого мы вовсе не видим у Маркса, который не говорил о взаимодействии явлений общественной жизни, о чем «в свои последние годы тоже часто повторял Энгельс» (К. М. Тахтарев, Наука об общественной жизни, П., 1919 г., стр. 335).

[4] H. Cunow, ук. соч., т. I, стр. 291.

[5] Там же, т. II, стр. 107.

[6] Там же, т. II, стр. 141.

заключается в том, чтобы, во-первых, свести на-нет значение Маркса и Энгельса для науки о первобытном обществе, а, во-вторых, чтобы, приписав взгляды Маркса и Энгельса Моргану, безнаказаннее расправиться с ними, так как в этом случае удар направляется в сторону Моргана, а не основоположников марксизма, авторитет которых стоит чрезвычайно высоко в мнении международного рабочего класса, и социал-фашисты вынуждены с этим авторитетом считаться.

На самом деле свое учение о доклассовом обществе Маркс и Энгельс, как мы старались показать, вынашивали в течение всей своей жизни и основные его положения, за исключением истории семьи и отчасти рода, изложили до Моргана. Им вовсе не пришлось в корне менять свои представления в результате знакомства с работами последнего, но только расширить и углубить их. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить «Происхождение семьи» со всеми перечисленными выше высказываниями Маркса и Энгельса о первобытном обществе. Маркс и Энгельс ценили Моргана как раз за то, что Морган, идя самостоятельным путем и не подозревая о существовании Маркса и Энгельса, пришел к их положениям, развил их и обосновал их новым материалом, что Морган, работая материалистическим методом в запутанной области первобытной истории, самостоятельно достиг здесь крупных успехов и разъяснил наиболее темные вопросы. В работах Моргана Маркс и Энгельс приветствовали новые завоевания материалистического понимания истории, открытого, как указывал Энгельс, Марксом еще за 40 лет до Моргана.[1] Лучше всего охарактеризовал значение Моргана сам Энгельс в следующих словах: «относительно первобытного состояния общества существует капитальный труд, имеющий такое же *решающее* значение, как Дарвин в биологии; открыл его, конечно, опять-таки Маркс: это — Морган, «Первобытное общество», 1878 год... Морган в границах своего предмета самостоятельно открыл во второй раз Марксово материалистическое понимание истории и заканчивает в отношении современного общества непосредственно коммунистическими требованиями. Впервые римский и греческий gens вполне разъяснен посредством родовой организации дикарей и особенно американских индейцев; таким образом найдена прочная база для истории первобытного общества».[2] В другом месте Энгельс писал: «Морган позволяет нам установить *совершенно новые точки зрения*; *он дает нам своей доисторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу*».[3] В предисловии к четвертому изданию «Происхождения семьи» Энгельс обстоятельно показал, в чем заключались эти новые точки зрения

[1] F. Engels, Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates, Berlin, 1928 г., стр. VII.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 247.

[3] Там же, стр. 251. Курсив мой. *В. Р.*

Моргана, поднявшие его на недосягаемую высоту в сравнении с этнографией 60-х—70-х годов. Они заключались в материалистическом решении проблемы происхождения и развития семьи и рода, дающем ключ к пониманию доклассовой истории на всей территории земного шара. Как раз в этом пункте у Маркса и Энгельса до Моргана было меньше всего материалов, что не давало им возможности развить свою концепцию доклассового общества с необходимой полнотой. Их высказывания о роде и семье до «Происхождения семьи» или описательны (высказывания о шотландском клане, о греческом и римском роде), или лаконичны и значительно уступают их развернутым, законченным построениям о становлении общества, об общине, о процессе разложения доклассового общества и т. д. За отсутствием фактов им часто приходилось в этой области ограничиваться догадками, позднее подтверждавшимися. [1] Морган на грандиозном множестве фактов, собиранию и обработке которых он отдал 40 лет жизни, разъяснил именно эти наиболее темные и запутанные этнологами-идеалистами вопросы первобытной истории. Чтобы дать историю семьи, он изучил системы родства у $^4/_5$ всего человечества и по ним реконструировал, опираясь на факт отставания надстроек в развитии, последовательный ряд форм фактических семейно-родственных отношений. Чтобы понять сущность родового общества, он долгое время прожил среди ирокезов (при этом был даже принят в члены племени сенека), а также лично наблюдал жизнь многих других племен северо-американских индейцев. Чтобы написать в аспекте широкого синтеза историю первобытного общества, он изучил историю материального производства, как базы всей общественной жизни начиная с палеолита, и построил свою периодизацию общества на основе развития производства. Морган привлек к изучению необъятный материал из области этнографии, истории и археологии не только Америки, но буквально всех частей земного шара и подвел прочный фундамент под теорию первобытного коммунизма, разработанную Марксом и Энгельсом, сделав при этом те же, что и основоположники марксизма, политические выводы о железной необходимости возрождения коммунистических общественных отношений в высшей форме в будущем. Буржуазной науке с ее идеализмом, робинзонадами, утверждениями об извечности моногамной семьи и т. д. был нанесен сокрушительный удар, и немудрено, что буржуазные ученые сначала замалчивали открытия Моргана («Todtschweigungs Verschwörung», по выражению Энгельса), а затем, особенно в наше время крайнего обострения борьбы против марксизма, наброси-

[1] В примечании 27 к III тому «Капитала» Энгельс по поводу взгляда о ранней форме обмена между общинами пишет: «Тогда, в 1865 г., это было только «взглядом» Маркса. Теперь, после обширных исследований первобытной общины начиная с Маурера и кончая Морганом, это — едва ли кем-либо оспариваемый факт». Это может быть распространено на многие догадки Маркса из области первобытного общества.

лись на него с яростными атаками. Современная этнографическая литература на Западе и в Америке пестрит «опровержениями» Моргана, а самая множественность таких опровержений говорит о безуспешности их. Даже те немногие сторонники Моргана, которые имеются в буржуазном лагере, далеко не во всем понимают его и часто дают ему неверную оценку, ставят, напр., его в один ряд со Спенсером, Тэйлором и другими эволюционистами. Но Морган не был эволюционистом. Он стихийно подошел к диалектическому материализму и опрокинул идеалистические по существу схемы эволюционизма и других буржуазных школ в этнографии. В результате его работ, как говорил Энгельс, «все мошенничества Тэйлора, Леббока и К° окончательно лопнули». [1]

Ознакомившись с трудами Моргана и конспектом Маркса, Энгельс приступил к работе над «Происхождением семьи» в марте—апреле 1884 года. [2] В мае того же года в основном книга была закончена. [3] Энгельс работал над ней с большим подъемом и увлечением, будучи сам глубоко удовлетворен своей работой («для нашего общего мировоззрения, — писал он, — вещь эта, [4] мне кажется, будет иметь особенное значение»).

Насколько справедлива буржуазная и социал-фашистская легенда о том, что «Происхождение семьи» будто бы рабски списано с Моргана, показывает прежде всего письмо Энгельса к Каутскому от 26 апреля 1884 года, в котором Энгельс сообщает о своей работе над Морганом в следующих словах: «Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковывать его критически и, использовав вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами». [5] Простого сопоставления «Происхождения семьи» с «Первобытным обществом» Моргана достаточно, чтобы убедиться в глубокой самостоятельности Энгельса в основных вопросах. Энгельс не принял периодизации первобытного общества Моргана по открытиям из области материального производства [6] (средняя ступень дикости начинается с

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 247.

[2] Там же, стр. 248.

[3] Там же, стр. 253.

[4] Т. е. «Происхождение семьи». Там же, стр. 251.

[5] Там же, стр. 251.

[6] Кто в этом сомневается, пусть прочтет следующий отрывок из письма Маркса к Энгельсу от 8 декабря 1882 г.: «Чтобы наконец разделаться с параллелью между германцами Тацита и американскими краснокожими, я сделал небольшие выдержки из первого тома твоего Банкрофта. Сходство, действительно, тем поразительнее, что способ производства так различен — здесь рыболовство и охота без скотоводства и земледелия, там кочевое скотоводство, переходящее в земледелие. Это только доказывает, что на этой ступени способ производства [по контексту речь идет о форме производства. *В. Р.*] играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой общности полов (sexus) у племени. Иначе тлинкиты в бывшей рус-

употребления в пищу рыб, высшая — с изобретения лука и стрел, низшая ступень варварства — с введения гончарного искусства, средняя — с одомашнения животных, земледелия и т. д.), хотя и приветствовал ее материалистические преимущества, как Маркс в свое время приветствовал материалистические преимущества «системы трех периодов» (камень, бронза, железо); основу для периодизации развития доклассового общества Энгельс видел в самой социальной структуре, в производственных и естественно-родственных отношениях. Энгельс, далее, сформулировал закономерности развития первобытного общества, исследовал экономику его разложения, с замечательной глубиной осветил вопрос о происхождении государства, чего нет у Моргана. Даже в правильные положения Моргана (а у Моргана были положения и неправильные) Энгельс внес диалектико-материалистическую четкость и поднял результаты исследований Моргана на гораздо более высокую теоретическую ступень.

«Происхождение семьи» — основное сочинение основоположников марксизма [1] по доклассовому обществу и вместе с тем, как писал Ленин, одно из «основных сочинений современного социализма» вообще. Энгельс, конечно, использовал в этой книге не только исследования Моргана. Он суммировал в ней все, что было сделано им и Марксом по доклассовому обществу ранее, и, кроме Моргана, проработал всю основную этнографическую и историческую литературу 60-х—80-х годов, что можно установить по ссылкам и упоминаниям авторов в «Происхождении семьи», а также по переписке, свидетельствующей о неослабевающем интересе Энгельса к проблемам доклассового общества в 80-х и 90-х годах почти до самой его смерти. Добавления и исправления, внесенные в четвертое издание «Происхождения семьи» (1891 г.), и особенно предисловие к этому изданию показывают, что Энгельс в совершенстве знал этнографическую литературу (археологией он занимался менее) по первобытному обществу и не оставлял без внимания ни одного сколько-нибудь крупного явления в этой области, принимая все, что могло казаться ему убедительным (напр., взгляды М. Ковалевского на развитие марки). Его меткие характеристики выдающихся этнографов (Бахофен — гениальный мистик, Мак-Леннан — сухой юрист, «господин Жиро Тэллон, беспомощно бродящий в лабиринте мак-леннановской экзогамии», и т. д.) передают существо творчества этих буржуазных ученых и свидетельствуют о глубоком понимании Энгельсом их трудов. Последняя работа Энгельса по доклассовому обществу — статья «Вновь открытый случай группового брака» (напечатана в «Neue

ской Америке не были бы чистым прототипом германцев и притом еще в большей степени, чем твои ирокезы» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 598).

[1] Говорю: основоположников марксизма, потому что Энгельс не только выполнял завещание Маркса, когда писал эту книгу, но и пользовался при этом материалами Маркса — его выписками и критическими замечаниями на труд Моргана.

Zeit» в декабре 1892 г.) — представляет сообщение о форме группового брака у гиляков, открытой Штернбергом. Энгельс видел в этом открытии один из тех многих фактов, которые подтверждали взгляды его и Маркса на историю семьи, и потому поспешил [1] использовать его для борьбы со своими идейными противниками.

Заканчивая наш краткий обзор работ Маркса и Энгельса по доклассовому обществу, мы должны подвести некоторые итоги, характеризующие направленность и стиль научной работы основоположников марксизма в этой области. Здесь прежде всего бросается в глаза, что Маркс и Энгельс столь упорно изучали историю доклассового общества отнюдь не из чисто теоретических интересов, но в тесной связи с политической борьбой, которую они вели за дело рабочего класса. Учение о первобытном коммунизме есть неотъемлемая органическая часть их революционного учения. Оно вырастало непосредственно из практики революционной борьбы. Мы видели, какую роль в развитии взглядов Маркса на первобытное общество сыграли его работы по изучению общины в Индии и России. Но история общины интересовала его прежде всего под углом зрения практических задач текущей политики сегодняшнего дня. Анализ индийской общины Маркс дает в связи с критикой британской системы колониальной эксплуатации Индии, о русской общине и ее судьбе он пишет в связи с вопросом о задачах революционного движения в России.

Центральные пункты теории первобытного коммунизма — положение об отсутствии частной собственности на заре человеческой истории и положение, что лишь с возникновением частной собственности на средства производства начинается эксплуатация человека человеком, — входят как необходимые звенья в теоретическое обоснование программы революционной борьбы за уничтожение этой эксплуатации. Они глубоко революционны.

Когда Энгельс писал свое «Происхождение семьи, частной собственности и государства», ему хотелось дать такое изложение, чтобы в интересах широты распространения книга могла выйти в свет легально. Но революционное содержание книги при всем желании Энгельса не давало ему возможности найти подходящую легальную форму изложения, и он жаловался по этому поводу в следующих словах: «Я собирался — и всем здесь об этом рассказывал — устроить Бисмарку каверзу и написать нечто такое (Морган), чего бы он никак не мог запретить; но при всем желании не выходит. Главу о моногамии и заключительную главу о частной собственности, как источнике классовых противоречий и рычаге, разрушающем старую общину, я просто не могу написать так, чтобы они уложились

[1] Статья Штернберга, которой пользовался Энгельс, была напечатана 26 октября (н. ст.) 1892 г. в «Русских ведомостях», и уже в декабре того же года вышла в свет статья Энгельса.

в рамки закона против социалистов... Итак, напишешь хорошо — запретят наверняка; напишешь подло — разрешат. Но подло я писать не умею». [1] Работа «Происхождение семьи...», по замыслу Энгельса, должна была быть теоретическим орудием в политической борьбе, и писалась она прежде всего для революционного пролетариата. Достаточно сказать, что в этой работе «с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства» (Ленин), чтобы оценить ее практически-революционное значение.

Та же основная революционная направленность видна во всех высказываниях Маркса и Энгельса о доклассовом обществе. Приведем еще один пример. Изучая историю германской марки, Энгельс прямо руководствовался политическими интересами и, напр., труды Маурера он рекомендовал Бебелю — лидеру тогдашней германской социал-демократии — как «солидную опору во всех прениях по аграрным вопросам и вопросам землевладения». [2] Закончив свою статью о марке, Энгельс поспешил послать Бебелю корректуру этой работы «потому, что в ней не просто извлечения из Маурера, но и косвенная критика его взглядов, а также много нового». «Это — первый плод моих работ, — писал Энгельс, — по немецкой истории, которой я занимаюсь много лет, и я очень рад, что могу поднести его в первую очередь не педантам и прочим «образованным», а рабочим». [3]

Осуществляя таким образом и в области истории доклассового общества то единство теории и практики, которое с самого начала всегда отличало марксизм от всякого рода мелкобуржуазных шатаний, Маркс и Энгельс и на этом участке вели непреклонную борьбу как против политически враждебных им буржуазных теорий, так и против искажений, вносимых в их взгляды оппортунистами. На примере Ворсо, Духинского, Леббока, Тэйлора и др. мы показали выше, как основоположники марксизма вскрывали политические тенденции в работах буржуазных ученых, относящихся к отдаленному прошлому, и как беспощадно они клеймили реакционные идеи признанных столпов буржуазной этнологии, археологии и т. д. («мошенничество Леббока, Тэйлора и К°», «путаница Мак-Леннана» и т. п.).

Отношение Маркса к буржуазным историкам первобытного общества лучше всего выражено им в следующих словах: «*читая истории первобытных общин, написанные буржуазными писателями, нужно быть настороже. Они не останавливаются даже перед подлогами.* Например, сэр Генри Мэн, который был ярым сотрудником английского правительства в деле насильственного разрушения индийских общин, лицемерно рассказывает нам, что все благородные усилия правительства поддер-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 251 (письмо Энгельса к Каутскому).
[2] Там же, стр. 206.
[3] Там же, стр. 214.

жать эти общины разбились о незыблемую стену экономических законов!» [1]

Непревзойденной силой своих сарказмов Маркс много раз разоблачает и высмеивает основную (до сих пор) тенденцию буржуазных авторов трактовать первобытное общество на манер буржуазного, конструировать фиктивного первобытного человека со всеми качествами буржуа, чтобы в конце концов объявить буржуазные порядки извечными или, как говорил Маркс, «подсунуть буржуазные отношения в качестве непреложных естественных законов общества in abstracto». «Единичный и обособленный охотник и рыболов, — пишет Маркс, — с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии химерам XVIII в., это робинзонады... Точно также и «Общественный договор» Руссо... Все это видимость... больших и малых робинзонад... Мы имеем здесь дело с предвосхищением «буржуазного общества». [2] «Рикардо рассматривает буржуазную форму труда как вечную, естественную форму общественного труда. Первобытный рыбак и первобытный охотник обмениваются у него рыбой и дичью в качестве товаровладельцев... При этом случае он впадает в анахронизм, заставляя этого первобытного рыбака и первобытного охотника пользоваться при учете орудий труда таблицами процентных погашений, принятыми на лондонской бирже в 1817 г.» [3] «Полковник Торренс открывает начало капитала в камне дикаря». [4] «Если господин Passy уже по отношению к первобытному состоянию говорит о ренте как об излишке над прибылью... то это свидетельствует лишь о его наивности». Подобных мест у Маркса много.

Замечательным примером борьбы основоположников марксизма с оппортунизмом в разработке теории доклассового общества является переписка Энгельса с Каутским в феврале—марте 1883 г. Энгельс чрезвычайно живо и резко отрицательно отнесся к извращениям, которые пытался внести Каутский в теорию первобытного коммунизма в статье «Возникновение брака и семьи» (1883 г.).

По мнению Каутского, «общность жен», т. е. групповой брак, представляет якобы вторичное, позднее развившееся явление, а вначале будто бы существовало нечто вроде моногамии в связи с ревностью мужчин, воспринятой ими по наследству из животного мира. Таким образом, Каутский здесь просто-напросто отстаивал две тенденции буржуазной науки: 1) тенденцию выдать моногамию за древнейшую форму семьи [5] и 2) тенденцию искать объяснения древнейших общественных явлений с помощью

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 278. Курсив мой. *В. Р.*

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, 1930 г., стр. 51.

[3] Там же, стр. 127.

[4] K. Marx, Das Kapital, т. I, стр. 192.

[5] К. Каутский, Возникновение брака и семьи, «Прибой», 1923 г. Каутский защищает здесь следующие тезисы: «Первичной формой отношений между полами у че-

позднее возникших представлений и чувствований (ревность). Энгельс пытался тогда воспитывать Каутского в духе марксизма и в данном случае весьма подробно в трех письмах одно за другим убеждал его в крайней несостоятельности таких «ученых» построений. «В отношении вашей статьи о гетеризме, — писал Энгельс, — я все еще стою на старой точке зрения: что общность женщин (и мужчин для женщин) была исходным пунктом половых отношений внутри племени. Напротив, психологическое объяснение ревности представляет позднейшее воззрение и опровергается сотнями фактов (о чем ниже)... С такой же достоверностью, как там, где благодаря принудительной чересполосице земля периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли, с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин там, где женщины периодически возвращаются — реально или символически — в состояние общности». [1] «Я считаю абсолютно недопустимым, что вы, оспаривая общность жен как первобытное явление, хотите снова привнести ее как явление вторичное. Где существует общность, будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, там она непременно является первобытной... Никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность».[2] «Вы очень много читали на эту тему, но слишком уже поторопились с выводами и притом слишком большое значение придали мнениям так называемых антропологов, которые все страдают, я бы сказал, своего рода катедер-социалистическим косоглазием». [3]

В письме к Бернштейну от 27 февраля 1883 г. Энгельс прямо называет «контрабандой» попытку Каутского истолковать общность жен как вторичное явление. Мы знаем теперь, что эти уроки Энгельса, уроки борьбы за чистоту марксистского учения прошли для Каутского бесследно [4] и что

ловека была не общность жен, а моногамия» (стр. 28). «Первичным был единичный брак, а общность жен ввел с собою хищнический брак» (стр. 45).

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 217.

[2] Там же, стр. 218.

[3] Там же, стр. 220.

[4] В последнем увесистом двухтомнике Каутского «Die Materialistische Geschichtsauffassung», представляющем даже не фальсификацию марксизма, а последовательное открытое сочетание самых пестрых буржуазных теорий, вопросы истории семьи трактуются с тех же антимарксистских позиций, против которых возражал Энгельс еще в 1882 г. Каутский открыто полемизирует здесь с Энгельсом и Морганом, расшаркивается перед Мак-Леннаном, повторяя его теорию возникновения экзогамии из похищения женщин, отрицает промискуитет, конструирует нечто вроде моногамии в начальный период истории первобытного общества, объявляет пуналуа-семью сочетанием двух поздних форм брака — многоженства и многомужества и т. д. Он с гордостью много раз ссылается как раз на ту свою работу о возникновении брака и семьи, вышедшую в 1882 г. в «Космосе», которая была раскритикована Энгельсом, подчер-

последний давно уже всецело примкнул к «так называемым антропологам», страдающим «катедер-социалистическим косоглазием», под которыми Энгельс подразумевал буржуазных ученых.

Было бы чрезвычайно важно во всех подробностях выяснить сущность конкретных исследовательских приемов, которыми пользовались Маркс и Энгельс в своей научной работе, в частности и в особенности изучить их приемы обращения с источниками. Это могло бы заложить фундамент марксистско-ленинской методики исторического исследования, но это дело большого специального исследования, для которого, мы думаем, время уже наступило. В данной статье мы не можем рассматривать этот вопрос во всей полноте и подчеркнем только наиболее важные моменты. Крайне существенным является прежде всего то, что Маркс и Энгельс разрабатывали историю доклассового общества на основе всех видов источников, привлекая в исследование одинаково этнографические, лингвистические, археологические и антропологические факты, опираясь на палеонтологическое изучение пережитков, пользуясь надстройками для изучения базиса и т. д. Предметом изучения был для них исторический процесс; разнообразные источники изучались ими не сами в себе, а для освещения этого процесса, и, конечно, Марксу и Энгельсу бесконечно чужда была та точка зрения буржуазных ученых, согласно которой археология и этнография существуют как совершенно самостоятельные науки, причем предметом изучения для них являются виды источников, которыми занимаются: археология изучает вещи, этнография — современные культуры отсталых народов. В отношении археологии Маркс с полной четкостью указывал, что изучаемые ею культурные остатки есть средство изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Равным образом этнографический материал во всех работах Маркса и Энгельса фигурирует только в качестве источника истории общества, а не самостоятельного предмета изучения.

Охватывая в своих исследованиях все виды источников, Маркс и Энгельс при разработке каждого отдельного вопроса знакомились с исчерпывающей полнотой с научной литературой в той мере, в какой они находили эту литературу в доступных им библиотеках. Ни один действительно серьезный труд не оставляли они без тщательного критического изучения; об этом свидетельствуют, напр., составленные Марксом конспекты работ Моргана, Тэйлора, Гримма, Мэна, М. М. Ковалевского, Вагнера и т. д. В высокой степени показательно, что Энгельс, напр., прочел основной труд Маурера о марке пять или шесть раз и после этого решил прочесть

кивая, что она, мол, вышла за два года до появления работы Энгельса «über den Gleichengegenstand», но содержала якобы более правильные, чем у Энгельса, положения. K. Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung, т. I, 1927 г., стр. 307 сл., особенно стр. 318.

его снова с связи с проработкой всех остальных его трудов. [1] Давая, таким образом, непревзойденный пример глубокой научно-исследовательской работы и в области истории первобытного общества, Маркс и Энгельс весьма отрицательно относились ко всякому пустозвонству, упрощенству и легкомысленной поспешности в этой науке, как и во всех других. «Развитие материалистического понимания, — писал Энгельс, — хотя бы на одном единственном историческом примере представляло собой научную задачу, для выполнения которой потребовались бы долголетние спокойные исследования, ибо ясно, что одной фразой тут ничего не сделаешь и что только при помощи массового, критически проверенного, в совершенстве усвоенного материала можно успешно разрешить такую задачу». [2] И когда тот же Каутский пытался с помощью крайне легковесной фразы скользнуть по наиболее сложным вопросам истории доклассового общества, вопросам истории семьи, — при этом с претензией эти вопросы разрешить, — он встретил со стороны Энгельса решительный отпор. «С обобщениями вы мчитесь как курьерский поезд, — писал Энгельс Каутскому по поводу работы последнего «Происхождение брака и семьи», — так быстро разрешить эти вопросы нам не удастся... Я убежден, что если вы будете продолжать эти занятия или через некоторое время возобновите их, то придете к совершенно новым результатам и, быть может, пожалеете, что вы в этой чрезвычайно трудной области проявили такую поспешность...» «Вообще во всех этих научных исследованиях, охватывающих такую обширную область и требующих массового материала, какие-либо подлинные достижения возможны лишь в результате долголетней работы. Легче нащупать по отдельным вопросам новую и правильную точку зрения, что вам иногда и удавалось в ваших статьях, но охватить весь материал сразу и расположить его по-новому можно только после исчерпывающей его обработки, иначе такие книги, как «Капитал», появлялись бы гораздо чаще». [3]

В этих словах сформулировано то отношение к научному труду, которое воплощено во всех произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и которое обязательно для всех, стремящихся итти по пути подлинной марксистско-ленинской науки. Непримиримая партийность и связь научной теории с революционной практикой, последовательно проводимый диалектический материализм, работа по первоисточникам с максимально полным их охватом, с критическим к ним отношением, борьба со всеми враждебными теориями и уменье вскрывать их классовые корни, уменье разоблачать врага, какой бы маскировкой он ни пользовался, глу-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 221.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Гиз, 1930 г., стр. 40 (Энгельс о книге Маркса).

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 237.

бокое и критическое изучение всего, что было создано наукой по изучаемому вопросу, — вот стиль научной работы основоположников марксизма-ленинизма.

Переходя к изложению основных взглядов Маркса и Энгельса на доклассовое общество, остановимся прежде всего на вопросе о становлении общества, в решении которого основоположники марксизма дают один из самых блестящих примеров материалистической диалектики.

Развитие человеческого общества есть естественноисторический процесс. Между обществом и природой нет зияющей пропасти, выдуманной идеализмом. Изначально существующей материи присуще саморазвитие на основе борьбы противоположностей, как ее имманентный закон, и саморазвивающаяся материя проходит бесконечный ряд качественно различных состояний или этапов в своем непрерывном и вечном движении. Неорганическая природа, органический мир и человеческое общество являются лишь крупными звеньями в последовательном ряде качественных состояний единой материи. В единстве природы дана, таким образом, множественность, и в непрерывном развитии даны разрывы, даны смежные качественные противоположности. Переход от одного качества к другому совершается в форме резкого изменения, в форме скачка, и становление человеческого общества является одним из величайших скачков в истории природы, когда биологическое качество переходит в качество наиболее высоко организованной материи — в качество социальное.

Сущность этого скачка заключается в том, что человекообразные обезьяны — это высшее достижение развития живой природы в пределах биологических закономерностей, — когда-то, на грани третичного и четвертичного периодов, вместо хищнического присвоения только с помощью естественных органов и только готовых даров природы, начинают производить необходимые им средства существования, начинают изготовлять искусственные органы — орудия труда. И тогда обезьяна становится человеком. Производство выделяет человека из среды животных, производству обязаны мы возникновением и всем последующим развитием человеческого общества.

Проблема происхождения человека была поставлена Дарвином и его школой, поставлена, но до конца не решена. Открыв законы развития органического мира, Дарвин подошел к человеку как к биологическому виду, указал его место в истории природы и неопровержимо доказал связь человека с общей цепью развития организмов, начиная от простейших. Но мысль великого эволюциониста была скована мертвой догмой: «natura non facit saltus». Он не хотел видеть скачка в возникновении человека и подходил к объяснению природы последнего все с теми же закономерностями, открытыми им в дочеловеческом мире живых существ.

Он не хотел видеть нового качества в человеке и человеческом обществе и именно поэтому открыл настежь двери для идеалистической трактовки проблемы происхождения человека. В самом деле, что же отличает человека от животных и вместе с тем объясняет его дальнейшую историю, если подходить к этому вопросу с чисто биологической стороны? Высокая степень развития организма, развитие мозга прежде всего (по Мечникову, напр., первым человеком была обезьяна-урод с непомерно развитым мозгом) и, следовательно, развитие мышления. Неожиданно центр тяжести переносится в область духа, и тогда идеализм может торжествовать победу. Мышление, дух, душа — вот что отличает человека от животных и вот что является ключом к истории человечества, — таковы неизбежные выводы из односторонне-биологического понимания превращения животных в человека, свойственного дарвинизму. «Даже материалистически мыслящие естествоиспытатели, — писал с полным правом поэтому Энгельс, — не могут себе составить ясное представление о происхождении человека, так как в силу влияния идеалистического миросозерцания они не видят роли, которую играл при этом труд». [1]

Таким образом, проблема происхождения человека, во всем своем объеме оказавшаяся непосильной даже для Дарвина, с гениальной простотой была разрешена марксизмом при абсолютном исключении каких бы то ни было лазеек со стороны идеализма и поповщины. Труд создал человека, производство резкой качественной гранью отделяет общество от природы, в производстве и в отношениях по производству ключ к пониманию всей истории общества.

Исходя из этой основной диалектико-материалистической идеи, Энгельс смелыми чертами рисует целостную картину становления общества начиная с вопроса о развитии человеческого организма и его причинах. Переходя к производству, стадо обезьян спускается с деревьев на поверхность земли, усваивает прямую походку, и с связи с этим освобожденные передние конечности специализируются на производственных функциях, превращаются в человеческие руки. Первые трудовые акты, совершаемые руками, были крайне примитивны: раскалывание камня, простое и грубое оббивание первичных орудий, выламывание и заострение деревянных дубин... «Но решительный шаг был сделан, рука стала свободной и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению». [2]

Вместе с рукой по закону соотношения роста развивался и весь организм человекообразного существа шаг за шагом на протяжении сотен ты-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 459.
[2] Там же, стр. 453.

сяч лет, превращаясь в организм человека. Расширение средств питания, возрастающая роль мясной пищи в связи с охотой и рыболовством повышали химизм крови человека и усложняли его жизненные функции. «Наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в большем количестве, чем раньше, вещества, в которых он нуждается для своего питания и развития, что и дало ему возможность быстрей и полней совершенствоваться из поколения в поколение». [1] Но мясная пища, сама явившаяся результатом развития общественного производства, была лишь одним из условий развития мозга. Главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превращаться в мозг человека, были труд и речь. Трудовые акты усложняли работу мозговых клеток, вызывали возрастающую дифференциацию их функций, создавали новые регулирующие центры в мозгу, специализировали деятельность органов чувств.

Речь и с ней первичное мышление необходимо вырабатывались в процессе трудового общения сплоченного человеческого коллектива, возникавшего из стада обезьян. Но развитие речи обусловливает развитие мозга (центры речи, усложнение сочетательных мозговых связей), и таким образом человеческий мозг есть, как и рука, продукт труда, продукт развивающейся общественности. Этим раз навсегда снимается возможность искать в развитии мозга первопричину общественно-культурной истории человечества и тем самым сбиваться на идеализм, ибо вне общественного производства нет условий, в которых мог бы развиться человеческий мозг.

Ниже мы изложим мнение Маркса и Энгельса о социальной природе первичных общественных коллективов, а сейчас постараемся показать, что набросанная Энгельсом картина становления человека до мельчайших деталей подтверждается современной наукой. В. Келер своими знаменитыми опытами установил, что шимпанзе в экспериментальных условиях прибегает к целесообразным актам, чрезвычайно близко стоящим к изготовлению и употреблению орудий труда (соединение двух или трех палок в одну, чтобы достать высоко висящий плод; отламывание ветви, чтобы воспользоваться ею для той же цели; пользование палкой для копания земли и т. д.). [2] Шимпанзе, конечно, нельзя отожествить с действительным предком человека конца третичной поры, но нет оснований ставить его выше тех ископаемых антропоморфных форм (дриопитек, сивапитек), которые, по всей вероятности, и были исходными как для человека, так и для шимпанзе с гориллой. После опытов Келера нельзя сомневаться, что антропоморфные обезьяны типа дриопитека и сивапитека по своему

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 458.

[2] В. Келер, Исследования интеллекта человекоподобных обезьян, Москва, 1930 г.

развитию были вполне готовы к тому, чтобы в известных условиях перейти к простейшим трудовым процессам так, как это представлялось Энгельсу.

Далее, после Энгельса разыскано весьма значительное количество костных остатков древнейших людей (питекантроп, синантроп, гейдельбергский человек, неандерталец, расы верхнего палеолита), позволяющих установить довольно стройный генетический ряд. В свете этих остатков видно, насколько правильно устанавливал Энгельс развитие признаков очеловечения. Постепенное выпрямление положения тела прослеживается от питекантропа до кроманьонца, также как и развитие черепной коробки. Развитие гибкости и способности к тонким движениям в руке наблюдается при сличении руки неандертальца с рукой последующих физических типов человека. Центральное положение теории Энгельса: «труд создал человека», блестяще оправдывается недавними находками синантропа близ Бейшина. Группа питекантроп — синантроп морфологически представляет формы, ближе стоящие к человеку, чем к антропоморфной обезьяне (вертикальная походка, структура и объем черепной коробки). При обнаружении на острове Яве в 1891 году остатков более примитивного из этой группы питекантропа орудия не были найдены. Это может быть объяснено тем, что остатки питекантропа находились в смещенном с первоначального своего места положении, не in situ. Находка костей синантропа (несколько индивидов, 1924—1932 гг.) была сделана при более благоприятных (хотя и несколько загадочных) условиях — в пещере, без следов значительного смещения. И — замечательно — при костях синантропа были найдены в значительном числе весьма примитивные орудия из камня (главным образом кварц и кварцит), отчасти кости и рога. При первом взгляде на опубликованные рисунки этих орудий бросается в глаза, что они аморфны, т. е. не имеют еще устойчивых форм, характерных для более поздних эпох каменной индустрии, и в то же время в их общей массе можно найти прообразы ряда этих позднейших форм. Та же аморфность характерна для дошелльской индустрии и для так наз. сопровождающей индустрии шелльско-ашельской поры. Обезьяна, ставшая человеком (обезьяночеловек), ощупью, ценой бесконечного числа неудачных экспериментов вырабатывала целесообразные типы орудий труда, наиболее пригодные для тех простых трудовых актов, которыми исчерпывалось ее примитивное производство. Орудия, найденные при синантропе, — целая лаборатория подобных экспериментов, лаборатория стихийных поисков и форм и материала (кость и рог впоследствии надолго — до верхнего палеолита — были оставлены, и орудия выделывались только из камня и, несомненно, из дерева). Как только первобытному человеку удавалось найти наиболее пригодные формы, они стабилизировались на чрезвычайно продолжительное время, и новые попытки начинались уже в период перехода общества в следующую, более высокую фазу существования.

Итак, уже первое вполне человекоподобное существо — синантроп — обладало производством, изготовляло орудия труда. Открытие синантропа нанесло решающий удар теории доиндустриального человека («доиндустриальная эра» В. А. Городцова), направленной против теории Маркса—Энгельса. И точно так же современная физиология центральной нервной системы множеством точных экспериментов полностью подтверждает мнение Энгельса о социальной обусловленности развития головного мозга человека, не оставляя никакого места для идеалистической теории самостоятельного развития и примарного, определяющего культурное развитие значения мозга, как «органа души». Все поведение человека, вся его деятельность слагается из различных рефлексов и их взаимоотношений. Внешний или внутренний агент-раздражитель действует на рецепторные окончания нервов, возбуждение по нервам передается в центральную нервную систему (спинной и головной мозг) и оттуда по другим нервам переключается к мышцам того или иного органа, вызывая работу этих мышц (эффекторный момент рефлекса). Такова простейшая схема рефлекса.

При всем множестве и разнообразии по степени сложности рефлексов, они, во-первых, всегда укладываются в эту схему, а, во-вторых, разделяются только на две принципиально-различных между собой группы: 1) рефлексы прирожденные (простые рефлексы и прирожденные сложно-органические, или инстинкты) и 2) рефлексы приобретенные (условные или сочетательные).

Отличие приобретенных, или условных, рефлексов от прирожденных заключается не в схеме их действия (условные рефлексы возникают на базе прирожденных), хотя она и значительно усложнена процессами, протекающими в центральной нервной системе, а в том, что они при определенных условиях могут вызываться самыми разнообразными раздражителями, в то время как прирожденные рефлексы строго специализированы и подчинены только немногим агентам. При условном рефлексе возникшее на периферии любое возбуждение может быть в коре головного мозга связано с любым ответным действием или системой действий эффекторного аппарата, при повторении эта связь укрепляется, и тогда условный рефлекс становится постоянным. Условный рефлекс есть утонченно-гибкая приспособительная реакция организма к изменчивым влияниям многообразных агентов окружающей среды. И поведение человека складывается преимущественно из суммы многочисленных и разнообразных условных рефлексов, начиная от самых простых и кончая сложнейшими цепными и комбинированными. Трудовые акты, язык, всевозможные виды общения людей друг с другом и т. д. являются условными рефлексами, если рассматривать их с физиологической стороны.

Но в условно-рефлекторной деятельности человеческого организма

первенствующее значение имеет высший отдел центральной нервной системы — большие полушария головного мозга. Именно там протекают сложные процессы высшего анализа приходящих извне и изнутри возбуждений и сочетания их как с другими сенсорными клетками полушарий, так и с различными центрами, регулирующими деятельность ответного мышечного и секреторного аппарата человека.

Среди миллиардов клеток коры головного мозга современного человека, структурно разделяющейся на шесть основных слоев, согласно микроскопическому исследованию, особое значение имеют так наз. пирамидальные клетки, имеющиеся во всей коре, но премущественно сосредоточенные во втором, третьем (исключительно пирамидальные клетки средней и большой величины до 40 микронов в диаметре) и пятом слоях. Пирамидальные клетки обладают крайне разветвленной сетью отростков. Обычно от каждой вершины пирамиды каждой такой клетки идет отросток-дендрит к верхнему слою коры, разделяющейся там на множество ветвей. Другой длинный отросток, или аксон, идет вниз и дает ветви в 4-м и особенно 5-м слое коры. Тончайшие дендриты соединяют пирамидальную клетку с окружающим ее мозговым веществом. В белом веществе мозга аксоны пирамидальных клеток соединяются в пучки радиальных волокон вместе с волокнами других клеток и связывают между собой участки одного полушария мозга и участки разных полушарий (ассоциативные или сочетательные и спаечные волокна). Они служат также для связи коры с нижними отделами мозга (проекционные волокна). Получается необычайно разветвленная сеть тончайших нервных связей, служащая для объединения и координирования деятельности различных центров коры полушарий мозга между собой и с деятельностью низших центров нервной системы, как двигательных, так и чувствительных. Благодаря развитию такой сети возможны те сложные комбинации условных рефлексов, субъективной стороной которых является процесс мышления.

Исследования О. Фогта установили, что по количеству и величине пирамидальных клеток в мозгу наблюдаются значительные различия между отдельными индивидуумами и что здесь существует прямая корреляция со степенью так наз. интеллектуальной одаренности. Разительным примером является изученный тем же О. Фогтом мозг Ленина, пирамидальные клетки которого—особенно в наиболее важном третьем слое—отличаются большей величиной и представлены в значительно большем числе, чем это наблюдается в соответствующих участках коры мозга обыкновенных людей.

Если клетки коры головного мозга и в частности пирамидальные клетки функционально связаны с условнорефлекторной деятельностью, то совершенно очевидно, что согласно принципу: «функция делает орган»,

они вырабатывались, умножались в числе и усложнялись в головном мозгу человека по мере того, как человек в своей производственно-социальной жизни приобретал и укреплял все новые и новые условные рефлексы. Уже первый трудовой акт, напр., изготовление простейшего орудия из камня, как устойчивый условный рефлекс, требовал таких сочетаний в мозговой коре, которые должны были вызвать в ней хотя вначале и незаметные, но существенные структурные изменения. Структура центральной нервной системы животных не допускает таких реакций.

Чем дальше, тем больше накапливались такие изменения, особенно в связи с условнорефлекторной деятельностью руки, как непосредственного органа усложняющегося общественного труда человека. Мы не будем здесь подробно останавливаться на данном вопросе, но можно было бы показать, что весь отмеченный выше процесс выработки устойчивых форм орудий из первоначальных аморфных типов, представленных в индустрии синантропа, в дошелльской индустрии и т. д., если рассматривать его с физиологической стороны, является не чем иным, как длительным (филогенетически) становлением прочных, наиболее целесообразных в данной социально-природной среде условных рефлексов при наличии крайней иррадиации раздражений в мозговой коре вначале (стадия поисков нужных движений для выработки орудий), при постепенной концентрации раздражений (развитие тормозных процессов, устраняющих ненужные движения), наконец при стабилизации и укреплении приобретенных долгим опытом утонченных рефлексов, что связано было с установлением новых прочных очагов возбуждения или доминант в коре мозга и со структурными изменениями последнего. Развитие идет (филогенетически) от генерализированных рефлексов к концентрированным. То же самое можно показать в отношении всех других производственных процессов первобытного человека, точно также как и в отношении развития речи.

В свете современной физиологии мозга совершенно невероятно, чтобы у первобытного человека сразу могла выработаться членораздельная звуковая речь, требующая даже в самых простых своих формах чрезвычайно рафинированных движений артикуляционного аппарата и чрезвычайно сложных центров в мозгу, регулирующих эти движения. И здесь раздражения, вызывающие речевые реакции (в первую очередь, конечно, раздражения социального порядка), трансформируясь в нервное возбуждение, широко иррадиировались вначале по коре головного мозга и, следовательно, приводили в движение многие сенсорные и эффекторные центры (высокая степень генерализации), что внешне выражалось и в множественности речевых движений и в одинаковом речевом обозначении многих объектов. Первичная речь, как это блестяще показал на лингвистическом материале Н. Я. Марр, была поэтому кинетической и диффузной; в ней принимал участие едва ли не весь мышечный аппарат организма.

человека (мимика, жест, поза, танец и т. д.), а одни и те же движения вызывались различными объектами и представлениями. И тот же закон концентрации возбуждения в определенных участках коры головного мозга объясняет нам физиологическую сторону дальнейшего развития речи. Число речевых движений сокращалось, и ручная речь, сопровождаемая выкриками, с ее уже ограниченными двигательными участками возбуждения в мозгу — важный этап в этом процессе. Но социально-приспособительное значение ручной речи невелико; оно эквивалентно производственному значению таких орудий, как ручное рубило или мустьерское скребло. Физиологически процесс регулирования речи впоследствии еще более концентрируется в мозгу и в конце концов сосредоточивается в центрах (третья лобная и первая височная извилины обычно левого полушария) звуковой речи, социально наиболее целесообразной, причем эти специализированные центры, вырабатываясь, охватили нервными связями всю кору головного мозга. Смежность центров речи с центрами движений руки указывает на генетическую близость ручной и звуковой речи.

Итак, развитие головного мозга с несомненностью подчинено закономерному образованию и развитию условных рефлексов, а эти последние вырабатывались человеком в процессе социально-производственного опыта. Это является прочным достижением современной науки. Труд и речь действительно являются «главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог превратиться в человеческий мозг». Напомним, что Энгельс написал это в 70-х годах, и, чтобы оценить его проницательность, коренящуюся в могуществе метода диалектического материализма, приводим следующие слова академика И. П. Павлова: «До 70-го года прошлого столетия не было даже никакой физиологии больших полушарий; они были для физиолога чем-то недоступным». [1]

Мы отвлеклись несколько в сторону физиологии мозга с целью показать на одном из самых важных и ярких примеров современные триумфы марксистской мысли. Созданная в наши дни теория условных рефлексов объясняет нам многое в механизме подчинения биологических закономерностей закономерностям общественным; только последние лежат в основе человеческой истории, и закономерности предшествующих качественных ступеней развития материи в человеческом обществе проявляются в измененной форме.

Переходим теперь к изложению концепции первобытного общества, созданной Марксом и Энгельсом.

Первобытное общество с самого начала возникает и в дальнейшем

[1] И. П. Павлов, Лекции о работе больших полушарий головного мозга, Гиз, 1927 г., стр. 12.

развивается как общество первобытнокоммунистическое, характеризующееся коллективным производством, коллективной собственностью и коллективным потреблением. В различных высказываниях Маркса и Энгельса красной нитью проходит эта основополагающая мысль: «в общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно»; [1] «в более древних общинах хозяйство ведется сообща»; [2] формы древней кооперации, «с одной стороны, покоятся на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной». [3] Производство... было по существу общественным, также и как потребление совершалось после прямого распределения продукта внутри больших или малых коммунистических общин. Эта общность производства и потребления была абсолютно необходима в условиях крайне низкого уровня производительных сил первобытного общества, когда изолированный, оторванный от коллектива человек был бы лишен всякой возможности существования. Только в коллективном труде, во взаимной поддержке, в помощи друг другу первобытные люди взаимно компенсировали ту слабость обособленной личности, которая обусловлена была примитивностью первобытного производства. И чем примитивнее было это производство, тем крепче, несмотря на всю их простоту, были связи, объединяющие людей в первобытнокоммунистический коллектив. Поэтому первобытный коммунизм возникает в период становления общества. «Где существует общность, — писал Энгельс, — будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира». [4] Конец первобытного коммунизма определяется моментом возникновения классов и государства. «Старое, покоящееся на родовых союзах общество было взорвано столкновением вновь развившихся общественных классов; на его месте выступает новое общество, объединенное в государство, подразделениями которого являются уже не родовые союзы, а местные объединения, в котором собственнические порядки (Eigentumsordnung) всецело господствуют над семейными порядками (Familienordnung) и в котором отныне развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории до настоящего времени». [5]

Существовавший в указанных хронологических рамках первобытный коммунизм является первой социально-экономической формацией обще-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1930 г., стр. 270.
[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 272.
[3] Капитал, т. I, стр. 251.
[4] Архив М. и Э., т. I (VI), стр. 218.
[5] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. VIII.

ства (архаическая формация по Марксу). [1] Способ производства, лежащий в основе этой формации, определяется «первоначальным единством между рабочими и средствами производства», [2] иными словами, общественной собственностью на средства производства. Это сближает архаическую или первобытнокоммунистическую или доклассовую формацию с коммунистической (бесклассовой) формацией будущего. «Новая система, — писал Маркс, — к которой идет современное общество, будет возрождением (a revival) в высшей форме (a superior form) архаического общественного типа». [3]

Но первобытный коммунизм есть формация особого качества, резко отличающаяся от коммунизма будущего. Если основой последнего будет безгранично возрастающая мощность производительных сил, обеспечивающая полное господство человека над слепыми стихиями природы и освобождающая человеческую личность для всестороннего развития, то первобытное общество с его неразвитыми, жалкими производительными силами развивается в условиях, наоборот, господства природы над человеком, в условиях теснейшей связанности отношений личности к природе и обществу, когда человек как пуповиной естественно-родственными связями спаян с другими людьми. «Их существование обусловлено, — писал Маркс о «древних общественно-производственных организмах», — низкой ступенью развития производительных сил труда и соответственно связанными отношениями людей в пределах процесса, производящего их материальную жизнь, а отсюда и связанными отношениями их друг к другу и к природе». [4]

Основная закономерность развития первобытнокоммунистической формации представляет специфическую форму противоречия между производительными силами и производственными отношениями, и весь вопрос заключается в том, чтобы раскрыть качественное своеобразие этой формы. Маркс и Энгельс решают эту задачу отнюдь не с помощью догматической фразы или априорно-схематического построения, но исходя из конкретного анализа производительных сил и социальных отношений на всем протяжении истории первобытного коммунизма, изучая конкретные типы первобытнокоммунистических общественных образований, являющиеся последовательными этапами развития. Такое строго конкретное, т. е. подлинно марксистское, изучение показало Марксу и Энгельсу, что в истории первобытнокоммунистического общества наряду с отношениями по производству материальных средств существования важную и совершенно специфическую роль играют естественно-родственные или семейно-брач-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 272, 273 и др.
[2] К. Маркс, Теория прибавочной ценности, т. III, стр. 308.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 278.
[4] K. Marx, Das Kapital, т. I, стр. 85.

ные отношения, отношения по размножению людей. Без учета и объяснения последних отношений невозможно понять природу, напр., родового общества — этой высшей формы первобытного коммунизма, существующего во множестве вариантов и теперь у различных отсталых народностей земного шара.

Еще в «Немецкой идеологии», как мы старались выше показать, Маркс и Энгельс подчеркивают эту особую в доклассовом обществе роль семейно-родственных отношений.[1] «Люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии делать историю, — писали они в этом раннем своем труде. — Но для жизни прежде всего нужна пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первое историческое дело — это производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни... Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям... Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться; это отношение между мужем и женой, родителями и детьми — *семья*».[2] «*Производство жизни, как собственной посредством труда, так и чужой посредством рождения, — сразу проявляется в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой — и в качестве общественного отношения*».[3]

Через 40 лет, т. е. уже после знакомства с Морганом и с многочисленной литературой по родовому обществу, Энгельс не изменяет этой точки зрения и в предисловии к «Происхождению семьи» дает следующую знаменитую формулировку материалистического понимания истории в применении его к доклассовому обществу:

«Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим моментом в истории в конечном счете (in letzter Instanz) является производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но оно само бывает двоякого рода. С одной стороны — производство жизненных средств, предметов питания, одежды, жилища и требующихся для этого орудий; с другой стороны — производство самого человека, продолжение вида. Общественные порядки (Einrichtungen), при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обусловлены обоими родами производства: степенью развития с одной стороны труда, с другой сто-

[1] Из этого видно, насколько справедливы обвинения Энгельса в том, что он будто бы лишь к концу своей жизни стал на эту точку зрения и тем самым изменил монистическому материализму.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 18—19.

[3] Там же, стр. 20. Курсив мой. *В. Р.*

роны — семьи. Чем меньше развит еще труд, чем ограниченнее масса его продуктов, а, следовательно, также богатство общества, тем более решающим образом обнаруживается господство в общественном строе родового союза». [1]

Это совершенно правильное положение, вытекающее из требования диалектического материализма не ограничиваться анализом одного так наз. «экономического фактора» в истории, а изучать материальные основы общественной жизни в их целостной конкретности, вызвало множество возражений со стороны «экономических материалистов» меньшевистствующего толка. В. И. Ленин всецело поддерживал приведенную выше формулировку Энгельса и в резкой форме разоблачал нападки на Энгельса одного из таких «возражателей» — Михайловского. «Во-вторых, рассуждает наш философ, — писал Ленин, — детопроизводство — фактор не экономический. Но где читали вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Их основная идея... состояла в том... что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют лишь надстройку над первыми... Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?» [2]

Таким образом, с точки зрения диалектического (а не экономического) материализма приведенные выше мнения Маркса и Энгельса по вопросу об отношениях, вытекающих из «детопроизводства», не вносят никакого дуализма в монистическое понимание истории, остающееся непоколебимо материалистическим, так как отношения по детопроизводству являются также материальными отношениями. Кроме того, и они подчинены в конечном счете развитию производительных сил, ибо семейно-родственные отношения в доклассовом обществе или совпадают, или тесно переплетаются с отношениями по материальному производству и могут быть поняты только в связи с этим последним. Следовательно, конкретные закономерности истории первобытного коммунизма могут быть раскрыты путем изучения развития материального производства, вытекающих из него производственных отношений и связанных с ними естественно-родственных или семейно-брачных отношений, непосредственно вытекающих из размножения людей.

История материального производства в доклассовом обществе была набросана Энгельсом преимущественно по материалам Моргана. Она заключается в постепенном совершенствовании старых и в возникновении новых форм производства, в открытиях новых источников существования, в развитии орудий труда. В период становления общества наряду с про-

[1] F. Engels, Der Ursprung der Familie, стр. VIII.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 70.

стым, унаследованным от обезьян собирательством плодов, орехов, кореньев и т. п. возникает усложненное собирательство с помощью орудий труда (выкапывание корней палками, взлезание на высокие деревья за плодами с помощью искусственных приспособлений, разбивание орехов, панцырей черепах, раскрывание раковин каменными орудиями и т. д.) и, что гораздо важнее, охота, обеспечивающая человека мясным питанием. Вначале преобладала охота на мелких животных, выраставшая непосредственно из собирательства (охота на черепах, земноводных, мелких млекопитающих) или прямо относящаяся к нему (собирание личинок, насекомых, раковин), и крупный зверь был на первых порах редкой добычей, возможной лишь при особо благоприятных обстоятельствах. Но затем именно охота на крупного зверя и рыболовство, сочетаемые с собирательством, становятся на продолжительное время ведущей формой производства. Развитие идет по линии совершенствования приемов охоты и улучшения орудий охоты и орудий обработки охотничьих продуктов (туши животных, шкуры, сухожилия и пр.). Рано открытый огонь утилизируется для изготовления мясной пищи. Дифференцирование орудий труда в период исключительного господства охоты и рыбной ловли может быть прослежено по остаткам раннего каменного века или палеолита. Высшим достижением этого периода (период дикости, по Моргану) является изобретение лука и стрел, относящееся к самому концу палеолита или к началу неолита, когда развивается также сложная обработка дерева (появляется каменный топор), плетение, ткачество, а жизнь становится оседлой (поселения деревнями, гончарное производство).

Далее возникают новые формы производства — земледелие и скотоводство, причем виды сочетания их и конкретный путь развития каждой из них в отдельности определяются естественно-географическими различиями. История материального производства в это время складывается в Америке иначе, чем в Старом Свете, а в пределах каждого из этих материков наблюдаются существенные производственные различия по естественно-географическим зонам. Поэтому нельзя дать общую схему для развития производства этой поры; необходимо исходить здесь из конкретного изучения локальных процессов. В Америке почти исключительно господствовало земледелие, между тем как в Старом Свете очень рано появилось скотоводство в связи с наличием многих годных для приручения видов животных. Общая линия развития земледелия в доклассовом обществе определяется начальным этапом в виде мотыжного земледелия, выросшего из собирательства, и конечным этапом в виде плужного или полевого земледелия, характерного уже для последних моментов разложения первобытного коммунизма. Развитие промышленной техники (домашняя промышленность, переходящая в обособленное ремесло) обеспечивает то непрерывно возраставшее многообразие форм орудий труда и

оружия, которое необходимо было для усложнявшегося производства и усложнявшихся социальных отношений. Грубые вехи здесь намечаются открытиями в области металлургии. Камень и кость, как материал труда, сменяются медью и затем сплавами ее с цинком и оловом, т. е. бронзой. Затем, уже к концу доклассового общества (высшая ступень варварства по Моргану) появляется плавка железной руды, и все более и более осваивается металлургия железа, без которой невозможно было и развитие полеводства (необходимость в твердых, острых лемехах для пашенных орудий, в железном топоре для расчистки леса под пашни и т. д.).

Таковы самые основные моменты в развитии материально-производственной стороны производительных сил доклассового общества. Другой стороной их является сам человек, человек, как производительная сила. Организм человека структурно и физиологически становится все более и более совершенным механизмом для выполнения производственных функций. Именно в этом направлении, т. е. в направлении повышения трудовой эффективности организма, развертывается трансформация физического типа человека от питекантропа до современных людей, проявляющаяся как в грубых морфологических изменениях (скелетные и мышечные изменения), так и в изменениях более тонких, микроскопических (особую важность имело, как указывалось выше, развитие нервной ткани центральной нервной системы). Мало-по-малу главный рабочий орган — рука — достигает виртуозной гибкости и совершенства, допускающих самые сложные и дифференцированные движения, необходимые в производстве. Накапливающиеся и передающиеся из поколения в поколения производственные навыки, установки, приемы, опыт и т. д., имевшие, как мы теперь знаем, своей физиологической подосновой выработку прочных устойчивых условных рефлексов, также повышали значимость человека, как производительной силы. И надо сказать, что в условиях доклассового общества, особенно на ранних ступенях, при крайней примитивности орудий труда, этого рода навыки, т. е. личные качества производителей, играли особо важную роль в производстве. Нельзя не поставить в связь с постепенным сложением наиболее в производственном отношении эффективного организма человека и развитие форм семейно-брачных отношений; экзогамия, в частности, способствовала повышению биологических качеств природы человека. Превращение неандертальского физического типа человека в более высокий кроманьонский тип совершилось, повидимому, именно в связи с появлением экзогамии.

Производительные силы развиваются в форме обусловливаемых ими производственных отношений, оказывающих, в свою очередь, обратное — положительное или задерживающее — влияние на рост производительных сил. Уже простая кооперация труда, характерная для доклассового общества, не только повышает индивидуальную производительную силу

человека, но, как писал Маркс, создает новую производительную силу. «Способ совместной деятельности людей сам есть некая производительная сила». В ходе абстрактного анализа рассмотрение развития элементов производительных сил допустимо, но целостное понимание закономерностей их движения требует детального изучения форм их проявления, т. е. типов социально-экономических структур.

Производственные и естественно-родственные отношения доклассового общества, образующие его социальный строй, изменяются в процессе исторического развития, не меняя до известного момента того «единства рабочих и средств труда», которое решающе определяет способ производства первобытного коммунизма на всем протяжении его истории. Отсюда периодизация истории доклассового общества, т. е. выделение этапов, через которые оно проходило, этапов со специфическими типами производственных и семейно-брачных отношений.

«Архаическое образование общества, — писал Маркс, — вскрывает перед нами ряд различных типов, отмечающих собою последовательные эпохи». [1] «Историю разложения первобытных общин (было бы ошибочно ставить их все на одну доску: подобно человеческим образованиям, есть и в исторических образованиях ряд типов — первичных, вторичных, третичных и т. д.) еще предстоит написать. До сих пор нами давались только наброски». [2]

Типы доклассовых структур, «отмечающие собой последовательные эпохи», в основном установлены Марксом и Энгельсом, и мы рассмотрим здесь этапы истории доклассового общества так, как понимали их Маркс и Энгельс, но привлекая и материал, добытый современной наукой. Только после этого можно будет подойти к общим формулировкам закономерностей развития первобытного коммунизма.

Периодизация, установленная Марксом и Энгельсом для истории доклассового общества, прослеживается в их работах достаточно четко. Сельская община, по Марксу, есть «новейший тип архаической формации общества» [3] или «последний этап архаической формации». [4] «Более ранние первобытные общины, — указывает Маркс, — покоятся на кровном родстве своих членов». Этим устанавливается предшествовавший сельской общине период родового общества, разделяющийся в свою очередь, как об

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 281.

[2] Там же, стр. 278. См. также стр. 283: «Не все первобытные общины построены по одному и тому же образцу. Они, наоборот, представляют собою ряд социальных группировок, отличных друг от друга и по типу и по давности своего существования».

[3] Там же, стр. 273.

[4] Там же, стр. 272.

этом подробно писал Энгельс в «Происхождении семьи», на два важнейших этапа: 1) матриархальное родовое общество и 2) патриархальное родовое общество, имеющие свои подразделения. Но родовое общество развивается на основе экзогамии из пуналуа-семьи или из брачно-классовой системы относительно поздно, на высшей ступени дикости, по схеме Моргана. Ему предшествует продолжительная эпоха дородового общества — время развития группового брака, по Энгельсу, время возникновения и затем исключительного господства охоты и рыболовства, совпадающее с установленной археологами эпохой палеолита. Таким образом, устанавливается следующая схема: 1) дородовое общество, подразделяющееся, как увидим, на ряд вторичных этапов, 2) матриархальное родовое общество, 3) патриархальное родовое общество и 4) сельская община.

По дородовому обществу в распоряжении Маркса и Энгельса было гораздо меньше сведений, чем по этапам более поздним. Основной материал здесь — археологический (палеолит). Во времена Маркса и Энгельса знания по палеолиту имели преимущественно естественнонаучный или формальный характер (геология, флора и фауна, стратиграфия, «морфология индустрии») и не открывали еще тех общественно-исторических перспектив, которые налицо в данной области в настоящее время. Поэтому развитого учения о дородовом обществе в работах Маркса и Энгельса мы не найдем, и, в частности, сведениями по палеолиту они пользовались по необходимости скудно, так как эти сведения представляли в их время весьма сырой материал. Но все опорные точки для понимания истории этой поры ими намечены настолько, что, исходя из их взглядов, на основе современного материала можно дать развернутую периодизацию дородового общества.

Первый, самый ранний этап характеризуется со стороны социально-экономической структуры зародышевой формой разделения труда (вначале разделение труда «было лишь разделением труда в половом акте» [1]), господством простого сотрудничества, как основного типа производственных отношений. Это время, когда основным занятием была охота на мелких животных, сочетаемая с собирательством плодов, корней и т. д., время становления общества (переходное состояние от животных к человеку или низшая ступень дикости, по Энгельсу — Моргану). Несложные трудовые процессы выполнялись одинаково всеми членами общества без всякой производственной дифференциации между ними. Никаких запретов в области семейно-брачных отношений еще не существовало. Господствовали неупорядоченные половые отношения (так наз. промискуитет), не исключавшие возможности более или менее продолжительного сожительства временных пар. Свобода половых отношений является существеннейшей

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

стороной социальной жизни возникавшего человеческого общества, ибо лишь при этом условии первобытные люди могли сплотиться в дружный коллектив, чему препятствовало бы исключительное право со стороны тех или иных мужчин на тех или иных женщин, сопряженное с чувством ревности. «Взаимная терпимость взрослых самцов, свобода от ревности были первым условием таких крупных и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека». [1] Человек еще не выделяет себя из коллектива в сознании (стадное или «баранье» сознание людей). [2] Наиболее подходящим для обозначения данного этапа был бы ленинский термин «первобытное стадо». [3]

Энгельс писал, что ни один из народов, ставших известным в исторический период, уже не находился в этом первобытном состоянии, и прямыми свидетельствами этого рода, т. е. этнографическими данными, доказать его существование мы не можем. Но есть прямые свидетельства другого рода — археологические факты, известные теперь с самого начала возникновения общества. Эти факты полностью подтверждают набросанную Марксом и Энгельсом картину самого раннего этапа человеческой истории. Наиболее древними массовыми культурными остатками человека являются (если оставить в стороне сомнительные эолиты и пока единичную находку орудий при синантропе) остатки, относящиеся к третьему межледниковому периоду, представленные дошелльской, шелльской и ранне-ашельской каменной индустрией. То общее, что объединяет каменные орудия этой поры в единую целостную группу при различиях между ними, вытекающих из развития, заключается, кроме техники обработки камня (примитивная двусторонняя оббивка), в их недифференцированности и универсализме; каждое орудие предназначено для различных трудовых операций (резание, скобление, ударное действие и т. д.), и нет еще строго специализированных на отдельных функциях форм. Таковы, прежде всего, дошелльская и сопровождающая шелльская индустрия (грубые двусторонние оббитые аморфные орудия). Первая стабилизированная форма — ручной топор (coup de poing) — появляется в шелльское время и с поразительной устойчивостью почти монопольно господствует до конца ашельской эпохи.

Г. Мортилье писал о ручном топоре следующее: «Это было первое орудие, орудие, служившее для всех целей (à tout faire). Смотря по форме оббивки и способу захвата рукой, оно служило топором, резаком, ножом,

[1] F. Engels, Ursprung der Familien, стр. 17. Тем самым исключался, как говорил Энгельс, тот наблюдающийся у животных антагонизм семьи и стаи, который препятствовал бы установлению первобытнокоммунистических отношений.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

[3] Этим термином пользовались и основоположники марксизма. «Первые люди жили, вероятно, стадами», писал Энгельс (Письмо к П. Лаврову).

пилой, буравом, резцом, ножницами и т. д.». [1] Несмотря на позднейшие, впрочем, мало обоснованные возражения, нельзя не согласиться с этим мнением. Первые попытки специализировать орудие не меняли, но только варьировали его основную форму. Эта недифференцированность или функциональная обобщенность первичных орудий труда, соответствующая крайней недифференцированности труда первой стадии истории общества, подтверждает то отсутствие разделения труда, которое Маркс и Энгельс считали для нее наиболее характерным. Условия находок этой поры (как правило, орудия встречаются без костей крупных животных в комплексах, являющихся, повидимому, остатками временных непродолжительных становищ людей) показывают, что люди жили тогда небольшими группами, переходившими с места на место в поисках пищи. Теплый климат межледниковья, благодатная растительность и обильная фауна обеспечивали им успешное собирательство и охоту на мелких животных. Прямых свидетельств о семейно-брачных отношениях от этого времени мы не имеем, но невозможность существования при переходе от животного состояния к человеческому обособленной семьи в свете аргументации Энгельса очевидна. На возникновение речи и мышления проливают свет лингвистические исследования Н. Я. Марра. Если речь вначале была диффузной и кинетической (разнообразие телодвижений, одинаковые речевые обозначения многих объектов), то диффузным было и мышление. Человек мыслил хотя и конкретными, но крайне недифференцированными, слитными образами. Слияние личности с коллективом (стадное сознание, по Марксу — Энгельсу) и даже с известными элементами природной среды в сознании людей выражается в тотемном мышлении, характерном для всего дородового общества, по Н. Я. Марру, когда под тотемом понимался весь коллектив и не было никакого места для противопоставления личности — коллективу, частной собственности — общественной собственности и т. п., появляющегося, как об этом сигнализирует язык, на гораздо более поздних этапах развития. Укажем, что и Леви-Брюль подчеркивает как основную черту первобытного мышления, генетически восходящую к самому началу истории общества, синтетизм и коллективность первобытных представлений. «Коллективные представления — пишет он, — не фигурируют в первобытном мышлении изолированно». «Пралогическое мышление является синтетическим по своей сущности». [2]

Дальнейшая история дородового общества заключается в развитии рыболовства и охоты, [3] в широком развитии «естественно выросшего разделения труда [4] и в постепенном ограничении полового общения

[1] Г. и А. де Мортилье, Доисторическая жизнь, СПб., 1903 г., стр. 118.
[2] Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление, 1930 г., стр. 25.
[3] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 2—3.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

между членами общественной группы, [1] приводящем к экзогамии, а затем и к возникновению рода. Устанавливая эти основные моменты, Маркс и Энгельс не дали развернутой периодизации дородового общества, но, исходя из их взглядов и из морганов ской истории семьи, одобренной и принятой Энгельсом, можно наметить на основе современных знаний по крайней мере два крупных этапа в последующей истории общества до зрелого материнского рода.

Уже во второй половине ашельской эпохи охота на крупного зверя становится постоянным явлением. Но она требует и новых орудий труда и новой организации труда. Нужны были специализированные охотничьи орудия — и они появились. В качестве копья должна была долгое время служить длинная палка с заостренным или обожженным концом на подобие аналогичных орудий, известных у тасманийцев, но, разумеется, соответствующие находки до нас дойти не могли. Дальнейший шаг — изобретение более эффективного каменного наконечника копья. Старая техника двусторонней оббивки камня была непригодна для изготовления таких наконечников, так как она даже при самых тщательных стараниях мастера давала все же слишком массивные орудия. Утверждается новая техника скалывания с ретушью рабочих краев орудий, и первым развитым этапом этой техники была каменная индустрия эпохи мустье с ее уже значительно более дифференцированными, чем это было ранее, орудиями, с ее уже несколькими устойчивыми формами, пришедшими на смену ручному топору. Весь набор мустьерских орудий (скребла, остроконечники, первые опыты применения кости) говорит об охоте, как ведущей форме производства. Если многие аморфные орудия этой поры, скребла и часть остроконечников, употреблялись для обработки продуктов охоты (рассечение туш животных, снятие шкуры, ее выскабливание и т. д.), то по крайней мере некоторые виды остроконечников служили, без сомнения, в качестве наконечников копья, этого наиболее совершенного охотничьего орудия эпохи мустье. Главными объектами охоты были дикие лошади, олени, дикие быки, мамонты, сибирские носороги, пещерные медведи и т. д. Несовершенство и все же еще весьма слабая дифференцированность орудий не допускали широкого применения индивидуализированных приемов охоты. Доминировали способы коллективной охоты — загон, облава и т. п., требовавшие более сложной организации труда, или простая кооперация (разделение функций при загоне, навыки в выслеживании зверя, навыки в обработке орудий, разделение функций между охотниками и остающимися у жилья для поддержания огня и т. д.). Вырастает возрастно-половое разделение труда, как господствующий тип производственных отношений. Женщины заботятся о детях, об очаге (в это время уже налицо временные центры

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 19—30.

обитания, — напр., так наз. пещерные жилища), о приготовлении пищи, о переносе скудного имущества при передвижении охотничьей группы, чтобы развязать руки охотникам; мужчины охотятся, причем руководящую роль играют старшие, а подростки выполняют подручные функции и под руководством старших приобретают охотничьи навыки. Очевидно, именно в это время намечается деление группы или орды на возрастные классы (старшие, зрелые, подростки), сохранившиеся в выродившейся форме у ряда современных народностей (австралийцы, бушмены, андаманцы и т. д.), и возникают первые брачные запреты, исключающие пока половое общение между предками и потомками, между родителями и детьми. Кровнородственную семью (браки между братьями и сестрами всех степеней), которую Морган восстановил на основании гавайской системы родства, можно отнести только к этой стадии и понимать ее следует в смысле господства браков внутри каждого возрастного класса при дальнейшем полном запрещении их между лицами разных классов. Данный этап можно определить как время эндогамных возрастно-половых охотничьих групп с кровнородственной семьей. Для Европы это — время неандертальца, вторая половина ашельской эпохи и главным образом вся эпоха мустье, т. е. период последнего оледенения.

На следующем этапе охота и рыболовство достигают высокой степени развития. Тот процесс дифференциации орудий труда, который закономерно протекает с момента возникновения человеческой индустрии (от обобщенно-аморфных форм к формам обобщенно-устойчивым вначале, дифференциации устойчивых форм впоследствии) и который, несомненно, с одной стороны вызывал структурные изменения в организме человека, особенно в нервной системе, с другой стороны определялся ими, развертывается теперь ускоренными темпами. Техника скалывания и ретуши вырабатывает точность, гибкость и исключительную четкость в движениях руки работающего человека, а тем самым совершенствует как мышечный аппарат, так и работу центральных отделов нервной системы человеческого организма; развитие головного мозга допускает быстрое образование сложных и утонченных условных рефлексов. Вместо скалывания грубых пластин с примитивных массивных мустьерских нуклеусов появляется скалывание длинных тонких пластинок, требующее тщательной подготовки нуклеусов и точности ударов. Совершенствуется и вторичная обработка сколотых пластинок, достигающая высшего эффекта в технике отжимной ретуши солютрейской эпохи. Пластинка теперь является основной формой кремневой индустрии; в зависимости от ее величины и способов вторичной обработки из нее вырабатываются многообразные типы режущих, колющих, скребущих, сверлящих, пилящих и т. д. орудий (ножи, проколки, скребки, сверла и т. д.). Но ведущее назначение пластинки — служить наконечником охотничьих орудий (копья, дротики, впоследствии стрелы).

Развитие индустрии верхнего палеолита проходит под знаком выработки дифференцированных форм таких наконечников — от наконечника копья до наконечника стрел, появляющегося в самом конце палеолита. Поскольку камень недостаточно пластичен, чтобы обеспечить возможность изготовления всех необходимых форм наконечников, постольку наряду с ним широко начинает применяться новый материал — кость, первые опыты использования которой для изготовления орудий труда восходят к предшествующей стадии. Из кости выделываются легкие, острые наконечники дротиков и гарпунов, иглы, шилья, проколки и т. д.

В итоге в течение верхнего палеолита (ориньяк, солютре, мадлен) вырабатывается целый ассортимент разнородных охотничьих и рыболовческих орудий, свидетельствующий о разнообразии приемов охоты. Этот процесс завершается изобретением лука, появившегося, вероятно, не ранее азильско-тарденуазского времени.

Нельзя, разумеется, полагать, что общество эпохи верхнего палеолита в отношении своей структуры представляло нечто совершенно однородное на всей территории, где встречаются соответствующие остатки. Наблюдаются, с одной стороны, существенные локальные различия в этих остатках, с другой стороны, процесс развития продолжается в это время все более ускоряющимися темпами; к этому нужно добавить изменения природной среды (климатические колебания послеледникового времени). Тщательное изучение, несомненно, вскроет как локальные варианты истории общества в это время, так, быть может, установит и здесь более дробную периодизацию. Уже сейчас ясно, что мадленская эпоха с ее развитием сезонной охоты индивидуализированными способами имеет специфические отличия от более ранних эпох. Тем не менее в верхнем палеолите везде отчетливо выступают общие моменты социально-экономического развития, позволяющие дать суммарную характеристику истории общества этой поры, освещающую те вопросы, которые были намечены Энгельсом и Марксом.

Очерченный выше процесс дифференциации орудий есть одно из доказательств дальнейшего развития возрастно-полового разделения труда на этой стадии. Индивидуализированные приемы охоты с помощью легких метательных орудий требуют таких навыков, которые вырабатываются лишь при постоянном занятии охотой, и поэтому женщины мало-по-малу совершенно или почти совершенно отстраняются от участия в охотничьих предприятиях мужчин за исключением, быть может, только массовой коллективной охоты облавой или загоном, допускающей спорадическое участие в ней женщин. Мужской и женский труд разграничивается теперь весьма четко, и специальные обязанности женщин усложняются и с появлением постоянных жилищ (домохозяйство) поглощают их целиком. Среди мужской части населения устанавливается более сложная трудо-

вая специализация преимущественно на возрастной основе; руководство, магическая обрядность, хранение коллективного опыта и т. п. — дело старших в группе; тяжелые охотничьи экспедиции лежат на плечах зрелых мужчин. Искусно оббитые солютрейские орудия, а также памятники изобразительного искусства верхнего палеолита говорят, повидимому, о далеко зашедшей специализации труда внутри общественных групп на данном этапе. В это же время можно констатировать первые зародыши междугруппового разделения труда и междугруппового обмена (обмен, вытекающий из различия естественно-географических условий жизни различных групп).

Рост производительности труда выражается в обилии охотничьей добычи. Скопления костей животных на становищах людей верхнего палеолита достигают нередко поразительных размеров (остатки сотен тысяч лошадей в Солютре, тысяча мамонтов в Пржедмосте и т. п.). Уже этот факт свидетельствует о продолжительной жизни человека на одном месте, о переходе его к оседлости по крайней мере в тех пунктах, где водилось много животных (лошади, мамонты, олени и т. д.).

В связи с этим в ориньякское время возникают постоянные жилища — полуземлянки, сооруженные при использовании как строительного материала дерева, каменных плит и крупных костей таких животных, как мамонт; остатки подобных жилищ найдены в ряде палеолитических стоянок (Гагарино, Костенки, Пржедмост, Фурно дю Диабль, Ланг Маннерсдорф и др.). По характеру этих жилищ и комплексов находимых в них остатков видно, что общественные группы представляли собой в это время сплоченные коммуны, обеспеченные продуктами регулярной охотничьей добычи и имеющие поэтому постоянные запасы пищи. Оседлость приводит к четкому осознанию родственных связей как по восходящей линии, так и по боковым линиям. Распространенные в стоянках ориньякско-солютрейского времени фигурки женщин из кости или мягких каменных пород могут быть поняты скорее всего как художественное, с магическими целями оформленное воплощение материнского начала в семейно-родственных отношениях людей. Образ женщины-матери, женщины-прародительницы занимает теперь одно из первых мест в общественной идеологии, и этот крайне важный факт свидетельствует о сдвигах в естественно-родственных отношениях. Здесь мы подходим к важному пункту учения Маркса и Энгельса о доклассовом обществе.

Известно, какое значение придавал Энгельс групповому браку в истории дородового общества. У ныне живущих народностей групповой брак сохранился или в пережитках, или в очень поздних, переходных к родовым отношениям формах, осложненных, как, напр., у австралийцев, уже наличием парной семьи и даже патрилокального брака. Гавайская пуналуа-семья, изученная Морганом, есть также, как указывал Энгельс,

весьма поздняя форма группового брака, хотя и сохранившая в своей номенклатуре родства еще следы кровнородственных семейных отношений. Таким образом, расцвет группового брака приходится на такие ступени в истории доклассового общества, которые не представлены современными народностями. Если, как было указано выше, промискуитет существовал в эпоху становления общества, а первая форма группового брака — кровнородственная семья — в эпоху среднего палеолита, то весь остальной период в истории дородового общества, т. е. как раз эпоха верхнего палеолита, и есть время господства развитого группового брака в его зрелых, еще не выродившихся формах. Мы ничего не поймем в истории верхнепалеолитического общества, если будем игнорировать этот факт. Конечно, исключительно трудно точно реконструировать формы семейно-брачных отношений в столь отдаленный период истории. Мы не научились еще как следует пользоваться вещественными остатками для таких заключений, хотя первые шаги в этом направлении сделаны. Но ретроспективный анализ позднейших отношений, наблюдающихся у современных народностей, и палеонтология речи открывают здесь широкие возможности и во всяком случае ставят совершенно определенные проблемы.

Материал австралийцев и гавайцев дал возможность Энгельсу вслед за Морганом наметить основную линию развития группового брака. В кровнородственной семье вводятся дальнейшие брачные запрещения. Из полового общения исключаются братья и сестры. «Этот прогресс был бесконечно важнее ввиду большой возрастной близости участников, но зато и труднее, чем первый. Он совершался постепенно, начавшись, вероятно, с исключения единоутробных братьев и сестер (т. е. с материнской стороны) из полового общения, сперва в отдельных случаях, затем понемногу становясь правилом». [1] При этом важно учесть следующее. Численность первобытной общественной группы имела свои лимиты, определяющиеся уровнем производительности труда. У современных наиболее отсталых охотничьих народов (тасманийцы, австралийцы) число членов в локальной группе колеблется от 30 до 60—80 человек. Естественный рост населения должен был поэтому вызвать дробление групп, и новые брачно-семейные отношения сыграли крупную роль в таком дроблении. «Как только появилось представление о неприличии половых отношений между детьми одной матери, оно должно было проявить влияние при таком дроблении старых и возникавших новых хозяйственных общин (Hausgemeinden). Группа или несколько групп сестер становились ядром одной, группа их единоутробных братьев — ядром другой». [2] Отсюда ведет свое происхождение пуналуа-семья, когда группа сестер разных степеней родства

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 20.

[2] Там же, стр. 21.

имеет общими мужьями группу мужчин, из числа которых исключались их братья. Отсюда же происходит широко распространенная наиболее древняя из существующих система двух брачных классов или фратрий, при которой «не отдельные индивидуумы, а целые группы считаются находящимися в браке класс с классом» и «каждый мужчина одного класса является прирожденным мужем каждой женщины другого класса». [1] Существовали и другие, нами еще не открытые формы группового брака, «существенной отличительной чертой которого была взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга, из которого, однако, были исключены братья жен, сперва единоутробные, позднее и более отдаленных степеней, а также, наоборот, сестры мужей». [2]

Так, следовательно, возникает и экзогамия, в объяснении происхождения которой до сих пор существует невероятная путаница, демонстрирующая бессилие буржуазной науки справиться со сколько-нибудь сложными проблемами. Буржуазные авторы или явно неправильно толкуют факты (знаменитый пример — мак-леннановское деление народов на эндогамные и экзогамные), или же основываются в своих построениях на позднейших явлениях, не желая проникать глубже в их генезис, в частности, не желая привлекать в исследование данные археологии. Потому и могла возникнуть претендующая на марксизм теория происхождения экзогамии из хозяйственного общения вначале чуждых друг другу локальных групп, теория, полагающая так наз. локальную экзогамию ее древнейшей формой (Эйльдерман). [3] Что между позднейшими экзогамными группами имеются и хозяйственные связи (взаимное право охоты на соседней территории, обязанности жениха или мужа в отношении тестя и т. д.) — это не подлежит сомнению, но весь вопрос заключается в том, как эти связи возникли и как вообще возникла экзогамия. Энгельс выводил ее, как мы видели, во всяком случае не из столкновения и не из общения внешних друг другу общественных групп, а из *имманентного развития отдельной группы* путем расщепления ее на экзогамные круги, становящиеся центрами формирования новых общественных групп, связанных между собой. Именно поэтому эндогамия не может быть отделена от экзогамии: группы экзогамны, но соединение их попрежнему замкнуто эндогамно.

«При всех формах групповой семьи, — писал Энгельс, — неизвестно, кто является отцом ребенка, но известно, кто является его матерью... Таким образом, ясно, что, поскольку существует групповой брак, происхождение может быть доказано только с материнской стороны, а потому

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 27.

[2] Там же, стр. 22.

[3] Г. Эйльдерман, Первобытный коммунизм и первобытная религия, 1930 г. Воззрения Эйльдермана повторил у нас А. М. Золотарев. А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии, Известия ГАИМК, т. X, в. 2—4.

признается только женская линия». Материнская филиация, выступающая впоследствии наиболее ярко в материнском роде, возникает, следовательно, очень рано, вопреки лженаучным утверждениям Кунова. Только в этой связи нами могут быть поняты женские статуэтки ориньякской эпохи, свидетельствующие об отражении сознанием первобытного человека того концентрирования кровнородственных связей вокруг женщины-матери, которое характеризует групповой брак, возникающую экзогамию и даже процесс дробления общественных групп. И только в свете изложенных выше взглядов Энгельса становятся понятными многие факты из области истории эпохи верхнего палеолита, мимо которых до сих пор проходили исследователи.

Начиная с ориньяка кровнородственная семья в связи с запрещением брака между братьями и сестрами переходит в другую, высшую форму группового брака, скорее всего представлявшую разновидность системы двух брачных классов или фратрий, как можно заключить из широкой распространенности остатков двухклассовой системы у современных наиболее отсталых народностей. Каждая фратрия, ядром которой является группа женщин, находящихся в коллективном браке с группой мужчин другой фратрии, впоследствии превращается в самостоятельную общественную группу; такое дробление может продолжаться и далее. Каждая такая группа становится экзогамной; она прочно спаяна узами кровного родства. Следы этой спаянности мы находим и в остатках верхнего палеолита, в частности в коллективных жилищах оседлых поселений подобных экзогамных групп ориньякско-солютрейского времени. Энгельс писал, что племена, у которых половые отношения между братьями и сестрами были воспрещены, «должны были развиваться быстрее и полнее», чем племена, сохранившие кровнородственную семью; последние в силу закона естественного отбора были обречены на вымирание. В несомненную связь с возникшей экзогамией должны мы поставить поэтому довольно быструю смену неандертальского физического типа человека более высоким кроманьонским типом, происшедшую как раз при переходе от мустьерской эпохи к ориньякской, но в этом процессе свою роль сыграло прямое влияние развития и усложнения социально-производственной жизни на организм человека, как об этом говорилось выше.

Теория происхождения экзогамии из общения двух чуждых друг другу групп не выдерживает никакой критики в свете фактов из области верхнего палеолита. Какие причины могли заставить такие группы вступить в связь между собой? Сторонники указанной теории, опираясь преимущественно на австралийцев, выдвигают на первый план хозяйственные причины. Но при крайней малочисленности населения верхнего палеолита, при обилии дичи, при широком территориальном просторе — условиях, ничего общего не имеющих с условиями жизни австралийских пле-

мен, — отдельные соседние группы не были хозяйственно заинтересованы друг в друге. Земли и охотничьей добычи было для каждой группы более чем достаточно, особенно, если учесть возможность любых перекочевок в любое место. Смешно было бы дорожить при таких условиях правом охоты на чужой территории, приобретаемой браками с соседней группой. Или экзогамия возникает в верхнем палеолите имманентно, путем расчленения общественных групп, или мы не сможем найти причин для ее объяснения, особенно если будем пытаться механистически выводить их прямо из явлений хозяйственной жизни.

Итак, общество верхнего палеолита представляло уже экзогамные возрастно-половые группы с развитым естественным разделением труда, с различными формами группового брака, природа которых еще ждет будущих исследований, точно также как и динамика развития этой поры. Именно теперь, с усложнением социально-производственных отношений, развивается звуковая речь. Расцвет тотемического мышления, отраженный в частности в искусстве палеолита, характеризует общественную идеологию данного этапа истории общества.

Следующим качественно новым этапом является уже родовое общество в его зрелой форме. Мы не будем здесь заниматься вопросом о конкретных путях перехода к нему, что потребовало бы анализа исключительно сложных фактов из социальной жизни народностей, как раз стоящих по своему развитию «накануне» или в самом начале родового общества (австралийцы, андаманцы, бушмены, огнеземельцы и т. д.), и такого же анализа не менее трудного археологического материала конца палеолитической эпохи. Старые приемы производства изживают себя, и, пока нет еще перехода к новым приемам, создается повсеместно наблюдающееся в это время состояние хозяйственного кризиса, в основе которого как будто бы лежит факт развития охоты в сторону индивидуализации охотничьих приемов, в то время как коммунистические отношения в обществе остаются непоколебимыми. Групповой брак, имеющий свою логику развития, приобретает причудливо-сложные формы, как, например, многоклассовая система брака у тех же австралийцев. «При этой возрастающей запутанности запрещений брака групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись парной семьей». Каждый вид группового брака наконец становился практически невозможным, и в результате остается одна пока еще непрочно связанная брачная пара, молекула, с расторжением которой брак прекращается вообще». [1]

Парная, или синдиасмическая, семья в такой же мере характерна для развитого родового общества, в какой групповой брак характерен для общества дородового и раннеродового, хотя пережитки группового брака

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 30.

держатся долгое время и в родовом обществе, проявляясь, напр., в беспорядочном половом общении во время праздников, в половом общении невесты накануне брака со старшими членами родовой группы (искупительный гетеризм) и т. д. Парный брак легко расторжим по желанию одной из сторон, отличаясь этим от позднейшей моногамии. Он связан со значительной свободой добрачных и внебрачных половых отношений. Но самая главная особенность парной семьи родового общества, резко отличающая ее от моногамии, заключается в том, что парная семья «никоим образом не разрушает переданного от более раннего времени коммунистического домашнего хозяйства», [1] что она не является обособленной хозяйствующей единицей и участвует в коллективном общественном производстве наравне с другими семьями рода. Не парная семья, а родовая общественная группа в целом [2] или ее часть (объединение семей) представляет единую социально-производственную организацию, ведущую общее коммунистическое хозяйство, поскольку главное средство производства этого времени — земля — остается собственностью рода или племени. В чем же заключается сущность родовой организации, в которой Энгельс видел «основные черты общественного устройства первобытного времени до установления государства», [3] считая, что именно в родовой организации Марксом «найдена прочная база для истории первобытного общества?» [4] Строго говоря, между ранними экзогамными общественными группами с коллективным браком и позднейшим родом трудно провести границу, если основываться только на факте объединяющего группу кровного родства. Всякая экзогамная группа представляет уже союз кровных родственников, и даже эндогамная группа с кровнородственной семьей также связана узами кровного родства (лица разных возрастных слоев — по восходящей и нисходящей линиям, лица одного слоя — по боковым). Не в факте родственных связей, а в их конкретных формах нужно искать отличия высших форм родового общества от более ранних этапов, напр., от ранней дуальной организации времени возникновения экзогамии, учитывая при этом всю совокупность общественных отношений, а не только одни кровнородственные связи да еще лишь со стороны их самых общих моментов.

Род возникает на основе экзогамии, но ранние экзогамные группы типа австралийских классов Энгельс еще не считал родовыми организациями и полагал, что «основанный на материнском праве род» есть «более поздняя форма экзогамии». [5] С одной стороны, по Энгельсу, исходным пунктом

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 32.

[2] ...«Почти у всех народов доказана совместная обработка земли родом, а впоследствии коммунистическими семейными общинами...». Там же, стр. 143.

[3] Там же, стр. 75.

[4] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 247.

[5] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 27.

для образования рода могла послужить австралийская система классов; многоклассовая система брака «еще более усложняется появившейся — во всяком случае позднейшей — надстройкой материнского рода»[1], пишет Энгельс; следовательно, ранняя форма рода возникает из классовой системы брака. С другой стороны, для «громадного большинства случаев» Энгельс выводил род непосредственно из пуналуа-семьи. Такой род «состоит из всех тех лиц, которые посредством брака «пуналуа» и в силу с необходимостью господствующих в нем представлений образуют признанное потомство одной определенной родоначальницы, основательницы рода. Так как при этой форме семьи отцовство неизвестно, то признается только женская линия родства... Только потомство дочерей каждого поколения остается в родовом союзе; потомство сыновей переходит в роды своих матерей».[2] Если мы представим себе, что такая группа кровных родственников становится обособленной и самостоятельной и что, далее, в ней в силу дальнейших брачных запрещений после долгого развития групповой брак уступает свое место парной семье, то перед нами и будет материнский род, уже в его развитой зрелой форме.

В качестве классического образца такого рода Энгельс берет родовую организацию ирокезского племени сенека, хорошо изученного Морганом. Это племя насчитывало восемь родов, обозначенных именами животных (волк, медведь, черепаха и т. д.). Никто не имел права вступать в брак с членами своего рода, считавшимися кровными родственниками; таким образом, мужья и жены всегда были членами разных родов. Мужчины большую часть времени проводили в своем роде и обычно приходили в чужой род к своим женам лишь на короткое время, хотя и должны были отдавать хозяйственным общинам своих жен значительную часть своей охотничьей или рыболовческой добычи. Дети оставались в роде матери. Род распадался на семейные ячейки, представлявшие сестер с братьями и их потомство только по женской линии. Семьи объединялись в более широкие, но тесно связанные объединения, или общины, имевшие коллективное хозяйство и жившие в общих, так наз. длинных домах с особыми комнатами для отдельных семей. Хозяйством каждого длинного дома, включавшего в себя до 20, а иногда и более семейств, управляла обычно старшая из женщин. Каждый дом имел свой надел на общественных полях; собственность на землю принадлежала всему племени. Расчистка земли под пашню производилась мужчинами, обработка (мотыжная), посев и сбор урожая были делом женщин. Мужчины занимались также охотой.

Энгельс перечисляет, кроме того, следующие важнейшие черты родо-

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 28.
[2] Там же, стр. 76.

вой организации ирокезов. Род избирает своего вождя (сахема) и военного предводителя, причем в выборе участвуют все члены рода, как мужчины, так и женщины. Имущество умерших переходит к его ближайшим родственникам по материнской линии и непременно остается в роде. Сородичи обязаны помогать друг другу и защищать друг друга; практиковалась, в частности, кровная месть. Религиозные церемонии связаны с родом. Род имеет общее кладбище. Соединение трех или более родов образует фратрию. Две фратрии, из которых состояло племя сенека, вначале были родами и лишь потом путем дробления превратились в объединение родов. Род не может быть оторван от племени, и последнее даже в самом простом виде с необходимостью должно было охватывать по крайней мере два взаимно связанных экзогамных рода, чтобы самостоятельно существовать. «Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий в классической форме образуют племя», имеющее свою особую область и особое имя, особое наречие, право вводить в должность и смещать сахемов и военачальников, избираемых родами. Племенной совет из всех сахемов и военачальников решал дела всего племени. Все племена были сплочены в единый союз племен ирокезов, имевший также свои органы.

С тех пор как Бахофен открыл свое «материнское право», разъясненное Энгельсом и Морганом как система материальных родовых отношений, позднейшие исследования констатировали наличие материнского рода, более или менее приближающегося к классическому образцу ирокезов, у множества народностей почти всего земного шара. Повторяющиеся в самых разнообразных конкретных условиях общие черты дали возможность установить четкое понятие материнских родовых отношений, обозначаемых не совсем точным термином «материнское право». Перечисляем важнейшие специфические признаки материнского родового общества: 1) матрилокальный (позднее и патрилокальный), легко расторжимый парный брак, со свободой добрачных половых отношений, 2) материнская филиация, 3) наследование только по женской линии, 4) роль брата матери, как защитника и воспитателя ее детей, как главного лица в семье, его влиятельность в роде, влиятельность родни по женской линии (авункулат), 5) равноправие женщин и мужчин, 6) участие женщины в общественной жизни, 7) разделение труда между мужчинами и женщинами, хозяйственная независимость женщин, 8) экономическое и социальное равенство, 9) роль женского божества в религиозных представлениях. Бахофен усматривал в материнском роде «матриархат», или «гинекократию», т. е. господство женщин над мужчинами, и, по мнению Энгельса, это не было преувеличением: «Женщины были большой силой в кланах (родах), а также и повсюду. Иногда они не останавливались перед смещением вождя и снижением его в обыкновенные воины. Коммунистическое домашнее хозяйство, в котором женщины все или большинство принадлежали к одному и тому же роду,

тогда как мужчины распределяются по разным родам, является материальной основой того повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщин, открытие которого представляет третью заслугу Бахофена». [1]

Факты показывают, что материнский род существует при различных формах производства на известной ступени их развития. Он известен у народов, занимающихся охотой и рыболовством (калифорнийские индейцы, индейцы северо-западного побережья Америки, камчадалы, юкагиры, бороро и пр.), у народов, соединяющих охоту с земледелием (малочисленные северо- и южноамериканские племена, малайцы, меланезийские племена, племена западной Африки и т. д.), у племен с начатками скотоводства. Только у чисто скотоводческих народов прямых признаков матриархата [2] в настоящее время не наблюдается; они уже пережили стадию материнского рода. Таким образом, не конкретный характер производства, зависящий от естественно-географических условий, а общий уровень производительных сил, проявляющихся в различных специфических формах, создает необходимые условия, при которых может развиваться материнский род.

Материнское родовое общество — необходимая общая стадия, через которую прошли и предки всех существовавших и ныне существующих народов с классовой социально-экономической структурой, в частности европейских. Следы материнских родовых отношений наблюдались у древних греков (женские культы), у кельтов (наследование по женской линии), у германцев (положение женщины, авторитет брата матери), у этрусков (материнская филиация), у славян, финнов и т. д. Если обратиться к археологическим данным, то они также подтверждают наличие в определенные эпохи материнских родовых отношений у предков указанных народов. Как ни мало еще сделано наукой для изучения древних социальных форм по вещественным остаткам, но уже теперь ясно, что на всей территории Европы начиная с конца палеолита и до появления развитой обработки металла, т. е. в эпоху так наз. неолита и ранней бронзы (если пользоваться старой археологической классификацией, весьма грубой и неудовлетворительной), существовали многочисленные общественные группы с общими чертами в их социальной структуре, несмотря на крайние иногда между ними локальные различия в конкретных особенностях материального производства, в орудиях труда и в особенностях всего культурно-бытового уклада их жизни. Чтобы дать даже самый схематический очерк истории Европы в этот период, потребовалось бы, принимая во внимание эти локальные различия, все более и более дифференцирующие

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 33.

[2] О пережитках матриархата у скотоводов я не говорю.

исторический процесс, написать целую книгу, здесь мы можем только указать те общие черты, которые все же позволяют говорить о материнско-родовой стадии развития доклассового общества на всей территории Европы.

После ледникового периода, начиная с тарденуазского времени, почти повсюду в Европе распространяются прочно оседлые поселения (наиболее древние — на севере стоянки эпохи маглемозе и кухонных остатков, в восточной Европе — неолитические стоянки в лесной полосе) или охотничье-земледельческие с начинающимся скотоводством (поселения западноевропейского неолита, напр., Гросс-Гартах, Бук, ранние слои Гольдберга и т. д.), или же, позднее, поселения земледельческо-скотоводческие (свайные постройки, Триполье и т. д.). Появившееся в это время земледелие велось там, где его применяли, с помощью палочного или мотыжного способа обработки земли. Скотоводство началось с приручения собаки, и уже очень рано появились олень, корова и бык. Жилища очень характерны. Это или вначале мелкие землянки с очагами, тесно соединенные друг с другом в группы, или же полуземлянки относительно крупных размеров, рассчитанные на обитание в них коллективов (6—9 метров в поперечнике в Гросс-Гартахе, около того в Панфиловской стоянке, 5 × 6 м в Гольдберге и т. д.). Захоронения в это время производятся на общем, — очевидно, родовом — кладбище, свидетельствующем о культе предков. С покойниками в могилу кладутся вещи. Чрезвычайно важно, что никаких резких имущественных различий по могильному инвентарю в это время не прослеживается. Нет также захоронений женщин при мужчинах, зато нередки захоронения женщин с детьми. Прибавим еще, что в ряде случаев среди культурных остатков некоторых общественных образований этой поры нередко встречаются изображения женщины, связанные с культом женского божества.

Сопоставляя указанные признаки, выступающие при изучении вещественных памятников неолита и ранней бронзы в Европе, мы должны сказать, что они сигнализируют нам скорее всего именно о материнских родовых отношениях. Прочная оседлость с коллективными жилищами (общее домохозяйство), кладбища при поселениях и культ предков говорят о роде, социально-экономическое равенство (однородность могильного инвентаря) и погребения женщин с детьми говорят о материнском роде. Нет сомнения, — археологические данные это доказывают, — что и Европа прошла через стадию материнского родового общества, и дальнейшие исследования, которые сейчас в этом направлении только начинаются, раскроют нам в деталях историю материнского рода у различных европейских племен.

На стадии материнского родового общества первобытный коммунизм достигает высшей ступени своего развития. «И какая удивительная орга-

низация во всем ее младенчестве и простоте этот родовой строй! — восклицал Энгельс по поводу родовой организации ирокезов. — Без солдат, жандармов и полицейских, без знати, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем и процессов все идет своим установленным ходом. Все ссоры и столкновения решает совокупность тех, кого они касаются, род или племя или отдельные роды между собой... Хотя существует гораздо больше общих дел, чем теперь, — домашнее хозяйство у ряда семей ведется сообща и коммунистически, земля есть достояние племени, — только небольшие сады пока предоставлены домохозяйствам, однако обходятся без следа нашего сложного и запутанного аппарата управления. Бедных и нуждающихся быть не может. Все равны и свободны, также и женщины. Для рабов еще нет места, нет его как правило также и для подчинения чужого племени». [1]

Энгельс здесь не преувеличивает. Материнское родовое общество действительно представляет «удивительную организацию» с коллективной собственностью, с коллективным регулированием социально-производственной жизни, осуществляемой выборными органами рода и племени — старейшинами и вождями — под контролем всего населения («планомерная и авторитарная организация труда», по Марксу.[2]

В условиях низкого уровня производительных сил производство достигает возможного для первобытного коммунизма предела плановости; коллективный труд планируется на основе всего накопленного производственного опыта, производители господствуют над своим производственным процессом и над вырабатываемым продуктом, а не обратно, как это наблюдается в условиях товарного хозяйства. Естественное разделение труда также достигает в материнском роде высших форм своего развития; оно заключается в резко выраженной специализации мужских и женских занятий. Обычно мужчина охотится, выполняет грубые земледельческие работы, заботится о прирученном скоте, женщина же ведет домохозяйство и занимается земледелием. Все более проявляется и специализация отдельных племен на определенных видах производства, обусловленная естественно-географическими условиями. Обмен между родами и племенами все еще имеет случайный характер.

Но развивающимся производительным силам становится уже тесно в рамках первобытного коммунизма, сила и власть которого, как говорил Энгельс, должны были быть сломлены, чтобы дать простор для развития разделения труда, для повышения производительности труда. Дальнейшее развитие материальных производительных сил и разделения труда требовало индивидуализации или обособления труда, выделения оторван-

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 90.
[2] K. Marx, Das Kapital, т. I, стр. 374.

ного от первобытного коллектива производства, проявляющегося уже при переходе к следующей стадии развития первобытного коммунизма — стадии патриархального родового общества.

Превращение материнского рода в отцовский было обусловлено значительным повышением производительности труда, и, следовательно, увеличением прибавочного продукта, накапливающегося в форме богатства, которое остается собственностью отдельных семей. Энгельс рисует этот процесс с замечательной яркостью. Развитие новой производственной формы — скотоводства, обеспечивающей значительно большее количество средств существования, чем прежние формы, — приводит к тому, что известная часть племен, как, например, часть древнего населения Индии, семиты, туранские племена и т. д., специализируются на разведении скота. «Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров: *первое великое общественное* разделение труда». [1] Накапливающиеся в избытке продукты скотоводства (молочные продукты, мясо, шерсть, кожа и т. д.) поступают в обмен, который теперь становится необходимо постоянным. Вначале обмен производится только между племенами при посредстве родовых вождей. Скот, как главная форма богатства и главный вид товара, становится и первой формой денег. Накопленное богатство являлось стимулом для грабежа. Поэтому теперь становятся частыми военные нападения племен друг на друга с целью угона скота, захвата имущества и пленных. Человек, как рабочая сила, дает теперь вследствие высокой производительности труда все возрастающий прибавочный продукт, и потому пленных не убивают, как раньше, а заставляют их работать в хозяйстве победителей, т. е. превращают в рабов. Возникает патриархальное рабство, при котором вначале положение раба мало чем отличается от младших членов патриархальной семьи.

Уже при ранних формах естественного разделения труда члены общества, работающие в определенной области производства, приобретают право распоряжения орудиями труда и продуктом производства в данной области, которое нельзя, однако, считать правом частной собственности, так как в конечном счете при коллективном потреблении произведенные продукты являются собственностью коллектива. В материнском, например, роде женщина распоряжается в домашнем хозяйстве и в земледелии, где оно существует, в то время как мужчина чаще всего является полным хозяином только в области его специального занятия — охоты. Это послужило одной из причин столь высокого положения женщины в условиях материнского рода, когда сфера женского труда — домохозяйство, собирательство или земледелие — обычно в большей степени обеспечивала хозяйственное благополучие общества, чем охота с ее не всегда

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 165.

постоянной добычей. Но когда центр тяжести в общественном производстве переместился в сторону появившегося скотоводства, тогда дело изменилось. Скотоводство развивается из охоты и потому, как и охота, является монопольным занятием мужчин. Скот принадлежал мужчине, как и товары, поступавшие в обмен на скот, и продукты скотоводства. Хозяйственное значение женского труда отступает на задний план в сравнении с промысловым значением труда мужчины. «Разделение труда в семье определило распределение обязанностей между мужчиной и женщиной... Та же самая причина, которая обеспечила женщине ее прежнее господство в доме, — ее ограничение домашней работой, — эта причина обеспечивает теперь господство мужчины в доме: домашняя работа женщины утрачивает теперь свое значение рядом с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком». [1] Вместе с этим влияние мужчины возрастает не только в семье, но и в роде. Но при материнских родовых отношениях накопленное мужчиной имущество не могло переходить его детям, так как последние всегда оставались в роде матери, между тем как имущество должно было находиться в роде, к которому принадлежало распоряжающееся им лицо. Стремление мужчин закрепить накопленное имущество и обусловленное им влияние в семье и роде за своими детьми привело к тому, что старые семейно-брачные отношения были изменены и тем самым был изменен старый порядок наследования. Матрилокальный брак и матрилинеальная филиация сменяются патрилокальным браком и патрилинеальной филиацией. Вступая в брак, женщина теперь переходит в род мужа, и счет родства ведется отныне по отцовской линии. Дети теперь остаются в роде отца и потому могут наследовать его имущество.

Так возникает патриархальная семья и патриархальный род. Энгельс называет этот процесс революцией и при том «одной из самых решающих из всех пережитых человечеством». [2]

«Ниспровержение материнского права было *всемирноисторическим поражением женского пола*. Мужчина захватил также и в доме бразды правления (ergriff das Steuer), а женщина была унижена, порабощена, превращена в рабу его страстей, в голое орудие деторождения». [3]

Самая существенная особенность патриархального рода заключается в том, что, в отличие от всех прежних этапов доклассового общества, семья в нем ведет самостоятельное хозяйство, все более и более отрывающееся от коллективного хозяйства рода или общины. Скотоводство в развитых формах не требует коллективного труда многих лиц, и каждая семейная ячейка может разводить свой скот самостоятельно, достигая

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 168.
[2] Там же, стр. 41.
[3] Там же, стр. 42.

вполне обеспечивающего ее существование производственного эффекта. Но патриархальный род возникает, конечно, не только у чистых скотоводов. Мы наблюдаем его везде, где производительность труда достигает такой степени, когда становится и возможным и необходимым ведение производства отдельными, более или менее крупными отцовскими семьями. Земледельческие племена, соединяющие земледелие с пастушеским (т. е. не кочевым) скотоводством и особенно пользующиеся скотом как рабочей силой в полевых работах (начало пашенного земледелия), неизбежно переходят также к патриархальным родовым отношениям. У них патриархальный род конституируется не менее четко, чем у скотоводов-кочевников.

Не следует представлять себе хозяйствующую патриархальную семью какой-то очень мелкой социальной единицей, близкой к позднейшей моногамной семье классового общества. Энгельс считал ее переходной формой от материнской семьи, основанной на парном браке, к моногамии. В состав патриархальной семьи входило много лиц, свободных и несвободных (рабы из числа пленных), объединенных под общей властью главы семьи. Распространяется обычай покупки жен и связанное с ним многоженство, доступное для наиболее богатых членов рода. Глава семьи с женами и детьми, его взрослые сыновья, также с женами и детьми, рабы, в ряде случаев — боковые родственники, напр., братья главы семьи и их потомство — вот что такое классическая большая патриархальная семья, состоящая из нескольких брачных пар или групп. Глава семьи чаще всего, хотя и не всегда, пользуется неограниченной властью, распоряжается как всем семейным имуществом, так и судьбой остальных членов семьи. У различных народов встречаются различные формы такой семьи: иногда она немногочисленна, иногда достигает размеров крупной семейной общины (задруга у южных славян, восточнославянская вервь, кельтская семья, индийская община в Пенджабе и т. д.). Таким образом, патриархальная большая семья еще представляет довольно крупный коллектив; кроме того, отдельные семьи надолго еще остаются связанными между собой довольно крепкими узами патриархального рода.

Характер этих связей Энгельс показывает на примерах греческого, римского, кельтского и германского рода. [1] Мы не будем повторять здесь его блестящее изложение и отметим только некоторые моменты. Греческий род героической эпохи, по Энгельсу—Моргану, опередил материнский род ирокезов по крайней мере на две эпохи. Материнское право в нем уже вполне уступило место отцовскому праву. Так как, согласно отцовскому праву, жена несла свое имущество в род мужа, то греческие роды в интересах сохранения имущества по крайней мере богатых наследниц в их собственном роде вводят для таких наследниц обязательство выходить

[1] F. Engels, Ursprung der Familie.

замуж только внутри своего рода, что уже подрывало основной принцип родовой организации — экзогамию. Греческие роды были объединены во фратрии и племена, образовывающие в свою очередь союзы племен. Во главе родов стояли выборные архонты, во главе фратрий — фратриархи; племя управлялось советом (bulé), вначале состоящим из архонтов родов, позднее из выборных из их среды. Наиболее важные вопросы решались народным собранием племени (agora), в котором имели право участвовать все взрослые мужчины. Военачальник, или basileus, вначале также избирался архонтами или агорой, и лишь впоследствии, с выделением богатых семей (племенная знать), его звание фактически переходило по наследству от отца к сыну, закрепляясь таким образом за определенными наиболее влиятельными семьями. Базилевс выполнял также жреческие и судебные функции. Следовательно, у героических греков еще в полной силе была та родовая организация, которую мы видели у ирокезов, и это дало право Марксу сказать, что «из-за греческого рода неоспоримо выглядывает дикарь (ирокез)».

Та же родовая организация с немногими отличиями выступает и у римлян — род, курия, племя. И там существовала родовая собственность на землю, большая патриархальная семья, экзогамия, кровная месть, родовые и племенные культы, выборность должностных лиц. Патриархальный род у ирландцев и у шотландцев в его расцвете отображен в древнекельтских законах, но его важнейшие черты сохранялись до самого недавнего времени, и Маркс в своей статье о графине Сутерленд описывает шотландский род или клан в том виде, как он существовал еще в XVII—XVIII вв. «Они (т. е. кланы. *В. Р.*) относятся, — пишет Маркс, — к исторической эпохе, представляющей собой ступень исторического развития, предшествовавшую феодальному строю, т. е. к *патриархальной эпохе*... Все обычаи и традиции шотландских кельтов основаны на предпосылке, что все члены клана принадлежат к одному и тому же роду. «Великий муж» — вождь клана — с одной стороны обладает столь же неограниченной властью, а с другой стороны столь же связан кровным родством и т. п., как любой глава семьи. Та округа, границы которой род, клан сам для себя установил, принадлежит клану, роду... Земля являлась собственностью рода, в среде которого, несмотря на кровное родство, существовали такие же различия в общественном положении, как и во всех древних азиатских общинах». [1] Существование патриархального рода с сильными пережитками материнских родовых отношений у германцев в эпоху Цезаря и Тацита не подлежит никакому сомнению. Энгельс склонялся к тому, чтобы принять мнение М. Ковалевского о существовании у германцев в эпоху Тацита больших патриархальных семейных общин,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 82.

ведших каждая общее хозяйство, но отмечал, что решить этот вопрос могут лишь новые исследования.

Можно было бы дать очень длинный перечень современных народов с патриархальной родовой организацией, наблюдающейся в прямой или пережиточной форме прежде всего у кочевников-скотоводов — у киргизов, калмыков, различных монгольских племен, арабов, древних семитов и т. д., у скотоводческих племен Африки, т. е. у каффров, готтентотов, гереро и др., затем у многочисленных земледельческих скотоводческих народов — у якутов, у многих кавказских народов, у индейских и афганских племен, у остяков, вотяков и т. д. У меланезийцев можно наблюдать все ступени развития патриархального рода. Если к этому присоединить сведения письменных источников, доказывающих существование патриархального рода в прошлом у всех современных народов с классовой структурой, то в итоге получится колоссальный материал, дающий возможность изучить в деталях возникновение и сущность патриархального родового общества во всех его разновидностях. Подчеркиваем, как и раньше, только общие моменты. Патриархальный род характеризуется патрилокальным браком, патрилинеальной филиацией, наследованием по мужской линии, общим владением землей, наличием выборных вождей и разнообразных типично-родовых институтов и обычаев, как кровная месть, родовые культы (особенно культ предков по мужской линии), родовое кладбище, обряд побратимства и т. д. Мужчина является главой семьи и распорядителем ее имущества. Типична для патриархального рода большая семья, ведущая собственное хозяйство под руководством главы семьи, чаще всего обладающего неограниченной властью (patria potestas) над членами семьи, как свободными, так и несвободными (рабы). Роды объединены в племена и союзы племен, значительно более крупные и сплоченные, чем это было при материнском роде. Руководство племенной жизнью долгое время покоится на демократических началах; во главе племен обычно стоят выборные советы и вожди, контролируемые собраниями членов всего племени. В дальнейшем, по мере социально-экономического расслоения рода, родовые и племенные должности становятся монополией отслаивающейся родо-племенной знати, опорой влияния которой является накапливаемое ею богатство. Межплеменное разделение труда обусловливает интенсивное развитие обмена; вначале обмениваются племя с племенем и род с родом, но затем обмен становится правом каждой отдельной семьи, и это является одной из самых важных причин укрепления семейной собственности и имущественного расслоения между семьями. Появляются деньги. В эпоху патриархального родового общества становится постоянным явлением война — другое наряду с обменом средство обогащения. Цель военных нападений в это время — грабеж; победители захватывают у побежденных движимое имущество, рабов и делят добычу между

семьями, представители которых участвовали в войне. Бо́льшую часть получают влиятельные семьи, в первую очередь семьи вождей. В связи с войной усиливается роль вождя — предводителя рода или племени. И хотя у вождя появляется собственная дружина из приближенных к нему лиц, но вооружены еще все взрослые мужчины племени, а потому и военные предприятия организуются на тех же демократических началах, которые регулируют всю общественную жизнь племени.

Успехи в области материального производства приводят к разделению труда и внутри племени. Развиваются разнообразные виды ремесленных производств, из которых Энгельс особенно подчеркивает металлургию и ткачество. За обработкой меди появляется обработка железа, революционизирующая и технику земледелия. Долгое время ремесло было связано со скотоводством и земледелием, т. е. существовало внутри семейных общин, было *домашним ремеслом*. Но вот «ткачество, обработка металлов и другие все более и более обособляющиеся ремесла обнаруживают возрастающее разнообразие и искусство в их продукции; земледелие дает теперь рядом с зерном, стручковыми плодами и овощами также вино и масло, изготовлению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла более выполняться одним и тем же лицом, наступило *второе великое разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия». [1] Это разделение, произошедшее на грани между доклассовым и классовым обществами, еще более стимулировало развитие обмена и имущественное расслоение в обществе.

Хозяйственное обособление семей, разделение труда между ними и его следствие обмен приводят к распаду родовых связей, к постепенной замене их связями территориальными. Расселяющиеся семьи разных земледельческих родов перемешиваются друг с другом, и соседская связь по месту поселения становится более важной и реальной, чем родовая связь между семьями одного рода, живущими нередко в отдалении друг от друга, хотя родовые отношения сохраняются еще на долгое время. Все большее парцеллирование производства, — например, при полеводстве или грядковой культуре — разлагает и большую патриархальную семью, которая распадается в конце концов на малые семьи; одна брачная пара с детьми и немногими родственниками уже имеет свой дом и особое хозяйство. Семейная собственность становится частной собственностью, сначала основанной на личном труде, но еще сохраняется коллективная собственность на землю (полевые участки предоставляются семьям во временное пользование) и многие другие первобытнокоммунистические отношения (взаимная помощь соседей друг другу, выборность должностных лиц и т. д.). Так возникает семейная община — последний этап доклассовой формации.

[1] F. Engels, Ursprung des Familie, стр. 169.

«У всех народов, — писал о переходе от рода к семейной общине Энгельс, — доказано существование совместной обработки земли родом, а позднее коммунистическими семейными общинами... и сменяющее их (die ihr folgende) распределение земли между отдельными семьями с периодическими переделами ее». [1] «Имущественные различия между отдельными главами семьи разрушают древнюю коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней — и совместную обработку земли за счет этой общины. Пахотная земля приобретается в пользование отдельных семей сперва на время, потом навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию». [2] Более детально Энгельс показывает процесс превращения патриархального рода в общину (марку) на примере германцев, как в своей статье о марке, так и «Происхождении семьи». Исчерпывающий теоретический анализ сельской общины дал сам Маркс, изучивший, как указывалось выше, ее различные формы на материале общинной жизни в Индии, России, Польше (гмина), Германии и т. д. Если «общий дом и коллективное жилище были... экономической основой более древних общин», писал Маркс, то «в сельской общине дом и его придаток двор принадлежит земледельцу в собственность», [3] также как скот и все движимое имущество. Земля остается в коллективной собственности, пахотная земля периодически переделяется между членами общины. Таким образом, в строе сельской общины выступает дуализм частной и коллективной собственности, который и является зерном ее разложения. «Но самое существенное, — говорит Маркс, — это парцеллярное хозяйство, как источник частного присвоения. Оно дает почву для сосредоточения движимого имущества, например, скота, денег, а иногда даже рабов или крепостных. Это движимое имущество, не поддающееся контролю общины, объект индивидуальных обменов, в которых хитрость и случай играют такую большую роль, будет все сильнее и сильнее давить на всю сельскую экономию. Вот момент, разлагающий первобытное экономическое и социальное равенство». [4] Итак, «сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд обществ, покоящихся на рабстве и крепостничестве». [5]

Выше мы приводили факты, доказывающие существование материн-

[1] F. Engels, Ursprung des Familie, стр. 142.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 285.

ского рода у предков современных народов с классовой структурой общества, пользуясь при этом и данными вещественных памятников. Сделаем теперь то же самое в отношении патриархального рода и сельской общины, развитие которых отчетливо прослеживается и в западной и в восточной Европе при изучении археологического материала, начиная с появления металлов и кончая периодом, уже хорошо освещенным письменными источниками. В это время исторический процесс дифференцируется и усложняется в значительно большей степени, чем раньше, и поэтому нам придется ограничиться здесь лишь некоторыми примерами.

Возьмем прежде всего поистине классический случай сложения патриархального родового общества в результате того «первого великого общественного разделения труда», отделения скотоводов-кочевников от земледельцев, которое развертывалось в степной и лесостепной полосе восточной Европы примерно в начале I тысячелетия до н. э. Памятники эпохи бронзы на указанной территории многочисленны, но крайне однородны. Это курганы со скорченными костяками, неукрепленные поселения и клады медных и бронзовых вещей. Погребения в курганах бедны и однородны по могильному инвентарю; они буквально повторяют друг друга, особенно в раннюю эпоху так наз. «ямных погребений». С покойником в могилу клались немногие лично ему принадлежавшие вещи; почти все имущество находилось еще в общественной собственности. Однородность погребений отражает социально-экономическое равенство всех членов общества между собой, что могло иметь место только в условиях материнского рода. Поселения, связанные с этими курганами, не укреплены; это свидетельствует о мирных отношениях родов и племен между собой, о том, что для военных нападений еще не было мощных стимулов. Раскапывались пока только более поздние поселения, связанные с курганными погребениями в срубах. Открытые на этих поселениях жилища представляют большие полуземлянки размерами около 20 × 10 метров, рассчитанные на обитание в них больших коллективов с общим домохозяйством, что еще раз подтверждает коммунистический характер общества этой поры. Орудия труда (мотыги, бронзовые серпы, зернотерки, ножи, топоры, копья, стрелы и т. д.) свидетельствуют о земледелии и охоте, находки костей животных (овца, свинья, корова, лошадь) — об оседлом скотоводстве. Основываясь на этих и многих других данных, можно сделать заключение, что население степной и лесостепной полосы восточной Европы в эпоху бронзы вело оседлый образ жизни, занималось мотыжным земледелием, постепенно развивавшимся пастушеским скотоводством и охотой, имело материнско-родовую структуру общества (социально-экономическое равенство, матриархальные культы и пр.), переходившую к концу эпохи бронзы в патриархат (появление погребений женщин при мужчинах, начало имущественного расслоения).

В первые столетия I тысячелетия до н. э. здесь происходит довольно быстро резкий перелом. Появляется, в массе, новая категория памятников, генетически бесспорно связанных со старыми, как это установлено еще буржуазными археологами (например, преемственность первое время обряда погребения), но всем своим обликом представляющих уже новую эпоху. Это прежде всего курганные погребения тех скотоводов-кочевников, которых древние греки обобщенно называли скифами. Могильный инвентарь в курганах скифов-кочевников уже не позволяет говорить о социально-экономическом равенстве в обществе. Выделяются богатые погребения, наиболее ярким примером которых являются так наз. «царские» курганы у скифов, т. е. погребения скифских вождей, содержащие множество золотых и дорогих привозных (греческих и персидских) вещей, скот, оружие, повозки и т. д.; погребения вместе с вождями убитых женщин и рабов свидетельствуют о патриархальном складе семьи и патриархальном рабстве. Вначале богатые погребения у скифов единичны; с течением времени имущественное расслоение охватывает все скифское общество, что можно наблюдать по изменениям комплексов массовых скифских погребений во времени, начиная с VII в. до н. э.; наряду с массовыми богатыми и средними погребениями выделяются массовые бедные погребения. Свидетельства греческих письменных источников в сопоставлении их с данными археологических памятников позволяют в подробности изучить социально-экономический строй скифского общества. Скифы-кочевники — чистые скотоводы — жили типично-патриархальными родами; главы патриархальных семей обладали неограниченной властью внутри семей; роды были объединены в крупные племена во главе с вождями. Война между племенами с целью грабежа, угона скота и захвата рабов теперь становится постоянным явлением. Все мужское население скифских племен вооружено (военная демократия). Расцветает торговля с греческими колониями, еще более усиливается социально-экономическое расслоение у скифов. Железо вытесняет бронзу и медь. Земля остается в общей собственности, и многие родовые обычаи еще сохраняют свои первобытнокоммунистические черты.

Эта законченная, выдержанная патриархально-родовая структура общества скифов-кочевников сложилась, без сомнения, в результате «первого великого общественного разделения труда». Оставшиеся сидеть на своих местах земледельческо-пастушеские племена переходят от мотыжного к пашенному земледелию (деревянный плуг) и в свою очередь окончательно изживают материнско-родовые отношения. И у них формируется патриархальная семья, ведущая самостоятельное хозяйство, патриархальный род и родо-племенная организация. Об этом красноречиво говорят памятники так наз. скифов-земледельцев — родовые курганные кладбища и поселения. Замечательно, что теперь в связи с обострением противо-

речий между племенами поселения укрепляются (появление городищ). Жилища земледельцев, насколько можно их реконструировать по курганным остаткам, сооружаются из дерева и уменьшаются по сравнению с жилищами эпохи бронзы в размерах. Это уже чисто семейные жилища. Погребения демонстрируют процесс имущественного расслоения у земледельцев столь же отчетливо, как и у скотоводов-кочевников.

Аналогичный процесс сложения патриархального рода на почве развития скотоводства и затем отделения чистых скотоводов-кочевников от земледельцев наблюдается и в Сибири, где памятники эпохи бронзы (так наз. афанасьевская и андроновская культуры) чрезвычайно близки по своим признакам к памятникам эпохи бронзы в степной и лесостепной полосе восточной Европы, представляя, следовательно, остатки культуры материнского родового общества, перерождающегося в связи с развитием скотоводства в патриархально-родовое. Последнее в локальных его вариантах представлено здесь разнородными памятниками конца эпохи бронзы и начала эпохи железа (карасукская и тагарская культуры, культуры больших курганов западной Сибири и Алтая и др.), выявляющими многими своими признаками тот же самый процесс укрепления патриархально-семейной собственности и имущественного расслоения, какой наблюдался у скифов.

Иначе история патриархального родового общества протекала в лесной полосе восточной Европы, где она совпадает с периодом формирования славянских и финских племен. Возникновение патриархального рода и первый период его развития здесь еще не изучены, но ясно, что отделения скотоводов от земледельцев здесь не происходило и что возникшее скотоводство оставалось здесь связанным с земледелием до самой эпохи феодализма. Если взять широкий Волго-Окский район, то в нем в скифскую эпоху и позднее жило оседлое население, занимающееся охотой, скотоводством (лошади, коровы, свиньи, овцы) и мотыжно-подсечным земледелием, владевшее техникой металлургии и поддерживавшее торговые сношения с югом, откуда, — вероятно, через скифов — сюда проникли между прочим лошади — животное степного происхождения. Население этой эпохи известно пока только по одной категории памятников, сохранившихся во множестве, — по укрепленным поселениям или городищам так наз. Дьякова типа. К сожалению, могильные памятники, связанные с этими городищами, еще точно не установлены. Характер жилищ на этих поселениях (небольшие круглые землянки) указывает на хозяйственное обособление отдельных семей. Укрепленные поселения принадлежат, повидимому, отдельным родам, охраняющим свою собственность от военных нападений. К эпохе Дьяковых городищ материнский род, характерный в этой полосе для эпохи неолита и палеометалла, переродился в патриархальный род, разложение которого здесь протекало

медленно и привело к образованию семейной общины. Более или менее отчетливо мы знаем только конец этого процесса начиная примерно с VIII—IX вв. н. э. В это время (а для некоторых районов, например, для Оки, и ранее) здесь в огромном множестве появляются курганы и отчасти могильники. Более ранние курганы с сожжением еще однородны и бедны по своему инвентарю. С начала X в. здесь происходит резкая имущественная дифференциация, как об этом можно судить по курганным погребениям, причем на ход этого процесса весьма повлияла торговля с Востоком через Булгар и с норманнами. Назревшие ранее противоречия выявляются в это время с поразительной быстротой. Возникает и отделяется от массы богатый слой, превращающийся в феодалов; ему принадлежат богатые погребения. В дальнейшем этот слой переходит в христианство, богатые погребения поэтому исчезают, и начиная с XII в. мы имеем здесь массовые курганные могильники с совершенно однородным бедным инвентарем; эти могильники — памятники уже феодального крестьянства.

Тот же процесс в близких формах мы наблюдаем на территории Новгородской земли, например, в Приладожьи, где патриархальный род превращается в сельскую общину к XI—XII вв. и одновременно формируется феодальный слой, возникают городские центры, интенсивно развертывается торговля с Востоком и норманнами. И здесь развитие патриархального родового общества, прослеживающееся по вещественным памятникам, происходит на основе земледелия (мотыжно-подсечного, затем пашенного), соединенного со скотоводством.

Если обратиться к западной Европе, то и там исторический процесс в эпоху бронзы и раннего железа не может быть понят иначе, как процесс возникновения и развития патриархального рода, периодом расцвета которого являются гальштатская и латенская эпохи. Мы не имеем возможности заняться здесь анализом соответствующих археологических памятников западной Европы по районам, без чего нельзя дать картину конкретной истории патриархального родового общества у западноевропейских племен. Укажем только некоторые общие явления, выступающие в этих памятниках, совпадающие с аналогичными явлениями, подчеркнутыми нами выше для восточной Европы. Они заключаются в следующем. В могильных памятниках западной Европы начиная с эпохи бронзы везде и всюду наблюдается возрастающая дифференциация погребений по могильному инвентарю, отражающая имущественную дифференциацию в обществе. Распространяется обычай убивать женщин и хоронить их вместе с умершими мужчинами (так наз. обряд сопутствия, характерный для патриархата), в то время как матриархальный обычай хоронить детей при женщинах исчезает. Закономерно параллельно процессу обособления семьи от рода сокращаются размеры жилищ. Возникает плужное земледелие, соединенное со скотоводством, — техническая основа парцелляр-

ного хозяйства. Интенсивно развивается межплеменная торговля на основе общественного разделения труда, и образуются даже торгово-промышленные центры, примером которых может служить сам Галльштат. Обостряются противоречия между племенами, и возрастает значение войны (массовое распространение оружия, укрепленные поселения). Развивается патриархальное рабство (сопровождающие погребения рабов в богатых могилах, свидетельства письменных источников). Все это, конечно, специфические признаки, появляющиеся не ранее патриархально-родовых отношений и свидетельствующие о том, что вся Европа прошла через стадию патриархального рода.

Мы подошли теперь вплотную к чрезвычайно важной проблеме перехода от общества доклассового к обществу классовому, к проблеме становления классов и государства. Решение этой проблемы у Маркса и Энгельса, естественно, стоит в теснейшей связи с их пониманием социальной природы классового общества, всегда основанного, в противоположность доклассовому обществу, на антагонистическом способе производства. Сущность классового общества Маркс, как известно, определяет следующими важнейшими моментами: 1) разрыв между собственностью и трудом, т. е. отделение непосредственных производителей от средств производства; монополия или частная собственность на средства производства, ранее всего на землю, есть необходимое условие существования классов; 2) прибавочный труд и нетрудовое его присвоение господствующим классом, т. е. эксплуатация; 3) классовая борьба и 4) государство, как продукт непримиримости классовых интересов, как орган классового господства. Государственная власть всегда представляет организованное насилие и всегда опирается на оторванную от общества в целом вооруженную силу. Особый характер отношений производителей к средствам производства определяет природу каждой классовой формации: рабовладельческого общества, феодального, капиталистического.

Указанные конститутивные особенности классового общества, внутренне связанные между собой, не возникают мгновенно, но медленно вызревают в недрах разлагающегося первобытного коммунизма в эпоху патриархального рода и общины. Корень разрыва между собственностью и трудом заключается в имущественном расслоении между семьями рода и общины, ведущими парцеллярное хозяйство, расслоении, начинающемся, как мы видели, уже с момента возникновения патриархального рода. Парцеллярное хозяйство само по себе является источником имущественного накопления и частного присвоения. Но оно является следствием разделения труда. Разделение труда и обмен усиливают накопление и укрепляют частную собственность в семье, также как грабеж и воен-

ные захваты, в результате которых в патриархальных семьях появляются рабы — первый слой эксплуатируемого населения, первый зародыш классовых отношений в доклассовом обществе. Накопление имущества идет неравномерно, и между отдельными семьями происходит имущественная дифференциация. Одни семьи хозяйственно усиливаются, другие, наоборот, разоряются в зависимости от самых разнообразных конкретных причин (война, стихийные бедствия и т. п.). Возникает социально-экономическое неравенство между семьями, появляются богатые и бедные семьи и вместе с этим совершенно неизбежная зависимость бедных от богатых в ее различных формах: ссуда скотом или зерном с последующей отработкой, покровительство или патронат, предоставление бедным работы в хозяйстве богатых семей и т. д. Это уже отношения эксплуатации, основанные на собственности; они не вяжутся со старой первобытнокоммунистической родовой организацией и все более интенсивно разлагают ее. «Различие в собственности (die Eigentumdifferenz), — писал Маркс, — внутри одного и того же рода превратило единство интересов в антагонизм между членами рода». Именно здесь — в возникающей в связи с разделением труда и обменом частной собственности, в имущественной дифференциации, в вытекающем из нее социально-экономическом неравенстве — лежит генеральная линия расслоения доклассового общества, приводящего к возникновению классов, и мы видели, что начало этой линии восходит к началу патриархального рода.

Неправильное истолкование отдельных, выхваченных из контекста высказываний Энгельса породило легенду о том, что Энгельс будто бы выводил классовое расслоение из отслоения вождей и должностных лиц рода и племени от остальной массы населения. При этом обычно делаются ссылки на место в «Анти-Дюринге», где Энгельс пишет о двух путях образования классов. Говоря о первом пути, т. е. о выделении и обособлении органов общественного управления в родовом обществе, Энгельс вовсе не дает анализа всего процесса классообразования и оговаривает это в следующих словах: «Нам нет надобности излагать здесь, каким образом эта самостоятельность общественных должностей по отношению к обществу усиливается со временем до господства над ним; как слуга при благоприятных условиях превратился в господина и, смотря по обстоятельствам, являлся то восточным деспотом и сатрапом, то греческим начальником рода, то шефом клана кельтов и т. д.; насколько в этих превращениях участвовало, наконец, насилие и каким образом отдельные личности, достигшие господства, слились в целые господствующие классы, — все это нас не касается... Нам необходимо только установить тот факт, что политическое господство повсюду вытекало из общественных должностей».[1]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 182.

Речь идет здесь, следовательно, скорее о политическом господстве, о зарождении государственной власти, чем о процессе классообразования во всем его объеме в его конкретной сложности. Характеризуя здесь же второй путь образования классов — захват пленных на войне и обращение их в рабство, — Энгельс прежде всего подчеркивает экономические предпосылки возникновения рабовладельческого общества: замену древнеобщественной обработки земли обработкой ее отдельными семьями, развитие прибавочного труда и стоимости рабочей силы. Если к этому присоединить высказывания Энгельса о происхождении классов на страницах «Происхождения семьи» («имущественные различия между отдельными главами семьи разрушают древнюю коммунистическую семейную общину», «это никогда не могло бы случиться [т. е. государство не могло бы возникнуть. *В. Р.*], если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных» и мн. др.), то не может никаких быть сомнений в том, что Энгельс четко и последовательно выводил происхождение классов и государства из имущественного расслоения, из частной собственности на средства производства, а не из отслоения родо-племенных старейшин и вождей.

Если обратиться к фактам, то мы действительно всюду и всегда в патриархальном родовом обществе наблюдаем, что должностные лица рода и племени — вожди, военачальники, старшины, жрецы и их семьи — с течением времени выделяются из массы, становятся той наиболее богатой и влиятельной верхушкой, которую принято называть родовой аристократией или родовой знатью. Таковы господствующие касты в Индии, эвпатриды в древней Греции, «знатные» у древних германцев, белая кость у киргизов, вожди у скифов, родо-племенная знать у меланезийцев, якутов, африканских негров и т. д. Но при ближайшем изучении оказывается, что корень этого явления заключается вовсе не в социальной природе родовых вождей и старейшин, а в том, что обусловленное богатством влияние дает возможность наиболее богатым семьям, выделяющимся в процессе имущественной дифференциации, закрепить de facto за собой право замещать родо-племенные должности лицами из своей среды и в конце концов превратить это право в монополию. Следовательно, богатство является основой высокого положения родо-племенной знати, а не родовые институты сами по себе, хотя, разумеется, власть в роде и племени становится источником дальнейшего обогащения и укрепления влияния монополизировавших ее семей (сборы подарков, львиная доля добычи на войне и т. д.). Очень ярко это наблюдается у современных меланезийских племен, переживающих как раз процесс разложения рода и возникновения классового общества. Земля у меланезийцев, как правило, принадлежит роду или общине, но все остальное имущество является собственностью отдельных хозяйствующих семей, стремящихся к накоплению

и богатству. Все авторы — Паркинсон, Малиновский, Турнвальд, Пфейль и другие — в один голос свидетельствуют, что накопление — заветная мечта каждого меланезийца. Объектами накопления служат деньги, где они уже существуют (раковины), скот (свиньи), продукты земледелия, например, ямс, ремесленные изделия — украшения, цыновки и пр. Деление на богатых и бедных у меланезийцев связано с отношениями личной зависимости. На Банксовых островах практикуется выдача богатыми ссуд бедным с уплатой ссуды вдвойне (100%). На Новых Гебридах богатые раздают бедным свиней и пользуются этим как средством укрепления своего господства. Общественное положение меланезийцев определяется суммой накопленного богатства. Так, например, повсюду в Меланезии существуют так называемые мужские союзы, представляющие корпорации, фактически имеющие решающее влияние на все важные общественные дела. Внутри таких союзов существует градация рангов — целая лестница ступеней повышения социальной влиятельности. Как вступление в такие союзы, так и продвижение по ступеням рангов определяется размерами богатства: чем больше имущества у меланезийца, тем выше его положение в мужском союзе и тем самым в общине. Вождями, как правило, являются самые богатые члены племени. Путь к родо-племенной власти лежит, следовательно, у меланезийцев через имущественное накопление. То же самое наблюдается и у полинезийцев, у африканских негров, у наших кочевников Средней Азии и т. д.

Выделение на основе экономического расслоения родо-племенной знати, захват ею влияния в обществе, приводящий в конце концов к захвату права фактического распоряжения и общественной землей, вызывает чрезвычайно интересное явление перерождения старых родовых институтов, заключающееся в том, что родо-племенная знать пользуется этими институтами, пользуется, в частности, общественными должностями, родовыми культами и т. д. уже не в интересах всего общества, но для закрепления и оправдания эксплуатации ею бедной части населения, превращающейся в угнетенный класс. Приведем только один пример — один из очень многих. У киргизов, как известно, исключительно ярко выступают черты патриархальной родовой организации, но эта организация уже является орудием в руках вполне конституировавшегося господствующего класса. «Привилегии аристократических родов, семейств, отдельных лиц, — писал о киргизах известный экономист А. А. Кауфман, — охватывают всю жизнь кочевников. В земельном отношении эти привилегии выражаются в самых разнообразных, иногда довольно скромных началах. Привилегированные лица сплошь и рядом входят в состав той или другой общины, но пользуются особыми преимуществами при распределении угодий: богачу выделяют лучший клин, больший по размерам сенокосный участок...» Родовые и т. п. привилегии проявляются

и в обычаях, регулирующих пользование пастбищами и лежащих в основе возникающих при этом споров: «если спор происходит между баем и простым киргизом, то спорное место остается за первым... При равенстве спорящих принимается во внимание старшинство рода или отделения. В других случаях неравенство земельных прав принимает более резкие и, так сказать, принципиальные формы; таковы, например, случаи, когда при общности прав выпаса распашка известного урочища производится обыкновенно только с разрешения аксакала, потому что он богаче и старше других; или когда одни только богатые имеют право косить степь в известных урочищах». [1] «Едва ли не наиболее серьезным проявлением социального неравенства среди кочевников нужно признать присвоение себе влиятельными лицами права распоряжения землей... И действительно, данные произведенного мною в 1896 году специального исследования арендного вопроса в Тургайской области показывают, что значительная часть случаев сдачи земли в аренду основывалась исключительно на произволе влиятельных родовичей». [2] «Существование ясных и твердых границ — существенное препятствие для захватов, поэтому богачи и вообще влиятельные люди — враги всяких границ и *сторонники якобы общего владения*». [3] «*Носители родовой идеи суть богачи и старейшины*; родовая организация не только не является и не стремится быть воплощением идеи равенства, — наоборот, одним из существеннейших ее элементов является резкая социальная дифференциация, связанная с чем-то вроде феодальных или лично зависимых отношений. Над общим уровнем киргизской, бурятской, якутской массы, еще больше над уровнем массы калмыков или кавказских горцев, выделяется немногочисленный, но влиятельный слой родовой и имущественной аристократии...» [4]

Как бы это ни казалось парадоксальным, но это общий факт, что к моменту далеко зашедшего разложения рода рьяным сторонником родовых институтов, «носителем родовой идеи», по выражению Кауфмана, является скорее родо-племенная знать, чем обедневшая масса. Формирующийся господствующий класс приспосабливает родовые учреждения и обычаи для целей утверждения своего господства, превращает их в своеобразную зародышевую форму государства и права, в орудие своего влияния. И недовольство эксплуатируемой массы членов рода направляется поэтому прежде всего против родо-племенной знати и ее тенденции использовать родовые институты в своих классовых целях. Таким образом, и начало классовой борьбы и зарождение государственной власти наблюдается еще в условиях разлагающегося патриархального рода.

[1] А. А. Кауфман, Русская община, М., 1908 г., стр. 72—73.
[2] Там же, стр. 74.
[3] Там же, стр. 73. Курсив мой. *В. Р.*
[4] Там же, стр. 75.

Однако родовые институты даже при самом крайнем искажении их содержания в интересах господствующих кругов, естественно, не могли, сохраняя свое качество, превратиться в действительную форму организации классового господства. По мере того как созревали классы и обострялись классовые антагонизмы, все более сказывалось противоречие между старыми родовыми порядками и зарождающимся государством. Родовые связи заменялись территориальными, торговля порождала совершенно новые — товарные — отношения в обществе, появилась частная собственность на землю, — одним словом, произошли разные качественные изменения в социальной структуре общества, и патриархальный родовой строй приходил к концу. В эпоху его расцвета все мужское население было вооружено («военная демократия», по Марксу и Энгельсу), и это исключало образование особой, оторванной от общества вооруженной силы, являющейся аппаратом принуждения, т. е. основой государственной власти. Уже в дружинах вождей, находящихся в их личном распоряжении, мы имеем раннюю форму этой обособляющейся от общества вооруженной силы, впоследствии превращающейся в материальную опору государства. Но лишь с ликвидацией рода, с заменой родовых делений территориальными, с организацией окончательно оторванного от населения войска, подчиненного только носителям независимой от массы населения публичной власти, образуется, как завершение тяжелого продолжительного процесса становления классов, настоящее государство.

Какие классы возникают в результате разложения доклассового общества, какая формация приходит на смену первобытному коммунизму? Это зависит от конкретных условий, в которых протекает исторический процесс. Обычный, наиболее естественный ход развития приводит доклассовое общество к расслоению на рабовладельцев и рабов. Рабовладельцы — первая классовая форма эксплуатации, и рабство — первая классовая формация общества. Уже первое общественное разделение труда — отделение скотоводов от земледельцев — дает толчок к быстрому развитию рабства внутри патриархального рода, т. е. к развитию патриархального рабства. Если вначале рабы вербовались только из пленных, захваченных на войне, то впоследствии отношения личной зависимости, возникавшие в процессе имманентного расслоения рода, низводили на положение рабов и беднейшую часть населения внутри рода или племени (рабство за долги, продажа в рабство членов семьи, ссуды на кабальных условиях и т. д.). Военнопленные с одной стороны и лично зависимые члены племени с другой — составляли тот контингент эксплуатируемого населения, наблюдающийся у всех народов в эпоху разложения рода, который при дальнейшем развитии превращается в класс рабов. Так сложилось рабовладельческое общество в Греции и Риме, повидимому, в древнем Вавилоне и Египте, у некоторых современных африканских народов, например, у дагомейцев.

Но историческая действительность показывает, что патриархальное родовое рабство далеко не всегда приводит к образованию рабовладельческой формации в ее законченной форме, что у многих народов доклассовое общество переходит в феодализм, минуя стадию по крайней мере развитого рабства. Германцы, кельты, славяне, большинство народов Востока не прошли в своем историческом прошлом через рабовладельческую формацию, хотя все эти народы знали и патриархальное рабство и рабовладельческие отношения, как уклад в системе отношений феодальных. Это второй путь становления классового общества, при котором расслоение идет по линии образования зависимости свободных или полусвободных, т. е. крепостных, крестьян-земледельцев от феодалов, собственников земли, обрабатываемой крестьянами. Отношения земельной собственности и внеэкономическое принуждение определяют структуру феодального общества, и при решении вопроса, почему в данном конкретном случае возникает феодализм, а не рабовладение, необходимо в первую очередь подвергнуть исследованию генезис именно этих отношений. Мы можем здесь указать только на центральные узлы этой весьма сложной проблемы, решение которой возможно только при тщательном изучении конкретной истории каждого народа с феодальным строем, развившимся из доклассового общества.

То общее, что наблюдается у всех таких народов «от Индии до Ирландии», — это наличие и в условиях феодализма и, разумеется, ранее — прочно сложившейся, крепкой устойчивой сельской общины, состоящей из крестьянских семей, владеющих каждая движимым имуществом, скотом, домом со всеми его пристройками и ведущих сельское хозяйство на надельных участках земли, принадлежащей в эпоху феодализма уже не общине, а феодалу. Устойчивость сельской общины и вместе с тем ее застойность объясняются тем, что община, как писал Маркс, «образует самодовлеющее производственное целое», «локализированный микрокосм», постоянно воспроизводящий себя в одной и той же форме при одном и том же готовом и неизменном плане производства. Где патриархальный род успел вполне переродиться в сельскую общину, там создаются особо благоприятные предпосылки для возникновения феодализма — как путем захвата общинной земли выделившимися из среды самой же общины, но оторвавшимися от нее богатыми, военизированными и потому сильными людьми, превращающимися в феодалов, так и путем подчинения общины и обложения ее данью, превращающейся в ренту-налог, в результате завоевания.

Структурная устойчивость общины, на наш взгляд, является серьезным препятствием для развития рабовладения. Последнее потребовало бы коренной ломки сложившихся в ней отношений и всей ее организации производства, в то время как при феодальной форме эксплуатации община

может существовать и действительно существует без изменения, без коренной ломки ее производственного механизма чрезвычайно долгое время. Для сельской общины путь к феодализму значительно естественнее и проще, чем путь к рабовладельческой формации. Вот почему на пороге истории всех народов, перешедших от первобытного коммунизма прямо к феодализму, мы всегда наблюдаем сельскую общину почти в одной и той же форме (индийская община, русская община, германская марка, гмина в Польше и т. д.).

Между тем у народов, перешедших к рабовладению, сельская община нигде не играла такой же роли. Древние греки в гомеровскую эпоху жили еще в родовом строе, и уже в VII—VI вв. у них вполне сложился рабовладельческий способ производства. Сельская община в Греции не успела созреть и окрепнуть; становление классов происходило здесь непосредственно на развалинах рода с его готовой формой эксплуатации — патриархальным рабством. Весь процесс образования классов и государства протекал весьма быстрыми темпами, и это объясняется той исключительной ролью, которую играла торговля в прибрежной полосе Средиземноморья, на этой арене развития классических рабовладельческих отношений. Торговля, неразрывно связанная с морским грабежом (пиратство), рано создала слой профессиональных купцов и ввела новую могущественную силу в исторический процесс — денежное хозяйство, подорвавшее родовой строй прежде, чем он успел переродиться в сельскую общину. Еще в гомеровскую эпоху большие патриархальные семьи родовой знати вели относительно крупное хозяйство преимущественно на основе рабского труда. Торговля, деньги, ростовщичество усиливали, естественно, хозяйственную мощь таких семей, заставляли их повышать эксплуатацию и увеличивать число рабов; это определяет основную линию дальнейшего развития.

В «Происхождении семьи» Энгельс подробно анализирует три пути, три способа возникновения государства. Первый (в Греции) и второй (в Риме) пути приводят к рабовладению непосредственно из родовой организации, минуя стадию сельской общины, и Энгельс в отношении Греции подчеркивает это в следующих словах: «возникновение государства у афинян есть особенно типический пример образования государства вообще, потому что оно, с одной стороны, совершалось в чистом виде, без вмешательства внешнего или внутреннего насилия... и потому что оно, с другой стороны... возникает *непосредственно из родового общества*».[1]

Скудость источников не дала возможности Энгельсу дать развернутую картину образования государства в Риме («из-за густого мрака, окутывающего всю легендарную первоначальную историю Рима... невозможно

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 118. Курсив мой. *В. Р.*

сказать что-либо определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, которая положила конец древнему родовому строю»), [1] но совершенно ясно в его изложении, что и в Риме рабовладельческое государство возникает непосредственно из родовой организации, в процессе борьбы между plebs'ом и populus'ом: «победа плебса разрушает старый родовой строй». Таким образом, возникновение античного рабовладельческого государства Энгельс представлял как результат взрыва «старого общества, покоящегося на родовых объединениях, в столкновении новообразовавшихся общественных классов».

Третий путь — образование государства у германцев — значительно более сложный, так как здесь с одной стороны сыграло свою роль завоевание германцами Римской империи, с другой стороны — скрещение двух процессов — превращения античных рабовладельческих отношений в феодальные на территории Римской империи и имманентного становления классов в обществе самих германцев. Этот третий путь привел к феодализму. Германское завоевание не было причиной возникновения западноевропейского феодализма; оно сыграло только роль толчка, революционного взрыва, формы быстрого разрешения имманентно назревших противоречий внутри каждого из столкнувшихся в процессе завоевания общественных организмов. Энгельс со всей обстоятельностью показывает, что у германцев в эпоху Тацита уже существовало «наиболее развитое общественное устройство, какое вообще могло развиться при родовом строе», [2] что германцы перед завоеванием стояли накануне возникновения классов, которые должны были бы образоваться у них, если бы даже никакого завоевания не было. Равным образом, разлагающееся античное общество к моменту завоевания само превращалось в феодальное. Следовательно, если третий путь приводит к феодализму, то причины этого мы вскроем только путем изучения имманентного классового расслоения у германцев и имманентного же перехода античной формации в феодальную на территории древнего Рима. Нас здесь может интересовать, конечно, только первое.

Бросается в глаза, что у германцев повсюду, в том числе в таких районах, население которых в своем большинстве не принимало участия в завоевании (север Европы, Скандинавия), процесс возникновения феодализма совпадает с процессом превращения рода в территориальную общину, когда, как писал Энгельс, «род исчезал в марке». Это стояло, разумеется, в связи с натуральнохозяйственным строем германских племен в эпоху разложения рода, с недоразвитием их торговли до той степени, какая наблюдалась у средиземноморских народов в эпоху формирования антич-

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 129.
[2] Там же, стр. 148.

ного общества. Сельская община — этот самодовлеющий «локализированный микрокосм»—при таких условиях была наиболее целесообразной формой общественной организации земледельческого населения. Но сельская община, как мы показывали выше, затрудняет развитие рабовладельческих отношений и, наоборот, благоприятствует возникновению феодализма. Тщетно было бы искать у германцев когда бы то ни было в прошлом существование рабовладельческого способа производства; распространенное у них патриархальное рабство, засвидетельствованное письменными источниками, не дошло и не могло дойти в своем развитии до законченной рабовладельческой формации.

Масса земледельческого населения германцев и римлян, сплоченная в сельские общины, составила впоследствии слой феодального крестьянства. Класс феодалов сформировался из старой родо-племенной знати, переродившейся и усилившейся на войне. На примере франков Энгельс показывает, как племенной военачальник, опирающийся на военную силу своей дружины, превращается в действительного властителя-короля, захватывает общественную землю в свою собственность и раздает ее в лен своим приближенным. «Таким образом, — пишет Энгельс, — за счет народа создавалась основа нового дворянства». Новым собственникам земли не пришлось изменять внутренний строй сельской общины; он не препятствовал феодальной эксплуатации путем принуждения сверху со стороны наслоившегося над общиной господствующего класса феодалов.

Переход от доклассового общества к классовому Энгельс рассматривал как «взрыв старого общества», как «революцию, положившую конец древнему родовому строю», [1] подчеркивая этим скачкообразность становления классов и государства. Но, как видно из вышеизложенного, этот процесс смены формаций развертывался в течение весьма продолжительного времени, и в этом смысле нельзя приравнивать его к тем революционным переворотам, которые имели место в истории классового общества. Понятие «взрыва» или «революции» скорее можно применить к моментам, завершающим этот процесс, чем ко всему периоду созревания классов и образования государства. Там, где, как, например, в Греции и Риме, к моменту возникновения территориального государства еще сохранились родовые порядки, ставшие в руках аристократии средством укрепления своего господства, т. е. превратившиеся в свою противоположность, они были ниспровергнуты путем действительного переворота. Угнетенные массы видели в них уже орудие своего угнетения; образовавшаяся внеродовая прослойка из купцов, пришлых ремесленников и т. д. также решительно выступает против олигархии родо-племенной знати. Массовое движение против переродившихся родовых институтов приводит

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 129.

в конце концов к их революционной ликвидации, к замене их территориальным государством (реформы Солона и Клисфена в Афинах, тождественные перемены в других греческих городах, реформа, приписываемая Сервию Туллию в Риме). В других случаях, как, например, при образовании феодализма у германцев и у восточных славян, возникновение государственной власти завершается в процессе завоевания, консолидирующего созревшие классово-антагонистические отношения и, в частности, служащего средством быстрого захвата земли образовавшимся господствующим классом феодалов. Прямое насилие — грабеж, война, насильственные захваты общественных прав — сыграло крупную роль в образовании классов и государства; никоим образом нельзя представлять этот процесс как постепенное мирное перерастание, но нельзя забывать также, что насилие во всех его видах проявляется там, где созрели экономические к нему препосылки, что оно есть не причина, но форма борьбы возникающих классов. Ведь, «и способ грабежа, — как говорил Маркс, — опять-таки определяется способом производства». [1]

Мы ознакомились с самыми существенными чертами всех основных этапов, через которые прошло доклассовое общество в своем развитии вплоть до перехода в классовую формацию. Нами изложена общая концепция истории первобытного коммунизма, как она была разработана Марксом и Энгельсом с добавлением некоторых современных данных. Разумеется, в каждом конкретном обществе исторический процесс модифицируется, т. е. имеет свои специфические особенности, и вовсе не протекает по шаблону. «Один и тот же экономический базис, — писал Маркс, — один и тот же со стороны главных условий, — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирических данных обстоятельств». [2] «И хотя кельтский клан, римский gens, немецкий Geschlecht, — писал Энгельс, — все являются подразделениями племени, тем не менее между ними есть существенные различия, и происхождения они, наверное, различного. Точно так же различны виды кланов у некельтских народов.[3] Но «бесконечные вариации и градации» не снимают тех единых и общих закономерностей, которые действуют внутри каждой социально-экономической формации и которым подчинено каждое конкретное общество, сколь бы ни были специфичны

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, 1930 г., стр. 67.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. II, 1928 г., стр. 267.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 220.

те или иные моменты в его истории. Мы старались выявить эти общие для доклассовой формации закономерности, как они проявляются на каждом этапе ее истории. Теперь можно перейти к обобщающим формулировкам.

Выше уже говорилось, что основная закономерность развития первобытнокоммунистической формации может быть только специфической формой противоречия между производительными силами и производственными отношениями — этой общей для всей истории закономерности, — и задача заключается в том, чтобы раскрыть качественное своеобразие этой специфической формы.

Что представляют собой и в каком направлении развиваются производственные отношения доклассового общества? Прежде всего и с самого начала они являются *первобытнокоммунистическими* отношениями, т. е. выражаются в коллективной собственности, коллективном распределении, коллективных формах труда, в авторитарно регулируемой организации общественного производства. В этом качестве они возникают и долгое время развиваются, достигая максимального расцвета в эпоху материнского рода. Но первобытный коммунизм в отличие от коммунизма будущего необходимым условием своего возникновения и существования имеет низкий уровень производительных сил, неразвитое материальное производство (охота, рыболовство, собирательство, примитивное земледелие), когда только соединение в крепко сплоченные первобытнокоммунистические группы могло обеспечить людям успех в борьбе с природой за свое существование. «В более древних общинах хозяйство ведется сообща, а распределяются только продукты», пишет Маркс и тут же делает добавление: «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства был, разумеется, результатом слабости обособленной личности, а не обобществления средств производства». Иными словами, обобществление средств производства и вся совокупность коммунистических производственных отношений первобытного общества возникает как естественная компенсация слабости обособленной личности первобытного человека, как единственно возможная форма общества в условиях начальных ступеней развития материального производства. Обобществление средств производства было следствием низкого уровня производительных сил, и нужны были в высокой степени крепкие, естественно при переходе из животного состояния в человеческое возникающие связи, которые спаивали бы членов первобытного коллектива в неразрывное, органическое целое. Такими связями, характер и крепость которых Маркс подчеркивает словом «карнальные», т. е. плотские, телесные, явились естественно-родственные отношения, отношения не по производству материальных средств существования, а «по детопроизводству», представляющие, по выражению Энгельса, «основные черты общественного устройства первобытного времени». «Gens (т. е. высшая форма естественно-родственных отношений), —

пишет Энгельс в другом месте, — в основном дает ответ на все и разъясняет первобытную историю».

Уже первобытное стадо, в котором господствовал промискуитет, по существу было спаяно именно «карнальными» связями, так как перекрестные половые сношения в нем приводили к тому, что вся группа в конце концов была охвачена кровным родством, причем не имеет значения, сознавалось это или не сознавалось самими членами группы. Более отчетливые формы кровнородственной связи выступают в кровнородственной семье, каковой являлась вся эндогамная группа, расчлененная на возрастные слои. Далее кровнородственные отношения все более и более дифференцируются, достигая наиболее развернутых форм в родовой организации и сложных типах классификационных систем родства, самый факт существования которых показывает всю реальную важность родственных связей в первобытном обществе. Прогрессирующие брачные запреты, в основе которых, по мнению Энгельса, лежало бессознательное стремление воспрепятствовать кровосмешению и которые укреплялись благодаря закону естественного отбора, все более ограничивают круг лиц, находящихся в браке (закон постепенного сужения брачного круга), и в конце концов приводят от промискуитета через разные формы группового брака к парной семье — «двухатомной молекуле», с появлением которой естественный отбор завершает свое дело. Если бы кровнородственные отношения в первобытном обществе совпадали бы с узко-семейно-брачными отношениями в современном смысле этого понятия, они должны были бы разлагаться по мере становления парной семьи, подчиненной закону естественного отбора. Но система экзогамии представляет как раз такой институт, при котором «сужение брачного круга» отнюдь не сужает круг лиц, находящихся в реальном родстве друг с другом, ибо вся экзогамная группа — впоследствии род — есть попрежнему группа кровных родственников, связанных «карнальными» связями. Следовательно, парная семья, упрочение которой есть результат естественного отбора, сама по себе не подрывает тех естественно-родственных отношений, которые крепко связывают всех членов первобытнокоммунистических групп между собой с самого начала и которые являются специфическим типом первобытнокоммунистических социальных отношений. При родовой организации — высшей форме этих отношений — положение в обществе определяется положением в роде, совместное владение средствами производства и коллективный труд организуются на началах кровного родства, и, следовательно, кровнородственные отношения соединяются, а в известной мере и совпадают с отношениями по производству.

Эти два типа связей не противоречат, таким образом, друг другу. Вместе взятые, они являются отношениями по производству и воспроиз-

водству непосредственной жизни. «Производство жизни — как собственной, путем труда, так и чужой, путем рождения, сразу же является, — писали Маркс и Энгельс, — в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве общественного отношения в том смысле, что имеется в виду сотрудничество ряда индивидов...» [1]

В них выявляется существо первобытного коммунизма, и Маркс неоднократно подчеркивал это в разных своих высказываниях. «Формы кооперации... на первых ступенях человеческих культур... — пишет он, — покоятся, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной, как отдельная пчела связана с пчелиным ульем». [2]

Но первобытность коммунизма доклассового общества, обусловливаемая низким уровнем производительных сил, влияла на коммунизм в том отношении, что он был, по выражению Маркса, «детской формой» «первобытного единства между рабочими и средствами труда» и не годился «для того, чтобы развить труд, как общественный труд, и производительность общественного труда». [3] Развитие производительности труда, развитие производительных сил требовало иных форм организации труда, и с этой стороны оно выражалось прежде всего в развитии разделения труда. Степень развития производительных сил какого-нибудь народа лучше всего показывается степенью развития у него разделения труда. «Всякая новая производительная сила — поскольку она не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель)—влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда». [4] Мы видели, как развивалось разделение труда в первобытном обществе. На первой ступени (первобытное стадо) оно имеет зародышевые формы. Далее появляется естественное разделение труда в возрастной, а затем и в возрастно-половой форме. Возрастно-половое разделение труда совершенствуется от примитивных его форм в эндогамной коммуне эпохи мустье и до материнского рода. Спорадически возникающее общественное разделение труда охватывает все общество, начиная с патриархального рода: первое великое общественное разделение труда при отделении скотоводства от земледелия, другие формы разделения труда между племенами (специализация на производстве отдельных продуктов), разделение труда внутри племени на основе парцеллирования производства, выделение ремесла (второе великое разделение труда), наконец — при переходе от варварства к цивилизации отделение города от деревни. От простой

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20.
[2] K. Marx, Das Kapital, стр. 350.
[3] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, 1932 г., стр. 308.
[4] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 11.

кооперации к естественному разделению труда, от естественного разделения труда к общественному — вот общая линия развития разделения труда в первобытном обществе, являющаяся в то же время линией прогрессивного повышения производительности труда, магистральной линией неуклонного возрастания производительных сил.

Однако разделение труда — этот третий тип отношений и связей в первобытном обществе — находится в противоречии с первобытнокоммунистическими отношениями. Оно порождает частную собственность, оно связано с выделением отдельных лиц и групп, противопоставляющих себя обществу, оно в конце концов приводит к возникновению классов, ибо в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда». [1] Пока разделение труда было естественным разделением труда — по полу и возрасту, пока оно развивалось в этом качестве, оно не снимало первобытнокоммунистических отношений, наоборот, перестраивало их в направлении повышения производственной эффективности первобытнокоммунистической организации труда, создавало возможность лучшего и более полного использования трудовых способностей отдельных лиц. «Семейная связь со своим естественно развившимся разделением труда, — писал Маркс, — накладывала на продукт труда его специфическую общественную печать... Возьмем общинный труд в его естественно развившейся форме, каким мы находим его на пороге истории у всех культурных народов... Общинная связь, являющаяся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом, а его продукту — частным продуктом; напротив, отдельный труд выступает непосредственно как функция члена общественного организма». [2] Преобладание и тем более исключительное господство форм естественного разделения труда необходимо предполагает господство естественных же или кровнородственных отношений в обществе, и, поскольку последние остаются в силе, поскольку вместе с тем производство сохраняет свой коллективный характер, разделение труда не обособляет производителей, но лишь дифференцирует коллективное общественное производство, не разрушая его единства, и тем самым повышает производительность труда. Этим и объясняется, что первобытное общество до известного момента развивается как общество коммунистическое, т. е. в направлении планомерной организации труда; формы производственных и естественнородственных отношений меняются под влиянием развития производительных сил, все более и более приближаясь к такой структуре общества, которая обеспечивает общественно регулируемое, плановое, коллективное производство в тех, разумеется, пределах, которые допускает низкий

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 285.
[2] К. Маркс, К критике политической экономии, 1930 г., стр. 97.

уровень производительных сил. От первобытного стада до материнского рода включительно идет восходящая ветвь кривой развития первобытного коммунизма; далее начинается его упадок. И хотя в материнском роде, как пишет Энгельс, «производство вращалось в узких рамках», но, прибавляет он, «производители были хозяевами своего продукта. Это было громадное преимущество варварского производства, утраченное с наступлением цивилизации, и его обратное завоевание, но на основе ныне достигнутого могущественного господства людей над природой, будет задачей ближайших поколений». [1]

Противоречие между естественным разделением труда и первобытно-коммунистическими отношениями, вызывавшее указанные структурные изменения в обществе, выявлялось и в форме противоречия, отнюдь, конечно, не имевшего характера антагонизма, между членами общества. Возрастно-половое разделение труда порождает специфические противоречия между старшими и младшими членами общественной группы с одной стороны, между мужчинами и женщинами с другой, и конкретные формы таких противоречий очень ярко выступают в жизни современных отсталых народов. Сюда относятся всевозможные привилегии стариков при распределении пищи, обособление стариков во влиятельную группу (то, что этнографы неправильно именуют геронтократией), обособление мужчин от женщин и образование мужских союзов, иногда даже драки между мужчинами и женщинами, система возрастных и половых табу, в частности запреты на определенные виды пищи для одних с предоставлением права пользоваться этими видами другим, господство женщин над мужчинами в условиях матриархата и т. д. Все эти противоречия не антагонистичны, т. е. отнюдь не основаны на собственности: кровнородственные узы и общественная собственность на средства производства вводит их проявление в достаточно твердые границы. И, однако, именно на основе естественного разделения труда зарождаются первичные формы собственности, впоследствии переходящие в частную собственность. Энгельс характеризует это явление на следующих примерах: «мужчина ведет войну, идет охотиться и ловить рыбу, добывает сырье (Rohstoff) для пищи и необходимые для этого орудия. Женщина заботится о доме и о приготовлении пищи, варит, ткет, шьет. Тот и другой хозяин в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Каждый является собственником изготовленных им и употребляемых орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных орудий, женщина — домашней утвари». [2] Эта собственность не есть, конечно, частная собственность, она, как говорил Маркс, носит еще «заметно общественные формы». [3] Но в ней, несомненно, уже выступает в зародыше-

[1] F. Engels, Ursprung der Familie, стр. 109.

[2] Там же, стр. 164.

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 249.

вой форме то самое противоречие между разделением труда и коммунистическими отношениями, которое приводит впоследствии первобытный коммунизм к разложению.

Это противоречие начинает резко обостряться, когда появляется общественное разделение труда, [1] развитые формы которого не совместимы ни с кровнородственными отношениями, ни с коллективным производством. Кровнородственные связи слабеют и сменяются территориальными, производство парцеллируется, обособленные производители становятся собственниками средств и продуктов производства; развивается обмен, вторгающийся в общественное распределение и подрывающий его коллективистическое начало. Выше мы подробно осветили весь процесс разложения доклассового общества и показали ту роль, которую играло при этом общественное разделение труда, что избавляет от необходимости возвращаться к этому снова. Форма организации производства, возникающая в доклассовом обществе на основе развития общественного разделения труда, вступает в непримиримое противоречие со старой формой коммунистического присвоения. И расслоение патриархального рода (дуализма семьи и рода) и дуализм селькой общины имеет в своей основе противоречие между разделением труда и старым коммунистическим строем первобытного общества, между возникающей частной собственностью и старой общественной собственностью.

Таким образом, *основной, ведущей закономерностью развития и гибели доклассовой формации является противоречие между разделением труда, как формой развития производительных сил, как прогрессивной на ранних ступенях истории формой организации общественного труда, и возникающими с естественной в условиях крайне низкого уровня проивводительных сил необходимостью первобытнокоммунистическими отношениями в обществе, заключающимися как в различных специфических типах естественно-родственных связей, так и в коллективном производстве, коллективной собственности, коллективном потреблении.*

Эта формулировка закона движения доклассовой формации вытекает из всего учения Маркса и Энгельса о доклассовом обществе и оправдывается множеством фактов, известных в настоящее время науке, как ни мало изучалась экономика доклассового общества. Их практическая ценность заключается прежде всего в том, чтобы направить внимание современных исследователей, желающих итти вперед по пути Маркса и Энгельса, на изучение конкретных форм организации труда в доклассовом обществе, на изучение его экономики и на тщательное конкретное выявление той

[1] Естественное разделение труда есть разделение труда в обществе и потому является также специфической формой общественного разделения труда. Общественное разделение труда, в противопоставлении его естественному разделению труда, т. е. в узком смысле слова, есть разделение труда независимо от пола и возраста.

динамики в первобытнокоммунистических отношениях, которая должна наблюдаться в доклассовом обществе с самого начала по мере развития разделения труда.

Поскольку движущей силой развития доклассового общества являются внутренно присущие ему противоречия, постольку основная, решающая сущность истории доклассового общества заключается в его самодвижении, и всякого рода внешние влияния отражаются лишь на конкретных формах имманентного развития или на темпах развития, но не на его сущности. Маркс и Энгельс многократно подчеркивают имманентность исторического процесса в первобытном обществе и внешним факторам, играющим такую важную роль во всех построениях буржуазных историков, отводят подчиненное место. Культурные заимствования только тогда имеют место и только тогда прививаются, когда в обществе назрели внутренние условия для этого, а потому заимствования не могут объяснить сущность культурной истории данного общества. Чем далее назад, тем слабее были связи между отдельными обществами, тем меньшее значение имели заимствования. Поэтому «в первоначальной истории каждое изобретение должно было делаться ежедневно наново и в каждой местности независимым образом».[1] Миграции также не могут определить решающую сущность исторического процесса. Во-первых, они сами определяются общественно-экономическими условиями. В различные исторические эпохи миграции имеют различный характер и всегда зависят от существующего в данном обществе способа производства. О миграциях варваров с плоскогорий Азии Маркс пишет следующее: «то были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население вынуждено было пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе». [2] Во-вторых, мигрирующее население, приходя на новое место, или заставало его пустым — и тогда переносило сюда все свои социально-хозяйственные и культурные особенности, как они сложились ранее, чтобы здесь имманентно развивать их далее,— или же вступало в столкновение с живущим здесь старым населением, скрещивалось с ним в процессе, допустим, военного завоевания или захвата. Но «захват обусловлен объектом захвата. Состояние банкира нельзя захватить, если захватчик не подчинится условиям производства и общения захваченной страны... Принимаемая оседающими завоевателями форма

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 236.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам». [1]

Это в том случае, если мигрирующие завоеватели сталкиваются с населением, обладающим более высоким, чем у них, социально-экономическим строем. При обратном соотношении завоеватели сохраняют старые черты своего общественного устройства. В том и другом случае социально-экономический результат миграции зависит от развития производительных сил, т. е. от имманентной основы исторического процесса, а не от внешнего фактора.

Из этого вовсе не следует, что так называемые внешние факторы не играют никакой роли в истории. Чтобы понять конкретный исторический процесс, необходимо учесть все его связи и опосредствования, в том числе взаимодействие данного общества с другими обществами. Автохтонное развитие на основе внутренних противоречий, на основе самодвижения может иметь различные темпы и различные конкретные формы в зависимости от влияний, приходящих извне. Лучшим примером является действие извне приходящего торгового капитала на доклассовое общество; анализ этого действия Маркс дает в XX главе т. III «Капитала». «Торговые народы древности, — писал Маркс, — существовали как боги Эпикура в междумировых пространствах вселенной или, вернее, как евреи в порах польского общества. Торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников». [2] «Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют целью главным образом потребительскую стоимость». [3] Под влиянием внешнего влияния торговли разложение доклассового общества в высокой степени ускоряется, как это можно наблюдать на множество конкретных примеров. «Но, — говорит далее Маркс, — в какой степени она (т. е. торговля. *В. Р.*) влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 64.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1929 г., стр. 254.
[3] Там же, стр. 256.

хозяйство». [1] Это высказывание Маркса mutatis mutandis можно распространить и на другие формы внешних влияний на ход развития общества.

Необходимо остановиться еще на вопросе о взаимоотношении между обществом и природной средой. Общество не может быть противопоставлено природе, оно составляет ее особенную часть, и общественный человек противостоит веществу природы «как сила природы», по выражению Маркса. Естественно-географическая среда, в которой находится общество, оказывает сильное влияние на ход его истории, и об этом Маркс и Энгельс высказывались неоднократно. «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, — писал Маркс, — то производительность труда окажется связанной с естественными условиями». «Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцирование, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда». [2] Буржуазная цивилизация, —писал Энгельс,—развилась вдоль морских берегов и по течению больших рек. Земли же, лежащие в глубине материка, и особенно неплодородные и трудно-проходимые горные страны сохранили и варварство и феодальный строй». [3] Природная среда является ареной, на которой развертывается деятельность человека, и само производство есть своего рода обмен веществ — взаимодействие между обществом и природой. Невозможно, например, понять историю дородового общества в Европе, если отвлечься от тех естественно-географических условий, которые несколько раз менялись в четвертичную эпоху в связи с оледенением. И когда Маркс набрасывал свою знаменитую схему исторического и экономического исследования во введении к «К критике политической экономии», он писал: «исходным пунктом следует, конечно, брать природные условия». [4]

Но сколь бы ни было велико влияние внешней природы, оно само по себе развитие общества не определяет. «Натуралистическое понимание истории, как оно встречается, например, в той или другой мере у Дрепера и других естествоиспытателей, стоящих на той точке зрения, что только природа действует на человека и что естественные условия определяют повсюду его историческое развитие, — односторонне и забывает, что человек тоже действует на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования». [5] В процессе производства общество перестраивает природную среду и все более подчиняет себе стихийные силы природы, заставляя их служить своим целям. Следовательно, влияние природы не

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1929 г., стр. 256.
[2] K. Marx, Das Kapital, т. I. стр. 540.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 250.
[4] К. Маркс, К критике политической экономии, 1930 г., стр. 80.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 506.

есть абсолютно независимый от общества определяющий фактор. Влияние природы само изменяется в зависимости от развития производительных сил в обществе, т. е. в зависимости от общественных закономерностей, и поэтому только последнее решающе определяет ход развития общества. На ранних ступенях истории природная среда ближайшим образом определяет конкретный характер производства. Водоемы, богатые рыбой, являются условием развития рыболовства. В лесных районах, особенно на севере, общество долгое время придерживается охотничьего промысла, как ведущей формы производства. Земледелие ранее всего развивается в речных долинах с их плодородной, удобной для обработки почвой. Скотоводство сначала появляется только там, где имеются пригодные для приручения виды животных. Но при различии конкретных форм производства общий уровень производительных сил и общая сумма производимых обществом материальных средств существования, измеряемых коэффициентом их потребительной полезности, могут быть одни и те же у обществ с различными конкретными формами производства. Именно поэтому одно и то же — часто до деталей — общественное устройство, например, материнский род, наблюдается у народов, живущих в самых различных природных условиях и с самыми разнообразными конкретными видами производства: материнский род существует у охотников арктической полосы (коряки, камчадалы, юкагиры), у охотников тропических лесов (центральная Бразилия), у рыболовов морского побережья (тлинкиты), у многочисленных земледельческих племен всего земного шара. Совершенно ясно, что не внешняя природа, а внутренние закономерности общественного развития были причиной возникновения материнского рода, поскольку он существовал на всей доступной людям территории земного шара и существует еще сейчас в различных широтах от приполярной полосы до тропиков. То же самое следует сказать относительно всех других основных типов общественных структур с первобытнокоммунистическим способом производства.

Итак, никакими «внешними факторами» нельзя объяснить причину движения доклассового общества, потому что она находится не вне, а внутри общества и заключается в присущих ему внутренних противоречиях, природу которых мы старались охарактеризовать выше на основе учения Маркса и Энгельса.

Значит ли это, что каждое конкретное общество, совершенно независимо от исторических условий, в которых оно находится, обязательно должно пройти через все этапы того пути развития, который был нормальным для человечества в целом, если взять его историю, начиная с момента возникновения общества? Нет, не значит. На примере влияния торгового капитала мы видели, что внешние влияния могут ускорить темпы развития, и уже один тот факт, что доклассовое общество в зависимости от кон-

кретных условий, в которых оно разлагается, в одних случаях переходит к рабовладельческому способу производства, в других случаях — к феодальному, показывает, что общая схема исторического процесса не является закостенелым шаблоном, фатально предопределяющим развитие каждой исторической конкретности. Если доклассовые общественные образования представляют уже реликты, т. е. если они подвергаются систематическому воздействию со стороны обществ с более высоким социальным строем, являющимся господствующим для большинства народов в данную историческую эпоху, — они, в зависимости от характера этого воздействия и от характера социального строя окружающей их более высокой исторической среды, или погибают, или быстро переходят к навязываемым им со стороны новым социальным отношениям. Так, колониальная эксплуатация капиталистическими государствами народов с доклассовым общественным строем прерывает их естественный ход развития. Грубые приемы этой эксплуатации, применявшиеся, например, в период первоначального накопления и практиковавшиеся очень часто до самого последнего времени, приводили к полной гибели народа, имевшего несчастье стать ее жертвами.

Примерами пестрит вся история завоевания европейцами Америки, история хозяйничанья англичан на островах Тихого океана, португальцев в Африке, русских в восточной Азии. Уцелевшие отсталые народы или были оттеснены в глухие, отдаленные и мало пригодные для жизни места, где, естественно, их общественная жизнь не могла не подвергнуться известной деградации и, следовательно, искажению, или же были втянуты в орбиту капиталистических отношений, не оставивших камня на камне от их первобытнокоммунистического способа производства. Ирокезы, которые еще во время Моргана, т. е. несколько десятков лет тому назад, могли служить классическим образцом материнского рода, к настоящему моменту, увы, мало чем отличаются от американцев. Но, если бы не было капиталистической Америки, их, без сомнения, ждала впереди еще многовековая история на базе первобытного коммунизма, прежде чем им пришлось бы впасть в грех распадения на антагонистические классы.

Другое дело, когда реликтовые общества с доклассовой структурой оказываются в сфере влияния общества, уже перешедшего от капитализма к социализму. Для них тогда открывается путь некапиталистического развития. Маркс подробно говорит об этом случае в черновиках писем к Засулич, имея в виду судьбу русской общины, когда в России произойдет социалистическая революция. «Процесс эволюции семейной общины, — пишет он, — является процессом перехода от общей собственности к частной собственности, процессом перехода от первичной формации к вторичной формации. Но значит ли это, что при всяких обстоятельствах эволюция «сельской общины» должна следовать этим путем? Отнюдь

нет. Ее конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится». [1] «A priori оба исхода возможны, но они предполагают совершенно различные исторические среды... Общая собственность на землю образует естественную основу коллективного производства и присвоения... Но для того, чтобы коллективный труд мог заместить именно в земледелии труд парцеллярный — форму частного присвоения, — нужны две вещи: экономическая потребность в таком превращении и материальные условия для его осуществления. Что касается экономической потребности, то она даст себя почувствовать самой «сельской общине», как только последняя будет поставлена в нормальные условия, т. е. как только с нее будет снято давящее ее иго... Но оборудование, удобрение, агрономические методы и пр., все необходимые для коллективного труда средства — где их найти? Вот в чем именно великое превосходство русской «сельской общины» над древними общинами того же типа. Она одна сохранилась в Европе в широком национальном масштабе. Она одна находится таким образом в исторической среде, в которой ее современник — капиталистическое производство — предоставляет ей условия коллективного труда. Она имеет возможность присвоить себе все положительные достижения капиталистического строя, не проходя сквозь его Кавдинские ущелья. Физическая конфигурация русской почвы благоприятна для сельскохозяйственной обработки при помощи машин, обработки, организуемой в широком масштабе и осуществляемой кооперативным трудом...» [2] «Она может, следовательно, стать *непосредственным отправным пунктом* экономической системы, к которой стремится современное общество, и зажить новой жизнью, отказавшись от мысли о самоубийстве». [3] Самоубийством общины было бы ее разложение под влиянием капиталистических отношений. Нужно «прежде всего устранить тлетворные влияния, которые теснят ее [общину. *В. Р.*] со всех сторон». [4] Иными словами, «чтобы спасти русскую общину — нужна русская революция». [5] И только тогда она перейдет в высшую форму того же типа общественной структуры, минуя «Кавдинское ущелье» капитализма.

Прогнозы Маркса блестяще оправдываются в наше время, когда социалистическая революция в России стала свершившимся фактом. Продолжатели дела Маркса Ленин и Сталин дали глубокую теоретическую

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 273.
[2] Там же, стр. 275—276.
[3] Там же, стр. 277.
[4] Там же, стр. 286.
[5] Там же, стр. 279.

разработку проблемы пути некапиталистического развития, и под их гениальным руководством некапиталистическое развитие осуществилось на практике. Разлагающаяся русская община, умиравшая естественной смертью при капитализме, в процессе колхозного строительства, в процессе коллективизации парцеллярного хозяйства переходит прямо к социалистическим формам организации труда на базе того мощного развития производительных сил, которое было обеспечено победой пролетариата. Соху сменяют тракторы; серп, почти не изменивший свою форму со времени эпохи бронзы, вытесняют комбайны; исчезает старая фигура сеятеля с лукошком через плечо, сев производят механические сеялки и аэропланы. Уничтожается навсегда раздробленное мелкое производство — эта основа зарождения частной собственности, приведшей к эксплуатации, уничтожается всякая возможность эксплуатации. И этот путь после Октябрьской революции открылся не только для русской общины, но для всех многочисленных народов с чертами доклассовой структуры, находившихся под гнетом и феодальной и капиталистической эксплуатации в царской России, от самоедов арктической полосы до кавказских горцев, от гиляков и чукчей Дальнего Востока до удмуртов и мари Волго-Камского края. Все они охвачены сейчас такой исторической средой, которая избавит их от мук классовых отношений и в короткий срок приведет по пути некапиталистического развития прямо к социализму.

Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества

Е. Ю. КРИЧЕВСКИЙ

1. Постановка вопроса

Развитие семьи в первобытную эпоху сводилось, следовательно, к постепенному суживанию того круга, первоначально охватывавшего все племя, внутри которого господствует супружеская общность между полами». [1] В приведенном положении Энгельса в нескольких словах выражено основное содержание всей истории семейно-брачных отношений первобытного коммунизма. От периода беспорядочных половых сношений и затем кровнородственной семьи через брачно-классовую, пуналуально-семейную организацию к родовому строю и парной семье — такова последовательность развития семейно-брачных форм доклассового общества, впервые установленная Морганом и заново обоснованная Марксом и Энгельсом. Это развитие брачно-семейных отношений находит свое отражение в изменении системы родства первобытных племен: одновременно с исключением той или иной категории родственников из брачного общения возникает необходимость в появлении новых терминов родства. Эмпирически установленная Морганом последовательность развития семейно-брачных форм нуждалась в объяснении, в выявлении тех движущих сил, которые это развитие непосредственно обусловили. Несмотря на ряд гениальных догадок, Моргану это было сделать не под силу, и только Энгельс, на основе указаний Маркса, сумел вскрыть движущие силы этого процесса и создать оригинальную и целостную концепцию развития брака и семьи в первобытном обществе.

Качественное отличие общества доклассового от классовых общественно-экономических формаций заключается не только в полной разнородности экономических отношений, не только в принципиальном различии форм общественного сознания, но и в своеобразии как всего строя

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г., стр. 47.

семейно-брачных отношений, так и движущих сил, непосредственно обусловливающих их развитие.

«Оно, — Энгельс говорит об единобрачии (моногамии) классового общества, — явилось первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, а именно победа частной собственности над первоначальной первобытной общинной собственностью». [1] Бесспорно, что только наличие общинной собственности, только наличие первобытного коммунизма, как первой общественно-экономической формации, дало возможность существования таких форм семьи, в основе которых лежали не экономические, а естественные условия, подобно тому как появление мирового коммунизма, как последней общественно-экономической формации, разрушит семью, как экономическую единицу, и в основу отношений между полами поставит «новый фактор» — индивидуальную половую любовь.

Как же Энгельс объясняет процесс постепенного сужения брачного круга в первобытном обществе, процесс, который «совершался постепенно, начавшись [после запрета браков между родителями и детьми. *Е. К.*], вероятно, с исключения из полового общения единоутробных братьев и сестер (т. е. с материнской стороны) сперва в отдельных случаях, затем понемногу становясь общим правилом...и кончая запрещением браков даже в боковых линиях, т. е., по нашему обозначению, для детей, внуков и правнуков, родных братьев и сестер». [2]

Говоря о возможности перехода от периода промискуитета к брачно-классовой организации, Энгельс упоминает о «смутном стремлении ограничить кровосмешение». [3] Прослеживая дальнейшее развитие брачно-классовой организации, он указывает, что «стремление воспрепятствовать кровосмешению проявляется то тут, то там, действуя, однако, природно (naturwüchsig) и ощупью, без ясного сознания цели». [4]

«Лишь только, — пишет Энгельс в другом месте, — установили запрет полового общения между всеми братьями и сестрами, а также между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны, группа, о которой говорилось выше, превратилась в род, т. е. конституировался точно очерченный круг кровных родственников по женской линии, не могущих вступать в брак». [5] Проследив, таким образом, оформление рода, Энгельс показывает, как на основе роста экзогамных запретов вообще и появления родовой организации в частности, группо-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 64.

[2] Там же, стр. 38.

[3] Там же, стр. 43. Перевод исправлен по седьмому немецкому изданию 1896 г., стр. 27.

[4] Там же, стр. 44. Перевод исправлен по цит. нем. изд., стр. 28.

[5] Там же, стр. 42.

вой брак сменяется парной семьей. «В этом, — пишет он, — все дальше проводимом исключении кровных родственников из брачного союза тоже продолжает действовать естественный подбор». [1]

Так в результате постепенного сужения брачного круга семейная группа была сведена к своей минимальной единице, к двуатомной молекуле — парной семье. Как дальше могло пойти развитие семейно-брачных отношений первобытного коммунизма? Могла ли создаться на основе первобытнокоммунистических отношений новая форма семьи? Энгельс отрицает эту возможность: «естественный отбор, — пишет он, — завершил свое дело путем все далее идущих изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, — продолжает Энгельс, — не появились новые *общественные* [курсив Энгельса. *Е. К.*] движущие силы, то не было бы налицо причины для того, чтобы из парного брака возникла новая форма семьи. Но такие движущие силы действительно появились». [2] Каковы были те новые движущие *общественные* (подчеркнуто Энгельсом. *Е. К.*) силы, которые обусловили замену парной семьи новыми формами семейных отношений? Ими были первые формы обособляющейся собственности, первые шаги разложения первобытного коммунизма. Именно под действием этих сил на смену парной семье приходит сначала семья патриархальная, а затем моногамная. Энгельс снова подчеркивает принципиальное различие между теми движущими силами, которые непосредственно обусловили сужение брачного круга в период первобытного коммунизма, и теми движущими силами развития семейных отношений, которые создались лишь при разложении первобытнокоммунистических отношений — появлении классового общества.

Такова в самых общих чертах энгельсовская концепция развития семейно-брачных отношений в первобытном обществе. Наиболее законченное в теоретическом отношении выражение эта концепция получила в знаменитом предисловии Энгельса к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», которое по его методологической ценности может быть сравниваемо только с предисловием Маркса к его работе «К критике политической экономии».

Двоякого рода производство обусловливает, по Энгельсу, общественные порядки данной исторической эпохи: производство средств существования (труд), с одной стороны, и производство самого человека (семья), с другой. Взаимные отношения этих обоих родов или сторон производства зависят от характера общественно-экономической формации: «чем меньше развит общественный труд, чем ограниченнее сумма его продуктов, а,

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 46—47.
[2] Там же, стр. 53.

следовательно, и богатство общества, тем безусловнее господствуют над общественными порядками узы родства». [1] Наоборот в классовом обществе: «отношения собственности вполне господствуют над семейными отношениями». [2] Энгельсовскую концепцию развития семьи и брака в первобытном обществе извратили Кунов и Плеханов и ограниченно интерпретировала ее Роза Люксембург; им противостоит точка зрения Ленина.

Уже в 1897 году в своей статье в «Neue Zeit» «Экономические основания материнского господства» Генрих Кунов решительно выступил против энгельсовского понимания развития первобытных семейных отношений. Аргументация Кунова весьма интересна и поучительна: «Зависимость современных и средневековых форм семьи от современных им экономических условий, — пишет Кунов, — выступает так ярко, что мало-мальски внимательный наблюдатель не может не заметить ее. Но как только речь идет о более древних семейных отношениях и порядках, эта взаимная зависимость почему-то игнорируется. Для первобытной семейной жизни являются почему-то вдруг решающими факторами не окружающие экономические условия, а мнения и взгляды, относящиеся к участию обоих полов в размножении народонаселения, к роли и важному значению материнства и т. д. Даже Энгельс считает нужным ограничить для древних времен всеобщую пригодность материалистического понимания истории и в предисловии к своему вышеназванному труду [«Происхождение семьи». *Е. К.*] ставит наряду с формами производства жизненных припасов рождение детей и продолжение рода, которое он считает решающим моментом и отождествляет с организацией семьи. Он придает семейным узам даже гораздо большее значение для общественных отношений первобытного мира, чем добывание съестных припасов. Только с упадком родовых отношений и учреждений семейные формы начинают, как он выражается, «определяться исключительно нормами собственности». [3] Выступая против Энгельса, Кунов считает, что первобытные семейные формы так же непосредственно определялись экономическими отношениями, как определялась ими моногамия феодальной и капиталистической формаций. «Единственно знакомая мне книга, — пишет он, — сумевшая подняться выше этого [поверхностной классификации. *Е. К.*], есть известное исследование Энгельса «о происхождении семьи» и то в той части, которая трактует о более позднем эволюционном периоде начиная с упадка родовых отношений». [4]

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 6. Перевод исправлен по цит. нем. изд., стр. VIII (имеющееся в русском переводе слово «влияние» — фантазия переводчика).

[2] Там же.

[3] H. Cunow, Die ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft, «Neue Zeit», 1897-98 г. Русский перевод первой главы см. «Научное обозрение» за 1898 г., № 3, стр. 458—459.

[4] Там же, стр. 457.

Кунов здесь присоединяется к Энгельсу только в объяснении, которое дается последним тем формам семьи, которые обязаны своим появлением новым общественным движущим силам и в основе которых лежат уже не естественные, а экономические условия. Кунов пытается распространить энгельсовское объяснение семейных форм классового общества и на семейные отношения первобытного коммунизма. Не замечая вообще качественного своеобразия доклассового общества по сравнению с другими общественно-экономическими формациями, он не в состоянии понять энгельсовскую мысль о том, что сами движущие силы, непосредственно обусловливающие развитие семейно-брачных отношений первобытного коммунизма, были существенно иными, чем движущие силы, определяющие изменение семейных форм классовых обществ. «Это странно, — пишет он, — что именно Ф. Энгельс, который вместе с Марксом остро выявил зависимость общественных установлений и представлений от состояния хозяйственного развития, в своем рассмотрении материнско-правового брака и семейных отношений изменил этому». [1] Энгельс в вопросах первобытной истории изменил материалистическому пониманию истории! «Материалист» Кунов исправил «идеалиста» Энгельса. «И поэтому, — пишет Кунов, — те марксисты, которые все еще из чувства пиэтета придерживаются энгельсовских выводов, должны наконец их оставить, тем более, что эта конструкция касается только известных форм примитивной общественной жизни и для Марксова понимания истории вообще, и в особенности поскольку рассматривается современная жизнь, имеет подчиненное значение. Далее Энгельс, кроме того, соблазнился взяться за дополнение материалистической теории истории, которое представляет из себя разрушение ее внутренней целостности». Итак, Энгельс в «Происхождении семьи», по мнению Кунова, разрушил внутреннюю целостность марксистской теории. Впрочем, послушаем Кунова дальше: «Так как именно Энгельс происхождение примитивных родственных номенклатур объяснить не мог, а вывел их из рода природного ужаса перед половыми сношениями между близкими родственниками, т. е. из природного расположения, то он ощутил необходимость рядом со способом хозяйства, как определяющего фактора общественной жизни, поставить еще второй фактор: род и способ производства людей или, точнее говоря, половых сношений... Уравнение «производства жизненных средств» и «производства людей», которое здесь принимает Энгельс, покоится только на одинаковом выражении, на факте, что в обоих выражениях имеется слово «производство». [2] Какая глубина понимания энгельсовских положений! Оказывается, что Энгельс только потому сопоставлял производство самого человека с одной сто-

[1] H. Cunow, Marxsche Geschichts-, Gesellschafts und Staatstheorie, 1921 г., т. II, стр. 128.

[2] Там же, стр. 139—140.

роны и производство жизненных средств с другой, что в обоих этих выражениях фигурирует слово «производство». Оказывается далее, что эта основанная на словесной ассоциации ошибка привела Энгельса к измене Марксовым положениям!! «Ясно каждому, — пишет Кунов, — кто принимает марксовское материалистическое понимание истории, что почти непонятно, как энгельсовское производство людей, как самостоятельный фактор развития, может быть координировано с хозяйственным развитием». [1] Энгельс, по Кунову, «дошел до того, что рассмотрел действие производства детей и разведение детей как самостоятельный момент, идущий наряду с хозяйственным развитием и независимо от последнего, и этим совершенно разрушил единство материалистического понимания истории». [2] Повторяем, аргументация Кунова не лишена интереса. Борьба Кунова с точкой зрения Энгельса в этом кардинальном вопросе — в вопросе о движущих силах развития семейно-брачных отношений доклассового общества — лежит в основе ряда других расхождений Кунова с Энгельсом: и в оценке группового брака, и в понимании матриархата, и в отношении к самой теории первобытного коммунизма. Вульгарное примитивное «экономизирование» семейных отношений первобытного общества как раз и привело Кунова к позициям буржуазной науки в лице ее самого реакционного, самого черносотенного крыла — культурно-исторической школы Фоя, Гребнера, Анкермана, кардинала Шмидта и патера Копперса.

Если Кунов открыто заявил, что Энгельс в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи» изменил теории экономического материализма, то Плеханов в противоположность ему полагал, что Энгельс всегда непосредственно объяснял развитие семьи развитием экономических отношений. Но, несмотря на это, точка зрения Плеханова на эволюцию брачно-семейных форм первобытного общества столь же близка к позиции Кунова, сколь и далека от подлинных установок Энгельса. Различие между Куновым и Плехановым в этом вопросе только кажущееся. Это станет совершенно ясным, если сопоставить с утверждениями Кунова и Плеханова высказывания Ленина.

Плеханов в своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» разбирает упрек в «дуализме», который обыкновенно приводится в качестве одного из возражений против марксизма, на примере статьи Н. И. Кареева: «С течением времени Энгельс, — писал Кареев, — дополнил свой взгляд новыми соображениями, которые внесли в него существенные изменения. Если ранее он признавал за основу материального понимания истории только исследование экономической структуры об-

[1] H. Cunow, ук. соч., стр. 141.
[2] Там же.

щества, то позднее он признавал равносильное значение и за исследованиями семейного устройства, что случилось под влиянием нового представления о первобытных формах брачных и семейных отношений, заставившего его принять в расчет не один только процесс производства продуктов, но и процесс воспроизведения человеческих поколений. В данном отношении влияние шло в частности со стороны «Древнего общества» Моргана». [1] Рассуждение Кареева, таким образом, ничем не отличается от рассуждений Кунова. Но что отвечает Карееву, а, следовательно, и Кунову, Плеханов? Плеханов отрицает, что взгляды Энгельса к 80-м годам, ко времени написания «Происхождения семьи», изменились. Энгельс, по Плеханову, все время полагал, что поскольку дело касается человеческого общества, постольку семья изменялась все время в полной зависимости от экономических отношений. «Тут [т. е. с того момента, когда человек окончательно стал человеком. *Е. К.*], — пишет Плеханов, — начинается дело историка: он должен показать, как и почему изменялись семейные отношения наших предков в связи с развитием их производительных сил, как развивалась семья в зависимости от экономических отношений». И дальше: «ему придется взять «семью», как она создалась, скажем, в зоологический период развития человечества, и затем показать, какие изменения были внесены в нее под влиянием развития производительных сил в течение исторического периода вследствие изменений в экономических отношениях». [2] Плеханов считает необходимым, как он выражается, «свести» историю семьи к истории экономических отношений, найти разгадку истории семьи непосредственно в состоянии производительных сил. Так отвечает Плеханов Карееву и Кунову вместе с тем. Но как объясняет он, в таком случае, предельно четкие, не поддающиеся никаким кривотолкам высказывания Энгельса о том, что все формы семьи первобытного коммунизма в основе своей имели не экономические, а «естественные условия», о том, что «естественный отбор», «стремление воспрепятствовать кровосмешению» были непосредственными причинами тех все далее идущих изъятий из брачного общения, которые составляют содержание всей первобытной истории брака и семьи, о том, что в первобытную эпоху узы родства господствуют над общественным строем, о том, наконец, что на этой ступени способ производства оказывается менее решающим, чем степень разложения древних уз кровного родства и древнего взаимного общения полов в пределах племени? Кунов говорит прямо: «высказываясь так, Энгельс изменил марксизму, разрушил целостность материалистического понимания истории». А Плеханов? Плеханов предпочитает молчать.

В «Что такое друзья народа» Ленин приводит то же самое возражение

[1] Ср. Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, цит. по изд. 1905 г., стр. 118.

[2] Там же, стр. 120—121.

Энгельсу со стороны Михайловского, какое приводил Плеханов, цитируя Кареева, и какое имеется во всех работах Кунова. «Экономические материалисты, — пишет Михайловский, — примкнули к этой книге и притом, так как в доисторические времена не было борьбы классов, то они внесли такую поправку в формулу материалистического понимания истории, что определяющим моментом наряду с производством материальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит». [1] Детопроизводство— торжествует Михайловский — фактор не экономический. Энгельс, один из основоположников «экономического материализма», противоречит «экономическому материализму». Что отвечает Ленин на эти рассуждения Михайловского? Соглашается ли он с ним в том, что в вопросах о движущих силах развития родовых отношений Энгельс изменил марксизму, как это сделал Кунов? Или он стремится показать, что Энгельс на самом деле всегда стоял на точке зрения *сведения* истории семейно-брачных отношений первобытного общества к экономическим, как поступает Плеханов? Нет, Ленин единственный из марксистов, писавших в то время о первобытном обществе, стоял на действительной точке зрения Энгельса. «Детопроизводство — фактор не экономический», утверждает Михайловский. «Но где читали вы, — отвечает ему Ленин, — у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические... Что же, уж не думает ли г-н Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?» [2] Разница между Лениным и Плехановым в их оценке сущности семейных отношений первобытного общества очевидна. Если Плеханов писал, что «характер первых [родственных отношений. *Е. К.*] целиком зависит от последних [экономических отношений. *Е. К.*]», [3] то Ленин, и это не случайно, выражался иначе: «объяснение ее, — писал он о родовой организации, — надо искать не в идеологических отношениях, а в материальных». Тождественны ли в данном случае «экономические отношения» Плеханова и «материальные отношения» Ленина? Если Кунов объявлял, что в «Происхождении семьи» Энгельс изменил «экономическому материализму; если Плеханов пытался показать, что и в «Происхождении семьи» Энгельс остался верен «экономическому материализму», то Ленин с полной четкостью отметил, что Энгельс вообще никогда не был «экономическим материалистом». И поэтому выдумкой является утверждение

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., т. I, Гиз, 1929 г., стр. 67.
[2] Там же, стр. 70.
[3] Г. В. Плеханов, Поземельная община и ее вероятное будущее, Соч., т. I, стр. 93.

Кунова о том, что Энгельс счел нужным ограничить для древних времен всеобщую пригодность материалистического понимания истории, — так может полагать только тот, кто сам стоит на позициях не диалектического, а вульгарно-экономического материализма, — а равно и о том, что «мнения и взгляды, относящиеся к участию обоих полов в размножении», являются, по Энгельсу, фактором развития семейно-брачных отношений в первобытном обществе. «Geschlechtsbände», как это показал Ленин, отношения не идеологические, а материальные, хотя и не непосредственно-экономические.

Вульгарное, примитивное экономизирование, стремление *свести* историю первобытной семьи к истории экономических отношений — вот что отличает взгляды Кунова и Плеханова в этом вопросе от установок Энгельса и Ленина. Кунов и Плеханов ревизуют взгляды основоположников марксизма: первый, упрекая их в «дуализме», стремится подорвать все здание марксистско-ленинской концепции истории; второй, защищая Энгельса, изображает марксизм в виде экономического материализма. Трактовка Кунова и Плеханова в основном исходит из неправильного представления проблемы: — Морган-марксизм.

Дальнейшие примеры непонимания этой проблемы мы встречаем у Розы Люксембург, которая в вопросе о сущности первобытного общества имеет большие и серьезные революционные заслуги, но в то же время в трактовке серьезнейших проблем первобытного общества нередко повторяет аргументацию, почерпнутую «из арсенала теоретиков» II Интернационала. Так, например, ее критика работы Гроссе (мы еще вернемся к ней) может считаться образцом марксистского разоблачения этого буржуазного ученого. Но, критикуя Гроссе, Люксембург тем не менее неоднократно подчеркивает свою полную солидарность с непосредственным предшественником и вдохновителем Гроссе Куновым.

Роза Люксембург, с одной стороны, в отличие от Кунова признает огромное значение Моргана, создавшего, по ее словам, «гигантский краеугольный камень для здания, сооруженного Марксом — Энгельсом»,[1] а с другой — присоединяется по существу дела к куновской критике морганов ской теории группового брака.[2] Люксембург не видит или не дает себе достаточного отчета в том, что ее резкая и в основном правильная критика Гроссе по существу является критикой Кунова. И по вопросу о существовании первобытного коммунизма и по вопросу о сущности семейно-брачных отношений, стоя в основном на позициях Маркса и Энгельса, боится «договорить до конца» (Ленин) и признать совершившимся фактом свой раскол с идеологами II Интернационала и по вопросам первобытной истории.

[1] Р. Люксембург, Введение в политическую экономию, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 94.
[2] Там же, стр. 91.

Послушаем, как, критикуя Гроссе, Люксембург на самом деле дает критику Кунова и Плеханова: «На первый взгляд кажется, что сам Гроссе [читай: сам Кунов или сам Плеханов. *Е. К.*] обязан своими главными соображениями «отцам церкви» германской социал-демократии Марксу и Энгельсу, хотя он, весьма понятно, старается ни единым словом не выдать, из чьих научных источников он в готовом виде черпает свое превосходство над «большинством историков культуры». В отношении материалистического понимания истории он является даже «более католиком, чем сам папа». В то время как Энгельс, наряду с Марксом являющийся одним из творцов исторического материализма, установил, что развитие семейных отношений в первобытную эпоху вплоть до образования современного государственно санкционированного принудительного брака происходило *независимо* от изменения хозяйственных форм, и считал, что в основе этого развития лежали лишь интересы сохранения человеческого рода и его размножения, — Гроссе идет здесь гораздо дальше. Он создает теорию [неверно: он списывает ее у Кунова. *Е. К.*], согласно которой каждая форма семьи является во все времена *непосредственным* продуктом господствующих *в данный период* хозяйственных отношений». [1] Роза Люксембург, несмотря на свое «дружелюбие к оппортунистам», несмотря на «меньшевистский груз», и в вопросах семейных отношений первобытного общества была орлом среди теоретических кур II Интернационала.

2. Является ли парная семья экономической единицей?

Из всего вышеприведенного ясно, что в вопросе о сущности семейных отношений доклассового общества в довоенной социал-демократии существовало два направления: Энгельс, Ленин (частично Люксембург) с одной стороны, Кунов и Плеханов с другой. Может ли быть дискуссионным вопрос о том, к которому из этих двух направлений должны примкнуть советские историки? Дело заключается в том, что куновская и плехановская теория *непосредственного сведения* семейных форм первобытного общества к современным им экономическим отношениям неизбежно ведет к отрицанию существования самого первобытного коммунизма.

У подавляющего большинства современных первобытных народов «естественный отбор» «путем все далее идущих изъятий из брачного общения»

[1] Там же, стр. 99. Независимость семейных отношений первобытного общества от экономических, конечно, относительна. Она выражается в том, что 1) семейные формы сами по себе не являются экономическими единицами и что они 2) не имеют непосредственно-экономического объяснения. Впрочем, развернутая критика взглядов Р. Люксембург на первобытное общество, критика «люксембургианства» в вопросах первобытной истории не входит в задачи настоящей работы. Это дело особой статьи.

привел к выделению парной семьи. Во всех известных нам случаях группового брака мы имеем дело уже с вымирающим групповым браком, наряду с которым и внутри которого отчетливо оформляются парно-семейные объединения. Две категории браков существуют, например, у австралийского племени диери: брак ноа и брак пирраруру. Брак ноа — это «брак между одним мужчиной и одной женщиной», [1] брак пирраруру — это «брак между одним мужчиной и несколькими женщинами или между одной женщиной и несколькими мужчинами». [2] Брак ноа—это зародыш новых форм отношений между полами — парной семьи. Брак пирраруру — это сохраняющийся с давних времен групповой брак нескольких мужчин с несколькими женщинами. У диери юноша и девушка по решению ли совета стариков, по сговору ли родителей, или в порядке обмена женщинами объявляются помолвленными друг с другом, находящимися в отношениях tippa-malku. Правда, вцоследствии, по выходе замуж, «женщина, получаемая как tippa-malku жена, становится пирраруру, или групповой женой»; [3] правда, у диери нет термина «индивидуальная жена», [4] но уже имеются женщины, на которых имеет преимущественное право данный мужчина, и именно те женщины, с которыми он находился в отношениях tippa-malku, т. е. был индивидуально помолвлен. Совершенно правы Гоуитт, замечая о институте tippa-malku, что эта система разовьется в индивидуальный брак, и Фрезер, рассматривавший брак tippa-malku как «вторжение в древние правила коммунального брака». [5] Точно так же у гиляков: «состоя в законном, так сказать, индивидуальном браке, жена в то же время пользуется правом негласно, т. е. в отсутствие мужа, иметь общение с лицами из группы мужчин, которых она зовет пу, ивн (муж)». [6] В обоих случаях, и у диери и у гиляков, на основе разложения группового брака оформляется парная семья. [7] Об этом свидетельствует и то, что у гиляков род патрилинеален, а у диери «каждый член племени наследует от своего отца принадлежность к определенному мурра-мурра, — он наследует легенду этого прапредка, культовой акт, в котором выражается эта легенда, а также распеваемые при этом акте песни, называемые мурра-вима или просто вима», [8] т. е. то, что и у гиляков и у диери

[1] Howitt, Gruppenehe in Australien, «Globus», Bd. 56, стр. 346.

[2] Там же.

[3] Howitt, The native tribes in South-East Australia, стр. 179.

[4] Там же.

[5] Frazer, Totemism and exogamy, I, стр. 373.

[6] Штернберг, Гиляки, отд. отт. из «Этнограф. обозрения», № 60—63, стр. 23.

[7] Ту же форму вырождения брачно-групповых отношений застал Геродот у массагетов: «каждый берет за себя одну жену, но все пользуются ими сообща» (Геродот, I, 215, цит. по Латышеву, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, стр. 7[1].

[8] Siebert, Sagen und Sitten der Dieri und Nachbarstämme in Zentralaustralien. «Globus», т. 97, стр. 48. Ср. Leonhardi, Der Murra und Murra-Murra der Dieri, «Anthropos»,

парный брак уже ввел в семью «новый элемент» — достоверного родного отца.

Таким образом, устанавливается следующее: несмотря на то, что групповой брак гиляков и брак ширрауру у диери (а ему соответствуют отношения пираунгару у урабунна, dilpa-malli у Kurnandaburi и Yantruwanta, pira у Yandairunga, karteti у Parnkalla, одновременно с этим отношениям tippa-malku у Yantruwanta и Kurnandaburi соответствуют отношения, называемые nubaia, у урабунна и Yandairunga — пира, у Parnkalla — yungara) представляют из себя образцы наиболее архаических из всех непосредственно изученных форм брачных отношений, должно констатировать совершающееся уже у этих племен наряду с доиндивидуальными брачными отношениями оформление парной семьи.

В связи с этим ясна важность правильного понимания сущности парного брака. От этого зависит весь анализ экономических и социальных отношений всех ныне существующих первобытных племен, этого основного источника для изучения общественных порядков древнейших эпох, поскольку у всех у них либо оформляются, либо уже оформились парносемейные отношения. И следует ли удивляться тому, что в борьбе с теорией первобытного коммунизма буржуазная наука широко использует факт существования парной семьи у самых отсталых племен современного человечества для доказательства извечности моногамии, а вместе с тем частной собственности и индивидуального производства. Это достигается тем, что парная семья понимается как экономическая единица, как самостоятельная хозяйственная ячейка, это достигается тем, что непосредственные причины сложения парного брака ищутся в сфере не естественных, а экономических условий.

Имеющее марксистскообразную внешность примитивное «экономизирование» первобытных семейно-родовых отношений по существу дела оказывается направленным против одной из аксиом большевизма — теории первобытного коммунизма. Какой иной смысл может иметь указание патера Копперса о том, что будущее этнологического исследования хозяйства должно заключаться в пересадке принципа Гроссе «освещение общественных форм хозяйственными формами» на почву культурно-исторической этнологии? [1] В этом же смысл экономизированных семейных отношений у таких идеалистов, как Вестермарк (определявший семью как сексуальный и экономический союз индивидов различного пола), Старке

1909 г. Brown в связи с этим хочет видеть в социальной организации диери «комбинацию серии матрилинеальных тотемических групп с серией патрилинеальных тотемических групп». См. Brown, The social organization of Australian Tribes, Oceania, v. I, n° 2, 1930 г., стр. 221—222.

[1] W. Koppers, Die ethnologischen Wirtachaftsforsch., «Anthropos», 1915—1916 гг., H. 5-6, стр. 1069.

(«брак зиждется не только на инстинкте продолжения рода, но и на насущных хозяйственных потребностях») [1] и др. Ведь, именно на основании экономических соображений, на основании того, что брак пиррауру не представляет «экономической и социальной ячейки», Преображенский не считает возможным рассматривать его как брак вообще, а, следовательно, и как групповой брак. Парная же семья в противоположность этому понимается им как союз, имеющий экономическое и социальное содержание. Разве случайно, что такой адепт идеалистической этнографии, как Преображенский, в вопросах семейных отношений стоит на экономических позициях. [2]

Из экономических же отношений и, в частности, из полового разделения труда пытается вывести Турнвальд необходимость парной семьи на охотничье-собирательской стадии. «Из этого хозяйственно-культурного дополнения, — пишет он, — получается образование пар, которые выступают в форме моногамной тенденции у низших охотничьих собирательских племен». [3]

Экономические объяснения причин появления парной семьи неизбежно превращают ее в моногамную. «Моногамия, крепкая индивидуальная семья — старейшее и осязаемое естественное состояние человечества» [4] — такова последняя мудрость буржуазной науки. И необходимость этой моногамии объясняется производственными порядками первобытной эпохи, половым разделением труда, благодаря которому деятельность мужчины и женщины является «взаимным дополнением в производстве». [5]

Гроссе также непосредственно из экономических условий выводит необходимость существования обособленной патриархальной семьи у низших охотников. «На низшей ступени, — пишет он, — человек прокармливается охотой в обширном смысле слова и сбором растений. При этом первобытнейшем способе пропитания образуется и первобытнейший вид разделения труда между полами: мужчина берет на себя заботу о животной пище, а женщина — собирание корней и плодов. При таких отношениях центр тяжести хозяйственной деятельности падает почти всегда на мужчину, вследствие чего первобытная форма семьи везде носит общеизвестные черты патриархального строя». [6] С этой патриархальной парной семьей, как древнейшей формой семейных отношений, Гроссе связывает индивидуальную собственность, как первую форму собственности. «Сверх-

[1] Старке, Первобытная семья, стр. 160.

[2] П. Преображенский, Курс этнологии, стр. 123; он же, Об институте пиррауру, ТЭАМ I МГУ, 1927 г.

[3] R. Thurnwald, Nebenehe, Reallexikon der Vorgeschichte, т. 8, стр. 453.

[4] W. Schmidt, Familie, Handbuch der Staatswissenschaft, 1926 г., стр. 927.

[5] Там же, стр. 926.

[6] Гроссе, Происхождение искусства, М., 1899 г., стр. 35.

материализм» привел Гроссе к отрицанию первобытного коммунизма. К тому же привел он и Кунова.

Кунов пытался найти экономические причины существования парной семьи. «Этому соединению в отдельные пары, — писал он, — сильно благоприятствовало раннее разделение труда между мужем и женой, покоящееся на характере полов... Он [муж. *Е. К.*] нуждался в спутнице для дополнения своей собственной трудовой деятельности». [1] Кунов рассматривал парную семью как хозяйственную единицу и тем самым, как настоящий буржуа, модернизируя первобытное общество и по существу превращая парную семью в моногамную, отрицал существование первобытного коммунизма. По Кунову, производство первобытных народов по большей части индивидуальное, а «все то, что отдельное лицо приобретает... собственным трудом, — все это является не общей, а индивидуальной собственностью». [2] И только полной непоследовательностью можно объяснить то, что продолжатель Кунова Эйльдерман, отрицая существование группового брака и в своей крайней модернизации первобытного общества сводя все семейные формы и в частности парный брак к экономическим отношениям, все же стоит на точке зрения первобытного коммунизма. Эйльдерман считает, что «для равномерного вовлечения всех рабочих сил в производство коммунизм требовал также парного брака». [3]

Очевидно, что это «вовлечение всех рабочих сил в производство» путем парного брака может означать только оформление отдельных самостоятельных производственных ячеек, включающих в себя двух лиц — мужа и жену. Есть ли разница между обособленной семьей, как простейшим видом разделения труда, Гроссе, Кунова, Турнвальда, Шмидта и парным браком, как средством равномерного вовлечения рабочих сил в производство, Эйльдермана? Разница только в том, что и Гроссе, и Кунов, и Турнвальд, и Шмидт достаточно логичны для того, чтобы признать, что экономическое понимание сущности парной семьи противоречит теории первобытного коммунизма.

Этого, однако, не хочет заметить Каутский. Каутский противопоставляет имеющуюся у ряда первобытных племен добрачную половую свободу девушки значительно более строгому ограничению ее половой свободы после вступления в индивидуальный брак. Последнее, как указывает Каутский, нельзя объяснять из естественного предрасположения; ведь, ограничение половой жизни жены сосуществует с половой свободой еще не вышедшей замуж женщины. Чем же можно объяснить в таком случае оформление более или менее прочного единобрачия? «Я вижу, — пишет Каут-

[1] H. Cunow, Das Marxsche Geschichts, Gesellschafts- und Staatstheorie, т. II, стр. 114.

[2] Г. Кунов, Первобытный коммунизм, изд. «Пролетарий», 1926 г., стр. 29.

[3] Эйльдерман, Первобытный коммунизм и первобытная религия, 1930 г., стр. 67.

ский, — коренную причину возникновения урегулированного брака не в естественном расположении, а в хозяйственном, в разделении труда между мужчиной и женщиной». [1] «Чем больше продвигается, — так описывает Каутский процесс возникновения парной семьи, — разделение труда между мужчиной и женщиной, тем менее может одна часть обходиться без другой». [2] «Мужчина и женщина соединяются не только для совокупления, но и для добывания средств жизни». [3] А в результате: «Орда распадается на подразделения. Невозможно, чтобы все члены варили на одном очаге и спали в одном шалаше. Каждый очаг, каждый шалаш образует одно домашнее коммунистическое хозяйство». [4] И это «коммунистическое» домашнее хозяйство Каутским понимается прежде всего как объединение мужа и жены: «Объединение мужчины и женщины в одно домашнее хозяйство есть необходимое следствие разделения труда при получении пищи между мужем и женой, между обоими полами». [5] Каутский с тем же успехом мог бы назвать коммунистическим домашним хозяйством квартиру любого из немецких бюргеров.

Непосредственное экономическое объяснение парной семьи неизбежно превращает ее в моногамную и оказывается несовместимым с признанием первобытного коммунизма. Уже одного этого достаточно, чтобы разрушить довольно популярную легенду о том, что Каутский будто бы является защитником теории первобытного коммунизма. И далеко не случайно, что в своем понимании сущности парной семьи он приходит к тем же выводам, к каким пришел и откровенный противник теории первобытного коммунизма Генрих Кунов. Недаром с таким сочувствием цитирует Каутский единомышленника Кунова Мюллера-Лиэра: «Мюллер-Лиэр был прав, когда писал: «Во всяком случае брак не происходит из волшебства «романтической любви» (которая чужда первобытным народам), а из грубых потребностей хозяйства. Это выражение полового разделения труда». [6]

В борьбе с морганов ским и энгельсовским пониманием сущности синдиасмической, случайной или парной семьи буржуазная и псевдомарксистская наука (Старке, Гроссе, Вестермарк, Турнвальд, Шмидт, Мюллер-Лиэр, Кунов, Каутский и многие другие) стала на путь примитивного, вульгарного «экономизирования», являющегося оборотной стороной отрицания первобытного коммунизма.

[1] K. Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, 1927 г., т. I, стр. 321. Существование добрачной половой свободы наряду с индивидуальным браком в действительности является не чем иным, как одной из форм переживания былой общности женщин после появления парно-семейных отношений.

[2] Там же, стр. 323.

[3] Там же, стр. 323—324.

[4] Там же, стр. 324.

[5] Там же.

[6] Там же.

Однако от этого понимания парной семьи не оказались свободными и ряд советских исследователей, как, например, А. М. Золотарев в своей работе «Происхождение экзогамии» или С. П. Толстов в статье «Проблемы дородового общества». [1] «Парная семья австралийцев, — пишет, например, А. М. Золотарев, — покоясь на индивидуализированных стадиях охоты и собирательства, нигде не выступает как правовой субъект, т. е. как моногамная семья, характерная, по Энгельсу, для цивилизации». [2]

А. М. Золотарев не замечает, что, связывая появление австралийской парной семьи с индивидуализацией производства, он не только приходит к отрицанию первобытного коммунизма у австралийских туземцев (что, впрочем, вполне согласуется с его утверждением на стр. 45), но превращает в действительности свою «парную» семью в моногамную. И это несмотря на то, что в том же примечании он помещает цитату Энгельса о том, что все семейные формы первобытного коммунизма (в том числе и парная семья. *Е. К.*), в отличие от моногамии классовых формаций, покоятся не на экономических, а на естественных условиях.

Энгельс, как известно, стоял на точке зрения первобытного коммунизма, и именно поэтому он не рассматривал парную семью как экономическую единицу. «Парная семья, — писал он, — сама по себе слишком слабая и неустойчивая для того, чтобы вызвать потребность или только желание обзавестись собственным хозяйством, отнюдь не разрушает унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства». [3] Парная семья, по мнению Энгельса, — это «последнее слово» постепенного суживания брачного круга, это все, что мог сделать естественный отбор «путем все далее идущих изъятий из брачного общения».

То, что Энгельс не рассматривал парную семью как хозяйственную единицу, неизбежно вытекает из того, что он вообще не считал возможным непосредственно экономически объяснять развитие семейно-брачных отношений первобытного общества.

И, наоборот, куновское понимание парной семьи как самостоятельной хозяйственной ячейки связано с его стремлением находить такое же экономическое обоснование семейным формам первобытного коммунизма, как феодальным и капиталистическим.

Выше уже было прослежено, что по вопросу о понимании первого

[1] С. П. Толстов, Проблемы дородового общества, «Советская Этнография», № 3—4 за 1931 г.: «Производственное обособление индивидуального производителя обусловливает возникновение парной семьи, как основной общественной единицы».

[2] А. М. Золотарев, Происхождение экзогамии, Известия ГАИМК, т. IX, в. 2—4, стр. 39, прим. 8.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 48.

предисловия Энгельса к «Происхождению семьи» в довоенной социал-демократии существовало два направления: направление «экономического материализма» (Кунов, Плеханов) и направление «просто материализма», или диалектического материализма (Ленин и с известным ограничением Люксембург, которая, хотя и не всегда достаточно последовательно, шла за Лениным в этом вопросе). Разногласия в оценке предисловия Энгельса являлись вместе с тем и разногласиями в понимании самого доклассового общества, как первобытно-коммунистического. Куновское, а, следовательно, и плехановское «экономизирование», как и «экономизирование» Гроссе, Копперса и ряда других буржуазных ученых, неизбежно ведет к отрицанию первобытного коммунизма.

Вопрос о сущности парной семьи приобретает, таким образом, первостепенное практическое и принципиальное значение. С правильным разрешением его связан и анализ общественных порядков всех современных первобытных народов и общее представление о характере движущих сил развития семейно-брачных отношений архаической формации. Энгельсовское положение о том, что парная семья покоится не на экономических, а на естественных условиях, что она слишком слаба и неустойчива для того, чтобы разрушить коллективные формы хозяйствования, подтверждается всем известным нам фактическим материалом. Ведь, основной экономической единицей первобытного общества была община, локальная группа, иногда род, коммунистическое домашнее хозяйство. А обе составных части парной семьи — муж и жена — всегда принадлежат к различным родам, различным коммунистическим домашним хозяйствам, а иногда и различным общинам. И, находясь в парном браке, муж и жена экономически неизмеримо сильнее связаны со своими родами, со своими коммунистическими домашними хозяйствами, со своими общинами, чем друг с другом.[1] Быть может, наиболее ярко положение это выступает в случаях так называемого «дислокального брака». Семейная жизнь малайцев Менанкабаи, например, описывается исследователями следующим образом: после свадьбы как муж, так и жена продолжают жить в домах своих родителей; брак, следовательно, здесь не приводит к совместному обитанию супругов; первое время муж через день приходит в дом своей жены, работает вместе с ней в поле и разделяет с ней трапезу. Впоследствии муж постепенно прекращает свои дневные посещения и бывает у своей жены только по ночам.[2] «Во время брачной

[1] «При родовом строе семья никогда не была и не могла быть организационным единством, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам». Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 101, перев. исправлен по цит. немецкому изданию, стр. 95.

[2] Одно из наиболее ранних описаний этого брака см., напр., у Waitz, Anthropologie der Naturvölker, Leipz., 1865 г., V, стр. 144.

жизни, — пишет Лафито о гуронах и ирокезах, — супруги никогда не покидают своей семьи и жилищ, чтобы основать для себя семью или дом. Каждый остается в своем собственном доме, и дети, происходящие от брака и принадлежащие женам, причисляются к дому и семье матери, а не отца. Но имущество мужа не достается дому жены, которому он сам является посторонним, — в доме жены наследуют только дочери, между тем как сыновьям доставляется лишь одно пропитание»[1]. Вообще, случаи дислокального брака значительно более частое явление, чем это обычно кажется. У бакаири брак для всех мужчин, кроме глав коммунистических домашних хозяйств, матрилокален. Это стало бесспорным после того, как Макс Шмидт с полной точностью установил состав каждого большого дома одной из общин бакаири. В изученной им общине было четыре дома. В трех из них жены глав домашних коммунистических хозяйств, в отличие от прочих женщин, переселились в дом своих мужей. Но в четвертом доме вождь, хотя и женат, но жена его жила, по крайней мере в то время, когда был исследователь, не с ним, а в другом поселении, в доме своих родителей.[2] Мужчины у бакаири в условиях матриархального брака также далеко не все время живут в хижине своей жены. Ведь, мужчина, как отмечает Макс Шмидт, в одно и то же время имеет несколько жен и обычно не на одном и том же месте. Вполне можно без нарушения хороших отношений с родственниками первой жены взять в соседнем месте другую жену. Если муж, — свидетельствует Шмидт, — хочет для разнообразия посетить другую жену, то он идет обычно даже в сопровождении первой жены или ее родственников. Аналогичные отношения засвидетельствованы у племен береговых и островных карибов. «Установлено, — писал Бретон, — что часть дикарей имеет несколько жен, и если тем не менее имеются незамужние женщины, то это происходит оттого, что большинство имеет только одну жену (хотя среди них имеются единичные исключения, которые имеют две) на одном месте или двух. Случается очень часто (если они находятся на другом острове, куда они своих жен не могут брать с собой), что они берут новых на то время, которое там собираются проводить. Я никогда не видел, что две женщины вместе с одним мужчиной ели, или спали, или одновременно ездили в кану». «Есть обычай, что женщина, если она один месяц проживет у своего супруга, отстраняется и уступает место другой; тем не менее иногда имеет место, что муж весь год живет вместе с другой, покидая ту, которую он себе выбрал... Я видел, между тем, вождя, который оповещал своих зятей, чтобы они посетили своих жен; в противном случае он

[1] Lafiteau, Moeurs des sauvages américains, comparées aux moeurs des premiers temps, I, стр. 72.

[2] M. Schmidt, Indianerstudien in Zentralbrasilien, стр. 437—438.

может их передать другим, что тоже иной раз и имеет место». [1] Что является здесь хозяйственной единицей — это легко расторжимая, слабая и неустойчивая парная семья, иногда совершенно без совместного обитания супругов, иногда лишь с временным совместным обитанием последних, или коммунистическое домашнее хозяйство, ядром которого является группа женщин и их кровных родственников, с которыми они не могут вступать в брак? Несомненно, последнее. Но на основе чего, в таком случае, сложилась, например, у ирокезов или бакаири в условиях настоящего, еще далеко не разложившегося первобытного коммунизма парная семья? Ключ к разрешению этого вопроса лежит только на том пути, который указал Энгельс в «Происхождении семьи».

«Жена,— пишет Паркинсон о племенах Новой Британии, — остается после заключения брака всегда еще членом своей семьи, в которую она опять возвращается после смерти мужа. Также и при жизни мужа она часто возвращается к своей семье и живет там более или менее продолжительное время». [2] «Иногда, — сообщает о папуасах Гаген, — жена [после свадьбы. *Е. К.*] остается жить в своей родной деревне, в то время как муж возвращается в свою деревню, где у него, может быть, также живет жена». [3]

Обладание несколькими женами в различных деревнях, исключающее возможность сколько-нибудь крепких экономических связей между мужем и домохозяйством жены, следует рассматривать как одну из форм дислокального брака. И, например, не что иное как одну из форм дислокального брака выражает положение вещей у семангов, где, согласно Шебеста, «мужчина может иметь несколько жен — одну в одном лагере, другую в другом». [4]

В № 3-4 «Сообщений ГАИМК» за 1932 год М. О. Косвен изложил результаты исследований английского этнографа Форчюна на острове Добу (Меланезия). На острове Добу супружеская пара не имеет постоянного места жительства. Один сезон супруги живут в поселении родителей мужа, принимают участие в хозяйстве рода мужа, другой сезон они переселяются в поселок родителей жены и работают с ее родственниками. Помимо этого, семья эта чрезвычайно неустойчива, и разводы нормальное явление. «Производственная база такой семьи, — справедливо замечает М. О. Косвен, — столь неопределенна и непрочна, что о постоянной семье здесь говорить, очевидно, не приходится. Это хорошо сознает автор и не решается поэтому в своей книге употреблять безоговорочно термин

[1] Цит. по Kirchoff, Die Verwandtschaftsorganization der Urwaldstämme Südamerikas, ZfE, 1931 г., H. 3/4, стр. 138—139; см. также стр. 135—136.

[2] Parkinson, Dreissig Jahre in der Südsee, т. I, стр. 62.

[3] Hagen, Unter den Papuas, стр. 243.

[4] Schebesta, Gesellschaft und Familie bei den Semang auf Malakka. «Anthropos», 1928 г., тетр. I, 2, стр. 238.

«семья», а называет описываемую им форму либо «биологической семьей», либо предложенным им термином marital grouping. В предисловии к книге Форчюна профессор Б. Малиновский, в настоящее время самый «модный» английский «этнолог», давая весьма похвальную оценку работе молодого этнографа, старается, конечно, замазать социологическое значение его открытия и пытается подчеркнуть положительные признаки существования семьи у добуанцев, протестуя против введенного Форчюном нового термина». [1] Последнее замечание М. О. Косвена особенно интересно. Почему Малиновский, «конечно», старается замазать социологическое значение открытий Форчюна? Очевидно, потому, что положение вещей на острове Добу неоспоримо свидетельствует о том, что не парная семья была экономической единицей первобытного общества, и о том, что «производственная база такой семьи столь неопределенна и непрочна, что о постоянной семье здесь говорить, конечно, не приходится».

Вполне вероятно, что приведенные лишь в качестве примера формы дислокального и билокального брака суть не что иное, как переходные этапы от матрилокальности к патрилокальности, но, как бы то ни было, сама возможность существования подобных брачных отношений говорит о том, что подходить к семейным формам первобытного коммунизма с обычным для некоторых кругов буржуазной науки «экономическим» шаблоном, конечно, не приходится.

Но и в том случае, когда окончательно установилась та или иная форма локальности брака, парная семья не приобретает самостоятельного экономического значения. Входящие в ее состав супруги продолжают нередко оставаться экономически более связанными со своими общинами, коммунистическими домашними хозяйствами или родами, чем друг с другом, и во всяком случае не образуют индивидуального семейного хозяйства.

«Пожилые мужчины, — говорит Кубари, — описывая жизнь туземцев Каролинских островов, берущие себе жену из какого-либо другого племени, должны оставаться у них и обрабатывать принадлежащую им землю. Но, кроме того, они владеют собственной землей на родине, продукты с которой они по большей части отдают в семью жены». [2] На островах Торресского пролива муж «часто... обрабатывает землю на двух различных островах» [3] — в общине своих родителей и в общине родителей своей жены. Эта форма семейной жизни в известной степени близка «било-

[1] М. О. Косвен, Вновь открытая форма брака, СГАИМК, № 3-4, 1932 г.

[2] См. Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg, 1878—1879 гг., стр. 261.

[3] A. Thilenius, Haddons Forschung auf den Inseln Toresstrasse, «Globus», 1902 г., стр. 331.

кальному браку». Она снова говорит о том, что оформлению парно-семейных объединений не адекватно соответствующее расщепление производственного коллектива. Мало того, в известном смысле можно сказать, что экономические связи находятся в противоречии с семейными.

На острове Фиджи, вступая в брак и переселяясь к мужу, женщина получает нередко в качестве «приданого» участок земли из владений связанного с ней домохозяйства. После смерти мужа, если она не выходит замуж за кого-либо из родственников последнего и возвращается в дом своих родителей, право пользования этим участком снова переходит к ее семье.

И после выхода замуж, даже в условиях патрилокального брака остаются у женщины острова Тумлео все плодовые деревья, которые она раньше имела в своем алоле, ее «личной собственностью». [1] У папуасов Новой Гвинеи (бывшая Земля имп. Вильгельма), тоже при патрилокальном браке, «каждый, кто через свою мать считает определенное село своей родиной, считается собственником земельных владений» [2] последнего. У племени массим британской Новой Гвинеи как муж, так и жена ничего не получают после смерти друг друга. Земельные участки, которые обрабатывала женщина, переходят к ее детям, земельные участки, которые обрабатывал мужчина, переходят к его племянникам, детям его сестер, к их сыновьям и дочерям, причем, как замечает Зелигман, все они получают равные доли. [3] Иными словами, — именно так надо понимать все подобные сообщения,— имущество данной парной семьи распределяется по родам или общинам, к которым принадлежат супруги, — хозяйственной и имущественной единицей является группа, но отнюдь не парная семья. «Между мужем и женой, — как говорит Кригер, — нет общности имуществ. Жене и при жизни мужа наследуют ее дочери и родственники со стороны матери». [4] «Общность имуществ, — пишет Вирц о племени маринд-аним голландской Новой Гвинеи, — между супругами существует только в отношении права пользования совместно заложенными плантациями. Все, что женщина приносит с собой в брак, остается ее собственностью, которою она свободно распоряжается и сохраняет при разводе. Это же относится и к собственности мужа... жена без согласия мужа не может наложить руку на заложенную им плантацию; другое дело, если они заложили ее сообща, но и в этом случае, при употреблении продуктов плантации, супруги должны ставить об этом друг друга в известность. Если умирает жена, то ее плантации, которые она имела до

[1] M. Erdweg, Die Bewohner der Insel Tumleo. Berlinhafen. Deutsch-Neu-Guinea, Mitteil. d. Anthropologischen Ges. in Wien, т. XXXII, стр. 387.

[2] Krieger, Neu-Guinea, стр. 195.

[3] Seligman, The Melanesian of British-New-Guinea, стр. 521—525.

[4] Krieger, цит. соч., стр. 198, ср. Hagen, цит. соч., стр. 226.

брака, переходят к ее семье [род маринд-аним патрилинеален. *Е. К.*], во владение ее сагвами и кокосовыми пальмами вступают ее братья и их дети и ее дяди со стороны отца; следовательно, имущество всегда остается в пределах одного и того же рода». [1] Сообщения различных путешественников и исследователей об отсутствии общности имущества между супругами объясняются тем, что, соединяясь в парном браке, муж и жена не образуют хозяйственной единицы, а тяготеют к различным экономическим объединениям. Именно этим объясняются [2] сообщения Турнвальда по поводу папуасов («каждый из супругов лично владеет тем, что посадил»),[3] по поводу меланезийцев («муж не распоряжается собственностью жены»),[4] сообщение Эйльмана об австралийцах («даже между супругами не существует резко выраженной общности в обладании материальными благами, а именно, предметы, которыми пользуются муж или жена, рассматриваются как чисто индивидуальная собственность. Я часто замечал это, наблюдая обмен украшениями, орудиями для копания земли и пр. подобными предметами»), [5] аналогичное сообщение об австралийцах Кёрра («наблюдателя поражает то обстоятельство, что хотя жена и представляет собой собственность мужа, она все-таки у многих племен имеет неоспоримое право собственности на корзины, украшения и проч., которые она сама приготовила или приобрела. Я часто видел, как женщина отдавала подобные вещи, и я слышал, как мужья просили у своих жен разрешения вынуть что-нибудь из их плетеных корзинок»), [6] сообщения целого ряда путешественников, что, например, «в сингалезском браке не существует общности имуществ», [7] и многие другие. Сам Кунов в своей «Всеобщей истории хозяйства» приводит аналогичные свидетельства еще по отношению к следующим племенам: негритосам Малайского полуострова, [8] калифорнийцам, [9] чинукам, [10] тлинкитам, гайда [11] и шошонам. [12]

[1] Wirz, Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea, т. I, стр. 77.

[2] То, что это не может быть объяснено только половым разделением труда, ясно из того, что отсутствие общности имущества между мужем и женой дополняется именно наличием такой общности между женой и членами ее рода, между мужем и членами его рода.

[3] R. Thurnwald, Die Entstehung von Staat und Familie, стр. 4.

[4] R. Thurnwald, Das Rechtsleben der Eingeborenen der deutschen Südsee Insel, Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkwirtschaftslehre, 1910 г., 5, 6, стр. 186.

[5] Eylmann, Die Eingeborenen der Kolonie Südaustraliens, стр. 191.

[6] Цит. у Кунова, Всеобщая история хозяйства, т. I, стр. 51.

[7] См., напр., Старке, Первобытная семья, стр. 102.

[8] Кунов, Всеобщая история хозяйства, стр. 96.

[9] Там же, стр. 118.

[10] Там же, стр. 127.

[11] Там же, стр. 147.

[12] Там же, стр. 158. Приданое супруги нередко не переходит во владение мужа,

«В отношении принадлежащих ей вещей женщина имеет право отчуждения и распоряжения ими; за все сделанные женщиной долги отвечает ее род (Sippe — в данном случае речь идет скорее о коммунистическом домашнем хозяйстве). Если долги жены заплатит ее муж, то род его жены возмещает ему затраченные суммы» [1] — так пишет Бургер об обитателях полуострова Газели острова Новая Британия. Паркинсон рассказывает о них следующее: муж и жена совершенно независимо друг от друга владеют раковинными деньгами, причем муж сохраняет их в общественной кладовой своего поселка, а жена — своего. Любопытно, что на островах Адмиралтейства жена в случае нужды дает своему супругу свои раковинные деньги, рассматривая это как ссуду, т. е. за установленные проценты. [2] Кража женой раковинных денег мужа является достаточным поводом для развода. [3]

Все вышеприведенные факты (количество их легко было бы увеличить), выбранные из описаний жизни первобытных народов в различных местах земного шара, стоящих на различных стадиях первобытного коммунизма, говорят об одном: экономическое понимание сущности парной семьи противоречит фактам. Они говорят, следовательно, и о том, что подходить к семейным формам доклассового общества с обычным «экономическим шаблоном» не приходится. Они говорят, наконец, о том, что парная семья слишком слаба и неустойчива, чтобы разрушить унаследованное от более раннего периода коммунистическое домашнее хозяйство. Слабость и неустойчивость парной семьи выражается и в том, что частые, порой, с точки зрения европейца, почти необоснованные разводы — нормальное явление у многих первобытных племен. «Если муж плохо обращается с женой, она убегает от него к своим родителям»,[4] пишет, например, Турнвальд о меланезийцах. «Развод у бакаири, — говорит Штейнен, — происходит без всяких церемоний, даже если он мужу не

а остается в собственности женщины, на которую муж имеет только известное право пользования. Это особенно ясно в обычаях кенаев. Там, где мужчина имеет несколько жен, каждая со своим, принесенным ею имуществом ведет свое особое хозяйство, и каждой жене принадлежит все то, что она сама получила во время брака. Если она не может ужиться со своим супругом и оставляет его вместе со своими детьми, он должен выдать ей полностью ее имущество. «Женщина совершенная собственница, — пишет Врангель, — ей принадлежащих и ею приобретенных вещей. И нередко имеет место, что муж у нее должен их скупать; если он имеет несколько жен, то каждая владеет своим собственным хозяйством, к которому не могут касаться другие жены и члены семьи» (Wrangel, Statistysche und ethnographische Nachrichten über russischen Besitzungen an des Nordwestküste von Amerika, стр. 105).

[1] Burger, Die Küsten-und Bergvölker der Gazellehalbinsel, Stuttgart, 1913 г. стр. 28.

[2] Parkinson, Dreissig Jahre in Südsee, стр. 68—69, 394.

[3] Pfeil, Studien und Beobachtungen in der Südsee, стр. 30.

[4] Thurnwald, Ermittelungen über Ungeborenenrechte der Südsee, Zeitschr. für vergleichende Rechtswissenschaft, 1910 г., стр. 341.

ним Ленина: «Это чисто-буржуазная идея: раздробленные мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме: они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы». [1]

Отрицание группового брака — неизбежный вывод из куновского «экономизирования» семейных отношений, являющегося одной из форм модернизации доклассового общества. Однако, отказываясь от признания стадии группового брака, Кунов должен был взять на себя обязанность как-то объяснить возникновение и развитие классифицирующих систем родства, обязанных, с точки зрения Моргана и Энгельса, именно групповому браку своим происхождением. И Кунов выдвигает свою теорию развития брачных отношений и номенклатур родства. [2] Вкратце разберем ее.

В связи с возрастным разделением труда члены еще эндогамной орды разбились на ряд возрастных слоев — юношей, взрослых и стариков. «Первый большой прогресс, — говорит Кунов, — в истории семьи состоит в том, что отменено, т. е. запрещено, половое общение между только что очерченными возрастными ступенями или слоями поколений». [3]

Вступать в брак стало разрешено только в пределах собственного возрастного слоя. Из этих запретов вступать в брак Кунов пытался вывести и происхождение экзогамии. С одной стороны, женщин того же слоя, как и мужчин, в каждой данной орде оказывалось очень немного, а с другой — женщины, взятые из чужой орды, оказывались в гораздо большем подчинении у своего похитителя, чем женщины его собственной орды. Эти два момента в связи с хозяйственной ценностью женщины, как рабочей силы, привели, по мнению Кунова, в конце концов к появлению локальной экзогамии.

Представим себе, — говорит дальше Кунов, — две экзогамных орды, связанных между собою обменом женщины. Мужчина среднего поколения орды

[1] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., т. I, стр. 73.

[2] Наша критика коснется только одной стороны куновской борьбы с энгельсовским объяснением происхождения систем родства.

[3] Г. Кунов. О происхождении брака и семьи, стр. 600. Одной из ошибок Кунова является отождествление «возрастных ступеней» с «слоями поколений». Приведенные нами ниже факты покажут, во-первых, что возраст не играет никакой роли в брачных отношениях первобытных племен. Далее они покажут, что и различие поколений отнюдь не всегда является препятствием к браку. Тот факт, что в последнем случае системы родства связаны не с поколениями, а с брачными нормами, что, следовательно, и лица различных поколений могут получать одно наименование, — лишнее доказательство неправильности понимания систем родства как классификации возрастов или поколений. Различие поколений лишь постольку отразилось в системах родства, поскольку с ним были связаны брачные отношения.

А может брать в жены только женщину орды В того же поколения. В связи с этим он должен отделить в номенклатурах родства своих сестер, т. е. женщин его возрастного слоя орды А, и своих жен, т. е. женщин соответствующего возрастного слоя орды В. Точно так же возникает потребность в появлении нового наименования для братьев его жены, т. е. мужчин соответствующего возрастного слоя орды В, в отличие от братьев, т. е. мужчин соответствующего возрастного слоя орды А. Соответственно с этим, в более старшем возрастном классе сестры отца, т. е. женщины более старшего слоя орды А, должны быть отделены от матерей, т. е. женщин более старшего слоя орды В, и братья матери, т. е. мужчины более старшего слоя орды В, должны иначе именоваться, чем отцы, т. е. мужчины более старшего возрастного слоя орды А. В более младшем слое дети сестер, как члены орды В, должны получить иное название, чем дети братьев и собственные дети, как члены орды А.

Такова гипотеза Кунова. Если Морган и Энгельс полагали, что после запрещения браков между детьми и родителями дальнейший прогресс сужения брачного круга «совершался постепенно, начавшись, вероятно, с исключения из полового общения единоутробных братьев и сестер... и кончая запрещением брака даже в боковых линиях», [1] то по Кунову экзогамия возникла сразу, как экзогамия локальная, и была вызвана интересами эксплуатации женщины, как рабочей силы, и недостатком женщин внутри собственной орды при запрете браков вне собственного возрастного класса. [2]

Если Морган и Энгельс объясняли возникновение таких систем родства, при которых матерями, помимо собственной матери, назывались все сестры последней, а сестры отца назывались тетками, и отцами, помимо родного отца, назывались все братья последнего, а братья матери назывались дядями, из условий брака группы сестер с группой мужчин, которые не могли быть их братьями, и группы братьев с группой женщин, которые не могли быть их сестрами, то Кунов считал, что названия отца и братьев отца, во-первых, и матери и сестер матери, во-вторых, относились к мужчинам и женщинам соответствующего возрастного слоя собственной орды, что названия сестер отца, во-первых, и братьев матери, во-вторых, относились к мужчинам и женщинам соответствующего возрастного класса чужой экзогамной орды.

Разница морганов ских и энгельсовских установок с одной стороны и куновских с другой — очевидна. Кто прав? — этот вопрос неизбежен. Внимательный читатель легко может увидеть, что расхождение Энгельса и Кунова и в данном вопросе есть лишь частный случай борьбы «эконо-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 38.

[2] Неправильность куновского представления о взаимоотношении мужчин и женщин в первобытном обществе будет показана ниже.

мического материализма» Кунова с диалектическим материализмом Энгельса. Итак, кто прав? Что говорят факты? Ясно, что в основе куновского понимания и происхождения экзогамии и появления классифицирующих систем родства лежит предположение, что первый большой прогресс в истории семьи состоит в запрещении брака вне собственного возрастного слоя. Ведь, именно этим он объясняет недостаток женщин в собственной орде, приведший, по его мнению, к возникновению локальной экзогамии. Ведь, если можно было бы вступать в брак вне собственного возрастного слоя, то почему среди мужчин чужой орды нужно было бы отличать братьев матери от братьев жены или среды женщин чужой орды сестер отца от сестер жены, т. е. жен? С точки зрения Кунова, это было бы необъяснимо. Повторяем, предположение о запрете браков вне своего возрастного класса основа всех разбираемых построений Кунова. Но все дело в том и заключается, что именно это предположение не соответствует действительности. [1]

У диери, одного из наиболее первобытных австралийских племен, существуют сложные брачные порядки. Важно подчеркнуть лишь одну их особенность: дети братьев и сестер являются kami друг другу и не могут вступать в брак между собой. Напротив, дети детей братьев и сестер являются noa, т. е. потенциальными супругами друг друга, и в частности — я, мужчина, имею в качестве возможной жены дочь дочери братьев матери моей матери и дочь дочери сестер отца моей матери; я, женщина, имею в качестве возможного мужа сына дочери братьев матери моей матери и сына дочери сестер отца моей матери. «Отношение у диери kami, — пишет Гоуитт, — отдаляет могущие вступать в брак группы одним уровнем поколений». [2] «Внуки отдаляются на уровень поколения, которое соответствует их дедам и бабкам». [3] Но если дочь мужчины имеет дочь и если он сам имеет младшего брата, то последний может стать вполне законным мужем его внучки. Такого рода брачные отношения, распространенные у диери и приводящие к браку с внучкой брата, носят название nadada-noa.

Таким образом, мужчина, которого Кунов причислил бы к старшему возрастному слою, вступает в брак с женщиной, согласно его построению, младшего возрастного слоя. Уже этот факт сам по себе находится в непримиримом противоречии с куновской гипотезой. Тем более, что он далеко не единичен. В числе приведенных Эйльманом брачных правил диери имеются следующие: «III. Дядя может иметь половые сношения со своей племянницей, дочерью своего брата, но не с дочерью своей се-

[1] Несколько верных замечаний по этому поводу см. у А. М. Золотарева, указ. соч., стр. 58, примечание.

[2] Howitt, The native tribes, стр. 180.

[3] Там же, стр. 181.

стры... V. Племянник может иметь половые сношения с теткой со стороны отца, но не с теткой со стороны матери». [1] Мы снова имеем налицо факт, противоречащий, более того — опровергающий куновское построение.

Турнвальд следующим образом суммирует известные нам факты о браках между различными возрастными слоями: «Принятые австралийцами брачные обычаи ведут в отношении возраста супругов к очень достопримечательным отношениям, — говорит Кёрр, — ибо обычно встречаются во владении старых мужчин женщины, которые почти дети, в то время как мужчины в расцвете лет должны довольствоваться старыми вдовами... часто различие возрастов между супругами достигает 20 и больше лет, и иной раз ребенок восьми лет — жена пятидесятилетнего. Гоуитт и также Стрелов обосновывали этот обычай воззрением древних, что более молодые мужчины должны ждать, пока у них не вырастет большая борода или пока не покажутся первые седые волосы... Мэтью сообщил, что иногда ребенок 12 лет становится женой шестидесятилетнего мужчины. И Спенсер и Гилен рассказывают о центральных племенах, что у них супруг обычно одного возраста с матерью своей более юной жены. Подобные соотношения лежат в основе сложной брачной системы людей бонаро Новой Гвинеи. Подобные наблюдения дает также Южная Америка— Паранатинга и бразильские тупи. Даже в обычаях более высоко стоящих народов здесь и там этот обычай кажется сохраняющимся, как, например, у науру». [2] Описывая жизнь обитателей Квинсленда, Мьоберг сообщает: глубокому старику нередко назначают в жену молодую девушку. [3] Перечисляя формы родственных браков у лесных племен Южной Америки, Кирхов отмечает среди них, между прочим, следующие типы:

2. С вдовой отца.
3. С вдовой сына.
4. С вдовой брата матери... [4]
6. С дочерью жены.
7. С дочерью сестры жены.
8. С дочерью сестры. [5]

[1] Eylmann, ук. соч., стр. 135—136.

[2] Thurnwald, Ehe, Reallexikon der Vorgeschichte, стр. 15.

[3] Mjoberg, Beiträge zur Kenntnis der Eingeborenen New Queensland, Archiv für Anthropologie, 1925 г., тетр. II—IV, стр. 113.

[4] Этот брак практикуется нередко в Меланезии, Африке, на северо-западном берегу Сев. Америки. В Меланезии же встречается брак с сестрой отца, в Калифорнии, южной Африке и Чили — брак с дочерью брата жены. Риверс перечисляет следующие формы брака, наличные у ряда первобытных племен: брак с дочерью брата, внучкой брата, женой брата матери или сестрой отца, дочерью дочери, дочерью сына сестры (Rivers, Social organization, стр. 38).

[5] P. Kirchoff, Verwandtschaftsbezeichnungen und Verwandtenheirat, ZfE, 1932 г., тетр. 1—3, стр. 56.

Недаром Штейнен писал, что «в области Паранатинги мы заметили, что у пожилых мужчин были молодые жены, а у молодых мужчин — пожилые», [1] а Quevedo отмечал, что у тупи «старые мужчины имели юных жен, а юные мужчины — старых жен». [2]

«Вопреки высказанным в недавнее время мнениям, — пишет Штернберг, очевидно, подразумевая авторов типа Кунова, — что классификаторская система родства представляет одну только номенклатуру возрастов, я могу засвидетельствовать, после долгих годов наблюдений, что у гиляков номенклатура эта, основанная на строгом исчислении степеней родства, *вполне соответствует* нормам полового общения. *Возраст не играет никакой роли*: в одном и том же классе сплошь и рядом числятся глубокие старики и юные подростки». [3]

Что остается после всего этого от куновского запрета браков вне своего возрастного класса?

Однако разбираемая ошибка Кунова поучительна в двух отношениях. Во-первых, что толкнуло Кунова на эту явную фальсификацию первобытной истории? Необходимость показать, что классифицирующие системы родства произошли не из условий группового брака, расчистить путь для отрицания былого существования стадии доиндивидуальных брачных отношений и тем самым утвердить тезис о первоначальности понимаемой как экономическая единица парной семьи, т. е. моногамии. А, во-вторых, та неудача, которая постигла куновскую попытку объяснить происхождение классифицирующих систем родства не из условий группового брака, неизбежно постигнет всякого, кто пожелает последовать за ним. [4] Совершенно прав Штернберг в своем утверждении, базирующемся на многолетнем изучении гиляков: номенклатура эта, осно-

[1] Steinen, ук. соч., стр. 286.

[2] Quevedo, Guorani Kinship terms. Americ. Anthrp., 1919 г., стр. 422.

[3] Штернберг, Гиляки, цит. изд., стр. 23.

[4] Между тем, стремясь оторвать систему родства от брачных отношений, Кунов и, как увидим позднее, Каутский только выражали тенденцию, господствующую в буржуазной этнографии послемогановского периода (Мак-Леннан, Пешель, Старке, Вестермарк, Томас, Крубер, Лоуи и мн. др.). Пешель, напр., разбирая системы родства, писал, что «в данном случае требуется обозначить не степень кровного родства, а последовательность колен и вместе с тем степень почета в семье; с этими степенями связаны важные последствия в семейном быту, а именно высший почет, которым пользуются родители, и, что еще вероятнее, более строгие или более слабые обязанности относительно кровной мести» (Пешель, Народоведение, изд. 1890 г., стр. 236). Старке пытался доказать, что система родства выражает лишь юридические отношения между членами племени, а Вестермарк связывал их с отношениями пола и возраста, социального или внешнего родства. Эти первые антиморганисты высказали тем самым все основные аргументы, с которыми и посейчас выступает буржуазная, и социал-фашистская в том числе, наука в борьбе с мограновским и энгельсовским объяснением возникновения систем родства.

ванная на строгом исчислении степеней родства, «*вполне соответствует*» нормам полового общения. Недаром, согласно сообщениям Стюарта, у племен на Моунт Гамбир (Австралия) брат отца называется термином, означающим «другой отец», в том только случае, если он имеет половые сношения с женой своего брата, т. е. с матерью говорящего. Если же брат отца почему-либо не воспользовался своим правом иметь половые сношения со своей невесткой, он будет называться своим племянником не отцом, а особым термином родства — «дядей». Трудно привести более убедительное подтверждение того, что постепенное изменение классифицирующей системы родства в направлении приближения ее к описательной является отражением перехода от группового брака к парносемейным отношениям и что сама классифицирующая система родства может быть объяснена только из условий доиндивидуальных брачных отношений. У диери младшая сестра матери, пока она еще не вступила в брак, называется особым термином родства, после выхода замуж она начинает обозначаться так же, как мать. Снова — доказательство зависимости номенклатур родства от реальных семейных отношений. Сестра моей матери, пока она еще не вышла замуж, не может являться женой моего отца и, следовательно, моей мачехой, respective матерью. Когда же она вступает в брак, то мужем ее вполне может стать мой отец (вспомним нередкий в Австралии обычай сорората) и, следовательно, она может оказаться моей мачехой и получить такое же наименование, как и моя мать.

У племен караибов и аруаков Южной Америки тесть называется так же, как брат матери, теща так же, как тетка (вероятно, со стороны отца), зять так же, как племянник, и невестка — как племянница. Подобный перенос терминов кровного родства на обозначение свойственников — явление, весьма частое у многих первобытных племен. У австралийцев нередко тесть называется братом матери, теща — сестрой отца и, как замечает Максимов, «особенно часто распространяются на зятьев и снох названия, даваемые племянникам и племянницам». [1] О приравнивании «отца мужа к дяде и матери мужа к тетке» [2] у жителей Буина пишет Колер. У обитателей средней части Нового Мекленбурга тетка со стороны отца называется так же, как жена дяди со стороны матери, и дядя со стороны матери носит такое же название, как муж тетки со стороны отца. [3] В Индии термины, которые употребляются для братьев и сестер жены,

[1] Максимов, Системы родства у австралийцев, «Этнограф. Обозр.», 1912, № 1—2, стр. 92.

[2] Kohler, Ueber die Verwandtschaftsnamen der Bewohner des Buin, Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 1910 г., т. 23, стр. 368.

[3] Reckel, Verwandtschaftsnamen der mittleren N.-Mecklenburg, «Anthropos», 1908 г.

служат для обозначения детей брата матери и детей сестры отца.[1] Нередко брат матери, муж сестры отца и тесть с одной стороны, сестра отца, жена брата матери и теща с другой — называются одним словом. Чем объясняются эти совпадения номенклатуры родственников и свойственников? Если стоять на точке зрения Моргана — Энгельса и видеть в номенклатурах родства отвержение реальных брачных отношений, то следует допустить, что у названных племен дочь брата матери или сестры отца, т. е. кросс-кузина, одновременно является женой. Тогда стало бы ясным, почему дядя по матери называется так же, как тесть, тетка по отцу — как теща, а братья жены — как дети брата матери или сестры отца, т. е. как двоюродные братья. И на самом деле у всех этих племен имеет место широкое распространение так называемого кросс-кузенного брака — брака с дочерью дяди по матери или тетки по отцу. Однако у племен, живущих по соседству с караибами и аруками, — племен тукано (Южная Америка), — если брат матери называется hipalime, то тесть носит название hiuake, и если сестра отца называется hipako, то теща обозначается hiuako. И в полном соответствии с номенклатурой родства племя тукано выделяется среди своих соседей именно отсутствием кросс-кузенного брака.[2] Можно ли сомневаться после всего сказанного в том, что системы родства отражают реальные брачные отношения и «вполне соответствуют нормам полового общения». А если это так, то можно ли сомневаться в былом существовании стадии группового брака? И, наконец, можно ли сомневаться в том, что в куновских построениях имеется прямая фальсификация истории первобытного общества.

4. Групповой брак и проблема ревности

В борьбе против теории группового брака объединяются оба фланга теоретического меньшевизма: Кунов с одной стороны и Каутский с другой. Именно — «с одной стороны и с другой стороны». Кунов и Каутский по вопросу о сущности семейных отношений в первобытном обществе, стоя на различных исходных позициях, приходят, тем не менее, к одному и тому же выводу. Как «экономизирование» Кунова, так и «биологизирование» Каутского преследуют одну цель — доказать извечность существования моногамной семьи.

Известно уже, что принцип естественного отбора, проявляющийся в естественно выросшем стремлении воспрепятствовать кровосмешению, был, по мнению Энгельса, непосредственной движущей силой процесса постепенного сужения брачного круга.

[1] Ghurke, Govind Dual Organization in India, Journal of Anthropological Institute, LIII, 1923 г., стр. 80.

[2] P. Kirchoff, Die Verwandtschaftsorganization, ZfE, 1931 г., тетр. 1/4, стр. 165.

В статье «Морган и марксизм-ленинизм» мы писали: «Основоположники марксизма-ленинизма неоднократно показывали, как характер действия инстинкта, как *непосредственной* причины брачных запретов, был *в конечном счете* обусловлен всем развитием первобытнокоммунистического общества. В самом деле. Возможна ли родовая организация в царстве животных? Возможна ли родовая организация в капиталистическом обществе? Возможна ли, наконец, родовая организация на низшей ступени дикости? На все эти вопросы может быть только отрицательный ответ». [1]

Ведь, какие-то причины привели к тому, что, например, лишь с определенного момента стали, под действием бессознательного стремления устранить кровосмешение, казаться непристойными половые сношения между братьями и сестрами. Ведь, на стадии кровнородственной семьи такого представления еще не существовало. Не подлежит сомнению, что прояснить этот вопрос может лишь анализ того, как «естественный отбор» был преобразован и подчинен всем ходом развития доклассового общества, как первой общественно-экономической формации. «Чем больше, — пишет Энгельс, — развивались экономические условия жизни, следовательно, с подтачиванием первобытного коммунизма и с ростом плотности населения, тем больше унаследованные издревле половые отношения утрачивали свой первобытно-наивный характер, тем больше должны они были казаться женщинам унизительными и тягостными, тем больше должны были женщины добиваться, как избавления, права на целомудрие, на временный или длительный брак лишь с одним мужчиной». [2]

Проследить, как по мере развития общества, по мере укрепления новой, специфически социальной закономерности с ее ведущим противоречием производительных сил и производственных отношений появилось неосознанное естественно выросшее стремление воспрепятствовать кровосмешению и как оно в дальнейшем обусловило процесс постепенного сужения брачного круга, — такова задача исследования истории первобытных семейных отношений.

Ясно, однако, что величайшей ошибкой было бы искать объяснений семейных отношений первобытного общества в каких-то неизменных законах природы. И когда Энгельс пишет, что все формы семьи первобытного коммунизма покоились на естественных условиях, то речь идет, конечно, совсем не о тех естественных условиях, которые имеют место, напр., в царстве животных. Семейные связи в первобытном обществе, материальные, хотя и не экономические, отношения — чисто социальное явление. Не из «природного расположения», как это полагает Кунов, объясняет

[1] Е. Ю. Кричевский, Морган и марксизм-ленинизм, Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 7 — 8.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 52, перевод исправлен по цит. нем. изд., стр. 37.

Энгельс появление стремления воспрепятствовать кровосмешению. Ведь было время, когда «сестра *была* женой, и *это было нравственно*». [1] Ведь, и само стремление воспрепятствовать кровосмешению обусловлено «социальными условиями». [2]

Появление и развитие инстинктивного стремления воспрепятствовать кровосмешению — действие «естественного отбора» — было обусловлено закономерностью развития человеческого общества. Независимость половых отношений первобытного коммунизма, вопреки Кунову, и с точки зрения Энгельса, была относительной. Ведь, и самому факту господства отношений родства над общественными порядками первобытной эпохи Энгельс дает экономическое объяснение («чем меньше развит еще труд...»). И определенные моменты в процессе постепенного сужения брачного круга, непосредственной причиной которого было стремление воспрепятствовать кровосмешению, Энгельс связывает с различными стадиями в развитии первобытного общества: групповой брак с дикостью, парную семью с варварством, брачно-классовую систему с ордами бродячих дикарей и пуналуальную семью с оседлыми общинами. Мы видим, что Кунов фальсифицирует не только самую историю первобытного общества, — он фальсифицирует с тем же успехом и взгляды Энгельса на историю первобытного общества.

В 1882 г. Каутский, подобно Кунову и в противоположность Энгельсу, отрицал роль стремления избежать кровосмешения при оформлении экзогамных запретов. Он выводил экзогамию из условий хищнического брака. «По другому пути, — пишет Каутский, — я пришел в 1882 г. к тому же результату, как позднее Кунов». [3] Однако полная невозможность сколько-нибудь удовлетворительно обосновать появление экзогамии из обычая похищения женщин стала ясной даже Каутскому. В 1927 г. он выдвигает новую «теорию» происхождения экзогамии чисто идеалистического характера. Оказывается, что экзогамия была установлена тогда, когда люди «осознали» всю вредоносность кровосмешения. Осознание это выросло, по Каутскому, из случайных наблюдений над различием результатов, получавшихся при браке с женщинами своей орды и с женщинами, похищенными из других орд. Тем самым Каутский превратил основное содержание всей первобытной истории брака — процесс постепенного сужения брачного круга — в чисто идеологическое явление, т. е. сделал в действительности то, что Кунов неправильно *приписывал* Энгельсу.

Маркс, Энгельс и Ленин, в противоположность Каутскому, Кунову и Плеханову, полагали, что семейные отношения доклассового общества — отношения материальные, хотя и неэкономические. «Смутное стремление

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 37, примечание.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 141.
[3] K. Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, т. I, стр. 344.

ограничить кровосмешение» действовало, по Энгельсу, бессознательно, инстинктивно, в порядке естественного отбора. Основа рода, по Марксу, не идейная, а карнальная, плотская (fleischig), по Ленину не идеологическая, а материальная. Что это имеет общего с идеалистическим волюнтаризмом Каутского в освещении возникновения экзогамных запретов? Вопрос о том, как развитие семейных отношений доклассового общества было в конечном счете обусловлено закономерностью развития первой общественно-экономической формации, не стоит и не может стоять перед Каутским, подменившим, как известно, материалистический монизм идеалистической «теорией факторов».

Если Кунов считает, что энгельсовское отделение семейных форм первобытного общества от экономических отношений является изменой материалистическому пониманию истории; если Плеханов стремится доказать, что такого отделения у Энгельса не было и что Энгельс и историю первобытных семейных форм «сводил» к истории экономических отношений, — то Каутский в противоположность им для объяснения непрерывно развивающихся первобытных семейных отношений пытается привлечь неизменные свойства человека, как животного. И, несмотря на это, он приходит к тем же конечным выводам, как и Кунов. Каутский полагает, что «первичной формой отношений между полами у человека была не общность жен, а моногамия». [1] Как аргументирует он это положение? Ссылается ли он в данном случае, как Кунов, на условия полового разделения труда, или, как Эйльдерман, на необходимость равномерного распределения рабочих сил в первобытнокоммунистическом производстве? Нет, Каутский считает, что моногамия неизбежна потому, что «естественное чувство ревности требует единоличного обладания любимым предметом». [2] Он указывает, что теперешние человекообразные обезьяны, во-первых, моногамны и, во-вторых, ревнивы. Он полагает, что «всеобщее смешение полов в естественном состоянии в высшей степени невероятно», что именно природа человека, как животного, требует индивидуальных форм брачной жизни. Между тем ясно, что человек, став человеком, и в своих естественных инстинктах оказывается подчиненным новой социальной закономерности, да и сами инстинкты в условиях общественной жизни оказываются качественно преобразованными. Природой человека, как животного, самой по себе нельзя объяснить ни одного явления в человеческом обществе.

Если «экономизирование» семейных форм первобытного общества являлось одной из основных линий борьбы буржуазной науки с выводами Моргана (Гроссе), то другая линия той же борьбы может быть охарактеризована как «биологизирование» (Вестермарк). На основании чего хочет

[1] К. Каутский, Возникновение брака и семьи, изд. 1918 г., стр. 29.
[2] Там же, стр. 31.

опровергнуть Вестермарк моргановскую теорию группового брака? На основании наличия моногамии у высших обезьян и связанного с ней чувства ревности. Если Кунов явился вдохновителем Гроссе, то Вестермарк может считать себя подражателем Каутского. И то блестящее опровержение построений Вестермарка, которое дано в «Происхождении семьи», в такой же степени относится и к рассуждениям Каутского. «Семья и стая,— пишет Энгельс, — находятся в антагонизме друг с другом». «Животная семья и первобытное человеческое общество — вещи несовместимые». «Для развития за пределы животного состояния, для совершения величайшего прогресса, который только знает природа, нужно было еще кое-что: замена недостающей у особи способности к самозащите объединенной силой и коллективными действиями стаи... Взаимная же терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности были первым условием для образования крупных и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека». [1] Скачок от животного к человеку мог совершиться лишь при наличии стаи, а не семьи, «общественного инстинкта» (Энгельс), а не чувства ревности. «И действительно, — продолжает Энгельс, — что находим мы в качестве древнейшей, наиболее первобытной формы семьи, существование которой мы можем неоспоримо доказать в истории и которую можно и сейчас еще изучать кое-где? Групповой брак, форму, при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет весьма мало места для ревности».

«Я, однако, уверен, — писал Энгельс Каутскому, — в том, что до тех пор, пока вы не отбросите вовсе ревность в качестве *общественного определяющего элемента* (в первобытную эпоху), правильное изложение процесса развития невозможно». [2] В своих недавно опубликованных и имеющих громадное значение для построения марксистской истории первобытного общества письмах к Каутскому Энгельс дает беспощадную, разрушительную критику всех построений последнего. Каутский, подобно Кунову, подобно большинству буржуазных ученых, [3] отрицая стадию общности женщин, пытался представить все еще поныне сохраняющиеся групповые браки как вторичное явление, а между тем «все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального, частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность». [4]

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 34 — 35.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932 г., стр. 236.

[3] «Все отзвуки группового брака, т. е. брачного союза между группой мужчин и группой женщин, раньше рассматривавшиеся как остатки первоначального промискуитета, выявляются как вторичные образования». См. Gräbner, Ethnologie, «Kultur der Gegenwart», том «Anthropologie», стр. 541.

[4] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), 1932 г., стр. 218.

Но если на одной стадии общественного развития чувство ревности обусловливало наличие моногамии, то почему же на другой стадии оно оказалось бессильным не допустить общности жен? Неизменными свойствами человека как животного невозможно объяснить ни одного развивающегося общественного явления. Уже это положение само по себе несовместимо с построением Каутского. А кроме того, все известные науке факты отрицают всякую возможность приписывать ревности какую-либо общественно-определяющую роль в первобытном обществе. «Групповой брак, — писал Энгельс, — . . . оставляет весьма мало места для ревности». [1] А что это действительно так, можно проверить на богатом и разнообразном фактическом материале. Мы ограничимся только несколькими примерами, относящимися к Австралии. Что говорит о былом существовании, например, в Австралии, стадии доиндивидуальных половых отношений, несовместимых со сколько-нибудь развитым чувством ревности?

Самые суровые наказания ожидают в австралийском обществе того, кто осмелится нарушить установленные традицией брачные запреты. И, несмотря на это, существуют определенные моменты, когда лишаются всей своей силы обычные брачные ограничения. Так, например, у племени аранда при окончании церемоний, посвященных переходу молодых людей в класс взрослых мужчин, в продолжение трех недель каждую ночь устраиваются корроббори с танцами и пением. Эти ночи — время всеобщего общения с женщинами, когда могут быть нарушены традиционные брачные ограничения. И даже у затя с тещей, которые в обычное время не имеют права даже разговаривать друг с другом, в эти ночи, как отмечает Стрелов, бывают половые сношения. [2] «С той же достоверностью, как там, где благодаря принудительной чересполосице земля периодически вновь возвращается в общее владение, можно сделать заключение о прежней полной общности земли, с такой же достоверностью можно, по моему мнению, заключать о первобытной общности женщин там, где женщины периодически возвращаются реально или символически в состояние общности». [3] У многих австралийских племен над девушками, достигающими известного возраста, мужчиной определенной категории производится операция разрезания девственной плевы. После операции ряд мужчин в известном

[1] «Я убежден, — писал Энгельс Каутскому 2 марта 1883 г., — что если вы будете продолжать эти занятия или через некоторое время возобновите их, то придете к совершенно иным результатам и, быть может, пожалеете, что вы в этой чрезвычайно трудной области проявили такую поспешность» (Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 220). Но Каутский остался глух к предупреждению Энгельса. «В этом понимании, — пишет он в 1927 г. о своих извращенных представлениях о древнейшей форме семьи, — признаюсь я и теперь» (Materialistische Geschichtsauffassung, т. II, стр. 319).

[2] Strehlow, Die Aranda und Loritza Stämme in Zentralaustralien, тетр. IV, ч. I, глава «Брачные обычаи».

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 217.

порядке имеют с девушкой половые сношения, причем, как указывал Томас, прочие мужчины группы, в особенности старые, получают право на сношения с данной девушкой перед ее будущим мужем. [1] При этой церемонии часто не соблюдаются обычные брачные правила. Сразу после операции девушкой овладевает производивший операцию мужчина (оператор при дефлорации, так называемый «импунна», является членом класса бабки по матери оперируемой), после него с ней имеют сношения мужчины, являющиеся ункуллами, т. е. членами другого брачного подразделения, чем ее жених, и, наконец, в последнюю очередь ею овладевают ее унары, т. е. мужчины, с которыми и только с которыми она, как и все женщины ее подразделения, обычно вступает в брак. В этом изнасиловании девушки всем классом нередко участвует и ее жених, и к этому сводится заключение индивидуального брака. У некоторых племен на следующий день после заключения брака, в то время, когда жених охотится, все мужчины его тотема имеют сношения с его невестой. Иногда сам жених обращается к лицам старшего поколения с тем, чтобы они произвели операцию и коллективно изнасиловали бы предназначенную ему девушку. Так «женщина, — как пишет Энгельс, — откупается от былой общности мужей и приобретает право отдаваться только одному мужчине». [2] Пережитком группового брака подобного типа, как откуп девушки от былой общности мужей, является добрачная половая свобода женщин. У племени Kuinmurbura, «когда девушка созревает, все неженатые мужчины того же класса и тотема, что и ее будущий муж, получают право доступа к ней прежде, чем она будет передана своему мужу». [3] У ряда племен Квинсленда (питта-питта и др.) «каждая девушка, созрев, имеет сношения со всеми мужчинами лагеря, исключая собственного отца и тех, кто принадлежит к ее собственному подклассу; в действительности даже мужчины ее собственного подкласса имеют доступ к ней, если она принадлежит к другому племени». [4] Добрачная половая свобода простирается не только на женщин, но и на мужчин. «В случаях убегания юный мужчина может звать на помощь своих товарищей, которые получают право доступа к девушке... посвященный юноша в продолжение того времени, когда он является narumbe (послушником), получает полное разрешение на юных женщин и может даже иметь доступ к женщинам своего собственного класса и тотема». [5]

При праздниках у племени вакельбурра, диери и других среди мужчин одного и того же тотема обычно происходит обмен женщинами:

[1] Thomas, Der Ursprung der Exogamie, Zeitschr. für Sozialwissensch., 1902 г., стр. 5.
[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 50.
[3] Frazer, Totemism and exogamy, I, стр. 419.
[4] Там же, стр. 545.
[5] Там же, стр. 484.

мужья на два-три дня меняются своими женами. По Cameron'у, у племен по реке Дарлинг существует «обмен жен с кем-либо из бо́льшего объединения или в порядке предотвращения угрожающей опасности». [1] Муж вообще имеет право ссужать свою жену любому другому мужчине соответствующего брачного подразделения. «У всех австралийских племен, — пишет Колер, — существует обычай уступать жену гостю-другу». [2] На это обращает внимание и Энгельс: «надо, — пишет он, — посвятить целые года, чтобы подобно Файсону и Гоуитту открыть регулирующий закон в этой системе брачных отношений, на практике скорее напоминающей обычные европейские порядки; закон, в силу которого чужой австралийский негр за тысячу километров от своих родных мест, среди людей, говорящих на непонятном ему языке, все-таки, нередко в каждом лагере, в каждом племени находит себе женщин, готовых без сопротивления и возмущения отдаться ему, закон, в силу которого человек, обладающий несколькими женами, уступает одну из них на ночь своему гостю». [3]

У австралийцев наблюдаются многие характерные явления, связанные с общностью жен для группы братьев и общностью мужей для группы сестер. «У туземцев порта Линкольна, — как пишет Эйльман, — братья часто владеют совместно несколькими женами, и жены называют собственного супруга и его братьев супругами». [4] «Допустим, что имеется семь мужчин,— так описывает Гоуитт пример группового брака у племени вакельбурра,— все mallera—Kurgilla-small-bee, все являющиеся частью родными, частью племенными братьями. Один из этих мужчин женат, имеет в качестве жены Wutheran-obu Kan - carpet-snake. Ни один из других шести мужчин не женат. Все они и жена их женатого брата называют друг друга мужем и женой, и шесть мужчин имеют на нее супружеские права. Ее ребенок называет каждого из шести мужчин, также как и седьмого мужчину, который является действительным супругом ее матери, отцами». [5] При отношениях ширрауру и ему подобных особенно част обмен братьями своих жен, совместная жизнь двух братьев, женатых на двух сестрах. Следы некогда безраздельно господствовавшего брака группы братьев и группы сестер прослеживаются и в том, что, с одной стороны, муж предоставляет возможность своим братьям иметь половые сношения с его женой и что, с другой стороны, он имеет известные права на незамужних сестер своей жены. Если жена умирает, то нередко ее место занимает ее младшая, еще

[1] Cameron, Notes on some tribes of New South Wales, Journ. of the Anthropological Institute, 1885 г., стр. 352.

[2] Kohler, Ueber das Recht der Australneger, Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, т. V, 1887 г., стр. 326.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 45.

[4] Eylmann, ук. соч., стр. 134.

[5] Howitt, The native tribes, стр. 224.

незамужняя сестра. Столь же часто старые мужчины имеют в качестве своих жен двух родных сестер. После смерти мужа вдова его, по большей части, переходит в распоряжение брата покойного. Иногда, впрочем, вдова поступает в распоряжение всех мужчин соответствующего брачного подразделения, пока не выходит замуж за кого-нибудь из них. Если при существовании левирата вдова почему-либо не вступает в брак с братом мужа, она поступает иногда в распоряжение вождя, который причисляет ее к числу своих жен. Все излишние женщины, имеющиеся в данной орде, вообще поступают в распоряжение вождя в качестве его временных жен, которых он может передать затем нуждающимся мужчинам соответствующего брачного подразделения. Вождь в данном случае является выразителем брачной общности, первоначально охватывавшей все племя.

Только былым безраздельным господством брачно-групповых отношений можно объяснить следующий любопытный обычай некоторых австралийских племен: при ссорах двух орд одна из них может выслать в качестве посланников группу женщин. В том случае, если мужчины враждебной орды вступают с посланными женщинами в половое общение, это означает, что они согласны на мирное разрешение конфликта. В противном случае стороны начинают готовиться к вооруженному столкновению. «Имеется иногда обычай, — пишет Cameron о племенах по реке Дарлингу, — что если два племенных брата в ссоре и желают помириться, один из них посылает свою жену в лагерь другого и совершается временный обмен жен». [1] Нередко жена, нарушившая верность своему мужу и убежавшая от него, предоставляется в распоряжение всех ее преследовавших (курнаи) или вообще всех желающих мужчин (камиларои).

Выше было уже отмечено наличие в Австралии форм вымирающего группового брака — брака пирраууру у диери, пираунгару у урабунна и ряда других, которые буржуазной, и в том числе социал-фашистской, наукой тенденциозно изображаются как вторичное, обусловленное геронтократией явление. В отношения пирраууру мужчины и женщины вступают на особом торжественном празднике. Праздник начинается оглашением старейшинами имен каждой пары, вступающей в отношения пирраууру. После этого начинаются танцы и пение. В это время в течение нескольких часов между всеми пирраууру, т. е. между всеми мужчинами и всеми женщинами соответствующего брачного подразделения, господствует полная свобода половых отношений. Подобное распределение женщин среди мужчин и мужчин среди женщин совершается регулярно через известные промежутки времени. В результате оказывается, что каждая женщина, помимо своего более или менее постоянного супруга, имеет большое количество мужчин в качестве своих добавочных мужей и каждый мужчина,

[1] Cameron, Notes, стр. 352.

помимо своей ноа, состоит в отношениях пирраууру с целой группой женщин, число которых, вообще говоря, может быть равным числу всех женщин, имеющихся в брачном подразделении, из которого он имеет право брать жен.

Что остается после всего этого от утверждения Каутского, что «естественное чувство ревности требует единоличного обладания любимым предметом». [1] Краткий, далеко не исчерпывающий пробег по еще сохраняющимся в Австралии формам и следам группового брака с полной несомненностью говорит о существовании в прошлом стадии безраздельного господства доиндивидуальных брачных отношений. Об этом же, как было показано выше, свидетельствуют и классифицирующие системы родства, наличные и у австралийских туземцев. Объединяясь с Куновым в отрицании группового брака, как стадии доиндивидуальных брачных отношений, Каутский выставляет аналогичные аргументы против моргано-энгельсовского понимания систем родства. Классифицирующая система родства возникла тогда, когда «делили людей по их принадлежности не к родителям, а к различным поколениям». [2] Так писал Каутский в 1882 году, а в 1927 он снова повторил и это утверждение («я в исследованиях о «Происхождении брака и семьи», которое появилось в 1882 г., двумя годами перед работой Энгельса о том же предмете, в штутгартском «Космосе», указал, что данные выражения означали не отца и мать, брата и сестру, сына и дочь в нашем смысле, но просто членов различных поколений внутри орды») [3] и куновское положение о запрете браков вне собственного возрастного класса, как о первой форме половых запретов. [4] Насколько эти утверждения соответствуют фактам, явствовало из вышеизложенного. Но важно то, что и «экономизирование» Кунова и «биологизирование» Каутского привело в конечном счете к одному и тому же — к прямой поповской фальсификации истории первобытного общества, к признанию извечности существования моногамной семьи.

5. Буржуазная реакция и теоретический меньшевизм

То направление в науке о первобытном обществе, которое в качестве своих главнейших представителей имело таких ученых, как Тэйлор и Морган, обычно называется эволюционизмом. Анализировать вопрос об отношении марксистской науки к эволюционистической этнографии в настоящей связи не предполагается. Хочется лишь отметить наиболее ценную черту в трудах этих передовых буржуазных ученых, правда, только

[1] К. Каутский, Возникновение брака и семьи, стр. 31.
[2] Там же, стр. 17.
[3] K. Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, т. I, стр. 318.
[4] Там же, стр. 331.

в лице Моргана поднявшихся до стихийно-материалистических выводов. Она заключалась в том, что отчасти Тэйлор, а в особенности Морган стремились «подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран» в единую периодизацию развития первобытного общества, в том, что они, правда, стихийно и не всегда удачно, стремились открыть тот «общенаучный критерий повторяемости», отрицать который стало столь модным в современной этнографии. И не случайно, что борьба против эволюционистической классической школы в этнографии вообще и против Моргана в частности и в особенности велась прежде всего по линии отрицания возможности установить единую закономерность в развитии первобытного общества.

«Не следует ли считать, что разные формы человеческих общежитий сложились одновременно с распадением людей на несколько обществ?» [1] спрашивал Старке. «Однако, — замечал Вестермарк, — для социальной науки самой опасной была привычка некоторых писателей на основании того, что какой-либо обычай или учреждение встречается у диких народов, без уважительных причин делать заключение о том, что этот обычай и эти учреждения являются остатками пути развития, пройденного всем вообще человечеством». [2] И, наконец, Гроссе окончательно порвал с эволюционизмом, выдвинув следующее положение: «Человечество движется отнюдь не по одинаковым линиям и в одном только направлении, но как разнообразны условия жизни народов, точно так же различны и их пути и цели». [3] Примерно к тому же пришел и другой «духовный отец» культурно-исторической школы, Ф. Ратцель. «Географическое воззрение (рассмотрение внешних условий), — писал он, — и историческое разъяснение (рассмотрение развития) должны, таким образом, итти рука об руку». [4] «По отношению к местным благоприятствующим и задерживающим условиям культуры, путем влияния свойств климата, мы можем видеть большие области одинаковых климатических условий, культурные области, располагающиеся вокруг земного шара в виде пояса. Их можно назвать культурными зонами». [5] Ратцель, следовательно, не только дополнил историческую точку зрения географической, но и ввел новое, несомненно ошибочное понятие культурной зоны, подразумевая под этим определенное общество, своеобразно развивающееся в определенных природных условиях. И этим он, как замечает Копперс, «открыл дорогу» культурно-исторической школе. «Многочисленные состояния, — пишет Гребнер в своем «Методе этнологии», — которые доныне обычно рассматрива-

[1] Старке, Первобытная семья, стр. 8.
[2] Вестермарк, История брака, стр. 5 — 6.
[3] Гроссе, Формы семьи и формы хозяйства, стр. 6.
[4] Ратцель, Народоведение, ч. I, стр. 3.
[5] Там же, стр. 28.

лись как фазы всеобщего человеческого культурного прогресса, стали частичными явлениями, эпизодами в человеческой истории». [1] В такие эпизоды превратились род, брачно-классовая система, матриархат, тотемизм и т. д. Все человечество оказалось разбитым на ряд «генетически независимых друг от друга» [2] культурных кругов, как «областей единой культуры», [3] вернее — как определенных комплексов механически соединяемых элементов. И задачей науки стало проследить «не развитие, а взаимодействие между противолежащими системами». [4] «Движения нет», сказал мудрец брадатый» — такова последняя мудрость буржуазной науки о первобытном обществе.

Существенное значение имеет выяснение позиции теоретиков II Интернационала в этом отступательном движении буржуазной науки от высот, достигнутых классовой этнографией в лице Моргана.

Нужно отметить, что довольно правильно оценить эту буржуазную реакцию в вопросах первобытной истории сумела только Роза Люксембург. «В лице Гроссе, — писала она, — буржуазная общественная наука в своей реакции на революционные выводы из ее собственных открытий докатывается до того пункта, до которого докатилась буржуазная вульгарная экономия в своей реакции на классическую экономию, — до отрицания вообще закономерности социального развития». [5]

Известно, что антропогеография Ратцеля являлась специфической формой борьбы с установлением единой закономерности развития общества путем увязки с различными географическими условиями различных путей развития человечества. И следует указать, что в своем отходе от диалектического понимания взаимоотношений общества и природы к географическому материализму Плеханов опирался именно на Ратцеля. Сопоставляя Ратцеля и Маркса, [6] Плеханов не понял, что то, чем Ратцель обусловливал разнородность путей человеческого развития в связи с различными условиями естественной среды, было совершенно иным, чем то, как Маркс показывал разнообразие, в зависимости от различных естественных условий, форм проявления единого процесса развития человеческого общества. Разложение первобытнокоммунистического общества в Азии и Европе происходило прежде всего на основе появления частной собственности на скот. И если географические условия Полинезии препятствовали

[1] Gräbner, Methode der Ethnologie, стр. 93.

[2] Gräbner, Die sozialen Systeme in der Südsee, Zeitschr. für Sozialwiss., 1908 г., стр. 663.

[3] Gräbner, Methode der Ethnologie, стр. 132.

[4] Gräbner, Wanderung und Entwicklung sozialer Systeme in Australien, «Globus», 1906 г., XC, стр. 241.

[5] Р. Люксембург, ук. соч., стр. 101.

[6] Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма, изд. 1931 г., стр. 32.

развитию там скотоводства, то, несмотря на это, там происходил тот же процесс разложения первобытного коммунизма, хотя и на иных материальных основах.

Развернуто и энергично вел борьбу против эволюционизма Кунов. «И для первобытного состояния, — писал он уже в 1897 г., — действует закон, что социальные учреждения определяются развитием производства. Конечно, не следует понимать это развитие как совершенно однородный, протекающий всюду самостоятельно процесс. Ранние хозяйственные формы зависят от локального природного окружения значительно в большей степени, чем более поздние». [1] В апелляции к природе для борьбы с возможностью построения единой закономерности в развитии первобытного общества Кунов не одинок. Его единомышленниками, как мы видели выше, являются и Гроссе и Ратцель. Примиренчески относился к этой ревизии марксистских установок Плеханов.

«Эти группы, — писал Кунов 25 лет спустя, — деревенские общины, семейно-родовые объединения, домашние общины, охотничьи сообщества и т. д., — вовсе не первоначальные образования; они возникали повсюду как раз на более высоких ступенях хозяйственного развития и произошли из определенных условий жизни, работы и добывания пищи. В пользу гипотезы первобытного коммунизма упомянутые сообщения не говорят ровно ничего; из них вытекает лишь с известной последовательностью тот факт, что в ходе развития в некоторых местах создались кое-какие коммунистические институты и что они иногда приобретали довольно большое значение в хозяйственной жизни». [2] Следуя Гребнеру, Кунов превратил даже первобытный коммунизм из фазы развития общества в эпизод, возникающий лишь кое-где по определенным причинам. Приведенная цитата интересна и в другом отношении: Кунов связывает появление семейно-родовых объединений лишь с определенными, довольно высокими ступенями хозяйственного развития.

Как понимал Энгельс процесс родообразования? Энгельс считал, что появление рода есть лишь один из моментов в том процессе постепенного сужения брачного круга, который и составляет основное содержание всей истории отношений между полами в первобытном обществе. «Лишь только установили запрет полового общения, — писал он, — между всеми братьями и сестрами, а также между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны, группа, о которой говорилось выше, превратилась в род, т. е. конституировался точно очерченный круг кровных родственников по женской линии, не могущих вступать в брак». [3]

[1] H. Cunow, Die ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft, «Neue Zeit», 1897-98, n°8, стр. 242.

[2] Г. Кунов, Всеобщая история хозяйства, том I, стр. 4.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 42.

Была ли приемлема для буржуазной науки подобная точка зрения? Она не была приемлема для нее потому, что основывалась, во-первых, на понимании истории брачных отношений как постепенного сужения брачного круга и, во-вторых, потому, что рассматривала род как стадию, через которую необходимо должны были пройти все племена и народы в процессе своего социального развития. И борьба с энгельсовским пониманием рода была органической частью того реакционного движения буржуазной этнографии, которое датируется империализмом, как последней стадией капитализма. Максимов только выражает «дух эпохи», когда пишет: «пределы распространения родовой организации значительно сужаются, и говорить о родовом быте как о стадии развития, проходимой всеми народами, очень трудно». [1]

«Для Моргана, — пишет Преображенский, — род являлся универсальной организацией всего человечества, более ранней, чем семья. Позднейшие исследования установили, что род таковой организацией не является. Род — организация специфическая для некоторых культур, для некоторых стадий хозяйственного развития человечества». [2]

С какими же стадиями хозяйственного развития буржуазная этнография связывает род? Наиболее отчетливо это показал Гроссе. Род, по мнению Гроссе, мог оказаться более или менее мощной организацией лишь при наличии земледелия. «Если мы, — писал он, — обратимся теперь к семейным отношениям низших земледельцев, то увидим, что у них существует уже не обособленная семья, как у охотников или номадов, семья, прежде всего нами рассмотренная, а род. Чем бы род ни был связан, материнством или отцовством, но на почве земледелия он развивается в организацию, далеко превосходящую по своему значению все другие социальные организации». [3]

Но почему род, с точки зрения Гроссе, не мог появиться у охотников-собирателей, почему он органически связан именно с земледелием? [4] Дело заключается в том, что Гроссе в своем отрицании первобытного коммунизма рассматривал доземледельческое общество как совокупность обособленных хозяйственно-самостоятельных семей. Только земледелие, по его мнению, могло стать основой коллективного производства («земледелие...

[1] А. Н. Максимов, Теория родового быта, Сборник в честь Анучина, стр. 345.

[2] Преображенский, Курс этнологии, стр. 130.

[3] Гроссе, Формы семьи и формы хозяйства, стр. 194.

[4] И разве случайно, что в «Письмах без адреса» Плеханов, вообще во многом присоединяющийся к Гроссе, говоря о веддах, андаманцах или негритосах, называет их группы кланами или кровными союзами, а термин «род» употребляет только в применении к земледельческим племенам Сев. Америки? Формально иначе, а по существу стоя в данном вопросе на тех же принципиальных позициях, связывает культурно-историческая школа род (называемый ею экзогамным тотемизмом) не с земледелием, а с «высшей охотой».

обладает гораздо более социологизирующей силой, чем охота и скотоводство»), [1] и только при земледелии поэтому могло возникнуть осознание кровного родства.

Как «материалистически» это звучит! И какая фальсификация истории первобытного общества! Связать род лишь с определенными хозяйственными стадиями означало то же самое, что связать лишь с определенными формами хозяйства существование первобытного коммунизма. Рода не было до земледелия именно потому, что до земледелия не было и первобытного коммунизма. Существование рода связано лишь с определенными хозяйственными стадиями, подобно тому как лишь кое-где под действием особых экономических причин создались «коммунистические институты». Борьба с эволюционизмом идет здесь рука об руку с борьбой против теории первобытного коммунизма и родового строя, как стадий развития человеческого общества. И в этой борьбе теоретический меньшевизм стоит в первых рядах.

Сплошным недоразумением поэтому следует считать, что в работах целого ряда советских ученых появление рода связывается с появлением земледелия. Товарищи, очевидно, не понимают, что объяснение происхождения рода появлением земледелия никак не может быть увязано с энгельсовским пониманием происхождения рода, как конечного результата запрета брачного общения между братьями и сестрами, как одного из моментов в процессе сужения брачного круга. Товарищи не понимают еще и того, что, рассматривая родовые представления как отражение коллективного производства, свойственного мотыжному земледелию, они тем самым намекают на то, что доземледельческие общества были менее коммунистичны, что для них было не столь характерно наличие коллективного производства, т. е. намекают на то, о чем полным голосом говорят Кунов и Гроссе. Они не понимают, наконец, и того, что увязывание рода только с земледелием есть одно из положений буржуазной этнографии, выдвинутых ею в борьбе с эволюционизмом классической школы, в борьбе с энгельсовским пониманием истории половых отношений первобытного общества, как процесса сужения брачного круга, в борьбе с энгельсовским пониманием сущности рода, как точно очерченного экзогамного круга кровных родственников, в борьбе, наконец, с теорией первобытного коммунизма.

Обосновывая нашу критику меньшевистских построений, мы неоднократно прибегали к свидетельству фактов. Стоит ли следовать этому в данном случае? Стоит ли, не сделавшись смешным в глазах любого из маломальски знающих этнографов, доказывать фактами существование рода на доземледельческой стадии? Стоит ли доказывать факт существования рода у гиляков, калифорнийских индейцев или австралийцев? Мы очень

[1] Гроссе, ук. соч., стр. 189.

кратко остановимся именно на австралийцах только для тех, кто еще желает датировать время появления рода временем появления земледелия.

Существует ли у австралийцев точно очерченный экзогамный круг кровных родственников? В этом не может быть никаких сомнений. Можно ли говорить о том, что члены этих экзогамных групп связаны друг с другом осознанием своего кровного родства? Достаточно одного примера. У колор-курндит все члены одной и той же экзогамной группы считаются близко родственными друг другу. Они, по свидетельству путешественников, думают, что они все — «одного мяса». У племени Wotjobaluk звериный родоначальник данной экзогамной группы (тотем) носит название «мясо всех». И любопытно, что в своей работе «О полигении семантики (Брат и кровь)» Н. Я. Марр прослеживает на материале семитических языков соответствие понятий «кровь», «мясо», «кровное родство».

Для Энгельса [1] и для Моргана, а также и для авторитетнейших из австраловедов существование рода в Австралии было неоспоримо. Энгельс прекрасно понимал, что нет принципиальной разницы между экзогамной тотемической группой австралийцев и ирокезским родом. В Австралии родовая организация не только существует — она имеется здесь в довольно развитом, уже отнюдь не первоначальном состоянии. Ведь, в Австралии имеются патрилинеальные и патрилокальные роды. И для того, чтобы предположить, что патрилинеальные и патрилокальные группы, например, племени Narrinyeri или Warramunga превратятся в будущем в матриархальные роды, следует стать на точку зрения, выдвигаемую некоторыми авторами о том, что развитие идет спирально, от патрилинеальности охотников к матрилинеальности земледельцев и затем снова к патрилинеальности скотоводов и плужных земледельцев, следует полностью порвать с марксизмом в вопросах истории первобытного общества. Вопрос об австралийском роде, впрочем, тесно связан с пониманием матриархата, и о нем будет речь в последней главе настоящей работы.

6. Легенда об «охотничьем патриархате» и «земледельческом матриархате»

В 1915—1916 гг. в «Антропосе» Копперс опубликовал большую работу «Этнологическое исследование хозяйства», по праву могущее считаться одним из основных теоретических документов культурно-исторической школы. Копперс распределяет всех этнографов конца XIX века на две группы: «эволюционно настроенные» и «исторически настроенные». Различие между первыми и вторыми прослеживается, во-первых, в том, что первые пытались установить единую закономерность в хозяйственном раз-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 41, 44.

витии первобытного общества, а вторые отрицали самую возможность подобной закономерности, а, во-вторых, в том, что первые рассматривали матриархат как необходимую стадию в развитии человечества, а вторые связывали его лишь с особыми хозяйственными условиями и в частности с земледелием. К первым Копперс, между прочим, причислял Тэйлора, Леббока, Моргана и Энгельса, ко вторым — Бахофена, Гроссе, Ратцеля, Кунова и, наконец, культурно-историческую школу.

Характерную черту матриархата Энгельс видел в почетном положении женщин у диких и варварских народов. Ленин также указывал, что было время, когда женщины занимали не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое, когда высшая власть в обществе признавалась именно за женщинами.

Что являлось материальной основой этого уважения к женщине, этого господства женщины? Во-первых, исключительное признание родной матери при невозможности установить отца, неизбежное при групповом браке, само по себе вызывало высокое положение женщины. А, во-вторых, коммунистическое домашнее хозяйство, в котором господствовали женщины, — ибо именно они при существовании матрилокального брака составляли основное ядро рода, — было материальной основой высокого положения и власти женщин. Род в своей первоначальной форме у всех диких и варварских народов был матриархален — он был и матрилинеален и матрилокален. Такова точка зрения Энгельса.

Кунов, *подобно* Энгельсу, считает матрилокальность одной из основ господства женщин. Но Кунов, в *противоположность* Энгельсу, считает матрилокальность возможной только при земледелии. Доземледельческий период Кунов понимает как исключительно патрилокальный с полным подчинением жены мужу. И лишь при установлении оседлости и земледелия на основе повышения хозяйственной ценности женского труда возможно было, с его точки зрения, появление матрилокального брака, а в связи с ним и некоторых форм женовластия. «Но это еще не значит — прибавляет Кунов, — что матриархат есть установление, которое на известной ступени развития проявлялось у всех рас и народов. При особенных обстоятельствах матриархата могло совсем не быть, или же матриархальный период мог продолжаться относительно немного времени». [1]

Отрицание матриархата, как необходимой стадии в развитии общества, связывание его лишь с особыми хозяйственными условиями, понимание патриархата как явления, предшествующего или параллельного с матриархатом, превращение матриархата лишь в эпизод в истории человечества — все это неразрывно связано со всем содержанием борьбы реакционной этнографии со стихийным материализмом Моргана и с диалектикой Энгельса.

[1] Г. Кунов, О происхождении брака и семьи, стр. 90.

И в этом вопросе, как и во всех предыдущих, теоретический меньшевизм — по ту сторону баррикады. «Экономическое» объяснение матриархата лишь частный случай вульгарного материализма теоретического меньшевизма в вопросах первобытной истории.

Любопытно, что тезис о параллельности матриархата и патриархата — основной тезис культурно-исторической школы, основной тезис антиморгановской и антимарксистской этнографии — был задолго до Гребнера, задолго до Гроссе и Кунова выдвинут именно Каутским.

После периода гетеризма — так называет Каутский устанавливаемое им первичное моногамное семейное устройство — общество развивалось по двум путям. Одни племена в постоянных войнах с соседями перешли к хищническому браку. Брак похищением, с одной стороны, привел к появлению экзогамии и матрилинеальных кланов; с другой стороны, он привел, иногда после некоторого периода общности жен, к полигамии, к частному владению женами, а позднее к частной собственности на них. Затем он развился в покупной брак, а в связи с последним оформился патрилинеальный клан, а затем патриархальная семья.

Другие племена, напротив, не перешли к хищническому браку, не ввели экзогамии, а продолжали держаться гетеризма, т. е. более или менее прочных моногамных союзов. Эти племена заимствовали материнское право от племен, имеющих хищнический брак, но развили его не в направлении патриархата, а в направлении гинекократии (женовластия). «Гинекократия и патриархализм — две параллельные ветви, выросшие из одного и того же ствола — из первобытного гетеризма. Следовательно, — продолжает Каутский, — невозможно дальнейшее развитие одной из этих систем в другую — они взаимно исключают друг друга». [1]

Следует указать, что накопление фактического материала в современной этнографии одновременно заново подкрепило учение Моргана и разбило вдребезги все построения Каутского. Кто из этнографов будет теперь после «Первобытного общества» Моргана серьезно говорить о противопоставлении экзогамных и эндогамных племен? И даже буржуазные ученые, впрочем, за исключением, например, Кунова, поняли теперь всю нелепость мак-леннановского объяснения экзогамии из обычая похищения женщин. «Отнюдь нельзя сказать, — пишет, например, Турнвальд, — что у наиболее примитивных народов господствует похищение или кража женщин». [2]

Но для нас важнее всего следующее замечание Каутского: «Материнское право хищнического брака [ведущее к патриархату. *Е. К.*] встречается у воинственных охотничьих и пастушеских народов; гетеристическое же материнское право [ведущее к гинекократии. *Е. К.*] свойственно

[1] К. Каутский, Возникновение брака и семьи, стр. 98.
[2] Thurnwald, Ehe, Reallexikon der Vorgeschichte, Bd. III, стр. 15.

народам миролюбивым, земледельческим». [1] Ведь, спустя четверть века это же, хотя и несколько другими словами, высказывал, например, Гребнер: «Матрилинеальность двухклассовой системы покоится на «хозяйственной ценности женщин» [2] при оседлом земледелии.

От Каутского через Кунова и Гроссе к Гребнеру и кардиналу Шмидту тянется нить буржуазной ревизии морганов ского и энгельсовского понимания матриархата, ревизии, к которой так примиренчески относился «непримиримый» Плеханов.

«О матриархате à la Engels, — говорит Кунов, — не может быть абсолютно никакой речи». «Это странно, что именно Энгельс, который вместе с Марксом остро выявил зависимость общественных установлений и воззрений от состояния хозяйственного развития, в своем рассмотрении материнско-правового брака изменил этому и чисто идеалистически понял материнское господство как естественное следствие не из определенных социальных жизненных фактов, но из a priori возникшего в голове порядка происхождения, в то время как социологи Липперт и Гроссе, хотя и не непосредственные приверженцы материалистического понимания истории, ясно увидели тесную связь материнско-правовых семейных институтов с определенным видом хозяйства. Некритическое перенесение морган овской конструкции группового брака и прасемьи нагромоздило перед сознанием так много затруднений, что сам Энгельс не был в состоянии их преодолеть». [3]

Придется сказать, что Копперс был вполне прав, причисляя Кунова, наряду с Гроссе, наряду с культурно-исторической школой, к антиморган овскому и антимарксистскому лагерю в науке о первобытном обществе. «Экономическое» понимание матриархата — вот то общее, что связывает их. Но зачем понадобилось буржуазной науке это кокетничанье с экономизмом? Цель была одна: отрицание группового брака, признание извечности моногамной семьи. Ведь, Энгельс объяснял уважение к женщине матрилинеальностью, неизбежной в условиях группового брака при незнании родного отца. Было ли это объяснение приемлемо для буржуазной науки? Нет, оно не было приемлемо для нее хотя бы потому, что опиралось на эту, как выражался Пешель, «отвратительную мысль» о групповом браке, хотя бы потому, что противоречило догмам христианского вероучения. И, суммируя «достижения» «клерикальной этнологии», Каутский пишет: «Нельзя принять по современному состоянию исследований,

[1] К. Каутский, Возникновение брака и семьи, стр. 84.

[2] Gräbner, Die sozialen Systeme in der Südsee, Zeitschrift für Sozialwissenschaft, 1908 г., стр. 681.

[3] H. Cunow, Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie, 1921 г., Bd. II, стр. 128 — 129.

что материнский счет при вычислении происхождения предшествовал отцовскому». [1]

Нужно было дать матриархату какое-то иное значение, превратить его из стадии развития в эпизод, лишь иногда в силу особых причин появляющийся. И «экономический материализм» меньшевизма дал буржуазной науке ее основной аргумент против энгельсовского понимания матриархата, выдвинув проблему «охотничьего патриархата» и «земледельческого матриархата». Ведь, и Кунов и Каутский отрицали стадию группового брака, и Кунову и Каутскому было неприемлемо марксистское объяснение матриархата.

Вопрос этот настолько ясен, что на нем дольше не стоило было бы останавливаться, если бы до самого последнего времени в советской литературе не имело бы место, и притом довольно часто, протаскивание меньшевистской точки зрения на матриархат. Это заставляет проверить на фактах, можно ли говорить об «охотничьем патриархате», проверить на фактах, кто прав — «идеалист» Энгельс или «материалист» кардинал Шмидт.

У большинства австралийских племен матрилинеальность сочетается с патрилокальностью. В силу этого у большинства австралийских племен, вернее — у всех матрилинеальных племен Австралии, брачные классы и тотемы (или рода) беспорядочно рассыпаны по племенной территории. Каждый тотем, каждый класс может встречаться в любой локальной группе, каждая докальная группа может состоять из членов самых различных классов и родов. Классовая и родовая экзогамия у большинства австралийских племен не является локальной экзогамией, более того — нередко можно констатировать полную эмансипацию экзогамии от территории. Нередко, но не всегда.

У племени Wotjobaluk «классы и тотемы передаются детям от матери. Классы и тотемы должны учитываться при браке — никогда нельзя жениться в классе или тотеме матери, но также не берут жену и в том округе, в котором встречается тотем матери». [2] По Даусону, у колор-курндит, племени с делокализированными экзогамными объединениями, несмотря на это, существует запрет брать жен как из своей собственной орды, так и из орды своей матери. У племен юго-запада Австралии, берега Короля Георга с материнской филиацией, а, следовательно, и с делокализированной экзогамией, считается, однако, наиболее пристойным, как сообщает Скот Нинд, брать жену из наиболее удаленных мест.

Несколько необычен, следовательно, принцип регулирования брака у ряда матрилинеальных племен Австралии, — оказывается, что не только

[1] K. Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung, т. I, стр. 343.

[2] Gräbner, Wanderung und Entwicklung der sozialen System in Australien, «Globus», 1906 г., Bd. XC, стр. 223.

классовая и родовая принадлежность регулирует заключение браков.

Еще более необычны отношения, имеющиеся у племени Tyeddyuwurru. Племя это распадается на два класса: gurogity и gamaty; каждый класс включает в себя ряд тотемических группировок. В силу сочетания патрилокального брака и материнских филиаций классы и тотемы беспорядочно рассыпаны по племенной территории. Одновременно с этим оказывается, что внутри территории существуют некоторые локальные различия: одни и те же тотемы, которые в одном определенном месте принадлежат классу gurogity, в другом причисляются к классу gamaty. Одни и те же тотемы, таким образом, на одном месте входят в один экзогамный комплекс, на другом месте включаются в другой.[1] Снова сквозь принцип классовой и родовой делокализированной экзогамии отчетливо проглядывает принцип экзогамии локальной.

Стремление брать жен из возможно более удаленного района, несмотря на делокализацию классов и тотемов, существует у целого ряда племен западной Виктории. Тотемы племени Yuin передаются от отца к сыну. Но, несмотря на это, они, как у племен с материнской филиацией, рассеяны по всей племенной территории. Быть может, переход к патрилинеальности произошел лишь недавно и не успел еще оказать своего локализирующего влияния? Но любопытно то, что у Yuin наряду с экзогамией делокализированных тотемов существует локальная экзогамия. «Никто не должен, — говорил один старик из племени Yuin, — смешиваться с той же кровью, как и он, нужно брать жену с другим именем (Murra, тотемом), чем собственное, и наряду с этим следует брать жену из места, более удаленного от его места пребывания».[2] У племени Муоо, племени с восьмиклассовой системой, построенной, по Метьюзу, на основе материнской филиации, также существует требование, чтобы супруги происходили из мест, наиболее далеко друг от друга расположенных.

В общем Эйльдерман прав, утверждая, что «имеется немало примеров племен с происхождением по женской линии, в которых решающую роль наряду с тотемом играет местность. Здесь, следовательно, существуют тотемная экзогамия и территориальная экзогамия».[3] Шмидт, перечисляя ряд племен (Yuin, племена порта Стефенса и Виктории), отмечает у них (при заключении браков) «внимание к месту» и объясняет это как «отзвук правил курнаев».[4] Подразумевая это, Гребнер прослеживает влияние локально-патриархальных представлений на материнскую двухклассовую систему в западной Виктории, где жена берется не только из воз-

[1] Vater, Der australische Totemismus, племя n° 12.

[2] Frazer, ук. соч., стр. 491.

[3] Эйльдерман, Первобытный коммунизм и первобытная религия, изд. 2-е, стр. 164.

[4] Schmidt, Soziologische und religiös-ethische Gruppierung der Australier, ZfE, 1909 г., стр. 337.

можно более отдаленной орды, но и никогда не принадлежит к той местности, в которой встречается тотем мужа.[1] Что здесь не при чем «влияние локально-патриархальных отношений», явствует хотя бы из того, что запрещается вступать в брак не только с женщинами орды отца, но и с женщинами орды матери и орды бабушки и соседних орд и вообще орд, говорящих на том же самом диалекте.[2] И, несмотря на это, счет происхождения у племен юго-западной Виктории ведется по женской линии.

Наличие явных следов локальной экзогамии у племен с делокализированной экзогамией классов и родов можно объяснить либо как остатки иной, более примитивной социальной организации с экзогамным характером локальных групп, либо как пережитки того времени, когда роды и классы сами были локальными единицами и когда экзогамия родов и классов одновременно была локальной экзогамией. Нам представляется более правильным последнее предположение. Дело заключается в том, что и у классов и у тотемов в разнообразных пережитках можно уловить указание на то время, когда и классы и тотемы были локальными организациями. Когда несколько тотемических групп, как сообщает Спенсер и Гиллен, располагаются общим станом, легко видеть, что стан разделяется на две половины, которые отграничиваются друг от друга какой-либо естественной чертой. Так, если в пределах одного лагеря один класс дуального деления располагается на одном берегу реки, другой класс занимает противоположный берег. Если лагерь располагается на холмах, то члены одного брачного класса поселяются на верхушке холма, члены другого у подошвы. В мифах племени аранда также подчеркивается локальное различие обоих классов: члены одного класса считаются жителями моря, члены другого — жителями суши. У племени Euahlayi каждый класс дуального деления имеет свою группу предков, предки одного класса считаются пришедшими с запада, предки другого класса — с востока.

Таким образом, классы, в настоящее время делокализированные, в мифах являются локально отделенными друг от друга. Когда люди племени аранда готовятся к военному столкновению со своими соседями, в один отряд объединяются мужчины одного класса дуального деления, в другой — другого. В случае драки внутри орды, на одной стороне обыкновенно действуют мужчины одного брачного класса, на другой — другого. В игре в мяч, например, у племени Ya-rtmo-thang противниками выступают мужчины различных брачных классов. В разнообразных церемониях и культовых действиях также подчеркивают различие обоих

[1] Gräbner, Die sozialen Systeme..., стр. 67.
[2] Frazer, ук. соч., стр. 466.

классов дуального деления. У племени Tyeddyuwurru тотемические группы, делокализированные в реальной жизни, локализированы, по представлениям туземцев, в жизни загробной. Каждая тотемическая группа имеет свою собственную страну духов mi-yur, в которой после смерти соединяются тени умерших членов группы. Положение и направление этих mi-yur для каждой тотемической группы определяется особо. При погребении головы умерших различных тотемических групп различно ориентируются в зависимости от направления mi-yur.

О чем говорят все эти факты? Они говорят о том, что ныне делокализированные тотемы и классы некогда были локальными организациями. Они говорят тем самым и о том, что в прежнее время классовая и родовая экзогамия являлась одновременно экзогамией локальной. Некоторые, правда, очень смутные указания на прежний локальный характер ныне делокализированных экзогамных объединений дают открытые Метьюзом у ряда австралийских племен, но еще очень неясные деления на «тени». [1] «Тени» эти, связь которых с делениями на классы и тотемы еще совершенно не выяснена, являются экзогамными и, так как принадлежность к ним передается по линии матери, делокализированными объединениями. Но при расположении в стойбище «люди каждой тени помещаются отдельно от другой». Племя Ngyeumba делится на три тени: «тень от основания дерева», «тень от середины дерева» и «тень от верхушки дерева»; племя Murawurri на две тени: «тень от нижней части дерева» и «тень от верхней части дерева». Расположение «теней» в стойбище происходит соответственно этим названиям. Очевидно, что и в данном случае ныне делокализированное деление как будто обнаруживает следы былой локальной организации.

Если, однако, принять, что в прошлом классы и тотемы были локальными объединениями, т. е. что каждая локальная группа состояла только из людей одного класса дуального деления, т. е. что классовая, а, следовательно, и родовая экзогамия первоначально одновременно являлись экзогамией локальной, то необходимо допустить наличие в то время либо наряду с патрилокальностью патрилинеальности, либо наряду с матрилинеальностью — матрилокальности. Генрих Эйльдерман вслед за Куновым допускает первое, — он доходит до этого путем отказа от признания группового брака и утверждения извечности моногамной семьи. Мы же будем настаивать на втором. И мифология австралийцев дает неоспоримые доказательства правильности такой точки зрения.

У колор-курндид, племени в настоящее время с делокализированной тотемической экзогамией, по сообщению Даусона, существует следующая

[1] Mathews, Bemerkungen über die Eingeborenen Australiens, Mitteil. Anthropol. Gesellschaft in Wien, Bd. XXXVI, 1906 г.

легенда. Родоначальник был по происхождению длинноклювый какаду (один из тотемов племени колор-курндид), но откуда он пришел — никто не знает. Женой он имел Kappahiar-Bankjia-Kakady. Она называлась родоначальницей. Эта первоначальная пара имела сыновей и дочерей, *которые, естественно, принадлежали к тотему матери.* Так как законы кровного родства запрещали брак между ними, необходимо было ввести «свежее мясо», что могло произойти только путем брака с чужими. Сыновья *брали жен из удаленных мест*, и сыновья их также. Таким образом произошли тотемы пеликана, змей и перепелки, которые составили вместе с тотемами обоих родоначальников пять материнских тотемов, имеющихся и в настоящее время у колор-курндид.[1] В этом мифе, с нашей точки зрения, отражено то время, когда наряду с существованием локальной экзогамии («сыновья брали жен из удаленных мест»), наряду с существованием локальных тотемических групп господствовала женская филиация («сыновья и дочери, которые, естественно, принадлежали к тотему матери»), иными словами, то время, когда наряду с матрилинеальностью существовала матрилокальная форма брака.

И действительно, немало обычаев, распространенных повсеместно на территории Австралии, убедительно свидетельствуют о былой матрилокальности. В первую очередь так называемый аванкулат. У племени аранда две категории лиц имеют право воспользоваться добычей охотника. Это, во-первых, «икутера», т. е. его тесть фактический или тесть от племени, и, во-вторых, «умба», т. е. дети его сестры, которых он обязан кормить в тех случаях, когда они не имеют другого кормильца. Экономическая связь каждого мужчины племени аранда именно с этими категориями лиц — яркий пережиток былого матрилокального хозяйства. У племен по реке Дарлинг, как указывает, например, Колер, где выступает материнское право, — брат матери определяет жизнь и смерть ребенка. У других племен, особенно в Новом Южном Уэльсе, мать и брат матери имеют решающий голос в вопросе женитьбы.[2] Решающее значение брата матери, а также и самой матери при заключении брака дочери и племянницы у племен Нового Южного Уэльса отмечает Камерон,[3] у диери — Гоуитт.[4] Любопытно, что при заключении брака ноа у племени урабунна женщина отдается в преимущественное обладание тому или иному мужчине именно старшими братьями ее матери. У племен по реке Дарлинг умерщвление ребенка может произойти лишь с разрешения его дяди с материнской стороны. Брат матери вообще пользуется большим авторитетом, например, при улаживании всякого рода ссор и

[1] H. Cunow, Die Verwandtschaftsorganization der Australneger, стр. 95 — 96.
[2] Kohler, Ueber das Recht, стр. 349.
[3] Cameron, Notes, стр. 351 — 352.
[4] Howitt, The native tribes, стр. 177, 178.

столкновений. И не будет ошибки, если утверждать вслед за Гребнером о выдающемся положении брата матери во всей Океании и Австралии. [1]

Ряд исследователей обращал внимание на существование у множества австралийских племен особых связей между мужчиной и родителями его жены. Они выражаются прежде всего в обязанности мужчины регулярно снабжать пищей родню своей жены.

У племени аранда при разделе добычи первый кусок получает «инкутера» (тесть), затем сам охотник и его семья, затем дети сестры, мать и теща. Напротив, сам охотник не имеет права есть пищу, собранную детьми его сестры, матерью жены, братом матери и матерью матери. Мужчина, таким образом, оказывается при распределении средств потребления связанным именно с такими категориями родственников, с которыми он составлял бы при наличии матрилокального брака единую хозяйственную ячейку.

Запрещение есть пищу, которой касались отец жены, сын сестры, теща или мать матери, существует у целого ряда австралийских племен, и, наоборот, обычай, по которому мужчина после охоты должен в первую очередь обеспечить пищей тестя и лишь после этого может сам приступить к еде, также распространен не менее широко. Выше уже указывалось на наличие этого обычая у племени аранда, у которого мужчина дает часть своей добычи и до женитьбы своему «тестю от племени», одному из стариков класса мужчин, дочери которых являются его возможными женами, а после женитьбы своему фактическому тестю. У целого ряда центральных австралийских племен (Warramunga, Tgingilli, Gnangi, Binbinga и др.) охотник также в первую очередь делится своей добычей с родителями жены.

Гоуитт, описывая юго-восточные племена Австралии, также останавливается на обычае отдавать тестю часть ежедневной добычи, называя его словом курнаев «неборак». У племени курнаев из пяти пойманных опоссумов два отдаются тестю, два — братьям жены; бывают случаи, что из десяти пойманных опоссумов только один достается самому охотнику. Вомбат, как особо лакомое животное, целиком поступает в распоряжение родителей жены. Если убит один сумчатый медведь, он весь передается тестю; если два — один родителям жены, один собственным родителями охотника; если три — два родителям жены и один родителям охотника; на долю же самого охотника достается печенка. От убитого кенгуру голова и зад идут родителям жены. Словом, как сообщает Хоуитт, «большая часть и лучшая дичь идет как «неборак». [2] Из этого не значит, однако, что тесть сам съедает всю полученную от зятя пищу. Во-первых,

[1] Gräbner, Die sozialen Systeme, стр. 668.
[2] Howitt, The navite tribes, стр. 758.

он распределяет ее среди людей своей орды, а, во-вторых, известную часть ее он, обычно на следующий день, отсылает обратно зятю. Получается впечатление, будто охотник отдает на хранение своему тестю известную часть своей добычи.

Бесполезно искать упрощенно-рационалистического объяснения этой «циркуляции благ». Только традициями матрилокального хозяйства можно, с нашей точки зрения, объяснить подобный способ распределения средств потребления.

«Муж, — пишет Стрелов, — обязан свои отрезанные волосы передать своему тестю, который делает из них шнурки и т. д. После смерти тестя он должен передавать свои волосы его брату, а если такового нет, то ему приходится давать своим волосам долго расти». [1] Если в случае смерти тестя зять не порежет в знак горя кремневым ножом свои плечи, то у людей племени аранда это будет считаться достаточным основанием для развода.

Ряд исследователей [2] считает — и их аргументации нельзя отказать в убедительности — пережитком матрилокального брака обычай, запрещающий зятю говорить с тещей, а иногда и тестем, принуждающий его избегать общества матери своей жены. Обычай этот имеет широкое распространение по всей территории Австралии. Так, по Mary River, — приводит Колер примеры этого — зятю и теще запрещено смотреть друг на друга, и также на Моунт Гамбир зять с тестем могут разговаривать только шопотом и несколько иначе, чем обычно. [3] У племени аранда «мужчина в пределах лагеря не может ни говорить с матерью своей жены, ни вообще подходить к ней; вне лагеря он может общаться с ней тайным языком». [4] У жителей Квинсленда «теща с зятем друг с другом не говорят, не могут находиться одновременно на одном и том же месте. Этот обычай,— прибавляет Мьоберг, — широко распространен по континенту». [5]

Как осуществляется снабжение тестя продуктами охоты зятя у племен с делокализированной экзогамией, совершенно ясно. У этих племен нередко зять и тесть принадлежат к одной орде. Но то, как связывается муж с родителями своей жены у племен с локальным характером экзогамии, представляется как будто менее понятным. У этих племен стойбище зятя и лагерь тестя порой на много километров удалены друг от друга. Однако наличие «неборака» и в этих случаях делается понятным,

[1] Strehlow, Die Aranda und Loritza Stamme, тетр. IV, ч. I, гл. «Брачные обычаи».

[2] Напр., Тэйлор, О методе исследования развития учреждений, Этногр. Обозр., кн. V, 1890 г., № 2.

[3] Kohler, Zum Rechte der Australneger. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, XII, 1899 г.

[4] Strehlow, ук. соч. и гл.

[5] Mjoberg, Beiträge, Archiv für Anthropologie, 1925 г., II — IV, стр. 113.

если учесть, что матрилокальный брак сохранился на территории Австралии не только в описанных пережитках.

У жителей мыса Короля Георга (юго-западная Австралия) сын получает право охоты на территории своей матери. У племени Karieri муж и жена свободно и, видимо, довольно часто посещают местопребывание орды жены. Сын имеет право временного пребывания на территории локальной группы своей матери. Каждый мужчина племени курнаев охотится, помимо своей территории, и на территории своей жены и часто на более или менее продолжительное время вообще поселяется у своего тестя. Фатер перечисляет племена, которые представляют исключение из господствующего по всей Австралии патрилокального брака: он называет как достоверные курнаи и диери и как вероятные Wakelburra и Kuinmurrburra. [1] Таким образом, остатки матрилокального брака могут сделать возможным осуществление «неборака» даже у племен с локальной экзогамией.

У ряда австралийских племен имеется любопытный обычай. После свадьбы женщина возвращается в лагерь своих родителей и только на следующий день или даже несколько позднее опять приходит в стойбище своего мужа. Трудно понять этот обычай иначе как своеобразный пережиток былой матрилокальности брака.

Следы локального характера экзогамии у племен с материнской филиацией и делокализированной экзогамией и отчетливо обнаруживающиеся черты былой локальной организации самих классов и тотемов, и роль брата матери, и особое отношение зятя с родней жены, и, наконец, ряд случаев временного поселения в орде жены, и получение прав на охотничью территорию матери и жены, — все это с большой убедительностью свидетельствует о былом господстве на территории Австралии матрилокальной формы брака. Каждый класс дуального деления, древнейшего экзогамного деления на территории Австралии, в первоначальной форме представлял из себя локально-экзогамную группу, в которой матрилокальность сочеталась с матрилинеальностью. Позднее на основе этих локально-экзогамных брачно-классовых организаций, по мере постепенного сужения брачного круга, оформились родовые тотемические группы, которые в своей первоначальной форме также были матрилокальны и матрилинеальны. И экзогамия классов и экзогамия родов тогда одновременно являлись локальной экзогамией, а сам род одновременно и экзогамной и локальной, т. е. хозяйственной, единицей.

Трудно сказать, не пускаясь в рискованные фантазии, как конкретно произошло выделение из ряда локальных классовых групп различных родов, — ясно лишь то, что и рода и классы некогда являлись локаль-

[1] Vater, ук. соч., глава «Счет тотемов».

ными организациями и, следовательно, возникли еще на стадии матрилокального брака. Однако «коммунистическое домашнее хозяйство, при котором женщины все или в своем большинстве принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины распределяются по различным родам, является материальной основой... повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщин». [1] Установление в Австралии былой матрилокальности брака одновременно с этим является установлением прежнего господства женщин в австралийском обществе.

Кунов полагает, однако, что жалкое и униженное положение женщины свойственно всем племенам, стоящим на доземледельческой стадии развития. Женщина у австралийцев, по мнению Кунова, есть и всегда была рабочим животным мужа. И только после перехода к оседлости и в особенности в результате изобретения земледелия экономическая ценность женщины начинает увеличиваться и ее общественное положение улучшаться. Именно для оседлой земледельческой стадии развития Кунов считает типичным появление матрилокального брака. А на основе матрилокального брака «надзор за хозяйством переходит все больше в руки матрон тотемических обществ, и мужчины, как принадлежащие к тому же тотему, братья и дяди с материнской стороны, так и принадлежащие к другим тотемам, мужья, входят в хозяйства, управляемые женщинами, в некотором роде на положении гостей». [2]

Таковы те «поправки», которые вносит Кунов в энгельсовское понимание матриархата. Вместо «повсеместно распространенного господства женщин в первобытную эпоху» «у всех диких [следовательно, доземледельческих. *Е. К.*] и варварских народов» — руководящая роль женщины признается только у племен, стоящих на определенной стадии развития, характеризуемой наличием оседлости и земледелия, и только на этой стадии считается возможным существование матрилокального брака.

Ознакомление с общественными отношениями у австралийцев привело нас к иному выводу. Мы пытались доказать факт былого существования матрилокального брака на территории Австралии и тем самым лишний раз подтвердить положение Энгельса о повсеместно распространенном господстве женщин у всех *диких* и варварских народов. Однако в настоящее время в Австралии господствует патрилокальный брак. А патрилокальный брак лишает господство женщин одной из его материальных основ. Однако не следует преувеличивать, как это делают многие буржуазные исследователи, в частности Кунов, «господство мужа над женой», «рабское подчинение жены мужу» у современных австралийцев. Вспомним хотя бы приведенные нами выше сообщения Эйльмана и Керра об отсут-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 49.
[2] Г. Кунов, О происхождении брака и семьи, стр. 95 — 96.

ствии общности имущества у супругов и ряд других сообщений о частичной хозяйственной самостоятельности женщин в Австралии. [1]

Безусловная власть мужа над женой в экономическом и общественном отношениях появляется лишь на стадии патриархальной семьи в процессе разложения первобытного коммунизма. Она еще совершенно неизвестна парной семье. Экономическое и социальное равноправие женщины и мужчины является одним из существенных признаков первобытного коммунизма. Основой его является коммунистическое домашнее хозяйство, как одна из отраслей общественного производства. Именно об этом говорят все данные, приведенные во второй главе. Ленин указывал, что в первобытную эпоху женщины занимали равное, а иногда и более высокое положение, чем мужчины. Более высокое положение женщин связано с наличием матрилокального брака, равенство мужчин и женщин — с существованием самого первобытного коммунизма. Ибо «первое классовое противоречие, появляющееся в истории, совпадает с развитием антагонизма мужа и жены в индивидуальном браке, а первое классовое угнетение — с порабощением женского пола мужским». [2] Если под матриархатом понимать господство женщин, то понятие это будет соответствовать определенной стадии в развитии доклассового общества — стадии появившегося одновременно с возникновением экзогамии матрилокального брака; если же под матриархатом понимать экономическое и социальное равноправие женского пола с мужским, то период матриархата совпадет с первобытнокоммунистической формацией до эпохи ее разложения. Матриархат в его первом понимании — уже прошлое для австралийского общества, матриархат во втором понимании — настоящее.

У австралийцев старухи, хотя и менее влиятельные, чем старики, все же имеют право голоса, участвуют в обсуждении всех важных вопросов, и их мнение имеет свое значение в решении общественных дел. Именно матери имеют решающий голос при вступлении в брак их детей. Отцы, как отмечает Гоуитт, не принимают в этом участия. В ряде культовых церемоний женщины также имеют известное значение, плохо согласующееся с картиной того приниженного и рабского положения женского пола у австралийцев, которую рисуют многие буржуазные исследователи. Так, в церемониях посвящения женщины, разукрашенные как бойцы, исполняют священную пляску со щитами в руках, вступают в притворную битву с присутствующими мужчинами, бросают горящие ветви на головы посвящаемых, держат священные шесты. У курнаев при убийстве тотемического животного любого пола происходит драка мужчин и женщин, иногда приводящая к серьезным ранениям одного или нескольких участников побоища.

[1] Thurnwald, Ehe, Reallexikon der Vorgeschichte, т. III, стр. 15.
[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 65.

«Моногамная семья, — пишет Энгельс, — отличается от парного брака гораздо большей прочностью брачных уз, которые теперь уже не расторгаются по желанию любой из сторон». [1] Самой высшей формой брака у австралийцев является парная семья, как легко расторжимое единобрачие. Наряду с ней существует немало форм внебрачных половых отношений. Австралийцам неизвестна безусловная власть мужа над женой, им чуждо представление о ненарушаемости брачного союза. Если муж плохо обращается с женой, тотемическая группа жены вступается за последнюю и может даже расторгнуть брачный союз. Если жена изменяет мужу и уходит от него с другим мужчиной, то происходит поединок соперников, и нередко жена остается у своего избранника. Вообще, как не может не отметить даже Кунов, «половые сношения с женой другого не считаются позором, это дело касается только супруга и Дон-Жуана, которые должны покончить его между собою. Других это совершенно не касается». [2] Это положение вещей возможно только при наличии парной семьи, оно несовместимо ни с патриархальной семьей эпохи разложения первобытного коммунизма, ни с моногамией классового общества. Все приведенные факты говорят о том, что, несмотря на патрилокальный характер брака, лишивший женовластие одной из его материальных основ, женщина и у австралийцев «пользуется свободой» и в экономическом и в социальном отношении немногим уступает мужчине.

Отчетливые указания на былую матрилокальность имеются не только у австралийцев. У *всех* «диких племен» женщина либо занимала, либо занимает более высокое положение, чем мужчина, ибо у всех «диких племен» либо существовала, либо существует матрилокальность.

У веддов жених перед свадьбой отдаривает отца своей невесты разнообразными продуктами питания. Вступив в брак, он получает право охотиться на территории орды тестя. Нередко переселяясь в лагерь своей жены, он охотится сообща с ним, делится с ним частью охотничьей добычи и даже наследует часть имущества родителей своей жены. Эта экономическая связь зятя с ордой жены, очевидно, не что иное, как пережиток некогда всецело господствовавшей матрилокальной формы брака. И в полном соответствии с этим Турнвальд относит семью веддов к типу семьи с господством брата матери. [3] Несмотря на то, что в настоящее время брак у веддов большей частью патрилокальный, не может быть и речи о каком бы то ни было «угнетении женского пола мужским». По P. и F. Sarasin, «обращение, которое испытывает жена со стороны мужа, дружеское». [4] «С женщиной обращаются дружелюбно и в известных случаях даже с почте-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 61.
[2] H. Cunow, Die Verwandtschaftsorganization, стр. 44.
[3] Thurnwald, Familie, Reallexikon der Vorgeschichte, т. III, стр. 171.
[4] Sarasin, Die Weddas aus Ceylon, 1883 г., стр. 468.

нием».[1] «Женщина в обществе своих родственников занимает почетное и свободное положение».[2] «В одном случае... старая женщина, которая духовно была живее, чем другие, приобрела известный авторитет и произносила речи, причем не только женщинам, но и присутствующим юным и старым мужчинам».[3] «Женщина, следовательно, — заключают P. и F. Sarasin, при достаточных способностях может приобрести известный авторитет».

У бушменов при брачных переговорах посредницей выступает сестра мужчины. Она оставляет у жилища избранной ее братом девушки маленький подарок, и, если в ближайшие дни девушка не отошлет его обратно, это будет означать, что предложение принято. «После того как брак заключен, долгое время пара живет у родителей жены, и юный муж своему тестю в знак уважения отдает свою охотничью добычу».[4] Через известный промежуток времени, вероятно, после рождения первого ребенка, супруги переселяются в орду мужа, но и после этого не прекращаются экономические связи зятя с тестем. Что же касается положения женщины у бушменов, то Фритч вполне основательно, хотя и несколько наивно, противопоставляет свободному положению женщины у бушменов принижение женского пола у значительно более развитых, уже знающих земледелие и скотоводство племен южной Африки. «Хотя, — пишет он, — жены получаются путем подарков, но личные симпатии при этом всегда принимаются во внимание. Сердце бушмена не так полно быками, как у хваленых кафров, и потому еще в нем есть место для жены и детей; женщины не приравниваются стольким-то и стольким-то головам скота, и поэтому у этих презренных племен они занимают более значительное положение, чем у тех, кто их презирает. У бушменов женский пол — спутник жизни, а у банту — вьючное животное, у последних лентяй — господин и покровитель, у первых, у которых средства к жизни получаются главным образом охотой, каждый пол имеет свою часть в труде, и в то время как у этих, богатых скотом, старый господин получает девушку от ее родителей как жену, у бушменов богатство никого не соблазняет оказывать давление на сердца».[5] Не «земледельческому матриархату» должно противопоставлять «охотничий патриархат», а матриархальным отношениям, свойственным первобытному коммунизму в целом, патриархату, появляющемуся лишь в период его разложения. Бауман в своей исчерпывающей сводке «Отцовское и материнское право в Африке» причисляет бушменов к группе племен, для которой характерно равноправие женского пола

[1] Sarasin, Die Weddas aus Ceylon, стр. 468.
[2] Там же, стр. 468.
[3] Там же, стр. 468.
[4] Fritsch, Die Eingeborenen Süd Afrikas, 1872 г., стр. 445.
[5] Там же, стр. 444 — 445.

с мужским. У намиб-бушменов, по сообщению Тренка, если умирает глава семьи, имущество его переходит к его жене и только после смерти последней к его старшему сыну. После смерти мужа жена может перейти снова к своей семье с половиной оставленного им имущества — другая половина остается в семье покойного. Впрочем, не только равное положение женщины, не только те пережитки матрилокальности, о которых говорилось выше, важно подчеркнуть у бушменов. Чем другим, как не настоящей матрилокальностью, может быть названо следующее положение вещей, описанное Пассарге у бушменов Калахари: «Мужчина причисляется к семье своей жены и становится членом ее рода. Только при браках главы семьи жена переходит в род мужа». [1]

У семангов зять должен заботиться о своем тесте после свадьбы. «Поэтому именно он задерживается первый год после брака в лагере тестя или, если он продолжает жить у своего отца, он приходит время от времени к родителям своей жены, чтобы оказать им внимание или помочь в работе». [2] Следы былой матриархальности брака отчетливо прослеживаются и в том, что при междуплеменных браках «никогда, как мне известно, не изменяет женщина своего племени, а мужчина оставляет свое племя и причисляется к другому, к которому принадлежит его жена». [3] Каково положение женщин у семангов? «Нет никаких данных о каком-либо порабощении женщин. Даже то, что говорят о женщинах у других первобытных народов, как о рабынях в работе, не встречается у семангов... более трудные работы падают всегда на мужа. Жена противостоит мужу несмущенно и свободно. Она непременно равна ему и по праву и по положению». [4] «Что имеется любовь и симпатия, которые создают и удерживают пары, мог я наблюдать в различных случаях». [5] И, наконец, у одной орды семангов имелась даже женщина, которая вследствие своей рассудительности сиамитами рассматривалась и выдавалась за вождя негритосов. [6] Не забудем, что эти сведения дает не кто иной, как патер Шебеста, ближайший сотрудник кардинала Шмидта.

У андаманцев, как известно, также стоящих на доземледельческой стадии развития, жених, а затем муж в течение известного времени обслуживает родителей своей невесты, а затем жены. О положении женщины у андаманцев имеется, например, следующее характерное сообщение Мэна: «Как я уже установил, совершенно неверно говорить о этих дика-

[1] Ср. Baumann, Mutterrecht und Vaterrecht in Afrika. Zeitschr. für Ethnoeogie, 1925 г., стр. 65.

[2] Schebesta, ук. соч., стр., 242.

[3] Там же, стр. 237.

[4] Там же, стр. 237.

[5] Там же, стр. 242.

[6] Там же, стр. 237.

рях, что у них брак есть не что иное, как превращение женщины в рабыню; одна из наиболее замечательных черт их социальной организации — заметное равенство и любовь, существующие между мужем и женой. Тщательное наблюдение, продолжающееся много лет, показывает, что не только авторитет мужа более или менее номинален, но что и не совсем редкое явление андаманский Бенедикт, внимательно подчиняющийся и подвергающийся брани со стороны своей лучшей половины; одним словом, внимание и почтение, с которыми обходятся с женой, может с успехом оспариваться у известных классов в нашей собственной стране». [1]

У калифорнийских индейцев уже до свадьбы жених регулярно снабжает продовольствием родителей своей невесты, а затем жены. «Мы находим, — признает Кунов, — у всех более развитых северо-калифорнийских племен известную тенденцию удерживать дома сына и, если возможно, зятя». [2] У калифорнийцев, следовательно, частичная матрилокальность существует наряду с обычаем служения тестю. А известно, что «на положение женщины, — так пишет сам Кунов, — по отношению к мужчине имеет существенное влияние, она к нему или он к ней переселяется... Совместная жизнь с ее родителями, братьями и сестрами всегда вынуждает мужа к известному почтению по отношению к жене, а, с другой стороны, она сама чувствует себя в кругу своих более самостоятельной по отношению к мужу, чем если бы она была среди его родственников». [3] А вместе с тем, описывая племена северного побережья Тихого океана, в основном не знающие земледелия в сколько-нибудь широком масштабе, Боас отмечает наличие у них наряду со счетом по женской линии «передачи привилегий от мужчины к зятю», [4] этого явного пережитка матрилокального брака.

У тлинкитов положение вещей особенно показательно. «Расчленение тлинкитов в роды совершенно независимо от территориального расчленения племени. Один и тот же род находим мы на различных местах. Своеобразное отношение, что каждое место населено несколькими родами... в то время как, с другой стороны, один род расчленен по многим местам, объясняется обычаем взаимных браков и материнским порядком наследования». [5] Полная делокализация родов у тлинкитов объясняется тем, что наряду с еще сохраняющейся матрилинеальностью у них уже го-

[1] Man, On the aboriginal inhabitants of the Andaman islands, Journ. of the Anthropological Institute, 1882 г., стр. 327.

[2] H. Cunow, Die ökonomischen Grundlagen, Neue Zeit, 1897-98 г., n°3, стр. 135.

[3] Там же, стр. 136.

[4] Boas, The social organization of the tribes of the Noth Pacific Coast, American Anthropologist, 1924 г., n°3.

[5] Krause, Die Tlinkit Indianern, 1885 г., стр. 12.

сподствует патрилокальная форма брака. И, несмотря на это, можно с полной несомненностью утверждать, что некогда роды у тлинкитов были одновременно и локальными единицами. Ведь, еще и сейчас члены одного и того же рода зовут друг друга или «друзьями», или «местными людьми», а члены других родов или «чужими», или «нездешними». И это несмотря на то, что в настоящее время эти «местные люди», быть может, обитают в самых различных, иной раз очень отдаленных друг от друга местах, а «нездешние люди» нередко оказываются живущими по соседству.

Ясно, что подобное словоупотребление могло появиться лишь в то время, когда роды были локальными, а, следовательно, и хозяйственными единицами. Связь определенных родов с определенными местностями, впрочем, прослеживается еще и в настоящее время: «важнейший из всех родов [фратрия волка. *Е. К.*] Kagotan... который своим главным местом поселения имеет большое село в Kloknan-Tschilkuts. По Веньяминову, жили Tschilkut-kagotan раньше вблизи предгорий, в селе, называемом Kaknan... Теперешний вождь рода Kagotan старый Tschertritsch сообщил, однако, что его предки пришли сюда из Sitka». [1]

Известно, что локальность ныне делокализированных родов возможна была только на основе матрилинеальности с матрилокальностью. Показав, что роды у тлинкитов некогда были одновременно локальными объединениями, тем самым показали, что в прежнее время матрилокальная форма брака была господствующей у тлинкитов. Но в настоящее время можно говорить лишь о ее пережитках. Таковыми являются — частичная матрилокальность («женатый тлинкит имеет право или навсегда остаться у своего тестя, или итти на свою родину»), [2] аванкулат («наследство умершего тлинкита переходит к сыну его сестры») [3] и служение тестю в форме отдаривания его перед свадьбой. То, что это отдаривание нельзя приравнивать к отработкам или к калыму, ясно хотя бы из того, что «как приданое он [муж. *Е. К.*] получает от своего тестя или от родственников своей жены подарки, которые по своей ценности равны или даже превышают подарки, сделанные им самим, как женихом». [4] Бесполезно искать упрощенно-рационалистического толкования этой как будто бессмысленной «циркуляции благ», ее следует объяснить как отражение смены матрилокальных отношений патрилокальными. «Положение женщины [у тлинкитов. *Е. К.*] не неблагоприятно. Она не рабыня мужчины, ее права определены, ее влияние значительно, и торговля часто зависит от ее согласия. Донглос и Ванкувер сообщают даже о женщинах, которые пользовались таким ува-

[1] Krause, ук. соч., стр. 112 — 113.
[2] Там же, стр. 220.
[3] Там же, стр. 231.
[4] Там же, стр. 220.

жением, что они казались своеобразными руководительницами, распоряжениям которых мужчины охотно подчинялись». [1]

«Когда камчадал, — сообщает Крашенинников, — пожелает жениться, то, высмотря себе невесту, обыкновенно в другом, а не своем острожке, переселяется жить туда и, объявя о своем намерении, несколько времени работает, оказывая удальство свое и проворство и услуживая всем паче холопа, наиболее же будущему своему тестю, теще и невесте, а потом требует позволения хватать невесту». [2] «Благодаря такому способу заключения браков, — пишет Стеллер, возможно, несколько утрируя положение вещей, — полагалось первое начало господству жены и подчиненности мужа, ибо муж должен был все время ухаживать за своей невестой, угождать ей, быть у ее ног»... «Он [муж. *Е. К.*] любит свою жену так сильно, что делается самым преданным ее рабом. Жена всем повелевает и добивается всего, что ей нужно; муж повар и работник на нее. Если он промахнется в чем-нибудь, она отказывает ему в расположении и не дает ему табаку, который он должен выманивать с помощью просьб, ласки и комплиментов; мужья не ревнивы, живут в дружбе с многими чужими женщинами и девушками, до чего они большие любители, однако все это они должны держать в большой тайне от ревнивых своих жен, которые сами между тем претендуют на полную свободу добиваться чужой любви»... «Женщины далеко превосходят мужчин, которые гораздо тупее, глупее и медлительнее». [3]

Не подлежит сомнению, что и частичная матрилокальность, и аванкулат, и обычай служения тестю являются пережитками былого нераздельного господства матрилокальной формы брака. Ведь, на наших глазах совершается переход от матрилокальности к патрилокальности у лесных племен Южной Америки.

Там в условиях матрилокального брака название «зять» равнозначно слову «зависимый», «раб». Ведь, в условиях матрилокального брака ирокезов, как сообщает, например, Лафито, вся добыча охотников в первый год супружества принадлежит по праву хижине его жены, и в следующие года он обязан делиться ею с родственниками жены. И в Южной Америке мы отчетливо можем видеть, как при смене матрилокального брака патрилокальным остаются в качестве пережитков: во-первых, временное переселение в дом родителей жены, нередко только до свадьбы или до рождения первого ребенка, и, во-вторых, обязанность регулярно снабжать тестя продуктами питания. Мы, следовательно, имеем все основания утверждать, что и у австралийцев, и у веддов, и у андаманцев, и у

[1] Krause, ук. соч., стр. 161.

[2] Крашенников, Описание земли Камчатки, 1819 г., стр. 169.

[3] Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, цит. у Гроссе, стр. 107 — 108.

семангов, и у калифорнийских индейцев, и у тлинкитов в прошлом господствовала матрилокальная форма коммунистического домашнего хозяйства, эта материальная основа женовластия.

Недаром у огнеземельцев, у которых зять работает на тестя непрерывно до рождения первого ребенка, а после этого делает ему время от времени различные подарки, существует предание, что в древнее время женщины и только женщины были магами, знахарями, и, следовательно, только женщинам принадлежала магическая власть. [1] Недаром и в настоящее время «старые женщины, мужья которых умерли, решительно берут на себя все права семейного главы и если они живут одни, то имеют у себя пару детей или внуков, которые им безусловно послушны». [2] И даже «разделение труда справедливо и благоразумно, и женщины отнюдь не угнетены, а ведут более счастливую и приятную жизнь, чем мужчины». [3] Недаром, как пишет Гузинде, «жена почти равноправна мужу». [4]

Не ясно ли после всего сказанного, что куновское положение об «охотничьем патриархате» и «земледельческом матриархате» и прежде всего «земледельческой матрилокальности» является действительно легендой. Тем более, что о матрилокальности у доземледельческих племен можно говорить не только на основании пережитков. «*Молодая жена с детьми*, — так пишет Штейнен о бороро, — *остается* в *доме своих родителей*. Муж приходит к ней на ночь, а дни проводит на охоте или в мужском клубе. Молодым супругам отводят особое место у очага, поодаль от бабки и внучат». [5]

«В первый раз сват, предлагая союз от имени родных жениха, просит родню невесты сидеть «у тепла одного очага». Самое характерное и интересное место в речах свата следующие слова его, обращенные к родителям невесты после их обычного первоначального отказа: «Отец-мать! моего юношу-сироту к огню вашего очага отчего не пускаете?», в каковых словах выражается просьба приобщить жениха к культу предков семьи невесты, культу, чрезвычайно развитому у юкагиров. Затем интересен ответ на это отца невесты: «Мои люди и моя родня какие слова изрекут, я не знаю», указывающие на участие всего рода в решении вопроса — принять ли в дом зятя. Наконец, отец невесты дает согласие, но ставит условие, что жених во всю жизнь не должен оставлять его дома» [6] — так описывает

[1] J. Lublinski. Medizinmann der Naturvölker Südamerikas, ZfE, 1923 г., стр. 238.
[2] Hiades, Jahr am Kap Horn, Globus, XLIX, n°3, стр. 35.
[3] Das Feuerland und seine Bewohnen (no Bridges), Globus, XLVII, стр. 335.
[4] Gusinde, Die Kulturformen der Feuerland-Indianer, ZfE, 1932 г., H. 1—3, стр. 146.
[5] Steinen, ук. соч., стр. 388.
[6] Иохельсон, Бродячие роды тундр между реками Индигиркой и Колымой, «Живая старина», г. X, вып. 1-2, 1900 г., стр. 175.

Иохельсон матрилокальную форму коммунистического домашнего хозяйства, эту материальную основу женовластия, у юкагиров реки Ясачной.

После всего сказанного легко можно судить о том, является ли ревизия энгельсовских установок в вопросе о матриархате, о которой говорилось выше, вызванной фактическим положением вещей, или она с начала до конца тенденциозна.

7. Генрих Кунов и последовательность развития австралийских племен

Положение о былой матрилокальности австралийских племен резко расходится с точкой зрения большинства буржуазных ученых вообще и Кунова в частности. В чем выражалась конкретно в вопросах австралийской этнографии та антиморгановская и антимарксистская реакция буржуазной науки, которая толкнула ее адептов на чудовищное извращение всей истории первобытного общества?

Борьба шла против достижений классической австралийской этнографии в лице прежде всего Гоуитта. Уже в 1888 г. им была совершенно отчетливо показана основная линия развития австралийских племен. В «Журнале Антропологического института» он писал следующее: 1) классовая система Австралии развивается из разделения коммуны в две экзогамные группы, каждая из которых имеет характер пиррауру и в каждой из которых счет происхождения может вестись только по матери. 2) Дальнейшее развитие классовых систем связано с переменой порядка брака и линии происхождения. 3) С вырождением практики пиррауру и с установлением индивидуального брака линия происхождения сменяется с материнской на отцовскую. 4) С индивидуальным браком и счетом по мужской линии появляется тенденция ликвидировать классовую организацию и заменить ее организацией в локальные группы. [1]

Древнейшим типом племен на территории Австралии являются племена с двухклассовой системой и оформившимися в ее пределах родовыми группами. Недаром, как правило, классы дуального деления «построены на принципах материнского права». [2]

Наряду с еще сохраняющейся матрилинеальностью у этих племен уже установилась патрилокальность, что и привело к делокализации классов и родов. Дальнейшее развитие идет по линии согласования филиаций с локальностью — патрилокальность дополняется патрилинеальностью.

[1] Howitt, Further notes on the Australian class systems, Journal of Anthropological Institute, 1888 г., v. XVIII, n°1, стр. 87 — 88.

[2] Максимов, Материнское право Австралии, Гиз, 1930 г., стр. 86.

Этот процесс приводит к вторичной локализации родовых и классовых групп. Нередко при этом процессе исчезает брачно-классовая система, и единственными экзогамными единицами остаются локальные патрилинеальные и патрилокальные рода. Эта стадия представлена в настоящее время племенами типа Narrinyeri или Yerkla-mining.

Дальнейшее развитие крайне любопытно: в результате локализации рода исчезает сама родовая экзогамия, именно как экзогамия рода и сменяется экзогамией локальной, экзогамией территории. Племя курнаев является показателем этой ступени развития.

Четыре типа экзогамии, четыре момента постепенного сужения брачного круга, таким образом, последовательно сменяют друг друга на территории Австралии: 1) локально-родовая и классовая экзогамия на основе матрилинеальности и матрилокальности, 2) делокализированная родовая и классовая экзогамия на основе патрилокальности и матрилинеальности, 3) локально-родовая экзогамия на основе патрилокальности и патрилинеальности и 4) локальная экзогамия на основе патрилокальности.

Была ли приемлема для буржуазной науки подобная схема развития австралийских племен? Она не была для нее приемлемой, ибо опиралась на признание группового брака и связанного с ним матриархата древнейшими стадиями развития общества. И буржуазная наука в борьбе против Моргана и Энгельса ставит на голову последовательное развитие австралийских племен. Пламя курнаев объявляется древнейшим типом общественного устройства австралийских племен, племена с двухклассовой системой — диери и урабунна — позднейшим. Тем самым патрилинеальность и патрилокальность объявляются предшествующими матрилинеальности, и парная семья объявляется более архаическим типом, чем вырождающийся групповой брак пиррауру или пираунгара.

И разве можно считать простой случайностью, что впервые развернутое обоснование именно этой чудовищно извращенной схемы развития австралийских племен дал уже в 1894 г. не кто иной, как Кунов, в своей работе «Родственные организации австралийских негров». И не случайностью является то, что в настоящее время эта схема официально аппробирована «клерикальной этнологией». Кардинал Шмидт вслед за Куновым счел племя курнаев за представителя древнейшего культурного круга «на территории Австралии». Он нашел у курнаев не только патрилокальность и патрилинеальность, не только столь близкую сердцу каждого правоверного католика моногамную семью, но и «веру в высшее существо» — «первобытный монотеизм».

Следующий «культурный круг» на территории Австралии — «западнопапуасский культурный круг» Гребнера, характеризующийся локальным экзогамным тотемизмом с патрилокальностью и патрилинеальностью, представлен, по Шмидту, племенами типа Narrinyeri. И, на-

конец, позднее всего проникает на территорию Австралии «восточно-папуасский культурный круг» с делокализированной матрилинеальной двухклассовой системой. [1]

Курнаи — нарриньери — диери — такова последовательность развития австралийских племен по кардиналу Шмидту с одной стороны, по социал-фашисту Кунову с другой. Разница между Шмидтом и Куновым заключается лишь в том, что если Шмидт смену локальной экзогамии курнаев локально-родовой экзогамией нарриньери объяснял проникновением нового «культурного круга», то Кунов этот же процесс пытался объяснить «внутренним развитием»; если Шмидт появление матрилинеальности объяснял воздействием другого «культурного круга», то Кунов пытался переход к материнскому счету объяснить необходимостью при усложнении брачных связей точно установить круг кровных родственников по женской линии. Важно то, что схема, которую рисуют и Кунов и Шмидт, — от локальной экзогамии курнаев через локально-родовую экзогамию нарриньери, к делокализированной экзогамии диери является не обоснованной и тенденциозной выдумкой, важно то, что та схема развития австралийских племен, которая дана у Энгельса, Моргана и Гоуитта, как последователя Моргана, подтверждается всеми известными нами фактами.

Сочетание патрилокального брака с патрилинеальностью производит переворот в общественных отношениях. Он выражается в том, что родовые и классовые объединения локализуются, родовая и классовая экзогамия начинает совпадать с экзогамией локальной. Этот процесс локализации тотемических объединений еще недавно можно было уловить у племени Yuin. У племени Yuin, по данным Гоуитта, несмотря на наличие патрилинеальности, тотемические группы делокализированы, а вместе с ними делокализирована и тотемическая экзогамия. Метьюз указывает, однако, на значительную уже склонность к локализации тотемов у Yuin. Пожалуй, вернее всего будет оценить современное состояние племени Yuin как переходное от делокализированных тотемических групп племен с материнской филиацией к локализированным тотемическим группам патрилинеальных племен.

В качестве классического примера племени с экзогамно-локальными тотемическими группами приверженцы «школы культурных кругов»

[1] W. Schmidt, Die soziologische und religiös-ethische Gruppierung. Отнесение курнаев к древнейшему типу общества на территории Австралии не принял и Гребнер. См. его полемику со Шмидтом в «Globus» за 1910 г. Как указал сам Шмидт в другом месте, эта полемика касалась деталей, но не основных методологических установок, которые были и есть общие и у Гребнера и у Шмидта (см. примечание Schmidt'a к статье Гребнера «Die melanesische Bogenkultur und ihre Verwandten», «Anthropos», 1909 г.).

обыкновенно приводят племя нарриньери.[1] Племя это состоит из 18 локальных групп. Племя обладает 23 тотемами. Уже простое сопоставление числа локальных групп и числа тотемов говорит о том, что не каждая локальная группа объединяет только членов одного тотема. Конкретно: 14 локальных групп имеют по одному тотему, одна — два и три — по три. Существенно важно решить, какая форма экзогамии является господствующей у нарриньери: экзогамия 23 частично еще делокализированных тотемов или экзогамия 18 локальных групп? В 14 локальных группах локальная экзогамия целиком совпадает с тотемической (родовой). Однако есть случаи, когда в одной локальной группе живут лица, принадлежащие к нескольким тотемам, а лица, являющиеся членами одного тотема, живут в различных локальных группах. И вот оказывается, что в таких случаях членам различных тотемов, живущим в одной локальной группе, брак запрещен, а членам одного и того же тотема, живущим в различных ордах, вступать в брак разрешается. Локальная экзогамия начинает преобладать над экзогамией родовой.

Племя наррангга подобно нарриньери причисляется Гребнером к племенам с локально-тотемическими экзогамными группами. Это племя интересно тем, что ломка прежде делокализированной тотемической экзогамии в связи с вызванной переходом к патрилинеальности локализацией прослеживается здесь довольно ясно. Речь идет о различиях в описании этого племени, имеющихся в двух неодновременных сообщениях Гоуитта. В 1880 г. Гоуитт сообщал, что племя наррангга распадается на два экзогамных класса, причем в первом классе имеются 10, а во втором 6 тотемических групп. В 1904 г. Гоуитт уже по-другому освещает социальную организацию у того же племени наррангга. Все племя распадается на 4 локальных подразделения, с каждым из которых связано по одному тотемическому классу и по нескольку тотемических групп. Но важно то, что и класс и тотемы, по второму сообщению Гоуитта, не являются экзогамными единицами. Фрезер считает возможным, что «утверждение Kühn'a (первый информатор Гоуитта) относится к состоянию вещей, которое с тех пор прошло».[2] Если это так, то можно сказать, что ломка тотемической экзогамии у патрилокального и патрилинеального племени наррангга прошла на наших глазах.

У племени какаду,[3] для которого также характерно наличие исключительно локальной организации, тотемы потеряли свой экзогамный и наследственный характер, хотя, согласно Спенсеру, все же очень редко мужчины берут в жены женщин из своего тотема.

[1] Howitt, The native tribes, стр. 131; Frazer, ук. соч., стр. 477 и сл.; Vater, ук. соч., племя n° 15.

[2] Frazer, ук. соч., стр. 475.

[3] См. у Vater, ук. соч., племя n° 124.

Чрезвычайно показательно положение дел у племен, исследованных Броуном,— Karieri, Mardudhunera, Ngaluma. [1] У этих племен четырехклассовая система построена на основе отцовской филиации. Патрилокальность здесь, следовательно, дополнена патрилинеальностью — локальные группы экзогамны. В каждой локальной группе имеется несколько тотемов, с которыми связаны ряд тотемических центров, причем для каждой из пары классов имеются иные тотемы, чем для другой. Важно то, что число тотемов каждой локальной группы равно числу тотемов каждого члена ее. Нельзя не согласиться с Максимовым в том, что здесь «нет полного тотемизма». [2]

Во всяком случае, экзогамия связана исключительно с территорией. Тотемизм у Karieri и ему подобных племен, потеряв непосредственную связь с экзогамными организациями, выродился — свелся лишь к выполнению известных культовых церемоний. И возможно, что это причисление к одной локально-экзогамной группе многих тотемов есть результат внедрения в еще делокализированную тотемическую организацию локально-экзогамных отношений.

Все приведенные факты позволяют прийти к некоторым общим выводам. У племени Yerkla-mining каждой из его четырех экзогамных групп соответствуют определенные территориальные подразделения, и, следовательно, тотемическая экзогамия совпадает с экзогамией локальной. Однако по мере дальнейшего развития территория перенимает на себя функции рода — локальная экзогамия начинает вытеснять экзогамию тотемическую, экзогамию родовую. Это отчетливо прослеживается у нарриньери, наррангга, Karieri, Ngaluma, Mardudhunera и некоторых других племен. А по мере потери тотемическими группами их экзогамного значения происходит постепенное вырождение представлений, свойственных «классическому австралийскому тотемизму», хотя бы в той форме, в которой он имеется у племен группы кариери.

Завершением этого процесса постепенного вытеснения родовой экзогамии экзогамией локальной и одновременно с этим вырождения обычных для Австралии тотемических представлений является племя курнаев. Заключение брака у курнаев регулируется исключительно территориальными связями: жена берется из местности, как можно более удаленной от района кочевок орды мужа. Локальная экзогамия — единственная форма экзогамии, известная у курнаев, все члены одной и той же орды, одной и

[1] Ср. Brown, Three tribes of Western Australia, Journal of Anthropological Institute, v. XLIII, 1913 г., стр. 160, 174, 189; The social organization of Australian tribes, Oceania, v. I, № 2, стр. 210; The definition of totemism, Anthropos, 1917 г., № 3-4.

[2] Максимов, Материнское право в Австралии, Гиз, 1930 г., стр. 84.

той же локальной группы, как таковые, считаются кровными родственниками друг друга.

Тотемы не оказывают никакого влияния на брачные отношения. Лишенный своего экзогамного значения, тотемизм курнаев является ярким примером вырождения тотемических представлений. Ведь, половой и индивидуальный тотемизм единственные представленные у курнаев формы тотемизма.

Однако Гоуитту удалось доказать, что «чундунг», ныне являющийся у курнаев индивидуальным тотемом, некогда был наследственным групповым тотемом, передающимся от отца к сыну. Обычно юноша при посвящении получает свой индивидуальный тотем от своего отца, причем «чундунг» сына не обязательно тождественен «чундунгу» отца. Однако, если отец умирает до посвящения, то обычно имеет место простой перенос тотема отца к сыну. В этих случая «чундунг», как «пережиток прежнего группового тотема», остается верен правилам былого, наследственного тотемизма.

В то время как брак у курнаев регулируется локальностью, а не «чундунгом» или индивидуальным тотемом вступающих в брак, тем не менее вследствие обычая патрилинеальности индивидуальные тотемы в местностях, находящихся во взаимно-брачных связях, оказываются изолированными и тем самым косвенно воздействуют на брак. Из того, что мужчина доставляет жену в свою местность и она не может перенести свой индивидуальный тотем на своих детей, в то время как муж может переносить на них свой, следует, что в одном округе от поколения к поколению наследуются лишь одни тотемы. Так как под влиянием патрилинеальности эти индивидуальные тотемы становятся локализированными в одном округе и так как брак регулируется этим округом, может казаться, что тотемический округ в действительности совпадает с экзогамно-локальным округом, т. е. что тотем регулирует брак. [1]

Не говорит ли это о том, что современный индивидуальный тотем курнаев еще недавно был типичным для Австралии наследственным и экзогамным групповым тотемизмом? Шмидт, солидаризируясь с Куновым, рассматривал, однако, общество типа курнаев как пример древнейшей стадии социального развития на территории Австралии, характеризуемой наличием локальной экзогамии и отсутствием наследственного тотемизма. Эта стадия, с его точки зрения, сменяется новым культурным кругом с локально-тотемистическими экзогамными группами типа нарриньери.

[1] Brown полагает даже, что у курнаев имеется «система патрилинеальных тотемов» (The social organisation, стр. 229). Если это так, то тем яснее вся необоснованность древнейшего культурного круга на территории Австралии В. Шмидта. Впрочем, точку зрения Гоуитта нельзя еще считать опровергнутой (The native tribes, стр. 135).

Однако мы видели, как при локализации тотемических групп (в результате сочетания с патрилокальностью патрилинеальности) родовая экзогамия постепенно сменяется экзогамией локальной и как параллельно с этим происходит процесс потери тотемизмом своего экзогамного значения и вырождение тотемистических представлений. Итак, следовательно, картина действительного развития получается как раз обратная той, которая рисуется кардиналом Шмидтом с одной стороны, социал-фашистом Куновым — с другой.

Общество типа нарриньери в процессе его дальнейшего развития превращается в общество типа курнаев. А в прошлом и у нарриньери и у курнаи — двухклассовая система с материнской филиацией. С этой точки зрения важен вывод, к которому пришел Гоуитт на основании изучения языка и мифологии племени курнаи. Гоуитт обнаружил у него отчетливые следы былого деления племени на два обычных для этих районов брачных класса: «клинохвостый орел» и «ворона», следы брачно-классовой системы, всегда строящейся на основе матрилинеальности.

Основа современной социальной структуры у нарриньери — экзогамно-тотемическая территориальная группа с мужской филиацией. Но, несмотря на это, экзогамные правила сводятся не только к запрещению брать жен из своей собственной орды, respective орды своего отца, т. е. вступать в брак с женщинами своего тотема. У племени нарриньери никто не должен брать жен и из локально-тотемической группы своей матери. [1]

Основа современной социальной организации племени курнаи локально-экзогамные орды с мужской филиацией. Но, несмотря на это, при убийстве члена орды в осуществлении кровной мести участвуют не только члены орды убитого. В ней обязаны принимать участие также сыновья сестры убитого, всегда являющиеся членами другой орды. [2] В обоих случаях это явные пережитки матриархальных порядков, некогда господствовавших и у курнаев и у нарриньери.

У племени Chepara, подобно курнаи, браки регулируются исключительно отношениями локальной экзогамии. Но, подобно курнаи, у Chepara еще сильны пережитки былого тотемизма. [3] Они выражаются прежде всего в пантомимах при инициациях, представляющих различных зверей.

[1] H. Cunow, Die Verwandtschaftsorganisation, стр. 84: «не вступают в брак в своем собственном клане, клане матери, клане матери отца и клане матери матери» (Brown, The social organisation, стр. 224). Об этом как о пережитке матриархата см. у Kohler, Zur Urgeschichte der Ehe, Zeitschr. für vergleichende Rechtswissenschaft, 1897 г., XII, стр. 248—249.

[2] H. Cunow, Die Verwandtschaftsorganisation, стр. 59.

[3] Howitt, The native tribes, стр. 581. См. Frazer, ук. соч., стр. 506.

Итак, австралийские племена прошли большой и долгий путь развития: от матрилинеальной и матрилокальной двухклассовой системы и матрилинеальной и матрилокальной родовой или тотемистической организации к патрилинеальной и патрилокальной родовой, а затем и чисто локальной экзогамии. Не ясно ли, между прочим, что сплошным недоразумением, основанным на излишнем доверии к целому ряду не всегда достаточно авторитетных источников и на мало понятном для советских историков недоверии к Моргану и Энгельсу, следует считать так часто фигурирующее в нашей литературе последних лет представление об австралийском обществе как о обществе дородовом. Все вышесказанное приводит к выводам, что перешедшее в ряде мест уже к патрилинеальности австралийское родовое общество является с этой точки зрения более развитым, чем матрилинеальные, а тем более матрилокальные общества индейцев Северной или Южной Америки, бакаири или ирокезов.

Позвольте, скажут некоторые ретивые «экономисты», как это может быть: у австралийцев охота и собирательство, у ирокезов и бакаири — мотыжное земледелие?

Мы ответим им словами Энгельса: «На данной ступени развития способ производства был менее решающим, чем степень разложения древних уз кровного родства и древнего взаимного общения полов в пределах племени».

Мы напомним им следующее положение Энгельса: «Не грубость является показателем первобытного состояния, а степень сохранения старых кровных связей племени».

Итак, был поставлен вопрос: кто прав — «идеалист» Энгельс или «материалист» кардинал Шмидт? Факты показали полную правильность всех утверждений Энгельса, в частности применительно и к австралийскому обществу с одной стороны и тенденциозность и необоснованность всех суперматериалистических построений Кунова и Шмидта с другой.

8. Заключение

Рассмотрение основных расхождений марксистско-ленинского понимания истории семейных отношений первобытного общества с его меньшевистской фальсификацией позволяет сделать два основных вывода:

1) С самого своего возникновения еще в 80-х — 90-х годах прошлого столетия международный ревизионизм и в вопросах первобытной истории порвал с марксизмом. С самого своего возникновения только большевизм и в вопросах истории первобытного общества продолжал дело Маркса и Энгельса.

2) Все основные аргументы буржуазной «этнологии» в ее борьбе с Морганом, Марксом и Энгельсом (вульгарное экономизирование, критика тео-

рии группового брака и энгельсовского понимания систем родства, понимание парного брака как моногамной семьи, борьба с теорией развития вообще, положение об «охотничьем патриархате» и «земледельческом матриархате» и т. д.) взяты из арсенала меньшевистской критики Моргана и Энгельса. [1]

Социал-фашизм и в данном случае расчистил путь фашизму. И непримиримая борьба советской науки о доклассовом обществе с буржуазными извращениями исторической действительности должна иметь в качестве своей составной части борьбу с теоретическим меньшевизмом.

[1] Свое положение о локальной экзогамии, как первой форме экзогамии, и патрилокальном браке, как первой форме экзогамного брака, Кунов обосновывает отношениями, наличными у племени курнаи, которое он рассматривает как первобытнейшее племя на территории Австралии. Однако, так как племя курнаи является, напротив, одним из наиболее развитых австралийских племен, то построение Кунова лишается всякой серьезной аргументации.

КАРЛ МАРКС И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема социальной революции в античном обществе

С. И. КОВАЛЕВ

В одном примечании к работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин говорит о Марксе, что «он вообще дефинициями не занимался».[1] Дело здесь, конечно, не в личной нелюбви Маркса к логическим определениям, а в духе самой Марксовой теории. Развернутые, застывшие, раз навсегда данные определения, которые исчерпывают предмет до конца и без остатка, — совершенно чужды диалектическому материализму. Чужды потому, что они ни в коей мере не могут покрыть текучей, вечно меняющейся, бесконечно разнообразной действительности, которая глубже, шире и полнее любого логического определения. Поэтому у творцов марксизма-ленинизма вы не встретите ни одной дефиниции в точном смысле этого слова. Это не значит, само собой разумеется, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни Сталин никогда не дают определений: вы найдете их сколько угодно. Но это — определения совсем особого рода: они схватывают самую сущность предмета или его наиболее важную и характерную сторону; они берут предмет или явление не «вообще», а в его конкретной, исторической форме; они, наконец, не столько определяют предмет сам по себе, сколько рисуют его многообразные связи и отношения к окружающим предметам и явлениям. Одним словом, это — диалектические определения, а не логические дефиниции.

Вот почему ни у основоположников марксизма, ни у их лучших учеников вы нигде не найдете логического определения понятия социальной революции. В предисловии к «К критике политической экономии» Маркс пишет: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых

[1] В. И. Ленин, Соч., 2-е изд., т. I, стр. 306, прим. 1.

они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции». [1] В этом месте Маркс подчеркивает наиболее общий момент, характерный для всякой революции: социальная революция происходит потому, что с определенного момента производственные отношения не дают возможности дальнейшего развития производительных сил. «С изменением экономической основы, — говорит Маркс дальше, — более или менее быстро происходит переворот и во всей громадной надстройке». Это означает, что всякая революция представляет смену общественно-экономических формаций, в основе которой лежит смена способа производства. Ленин в «Письмах о тактике» подчеркивает другую сторону социальной революции: «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак *революции* как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия». [2] В письме к Бернштейну от 27 августа 1883 г. Энгельс отмечает еще один момент: «Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляют себе революцию как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс *развития масс* (курсив мой. *С. К.*) с ускоренным темпом движения». [3] Энгельс же указывает, что нет революций политических и революций социальных: «Всякая настоящая революция есть революция социальная, так как она передает власть в руки нового класса и доставляет ему возможность перестроить общество по образу и подобию своему». [4] Об этом же еще в «Нищете философии» говорил и Маркс: «Никогда не существовало политического движения, которое не было бы в то же время и социальным». [5] Энгельс не раз отмечал (как и Маркс в выше цитированном месте из «Предисловия»), что революция есть всегда изменение формы собственности: «Солон... открыл ряд так называемых политических революций, причем вторжением в отношения собственности. Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого вида собственности... В Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти собственность буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников». [6] Наконец, тов. Сталин в своем выступлении на съезде кол-

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1932 г., стр. 45—46.
[2] Письма о тактике, письмо 1-е, Соч., 2-е изд., т. XX, стр. 100.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. I (VI), стр. 349.
[4] Ф. Энгельс, О России, Харьков, 1924 г., стр. 19.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 416.
[6] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, Партиздат, 1933 г., стр. 139. См. также «О России», стр. 34.

хозников-ударников 19 февраля 1933 г. заострил в понятии революции тот ее признак, что она всегда является движением угнетенных масс: «Революция *рабов* [курсив мой. *С. К.*] ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся... Революция *крепостных крестьян* [курсив мой. *С. К.*] ликвидировала крепостников и отменила крепостническую форму эксплуатации» и т. д.

Конечно, ни одно из этих определений не противоречит другому. Наоборот, они дополняют друг друга, так как каждое из них подчеркивает какую-нибудь одну сторону того чрезвычайно богатого и сложного явления, которое мы называем социальной революцией. Мало того. Так как революция представляет диалектическое единство всех ее элементов, то каждое правильное определение одного из них implicite содержит в себе все остальные. Поэтому достаточно взять любую из выше приведенных формулировок, чтобы вскрыть все существенные стороны социальной революции. Такими существенными сторонами являются три момента: 1) социальная революция происходит потому, что растущие производительные силы, начиная с определенного момента, не могут развиваться в рамках старых производственных отношений, в рамках старого общества; 2) социальная революция состоит в смене способа производства и, следовательно, в смене социально-экономической формации; 3) социальная революция осуществляется в процессе ожесточенной классовой борьбы, принимающей форму вооруженного восстания угнетенных классов против классов господствующих. Эти три момента отнюдь не являются изолированными. Каждый из них представляет одну какую-нибудь сторону целого, выделяет один аспект диалектического процесса.

Но, говоря о социальной революции, мы ни на минуту не должны забывать того, что она является исторической категорией. Это заставляет нас отнестись с максимальной осторожностью ко всяким «развернутым» определениям революции, которые, исходя из наиболее развитых форм ее, без оговорок переносили бы черты одной эпохи на другую и тем самым либо модернизировали бы социальные революции прошлого, либо, наоборот, отказывали бы в понятии социальной революции таким явлениям, которые бесспорно имеют на это все основания. Что значит положение, что революция есть историческая категория? Это значит, что социальная революция может иметь исторически не только различное содержание, но и различную форму, что зависит от того, в какой формации происходит революция и каким классом она осуществляется. Социальная революция может ставить себе те или другие цели и приводить к тем или другим результатам. Социальная революция может протекать в формах сознательной и планомерной борьбы или в формах стихийного движения, где субъективные цели борющихся классов и объективные результаты революции оказываются совершенно различными. Социальная революция может

привести к непосредственному переходу власти из рук одного класса в руки другого, или такой переход может быть не непосредственным и т. д.

Так, например, тов. Сталин в речи 19 февраля указал на принципиальное отличие пролетарской революции от всех предыдущих: «История народов знает немало революций. Они отличаются от Октябрьской революции тем, что все они были однобокими революциями. Сменялась одна форма эксплуатации трудящихся другой формой, но сама эксплуатация оставалась... Только Октябрьская революция поставила себе целью уничтожить *всякую* эксплуатацию и ликвидировать *всех и всяких* эксплуататоров и угнетателей». В статье «К вопросам ленинизма» тов. Сталин, развивая мысль В. И. Ленина, устанавливает черты отличия пролетарской революции от революции буржуазной, сводящиеся к различному уровню и характеру экономики той и другой революций, как ее предпосылкам, к различию в основных задачах обеих революций, к ходу самих революций, к их результатам и движущим силам. [1]

Положение, что социальная революция есть историческая категория, означает, что в ходе всемирноисторического процесса она может развиваться от форм зародышевых, примитивных, генетических к формам все более полным и развернутым. Чем выше стоит формация по своим производительным силам, чем выше уровень развития эксплуатируемых классов и степень их революционной сознательности и сплоченности, чем яснее классовые деления и острее классовые антагонизмы, — тем глубже, резче и полнее выступают отдельные стороны революционного процесса, тем богаче его содержание.

С этой точки зрения мы уже априори должны допустить, что если в рабовладельческой формации имели место социальные революции, то эти ранние революции должны значительно отличаться от более поздних. Для рабовладельческой формации характерен низкий уровень производительных сил. В соответствии с этим стоит чрезвычайно примитивный и жестокий характер эксплуатации, дававший весьма мало возможностей развития для основного эксплуатируемого класса — рабов [2]. Все это крайне затрудняло процесс классовой консолидации, развитие классового самосознания и классовой сплоченности рабов, что должно было придать много своеобразия социальным революциям рабовладельческого общества.

Кроме этого, здесь есть еще одна большая специфичность и вместе с тем большая трудность для исследования. Рабовладельческая формация есть первая классовая формация. Следовательно, если на своем конечном этапе она граничит также с классовой формацией — с феодализмом, то в

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 1931 г., стр. 277—279.

[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд.1931 г., стр. 107—108. К. Маркс, Неопубликованные рукописи, «Большевик», 1932 г., № 5—6, стр. 89—90.

своих истоках она примыкает к доклассовому обществу. Поэтому, допуская революционный характер генезиса рабовладельческого, в частности античного общества, мы должны будем ответить на ряд весьма трудных вопросов, связанных с процессом классообразования на грани между доклассовым и классовым обществами.

Энгельс в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства» пишет: «Столкновение новообразовавшихся общественных классов взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях; его место заступает новое общество, спаянное в государство, подразделениями которого являются уже не родовые, а местные объединения, общество, в котором отношения собственности вполне господствуют над семейными отношениями и в котором отныне свободно развертываются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей *писаной* истории до нашего времени». Таким образом, здесь Энгельс подчеркивает, что переход доклассового общества в классовое носит отнюдь не мирно-эволюционный характер: это — взрыв, произведенный классовой борьбой. Рассмотрим природу этого взрыва на материале античного — греческого и римского — общества.

И для Греции и для Рима на грани между родовым и классовым обществами, т. е. для Греции в VII—VI вв., для Рима — в V—IV вв. до н. э., можно ясно установить значительный рост производительных сил, выражающийся в разделении труда: в развитии рабства, в огромном расширении торговли и колонизации, в росте городов, в появлении монеты, в ряде технических изобретений и т. д. Те реформы, которые в Греции связываются обычно с именами Солона и Клисфена, а в Риме падают на так называемую «борьбу патрициев и плебеев», совершенно ясно говорят, что в основном борьба велась против разлагавшегося родового строя, мешавшего развитию индивидуального производства и частной собственности и обрекавшего широкие массы демократии на бесправное существование, в то время как все политические и гражданские права принадлежали привилегированной группе родовой, эвпатридской и патрицианской аристократии. Эта аристократия, используя свое положение в городской общине, выступает в качестве ростовщиков, которые разоряют и закабаляют свободного мелкого производителя. Тем самым создается величайшее препятствие для развития нового способа производства, который в своей начальной фазе необходимо должен опираться на свободного мелкого производителя, о чем совершенно ясно говорил Маркс: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников...представляет экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования». [1]

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, гл. 11, прим. 24.

Таким образом, и в Греции и в Риме в начальные периоды их истории мы можем установить несомненное противоречие между растущими производительными силами и старыми производственными отношениями, отношениями доклассового общества, мешавшими росту индивидуального производства, частной собственности и формированию классов.

Точно также бесспорным является факт массового народного движения, охватившего все наиболее развитые экономически области Греции в VII—VI вв. и Рим в V—IV вв. Все наши источники на этот счет совершенно единодушны. Мы имеем здесь все формы массовой борьбы, начиная от забастовок и кончая вооруженным восстанием. Достаточно просмотреть только греческих лириков этой эпохи (Солона, Феогнида, Алкея), чтобы увидеть, какие широкие размеры и остроту приобрела в Греции гражданская война. То же самое нужно отметить и для Рима.

Результатом социального переворота в Греции и Риме была ликвидация всех наиболее существенных пережитков родового строя как в области экономических, так и социально-политических отношений. Частная собственность сбросила с себя путы родового строя и могла теперь свободно развиваться, — правда, в своеобразной форме античной рабовладельческой собственности. Мелкое производство временно избавилось от гибели и в течение некоторого периода служило твердой экономической и политической базой полиса. Классы вполне оформились, и классовые антагонизмы, не скрываемые более родовыми институтами, могли получить полное развитие. Государство рабовладельцев, в его наиболее совершенной форме демократического полиса, окончательно сложилось и заменило собою старую родовую организацию.

Таким образом, все существенные моменты социальной революции здесь, как будто, налицо: противоречие между производительными силами и производственными отношениями, смена способа производства и, наконец, широкое движение угнетенных масс, принявшее формы ожесточенной борьбы за политическую власть. Есть только одна трудность: в какой мере это движение и эту борьбу можно назвать *классовой борьбой*? В какой мере сюда подходит определение Ленина, что «первым, главным, основным признаком революции» является «переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса*?» Трудность возникает здесь потому, что, поскольку мы имеем дело с переходом родового, т. е. бесклассового, общества в общество рабовладельческое, т. е. классовое, говорить о *классовой* борьбе и о переходе *государственной* власти из рук одного *класса* в руки другого в собственном смысле этого слова нельзя. Ведь, ни эвпатриды и демос, ни патриции и плебеи не являлись еще классами, как не являлись еще государством эвпатридская и патрицианская городская община. «Победа плебса, — говорит Энгельс, — разбивает в куски старый родовой строй и на его развалинах учреждает государство.

в котором скоро совершенно исчезают и родовая аристократия и плебс». [1]

Однако отрицать на этом основании социальную революцию на заре рабовладельческого общества в Греции и Риме значит стоять на узкоформальной, метафизической, а не диалектической точке зрения.

Вещи и понятия нужно брать в их движении, в их динамике, в их генезисе, наконец. В чем своеобразие первой социальной революции, положившей конец родовому строю и создавшей рабовладельческое общество? В том, что мы имеем здесь уже не готовые, сложившиеся классы (если бы это было так, то мы не могли бы говорить о родовом, т. е. доклассовом, обществе накануне революции), а классы, формирующиеся в процессе самой борьбы. Окончание революции означает здесь завершение процесса классообразования.

Рабы и рабовладельцы не составляют в этом отношении исключения. Хотя противоположность между ними складывается еще в рамках родового общества, но пока рабство не переросло окончательно своих патриархальных рамок, говорить о рабах и рабовладельцах, как о развернутых, сформировавшихся классах, также нельзя. Тем более, что, ведь, и борьба в эту эпоху шла не между рабовладельцами и рабами, а между родовой аристократией и родовой (а также и неродовой) демократией.

Тем не менее эта борьба, *формально* не будучи классовой, фактически была таковой и все более становилась таковой по мере того, как классы сбрасывали с себя свое родовое обличье. Родовая организация накануне своего падения, конечно, формально не была государством, но фактически она уже стала органом господства одной части населения против другой. «Так органы родового строя, — говорит Энгельс, — постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения против собственного народа». [2]

Все трудности и кажущиеся противоречия сразу отпадут, если в оценке первой революции мы станем на генетическую точку зрения. Социальная революция не является на исторической сцене готовой, как не являются готовыми классы и классовая борьба. Она *становится*, как становятся ее основные моменты и существенные стороны. Общественный переворот, положивший конец родовому строю в Греции и в Риме, мы должны счи-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 199.

[2] Там же, стр. 194.

тать социальной революцией. Только это — наиболее ранняя и поэтому наименее развитая революция, революция в ее генезисе.

Я не буду приводить здесь всем известных высказываний Энгельса в «Происхождении семьи», которые не оставляют ни малейших сомнений в том, как смотрел он на возникновение античного общества. Некоторые из них я уже цитировал. Я остановлюсь сейчас на другой стороне дела. Может показаться, что спор о том, была или не была генетическая революция в Греции и Риме, есть спор о словах, схоластическая игра понятиями. Не все ли равно, как мы *назовем* антиродовой переворот, если все согласны относительно его содержания. Можно, например, назвать его революционным движением. Но вот именно с этой точкой зрения нужно бороться. Дело, конечно, не в самом названии, а в том, что название отражает понятие, которое, в свою очередь, есть отражение определенных существенных сторон многообразной объективной реальности. Термин и понятие социальной революции, приложенные к данному явлению, обязывают нас вскрывать в этом явлении именно те стороны и моменты, которые характерны и существенны для социальной революции. Обратно, если мы *отказываемся* от термина «социальной революции», а заменяем его другим, хотя бы, скажем, и близким к нему, напр., термином «революционное движение», мы тем самым не только притупляем остроту всех определений, связанных с понятием революции, но и открываем себе возможность скатывания к понятию диаметриально противоположному, к понятию «эволюция». Отрицая революцию на заре рабовладельческого общества, мы тем самым, сознательно или бессознательно, смазываем скачкообразный, диалектический характер перехода от доклассового общества к классовому и легко можем впасть здесь в вульгарный эволюционизм. Отрицая революцию, мы затушевываем здесь роль классовой борьбы и тем самым чрезвычайно затрудняем понимание самого процесса классообразования. «Отдельные индивиды образуют класс, — читаем мы в «Немецкой идеологии», — лишь постольку, поскольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса». [1] Мало того. Так как всякая социальная революция есть смена формаций и наоборот, то, отрицая революцию на грани между родовым и рабовладельческим обществами, мы должны будем отнести родовую фазу доклассовой формации к рабовладельческому обществу и, следовательно, революцию отодвинуть назад, куда-нибудь в глубь доклассового общества!

Для всякой развитой революции, напр., буржуазной или пролетарской, мы имеем ряд более или менее установившихся понятий и терминов: движущая сила, основная движущая сила, гегемон революции, диктатура революционного класса и т. д. Само собой разумеется, что в применении к

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 44.

самой ранней из всех революций, в которой классы только складываются, если и можно употреблять все эти понятия, то в весьма условном, ограниченном, так сказать, «генетическом» смысле. Здесь необходимо избегнуть всякой модернизации. Какие общественные группы, какие формирующиеся классы были враждебны родовому строю в эпоху его разложения? Все те, которых этот выродившийся, застывший, «обратившийся (по выражению Энгельса) в свою противоположность» строй давил, которым он не давал возможности развития или, по крайней мере, чрезвычайно стеснял эти возможности. Это были группы, стоявшие преимущественно вне привилегированной родовой организации, вне аристократической городской общины: плебеи в Риме, «народ» (демос) в Греции. Это были крестьяне, ремесленники, иностранцы, постоянно проживавшие в городе и занимавшиеся торговлей и ремеслами, наемные рабочие (батраки) и т. д. Но в рядах оппозиции (правда, на правом крыле ее) могли оказаться элементы, хотя и входившие в привилегированную аристократическую верхушку, но уже настолько захваченные денежным хозяйством, что родовая организация рассматривалась ими как нечто нуждавшееся в коренной ломке или, по крайней мере, в значительной реформе. Таков, напр., был Солон в Афинах. Всей этой пестрой массе оппозиции противостояла сравнительно небольшая, но еще сильная политически группа родовой знати, опиравшаяся преимущественно на землевладение и ростовщичество. Экономическое развитие постепенно оттесняло ее с передовых позиций хозяйственной жизни, но зато тем крепче заставляло ее держаться за свои политические привилегии. «Новая имущественная аристократия, — говорит Энгельс, — поскольку она уже с самого начала не совпадала со старой племенной знатью, оттесняла последнюю на задний план (в Афинах, в Риме, у германцев)... К этому присоединилась масса нового, чуждого родовым группам населения, которое, как в Риме, могло стать силой в стране, и притом было слишком многочисленно, чтобы его можно было постепенно включить в объединенные кровным родством роды и племена. Этой массе родовые группы противостояли как замкнутые, привилегированные корпорации; первоначальная первобытная демократия превратилась в отвратительную аристократию». [1]

Все эти группы, в той или другой степени враждебные родовому строю, можно назвать движущими силами революции. Но не все они в равной мере были заинтересованы в том, чтобы до конца сломать старую организацию общества. Несомненно, была большая разница между, напр., Солоном и Алкмеонидами с одной стороны, стремившимися только к реформе, и сельской и городской беднотой, выдвигавшей знаменитый лозунг «сложение долгов и передел земли» — с другой. Поэтому основной движущей

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 197—198.

силой революции была именно эта городская и сельская беднота, малоземельная и безземельная, страдавшая от долговой кабалы, попадавшая в рабство и страстно ненавидевшая родовую организацию и ее представителей. Именно эта масса вынесла на своих плечах всю тяжесть борьбы, именно ее руками были вырваны все самые крупные и вредные пережитки родового строя.

Несомненно, в рядах революционеров, по крайней мере в отдельных случаях, были и рабы. Аристотель говорит про Клисфена: «Он включил в филы много иностранцев: рабов и метеков». [1] Хотя текст в этом месте несколько попорчен, но общий смысл его ясен и не внушает сомнений. Спрашивается, чем вызвана была эта столь радикальная реформа? Несомненно, не только стремлением укрепить ряды демократии, как ее обычно объясняют. Весьма возможно, что здесь нужно видеть награду со стороны победившей демократии отдельным рабам, оказавшим важные услуги революции. Сам по себе тот факт, что рабы дрались бок-о-бок со своими господами против аристократов и таким образом строили тюрьму для своего же класса, вовсе не является чем-то невероятным. Многочисленные случаи из позднейшей истории Греции и Рима, когда рабы участвовали в демократических движениях, служат косвенным подтверждением этого.

Если основной движущей силой революции была масса мелких производителей, крестьян и ремесленников, то кто ее возглавлял, кто был ее «гегемоном»? Но для античных условий, к тому же условий столь ранней эпохи, с ее нечетким классовым делением, с отсутствием сколько-нибудь оформленных политических партий, с широким развитием всякого рода демагогии, вопрос лучше поставить иначе: кто больше всего выиграл от революции, в чьих интересах она объективно происходила? Несомненно, довольно широкие круги демократии кое-что от революции получили: уничтожение долговой кабалы, гражданские и кое-какие политические права. Но бесспорно, что в конечном счете от революции выиграл тот класс, который экономически и политически стал господствовать после революции, класс рабовладельцев, в его четырех ипостасях: землевладельцев, промышленников, торговцев и ростовщиков. Конечно, далеко не все они были демократического происхождения, т. е. были так или иначе связаны с революционным движением. Значительная часть их принадлежала к старой родовой аристократии, приспособившейся к изменившимся условиям и слившейся с верхушкой демократии в новый класс, в новую рабовладельческую аристократию (ср. нобилитет в Риме). Но объективно дело от этого не меняется: результатом революции был переход власти в руки класса, окончательно сложившегося в ходе революции, класса рабовла-

[1] Polit., 1275 b 36.

дельцев. Вот почему его условно можно назвать гегемоном революции, а самую революцию — рабовладельческой революцией.

Падение родового строя, окончательное оформление как основных, так и промежуточных классов, создание античной демократии — развязало классовую борьбу, которая, как известно, в развитой античности приняла чрезвычайно сложные и острые формы. Было бы, конечно, лишним доказывать здесь, что главный фронт классовой борьбы проходил между рабами и рабовладельцами, как двумя основными, антагонистическими классами рабовладельческой формации. Наши источники, как известно, не очень щедры на этот счет. Говорить о рабах в хорошем обществе было не принято, что отражалось, конечно, и на литературе. Фиксировались только из ряда вон выходящие случаи. Но даже и при этих условиях источники (особенно по истории Рима, где концентрация и степень эксплуатации рабов достигала более высокой степени, чем в Греции) полны указаний на классовую борьбу между рабами и их господами. Рабы всячески вредили в хозяйстве, убегали от господ и занимались грабежами, перебегали при всяком удобном случае к неприятелю, убивали господ и устраивали заговоры, при благоприятных условиях перераставшие в восстания, которые охватывали иногда огромные территории и ставили под удар самое существование рабовладельческого общества.

Но принять во внимание только основной фронт борьбы, это значит не понять всего своеобразия античной истории. Рабы хотя и были *основным*, но не были *единственным эксплуатируемым* классом античного общества. Не говоря уже об илотах, пенестах и т. д., положение которых мало чем отличалось от положения рабов, необходимо указать, что крупное рабское хозяйство с его дешевым трудом, войны, являвшиеся естественным результатом рабства, ростовщичество, конкуренция дешевого хлеба из провинций и т. д. — все это вело к разорению мелких производителей, делало их враждебными существующему порядку вещей и стимулировало их классовую борьбу. Правда, здесь есть одна особенность. В известной степени все свободное население античного общества было солидарно в отношении эксплуатации рабов, илотов и не-граждан вообще: союзников, провинциалов и т. д. Античный полис был не только политическим орудием господства, но и своеобразным хозяйственным «предприятием» для дележа добычи. Вспомним систему кормлений, раздач, наделение граждан землей и т. д., и нам станет понятным бессмертное замечание Эсхина, что афиняне возвращаются из народного собрания точно с заседания товарищества, на котором они делили прибыль. [1] Это обстоятельство несколько смягчало противоречия между крупной и мелкой античной собственностью, между рабовладельцами и свободными производителями, между имущими и неимущими. Тем

[1] Aesch., III, 251.

не менее это смягчение было весьма относительным. Мелкий производитель получал только жалкие крохи из огромных масс прибавочного продукта, попадавшего в руки настоящих хозяев античного полиса. Это объясняет нам упорную, длившуюся столетиями борьбу крестьянства и городской демократии против господствующих групп рабовладельческого общества. Маркс придавал огромное значение этой борьбе, когда он писал: «Внутреннюю историю [римской республики. *С. К.*] можно целиком свести к борьбе мелкого землевладения с крупным, разумеется, вводя те модификации, которые обусловливаются существованием рабства». [1] «Не требуется обладать особенно глубокими познаниями, напр., по истории Римской республики, чтобы знать, что скрытую ее пружину составляет история земельной собственности». [2] Точно также Энгельс говорил о принадлежавшей государству земле, центре, «около которого вращалась вся внутренняя история республики». [3] В Греции, благодаря ее специфическим условиям, не всегда и не везде земля была основным объектом борьбы. В земледельческих районах Греции (напр., в Спарте) аграрный вопрос также был основным стержнем политической жизни. Отчасти это имело место и в неземледельческих областях в некоторые периоды истории (напр., в Аттике в VII—VI вв.). Но в целом для Греции борьба между свободными элементами шла не столько за землю, сколько за другие формы античной собственности, в первую голову за государственные доходы и за политические права, с которыми были тесно связаны дележи этих доходов.

Классовая борьба свободных элементов античного общества переплеталась с классовой борьбой рабов и илотов в очень сложный комплекс отношений. С одной стороны, свободные мелкие производители в качестве «активных граждан», по выражению «Немецкой идеологии», являются участниками «античной общинной и государственной собственности» и в качестве таковых в известной степени классово-враждебны, антагонистичны рабам. С другой стороны, тяжелое положение мелкого производителя, обреченного на деградацию ходом развития рабовладельческого общества, толкало его в оппозицию правящим кругам этого общества и делало его вольным или невольным союзником рабов. Это промежуточное положение мелких производителей между рабовладельцами и рабами делало их позицию крайне неопределенной и неустойчивой. Тем не менее нам известны многочисленные случаи участия свободных элементов античного общества в движениях рабов и, обратно, участия рабов в демократических движениях. Здесь достаточно хотя бы указать на свободных сельских рабочих в армии Спартака, на роль бедноты во втором сицилийском вос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 89 (письмо к Энгельсу 8 III 1855 г.).
[2] К. Маркс. Капитал, т. I, гл. 1, прим. 33.
[3] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, стр. 144.

станции и в восстании Аристоника, на известный эпизод с казнью рабов Педания Секунда,[1] где городская толпа решительно стала на защиту осужденных, и т. д. Обратных случаев также немало. Фукидид,[2] рассказывая о гражданской войне, вспыхнувшей в 427 г. между олигархами и демократами в Коркире, передает следующий эпизод: «С наступлением ночи демократы бежали на акрополь и возвышенные части города, собрались там и укрепились, заняв<u>ши</u> также Гиллейскую гавань. Противники захватили городскую площадь, по соседству с которой большею частью они жили сами, а также гавань, прилегающую к площади и материку. На следующий день произошли небольшие схватки, и обе стороны посылали на окрестные поля вестников, призывая на свою сторону рабов обещанием свободы. Большинство рабов примкнуло к демократам». Много аналогичных случаев мы знаем из истории Рима. Сатурнин и Марий призывали на свою сторону рабов.[3] Достаточно засвидетельствовано участие рабов в движении Катилины и т. д.

Вопрос о связи рабских и демократических движений вплотную подводит нас к центральной проблеме, решение которой должно осветить и то, что уже было сказано о первой рабовладельческой революции, и то, что надлежит сказать о второй революции, революции рабов. Проблема *конкретной формы основного противоречия античного общества* принадлежит к одной из труднейших. Она, несомненно, гораздо труднее, чем аналогичная проблема для доклассового и капиталистического обществ, и по своей сложности равняется только проблеме основного противоречия феодализма. Трудности заключаются здесь, во-первых, в чрезвычайной сложности рабовладельческого и феодального обществ, в пестроте их классовых структур, в тесном переплетении натурально-хозяйственных и товарно-денежных элементов, в своеобразной форме их собственности и т. д.; во-вторых (и это, быть может, самое главное), основная трудность здесь коренится в неумении исследователя вполне отрешиться от буржуазных представлений, стать целиком на историческую почву. Дело в том, что мы до сих пор еще не можем отделаться от модернизации античности, воспитанной в нас буржуазной наукой. Маркс и Энгельс были вполне свободны от этой модернизации. Но, увы, мы еще до сих пор плохо знаем Маркса и Энгельса, и если в некоторых вопросах мы преодолели буржуазную модернизацию, то в других, самых важных, но зато и самых сложных и тонких, мы все еще плетемся в хвосте у модернизаторов. Совершенно несомненно, например, что, когда мы говорим об античной собственности, мы это представление чрезвычайно осовременива<u>ем</u>, создавая понятие античной собственности по модели буржуазной частной собственности. Когда мы го-

[1] Tacit., Annal., XIV, 42—45.
[2] Thucyd., III, 72—74.
[3] Val. Max., VIII, 6, 2. Plut., Syll., 9.

ворим о классах, о классовой борьбе, о революции, мы также модернизируем эти понятия, забывая, что классы античного общества и их взаимоотношения — это отнюдь не то же самое, что классы и их взаимоотношения в капиталистическом обществе. Особенно грубо модернизируем мы античное государство, полис. Мы забываем, что все это — и собственность, и классы, и государство — глубоко исторические явления, получающие совершенно специфическую форму в каждом обществе, в каждой формации. Мы забываем замечательные слова Маркса: «Даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей абстрактности они имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их». [1] Эта же мысль, как известно, еще проще высказана Энгельсом: «Кто пожелает объединить одними законами экономику Огненной Земли и экономику современной Англии, тот, очевидно, не извлечет на свет божий ничего, кроме самых банальных общих мест». [2] После этих предварительных замечаний я перехожу к основному противоречию.

Общая форма основного противоречия античного общества (как и всякой другой формации) не вызывает, конечно, никаких сомнений. Это — противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Трудность состоит в отыскании конкретной, специфической, только античности свойственной формы этого противоречия. Основная производительная сила — это сам человек, рабочий в широком смысле слова, которого нужно брать не в абстракции, но вместе со всей совокупностью его производственных навыков, что дает диалектическое единство рабочего и средств производства. В рабочем, таким образом, осуществляется единство всех элементов производительных сил. Рабочий античного общества — это прежде всего *раб*, затем свободный ремесленник, парцельный крестьянин и пролетарий (наемный рабочий). Поставив на первое место раба, как основного производителя рабовладельческого общества, мы не должны забывать (если мы хотим брать античность не абстрактно, а во всей конкретности ее признаков и определений) и остальных производителей, роль которых в общей системе античной экономики была чрезвычайно велика. Система производственных отношений античного общества в ее существенной форме выступает в виде специфической формы эксплуатации, в рабстве. Эта эксплуатация осуществляется путем присвоения прибавочного труда рабов, а затем также в известной мере и прибавочного труда остальных трудовых слоев античного общества — свободных ремесленников, крестьян и наемных рабочих. Основная масса приба-

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, изд. 1929 г., стр. 42.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1931 г., стр. 135—136.

вочного продукта присваивается собственниками средств производства — рабовладельцами — во всех их видах и формах (землевладельцы, промышленники, торговцы и ростовщики). Следовательно, основное противоречие античного общества, противоречие между его производительными силами и производственными отношениями, в конкретной форме социально-*классовых* отношений выражается в эксплуатации рабовладельцами всех трудовых элементов античного общества, но, конечно, в разных степенях эксплуатации: прежде всего и больше всего — рабов, а затем и остальных. То же самое основное противоречие в конкретной форме социально-*политических* отношений выражается в классовой борьбе рабовладельцев с одной стороны и непосредственных производителей — с другой.

Но социально-классовые (и социально-политические) отношения должны иметь социально-*экономическую*, т. е. производственную, основу. Производители и владельцы средств производства не висят в воздухе и не ведут свою борьбу в пустом пространстве, а связаны с известными формами производства и распределения, с известными формами хозяйства. Поэтому проблема конкретного противоречия не может быть полностью решена, пока мы не найдем адекватного ему выражения в сфере экономических отношений. Рабовладельческое хозяйство — не что иное, как простое кооперативное (термин А. И. Тюменева) производство индивидуальных производителей (рабов), лишенных средств производства и сконцентрированных большими или меньшими группами в отдельных хозяйствах. Необходимо подчеркнуть именно этот характер простой кооперации, типичной для рабовладельческого хозяйства. Рабская мастерская, также как и рабовладельческое поместье, представляет конгломерат производителей, почти не связанный или очень мало связанный техническим разделением труда. Насколько мы знаем, античность знала лишь зачатки технического разделения труда. «Если анархия общественного и деспотия мануфактурного разделения труда, — пишет Маркс, — взаимно обусловливают друг друга в обществе с капиталистическим способом производства, то более ранние формы общества... представляют, с одной стороны, картину планомерной и авторитарной организации общественного труда, с другой стороны, совсем исключают разделение труда внутри мастерской, или развивают его в карликовом масштабе, или же лишь спорадически и случайно». [1] По этому поводу очень удачно замечает Макс Вебер: «Рабскую мастерскую можно *делить* на сколько угодно частей (продавая часть рабов), как кусок свинца, потому что она представляет собой не дифференцированное скопление попавших в рабство *рабочих*, а недифференцированную организацию труда».[2]

Этому простому кооперативному рабовладельческому хозяйству про-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1930 г., стр. 269.

[2] Макс Вебер, Аграрная история древнего мира, М., стр. 10.

тивостоит индивидуальное производство, с которым оно образует диалектическое единство противоположностей. Оно противостоит ему, прежде всего, внутри его самого: единое рабовладельческое хозяйство слагается из ряда индивидуальных производств, ничем, кроме рамок общего хозяйства, не связанных. Кроме этого, индивидуальное производство противостоит кооперативному рабовладельческому хозяйству также вне его — в форме индивидуальных хозяйств свободных ремесленников и парцельных крестьян. На колониальной периферии, откуда в период расцвета рабства черпается, как известно, главная масса рабов, это хозяйство, правда, не столько парцельно-индивидуальное, сколько общинно-родовое. Но не нужно забывать одного обстоятельства, которое мы совершенно недостаточно оценивали до сих пор: рабство (и в этом его огромная прогрессивная роль) непрерывно разлагает периферийную общину, также как оно некогда разложило и свою собственную, и, следовательно, непрерывно порождает на периферии индивидуальное производство. Таким образом, *колониальный производитель — это актуальный или потенциальный парцельщик.* Из этих-то периферийных и центральных, находящихся на границе рабовладельческого общества и внутри его мелких хозяйств и идет главным образом пополнение рабовладельческого хозяйства его основной рабочей силой — рабами, а также наемными рабочими. Это пополнение осуществляется отчасти путем экономического, главным же образом путем внеэкономического отрыва мелких производителей от средств производства (конечно, некоторый процент рабов представляют бывшие рабовладельцы, но этот процент весьма невелик по сравнению с основной массой рабов).

Таким образом, раб, это, в основном, — бывший парцельщик, бывший мелкий производитель, перенесенный со всеми его методами и навыками индивидуального или индивидуализирующегося производства в кооперативное рабовладельческое хозяйство. Поэтому социально-классовые и социально-политические отношения рабовладельческого общества суть отражения социально-экономических противоречий между кооперативным и индивидуальным производствами.

Но производственные отношения суть отношения собственности, которые являются только их юридическим выражением. [1] Поэтому конкретная форма основного противоречия античного общества должна найти свое отражение в специфических формах античной собственности. Итак, что же такое античная собственность? В «Немецкой идеологии» мы читаем: «Вторая форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность, которая возникает благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких племен в один *город* и при которой сохраняется рабство. Наряду с общинной собственностью развивается уже и движи-

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, предисловие.

мая, а впоследствии и недвижимая частная собственность, но как отклоняющаяся от нормы и подчиненная общинной собственности форма. Граждане государства обладают властью над своими работающими рабами лишь коллективно и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому все основывающееся на этом фундаменте строение общества, а вместе с ним и мощь народа — приходят в упадок в той же мере, в какой развивается преимущественно недвижимая частная собственность... С развитием частной собственности здесь впервые устанавливаются те отношения, которые мы встретим — только в более крупном масштабе — при современной частной собственности. С одной стороны — концентрация частной собственности, которая началась в Риме очень рано (доказательство — земельный закон Лициния) и очень быстро развивалась со времени гражданских войн и в особенности в императорскую эпоху; с другой стороны, в связи с этим, — превращение плебейских мелких крестьян в пролетариат, который, однако, вследствие своего промежуточного положения между имущими гражданами и рабами не получил самостоятельного развития». [1]

Чтобы лучше понять это чрезвычайно важное место, приведем еще один отрывок, трактующий о феодальной собственности: «Третья форма, это — феодальная или сословная собственность... Подобно племенной и общинной собственности, и она также покоится на коллективе, которому, однако, противостоят в качестве непосредственно производящего класса не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне... Иерархическая структура земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Этот феодальный строй, как и античная общинная собственность, был ассоциацией, направленной против порабощенного, производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были различны, ибо налицо были различные производственные условия». [2]

Итак, нормальной, типичной формой античной собственности была своеобразная общинно-государственная классовая собственность рабовладельцев, «совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации». Рабовладельческое кооперативное производство, связанное с концентрацией больших или меньших масс рабов в отдельных пунктах в условиях еще не вполне разложившейся родовой собственности, требовало именно такой, а не иной формы классовой собственности. Полити-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12—14 (с некоторыми исправлениями перевода).

[2] Там же, стр. 14.

ческим выражением ее был античный полис, город-государство, как своеобразный коллектив рабовладельцев, как община свободных и полноправных граждан, совместно эксплуатировавших рабов, илотов, так называемых «союзников», провинциалов, колониальную периферию и т. д.

В соответствии с этим характером полиса огромную роль играла в нем недвижимая государственная собственность: государственные земли, государственные пастбища, государственные рудники и т. д. Эта роль достаточно хорошо известна для Рима. Недаром Энгельс, как мы указывали выше, говорит, что государственная земля была центром, «около которого вращалась вся внутренняя история республики». Но и в Греции мы имеем чрезвычайно яркие образчики этого рода. Не говоря уже о Спарте, являющейся классическим примером последовательно проводимого принципа государственной собственности на землю (и не только на землю, но и на илотов), достаточно указать хотя бы на Лаврийские серебряные рудники в Аттике, на государственные пастбища и на некоторые другие аналогичные институты.

Итак, суммируя все сказанное, конкретной формой основного противоречия античного общества было противоречие между рабовладельческой собственностью, предполагающей простую кооперацию рабского труда, и индивидуальной собственностью, основанной на индивидуальном производстве.

Посмотрим теперь, как развивается основное противоречие. Рост производительных сил в общеисторическом масштабе выражается, согласно удачной формуле, данной А. И. Тюменевым, в индивидуализации производства до эпохи капитализма и в его коллективизации, начиная с капитализма. Высшей точки развития индивидуальное производство достигает при феодализме, основанном на мелком крестьянском хозяйстве и производстве самостоятельных мелких ремесленников.[1] Прежде чем производство начнет *собираться*, оно должно максимально *раздробиться*. Фабрика немыслима без мануфактуры, мануфактура же предполагает предшествующую стадию индивидуального ремесленного производства, где техническое совершенство индивидуального ручного труда достигает предельной точки развития и затем диалектически переходит в свою противоположность. Какова в этом процессе историческая роль рабства? Рабство разлагает общину и создает основные предпосылки для феодализма: крупную земельную собственность и индивидуальное производство. Но это возможно только путем развития основного противоречия рабовладельческого общества. В условиях рабского способа производства рост производительных сил выражается в следующих трех формах.

1. На базе и в рамках античной собственности вырастает крупная

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, гл. 11, прим. 24.

частная собственность. Роль здесь недвижимой государственной собственности была огромна, о чем писал еще Аппиан: «Богатые овладели большей частью неразделенных земель. Доверяя благоприятно сложившимся для них условиям того времени, они не боялись, что земли эти будут у них отобраны обратно, и потому покупали расположенные по соседству участки бедняков, частью с согласия последних, частью же брали их силой, так что теперь они стали распахивать сразу очень обширные площади вместо отдельных полей».[1] Но еще большее значение имела эксплуатация непосредственных производителей (коллективная и индивидуальная), осуществляемая общиной рабовладельцев, полисом. Однако развитие индивидуального хозяйства и частной собственности подрывает коллектив рабовладельцев и разрушает полис, как его государственную форму. В этом же направлении действует гибель мелких свободных производителей, разоряемых ростом крупной рабовладельческой собственности, войнами и т. п. Полис лишается своей главной экономической и военной опоры.

2. Но рост производительных сил в античном обществе не ограничивался только развитием крупной частной собственности, как одной из предпосылок феодализма. Хотя рост рабства неизбежно вызывал деградацию мелкого производства в областях непосредственного распространения рабовладельческого хозяйства, однако внутри рабовладельческого хозяйства развитие основного противоречия означало рост индивидуального производства и разложение примитивных кооперативных форм рабства. Несмотря на препятствия, которые оказывает рабская эксплуатация развитию технических навыков рабочего, тем не менее в истории античного общества до самой эпохи его упадка мы можем проследить медленный, но несомненный технический прогресс. Под кнутом надсмотрщика, в условиях суровой дисциплины рабской казармы бывший парцельщик или общинник проходил жестокую начальную школу трудовой дисциплины, копил те навыки индивидуального производства, которые, несмотря на грандиозный крах рабовладельческой системы, связанный с огромной растратой производительных сил, частично были переданы средневековью. В рабском хозяйстве индивидуализация производства делает шаг вперед по сравнению с тем уровнем ее, который был достигнут в эпоху разложения родового строя. В этом вторая всемирноисторическая функция рабства.

3. На колониальной периферии античного общества рабство, связанное с развитием денежного хозяйства и торгового капитала, играет в целом прогрессивную роль, разлагая общину и содействуя индивидуализации производства и развитию частной собственности. И здесь, следовательно, создаются условия для перехода к более высоким формам производства.

Таким образом, рабовладельческое хозяйство, а вместе с тем и общество,

[1] App., Bell. Civil., I, 1, 7.

будучи диалектическим единством противоположностей, единством кооперативно-производственной формы и индивидуально-производственного содержания, единством античной «коллективной» собственности и частной собственности, развиваются благодаря противоречивому взаимодействию формы и содержания, причем ведущей стороной противоречия является рост индивидуального производства и частной собственности, т. е. рост содержания, рост производительных сил.

История античного общества есть история развития его основного противоречия. Первая, рабовладельческая революция происходит потому, что рост производительных сил в форме нового способа производства — рабства — разрывает старую систему производственных отношений и старую форму собственности — родовую собственность. В этом процессе внутренние противоречия рабства еще только намечаются, и движущей силой является противоречие между строем родовых отношений и системой рабства, как некоторым целым.

Образование рабовладельческого общества означает развертывание всех его противоречий. После всего сказанного о конкретной форме основного противоречия нам станет понятен весь тот сложный клубок классовой борьбы, в котором выражалось это противоречие. В борьбе рабовладельцев и рабов находило свое выражение основное противоречие между кооперативным и индивидуальным производствами. Рабовладельцы, как собственники средств производства, как коллективные участники античной «общинной и государственной собственности», как эксплуататоры, были носителями одной стороны противоречия. Рабы, как представители индивидуального производства, как носители частной собственности, как эксплуатируемые, воплощали другую, ведущую сторону его. Но, кроме рабов, субъектами индивидуального производства и частной собственности были также многочисленные группы *свободного* населения: крестьяне, ремесленники, пролетарии. Поэтому-то и они были враждебны античной собственности и ее носителям, рабовладельцами, поэтому-то и они часто образовывали *почти* единый фронт с рабами. Здесь, конечно, нужно помнить о тех ограничениях, о которых мы говорили выше. Часть мелких производителей (те из них, которые являлись полноправными гражданами полиса) была заинтересована в росте античной собственности, т. е., в конечном счете, была заинтересована в эксплуатации не только рабов, но и тех из трудящихся, кто стоял вне рамок полиса (вспомним хотя бы отношение римского крестьянства к италийскому и роль, которую сыграло это отношение в эпоху младшего Гракха). Таким образом, борьба этой части мелких производителей с рабовладельцами была, *в известной степени*, борьбой фракционной, борьбой за дележ прибавочного продукта. Еще в большей мере это справедливо по отношению таких групп рабовладельцев, как, напр., нобилитет и всадничество в Риме, аграрии и промышленники в Греции и т. д.

Однако развитие основного противоречия приводило в этой области отношений к очень сложным и интересным положениям. Вообще говоря, социальной базой полиса были рабовладельцы в целом, рабовладельцы как класс. Фактически город-государство был орудием господства *крупного* рабовладения. По мере концентрации частной собственности, вырастающей за счет государственной, по мере превращения мелких производителей в пауперов и люмпен-пролетариев, картина меняется. Теперь опорой разлагающегося полиса становится скорее деклассирующийся мелкий собственник, чем крупный рабовладелец. Этот последний скорее враждебен полису, враждебен античной собственности. Греческие рабовладельцы IV в., призывавшие Филиппа к интервенции, вряд ли были слишком горячими защитниками полиса. Но это уже эпоха разложения рабовладельческого общества. К ней мы теперь и перейдем.

Рабство, содействуя росту производительных сил, вместе с тем является тормозом их развития. С определенного момента это противоречие становится таким острым, что может быть разрешено только путем ломки всей системы рабовладельческих отношений, т. е. путем социальной революции. Развитие рабства и в Греции и в Риме было непосредственно связано с огромным разрушением производительных сил: беспощадное хозяйничанье торгового и ростовщического капитала, войны, разорение провинций и колоний, обезлюдение целых областей, истощение почвы, гибель мелких производителей и огромный рост люмпен-пролетариата, сужение рынка, развитие нетрудовой психологии у свободных — таковы были результаты кратковременного торжества рабовладельческой системы. Все противоречия рабства достигают наибольшей глубины к моменту его высшего расцвета и выражаются в чрезвычайном обострении классовой борьбы.

В Греции эти процессы начинаются уже в IV в. На почве хозяйственного кризиса широко развертывается движение бедняцких и люмпен-пролетарских масс городского и сельского населения, в которое все больше и больше втягиваются рабы. Исократ оставил нам яркую картину Греции IV в.: «Врага боятся меньше, чем собственных сограждан. Богатые готовы скорее бросить свое имущество в море, чем отдать его бедным, а для бедных нет ничего желаннее, как ограбить богатых. Жертв больше не приносят, и у алтарей люди убивают друг друга. Многие города теперь имеют больше эмигрантов, чем весь Пелопоннес». [1] Так называемые «демократические тираннии» IV в. (в Коринфе, Сикионе, Ахайе, Гераклее, Сиракузах) были своеобразной формой диктатуры бедноты, пролетариев и рабов — диктатуры, наносившей жестокие удары рабовладельческому обществу и подготовлявшей его крушение. Македонское завоевание на некоторое время приостановило революцию, но III век принес новое обострение классовой

[1] Archid., 67.

борьбы. На это столетие падают такие крупные движения, как революция Агиса и Клеомена, «тиранния» Набиса и др.

В Риме социальная революция начинается гражданскими войнами II — I вв. до н. э. Несмотря на пестрый социальный состав тех сил, которые принимали в них участие (рабы, парцельные крестьяне, римские и италийские, радикальные демократические элементы городов Италии и провинций, пролетарии), их всех объединила общая ненависть к римскому рабовладельческому государству. У одних она выступала больше, у других меньше; одни добивались прав римского гражданства, другие хотели бы совершенно разрушить Рим; одни стремились к земле и свободе, другие просто хотели пограбить богачей. Говорить поэтому об едином *субъективном* фронте всей оппозиции нельзя. Но *объективно* это был единый фронт.

Основной движущей силой революции на этом первом этапе были рабы. Благодаря концентрации их большими массами в отдельных пунктах, благодаря росту эксплуатации, благодаря тому обстоятельству, что в своей значительной части это были люди, только что оторванные от родных очагов, мелкие и разрозненные вспышки предыдущей эпохи превращаются в сплошную волну восстаний, длившихся почти сто лет и охвативших огромное пространство от Италии и Сицилии и вплоть до Тавриды. Имущим классам удалось справиться как с этими восстаниями, так и с непосредственно связанным с ними и продолжавшим их грозным движением пиратов.

Революция рабов на первом этапе была разбита. Однако это дорого стоило рабовладельческому обществу и государству. Огромное количество рабочей силы было истреблено. Области, охваченные восстанием, были страшно опустошены.[1] Торговля на долгое время оказалась парализованной. И, наконец, гражданские войны нанесли такой страшный удар Римской республике, что она от него уже не могла оправиться. Ослабление итальянских имущих классов, служивших ее главной опорой, и необходимость консолидации политической власти привели к созданию военной диктатуры империи.

Эта диктатура была направлена в первую голову против рабов, как самого страшного врага рабовладельческого государства, для борьбы с которым республиканский демократизм и республиканский аппарат управления были совершенно недостаточны. Какой ужас внушали рабские восстания их господам, об этом достаточно ярко говорит хотя бы тот факт, что имена вождей наиболее крупных восстаний, Афениона и Спартака, стали чуть ли не нарицательными в позднейшей исторической литературе.[2] В Риме, как известно, был старинный закон, в силу которого, если госпо-

[1] См., напр., речи Цицерона против Верреса. Также Strabo, VI, 2, 6.
[2] См., напр., Tacit., Annal., XV, 46; Script. Hist. Aug., XIX, 9, 6.

дин убит своими рабами, то смертной казни подвергались все рабы, жившие в доме убитого. В 57 г. н. э. сенат издал постановление, о котором Тацит говорит следующее: «Было сделано также сенатское постановление одинаково как в видах мщения, так и в видах безопасности, именно, чтобы в случае, если кто будет умерщвлен своими рабами, даже и те, которые будут отпущены на волю по завещанию, оставшись в том же доме, подвергались казни наравне с рабами». [1] Это постановление было лишь расширением сенатского постановления 10 г. н. э., называющегося S. C. Silanianum. [2] Когда в 61 г. в сенате обсуждалось дело рабов убитого префекта Рима, Педания Секунда, сенатор Кассий произнес речь, в которой доказывал необходимость применения закона против рабов. В ней он, между прочим, сказал следующее: «Предкам нашим душевные свойства рабов внушали недоверие даже и в том случае, когда эти последние родились на одних с ними полях или в одних и тех же домах и тотчас же воспринимали любовь к своим господам. После же того, как мы стали иметь у себя [рабами] целые племена, у которых различные [от наших] обычаи, чуждые нам культы или отсутствие всяких культов, такой сброд людей нельзя обуздать иначе, как страхом». [3] Все рабы П. Секунда были казнены, несмотря на защиту городской толпы, о чем мы говорили выше. Факты показывают, что все эти террористические меры принимались не без основания. При первых императорах не прекращаются отдельные вспышки. Так, мы знаем о движении рабов при Тиберии в Брундизии под руководством Т. Куртизия. [4] После смерти Калигулы чуть не вспыхнуло восстание гладиаторов. [5] При Клавдии была казнена Домиция Лепида за то, что она будто бы подстрекала рабов в Калабрии. [6] При Нероне произошла попытка к бегству гладиаторов в Пренесте, во-время остановленная. «А народ, — замечает по этому поводу Тацит, — обыкновенно жадный до переворотов и в то же время трусливый, толковал уже о Спартаке и прежних несчастиях». [7]

Однако, как бы там ни было, но на некоторое, правда, очень непродолжительное время рабовладельческому обществу удалось добиться относительной «стабилизации». Прекращение гражданских войн и подавление пиратского движения, смягчение потогонной системы провинциального управления, расширение социальной базы императорской власти, выразившееся в привлечении к аппарату управления провинциальных имущих классов, — все это не могло не дать некоторых положительных резуль-

[1] Tacit., Annal., XIII, 32.
[2] Модестов, перевод Тацита, II, 394, прим. 94. См. Wallon, II, 286.
[3] Tacit., Annal., XIV, 44.
[4] Там же, IV, 27.
[5] Joseph., Ant. Jud., XIX, 4, 3.
[6] Tacit., Annal., XII, 65.
[7] Там же, XV, 46.

татов. Внешняя и межобластная торговля Рима испытывает оживление и расширение. Провинции переживают хозяйственный подъем, иногда довольно значительный, напр., в Галлии. Провинциальные города расцветают. Однако этот подъем был весьма неравномерным и относительным. Оживление провинциальной экономики происходило в значительной степени за счет хозяйственной деградации центральных областей империи, в частности Италии. Итальянское земледелие, напр., уже не может выйти из тяжелого кризиса, в который оно вступило с I в. н. э.[1] Рабство, как хозяйственная система, идет к упадку, — правда, медленно, но неуклонно. Об этом свидетельствует рост отпускных, который можно проследить в Греции, начиная еще с III в. до н. э.,[2] а в Италии — с эпохи Августа[3] в развитии колонатных отношений, о чем говорит совершенно недвусмысленно ряд наших источников,[4] в смягчении законодательства о рабах и в признании юридической теорией личности раба и т. д. Да и политическая стабилизация была относительно кратковременной, захватывая период времени, самое большее, с конца I до половины II вв. н. э.

Первые два столетия империи мы должны поэтому рассматривать как период начавшегося разложения античного общества. Что это общество было еще рабовладельческим, в этом не может быть никакого сомнения. У нас нет никаких данных утверждать, что уже в эпоху ранней империи рабство уступило свое место другой форме эксплуатации. Но бесспорно, что в глубинах этого общества быстро развивались процессы распада старых хозяйственных форм, вызванные в конечном счете индивидуализацией производства и развитием крупной частной собственности. Развитие арендно-колонатных отношений чрезвычайно в этом отношении показательно. Оно говорит о том, что старая кооперативная форма рабовладельческого хозяйства уже перестала соответствовать новому содержанию. Индивидуальное производство выкристаллизовывалось из разлагавшегося рабовладельческого хозяйства, и оно выкристаллизовывалось не столько потому, что разлагалось рабовладельческое хозяйство, сколько рабовладельческое хозяйство разлагалось потому, что выкристаллизовывалось индивидуальное производство. Что же касается развития собственности, то достаточно известно, что в эпоху империи античная общинно-государственная собственность значительно слабеет и за счет ее развивается крупная частная собственность императоров и отдельных лиц. В соответствии с этим полис разлагается. Муниципальная система империи — только жалкая карикатура на город-государство классической эпохи.

Со второй половины II в. н. э., с эпохи Марка Аврелия, временная

[1] Colum., I, praef.; Tacit., Annal., XII, 43.
[2] См. обширный эпиграфический материал этого рода у Dittenberger'a и Michel'я.
[3] Dionys., IV, 24. 6—8. Dion., LV, 13, 7. Tacit., Annal., XIII, 26—27.
[4] Colum., I, 7.

«стабилизация» империи кончается. Революция рабов вступает во вторую фазу своего развития, более страшную для античного общества, чем первая. Прежде всего потому, что сила сопротивляемости разлагавшегося рабовладельческого общества была теперь гораздо меньше, а затем потому, что движущие силы революции и ее территориальный размах стали неизмеримо шире. Если ареной гражданских войн II — I вв. были главным образом Италия, Сицилия и восточная половина Средиземноморья, то теперь они охватывают все огромное пространство империи. Если в первой гражданской войне рабы выступали, в общем и целом, отдельно от своих союзников и только объективно можно говорить об едином антирабовладельческом фронте, то теперь рабы, свободные и крепостные крестьяне, ремесленики, пираты, германцы и солдаты сливаются в одну почти неразличимую массу, дружно атакующую распадающуюся твердыню империи. Антирабовладельческий фронт и субъективно делается единым.

История последних столетий Рима слишком хорошо известна, чтобы нужно было останавливаться на ней подробно. Но вкратце я ее напомню. После неудачных попыток последних Антонинов и Северов военно-бюрократическими тисками скрепить государство и остановить все усиливающийся напор «варваров», наступает, после убийства Александра Севера и вступления на престол Максимина (235 г.), период так называемой «анархии», период острой классовой борьбы внутри империи, тесно сливающийся с грозными вторжениями германцев. В результате этой второй революции часть имущих классов была истреблена и сменилась новой знатью, по большей части выходцами из армии. В конце III и начале IV в., при Диоклетиане и Константине, еще раз наступил некоторый, еще более короткий период «стабилизации». Она была достигнута частичным разрешением основного противоречия рабовладельческого общества. К этому моменту завершился тот процесс, который начался еще с первого столетия империи. «Мелкое хозяйство, — пишет Энгельс, — снова сделалось единственной окупающей себя формой. Одна вилла за другой подвергались разбивке на мелкие парцеллы, которые передавались наследственным арендаторам, уплачивающим определенную сумму, или дольщикам — partiarii, которые были скорее управителями, чем арендаторами, получая за свой труд шестую или даже только девятую часть ежегодного продукта. Но преобладала сдача этих мелких парцелл колонам, которые уплачивали ежегодно определенную сумму, были прикреплены к земле и могли быть проданы вместе с своей парцеллой; хотя они и не были рабами, но не признавались также свободными, не могли вступать в брак со свободными, и браки их между собою не считались законными, но рассматривались, как и браки рабов, как простое сожительство (contubernium). Они были предшественниками средневековых крепостных. Античное рабство пережило себя. Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфак-

турах оно уже не приносило дохода, оправдывающего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез. А в мелком земледелии и мелком ремесле, к которым свелось громадное производство времен расцвета империи, не было места для большого числа рабов. Только для рабов, занятых в домашнем услужении и служивших целям роскоши богатых, оставалось еще место в обществе. Но умирающее рабство все еще проявляло себя тем, что заставляло признавать всякий производительный труд делом рабов, недостойным свободных римлян, а таковыми теперь являлись все». [1]

Система так называемого домината и являлась завершением этого процесса. Это была военно-бюрократическая, de facto децентрализованная монархия типа восточной «деспотии». Ее социальной базой служила земельная знать, частью старая, но соответствующим образом переродившаяся, частью же (или, быть может, даже в большинстве, — этот вопрос нужно еще исследовать) создавшаяся в результате революции III в. и вышедшая из общественных «низов». Она опиралась на крупное землевладение замкнуто-натурального типа. Производство было мелким, индивидуальным, с преобладанием крепостнических форм эксплуатации, при сохранении сильнейших пережитков рабства. В ремесле и торговле распространяются своеобразные государственно-крепостнические отношения: ремесленники прикрепляются либо к коллегиям, обязанными определенными поставками в пользу правительства, либо к государственным мастерским, где они работают вместе с приписанными к этим мастерским рабами.

Но на этом революция не кончилась. Даже общество IV в. еще не было феодальным. Процесс должен был дойти до конца. Чтобы мелкое производство и индивидуальная собственность могли окончательно восторжествовать и стать «исходным пунктом нового развития», пережитки рабства должны были быть устранены, в том числе один из важнейших — презрение свободных к труду. Энгельс, описывая состояние западной Европы в IX в. н. э., говорит: «И все же за эти четыреста лет людьми был сделан шаг вперед. Если и в конце периода мы встречаем почти те же главные классы, что и в начале, то другими зато стали люди, составлявшие эти классы. Исчезло античное рабство, исчезли обнищавшие свободные, презиравшие труд, как рабское занятие. Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин. «Бесполезные воспоминания и тщетная борьба» гибнущего римского мира были мертвы и погребены. Общественные классы девятого столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в родовых муках цивилизации новой. Новое поколение, как господа, так и слуги, в сравнении со своими римскими предшественниками, было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами,

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 183.

ставшие для последних безвыходной формой гибели античного мира, явились теперь для первых исходным пунктом нового развития». [1]

Чтобы это могло случиться, античное общество должно было быть окончательно поглощено окружающей его «варварской» стихией. Поэтому кратковременная стабилизация начала IV в. быстро окончилась. После смерти Константина (337 г.) «анархия» разгорелась с новой силой. Короткая передышка при Феодосии (379 — 395 гг.) была последней. После него империя уже официально разделилась на две части. Западная половина вскоре была окончательно захлестнута германскими волнами. На Востоке этот процесс поглощения затянулся на много столетий. Но результатом и тут и там было образование феодальной общественной формации. Революция рабов окончилась.

Перейдем теперь к более подробному анализу второго этапа этой революции. Против кого она была непосредственно направлена? Наши источники не оставляют никаких сомнений в том, что удары революции непосредственно и в первую голову поражали имущие классы. Особенно характерна в этом отношении эпоха Максимина, бывшего фракийского крестьянина, дослужившегося в армии до высоких чинов и провозглашенного солдатами императором после убийства Александра Севера (235 г.). Один источник выражается про него следующим образом: «Никого из порядочных людей он вокруг себя не терпел, но правил совершенно по образцу Спартака и Афениона (nobilem circa se neminem passus est, prorsus ut Spartáci aut Athenioni imperabat)». [2]

Источник этот, правда, довольно сомнительный, и его фразу о Спартаке и Афинионе едва ли следует понимать буквально. Но вот что говорит другой источник, гораздо более достоверный: «Каждый день можно было видеть тех, которые вчера были самыми богатыми людьми, а сегодня нуждались во всем. Такова была жадность тирана, который прикрывался предлогом, что ему нужны деньги для уплаты жалованья солдатам». [3]

Этот же источник рисует яркую картину разграбления городов отрядами Максимина, когда погибали и крупные частные состояния и последние остатки общинно-городской собственности. [4] Жестокий режим террора охватил всю империю. «Какая польза в том, — замечает Геродиан, — что варвары были разгромлены, если в Риме и в провинциях свирепствовала кампания убийств». [5] «Одни были распяты на кресте, другие зашиты в шкуры недавно убитых животных, третьи брошены диким зверям, четвер-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 184.
[2] Script. Hist. Aug., XIX, 9, 6.
[3] Herodian., VII, 3, 3.
[4] Там же, 3, 5—6.
[5] Там же, 3, 1.

тые забиты на смерть палками». [1] Правда, имущим классам в конце концов удалось справиться с Максимином, но общее положение от этого не только не улучшилось, но стало совершенно невыносимым во второй половине III в.: непрерывные волнения городской и сельской бедноты и рабов, восстания армии, борьба бесчисленных претендентов на трон, огромное развитие разбойничьего и пиратского движения, эпидемии и, в довершение всего, грозные вторжения германцев, проникавших до самой Италии. Все это било прежде всего по имущим классам, по городам и городской собственности.

Основной движущей силой революции III—V вв., как мы указывали, была пестрая масса довольно разнородных (на первый взгляд, по крайней мере) социальных групп. Но все эти группы имели то общее, что они были представителями мелкого производства, мелкой парцеллярной или разлагавшейся общинно-родовой собственности. Даже армия, являвшаяся одним из важнейших факторов революции, не составляла в этом отношении исключения. Север, как известно, разрешил в пограничных местностях солдатам обрабатывать землю по близости от лагерей. Солдатским семьям было позволено жить здесь же. Это стояло в тесной связи с другой мерой, впервые проведенной М. Аврелием и затем широко применявшейся всеми последующими императорами: пленные германцы были поселены на римской земле с обязательством заниматься земледелием и служить в римском войске. «Римские провинции полны варварами-рабами и скифами-земледельцами», гордо заявляет биограф Клавдия II. [2] «Все варвары вам пашут, сеют и воюют против внутренних племен... Галльские поля распахиваются варварскими волами», читаем мы в биографии Проба. [3] Все это, конечно, звучит немножко слишком гордо для второй половины III в., но во всяком случае несомненно, что «варвары» массами оседали внутри империи и что поэтому разница между римским крестьянином и варваром все более и более стиралась. Не об этом ли, между прочим, говорит и Сальвиан в своем знаменитом пассаже: «А между тем бедные разграбляются, вдовы стонут, сироты угнетены до того, что многие, принадлежа к известной фамилии и получив хорошее воспитание, бывают вынуждены искать убежища у врагов римского народа, чтобы не сделаться жертвою несправедливых преследований; они идут искать у варваров римского человеколюбия, потому что не могут перенести у римлян варварской бесчеловечности». [4] Это место дополняется другим, гораздо более выразительным отрывком того же Сальвиана: «Единственная и всеобщая

[1] Script., XIX, 8, 7.
[2] Там же, XXV, 9.
[3] Там же, XXVIII, 15.
[4] Salv., De gubern. dei, V, 4—9. Перев. Стасюлевича, I, стр. 74.

мечта римского простонародья (romanae plebis) состоит в том, чтобы жить с варварами». [1]

Весьма типично для движений III—IV вв. восстание так называемых багаудов, галльских и испанских крестьян, начавшееся в конце III в. и продолжавшееся около полутораста лет. Это была настоящая крестьянская война, [2] жестокая и кровавая, сопровождавшаяся разрушением городов и поместий, то затихавшая и превращавшаяся в разбой на больших дорогах, то снова разгоравшаяся, война с крестьянскими царями, Элианом и Амандом, во главе. В ней принимали участие и свободные крестьяне, и рабы, и крепостные, и батраки, одинаково доведенные до отчаяния политикой правительства. «С ними обращались жестоко, — говорит Сальвиан со своим обычным пафосом, — их грабили и казнили несправедливые и кровожадные судьи; потеряв право римской свободы, они не дорожили честью римского имени... Что же сделало их багаудами... как не наши насилия и неправота наших судей, как не пени и грабежи со стороны тех, которые обратили общественные подати в свой частный доход и сделали налоги своею добычею». [3]

Из чисто городских движений нужно указать на восстание римского населения при Аврелиане, известное под именем восстания монетариев, т. е. рабочих монетного двора, точнее говоря, прикрепленных к нему ремесленных коллегий. Хотя мы не знаем точно ни характера движения, ни поводов к нему, тем не менее можно утверждать, что оно было чрезвычайно серьезным и подавление его стоило Аврелиану весьма дорого. [4] Я не буду говорить о бесчисленных волнениях и восстаниях городского населения этой эпохи в Александрии, Антиохии и других городах. Они достаточно известны.

Какую роль играли рабы во всех этих движениях? В целом ряде случаев источники прямо говорят об их участии, в других его можно предполагать. Биограф императора Галлиена (Поллион) рассказывает о разбойничьем движении в Сицилии, «подобном рабской войне, которое с трудом было подавлено» (etiam in Siciliam quasi quoddam servile bellum extitit latronibus evagantibus qui vix oppressi sunt). [5]

[1] Salv., De gubern. dei. Стасюлевич, I, 78.

[2] С крестьянскими восстаниями XIV в. н. э. ее сравнивал еще Гиббон. Также Burchardt, Die Zeit des Constantins des Grossen, 2-te Aufl., 1880 г., стр. 70.

[3] Стасюлевич, I, 75. О багаудах см. Eutrop., IX, 20, 3. Vict., De Caesar., 39. Amm., XXVIII, 2, 10, Zosim., VI, 3, 5. Burchardt, указ. место. Seeck у Pauly-Wissowa, II, 4. Также в Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I, 23.

[4] Script., XXVI, 38, 2—4. Vict., 35. Eutrop., IX, 14. См. Groag у Pauly-Wissowa, V, 9, стр. 1372—74. Gibbon, Histoire de le décadence etc., traduction française, 1837 г., стр. 190—191.

[5] Script., XXIII, 4, 9.

В первой половине IV в. в северной Африке возникло революционное движение так называемых циркумцеллианов, крайнего левого крыла донатистов. Историк церкви Дюшен рассказывает о нем следующее: «Имя циркумцеллианов было усвоено шайкам фанатиков, которые рыскали по стране, особенно по Нумидии, чтобы помогать правому делу и сражаться с изменниками. Они стремились соблюдать правила воздержания, за что донатисты впоследствии сравнивали их с монахами кафолической церкви. Вооруженные внушительными дубинками, они появлялись всюду — на дорогах, ярмарках, бродили около чужих домов, откуда их название циркумцеллианы, зорко следили за хуторами и дачами. Их интересовала не только распря Доната с Цецилианом. Как мстители за угнетенных и враги общественного неравенства, они охотно принимали сторону колонов против землевладельцев, рабов против господ, должников против заимодавцев. По первому зову угнетенных или выдававших себя за таковых, особенно по зову донатистского духовенства, когда его слишком теснила полиция, они являлись дикой толпой, испуская военный крик: «Хвала богу», и потрясая своими знаменитыми палицами. Одним из любимых развлечений их было при встрече с повозкой, сопровождаемой рабами-скороходами, сажать в нее рабов и заставлять господ бежать перед экипажем». [1]

В одном из самых драматических эпизодов всемирной истории — в опустошении Балканского полуострова готами при Валенте в 70-х годах IV в. — рабы сыграли весьма крупную роль. Этот же эпизод ярко иллюстрирует тот контакт, который существовал между трудовыми элементами империи и «варварами». Мы читаем у Аммиана Марцеллина: «Готы рассеялись по всему берегу Фракии и шли осторожно вперед, причем сдавшиеся сами римлянам их земляки или пленники указывали им богатые селения, особенно те, где можно было найти изобилие провианта. Не говоря уже о прирожденной силе дерзости, большой помощью являлось для них то, что со дня на день присоединялось к ним множество земляков из тех, кого продали в рабство купцы, или тех, что в первые дни перехода на римскую землю, мучимые голодом, продавали себя за глоток скверного вина или же жалкий кусок хлеба. К ним присоединилось много рабочих с золотых приисков (sequendarum auri venarum periti non pauci), которые не могли снести тяжести оброков; они были приняты с единодушным согласием всех и сослужили большую службу блуждавшим по незнакомым местностям готам, которым они показывали скрытые хлебные магазины, места убежища туземцев и тайники». [2] Когда позднее вестготы под начальством Алариха осадили Рим, рабы, по свидетельству Прокопия, открыли им

[1] Л. Дюшен, История древней церкви, т. II, стр. 160. Перевод Ю. Кулаковского.
[2] Amm., Rer. gest., XXXI, 6, 5, 6.

ворота. Гиббон пишет об этом: «Но старания сенаторов были бессильны против вероломства их рабов и слуг, происхождение или интересы которых привлекали их на сторону варваров. В полночь они без шума открыли городские ворота». [1]

Бесспорно, однако, что в революции удельный вес рабов, по мере развития крепостнических отношений в IV и V вв., становился все меньше и меньше. Одновременно с этим росло участие в ней колонов и германцев. Но, во-первых, как мы уже видели, провести в IV и V вв. сколько-нибудь резкую грань между рабом и колоном с одной стороны, колоном и «варваром» с другой — представляется совершенно невозможным. Во-вторых, движение III—V вв. было направлено против гниющих обломков рабовладельческого общества и государства, т. е. было движением, по своей сущности, антирабовладельческим. Поэтому классовая борьба последних столетий империи была непосредственным продолжением и дальнейшим развитием классовой борьбы последних столетий республики, где, как мы видели, ведущую роль играли восстания рабов. Революция II—I вв. до н. э. и революция III—V вв. н. э. представляют единый процесс, только временно приостановленный «стабилизацией» эпохи Флавиев и Антонинов.

Но насколько правомерно, однако, употребляем мы понятие «социальной революции» применительно к процессу крушения античного общества? Мне кажется, что в этом вопросе не может быть двух мнений. Мы имеем здесь налицо основные признаки революции: смену способа производства и, следовательно, смену формаций, вызванную противоречием между производительными силами и производственными отношениями и осуществленную восстаниями угнетенных классов. Обычно за внешней и эффектной картиной грандиозного краха империи, с его массовым разрушением материальных ценностей, падением денежного хозяйства, обезлюдением городов, огрублением нравов и т. п. не видят того основного факта, что еще в рамках рабовладельческого общества появился новый способ производства, т. е. не видят роста производительных сил. «Развитие римского сельского хозяйства, — писал Энгельс в «Юридическом социализме», — в эпоху императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой стороны, к раздроблению имений на мелкие арендные участки, заселенные колонами. В результате этого развития получило преобладание карликовое хозяйство зависимых крестьян, предшественников более поздних крепостных, получил преобладание, таким образом, способ производства, в котором уже в зародыше содержался способ производства, ставший господствующим в средние века». [2]

[1] Gibbon, ук. соч., стр. 750.

[2] «Под знаменем марксизма», 1923 г. № 1, стр. 57.

Для второй революции античного общества, революции рабов, не приходится, конечно, доказывать, как мы делали для первой, что она протекала в формах острой классовой борьбы. К этому моменту классы уже вполне сформировались. Вот почему вторая революция античного общества является более зрелой, более развитой, чем первая. Но ее спецификум также довольно велик. Этот спецификум указан еще в «Коммунистическом манифесте», где установлены две формы, два пути завершения классовой борьбы: путь «революционного переустройства всего общества» и путь «совместной гибели борющихся классов». Совершенно очевидно, что 1) по смыслу всего контекста окончание классовой борьбы означает здесь гибель старого способа производства, старого общества, старой формации; 2) под «совместной гибелью борющихся классов» Маркс и Энгельс понимали гибель античной формации и переход ее в формацию феодальную. Отличие революции рабов от буржуазной и пролетарской революций и вместе с тем ее своеобразие состоит в том, что она *непосредственно* кончается не революционным переустройством общества, а гибелью борющихся классов, т. е. в ней отсутствует *непосредственный* переход политической власти от одного класса к другому. Рабы, благодаря специфическим особенностям их, как класса, стоящего лишь на первой ступени классового развития, не могли победить в общегосударственном масштабе, не могли вырвать власть из рук рабовладельцев и создать свою диктатуру, как диктатуру революционного класса. Их восстания конца республики нанесли только жестокий удар рабовладельческому обществу, но не разрушили его.

Революция рабов победила только на втором этапе, когда ее победа была обусловлена созданием единого антирабовладельческого фронта из крепостных крестьян и ремесленников, германцев и рабов. В этом едином блоке рабы играли уже не ведущую роль. Благодаря трансформации рабовладельческого хозяйства рабы в своей значительной части превратились к IV—V вв. в «предшественников средневековых крепостных», а их господа, употребляя аналогичную формулу Энгельса, в «предшественников средневековых феодалов». Таким образом, борьба рабов и рабовладельцев, действительно, кончилась «совместной гибелью борющихся классов». Частично они были истреблены и ослаблены во время гражданских войн, частично трансформировались как классы. Конечно, «гибель борющихся классов» сама по себе не есть еще революция. Революцией она стала потому, что была причиной (и вместе с тем следствием) гибели старой формации и предпосылкой для создания новой. Революция рабов не передала непосредственно власти из рук рабовладельцев в руки феодалов. Для того, чтобы сложился западноевропейский феодализм, нужно было еще завоевание «варваров». Но, в конечном счете, такой переход власти от рабовладельцев к феодалам совершился, и, чтобы он совершился, нужна была революция рабов.

Объективный смысл этой революции не меняется, конечно, оттого, что она была завершена не только рабами, и не столько рабами, сколько крестьянами. Она была начата рабами, начата как революция антирабовладельческая и завершена как таковая союзом рабов и крестьян, при ведущей роли последних. Момент завоевания, имевший, конечно, огромное значение и для окончательного разрушения античного общества и для создания феодального, тем не менее, в качестве внешнего противоречия, никак не может быть отделен от противоречий внутренних, как не может быть отделен в V в. «внешний» германец от германца «внутреннего».

На первый взгляд может показаться, что теория социальной революции рабов есть не что иное, как повторение, с некоторыми модификациями, известной концепции Ростовцева о «пролетарской революции», погубившей античное общество и античную культуру. Не говоря здесь о всем известной политической, контрреволюционной основе «теории» Ростовцева, необходимо подчеркнуть только два момента, чтобы указать на абсолютное, принципиальное различие обеих конструкций. 1) Доведенная до своего логического конца модернизаторская концепция фашизма неправомерно переносит в античность категорию пролетариата, отождествляя его с пролетариатом капиталистической формации. 2) Гибель античного общества для Ростовцева и его единомышленников есть абсолютное падение производительных сил, возврат назад, к исходному пункту развития, к абсолютному варварству, завершение круга. Для нас, далеких от всякой модернизации, революция, положившая конец античному обществу, есть революция рабов. Она представляет шаг вперед, подъем на новую ступень на пути прогрессивного развития человечества.

Признание нами социальных революций в античном обществе будет означать окончательный разрыв с пережитками каутскианства. Концепция Каутского, как известно, на первый взгляд диаметрально противоположна концепции Ростовцева. Для Каутского в античности нет вообще никаких социальных революций: «Если сущность социальной революции, — говорит он, — видеть не в одном только государственном перевороте, а и в следующих за этим переворотом новообразованиях, то тогда социальная революция есть нечто такое, что появляется на сцену лишь вместе с промышленным капиталом». [1] «Хотя в государствах Востока и в Аттике, — пишет он в другом месте, — создается очень высокая цивилизация, однако в каждом из этих государств эта цивилизация заходит в тупик и погибает вместе с гибелью государства, не находя выхода на путях социальной революции. Из этого тупика выводит не революция изнутри, а толчок извне, а именно завоевание цивилизованной области со стороны племен, стоящих на той или иной ступени варварства, каковые

[1] К. Каутский, Материалистическое понимание истории, II, стр. 419.

племена вливают новые жизненные силы в старое гнилое государство, хотя при этом, разумеется, от отжившей и гибнущей цивилизации остается очень немного; новый цикл развития в государственной и социальной области начинается примерно с того же самого пункта, с какого это развитие начинало и разрушенное государство». [1]

Как видно, «крайности», действительно, «сходятся»: и Ростовцев и Каутский, начав, повидимому, с разных вещей: один — с универсализации пролетарской революции, а другой — с отрицания почти всякой революции, приходят к одному и тому же — к знаменитой и достаточно старой теории цикличности. Впрочем, «крайности» фашизма и социал-фашизма сходятся и в кое-чем другом, гораздо более важном. Они сходятся в том, что одинаково борются против пролетариата. Один делает это, доказывая буржуазии, какое это страшное, извечное, древнее как мир зло — пролетарская революция. Другой пересматривает Марксову теорию формаций и поучает пролетариат, что социальная революция бывает только одна: буржуазная революция против феодализма. Все дальнейшее развитие, как и предшествующее, происходит не «на путях социальной революции»...

Только общее учение о революции, созданное Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным, включающее в себя и теорию античных революций, как свою составную часть, отражает объективную сущность исторического процесса и дает поэтому пролетариату единственно правильную ориентировку для того, чтобы не только познать мир, но и изменить его.

[1] Там же, стр. 618.

Разложение родового строя и революция VII—VI вв. в Греции

А. И. ТЮМЕНЕВ

1

Приступая к решению вопроса о том, рассматривать ли события VII—VI вв. в Греции как социальную революцию, естественно прежде всего обратиться к основной работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», работе, как говорит Энгельс в предисловии, завещанной ему Марксом и, следовательно, до известной степени являющейся как бы совместным трудом обоих основоположников марксизма. И вот, обращаясь к этому основному труду, мы видим, что даваемое здесь изложение истории возникновения афинского государства не оставляет никакого сомнения в том, что Энгельс видел в событиях VII—VI вв. именно социальную революцию. Время законодательства Дракона, Солона, Клисфена рассматривается здесь Энгельсом как эпоха смены формаций, как время перехода от последнего этапа формации доклассовой — родового строя — к классовой рабовладельческой формации. Законодательная работа этой эпохи направлена прежде всего именно против отживающего родового строя, которому она наносит ряд сокрушительных ударов. При этом возникновение государства, идущего на смену родовому строю, есть вместе с тем и возникновение первой собственно классовой рабовладельческой формации.[1] И этот переход от родового строя к государству рисуется не как простой распад и отмирание старых родовых учреждений, а именно как взрыв, вызванный ростом внутренних противоречий, как ломка старых отношений, как социальная революция.

Напомню известное место: «Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимых противоречиях с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно».[2] «Столкновение новообразовавшихся общественных классов, —

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи..., изд. 1932 г., стр. 114 сл., 170—172.

[2] Там же, стр. 171—172.

говорит Энгельс в предисловии, — взрывает старое общество, покоящееся на родовых объединениях; его место заступает новое общество, спаянное в государство». [1]

Но, быть может, это падение родового строя следует представлять себе так, что родовые учреждения, не удовлетворявшие более общественным потребностям, просто отпали и не являлись объектом непосредственной классовой борьбы, которая шла помимо них? Но такая точка зрения не является точкой зрения Энгельса. Энгельс не проводит в этом отношении никакого принципиального различия между революцией, принесшей с собой падение родового общества, и революциями, происходившими впоследствии при смене классовых формаций. В Афинах «государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоречий, развивающихся внутри самого родового общества». [2] «Солон... открыл ряд так называемых политических революций и притом посягательством на собственность. Все бывшие до сих пор революции были революциями в целях защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Они не могли охранять один вид собственности, не посягая на другой. В Великой французской революции была принесена в жертву феодальная собственность, чтобы спасти собственность буржуазную; в революции, произведенной Солоном, должна была пострадать собственность кредиторов в интересах собственности должников». [3] Но кто же были эти кредиторы, собственность которых пострадала во время революции, произведенной Солоном? Это была родовая знать. Энгельс говорит, именно, что поля бедняка «перешли в собственность благородного ростовщика», [4] затем далее о необходимости положить предел «жадности благородных к крестьянской земле». [5] Именно родовая знать и держалась еще умирающего родового строя, и против нее непосредственно направлены были удары революции. Энгельс говорит о «победоносной конкуренции старой власти благородных в лице нового класса богатых промышленников и купцов», конкуренции, отнимавшей вместе с этим «последнюю почву у родового строя». [6]

«Благородные», — говорит он дальше, — пытались вернуть себе прежние привилегии и на короткое время достигли преобладания, пока произведенная Клисфеном революция не низвергла их окончательно, а с ними и последние остатки родового строя». [7] Итак, Энгельс здесь определенно

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 6.
[2] Там же, стр. 171.
[3] Там же, стр. 115.
[4] Там же, стр. 112.
[5] Там же, стр. 116.
[6] Там же, стр. 117.
[7] Там же.

сопоставляет родовой строй и родовую знать и признает, что революция имела своим объектом не только родовые учреждения, но и родовую знать, уже в рамках родового строя перерождавшуюся в аристократию землевладельческую.

Все признаки социальной революции здесь, таким образом, как видим, налицо: и рост внутреннего противоречия между растущими производительными силами и производственными отношениями, и переворот в надстройке в связи с изменением экономического базиса, и, наконец, столкновение противоречивых интересов образующихся классов, представляющих старый, отмирающий, и вновь нарождающийся общественный строй. Еще недавно у многих товарищей существовали сомнения относительно того, считать ли доклассовое общество формацией или нет, и не далее как два года назад в Государственной Академии Истории Материальной Культуры происходила оживленная дискуссия по данному вопросу. Теперь, когда даже сторонники этого взгляда от него отказались и ни у кого уже не существует более сомнений на этот счет, нет, думается, оснований и для того, чтобы отрицать факт социальной революции при переходе от родового общества, представляющего последнюю стадию в развитии доклассовой формации, к рабовладельческой формации. Указание на то, что в доклассовом обществе нет еще классов и противоречивых классовых интересов, звучит неубедительно, так как классы зарождаются уже внутри родового общества, причем именно факт зарождения их и составляет необходимое условие и предпосылку разложения и падения этого последнего.

Наглядным доказательством того, что классовая борьба времени падения родового строя в Греции была революцией, направленной, как сказано, против родовой знати, переродившейся в землевладельческую олигархию, является факт возникновения именно в непосредственной связи с классовой борьбой этого времени диалектической философии Гераклита. Диалектика в философии могла возникнуть лишь как отражение диалектики реальной классовой борьбы. Лучшее средство проверить правильность нашей линии — это сличить ее с теориями и построениями по тем же вопросам наших классовых врагов. И вот в данном случае, отрицая социально-революционный характер переворота, происшедшего в греческих городах в VII—VI вв., мы рискуем приблизиться к позиции буржуазных историков, которые стараются ослабить значение происшедшего переворота и представить падение родового строя как простое отмирание родовых пережитков. [1]

Главное сомнение в том, представляет ли революционное движение в Греции VII—VI вв. социальную революцию, сводится к тому, что в

[1] Ср., напр., Francotte, La cité grecque, стр. 46.

данном случае мы имеем дело с переходом от доклассового общества к классовому. Сомнение это, как я уже говорил, неосновательно уже по одному тому, что самая революция происходит в результате разложения родового строя, процесс же разложения родового строя (доклассового общества) именно и сводится к процессу классообразования и роста внутренних противоречий между вновь образующимися классами. Первоначальная, обнимающая всех членов племени родовая организация вырождается в замкнутую родовую олигархию, в олигархию замкнутых аристократических родов, и, поскольку революция направляется против родового строя, она направляется уже не против тех родовых учреждений, которые существовали в бесклассовом обществе, но против родовых учреждений в их выродившейся форме, против господства аристократических родов. Осветить эту сторону вопроса, проследить процесс постепенного разложения старого родового строя и классообразования и представляется поэтому прежде всего необходимым для выяснения характера и значения революционных переворотов, происшедших в ряде греческих городов на пороге рабовладельческой формации. Эту задачу — проследить процесс разложения родовых учреждений — я и ставлю прежде всего себе в настоящей статье, насколько, конечно, это возможно при тех скудных данных, какие имеются на этот счет, и при выполнении работы в чрезвычайно спешном порядке.

Напомню прежде всего картину разложения греческого рода, какую дает Энгельс в «Происхождении семьи». Работа Энгельса хорошо известна, и я ограничусь поэтому лишь основными моментами. Исходный момент развития в Греции составляли те же «органические группы», как и у американских ирокезов, именно род, фратрия, племя, союз племен. Род греков, однако, уже не архаический род ирокезов: «Следы группового брака начинают значительно стираться. Материнское право уступило место отцовскому». Не буду перечислять основных признаков греческого рода, в перечислении которых Энгельс следует за Морганом и Гротом. Гораздо существеннее отметить, в чем расходился Энгельс с буржуазными историками. В отличие от Грота, Нибура, Моммсена и др., видевших в роде группу семей, Энгельс категорически утверждает, что именно благодаря такой исходной точке зрения они не могли понять природу и происхождение рода, что «при родовом строе семья никогда не была и не могла быть основной организационной ячейкой, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам. Род целиком входил в фратрию, фратрия целиком входила в состав племени; семья входила наполовину в род мужа и наполовину в род жены». «И, несмотря на это, — говорит он далее, — вся наша историческая наука исходит до сих пор из нелепого ставшего особенно неприкосновенным в XVIII в. предположения, что моногамная индивидуальная семья, которая вряд ли древнее цивилизации, была

тем основным ядром, вокруг которого постепенно кристаллизовалось общество и государство». Это расхождение Энгельса и Маркса с буржуазными учеными во взглядах на первоначальную природу и происхождение рода необходимо специально отметить и подчеркнуть, так как все позднейшие работы и суждения представителей буржуазной науки о древнегреческом роде не только исходили из тех же представлений, но доводили их до крайности, до абсурда. Сводя род к объединению семей, «ученые филистеры» (Маркс) не умеют объяснить происхождение рода. Грот может установить лишь идейную связь между членами рода, в противоположность чему Маркс, цитируемый здесь Энгельсом, подчеркивает карнальную, попросту плотскую связь, первоначально объединявшую всех членов рода. «Фратрия, как и у американцев, представляла собою разделившийся на несколько родов и их объединяющий первоначальный род... Из нескольких родственных фратрий составляется племя». Известное из греческих источников четкое деление племен на фратрии и фратрий на роды, по 3 фратрии в племени и по 30 родов во фратрии, «предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно создавшийся порядок вещей». Не буду останавливаться на картине начавшегося разложения родо-племенного быта и зарождения аристократического элемента внутри древней первоначальной демократии. Она общеизвестна. Отмечу лишь то значение, какое приписывает Энгельс возникновению отцовского права. «Отцовское право с наследованием имущества детьми благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в ее отношении к роду», [1] появляются выделяющиеся из массы знатные семьи. В том же направлении действует рабство и разбойничество на суше в целях захвата скота, рабов, сокровищ. Развивается «почитание богатства, как высшего блага, и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств». [2] Картина этого перерождения родовой старшины в родовую знать рисуется Энгельсом необычайно сжато и в то же время ярко. А так как, как указывалось выше, этот процесс имеет особенно существенное значение для выяснения значения социальной революции VII—VI вв., я позволю себе напомнить это место и приведу здесь его в выдержке: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы, развивающиеся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и второстепенных вождей; обычное избрание его преемников из одной и той же семьи переходит мало-по-малу, в особенности со времени установления отцовского права, в наследственную власть,

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 107.
[2] Там же.

которая сперва терпится, затем требуется и, наконец, узурпируется; закладываются основы наследственной монархии и наследственного дворянства. Так постепенно отрываются органы родового строя от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, и все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность: из организации племен для заведывания своими собственными делами оно превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы государства и угнетения против собственного народа. Но это никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превращали общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться делом, достойным раба, более унизительным, чем грабеж». [1]

Дальнейшая картина разложения родового строя и возникновения государства, рисуемая Энгельсом, всем хорошо известна. Разделение труда между земледелием и ремеслом, развитие торговли и мореходства, перемешивание отдельных родов и фратрий, рост числа рабов и пришлого чужестранного населения, перерождение родовой аристократии в привилегированный класс, распространение денежного хозяйства и широкое развитие ростовщичества — все эти новые условия разлагали старый родовой строй и делали необходимой замену его новым государственным строем, основанным уже не на кровном, а на территориальном начале. Учреждение центрального правительства в Афинах, слияние населения Аттики в единый народ, затем введение территориальных административных округов — навкрарий, по двенадцати в каждом племени, нанесли первые удары родовому строю. Наконец, революции, произведенные Солоном и затем Клисфеном, довершили падение родового строя.

2

Излагая воззрения Маркса и Энгельса на древнегреческое родовое устройство и его разложение, я намеренно останавливался на тех основных сторонах и моментах, в которых концепция Маркса и Энгельса расходилась со взглядами буржуазных историков. Это расхождение начинается уже с определения самого понятия рода. Для Грота и других буржуазных историков род — это прежде всего союз семей, объединенных общей фиктивной родословной. Для Маркса и Энгельса это союз, основанный на

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 165—166.

кровном родстве, не знавшем еще индивидуальной семьи. Патриархальная семья, не исключая крупных семейных общин, которая для буржуазных историков образует исходный момент развития, для Маркса и Энгельса представляет, напротив, позднейшую ступень и продукт начавшегося уже разложения и распада родового строя. Соответственно и аристократические роды, составляющие в глазах буржуазных историков основное ядро родового строя, рассматриваются Марксом и Энгельсом прежде всего как продукт перерождения института родовых старейшин, имевшего по своему первоначальному значению и назначению демократический характер. В соответствии с общим представлением Маркса и Энгельса об архаическом характере рода, они признавали изначальной общинную собственность, в частной же, не исключая и семейной, собственности видели продукт разложения первоначальной коммунистической родовой собственности, между тем в буржуазной науке уже в то время намечался поворот в сторону отрицания первобытной общины.

Недавно Е. Г. Кагаров в специальной статье «Взгляды Энгельса на происхождение афинского государства в свете новейших исторических исследований»[1] поставил себе задачей проследить, насколько взгляды Энгельса нашли себе подтверждение в трудах «крупнейших специалистов» последующего времени. Он приходит к положительному ответу: труды специалистов вполне подтверждают взгляды Энгельса. Однако если бы Е. Г. Кагаров сосредоточил при этом свое внимание не на фактической стороне и не на отдельных фактических частностях и деталях, — к тому же в большинстве принадлежавших не Энгельсу, но Моргану и Гроту, — а на основной его концепции, он должен был бы прийти к совершенно обратному заключению. Во взглядах на природу родовой организации и на ее историю буржуазные историки не только попрежнему расходятся с Энгельсом, но с течением времени все более удаляются в противоположную сторону. Само собой разумеется, это обстоятельство ни в какой степени нас смущать не должно. Напротив, и в данном случае такое расхождение с классовым врагом является лучшим критерием и подтверждением правильности взглядов Энгельса. И в данном случае можно смело утверждать, что мы имеем дело с одним из проявлений растущей реакционности буржуазии, с частным случаем обычной для современной буржуазной науки утраты чувства реальной действительности и возврата к реакционным ненаучным взглядам и представлениям прошлого.

Игнорируя все результаты сравнительной этнографии и этнологии, с данными которых так превосходно согласуется античная традиция относительно общественного деления на филы, фратрии и роды, и упорствуя в своем стремлении именно в семье видеть исходный момент развития, пред-

[1] Известия Академии Наук СССР, 1931 г., стр. 921—936.

ставители буржуазной науки могут базироваться при этом только на совершенно проблематическом и не имеющем под собой никакой исторической основы рассуждении Аристотеля в начале его «Политики» о семье, как основе общества. Есть ли у них какие-либо иные данные для сведения родового строя в Греции к немногим аристократическим родам, представлявшим в свою очередь разросшуюся семью? Ровно никаких. Это свое утверждение я могу подтвердить ссылкой на такого исключительного знатока и специалиста по истории афинского общественного государственного строя, каким в свое время был Шеффер. «Положения, часто повторяемого различными учеными, — говорит он, — еще никому не удалось доказать; мало того, к стыду нашей науки должно сказать, что никто даже не пытался этого сделать, а все принимали свое личное воззрение, будто только благородные (εὐγενεῖς) люди имели право составлять роды, за неопровержимую аксиому... Обязанность доказательства они предпочитали возложить на своих противников». [1] Мне могут возразить, что это замечание было сделано Шеффером около 40 лет назад, в 1891 г., т. е. еще в то время, когда Энгельс выпускал второе издание «Происхождения семьи». Однако монография Шеффера об афинском гражданстве, откуда взята мною эта цитата, вышла уже после появления трактата Аристотеля об афинской политике, который и был учтен автором. С тех же пор никаких новых источников, которые могли бы пролить свет на вопрос, не появлялось. Единственным авторитетом, на который могут опираться буржуазные историки, остается все то же свидетельство Аристотеля; остальные доказательства по преимуществу негативного свойства вроде, например, ссылки на отсутствие упоминаний о родах в известном месте Илиады, где Нестор советует Агамемнону построить войска по филам и фратриям. Отсутствие античных авторитетных свидетельств заменяется новейшими авторитетами, для нас, марксистов, нимало не являющимися таковыми. Так, все новейшие французские историки (Гиро, Франкотт, Глоц) базируются на авторитете Фюстель де Куланжа. Для немцев такими же авторитетами являются главы модернизаторского направления: Эд. Мейер, Пельман (к ним примыкает и Белох).

Если буржуазная научная мысль вообще склонна к робинзонадам (Дюринг, Бюхер) и соответственно к выведению всего древнейшего общественного устройства из индивидуальной семьи, не умея и не желая отрешиться от присущих буржуазии индивидуалистических тенденций и представлений о семье, как основной ячейке и опоре общества, то в настоящее время, в связи с ростом реакционных настроений буржуазии, эти тенденции специально заостряются против теории первобытного коммунизма,

[1] В. Шеффер, Афинское гражданство и народное собрание, М., 1891 г., стр. 283, 286.

в частности против теории общинного землевладения, причем на развитие этих тенденций в буржуазной науке немалое влияние оказал именно факт появления книг Моргана и Энгельса. Известно, что наиболее ярким представителем антикоммунистического направления в науке об античности является Роберт Пельман; и, конечно, не случайность, что именно ему и приписывается прежде всего сомнительная честь опровержения широко распространенной до того в самой буржуазной науке теории существования общинного землевладения в древней Греции. [1] Никаких фактических данных против общинной теории Пельман не указывает. Все его доводы сводятся к тому, что факты, приводившиеся сторонниками этой теории, могут быть истолкованы иначе, а так как толкует их в данном случае человек, задавшийся целью показать, что коммунизм существует только в фантазии и никогда не существовал в действительности, естественно, что его толкования будут не в пользу первобытной общины. А так как, с другой стороны, «доказательства» Пельмана представляют собой так наз. доказательства ad hominem, в данном случае ad homines буржуазного вида, можно легко было, и не будучи пророком, предвидеть успех этих «доказательств». При этом Пельман даже не скрывает мотивов, побудивших его выступить против общинной теории. Второе (и третье посмертное) издание книги Пельмана «Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt» (1912, 1925 гг.) начинается непосредственно с выпадов против теории первобытного коммунизма, развитой Морганом и Энгельсом. Цитируя приводимые в конце книги Энгельса слова Моргана, что будущее общество явится «возрождением в более высокой форме свободы, равенства и братства древних родов», Пельман делает отсюда свой вывод: «Этот скепсис [в отношении первобытного коммунизма и общинной теории], — замечает он, — является тем более необходимым, чем более в наше время социалисты склонны идеалы и пожелания нашего времени проицировать в прошлое, когда общественный инстинкт человека и давление необходимости приводили к созданию кое-каких социальных образований, которым современный социализм приписывает значение прообразов осуществления его собственных целей». [2] Вслед за Пельманом первобытную общинную собственность в Греции отрицают большин-

[1] Swoboda, Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte, 1905 г., стр. 42 сл.; Busolt, Griechische Staatskunde, I (1920 г.), стр. 142, прим. 1; Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 400.

[2] Geschichte der sozialen Frage, 3-е изд. (1925 г.), стр. 3: «Diese Skepsis ist um so notwendiger, je mehr in unserem Zeitalter der Sozialismus geneigt ist die Ideale und Wünsche der Gegenwart in die Vergangenheit zurück zu projizieren, in der der gesellschaftliche Instinkt der Menschen und der Zwang der Verhältnisse mancherlei Sozialgebilde geschaffen hat, denen der moderne Sozialismus eine gewisse vorbildliche Bedeutung für sein eigenes Ziel zuschreibt».

ство современных германских историков.[1] Другие, преимущественно французские историки, примыкающие к теории семейной общины Фюстель де Куланжа,[2] хотя и признают первоначальную общность владения, но исключительно в пределах семейных общин, решительно выступая против коллективной общинной собственности и против первобытного коммунизма. Белох[3] вообще обходит молчанием вопрос о первоначальном общинном владении. Э. Мейер[4] обрушивается на всю родовую теорию в целом, стремясь поставить на место рода в качестве изначальной общественной формы государство, которое он находит уже у австралийцев. Если он сам при этом связывает факт возникновения родовой теории с современными либеральными тенденциями, то связь его собственной гипотезы об извечности государства с его бисмаркианскими симпатиями и преклонением перед всемогуществом государства выступает еще откровеннее и несомненнее. Любопытно, что энергичного соратника в своем походе против общины и общинного землевладения в области средневековой истории Пельман и его последователи нашли в современном главе и наиболее ярком представителе реакционнейшей исторической школы Ранке Георге Белове. Но есть и любопытные исключения, и характерно, что именно в среде узких специалистов по исследованию античности, замкнувшихся в своей специальности и потому менее испытывающих на себе влияние реакционных тенденций, характеризующих буржуазную науку наших дней, отрицание коллективной собственности как раз и не встречает сочувствия. Я имею в виду Виламовица-Мёллендорфа, который одинаково как в своей давней работе «Aristoteles und Athen» (1893 г., II, стр. 47—48), так и в позднейшей «Staat und Gesellschaft der Griechen» высказывается за исконность общественной собственности при позднейшем развитии частной собственности,[5] а также чисто справочные и насыщенные ссылками на источники статьи Lenschau «Kleros» и Egon Weiss «Kollektiveigentum» (Real-Encyclopädie Pauly-Wissowa). Особенно показательны те выводы, к которым, при всей своей консервативности, при всем идеализме своих общих

[1] H. Swoboda, Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte, Weimar, 1905 г., стр. 89; М. Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 142—143; Busolt, Griechische Staatskunde, стр. 142 сл.

[2] Fustel de Coulanges, La cité antique, ср. его же, Recherches sur le droit de propriété chez les Grecs (Nouvelles recherches, Paris, 1891 г.); Guiraud, La propriété foncière en Grèce, 1893 г., стр. 49, 96; Beauchet, Histoire du droit privé de la république athénienne, II, стр. 533; III, стр. 59, 194, 567; Lecrivain, Note sur le caractère de la propriété foncière dans les poèmes homériques (Mem. de l'Ac. des inscriptions et belles-lettres, IV (1892 г.), стр. 218—226); статья «Gens» s. v. у Daremberg-Saglio, 1499 a—1500 a; Glotz, La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce, 1905 г., стр. 327.

[3] Griechische Geschichte, I, 2-е изд.

[4] Geschichte des Altertums, I, 1, 4-е изд., 1921 г., стр. 12 сл., 45 сл.

[5] Серия «Kultur der Gegenwart», 1910 г., 2-е изд., 1923 г., стр. 61—62.

воззрений, приходит Виламовиц-Мёллендорф. Возможно, что в данном случае специальное свойство, отличающее работы Виламовица, именно совершенное игнорирование результатов чужих трудов, спасло его от влияния общих реакционных установок буржуазной науки последнего времени. С другой стороны, тем показательнее, что именно такой узкий специалист, принципиально чуждающийся всяких этнографических параллелей и строящий свои выводы исключительно на греческом материале, вопреки своим буржуазным коллегам, констатирует существование коллективной собственности. Мало того, и позднейшее развитие частной собственности он обставляет такими оговорками и рисует такими красками, что в его изображении частная собственность в Греции почти совпадает с тем определением, какое дают «античной собственности» Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии».

Не коммунистические родовые организации, а олигархия аристократических родов — таков в глазах буржуазных историков исходный момент общественного развития. В этом согласны все буржуазные историки, как энгельсовского, так и позднейшего времени.[1] Я уже отмечал выше, что никаких данных и никаких оснований для подобного утверждения нет, кроме предубеждения самих буржуазных теоретиков и историков в пользу индивидуальной семьи. Упорствуя в своем заблуждении и эволюционируя далее в том же направлении, буржуазные историки доводят свою мысль до абсурда и до признания действительности единого родоначальника, приходя таким образом к ветхозаветной теории происхождения от праотца Адама. Как быстро эволюционировала мысль буржуазных историков в этом антинаучном направлении, может показать пример Белоха. Вот что писал он о роде у греков в первом томе своей «Греческой истории», вышедшем в 1893 г.: «У греков, как и у всех остальных индогерманских народов, господствовал родовой порядок, — без сомнения, наследие той эпохи, которая предшествовала разделению племен. В основе этого порядка, повидимому, лежало первоначальное мате-

[1] Philippi, Beiträge zur Geschichte des attischen Bürgerrechts; Dittenberger в «Hermes», XX (1885 г.), 3 сл.; Max Duncker, Geschichte des Altertums, V, стр. 333—334; Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, II, стр. 309; Forschungen, II (1899 г.), стр. 517; Beloch, Griechische Geschichte, I, 2-е изд., стр. 85; М. Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 141; Busolt, Griechische Staatskunde, I, стр. 298; Wilamowitz-Möllendorff, Staat und Gesellschaft der Griechen, 1910 г., стр. 41; Fustel de Coulanges, La cité antique; Francotte, Polis grecque, 1907 г., стр. 24; Glotz, La solidarité de la famille, стр. 3; Histoire grecque, I; La cité grecque, 1928 г., стр. 1; Виппер, История Греции, стр. 46—48. Исключение составляет H. Berve, Griechische Geschichte, I, стр. 81—82, признающий позднейшее происхождение аристократических родов, что объясняется прежде всего его расовой точкой зрения: он видит в аристократии элементы чисто греческой расы, успевшие предохранить себя от смешения с туземным населением.

ринское право... Во всяком случае этот строй был оставлен очень рано. Уже с самой отдаленной древности, от которой до нас дошли сведения, принадлежность к роду обусловливалась происхождением со стороны отца. Все члены рода смотрели на себя теперь как на потомков одного общего родоначальника, от которого они производили и самое имя рода; в действительности дело происходило, конечно, наоборот, т. е. мнимый основатель рода был не чем иным, как персонификацией родового имени». [1] Так писал о греческом роде Белох в 1893 г., а менее чем 20 лет спустя во втором издании той же «Греческой истории», первый том которого вышел в 1912 г., он писал уже совершенно обратное. Здесь он высказывается гораздо короче и буквально говорит следующее: «Как и остальные индогерманские народы, и греческий народ делился на родовые союзы; едва ли может быть сомнение в том, что греки принесли эту организацию с собой на их новую родину. Члены такого союза, «братства» (фратрии), смотрели на себя как на потомков одного общего родоначальника и по большей части и в действительности были таковыми». [2] Были ли в распоряжении Белоха какие-либо данные, которые заставили бы его отказаться от своей прежней точки зрения? Абсолютно никаких. Напротив, если в первом издании он приводил ряд довольно убедительных доказательств в пользу существования матриархата в Греции, то во втором издании по вопросу о происхождении рода он ограничивается исключительно приведенной выше фразой. Единственным аргументом в пользу отказа от прежней точки зрения для Белоха в данном случае послужило то предупреждение против опасности приближения к коммунистической точке зрения, какое делает Пельман в начале своей книги.

Характерно, что и сам глава антикоммунистического направления Пельман в первом издании своей книги об античном коммунизме говорил еще о переходе греков к полной оседлости «общинным путем и о заселении территории родами», [3] во втором и третьем изданиях этот общинный путь совершенно исчезает со страниц его книги, и изложение, как и у Белоха, получает в данном месте более лапидарный и в то же время догматический характер.

Полная бездоказательность всех буржуазных теорий относительно греческого рода выступает тотчас же, как только от общих положений они переходят к попыткам реконструировать историю родового строя в Греции. Если в отношении выведения рода из семьи в среде буржуазных историков царит трогательное единодушие, то, поскольку отсутствие данных оставляет широкое поле для фантазии, при намечении отдельных фаз

[1] Белох, История Греции, т. I, 1897 г., стр. 31—32.

[2] «Betrachteten sich als Abkömmlinge eines gemeinsamen Stammvaters und waren es wohl zum grossen Teile auch wirklich». Griechische Geschichte, I, 2-е изд., стр. 8.

[3] Стр. 7 русского издания 1910 г.

этого процесса господствует, напротив, полный хаос. Я уже оставляю в стороне такие курьезы, как замечание М. Куторги о перенесении родового начала с Востока [1] или теорию Виппера, производившего фратрии из жреческих корпораций, образовавшихся вокруг особо уважаемых святилищ. [2] Даже по основному вопросу относительно последовательности стадий развития родового строя между буржуазными историками существует полная разноголосица. В то время как Эд. Мейер ведет линию развития от фратрий, как более древних общественных делений, к родам, как к более поздним образованиям [3] и к этому мнению присоединяется Хазебрек, [4] М. Вебер, напротив, считает род древнейшей основой общества, фратрии же и филы — позднейшими образованиями; [5] странным образом Вебер в то же время утверждает, что его описание греческого рода «во всем существенном примыкает к взглядам Эд. Мейера». К тому же мнению, повидимому, склоняется и Франкотт. [6] Впрочем, какой-либо ясности в этом отношении у буржуазных историков мы напрасно стали бы искать. Характерно, что деление на филы, уже одна общность и распространенность которого свидетельствует о его древности, нередко рассматривается буржуазными историками как искусственное, возникшее путем законодательства и, следовательно, уже в относительно позднюю эпоху. Образование фил связывается при этом с образованием города и государства или даже с еще более поздним временем. Таково мнение Виламовица, [7] Эд. Мейера, [8] E. Szanto, [9] Lözius'a, [10] М. Вебера, [11] Виппера. [12] Другие исследователи, напротив, считают филы исконными и принесенными греками с их предполагаемой прародины племенными делениями. Так думают, например, Франкотт, [13] Глотц, [14] Белох, [15] Бузольт, [16]

[1] М. Куторга, Соч., т. II, 1896 г., стр. 403.

[2] Виппер, История Греции, стр. 73 и сл.

[3] «Das Geschlecht ist jüngeren Ursprungs als Phratrie und Familie». Forschungen, II, стр. 517.

[4] Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte, Tübingen, 1931 г., стр. 96: «Darum ist gegenüber Phylen, Phratrien und dem gewöhnlichen Familienverband das Geschlecht die jüngere Erscheinung».

[5] Аграрная история древнего мира, стр. 139—140.

[6] La polis grecque, стр. 31—34.

[7] Aristoteles und Athen, II, стр. 141.

[8] Forschungen, II, стр. 529.

[9] Griechische Phylen, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, CXLIV (1901 г.), стр. 44.

[10] Gentilicische und lokale Phylen in Attika, Philologus, LXI (1907 г.), стр. 321 сл.

[11] Аграрная история древнего мира, стр. 140.

[12] История Греции, стр. 74.

[13] La polis grecque, стр. 24, 37.

[14] La cité grecque, стр. 73.

[15] Griechische Geschichte, I, стр. 85.

[16] Griechische Staatskunde, II, 1921 г.

в самое последнее время Хазебрек.[1] Но настоящий камень преткновения для буржуазных историков представляет вопрос об отношении к родовым организациям низших, беднейших слоев населения, стоявших вне позднейших знатных родов и фамилий. Известно, что беднейшее, оказавшееся вне знатных родов население Аттики все же пользовалось известными гражданскими и, во всяком случае со времен Дракона и Солона, и политическими правами, что оно, таким образом, составляло массу если, быть может, и неполноправных членов родового общества, во всяком случае не стояло вне его; известно далее, что и отправление культа Зевса Геркейского и Аполлона Патроона не ограничивалось знатными родами, но охватывало и более широкие круги, организованные в коллегии оргеонов и тиазотов и входившие во фратрии. И вот, если видеть в аристократических родах позднейшее перерождение старой родовой организации, не знавшей еще не только знатных семейств, но и индивидуальных семей вообще, все эти права и участие в культовой и общественной жизни нечленов знатных родов могут быть объяснены как права, частично сохранившиеся от того времени, когда все члены племенной родовой организации были равноправными. Напротив, для историков, видящих в родовом строе исключительно замкнутую олигархию немногих семейств, разросшихся затем в аристократические роды, никакого первоначального равенства никогда не существовало, и, напротив, деление на знатных полноправных членов родовых организаций и на население, стоявшее вне этих организаций, представляется исконным.[2] Все эти историки должны поэтому исходить и действительно исходят из предположения, что неполноправное население, стоявшее первоначально вне родов и фратрий, было лишь впоследствии допущено во фратрии. Но так как источники не содержат никаких указаний, как, когда, в какой форме и при каких обстоятельствах происходило такое предполагаемое допущение во фратрии населения, первоначально будто бы стоявшего вне фратрий и родов, что опять-таки вынуждены признать сами буржуазные историки,[3] для различных вымыслов и гипотетических построений остается еще более широкий простор, и господствует еще больший произвол, чем при построении теорий происхождения родовой организации в Греции. Одни

[1] Griechische Wirtschafts-und Sozialgeschichte, стр. 2, 53 сл., 90 сл.

[2] Ср. Francotte, La polis grecque, стр. 31: «La noblesse a des commencements plus humbles. Dans toute société humaine si primitive qu'elle soit, se font sentir les efforts de l'inégalité entre les hommes».

[3] Так, Тумзер констатирует, что традиция не дает ответа на этот вопрос и поэтому приходится прибегать к доводам разума (Vernunftgründen). Hermann Thumser, Staatsaltertümer, 6-е изд., 1, стр. 312; ср. Шеффер, Афинское гражданство, стр. 271. Об априорности всех соображений по данному вопросу ср. также стр. 287: «Кто желает изучать историю афинских учреждений, а не сочинять ее, не имеет права...»

историки, как Фюстель де Куланж, [1] Гильберт, [2] Дункер, [3] Бузольт, [4] устанавливают отношения знатных и незнатных членов родов по типу клиентелы; другие видят в них просто неполноправных членов общины, не вдаваясь в вопрос об отношении их к членам знатных родов. [5] Третьи предполагают, что они образовали свои особые роды, объединенные только культом, в качестве своего рода gentes minores. [6] Большинство же историков, однако, стоит на той точке зрения, что допущение плебейского неравноправного населения во фратрии и роды было результатом специального законодательного акта, время которого относится то к древнейшей додраконовской эпохе, [7] то к Солону, [8] то, наконец, чаще всего ко времени законодательства Клисфена. [9]

Обзор послеэнгельсовской буржуазной литературы показал, что если взгляды Энгельса и расходятся с установленными выводами новейшей буржуазной науки, это расхождение обусловливается во всяком случае не наличием каких-либо новых данных, но прежде всего различием основных методологических установок. Нам поэтому нет никаких оснований для пересмотра точки зрения Энгельса. Напротив, именно представители буржуазной исторической науки, упорствуя в своих заблуждениях и доводя их до конца, сами лишают себя возможности правильно понять и осветить природу и историю родового строя в Греции. Мы видим, что все их теории, хотят они этого или нет, ведут к праотцу Адаму. Чем скорее они пройдут этот путь, чем скорее они сделают все окончательные выводы из своих теоретических построений и чем скорее доведут их до абсурда, тем лучше для нас. Но нам-то, во всяком случае, с ними не по пути.

3

Исходным моментом общественного развития Греции, как и вообще на всем земном шаре, была не индивидуальная семья и не семейная община, но кровнородственные родо-племенные объединения, включавшие в себя

[1] La cité antique, 10-е изд., 1884 г., стр. 275.

[2] Griechische Staatsaltertümer, I, стр. 111—113.

[3] Geschichte des Altertums, V, стр. 84.

[4] Griechische Geschichte, I, стр. 39.

[5] La polis grecque, стр. 13.

[6] Hermann Thumser, I, стр. 312; ср. Glotz, Histoire grecque, I, стр. 414; La cité grecque, стр. 18—19. H. Berve, Griechische Geschichte, I (1931 г.), стр. 81—82.

[7] M. Wilbrandt, Die politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon, «Philologus», Suppl. Band, VII, 1898 г., стр. 151.

[8] Такую возможность допускает Шеффер, стр. 279 сл.

[9] Wilamowitz-Möllendorff, Aus Kydathen, Phil. Untersuchungen, 1880 г., стр. 95; Szanto, Untersuchungen über das attische Bürgerrecht, 1881 г., стр. 46; Töpffer, Attische Genealogie, 1889 г., стр. 7.

роды и фратрии, но не знавшие еще индивидуальной семьи и потому основывавшиеся еще на отношениях материнства и признававшие лишь происхождение и родство по матери. Хотя историческая и даже гомеровская Греция не знает уже совершенно таких архаических родовых организаций, однако следы и пережитки их сохранились в достаточном числе, чтобы мы могли если не реконструировать, то по крайней мере предположить существование их в более ранние эпохи. Роды эти первоначально носили отнюдь не генеалогический, как склонны понимать буржуазные историки, но тотемический характер. Об этом свидетельствуют как широкое распространение культа животных, так и непосредственные пережитки тотемизма. Чтобы полностью осветить существование тотемизма и тотемических родов в Греции, необходимо специальное исследование. Я же могу ограничиться здесь лишь беглыми замечаниями и случайными примерами. Но думаю, что и эти случайно выхваченные примеры окажутся достаточно убедительными. Само собой разумеется, что распространение в Греции культа животных никоим образом нельзя сводить к простому культу фетишей, как это делал Группе. [1] Эта точка зрения являлась устаревшей уже в его время. Еще менее можно связывать культ животных с культом душ, как это пытался сделать вслед за Вундтом в своей крайне неудачной и неуклюжей монографии В. Клингер. [2] Культ животных восходит к той отдаленной эпохе, когда животные играли еще непосредственную роль в жизни людей и когда многие роды и фратрии носили имена тотемных животных. Фантастические образы фавнов и кентавров, конечно, не простая игра фантазии. Не случайно и пастушеская страна Аркадия была страной Пана и козлоногих фавнов, а славившаяся своим коневодством Фессалия породила представление о людях-лошадях — кентаврах. Гомеровское племя мирмидонян позднейшее сказание связывало с муравьями, производя их от предка муравья Мюрмекса. [3] «Волчий Зевс» (Ζεὺς Λυκαίος), как известно, был национальным богом аркадцев, и в честь его справлялись ликейские празднества, восходящие к глубокой древности и первоначально сопровождавшиеся человеческими жертвами. [4] Известно, что жрецы отдельных местных святилищ часто носили названия животных: жрецы храма Посейдона назывались быками (ταῦροι), жрицы храма Деметры и Коры в Лаконии — πῶλοι (поросятами), последователи Диониса — козлами (τράγοι). Обычные в Греции сочетания образов богов с представлениями о различных животных, конечно, тоже восходят к той же эпохе. Соблазнительной представ-

[1] Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, München, 1906 г., § 265, стр. 792—813.

[2] В. Клингер, Животные в античном и современном суеверии, Киев, 1911 г.

[3] Roscher, Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, s. v. Myrmex und Myrmidon.

[4] Roscher, s. v. Λυκαίος.

ляется мысль относительно тотемистического происхождения мифов о сближении Зевса с смертными женщинами. В таком случае в виде орла он оказывается через Эака родоначальником рода Ахилла и Аякса Теламонида, в виде быка — родоначальником критских героев Миноса и Радаманта, в виде лебедя — отцом спартанских героев-близнецов Кастора и Полидевка и знаменитой жены Менелая Елены. Доказать, впрочем, тотемическое значение мифов о Зевсе невозможно. Определенно выступают следы тотемизма в Аттике. Здесь тотемические корни сохранились в названиях многих родов — Бузигов (от βοῦς бык), Этеобутадов, [1] Киннидов (от κύων, κυνός — собака), Ликомидов (λύκος — волк). [2] Название некоторых демов также носили имена животных: Алопеки (ἀλώπηξ — лисица) в Антиохийской филе, Μύρμηξ в Кекропиде, Криоа (κριῶα от κριός — баран) также в Антиохийской филе, Бутады в филе Эпеис. Особый интерес представляют культы Артемиды-Медведицы и Таврополы в Бравроне, первоначально культы местных родов Филаидов и рода Писистрата, [3] получившие затем общеаттическое значение со времени возвышения этих родов в VI в. [4] Особенно культ Артемиды-Медведицы носил архаический характер. Он был учрежден ради умилостивления убитой медведицы (в историческое время медведицы уже не встречались в Аттике). Девочки, выполнявшие в течение определенного (годичного) срока роль жриц и принимавшие на это время название медведиц, должны были символизировать прежние человеческие жертвоприношения и носили специальную одежду, первоначально имитировавшую шкуру медведицы, но впоследствии замененную платьем светло-коричневого цвета.

Не менее существенное значение для доказательства существования архаического, не знавшего еще индивидуальной семьи родового строя имеют пережитки материнского права, матриархата, представляющие воспоминание того времени, когда патриархат индивидуальной семьи еще не существовал. Я не буду останавливаться на всех тех доказательствах, которые приводились в пользу существования матриархата в Греции. Укажу лишь на то значение, какое женщины-прародительницы (через непосредственное общение с божеством, часто носящим тотемические черты) занимали в генеалогии древнейших царских родов и мифических героев. Напомню дошедший до нас с именем Гесиода «Каталог женщин», посвященный специально прославлению женщин-родоначальниц и матерей героев. Показателен также и тот факт, что, несомненно, один из древнейших культов, как культ Артемиды Бравронии, выполнялся женским персоналом, носившим,

[1] Echter Stierwald по Pape-Sengebusch.

[2] Wölfinger по Pape-Sengebusch.

[3] См. о них у Pauly-Wissôwa s. v. Ἀρκτεία и Βραυρών. Stengel, Griechische Kultusaltertümer, 2-е изд., 1897 г., стр. 217.

[4] Ср. Gruppe, Griechische Mythologie und Religionsgeschischte, стр. 43.

как мы видели, характерное наименование медведиц. Не задерживаясь далее на этих примерах, я считаю необходимым, однако, остановить внимание на анализе термина гомогалакты, который, как мне кажется, может пролить некоторый свет на темную историю греческого рода. Термин гомогалакты, буквально — одномолочники, молочные братья, чему соответствовало для патриархального рода ὁμοπάτορες — дети одного отца, служил для обозначения наряду с термином геннеты членов одного и того же рода, в историческое время знатных родов. [1] Из этих двух терминов один, именно геннеты, означал собственно членов патриархального рода — γένος, другой, напротив, представлял собой пережиточный термин и означал, очевидно, происхождение от одной матери, или, так как это слишком сужало круг родственников, в более широком значении — «вскормленные молоком — рожденные от дочерей одной матери» (так широко толкует это место и Белох), [2] таким образом имелся в виду типичный матриархальный род. Толкование Виламовица, видящего в гомогалактах «молочных братьев, вскормленных одной и той же кормилицей», [3] совершенно неприемлемо и совершенно не отвечает всему смыслу текста. Толкование Белоха, согласно которому термин «гомогалакты» должен был означать потомство от законной жены, в отличие от детей, прижитых с наложницами, не только крайне искусственно и ни на чем не основано, но и совершенно несовместимо с тем более широким значением, какое, как увидим, дает ему Аристотель. На то, что термин ὁμογάλακτες представляет собой пережиток более архаической формы рода, имеется и прямое указание античного источника, именно свидетельство Филохора, самого выдающегося афинского аттидографа (конца IV — начала III в.), свидетельство которого в вопросах этого рода представляется особенно авторитетными. «Гомогалактами, — говорит Филохор, — прежде назывались те, кто теперь называются геннетами». [4]

Но термин «гомогалакты» не только более архаичен, он в то же время имеет более широкое значение. Этим термином обозначались не только члены знатных родов, собственно геннеты, но и жители одной и той же деревни, как о том свидетельствует Аристотель, у которого мы читаем: «Вполне естественно, что селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями»

[1] Pollux, III, стр. 52: ἐκαλοῦντο δ' οὗτοι (οἱ ἐν ἑκάστῳ γένει ἄνδρες) καὶ ὁμογάλακτες καὶ ὀργεῶνες. Phot.: ὁμογάλακτες οἱ τοῦ αὐτοῦ γάλακτος, οὓς καὶ γεννήτας ἐκάλουν, Hesych.: ὁμογάλακτες οἱ ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους. Philochor., fr. 94 (Suidas s. v. ὀργεῶνες): καὶ τοὺς ὁμογάλακτας, οὓς γεννήτας καλοῦμεν.

[2] Griechische Geschichte, 2-е изд., I, стр. 84, прим. 1.

[3] Aristoteles und Athen, I, стр. 273: «Das was den adeligen Herrn mit den leiblichen Kindern seiner Amme verbindet».

[4] Fragm. 91 (Harpokration s. v. γεννῆται): Φιλόχορος φησί, πρότερον ὁμογάλακτας ὀνομάζεσθαι, οὓς νῦν γεννήτας καλοῦσιν; ср. fragm. 92, 94.

[«гомогалактами». *А. Т.*], «сыновьями», внуками».[1] Это свидетельство Аристотеля чрезвычайно ценно для нас, так как оно показывает, что жители деревни первоначально видели друг в друге родственников, т. е. именно членов одного рода и притом, судя по применению термина «гомогалакты», именно материнского рода. Итак, термин гомогалакты шире, чем геннеты: он означает одинаково и членов знатных аристократических родов, собственно геннетов, и членов одной и той же деревни, первоначально также признававших взаимное родство. В то же время этот термин и древнее как по прямому свидетельству Филохора, так и по несомненной архаичности своего значения. Отсюда мы можем сделать с несомненностью тот вывод, что именно матриархальный род представлял первоначальную общественную форму, из которой впоследствии в результате его разложения обособились с одной стороны знатные аристократические роды, родовая знать, с другой — остальная масса населения деревни, причем в общем термине «гомогалакты» сохранилось воспоминание о первоначальном их единстве.

Так же, как о древнем материнском роде в Греции остались лишь воспоминания, так же рано исчезли здесь и коллективное производство и коллективная собственность. В гомеровскую эпоху, при относительно высоком уровне развития земледелия и скотоводства, при существовании плужного земледелия с унавоживанием полей, посадных культур, оросительных работ на небольших участках, такое коллективное производство, во всяком случае, должно было уступить место частному индивидуальному хозяйству. Земли поделены на клеры — участки, обрабатываемые отдельными хозяевами. Правда, в гомеровских поэмах мы не имеем более определенных указаний на способ ведения хозяйства, но в гесиодовской поэме, составленной одним-полутора столетием позднее, мы уже во всяком случае имеем типичное мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Рост внутреннего противоречия и разложения коммунистического родового строя и совершался прежде всего именно по линии индивидуализации производства и хозяйственной деятельности. С индивидуализацией производства развивается частная собственность, с частной собственностью — имущественное неравенство и возможность эксплуатации, а вместе с этой последней первая форма классового общества — общество рабовладельческое.

Не следует представлять себе, однако, развитие частной собственности слишком упрощенно. Частная собственность, которая шла на смену коммунистической, далеко еще не являлась той полной частной собственностью, какая существует в современную капиталистическую эпоху. Развитие частной собственности имеет также свои последовательные стадии, соответствующие различным способам производства и эксплуатации, как это отметили Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». Необходимо учитывать, с одной

[1] Arist., Πολ., I, 1, 7, 1252 b: μάλιστα δ'ἔοικε κατὰ φύσιν ἡ κώμη ἀποικία οἰκίας εἶναι, οὓς καλοῦσίν τινες ὁμογάλακτας παῖδάς τε καὶ παίδων παῖδας.

стороны, переходную ступень, «последний этап» архаической формации, говоря словами Маркса, [1] в форме общинного землевладения; с другой же стороны, также то обстоятельство, что в развитом рабовладельческом обществе античная собственность не является еще вполне развитой частной собственностью и что за нею постоянно стоит государство.

Я не буду приводить здесь доказательства, какие приводятся в пользу или против существования общинного землевладения в гомеровской Греции. Они общеизвестны, и нового тут добавить нечего. Вопрос о том, существовало ли в Греции общинное землевладение именно в форме передельной общины, в конце концов не имеет существенного значения. Возможно, что специальные условия греческого земледелия, необходимость более тщательной обработки скудной почвы, необходимость оросительных работ на отдельных участках, часто создания искусственной наносной почвы, преобладание оливковых и виноградных культур, исключавших общинную собственность, с одной стороны, развитие торговли и денежного хозяйства, с другой, уже рано должны были разложить передельную общину, если таковая и существовала в Греции. Для нас важна в данном случае не форма общинного землевладения, а самый факт существования верховной общинной собственности на землю, тот факт, что за частными собственниками стоят еще община и род. Земля распределяется между родами-деревнями и затем на отдельные участки-клеры — между индивидуальными производителями. [2] Самое слово κλῆρος буквально — доставшееся по жребию. Такой порядок существовал, повидимому, в Фессалии еще в историческое время. [3] Сами цари и представители знати не являются еще в то время полными собственниками земли. Они владеют лишь наделами, предоставленными им общиной и лишь выделяющимися своим качеством и размерами за действительные или мнимые заслуги их перед общиной. [4] И впоследствии за частным собственником, точнее владельцем, продолжал стоять род. Общая родовая собственность внутри знатных родов, как известно, продолжала существовать до времени Солона. Характерно, что самое слово «наследство» выражалось по-гречески тем же термином κλῆρος, т. е. было равнозначно тому участку, который был первоначально получен от общины и на который родовая община, как видим, сохраняла свои права и впоследствии.

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 272.

[2] Од., VI, IV. Так толкует это место Lenschau у Pauly-Wissowa, s. v. Kleros.

[3] Busolt, Griechische Staatskunde, I, 1920 г., стр. 143, прим. 8.

[4] «Или троянцы тебе обещают удел знаменитый, — говорит Ахилл, вызывая на бой Энея, — лучшее поле для стада, чтобы им обладал ты, если меня одолеешь» (Илиада, XX, 184—186). «За что мы владеем при Ксанфе уделом великим, — обращается Сарпедон к Главку, — лучшей землей, виноград и пшеницу усердно плодящей? Нам, предводителям, между передних героев ликийских должно стоять и в сраженьи пылающем первым сражаться» (Илиада, XII, 313—316).

Косвенным подтверждением существования общины и общинной собственности является изначальное поселение греков деревнями-родами (вспомним, что члены одной деревни первоначально были гомогалактами)— комами (κώμη), [1] демами (δῆμος).

Чрезвычайно показательно это совпадение значения слова «демос», одинаково означавшего и самое поселение и население деревни. В том и другом значении оно многократно встречается в обеих гомеровских поэмах [2]. Села эти представляли в большинстве неукрепленные земледельческие поселения, причем соседние селения могли объединяться, не изменяя вместе с этим своего характера, как образовалась, например, Спарта. [3] И в исторические времена многие отдаленные и отсталые области Греции, сохраняя свою независимость, не образовали центрального полиса и продолжали жить κατ' ἔθνη καὶ κατὰ κώμας. Такая архаическая форма поселения сохранилась в Этолии, в Акарнании (где было лишь два небольших городка, не игравших никакой доминирующей роли), в Аркадии, в Ахайе, где так наз. города представляли не что иное, как большие, слившиеся из смежных деревень поселения. Такой же характер, как сказано, носила и Спарта. Страбон говорит, что во всем Пелопоннесе не было городов, но лишь соединения деревень-демов (συστήματα δήμων). [4]

Мантинея состояла из 5 демов, Тегея — из 9. [5] О многих демах говорит он и в Элиде (Ἦλις . . . ἡ χώρα κωμηδὸν ᾠκεῖτο . . . ὁψὲ δέ ποτε συνῆλθον εἰς τὴν νῦν πόλιν Ἦλιν, μετὰ τὰ Περσικά, ἐκ πολλῶν δήμων). [6] Что поселения в Элиде обозначались именно термином δάμοι, свидетельствуют и эпиграфические данные. [7] В этом отношении характерен также и архаический термин демиург, обозначавший представителей дема-деревни, деревенских, так сказать, старост, и употреблявшийся в этих отсталых областях для обозначения общественных властей и представителей (в Аркадии, [8] Элиде [9]); как известно, так же именовалась и коллегия выборных от 10 сельских общин — городов Ахайи в позднейшем Ахейском союзе.

Что рядом с комами и демами, соответствовавшими древнейшим родам, филы и фратрии также составляли исконные формы деления греческого народа, в этом убеждают нас, вопреки всем новейшим измышлениям бур-

[1] Thuc., I, 10: κατὰ κώμας δὲ τῷ παλαίῳ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης.

[2] Сопоставление соответствующих мест в Илиаде и Одиссее см. Glotz, La cité grecque, 1928 г., стр. 14.

[3] Thuc., I, 10.

[4] Strabo, VIII, 3, 2, p. 337.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] См. Olympia, V, надписи №№ 9—11.

[8] Thuc., V, 47, 9.

[9] Там же.

жуазных историков, прежде всего этнографический параллелизм и поразительное совпадение структурного деления с ирокезским (а также и других народов). За это говорит и все то, что нам непосредственно известно собственно о греческих филах и фратриях. За это говорит, наконец, и всеобщность самого деления для всех греческих областей,[1] равно как и общность названий фил, переносившихся с основанием колоний или с распространением племени на новые образуемые ими поселения. Ионические и дорические филы распространены были в малоазийских колониях, на островах, дорийские в западных колониях, на Керкире, в Акраганте, в Сиракузах.[2]

Разумеется, это не простое заимствование возникших в метрополии делений, как предполагают некоторые буржуазные исследователи, а непосредственное перенесение исконного деления греческих племен. В Пелопоннесе (в Аргосе, Сикионе, Эпидавре, Трезене), в Малой Азии и на островах, в Гортине на Крите нередко к основным филам ионийским — эгикореев, аградеев, гелеонтов и гоплетов[3] — и дорическим — гиллейцев, диманов, памфилов — присоединялись под иными названиями дополнительные филы, составленные из местного населения.[4] Известный совет, данный Нестором Агамемнону, построить войска по филам и фратриям,[5] чтобы возбудить их доблесть, мог бы иметь смысл лишь в том случае, если видеть в тех и других исконные, основанные на кровнородственных отношениях институты. Напомню по этому случаю, что Морган и Энгельс специально отмечают храбрость в бою племен, живущих в условиях родо-племенного быта и в родо-племенных единениях.[6] С этой точки зрения, предположение Эд. Мейера, что совет Нестора имеет в виду

[1] Szanto (Griechische Phylen, Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, CXLIV, 1901 г., стр. 238) утверждает, что относительно северо-западных народностей не имеется сведений о филах. Еще определеннее выражается Lecrivain о филах (s. v. у Daremberg-Saglio): фила не представляла ни универсального, ни необходимого деления греческих городов. Филы известны нам лишь у ионийцев и у дорян. Такое суждение совершенно недоказательно, ибо молчание источников еще не говорит против существования фил и у остальных греков, а частью и неверно, так как, например, у этолийцев нам также известно деление на три племенные филы; фратрии, которые значительно реже упоминаются вне Аттики (ср. перечисление у Бузольта, Griechische Staatskunde, стр. 250 сл., у Шеффера, стр. 59), Lecrivain тем не менее считает и необходимым, и всеобщим, и древнейшим учреждением.

[2] Busolt, стр. 130.

[3] Распространенное ранее мнение о кастовом характере аттических фил (его разделяли Бек, Шеман, Герман и др. (ср. критику Шеффера, Афинское гражданство, стр. 220 сл.) теперь не находит более сторонников.

[4] Busolt, стр. 195.

[5] Илиада, II, 381 сл.

[6] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 97.

новый способ построения с целью внести известный тактический порядок в беспорядочные формы боя, существовавшие будто бы до тех пор, [1] представляется совершенно нелепым, не говоря уже о том, что умудренный годами Нестор менее всего способен был выступать в роли новатора. За исконный характер фил говорит и то обстоятельство, что Клисфен, имевший в виду нанести решительный удар древнему родовому строю, первым делом не только изменил число фил, но изменил и самые их названия. То же сделал Клисфен Сикионский с местными дорическими филами.

Картину хорошо сохранившегося племенного строя в историческую эпоху представляла Этолия, наиболее отсталая и потому вообще сохранившая наиболее черт архаического быта область Греции. Этолийцы распадались на три племени (филы): Apadctoi, Ophioneis, Eurytanes. Каждое племя имело свою собственную область и охватывало ряд деревенских общин. Племена эти пользовались полной самостоятельностью и равноправием Лишь в случае общей заинтересованности, например, во время войны, племена объединялись и выступали совместно. При отправлении послов и в позднейшую эпоху каждое племя имело в посольстве своего представителя. [2] Существование архаических форм родового строя в Греции, как исходного момента общественного развития, таким образом, представляется несомненным, вопреки всем разноречивым теориям буржуазных историков, пытающихся поставить в основу развитию семью и разбивающих основные деления родового общества, предполагая их разновременное происхождение. В Этолии и других отсталых областях Греции, как видим, архаические формы родового строя существуют еще в историческую эпоху. В других областях ряд пережитков указывает на существование их в отдаленном прошлом. Нашу задачу составляет теперь проследить, насколько это возможно, разложение родовых учреждений в Греции.

4

С индивидуализацией производства и с появлением частной собственности процесс разложения рода начинается уже очень рано. С частной собственностью возникает имущественное неравенство, с образованием избыточного продукта — возможность индивидуальной моногамной (моногамной, как показывает Энгельс, лишь для жены) патриархальной семьи и вытеснения ею старого материнского, не знавшего еще индивидуальной семьи рода. [3] Как материальные причины, так и условия возникновения

[1] Forschungen, II, стр. 529. К этому мнению присоединяется Бузольт, стр. 134.

[2] Thuc., III, 94—96. Strabo, X, 448, 451, 465. Busolt, стр. 130. Hohmann, Aetolien und die Aetoler (Diss.), Halle, 1908 г., стр. 15 сл.

[3] Эд. Мейер и в данном случае стремится затемнить эту ясную и четкую картину перехода матриархального рода в патриархальный, не умея связать развития после-

патриархальной семьи и рода в Греции превосходно описаны Энгельсом в «Происхождении семьи», и потому я на них останавливаться не буду. В гомеровскую эпоху, как констатирует Энгельс, всецело господствуют уже патриархальный род и патриархальные отношения с наследованием по мужской линии. «Мы застаем женщину в героический период уже приниженной преобладанием мужчины и конкуренцией рабынь... Хотя греческая женщина героического периода пользуется бо́льшим уважением, чем женщина периода цивилизации, все же она в конце концов является в глазах мужчины лишь матерью его законных детей, его главной домоправительницей и надсмотрщицей над рабынями, которых он по своему положению может делать и действительно делает своими наложницами».[1] Только теперь, таким образом, возникают те индивидуальные семьи и те крепкие семейные общины, образующие правящие роды, которые буржуазные историки принимают за исходный момент развития рода и родовых организаций, но которые, как видим, в действительности образуют начало и исходный момент разложения подлинных родовых организаций, момент зарождения будущего классового общества (отсюда исключительное тяготение к ним со стороны буржуазной исторической науки).

По какой же линии совершается это разложение архаических родовых организаций? По линии прежде всего выделения и обособления правящих органов, первоначально выборных, и прежде всего совета родовых старейшин и племенных вождей-военачальников, в особую родовую знать, образующую все более замкнутую группу. С образованием индивидуальных семей и с распадом единого рода на ряд отдельных семей представители общины начинают предпочтительно выбираться не из членов всего рода, а из круга определенных, наиболее состоятельных семей или даже одной семьи с тенденцией в сторону развития наследственности. С исчезновением старых материнских, основанных на групповом браке родов и с обособлением их правящей верхушки в качестве новых патриархальных родов и получается то положение, которое так смущает буржуазных историков и которого они, исходя из своих неверных теоретических предпосылок, никак не умеют объяснить. С разложением материнского рода родовые члены этих бывших родов, естественно, оказываются стоящими как бы вне родов, но в то же время все же пользующимися известными правами и остающимися членами всей родовой организации в целом. Членами фратрий они во всяком случае остаются. Когда Нестор советовал Агамемнону строить войска по филам и фратриям для возбуждения их мужества, не

довательных форм семьи с общим развитием хозяйственной жизни и с формами общественной организации, предполагая возможность развития у отдельных народов то в сторону патриархата, то матриархата (Geschichte des Altertums, I, 4-е изд., 1921 г., стр. 26 сл.).

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 62.

героев же и не представителей нарождающейся родовой знати, а именно рядовых членов родо-племенного общества, он имел в виду. Если в другом месте Илиады [1] человек, стоящий вне фратрии (ἀφρήτωρ), в то же время оказывается и стоящим вне закона (ἀθέμιστος) и бездомным (ἀνέστιος), очевидно, также при этом имеются в виду более широкие круги населения, а не только его верхи. Фратрии и впоследствии продолжали включать в свой состав не только членов знатных родов, но и более широкие массы. Косвенным подтверждением этого может служить факт избрания филобазилеев из эвпатридов (οἱ δὲ φιλοβασιλεῖς ἐξ εὐπατριδῶν ὄντες), [2] откуда можно заключить о вхождении в филы и неэвпатридов. Аналогично с этим в законе Дракона об убийстве [3] преследование убийцы при отсутствии родственников поручается десяти фраторам, избранным из знатных (ἀριστίνδην). Таким образом, и во фратрии входили и знатные и незнатные. [4]

Вопреки всему тому вздору, какой наговорили буржуазные историки по этому поводу, мы видим, что широкие массы никогда не стояли вне фратрий и, следовательно, ни в каких специальных законах, допускающих их во фратрии и в родовые организации, которых тщетно ищут буржуазные историки, не было никакой нужды.

В гомеровскую эпоху родовая организация, таким образом, остается еще в полной силе, но на почве развития патриархального рода она претерпела уже значительные изменения. Прежнего равенства уже нет. Родовая знать, образующая совет родовых старейшин, герусию, стоит уже неизмеримо выше остальной массы. На войне это герои, сражающиеся на колесницах, в то время как остальная масса сражается пешей. В мире это — базилеи, все более захватывающие власть в свои руки. Общеплеменное собрание еще созывается, но на известном примере Терсита мы видим, как быстро падает его авторитет. С течением времени, как мы видим, например, на Итаке, оно созывается все реже и постепенно отмирает. Царская власть, власть племенных вождей, все более получает характер наследственной власти, но в дальнейшем и ее авторитет падает под давлением растущего могущества аристократических родов.

Материальную основу сложного процесса перерождения органов родовой власти и родового представительства в родовую знать образует ра-

[1] IX, 63.

[2] Pollux, VIII, 111.

[3] CIA, I, 61.

[4] На оба эти факта обратил внимание еще Гильберт (Griechische Staatsalterthümer, т. I, стр. 112, 1881 г.). Эд. Мейер пытался отвести такое понимание путем истолкования слова ἀριστίνδην в смысле избрания достойнейшего (Rh. Mus., XLI, 1 (стр. 586), но 1) такое толкование не соответствует обычному обозначению этим словом знатности (Arist., Ἀθ. Πολ., 3, 1, 6: ἀριστίνδην, πλουτίνδην, ср. Busolt, 3-е изд., стр. 746, прим.) и 2) в отношении самого факта избрания применение этого термина представлялось излишним. Ср. Шеффер, стр. 284.

стущее с развитием и внедрением в общественную жизнь частной собственности имущественное неравенство. Обособление и возвышение родовой знати обусловливается ее имущественным превосходством. Семьи, из которых первоначально образуется родовая знать, — это уже с самого начала наиболее состоятельные семьи. Их состоятельность обусловливает их влиятельное общественное положение. Влиятельное общественное положение в свою очередь используется ими для дальнейшего увеличения своего состояния. Они получают дары и различные сборы от остального населения. [1] Им же, как показывают речи Терсита, принадлежала львиная доля военной добычи. Наконец, пиратство служило также одним из существенных средств увеличения богатства. Но, разумеется, не на всех этих способах строилась хозяйственная мощь царских и других знатных родов и не этими способами обеспечивалась устойчивость их хозяйства. В основе их собственно-хозяйственной деятельности лежала уже эксплуатация рабского труда. Так, крупные семейные общины, вроде семьи Приама, и тем более небольшие семьи, как семья Одиссея, основывают свое хозяйство прежде всего на труде военнопленных или покупных рабов. Именно обладание рабочей силой в лице рабов и позволяло им расширять свое хозяйство и становиться обладателями как крупных стад скота, так и обширных земель. Они захватывают себе и более обширные и лучшие земли. [2] Они оказываются «многонадельными» — πολύκληροι. [3] Поэт называет их «обладателями полей», «нив хлебородных», «садов плодоносных», «владыками богатых уделов». [4] Обширные стада Одиссея охраняются коровником Филотием, свинопасом Евмеем и козьим пастухом Мелантием, которым в свою очередь подчинено по нескольку подручных рабов-пастухов. [5] Земледельческие полевые и садовые работы также выполнялись по преимуществу трудом рабов, как показывает, напр., описание хозяйства отца Одиссея, Лаэрта. [6] Большое число рабынь занято в каждом крупном хозяйстве различными домашними работами. В доме Алкиноя 50 рукодельных рабынь мололи рожь, пряли и ткали. [7] Даже в небольшом хозяйстве Одиссея, семья которого состоит из четырех лиц, его самого, отца, жены и сына, точно также занято 50 служанок. [8]

Рабство героической гомеровской эпохи, это еще патриархальное раб-

[1] Илиада, IX, 149—157; Одиссея, I, 388—389; XIII, 14—15 (ср. для позднейшей эпохи Гесиод, «Труды и дни»).

[2] Илиада, IX, 578; XII, 310—316; XX, 184—186.

[3] Одиссея, XI, 490.

[4] Ср. мои «Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I, изд. 2-е, Л., 1924 г., стр. 17—18.

[5] Одиссея, XIV, 1—28; XVI, 245—246; XX, 185.

[6] Там же, XXIV, 205—212, 222—387 и сл. ср. 737.

[7] Там же, VII, 103 сл.

[8] Там же, XXII, 421 сл.

ство, но оно уже заключает в себе в зародыше все противоречия рабовладельческого хозяйства. Рабы, с одной стороны, члены семьи и рода и называются οἰκῆες («домашние»), они работают часто наравне с владельцами, живут их радостями и горестями. Всем известны отношения Одиссея к Евриклее или к свинопасу Евмею. И впоследствии, в историческую эпоху сохранился от этого времени ряд пережитков и патриархальных черт. Новый раб вводился в дом при тех же обрядах, как и новобрачная (его приводили к очагу и посыпали голову орехами и фигами) [1], рабы хоронились на общем семейном или родовом кладбище их господ. Они, как предполагает Lecrivain [2] на основании Гортинской правды, имели даже право на долю семейного родового имущества, хотя это предположение и не является бесспорным. Но если рабы, с одной стороны, признаются «своими», домашними, (οἰκῆες), то в то же время рабы δμῶες (от δαμάω) «попранные», «порабощенные», «обязанные подчиняться» (слово δοῦλος в эпосе еще не встречается, слово δούλη встречается дважды, [3] но оба случая не характерны: в одном случае Афродита презрительно называет колеблющуюся Елену «рабой» Менелая, во втором случае рабыня-наложница противопоставляется законной жене). Рабы обязаны верностью и повиновением господину, иначе их ожидает жестокая кара. Напомню расправу Одиссея с козьим пастухом Мелантием и с 12 неверными рабынями. Характерно, что за этой сценой расправы следует непосредственное описание радостной встречи Одиссея с остальными, оставшимися ему верными рабынями:

> Обступивши веселой толпой Одиссея,
> Голову, плечи и руки они у него целовали.
> Он же дал волю слезам: он рыдал от веселья и скорби,
> Всех при свидании милых домашних своих узнавая.[4]

Все эти противоречия патриархального рабства гомеровской эпохи нашли себе отражение в любопытной фигуре раба Долиоса, который до сих пор не останавливал на себе внимания исследователей, но который заслуживает не меньшего внимания, чем характерные фигуры Евмея и Евриклеи. С ним обращаются как с близким человеком. Он имеет свою семью. Его дочь как собственную дочь воспитывает сама Пенелопа, балует игрушками и лакомствами, [5] господа ожидают его возвращения с работы, чтобы вместе сесть за стол. [6] Он несказанно радуется вернувшемуся Одиссею. [7]

[1] Dem., XLV. 74. Aristoph., Plutos, 768 и Schol.
[2] Daremberg-Saglio, s. v. Gens, 1495a.
[3] Илиада, III, 409; Одиссея, IV, 12.
[4] Одиссея, XXII, 493—501.
[5] Там же, XVIII, 820 сл.
[6] Там же, XXIV, 395—396.
[7] Там же, XXIV, 397 сл.

Он и его сыновья садятся за стол вместе с господами, [1] и вместе с теми же шестью сыновьями он становится с Одиссеем и Телемаком, чтобы бок-о-бок с ними сражаться против возмутившейся родни убитых женихов. [2] И, тем не менее, он раб и, как таковой, переходит из рук в руки. Он дан в приданое отцом Пенелопы, [3] последняя уступает его Лаэрту, и Долиос работает уже на земле последнего. [4] Именно над детьми этого же Долиоса сыном Мелантием (младший сын Долиоса) [5] и дочерью Меланто, в числе неверных рабынь, [6] Одиссей учиняет свою жестокую расправу.

В то же время и со стороны рабов мы видим уже неодинаковое отношение к господам: рядом с беспредельно преданными старыми слугами Евриклеей, Евмеем, Долиосом, Филотием — и протест в лице тех же Мелантия и Меланто и других рабынь.

Уже эта патриархальная форма рабства способствовала общественному расслоению и вместе с тем острому развитию общественных противоречий внутри родового общества. Обратной стороной обособления и роста родовой аристократии и ее обогащения на противоположном полюсе было появление неимущих бедняков, фетов, не имевших собственного хозяйства и вынужденных жить наемным трудом. Рядом с многонадельными (πολύκληροι) семьями появляются безнадельные (ἄκληροι), и возможно, что первая волна греческой колонизации конца VIII — начала VII в., имевшая еще чисто земледельческий характер и следовавшая непосредственно за временем составления гомеровских поэм, обусловливалась не только ростом населения, но и начавшимся процессом его расслоения. Предание о спартанских парфениях и об основании Тарента [7] свидетельствует о том, что колонизация этой эпохи совершалась уже, повидимому, в обстановке растущих внутренних противоречий и начавшейся внутренней борьбы. Мегарские колонии на Понте, в Византии, в Гераклее возникли уже, несомненно, в первые годы начавшейся революции и в непосредственной связи с нею.

Обособление ремесла от земледелия в героическую гомеровскую эпоху едва только намечается. Еще слабее развита торговля: внутренняя торговля почти совершенно отсутствует, внешняя не обособилась еще от пиратства и потому является прежде всего непосредственным занятием родовой знати, похваляющейся своими пиратскими подвигами. Процесс разложения родового строя в гомеровскую эпоху, таким образом, уже налицо, но не вышел еще из начальной стадии. Обращаемся к следующей эпохе.

[1] Одиссея, XXIV, 411.
[2] Там же, стр. 496.
[3] Там же, IV, 736.
[4] Там же, XXIV, 222 сл., 387 сл.
[5] Там же, XVII, 212; XXII, 159.
[6] Ср. относительно Меланто XVIII, 320; XIX, 65.
[7] Strabo, VI, 278; Justin, 3, 4, 8, 12, 18.

5

В следующую, послегомеровскую эпоху процесс обособления родовой знати и образования олигархии завершается. Родовой строй еще существует, но он захватывает уже только верхи населения, родовую знать. Старые родовые учреждения и институты концентрируются теперь в немногих знатных родах, использующих, однако, свой былой авторитет родовых органов, подкрепляемый непосредственно силою оружия, для господства над массами. Любопытной иллюстрацией этого процесса обособления родовой знати, мне кажется, может служить род Этеобутадов в Афинах. В Афинах существовал дем Бутады [1] и одновременно аристократический род Этеобутадов — «истинных Бутадов». И вот, напрашивается мысль, что род Этеобутадов обособился от прежнего материнского рода Бутадов. За архаичность самого названия говорит его тотемический характер.

Если родовая верхушка обособляется таким образом в знатные роды, то массы, напротив, все более утрачивали свои прежние связи с родовыми учреждениями. Чем далее подвигался этот процесс, тем более родовая знать теряла вместе с этим свой авторитет в качестве родового органа, тем более росли в то же время внутренние противоречия, тем более непосредственное внешнее принуждение выступало на первый план. «Мое богатство — мое копье, мой меч, мой надежный щит, — поется в застольной критской песне-сколионе поэта Гибрия: — с помощью их я обрабатываю землю и собираю вино со своих виноградников. Те, кто не носит (боится носить) ни меча, ни копья, ни щита, пусть падут предо мною на колени, пусть делают, что я захочу, пусть зовут меня могущественным царем и повелителем». [2] «Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни, — вторит ему Феогнид Мегарский, — бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо. Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа, чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ». [3]

С другой стороны, чем острее выступали общественные противоречия, чем враждебное становились отношения родовой олигархии к широким массам, чем более для удержания своего господства приходилось прибегать к силе, тем, естественно, сплоченнее должны были выступать знатные роды, тем крепче должны были они держаться родовых организаций, обеспечивавших их сплоченность и вместе с тем их господство над массами (ср., например, замечания Геродота о роде Бакхиадов, господствовавших в Коринфе). При этом знатные олигархические роды не только удержали прежние родо-племенные деления на филы, фратрии и роды, но в значительной мере и внутреннюю организацию самих родов. Реконструкция греческого

[1] Pauly-Wissowa, s. v.
[2] Athen., XV, 52, 695.
[3] Ст. 847 сл., пер. А. Пиотровского, П., 1922 г., стр. 31.

рода, сделанная Гротом и вслед за ним Морганом и Энгельсом и построенная на данных об аристократических родах, притом не в их непосредственных, а в пережиточных формах, почти вполне совпадает со строением ирокезских матриархальных родов. С тех пор никакие новые данные на дают оснований для коренного пересмотра характеристики греческого рода, данной Гротом, и, например, в обширной статье Lecrivain о греческом геносе [1] отмечаются почти те же основные черты и моменты, характеризующие древнегреческий род, как и у Грота. Вновь открытые с тех пор документы — Гортинская правда, «Афинская полития» Аристотеля — дали новые подтверждения этой характеристики греческого рода.

Сводя все, что известно о греческом роде в настоящее время, мы получаем следующую картину. Род представляет тесно сплоченную корпорацию. Члены рода признают взаимное родство и общего родоначальника, они имеют своего выборного главу, архонта рода, избираемого голосованием или по жребию; они солидарно выступают в случае нарушения интересов рода, равно как и отдельных его членов, и несут ответственность за преступления своих членов, они совместно владеют общим недвижимым имуществом, которое различно может распределяться и перераспределяться между членами рода, но не должно отчуждаться вне рода, откуда территориальный характер родов. [2] Собрание членов рода может принимать касающиеся внутреннего распорядка постановления (θέσμα), они имеют свои общие культы, святилища, кладбища. Новорожденные, лица, достигшие зрелости, равно как и вновь вводимые члены, как жены или усыновленные члены семьи, представляются общему собранию всех членов рода, которые подвергают проверке правильность вступления новых членов и могут их опротестовать. [3] За родами стоят более обширные союзы, фратрии, обладающие теми же правами и обязанностями, но лишь в расширенных размерах, и представляющие как бы следующую инстанцию (избрание фратриарха, солидарность и взаимная поддержка членов фратрий, общие культы, докимасия новых членов).

Все эти черты отличают родовые организации в Афинах, не только дореволюционного времени, но и в последующую эпоху, поскольку даже радикальная реформа Клисфена, уничтожив их политическое значение, сохранила их как частные объединения. Если обычай кровавой мести, живую картину которой дает нам еще последняя песнь Одиссеи, впоследствии уступает место преследованию по суду, обязанность возбуждения преследования по суду возлагается именно на родственников убитого (ἀγχιστεία) и затем уже

[1] В словаре Daremberg-Saglio, 1896 г.

[2] Wilbrandt, Die politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon, «Philologus», Suppl.-Band VII (1898—1899 г.), стр. 203—206.

[3] Andoc., I, 127. Dem., LIX, 59—61. Sylloge, I, 439. Lecrivain s. v. Eupatridai, Daremberg-Saglio, 859 a.

в дальнейшей инстанции на членов фратрии. Уже Илиада знает разбор дела об убийстве судом по частному обвинению (спор истца и ответчика о пене).[1] Обстоятельное постановление Дракона по этому поводу было повторено затем, как известно, в 409/8 г. и, следовательно, еще и в то время находилось в действии.[2] Преследование убийцы, таким образом, оставалось частным делом членов семьи, рода, фратрии и возбуждалось, как и гражданские дела, по их частной инициативе. Писистрат, напр., явился в суд по обвинению в убийстве, возбужденному частным обвинителем.[3] Не менее известный пример совместной ответственности членов рода представляет факт изгнания всего рода Алкмеонидов за преступление (убийство Килона с нарушением права убежища в святилище), совершенное отдельными его членами.

Право более свободного распоряжения родовым имуществом, его отчуждение и его завещание в Афинах, как известно, было введено только при Солоне. Гортинская правда (на Крите), сохранившаяся запись которой относится к половине V в., с исключительной точностью регламентирует право наследования, не оставляя, повидимому, никакой свободы для распределения имущества по завещанию. При этом проводится строгая грань между имуществом унаследованным и, следовательно, родовым, и благоприобретенным, между имуществом мужа и жены. Жена по смерти мужа не наследует его имущества и получает лишь свое собственное имущество и половину того, что «напряла», в особенности же если она вторично выходит замуж. Мужские потомки и родственники пользуются преимуществом перед женскими; за отсутствием прямых наследников имущество получают «те, кому надлежит» (ἐπιβάλλοντες), т. е. члены рода. Здесь же в гортинских законах находим и постановление о дочерях-наследницах (ἐπίκληροι), которые должны выходить замуж за своих ближайших родственников, внутри рода, известное нам по афинским законам[4] и в ряде других местностей Греции, в Спарте, в Катане, в Митилене, Фокиде, на о. Фере,[5] постановление, конечно, имевшее целью удержание имущества в семье и роде.

До какой степени и позднее в знатных родах сильны были в Греции традиции родового владения, можно видеть из того, что и после разрешения законом более свободного распоряжения имуществом фактическое отчуждение родового имущества подвергалось по крайней мере моральному осу-

[1] Илиада, XVIII, 497—508.

[2] CIA, I, 61; Ditt., Sylloge, I, 52, Recueil des inscriptions juridiques grecques, II, № 21, стр. 1 сл., с обширными комментариями.

[3] Arist., Ἀθ. Πολ., 16.

[4] Isaci, VIII, 31, X, 5, 19; (Dem.) XLIII, 12; Harpokration.

[5] См. Шеффер, Афинское гражданство, стр. 94—95 и статью Lecrivain s. v. Epikleroi у Daremberg-Saglio s. v.

ждению. [1] Нам известно немало случаев управления избранным главой рода родовым имуществом, прежде всего, конечно, недвижимым имуществом и помещениями и предметами культа (в Афинах, в Танагре, на Мелосе, Косе). [2]

Даже право применять собственные постановления сохранилось частью за родами еще в позднейшую эпоху. Так, Евмолпиды, один из наиболее уважаемых родов, представители которого играли большую роль в Элевсинских празднествах и мистериях, в некоторых процессах образовывали особое судилище, произносившее приговор по их собственным неписаным законам (ἄγραφα νόμιμα). [3] В жизни рода, наконец, и в позднейшее время существеннейшее значение сохраняли родовые культы и кладбища. При докимасии архонтов, по сохраненной нам Аристотелем формуле, [4] испытуемых между прочим спрашивали: чтит ли он Аполлона Отцовского (Πατρῷος) и Зевса-Домохранителя (Ἑρκεῖος) и где эти святилища находятся, есть ли у него родовая усыпальница и где находится? В эпоху господства демократии эта архаическая формула докимасии, быть может, и не имела уже того реального значения, как ранее. Но в эпоху господства знатных родов, несомненно, этим признакам знатности придавалось первенствующее значение.

Если родовая организация спаивала и сплачивала олигархические роды, усиливая их силу сопротивления, если свое привилегированное положение родовой знати эта последняя использовала как юридическую предпосылку и обоснование своего господства, то реальной основой господства знатных родов, конечно, являлось материальное превосходство, прежде всего родовое землевладение, с течением времени, однако, также во все большей степени быстро возраставшие с развитием производительных сил и торговли движимые имущества и богатства.

Уже самое обособление родовой знати, как видно из вышеизложенного, происходило на почве ее материального превосходства. И в дальнейшем богатство является синонимом знатности, и обратно: знатные и доблестные (ἄριστοι, καλοὶ καγαθοί, ἐσθλοί, εὐγενεῖς, γενναῖοι) называются в то же время и богачами (οἱ πλούσιοι), состоятельными (οἱ τὰς οὐσίας [τὰ χρήματα] ἔχοντες); с другой стороны, массы населения обозначаются одновременно и как худшие, лишенные доблести (χείρους, κακοί, δειλοί, πονηροί) и как бедняки (πένητες). В комедии Евполида «Демы» вышедший из могилы участник Марафонской битвы совсем теми же чертами характеризует время господства родовой знати: «Мы, старики, — говорит он, — совсем не так в дни молодости жили. Во-первых, в наши времена в стратеги избирались лишь те, что всех могли затмить и родом и богатством, лишь представители домов от-

[1] Lecrivain s. v. Gens y Daremberg-Saglio, 1501 b.
[2] Lecrivain, Eupatridai, 859; Gens, 1499.
[3] Шеффер, ук. соч., стр. 437.
[4] Ἀθ. Πολ., 55.

менных и высоких». [1] Могущество знати базируется, таким образом, не только на происхождении, но и на богатстве; напротив, лишенный имущества и богатства благородный терял всякий авторитет даже в глазах друзей. Феогнид очень ярко выражает чувство бессилия, охватывающее представителя знати, лишившегося материальных средств:

Бедность для доброго мужа всех тяжестей мира тяжеле,
Злее, чем старость и смерть, злее, чем злая чума;
С кряжей отвесных спрыгнуть и низринуться в горькое море
Гадам на мерзостный корм лучше бы было ему.
Кирн мой, кто бедностью скован, тот в слове и в деле бессилен.

И в другом стихотворении:

Горе мне, бедному, горе! Чем стал я, несчастьем гонимый?
Жалкой игрушкой врагов, тяжелой обузой друзей. [2]

Удельный вес отдельных знатных родов был пропорционален их богатству. Роды, обладавшие более плодородными землями или обитавшие вблизи торговых центров, естественно, возвышались над остальными. В зависимости от этого и самая олигархия принимала различные формы — от олигархии, в которой участвовали члены многих родов и, следовательно, более значительное число участников, до правления отдельных семей. В соответствии с этим Аристотель, как известно, различает четыре рода олигархии — от умеренной олигархии до «династии». [3] Примером олигархии с более широким числом родов и участников могут служить Локры, где правили «сто домов» (ἑκατὸν οἰκίαι). В других случаях число полноправных граждан условно обозначалось «тысячей». Так было в Киме, в Колофоне, Опунте, в Региуме; в Эпидавре — число полноправных граждан ограничивалось 180; в Массалии, Истре, Гераклее Понтийской, в Кротоне, на Книде, в Элиде в управлении участвовало лишь несколько родов; во многих городах, наконец, установилось господство одного рода: Пенфелидов — в Митилене, Базилидов в Эфесе и Эрифрах, Алевадов в Лариссе, Скопадов в Кранноне, Ехекратидов в Фарсале, наконец Бакхиадов в Коринфе. В Коринфе рядом с Бакхиадами существовали, повидимому, и захудалые роды, например, род того Этиона в Петре, за которого была выдана мать Кипсела Лабда. В Аттике также уже очень рано выделяются аристократические роды, владения которых концентрировались вблизи Афин и Элевсина. Здесь наиболее плодородная область Аттики Педион, Педиэя, имела в то же время все преимущества приморского расположения. Уже в мифическую эпоху сквозь легендарную призму выступает факт соперничества

[1] Цит. по С. Я. Лурье, История античной общественной мысли, стр. 46.
[2] Элегии Феогнида, перевод Пиотровского, П., 1922 г., XXX—XXXI, стр. 51—52.
[3] Arist., Πόλ., IV, 5.

афинских и элевсинских родов и продолжительной борьбы между ними, закончившейся, повидимому, компромисом. [1]

И впоследствии, после революции и свержения господства знатных родов, именно афинские и элевсинские роды выделялись среди остальных аристократических родов. Революция лишила их политической власти и значения, но оставила за ними их религиозные права и исключительное право на отправление местных, первоначально родовых, но затем с возвышением Афин получивших общеаттическое значение культов. Таковы аттические роды Этеобутадов, Бусигов, Гесихидов и элевсинские — Евмолпидов и Кериков. Эти же роды в то же время еще и в эпоху демократии давали крупнейших политических деятелей.

Остальные, не принадлежавшие к педиакам (т. е. неафинские и неэлевсинские) роды быстро опустились с возвышением Афин. Нам известно свыше 40 названий таких родов, причем, за отдельными единичными исключениями, представители их не играли никакой роли ни в политической, ни в общественной, ни в религиозной жизни страны. Из этих родов возвышались и играли даже первенствующую роль в жизни страны лишь те, которые основывали свою силу и значение не на землевладении, а на торговле и на связи с торговыми кругами. Таковы были известный род Алкмеонидов, затем род Писистрата, Ликомид Фемистокл. Единственный провинциальный род, хотя также разбогатевший в Афинах, но сохранивший свои консервативные традиции, был род Филаидов (представленный Мильтиадом и Кимоном).

6

Образование замкнутой родовой аристократии, ее резкое обособление и противопоставление остальной массе рядовых членов бывших материнских родов, ее основанное на насилии господство — это одна сторона противоречия. Обратимся к другой стороне. В то время как родовая знать все более замыкалась в своих родовых организациях и все крепче держалась за них, в остальной массе населения с ростом производительных сил, с индивидуализацией хозяйства, с развитием обмена совершалось быстрое разложение тех связей, которые некогда объединяли членов патриархальных родов. В условиях мелкого крестьянского хозяйства возникновение патриархальной семьи и вытеснение ею матриархального рода было равносильно полному исчезновению родовых связей. Если, вопреки мнению

[1] Этой борьбе посвящена специальная большая статья Picard «Les luttes primitives d'Athènes et d'Eleusis» в «Revue historique», 1931 г., CLVII, стр. 1—76. Статья эта, впрочем, обращает преимущественное внимание на соперничество двух городов, прежде всего как религиозных центров, и, кроме того, содержит ряд спорных положений. Ср. также Wilamowitz-Möllendorff, Philologische Untersuchungen, I, 1880 г., стр. 125 сл.

буржуазных историков, массы, повидимому, сохраняли известные, хотя, вероятно, слабые связи с фратриями, то родовые организации уже рано должны были исчезнуть из их жизни. Растущее же расслоение и имущественное неравенство все более увеличивали пропасть между знатью, сохранившей родовое устройство, и массой производящего населения. В том же направлении действовало разделение труда, растущее обособление ремесла от земледелия, которое, как мы видели, в гомеровскую эпоху едва намечалось, появление странствующих наемных фетов, странствующих ремесленников, работающих на дому заказчика. Ремесленники переселяются со своей родины в места, где они могут найти лучший и более верный заработок; с развитием торговли появляются профессиональные торговцы. Рядом с местным торгово-промышленным населением все более увеличивается пришлое население, стоящее совершенно вне местных организаций, не только вне родов, но и вне фратрий и фил. Это были прежде всего ремесленники, потом торговое население.

Какое разлагающее действие на старый родовой быт должны были оказывать все эти обстоятельства, понятно само собой. Но чем далее заходил процесс разложения рода, чем более широкие массы оказывались стоящими вне родовых организаций и чем более эти последние узурпировались родовой знатью, противопоставлявшей себя остальному населению, и из органов, обслуживавших интересы всего входившего ранее в материнские роды населения, превращались в организации, направленные против интересов широких масс, — тем более росло противоречие между ними и растущими производительными силами. Если патриархальные формы рабства еще уживались в рамках патриархальных родов, то развивающееся рабовладельческое общество, использование труда рабов в промышленных целях — все эти новые факты и явления выходили уже за рамки родовых организаций, требовали установления большей индивидуальной свободы и более свободных отношений, с одной стороны, замены родовых кровных организаций территориальными, с другой.

Первым шагом в этом направлении еще в рамках родового строя был синойкизм. Говоря о синойкизме, следует различать синойкизм в результате слияния соседних деревень и синойкизм в смысле поглощения местных общин и родов одним городским центром, объединяющим вокруг себя остальные поселения местности и связующим их в качестве единого политического центра с общим для всего населения области политическим и гражданским правом (симполития).[1] В то время как первый вид синойкизма не вносил никаких заметных изменений ни в экономику, ни в об-

[1] Фукидид употребляет это слово в обоих значениях (II, 15; VI, 5,1). Однако некоторые современные исследователи склонны под синойкизмом разуметь лишь политическое объединение. См., например, Francotte, La polis grecgue, стр. 106.

щественную жизнь, во втором случае уже самый факт образования центра, объединяющего значительную область, свидетельствовал о крупном общественно-экономическом сдвиге. Примером первого рода синойкизма может служить Спарта, образовавшаяся из нескольких деревень,[1] ряд городов в Аркадии: Тегея и Герея[2] — из девяти, Мантинея — из пяти.[3] Так же образовались ахейские города Диме, Патры, Эгион.[4] Пример такого объединения местных поселков, не имевшего больших последствий и значения, мы встречаем и на почве Аттики. Это так наз. Тетраполь, объединение четырех местечек в местности Марафона.[5]

Если такой синойкизм не имел, как сказано, никаких особенных общественно-экономических последствий, совсем другое дело был синойкизм политический. Коринф совершенно поглотил все соседние области, превратив их в свой округ. Но особенно яркий и наиболее известный пример политического синойкизма представляет объединение Аттики вокруг Афин.[6] Мы видели, что Афины и Элевсин уже очень рано выделились из среды остальных общин Аттики. Когда взаимная борьба окончилась, повидимому, соглашением правящих афинских и элевсинских родов, распространение влияния Афин на остальную страну совершалось уже беспрепятственно.

Экономические преимущества, возвысившие Афины над остальной областью, с превращением их в политический центр страны, в свою очередь, вырастают еще более. Город совершенно меняет свой облик. Древнейший город — это прежде всего город-крепость. Первоначальное значение слова «полис» есть именно «крепость». Такая крепость должна была служить местом укрытия в случае нападения неприятеля. Здесь же жили представители местных аристократических родов, господствуя над окрестным населением. С развитием торговли и промышленности древнейшее ядро его — крепость-полис — и прилегающее к нему поселение знатных родов быстро обрастает деловыми, ремесленными и торговыми кварталами и предместьями (Керамейк, Коллит, впоследствии Пирей) и совершенно изменяет свой облик. Город знати — и это относится не к одним Афинам — становится вместе с этим и при этом во все большей степени крупным торгово-промышленным центром. Самое слово «полис» получает иное, более широкое значение. В топографии Афин мы можем проследить как постепенный рост, так и изменяющийся характер полиса. Древнейшее население

[1] Thuc., I, 10.

[2] Strabo, VIII, 937; Paus., VIII, 45, I.

[3] Xenoph., Hell., V, 27; Ephoros, fr. 138; Diod. Sic., XV, 5; Paus., VIII, 8, 9.

[4] Strabo, VIII, 337.

[5] Arist., fr. 97; Strabo, VIII, 374; 383; XVI, 446; Steph. Byz., s. v.

[6] Время синойкизма по традиции 1259 г. Judeich (Topographie von Athen, изд. 2-е, 1931 г., стр. 60), относит его к началу первого тысячелетия.

ограничивалось исключительно Акрополем и прилежащими склонами. Остатки древнейшей из неотесанных камней кладки стен и древнейших того же типа построек сохранились лишь в пределах Акрополя.[1] Спуск из крепости, как и в позднейшее время, вел на юго-запад, где находился ключ Каллироя (позднее Эннеакруны), откуда, по свидетельству Фукидида,[2] жители Акрополя брали воду и близ которого находилась древнейшая агора. По свидетельству Фукидида,[3] здесь же у южного склона Акрополя находились и древнейшие святилища, между прочим храм Диониса в Лимнах (на болоте — характерное название), где впоследствии справлялись праздники древних Дионисий, так наз. Διονύσια τὰ ἐν ἄστει. Слово ἄστυ в позднейшую эпоху вообще применялось афинянами предпочтительно именно к этой древнейшей части города.[4] Дем Кидафеней, «славные», древние Афины, место обитания древних знатных родов,[5] также примыкал непосредственно к Акрополю, повидимому, с той же западной стороны у спуска, где находилась и древнейшая агора.[6] Местонахождение Кидафенея спорно. Несомненно лишь, что это был ближайший к Акрополю квартал. С этой же стороны почти непосредственно к Акрополю примыкал знаменитый Ареопаг. Насколько незначительны были размеры этого древнейшего города, можно видеть из того факта, что праздник Дионисий, справлявшийся в деме Коллите (Κολλυτός), расположенном, как можно предполагать, также к западу от Акрополя, непосредственно за древней агорой,[7] носит название Διονύσια τὰ κατ' ἀγρούς т. е. Дионисий в полях, название, определенно намекавшее на то, что эта местность в более древнюю пору представляла собою еще сельскую местность. Коллит, представлявший наиболее оживленное место древних Афин, возник, таким образом, позднее в результате роста торгово-промышленного населения. С севера точно также вырос обширный квартал Керамейк, самое название которого показывает его ремесленное происхо-

[1] Judeich, Topographie von Athen, 1905 г., изд. 2-е, 1931 г., стр. 54—55, 117 сл.

[2] II, 65, 5.

[3] Там же.

[4] E. Curtius, Das Asty von Athen, Athen. Mitt., II, 5, 53.

[5] E. Curtius назв. статья, Wilamowitz-Moellendorf, «Aus Kudathen»; Шеффер, стр. 81.

[6] E. Curtius, Stadtsgeschichte von Athen, стр. 43, Milchhöfer, Athen, стр. 149, отождествляли его с описанным у Фукидида древнейшим городом близ южного склона Акрополя, однако уже у Wachsmuth (Stadt Athen, II, стр. 265), а затем также во всех позднейших работах (Judeich, стр. 159, во 2-м изд. стр. 172, — in der Mitte der Stadt; Dörpfeld, Wochenschrift für klassische Philologie, 1906 г., 205; Honigman, s. v. у Pauly-Wissowa) местоположение его определяется, но также предположительно, к С-В от Акрополя или вообще в центре. Толкование имени «Славных Афин» оспаривается W. Alg. Klio XI (1911 г.), стр. 19 сл., ср. Judeich, 2-е изд., стр. 172.

[7] См. план Афин при книге Judeich, ср. стр. 169.

ждение. В то же время с развитием торговли Афины разрастались на юг, в сторону моря, в направлении Фалерона, древнейшей гавани Афин, а позднее в юго-западном направлении в сторону Пирея. Писистрат, тирания которого была равносильна торжеству торгово-промышленных элементов, перенес агору с ее древнего места в сторону Керамейка.

Город изменил свой вид, но гораздо существеннее было изменившееся значение его для экономической и общественной жизни. Из теснящейся на холме крепости, из места обитания немногих знатных родов он вырастает в обширный торговый и промышленный центр, из опоры знати он превращается в центр, вокруг которого сосредоточиваются все враждебные этой родовой знати силы. Если синойкизм, приписываемый традицией Тезею, и был произведен, как можно думать, по инициативе местной родовой знати, то последствия его обратились против самой этой знати. Сделавшись политическим центром страны, Афины вместе с тем становились и центром всех общественных противоречий. Сюда прежде всего стекалось все порывавшее со старой родовой организацией неземледельческое — промышленное и торговое — население, здесь поселялись также и те неафинские роды, которые, утрачивая под влиянием Афин и афинской знати свое прежнее влияние, в особенности после синойкизма, если и не порывали окончательно с родовыми организациями, во всяком случае искали счастья в новых видах деятельности и прежде всего в торговле; эти роды объективно подтачивали господство афинской родовой знати и, становясь в оппозицию к местным знатным родам, вместе с этим по своему имущественному положению и значению оказывались признанными главами и руководителями всех оппозиционных родовому строю элементов. Таковы были, как я уже отмечал выше, представители родов Алкмеонидов, Писистратидов, Ликомидов или же обедневшие представители местных родов, каким был, например, Солон. Здесь же, наконец, и почти исключительно здесь концентрировалось и все пришлое население, все те иногородные и иноземные поселенцы, прежде всего ремесленники и торговцы, привлекаемые сюда возраставшим значением Афин, как крупного торгово-промышленного центра. Вместе с торгово-промышленным населением Афин начинает расти и их рабское население. Промышленность, все более отрывающаяся от крупного домашнего хозяйства, продолжает попрежнему базироваться прежде всего на эксплуатации рабского труда. Крупные хозяйства сами втягиваются в торговлю и начинают частично производить на рынок. Вместе с этим изменяется и система эксплуатации, и патриархальное рабство, патриархальные отношения между господами и рабами все более начинают отходить в прошлое. Растет, таким образом, не только число рабов, но изменяется и самый характер эксплуатации их труда. Именно здесь, именно в Афинах, все более становящихся центром не только политической,

но и экономической жизни страны, скопляются все наиболее враждебные старому родовому строю и наиболее способствующие его разложению элементы. Из города же торговый обмен и вместе с этим и денежное хозяйство распространяется и на сельские местности, окончательно подтачивая здесь последние опоры родового строя. Общеизвестно то разрушительное действие, какое оказывало проникновение денежного хозяйства на сельское население, ускоряя имущественное расслоение массы земледельческого населения, заставляя их входить в долги и тем до крайности обостряя существовавшие в деревне противоречия. И именно городские же элементы возглавили крестьянское население против местной родовой знати.

Этими последствиями синойкизма обусловлена, по всей вероятности, и та демократическая окраска, какую придает ему античная традиция. Фукидид говорит только, что Тезей упразднил советы и должностных лиц прочих городов и объединил путем синойкизма всех жителей вокруг нынешнего города, учредив один совет и один пританей. Жителей отдельных селений, возделывавших свои земли, как и прежде, Тезей принудил иметь один этот город, и так как все жители принадлежали теперь уже к одному городу, то он стал велик. [1] Если в изложении Фукидида реформа носит, таким образом, исключительно насильственный характер, то Плутарх, следующий при этом, повидимому, рассказу Аристотеля, придает ей определенную демократическую окраску. Он рассказывает между прочим, что, обходя с извещениями *демы* и *роды* (ἐπιὼν οὖν ἀνέπειθε κατὰ δήμους καὶ γένη) [любопытное противопоставление демов и родов. *А. Т.*], Тезей будто бы встречал сочувствие прежде всего именно среди простых и бедных (τῶν μὲν ἰδιωτῶν καὶ πενήτων ἐνδεχομένων ταχὺ τὴν παράκλησιν αὐτοῦ). «Желая еще более способствовать росту городской общины, — рассказывает он далее, — Тезей призывал всех на равных правах (ἐπὶ τοῖς ἴσοις)... Он, однако, не смотрел безучастно на то, что ввиду наплывавшей без разбору толпы демократия сделалась беспорядочной и смешанной, напротив, он первый установил отдельные группы эвпатридов, геоморов и демиургов. При этом он *предоставил эвпатридам ведать божеские дела, поставлять архонтов, быть учителями законов и изъяснителями всего как светского, так и духовного*, уравняв их, однако, с прочими гражданами в том отношении, что как эвпатриды выдавались почетом, так геоморы своею полезностью, а демиурги своей численностью. Он первый склонился на сторону толпы, как говорит Аристотель, поставил единодержавие». [2]

Уже из заключительных слов этой цитаты, согласно которым действительная власть оставалась за эвпатридами, в отношении же земледельче-

[1] Thuc., II, 15, 2.

[2] Plut., Thes., 25=Arist., Ἀθ. Πολ., fr. 2. Цитовано по переводу Ловягина, стр. 125.

ского и ремесленного населения признается лишь их полезность и численность, видно, что реформе приписывается здесь демократизм лишь в очень относительном смысле, что демократизм этот сводится в данном случае не к собственно демократическому устройству, но исключительно к росту численности демократических элементов. Не менее характерна в этом отношении также связь, устанавливаемая здесь между синойкизмом и делением населения на эвпатридов и низшие классы земледельцев-геоморов и демиургов-ремесленников.

Описанный процесс синойкизма и возвышения Афин представляет лишь наиболее яркий и лучше известный пример того роста городов-полисов, какой происходил в это время и в других местностях Греции: в Коринфе, Сикионе, Аргосе (нам известен факт подчинения Микен Аргосу и лишение их вместе с этим значения полиса), в Ионии, в колониях.

7

Подводя итоги, мы можем теперь представить себе общественную ситуацию, сложившуюся в результате роста противоречий внутри родового общества и предопределившую социальную революцию VII — VI веков.

Разложение родового строя шло снизу. С одной стороны, с утверждением патриархального рода и с индивидуализацией производства родовые отношения более или менее быстро исчезают в среде производящих низов земледельческого населения, в тех деревнях-комах, которые соответствовали первоначальным матриархальным родам. С другой стороны, образование класса неимущих, оказывавшихся все более вне родовой организации, тех фетов, которые вынуждены были искать работы в качестве странствующих наемных рабочих и ремесленников, разделение труда, появление класса ремесленников, переселение их в далекие от родины центры, появление профессиональных купцов, приток пришлого населения, стоявшего вне родовой организации, не только вне родов, но и вне фратрий и фил, — все эти процессы, разлагавшие и подрывавшие основы родового строя, происходили также вне олигархии знатных родов. Лишь отдельные, большей частью обедневшие или захудалые роды, обращавшиеся к занятию торговлею, принимали сторону оппозиционных элементов. Правящие же роды, с процессом распада прежних родовых связей в низах населения, все более замыкались в тесную олигархию, состоявшую из ограниченного числа, иногда даже из отдельных единичных родов. Родовые органы, выродившиеся в свою противоположность, из первобытной демократии превратились в отвратительную олигархию, из орудия народной воли в органы угнетения против собственного народа. [1] Еще до

[1] См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 170.

образования государства знатные роды использовали свое положение родовых верхов и свою организованность в роды против остальной, неорганизованной массы, превращая пережиточные формы родового строя в органы угнетения.

Знатные роды сохранили господство над населением всей территории бывших материнских родов, из которых они выделились. Процесс расслоения и имущественного неравенства, влекший за собою задолженность масс, имел своим конечным последствием сосредоточение всех земель в руках знатных родов. Не только все землевладение сосредоточивалось в руках знатных родов, но и свободное обращение земли вне родов было затруднено. Что именно задолженность мелкого землевладения (а не скупка земель) лежала прежде всего в основе сосредоточения всех земель в руках знатных родов, показывает тот факт, что Солон, не производя никакого передела, одной отменой долгов восстановил мелкое землевладение и уничтожил крупное. Впоследствии крупной земельной собственности Аттика уже не знала. [1] Обстоятельство, введшее в заблуждение некоторых новейших историков, предполагающих массовую конфискацию земель если не при Солоне, то при Писистрате. [2]

В то время как снизу происходил процесс формирования классов вновь образующегося рабовладельческого общества, замкнутая правящая знать, представлявшая охвостье выродившегося родового строя, превращалась вместе с этим в путы и оковы общественного развития. С одной стороны, она стесняла образование и консолидацию эксплуататорского класса, искусственно ограничивая круг эксплуататоров рамками замкнутых родовых кровнородственных организаций. С другой стороны, она препятствовала свободному развитию производительных сил и новых производственных отношений, стесняя свободу обращения имуществ и прежде всего земельных имуществ, искусственно расчленяя и замыкая общественно-экономическое развитие в рамки отдельных родов и ставя мелких производителей в исключительную зависимость от местной родовой знати. Наконец, родовые организации, составлявшие опору господства привилегированной группы знатных родов, стояли на пути образования государства, являющегося организованной формой и орудием классового господства и принуждения в руках более широких и не ограниченных родовыми рамками эксплуататорских кругов. Так же, как родовые организации стояли на пути образования государства, родовые обычаи и неписаные постановления родов стояли на пути составления писаного права, которое регулировало бы и закрепляло бы сложившиеся формы обращения имуществ

[1] См. Boeckh, Die Staatshaushaltung der Athener, 3-е изд., 1886 г., стр. 80 сл.

[2] Busolt, Griechische Geschichte, 2-е изд., II., стр. 328, за которым следует С. Я. Лурье, История античной общественной мысли, 1929 г., стр. 103, 109.

и нарождающихся общественных отношений. Правящая родовая олигархия, это охвостье выродившегося родового строя, стоявшее на пути окончательного оформления и консолидации рождающегося классового общества, должна была быть устранена, и именно ее устранение и было непосредственной целью и результатом социальной революции VII — VI вв. Классовая борьба этого времени не была только борьбой классов в формах родового строя, но именно борьбой сложившихся уже внутри этого строя классов против последних пережитков и пережиточных форм родового строя в лице выродившихся в родовую знать бывших органов родо-племенного общества. Все классы нарождающегося общества, как его верхи, так и низы, как эксплуататорские классы, восставшие против привилегированного положения родовой знати, так и эксплуатируемые низы, являвшиеся жертвой ее эксплуатации, совместно выступали в борьбе против олигархии знатных родов.

Я наметил те основные противоречия внутри родового строя, которые вели к его разложению и к взрыву социальной революции. И этим считаю свою задачу исчерпанной. Что касается собственно революции VII — VI вв., картина ее общеизвестна, и я останавливаться на ней не буду. Ограничусь лишь несколькими самыми общими замечаниями. Описанные противоречия действовали, конечно, повсеместно, разлагая устои старого родового строя. Но степень интенсивности, с какою совершался этот процесс разложения, степень роста и обострения противоречий в различных местностях была неодинакова. Чем же обусловливалась такая неравномерность развития? Эта неравномерность зависела от степени вовлечения первоначального патриархального хозяйства в торговый обмен, от того, в какой мере из хозяйства, само себя обслуживающего, оно превращалось в хозяйство, частично и притом все в большей мере производящее на рынок, словом, от степени товаризации производства. Вот почему развитие производительных сил и разложение патриархально-родовых отношений с особой интенсивностью совершалось там, где имелись условия для образования таких крупных промышленных и торговых центров, как Афины, Коринф, Милет и др. Именно, в связи с товаризацией производства патриархальное рабство, существовавшее еще в рамках родового быта, перерождалось в систему эксплуатации, требовавшую иных общественных форм и возникновения государства. В то же время именно развитие торговли и распространение денежного хозяйства в чрезвычайной степени ускоряло процесс общественного расслоения и роста имущественного неравенства. Обогащая и укрепляя хозяйственную мощь одних, торговля и сопровождавшее ее развитие денежного хозяйства в то же время разоряли других. Стремление к обогащению и накоплению общественных верхов, о котором так много говорят литературные памятники этой эпохи, при одновременном разорении и растущей задолженности масс до край-

ности обостряли все общественные противоречия, доводя их до революционного взрыва. Торговля была, таким образом, моментом, обострявшим до крайности все внутренние противоречия, развившиеся в родовом обществе. Именно, в торговых городах Греции все эти противоречия (противоречия родовой знати и рабовладельческих элементов нарождающегося полиса, противоречия города и деревни, торговли и землевладения, натурального и денежного хозяйства, имущих и неимущих, кредиторов и должников) достигали крайней степени обострения и делали социальную революцию неизбежной. И классовая борьба, вспыхнувшая по всей Греции в VII — VI вв., была именно социальной революцией. Там, где все общественные классы выступают против одного общего врага — родовой знати, там где борющиеся стороны пышат ненавистью друг к другу и борьба ведется с исключительным ожесточением, там, где победа одной из сторон ведет к полному перевороту и к изгнанию противников, там, где в результате победы новых общественных элементов начинается усиленная законодательная работа, там, где из старого общества вырастает не только новое общество, но и совершенно новый институт — государство, — это уже не простая борьба классов, это социальная революция, именно социальная революция, наносящая удар родовому строю, о чем определенно говорят наши источники (о реформах Солона и Клисфена) и на что вполне определенно указывает и Энгельс.

Если главную движущую силу революционного движения, силу, придавшую ему более широкий размах и более радикальный характер, составляло разоренное и задолженное земледельческое население, то роль гегемона революции, несомненно, принадлежала тем городским элементам, которые я характеризовал выше и которые составляли ядро нарождавшегося рабовладельческого общества. Выходцами из этой городской среды были эсимнеты и тираны, возглавлявшие движение и проводившие требования революции в жизнь. Различие путей, какими они приходили к власти, и различная степень радикализма проводимых ими мер не должны закрывать от нас однородности их классового происхождения и классовой позиции. Своими законами и своими действиями те и другие создавали условия для развития греческого рабовладельческого государства — полиса. И в древности, как известно, не проводили резкой грани между теми и другими. Аристотель характеризует власть эсимнетов как тираническую и называет эсимнетов «выборной тиранией» (αἱρετὴ τύραννις) и при рассмотрении различных видов тирании относит к тирании, как один из ее видов, и эсимнетию.[1] Такое же обозначение эсимнетии, как выборной тирании, встречаем и у других авторов. [2] Питтака Митиленского

[1] Arist., Πολ., III, 9, 5—6, 1285 a; IV, 8, 1295 a.
[2] Diog. Laert., I, 100; Dion. Hal., I, 73.

современники называли тираном, [1] Солон, как он сам говорит, имел полную возможность захватить тираническую власть. [2]

Объект революции составляли, как видно из всего вышеизложенного, пережиточные формы родового строя, и главною целью ее было устранение исключительного господства и засилья родовой знати. Этот антиродовой характер революции вполне определенно выступает, как показывает реформа Солона, [3] в Афинах. Но тот же характер носило революционное движение и в других городах. Тирания Кипсела и Периандра в Коринфе положила конец господству замкнутого рода Бакхиадов. Недавно в интересной специальной статье итальянский ученый Gitti [4] показал, что переворот, произведенный в Сикионе Клисфеном, имел не национальную направленность (восстание приниженного ахейского населения против господства дорян), как изображал дело Геродот, но ставил своею целью именно уничтожение господства родовой знати, которой Клисфен Сикионский нанес еще более сокрушительный удар, чем его одноименный внук в Афинах. В Митилене было сброшено господство рода Пенфелидов, [5] в Эрифрах [6] и в Эфесе [7] свергнут род Басилидов. Такой же переворот произошел в ряде городов — в Милете, Книде, Кимэ, Магнесии, на островах Самосе, Хиосе, Наксосе, в Халкиде, Мегаре. [8] Феогнид Мегарский, Алкей Митиленский, Гераклит Эфесский (из рода Басилидов), пострадавшие от революции и полные непримиримой ненависти к классовым врагам, рисуются нам в своих произведениях также прежде всего именно как гордые своим происхождением представители родовой знати.

Удары революции, направленные против последних пережитков родового строя, были одновременно и ударами, наносимыми родовой знати. Установление государства-полиса наносило удар исключительному господству знатных родов; введение нового территориального деления населения вместо родового имело в виду, как определенно говорит Аристотель, [9] ту же цель. «Оставь в покое филы» (т. е. старые родовые филы) — сделалось теперь поговоркой по адресу лиц, допытывавшихся, из какого кто рода; [10]

[1] Алкей, ср. Arist., Πολ., IV, 8, 2.

[2] Plut., Sol., 14. Bergk, II, 54; Solon. fragm. 33. Наконец, и некоторые новейшие историки видят в Солоне (Виппер) и в Клисфене (Успенский) именно тиранов. В специальной статье «Aisymnetie und Tyrannis» (Klio, 1905) Nordin устанавливает отсутствие принципиального различия между эсимнетией и тиранией.

[3] Arist., Ἀθ. Πολ., 21.

[4] Clistene di Sicione e le sui reforme, Memorie della R. Accad. dei Lincei, 1929 г.

[5] Arist., Πολ., V, 8, 12, 1311 b.

[6] Там же, V, 11, 1305 b.

[7] Suidas, s. v. Πυθάγορας Ἐφέσιος.

[8] См. А. И. Тюменев, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, I, изд. 2-е, стр. 62, прим. 2.

[9] Ἀθ. Πολ., 21.

[10] Там же.

утверждение уголовного преследования по суду (закон Дракона) вместо института родовой мести клало конец самоуправству знатных родов. Составление общего писаного права устраняло судебный произвол родовой знати, на который так красноречиво и образно жаловался еще Гесиод. Запрещение займов под залог личности должника уничтожало на будущее время основу зависимости населения от местных знатных родов. С этого времени мелкие свободные земледельцы должны были играть роль главной военной силы греческого полиса, образуя ядро гоплитского ополчения. Наконец, введение свободных завещаний наносило последний удар пережиткам родовой собственности. На этом последнем моменте ввиду его особо существенного значения необходимо остановиться специально.

Смена форм общественной организации, падение государства родовой знати и установление рабовладельческого государства в специфической форме полиса [1] скрывали под собою смену видов собственности; старая родо-племенная собственность на землю, подточенная предшествовавшим процессом разложения родового строя, продолжала еще частично существовать в своей пережиточной форме, в форме ряда ограничений, стеснявших свободу обращения земли и имевших целью удержать землю в руках членов рода, т. е., в условиях разлагавшегося родового строя, в руках членов знатных родов. В Афинах до Солона воспрещалось завещать имущество, и прежде всего недвижимое, кому-либо вне рода. [2] Такое наследование в роде было общим правилом и в других олигархиях, в основе которых лежала принадлежность к немногим знатным родам, [3] с наследованием в роде «издревле» связано было и стеснение продажи первоначального надела. [4]

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, «Немецкая идеология», Соч., т. IV, стр. 12.

[2] Plut., Sol., 21: εὐδοκίμησε δὲ κἀν τῷ περὶ διαθηκῶν νόμῳ, πρότερον γὰρ οὐκ ἐξῆν, ἀλλ' ἐν τῷ γένει τοῦ τεθνηκότος ἔθει τὰ χρήματα καὶ τὸν οἶκον καταμένειν.

[3] Arist., Пол., V, 7, 12, 1309 b: δεῖ ... ἐν δ'ὀλιγαρχίᾳ καὶ τὰς κληρονομίας μὴ κατὰ δόσιν εἶναι, ἀλλὰ κατὰ γένος μηδὲ πλειόνων ἢ μιᾶς τὸν αὐτὸν κληρονομεῖν; ср. относительно Спарты Plut., Agis, 5 (закон Эпитадея). В Беотии III в. Полибий видел признак упадка (καχηξίας) в отступлении от родового наследования (Pol., XX, 65: οἱ μὲν γὰρ ἄτεκνοι τὰς οὐσίας οὐ τοῖς κατὰ γένος ἐπιγενομένοις τελευτῶντες ἀπέλειπον, ὅπερ ἦν ἔθος παρ' αὐτοῖς πρότερον.

[4] Arist., Пол., VI, 2, 5: Ἦν δὲ τό γε ἀρχαῖον ἐν πολλοῖς πόλεσι νενομοθετήμενον μηδὲ πωλεῖν ἐξεῖναι τοὺς πρώτους κλήρους. Факт коллективной родовой собственности на землю в эпоху господства знатных родов признается большинством современных исследователей: Hermann Thalheim, Lehrbuch der griechischen Rechtsaltertümer; Fustel de Coulanges, La cité antique; Beauchet, Histoire du droit..., II, стр. 353, III, стр. 59, 194, 567; Guiraud, La propriété foncière... стр. 79, 90; Töpffer, Attische Genealogie, стр. 19; Wilbrandt, De rerum privatarum ante Solonis tempus in Attica statu, Rostock, 1895; Wilbrandt, Politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter

Солон, вводя свободу завещания кому угодно и вне родов, [1] наносил последний удар родовому землевладению и ставил на его место новый вид собственности, именно, по терминологии «Немецкой идеологии», «античную общинную собственность». Полагать, что в античном мире господствовала полная и безусловная частная собственность, значит модернизировать античность: развитие собственности также проходит через определенные этапы, и каждой формации, каждому виду эксплуатации соответствует и определенный вид собственности. Всем известно то место «Немецкой идеологии», где устанавливается последовательная смена различных видов собственности племенной (родовой, античной и феодальной). [2] Известно также, как Маркс и Энгельс определяют в «Немецкой идеологии» античную общинную собственность, именно, как специальную форму, тесно связанную с особыми условиями античного рабовладельческого общества. Как правило, господствует государственная и общинная собственность. Недвижимая частная собственность лишь как отклонение от нормы и как подчиненная общинной собственности форма.

«Граждане государства лишь сообща владеют своими работающими ра-

vor Solon, Philologus, VII Suppl. Band, 1898—1899 гг.; Glotz, La solidarité..., 1905 г., стр. 327; Lenschau у Pauly-Wissowa, s. v. Kleros. Напротив, за полное развитие частной собственности уже в эту эпоху высказываются только те исследователи, которые высказываются и против существования коллективной собственности вообще, в первую голову — Пельман, Geschichte der sozialen Frage, 3-е изд., I, стр. 10—11; Swoboda, Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte, Weimar, 1905 г., стр. 89, 95 сл.; Busolt, Griechische Staatskunde, стр. 142. Все их доводы сводятся при этом к произвольному толкованию термина, имеющего вполне определенное значение в смысле ближайших родственников.

[1] Plut., Solon, 21: ὁ δ' ᾧ βούλεταί τις ἐπιτρέψας, εἰ μὴ παῖδες εἶεν αὐτῷ δοῦναι τὰ αὑτοῦ, φιλίαν τε συγγενείας ἐτίμησε μᾶλλον καὶ χάριν ἀνάγκης καὶ τὰ χρήματα κτήματα τῶν ἐχόντων ἐποίησεν. Ср. Dem., XX, 102, 488: ὁ μὲν Σόλων ἔθηκεν νόμον εἶναι δοῦναι τὰ ἑαυτοῦ ᾧ ἄν τις βούλεται, ἐὰν μὴ παῖδες ὦσι γνήσιοι.

[2] Предположение, будто Маркс и Энгельс впоследствии отказались от этих высказанных в одном из ранних произведений воззрений на античную собственность, не имеет под собою почвы и не соответствует действительности. Это не случайно брошенные замечания, а действительные воззрения основоположников марксизма на развитие форм частной собственности в связи с развитием форм и способов производства и эксплуатации. Об античной и феодальной собственности, в противоположность собственности буржуазной, говорит одинаково и «Коммунистический манифест» (Соч., т. V, стр. 499). 24 II 1865 г. Маркс писал редактору «Социал-Демократа»: «Античные имущественные отношения исчезли, уступив место феодальным, эти последние перешли в буржуазные». Античная и феодальная собственность, как особые виды собственности, различаются Марксом и во второй части третьего тома «Капитала», изданной Энгельсом, как известно, менее чем за год до смерти («Ростовщичество разрушает и уничтожает античное и феодальное богатство и античную и феодальную собственность (Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1922 г., стр. 109).

бами [1] и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации». [2]

Допуская известную свободу распоряжения имуществом и завещание его вне рода, Солон наносил удар старому родовому строю, что вполне соответствовало общему направлению его реформы, но он вместе с этим никоим образом не вводил полной свободы частной собственности. Верховное право общины и государства-полиса сохранялось. Как за частной собственностью гомеровской эпохи стояла племенная община, как за частной собственностью эпохи родовой олигархии стоял род, так теперь за частной собственностью стояла верховная собственность рабовладельческого коллектива, каким прежде всего был греческий полис. Как во времена Гомера, и община сохраняет свое высшее право на недвижимую собственность. Владения частных лиц носят, по выражению Виламовица, как бы прекарный характер. И это не только номинальное право полиса. Государства и общины владеют значительными государственными землями. Обширны также владения храмов, обслуживающих государственные культы. Государство, наконец, сохраняет верховное право и над общинными землями. Так, в рудниках частные лица могут пользоваться только поверхностью, недра же принадлежат государству. Но, и помимо этого, гражданская община-полис непосредственно заинтересована в сохранении наделов отдельных граждан, обеспечивающих несение ими определенных гражданских и военных повинностей (вспомним роль и значение гоплитского ополчения). Раздел земли при колонизации, при основании афинских клерухий строится на том же принципе, как и в гомеровские времена. Поселенцам нередко воспрещается продажа части или всего надела (πρῶτος κλῆρος, ἀρχαία μοῖρα). Такое правило известно, напр., в Спарте, в Локрах, Элиде, в Афитее, на полуострове Паллене, [3] еще в четвертом веке во вновь образованной колонии Керкира Мелайна, [4] аналогичные запреты были введены и при основании афинской колонии на Саламине в VI в. [5] В Фивах существовали законы о деторождении, изданные со специальной целью сохранения постоянного числа наделов (ὅπως ὁ ἀριθμὸς σώζηται τῶν κλήρων)». [6] И, конечно, подоб-

[1] Здесь русский перевод не точен. В подлиннике говорится о совместном обладании властью над рабами: «Die Staatsbürger besitzen in ihrer Gemeinschaft die Macht über ihre arbeitenden Sklaven», что значительно изменяет смысл (стр. 12—13 нем. изд.).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

[3] Heracl. Pont., Polit. Lacaed., Plut., Quaest. Lacon., 22, 238; Arist., Πολ., II, 4,4, 1266 b, VI, 3, 7, 1319 a.

[4] Ditt., 3-е изд., 141.

[5] I. G., II, 2-е изд., 30. Michel, 1427.

[6] Arist., Πολ., II, 9, 7, 1274 b.

ные ограничения существовали не только в этих сделавшихся нам известными случаях. Аристотель говорит об ограничении свободного распоряжения землею, как об общем правиле: [1] «во многих государствах в древнее время было также законоположение, в силу которого запрещалось продавать первоначальные наделы». Рядом с этим распространено было запрещение приобретения земли сверх известного размера. Такой закон между прочим введен был в Аттике Солоном. [2] Исходя из того же принципа, воспрещалась продажа земель чужеземцам; [3] женщины, не несшие государственных повинностей, исключались из права наследства. Мало того, государство контролирует ведение частного хозяйства и часто вмешивается в него. [4]

В заключение несколько слов о государстве, которое пришло на смену родовому строю.

Уже господство родовой знати основывалось, как мы видели, на насилии и на принуждении: эти средства принуждения не вылились еще, однако, в формы организованного государства. Родовая знать все еще держалась старых родовых учреждений. Но если эти учреждения обеспечивали ей ее внутренную организацию, то как орган принуждения они служить не могли. Не существовало еще «публичной власти, отделенной от массы народа». [5] Господство правящей знати выливалось в неорганизованные формы, формы голого насилия, в формы кулачного права. Бей, коли, руби, — вот и вся ее политическая мудрость. Возникали, конечно, уже и в то время отдельные учреждения, вроде навкрарий, но это были лишь отдельные элементы, отдельные зародыши государственной власти, но еще не государство. Революция не только передала власть из рук замкнутой родовой знати в руки более широких кругов — верхов городского населения, но и создала впервые (законодательная работа эсимнетов) организованные формы этой власти, создала государство, как орудие принуждения. Если знатные роды противопоставляли себя остальному населению и воздействовали на него как сила, действующая извне, то государство включало уже в себя всю массу населения, сохранив господство за образующимися рабовладельческими классами. Греческий полис был прежде всего гражданской общиной рабовладельцев, обеспечивавшей, говоря словами «Немецкой идеологии», совместное обладание властью над рабами и над подчиненными и разграбляемыми областями. Рождающееся государство уже с самого начала основано на имущественном цензе. Цензом определялись как политические права граждан, так и их роль и участие в воен-

[1] Πολ., VI, 2, 5, 1319 a.
[2] Arist., Πολ., II, 3, 4, 1266 b.
[3] Francotte, Mélanges du droit public grec, 1910 г., стр. 185.
[4] Wilamowitz-Moellendorf, Staat und Gesellschaft der Griechen, стр. 6.
[5] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 119.

ной силе. Необходимость создания военной силы — гражданского ополчения гоплитов — обусловливала расширение круга лиц, пользующихся в большей или меньшей степени гражданскими правами. Но расширение круга граждан, переход от умеренной олигархии к демократии был одновременно и расширением рабовладельческой общины. Привлекавшиеся к делу управления массы становились и активными участниками этой рабовладельческой общины, в той или иной мере участвовавшими в получении своей доли продукта рабского труда. Идеалом афинского люмпен-пролетариата был строй, основанный на государственном рабовладении.

Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов

О. О. КРЮГЕР

Рабскими восстаниями занимались крайне редко и крайне недостаточно. Это имеет ряд причин. Несомненно, классовая ненависть к эксплуатируемым является главной причиной того, что буржуазные историки не интересуются этой темой. С другой стороны, эти мощные движения крайне скудно отражены в наших источниках. Если Ливий или Цицерон и говорят о рабских восстаниях, то лишь мимоходом и чрезвычайно кратко. Здесь действует та же классовая ненависть, то же презрение к рабам. Тем более приходится сожалеть, что те немногие труды, которые были посвящены этим движениям, до нас не дошли. Особенно жаль, что мы знаем только по заглавию одно чрезвычайно любопытное сочинение, труд ритора, бывшего раба из сицилийского города Кале Акте, получившего по освобождении из рабства имя Цецилия. Труд этот был озаглавлен «О рабских войнах». Цецилий писал свои произведения около 50 г. до н. э., а, может быть, и несколько ранее. Есть сведения, что он по происхождению иудей; [1] невольно напрашивается гипотеза, что в нашем источнике произошла путаница и что вместо «иудей» следует читать «сириец»—путаница довольно обычная в более позднее время. Свидетельство раба восточного происхождения, жившего несколько десятилетий после крупнейших восстаний как раз в Сицилии, т. е. там, где эти восстания происходили, имело бы для

[1] Свидетельства о Цецилии собраны у F. Jacoby, Die Fragmente der griechischen Historiker, ч. II, № 183, стр. 911. Об этническом его происхождении говорится у Свиды в довольно искаженном месте. Характерно, как Christ и Schmidt (Geschichte der griechischen Literatur, 6-е изд., стр. 465 сл.) объясняют, почему этот труд не сохранился: его, мол, не цитируют, и он забыт потому, что он, очевидно, был неважного качества. Вздорность этого утверждения совершенно очевидна, так как другие труды этого автора (о риторической технике) пользовались большим успехом. Дело, стало быть, в теме, а не в выполнении.

нас огромное значение, особенно если догадка о его сирийском происхождении оправдается, так как в рабских войнах в Сицилии сирийские рабы играли главную роль.

Интересовался этими восстаниями и Посидоний, греческий философ, историк и этнолог негреческого, сирийского происхождения. От него дошло до нас несколько эксцерптов в «Исторической библиотеке» Диодора и у других писателей. [1] Какие причины побудили Посидония писать о рабских восстаниях, еще не освещено в науке. Несомненно, однако, что одной из причин было сирийское его происхождение и знание нравов и обычаев сирийских рабов. Но, разумеется, это не единственная причина. Диодор так подробно эксцерпировал Посидония по этому вопросу потому, что, будучи сам из Сицилии, он лучше других представлял себе размах и последствия этих великих восстаний. [2] Все остальные свидетельства более или менее случайны. Так же случайны упоминания о рабских восстаниях и у современных буржуазных историков. Они невольно стоят на стороне писателей-рабовладельцев и рассматривают эти движения как досадное, болезненное явление, как пятна на истории Рима. В лучшем случае рабские войны считались следствием неумелой политики, результатом одной лишь чрезмерно тяжелой формы эксплуатации. Так полагали и древние. Единственным последствием этих болезненных явлений в историческом процессе были разрушения — и только. В этой части допускались ошибки и со стороны наших историков-марксистов: они тоже видели в движениях рабов одну лишь негативную сторону. Большие разрушения, как последствия крупных восстаний рабов, отрицать не приходится, ошибка заключается в том, что в наших работах отсутствовал учет социальной значимости этих движений, учет тех сдвигов в обществе, которые происходили во время и в результате этих движений. Мы не понимали до конца эти движения — так, как Ленин их характеризовал в известном месте «Лекции о государстве»: «История рабства знает на многие десятилетия тянущиеся войны за освобождение от рабства». [3] Мы не уяснили себе до конца, что эти движения, как объяснил Ленин там же, относятся к тем революциям, которые были связаны с развитием человечества, с переходом от рабства через крепостничество к капитализму и к теперешней всемирной борьбе против капитализма. [4] Мы не понимали полного значения слов Энгельса, что без античного рабства не было бы и социализма: мы в рабовладельческой системе видели только рабо-

[1] Фрагменты из Посидония собраны у того же Якоби, т. II, № 87, стр. 222 сл. Ср. еще Karl Reinhardt, Poseidonios, Мюнхен, 1921 г., стр. 30 сл.

[2] Диодор говорит о рабских восстаниях в XXXIV и XXXVI книгах, дошедших до нас в эксцерптах.

[3] В. И. Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XXIV, стр. 371.

[4] Там же, стр. 368.

владельцев и не замечали рабов и их роли в смене формаций. [1] Одним словом, в наших советских исторических трудах не нашло своего отражения то, что т. Сталин сформулировал в своей речи на съезде колхозников-ударников: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся».

Целый ряд ошибок допущен историками и в оценке восстаний рабов II и I вв. до н. э. То обстоятельство, что эти движения отделены веками от перехода к феодализму, заставляло историков отрывать их от тех событий, которыми заканчивается античность и начинается феодальная формация. Иначе говоря: рабские восстания не вызвали, якобы, никаких изменений в обществе, классовая борьба между рабами и рабовладельцами не оставила почти никаких следов, за исключением колоссальной разрухи в Италии и на Сицилии. По представлению этих ученых, на состоянии римского общества скорее отражалась борьба между классовыми прослойками среди свободных; монархия является последствием чего угодно, но только не рабских движений, непосредственно предшествовавших созданию империи. Мнение это о малой эффективности рабских восстаний объясняется тем, что движения рабов рассматривались изолированно от классовой борьбы, разделявшей свободное население. Однако, при внимательном отношении к источникам, легко убедиться, что нет ни одного крупного движения рабов, которое не захватило бы других слоев общества или которым не воспользовались бы другие слои общества, и хотя классовой солидарности между свободными эксплуатируемыми и рабами не было и не могло быть, рабские движения все же вносили раскол в ряды свободных.

Ленин следующим образом характеризует рабские восстания в отличие от пролетарских движений при капитализме: «Рабы восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оставались пешками в руках господствующего класса». [2] Субъективно рабы никогда не задавались целью изменить существующий строй, изменить способ эксплуатации, но объективно восстания рабов подготовили смену формы эксплуатации. Иначе и не могло быть при том размахе, который принимали эти движения.

Если тщательно просмотреть историю этого времени, мы легко убедимся, что рабские восстания почти беспрерывно тянутся с конца третьего века до создания Римской империи. Нельзя, как это делается историками, выделять только крупнейшие из них, обходя молчанием менее эффективные.

[1] Энгельс, Юридический социализм («Под знаменем марксизма», 1923 г., № 1, стр. 132); Энгельс, Анти-Дюринг, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 183.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 375.

Проследим внимательно все данные, которые нам сохранила наша скудная традиция.

Сведения о рабских восстаниях начинают сгущаться со времени второй пунической войны, [1] и длинный ряд их открывается 217 годом, когда в Риме был арестован шпион из Карфагена, работавший там уже два года, и одновременно с ним рабы, организовавшие заговор против Рима. Разведчика, отрубив ему руки, отпустили на родину, а 25 рабов казнили на кресте. Раскрыт был заговор благодаря доносу одного раба. В награду доносчика освободили от рабства и одарили крупной суммой денег. После окончания второй пунической войны, закончившейся в 202 году победой римлян, в Италию попало большое количество рабов из пленных. Они поступили в продажу. Довольно много их было куплено и жителями города Сетии, находящегося в Лациуме в 60 километрах от города Рима. [2] Рабы работали там на полях и встречались с другими рабами той же национальности, владельцы которых проживали в городе Сетии в качестве заложников от побежденного Карфагена. В 198 году до н. э. здесь был организован заговор. Заложники принадлежали к карфагенской знати; очевидно, они агитировали через своих рабов среди массы рабов-военнопленных, бывших свободных граждан Карфагена. Был составлен и тщательно подготовлен план действия; велась агитация среди рабов расположенных по близости местностей, имевших большое экономическое значение, — Норба и Цирцеи. Было решено воспользоваться одним из ближайших дней, чтобы, когда жители города Сетии соберутся на спортивных играх, внезапно занять город и захватить Норбу и Цирцеи. Опять доносчики — на этот раз два раба и один свободный — раскрыли римским властям планы. Все доносчики получили денежную награду, а рабы, кроме того, и свободу. Организаторы восстания были схвачены, а другие рабы разбежались по области, где за ними была установлена слежка. Вскоре после этого было доведено до сведения римлян, что рабы решили захватить город Пренесте в 25 километрах от Рима. После подавления этого мятежа было казнено 500 человек. Впечатление от этих восстаний в Риме осталось громадное: было реорганизовано дело охраны Рима и содержания рабов и заложников. Но уже в 196 году, т. е. двумя годами позже, по всей Этрурии вспыхнуло восстание. Потребовались силы целого легиона, чтобы его подавить. [3] Последовала опять жесточайшая расправа с рабами: руководителей распяли, многих избили, других вернули владельцам. В 185 году и следующем римский претор Луций Постумий получил поручение подавить восстание рабов очень больших размеров на юге Италии. [4] Это были заговоры пасту-

[1] Ливий, XXII, 33; Зонара, IX, 1.
[2] Ливий, XXXII, 26; Зонара, IX, 16.
[3] Ливий, XXXIII, 36.
[4] Там же, XXXIX, 29.

хов. Их держали обычно впроголодь, они были лишены самого необходимого и вынуждены добывать себе и пропитание и одежду грабежом. Их местопребыванием были общественные пастбища и дороги. В течение одного 185 года был вынесен приговор над 700 рабами, многим удалось бежать, но большое количество было казнено. Любопытно, однако, что в 184 году, когда Постумий продолжал борьбу с рабами на юге Италии, восстание было осложнено еще тем, что оно либо совпадало, либо переплеталось с другим движением, движением среди свободных, нашедшим отражение в процессе о вакханалиях. Дело в том, что среди населения южной Италии был очень распространен своеобразный культ Вакха-Диониса. Для нас не представляет интереса то, что, по свидетельствам древних, этот культ был связан со всякими преступными деяниями его участников, с половыми эксцессами и т. д. Гораздо важнее то, что он имел определенно политическую окраску. Во главе его стояли представители плебеев, и римлян и союзных италийских городов. Это объединение носило официально— во время процесса — название coniuratio — заговор.[1] В 186 году было обнаружено 7000 участников. Нам очень трудно угадать, каково было политическое содержание этого объединения, но что оно было антигосударственного характера, следует уже из того, что несколько лет до этого в Египте царь Птолемей Филопатор издал строжайший приказ о регистрации всех почитателей Вакха-Диониса.[2] В 184 г. претор Постумий одновременно подавил восстание рабов и прикончил с не обнаруженными в свое время участниками вакханалий.

Как видно из приведенного материала, восстания рабов крупных размеров почти беспрерывной нитью тянутся из года в год до конца 180-х годов. Позднее в нашей традиции следует перерыв в сорок с лишним лет, до того года,[3] когда разразилось грандиознейшее восстание рабов II в., известное под названием первой рабской войны в Сицилии. Все ли случаи восстания получили свое отражение в наших источниках? Очевидно, нет. Кое-что остается нам неизвестным по той простой причине, что наша историческая традиция здесь лакунарна: не сохранилось соответствующей части труда Ливия и других основных источников. Один из сравнительно поздних авторов, — правда, крайне малоценный, — Юлий Обсеквент, выписавший из сокращенного издания Ливия все чудесные явления, которые падали на промежуток времени между 190 и 12 гг. до н. э., пишет:

[1] Ливий, XXXIX, 41.

[2] Папирусы Берлинского музея, т. VI, 1211.

[3] К. Бюхер, Восстание рабов, 143—129 гг. до р. Х. (русский перевод), Л., 1924 г., дает произвольную датировку. С. Жебелев, Из истории Афин, стр. 219 сл. Holm, Geschichte Siziliens im Altertum, т. III, стр. 519. Статья Sikelia в словаре Pauly-Wissowa.

«В Италии много тысяч рабов, которые составляли заговор, схвачено и казнено». [1]

Из этих слов можно, кажется, сделать вывод, что в это время восстаний было много больше, чем нам известно. Как бы там ни было, думается, что, несмотря на искажение нашей традиции и на ее лакунарность, все же между первым пучком восстаний и вторым лежит промежуток в несколько десятков лет, когда крупных рабских движений не было. Это затишье в основном совпадает с промежутком между второй и третьей пуническими войнами, с временем, когда окрепла государственная власть в Риме, когда не приходилось воевать на нескольких фронтах одновременно. Третья пуническая война, законченная в 146 году и значительно увеличившая количество рабов в Италии и Сицилии, выросшее в связи с захватом Коринфа в том же году, является дальнейшим толчком к пауперизации крестьян и замене свободного труда в сельском хозяйстве дешевыми рабами. Бюхер вопреки нашей исторической традиции датирует начало рабской войны 143 годом. Эта кровопролитная война в действительности длилась с 136 до 132 года. Я не имею возможности останавливаться на всех ее деталях: об этом можно прочесть у Бюхера и в трудах по истории Сицилии. Благодаря интересу Посидония, Диодора и других к этому движению, мы знаем его подробнее остальных восстаний античного мира. Если сама война, т. е. организованная борьба римлян с рабами, и началась лишь в 136 году, то не приходится отрицать возможности, что отдельные повстанческие движения происходили среди мало освоенной рабской массы несколько раньше. Энергичные мероприятия со стороны Рима, очевидно, были обусловлены широким распространением восстаний по всему римскому государству, далеко за пределами Сицилии. Дело в том, что, как сообщают нам древние писатели, в связи с сицилийским восстанием, явившимся «очагом заразы», [2] около этого же времени вспыхивают восстания рабов и в Италии. Так, известно, что в городе Минтурнах после подавления мятежа было казнено на кресте 450 рабов. В Синуессе (южная часть Лациума, на берегу моря) Квинтом Метеллом и Гнеем Сервилием Цепионом разбито 4000 рабов, а в самом Риме раскрыт заговор, в котором участвовало 150 невольников. [3] Но «зараза» пошла еще дальше. В серебряных рудниках Лаврия, в Аттике, было поднято восстание, объединившее 1000 человек. Правда, это первое восстание рабов в Аттике (как правильно до-

[1] Юлий Обсеквент, 86.

[2] О заразе говорит между прочим Оросий, V, 9, 4. «Зараза», «эпидемическая болезнь» — любимые термины для обозначения восстаний. Так император Клавдий называет опасность, которую приносят с собой иудеи из Сирии в 41 г. н. э.: он имеет в виду восстания, смуты. Папирус Британского музея, 1912 г., 100 (опубликован в 1924 г.).

[3] С. А. Жебелев, ук. соч., Бюхер, ук. соч. и другие.

казал С. А. Жебелев, [1] было не очень продолжительно и было усмирено стратегом Гераклитом: жестокий террор со стороны надсмотрщиков в связи с экспедицией Гераклита довольно быстро подавил восстание. Быстрота и жестокость действий были вызваны большим количеством скопившегося здесь «горючего материала», грозившего большим ростом движения. Дело в том, что труд невольников в рудниках — самая тяжелая форма эксплуатации в древности. Под землей работали многие тысячи пленных «варваров» и преступников. Об условиях работы в рудниках этого времени наглядный материал дают хотя бы испанские рудники, довольно хорошо сохранившие нам всю тяжелую обстановку работы. Там найдены и шахты с неимоверно узкими подземными ходами и несовершенные орудия с приспособлениями для выкачивания воды, и трупы рабов.

К этому же времени относятся и восстания в Македонии и на Делосе, этом центральном рынке для торговли рабами, где общее количество продаваемых в день рабов доходило до 10 000. Для нас все эти скудные, разрозненные сведения интересны тем, что они, во-первых, свидетельствуют о большом распространении рабских восстаний в одно и то же время, и, во-вторых, что древние считали их причинно связанными, причем это мнение, как легко доказать, восходит к одному из лучших свидетелей, Посидонию, родившемуся около 135 года, близкому, стало быть, по времени к упомянутым событиям. Разумеется, от сицилийского восстания могли исходить лишь искры: горючий материал, т. е. соответствующие социально-экономические предпосылки, должен был быть на месте. Мы, несомненно, правильно датируем эти движения временем разгара сицилийского восстания, когда рабы добились определенных крупных, хотя и временных успехов. С этим временем совпадают и реформы Тиберия Гракха, но об этом речь еще впереди. Этот успех показал всем рабам обширных римских провинций, что борьба с римской государственной властью возможна; этот успех вызвал в рабах надежду, что освобождение путем вооруженных восстаний дело вполне реальное.

Но вернемся к сицилийскому восстанию, которое нам лучше известно в своих деталях. Восстания в Сицилии возникли в тех частях острова, где рабский труд применялся издавна. Когда Сицилия еще была во власти Карфагена, здесь были уже крупные хозяйства, применявшие большое количество рабов. Состав рабов был пестрым и по социальному происхождению, и этнически, и по профессии. Здесь были представители Сирии, Киликии и порабощенной после взятия Коринфа Греции. Рабы были преимущественно заняты в сельском хозяйстве в качестве пастухов или пахарей, однако немалое количество их находилось и в городах.

Способ эксплуатации, по свидетельству древних, был неимоверно тяжел.

[1] С. А. Жебелев, ук. соч.

В городах, где обращение с рабами было менее жестоким, рабы не присоединялись к восстанию. Местные власти, не желая улучшить бытовые условия рабов, санкционировали грабежи, которыми рабы были вынуждены поддерживать свое существование. Немудрено, что здесь образовался очаг мятежей и возмущений. Я думаю, что тот факт, что Ганнибал во время второй пунической войны избегал оперировать в Сицилии и через Сицилию против Италии, факт недостаточно освоенный в исторической науке, приходится между прочим объяснять и тем, что Ганнибал избегал этого острова, где ловкий маневр местных греков или римских властей мог усложнить продвижение и пребывание войск, вызывая грандиозные антикарфагенские движения рабов. Значение крупных латифундий, больших скоплений рабов, при проведении военных операций, в науке еще не освещалось просто потому, что за политическими событиями древности историки никогда не видят больших масс рабов, которые одним своим присутствием, одним своим стремлением освободиться от невыносимого гнета при любом обстоятельстве имели решающее значение для исхода тех или иных предприятий. Когда во время второй пунической войны, в 214 году, в Сиракузах шла борьба между знатью, симпатизировавшей Риму, и менее зажиточными («массой»), эмиссары Карфагена Гиппократ и Эпикид сумели воспользоваться наличием большого количества рабов: им была дана свобода, и через них пуническая партия пришла временно к власти. [1] В такой же мере Ганнибал мог ожидать — с еще большим правом, — что сельских рабов легко поднять против него.

Ко времени восстания рабов 30-х годов обогатившийся за счет разграбления провинций римский нобилитет концентрировал, как уже сказано, все большие количества рабов на своих громадных полях. Процесс совершенно тот же, что и в Италии, разница лишь в том, что концентрация рабов в Сицилии началась раньше, чем в Италии. В Карфагене отдельные богачи имели до 20 000 рабов; очень вероятно, что такое же количество встречалось в крупных владениях на Сицилии. Поэтому нас не удивляет, что к 30-м годам, когда этот процесс еще усилился, рабы сумели собрать войско, сначала в 400, потом в 10 000, 20 000, а после удачных операций до 200 000 человек. Правда, вооружение было довольно плохое: топоры, серпы, острые окованные палки. Может быть, со временем оно улучшилось, особенно после завоевания крупных городов с арсеналом и разгрома римских войск. Сначала этническая рознь руководства восставшими (Клеон был из Киликии, Евн из Сирии) могла внушать опасения за единство движения, потом состоялось соглашение, приведшее к единому руководству Евна. Мне незачем останавливаться на вопросе о личности Евна: призма классовой ненависти, через которую видели его древние писатели, за которыми слепо

[1] Ливий, XXIII, 32.

тянутся современные историки, исказила его характеристику. В нем видели только шарлатана, который под конец своей деятельности «зазнался в своем счастьи и предался разгулу». Это дешевое обвинение. Никуда не годится и утверждение, что только Ахей, сподвижник Евна, обладал организаторскими способностями и держал в своих руках все движение. Факт такого продолжительного и успешного существования организации рабов, факт завоевания ими всей Сицилии и целый ряд в высшей степени интересных, продуманных мероприятий — говорят в пользу его. Если вождь рабов одновременно был магом и волшебником, то это следует расценивать не с нашей точки зрения, это нужно понимать, исходя из той единственной идеологии, идеологии религиозной, которую знали массы рабов того времени. Когда восстание окрепло, Евн принял титул царя и имя Антиоха. Как представлял он себе дальнейшие судьбы восстания? Рассчитывал ли он на окончательный и прочный успех? Как представлял он себе организацию того коллектива, который он возглавлял? Существует мнение, что рабы, освобождаясь от эксплуататоров, в лучшем случае могли вернуться к старой общине. Было ли это так? Евн принимал царский титул и имя представителя сирийской эллинистической династии, не думая об уничтожении рабства, как системы: он мечтал о смягчении эксплуатации, противопоставляя римско-карфагенской форме восточную, эллинистическую, несколько модифицированную форму. Рабства он не отменял, об отмене всякой эксплуатации он и не помышлял. Поля обрабатывали для господствующего слоя, т. е. бывших рабов, мелкие землевладельцы, вероятно, с использованием несвободного труда. Бывших угнетателей рабы уничтожали, но не как класс; действия по отношению к рабовладельцам определялись их прежним отношением к рабам: так, например, Дамофила, особенно ненавистного рабовладельца, убили, а дочь его пощадили; мотив — мягкое отношение к рабам. Когда рабы заняли город Энну, они вырезали всех эннейцев, за исключением тех, кто умел изготовлять оружие, так как в нем рабы очень нуждались. Пощаженные сами сделались рабами своих бывших рабов. Забота о вооружении и о сельском хозяйстве — это те мероприятия, которые засвидетельствованы нашими источниками. Мы знаем о созыве собрания, на котором между прочим решалась участь населения города Энны. Мы знаем, что рабство, как институт, продолжало существовать, знаем о существовании армии и личной охраны властителя. К сожалению, это и все организационные формы, которые засвидетельствованы. Несомненно, что необходим был еще целый ряд мероприятий и организаций для обеспечения длительного существования этого своеобразного государства. Любопытно одно мероприятие: для того, чтобы воспитывать шедшие за ним массы, Евн устраивал театральные представления, на которых он показывал рабам инсценировки, сцены из бывшей их жизни под сапогом хозяина. Не может быть сомнения, что эти представления не

должны были исключительно служить увеселению рабов (как пишут буржуазные ученые), но и воспитанию в рабах единой революционной воли. Если Евн щадил храмы и святилища Деметры, то и в этом следует видеть очень разумное мероприятие. Деметра была центральным божеством в земледельческой Сицилии. Разрушение храмов могло привести к столкновению между рабами и местным греческим населением, мелкими землевладельцами, к которым Евн относился, как я уже сказал, с большим вниманием. Для этого, однако, были и другие причины: местное свободное население, эксплуатируемое, недовольное своим положением, переходило на сторону повстанцев, действовало с ними заодно. Правда, по свидетельству Посидония, сохранившемуся у Диодора, эти слои разрушали значительно больше, чем это делали рабы.

Не может быть сомнения, что рабские восстания в Сицилии дали решающий толчок Тиберию Гракху при проведении реформ. Об этом свидетельствуют слова Аппиана,[1] который пишет, как Тиберий Гракх ссылался на пример рабских восстаний в Сицилии и указывал на опасности, возникающие из-за того, что рабы в руках римлян очень непрочная и опасная рабочая сила, все возрастающая на полях Италии. Кроме того, брат Тиберия, Гай Гракх, подробно описывает в сохранившемся у Плутарха месте,[2] как Тиберий Гракх проездом через Этрурию, направляясь к римским войскам, стоявшим в Испании у Нуманции, обратил внимание на пустующие земли Италии, на которых работали пришлые варвары-рабы в качестве пахарей и пастухов. Тогда впервые он задумал свои широкие реформы. Историки в недостаточной мере отметили, что взаимодействие двух моментов: состояние сельского хозяйства в Италии и наличие масс рабов-варваров, с одной стороны, и успехи классовой борьбы рабов в Сицилии, с другой (рабы тогда еще не были побеждены — осада Нуманции закончилась в 133 г., а рабская война в 132 г.), толкнули Тиберия на эти реформы. Но и в самой Сицилии после ликвидации восстания были проведены меры к обеспечению существования мелкого землевладения: leges Rupiliae — тоже результат классовой борьбы рабов.

Тот же 133 г. известен знаменитым восстанием Аристоника в Пергаме. Умерший в этом году царь Аттал оставил по завещанию свое царство Риму. Разумеется, этот акт Аттала связан с внутренней классовой борьбой, как можно заключить из аналогичного завещания 155 г., по которому Рим должен был получить Кирену, где внутренние раздоры приводятся как причина составления завещания.[3] По поводу деталей восстания Аристоника отсылаю опять-таки к Бюхеру или к статье Вилькена у Pauly-Wis-

[1] Аппиан, Гражданские войны, I, 9.

[2] Плутарх, Тиберий Гракх, 8.

[3] Wilcken, Das Testament des Ptolemaios von Kyrene vom Jahre 155 v. Chr. Sitz.-Ber. der Preuss. Akad. d. Wiss., 1932 г., стр. 317 сл.

sowa. В сущности, об этом движении мы знаем тоже довольно мало. Началось оно во всяком случае с восстания рабов, которое сумел возглавить Аристоник, претендент на пергамский престол. И это движение окрашено в религиозные краски. Аристоник хотел создать новое государство — граждан солнца. Аристоник дошел до некоторого теоретического уравнения свободных и рабов, которые в дальнейшем в одинаковой мере участвовали в восстании. Мы в точности не знаем, какое уравнение имел в виду Аристоник: интересно лишь то, что это культовое объединение, также как вакханалии, о которых была речь, как религиозные идеи Евна, как в конце концов христианство, имело антиримскую тенденцию. Интересно, кроме того, что в этом восстании в большей, может быть, мере, чем в первую сицилийскую войну, участвовали наряду с освободившимися рабами и свободные слои эксплуатируемых. Это было объединение всех недовольных, каждого по-своему, существующими порядками, вытекавшими из хозяйственной системы античности в преломлении эллинистической монархии — провинции Рима. Это была борьба в одинаковой мере и против Рима и за освобождение от рабства.

После подавления этого восстания в 129 г. прошло лет 25 относительного покоя. Лишь в 104 году начались новые движения, которые почти уже без перерыва продолжались вплоть до основания империи, захватывая даже первое время ее существования. Опять время крайне тяжелое для Рима: войны за юг Галлии (125 по 121), с царем Нумидии Югуртой (111 по 106), затяжная борьба с германскими племенами—кимврами и тевтонами (113 по 102) — основательно расшатали Римскую республику. С другой стороны, половинчатые попытки борьбы с разрастанием крупного землевладения, концентрацией рабов и обезземелением мелких землевладельцев, невозможность смягчения эксплуатации и улучшения бытовых условий рабов, связанных со всей системой античного хозяйства. На этот период падают восстания рабов в Кампании; их зарегистрировано несколько, небольших по количеству участников и непродолжительных. Первое восстание, около Нуцерии, охватило тридцать человек, второе, близ Капуи, объединило 200 человек, третье возглавлялось римским всадником Титом Веттием. [1] Диодор интересовался лишь романтической стороной этого движения. Дело в том, что Веттий влюбился в рабыню, купил ее в кредит и, не будучи в состоянии, несмотря на неоднократные требования, заплатить обещанное, вооружил четыреста рабов, а сам объявил себя царем. Восстание разрослось. Веттий сорганизовал разбитое на сотни войско и поставил во главе его раба Аполлония. Римлянам, выславшим против повстанцев войско, удалось подкупить Аполлония и подавить восставших. Здесь не интересен романтический мотив. Весьма возможно, что к Веттию

[1] Диодор, XXXVI, 13.

приложимо замечание Ленина о том, что рабы играли роль пешек в руках господствующих классов. Важно то, что рабы (едва ли здесь была инициатива Веттия) толкали вождя на то, чтобы назвать себя царем, т. е., разумеется, царем эллинистического типа. Опять, следовательно, освободительное движение связано с созданием царства. В это же время, в 104 г., возникают новые трудности, в которые Рим втягивается в связи с распространением своего владычества, с одной стороны, и рабскими движениями, с другой. [1] Когда в 104 году Марий подготовлял поход против кимвров, положение в Италии в связи с вымиранием крестьянства было таково, что пришлось обратиться к союзникам с требованием выделить вспомогательные войска. Царь Вифинии Никомед, к которому обратился Марий, отказался наотрез, указывая, что большинство вифинцев похищено римскими должностными лицами и работает в качестве рабов в римских провинциях, в частности в Сицилии. Это заявление вынудило римлян запретить порабощение свободных граждан союзнических государств. Включение в состав союзников, а потом в состав государства варваров той же этнической принадлежности, к которой принадлежали значительные массы рабов, в еще большей мере повлияло на положение последних во время Римской империи. Это обусловливало ряд законодательных мер по ограничению эксплуатации рабов, как, например, при Адриане. Историю рабства необходимо изучать с учетом этого момента. Но его я здесь развить не могу и напоминаю об этой проблеме лишь между прочим. В связи с ответом Никомеда пришлось срочно объявить об освобождении рабов-вифинцев. За несколько дней в Сицилии было освобождено 800 человек. Однако общее количество рабов-вифинцев в этой области было столь внушительным, что их освобождение тяжело отзывалось на благосостоянии крупных землевладельцев. Пришлось срочно приостановить дальнейшее освобождение. Разумеется, рабы, ждавшие освобождения, имевшие на него законное право, были крайне возмущены, и это возмущение переросло в восстание. Количественно рабы довольно скоро окрепли. Группа восставших дошла до 200 человек, но в связи с предательством присоединившегося к рабам и возглавившего восстание разбойника, которого подослал римский претор, первый фазис восстания довольно скоро был ликвидирован. Значительно шире разрослось это движение в дальнейшем. Сначала вспыхнуло восстание 80 рабов римского всадника Клония, однако в скором времени удалось объединить 6000 человек под предводительством мага Сальвия. Опять, следовательно, повстанческое движение получает религиозную окраску. Сальвий собрал организованное и вооруженное войско из 20 000 пеших и 2000 конных. Когда в западной части Сицилии, под руководством астролога Афиниона, поднялось еще несколько

[1] Holm, ук. с., т. III, стр. 114 сл.

десятков тысяч человек и повстанческие группы слились вместе, рабы представляли серьезную угрозу: в 103 году против высланного для покорения рабов римского претора Люция Лициния Лукулла выступило войско в 40 000 человек. Сальвий, как и Афинион до объединения с Сальвием и затем после его смерти, принял царский титул. Сальвий назвался Трифоном, связывая, таким образом, это движение с восстанием известного полководца Диодота-Трифона из сирийского города Апамеи, который в 145—144 гг. победил Деметрия II, царя из дома Селевкидов, провозгласил себя царем в 143 году, но был побежден Антиохом VII и лишил себя жизни в 137 г. до н. э. Трудно сказать, почему Сальвий-Трифон связывал свое движение с восстанием Диодота. Еще труднее решить, почему, с одной стороны, предшественник Сальвия Евн принял имя из династии Селевкидов, а, с другой стороны, Сальвий назвался именем действовавшего против династии полководца. Как бы там ни было, и здесь вождь рабов принял царский титул.

Длительность восстания (оно было ликвидировано лишь в 99 году) заставила повстанцев придумать организационные формы государственного порядка. Кроме сильного войска, у рабов существовали сенат и народное собрание. Однако Афинион пускал в ряды своего войска только наиболее сильных и выносливых рабов, остальных же заставлял работать на полях в интересах повстанцев же. Большое значение имело и здесь революционизирующее влияние, которое оказывали рабы на пауперизированных свободных, участвовавших в борьбе. Моменты несогласия в рядах рабов отчетливо выступали, когда рабы осаждали город Моргацию. Они пригласили всех рабов покинуть этот город, обещая им за это свободу. Историки высказывают иногда удивление, почему рабы своим собратьям-рабам могли обещать в случае перехода на сторону осаждающих свободу. Так, Хольм [1] находит, что подобное освобождение «само собой, казалось бы, разумеется». Историки, обычно, забывают, что эти рабские восстания не имели своей целью освобождение всех рабов, уничтожение рабского труда как такового: рабы-повстанцы сохраняли рабский труд при несколько смягченной форме эксплуатации и, как правило, освобождали лишь участников восстания. Однако моргантийцы обещали своим рабам то же самое и удержали их таким образом у себя в городе. Сначала рабы рассчитывали на то, что моргантийцы сдержат данное обещание, и согласились остаться у них. Позже, когда обещание не было сдержано, рабы вышли из города и присоединились к осаждавшим.

И второе сицилийское восстание было подавлено римлянами. Небольшой отряд рабов (под предводительством Сатира), в 1000 человек, сдался в последнюю очередь, под условием, что им будет оставлена жизнь. Их по-

[1] Holm, ук. соч., стр. 116.

слали в Рим для того, чтобы они в качестве гладиаторов выступали в цирке. Уже здесь мы видим связь, которая в дальнейшей истории классовой борьбы в Риме неоднократно играла недостаточно до сих пор отмеченную роль.

Одновременно со второй сицилийской войной рабов происходило второе восстание в рудниках Аттики. [1] В отличие от первого аттического движения оно продолжалось довольно долго. Рабы перебили надсмотрщиков и заняли крепость Суний. Во время этого восстания они опустошали ближайшие области, но, к сожалению, мы не знаем ни количества восставших рабов, ни длительности восстания, ни формы подавления мятежа. Полагают, что Лаврийские рудники тогда находились в упадке и что в связи с этим упала ценность рабов и ухудшилось их положение.

К этому же времени, наконец, приходится отнести и то восстание, о котором, по мнению С. А. Жебелева, говорится в надписи в честь Диофанта и которое разыгралось на территории Боспорского царства. [2]

Больших восстаний после 99 года до выступления Спартака мы не знаем. Однако очень опрометчиво было бы ограничивать влияние рабских движений на ход римской истории одними лишь крупными восстаниями. Вся дальнейшая история Рима развивается под сильнейшими толчками рабских движений. Возьмем для примера союзническую войну. В 90-м году вождь италиков Папий, заняв города Стабии, Салерн и др., освобождает рабов и принимает их в ряды своего войска. [3] То же самое делает Видалиций или Юдалиций, как его обычно называют, с рабами в городах Япигии, в Канузии и в Венузии. В 87 г. Цинна [4] обращается к рабам с призывом присоединиться к нему и обещает им свободу. Так же действовал Сулла, [5] так действовали все остальные. Историки до сих пор еще не сумели учесть значения рабов, как действующей силы в эпоху этих раздиравших всю Италию боев.

До сих пор еще не оценена роль рабов в движении Митридата на Востоке. Я не буду говорить о связи Митридата с повстанцами во время союзнической войны и участии его в других движениях на территории Италии. Я упомяну лишь два не использованных в достаточной мере свидетельства, относящихся к тому времени, когда Митридат завоевывал один греческий город за другим в восточной части Римской республики. Одно мы читаем у Аппиана, [6] другое, восходящее к Посидонию и Николаю

[1] С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 219.

[2] С. А. Жебелев, Первое революционное восстание рабов на территории СССР, Сообщения ГАИМК, 1933 г., стр. 35 сл. Восстание Дримака (Бюхер, ук. с., стр. 41 сл.) я оставлю в стороне, как мало ясное и не поддающееся точной датировке.

[3] Аппиан, Гражданские войны, I, 40; 47; 48.

[4] Там же, I, 315 и 343.

[5] Цицерон, Сулла, 15, 68.

[6] Аппиан, Война Митридата, 48.

из Дамаска, у Афинея[1]. Первое свидетельство объясняет нам быстрый успех Митридата при завоеваниях греческих городов Малой Азии. Он объявлял после занятия городов об уничтожении задолженности, включал метеков в состав граждан городов, а рабов освобождал. Другое свидетельство рассказывает о том, как Митридат, заняв остров Хиос, освободил рабов, а свободных сделал рабами и передал их бывшим рабам в собственность. Использовав стремление рабов к свободе, Митридат нанес Риму серьезный удар, который так сильно подорвал мощь республики.

Я не буду подробно останавливаться на восстании Спартака, так как оно послужит темой особой статьи. Отмечу лишь важные для наших обобщений черты. Цель восстания не единая, она меняется в связи с этнической рознью. Спартак намечает одну цель: выход из Италии, Крикс со своими германцами стоит за борьбу. Спартак изданием ряда декретов регулирует поведение рабов во время борьбы: запрещается разбой и опустошение селений, запрещается ввоз и употребление золота и серебра. Восстание Спартака привлекает на его сторону свободное малоимущее население из деревень. Особенно следует отметить большую организационную работу повстанцев по изготовлению оружия. К сожалению, мы плохо знаем связь Спартака с пиратами. До сих пор вопрос о пиратах очень мало изучен, и советской историографии следовало бы серьезно им заняться. Источники рассказывают, что Спартак сговорился с пиратами, чтобы они его переправили в Сицилию вместе со всем войском, но что пираты его обманули. Цель, почему Спартак хотел переправиться в Сицилию, в страну классических восстаний, о которых помнил весь античный мир, довольно ясна. Неудача, связанная с этой переправой, мне кажется, объясняется историками слишком односторонне: не в одной измене дело. Переправа представляла такие стратегические трудности, что она навряд ли могла быть успешной.

Влияние восстания Спартака на состояние Италии Ленин правильно характеризует следующими словами: «В течение ряда лет всемогущая, казалось бы, Римская империя, целиком основанная на рабстве, испытывала потрясения и удары от громадного восстания рабов, которые вооружились и собрались под предводительством Спартака, образовав громадную армию». [2] Лучше чем где-либо в этих словах отмечен громадный толчок, который — как мы постараемся доказать в дальнейшем — содействовал, в связи с другими потрясениями, переходу к монархической форме управления, к империи.

Не надо думать, что подавление восстания рабов в Сицилии потушило

[1] Афиней, VI, 266 e.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 371 сл. Ср. известный отзыв Маркса о Спартаке в письме к Энгельсу от 27 II 1871 г. Энгельс, Происхождение христианства. Маркс и Энгельс об античности, изд. ГАИМК, 1932 г., стр. 122).

огонь окончательно: из речей Цицерона против Верреса мы узнаем, что там и сям вспыхивали мелкие движения. Только жестокая расправа, которая закончила предыдущие движения, на долгие годы парализовала рабов и не давала мелким движениям принимать былые грандиозные формы. Но восстания все же происходили: так, в городе Триокала был обнаружен заговор среди рабов некоего Леонида; отмечены такие же заговоры среди рабов Аристодама из Аполлонии, Леонида из Имахары, Евменида из Галикий; всадник Матриний заплатил Верресу большую сумму денег, чтобы отделаться от предстоявших судебных разбирательств в связи с обнаруженной среди его рабов подготовкой бунта, то же самое сделал Аполлоний Гемин из Панорма и т. д. Вся история этого времени протекает на вулканической почве, и всякая борьба связана с вспышками этого вулкана и направляется ими. При особых обстоятельствах тому или иному деятелю удается ловко использовать эту стихийную силу, но наличие горючего материала и лябильное состояние сил подтачивало существование республики и составляло постоянную угрозу ее дальнейшей жизни. На этой же почве вырастают такие крупные движения, как заговор Катилины, вернее—без этой вулканической почвы он не был бы возможен. Ведь, что нас поражает в этом движении? Катилина находится в Риме. В руках Цицерона достаточное количество доказательств, чтобы его захватить, обезвредить, уничтожить. И все же Цицерон выпускает его из Рима, пускает его в лагерь к войскам, которые Катилина поведет против него же. В чем тут дело? А дело в том, что по всей Италии распространены заговоры рабов, которые не сегодня — завтра могут дать сильнейшую вспышку, слиться с движением плебса под руководством Манлия и Катилины, что обозначало бы катастрофу для Римской республики. Правда, Катилина не пользуется — по крайней мере вначале — сознательно услугами рабов, которые большими массами примыкают к нему со всеми теми, кто в социально-экономических условиях конца Римской республики потерпели крушение. Катилину неоднократно упрекали в том, что он пренебрегал услугами рабов. Его сподвижники мечтали о создании единой силы из варваров, деклассированных и рабов и вели большую подготовительную агитационную работу через вольноотпущенных среди ремесленников и рабов. Никогда за все время существования республики не удалось в такой мере консолидировать антирабовладельческие элементы, как при Катилине. Сам Катилина потому сопротивлялся этой консолидации, что видел в ней большую опасность для существования Римской республики. Рабские восстания были подготовлены в Капуе, в Апулии, в Пицензме и других местах. Были приняты самые энергичные меры к ликвидации этих заговоров, как мы узнаем из трактата Саллюстия о Катилине и из речей против него Цицерона. Особенно интересно, что были приняты меры для обезвреженния гладиаторов. Тут, кстати, несколько слов о них. Это была наиболее подготовленная

часть рабов, хорошо вышколенная в употреблении оружия, самая смелая, так как гладиаторы ежедневно рисковали жизнью. Гладиаторами пользовались для агитации среди рабов, для организации восстаний. Поэтому нам вполне понятно, что при подавлении заговора Катилины гладиаторов распределили по различным городам, смотря по степени многолюдности этих городов. Заговор Катилины — чрезвычайно важная и методологически интересная тема для историка. В 1865 г. появилась статья известного английского экономиста Бизли, посвященная Катилине, где последний изображается как революционер. Статья эта, несмотря на отмеченные ошибки, заинтересовала Маркса;[1] нам следовало бы заняться этой темой.

Нет возможности подробно останавливаться на всех свидетельствах о решающем влиянии рабских восстаний на гражданскую войну. Следует еще упомянуть о Сексте Помпее, сыне того Помпея, которого в истории называют Великим. Правильную оценку — очень драстическую — дал ему Маркс. Эдуард Мейер сделал попытку поставить его на высокий пьедестал.[2] В результате гражданской войны Секст Помпей[3] оказался за бортом и обосновался в Сицилии. Здесь собирались вокруг него все деклассированные, обедневшие, обездоленные, недовольные элементы Италии, сюда стекалось огромное количество рабов. В 42 году бегство рабов из Италии в Сицилию было до того велико, что хозяйство Италии испытывало сильные потрясения. Весталки произносили в связи с этим бедствием особые молитвы.[4] Помпей, правда, опирался не только на рабов; его войско, кроме рабов и выбитых из колеи римлян, состояло из громадного количества провинциалов: туда входили греки, испанцы, африканцы и др. Оккупация Сицилии угрожала Риму голодом, так как Рим в то время жил исключительно сицилийским хлебом и тем хлебом, который импортировался из Африки и Сардинии. Однако провоз через море был закрыт флотом Помпея. Последствием этого были голод и эпидемии в Риме. Помпей был очень популярен в Италии. Симпатии плебса были на его стороне. Помехой в снабжении считали врагов Помпея Октавиана и Антония, не желавших якобы восстановить Помпея в правах и помириться с ним. Под давлением народа были приняты шаги к примирению в 39 году, однако безрезультатно: после кратковременной передышки вражда возобновилась снова. Помпей заключил союз с морскими пиратами и вел себя агрессивно по отношению к Октавиану. Здесь невозможно подробно останавливаться на отдельных перипетиях борьбы, в результате которой Помпей был разбит. Самая жестокая расправа обрушилась на рабов: 30 000 человек, на-

[1] См. письмо Маркса к Энгельсу от 19 VIII 1865 г. О ней имеется еще упоминание в письме Маркса к Энгельсу от 18 I 1856 г.

[2] Ed. Meyer, Caesars Monarchia und das Prinzipat des Pompeius, Stuttgart, 1922 г.

[3] Holm, ук. соч., т. III, стр. 196 сл.

[4] Дион Кассий, 48, 19.

ходившиеся в войске Помпея, были возвращены бывшим владельцам или их наследникам. Когда таковых не оказывалось, рабов прибивали к кресту. Таким образом было распято 6000 человек по всем городам, откуда бежали рабы к Помпею. Следует особенно подчеркнуть, что Октавиан в знаменитой надписи, в которой он перечисляет свои подвиги, [1] называет эту войну войной с рабами, ни разу не упоминая имени Помпея. Это было одно из самых грандиозных восстаний рабов. Помпей, в конце концов, стоял лишь более или менее случайно во главе этого движения. Октавиан, впоследствии император Август, поборол это движение накануне организации Римской империи, как серьезнейшую попытку взорвать римское государство со стороны рабов при помощи «варваров», входивших в состав пиратов. Таково было положение дела накануне создания империи.

Что делали в Риме перед лицом такой опасности? Как реагировали господствующие слои общества на постоянное сотрясение почвы, на которой держалось здание Римской республики? Тут были всякие меры: стремление к ограничению землевладения (Гракхи), стремление не допускать концентрации рабов в большом количестве в одних руках (начиная с закона Лициния и Секстия), но все это, разумеется, лишь паллиативы. Паллиативами были, в конце концов, и неслыханно жестокие наказания повстанцев. Надо было подумать о создании новых организационных форм государства, более способных держать в повиновении бушевавшую стихию. Попытки к этому были самые разнообразные: от диктатуры Суллы до триумвиратов. Кстати о триумвиратах: это временная, чрезвычайная организационная форма, объединявшая иногда представителей враждовавших друг с другом прослоек общества, враждовавших партий. Что их объединяло, консолидировало? Где была та сила, которая заставляла триумвиров от времени до времени прекращать вражду между собой? Это были рабы. Это были рабы, которые заставили Рим переключиться на новую государственную организацию, на монархию, империю, более обеспечивавшую от случайностей. Империя—это те оковы, которыми первое время сдерживался напор врагов, внутри которых готовился переход к новому общественному строю, оковы, временно задерживавшие процесс ликвидации рабовладения с тем, чтобы подготовить зачатки нового общества: колонов и крупных землевладельцев, предшественников крепостных и феодалов.

Беспрерывные, вековые классовые бои рабов с рабовладельцами, тянувшие в свой водоворот свободное население, происходившие при тяжелых внешне-политических сотрясениях, ослаблявших государственный аппарат в связи с внутренней борьбой, классовые бои, объединявшие все, что было антирабовладельческого на территории Римской республики, и протекавшие в теснейшем контакте с окружавшими Рим варварскими племе-

[1] Monumentum Ancyranum.

нами, из которых происходили рабы, эти бои вызвали (наряду с другими причинами) концентрацию государственной власти, создание империи. Объективно, стало быть, они содействовали подготовке перехода общества к феодализму. Ненадежность раба, как рабочей силы, и опасность концентрации рабов, необходимость замены их колонами для спасения римского хозяйства — это та линия, по которой подготовлялся феодализм. В начале Римской империи были приняты меры к задержке процесса и к парализованию рабских движений. К таким мерам относится ограничение отпуска рабов на волю законом Элия и Сентия и другими законодательными актами. Закон этот запрещает не только включение преступных рабов после отпуска на свободу в состав граждан города Рима (им даже запрещалось пребывание в Риме); по этому закону отпускать на волю могли лишь те, кто достиг двадцатилетнего возраста, причем отпускаемые рабы должны были быть не моложе тридцати лет. Отпуск на волю должен был происходить в присутствии комиссии, с указанием причин, побуждающих отпускать на волю. Другой закон Фуфия (второй год до н. э.) определил ограничение отпуска рабов на волю по завещанию: из трех рабов можно было отпустить не более двух, из десяти — половину. Эти законы, несомненно, вызваны тем, что в рабах чувствовался некоторый недостаток, тем более, что при Августе их поступало меньше, так как эта эпоха почти не знала крупных войн. Это, стало быть, диктовалось стремлением сохранить рабовладельческую базу античного хозяйства, ту базу, которая таила в себе и гибель рабовладельческого способа производства. Первый век Римской империи — эпоха, когда усиливается подготовка к переходу к феодализму (создаются крупные поместья, появляются принудительные арендаторы — колоны), но наряду с этим происходит отчаянная борьба за сохранение рабской формы эксплуатации. Процесса нельзя было остановить, а борьбы рабов нельзя было подавить. Рабы не знали, куда они идут, у них не было партий, не было солидарности: поэтому они не могли сознательно изменить способ производства. У них была одна общая цель — избавиться от рабства, но каждый раб, каждая группа рабов понимали ее по-своему, смотря по происхождению, классовому, этническому, смотря по профессии и т. д. Самый простой способ освободиться от рабства, самый безболезненный — это получить волю в дар; но это было сравнительно редким явлением, учащавшимся, правда, к концу республики потому, что рабов держать стало невыгодно. Можно было откупиться на волю; но это упиралось в то затруднение, что было крайне трудно заработать нужные для этого средства. Можно было получить свободу путем участия в подавлении своих же собратьев-рабов: это практиковалось, как мы видели, нередко. Рабам обещали свободу, когда они выдавали своих братьев по классу. А так как солидарность у них была недостаточная, то такие обещания иногда имели успех. Рабов включали в войско,

обещая им свободу. Это делалось в экстренных случаях (например, Митридатом, Цинной, Гнеем Помпеем и др.) И на это рабы шли охотно. Можно было избавиться от рабства, уходя из общества: рабы организовывали шайки разбойников, являвшиеся страшной угрозой римскому государству, примыкали к морским пиратам, против которых Риму приходилось снаряжать целые экспедиции с крупным флотом и войсками. Раб мог убежать на родину: это практиковалось, но было делом крайне сложным и рискованным. Оставалось еще одно средство — средство отчаяния, единственное средство коллективного действия: восстание. Могло случиться, что руководитель восстания считал своею целью вывод повстанцев из Италии на родину. Но даже в том случае, когда, как у Спартака, цель эта была четко намечена, не удавалось ее достигнуть по той простой причине, что в крупном рабском коллективе этнический состав его был слишком разнороден, и если германцу и было интересно по выходе из Италии попасть в Германию, то сирийцу, также как и фракийцу и африканцу, там нечего было делать. В большом коллективе голоса разбивались еще потому, что одно бегство далеко не удовлетворяло всех: одни — как группа с Криксом во главе во время восстания Спартака — были за борьбу, другие против нее. Вот почему те восстания, о которых говорилось выше, имели такие разнообразные цели, среди которых иногда встречались и новые государственные образования восточно-эллинистического типа, с которыми рабы были знакомы еще на родине, до порабощения. Путь к феодализму был прегражден рабовладельческим римским государством — республикой, боровшейся за сохранение старого способа эксплуатации. Расшатать, поколебать это государство, — было делом прогрессивным, и в этом заключалась роль рабских движений.

Вот в каком смысле рассмотренные нами движения являются начальным этапом той революции рабов, которая «ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся», как определил характер этих движений вождь мировой пролетарской революции, завершающей борьбу за освобождение угнетенного класса и уничтожение классов, — тов. Сталин.

КАРЛ МАРКС И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров (XV—XVII вв.)[1]

Е. К. НЕКРАСОВА

Введение

Деятельность крупных купеческих домов Германии XV и XVI вв. представляет значительный интерес в связи с стоящей перед советской исторической наукой задачей изучения истории развития Германии в эпоху возникновения капиталистического способа производства в западной Европе. Однако полное и всестороннее исследование деятельности крупного торгово-ростовщического капитала в Германии XV — XVI вв. в данное время представляет собою задачу, неосуществимую для советского историка, поскольку разработка такой темы требует детального изучения архивного материала, находящегося за пределами СССР, главным образом в Германии, а также в Австрии, Испании, Голландии и т. д. Тем не менее актуальность данного вопроса для изучения основных проблем развития Германии, в частности проблемы «второго издания крепостничества», является достаточным основанием для постановки в советской исторической литературе вопроса о крупных купеческих домах Германии XV—XVI вв., тем более, что история деятельности этих купеческих домов уже в течение десятилетий служит для буржуазных, в особенности немецких, историков материалом апологии современного капитализма, а также претензий на гегемонию со стороны империалистической германской буржуазии.

Интерес немецких буржуазных ученых к истории крупных купеческих домов в Германии проявляется ярко в 90-х годах прошлого столетия,[2] причем объектом их исследования стала главным образом деятельность аугсбургского торгового дома Фуггеров, что естественно, поскольку Фуг-

[1] Данная статья является частью подготовляемой к печати специальной работы о Фуггерах.

[2] Правда, уже несколько ранее вышла специальная работа Добеля о деятельности Фуггеров в Тироле и Каринтии — F. Dobel, Ueber den Bergbau und Handel des Jakob u. Anton Fugger in Kärnten und Tirol (1495—1560), Augsburg, 1882 г.

геры были безусловно крупнейшими представителями германского капитала XV—XVI вв. В 1896 г. Рихард Эренберг выступил со своей двухтомной работой «Век Фуггеров», [1] в то же время Конрад Геблер (K. Häbler) выступил с рядом работ, посвященных Фуггерам и Вельзерам, а затем с начала XX в. в Германии начинает выходить специальная серия исследований о Фуггерах под редакцией Я. Штридера. Насколько мне известно, последней работой, вошедшей в состав так наз. «Studien zur Fuggergeschichte» было изданное в 1929 г. специальное исследование Шейермана о Фуггерах, как горнозаводчиках в Тироле и Каринтии. [2]

Таким образом, мы видим, что тот интерес, который появился в конце прошлого столетия у немецких буржуазных историков к Фуггерам, как к крупнейшему купеческому дому Германии конца XV и XVI вв., не ослабевал в течение десятилетий. Естественно возникает вопрос о том, что же вызвало и поддерживало данный интерес.

Достаточно определенный ответ на этот вопрос мы находим у Я. Штридера, который в одной из своих работ пишет: «В первых двух третях XVI в. южнонемецкие купцы, а среди них в качестве первых — Фуггеры, заняли положение корифеев в европейском торговом, промышленном и финансовом мире, положение, какого не было никогда до этого времени и никогда после него... Век Фуггеров мы тем самым можем назвать второй эпохой расцвета в истории немецкой экономики. Она закончилась с исходом последнего десятилетия XVI в., когда богатство благородных металлов Нового Света свело на нет значение европейского горного дела, в котором господствующее положение занимали немцы, когда государственные банкротства этой эпохи лишили немецких купцов большей части их капиталов. Остальное принесла нашему народному хозяйству несчастная Тридцатилетняя война. Она особенно, как и религиозная и политическая раздробленность нашего отечества вообще, была причиной того, что падение было столь глубоким и что эпоха его нового подъема до хозяйственной величины всемирноисторического значения наступила лишь спустя более чем полтора столетия. Начинающаяся этим третья эпоха расцвета в истории немецкой экономики относится уже к нашему времени, к XIX—XX вв. Она начинается в 50-х и 70-х годах XIX в. и кончается вместе с началом мировой войны в первые августовские дни 1914 года... Страницы этой работы расскажут о второй эпохе расцвета в истории немецкой экономики [первая эпоха по Штридеру — это эпоха Ганзы] — об эпохе Фуггеров; я мог бы сказать: об эпохе раннего немецкого капитализма (Frühkapitalismus). Ибо, если конец XIX и начало XX в. справедливо характеризуется как эпоха вполне развитого капитализма (die Zeit des vollausgebildeten Hoch-

[1] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, томы I и II, 1896 г.

[2] L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten, 1929 г.

kapitalismus), то конец XV и XVI столетий можно назвать эпохой развития мощного немецкого раннего капитализма, возглавлявшегося крупными южнонемецкими предпринимателями». [1]

Я считала необходимым привести эту сравнительно длинную выдержку потому, что она, во-первых, дает объяснение имеющемуся у немецких буржуазных историков интересу к крупному купеческому капиталу в Германии XV—XVI вв. и в особенности к Фуггерам и, во-вторых, раскрывает самую сущность взглядов этих историков на данную эпоху и роль крупных немецких купеческих домов.

В конце XIX в. Германия переживала такой быстрый подъем, какой только возможен в силу действующего в эпоху империализма закона неравномерного развития. Этот подъем сделал Германию одной из сильнейших империалистических держав, что, естественно, порождало повышенное национальное самосознание у германской буржуазии (да и не только у нее, а даже у значительной части трудящихся масс, которые не могли освободиться от плена буржуазной идеологии). Эти буржуазно-националистические тенденции получили яркое отражение и в исторической литературе. Ими объясняется то, что внимание немецких историков устремилось в тот период прошлого, когда Германия также играла в западной Европе значительную роль, а именно XV—XVI вв., когда немецкий торговый капитал имел международное значение. «Несчастная Тридцатилетняя война», говорит Штридер, положила конец второй эпохе расцвета Германии; мировая война была концом третьей эпохи расцвета. Немецкая империалистическая буржуазия надеется вернуть себе утраченное положение, и немецкие буржуазные историки, выражая мечты своего класса о четвертой эпохе расцвета, продолжают усиленно изучать «вторую эпоху расцвета» — XV—XVI века.

Какой же представляется им данная эпоха? На это мы опять-таки находим ответ у Штридера: это эпоха раннего капитализма. Фуггеры и другие крупные купеческие дома Аугсбурга — крупные капиталистические предприниматели, промышленные предприниматели. Термин «Grossindustrielle» мы нередко встречаем у этих историков в применении к Фуггерам. Мнение, будто Германия XV—XVI вв. переживает эпоху раннего капитализма, не единоличное мнение Штридера, — это концепция всех буржуазных исследователей, занимавшихся данным вопросом, но никто из них, пожалуй, не высказал ее яснее, чем Штридер.

Таким образом, если немецкие историки обращаются к изучению эпохи XV—XVI вв., выражая настроения и надежды *немецкой* буржуазии, то в трактовке самой эпохи и роли немецких купеческих домов они верные выразители взглядов и настроений *империалистической буржуазии в*

[1] J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, Leipzig, стр. 1—3 (год издания не указан).

целом. Концепция «раннего капитализма» по существу концепция извечности капитализма, которая нужна буржуазии в эпоху всеобщего кризиса капитализма. Методологически Штридер и остальные участники «Fuggerstudien» стоят на тех же позициях, что и Альфонс Допш, являющийся наиболее ярким выразителем этой буржуазно-апологетической тенденции в настоящее время. [1]

Если Допш, как это видно из последней его большей работы, [2] занят тем, чтобы насколько возможно «научно» обосновать свою концепцию непрерывного развития капитализма, его изначальность, то Штридер, М. Янсен и другие по конкретному вопросу — по экономической истории Германии XV—XVI вв. — дают, с своей стороны, материал для этого обоснования. Особенно широкое обоснование пытается дать Я. Штридер. Не говоря уже о том, что этой цели служат его специальные работы о Фуггерах и других аугсбургских купеческих домах, он в большой работе по истории развития монополистических форм хозяйства [3] изучает средневековые монопольные компании для того, чтобы эти монополии отожествить с современными монополиями, т. е. для того, чтобы полностью стереть различие между эпохой империализма и эпохой промышленного капитализма и, более того, основную черту, характеризующую империализм, распространить на эпоху, когда не было еще и капитализма.

Такова методологическая основа и классовая сущность тех работ, которые посвящены изучению крупного купеческого капитала Германии XV—XVI вв. и, в частности, торгового дома Фуггеров.

Вопрос о том, какую роль играл торгово-ростовщический капитал в конкретных условиях Германии XV—XVI вв., насколько обоснованы утверждения Я. Штридера, М. Янсена и других немецких буржуазных историков об исключительно прогрессивной роли крупных купеческих домов Германии в данную эпоху, требует для ответа на него разрешения следующей проблемы: насколько у этих крупных купеческих домов мы наблюдаем тенденцию к внедрению капитала в само производство, насколько промышленная их деятельность была ведущей стороной их общей деятельности?

Не имея возможности заняться исследованием деятельности германского капитала XV—XVI вв. в целом (ввиду значительного объема и сложности задачи и отсутствия необходимых источников), я ставлю своей задачей рассмотреть этот вопрос на том материале, которым главным образом

[1] Общность методологических установок не означает, конечно, *заимствования* Штридером и других установок Допша.

[2] A. Dopsch, Naturalwirtschaft und Geldwirtschaft in der Weltgeschichte, 1930 г.

[3] J. Strieder, Studien zur Geschichte Kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle u. Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, 1925 г., 2-е изд.

и пользовались немецкие буржуазные историки, — на материале о деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров, как бесспорно крупнейших представителей германского капитала XV—XVI вв.

1. Общий обзор деятельности Фуггеров

Основной задачей является изучить те стороны деятельности торгового дому Фуггеров, которые фактически содержали или могли содержать в себе элементы промышленной деятельности (т. е. те моменты, которые для немецких буржуазных историков служат главным обоснованием характеристики Фуггеров, как промышленных капиталистов, обоснованием их прогрессивного влияния на экономику Германии). Однако важно не только установить факт проникновения капитала Фуггеров в производство и исследовать формы этого проникновения, но прийти к определенному выводу о том, какое именно место занимала производственная деятельность в общей деятельности Фуггеров, какова линия развития данного торгового дома, насколько эта линия шла в направлении превращения Фуггеров в промышленных капиталистов. Поэтому было бы совершенно неправильным ограничиться исследованием тех сторон деятельности Фуггеров, которые связывали их более или менее тесно с производством. Следует отметить, что такой метод исследования деятельности Фуггеров применялся буржуазными учеными. Однако такое одностороннее изучение деятельности Фуггеров неизбежно приводит к тому, что производственная сторона ее выдвигается на первый план и возможность оценки ее значения в общей деятельности торгового дома теряется. Естественно, что данный метод исследования был применен частью буржуазных историков, желавших обосновать свою оценку Фуггеров, как промышленных капиталистов по преимуществу. Для того же, чтобы правильно подойти к поставленной проблеме о характере капиталистической деятельности Фуггеров, необходимо проследить в основном ход развития данного купеческого дома в целом.

Несомненный интерес представляет начальный период деятельности торгового дома Фуггеров, процесс самого возникновения его. Все исследования сходятся на том, что Фуггеры не принадлежали к числу старых патрицианских семей Аугсбурга. Известно, что в 1367 или в 1368 году (данные о точной дате расходятся) Ганс Фуггер, ткач, вырабатывавший плисовую ткань (Barchentweber), переселился в Аугсбург из деревни Грабен (Швабия). [1]

[1] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, 1896 г., т. I, стр. 85; K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, 1897 г., стр. 1; J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, 1904 г., стр. 171; A. Schulte, Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland u. Italien mit Ausschluss von Venedig, 1900 г., т. I, стр. 648, — ср. Siebmachers grosses und allgemeines Wappenbuch, т. I, часть 3, серия 1, стр. 21.

К сожалению, мы не располагаем данными о деятельности Фуггеров на родине, равным образом мы не знаем суммы состояния Ганса Фуггера в момент его переселения в Аугсбург. Эти вопросы вызывали большие споры между буржуазными исследователями. Если Р. Эренберг совершенно не касается этих вопросов, то А. Шульте, В. Зомбарт [1] и К. Геблер высказываются за то, что состояние Ганса Фуггера уже было значительным, а Я. Штридер категорически высказывается против такого мнения. «Я полагаю, — пишет он, — что он [Ганс Фуггер. *Е. Н.*] был одним из тех многих деревенских ткачей (Gauweber), которые жили вокруг Аугсбурга и старались посредством ремесленной деятельности повысить небольшие доходы, который приносил им их ничтожный земельный участок. Поскольку он был прилежен и ему благоприятствовало счастье, он, вероятно, пришел к мысли, что в самом Аугсбурге условия для производства лучше и выгоднее, чем в Грабене». [2] В качестве единственного доказательства своего утверждения Штридер приводит тот факт, что Ганс Фуггер, переселившись в Аугсбург, вступил в цех ткачей, а не купцов. Ту же мысль Штридер развивает в другой своей работе, специально посвященной Фуггерам, [3] где он пишет следующее: «Когда с сильным развитием плисового производства в южной Германии стал необходим значительный ввоз хлопчатой бумаги через Венецию, то в Гансе Фуггере пробудился коммерческий талант. В то время, как многие из его сотоварищей как в городе, так и в деревне попадали все в большую зависимость от предприимчивых аугсбургских купцов, занимавшихся импортом хлопчатой бумаги и экспортом готового плиса, путь Ганса Фуггера шел вверх. Он сам ввозил хлопок из Венеции и сбывал свой плис, а также продукцию менее предприимчивых мастеров (die Produkte weniger unternehmungslustiger Mitmeister)».

Если в высказываниях Я. Штридера мы имеем, с одной стороны, типично-буржуазную трактовку возникновения капиталиста благодаря предприимчивости, то, с другой стороны, представляет интерес указание Штридера на то, что Ганс Фуггер начал с того, что занимался сбытом продукции как своей, так и других мастеров. Так как, однако, это указание не подкрепляется им соответствующей основанной на источниках аргументацией, то считать данное положение установленным, конечно, не представляется возможным, тем более, что каких-либо подтверждений этого момента мы не встречаем в других исследованиях. Аналогично обстоит дело и в отношении того, что сообщает Шульте о Гансе Фуггере до его переезда в Аугсбург: «Тот Ганс уже не был, конечно, таким ткачом, который работал у ткацкого станка один с своей женой; мы можем предполагать уже довольно значительное количество подмастерьев (Gesellen) и торговое

[1] W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, 1902 г., т. I, стр. 305.
[2] J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, стр. 176.
[3] J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 54—55.

дело». [1] Но и Шульте не приводит удовлетворительных доказательств своей точки зрения. Несколько иначе обстоит дело с исследованием К. Геблера. Касаясь вопроса о степени состоятельности Ганса Фуггера (а мнение его сводится к признанию Ганса Фуггера сравнительно состоятельным), К. Геблер, основываясь на семейных хрониках Фуггеров, указывает, что уже после двухлетнего пребывания в Аугсбурге Ганс Фуггер женился «на Кларе Видольф, дочери уважаемого и состоятельного бюргера города; принесенное ею приданое дало ему средства для дальнейшего подъема своего предприятия». Второй брак, заключенный Гансом Фуггером в 1382 г. с Елизаветой Гефаттер, дочерью одного из членов аугсбургского городского совета, как указывает Геблер, является дальнейшим подтверждением состоятельности Ганса Фуггера. [2]

То, что Ганс Фуггер в Аугсбурге вел уже значительную торговлю предметами, имеющими отношение к ткацкому ремеслу, подтверждается всеми исследователями истории Фуггеров.

Из всех этих далеко неполных и довольно противоречивых данных можно с уверенностью сделать лишь следующий вывод: Ганс Фуггер, переселившийся в 1367 или 1368 г. в Аугсбург из швабской деревни Грабен, был ткачом, сравнительно состоятельным и занимавшимся в значительных размерах торговой деятельностью.

Небезынтересно остановиться на вопросе, почему Я. Штридер (по существу единственный из крупных буржуазных историков) столь энергично протестует против признания состоятельности Ганса Фуггера в момент его переселения в Аугсбург. Я. Штридер полемизирует непосредственно с Зомбартом. Надо сказать, что все исследование Штридера о генезисе современного капитализма направлено против теории Зомбарта о возникновении капитала из накопления возраставшей городской земельной ренты. Зомбарт в основном доказывал свою точку зрения тем, что именно из среды городского патрициата выходили представители крупных купеческих домов. На вопросе о происхождении капитала Фуггеров Зомбарт был вынужден остановиться особо, поскольку о Фуггерах определенно известно, что они не принадлежали к аугсбургскому патрициату. Штридер считает, что утверждение Зомбарта о наличии у Ганса Фуггера сравнительно значительного состояния, накопленного в деревне, преследует цель отнести это состояние также за счет накопления земельной ренты, но не в городе, а в деревне, чем бы не нарушалась концепция Зомбарта. Поэтому Штридер не считает возможным согласиться с Зомбартом.

В противовес Зомбарту Штридер утверждает, что именно в ремесле и

[1] A. Schulte, Neues über die Anfänge der Fugger. Beil. zur «Allgem. Zeitung», 1900 г., № 118.

[2] K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 1—2; ср. Siebmachers grosses und allgem. Wappenbuch, т. I, ч. 3, серия 1, стр. 21—22.

мелкой торговле постепенно накоплялся капитал. «По нашему мнению, — пишет он, — современный капитализм развивался в течение долгого-долгого времени из соединения старого производства (ремесла) и старой торговли (так сказать, торговли ремесленного типа)».[1] По Штридеру, «ремесленники, одаренные коммерческими способностями, которым улыбалось счастье и которые сумели заставить это счастье служить себе»,[2] стали капиталистами. Другими словами, естественный мирный процесс, не связанный с эксплуатацией и насилием, но происходивший не *вне* производства, как у Зомбарта, а в самом производстве и отчасти в мелкой торговле, благодаря предприимчивости и другим личным качествам отдельных горожан, создал капитал. Та же апология капитализма, но другими методами. Не случайно Штридер ссылается на Поле, который в качестве примера накопления капитала благодаря талантливости и бережливости приводит заводы Круппа, выросшие из мелкого ремесленного производства.[3]

Установить точно, когда Фуггеры порывают связь с ремеслом, не представляется возможным. Все исследователи отмечают, что торговая деятельность их все более заслоняла собой деятельность ремесленную, что уже сыновья Ганса Фуггера лишь номинально были членами цеха, но ремеслом не занимались, а вели через Венецию крупную торговлю тканями и пряностями, как это делали обычно крупные купеческие дома Аугсбурга. Начиная уже с Якова II Фуггера (1473 г.) всякие указания на связь Фуггеров с ремеслом прекращаются; Эренберг же особо отмечает, что уже сыновья Ганса Фуггера сами не занимались ремеслом. Даже Штридер, который больше других буржуазных исследователей оттеняет связь Фуггеров с ремеслом, признает, что уже Яков I Фуггер (ум. в 1469 г.), бывший видным членом цеха ткачей (а по некоторым сведениям даже его старшиной), по существу ничего общего с ремеслом не имел.[4]

На основании данных, которые имеются в нашем распоряжении и которые не вызывают сомнений, может быть сделан вывод, 1) что до конца 80-х годов XV в. Фуггеры вели главным образом торговли шерстяными и шелковыми тканями, а также пряностями; 2) что к 70-м годам XV в. они во всяком случае непосредственную связь с ткацким производством потеряли.

Конец 80-х годов XV в. вносит новый момент в деятельность Фуггеров. По данным как семейной хроники, составленной Гансом Яковом Фуггером,[5] так и всех исследований о Фуггерах (в этом вопросе расхож-

[1] J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, стр. 229.

[2] Там же, стр. 227.

[3] Pohle, Rezension des Sombartschen Werkes. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III серия, 26 т., 3 тетр., стр. 356 сл.

[4] J. Strieder, Zur Genesis des modernen Kapitalismus, стр. 177.

[5] Hans Jakob Fugger. «Gehaim Ernbuch des Fuggerschen Geschlechtes», 1546 г.

дения между историками нет), последние в конце 80-х годов XV в. начинают заниматься самостоятельными денежными операциями и горным делом. Семейная хроника пишет, что Яков II Фуггер (так наз. Jakob Fugger der Reiche) занялся «большими и более выгодными делами — вексельным делом и рудниками».[1] К концу 1487 и 1488 гг. относятся первые крупные денежные сделки Фуггеров с Сигизмундом Тирольским, причем обеспечением данных Сигизмунду ссуд служила продукция швацких рудников (Тироль). С 90-х годов Фуггеры стали участвовать в разработке рудников в Венгрии. В 1498 г. они вместе с другими купеческими домами образовали монопольную компанию по сбыту меди.

Если первые значительные ростовщические операции Фуггеров начинаются с Сигизмундом Тирольским, то после того, как Тироль перешел к Максимилиану, Фуггеры становятся основным торговым домом, связанным с Габсбургами по линии ссудных операций. Эта связь проходит красной нитью через всю последующую историю деятельности Фуггеров. Не ставя себе совершенно задачу дать исчерпывающие фактические данные о ростовщических операциях Фуггеров по отношению к Габсбургам (перечень ссуд, данных Габсбургам более чем за сто лет, был бы чрезвычайно громоздким, да он ничего и не дал бы для существа данного совершенно ясного вопроса), укажу на некоторые ссуды, наиболее ярко показывающие тесную связанность интересов Фуггеров с Габсбургами и политическую роль, которую Фуггеры играли в Германии XV—XVI вв.

Таковы все ссуды, данные Габсбургам во время итальянских походов, ссуда в 543 тысячи флоринов, данная Карлу V при избрании его на императорский престол (эта ссуда равнялась примерно половине всего имевшегося в то время у Фуггеров капитала), ссуды, предоставленные во время крестьянской войны, а также во время Шмалькаденской войны, ссуда 1576 г. на подавление восстания в Нидерландах и т. д. Наряду с этим следует подчеркнуть и систематические связи Фуггеров с римской курией и церковью вообще. В частности, как на наиболее яркий момент, здесь необходимо указать то, что продажа индульгенций, послужившая поводом к выступлению Лютера, была предпринята для погашения Альбрехтом Майнцким своего долга Фуггерам.

Если к более значительным ростовщическим операциям Фуггеры перешли около 90-х годов XV в., то в течение конца XV в. и первой трети XVI в. ростовщические операции, занимая весьма значительное место в общей деятельности торгового дома, не заслоняли еще собой других сторон этой деятельности, в частности торговли.

Что же касается самой торговли, то к XVI в. два рода объектов ее все более выдвигаются на первый план. Если Фуггеры первоначально тор-

[1] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 89.

говали главным образом предметами, имеющими отношение к ткацкому ремеслу, то в дальнейшем все большее место начинает занимать торговля металлами и пряностями.

История участия Фуггеров в колониальной торговле подробно еще не разработана. Те историки, которые занимались вопросом о колониальных предприятиях немецких купеческих домов, в частности К. Геблер, свое главное внимание сосредоточили на деятельности Вельзеров, как занимавших первое место в немецкой колониальной торговле данной эпохи. Для наших целей в данном случае важно не подробное изложение истории колониальной деятельности Фуггеров, а то, к какому периоду существования торгового дома Фуггеров относится участие их в колониальной торговле.

Как известно, в 1503 и 1504 гг. Вельзеры вместе со своими компаньонами заключили договор с португальским королем Эммануилом, предоставлявший данной компании известные права участия в торговле с колониями. Эти права затем были распространены и на другие немецкие купеческие дома. В 1505 г. при отправке флота в Ост-Индию ряд немецких купеческих домов, в том числе и Фуггеры, принял участие в финансировании экспедиции.

Естественно, что Фуггеры и другие немецкие купеческие дома пытались включиться непосредственно в колониальную торговлю через Испанию, возможность чего, как казалось, представлялась после избрания Карла I Испанского германским императором. Соображения об использовании связей с испанским правительством для колониальной торговли, несомненно, должны были играть значительную роль в определении политики немецких купеческих домов при борьбе Карла I и Франциска I за императорский престол.

Известно, что Фуггеры принимали участие в двух экспедициях, посланных из Испании на Молуккские острова в 1525 г.; от участия в проектировавшейся третьей экспедиции Фуггеры воздержались, так как к 22 апреля 1529 г. между Испанией и Португалией было заключено соглашение, по которому Карл V отказывался от претензий на эти острова, за что он должен был получить от Португалии 350 тысяч дукатов. Но после того, как в 1530 г. один из кораблей, посланных в 1525 г. на Молуккские острова, возвратился из экспедиции, Фуггеры снова обратились к Карлу V с предложением организовать большую экспедицию сроком на 12 лет для открытия и исследования новых островов и побережья американского матетерика.

Предложение Фуггеров было принято, однако к осуществлению экспедиционного проекта Фуггеры так и не приступили. [1]

[1] Об участии Фуггеров в молуккских экспедициях см. K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 45—71; J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 96—97.

В конце XVI в. мы знаем еще одну попытку Фуггеров, сделанную совместно с Вельзерами для того, чтобы включиться в колониальную торговлю (1586—1591). Предприятие это было неудачным (на нем, в частности, отразилась война между Испанией и Англией), и результатом его для Фуггеров был никогда в дальнейшем не погашенный долг испанского короля в размере 29 725 дукатов, не считая других убытков. [1]

Если ко всему указанному присоединить еще тот факт, что в 1531 г. мы встречаем фуггеровского фактора в Юкатане, [2] то этим исчерпываются все известные нам данные о попытках Фуггеров включиться непосредственно в колониальную торговлю. Все эти данные почти исключительно (кроме предприятия 1585—1591 гг.) относятся к первой трети XVI в. Лиссабонское представительство Фуггеров было ликвидировано в 1558 году. [3]

Наряду с торговлей пряностями в деятельности Фуггеров первой половины XVI в. большое значение имеет торговля металлами; при этом в отличие от всех других объектов торговли металлы остаются основным предметом торговли во всей последующей деятельности Фуггеров.

В двадцатых годах XVI в. Фуггеры завязывают прочные связи с Испанией; эти связи не только не ослабевают в дальнейшем, а, наоборот, все более и более усиливаются, так что последний период истории торгового дома Фуггеров, относящийся уже к XVII в., характерен тем, что преобладающая часть его капитала была вложена в Испании. В 1525 г. Фуггеры впервые получили на откуп доходы «маэстразгос» сроком на три года; затем после некоторого перерыва «маэстразгос» находились в руках у Фуггеров в 1538—1542 гг., 1547—1550, 1551—1554, 1563—1572, 1573—1582, 1583—1594 и с 1595 г. до конца существования торгового дома. [4] С 1526 года с перерывом в 1550—1562 гг. Фуггеры производили разработку ртутных рудников в Альмадене.

Первая половина XVI в., таким образом, является таким периодом в истории торгового дома Фуггеров, когда деятельность его носила наиболее разносторонний характер. Попытки включиться непосредственно в колониальную торговлю, крупная международная торговля (металлами и пряностями, частично торговля предметами текстильного производства), разработка рудников, откупные и чисто ростовщические операции — вот содержание деятельности торгового дома в первой половине XVI в., при-

[1] K. Häbler, там же, стр. 226—231; Dobel, Ueber den Pfefferhandel der Fugger und Welser 1586—1591, Zeitschr. des Histor. Vereins für Schwaben u. Neuburg, т. XIII, стр. 125 сл.

[2] Лампрехт, История немецкого народа, 1896 г., т. III, стр. 339—340.

[3] K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 38.

[4] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 114; Häbler, там же, стр. 72—90; по вопросу о периодах откупа маэстразгос между Эренбергом и Геблером имеется небольшое расхождение.

чем операции ростовщического характера, приобретая относительно и абсолютно все большие размеры, в этот период еще не заслоняют собой полностью остальных сторон деятельности Фуггеров.

В 1546 г. Фуггеры с одной стороны ликвидируют свои предприятия в Венгрии, где они начиная с 1495 г. принимали непосредственное участие в горном деле, а с другой — организуют специальный филиал, который должен был ведать всей деятельностью Фуггеров в Тироле и Каринтии (здесь Фуггеры с 1522 г. также были непосредственно собственниками рудников и плавилен). Так наз. «Tiroler-Karntner Handel» был официально совершенно самостоятельным торговым домом. Капитал, выделенный для его организации аугсбургским торговым домом так наз. «Antoni Fugger e nepoti», составил 461 410 $^{7}/_{8}$ флорина, и вновь организованный торговый дом считался должником аугсбургского дома на данную сумму. [1] Небезынтересно сопоставить начальный капитал нового торгового дома с общим капиталом Фуггеров. Капитал аугсбургского торгового дома составлял в 1546 году 5 111 883 флорина; [2] таким образом, если для новой организации было выделено 461 410 флоринов, то это означало, что для деятельности в области горного дела в Германии была выделена примерно 11-я часть всего капитала Фуггеров.

Мы подошли в нашем обзоре к 50-м годам XVI в., к концу эпохи внешнего расцвета торгового дома Фуггеров, к моменту, когда у самих Фуггеров возникает мысль о необходимости ликвидации дела. В двух своих завещаниях, относящихся первое к 22 марта 1550 г. и второе к 11 июня 1560 г., Антон Фуггер, тогдашний глава торгового дома, пишет, что если он ранее надеялся, что его племянники последуют его стопам и станут купцами, то теперь он убедился в отсутствии у них всякой склонности к этому делу, а поэтому в согласии с ними он решил пойти на ликвидацию дела.[3] Было бы, конечно, совершенно неправильным считать данное высказывание Антона Фуггера за изложение действительной причины принятого решения, да и сам Фуггер в своем завещании указывает и на другой, гораздо более существенный момент. Он пишет: «Ввиду постоянных военных действий дела сложились настолько затруднительным образом, что мы не только не можем довести до конца наших торговых дел и вернуть себе находящиеся в долгах суммы, но мы были вынуждены также для того, чтобы служить императору и королю, больше давать в долг, сами занимать деньги и войти в долги».

И это данное Антоном Фуггером объяснение, конечно, также не является исчерпывающим; оно затрагивает только одну сторону вопроса,

[1] L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Kärnten und Tirol, 1929 г., стр. 16.

[2] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 145.

[3] Там же.

не беря его в целом. Но для нас в данном случае важно подчеркнуть одно: то, что в средине XVI в. сами Фуггеры вынуждены прийти к решению о необходимости ликвидации дела.

Последующая история торгового дома Фуггеров представляет собою процесс, характеризующийся следующими основными моментами:

1) Из всей многосторонней в свое время деятельности Фуггеров сохраняются только ростовщические операции, которые становятся основными, и участие в горном деле. Но горное дело приходит все более в упадок (как это мы увидим дальше);[1] вместе с тем вложения в горное дело незначительны по сравнению с суммами, вложенными в чисто денежные операции.

2) Денежные операции Фуггеров начиная с 60-х годов XVI в. проводятся в основном уже не столько за счет собственных капиталов торгового дома, сколько за счет заемных средств. Это является, с одной стороны, результатом невозможности освободить вложенные в ссуды капиталы и необходимости прибегать к займам не только для покрытия своих очередных платежей, но и для дачи дальнейших ссуд, которых требуют Габсбурги, с другой же стороны это объясняется тем, что сами Фуггеры изымают свои капиталы из дела и таким образом сами подрывают денежную базу торгового дома.

3) Центр тяжести деятельности Фуггеров определенно переносится в Испанию: испанские государственные банкротства и повлекли за собой ликвидацию торгового дома Фуггеров, начавшуюся в 1644 г. и затянувшуюся на десятилетия. Однако, как мы увидим в дальнейшем, было бы неправильно считать, что только государственные банкротства были причиной гибели Фуггеров, как капиталистов.

Все эти моменты мы с достаточной ясностью можем проследить по балансам Фуггеров, к рассмотрению которых я и перехожу.

Первый сохранившийся баланс Фуггеров относится к 14 февраля 1511 г.[2] Этот баланс интересен тем, что он показывает исключительную крепость торгового дома: денежную основу его составляют исключительно его собственные средства. Общая сумма актива — 245 463 флорина — равняется сумме вложенных капиталов со стороны Фуггеров. После распределения между участниками 48 672 флор. капитал торгового дома, с которым он продолжал дальнейшую деятельность, составил 196 791 флор.

К концу 1527 г.[3] капитал торгового дома возрос до 2 021 202 флор., т. е. возрос за 17 лет на 927%, или в среднем приносил годовую прибыль в размере $54^1/_2\%$. Конечно, при пользовании данными цифрами необходимо учесть изменение покупательной способности денег, но и с известными поправками темп роста капитала Фуггеров представляется значительным.

[1] См. гл. «Участие Фуггеров в горном деле».

[2] Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 119.

[3] Там же, стр. 122—124.

Из общего актива баланса, составлявшего 3 миллиона флоринов (цифры округлены), долги Фуггерам по данным ими ссудам составляют 1 650 000 флор.; из этих долгов следует отметить: 1) долг короля Фердинанда в 711 619 флор. (главным образом непогашенная ссуда 1519 г.) и 2) долг папы, составлявший 20 958 флоринов. Обращает на себя внимание то, что по испанским операциям превышение актива над пассивом составляло 170 тыс. флор., сумму сравнительно небольшую. Это показывает, что сумма платежей, которые сами Фуггеры должны были произвести по различным операциям в Испании, лишь на 170 тыс. флор. была меньше суммы, подлежавшей уплате им (всего актив по этой статье составлял 507 тысяч флор.).

По отношению к трехмиллионному активу сумма непогашенных ссуд (1 650 000 флор.) составляла 55%, вложения в горное дело — 270 тыс. флор. — 9% (в Венгрии 210 тыс., в Тироле 60 тыс.); счет товаров по активу значится в сумме 380 тыс. флор. (12,7% всего актива); стоимость земельных владений — 127 тыс. флор. (общая же стоимость недвижимого имущества — 150 тыс. флор.). Пассив составлял в общем только 870 тыс. флор., что при наличии актива в 3 миллиона флоринов показывает исключительно крепкое состояние дел торгового дома. [1]

Баланс 1527 г. свидетельствует о том, что к данному времени Фуггеры уже стали развивать в широких размерах денежные операции. Однако в этот период существования торгового дома выданные ссуды в большинстве своем были достаточно твердо обеспечены (напр., ссуда 1519 г. была обеспечена доходами маэстразгос, дававшими значительную прибыль), и операции торгового дома были основаны почти исключительно на собственном капитале. Векселей к оплате имеется всего на сумму 290 тыс. флор. при собственном капитале торгового дома, превышавшем 2 миллиона флоринов.

Из товаров, проходящих по балансу, основным была медь (200 тыс. флор. при 380 тыс. флор. общей суммы счета товаров по активу). То, что товары по отношению к общей сумме актива составляют лишь 13%, не может, конечно, считаться показателем незначительности торговых операций Фуггеров, поскольку товарная наличность к моменту составления баланса не определяет размера торговых операций; более правильным методом определения удельного веса торговых операций в общей деятельности торгового дома являлось бы такое определение, которое исходило бы из общей суммы актива и учитывало сумму выданных ссуд и вложения в недвижимости и горное дело.

Баланс 1536 г. [2] имеет актив в сумме 3 811 000 флор.; из них вложения в горное дело составляют 410 тыс. флор. (10,7%), товары — 415 тыс. флор.

[1] В пассив не входит собственный капитал торгового дома, составлявший 2 021 202 флорина.

[2] Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 132—135.

(10,8%), выданные ссуды — 2 347 000 флор. (61,3%). Стоимость недвижимого имущества (в него не входят вложения в горное дело), составлявшая в 1527 г. 150 тыс. флоринов, возросла до 213 тыс. флоринов.

Небезынтересно подробнее рассмотреть счет выданных и непогашенных ссуд. Если согласно балансу 1527 г. актив по ссудам испанскому правительству лишь на 170 тыс. флор. превышал пассив по операциям в Испании, то в балансе 1536 г. положение резко меняется: актив, составляющий 1 066 000 флор., превышает пассив на 581 тыс. флор., общая сумма пассива по операциям в Испании — 631 тыс. флор. (долги короля Фердинанда, составлявшие в 1527 г. около 700 тыс. флор., возросли до 837 тыс. флор.).

Из товаров металлы занимают попрежнему основное место; их всего на 289 тыс. флор., но в данном балансе относительно значительна наличность текстильных товаров, составляющая по своей стоимости 125 тыс. флор. Это связано с тем, что в 1534 году Фуггеры приступили к плисовому производству в Вейсенгорне; повидимому, это была попытка организовать сравнительно крупное собственное производство, однако отсутствие источников и более подробной литературы по данному предприятию не дает возможности включить его в круг рассматриваемых вопросов. [1]

Баланс 1536 г. ясно показывает следующие характерные моменты: 1) возросший удельный вес ростовщических операций при относительно небольшом росте вложений в горное дело и росте земельных приобретений, 2) ухудшение финансового положения торгового дома.

Последний момент вытекает из следующих деталей, имеющихся в балансе: 1) Пассив баланса 1536 г. составляет 1 770 000 флор., между тем как по балансу 1527 г. он составлял лишь 870 тыс. флор. Таким образом, общий рост торгового дома произошел не за счет собственного капитала, а капитала, привлеченного со стороны. 2) Соответственно этому общая сумма по счету векселей к оплате, составлявшая в 1527 г. лишь 290 тыс. флор., возросла до 703 тыс. флор.

Перехожу к балансу 1546 г., [2] составленному незадолго до того, как у Фуггеров возникает решение о необходимости ликвидации торгового дома. Общая сумма актива — 7 миллионов флор., из них стоимость недвижимостей составляет 800 тыс. флор., товаров — 1 250 000 флор. (из них текстильных товаров имелось лишь на 125 тыс. флор., остальное падает на металлы); находилось в ссудах 3900 тыс. флор. (т. е. 55% всего актива), причем Эренберг отмечает, что эта сумме не включает в себе всех обязательств испанского правительства; в частности он указывает на две суммы, не включенные в перечень испанских долгов, — одну в 447 229 дукатов

[1] К 60-м годам XVI в. это предприятие, повидимому, прекращает свою деятельность.

[2] Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 137 — 138.

(т. е. приблизительно 626 тыс. флор.) и другую в 219 159 дукатов (приблизительно 306 тыс. флор.). [1]

Общий капитал торгового дома согласно балансу 1546 г. составлял 5 111 883 флорина (в 1539 г. — 2 197 740 флор.); характерно, однако, что вместо того, чтобы значительную часть прибыли вложить в торговый дом, Фуггеры распределяют между участниками 2 091 439 флор., хотя в это время торговый дом был уже вынужден постоянно прибегать к займам.

Следующим сохранившимся балансом является баланс 1563 г. [2] Общая сумма актива составляет 5,66 миллиона флор. при собственном капитале торгового дома в 2 миллиона флоринов.

Уже такое значительное расхождение между размером актива и размером собственных средств торгового дома показывает сравнительно критическое положение дел торгового дома. Рассматривая же актив баланса, мы видим, что он целиком (за исключением ничтожной относительно суммы в 350 тыс. флор.) состоит из сумм, данных в качестве ссуд: долг Филиппа Испанского составляет 4,44 миллиона флор., долги же князей и городов 0,5 миллиона флоринов.

Далее в этом балансе бросается в глаза полное отсутствие счета недвижимостей. Это объясняется тем, что все земельные владения, приобретенные Фуггерами, были уже изъяты из имущества торгового дома и распределены между членами семьи.

В балансе совершенно отсутствует счет товаров. В части, касающейся товаров, имеющих отношение к горному делу, такое положение естественно. Как уже было указано, в 1546 г. был организован специальный торговый дом, который должен был ведать всеми производственными и торговыми операциями в Тироле и Каринтии (Tiroler-Kärntner Handel). С другой стороны, в балансе не могла найти отражение в сколько-нибудь значительной мере торговля металлами, которую Фуггеры вели в Испании, поскольку после пожара, происшедшего в 1550 г. в альмаденских ртутных рудниках, добыча ртути здесь не производилась вплоть до 1562 года, и торговля ртутью не могла достигать значительных размеров. Конечно, торговля металлами в Испании велась в известных размерах и в эти годы. Мы не располагаем балансами испанской конторы Фуггеров, однако это обстоятельство не является особо существенным, поскольку итоги деятельности испанской конторы входили в общий баланс аугсбургского торгового дома. В балансе 1563 г. торговые операции в Испании могли заключаться только в одной статье «Sonstige spanische Aktiva», составлявшей 180 тыс. флор., сумму, конечно, незначительную.

Однако отсутствие каких бы то ни было указаний на торговые операции

[1] Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 146.

[2] Там же, стр. 173—176.

самого аугсбургского торгового дома весьма существенно; оно показывает, что за исключением торговых операций, связанных с горным делом, Фуггеры к 1563 г. уже не вели никакой другой торговли; почти все средства торгового дома были вложены в ростовщические операции.

Что же касается тирольского торгового дома, то, как уже было указано, его капитал составлял в 1546 г. 461 410 $^{7}/_{8}$ флор. В дальнейшем мы не наблюдаем роста вложенного капитала. Для того, чтобы проследить движение капитала, вложенного в горное дело Тироля, следует иметь в виду, что в 1565 г. наряду с так наз. «Tiroler-Kärntner Handel» начал существовать так наз. «Jenbacher Handel», к которому перешла значительная часть рудников «Tiroler Handel». В Иенбахскую компанию, кроме Фуггеров, вошли еще два купеческих дома; в 1574 г. один из трех участников (торговый дом Гауг и Лангнауэр) выбыл, в 1578 г. обанкротился второй компаньон Катцбек, и все предприятие перешло к Фуггерам. Поэтому при исчислении капитала, вложенного Фуггерами в горное дело Тироля и Каринтии, необходимо учитывать как капитал так наз. «Propriohandel» (б. Tiroler-Kärntner Handel), так и вложения Фуггеров в так наз. «Jenbacher Handel».

Капитал «Propriohandel» в 1562/63 г. составлял 291 546 флор., в 1564 г. 318 738 флор., в 1566/67 г. — 258 975 флор., в 1568/69 г. — 219 104 флор.; далее, постепенно уменьшаясь, он к 1610/11 г. составил 133 110 флор. [1]

Что же касается доли вложения капитала Фуггеров в «Jenbacher Handel», то она была подвержена значительным колебаниям. Этот капитал составил: в 1568/69 г. — 15 691 флор., в 1570/71 г. — 52 859 флор., в 1572/73 г. — 73 884 флор., в 1574/75 г. — 80 062 флор., а в 1578/79 г. упал до 14 784 флоринов. Как объясняют сами Фуггеры, уменьшение капитала с 80 тыс. флор. до 14,7 тыс. флоринов в 1578/79 гг. было результатом изъятия 100 тысяч флоринов из дела и распределения их между отдельными Фуггерами. Следует иметь в виду, что такое мероприятие стало возможным только с этого года, так как 1578/79 г. был первым годом, когда Фуггеры вели разработку рудников одни, без компаньонов. Небезынтересно, что они начали с того, что изъяли не только всю прибыль, но и значительную часть капитала, уменьшив, таким образом, вложенный капитал на 80 с лишним процентов.

Тенденция к изъятию капиталов проявляется в Тироле и Каринтии неоднократно. Так, в 1584/85 г. капитал Иенбахского предприятия составлял 54 912 флор., а в 1586/87 г. он уменьшается до 27 664 флор. вследствие распределения между отдельными членами семьи 35 тыс. флор., т. е., кроме прибыли, составившей около 8 тыс. флор., было изъято около 27 тыс. флор. капитала.

[1] Сводку капитала «Propriohandel» с 1548/49 г. по 1634/35 г. см. L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle in Tirol und Kärnten, 1929 г., стр. 445.

Аналогичное явление мы наблюдаем в 1596/97 г., когда капитал, составлявший 101 346 флоринов, вследствие распределения 60 тыс. флор. между отдельными Фуггерами уменьшился до 49 301 флор. [1]

Наряду с бухгалтерски оформленными изъятиями капитала мы обнаруживаем также значительную задолженность отдельных членов семьи перед торговым домом. Так, напр., этот факт ясно виден в отчетности Иенбахского отделения за 1649 г.; [2] вложения отдельных Фуггеров, из которых слагается весь капитал, составляют в общем 236 798 флор., долги же Фуггеров — 196 252 флор.; таким образом, фактически в деле имелось лишь несколько более 70 тыс. флор.

Рассмотрение бухгалтерских данных, касающихся деятельности Фуггеров в Тироле и Каринтии, показывает с достаточной ясностью, что тот капитал, который был выделен Фуггерами в 1546 г. для производственной деятельности в этих местностях, не только не имел тенденции к возрастанию, а, наоборот, все время уменьшался. Если в 1546 г. он составлял 461 410 флор., то в 1562/63 г. он составлял 291 546 флор. [3], в 1568/69 г. — 234 795 флор., [4] в 1610/11 г. 170 622 флоринов. [5]

Вместе с тем эти данные показывают, что уменьшение капитала было не только результатом убытков, но и вполне определенной линией на изъятие капиталов.

Наиболее ярким доказательством проводившейся Фуггерами политики изъятия вложенных в дело капиталов служат данные, которыми мы располагаем о капиталах, вложенных в Испании. Эти данные относятся к 1594—1610 гг. В 1594 г. капитал Фуггеров, вложенный в Испании, составлял $4^1/_2$ миллиона рейнских золотых гульденов. К 1610 г. этот капитал составил несколько более 5 миллионов гульденов, но затем в течение следующих 10 лет Фуггеры изъяли из дела свыше 4 миллионов гульденов; в результате этого, а также убытка, составившего 278 963 гульдена, капитал Фуггеров, вложенный в Испании, уменьшился до 767 066 гульденов. [6]

Геблер отмечает, что в дальнейшем дело дошло до того, что Фуггеры фактически почти что сделались только посредниками между правительством и кредиторами; их собственное участие в деле едва составляло одну пятую часть. [7] Касаясь положения торгового дома в 1630 г., он же пишет следующее: «Фуггеры давно уже извлекли большую часть своих капиталов из испанского отделения (aus der spanischen Handlung); даже банкрот-

[1] Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 452.
[2] Там же, стр. 487.
[3] Капитал «Tiroler-Kärntner Handel».
[4] Propriohandel — 219 104 флор., Треть Jenbacher Handel — 15 691 флор.
[5] Propriohandel — 133 110 флор., Jenbacher Handel — 37 512 флор.
[6] K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, 1897 г., стр. 201.
[7] Там же, стр. 201 — 202.

ство повлекло бы за собой не слишком тяжелые для них потери. Они поэтому преследовали главным образом только одну цель — добиться того, чтобы правительство уплатило свои значительные по размеру долги торговому дому с тем, чтобы он мог удовлетворить своих кредиторов.[1]

Приведенные данные достаточно ясно подтверждают не только то, что к XVII в. центр тяжести деятельности Фуггеров переместился из Германии в Испанию, но и то, что Фуггеры проводили последовательно линию на изъятие вложенных в торговый дом капиталов.

2. Участие Фуггеров в горном деле

Мы рассмотрели в целом историю деятельности торгового дома Фуггеров, что дало возможность выявить общую линию направления, в котором происходило развитие этого купеческого дома.

Как мы видели, Фуггеры сравнительно рано начинают вкладывать свои капиталы в горное дело; эта связь с горным делом существует на всем протяжении истории Фуггеров, сохраняясь даже тогда, когда все остальные отрасли деятельности Фуггеров, кроме ростовщичества, потеряли полностью свое прежнее значение.

Однако общий обзор истории торгового дома Фуггеров показал вместе с тем, что деятельность Фуггеров в области горного дела никогда не являлась для Фуггеров основной и выступала сначала — в XV и первой половине XVI вв. — в качестве одной из отраслей разносторонней в то время деятельности торгового дома, а затем — в последний период существования торгового дома — в качестве дополнения к ростовщическим операциям. Напомню, что вложения Фуггеров в горное дело по сравнению с общим капиталом их не являлись значительными и не имели тенденции к абсолютному и относительному возрастанию. В частности, в последний период существования торгового дома, как уже было показано, мы наблюдаем у Фуггеров определенную тенденцию к изъятию капиталов из горного дела, т. е. то же явление, которое было отмечено в отношении всего вложенного ими в торговый дом капитала.

Эти итоги, вытекающие из рассмотрения истории Фуггеров в целом, существенны потому, что они предохраняют нас от переоценки значения деятельности Фуггеров в области горного дела, опровергают распространенную в буржуазной исторической литературе точку зрения на Фуггеров, как на промышленных капиталистов *по преимуществу*.

На основе этих общих итогов мы имеем возможность подойти вплотную к изучению того вопроса, который был поставлен в начале настоящей работы, вопроса о том, в какой мере мы наблюдаем в деятельности Фуггеров

[1] K. Häbler, ук. соч., стр. 210

превращение накопленного в торговле и ростовщичестве капитала в капитал промышленный, в какой мере Фуггеры выступают в качестве организаторов капиталистического производства (не будучи, конечно, промышленными капиталистами *по преимуществу*).

Основными районами, где капитал Фуггеров был вложен в горное дело, являлись Венгрия, Тироль и Каринтия. К этому следует добавить Испанию, где имелись ртутные рудники, в эксплуатации которых Фуггеры участвовали в течение долгого времени — с 20-х годов XVI в. по 40-е годы XVII в.

Большинство немецких историков, исследовавших деятельность Фуггеров, приводят в качестве одного из основных примеров производительного применения капитала со стороны Фуггеров разработку ими серебряных и медных рудников в Венгрии. К рассмотрению истории и характера деятельности Фуггеров в Венгрии я поэтому и обращаюсь.

Фуггеры в Венгрии

В 1495 г. Яковом Фуггером — главой торгового дома Фуггеров — был заключен договор с Гансом и Георгом Турцо из Кракова о совместной организации добычи и плавки руды в Венгрии. Этот год рассматривается немецкими историками как начало производственной деятельности Фуггеров в Венгрии. Прежде чем перейти к рассмотрению данного договора по существу, небезынтересно остановиться, насколько позволяют материалы, на предистории данного договора.

Как сообщает Я. Штридер, [1] договору между Фуггерами и Турцо предшествовал заключенный 25 апреля 1475 г. договор между Турцо и семью венгерскими городами. По этому договору Ганс Турцо привлекался для того, чтобы производить откачку воды из шахт. В уплату за проведение данной работы он должен был получить еженедельно денежное вознаграждение и, кроме того, одну шестую часть всей руды, которая добывалась благодаря проведенным им мероприятиям по осушке рудников. 15 мая того же года венгерский король Матвей утвердил данный договор и дополнительно предоставил Турцо право добычи серебра во всех затопленных водой и уже никем не разрабатываемых рудниках при условии сдачи добытого серебра на монетный двор по определенной цене (4 золотых гульдена за 1 весовую марку серебра). Одновременно Турцо был освобожден от уплаты каких бы то ни было пошлин на ввозимое им продовольствие (для снабжения тех, кто работал в рудниках).

К сожалению, мы не располагаем подробными данными о том, что пред-

[1] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalter und zu Beginn der Neuzeit, 1925 г., стр. 26—27.

ставляла собою семья Турцо. Известно лишь, что Ганс Турцо был родом из Кракова и принадлежал к числу влиятельных краковских горожан; есть указание на то, что он был членом краковского городского совета.[1] Затем Турцо переселился в Венгрию, в гор. Нейзоль (Neusohl), центр горного дела Венгрии, и здесь получил право гражданства. Известно также, что в рудниках в Госларе Турцо впервые применил зайгерование (выделение из руды чистой меди и серебра при помощи свинца).

Связь Фуггеров с Турцо возникла на основе того, что Фуггеры занимались в 90-х годах XV в. скупкой добываемой в Венгрии меди[2] и стремились к тому, чтобы стать монополистами по сбыту меди. Выражением этого стремления к монополии была образованная в 1498 г. монопольная компания по сбыту меди, в которую вошли Фуггеры, Герварты и Госсемброты.[3] Медь сбывалась главным образом в Италию через венецианскую контору Фуггеров. Следует отметить, что стремление монополизировать в своих руках торговлю медью мы наблюдаем у Фуггеров и позднее; так, новая монопольная кампания для сбыта меди, добываемой в швацких рудниках (Тироль), была организована Фуггерами и Гехштеттерами в 1515 г.

Договор между Фуггерами и Турцо, заключенный в 1495 г. и сохранивший свою силу до 1525 г.,[4] интересен тем, что он показывает достаточно ясно, в чем именно выражалось участие Фуггеров в данном предприятии. Первое, что следует отметить, это то, что все производственные функции по данному договору падали на братьев Турцо. Они дают следующее обязательство: «Мы, Ганс и Георг Турцо, должны приложить усилия, чтобы поставить и оборудовать плавильню в Золе, в которой мы будем перерабатывать всю добываемую из этого рудника медь наилучшими нам известными способами... И когда плавильня будет готова и выстроена, что должно быть сделано в течение 6—12 месяцев, мы должны руководить делом так, чтобы в неделю добывалось около 300 центнеров меди». В договоре отмечается также, что Турцо должны «сделать запас дров и угля, чтобы не было убыточного простоя»; оговаривается и сумма еженедельной прибыли, которую в среднем должно давать предприятие (360 гульденов). Что же касается обязательств Фуггеров, зафиксированных в данном договоре, то, как там указывается, «для возмещения всего должен Ульрих Фуггер с братьями и товариществом в течение 3-х лет, начиная с ближайшего Рождества, поднимать все связанные с этой торговлей и плавильным делом

[1] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, стр. 26.

[2] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, I, стр. 90.

[3] Договор об учреждении кампании см. R. Ehrenberg, Das Zeitalter d. Fugger, I, стр. 417—419.

[4] Опубликован: M. Jansen, Jakob Fugger der Reiche, 1910 г., стр. 369 — 373; цитируется в переводе, данном в хрестоматии по истории Европы в новое и новейшее время под ред. В. П. Волгина, 1929 г.

расходы и давать и ссужать на всякие нужды необходимые деньги».

Вырабатываемая организованным товариществом медь продавалась им Фуггерам и Турцо; организаторами дальнейшего сбыта являлись Фуггеры, как это видно из упоминавшегося уже договора 1498 г., заключенного между Фуггерами, Гервартами и Госсембротами. Вместе с тем Фуггеры продавали венгерскому товариществу различные товары, в частности шерстяные и шелковые ткани, драгоценные камни и т. п. как для дальнейшей перепродажи в Венгрии, так и для подарков тем из представителей местной знати, связь с которыми предприятию было выгодно поддерживать.

Я. Штридер указывает, что объединенное предприятие Фуггеров и Турцо вело разработку как арендованных, так и приобретенных рудников. Организацию производства как в части добычи, так и в части плавки руды он считает капиталистической; он считает наемными рабочими и тех, кто работал в плавильнях, и рудокопов. То, что он имеет в виду наемных рабочих, видно из тех общих замечаний, которые он делает перед этим. Он пишет: «В центрах горного дела рано возник пролетариат. Термин «рабочий» в его специфическом собственном смысле раньше всего появляется в источниках, касающихся истории горного дела в средние века». [1] Далее он ссылается на гаштейнское горное право (1300—1350), где встречается термин «наемный рабочий» (lonarbeiter), и затем указывает: «Вместе с названием тогда родился и его объект — новый социальный слой неимущих, существующих на свою недельную плату наемных рабочих». [2] И дальше он переходит к примерам; в качестве же первого примера он указывает на рабочих венгерского товарищества Фуггеров — Турцо, в качестве второго примера — рабочих в рудниках в Фалькенштейне (Тироль). Однако, как мы увидим в дальнейшем, рудокопов фалькенштейнского рудника мы не имеем никаких оснований считать наемными рабочими (а Штридер имеет в виду именно рудокопов, а не каких-либо других занятых в рудниках рабочих; на это указывает применяемый им термин «Knappe»).

Отсюда, естественно, более чем законно сомнение в правильности отнесения им к категории наемных рабочих и тех, кто работал в венгерских рудниках Фуггеров — Турцо. Мы, к сожалению, не располагаем данными для опровержения этого взгляда, поскольку источников, на основании которых можно было бы судить о том, какова была организация производства в этих рудниках, у нас нет. Действительно, при изучении имеющихся материалов о деятельности венгерского товарищества бросается в глаза, что мы не встречаемся здесь с фактами, которые бы свидетельствовали о связи товарищества с мелкими производителями. Но по-

[1] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapit. Organisationsformen, стр. 40.
[2] Там же.

чему мы этих фактов не имеем? Потому ли, что их действительно нет, или потому, что ни Штридер, ни разделяющий его точку зрения М. Янсен не опубликовали таких фактов, поскольку они опровергают их концепцию,— этот вопрос остается открытым впредь до возможности изучения всех материалов деятельности Фуггеров в Венгрии в подлинниках.

Однако нельзя не отметить, что уже внимательное рассмотрение договора, заключенного 16 марта 1495 г. между Фуггерами и Турцо, заставляет сомневаться в том, что венгерское товарищество (во всяком случае в начальный период своей деятельности) само непосредственно проводило добычу руды. Во-первых, странно, что в договоре, в котором оговариваются даже отдельные детали, касающиеся обязательств договаривающихся сторон и, в частности, обязательств по обработке и реализации руды, ничего не говорится о самой добыче руды. Основное обязательство Турцо состоит в том, чтобы поставить плавильню в Золе и затем руководить ее работой. Плавильня в Золе, как отмечает Штридер, выстроенная Турцо в 1495 г., переплавляла большую часть всей добываемой в Венгрии руды; лишь небольшая часть этой руды шла в другие плавильни — одна из них находилась в Тюрингии, а другая в Фуггерау (Каринтия). [1] В договоре 1495 г. Турцо дают обязательство перерабатывать в плавильне в Золе «всю добываемую из этого рудника медь». Самый же рудник, как говорится далее в договоре, передается в эксплуатацию третьему лицу, что видно из самого текста: «Означенный рудник [т. е. рудник при плавильне в Золе. *Е. Н.*] мы уступили и предоставили на 10 лет Михаилу Кунигсбергеру и Бенедикту Глокницеру, и они должны нам за это платить по 1000 гульденов в год; кроме того, отдавать нам всю вырабатываемую ими медь по $1^1/_2$ венгерских гульдена $^1/_2$ орта за нейзольский центнер черной меди, согласно грамоте, ими нам данной». Те же лица упоминаются и в другом месте договора 1495 г., а именно: «Также мы договорились и относительно рудника и завода в Золе, называющегося Зонберг. Они раньше принадлежали Гансу Кольману; мы их купили и приобрели в наследственную собственность и некоторое время себе на пользу вырабатывали из Кракова означенную медь. Это предприятие передали мы в наследственное владение Михаилу Кунигсбергеру и Бенедикту Глокницеру с наследниками; они должны отдавать нам всю вырабатываемую медь по цене 2 гульдена без одного орта за 1 центнер черной меди».

Приведенные выдержки интересны тем, что из них мы видим, 1) что Турцо еще во время пребывания на родине в Кракове участвовал в разработке рудников в Венгрии; 2) они вносят новый момент, касающийся организации добычи руды в венгерском предприятии Фуггеров — Турцо. Очевидно, что в лице Кунигсбергера и Глокницера мы имеем дело с суб-

[1] J. Strieder, Jakob Fugger d. Reiche, стр. 114.

предпринимателями. Они авансируются не деньгами, а рудниками и заводом в Зонберге и обязаны сдавать по определенной цене всю добываемую ими медь и, кроме того, как указывается в договоре, уплачивать объединению Фуггеров — Турцо по 1000 гульденов в год.

Таким образом, в отношении этих двух рудников ясно, что Фуггеры и Турцо здесь непосредственно не занимались добычей руды и ограничивались тем, что плавили руду и затем ее сбывали через аугсбургский торговый дом. Нельзя, конечно, утверждать, что у венгерского товарищества Фуггеров — Турцо не имелось каких-либо других рудников, эксплуатацией которых оно занималось непосредственно. Однако представляется мало вероятным, что такие рудники имелись с начала деятельности товарищества, поскольку порядок эксплуатации их должен был бы быть оговорен в договоре.

В 1525 г. договор между Фуггерами и Турцо был расторгнут, и до 1546 г. Фуггеры продолжали дело одни, без участии Турцо, а в 1546 г. Антон Фуггер, глава торгового дома, заявил королю Фердинанду об отказе Фуггеров от дальнейшего участия в венгерском горном деле, мотивируя свой отказ невозможностью продолжать свою деятельность ввиду беспокойного и полного опасностей времени. [1]

Отсутствие достаточных данных не позволяет мне сделать исчерпывающие выводы по вопросу о характере участия Фуггеров в горном деле в Венгрии. Неясным остается вопрос о том, какова была организация добычи руды. Как мы видели, имеются основания полагать, что в начальный период деятельности объединения Фуггеров — Турцо разработка рудников не велась товариществом непосредственно, а что для этой цели использовались субпредприниматели, финансируемые со стороны Фуггеров — Турцо. Как обстояло дело в дальнейшем, остается еще более неясным.

Что касается организации плавки руды, то, полагаю, нет оснований отрицать ее капиталистическую форму; известно, что в изучаемую нами эпоху в Германии в плавильнях обычно работали наемные рабочие; так, даже в плавильнях, которые принадлежали непосредственно князьям, имелись наемные рабочие. И у Фуггеров в Тироле, как мы увидим в дальнейшем, в плавильнях были заняты исключительно наемные рабочие. Поэтому, считая весьма сомнительным утверждение Штридера и Янсена о капиталистической форме организации добычи руды, я считаю вместе с тем вероятным наличие такой формы организации труда в плавильнях.

Далее, мне представляется, что в тот период участия Фуггеров в горном деле Венгрии, когда Фуггеры были связаны с Турцо (1495—1525), было бы неправильным считать, что Фуггеры здесь выступали в качестве

[1] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapit. Organisationsformen, стр. 10—11.

промышленных капиталистов. В сущности предпринимателями фактически являлись братья Турцо, на которых по договору 1495 г. лежала вся организация производства. Есть основания полагать, что Турцо стали предпринимателями еще до того, как Фуггеры завязали с ними связи; участие в горном деле в Венгрии и привело их сюда из Кракова, но они нуждались в капитале, который они и смогли получить благодаря объединению с Фуггерами. Роль последних в период их совместной с Турцо деятельности в Венгрии, как мы видели, сводилась исключительно к финансированию предприятия и организации сбыта меди. Конечно, после расторжения договора с Турцо роль Фуггеров должна была измениться; с переходом плавилен в их собственность они в области обработки руды стали предпринимателями в собственном смысле слова. Стали ли они ими в области добычи руды — вопрос спорный; судя по тому, что известно об организации добычи руды в принадлежавших Фуггерам рудниках в Тироле,[1] представляется сомнительным, чтобы именно в Венгрии, где условия деятельности Фуггеров были менее всего благоприятными, Фуггеры организовали добычу руды на капиталистической основе.

Как уже было указано, Фуггеры прекратили свою деятельность в Венгрии в 1546 г., мотивируя свой отказ тяжелой обстановкой, существовавшей в Венгрии. Но если подойти к данному факту с точки зрения всего, что мы знаем о положении торгового дома в 40-х и 50-х годах XVI в., то прекращение Фуггерами своей деятельности представляется как начальный момент реализации уже существовавшей в то время у Фуггеров линии на ликвидацию торгового дома. Напомню, что согласно балансу 1546 г. Фуггеры изъяли из дела свыше двух миллионов флоринов, а к 1550 г. относится первое завещание Антона, уже определенно говорящее о решении Фуггеров ликвидировать дело.

Фуггеры в Тироле и Каринтии

Другими районами, в которых мы уже сравнительно рано наблюдаем проникновение капитала в горное дело, являются Тироль и Каринтия. Данные, которыми мы располагаем о деятельности Фуггеров в Тироле, дают возможность с гораздо большей полнотой, чем в отношении Венгрии, прийти к определенным выводам о характере участия Фуггеров в горном деле.

Прежде всего следует отметить, что имеющиеся данные показывают достаточно ясно, как шел в Тироле самый процесс проникновения капитала Фуггеров в горное дело.

Связь Фуггеров с тирольским горным делом начинается с 1488 г., но

[1] Об этом см. в следующем разделе.

до 1522 г. Фуггеры не участвовали в производстве, занимаясь лишь скупкой меди и серебра, добываемых в Тироле. [1] Изучая вопрос о причинах, которые привели Фуггеров в Тироль, мы находим, что за год до этого, в 1487 г., Фуггеры дали ссуду Сигизмунду Тирольскому в размере 23 627 флоринов под обеспечение добываемого в Тироле серебра. В 1488 г. Фуггеры дали эрцгерцогу еще более крупную ссуду — 150 тысяч флоринов, за что в их распоряжение была предоставлена вся добыча серебра в швацких рудниках. Таким образом, мы видим, что ростовщические операции привели Фуггеров к связи с горным делом Тироля. Но эти связи используются Фуггерами для того, чтобы реализовать имевшееся у них уже в это время стремление к монополизации в своих руках всей торговли медью.

С переходом Тироля к Максимилиану Габсбургскому мы наблюдаем, что связи крупных аугсбургских купеческих домов, имевшиеся с Сигизмундом, продолжаются и с Габсбургами, причем все время происходит переплетение договоров на дачу денежных ссуд с договорами, касающимися условий скупки продукции рудников. В доказательство этого положения можно было бы привести значительное количество фактов; это переплетение проходит красной нитью через всю историю участия Фуггеров в горном деле Тироля.

Какой же представляется на основании имеющихся данных производственная деятельность Фуггеров в Тироле и Каринтии?

Имеющиеся материалы, исследованные и в сравнительно значительном количестве опубликованные Шейерманом, относятся к периоду начиная с 1546 г., когда, как уже было указано выше, для операций, связанных с горным делом в Тироле и Каринтии, Фуггерами было организовано специальное отделение с самостоятельной отчетностью и балансом (на правах самостоятельного торгового дома). Это так наз. «Tiroler-Kärntner Handel», обороты и итоги деятельности которого уже не находили отражения в балансах аугсбургского торгового дома.

В Тироле Фуггеры производили добычу и плавку руды в нескольких районах, наиболее значительным из которых был Фалькенштейн. Здесь имелось всего 39 рудников; каждый рудник делился на 9 частей, а последние в свою очередь делились каждая на 4 части. Это так наз. «четверти», которые в XVI—XVII вв. являлись единицей измерения участия того или иного промышленника в разработке рудника. В Фалькенштейне Фуггерам принадлежало около $266^1/_2$ таких «четвертей», что при наличии всего 1404 «четвертей» в 39 рудниках составляло примерно 18%. В другом районе Тироля Рёрербюгель при наличии 11 рудников (т. е. 396 «четвертей») Фуггерам принадлежало 56 «четвертей», т.е. приблизительно 14%; в районе Рингенвексель — 36 «четвертей» при наличии 12 рудников (т. е.

[1] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, стр. 27.

432 «четвертей») — 8%.[1] В Тироле добывались медь и серебро. В Каринтии, где центрами горного дела были Блейберг и Фуггерау, добывался главным образом свинец; он использовался для обработки руды в тирольских рудниках, как это видно из договора, заключенного 5 декабря 1575 г. между Фуггерами и Катцбеком.[2] В Леванталe добывалось также и золото.[3] О том, каков был удельный вес Фуггеров в Каринтии, данных не имеется; Шейерман указывает, что в Каринтии Фуггеры играли большую роль в горном деле, и конкурировала с ними лишь фирма Катцбек,[4] но в общем рудники в Каринтии имели гораздо меньшее значение, чем рудники в Тироле.

Выше мною были приведены данные, характеризующие долю участия Фуггеров в отдельных тирольских рудниках. Естественно возникает вопрос, что собою представляли остальные участники в разработке рудников.

Первое, что следует отметить, это то, что в Тироле имелись две категории владельцев «четвертей»: одна, которая отличается тем, что входящие в нее владельцы «четвертей» сами занимались и плавкой руды (так наз. «schmelzende Gewerke»), и другая, в которую входили те, кто не мог организовать плавку руды (так наз. «unschmelzende Gewerke»). Последние или продавали добытую руду тем, кто имел плавильни, или доставляли руду на плавильни, принадлежавшие непосредственно правительству; последнее же запродавало переплавленную руду уже само крупным купцам. В частности примером такой плавильни, в которую доставляли руду так наз. «unschmelzende Gewerke», была Раттенбергская плавильня. О ней тирольское правительство писало, что эта плавильня существует не ради ее выгодности, а для того, чтобы поддерживать существование тех, кто, добывая руду, лишен возможности сам плавить ее, и для того, чтобы владельцы плавилен не притесняли их при покупке у них руды (damit die unschmeltzennden gwerkhen und gesellen sich dabey erhalten mugen und durch die schmeltzennden gwerkhen mit den artzkheuffen nit zu hart gedrungen werden).[5]

Относительно некоторых районов Тироля, где Фуггеры участвовали в добыче руды, имеется возможность установить точно, что представляли собою остальные владельцы «четвертей». Так, в Фалькенштейне все они

[1] L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 17—18.

[2] Текст договора см. там же, стр. 432—439. В этом договоре Фуггеры и Катбек договариваются о дальнейшей совместной деятельности в Иенбахском товариществе после выбытия одного из участников товарищества. В данном случае имеется в виду § 6 (стр. 437).

[3] Там же, стр. 18.

[4] Там же, стр. 19.

[5] Там же, стр. 72.

представляли собой так наз. «schmelzende Gewerke»; их было всего 6, причем двое [1] были местными тирольскими промышленниками (впоследствии разорившимися), а остальные [2] были крупными аугсбургскими купцами.

В другом руднике (Schwazer Erbstollen), по данным 1554 г., кроме Фуггеров, владельцами долей являлись 3 крупных купеческих дома. [3] В округе Кицбюгель (основной рудник в Рёрербюгеле), кроме Фуггеров, в разработке рудников участвовали 6 менее известных купцов. [4]

Таким образом, мы видим, что основные тирольские рудники к 50-м годам XVI в. уже находились в руках сравнительно небольшого количества купцов. Иную картину представляет собою рудники в Рингенвекселе. Мы не располагаем данными о том, как распределялись здесь отдельные доли между владельцами рудников, но то, что здесь имелось значительное количество участников и большая дробность владения, вытекает из следующего: в 1554 г. четыре купеческих дома, принадлежавшие к числу владельцев рудников, [5] обратились к правительству с требованием разрешить им скупить доли у мелких участников разработки с тем, чтобы в будущем в данном районе имелось всего лишь четыре участка, причем в каждом участке вошло бы 36 «четвертей». Ходатайство это сначала было встречено со стороны правительства отказом, но затем, как сообщает Шейерман, оно все же было удовлетворено. [6]

Этот эпизод из истории горного дела в Тироле интересен тем, что он является наглядным выражением процесса вытеснения более мелких владельцев «четвертей» крупными купеческими домами. Изучение в целом того процесса, который привел к концентрации рудников в руках сравнительно немногочисленных крупных купцов, несомненно, представляет значительный интерес.

Поскольку, однако, это потребовало бы детального изучения прошлой истории развития горного дела в Тироле, эта задача, естественно, не может быть непосредственно объединена с той задачей, которая поставлена в настоящей работе. Я не имею возможности поэтому показать на фактическом материале развитие процесса концентрации в горном деле. Однако мне представляется, что из того положения, какое мы наблюдаем в Тироле в 40-х — 50-х годах (т.е. тогда, когда Фуггеры уже непосредственно участвовали в эксплуатации рудников), можно сделать некоторые выводы по данному вопросу, хотя бы в плане предположительном. Я по-

[1] Stöckl u. Tänzl.

[2] Baumgartner, Fugger, Haug-Neithart u. Herwart.

[3] Manlich—Dreyling, Link—Haug u. Mitv., Herwart.

[4] Из крупных купцов Фуггеры и Баумгартнер.

[5] Antoni Fugger u. Bruders Söhne, Hans Paul u. Hans Heinrich Herwart, Antoni Haug u. C°.

[6] Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 73—76.

лагаю, что существование указанных выше различий в составе пайщиков отдельных рудников может быть рассматриваемо как выражение того процесса вытеснения мелких производителей и концентрации рудников в руках немногих купеческих домов, который проходил в Тироле. Существование рудников, в которых мы в качестве пайщиков имеем так наз. «unschmelzende Gewerke», представлявших собою в основном мелких производителей (возможно, что мы имеем среди них и элементы мелкого предпринимательства), [1] показывает, что процесс концентрации рудников в немногих руках этих рудников еще не захватил, хотя экономическая зависимость мелких пайщиков от крупных купцов (в частности в лице собственников плавилен) уже должна была иметься. Момент, известный в отношении рудника в Рингенвекселе (петиция правительству от 1554 года), дает возможность судить как о самом факте, так и отчасти о форме вытеснения мелких пайщиков из рудников; это вытеснение, повидимому, осуществлялось в форме выкупа долей мелких пайщиков, которые, как естественно предполагать, уже экономически зависели от пайщиков, сосредоточивавших в своих руках большое количество долей. Рудники в округе Рёрербюгель, Фалькенштейне и Эрбштолен являются примером уже достижения высокой степени концентрации рудников в немногих руках, причем естественно, что этот уже сравнительно далеко продвинувшийся процесс концентрации мы наблюдаем именно в наиболее богатых рудниках Тироля.

Выше было указано, что каждый рудник делился на 36 «четвертей». Однако каждая «четверть» не представляла собой определенного участка. Владение одной «четвертью» давало лишь право на получение одной тридцать шестой части всей добываемой руды и обязывало к несению соответствующей доли расходов, связанных с эксплуатацией рудника. Владельцы той или иной части рудника не имели своей рабочей силы. Рудокопы имели отношение к руднику в целом, а между отдельными пайщиками соответственно их доле в руднике распределялись и права и обязательства.

Распределение добытой руды между владельцами «четвертей» происходило периодически 8—12 раз в году. Это распределение носило термин «raittung» (Raitung), неоднократно упоминаемый в документах. При каждом распределении руды присутствовал горный чиновник, который тут же на месте взимал то, что причиталось казне.

Владельцы «четвертей» имели свои объединения, в частности известны объединения, преследующие цель снабжения рудокопов средствами производства и продовольствием. Каждый рудокоп работал при помощи своих средств производства; в первую очередь ему необходимо было железо и

[1] Подробные данные о составе владельцев долей в этих рудниках отсутствуют.

сало для ламп; отсюда широко распространенная практика организации компаний, носивших название «Eisen- und Unschlitthandel». Например, известно, что вложения Фуггеров в такую компанию, существовавшую в Шваце (Schwazer Eisen- und Unschlitthandel), составляли согласно балансу 1527 г. 6000 рейнских гульденов, в терланском руднике они вложили для этого 200 флоринов, в Клаузене — 276 флоринов. [1] Аналогичное положение существовало в отношении снабжения продовольствием (так наз. Pfennwerthandel). Организация снабжения продовольствием в Тироле представляет известный интерес. Сохранившийся договор между Фуггерами и швацким купцом Урбаном Майером от 18 января 1556 г. [2] показывает следующее: 1) Фуггеры берут на себя заботу о снабжении рабочих продовольствием (пшеница, рожь, сало и сыр) соответственно количеству их долей, т. е. «четвертей», как это делают Герварты и Линк (souil sich pei jeder grueben nach anzall ierer taill gepurt, mit phenwerten als traid, korn, schmaltz und kess gleich wie die hern Herwart oder Linkhischen gnugsame fursehung mit gueter war... thuen wolle...); 2) снабжение работающих продовольствием берет на себя Урбан Майер, которому Фуггеры дают ссуду в размере 6000 флор. из 5% годовых; однако все дело должно вестись Майером за свой счет и риск; 3) денежные обязательства Урбана Майера не ограничиваются возвратом ссуды с процентами; он обязан, кроме того, уплачивать Фуггерам десятую часть прибыли, вырученной от торговли продовольствием. Таким образом, Фуггеры извлекали из договора с Майером двойную прибыль, не неся вместе с тем никакого риска.

То, что в данном договоре обязательства, касающиеся снабжения продовольствием, основываются не на количестве работающих, а на количестве принадлежащих Фуггерам долей, также свидетельствует о том, что Фуггеры (так же, как и упоминаемые в договоре Герварты и Линк) принимают на себя обязательства, определенные их долей участия в руднике в целом.

После 1578 г., когда в ряде районов Тироля Фуггеры стали единственными собственниками рудников, положение, конечно, должно было измениться, и работающие в рудниках уже были связаны с Фуггерами непосредственно.

Обратимся к вопросу о том, что собою представляли те, кто работал в рудниках, насколько можно считать правильным утверждение Я. Штридера и М. Янсена о том, что в горном деле Тироля вообще, а у Фуггеров в частности, работали наемные рабочие.

Первое, что следует отметить, это то, что работавшие в рудниках и

[1] Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 26.

[2] Текст договора см. там же, стр. 418—422.

плавильнях разделялись на две категории, каждая из которых имела свое название. Это 1) так наз. «Lehenhäuer» (в документах XVI—XVII вв. «lehenheyer») и 2) «Herrenarbeiter» (herrnarbaiter). В сохранившейся в архиве Фуггеров копии обращения Фердинанда (без даты) [1] мы находим эти два термина вместе, причем первый из них связывается с термином «Erzkauf» (ärtztkheuffe), второй же с термином «Belohnung» (belonung). Для ясности следует указать, что обращение Фердинанда имело своею целью мотивировать проведенную им «порчу» монеты. [2] Обращение Фердинанда начинается с констатирования упадка горного дела. «Очевидно,— читаем мы, — что горное дело повсюду в нашей стране со дня на день и чем дальше, тем больше, падает... Особенно для сохранения и подъема горного дела, а не для своей выгоды и пользы предприняли мы небольшое падение или изменение в монете».

Но далее указывается, что это предпринято не для того, «чтобы вы [имеются в виду владельцы рудников и плавилен. *Е. Н.*] положили эту надбавку в свой кошель», но чтобы это служило подъему горного дела, «чтобы вы... больше, чем до сих пор, заботились о бедных работниках и рудокопах (lehenheyer) при покупке руды и о вознаграждении господских рабочих (herrnarbaiter)». [3]

Мы видим, что отношения рудокопов (Lehenhäuer) к владельцу рудников выражаются в *покупке* последним руды, а так наз. «Herrenarbeiter» (буквально «господские рабочие») получали вознаграждение. Это вознаграждение мы имеем основание считать заработной платой. В доказательство можно привести другой сохранившийся в фуггеровском архиве документ — справку о том, «сколько убытку приносит один-единственный нерабочий день»... от 4 марта 1638 г. [4] Здесь по четырем тирольским рудникам дается перечень тех, кто является «Herrenarbeiter», с указанием дневной оплаты по каждому виду работы. Подробно к этому документу я вернусь в дальнейшем, сейчас же важно отметить, что в числе перечисленных здесь категорий рабочих мы не имеем рудокопов (Lehenhäuer); относительно последних в конце справки имеется специальное указание на то, что они в справке не предусматриваются. Относительно рудокопов имеется также существенное указание в одной из петиций, поданных тирольскому правительству, [5] здесь выдвигается требование, чтобы дача участка для разработки и условия оформлялись так, чтобы каждый, кто принимается за работу, а также его подручные, с которыми он берется работать, могли их видеть и понимать».

[1] Текст см. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 431—433.
[2] Возможно, что это касается порчи, проведенной в 1576 г.
[3] Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 432.
[4] Там же, стр. 439—441.
[5] Там же, стр. 379.

Таким образом, мы видим, что рудокопы (Lehenhäuer) получали участки для разработки и что работали они не одни, а с подручными; имеющийся же здесь термин «Geselle» наводит на мысль о том, что речь идет о мелком предпринимательстве. Шейерман указывает, что в Тироле существовал такой порядок, что каждое Рождество владельцы рудников (или, вернее, «четвертей») распределяли между рудокопами территорию рудника, отсюда само название «Lehenhäuer». [1] Это распределение носило название «Teilung am Berg».

Существенный материал, характеризующий отношения, существовавшие между рудокопами рудников, дает нам то, что мы знаем о восстании рудокопов в Тироле в 1583 г. Из того решения, которое было вынесено Фердинандом по этим жалобам, видно, что волнения среди рудокопов были вызваны низкой ценой, по которой Фуггеры производили покупку руды, и теми жесткими мерами, которые принимались Фуггерами для того, чтобы сдаваемая им руда не была смешана с пустыми породами.

Решение Фердинанда по жалобам рудокопов сводилось в основных чертах к следующему: [2] в нем со всей строгостью подчеркивается недопустимость «собираться толпами», необходимость вести себя подобающим образом по отношению к владельцам рудников, а также по отношению к своему государю и его чиновникам. Далее подтверждаются существующие тяжелые кары против смешения руды с пустыми породами, и, наконец, выносится запрещение владельцам рудников понижать цену на покупаемую у рудокопов руду. В последнем пункте в решении упоминается термин «Erzlosung». Этот термин обозначал цену, по которой так наз. Lehenhäuer сдавали руду владельцам рудников или «четвертей»; сдаваемая руда называлась «Losungserz». В денежных документах Фуггеров расходы по статье «Erzlosung» отделяются от расходов по статье «Samkost», куда входили затраты на заработную плату категории так наз. Herrenarbeiter. [3]

Имеются и прямые указания на то, что руда покупалась Фуггерами: так, в отчетности по Лютцфельдской плавильне имеется специальная статья под названием «покупка руды». Небезынтересные данные о взаимоотношениях между Фуггерами и рудокопами можно также почерпнуть из имеющегося в фуггеровском архиве перечня по Блейбергскому руднику (Каринтия) и находившейся при нем плавильне. Здесь мы находим следующую приходную статью: «плата (Zins) за пользование плавильней, обжигательными печами, толчеей и кузницей блейбергскими рудокопами

[1] L. Scheuermann, стр. 230—231.

[2] Там же, стр. 245.

[3] Ср. Inama-Sternegg, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, III, 2, стр. 162, прим. 2: «Welcher lonarbaiter seiner samchost und verdienten lon von den gruebmaistern nit bezahlet wirdet... (aus dem Gasteiner Goldrecht).

(Lehenhäuer)». Здесь же имеется и другая приходная статья: «арендная плата (Pachtzins) за дачу в аренду (Verleihung) собственных рудников и горных обрывов (Halden) рудокопам (Lehenhäuer)». [1] Из этих двух статей видно, что в Блейберге Фуггеры передавали от себя в аренду те рудники, в которых они были единственными владельцами, и в этом случае рудокопы (Lehenhäuer) были обязаны только платить арендную плату. Они имели право свободно распоряжаться добытой рудой; они или продавали ее владельцу рудника (причем, как указывает Шейерман, эта руда тогда называлась «Kauferz» а не «Losungserz»), [2] или даже плавили ее в принадлежавшей Фуггерам плавильне за известную плату.

Подытоживая те данные, которые мы имеем о тирольских (а отчасти и каринтийских) рудокопах (так наз. Lehenhäuer), мы имеем возможность сделать некоторые выводы по тому вопросу, который был поставлен ранее: насколько эти рудокопы могут быть признаны наемными рабочими и тем самым насколько организация добычи руды может быть признана капиталистической? Ответ на этот вопрос может быть дан только отрицательный. Даже там, где Фуггеры и другие крупные купцы являлись владельцами рудников, отношения их к рудокопам еще не были отношениями предпринимателей к наемным рабочим. Основное средство производства — рудники — принадлежало крупным купцам, но рудокопы, которые должны были сами приобретать все остальные средства производства, которые *продавали* добываемую руду, не являлись еще наемными рабочими. Это были производители, находившиеся в экономической зависимости от скупщика; они были на пути превращения в наемных рабочих, но в изучаемую нами эпоху мы не видим заметного продвижения по этому пути. Это подтверждается тем, что категорию «Lehenhäuer» мы находим в Тироле на протяжении всего XVI в. и в XVII в., т. е. в течение всего изучаемого нами периода. Не случайно, что данные, которые были приведены выше, относились ко времени начиная с середины XVI в. и кончая 1638 г. А отдельные сведения, которые имеются о количестве этих «Lehenhäuer», показывают нам общее уменьшение их численности, объясняющееся упадком горного дела в Тироле, но не подтверждают превращения их в наемных рабочих.

Если положение, что рудокопы (Lehenhäuer) не представляли собою наемных рабочих, может считаться выясненным, то это, конечно, является решением вопроса только с отрицательной стороны. Перед нами встает представляющий серьезный интерес вопрос о том, как же характеризовать социальную природу этой категории с положительной стороны, кем фактически были эти «Lehenhäuer» по своей социальной природе и как

[1] L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 229.
[2] Там же, стр. 231.

происходил процесс образования данной категории. Ответ на этот вопрос потребовал бы детального изучения истории развития горного дела в Тиролев предшествовавшей эпохе, когда Фуггеры уже участвовали в нем. Считая поэтому невозможным дать обоснованную характеристику социальной природы тирольских рудокопов на материале, привлеченном в связи с изучением роли Фуггеров в горном деле Тироля, я вынуждена ограничиться по этому вопросу следующими общими замечаниями.

Тирольские рудокопы (Lehenhäuer), работавшие в рудниках, принадлежавших крупным купцам, в частности Фуггерам, как мне представляется, были мелкими производителями, находившимися в сильной экономической зависимости от крупных купцов. Среди них, повидимому, имелись элементы мелкого предпринимательства. Что же касается вопроса, как возникла и развивалась данная категория, как, в частности, шел процесс образования мелкого предпринимательства, то ответ на него может быть дан только на основе изучения истории тирольского горного дела. Полагаю, однако, что возникновение самой категории «Lehenhäuer» связано с процессом вытеснения мелких самостоятельных производителей из числа владельцев «четвертей». Мелкие добыватели руды, бывшие одновременно владельцами «четвертей», превратились в рудокопов, уже не владеющих основными средством производства — рудником (вернее — определенной его долей) — и вынужденных работать в рудниках, принадлежащих крупным купцам. В частности, приведенный выше материал о взаимоотношениях рудокопов с Фуггерами на Блейбергском руднике заслуживает с этой точки зрения внимания. Мне представляется, что блейбергские рудокопы, которые арендовали доли рудника у Фуггеров и за определенную плату плавили добытую руду в принадлежавшей Фуггерам плавильне, представляют собою категорию, образование которой было результатом процесса, вытеснившего мелких владельцев «четвертей» (так наз. unschmelzende Gewerke) из числа пайщиков рудника.

Необходимо обратиться теперь к рассмотрению вопроса о том, что представляла собою еще одна уже упоминавшаяся категория работавших в горном деле — так наз. Herrenarbeiter («господские рабочие»). Из сохранившейся справки от 4 марта 1638 г. (об убытке, который приносит один нерабочий день в 4 рудниках в Тироле) мы имеем возможность установить с достаточной полнотой, кто именно принадлежал к этой категории, поскольку мы имеем здесь перечень всех видов рабочих с указанием их количества и дневной заработной платы. [1] Общее количество так наз. «Herrenarbeiter» следующее: по Фалькенштейну и Эрбштоллен (сведения по ним даны вместе) — 662 чел., по руднику в Пелейтен — 95 чел., по руднику в Рингенвексель — 94 чел. В Фалькенштейне и Эрбштоллен мы

[1] Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 439—441.

находим следующие виды рабочих: 1) на плавке руды занято 24 чел., из них 7 чел. получает 15 крейцеров за шихту, а 17 чел. 14 крейцеров поденно; 2) на плотничьих работах более квалифицированных занято 55 чел. (zimermaister), заработная плата которых колеблется между 9 и 12 крейцерами в день; на неквалифицированных плотничьих работах (zimerknecht) занято 45 чел., их зарплата 6—8 крейцеров; 3) 286 чел. занято на подвозке руды, получая 5—7 крейцеров в день; [1] 4) на очистке руды занято 183 чел. (Seiberpueben, т. е. Sauberbuben), работавших под наблюдением 21 старшего рабочего (buebenhuetleit, т. е. Bubenhutleute) и получавших в день 4 крейцера; 5) толчейщиков имелось 2 чел. с зарплатой в 7 и 8 крейцеров (wenntpucher; pucher=Pocher—толчейщик; Pochwerck—толчея).

Кроме того, здесь имеется 4 конторщика (Schreiber), получавших в день от 15 до 17 крейцеров, один мастер (werchmaister), в отношении которого неясно, был ли он мастером предприятия в целом или же плавильни, или, наконец, рудника.

Пять наименований расшифровать не удалось (7 gstenglöger, [2] 8 knechtshuetleit, [3] 1 pfalhacker, [4] 8 zueweitner, 13 stöllelknecht), [5] однако совершенно ясно, что среди категории «Herrenarbeiter» мы не встречаем рудокопов, что, впрочем, специально оговорено в конце справки. Аналогичные виды работ мы находим и по двум другим рудникам.

Рассмотренный документ дает возможность прийти к следующим выводам: категория рабочих, известная под именем «Herrenarbeiter», представляла собой (в отличие от так наз. «Lehenhäuer») наемных рабочих. Эти наемные рабочие были заняты на обработке руды (очистка и плавка), а также в рудниках, но не на самой добыче руды, а на работах, связанных с подвозкой руды, и на плотничьих работах. По отношению к так наз. «Herrenarbeiter» владельцы рудников и плавилен и, в частности, Фуггеры выступали как капиталисты-предприниматели, чего мы не имеем в их отношениях к рудокопам.

Как уже было указано, мы не видим существенных изменений в организации добычи и обработки руды в Тироле в период, когда Фуггеры принимают участие в горном деле. Наряду с этим следует отметить, что изучение горного дела в Тироле показывает нам другой характерный про-

[1] Судя по названию их Truchenlauffer (Truhenläufer), подвозка производилась в ящиках.

[2] От Gestänge? (деревянные подкладки под колеса рудооткаточной тележки).

[3] Повидимому, старшие рабочие, наблюдавшие за неквалифицированными рабочими (термин «knecht» в отличие от «maister» употреблялся для обозначения неквалифицированных рабочих).

[4] Повидимому, на крепительных работах.

[5] От Stollen? или от Stall?

цесс — процесс уменьшения количества владельцев рудников (или, вернее, «четвертей»), концентрации рудников у все уменьшающегося количества купцов. Мы видим, что к середине XVI в. в крупных рудниках Тироля мелкие пайщики были уже вытеснены купцами; еще в 1554 г. на примере рудника в Рингенвексель мы наблюдали стремление крупных купеческих домов сосредоточить владение рудником в своих руках. В частности, в этом принимают участие и Фуггеры. Петиция, поданная правительству в 1554 г., несомненно, является подтверждением агрессивности крупных купеческих домов в деле концентрации рудников в своих руках. В дальнейшем мы наблюдаем, что процесс концентрации продолжается в той форме, что количество крупных владельцев рудников все уменьшается. [1] Но в отличие от того, что наблюдалось ранее, дальнейший процесс концентрации не может быть объяснен агрессивностью крупных владельцев рудников в деле приобретения новых участков. Мы наблюдаем скорее картину обратную. Концентрация рудников в немногих руках происходит вопреки желанию крупных купцов и, в частности, Фуггеров.

Для подтверждения этого положения рассмотрим в основных чертах, как проходил в дальнейшем процесс концентрации рудников в Тироле.

В 1558 г. крупный купец Герварт отказывается от дальнейшего участия в разработке рудников в Фалькенштейне и Шнееберге; участки его не приобретаются другими крупными купеческими домами, а переходят к Фердинанду I, который покупает у Герварта его предприятия. [2] Скоро после этого торговый дом «Антон Гауг и Ульрих Линк» обращается к королю с просьбой купить у него как принадлежащие ему горные участки, так и плавильни, однако встречает со стороны Фердинанда отказ. В 1564 г. обанкротилась фирма Манлих и выбыла из числа владельцев рудников. [3]

В 50-х годах XVI в. в горном деле Тироля обнаруживаются моменты, свидетельствующие об упадке этой отрасли производства. Уже на Иннсбрукском ландтаге 1555 г. выдвигается вопрос об ухудшении состояния горного дела, об уменьшении добычи руды в Раттенберге и Роттенбурге и даже в богатейших фалькенштейнских рудниках; указывается, что уже 3000 рудокопов покинули страну, раздаются обвинения по адресу аугсбургских купцов, ведущих хищническую эксплуатацию рудников. [4] В свою очередь аугсбургские купеческие дома постоянно жалуются на трудные условия, в которых находится горное дело, на то, что уплата правительству установленных сборов лишает предприятия прибыльности.

Разорение ряда купеческих домов, участвовавших в разработке ти-

[1] Вопроса о вытеснении мелких производителей я считаю возможным не касаться, в основных рудниках их уже не имелось.

[2] Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 133.

[3] Там же, стр. 134—135.

[4] Там же, стр. 142.

рольских рудников, понижение доходности последних и необходимость сорганизоваться для того, чтобы добиться от правительства более выгодных условий, — все это привело к тому, что в 1565 г. Фуггеры, торговый дом Гауг—Линк и торговый дом Катцбек объединились в так наз. Иенбахскую кампанию (Jenbacher Handel). Нелишне вспомнить, что один из участников этого объединения, торговый дом Гауг—Линк, как было указано выше, до этого проявлял желание отказаться от дальнейшего участия в горном деле. Договор 1565 г. [1] был заключен на 5 лет и затем продлен.

По этому договору большая часть принадлежавших Фуггерам рудников (или «четвертей»), плавилен и т. п. перешла к вновь организованной компании; только рудники в Каринтии и один тирольский рудник остались в индивидуальном владении Фуггеров. [2]

Таким образом, мы видим, что в 1565 г. произошел существенный момент в концентрации горного дела в Тироле.

Несмотря на некоторые уступки, которых Иенбахская компания добилась от Фердинанда I, кривая добычи руды продолжала падать: если в 1569 г. добывалось 17 445 марок серебра, то в 1574 г. добыча упала до 11 тысяч марок.

3 августа 1571 г. Иенбахская кампания и Ганс Дрейлинг, один из сравнительно крупных владельцев рудников (к которому в свое время перешли «четверти», принадлежавшие разорившейся в 50-х годах фирме «Братья Ганс и Георг Виктор Штекль»), предложили эрцгерцогу приобрести их предприятия. Из сообщения, посланного эрцгерцогу одним из горных чиновников (Рейслендером), видно, что Дрейлинг запрашивал за свои предприятия всего лишь 20 тысяч флоринов, в то время как он сам уплатил ранее при покупке от Штекля сумму, больше чем в 4 раза превышавшую ту, которую он теперь требовал от эрцгерцога. [3] Тирольское правительство пишет эрцгерцогу, что ему, конечно, было бы выгоднее не принимать непосредственного участия в производстве, а получать доходы просто в силу регалии, «как это было обычным в те годы, когда еще доли Герварта не были взяты», но поскольку, кроме Иенбахской компании, нет других предпринимателей и нет желающих взять на себя доли Дрейлинга, запрашиваемая же последним цена невысока, то эрцгерцогу все же дается совет согласиться на предложение Дрейлинга. [4]

Эпизод с Дрейлингом показывает, что Иенбахское товарищество не делало попыток к тому, чтобы воспользоваться затруднительным положением Дрейлинга и увеличить свое производство. Более того, после того,

[1] Текст см. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle..., стр. 422—431.
[2] Там же, стр. 160.
[3] Там же, стр. 185.
[4] Там же, стр. 187.

как его предложение о приобретении эрцгерцогом принадлежавших компании участков было отклонено, Иенбахское товарищество настаивало на взятии эрцгерцогом в свое непосредственное ведение участков Дрейлинга в Фалькенштейне с тем, чтобы доля участия эрцгерцога в горном деле была равной доле участия Иенбахского товарищества. [1]

Мы не располагаем достаточным материалом для того, чтобы проверить правильность утверждения Шейермана, что мотивом такого выступления Иенбахской компании было втянуть эрцгерцога глубоко в горное дело с тем, чтобы заставить его изменить политику постоянного ухудшения условий производства, которая им проводилась. Во всяком случае ясно, что Иенбахская компания, основными участниками которой были Фуггеры, не проявляла стремления сконцентрировать в своих руках все горное дело Тироля.

Специальная комиссия, образованная для проработки вопроса о целесообразности приобретения эрцгерцогом принадлежавших Дрейлингу горных участков, дала положительное заключение. В последнем представляют интерес следующие моменты. Комиссия пишет: «Иенбахцы, как видно из всего их поведения, думают о том, чтобы прекратить производство и какими бы то ни было путями в течение ближайших лет вырвать свои капиталы из горнсго дела». «На имеющихся пайщиков нельзя длительно рассчитывать, но вместе с тем нет надежды и перспективы, чтобы со временем к вашей княжеской светлости рудники и все перешло в руки даром, как об этом говорят».

Этот документ является дополнительным доказательством того, что объединившиеся в Иенбахское товарищество купеческие дома, в частности Фуггеры, держали линию не на то, чтобы удержать за собой и еще более сконцентрировать в своих руках горное дело, а на то, чтобы порвать с ним, однако так, чтобы спасти хотя бы в основном вложенный капитал.

В декабре 1571 г. сделка между эрцгерцогом и Дрейлингом была заключена.

Дальнейшая история Иенбахского товарищества полна постоянных конфликтов с эрцгерцогом на почве предъявляемых компанией претензий на произвол горного управления, требований уменьшения поборов и т. п.

К 70-м годам XVI в. ярко выявляется безнадежность погашения Габсбургами своей все возраставшей задолженности; тем не менее Фуггеры вынуждены давать Габсбургам новые ссуды, и когда в 1574 г. один из трех участников Иенбахской компании торговый дом Гауг и Лангнауэр обанкротился, то Фуггеры были вынуждены приобрести долю этого торгового дома в товариществе.

[1] Из донесения Рейслендера, там же, стр. 185.

Последний участник Иенбахской компании торговый дом Катцбек также обнаруживал стремление выйти из товарищества, и в конце концов в 1578 г. Фуггеры были вынуждены купить также и его участки и стать, таким образом, единственными владельцами иенбахского предприятия и единственными крупными предпринимателями в Тироле.

Тот факт, что Фуггеры приобретают доли тех участников Иенбахского товарищества, которые отказывались от дальнейшего участия в разработке рудников в Тироле, как будто противоречит высказанному выше положению, что Фуггеры так же, как и другие крупные торговые дома того времени, стремились отойти от непосредственного участия в производстве. Но такое предположение опровергается частично сохранившейся бухгалтерской отчетностью Иенбахского товарищества за 1585 г., из которого мы достаточно ясно видим состояние дел предприятия.

Не приводя всех имеющихся цифровых данных, укажу лишь следующие итоги: общая сумма убытка от добычи руды составила 9874 флоринов; плавильни и толчеи дали прибыль в 5941 флоринов; торговля предметами первой необходимости дала прибыль в 10 713 флоринов.

Баланс 1585 г. до нас полностью не дошел. Правда, Шейерман тем не менее считает возможным на основании сохранившейся части и других данных, не вошедших в баланс (как, напр., оплата служащих и т. п.), сделать вывод, что общий убыток за год составил приблизительно 1300 флоринов.[1] Однако этот вывод далеко не является бесспорным. Но во всяком случае ясно одно — это то, что добыча руды в Тироле была для Фуггеров причиной крупных убытков, которые лишь отчасти покрывались прибылью, получавшейся от других связанных с горным делом предприятий. Это является достаточным доказательством того, что у Фуггеров не могло быть заинтересованности все глубже и глубже входить в горное дело и приобретать те рудники или часть рудников, от которых отказывались другие купеческие дома.

Монопольными владельцами рудников в Тироле Фуггеры стали не в результате своего стремления вытеснить других владельцев и сосредоточить рудники в своих руках, а только потому, что они не могли отойти от горного дела; отказ от рудников ставил их под угрозу потерять не только то, что они вложили в горное дело, но и те большие суммы, которые ими разновременно были даны Габсбургам в виде ссуд. Ростовщические операции Фуггеров лишили их возможности порвать с горным делом так же, как это сделал целый ряд купеческих домов, рисковавших в данном случае почти только своими вложениями в горное дело.

Не порывая с горным делом, Фуггеры, однако, перестают вкладывать в него новые капиталы. Более того, как мы уже видели при рассмотрении

[1] L. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 274.

балансов Фуггеров, они по возможности извлекают по частям вложенный в тирольские предприятия капитал, так же, как они это делали в отношении самого аугсбургского торгового дома. Наконец 8 марта 1657 г. Фуггеры отказались от дальнейшей разработки рудников в Тироле и безвозмездно передали правительству свои рудники.

Несколько слов о деятельности Фуггеров в той части, которая не охватывалась Иенбахским товариществом и оставалась в ведении так наз. «Propriohandel». Если еще в 1570 г. Фуггеры по рудникам, принадлежавшим так наз. «Propriohandel», имели прибыль в 15 289 флор., то затем мы наблюдаем снижение суммы прибыли. В 1572 г. она составляла 8823 флор., в 1574/75 г. 5926 флор., в 1584/85 г. только 241 флор., в 1586/87 г.— 271 флорин. Начиная с 1588/89 г. мы до 1610 г., как правило, наблюдаем убыток (только в 1600/01 г. и в 1610/11 г. имелась прибыль), составивший в общем 51 825 флор. (при 13 930 флор. прибыли за 1600/01 и 1610/11 гг.). Затем, после ряда лет, давших прибыль (Шейерман отмечает повышение цен на медь), начиная с 1614/15 по 1626/27 г. (прибыль 42 913 флор.), мы затем вплоть до 1640/41 г. видим убыток в 34 885 флор. (при прибыли в 434 флор., полученной в 1638/39 г.). [1] Уже в 1577 г. правительство писало о Рёрербюгельском руднике (основной рудник «Propriohandel»), что он находится в полном упадке. [2] Рудники в Каринтии пришли в упадок еще раньше. В 1571/72 г. большинство рудников в Каринтии списывается со счета.

Фуггеры в Альмадене

Из производственных предприятий Фуггеров большое значение имели ртутные рудники в Альмадене (Испания). Однако ознакомление с этой отраслью фуггеровских предприятий крайне затруднено тем, что в отличие от других предприятий Фуггеров, по которым хотя бы частично имеются опубликованные документы, по испанским предприятиям опубликованных документов нет. Единственный из историков, который более подробно разработал архивные материалы о деятельности Фуггеров в Испании, Конрад Геблер, [3] этих материалов не опубликовал, а в самой работе он лишь отчасти касается тех вопросов, которые для нас в данном случае являются наиболее существенными, — вопросов организации производства.

Ввиду такого положения детальное изучение деятельности Фуггеров в части, касающейся их участия в добыче ртути в Альмадене, не является

[1] Сводку см. Scheuermann, Die Fugger als Montanindustrielle, стр. 470—471.

[2] Там же, стр. 221.

[3] K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, Zeitschr. für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte, 1894 г.

возможным, и я ограничусь приведением некоторых наиболее существенных моментов из этой отрасли фуггеровского производства в целях некоторой большей полноты освещения участия Фуггеров в горном деле.

Как уже было ранее указано, в 1525 г. Фуггеры впервые получили на откуп доходы «маэстразгос»; это было результатом той ссуды, которую Фуггеры дали Карлу V до избрания его на императорский престол. Несколько ранее Фуггеры стали арендаторами альмаденских ртутных рудников (принадлежали ордену Calatrava, имущество которого входило в так наз. маэстразгос). Эксплуатация ртутных рудников представляла значительную выгодность в связи с все возраставшими спросом на ртуть, применявшуюся для добычи серебра в Америке.

Не касаясь в настоящей статье технической стороны организации добычи ртути в альмаденских рудниках (хотя она и представляет значительный интерес), [1] остановлюсь на тех немногих сведениях, которыми мы располагаем об организации труда в этих рудниках.

Сведения, имеющиеся по данному вопросу, сводятся к следующему:

Работа в штольнях сдавалась Фуггерами с подряда: штейгер, который получал подряд, имел 7—8 рабочих и получал 1000—1400 мараведи [2] за 1 центнер руды. Расчет производился таким образом, что каждую субботу штейгер сообщал, сколько человек работало в его штольне; бухгалтер выдавал сумму, необходимую для оплаты работавших, затем эта сумма засчитывалась штейгеру при сдаче им руды. [3] Что представляли собою те, кто работали в штольнях, в каких отношениях они находились к штейгеру и к владельцам рудника, равно как и то, кем являлся сам штейгер — субпредпринимателем или служащим Фуггеров, — все эти вопросы остаются совершенно неясными. Геблер, повидимому, считает способ добычи руды *подрядным*; это видно в частности из следующего его высказывания, относящегося уже к плавке руды: «В то время, когда Фуггеры сдавали также и плавку подрядно, они доставляли первоначально 18 «гаваней» (тиглей. *Е. Н.*) для каждой печи; из износа же, составлявшего 8 штук на каждую плавку, арендатор должен был возместить половину. [4]

При условии правильности сообщаемых Геблером сведений об организации плавильного дела, последнее действительно должно было носить подрядную форму, и арендатор печи должен был, повидимому, представлять собою мелкого предпринимателя.

Геблер сообщает также, что на некоторых работах, в частности на

[1] В частности, следовательно бы отметить представляющее интерес устройство шахт и постановку осушительных работ.

[2] Мараведи примерно $^1/_{375}$ дуката.

[3] K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 97—98.

[4] Там же, стр. 101.

крепительных работах, были заняты немецкие рабочие.[1] Конкретно он указывает на тот факт, что для возобновления производства в 1562 г. из Германии было вывезено 70 рабочих дополнительно к тем, которые уже работали в Испании.

Наконец, работа Геблера содержит указание на частичное применение принудительного труда в альмаденских рудниках. Он сообщает, что в Испании практиковалось использование в рудниках рабов, морисков и преступников с галер для подъемных работ. По мнению Геблера, такого же рода рабочая сила использовалась и на работах по извлечению воды из рудника.[2]

Все эти отдельные сведения приведены мною не для того, чтобы из них сделать какие-нибудь выводы по существу организации труда в альмаденских рудниках, а для того, чтобы показать, из какого сложного и совершенно не изученного комплекса вопросов слагается данная проблема.

Фуггеры эксплуатировали альмаденские рудники до 1639 г., когда вспыхнувший пожар частично сделал продолжение работ невозможным. Это был второй значительный пожар в течение времени, когда Фуггеры были арендаторами рудника. Первый вспыхнул в 1557 году, и в течение 13 лет добыча руды в Альмадене не производилась.

Причиной этих пожаров, как и более мелких пожаров, нередко случавшихся в рудниках, являлся самый способ освещения. В качестве средства освещения употреблялся род факела, составлявшегося из скрученных веревок и волокон,[3] пропитанных маслом.

Характерно, что ни в 1557 ни в 1639 г. Фуггеры не приняли никаких мер к спасению хотя бы части рудников. Более того и в первом и во втором случае они затопили рудники. Предпринятая же после пожара 1639 г. правительством ревизия показала, что альмаденские рудники были преднамеренно запущены и до пожара и Фуггерами не принималось никаких мер для обеспечения нормального хода работ.[4] Если вспомнить, что Фуггеры давно уже вели последовательно линию на ликвидацию торгового дома, то такой образ действия с их стороны вполне объясним.

После 1639 г. наступил период ликвидации торгового дома Фуггеров. Рудники в Альмадене перешли в непосредственное ведение государства; впоследствии они были приобретены Ротшильдом.[5]

[1] K. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 98, 142.
[2] Там же, стр. 99, 205.
[3] Там же, стр. 103 (Espartofasern).
[4] Там же, стр. 221.
[5] Там же, стр. 222.

Выводы

Рассмотрев данные, которыми мы располагаем об участии Фуггеров в горном деле, мы имеем возможность перейти к общим выводам по данному вопросу. Как мы видели, основным материалом, дающим возможность представить себе с сравнительно удовлетворительной полнотой деятельность Фуггеров в части, связанной с горным делом, является материал о деятельности Фуггеров в Тироле. Этот материал я и беру за основу при формулировке выводов. Это возможно потому, что те отдельные данные, которыми мы располагаем об участии Фуггеров в горном деле вне Тироля (Венгрия, Каринтия, Испания), будучи сами по себе совершенно недостаточными для выводов, тем не менее не противоречат тому, что мы наблюдаем в Тироле, и не ставят под сомнение выводов, вытекающих из рассмотрения деятельности Фуггеров в Тироле.

Начну с вопроса о том, что вызывало проникновение капитала Фуггеров в горное дело.

Мы видим, что начало участия Фуггеров в горном деле Тироля было результатом ростовщических операций, осуществлявшихся ими по отношению к Сигизмунду Тирольскому и затем к Габсбургам. В Испании аренда рудников в Альмадене также связана с ростовщическими операциями (ссуда, данная Карлу V при выборах его на императорский престол). В Венгрии мы такой непосредственной связи между проникновением капитала Фуггеров в горное дело и ростовщическими операциями не наблюдаем. Вложение капитала Фуггеров в горное дело в Венгрии было результатом той крупной торговли металлами, которую Фуггеры в это время вели, и их стремления к монополизации этой торговли.

Связь между ростовщическими операциями и проникновением капитала Фуггеров в горное дело вытекает со всей определенностью из предшествовавшего изложения. Однако правильно ли было бы сделать отсюда вывод, что Фуггеры стали участвовать в горном деле только потому, что наилучшим обеспечением даваемых ссуд являлись металлы. Правильно ли считать, что ростовщические операции были основной причиной проникновения капитала Фуггеров в горное дело. Полагаю, что такое заключение было бы неправильным для первого периода деятельности Фуггеров, периода подъема торгового дома, примерно до 40-х годов XVI в. Беря вопрос о проникновении Фуггеров в горное дело в общей связи с их деятельностью в данный период в целом (значительная международная торговля, усиленные попытки включиться в колониальную торговлю и т. п.), я считаю неправильным расценивать ростовщическую деятельность Фуггеров как причину вложения ими капитала в горное дело. Мне представляется, что, помимо того, что горное дело обеспечивало наибольшую надежность возврата ссуженных средств, его значение для Фуггеров главным образом заключалось в том, что оно поставляло основной

объект для крупной международной торговли, и именно в интересах развития своей международной торговой деятельности Фуггеры стали вкладывать свои капиталы в горное дело. На этом этапе развития торгового дома Фуггеров ростовщические операции являлись не столько *причиной*, сколько *средством* овладения горным делом.

Иначе обстоит дело в более поздние периоды деятельности Фуггеров. Вся история их деятельности в Тироле начиная примерно с середины XVI в. показывает (и чем дальше, тем определеннее), что Фуггеры теряли заинтересованность в горном деле, как таковом; ростовщичество стало не только основой их деятельности, но и всем *содержанием* ее. В этот период Фуггеры против своей воли вынуждены не только продолжать свою деятельность в области горного дела, но даже концентрировать его все в больших размерах в своих руках только потому, что, порвав связь с горным делом, они рисковали потерять значительную часть своих капиталов. На данном этапе ростовщические интересы Фуггеров определяли и их участие в горном деле.

В каких же формах осуществлялось проникновение капитала Фуггеров в горное дело?

Как мы видели, оно осуществлялось в основном в двух формах: 1) в форме чисто торговой, без всяких элементов непосредственного участия в самом производстве, и 2) в таких формах, которые в большей или меньшей степени выражали непосредственное вложение капитала в само производство.

Из материала о деятельности Фуггеров в Тироле и Венгрии видно достаточно ясно, что первая форма предшествовала второй. До 1522 г. Фуггеры в Тироле ограничивались скупкой меди и серебра, используя свои ростовщические операции для достижения монопольного положения на металлическом рынке. Даже Я. Штридер вынужден признать, что до 1522 г. участие Фуггеров в горном деле Тироля носило не промышленный, а купеческий характер,[1] что в основном производство развивалось без непосредственного участия Фуггеров.[2] Что же касается проникновения капитала Фуггеров в Венгрию, то и здесь операции по скупке металлов предшествовали вложению капитала в производство; в частности торговые связи, уже имевшиеся между Фуггерами и бр. Турцо, привели Фуггеров к участию в производстве.

Однако было ли бы правильным считать, что заключение договора с бр. Турцо, состоявшееся в 1495 г., означает начало деятельности Фуггеров в Венгрии в качестве промышленных капиталистов, как это признают буржуазные историки? Так, Штридер в частности особо подчерки-

[1] J. Strieder, Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen, стр. 27.
[2] J. Strieder, Jakob Fugger der Reiche, стр. 109.

вает, что в отличие от того, что было в Тироле, деятельность Фуггеров в Венгрии с самого начала была производственной деятельностью. Я полагаю, что данное утверждение не оправдывается фактическим материалом. Договор 1495 г. достаточно ясно свидетельствует о том, что Фуггеры по существу (а не формально) продолжали оставаться *вне* производства. Не они, а Турцо выступают в качестве организаторов производства; Фуггеры финансируют предприятие и осуществляют реализацию продукции, продолжая добиваться монопольного положения в торговле металлами. Только после расторжения договора с Турцо деятельность Фуггеров в Венгрии начинает носить производственный характер. Таким образом и в Тироле и в Венгрии Фуггеры в течение долгого времени выступают только как торговые капиталисты, овладевающие горным делом, но не участвующие в самом производстве. [1]

Нельзя не отметить, что непосредственное участие Фуггеров в процессе добычи и обработки руды в основном относится не к периоду, когда деятельность торгового дома была наиболее значительной и многосторонней, а к периоду, когда его линия развития шла уже не вверх, а вниз.

Обратимся к вопросу о том, в каких формах протекала сама производственная деятельность Фуггеров. Мы видели, что эти формы были различными. Рассмотрение организации добычи руды в Тироле показало, что отношения Фуггеров к рудокопам еще не были отношениями предпринимателей к наемным рабочим и не имели тенденции к тому, чтобы превратиться в отношения капиталистические. Мы не наблюдаем, чтобы участие Фуггеров в добыче руды вносило изменение в существовавший в Тироле способ разработки рудников. Иначе обстоит дело с рядом других видов работ. Мы видели, что на обработке руды (очистка и плавка руды) были заняты наемные рабочие: наемных же рабочих мы частично находим и на работе в рудниках, на крепительных работах и на подвозке руды; так наз. «Herrenarbeiter» мы имеем основание считать мануфактурными рабочими. Наконец, следует отметить те элементы использования субпредпринимательства, о которых мы имеем частично сведения (в Венгрии и, повидимому, в Тироле, Каринтии и Испании). [2]

Таким образом, на вопрос о том, имелись ли в деятельности Фуггеров, связанной с горным делом, элементы превращения накопленного в торговле и ростовщичестве капитала в капитал промышленный, я считаю правильным ответить положительно. Эти элементы несомненно имелись налицо. Но не они являются определяющими, когда мы характеризуем

[1] Вопрос этот в применении к деятельности Фуггеров в Испании не может быть затронут за отсутствием данных.

[2] В отношении деятельности Фуггеров в Испании, как мы видели, возникает также представляющая значительный интерес проблема использования Фуггерами принудительного труда.

деятельность торгового дома; ни на одном этапе его существования производственные операции не были основным содержанием деятельности Фуггеров; они всегда играли подчиненную роль по отношению к торгово-ростовщическим операциям торгового дома.

Заключение

Мы проследили, как развивалось содержание деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров на протяжении всей его истории, охватывающей период свыше 200 лет. Восстановим в памяти основные моменты этого процесса.

Подобно целому ряду крупных немецких купцов XV—XVI вв., Фуггеры вышли из ремесленников. Процесс возникновения данного торгового дома был по существу тем процессом, который мог бы привести к возникновению капиталистического производства путем, характеризуемым Марксом «как действительно революционизирующий путь, когда производитель становится купцом и капиталистом». [1] Но линия развития Фуггеров уже сравнительно рано начинает отклоняться от этого пути. Уже к 70-м годам XV в. мы видим со всей ясностью, что Фуггеры потеряли связь с ремеслом. В лице Фуггеров ремесло выделило купцов, но эти купцы отрываются от производства. Торговый дом Фуггеров становится крупнейшим купеческим домом не только Германии, но и Европы. Фуггеры, начав с торговли предметами, имеющими отношение к тому ремеслу, из которого сами они вышли, затем все более переключаются на торговлю *вообще;* они торгуют теми объектами, которые способны дать наибольшую прибыль, и в частности стремятся монополизировать в своих руках одну из наиболее выгодных отраслей торговли — торговлю металлами. Они делают неоднократные попытки включиться непосредственно в колониальную торговлю, как средство интенсивного накопления капитала. Торговые и ростовщические операции приводят к тому, что Фуггеры начинают вкладывать частично свои капиталы в горное дело. Таково содержание деятельности торгового дома Фуггеров в течение конца XV и первой трети XVI века. Значительное место, которое уже в этот период ростовщические операции занимают в деятельности Фуггеров, еще не дает нам право считать, что ростовщичество уже являлось основным, определяющим все развитие торгового дома моментом.

Но уже с 40-х годов XVI в. мы можем совершенно определенно констатировать изменение в направлении деятельности Фуггеров. Чем дальше, тем больше ростовщические операции становятся основными в деятельности торгового дома, вытесняя остальные ее стороны. Торговые

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, изд. 1930 г., стр. 258.

операции все более и более заметно отступают на задний план и наконец, к 60-м годам XVI в., теряют всякое значение, если не считать той сравнительно уже незначительной торговли металлами, которая была связана с непосредственным участием Фуггеров в горном деле. Эта сравнительно небольшая торговля, уже далекая в общем от стремления к монополии (о сохранении последней можно говорить лишь по отношению к торговле ртутью), не прекращалась в течение всего дальнейшего существования торгового дома, как не прекращалось и участие Фуггеров в горном деле. Но, как мы видели, участие Фуггеров в горном деле уже не являлось одним из моментов разносторонней, развивающейся в сторону подъема деятельности торгового дома, а неизбежным дополнением его ростовщических операций, ставших основным содержанием деятельности Фуггеров.

Несмотря на сохраняющиеся элементы производственной деятельности Фуггеров, частично носившей предпринимательский капиталистический характер, общая линия развития Фуггеров должна быть определена следующим образом: Фуггеры, крупные купцы, вышедшие из ремесла, превращаются не в промышленных капиталистов, а в ростовщиков. Это подтверждается всеми материалами истории данного купеческого дома.

Рассмотрение ростовщических операций Фуггеров показало достаточно ясно ту связь, которая объединяла интересы Фуггеров с интересами Габсбургов, и политическую роль Фуггеров, являвшуюся выражением этой связи. Однако было бы ошибочным игнорировать то обстоятельство, что основание, на котором базировалась эта связь, было различным на разных этапах деятельности торгового дома.

Мне представляется, что моментом, объединившим интересы Фуггеров с Габсбургами в конце XV и начале XVI в., являлось не ростовщичество, как таковое (последнее было скорее средством сохранения и укрепления этой связи), а стремление к использованию всех возможностей для крупной международной и особенно колониальной торговли. Если же учесть, что политика поддержки Габсбургов (наиболее ярким появлением которой была позиция Фуггеров и других крупных купеческих домов Германии во время борьбы за императорский престол между Карлом V и Франциском I) была характерной не только для Фуггеров, а для целого ряда крупных немецких купцов данной эпохи, то этот момент приобретает особое значение. Поддержка, оказывавшаяся в этот период Габсбургам, выражала присущее немецкому купечеству в целом стремление удержать свои позиции, несмотря на происшедшее перемещение торговых путей. В этом стремлении найти выход из создавшегося положения, сохранить свое значение в международной торговле, использовать те новые источники накопления капитала, которые создали великие географические открытия, — вот та основа, которая объединяла в данный период интересы

крупных купеческих домов Германии и Фуггеров в частности с интересами Габсбургов.

Иначе обстояло дело тогда, когда все эти попытки немецких торговых домов, в том числе и Фуггеров, оказались безуспешными, когда ход исторического развития все более и более выключал Германию из того имевшего всемирноисторическое значение процесса, который происходил в передовых странах Европы. В отличие от этих стран накопленный в торговле и ростовщичестве капитал Германии не имел условий, необходимых для своего превращения в капитал промышленный. Прогрессировавший в Германии процесс консервации и усиления феодальных отношений, возможность которого дала победа феодалов в великой крестьянской войне, наложил в частности свой отпечаток и на деятельность Фуггеров, как крупнейших представителей немецкого купеческого капитала. Стремление этого капитала к самовозрастанию могло осуществляться в основном только на базе старого способа производства, и в частности ростовщичество предоставляло для этого наибольшие возможности. Отсюда наблюдающееся все больше и больше укрепление связи между Фуггерами и Габсбургами, не только как объектом выгодного применения капитала, но и как представителями принципа незыблемости существующих общественных отношений.

Но развитие Фуггеров шло не только по линии превращения их в ростовщиков. Одновременно с этим процессом происходит другой характерный процесс, на котором необходимо остановиться.

При изучении балансов торгового дома Фуггеров я отметила наблюдавшийся рост его земельных приобретений, не вдаваясь в более подробное рассмотрение этого вопроса. Между тем для полноты уяснения процесса развития Фуггеров данный момент имеет существенное значение.

Уже в начале XVI в. Фуггеры начинают приобретать земельные владения. Эти приобретения осуществляются отчасти тем путем, что некоторые ссуды, дававшиеся Габсбургам, имели в качестве обеспечения земельные владения; поскольку же выкуп этих земель не происходил, то со временем они перешли в полную собственность торгового дома. Наряду с этим Фуггеры производили также покупку земель. Приобретенные земли в течение долгого времени считались собственностью торгового дома и не распределялись между отдельными членами семьи Фуггеров. Но уже в балансе 1563 г. земельные владения не значатся. К этому времени они перешли в индивидуальную собственность отдельных Фуггеров.

Уже в течение XVI в. [1] Фуггеры были возведены в дворянство; в 1530 г. [2] они получили звание графов, а в 1534 г. право чеканить золотую

[1] О точной дате имеется расхождение.

[2] По другим сведениям, в 1514 г. — см. Häbler, Die Geschichte der Fuggerschen Handlung in Spanien, стр. 9.

и серебряную монету. Имеются сведения, что эта привилегия была результатом ссуды, данной Фуггерами императору в связи с одним из его походов. [1] В 1629 г. Фуггеры получили звание пфальцграфов с правом предоставления прав дворянства. [2]

Характерно, что Фуггеры долгое время не пользовались предоставленным им графским титулом; об этом, в частности, свидетельствуют надписи на могилах Фуггеров; так, напр., еще на памятнике Антона Фуггера (ум. в 1560 г.) указания на его графский титул отсутствуют. [3] Это показывает, что в этот период Фуггеры сознавали себя еще купцами, а не феодалами; в последующем же мы уже и в деловых документах встречаем указание на их графский титул.

То, что Фуггеры в конце XVI и в XVII вв., еще в период существования торгового дома, уже перестают в основном рассматривать себя как капиталистов, подтверждается как сухими данными бухгалтерской отчетности, так и рядом сведений биографического характера.

В конце XVI и в XVII в. мы встречаем многих Фуггеров в качестве епископов, приближенных императора, офицеров и т. п. В частности одного из Фуггеров (Отто-Гейнрих Фуггер граф Кирхбергский и Вейсенгорский) мы встречаем в качестве полководца во время Тридцатилетней войны на стороне католической лиги; под его командование перешла армия Альтрингера после смерти последнего.

Однако и без привлечения автобиографического материала вопрос о направлении, в котором шло развитие Фуггеров начиная со второй половины XVI в., является совершенно ясным. Одно только внимательное изучение бухгалтерских данных торгового дома Фуггеров показывает, что параллельно тому, как купеческий дом, имевший в свое время международный престиж, осуществлявший в крупных масштабах свою многостороннюю деятельность, превращался в чисто ростовщическую организацию, векселя которой даже перестали приниматься на бирже, сами Фуггеры из представителей капитала превращались в феодалов. Доказанное выше систематическое изъятие средств из торгового дома означало уничтожение их *как капитала* и превращение их в обычное *богатство потребительного типа*.

Путь, который прошли Фуггеры в течение примерно двухвекового существования торгового дома, может быть охарактеризован как путь от «производителя, ставшего купцом», к крупному феодалу. Этот процесс развития Фуггеров был выражением процесса развития самой Германии, превращавшейся в страну «второго издания крепостничества», страну, отброшенную в своем историческом развитии на 200 лет назад.

[1] Siebmachers grosses u. allgem. Wappenbuch, т. I, часть 3, серия 1, стр. 22.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 23.

Буржуазные историки создали легенду о Фуггерах, как представителях «раннего капитализма», носителях прогресса, погибших по вине алчности Габсбургов и спасших ничтожные крохи из своего когда-то огромного богатства. Действительность, рассматриваемая с позиций марксистско-ленинских, как единственно подлинно научных, разбивает эту легенду. В заключение же нельзя не отметить, что «ничтожные крохи», спасенные в свое время Фуггерами от алчности Габсбургов, дали возможность их потомкам сохранить свои титулы и богатства вплоть до последнего времени. [1]

[1] По данным Готского альманаха 1927 г., в Германии сохранились три линии Фуггеров — одна княжеская и две графские (Fürsten Fugger von Babenhausen, Grafen Fugger von Kirchberg und Weissenhorn, Grafen Fugger von Glött) — Almanach de Gotha, Annuaire généalogique, diplomatique et statistique, 1927 г.

Историческая теория Маркса и Энгельса и крепостничество „второго издания“ в восточной Европе

М. М. ЦВИБАК

1. Феодализм и первоначальное накопление в исторической теории Маркса и Энгельса

Историческая теория Маркса и Энгельса — концепция всемирно-исторического процесса. Идеалистической концепции всемирной истории Маркс и Энгельс противопоставили свою концепцию диалектико-материалистического понимания всемирноисторического процесса, как процесса развития последовательных прогрессивных общественно-экономических формаций, который совершается, как отмечал Ленин, [1] не прямолинейно, а по спирали.

В этом—отличительная черта марксистско-ленинской концепции всемирноисторического развития. В ряде статей В. И. Ленина мы находим разъяснение основного содержания этого развития.

В статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» Ленин показывает, что главное в учении Маркса — это «выяснение всемирноисторической роли пролетариата, как созидателя социалистического общества». [2] В статье «Третий Интернационал и его место в истории» Ленин пишет: «Началась новая эпоха всемирной истории». [3] Содержание этой всемирноисторической эпохи Ленин видит в том, что «всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата». [4] С диктатурой пролетариата связано и всемирноисторическое значение самого Интернационала, так как он начал этот лозунг «претворять в жизнь».

Ленин подчеркивает, что борьба рабочего класса вырастает из всего предшествующего исторического процесса, и в этом процессе уже есть черты, превращающие его во всемирный процесс, в процесс всемирноисторического значения. В 1912 г. Ленин написал статью, посвященную балканской войне: «Новая глава всемирной истории». В этой статье Ленин

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 11.
[2] Там же, т. XVI, стр. 331.
[3] Там же, т. XXIV, стр. 249.
[4] Там же.

говорит, что «даже буржуазная печать Европы» признает, «что началась новая глава всемирной истории», и задает вопрос: какое же значение имеет эта новая глава? Значение ее в том, отвечает Ленин, что разгром Турции и победа балканского четверного союза государств приводит к устранению на Балканах существующих там, как и во всей восточной Европе, могучих остатков средневековья, страшно задерживающих общественное развитие и рост пролетариата. К этим остаткам Владимир Ильич относит «абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей». Новая глава есть, таким образом, еще один шаг по пути к антифеодальной буржуазно-демократической революции в Европе, несмотря на то, что этот шаг осуществлен «благодаря войне, а не благодаря революции». Эта глава есть «новая глава всемирной истории». Разрушение восточноевропейского феодального средневековья стимулирует всемирноисторическое развитие, потому что пережитки его препятствуют всемирноисторическому процессу борьбы рабочего класса. Победа союза балканских государств — «шаг вперед к разрушению остатков средневековья во всей восточной Европе». А из этого Ленин делает практический вывод прежде всего для русской революции: «Из всей восточной Европы теперь остается только одна Россия наиболее отсталым государством». [1]

Последнее замечание Ленина имеет непосредственное значение для уяснения места крепостничества «второго издания» в истории перехода от феодального строя к капитализму и в истории классовой борьбы пролетариата, рассматривая этот вопрос как проблему общемирового развития.

Антимарксистские буржуазные историки-модернизаторы являются ярыми противниками марксистско-ленинской концепции всемирноисторического развития. Их концепция — циклизм. Во всех формациях они видят повторение одних и тех же этапов. Вопросы перехода от феодализма к капитализму вообще и в России в частности были излюбленными проблемами для историков-модернизаторов.

В исторической и экономической литературе, принадлежащей русским ревизионистам Богданову, Рожкову, Ляшенко и их последователям, модернизаторские теории свили себе крепкое гнездо. Эта литература продолжает еще до сих пор влиять на более отсталые пункты нашего исторического фронта. Ревизионистские теории часто идут под флагом «исправления» якобы «неосведомленности» Маркса, который не знал-де новых достижений науки. Это объяснение, с которым выступали в свое время махисты в области философии, так же неприменимо к вопросам истории, как и к вопросам философии и естествознания. Историческая концепция Мар-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 175.

кса полностью подтверждается всеми теми фактическими данными, которыми обогатилась наука в области докапиталистических формаций за 50 лет со времени смерти Маркса и 38 лет со дня смерти Энгельса. Доказательством этого является и тот факт, что работы Ленина и Сталина по проблемам докапиталистических формаций являются прямым продолжением взглядов Маркса и Энгельса.

Нужно решительно бороться с ревизией Маркса, пытающейся подменить изучение своеобразия развития способа производства, форм собственности и специфических противоречий в каждой формации универсализмом, оперирующим подчас такими всеобщими категориями, как обмен, торговые пути, борьба натурального хозяйства с товарным, денежное хозяйство и т. д. Нечего и говорить, что применение этих категорий для всех формаций, времен и народов часто принимает характер того passe par tout, против применения которого предостерегал Маркс. Вот почему каждый, изучающий феодализм, должен прежде всего вооружиться познанием основной специфики этой формации.

Если мы спросим себя, какова историческая роль феодализма, то должны будем ответить, что только в условиях феодализма классовая борьба крестьян и мелких производителей города создает собственность, основанную «на труде и обмене»[1] — основу мелкого производства. Парцелла непосредственно вырастает в процессе классовой борьбы из хозяйства закрепощенного мелкого производителя, обрабатывающего своими средствами производства землю своего господина.

В рамках феодального общества классовая борьба обусловлена противоречием между принадлежностью средств производства производителю и феодальной собственностью на землю. «Во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства».[2] Поэтому мелкий производитель заинтересован в том, чтобы быть максимально свободным от этой несвободы. Для этого ему нужно стать собственником всех условий своего производства, т. е. к собственности на средства производства прибавить еще и собственность на землю. Ему нужно высвободиться от феодала, как феодального собственника на землю, так как феодальная собственность создает для мелкого производителя необходимость отдавать свой не только прибавочный, но

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 40—41.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, 1930 г., стр. 266.

и часть необходимого продукта феодалам. В оставшейся до последнего времени неизвестною рукописи Энгельса «о древних германцах» [1] мы находим весьма ценную формулировку содержания классовой борьбы в феодальном обществе. Энгельс говорит, что степень обременительности крепостных повинностей определяется в феодальном обществе классовой борьбой крестьян. «Фиксация повинностей крепостных», установившаяся в франкскую эпоху, по мнению Энгельса, «была результатом угрожающего поведения несвободных масс». Чем свободнее крестьянин от феодала, чем больше их взаимоотношения определяются не полурабскими формами отработочной ренты — барщины, а отношениями смягченной зависимости — продуктовой и денежной ренты, тем больше феодальное общество подготовлено к переходу в высшую формацию.

Классовая борьба крестьян освобождает их от феодальных повинностей в том или ином объеме. Высшая фаза борьбы крепостных приводит к уничтожению феодальной земельной собственности. Уничтожение феодальной собственности на землю и торжество свободной парцеллярной собственности крестьян являются лозунгом классовой борьбы крестьян — крестьянских войн. Это показывают, например, документы последней великой феодальной крестьянской войны — движения Е. И. Пугачева в России. Пугачеву и его предшественникам не удалось достичь победы. Но история знает примеры, когда крестьяне достигали того, что из разложения феодальной земельной собственности складывалась «форма свободной парцеллярной собственности крестьян с собственным хозяйством, как господствующая нормальная форма». [2] Маркс перечисляет затем эти примеры: «Таковы yeomanry в Англии, крестьянское сословие в Швеции, французские и западногерманские крестьяне». [3] Этой свободной собственности крестьяне добились в результате классовой борьбы. Свобода, однако, не была использована ими. Новый способ производства, который пришел на смену феодальному как капиталистический способ производства, воспользовался плодами победы крестьян над феодализмом. Воспользовался ею новый эксплуататор-буржуа. «Революция крепостных крестьян ликвидировала крепостников и отменила крепостную форму эксплуатации, но она поставила вместо них капиталистов и помещиков, капиталистическую и помещичью форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами», [4] говорит т. Сталин.

Независимо от того, остается устойчивым или разоряется крестьян-

[1] Материалы об этой рукописи почерпнуты из доклада А. Д. Удальцова на пленуме ГАИМК 21 декабря 1932 г.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1930 г., стр. 280.

[3] Там же.

[4] И. В. Сталин, Речь на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников, Партиздат, 1933 г., стр. 5.

ское хозяйство, экономическое развитие в условиях разложения феодализма неизбежно ведет к капитализму.

Классический путь перехода от феодального сельского хозяйства к капиталистическому — путь английский, когда на основе расхищения земель, грабежа государственных имуществ, грабежа общинной собственности «наживалы из землевладельцев и капиталистов» создали крупные домены княжеской олигархии и капиталистических арендаторов наряду с ростом капиталистической мануфактуры и банкократии и зверской эксплуатации свободных, как птицы, пролетариев. Другой путь мы наблюдаем в Скандинавии, где шведские городские граждане поступили наоборот: они не разоряли крестьян, «а рука об руку со своим экономическим оплотом — крестьянством — поддержали короля в насильственном изъятии коронных земель от олигархии (начиная с 1604 года и позже при Карле X и Карле XI)». [1] Условия развития капитализма в разных странах далеко не совпадают.

Переход к капитализму — мировой процесс. «Хотя первые зачатки капиталистического производства выступают перед нами спорадически уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах Средиземноморья, капиталистическая эра датируется начиная с XVI столетия», пишет Маркс. [2] До возникновения мирового рынка, появившегося вследствие открытия Америки и морского пути в Индию, капиталистическое производство дало о себе знать в условиях средиземноморского рынка прежде всего в итальянских городах. Первой страной капитализма была Италия, но капиталистическое развитие Италии продолжалось лишь до тех пор, пока существовало торговое преобладание Италии. «После того, как революция мирового рынка в конце XV столетия уничтожила торговое преобладание северной Италии, началось движение в обратном направлении». [3] Рабочие вернулись к земледелию. Поэтому капиталистическая эра начинается лишь в XVI столетии. Капиталистический способ производства подготовлялся совместным участием разных стран. На каждую из них выпадала своя роль, которую они выполняли последовательно, одна за другой, кладя тем самым свой кирпич для нового здания капиталистического способа производства. «Различные моменты первоначального накопления распределены в более или менее хронологической последовательности между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией». [4] Только в Англии первоначальное накопление завершается полным торжеством нового способа производства. Испания и Португалия выполнили

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 581.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, нем. изд. 1932 г., стр. 754 или русск. изд. 1931 г., стр. 574.

[3] К. Маркс, там же, русск. изд., стр. 574—575, примечание 189.

[4] Там же, нем. изд., стр. 791 или русск. изд. 1931 г., стр. 603.

весьма определенную задачу. Завоевания испанских и португальских конквистадоров повели за собой открытие залежей золота и серебра в Америке и порабощение туземного населения.

Вслед за испанско-португальским этапом в истории первоначального накопления наступила эпоха преобладания Голландии.

Португалия и Испания не развили капиталистического способа производства, хотя их колониальная политика являлась крупным этапом истории первоначального накопления и грабежом колоний, но они подготовили торжество капиталистического способа производства. Голландия же, вступившая на колониальный путь, имея «базис производства, заложенный в ее рыболовстве, мануфактуре и земледелии», [1] достигла высшего уровня развития капитализма по сравнению с Испанией и Португалией, но и она была принуждена уступить место Англии, где капиталистический способ производства достиг впервые своей зрелости. «История падения Голландии, как господствующей торговой нации, есть история подчинения торгового капитала промышленному капиталу», [2] подчеркивает Маркс.

Франция, также как и Голландия, осталась страной, застрявшей вплоть до XIX в. на уровне мануфактурного периода. Сельское хозяйство Франции имело ту отличительную черту, что здесь, как указывает Маркс, «велось мелкое земледелие, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита на куски революцией». [3] Наряду с этим во Франции в городах сохраняется мелкое производство, составляющее наряду с мануфактурой специфику ее капиталистического развития.

Мануфактурный период капитализма во Франции, начиная с эпохи Кольбера, имел своей основой государственные субсидии. Противоречия между привилегированной мануфактурой и ростом капиталистических тенденций из мелкого производства являются типичными чертами французского развития в эпоху, предшествующую Великой революции.

Процесс первоначального накопления капитала, проходя ряд стран, достигает своей вершины в Англии, где впервые создается законченная форма капиталистического производства — машинная индустрия. Но расцвет капитализма стал возможен лишь тогда, когда были преобразованы производственные отношения. Классовая борьба внутри феодального общества завершилась в буржуазных революциях. Буржуазные революции в Европе проходят ряд этапов.

Маркс и Энгельс воспринимали эти этапы как единый процесс рождения и развития буржуазного общества. Разберемся во взглядах Маркса и Энгельса на эти этапы.

В работе о крестьянской войне, написанной в 1850 г., Энгельс назы-

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 256 и 257, примеч. 50.

[2] Там же.

[3] К. Маркс, К критике политической экономии, 1933 г., стр. 24.

вает революционное движение 1525 г. «немецкой революцией 1525 г.», «революцией XVI в.». Этот же взгляд он поддерживает и в написанном в 1870 г. предисловии к первому отдельному изданию статей о крестьянской войне. В произведениях конца 80-х и начала 90-х годов Энгельс дает систематическую разработку своей концепции основных этапов буржуазной революции в Европе. Энгельс насчитывает три «акта» развития европейской буржуазной революции, после того как ее борьба вышла из состояния местной борьбы с феодальным дворянством и «начала принимать национальные размеры». [1] Первым актом была «реформация», оборотная сторона великой крестьянской войны в Германии; следующим английская революция XVII в., в которой иомен обеспечил победу городского буржуа, и, наконец, Великая революция во Франции конца XVIII в.

В этой смене трех битв ясно выделяется особенность, подчеркнутая Марксом и Энгельсом, трактовавшими возникновение капиталистической формации как зарождение мирового капиталистического строя. Энгельс, как и Маркс, не отделяет процесс перехода от феодализма к капитализму в отдельных странах от общемирового процесса генезиса капитализма.

Теория «трех битв» Энгельса, как общеевропейских битв, впервые дана Марксом 14 декабря 1849 г. в «Новой Рейнской газете». Критикуя мартовскую прусскую революцию, Маркс пишет: «В 1648 г. буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви. В 1789 г. буржуазия в союзе с народом боролась против монархии и дворянства и господствующей церкви. Революция 1789 г. имела своим прообразом (по крайней мере в Европе) только революцию 1648 г., а революция 1648 г. — только восстание нидерландцев против Испании». [2] Во главе этих революций стояла буржуазия, и это были революции европейского масштаба (europäischen Stils). В этих революциях была победа нового общественного строя, «они были провозглашением политического строя нового европейского общества». [3]

Вряд ли интересно выяснять, почему Энгельс в своей схеме не останавливается на нидерландской революции (думается, что он ее увязывал с «реформацией», как один из ее этапов), важнее знать, как смотрел Маркс на движения XVI в. в Германии. Упомянуть в приведенной выше статье эти движения он, конечно, не мог, так как писал о победоносных европейских движениях буржуазии.

[1] Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии. Его же, Людвиг Фейербах, изд. 3-е, М.—Л., 1931 г., стр. 76.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 54—55 или немецкое издание «Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassale. Gesammelte Schriften von K. Marx und F. Engels 1841 bis 1850, т. III, стр. 211.

[3] Там же. По-немецки еще ярче звучит основная мысль Маркса: «Sie waren die Proclamation der politischen Ordnung für die neue europäische Gesellschaft».

Взгляды Маркса на крестьянскую войну мы сможем узнать наиболее полно из переписки его с Лассалем в 1859 г. по поводу драмы Лассаля из истории рыцарского движения. Лассаль считал, что Маркс и Энгельс «не заметили», что идея крестьян была в конечном счете не менее реакционной, чем идея Зиккингена — вождя рыцарей, героя Лассаля. [1] Лассаль, по словам Маркса, подобно его герою ставил: «лютеровскую рыцарскую оппозицию выше плебейской мюнцеровской».[2] Для Маркса крестьяне и революционные элементы городов являются передовыми революционными классами, и их развитие представляет собой отрицание рыцарства, т. е. они являются носителями антифеодального движения.

Маркс и Энгельс, мы видим, в этом вопросе занимают одну и ту же позицию.

Если буржуазные революции имели общеевропейский характер, то такое же значение имела и предистория капитала в Англии. Почему капиталистическое развитие Англии имеет мировое значение? Суть дела не в том, что каждая страна повторяла историческое развитие Англии, а в том, что английское развитие само по себе являлось решающим для других стран.

В Англии благодаря переходу от мануфактуры к фабрикам и началась эра машинного производства. «Развитие машин было неизбежным последствием потребностей рынка», пишет Маркс Анненкову. Так обстояло дело до 1825 г., когда машина проникает в промышленность, как результат борьбы между рабочими и предпринимателями. В других странах машина появляется вследствие борьбы промышленности этих стран с английской монополией. «Что же касается европейских наций, — пишет Маркс в том же письме, — то применять машины их заставила конкуренция Англии как на их собственном внутреннем, так и на мировом рынке». [3]

Таким образом, английский путь капиталистического развития — классический путь не потому только, что Англия первая проделала переход от феодального способа производства к капиталистическому, но и потому, что вокруг Англии, как стержня капиталистического развития, складывается развитие капитализма в других странах. История капитализма поразному, в зависимости от разных исторических условий своего развития в недрах феодального еще общества, повторяет основные законы капиталистического развития, впервые проявившиеся на английской почве. Разорение и пролетаризация мелкого производителя, монополизация средств производства в руках капиталистов, система наемного рабства —

[1] Письма Ф. Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу, СПб., стр. 155.

[2] Маркс Лассалю 19 апреля 1859 г. Сб. «Искусство и литература в марксистском освещении», изд., «Мир», ч. 2, М., 1925 г., стр. 516.

[3] Письма, ред. Адоратского, изд. 4-е, стр. 66 или Соч., IV, стр. 287.

эксплуатации рабочего путем найма, впервые развившись в Англии, повторяют свое развитие в других странах. Но они развиваются как элементы капиталистического хозяйства тогда, когда Англия уже сложившаяся капиталистическая страна. Поэтому экономика всякой другой страны, ставшей на путь капитализма или еще не ставшей, но связавшей себя с капиталистическими странами, развивалась только в определенной связи с Англией. Капиталистическое хозяйство — мировое хозяйство. Англия в течение всего периода первоначального накопления и в эпоху промышленного капитализма была основным узлом капиталистического развития.

Капиталистическое развитие других европейских стран, в равной степени как и захват европейскими странами колоний на западе и востоке, было частью мирового развития капитализма. В это же мировое хозяйство вступили и те страны, которые либо включились в эту систему мировых отношений как самостоятельные суверенные единицы, либо были привлечены в нее как зависимые страны, не сделав еще решительных шагов в деле перехода от феодального способа производства к капиталистическому, оставаясь феодальными. Они являлись аграрным феодальным дополнением передовых капиталистических стран и Англии прежде всего. Капиталистическая Англия, первенствуя в мировом хозяйстве, в интересах своей монополии укрепляла на определенном этапе в этих странах, опираясь на местные феодальные элементы и в классовых интересах этих элементов, феодальный способ производства так же, как она создавала рабовладельческое хозяйство в колониях. Феодальные отношения, пережившие свой кризис в XV—XVI столетиях, восстанавливались в новых условиях и приобретали такую широкую форму, какую они не имели в более раннюю эпоху. Сохранение и усиление феодального способа производства в таких странах превращало их в страны крепостничества «второго издания».

В мировом капиталистическом хозяйстве в эпоху первоначального накопления, наряду со странами, в той или иной степени осуществившими переход к капиталистическому производству, существуют страны, сохранившие феодальный способ производства, хотя и связанные с мировым рынком путем торговли, и страны, непосредственно подчиненные капиталистическим государствам,— колонии. Если вторые существуют в условиях сохранения феодального способа производства и представляют оплот феодально-крепостнических отношений в капиталистическом окружении, то третьи имеют в своей основе хозяйство, опирающееся либо на производство колонистов-крестьян, либо на рабство. В то время как в крепостном хозяйстве, связанном с рынком, способ производства предопределен системой феодальных производственных отношений, в плантационном хозяйстве, основанном на рабском труде, существуют иные

общественные отношения. С рабством, как «формально-капиталистическим производством» [1] на плантациях, сравнимо только рабство, существовавшее на капиталистических мануфактурах в эпоху «кровавого законодательства» времен первоначального накопления. Рабство этого типа в противовес порабощению на основе «вторичного закрепощения» возникает не из феодального производства, а прививается в условиях капиталистического производства.

Рабство в колониях создано буржуазией. Оно существует не просто как сохраненные в капиталистическом обществе элементы прежних формаций, а как часть этого буржуазного общества, созданная самим буржуазным обществом. Не случайно, что для Маркса рабство чернокожих в Америке играло наряду с машинами и кредитом роль «краеугольного камня буржуазной промышленности». [2]

В статье о северо-американской гражданской войне, напечатанной в 1861 г. в венской газете «Die Presse», Маркс выясняет основные противоречия рабовладельческого способа производства при господстве капитализма. «Производимая рабами добыча предметов вывоза южных штатов — хлопка, табака, сахара и т. д. — возможна только в том случае, если она делается большими партиями рабов, в массовом масштабе и на больших пространствах плодородной почвы, которая требует только элементарной обработки». Рабовладельческий способ производства основан на грубом примитивном труде, он быстро истощает почву. Рабство не совместимо с ростом производительных сил. «Интенсивная культура, которая меньше зависит от плодородия почвы, чем от вложения основного капитала, интеллигентной и энергичной работы, находится в противоречии с существом рабства», — говорит Маркс. — В силу этого в ряде рабовладельческих штатов Северной Америки происходит переход от использования рабов для выработки предметов вывоза к культивированию самих рабов, как предмета того же вывоза во вновь занятые, еще не использованные сельским хозяйством территории. Застойность рабского хозяйства в старых рабовладельческих штатах толкает рабовладельцев к захвату для рабовладельческой эксплуатации новых районов. Наступательная тенденция рабовладельцев против капиталистических штатов Севера вытекает именно из этого. Как только развитие хозяйства у рабовладельцев достигает той ступени, когда рабовладение приходит к культивизации рабов, так как выработка товаров при рабском труде невыгодна, то «становится необходимым приобретение новых территорий, чтобы часть рабовладельцев с их рабами заняла новые плодородные земли и чтобы оставшейся части была создана возможность разведения рабов путем открытия нового рынка для продажи рабов».

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, стр. 47.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 366.

Противоречие между ростом рабства, как основы товарного производства, и низким уровнем производительности рабского хозяйства Маркс считает экономическим законом. Суть этого закона в том, что он «требует постоянного расширения территории рабовладения». В основе этого закона лежит неизбежность распада рабовладельческого способа производства, как только он превращается в основу товарного хозяйства. Переход от производства товаров к культивизации рабов есть форма этого распада. Рабовладельцы борются против территориального ограничения рабства, так как «ограничение рабовладения в пределах его прежней территории должно согласно экономическому закону привести к его постепенному угасанию». Поэтому для рабовладельцев «постоянное распространение рабства за пределы его старых границ — жизненный закон». [1] Таковы условия, в которых находится рабовладельческий способ производства при господстве капитализма. Столкновение рабовладения и капитализма неизбежно приводит к торжеству капиталистической эксплуатации над рабской.

Но пережитки рабства накладывают свою печать на капиталистическое развитие. Яркую картину этого периода рисует Ленин, описывая аграрный строй южных штатов. Здесь наряду с неравноправием негров существуют полукрепостные отношения между парцеллярным сельскохозяйственным производителем и землевладельцем из старых плантаторов. «Экономические пережитки *рабства* решительно ничем не отличаются от таковых же пережитков феодализма, а в бывшем рабовладельческом юге Соед. Штатов эти пережитки *очень сильны до сих пор*». На какой основе держится угнетение негров? — спрашивает Ленин и отвечает: «На основе типично-русской, «истинно-русской» *отработочной системы*, именно: *издольщины*». «Экономическая однородность положения негров в Америке и «*бывших помещичьих*» крестьян в центре земледельческой России оказывается поразительной», заканчивает он свою характеристику «пережитков феодализма» в рабовладельческой Америке. [2]

Отличие рабства от крепостничества ярко сказывается в этом, так как рабство может быть устранено не иначе как сразу, в то время как крепостничество дает возможность постепенного ослабления крепостнической эксплуатации, приводящей к свободному труду.

Рабское хозяйство связано с капитализмом и способствует процессу капиталистического накопления европейских буржуа за счет «черного и красного материка». Это восстановление рабства было целиком делом европейского буржуа, будь он манчестерским фабрикантом или переселившимся из Англии помещиком, рабовладельцем-джентльменом из Виргинии. Рабовладельческий строй в Соединенных

[1] «Историк-марксист», № 1, 1933 г., стр. 18 и 19.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 581—583.

штатах, отвечая потребностям капиталистического накопления, в то же время противоречит капиталистическому характеру производства, но не как предшествующая капитализму формация. Крепостничество же и капиталистическое производство противостоят друг другу как две взаимно исключающие формации — феодальная и капиталистическая.

2. Маркс и Энгельс о крепостничестве «второго издания» в восточной Европе

Поставленный в литературе [1] вопрос о необходимости распространить «методологические указания» Энгельса о «вторичном закрепощении» на историю России представляется совершенно своевременным. Больше того, вопрос о вторичном закрепощении необходимо ставить только в плане общеевропейской истории XVI—XVIII вв. По сути дела вопрос о «втором издании» крепостничества не есть одно только «методологическое указание», а представляет собой серьезную часть всей исторической концепции Маркса и Энгельса.

Жесткие формы крепостничества восточной Европы — те формы, которые воскрешали полурабскую эксплуатацию раннего средневековья наряду с ростом капитализма на Западе, обостряли противоречия между двумя формациями.

Анализ рассматриваемой здесь проблемы приводит к выяснению тех условий, в которых происходило «оживание» крепостничества.

То, что мы имеем в России тот же процесс, что и в восточноэльбской Германии, — совершенно бесспорно. Но закрепощение русских и немецких крестьян сближают не только элементы сходства, а также и то, что это были одновременные процессы, тесно связанные с общеевропейской ситуацией XVI—XVII веков.

[1] Б. Тихомиров, Проблема второго закрепощения и крестьянский выход, «Историк-марксист», № 25. «Старое крепостничество» в конце XVI—начале XVII вв., указывает т. Тихомиров, переживает своеобразный кризис, с наличием которого он связывает такое явление, как право отказа и выхода на Юрьев день, который, по его мнению, не старше великокняжеского судебника. «Этот выход, — говорит т. Тихомиров,— есть свидетельство начинавшегося смягчения крепостных отношений в XV в., которое и создало видимость якобы свободного крестьянства, существовавшего до нового процесса закрепощения во второй половине XVI в.» Это «смягчение» автор понимает как «временное» и выводит его происхождение «из классовой борьбы и действия такого экономического фактора, как колонизация». Господство оброка в новгородских писцовых книгах, столь смущавшее не одно поколение историков, относится т. Тихомировым тоже за счет этого «смягчения». Дальнейшее закрепощение русских крестьян т. Тихомиров сравнивает с тем процессом, о котором пишет Энгельс в «Марке» и в письмах к Марксу как о крепостном праве, которое «снова появилось во втором издании».

Крепостническая восточная Европа, страна феодального способа производства, переживает эпоху развития первоначального накопления в западной Европе в период, когда восточная Европа сама уже находилась в своеобразной связи с мировым хозяйством. Феодальные страны восточной Европы представляют в этом смысле некоторую аналогию с рабовладельческими колониями.

Капитализм использует рабство и крепостничество, как формы эксплуатации, в своих интересах. Поэтому нельзя говорить о вторичном закрепощении в Пруссии, Мекленбурге, Шлезвиге, Польше, Литве, Украине, Венгрии, России, Молдавии и Валахии, на Балканах вне связи с общеевропейской историей развития капитализма.

Но между рабством в колониях и крепостничеством в восточной Европе была, как уже отмечалось, существенная разница.

Восточная Европа была совокупностью феодально-крепостнических государств. В начальную эру капиталистического развития там господствовал феодальный способ производства. Земля оставалась в руках феодалов, пользовавшихся принудительным трудом крестьян. Средства производства были в руках производителя. Но феодальный строй этой эпохи существенно отличается от феодальных отношений более ранней эпохи.

Рожков пытался вскрыть основные закономерности исторического развития России и других стран, искусственно расчленяя всемирноисторический процесс вне тех связей, которые превращали эти части в действительное в пространстве и времени существующее движение. Историк только тогда выявляет действительный процесс, когда он вскрывает все его связи, а не сравнивает между собой по структурным особенностям похожие друг на друга явления вне каких-либо временных или пространственных связей. Поэтому крепостническую Россию XVI—XVII вв. мы должны изучать в связи с историей Европы и Азии того же времени, а не только путем сравнения ее с XIV—XV веками на Западе.

Постараемся собрать отдельные разбросанные в произведениях Маркса и Энгельса замечания о феодально-крепостнических отношениях в восточной Европе в эпоху первоначального накопления. Изучение взглядов Маркса и Энгельса на восточноевропейское крепостничество «второго издания» с неоспоримою убедительностью показывает нам, что они по этому вопросу создали целую законченную концепцию и что эта концепция — основная часть их общеисторических взглядов.

У Маркса и Энгельса мы находим конкретную картину истории перехода от феодализма к капитализму, они вскрывают ряд особенностей капиталистического развития восточной Европы и увязывают их с особенностями революционного движения в странах восточной Европы, где пролетариат уже обрел союзника в лице антифеодального крестьянства.

Маркс и Энгельс упоминают о четырех странах восточной Европы, в

которых крепостничество развивается одновременно с ростом капитализма в западной Европе. Это — восточноэльбская Германия, Польша, дунайские княжества — Молдавия и Валахия (Румыния) и Россия.

Об одной из этих стран — Германии — Энгельс прямо говорит как о стране вторичного закрепощения.

Марксу и Энгельсу было известно, что русская официальная историческая литература отрицала существование крепостничества в России до начала XVII в. Маркс в «Капитале» связывает закрепощение крестьян с Борисом Годуновым. [1] Энгельс на основе, очевидно, новых для него данных относит закрепощение к «первому Романову». [2]

Энгельс считал крепостничество IX—XI вв. «продолжением древнегерманского рабства». [3] В России мы имеем также крепостничество как своеобразное продолжение патриархального рабства (пашенные холопы, деловые люди). Рабство в древней Руси также играет роль рычага для формирования крепостной зависимости (холопы, закупы и смерды). В России также существуют самые различные «степени зависимости и крепостничества» в раннюю эпоху, как в Германии эпохи Саксонского Зерцала. В России после установлений царей Алексея (Уложение) и Петра (подушная подать), как и в Германии после Тридцатилетней войны, все «это становится поразительно просто». [4]

Вопрос о втором закрепощении был разработан Энгельсом в 1882 г., когда он писал свою статью «Марка», которая вышла как агитационная брошюра под названием «Немецкий крестьянин. Чем он был. Что он есть. Чем он мог быть». Нас интересует то, как в этой работе Энгельс ставит вопрос о крепостничестве в Германии в XVI—XVII вв. Энгельс указывает, что начиная с середины XIII в. наступил решительный поворот в пользу крестьян. [5] Старое крепостное право, которое имело еще много от древнего рабства, начинает смягчаться, и «положение крепостных приблизилось к положению слабо зависимых (blossen Hörigen)». Ослабление крепостной зависимости Энгельс связывает с гибелью дворянских домов в эпоху крестовых походов. Действительно, распад феодальных сеньорий мог дать возможность крестьянам добиться свободы. В России этот распад был обусловлен объединением феодальных княжеств в руках московского князя и тоже не мог не внести соответствующих изменений в положение крестьян.

Энгельс считает, что усилившаяся в XIII—XIV вв. тенденция к уве-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 580.

[2] Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 310.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 601.

[4] Там же.

[5] Der Deutsche Bauernkrieg, M., 1932 г., приложение, стр. 142.

личению доходов — последствие роста торговли — имела большое влияние на смягчение крепостной зависимости, способствовала успеху борьбы крестьян против рабских форм крепостного права. Феодалы не могли сразу пойти по линии усиления крестьянских повинностей. Старое барщинное хозяйство было невелико, повинности тяжелы и обременительны, но касались лишь ограниченного числа подвластных феодалу крепостных. Для того чтобы увеличить доход, нужно было расширить хозяйство. При феодальном способе производства для этого был лишь один путь — заимки новых земель. «Так как, — пишет Энгельс, — обработка земли остается целиком старой, то увеличить помещичьи доходы можно только путем поднятия нови, основания новых сел». Но для этого нужно было добровольное соглашение с колонизирующими новые земли крестьянами, кто бы они ни были, — свои крепостные или чужие люди. Заимка новых земель, основной путь расширения феодального хозяйства, смягчает формы зависимости. Энгельс считает, что смягченные формы зависимости на новых землях не могли не повлиять на положение соседних крестьян, которые, «при продолжении своих повинностей по отношению к помещикам, сохраняют свою личную свободу». Энгельс придавал особое значение вопросу об освобождении немецких крестьян в XIII—XIV вв. потому, что Маркс раньше имел по этому вопросу «противоположное мнение». Как узнаем из писем к Энгельсу, Маркс полностью согласился с новыми установками Энгельса.

Энгельс рассматривает положение крестьян в отдельных областях Германии. Он пишет: «для ост-эльбской области твердо установлена свобода *немецких* крестьян вследствие колонизации, для Шлезвиг-Голштинии Маурер признает, что тогда «все» крестьяне отвоевали вновь свободу [1] (может быть, еще несколько позже четырнадцатого столетия), и для южной Германии он тоже признает, что именно тогда с крепостными (die Hörigen) обращались лучше всего. То же приблизительно и в Нижней Саксонии, например, новые съемщики («Meier») фактически наследственные арендаторы (Erbpächter)». [2] Этот перелом в положении крестьян обусловлен признаком, типичным для начинающегося разложения феодального способа производства. Представляется совершенно бесспорным, что и пресловутая «свобода» крестьян, о которой писали буржуазные историки, и господство оброчных обязательств, которые мы имеем в писцовых книгах вновь присоединенного Новгорода в конце XV и начале XVI вв., были русской неполной формой того «полного правового или фактического отсту-

[1] Энгельс пишет «wieder erlangt», русский переводчик не обращает на это внимания, хотя эти слова подчеркивают факт лишения этой свободы в прошлом, о котором Энгельс пишет в «Марке».

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 600—601, нем. изд. Briefwechsel zwischen K. Marx und F. Engels, IV, Stuttgart, 1921 г., стр. 497—498.

пания назад крепостничества», о котором говорит Энгельс. Нет никаких оснований считать натуральную ренту первой формой ренты в России.

Натуральная рента и слабое развитие барщины, типичные черты писцовых книг XVI в., — явление, связанное с эпохой, когда создаются новые хозяйства, поднимается целина, строятся новые села и деревни.

Эта новая эпоха требует установления договорных отношений между владельцем земли и непосредственным производителем. Исчезновение к XV в. холопских форм зависимости, типа прежнего рабства, развитие служилой кабалы в разных ее видах, порядная XVI в. — наиболее типичные показатели новых отношений. [1] Из 47 порядных XVI в., изданных семинарием М. А. Дьяконова, «изделье» — барщина — упоминается лишь в 13, натуральная рента в 12, денежная в 35 случаях. Порядные заключаются на сроки, указываемые в самом тексте. Из 21 порядной, в которых указаны сроки действия договора, только одна заключена на 20 лет, остальные на сроки меньше 10 лет: от 10 до 6 лет — 10; от 5 лет до 3 лет — 10 и на 1 год одна. Порядная XVI в. — договор двусторонний, землевладелец обязывается в ряде случаев, если он не даст крестьянину жить на своей земле и сгонит его до срока конца договора, платить отступное в довольно значительных размерах от 7 до 5 р., в то время как величина ссуды по этим же порядным колеблется от 1 до 2 рублей. Порядные говорят о выходе, право на который получает крестьянин после того, как отживет «урочные лета». Мы не имеем порядных или соответствующих документов более ранней эпохи, поэтому лучше всего оттенить характер отношений между крестьянином и помещиком в XVI в. можно сравнением их с порядными XVII в., когда крепостничество было восстановлено. Тут уже нет двустороннего обязательства. Крестьянин обязуется только «не збежати и ни за кого в крестьяне и в бобыли не поряжатца». Отступное платит в случае побега, как правило, только крестьянин и остается, уплатив его, «во крестьянех крепок». [2] Совсем как закуп «Русской правды»: если сбежит, «то обель». Можно привести еще много примеров, иллюстрирующих тот факт, что смягчение старофеодального полурабского по своим формам крепостничества, прошедшее по всей Европе с XIII по XIV вв., в XV и в XVI вв. захватывает и Московское государство.

В нашей исторической литературе большое внимание уделяется обыкновенно борьбе внутри феодального класса, борьбе между боярами и мелким вассалитетом, из которого позже складывается дворянство. Действи-

[1] Сводный текст крестьянских порядных, СПб., 1910 г., стр. 12—13, 30—35, 43—44, 14—15. «а яз Евсей Федора выряжу из деревни вон, а не дам ему дожити тех урочных лет, и Федору на мне на Евсеи взяти по сей порядной пять рублев денег»; или: «и вышлю вон ис тое деревни и мне спаскому приказчику Третьяку Поленову дати по сей порядной записи пять рублев денег», стр. 43—44.

[2] Памятники истории крестьян XIV—XIX вв., М., 1910 г., стр. 250.

тельно, в XVI—XVII вв. старая феодальная знать в России была оттеснена новыми людьми, но это случилось лишь тогда, когда историческая судьба начавшегося частичного раскрепощения была решена в отрицательном смысле. Относительное раскрепощение могло послужить базой для развития капитализма, либо феодальный способ производства мог сохраниться в условиях нового успешного закрепощения. Вопрос этот разрешился конкретной классовой борьбой.

Историки выдвигали среднего помещика, как прогрессивную фигуру, с ним связывали классовую борьбу против боярства, превращали его в антифеодальную силу, больше связанную с рынком, чем старое боярство, и поэтому занявшую место боярина. На самом же деле в лице нового слоя помещиков мы имеем вряд ли менее феодальных землевладельцев, нежели ими были старые вотчинники-бояре. Действительная борьба в ту пору могла складываться лишь между двумя антагонистическими классами — мелкими производителями-крестьянами и феодальными землевладельцами всех рангов. Борьба между отдельными прослойками внутри феодального класса была отражением этой действительной борьбы. Вследствие слабости буржуазных элементов в восточноевропейских странах выдвинулась чрезвычайно любопытная прослойка, занимавшая среднее место между феодалами и крестьянами. Это — свободный мелкий землевладелец, эмансипировавшийся от помещика и давно уже разорвавший свои связи со старой общиной. [1] В условиях феодального общества землевладельцы эти не могли не пользоваться основным правом свободного человека — носить оружие. Этим самым этот слой восстанавливал тот обычай всеобщего вооружения, о котором говорит Энгельс в «Марке». По этому обычаю «первоначально каждый свободный владелец земли был обязан службой и должен был на свои средства не только добыть себе снаряжение, но и заботиться о своем прокормлении на службе в течение шести месяцев». [2]

Так выдвигается новый слой средних между феодалами и крестьянами людей. Эти люди выступают как казаки «вольные» и «служилые», из них рекрутируются низшие служилые элементы «по прибору» (в отличие от «благородных», служащих «по отечеству»), к ним примыкают и мелкие вассалы, не имеющие крестьян или держащие их на основе договора далеко еще не жестко-крепостнического типа, как хотя бы те порядные, о которых говорилось выше. Эта прослойка была близка к крестьянам и способна была выступать против феодалов. Представители ее, как свободные мелкие

[1] В западной Европе в эпоху разложения феодализма тоже создаются, но в иных условиях, прослойки свободных крестьян — йомены, крестьянское сословие в Швеции, — но их надо отличать от «сословия всадников» восточной Европы.

[2] «Марка», русское изд., прилож. к книге «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 88.

землевладельцы, владеющие оружием, в самом деле выступают во всех классовых битвах начала XVII в. При победе буржуазных отношений из этого люда вырос бы капиталистический фермер, а также и пролетарий, при восстановлении феодализма большинство из них снова загоняется под крепостное ярмо, меньшинство выходит в дворяне, некоторая часть остается в качестве промежуточного слоя «шляхтян», «панцырных бояр», однодворцев и т. п.

Изучая историю Москвы, Украины, Польши и других стран восточной Европы, мы постоянно сталкиваемся с этой средней прослойкой. Почему-то до сих пор не уделено еще внимания тому факту, что Маркс подчеркнул роль этой классовой прослойки и теоретически проанализировал ее. В письме к Энгельсу от 30 октября 1856 г. Маркс пишет об особом крестьянском среднем сословии в Польше, Молдавии и Валахии. Основывается Маркс на изучении книги польского историка-демократа, участника восстаний против самодержавия, Людвига Мерославского «Historie de la commune polonaise du X au XVIII s.», изд. в Берлине в 1856 г. [1] Маркс пишет: «Благодаря возможности парцеллирования создается своего рода крестьянское среднее сословие «ordre équestre». Нужно прежде всего отметить, что это среднее сословие Маркс понимает как среднее между крепостными крестьянами и помещиками, а не как среднее внутри крестьян. Это не середняк, а более мощная прослойка мелких производителей, способная экономически и вооруженной рукой противостоять феодалу. Обстановка, способствующая образованию этого «сословия всадников», создавалась колонизацией и войной. «Подняться до этого состояния крестьянин может, лишь пока продолжается завоевательская война и колонизация, и эти же оба условия в свою очередь ускоряют его упадок». Это сословие неспособно играть роль действительного среднего сословия, т. е. буржуа. Для того чтобы разрушить феодальную эксплуатацию, нужна поддержка городской буржуазии, нужен достаточно сильный подъем буржуазных элементов в хозяйстве. Поэтому лишь только завершается период завоевательных войн и колонизаций, «ordre équestre», неспособное играть роль действительного среднего сословия, превращается в люмпен-пролетариат при аристократии». [2]

Было бы весьма полезно в дальнейшей исследовательской работе по истории классовой борьбы в Московском государстве и на Украине в XVI и XVII вв. учитывать существование среднего крестьянского сословия «всадников». Это должно нам помочь разобраться в специфических особенностях революционного движения в крепостническую эпоху. Аналогия с сословием всадников, объясняющая социальное лицо казачества,

[1] Сведения об этой книге сообщены мне т. М. Джервисом.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 161.

как средней группы, как ее понимает Маркс, находится в резком противоречии с представлениями Плеханова. Плеханов писал, что «западная Европа не имела ничего подобного казачеству», в силу чего «западному европейцу до сих пор так трудно составить себе сколько-нибудь правильное представление о казаках». [1] Нечто похожее он находит только в Занзибаре в Африке и в Суринаме в Южной Америке. Не ближе!

В восточноевропейских странах, где были сравнительно слабо развиты города, где городская крупная буржуазия крепко поддерживала феодалов, эта прослойка наряду с городской мелкой буржуазией и «плебеями» играет серьезнейшую роль. Эти люди являются в значительной мере носителями того способа производства, который основан на принадлежности средств производства непосредственному производителю и «составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого рабочего». Этот способ производства возникает при рабском и при крепостном строе, но «он достигает полного расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает классическую соответствующую ему форму лишь там, где рабочий является свободным частным собственником своих, их самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник инструментами, которыми он владеет, как виртуоз». [2] Поэтому носитель этого способа производства в условиях крепостного общества борется за свободу от этого крепостного общества и способен подняться настолько, чтобы возглавить ту массу крепостных и холопов, которая в силу своего закрепощенного положения боролась за максимальное уменьшение крепостной зависимости и за свободное владение своими условиями труда. Но из этой прослойки, занимающей промежуточное положение между крепостным и помещиком, вырастают также и новые феодальные элементы. Невысокий уровень разделения труда, замкнутость мелкого производителя приводят к тому, что процесс дифференциации ведет не к монополизации средств производства в руках поднявшегося из общей массы свободных производителей представителя «всадников», а к феодальной экспроприации им земли своих собратьев и к превращению его в нового феодала или полуфеодала. При таких условиях борьба казачества превращается в борьбу за завоевание для себя привилегированного положения внутри феодального общества. Крепостники-помещики, стоящие у власти, способны делать уступки «всадникам», разрешить им известную автономию (такова была политика московских царей по отношению к донскому казачеству, Стефана Батория по отношению к «реестровому» казачеству на Украине), допускать отдельных выходцев из них в свою среду и тем самым перетя-

[1] Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, Соч., т. XX, стр. 105.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, 1931 г., стр. 611.

гивать эту прослойку на свою сторону. В этом заключается причина того, что из всех возможных представителей «среднего» между феодалами и крепостными сословия «всадники» и русское казачество, в том числе, всего меньше были способны довести до конца — до уничтожения господства феодалов, — ту антифеодальную борьбу крестьян, которую им приходилось возглавлять. Для этой роли более всего приспособленными были плебейский элемент городов и городская мелкая буржуазия. В России в XVII в. наиболее высокий уровень приобретает движение в Пскове, где эти элементы были сильны. Казачество способно придать большой размах движению на первых его этапах и быстро отстает от него, так как быстрее оказывается в состоянии удовлетворить свои непосредственные групповые задачи. В этом была одна из причин поражения крестьянских движений в России.

В Московском государстве победа осталась в руках феодалов. Поэтому здесь дворяне восстановили крепостничество, восстановили феодальный способ производства. На Украине, где в лице низового казачества эта средняя между помещиками и крестьянами прослойка вырисовывается особенно ярко, мелкий производитель держится дальше всего как свободный земледелец. В XVIII в. те из них, которым не удалось пробраться в помещики, как это сделала старшина, овладевшая крепостными, снова попадают в положение крепостных.

Наряду с другими причинами, как мы видим, слабость крестьянства, возглавляемого казачеством, при количественной слабости плебейских элементов городов, была причиной поражения крестьян, приведшего к «вторичному закрепощению». Вернемся к тому, что писал Энгельс о «вторичном закрепощении».

Энгельс настолько связывал свои выводы о «втором закрепощении» в Германии с тем, что Маркс писал в «Капитале» о дунайских провинциях, что он даже приложил свои основные выводы по этому вопросу в виде подстрочного примечания к 3-му изданию I тома «Капитала» в том месте главы о рабочем дне, где сравнивается румынский бояр с фабрикантом. Не случайно Энгельс писал о Маурере: «нахожу у него почти все мои утверждения и притом с соответствующими доказательствами». С другой стороны, у Маурера были взгляды и противоположные взглядам Энгельса, но они излагались либо без доказательств, либо без указания, к какому времени относятся приводимые факты. О недостатках исследовательского метода Маурера Энгельс говорит, что они исчерпывают в наиболее яркой форме типичные черты буржуазного историка-экономиста, не понимающего диалектики. Эта характеристика не утеряла своей злободневности в отношении многих современных исследователей.

«Противоречия у Маурера, — как пишет Энгельс, — вытекают из следующих четырех особенностей метода Маурера: 1) из привычки приводить

доказательства и примеры всех эпох рядом и вперемежку, 2) из остатков юридического мышления, которое мешает ему всякий раз, когда дело идет о понимании развития, 3) из недостаточного внимания к насилию и и его роли, 4) «просвещенного» предрассудка, что должен же был иметь место постоянный прогресс к лучшему со времени темного средневековья; это мешает ему видеть не только антагонистический характер действительного прогресса, но и отдельные фазы упадка». [2]

Тем не менее основной взгляд Маурера о возникновении «второго издания» крепостного права с середины XV столетия Энгельс считает «в общем неопровержимым». Вторичное закрепощение вызывает классовое столкновение, достигающее наибольшей высоты в крестьянскую войну 1525 г. Ухудшение в положении крестьян, усиление крепостнической эксплуатации может быть объяснено тем, что при окончании процесса колонизации только усиление повинностей может стать источником доходов. Энгельс не отрицает, что новое закрепощение вырастает из стремления дворян достать деньги, но он показывает натуральный потребительский характер этого стремления. Основная задача дворян — обогащение в целях потребления.

«Отсюда возобновленный нажим на крестьян, увеличенные оброчные и барщинные повинности, все возрастающие попытки низвести свободных крестьян в зависимые (Hörigen), зависимых в крепостные (Leibeigenen) и общинную марковую землю превратить в господскую». [3]

Энгельс ни одним словом не дает повода думать, что он считает этот порядок «своеобразной формой проникновения капитализма в сельское хозяйство» или формой «своеобразного первоначального накопления». Слова Энгельса о том, что «капиталистический период возвестил о себе на селе периодом крупного сельскохозяйственного производства на основе крепостного барщинного труда», нельзя иначе понять, как указание на связь между развитием капитализма и усилением крепостничества. Крупное барщинное производство было продуктом борьбы дворянства против капитализма и средством приспособления дворянства к капитализму. Усиление крепостничества было реакционной формой. Возможность его была обусловлена поражением крестьянства. «Крестьяне изнемогали после жестоких боев. Отсюда датируется возобновившееся преобладание крепостного права у немецких крестьян». [3] Государственный строй, установившийся в Германии как самодержавная монархия, уничтожил политические права дворянства, «зато развязал ему руки в отношении крестьян». [4]

Энгельс считает, что поражение крестьянской войны, отодвинув Гер-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 599.

[2] Ф. Энгельс, «Марка», нем. изд., приложение к «Der deutsche Bauernkrieg», М., 1932 г., стр. 142—143.

[3] Там же, стр. 143.

[4] Там же, стр. 144.

манию на 200 лет от общего европейского исторического развития, отодвигает ее и от капиталистического развития. «Всеобщее восстановление крепостного права, — пишет он, — являлось одной из причин, почему в Германии не могла развиться промышленность в семнадцатом и восемнадцатом столетии». В городе промышленности мешали цехи, поэтому в Англии «последовало переселение промышленности в не знающую цехов деревню». В Германии это оказалось невозможным, так как здесь деревня была крепостной. Развитию промышленности в Германии, пишет Энгельс, «препятствовало превращение сельских жителей в обитателей торговых местечек, занимающихся земледелием, в крепостных».[1] В России крепостничество в XVIII в. пошло на мануфактуру и превратило ее в предприятие с крепостным трудом.

Энгельс, как это упоминалось выше, в краткой форме формулирует свои взгляды на «второе издание» в примечании к VIII гл. 3 изд. I тома «Капитала». Маркс разбирает в этой главе крепостничество в дунайских княжествах. Маркс говорит о стремлении валашского бояра к расширению прибавочного труда и показывает, что оно «заключается в непосредственной погоне за барщинными днями». Крепостное состояние не создает барщинного труда, — «он редко возникал из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщинного труда».[2] К этому месту Энгельс прибавляет: «Это относится также и к Германии, в особенности к Пруссии на восток от Эльбы. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был повсюду, по крайней мере фактически, свободный человек. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Голштинии были низведены до положения крепостных».[3] Это написано в 1883 г.

Таким образом, если для Маркса и Энгельса вопрос о временной свободе немецкого крестьянина в XIV—XV столетиях был новым и новым тем самым был и термин «второе издание крепостного права», то основная характеристика связи крепостничества в аграрных странах с мировым капиталистическим рынком была дана Марксом и Энгельсом гораздо раньше. В главе о «Рабочем дне» Маркс говорит о южных штатах Северной Америки и о дунайских княжествах как о странах с рабским и

[1] К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 600.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 167.
[3] Там же, примеч. 44а.

крепостным трудом. Страны эти «начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу». В этих странах «к варварским ужасам рабства и крепостничества, — подчеркивает Маркс, — прививается цивилизованный ужас чрезмерного труда». [1] Труд рабов до победы экспорта хлопка «носил сравнительно мягкий и патриархальный характер». Экспорт изменил дело. В связь с тем же мировым капиталистическим рынком Маркс ставит и барщинный труд, «например, в дунайских княжествах». [2] Энгельс связывает с мировым рынком, как мы уже видели, Германию, связывает также и Россию в известном письме к Марксу 1851 г., Маркс связывает с мировым рынком крепостное хозяйство Польши в «Теориях прибавочной ценности». [3]

Показывая связь восточноевропейского крепостничества с мировым хозяйством, Маркс и Энгельс постоянно трактуют крепостничество как натуральное хозяйство, ничем не нарушившее своей чисто феодальной сущности. Перед нами стоит задача рассмотреть основные категории феодально-крепостного хозяйства, связанного с мировым капиталистическим рынком, в том виде, как их понимали Маркс, Энгельс и Ленин.

3. Маркс, Энгельс и Ленин об основных категориях крепостнического хозяйства эпохи второго закрепощения. Мануфактурный период в России

Страны «второго издания крепостничества» развивают свою хозяйственную систему на основе феодального способа производства в условиях торжества капиталистического способа производства на Западе. Это не может не отразиться на развитии феодального способа производства, господствующего в этих странах. Однако никогда без решительного краха, устраняющего феодальные отношения, феодальный способ производства не сменяется в этих странах капиталистическим, как это бывает и во всякой другой стране. У авторов, которые, как говорил Ленин, стараются «использовать» марксизм в интересах буржуазии, создалась своеобразная теория. Эта теория трактует все хозяйственные категории, создающиеся в условиях крепостничества «второго издания», как «своеобразно-капиталистические». Так как эти категории в разных областях и в различной степени мы найдем во всех странах восточной Европы, то представителей теории «своеобразного» «крепостнического капитализма» мы найдем и в Германии, и в Австрии, и в России.

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 166.
[2] Там же.
[3] К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, стр. 201.

Лассаль, с его противопоставлением Франции и Германии, был одним из первых представителей этой теории. В подвергнутой Ф. Мерингом [1] весьма мягкой критике статье о Лессинге Лассаль утверждал, что Великая революция обусловлена тем, что «во Франции господствующая власть отказалась совершить... переворот сверху вниз» [2]. Другое дело в Германии. «В Германии Фридрих Великий оказался тем лицом, которое, восстав против всех исторических воплощений власти, против императора и империи, взял руководство этим переворотом в свои руки». Дело Фридриха, о котором Маркс не говорил иначе, как с резкой насмешкой, Фридриха — типичного крепостника и тирана — выдвигается Лассалем, как «восстание» «против всех форм и традиций немецкой империи». Сам Фридрих для Лассаля — «настоящий, в себе самом черпающий силы революционер, держащий оружие наготове». [3] Не приходится говорить, что «оппортунизм» по отношению к старому Фрицу, жившему в XVIII в., был для Лассаля прикрытием его примиренчества к монархии Бисмарка и Вильгельма XIX века.

В идейном родстве с лассальянской позицией в отношении Фридриха II стоит плехановская теория «европеизации» и его же теория происхождения власти из военной обороны. Этого же порядка и теории Троцкого, для которого экономическое развитие России — продукт русского государства, которое «должно было обгонять развитие своих собственных экономических отношений». [4] Это «троцкистское» государство построило, по мнению Троцкого, в России капитализм. Ту же теорию защищали ликвидаторы, признавая самодержавие властью капиталистов, повторяя высказанную впервые едва ли не Рязановым теорию, утверждавшую, что «наше самодержавие в его современной форме есть продукт начатков капитализма». [5] М. Н. Покровский, достаточно боровшийся против этой теории за марксистско-ленинскую характеристику самодержавия, как диктатуры крепостников-помещиков, постоянно подчеркивал связь вопроса о самодержавии с вопросом о крепостничестве и феодализме. Замечательные строки по этому вопросу мы найдем в его почти предсмертной статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России». [6]

Прямая апологетика самодержавия и стирание его крепостнического лица разоблачены весьма крепко. Разоблачены также и те теории, кото-

[1] «Не следует слишком строго относиться к сочинению Лассаля». Ф. Меринг, «Легенда о Лессинге», СПб., 1907 г., стр. 41.

[2] Ф. Лассаль, Собр. соч., изд. Глаголева, ч. III, стр. 238.

[3] Там же, стр. 238—39.

[4] Л. Троцкий, 1905 год, изд. 3-е стр. 18.

[5] Материалы для выработки парт. программы, в. II, Женева, 1903 г., стр. 220.

[6] Приложена к новым изданиям «Русской истории в самом сжатом очерке».

рые пытаются экономической основе самодержавия — крепостничеству — придать, как это делал П. Б. Струве, черты капитализма. Хотя это так, но все же в этом вопросе есть особое своеобразие. Оно заключается в том, что через струвистскую теорию крепостничества как через щель проникает буржуазная теория происхождения и развития самодержавия.

Попытки превращения крепостничества в «капитализм» не чужды и западному социал-фашизму. Отто Бауэр, вождь австрийских антимарксистов, пишет о закрепощении крестьян в Австрии в XVI в. следующие строки: «Этот переворот является эпизодом из истории «первоначального накопления». [1]

Некритическое присоединение к теориям буржуа, без всякой попытки самостоятельно разобраться в исторических источниках [2] является причиной ряда ошибочных теорий в нашей литературе. Представление о русском феодализме, как об единой системе феодально-крепостнического строя, диалектически развивающегося от «Русской правды» до капитализма, является одной из основ взглядов Ленина на аграрную историю России. Ранняя эпоха аграрной истории России знает сохранение значительной массы земель в руках крестьянских общин, с типичными для таких, пережиточных в условиях феодализма форм, отношениями дани. Однако

[1] О. Бауэр, Борьба за землю, Л., 1925 г., стр. 55.

[2] Буржуазные историки не могли отрешиться от теории, связывающей возникновение крепостничества с XVI веком. Н. П. Павлов-Сильванский, М. Д. Затыркевич, П. И. Беляев, историк-юрист, отрицавший свободу крестьян, А. Е. Пресняков, в позднейших своих работах, были немногими трезвыми буржуазными исследователями, которые сумели увидеть факты, перешагнув через обычные схемы. Ту роль, которую сыграли в Германии исследователи такого типа, как Маурер, Вайц, Мейтцен, Гансен, отразившие основное официальное направление буржуазной науки, у нас взяла на себя небольшая группа буржуазных историков типа Павлова-Сильванского, Преснякова. Работы Павлова-Сильванского общеизвестны. Из них наибольшее значение имеют «Феодализм в древней Руси» (СПб., 1907 г., переиздано с предисловием М. Н. Покровского в 1924 г.) и «Феодализм в удельной Руси» (СПб., 1910 г.). М. Д. Затыркевичу принадлежит ныне совершенно забытая книга «О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольской период» (М., 1874 г.). П. И. Беляеву принадлежит статья «Древнерусская сеньерия и крестьянское закрепощение» («Журнал м-ва юстиции», 1916 г,, октябрь и ноябрь). А. Е. Пресняков солидаризуется с выводами Беляева в статье «Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения» («Архив истории труда», кн. I, П., 1921 г.). В этой статье Пресняков отмечает: «землевладельческая власть над крестьянами старше уничтожения «Юрьева дня». Эта вотчинная власть — исконная черта средневекового крупного землевладения и органическая основа средневековой государственности, землевладельческой по всему своему укладу. (Этот вопрос правильно поставлен в работе П. И. Беляева)». Пожалуй, здесь перечислены имена всех буржуазных историков, признававших древность крепостнической эксплуатации в феодальной Руси. Самоквасова с его теорией, изложенной в сборнике «Архивный материал», т. II, не привожу, так как она стоит вне установок Сильванского и Преснякова и только внешне походит на них.

там, где складываются феодальные отношения, как отношения феодальной собственности, в основу их кладутся полурабские формы барщины посаженных на землю холопов, закупов и закабаленных смердов. В новую эпоху меньше остается свободных земель, феодальная экспроприация общинных земель доходит до высшего предела в XV—XVII вв. Поэтому в эту эпоху шире охват районов, подчиненных сеньориальным повинностям феодальной зависимости, хотя, как уже говорилось выше, сами формы зависимости какого-нибудь порядчика XVI в. ни в какое сравнение не идут с положением закупа XII или крепостного XVII—XVIII вв. «Государь-вотчинник», существовал непрерывно от «Русской правды» до ликвидации помещичьего землевладения. В. И. Ленин еще в 1895 г., до Павлова-Сильванского и независимо от него, высказался за существование в России феодализма, [1] считал наличие крепостного права в древней Руси несомненным. Владимир Ильич решительно отбрасывал популярное среди историков разделение истории феодальной России на крепостническое и «докрепостническое» время. Для изучения взглядов Ленина на происхождение крепостного права нужно принять во внимание не только книгу «Развитие капитализма в России», но и полемику, завязавшуюся по поводу этой книги с Павлом Скворцовым — легальным марксистом 90-х гг. Ленин подчеркивал, что Скворцов «напрасно думает», что категория «го-

[1] Небезынтересно отметить, что Плеханов упрекал Павлова-Сильванского в излишнем «упрощенчестве», подчеркивающем лишь черты сходства русского средневековья с западным феодализмом (История русской общественной мысли, т. 2). Г. В. Плеханов в письме к В. И. Засулич (Ленинский сборник II, стр. 92) указывает, что Ленину «хотелось найти такую формулировку, в которой утонуло бы всякое различие между Россией и Западом. Я понимаю, — говорит Плеханов — *психологическое* основание такого стремления, но знаю также, что оно приводит к крупным *логическим* и *социологическим* промахам. Я помню, как в 1895 г. один товарищ старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе. Я отвечал, что сходства в этом случае не больше, чем между «российским Вольтером» — Сумароковым — и настоящим французским Вольтером, но мои доводы едва ли убедили моего собеседника».

Этот «собеседник», как указывает автор ценных воспоминаний 90-х годов А. М. Воден («Летописи марксизма, т. III, стр. 75), был тот же Владимир Ильич: «Мне пришлось быть очевидцем его спора с Г. В. Плехановым по вопросу о феодализме в России», сообщает А. Воден. Спор о феодализме в России с Плехановым Ленин считал делом далеко не маловажным. При обсуждении проекта аграрной программы (Ленинский сборник III, стр. 331) Ленин отметил, что он склонен «решать» вопрос о феодальном характере русского поместного дворянства «в утвердительном смысле», хотя он и является «таким спорным вопросом», что помешал Владимиру Ильичу, как автору программы, применить термин «феодал» по отношению к русскому дворянству. На это замечание Ленина Аксельрод отвечал с присущей ему «соглашательской» тенденцией: «Право же, в *программной* брошюре лучше бы опустить такие намеки на разногласия», а Плеханов просто предложил проголосовать предложение «об устранении соображений автора о русском феодализме» (там же, стр. 368, 369).

сударь-вотчинник» применима только к эпохе» «до образования крепостного права». Последние слова он берет в ковычки и отмечает: «Она (категория. *М. Ц.*) применима и к эпохе крепостного права» [1]. В самом тексте книги Ленин дважды подчеркивает древность крепостничества на Руси: «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашем земледелии со времен «Русской правды», [2] пишет Владимир Ильич. Феодальные отработки и кабала были «исконными формами», «освященными веками», и их «не могли сломать никакие политические бури до удельных безурядиц и татарщины» включительно. Вплоть до появления капитализма кабала и обработки составляли прочный костяк российской экономики. Владимир Ильич указывает также и время возникновения крепостнических форм эксплуатации: «Едва ли не с начала Руси — землевладельцы кабалили смердов еще во времена «Русской правды». [3]

П. Скворцов, оппонент Ленина, держался иных взглядов. Он вслед за Ключевским и другими буржуазными историками проводил резкую грань между строем Руси до XVI в. и после него и считал возможным объяснить экономику Киевской Руси борьбой за рынки. Он ссылался на «Боярскую думу» Ключевского, упрекая В. И. «Как же так случилось, что г. Ключевский говорит о борьбе с высшим городским классом Руси XII в. земледельцев за внутренние рынки, а половцев за заграничные, — г. же Ильин знает только отработочную систему?» «Случилось» это потому, что В. Ильин — В. И. Ленин — основой своего анализа брал способ производства, а Ключевский и вслед за ним Скворцов ограничивались анализом форм сношений и пытались из них делать выводы об общественной структуре в целом. Их выводы могли только стереть своеобразие действительно существовавших формаций. По мнению Скворцова, система хозяйства древней Руси могла быть выяснена путем рассмотрения внутренних и заграничных рынков. Вслед за Ключевским Скворцов считал основою хозяйства этого времени «землевладение не земледельческое, которое держалось не столько хлебопашеством, сколько разработкой промысловых угодий для внутреннего и внешнего рынка». [4] Скворцов совершенно серьезно замечает: «Ильин опустил прекрасный пример влияния капитализма в начале XII в. и утверждает вместо того, что отработочная система господствовала в нашем земледелии со времени «Русской правды».

Каков же был русский капитализм XII в., открытый легальным марк-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, изд. 3-е, 1929 г., стр. 496.

[2] Там же, стр. 242.

[3] Там, же стр. 150.

[4] Там же, стр. 553. В. О. Ключевский, Боярская дума древней Руси, изд. 1882 г., стр. 194.

систом Скворцовым [1] в «Боярской думе» Ключевского. Оказывается, он представлял собой систему хозяйства, «основанную частью на труде рабов». На чем же еще покоилась эта система «другой частью», Скворцов не сообщает. «Промышленная» система хозяйства, связанная с рынком, существует, по мнению Скворцова, вплоть до перехода «этой системы в крепостную». Скворцов отрицает ленинское объяснение причин, связывающее падение крепостничества с появлением товарного производства. Приводимое Лениным положение Энгельса о том, что «производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима», Скворцов предлагает заменить: «просто почему бы не сказать, что крепостное право было предвестником капиталистического способа производства». [2]

Для нас Скворцов интересен тем, что он один из первых попытался «марксистскими» фразами обосновать буржуазную теорию исторического развития России. У него мы находим основу той концепции, которую позже развивает Лященко, поборник той исторической теории, которая считает крепостничество своеобразной формой экономического прогресса и проникновения товарного хозяйства и капитализма в русскую деревню.

Скворцов отрицает влияние роста товарного производства на разложение крепостничества в Англии. Он указывает на то обстоятельство, что между концом XIV в., когда исчезло крепостное право в Англии, «и возникновением капиталистического производства лежал XV в., бывший золотым для английского сельского и городского работника». То обстоятельство, что этот золотой век был золотым веком для «работника», как товаропроизводителя, что тогда именно товарное производство и забивало кол в гроб крепостничества, осталось вне уровня понимания буржуа Скворцова. Лященко спустя ряд лет наиболее полно иллюстрировал на примере своих работ антимарксистский характер теории, отрицающей революционный переход от феодализма к капитализму. По его мнению, между феодализмом и капитализмом лежит эпоха господства торгового капитала. В эту эпоху, как утверждает Лященко, экономическая эволюция в построенной им фальсифицированной истории делала то, что в реальной истории совершается путем революционного взрыва. Классовая борьба в рамках феодального общества, подготовляющая через крестьянские войны и перестройку под давлением этих войн методов крепостнической эксплуатации, сбрасывается теоретиками типа Лященко со счетов истории. Рожков с теорией «дворянской революции» в равной степени, как и Лященко

[1] Статья Скворцова из «Научн. обозр.» 1899 г., декабрь, напечатана в приложениях к т. III Сочинений В. И. Ленина, стр. 548—554.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 140 и 552.

с теорией «торгового капитализма», П. Б. Струве с теорией прогрессивности крепостного хозяйства, отстаивали концепцию мирного перехода от феодализма к капитализму.

В этих теориях проглядывает основная линия русской буржуазной историографии, для которой крепостная эпоха связана со временем образования империи и оправдана самым этим образованием. Плеханов и Троцкий восприняли буржуазную историческую концепцию в ее самой неприкрытой форме. Взгляд на крепостничество или «торговый капитализм» как на особую, отличную от феодализма эпоху «своеобразного» первоначального накопления капитала в руках помещика-крепостника или на барщину как на разновидность капитализма дает ложное представление о русском историческом процессе в крепостную эпоху. Капиталистическое преобразование помещичьего хозяйства становилось возможным, как считал Ленин, «не иначе как через ряд общедемократических натисков». [1] Две концепции истории крепостничества в России отражали две линии классовой борьбы. Одну из них защищают все буржуазные ученые, а вслед за ними и Лященко, Рожков, Плеханов и Троцкий, другую — Ленин и историки-марксисты.

Результаты нашей дискуссии по вопросу о крепостничестве в России показали нам, что нельзя ограничивать вопрос только одним выявлением сущности аграрного строя XVI—XVIII вв. Буржуазная концепция, как это показывал спор П. Скворцова с В. И. Лениным, заключает в себе два вопроса, диалектически связанных друг с другом. Первый—вопрос о древности крепостнической эксплуатации в России, второй — вопрос о характере крепостничества XVII—XIX вв. Ленин, как уже говорилось выше, постоянно подчеркивает неизменность крепостничества, как феодальной формы эксплуатации и классового угнетения. «Крепостничество *может* удержать и веками держит миллионы крестьян и забитости (напр., в России с XI по XIX век)», пишет В. И. Ленин в «Правде» в 1914 г.[2] Или: «свободный русский крестьянин в XX в. все еще вынужден итти в кабалу к соседнему помещику — совершенно так же, как в XI в. шли в кабалу «смерды» (так называет крестьян «Русская правда») и «записывались» за помещиками», пишет Ленин в 1907 г. [3] Для Ленина древность крепостничества была сам собой разумеющимся фактом. Остается только порадоваться, что в результате нашей дискуссии этот ленинский взгляд сделался общепризнанным среди историков.

Правда, еще совсем недавно всякое упоминание о крепостничестве в эпоху «Русской правды» встречало возражение отдельных историков.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 193.
[2] Там же, т. XVII, стр. 514.
[3] Там же, т. XI, стр. 98.

Вопрос о древности феодально-крепостнической эксплуатации тесно связан с другим вопросом — вопросом о характере экономической системы, установившейся с XVI столетия. Владимиру Ильичу она представляется господством феодального хозяйства, как натурального хозяйства. Основы барщинного хозяйства, как классической формы феодального способа производства, Владимир Ильич изложил в ряде работ: «Развитие капитализма», «Аграрная программа соц.-дем. в первой русской революции», в статье «Аграрный вопрос в конце XIX в.» и др. Феодальный строй, основанный на эксплуатации внеэкономическим принуждением закабаленного мелкого производителя, работающего на помещика своими средствами производства, дожил в виде пережитков до самой пролетарской революции. Если буржуазия, бессильная ликвидировать эти пережитки, всячески их замазывает, то рабочий класс, для которого уничтожение феодально-крепостнических пут — первый этап в его борьбе за диктатуру пролетариата и ликвидацию всякого классового общества, до конца вскрывает истинно-феодальный характер крепостничества XVII—XIX вв. и наличие крепостнической эксплуатации, начиная с самых ранних этапов существования феодальной древней Руси.

Выше шла речь о ряде авторов, замазывающих антагонистический характер крепостнических отношений по отношению к капитализму. Нужно сказать, что П. Б. Струве является по сути основоположником теорий такого рода. По мнению Струве, крестьянин, как представитель натурального производства, не мог быть носителем прогрессивных тенденций. Даже в середине XIX в. крепостной труд представляется Струве более прогрессивным, нежели наемный. «Крепостное помещичье хозяйство было денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-хозяйственное тело страны», [1] утверждал Струве. П. Лященко в книге «История русского народного хозяйства», служившей долгое время учебником, дал развернутое изложение теории антимарксистского модернизаторства в вопросах истории России. Поэтому на его взглядах нужно остановиться подробнее.

По мнению Лященко, в XVI в. произошел переворот, «вылившийся в ликвидацию феодально-вотчинного хозяйства, в закрепощение крестьян, в развитие торгового капитала».[2] Распад вотчинного хозяйства, по мнению Лященко, завершается в XVI в. выходом его на рынок. Новое хозяйство — крепостное — носит, как утверждает Лященко, товарный характер. [3] Это хозяйство погибает не от противоречий, порождающих классовую борьбу и существующих между феодальной собственностью с принуди-

[1] П. Б. Струве, Крепостное хозяйство, СПб., 1913 г., стр. 159.

[2] Проф. П. И. Лященко, История русского народного хозяйства, М. — Л., 1927 г., стр. 185.

[3] Там же, стр. 235.

тельным трудом и товарным хозяйством, а в силу совершенно особых противоречий, чисто автоматическим образом. Крепостное право гибнет не в результате классовой борьбы, выражающей экономические противоречия, а в результате самих экономических противоречий непосредственно, без всякого влияния классов и их реальных исторических битв.

«К 1861 г. крепостное право, как правовая оболочка хозяйственных отношений, уже далеко не соответствовало интересам обширной и прогрессивной хозяйственной периферии». [1] Поэтому оно и гибнет в результате столкновения частей, лежащих внутри этого «аггрегата», как ломаются пришедшие в негодность машины. В чем же эти противоречия? «С одной стороны, как хозяйство товарное, оно ориентировалось на рынок, на его рост и на углубление товарно-рыночного производства. Но, с другой стороны, не давая стимулов для производственного процесса и ограничиваясь лишь усилением торгово-крепостнической эксплуатации, оно долго сохраняло натурально-потребительский характер обусловливая незначительную товарную емкость, а вместе с тем и слабость темпа накопления и социально-экономической дифференциации». [2]

Не приходится и говорить, что вся эта теория не выдерживает никакой критики. Основное слабое ее место — это признание крепостного хозяйства товарным и выдвижение особых основных противоречий, отличных от противоречий феодальной формации. Сюда же относится и созданная Лященко теория крепостной мануфактуры, как особой формы вызревания капиталистической промышленности. «Крепостное хозяйство со второй половины XVII в. обнимает уже не только земледельческое хозяйство и переработку его продуктов для собственного потребления, но и промышленность, как особую и иногда независимую от земледельческого вотчинного хозяйства организацию, ведущуюся, однако, на началах крепостного хозяйства». [3]

П. И. Лященко считает, что в основе крепостного хозяйства лежат три этапа. Первый этап — это эпоха XVI—XVII вв., время, когда крепостничество складывается как земледельческое хозяйство, обеспечивающее определенный «способ выхода на рынок для товарной части его земледельческих продуктов». [4] В промышленности эта эпоха характеризуется отставанием медленно растущего ремесленного производства от крупного промышленного, которое как «крупное промышленное крепостное хозяйство уже к середине XVII в. сделало большие успехи». [5]

Второй период крепостничества начинается со второй половины XVII в.

[1] П. И. Лященко, ук. соч., стр. 192.
[2] Там же, стр. 235.
[3] Там же, стр. 187.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 189.

В это время «система крепостного хозяйства всецело переносится на промышленное развитие и на организацию «фабрик» казенных, поссессионных, вотчинных».[1] На этой почве в результате территориального распространения крепостничества по всей России складывается эпоха «самого широкого и самого глубокого крепостничества, как системы, охватившей все народное хозяйство и всю территорию страны».[2]

Третий период, начинающийся с первых лет XIX в., был периодом «перелома и кризиса». В это время крепостное хозяйство, создав национальный рынок средствами торгового капитала, в дальнейшем «вступает уже в длительный период органического кризиса, обострения внутренних противоречий и своего разложения».[3]

Реформа представляется Лященко, в тесном соответствии с меньшевистской философией истории, только «компромиссом между требованиями представителей развивающейся промышленной жизни с одной стороны и крепостных помещиков — с другой».[4] Налицо только борьба буржуа и помещика. Крестьянина, который был основной силой антикрепостнического движения, меньшевистский экономист вовсе сбрасывает со счетов. Крестьянин играет пассивную роль, роль «рабочих рук» в борьбе буржуа и помещика. «Сам земледельческий производитель, как и в период закрепощения в XVI веке, был лишь объектом борьбы за рабочие руки и организацию труда между промышленностью и сельским хозяйством».[5]

Последняя фраза вскрывает со всею ясностью истинный характер концепции Лященко, роднящий ее с теориями всей буржуазно-помещичьей науки. Исторический процесс идет *вне* классовой борьбы между крестьянином и помещиком. Существуют лишь компромиссы между помещиком и буржуа. Взгляды Лященко на переходный период от феодализма к капитализму являются проекцией в прошлое современной политики социал-фашизма. Теория, выдвигающая трехсотлетнее существование особого периода «крепостничества», в скорлупе которого вне классовой борьбы растут элементы капиталистического производства, превращающиеся автоматически в новый способ производства после того, как автоматически лопается эта скорлупа, — это не что иное, как обоснование на примерах истории другой, более злободневной теории — теории врастания социализма в капитализм.

Некоторое влияние, которое Лященко имел на отдельных историков-марксистов, не может не быть поставлено в связь с социал-демократическим уклоном в вопросе о переходном периоде при диктатуре пролетариата.

[1] П. И. Лященко, ук. соч., стр. 190.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 191.
[4] Там же, стр. 192—193.
[5] Там же, стр. 193.

В. И. Ленин на IX съезде партии, выступая против т. Рыкова, говорил: «Не в том ошибка реформаторов, что они не отрицали врастание, а в том, что они не видали, что рабочий класс постепенно занимал целый ряд должностей, брал на себя целый ряд государственных работ». [1] Ленин смотрит на «врастание» как на классовую борьбу. Врастание элементов высшей формации в предшествующую ей формацию идет путем жестокой классовой борьбы. В условиях классовой борьбы врастали капиталистические элементы в феодализм. Основная линия развития капитализма связана с смягчением крепостнических повинностей, с той некоторой свободой крестьян, которая могла быть возможной при господстве феодалов — Hörigkeit вместо Leibeigenschaft. М. Н. Покровский на вопрос, было ли работающее на рынок барщинное хозяйство «теми воротами, через которые в сельское хозяйство России проникал капитализм», отвечает: «совсем не значит, конечно: это были не ворота, а барьер».[2]

Товарное обращение, основу которого образует натуральное хозяйство, может существовать и при феодализме. Торговый капитал не является ни формацией, ни особым периодом или эпохой. Он существует при феодальном хозяйстве так же, как существовал и в рабовладельческом обществе. В эпоху торжества капитализма на Западе Европы, капиталистической экспансии в колонии рост мировой торговли и торгового капитала не мог не принять, конечно, наиболее широких размеров.

Особенность феодального способа производства эпохи крепостничества «второго издания» заключается во всеобщности его форм, особой остроте и тяжести крепостнической эксплуатации, ее общегосударственном распространении, небывалом росте прав помещиков вплоть до установления права подвергать крепостных самым жестоким наказаниям (каторга) и по своей воле переводить их на положение рабов-дворовых и права государства превращать государственных полусвободных крестьян в крепостных простым росчерком пера. Все эти черты являются не чем иным, как приспособлением феодалов-крепостников-помещиков к капитализму. Это приспособление идет не путем перестройки феодального хозяйства в капиталистическое, а путем внутренней перестраховки феодального хозяйства так, чтобы оно крепче устояло против расшатывающих его элементов капитализма. Только непосредственные удары классов, являющихся носителями антифеодального движения, заставляют крепостника сделать шаг к капитализму. Но этот шаг впервые сколько-нибудь серьезно был сделан крепостниками только в 1861 г.

Происходило ли накопление капиталистических элементов в крепостную эпоху? Безусловно. Рост капитализма шел — в развитии товарного

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 117.

[2] М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, изд. 1932 г., стр. 498—499.

производства в крестьянском хозяйстве, в накоплении купеческого капитала в той мере, в какой он был связан с промышленностью, основанной на наемном труде, в росте капиталистической мануфактуры, в колониальной экспроприации Сибири, Башкирии и киргизо-казакской степи. Помещик-крепостник и в крепостном промышленном производстве укреплял крепостнический строй, всячески стараясь использовать свою хозяйственную мощь для сохранения феодального способа эксплуатации. Ресурсы крепостной промышленности могли превратиться в основы капиталистического накопления лишь при ликвидации крепостничества. Вплоть до реформы крепостники так же противостоят капитализму, как после реформы стремятся всячески сохранить при господстве капитализма крепостнические методы эксплуатации «в дополнение» к капитализму.

Особенности исторического развития восточной Европы были обусловлены большой классовой силой крепостников в Германии, Польше и России. Русский помещик, как указывал М. М. Сперанский в «Записке о крепостных людях», обладал совершенно особыми правами, по которым «земля без крестьян, так и крестьяне без земли могут быть проданы, заложены, переселены, во двор взяты и даже в ссылку по воле помещика за проступки их, без суда, могут быть сосланы».[1] По русскому праву крестьяне и дворовые были движимым имуществом помещика.

Неправильно отрицать наличие торгового оборота в XVI—XVIII вв., считать, что в ту эпоху невозможна была связь помещичьего хозяйства с рынком, против этого предостерегал М. Н. Покровский. Антимарксистской в то же время является, как мы видели, и тенденция превращать основные категории феодального хозяйства в капиталистические.

Маркс и Ленин подчеркивают, что критерием натурального хозяйства является не наличие или отсутствие обмена, а натуральный характер производства, ярко видный хотя бы на примере описанного Лениным барщинного хозяйства. В этом хозяйстве господствуют патриархальные отношения производства, в этом его отличие от капиталистического хозяйства. Между капиталистическим и крепостническим хозяйством, указывает Ленин, одна общая черта — «крепостная или барщинная система хозяйства одинакова с капиталистической в том отношении, что в обеих работник получает лишь продукт необходимого труда, отдавая продукт прибавочного труда без оплаты собственнику средств производства».[2] Ленин перечисляет отличия крепостничества от капитализма «в трех следующих отношениях. Во-первых, крепостное хозяйство есть натуральное хозяйство, капиталистическое же — денежное. Во-вторых, в крепостном хозяйстве орудием эксплуатации является прикрепление работника к земле,

[1] Сперанский, План государственного преобразования, М., 1907 г., стр. 305.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 226.

наделение его землей, в капиталистическом же — освобождение работника от земли. Для получения дохода (т. е. прибавочного продукта) крепостник-помещик должен иметь на своей земле крестьянина, обладающего наделом, инвентарем, скотом. Безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации. Для получения дохода (прибыли) капиталист должен иметь перед собой именно безземельного, бесхозяйного работника, вынужденного продавать свою рабочую силу на свободном рынке труда. В-третьих, наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как под принуждением. Система хозяйства порождает здесь «внеэкономическое принуждение», крепостничество, зависимость юридическую, неполноправность и т. д. Напротив, «идеальный» капитализм есть полнейшая свобода договора на свободном рынке — между собственником и пролетарием». [1]

Маркс также подчеркивал, что суть натурального хозяйства — в натуральной форме производства. Во II томе «Капитала» Маркс отмечает, что в категориях «денежное хозяйство» и «кредитное хозяйство» у экономистов «подчеркивается и берется в качестве отличительного признака не хозяйство, т. е. не самый производственный процесс, а соответствующий хозяйству способ сношений». [2] Если так характеризовать натуральное хозяйство, то мы в нем нашли бы ряд фаз — «вместо натурального хозяйства получилось бы меновое хозяйство», а за пределами классификации оказалось бы «вполне замкнутое натуральное хозяйство, напр., перуанское государство инков». [3]

Отрицание натурального характера феодального производства проистекает именно из подмена анализа производства анализом форм сношений. Наличие обмена не ликвидирует при феодальном строе натуральный характер хозяйства. Натуральному производству противостоит как «общая форма производства», заключающая в себе предпосылки к переходу к капитализму, товарное производство. Сущность помещичьего хозяйства, как феодального натурального хозяйства, делается особенно ясной при сравнении его с крестьянским хозяйством, свободным от помещичьего гнета. Помещичье хозяйство не только не капиталистическое, но и не товарное. В этом хозяйстве средства производства не принадлежат владельцу земли. Товарное хозяйство, как подчеркивает т. Сталин, опирается на частную собственность на средства производства», оно «однотипно с капиталистическим хозяйством». [4] Нелепо поэтому признавать

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XII, стр. 227.
[2] К. Маркс, Капитал, т. II, изд. 1931 г., стр. 110.
[3] Там же.
[4] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 446.

феодальное хозяйство не только капиталистическим, но и товарным. Товарное хозяйство существует там, где есть частная собственность на средства производства. Когда появляется рабочая сила в качестве товара. возникает капиталистическое производство. Маркс отмечает, что товарное производство «является таковым и по мере своего развития становится все более таковым лишь потому, что здесь сам труд оказывается товаром»,[1] Маркс подчеркивает, что критерием перехода к капитализму является появление капиталистической категории труда. Это — ответ на вопрос о первоначальном накоплении в крепостных условиях. Там только можно говорить о наличии капиталистических категорий, где рабочая сила превращается в товар. «Производитель становится промышленным капиталистом в той мере, как труд становится наемным трудом; поэтому капиталистическое производство (следовательно, и товарное производство) проявляется во всем своем объеме лишь тогда, когда и непосредственный сельский производитель есть наемный рабочий». [2] Можно умножить примеры, где Маркс подчеркивает, что «продажа собственной рабочей силы (в форме продажи собственного труда или в форме заработной платы) представляет... предпосылку товарного производства». [3] Товарный характер производства и монополизация средств производства осуществимы лишь тогда, когда существует «основное условие капиталистического производства — существование класса наемных рабочих». [4]

Крепостнический принудительный труд несравним с принудительным трудом, существовавшим в Англии и Франции в эпоху так наз. «кровавого законодательства». Принудительный труд крепостных есть часть феодального способа производства. Труд превращенных в рабов, разоренных и лишенных средств производства английских мелких производителей был рабским дополнением к складывающейся, но уже бесповоротно преобладающей над феодальными отношениями системе капиталистического наемного рабства. В Англии XVI—XVII вв. преобладало товарное производство на основе экономической зависимости рабочего от владельца средств производства. «На основе всяких форм зависимости (в том числе и крепостной)», [5] говорит Маркс, преобладает натуральное хозяйство.

Продукт средневекового крестьянина, хотя он производился для сеньора, не был товаром, он «не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других». Продукт превращается в товар в условиях обмена. «Для того, чтобы стать товаром, продукт должен быть передан посредством обмена в руки того, кому он служит в качестве потребитель-

[1] К. Маркс, Капитал, т. II, стр. 110.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 32.
[4] Там же, стр. 35.
[5] Там же, стр. 455.

ной стоимости». [1] Натуральное производство рассчитано на собственное потребление, будь то потребление самого производителя или владельца условий производства. Рынок при натуральных формах хозяйства, в том числе и при феодальном, «превращает в товар только избыток продукта». [2] Только рынок делает продажу продукта для носителя натурального хозяйства преобладающим, главным интересом. На первых порах эта перемена «не затрагивает самого способа производства». Но эта работа натурального хозяйства на рынок только показатель грядущего распада этого хозяйства. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима». [3]

Рынок «разрушает» все формы производства, основой которых является труд производителя, владеющего средствами производства, «или же просто продажа в виде товара только излишков продукта». На смену этим способам производства приходит капиталистический способ производства. Но до тех пор, пока не создались основные категории капиталистического производства, как товарного производства, продолжает существовать натуральное хозяйство, хотя оно и создает меновую стоимость, как, например, производство золота и серебра. [4] В главе о рабочем дне в I томе «Капитала» Маркс, как уже говорилось выше, приводит яркий пример влияния на крепостное хозяйство мирового капиталистического рынка. До того времени, когда появилась связь между рынком и крепостным хозяйством «и прибавочный труд ограничивается более или менее узким кругом потребностей», нет основы для безграничной эксплуатации крепостного.

Маркс анализирует отношения крепостного труда в сравнении с капиталистическим производством на фабрике. «Капиталистическое производство, изнуряя рабочего, создает расширение воспроизводства капиталистических отношений, помещик, увеличивая гнет барщинных дней, имел возможность расширения производства лишь в узких ограниченных пределах, за которыми лежала необходимость выхода из условий феодального производства. Но этот выход был бы уже разрывом с прежним способом производства. Доколе существовал прежний способ производства, он был основой натурального хозяйства, несмотря на существование мирового капиталистического рынка.

«Товарное производство возникает при господстве крепостничества в крестьянском хозяйстве, ремесле и мануфактуре, как сила, расшатывающая крепостничество. Переход отработочной и натуральной ренты

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 6.
[2] Там же, т. II, стр. 36.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 140.
[4] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 165.

в денежную возможен на том уровне существования товарного производства, когда функция денег выходит за «пределы сферы товарного обращения». [1] Возможность такого перехода зависит «от общего характера процесса производства».

Продукты, произведенные в условиях рабского труда, в крестьянском хозяйстве в общине и в государственном производстве превращаются в товар в условиях рынка. Примером государственного производства Маркс считает «основанное на крепостной зависимости производство, встречающееся в ранние эпохи русской истории», — надо думать, что здесь имеется в виду не что иное, как хозяйство московских царей допетровской эпохи, торговавшее с Западом. Иначе было бы странно, почему это «государственное производство» упомянуто наряду с колониальным хозяйством, существовавшим в капиталистическую эпоху мирового рынка. [2] Продукция всех этих форм производства входит в «кругооборот капитала». Нам должно быть отсюда совершенно ясно отношение Маркса к основным категориям крепостного хозяйства, существовавшим в эпоху господства капитализма.

Маркс указывает, что лишь внешней торговлей, осуществляющей превращение «необходимых жизненных средств в предметы роскоши», «определяются все общественные отношения отсталых наций, например, рабских стран в Северо-американских соединенных штатах или Польши и т. д., которые связаны с мировым рынком, покоящимся на капиталистическом производстве... Как бы ни был велик прибавочный продукт, который такие страны извлекают в простом виде, как хлопчатую бумагу или хлеб из прибавочного труда своих рабов, они могут остаться при этом простом недифференцированном труде, меж тем как внешняя торговля дает им возможность превратить этот простой продукт в любой вид потребительной ценности».[3]

Маркс постоянно подчеркивает антагонистический характер крепост-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 88.

[2] Привожу эту цитату целиком, в контексте: «являются ли товары продуктом производства, основанного на рабстве, или продуктом производства крестьян (китайцы, индийские райоты), общинного производства (голландская Ост-Индия), государственного производства (как основанное на крепостной зависимости производство, встречавшееся в ранние эпохи русской истории), или производства полудиких охотничьих народов и т. д. — все равно: деньгам и товарам, в виде которых проявляется промышленный капитал, они противостоят, как товары и деньги, и входят в кругооборот этого последнего и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости, поскольку она тратится в качестве дохода, — следовательно, входят в обе ветви обращения товарного капитала. Характер производственного процесса, из которого они происходят, безразличен; в качестве товаров они функционируют на рынке и в качестве же товаров вступают в кругооборот промышленного капитала, равно как и в обращение заключающейся в нем прибавочной стоимости» («Капитал», т. II, гл. IV, Соч., т. XVIII, стр. 112 или изд. 1929 г., стр. 64).

[3] К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, изд. 1924 г., стр. 201.

ного хозяйства, и как формы выражения классовых противоречий феодального общества и как общественного явления, свойственного феодальному способу производства и антагонистически противостоящего категориям капиталистического хозяйства.

В условиях господства крепостничества второго издания в восточноевропейских странах начинает развиваться промышленность. Представляется совершенно необходимым посмотреть, как складываются основные этапы развития промышленности в условиях крепостничества. Известно, что Маркс, говоря о развитии промышленности в Англии, имел в виду среду, в которой давно уже был ликвидирован крепостной труд. Посмотрим, в какой мере применима в России схема основных этапов развития промышленности, установленная Марксом.

Маркс и Ленин считают, что промышленность в своем развитии прошла три стадии. «Главных стадий этого развития три, — читаем в «Развитии капитализма», — мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»[1]. Ленин резко ополчается против пересмотра этой схемы, данной Марксом, который предпринимали К. Бюхер и П. В. Струве. Пересмотр позиций Маркса в этом вопросе обыкновенно сводился к отрицанию особого мануфактурного периода. Своеобразную форму отрицания марксистско-ленинской схемы трех стадий развития промышленности мы найдем и в той литературе по истории промышленности в России, которая выдвигает как особый период — период крепостной мануфактуры. Как увязать крепостную промышленность, «формы промышленности, которые основывались на труде крепостного населения» (Ленин), со стадиальным развитием промышленности от мелкого товарного производства через мануфактуру к фабрике? Представляется несомненным, что единственной увязкой между феодальными, крепостническими формами промышленности и капиталистическими была жесточайшая борьба между ними. Эта борьба была одной из экономических предпосылок классовых столкновений крепостной эпохи. Только таким путем мы можем получить ответ на наш вопрос. Тщетны были бы поиски в исторической действительности таких хозяйственных форм, которые автоматически, вне реальной борьбы подготовляли бы новые производственные отношения.

Маркс и Ленин под мануфактурой понимают определенные общественные отношения — капиталистические отношения. «По своему возникновению мануфактура непосредственно примыкает,—пишет В. И. Ленин,— к «первым стадиям капитализма в промышленности». Мануфактура идет по двум путям: «с одной стороны, мастерские с более или менее значи-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 423.

тельным числом рабочих вводят постепенно разделение труда, и, таким образом, капиталистическая простая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру». Это путь, по которому сам бывший ремесленник делается предпринимателем. Этот путь Маркс называет «революционным». Другой путь идет через торговый капитал. «Торговый капитал, — пишет Владимир Ильич, — сводит уже производителя на положение наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную плату». Для того, чтобы эта система осуществила «другого рода процесс возникновения капиталистической мануфактуры», необходим ряд обстоятельств. Ленин перечисляет эти обстоятельства. Это — «разделение труда, преобразующее систему мелкого производителя», выделение скупщиком некоторых операций для их производства «наемными рабочими в своей мастерской», при условии, «если наряду с раздачей работы на дома и в неразрывной связи с ней появляются крупные мастерские с разделением труда». [1]

Основное у Маркса в характеристике мануфактуры — это капиталистический характер этого предприятия. Отношения наемного труда — «свободная» капиталистическая эксплуатация — основная черта мануфактуры. Ручной труд, разделение труда; торговец во главе предприятия, все равно стал ли торговец предпринимателем, или ремесленник-предприниматель превратился в торговца; трудящиеся — наемные рабочие — вот совокупность признаков, которыми, по словам Ленина («Кустарная перепись в Пермской губернии»), [2] «характеризуется научное понятие мануфактуры, как особой ступени развития капитализма в промышленности». «Эта форма промышленности,— прибавляет Ленин,— означает уже, как известно, глубокое господство капитализма, будучи непосредственной предшественницей последней и высшей формы его, т. е. крупной машинной индустрии». Что же мы скажем о таком методе изучения экономических явлений, который берет два первых признака мануфактуры — ручной труд и разделение труда — и игнорирует два другие, превращая научное марксистское понятие мануфактуры, как общественно-экономического явления, в чисто-техническую категорию. Мы в праве назвать такой метод вульгарной экономией.

Под мануфактурой мы разумеем то, что считали мануфактурой Маркс, Энгельс и Ленин. Поэтому и мануфактурный период может быть определен не чем иным, как наличием мануфактуры в обычном, научном марксистском значении, а не крепостнических производств, по «аналогии» называемых мануфактурой.

П. И. Лященко не различает мануфактуры, как капиталистического

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 298.
[2] Там же, т. II, стр. 257. Написано в 1897 г.

предприятия, от крепостной промышленности. На Западе, говорит он, «мануфактурный период был не только освобождением крестьян от земли, но и их личным освобождением». В России, как это полагается по буржуазному трафарету, все было наоборот: «у нас первые ростки крупной мануфактурной промышленности по необходимости стали развиваться в среде и в системе крепостного хозяйства». [1]

В России мануфактурный период характеризуется, по мнению Лященко, тем, что крепостное хозяйство обнимает «промышленность как особую и иногда независимую от земледельческого вотчинного хозяйства организацию, ведущуюся, однако, на началах крепостного хозяйства». [2]

Выше уже указывалось, что Лященко считает крепостной характер промышленности в России существовавшим «по необходимости». Заводам удавалось найти «опытных мастеров и рабочих», остальную массу приходилось брать «из самых различных элементов», говорит он.

В западной Европе основным кадром пополнения мануфактур были ремесленники. Русская промышленность, как полагает Лященко, не располагала этим ресурсом. И «единственным средством организации крупной промышленности в системе крепостного хозяйства было распространение крепостной системы и на промышленность». [3]

Самое любопытное в этом рассуждении — выведение необходимости крепостничества в промышленности из отсутствия в России ремесла. Так ли это? Действительно ли отсутствовало в России ремесло и правда ли, что не на ремесленной базе вырастали в России мануфактурные предприятия? Известно, что особенностью развития ремесла в России был его кустарный характер, т. е. связь с работой на рынок и на скупщика, в большей степени чем на заказчика, на более ранних ступенях, когда ремесло еще было близко связано с деревней и слабее отделено от сельского хозяйства. На Западе создался особый цеховой строй, причем была развита работа на заказ, в условиях значительного отделения промышленности от сельского хозяйства. Маркс говорил, что цехи были средством предохранения от капитализма. [4] Цеховое ремесло не имеет никаких преимуществ перед кустарным ремеслом в качестве базы для первой стадии капиталистической промышленности — мелкого товарного производства — простой кооперации. Двойная бухгалтерия Лященко в этом вопросе приводит к тому, что на стр. 216 он говорит об отсутствии кадров для

[1] П. И. Лященко, История русского народного хозяйства, стр. 216.

[2] Там же, стр. 187.

[3] Там же.

[4] «Средневековые цехи стремились насильственно воспрепятствовать превращению ремесленного мастера в капиталиста» («Капитал», т. I, гл. IX, изд. 1931 г., стр. 229). Или: «цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению цеховых мастеров в капиталистов» (там же, гл. XII, стр. 271).

промышленности из-за слабого ремесла, а на 215 говорит: «в этом «кустарничестве», столь у нас распространенном, формировались для мануфактур первые кадры технически обученных рабочих, вполне подготовленных к производственному их объединению под руководством торгового капитала».

В. И. Ленин на примере тульской кустарно-ремесленной промышленности и мануфактуры показал процесс развития капиталистической промышленности в России. С XV века существуют «кустарные» промыслы (ковычки Владимира Ильича) в Туле. На этой базе в XVII веке вырастает мануфактура. Как показали тт. В. В. Мавродин и И. И. Смирнов, железоделательные предприятия голландских предпринимателей Виниуса, Акема и Марселиса — были в момент своего возникновения мануфактурами, т. е. капиталистическими предприятиями. Но в начале XVIII вв. мануфактура переживает изменения, крепостничество поглощает ее. Тульская мануфактура переходит на Урал, чтобы стать там крепостным производством. «В 1637 г. — пишет Ленин, — был построен первый чугунно-литейный завод (голландцем Виниусом). Тульские оружейники образовывали особую кузнецкую слободу, составляли особое сословие, с особыми правами и привилегиями. В 1669 г. возникает в Туле первый чугунно-литейный завод, устроенный выдающимся тульским кузнецом, и промысел переходит на Урал и в Сибирь».[1] Переход промысла на Урал и в Сибирь не был простым переселением. Новая промышленность на Урале была подмята крепостническим государством, и капиталистическая мануфактура, возникшая из «мелких промыслов», была подчинена более реакционной системе производства — типичной для вотчинного крепостнического характера хозяйства дворян-помещиков.

Картина развития промышленности в России была непохожа на кривое зеркало, которое рисовали историки буржуазного лагеря, — Туган-Барановский, Лященко, а вслед за ними и Троцкий видели источник происхождения мануфактур в крупном торговом капитале, игнорируя рост капитализма из хозяйства мелкого товаропроизводителя. История утверждает обратное. Торговый капитал и государство пришли на готовое и захватили в свои руки мануфактуру, выросшую из ремесла, кустарных, крестьянских промыслов, превратив ее в крепостническое производство.

И в Англии и во Франции в эпоху первоначального накопления существовал принудительный труд. Но у нас мы имеем совершенно иную функцию этого принудительного труда. Принудительный труд здесь не продукт усиленнейшей эксплуатации наемного пролетария, а укрепление вотчинных форм крепостной эксплуатации мелкого производителя —

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 329.

переход от первых ростков капиталистической эксплуатации назад, к феодальному способу производства.

Маркс совершенно определенно показал разницу между вотчинной индустрией и мануфактурой. В III томе «Теорий прибавочной стоимости» Маркс пишет: «*До* капиталистического производства — при прежних способах производства—большая часть продукта не вступает в обращение, не выбрасывается на рынок, производится не как товар, не становится товаром. С другой стороны, в это время большая часть продуктов, входящих в производство, не является товаром и не входит, как товар, в производство. Превращение продуктов в товары происходит лишь в единичных случаях, распространяется только на излишек производства и т. д. или только на отдельные области его (мануфактурные продукты) и т. д. Продукты не входят в процесс во всем своем объеме, как предметы торговли, и не выходят из него, как таковые, всей своей массой». [1]

В III томе «Капитала» Маркс также дает характеристику промышленного труда в феодальном хозяйстве. Применение крепостного труда в промышленности при всеобщем господстве крепостного труда в преобладающей форме хозяйства, в сельском хозяйстве, создает в странах «второго издания» крепостничества превращение мануфактуры в тот род обрабатывающей промышленности, который он характеризует в главе о генезисе земельной ренты. Маркс пишет: «Домашний ремесленный и мануфактурный труд, как подсобное производство при земледелии, образующем базис, является условием того способа производства, на котором покоится это натуральное хозяйство... в древней и средневековой Европе». [2] Таким образом, мануфактурный труд крепостных крестьян в крепостной промышленности поссессионного и вотчинного типа делался условием сохранения крепостнического феодального способа производства на прежней основе. Уральская промышленность в XVIII в. при этом смогла достигнуть известного технического уровня. Она так же, как государственная система, введенная крепостнической и купеческой политикой Петра, привлекла на службу феодальному обществу известные достижения капитализма. Это было известным шагом вперед, но все же было бесконечно далеко от создания нового способа производства. Вот что В. И. Ленин пишет об этом «крепостном расцвете»: «Во время оно крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе», [3] но это был только временный расцвет, крепостная промышленность таила в себе зародыши своего распада. Крепостная промышленность могла

[1] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 35.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, 1930 г., стр. 263.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 376.

бороться лишь с слабыми ростками капитализма. «То же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма». [1] Крепостная промышленность продвинула вперед технический уровень страны. Производство расширилось. Появились новые отрасли производства. Создались технические кадры. Выросли в среде крепостных рабочих, также как и среди ремесленников, квалифицированные, отделенные от сельского хозяйства кадры, составившие после своего освобождения основу пролетариата.

Крепостная промышленность сумела приглушить те ростки капитализма, которые возникали у ремесленников и крестьян в виде простой кооперации и начальных стадий мануфактуры. Она заняла в известный период господствующее положение, но понесла позорное поражение на следующем этапе, когда ей противостояла развитая мануфактура, мануфактура, уже переходящая в капиталистическую фабрику. «За сто лет, — пишет Владимир Ильич об уральской промышленности, — производство не успело удвоиться, и Россия оказалась далеко позади других европейских стран». Владимир Ильич подчеркивает, что причиной застоя Урала было крепостничество: «горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывали свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владельческом праве». [2]

Урал показывает нам пример поссессионной промышленности. Другой формой крепостной промышленности была вотчинная промышленность — «фабрика», как называли ее падкие на французские слова дворяне, — она просто не пережила крепостного права и целиком погибла после 1861 года.

В капиталистической мануфактуре в крепостную эпоху мы находим ряд черт, показывающих влияние на нее крепостной среды. Это — использование оброчных крестьян на основе капиталистического найма, при котором часть заработной платы отходника-крепостного превращается в феодальный оброк, либо оплата приписных крепостных, или крепостных вотчинной фабрики, дифференцированной по квалификации задельной заработной платой. Иногда это сочетание крепостнического с капиталистическим принимает причудливые формы, — так у одного петербургского мануфактуриста, как это установил Н. Н. Дмитриев, квалифицированные рабочие с большей заработной платой были его крепостными, а чернорабочие — вольнонаемными и получали заработную плату гораздо меньшую в сравнении с крепостными.

Но в самом характере проникновения крепостничества в мануфактуру,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 377.

[2] Там же.

с одной стороны, и черт капиталистической мануфактуры в крепостное производство, с другой, есть закономерность. В конце XVII в. и в начале XVIII в. победа неизменно остается за крепостническим производством, во второй же половине и в конце XVIII и начале XIX века побеждает капитализм.

Крепостничество сломило в эпоху Петра и ближайшую к Петру ростки капиталистической мануфактуры, превратило Яковлевых, Гончаровых, Демидовых, Строгановых, Мальцевых в «благородных» эксплуататоров крепостных душ, во второй половине века крепостничество уже не сумело повернуть назад капиталистическое развитие мануфактуры. Капиталистическая мануфактура осталась победительницей.

Туган-Барановский выдвигал теорию борьбы фабрики с якобы созданной ею кустарной промышленностью. Легальный «марксист», как буржуа, не понял истинной сути процесса. Действительная борьба шла не между мануфактурой и кустарем, а между крепостной феодальной промышленностью и капиталистической мануфактурой, а также и крестьянскими мелкими товарными промыслами, являющимися шагом к капиталистической мануфактуре. В промышленности происходил тот самый процесс, который составлял содержание классовой борьбы во всей стране.

На примере той же тульской промышленности В. И. Ленин рисует этот новый период истории русской капиталистической промышленности. После того как железное и чугунолитейное дело уходит на Урал, где оно концентрируется в руках крепостной промышленности, в Туле «мастера стали заводить свои заведения, обучая ремеслу и окрестных крестьян». В Туле, пишет В. И., «мы видим непосредственное преемство и связь между старыми цеховыми мастерами и принципами позднейшей капиталистической мануфактуры». [1] Из этой мануфактуры возникла тульская самоварная, замочная, ножевая, гармонная промышленность капиталистического типа. Та же картина в области текстильного производства существовала в Иванове. В Туле оружейники создали самоварную промышленность, в Иванове кустари-набойщики — ситценабивную, хлопкоткацкую и хлопкопрядильную.

Чем объяснить, что в конце XVIII в. крепостное производство капитулировало перед мануфактурой, в то время как то же крепостное производство за 60—70 лет до этого оттеснило мануфактуру на задний план. Причины этого явления, повидимому, лежали в двух областях. Первая и основная — это соотношение сил двух основных классов феодального общества — помещика-крепостника и крестьянства—с растущей из его среды буржуазией. Классовая борьба, которой наполнен XVII в., кончается полной победой помещика, выдвинувшей диктатуру Петра.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 329.

Эта власть могла допустить купеческий капитал постольку, поскольку он способствовал сохранению крепостного хозяйства, но она решительно пошла против всех форм хозяйства, которые были связаны с свободным трудом. [1] Мелкое производство было еще недостаточно сильно объединено мануфактурой и должно было уступить крепостнику в преображенском мундире, вооруженному европейским оружием.

XVIII в. дает новый подъем дифференциации крестьянства. Территориальное расширение крепостничества, продлившее его существование в конце XVII в. и в течение первых трех четвертей XVIII в., заканчивается и не могло быть больше основой для дальнейшего существования крепостного хозяйства. Вырастают фабрики крепостных крестьян, они работают на наемном труде. Характерно, что в книге Лященко для них не нашлось даже особого места, он говорит о них лишь несколько слов в главе о вотчинной фабрике, в то время как они были основным антиподом вотчинной фабрики. К концу XVIII и началу XIX века капиталистическая мануфактура заняла уже прочное место. В двух областях легкой индустрии — писчебумажной и суконной, [2] непосредственно поддерживаемых государством, она уступила место вотчинной крепостной промышленности, равно как и уральской металлической, во всех же других, как то: полотняной, хлопчатобумажной, шелковой, канатной, к 1825 г. капиталистическая мануфактура и фабрики занимают первое место. Число вольнонаемных рабочих, занятых в этих областях, колеблется от 70 до 94%, в общем своем числе доходя до 54%. [3]

Дворянство сумело подавить политические выступления крестьян, сохранить крепостничество в сельском хозяйстве, но принуждено было отступить перед победным шествием капитализма в промышленности. Экономика XVIII в. — борьба мануфактуры с крепостной промышленностью,— в этом суть мануфактурного периода в России. Она подготовила торжество мануфактуры, торжество капиталистического производства.

При этом нельзя не обратить внимания на вторую причину, обусловившую и победу крепостной промышленности в начале XVIII в. и ее поражение в конце этого века. Вторая причина, лежащая в условиях общеевропейской экономики и политики, играет роль только в тесной

[1] И. В. Сталин следующими словами характеризует классовую природу политики Петра: «Петр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождающегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождающемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходили за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» (И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Э. Людвигом, Партиздат, 1933 г., М., стр. 31).

[2] Бумага для канцелярии бюрократии, сукно для обмундирования армии.

[3] Туган-Барановский, Русская фабрика, изд. 1-е, стр. 90.

связи с первой и через нее. Эпоха Петра, как это подчеркивал еще Маркс, связана с англо-русским союзом. Англия во время господства кольбертизма в Европе могла поддержать «прививку» кольбертизма и мануфактурной техники к крепостному хозяйству. Европейская реакция начала XVIII в. после «славной революции» и в эпоху короля-Солнца могла дать крепостнической России серьезные вспомогательные ресурсы. Европейская реакция конца XVIII века, в эпоху промышленного переворота и торжества революционной буржуазии во Франции, не столько проявляла готовность помочь русскому крепостничеству, сколько сама старалась для себя использовать помощь крепостной России. Для сохранения крепостного хозяйства в целом крепостник России сдал позиции в промышленной области. Мануфактура торжествовала над крепостным производством в промышленности. Это было следствием классовой борьбы. Сдав позиции в промышленной сфере, крепостническое дворянство продлило еще на 60—70 лет существование осужденного историей феодального способа производства.

4. Революционные задачи пролетариата и крестьянство стран «второго издания» крепостничества

Мы уже знаем взгляд Маркса и Энгельса на крепостничество «второго издания», как на реакционное явление общеисторического развития. Для них несомненна была, как уже отмечалось, связь этого феодального института с развитием мирового рынка.

В подготовительных работах к «Анти-Дюрингу» Энгельс еще раз подчеркивает значение мирового рынка в процессе укрепления крепостничества в России. «Ко времени Петра, — пишет он, — началась иностранная торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. Этим было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста вывоза, ради которого оно происходило». [1] Наши учителя ни на одну минуту не забывают, что крепостничество с XVI XVII века развивалось в тесной связи с влиянием мирового капиталистического рынка и ни на одну минуту не переставало оставаться феодальным, т. е. натуральным, производством. В этом смысле они подчеркивали истинную роль торгового капитала, как консервирующей силы. В основе этих взглядов Маркса и Энгельса лежит их оценка русского самодержавия, как реакционнейшей силы в Европе. В настоящей статье нет возможности останавливаться на этом детально. Развитию взглядов классиков марксизма на историю российского самодержавия нужно было бы посвятить особую статью. Всемирноисторическое содержание основного их те-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 370—371.

зиса, утверждавшего реакционность самодержавия, теснейшим образом связано с основой их теорий — учением о диктатуре пролетариата. Из этой основы и вытекает вся система их исторических взглядов. Задача объяснения исторического прошлого для Маркса и Энгельса, как и для Ленина, является одновременно и делом революционной перестройки настоящего. Вот почему интерес к внутренней истории России указанного периода у Маркса и Энгельса связан с крупнейшим практическим вопросом революционной борьбы. Для Маркса и Энгельса внутренняя история России есть история крестьянства, прежде всего его борьбы против помещиков и самодержавия. Эпоха, предшествовавшая 1859—60 гг., еще не была в глазах Маркса периодом высокого подъема крестьянского революционного движения в России. Но уже в апреле 1856 г. Энгельс пишет Марксу весьма примечательные строки. Он связывает капиталистическое развитие России с назреванием в ней революционных перспектив. В смысле определения хронологии нашей революции эти строки являются ярчайшим примером наиболее точного научного прогноза в исторической науке.

Энгельс пишет: «... при стомильных железных дорогах мошенничество настолько разовьется, что оно, конечно, сломает себе шею. Когда мы услышим впервые о великой иркутской магистрали с веткой на Пекин и т. д., то тогда настанет время перевязывать наши чемоданы». [1] В 1858—60 годах Маркс и Энгельс подчеркивают в переписке (8 окт. 1858 г., 13 декабря 1859 г., 11 января 1860 г.) и в статье в «Нью-Йоркской трибуне» (в октябре 1858 и январе 1859 г. «об освобождении крестьян в России», т. XI, ч. 2, стр. 527 и сл.) значение крестьянского революционного движения. Оценка событий 1859—61 гг. совпадает у Маркса и Ленина. Ленин говорит о революционной ситуации. [2] Маркс подчеркивает назревание революции. Для Маркса «самое важное из того, что происходит в мире, с одной стороны, — американское движение рабов, развернувшееся после смерти Джона Брауна, с другой — движение рабов в России». [3] Значение крестьянских движений прежде всего в том, что внутри России появилась союзная революционная сила. Этой силой делается сама Россия, которая «стоит уже не за русской дипломатией, а против нее». [4]

Таким образом, восточная Европа превращается в арену формирования сил революции, являющихся союзниками пролетариата в течение всего периода начальных этапов капиталистического развития. О необходимости поддержки пролетарской революции крестьянской войной

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 134, нем. изд., т. II, стр. 105.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 244.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 474, немецкое изд. 1921 г., стр. 367.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 578. Написано Энгельсом в 1882 г.

говорит Маркс в 1856 г.: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно». [1]

Термин «крестьянская война» не случайно вспоминается Марксом. Предвидя конец буржуазного общества, он вспоминает о его начальном этапе. «Нельзя отрицать, — пишет он, — что буржуазное общество вторично пережило свой шестнадцатый век, который, я надеюсь, так же сведет его в могилу, как первый шестнадцатый век вызвал его к жизни». [2] Конец капитализма Маркс связывает с концом выполнения «действительной задачи» буржуазного общества — «создания мирового рынка, по крайней мере в его общих чертах, и производства, покоящегося на его основе». Колонизационная экспансия закончилась в Калифорнии, Китае и Японии, «так как земля кругла». Капитализм сделал свое дело, поэтому «на континенте революция неизбежно примет сразу социалистический характер». Но не будет ли она задавлена, так как «на неизмеримо большем пространстве буржуазное общество проделывает еще движение вперед»? [3]

Маркс и Энгельс определяют уровень революционных возможностей в крестьянских странах степенью развитости в них антифеодальных тенденций. Антифеодальные тенденции связаны с двумя сторонами одного и того же процесса — обострением классовой борьбы и ростом капитализма, как основой предпосылки этого обострения. Ярчайшие характеристики положения русского крестьянства после реформы дает Энгельс в статье против Ткачева. [4] Подчеркивая невыносимое положение крестьянина, Энгельс отмечает: «уже по одному этому нужно ожидать революции — это несомненно». [5] Новая революция мыслится Марксом и Энгельсом как движение, идущее в союзе с пролетариатом под руководством пролетариата. Хотя в аграрных странах основной носитель ее — крестьянин, эта революция несет освобождение крестьянину в полной мере, лишь поскольку победит пролетариат. Диктатура пролетариата может обеспечить переход мелкого производителя к высшим формам социалистического хозяйства. Об этом Маркс и Энгельс говорят в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста», Маркс в письме к Вере Засулич, Энгельс в статье против Ткачева, в переписке с Николаем —оном и Маркс в письме в редакцию «Отечественных записок». [6]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 139, нем. изд. 1921 г., стр. 108.
[2] Там же, стр. 362.
[3] Там же.
[4] Ф. Энгельс, Статьи 1871—75 гг., 1919 г., стр. 55—87.
[5] Там же, стр. 62.
[6] Коммунистический манифест, изд. 1932 г., стр. 51—52, Архив Маркса и Энгельса, кн. 1, 1924 г., стр. 270—286, «Летописи марксизма», XII.

Подобно тому как этот переход мыслится Марксом и Энгельсом как дело рабочего класса, как следствие пролетарской революции, так и степень зрелости союзника Маркс определяет уровнем развития капиталистических противоречий в феодальных странах. В этом плане концепция Маркса — Энгельса отмечает два этапа — польский и русский. В 1848 г., когда, как указывает т. И. В. Сталин, «России, как революционной силы, не было», [1] Маркс писал: «Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морями могут спасти себя от патриархального феодального варварства лишь путем аграрной революции, которая превратила бы крепостных или тяглых (leibeigenen oder frohnpflichtigen) крестьян в свободных землевладельцев, — революции совершенно подобной той, что произошла в 1789 г. [2] во французской деревне. Польская нация имеет ту заслугу, что она первая среди соседних земледельческих народов прокламировала это». [3] Основная линия подготовки аграрного союзника рабочего класса, подготовка «крестьянской войны» в восточной Европе разворачивается в Польше. Так обстоит дело в 1848 г. В 1851 г. Энгельс отмечает, что подготовка крестьянского резерва революции переходит в Россию. [4] 23 мая 1851 г. Энгельс пишет, что «поляки нужны как средство лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию». [5] Пути вовлечения России в аграрную революцию совпадают у Энгельса с наличием роста капиталистического развития России. «Революция осуществится, — подчеркивает Энгельс, — в полном виде скорее в России, чем в Польше, как вследствие национального характера России, так и вследствие большего развития в ней буржуазных элементов». [6] Таким образом, не «инстинктивная революционность» русского крестьянина, болтовня о которой была источником насмешек Маркса и Энгельса над русскими народниками, а капиталистическое развитие, будоражащее империю помещиков и царя, заставляло

[1] Стенограмма XV партконференции, стр. 431, 1927 г.

[2] По характеру ломки феодализма, а не по результатам, так как для Маркса эта революция была резервом пролетарской.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VI, стр. 383. Нем. изд. Aus dem literarischen Nachlass von K. Marx, F. Engels und F. Lassale, III, Stuttgart, 1902 г., стр. 149.

[4] Марксо-энгельсовский маршрут передвижений «центра тяжести» подготовки резервов революции теснейшим образом связан с марксистско-ленинским учением о маршруте передвижения «центра тяжести» (термин Маркса в письме Комитету герм. с.-д. раб. партии, Архив, I (VI), стр. 379) рабочего движения (Англия, Франция, Германия, Россия) в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Движение идет на восток, на восток же идет движение «центра тяжести» подготовки резервов (Германия, Польша, Россия, а после того, как «гегемония в пролетарском революционном интернационале перешла к русским» (В. И. Ленин, Соч., XXIV, стр. 249), на восток, в Китай и т. д.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 210.

[6] Там же, стр. 211.

Маркса и Энгельса видеть в крестьянском движении силу, союзную рабочему классу.

При этих условиях они не могли быть равнодушными к внутренней истории России. Они интересовались этой историей, стремясь изучить историю крестьянских движений в России.

Плодом этого изучения была работа Маркса над историей движения Разина. Из переписки Маркса с Николаем —оном мы знаем, насколько детально и глубоко в 70-х годах он изучал аграрный строй России. Это изучение было построено на широкой исторической основе. Маркс собрал и проработал всю основную литературу по экономической истории России. Одной из работ этого плана была и работа над конспектом книги Костомарова «Бунт Стеньки Разина». [1] К сожалению, издатель этой работы Рязанов не дал четкого разграничения в конспекте цитат и личных указаний Маркса соответствующей шрифтацией, как это делается при издании сочинений В. И. Ленина, это затрудняет возможность пользования этой работой. [2] Маркс касается в ней лишь вопроса о роли казачества в революционных движениях России. Только этот вопрос позволяла изучить книга Костомарова, поэтому крестьянское движение в целом не могло быть затронуто Марксом. Зато детально разобраны Марксом экономические и социальные предпосылки революционного движения XVII в. и дан очерк внутреннего состояния России этого периода. Для Маркса основным содержанием антиправительственного движения является борьба против крепостничества. Однако Маркс считает, что казачество по своему социальному характеру всего меньше годилось для роли руководителя в борьбе за новые порядки. У него не было данных для того, чтобы стать «новым жизненным началом», оно было «чем-то отсталым, устаревшим». [3]

Маркс намечает тем не менее ряд периодов в истории казачьей политики. Первый период в начале XVII века — стремление только создать «отдельное общество в русских южных краях для защиты своей независимости от северного единовластия». [4] Второй период связан с попыткой распространить свои «начала» (слова Костомарова) по всему Московскому государству. Эта попытка, как понимает ее Маркс, была обречена на мимолетный успех, она не давала нового пути для народа. Это утверждение Маркс приводит как мнение Костомарова. Изучение всего конспекта в целом убеждает нас, что он и сам не был противником такой оценки казачества. По отношению к казачеству это совершенно верно. Это на-

[1] Собр. соч. Н. И. Костомарова, СПб., 1904 г., кн. 1.

[2] Напечатана в журн. «Молодая Гвардия», 1926 г., № 1, стр. 104—125 под заглавием: «К. Маркс. Стенька Разин».

[3] К. Маркс, Стенька Разин, стр. 109.

[4] Там же, стр. 107.

ходится в тесной связи с теми общими установками Маркса о среднем крестьянском сословии всадников, о которых говорилось выше. В этом мы находим еще одно объяснение причин поражения революционного движения XVII века. Действительно, казачество не могло быть вождем и гегемоном победоносной крестьянской войны. В самих условиях, которые выдвигали казачество на передний план, заложены крупнейшие препятствия возможной победы антикрепостнического движения в России. В этом смысле взгляд Маркса является для нас безусловно ценным уроком для изучения истории революционных движений XVII и XVIII веков. Но мне представляется, что не следует трактовать работу Маркса о Разине шире, чем она есть. Это только разработка вопроса о казачестве в восстании на основе определенных данных. Общие же взгляды Маркса и Энгельса на историю крестьянских движений были даны в других работах, о которых говорилось выше. Основным в концепции Маркса остается его взгляд на задачи ликвидации патриархального варварского феодализма в восточной Европе. Весь вопрос в том, на каком этапе и как эта задача осуществляется и какое влияние она может иметь на общеисторический процесс. Для середины XIX в. эта задача вырисовывается Марксу как задача такого превращения крепостного и тяглого крестьянина в свободного землевладельца, когда руководящая роль уже находится в руках рабочего класса. Весь ход истории есть подготовка к этому этапу. Если мы сопоставим идею превращения крепостного и тяглого крестьянина в начале 60-х годов XIX в. в свободного землевладельца с идеей поддержки пролетарской революции вторым изданием крестьянской войны,[1] мы получим, что у Маркса были в зародышевой форме элементы будущей ленинской теории «американского» пути развития капитализма в самой политически заостренной форме, теснейше увязанной с проблемой перерастания революции буржуазно-демократической в пролетарско-социалистическую.

Задача уничтожения «патриархально-феодального абсолютизма» в Германии, бывшая в свою очередь уже в 1848 г. задачей общеевропейской пролетарской борьбы, упиралась уже тогда в разрешение восточноевропейской проблемы. И в Германии, и в России, и в юго-восточной Европе — на Балканах — разрешение антифеодальной проблемы было связано с двумя возможными путями. Маркс и Энгельс писали о двух линиях разрешения революционной проблемы объединения Германии, Ленин выдвигал теорию двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве России. Ленин писал о разрешении национального вопроса на Балканах

[1] 16 апреля 1856 г. Маркс писал Энгельсу: «Все дело в Германии будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 139.

либо войной, либо революцией, и Ленин же подчеркивал, что все эти вопросы есть один и тот же вопрос — вопрос о ликвидации остатков феодализма, сохранившегося вплоть до XX в., вплоть до эпохи империализма, в крепостнической восточной Европе. [1]

Так было в XIX и XX вв. В XVII и XVIII вв. крестьянские движения были подавлены. Крепостники торжествовали в восточной Европе. Поражение крестьян было основной причиной торжества «вторичного закрепощения». Где же причины поражения крестьян?

Городская буржуазия, за исключением самых низов посадского мира, тех, кого Маркс и Энгельс называют «плебеями», не поддержала героической борьбы крестьянства. Во главе крестьянства стояло мало способное им руководить казачество. Закрепощаемое крестьянство, совместно с колонистами-казаками, выходцами из тех же закрепощаемых слоев крестьянства, было разбито феодально-крепостническим правительством. Не приходится говорить, что политическая слабость крестьянства в значительной мере отразила невысокий уровень разделения труда и была обусловлена слабостью городов, крайне тонким слоем городского плебейского элемента, который один только мог возглавить крестьянскую боевую армию. Но это не объясняет полностью, до конца причин поражения крестьянства. Нужно учесть, что крестьянство не получило поддержки буржуазии. Больше того, буржуазия пошла за дворянско-помещичьими элементами, поддержала консолидацию режима вторичного закрепощения. Буржуазия усилила мощь военно-помещичьего класса, оказала громадную, решающую помощь подавлению крестьянских войн и городских революционных выступлений. Этого обстоятельства, объясняющего не столько причины относительной слабости крестьян, сколько причины силы помещиков, никак нельзя забыть. Где же причины этой особой приверженности московской буржуазии XVII столетия к поддержке помещичьего крепостнического строя?

Прекраснейший ответ на этот вопрос, а вместе с тем и на вопрос о причинах поражения революционных выступлений XVII и XVIII вв. дает выдвинутая еще в 1912 г. т. И. В. Сталиным теория образования Российского государства, как международного государства. [2] И. В. Сталин характеризует две формы консолидации наций. «Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации». Так было в западной Европе: на-

[1] См. статью «Новая глава всемирной истории» («Правда»), № 149, 3 ноября 1912 г., В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 175).

[2] К. Сталин, Национальный вопрос и марксизм, изд. Прибой, СПб., 1914, особ. стр. 18 и 19. Работа т. Сталина, впервые напечатанная в большевистском партийном журнале «Просвещение» за 1913 г., была написана в 1912 г. и вышла отдельным изданием в 1914 г.

роды западной Европы «сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма». Нации сложились в самостоятельные государства. Также как Маркс и Энгельс, тов. Сталин считает этот процесс прогрессивным, подчеркивая, что параллельно этому процессу, типичному для западной Европы, в восточной Европе процесс образования национальных государств шел иначе. Тов. Сталин пишет: «Несколько иначе происходит дело в восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились междунациональные государства, состоящие из нескольких национальностей». Тов. Сталин подчеркивает феодальный характер этой особенности, выразившийся в том, что междунациональные государства были связаны с не ликвидированным еще феодализмом, что стержнем, их создающим, была «дворянская бюрократия».

«В России роль объединителя национальностей, — пишет И. В. Сталин, — взяли на себя великороссы, имевшие во главе сложившуюся сильную и организованную дворянскую бюрократию. Так происходило на Востоке. Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях не ликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план национальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации».

В другой работе тов. Сталин указывает, что в этих странах процесс образования централизованного государства происходит ранее образования нации, до ликвидации феодализма. Как пример тов. Сталин приводит междунациональные государства, сохранившиеся вплоть до XX столетия, — Россию, Венгрию и Австрию. [1] Тов. Сталин пишет: «В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия». [2] Столкновения между феодальной Россией и народами Востока были безусловно ускорителями в процессе образования централизованного государства. Классовый характер войн, разворачивающихся в восточной Европе в целях обороны от покушений со стороны эксплуататорских классов других народов, показан тов. Сталиным в цитированной выше выдержке из статьи «Национальный вопрос и марксизм», где говорится, что во главе централизованного восточноевропейского государства России стоит «сильная и организованная дворянская бюрократия». Дворян-

[1] Раньше к их числу относились еще Польша и Турция.

[2] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, доклад на X съезде ВКП(б), М., 1933 г., стр. 3.

ство различных народностей борется друг с другом за то, чтобы возглавить зарождающиеся таким образом в восточной Европе «многонациональные государства с одной, более развитой нацией во главе и остальными, менее развитыми нациями, находящимися в политическом, а потом в экономическом подчинении нации господствующей». [1] Эта установка, подчеркивающая классовый характер борьбы за политическое и экономическое угнетение эксплуатируемых масс подчиненных народов и своего народа, коренным образом противоположна плехановско-троцкистской трактовке, выхолащивающей классовое антагонистическое содержание военных столкновений в восточной Европе. У Плеханова мы находим прямую апологетику самодержавно-крепостнической России. Троцкий из задач войны против западных соседей выводит индустриальное развитие России, принужденной развивать промышленность на «примитивной» экономической основе. Плеханов и Троцкий идут вслед за буржуазной наукой в вопросе о русских войнах. В их представлении царская власть осуществляла в известный период сугубо прогрессивную роль, обеспечивала общенародные интересы, развивала производительные силы. Резким ударом против российского издания лассалевской «прусской монархической легенды», о которой говорилось выше, является данная тов. Сталиным характеристика войн царской России. В речи на конференции работников социалистической промышленности в 1931 году тов. Сталин говорил: «История старой России состояла между прочим в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны». Если мы оставим в стороне англо-французов и японцев, войны с которыми относятся к капиталистической эпохе, перед нами встанут столкновения русских крепостников с турецкими, польско-литовскими и шведскими феодалами, столкновения с которыми составляют содержание войн эпохи XVI—XVIII вв.

Начиная с XVI в. на территории восточной Европы идет процесс борьбы русских, польских, турецких, шведских и германских военно-феодальных элементов, ведущих за собой местные торгово-буржуазные элементы, за то, кому из них возглавить образование междунациональных империй в восточной части Европы. Основой всех этих «многонациональных» образований—Российской, турецкой, польской и германской Римской империи — было вторичное закрепощение крестьян. [2] Россия, битая за отсталость, в свою очередь била других, более отсталых или отставших от нее, так как была в сравнении с этими странами только

[1] И. В. Сталин, Об очередных задачах партии в национальном вопросе, стр. 4.

[2] Нельзя не отметить, что в самой Австрии крестьянство было свободно, что не мешало закрепощению славянских и мадьярских крестьян.

«относительно отсталой». Территориальные захваты, грабеж укрепляли российское самодержавие и крепостничество. При таких условиях консолидация Российского государства, порабощающего крестьян своей и других народностей, могла противостоять капитализму. Но, тем не менее, «дворянская бюрократия», одной рукой закрепощавшая крестьян, другой строила гигантскую по размерам империю, пределы которой создавали широкий рынок, столь выгодный буржуазным элементам господствующей нации. Это не могло не усиливать позиции дворянско-феодальных элементов. Это не могло не стимулировать поддержку существующего режима буржуазными элементами. Это не могло не быть одной из основных причин того, что дворянское государство одолело крестьянское и плебейское революционное движение в XVII в. в России.

Вынося «вширь» в необъятные пределы Московского царства и Российской империи противоречия между феодализмом и нарождающимся капитализмом, господствующие классы только создавали предпосылки для нового классового и национального угнетения.

Взгляды Маркса на русский исторический процесс — неотъемлемая часть его общего учения о развитии классовой борьбы и о диктатуре пролетариата. Русское самодержавие и русское крепостничество имели определенное место в общеевропейском историческом развитии. Консолидированная система крепостничества, установившаяся в России с XVIII в., была стимулирована развитием мирового рынка. Крепостничество «второго издания» противостоит капитализму, как феодальное хозяйство, но оно одновременно и связано с ним, превращается под его влиянием в систему жесточайшего подавления и закабаления масс.

Выяснение особенностей исторического развития восточной Европы в XVI—XVII—XVIII веках теснейшим образом связано с проблемой образования «многонационального» или «международного» государства. Антимарксистские теории Лассаля, русских меньшевиков и Троцкого в этом вопросе противостоят марксистской установке Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Тов. Сталин в своей трактовке образования государств восточной Европы как «международных» государств показал особенности исторического развития восточной и западной Европы в связи с уровнем развития капитализма и наличием феодальных отношений. Взгляды Маркса на русскую историю, на русское самодержавие имеют для нас исключительное значение. Взгляды Маркса, Энгельса и Ленина на российское самодержавие совершенно идентичны. Русское самодержавие, также как и русское крепостничество, является звеном единой цепи общеевропейского исторического развития. Подавление антифеодального сопротивления крестьян привело в России, как и в Германии, к победе крепостничества и самодержавия. Самодержавие в этих странах, являясь

диктатурой крепостников-помещиков, противостоит прогрессивному капиталистическому развитию. Российское самодержавие и прусский абсолютизм — оплот международной реакции. Подчеркивая реакционный характер самодержавия и крепостничества, Маркс и Энгельс не отрицают, что, несмотря на все это, в восточной Европе и прежде всего в России идет прогрессивный процесс созревания капиталистических отношений. Эти отношения противостоят самодержавию и крепостничеству. Классовая борьба, выявляющая эти противоречия, идет по линии крестьянских движений.

Революционная теория Маркса и Ленина видела в крестьянстве прежде всего союзника пролетариата в революции и разрешение аграрного вопроса в странах восточной Европы в XIX—XX вв. считала неотделимым от развития пролетарской революции. Так стоял вопрос уже в 1848 г. Поэтому революционный марксизм ориентировался в отличие от оппортунизма не на перерождение барщины в капитализм, а на революционное устранение помещичьего хозяйства в результате победы рабочего в союзе с крестьянством. Историческая теория Маркса и Энгельса, их концепция истории развития капитализма и вторичного закрепощения были не чем иным, как обоснованием их представлений о ходе европейской или, что тогда было то же самое, — мировой революции.

История полностью подтвердила правильность исторической теории Маркса—Энгельса. Историческая теория позволила взять правильное направление пролетарской борьбы. Тот факт, что эпоха империализма внесла изменения в конкретные пути развертывания пролетарской революции, начертанные Марксом, только подтверждает правильность установок Маркса—Энгельса, углубленных и в дальнейшем развитых в новых условиях Лениным и Сталиным.

Восточная Европа в лице России к началу XX в. была не только аграрной страной, но стала узлом международных противоречий капитализма империалистической эпохи, почему на ее территории развернулась пролетарская революция, осуществившая социализм в этой стране и положившая начало осуществления его во всем мире.

Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.

И. И. СМИРНОВ

«Мы, большевики, всегда интересовались такими историческими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др. Мы видели в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета. Для нас всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства».

И. Сталин

Великая крестьянская война конца XVI — начала XVII в. была первой крупной попыткой восстания крестьянства против феодального гнета в России.

Как изучалась эта крестьянская война, лучше всего показывает то, что она известна в исторической науке под именем «смуты», «смутного времени».

Для «официальной» исторической науки эта характеристика вполне закономерна. Представителям господствующих классов — помещиков и капиталистов — восстание крепостного крестьянства против феодализма естественно казалось «смутой», нарушавшей тот «порядок», на котором покоилось экономическое и политическое господство класса, идеологами которого они являлись. Поэтому концепции, которые мы имеем в русской историографии, совершенно искажают действительное положение вещей, и крупнейшая битва классов превращается под умелой рукой историка в какую-то всенародную панику по поводу смерти законного царя. Вся «смута» сводится к сумме попыток вернуться к исходному моменту, к законному царю, причем в зависимости от того, какой класс предлагает рецепт, способы ликвидации «смуты» меняются.

Но пока проекты ликвидации «смуты» остаются классовыми, т. е. выражают интересы определенного класса, до тех пор они обречены на неудачу. И лишь когда в борьбе против внешнего врага объединяются все классы общества, лишь тогда «смута» прекращается, и желанное status quo обретается в лице Михаила Романова. Именно так трактуют «смуту» два крупнейших буржуазных историка — В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов. В. О. Ключевский коренными причинами «смуты» считает «народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе». [1]

[1] В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, изд. 1908 г., стр. 72.

Этот взгляд сводился к тому, что народ смотрел на царя как на хозяина-вотчинника, а себя рассматривал как слуг этого «хозяина». Люди того времени не могли понять, что «власть государя есть вместе и его обязанность, должность, что, правя народом, государь служит государству, общему благу». [1] «Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа». [2] Такой взгляд на государство приводил к тому, что «узлом, связывающим все отношения в Московском государстве, была не мысль о народном благе, а лицо известной династии, и государственный порядок признавался возможным только при государе из этой династии». [3]

Вторая основная причина «смуты» коренилась, по мнению Ключевского, «в *тягловом характере* московского государственного порядка». [4] Существо этой особенности Московского государства состояло в том, что «в московском государственном порядке господство начала повинности оставляло слишком мало места частным интересам, личным или сословным, принося их в жертву требованиям государства. Значит, в Московском государстве не было надлежащего соответствия между правами и обязанностями, ни личными, ни сословными». [5]

Это отсутствие надлежащего соответствия между правами и обязанностями вызывало «общественную рознь» и «смутную и робкую потребность в законности и обеспечении лица и имущества от усмотрения и настроения власти». [6]

Сочетание этих двух причин породило «смуту». «Первая причина вызвала и поддержала потребность воскресить погибший царский род, а эта потребность обеспечивала успех самозванства; вторая причина превратила династическую интригу в социально-политическую анархию». [7]

Этой схеме Ключевский подчиняет весь свой анализ истории «смуты». И под его художественным пером великая битва классов на грани XVI и XVII столетий превращается в какой-то чудовищный гротеск, сценой которого является восточноевропейская равнина, а в качестве актеров выступают миллионы людей. Причиной, вызывающей борьбу классов, оказывается не антагонизм интересов, вырастающий из самого материального производства, а... прекращение династии.

«Когда династия пресеклась и, следовательно, государство оказалось

[1] В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 62.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 63—64.
[4] Там же, стр. 66.
[5] Там же, стр. 67—68.
[6] Там же, стр. 68.
[7] Там же, стр. 72.

ничьим, люди растерялись, перестали понимать, что они такое и где находятся, пришли в брожение, в состояние анархии. Они даже как будто почувствовали себя анархистами поневоле, по какой-то обязанности, печальной, но неизбежной: некому стало повиноваться, — стало быть, надо бунтовать». [1]

Трудно найти более яркую пародию на теорию классовой борьбы, чем только что приведенное место. Справедливость требует отметить только, что этот образ «анархистов поневоле», взбунтовавшихся, как только они потеряли твердую руку хозяина-царя, создан был задолго до Ключевского. И он сам цитирует своего далекого предшественника, дьяка XVII в. Ивана Тимофеева: «В записках дьяка И. Тимофеева читаем картинную притчу о бездетной вдове богатого и властного человека, дом которого расхищает челядь покойника, вышедшая из «своего рабского устроения» и предавшаяся своеволию. В образе такой беспомощной вдовы, — комментирует эту притчу Ключевский, — публицист представил положение своей родной земли, оставшейся без «природного» царя-хозяина. Тогда все классы общества поднялись со своими особыми нуждами и стремлениями, чтобы облегчить свое положение в государстве. Только наверху общества этот подъем происходил не так, как внизу его». [2]

Взбунтовавшиеся рабы — вот символический образ, синтезирующий, по мнению Ключевского, весь комплекс событий, составляющих «смуту». Установив в качестве своеобразных координат «свои» две причины «смуты» — верность Рюриковой династии и социальный разлад, — Ключевский строит затем кривую развития событий «смутного времени». Очевидно, что характер этой кривой будет определяться тем обстоятельством, какие формы будет принимать борьба вокруг династического вопроса (первая причина) под влиянием социальных противоречий (вторая причина). Но если гвоздем всей социальной борьбы является династический вопрос, то естественно, что и решать этот вопрос в первую очередь будут те, кто ближе всего стоит к династии. И Ключевский выдвигает свой знаменитый тезис о последовательном порядке вхождения в «смуту» всех классов общества: «Отличительной особенностью смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как они были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лествице чинов. На вершине этой лествицы стояло боярство: оно и начало смуту». [3]

Но эта эстафета, в которой падающая корона передавалась из рук од-

[1] В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 64.
[2] Там же, стр. 68.
[3] Там же, стр. 32.

ного класса в руки другого, не привела к благополучному финишу. Чем ниже стоял на социальной «лествице» класс, в руки которого попадала судьба короны, тем больше усиливалась анархия и подламывались «политические скрепы общественного порядка». Борьба классов вела общество к гибели. И если этого не случилось, то лишь потому, что, помимо социальной розни, разделяющей классы, «оставались еще крепкие связи национальные и религиозные: они и спасли общество». [1] Силой, отодвинувшей на задний план классовую рознь и выдвинувшей на первое место национальные и религиозные связи, было вторжение казаков и поляков. «Казацкие и польские отряды заставили наконец враждующие классы общества соединиться не во имя какого-либо государственного порядка, а во имя национальной, религиозной и простой гражданской безопасности, которой угрожали казаки и ляхи». [2] С этого момента ликвидация «смуты» попала на правильный путь, и окончание ее стало простым вопросом времени. Свою концепцию истории «смуты» Ключевский резюмирует в следующих словах: «Таким образом, смута, питавшаяся рознью классов земского общества, прекратилась борьбой всего земского общества со вмешавшимися во внутреннюю усобицу сторонними силами, противоземской и чуженародной». [3]

Ключевский наиболее ярко и талантливо отразил в своей концепции взгляды буржуазной исторической науки на крестьянскую войну начала XVII в. Схема Платонова — крупнейшего буржуазного исследователя «смуты» — не вносит ничего нового и по сути дела примыкает к схеме Ключевского. Вслед за Ключевским Платонов делит историю «смуты» на три периода: династический, социальный и национальный. «Первый охватывает время борьбы за московский престол между различными претендентами до царя Василия Шуйского включительно. Второй период характеризуется междоусобною борьбою общественных классов и вмешательством в эту борьбу иноземных правительств, на долю которых и достается успех в борьбе. Наконец, третий период смуты охватывает время борьбы московских людей с иноземным государством до создания национального правительства с М. Ф. Романовым во главе». [4]

Итак, все основные положения концепции Ключевского мы находим и у Платонова. «Смута» вызвана к жизни борьбой за престол; борьба привела к столкновению классов, от которого общество пришло в состояние анархии; анархия была ликвидирована благодаря тому, что классовая рознь была побеждена чувством национальной общности, которое было вызвано к жизни вторжением неприятеля.

[1] В. О. Ключевский, ук. соч., стр. 61.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты, изд. 1-е, стр. 190.

Классовый характер этих концепций очевиден. Он был вскрыт еще до революции в одной из статей М. Н. Покровского. Лишенный возможности ввиду легального характера статьи называть вещи своими именами, М. Н. Покровский применил необычайно остроумный прием, позволивший ему не только вскрыть классовую природу буржуазных концепций «смуты», но и показать методы, которые применяет буржуазная наука для обоснования своих взглядов.

Мы уже подчеркивали выше, что центральный образ, в котором Ключевский синтезирует «смуту» («взбунтовавшиеся рабы»), был взят им у современника «смуты» — дьяка Ивана Тимофеева. Именно с этого конца и подошел М. Н. Покровский к критике взглядов Ключевского и Платонова (последнего он не называет по фамилии, но, несомненно, имеет в виду, говоря об «авторитетнейших исследователях» «смуты».) Специфический прием, выбранный буржуазной наукой для доказательства своих концепций, это — особое отношение к источникам смутного времени. Дело в том, что эти источники целиком вышли из лагеря господствующих классов. Историки и публицисты XVII в. имели перед собой вполне определенную цель — изобразить только что закончившуюся (а то и находящуюся еще в самом разгаре) гражданскую войну как бунт черни, потерявшей равновесие, как только она перестала чувствовать твердую руку царя (вспомним дьяка Ивана Тимофеева). Не менее важно было для них идеологически обосновать «законность» и «всенародный» характер новой власти в лице царя Михаила. Отсюда весь ход «смуты» изображался так, что события «естественно» приводили к неизбежному «избранию всей землей» Романова в цари. Тактический прием, использованный Ключевским и особенно Платоновым, состоял в том, чтобы протаскивать свои взгляды, говоря словами *«источников смуты»*. В изданной в 1923 г. книге «Смутное время» С. Ф. Платонов, пытаясь прикрыться объективизмом, разоблачил этот прием: «Оставаясь строго фактичным, — читаем мы в предисловии к упомянутой работе, — это изложение не подчинено никакой предвзятой точке зрения — ни субъективной, ни теоретической. *Автору хотелось остаться только летописцем данной эпохи*, предоставив читателю свободу толкования изучаемых им фактов». [1]

«Автору хотелось остаться только летописцем данной эпохи»... С. Ф. Платонов нечаянно сказал вслух то, что думал. А читатель, загипнотизированный «объективизмом» этих слов, изучая творение «нового летописца», и не подозревает, что летописцами «смуты» были идеологи господствующего класса крепостников, смертельные враги восставших крестьян.

Честь разоблачения этого классового маневра принадлежит М. Н. Покровскому.

[1] С. Ф. Платонов, Смутное время, изд. «Время», П., 1923 г., стр. 5 (курсив мой. *И. С.*).

«Все политические проекты, которыми довольно обильна смута, — пишет он в упомянутой статье, — идут не от угнетенной массы, а от *правящих кругов*, среди которых боролись различные течения. *Историю смуты писали также люди, вышедшие из этих кругов*: за единственным (да и то не без оговорок) исключением псковского летописца, *демократической точки зрения мы нигде не имеем*. Восставшие низы общества для всех современных авторов — *воры* (по-теперешнему — злоумышленники»). *Представим себе, что от движения 1905 — 1907 гг. нам остались бы только октябристские документы, и мы будем иметь очень живое изображение «памятников смуты» в том виде, как они до нас дошли*. Вполне естественно недоразумение, в которое впадали авторитетнейшие исследователи вроде Ключевского, представлявшего себе смуту движением, начавшимся *сверху*, в боярских кругах, хотя уже лица, наблюдавшие события непосредственно (упоминавшийся выше анонимный автор), отчетливо видели, что смута началась *снизу. Последнюю точку зрения и приходится признать правильной*». [1]

Этот отрывок важен не только по содержанию, но и обращает на себя внимание остроумной формой, в которой М. Н. Покровский ведет свою критику. Разоблачив тактический прием Ключевского и др., М. Н. Покровский обращает это оружие против них самих. Показав, что Ключевский и др., использовав классовый характер «источников смуты», в своих концепциях следуют историкам и публицистам-современникам «смуты», тем самым солидаризируясь с ними, М. Н. Покровский под видом критики источников дает беспощадную критику концепции Ключевского, вскрывая ее классовые корни.

Указав, что политические проекты во время «смуты» исходили от правящих кругов, М. Н. Покровский бросает фразу: «Историю смуты писали также люди, вышедшие из этих кругов». На первый взгляд эта фраза относится к историкам, современникам «смуты». Но М. Н. Покровский всем дальнейшим изложением подводит читателя к выводу, что эти слова надо отнести не только к XVII, но и к XX в. Отсюда нарочитая модернизация терминологии (*«демократической* точки зрения мы нигде не имеем»); отсюда расшифровка слова «воры» словом «злоумышленники»; отсюда наконец параллель между составом «источников смуты» и между октябристской литературой о революции 1905 — 1907 гг. Эта параллель ставит все точки над i. Сопоставив с этой параллелью такие факты, как то, что третья часть «Курса» Ключевского вышла в 1908 г, а сам Ключевский был кандидатом в Государственную думу между прочим и от октябристов,[2]

[1] М. Н. Покровский, Смутное время. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 39, стр. 647 (курсив за исключением слов «воры», «сверху» и «снизу» — мой. *И. С*).

[2] Ключевский выставил свою кандидатуру в Думу одновременно по кадетскому

читатель уже совсем по-иному воспримет заключительные слова М. Н. Покровского: «Вполне естественно недоразумение, в которое впадали авторитетнейшие исследователи вроде Ключевского, представлявшего себе смуту движением, начавшимся *сверху*, в боярских кругах». Взятая в контексте, она будет звучать примерно так: «Вполне естественно, что октябрист (представитель правящих кругов) XX в. Ключевский под впечатлением революции 1905 г. солидаризируется с представителем правящих кругов (мы бы сказали: с октябристом) XVII в., — например, с дьяком Иваном Тимофеевым — при изучении гражданской войны конца XVI — начала XVII вв. и использует в качестве основы для своих концепций теории своего отдаленного предшественника».

В заключение своей критики М. Н. Покровский противопоставляет тезису буржуазной историографии: смута началась *сверху* — свой тезис: «смута началась *снизу*». В этом тезисе заключена целая концепция. Смута началась снизу — это значит, что центр тяжести надо перенести с изучения династических интриг на анализ основного антагонизма феодального общества — антагонизма между крепостным крестьянином и феодалом. А в свете этого основного антагонизма по-новому придется взглянуть и на «династические интриги». И сложная сеть интриг и проектов, смена царей и претендентов на трон окажется перегруппировкой сил внутри господствующего класса, борьбой фракций класса феодалов за пути и методы разгрома восставших крестьян. Наконец, пресловутое объединение всех классов против иноземного вторжения окажется не чем иным, как консолидацией всех фракций господствующих классов перед лицом все усиливающейся гражданской войны. Все противоречия в рядах господствующих классов оказываются ничем по сравнению с основным антагонизмом между господствующим классом и классом угнетенным. Именно на этой платформе борьбы против общего врага объединились все силы господствующих классов и разгромили неорганизованное, лишенное ясной программы стихийное восстание крепостных крестьян.

Смута началась снизу. Это обязывает нас по-новому подойти к изучению истории смуты. М. Н. Покровский в цитированной статье указывает, что наиболее близкой западноевропейской параллелью «смуты» является Великая крестьянская война 1525 г. в Германии. Это совершенно верно. Но в таком случае у нас есть великолепный образец того, как надо изучать крестьянскую войну. Этим образцом является «Крестьянская война в Германии» Энгельса. В противовес российской буржуазно-помещичьей историографии, перенесшей центр тяжести на изучение династических интриг (смута началась *сверху!*), Энгельс сосредоточивает свое внимание

списку в Москве и октябристскому списку в Сергиевом Посаде. См. С. А. Пионтковский, Буржуазная историческая наука в России, 1931 г., стр. 33.

на изучении того, как все больше и больше обострялся антагонизм между крепостным крестьянством и феодалами и как отдельные разрозненные восстания крестьянства слились в грандиозную гражданскую войну.

Этот предметный урок, данный Энгельсом своим опытом изучения крестьянской войны, надо усвоить и нам, и пора перестать начинать историю «смуты» «убиением царевича Димитрия», а всерьез заняться изучением предистории крестьянской войны. Из Кремля надо уйти в деревню.

Настоящая статья ставит своей задачей на примере нескольких фактов показать, как накалялась атмосфера в феодальной деревне задолго до того, как умер последний «законный царь», слабоумный Федор Иванович.

Наблюдательный англичанин Флетчер, дипломатический агент королевы Елизаветы, приехавший в 1588 г. в Москву добиваться торговой монополии для англичан, оставил нам следующую характеристику положения внутри Московского государства. «Столь низкая политика и варварские поступки (хотя и прекратившиеся теперь) так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что (повидимому) это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием». [1]

Под низкой политикой и варварскими поступками, которыми возмущается Флетчер, он разумеет *опричнину*.

Приблизительно за десять лет до приезда в Московию Флетчера писал свои мемуары один из активных проводников «низкой политики» и непосредственный участник «варварских поступков» — немецкий авантюрист и царский опричник Генрих Штаден. Штаден прожил в Московском государстве около 12 лет (с 1564 по 1576 гг.), и с драгоценной для историка откровенностью рассказал в своих записках о похождениях и приключениях, пережитых им в качестве опричника. Записки Штадена интересны и важны тем, что они показывают нам не парадную внешнюю сторону опричнины, а вскрывают ее содержание и характеризуют опричнину как наступление крепостников, направленное против крестьянства с целью экспроприации крестьянских земель и усиления крепостничества.

Два момента особенно выпукло выступают в рассказах Штадена. Это, во-первых, погоня за крестьянским имуществом и, во-вторых, борьба за крестьянина, как рабочую силу.

Борьба за рабочую силу крестьянина вылилась в настоящую «охоту на крестьян». Правда, крестьяне имели право «свободного выхода». Но реальное содержание этого права заставляет воспринимать его иначе, чем этого хотелось бы многим сторонникам «свободы крестьян до конца XVI в». «Все крестьяне, — пишет Штаден, — имеют в Юрьев день осен-

[1] Д. Флетчер, О государстве русском, 1906 г., стр. 31—32.

ний (auf S. Georgen Tagen im Winter) свободный выход (einen freinen Ausgang). Они принадлежат тому, кому захотят (zue weme sie wollen)». Это — право крестьян. А вот реальное содержание этого права: «*Кто не хотел добром переходить от земских под опричных* (unter die Aprisna), *тех* [эти последние] *вывозили насильством* (mit Gewalt geholen) *и не по сроку* (ausser der Zeit). *Вместе с тем увозились, или* [?] (und) *сжигались* [и крестьянские] дворы». [1] Право свободного выхода крестьян оказывается правом свободы опричников вывозить для себя крестьян. И все попытки иного толкования этого права немедленно вызывали к жизни осуществление при помощи *силы* того, что было реальным содержанием *права. Кто не хотел добром переходить от земских к опричным, тех вывозили насильством и не по сроку.*

«Вывоз» крестьян сопровождался экспроприацией значительной части их имущества. Чем, как не экспроприацией, является факт разграбления крестьянских дворов, о котором говорит Штаден. И эту сторону опричнины Штаден подчеркивает, неоднократно. Характеризуя положение крестьян, Штаден пишет: «Они живут или за (unter) великим князем, или за митрополитом, или [еще] за кем-нибудь. *Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфеннига в кармане, ни лошади с коровой в стойле.* Теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются. *Крестьянин хочет ухорониться* (will verteidigt sein), *чтобы ему не чинили несправедливости*». [2]

Охота за крестьянами и их имуществом, о которой так красочно рассказывает Штаден, не была каким-либо случайным или местным инцидентом. Напротив, это был процесс, захвативший все общество в целом. «*Опричники*, — обобщает свои замечания Штаден, — *обшарили всю страну, все города и деревни в земщине*, на что великий князь не давал им согласия». [3]

Или, как он замечает в другом месте: «Так убывали в числе земских бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался еще более». [4]

Этим сообщениям Штадена можно вполне доверять. Он сделал их не только как наблюдатель, но и как активный участник проведения политики опричнины. Свой тезис о том, что опричники обшарили всю страну в погоне за крестьянами и их имуществом, Штаден иллюстрирует подробным и *вполне откровенным* описанием своих собственных походов. Вот яркая картинка из его автобиографии: «Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 22 были запряжены

[1] Генрих Штаден, О Москве Ивана Грозного, 1925 г., стр. 95 (курсив мой. *И. С.*).
[2] Там же, стр. 121—122 (курсив везде мой. *И. С.*).
[3] Там же, стр. 95.
[4] Там же, стр. 93.

в сани, полные всякого добра».[1] Но скоро Штадену надоело быть компаньоном «первого опричника» — великого князя. Поссорившись при дележе добычи, Штаден решил действовать самостоятельно. Набрал себе «всякого рода слуг». «А дальше, — с чувством своеобразной гордости заявляет он, — я начал свои собственные походы и повел своих собственных людей внутрь страны по другой дороге».[2]

Человеку с такой биографией можно доверять, когда он пишет об опричнине!

Не заинтересованный в замазывании классовой сущности опричнины, Штаден рисует ее как крупнейший сдвиг в соотношении классов феодальной Московии. Та сторона опричнины, на которую обращают центр своего внимания дворянские и буржуазные историки — разгром боярства, — у Штадена отходит на задний план. И он в этом абсолютно прав. Борьба между боярством и дворянством шла из-за вопроса о том, кому будет принадлежать первенство в деле эксплуатации крестьянства. Но эта борьба протекала не во дворцах Кремля. Эта борьба шла внутри каждой деревни, куда приходили товарищи Штадена грабить крестьянские дворы и увозить в свои поместья их имущество вместе с хозяевами этого имущества. Борьба между двумя фракциями класса эксплуататоров выливалась в форму своеобразного соревнования между ними по вопросу о том, кто — боярин или дворянин, земский или опричник — захватит больше крестьян и награбит их имущество. И лишь благодаря тому, что *до опричнины* первенство в деле эксплуатации крестьян принадлежало крупным феодалам — боярству, оно заняло в опричнине оборонительную позицию против феодалов средней руки — дворянства, политика которых — опричнина — ставила своей задачей увеличить объект феодальной эксплуатации и означала «вывоз» крестьянства и грабеж их имущества.

Говоря об отношении крестьянства к опричнине, Штаден замечает, что «крестьянин хочет ухорониться (или — если буквально перевести немецкий текст: will verteidigt sein — хочет быть защищенным), чтобы ему не чинили несправедливости». Но уже a priori можно предполагать, что крепостное крестьянство не ограничивалось желанием, чтобы его защищали, а и само делало попытки *защищаться*. И действительно, мы находим у Штадена факты, показывающие, что крестьяне вполне определенно реагировали на грабежи опричников.

Как всегда Штаден рассказывает то, что он наблюдал в качестве очевидца.

«Как-то однажды, — описывает он один из своих «походов», — мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились во внутрь и на-

[1] Генрих Штаден, ук. соч., стр. 145.
[2] Там же, стр. 144.

чали грабить, забирали иконы и тому подобные глупости. А это было неподалеку от двора одного из земских князей, и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек мчались за [какими-то] шестью всадниками. В то время только я один был в седле и, не зная [еще], были ли те шесть человек земские или опричные, стал скликать моих людей из церкви к лошадям. Но тут выяснилось подлинное положение дела: те шестеро были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских. Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору». [1]

Эта колоритная сценка показывает, что в воздухе пахло настоящей гражданской войной. Штаден, к сожалению, не раскрывает содержания слова «земские». Но несомненно, если не все, то основная масса «земских» в этом эпизоде была крестьянами. Они, очевидно, были пешими, потому что Штаден называет их просто «вооруженными», а опричников «всадниками». Наконец, тот факт, что 300 человек испугались отряда Штадена, который, конечно, был во много раз меньше, тоже говорит о том, что вооружение «земских» было вернее всего вооружением крестьян, не могущим противостоять вооружению профессионалов. И вообще Штаден под «земскими» всегда подразумевает «бояр и *простой народ*». [2]

Другой случай, о котором мы узнаем от Штадена, еще более замечателен. «Пробыв на покое [после упомянутого «похода». *И. С.*] два дня, — продолжает свой рассказ Штаден, — я получил известие, что в одном месте *земские побили отряд в 500 стрелков-опричников*». [3]

Чтобы побить отряд из пятисот человек таких мастеров своего дела, как опричники, для этого количество «земских» должно было во всяком случае перевалить за тысячу. И об этом Штаден сообщает как о совершенно обыкновенном явлении. Оно не только не поразило его, наоборот, Штаден сделал из полученного им известия практические выводы: «Тогда [после получения этого известия. *И. С.*] я возвратился к себе в село Новое, а [все] добро отослал в Москву». [4] Штаден, очевидно, вполне считался с возможностью того, что и ему придется выдержать «встречу» с «земскими» и, отправив в надежное место награбленное «добро». поехал защищать свое именье.

Все приведенные факты говорят о том, что классовые противоречия в эпоху опричнины достигли такой остроты, что борьба классов стала принимать форму открытой гражданской войны.

Картина опричнины, которая нарисована Штаденом в его записках,

[1] Генрих Штаден, ук. соч., стр. 144 (курсив мой. *И. С.*).
[2] Там же, стр. 93.
[3] Там же, стр. 145 (курсив мой. *И. С.*).
[4] Там же.

находит полное подтверждение в документальных источниках. Во втором томе сборника документов, изданных Д. Я. Самоквасовым в 1909 г. под названием «Архивный материал», помещен ряд «обысков», произведенных в погостах Вотской пятины в 1571 г. с целью выяснения причин запустения земель в этих погостах.

Как известно, Вотская пятина не вошла в состав опричнины, а осталась в «земщине». Тем ценнее те материалы, которые содержат указанные обыскные книги.

«Обыски» частью касаются поместных земель, частью черных крестьян. Остановимся на материале последних.

Д. Я. Самоквасовым опубликован «Обыск 21 марта 1571 г. опустевших крестьянских жеребьев в переварах черных крестьян Кирьяжского погоста Вотской пятины». Этот документ интересен тем, что рисует нам картину погоста, в *котором побывали опричники*. Содержание изучаемого «обыска» состоит из перечня деревень с указанием количества пустых луков (единица обложения в местностях, где земледелие играет второстепенную роль) и причин их запустения. Наряду с такими «обычными» причинами запустения, как смерть владельца, побег «от государевых податей» и др., мощным разрушительным фактором выступает опричнина. Вот описание деревни после ухода из нее опричников.

«В деревне в Кюлакши лук пуст Игнатка Лутьянова, — Игнатко запустил 78-го от опритчины, — опритчина живот пограбели, а скотину засекли, а сам умер, дети безвесно збежали; хоромешек избенцо да клетишко. В тои же деревне лук пуст Еремека Офоносова, — Еремеко запустил 78-го от опричины, — опричины живот пограбили, а самого убели, детей у него нет; хоромишек избенцо да хлев. В тои ж деревни лук пуст Мелентека, — Мелентеко запустил 78 г. от опричины, — опричины живот пограбели, скотину засекли, сам безвестно збежал». [1]

С первого взгляда может показаться, что упомянутая деревня является исключением. В действительности оказывается как раз наоборот. Деревня Кюлакша представляет собою типичный образец деятельности опричников. Приведем еще несколько примеров, подтверждающих сказанное.

«В деревни в Пироли лук пуст Ивашка пришлого, — Ивашка опричиные замучили, а скотину его присекли, а животы пограбили, а дети его збежали от царева тягла; запустил 78-го. В тои ж деревни лук пуст Матфика Пахомова, — Матфика оприщные убели, а скотину присекли, живот пограбели, и дети его збежали безвесно; запустил 78-го. В тои же деревни лук пуст Фетька Кирелова, — Фетька опричные замучили и двор сожгли, и з скотиною и з животами; запустил 78-го; отъроду не оста-

[1] Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 94.

лось».[1] Судьба деревни Пироли таким образом совершенно одинакова с судьбою деревни Кюлакши. Непосредственно после описания деревни Пироли следует описание деревни Тенголи. Оно дает еще один штрих к и без того уже ясной картине. «В деревне Тенголи лук пуст Микифорка Гянялева, — в [у? *И. С.*] Микифорка опричинные кони, коровы и обелье пограбели, и он осеротел и безвесно збежал; запустил 78-го. В тои же деревни лук пуст Федотка Ускалева, — Федотка оприщные в Горотки на правежи держали, там умер, животы и коне пограбели; запустел 78».[2]

Этот «скорбный список» деревень можно было бы продолжить неограниченно долго. Но в этом нет необходимости. Самое большее, что мы бы узнали нового, — это некоторые, так сказать, «технические» подробности деятельности опричников, — вроде того, например, что в деревне Гутоле «у Самылки опричные руку секли, живот погребели, запустел 78-го»,[3] и вся разница между которыми будет состоять лишь в том, что если в деревне Конола Микифорка Иванова «опричинные живот пограбели, двор сожгли, сам бежал безвесно», то его сосед Павелко Васильев поплатился не только имуществом, но и жизнью: «Павелка опричинники убели; запустил 78-го; двор опричинные сожгли».[4]

Но и приведенных данных достаточно для того, чтобы сделать вывод о настоящем разгроме тех деревень, с которыми приходили в соприкосновение опричники. Экспроприация крестьянского имущества, уничтожение хозяйства, и почти всегда или убийство, или в лучшем случае бегство крестьянина — вот характеристика «крестьянской политики» опричнины.

Если только что рассмотренный документ знакомит нас с той стороной опричнины, которая характеризуется экспроприацией крестьянского имущества и разгромом крестьянского хозяйства, то из других документов мы знакомимся со стороной опричнины, которую мы выше обозначили как погоню за рабочей силой крестьянина. Эта группа документов представляет из себя ряд «обысков» от начала 1571 г., произведенных по случаю отписи «на государя» поместья Юрия Нелединского, бывшего владельца, которого «государь взял в опричнюю». Что больше всего интересовало организаторов «обыска», хорошо видно уже по тому вопросу, на который должен был ответить «обыск». Этот вопрос сформулирован следующим образом: «*Сколько у них в погосте Юрьевского помистья деревень и обеж, и хто имяны дети боярския ис того Юрьевского помистья из деревень крестьян за собя в свои помистныи деревни вывез и кою о сроци ли о Урьеви дни, с отказом ли или без отказу, после сроку сильно, и* сколько

[1] Д. Я. Самоквасов, ук. соч., стр. 106.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 123.
[4] Там же, стр. 101.

помещиково крестьяне с того помистья доходу давали, и што у того поместья угодей и Юрья Нелединского сколь довно г. ц. и в. к. взял к соби в свою государьскую опришнюю, в коем году и о кою пору». [1]

Центром интересов государевых дьяков, как это видно из подчеркнутого места, был вопрос о вывозе крестьян. Анализ данных «обыска» подводит вполне материальные основания под интерес к вопросу о вывозе крестьян. В итоге произведенного «обыска» подьячий Петр Григорьев «отписал» на государя поместье Нелединского. Грамота, фиксирующая факт «отписки» поместья Нелединского, содержит в себе перечисление всех сел и деревень поместья. Но ее данные отличаются от данных «обысков» благодаря одному обстоятельству. Во введении к отписной грамоте мы читаем: «И которые крестьяне ис тово поместья после Юрья выходили вон за детей боярских без отказу, и Петр Григорьев по наказу и по обыску Теребусково погоста крестьян и за тих детей боярских *тех выхотцов крестьян вывез опять назад в Юрьевскоя деревни*, в ех дворы, с женами и з детми и з животы». [2]

Таким образом вопрос, на который должен был ответить «обыск»: куда и кем вывезены крестьяне? — ставился с очень практической целью — вывезти крестьян обратно.

Сопоставляя данные «обыска» с данными отписной грамоты, мы можем получить два «снимка», характеризующих состояние поместья Нелединского. Данные «обыска» зафиксировали состояние поместья до отписки, данные отписной грамоты характеризуют мероприятия, предпринятые при отписи. Мы свели эти данные в таблицу: [3]

Название деревни	Количество крестьян				
	В момент «обыска»	Вышедших и вывезенных к моменту «обыска»	Время выхода или вывоза крестьян	Вывезенных обратно при «отписке»	Всего к моменту «отписки»
Речка	4	—	—	—	4
Крукшино	2	—	—	—	2
Пертосарь	1	1	«сего году о сроце»	1	2
Кегросарь	—	5	«сей осени о сроце»	5	5
Войбокола	—	6	«сей осени о Юрьеве дни»	6	6
Бобаново	—	3	?	3	3
Колосарь	7	3	«сее зимы канун Николина дни»	4	11

[1] Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. II, ч. 2, стр. 48 (курсив мой. *И. С.*)
[2] Там же, стр. 54 (курсив мой. *И. С.*).
[3] Там же, стр. 48—59.

Название деревни	Количество крестьян				
	В момент «обыска»	Вышедших и вывезенных к моменту «обыска»	Время выхода или вывоза крестьян	Вывезенных обратно при «отписке»	Всего к моменту «отписки»
Перносарь	—	3	«О Юрьеве дни 78-го году»	—	—
Новинка	—	1	?	—	—
Перятимо	—	1	«лето 7077 году»	—	—
Омосово	1	1	«сеи осене перед Филипповым заговино»	—	1
Лигово	5	—	—	—	5
Михалево	—	5	«сее осени о сроке о Юрьеве дни»	5	5
Каменька	1	—	—	—	1
Лисинька	—	—	?	—	—
Горька	7	2	«сее осени за неделю до Юрьева дне в лета 7079»	2	9
Бобовник	4	—	—	—	4
Поч. Остров	1	—	—	—	1
Всего . . .	33	31	—	25	59

Эта таблица позволяет нам сделать вывод об огромном «спросе» на рабочую силу крестьян. Стоило поместью на несколько месяцев остаться без хозяина (Юрий Нелединский был взят в опричнину в 1570 г.), как крестьян буквально растащили в разные места. За одну осень 1570 г. поместье Нелединского потеряло почти половину своего населения (48,6%). Об этом же говорит и факт вывоза обратно крестьян дьяком Петром Григорьевым. Крестьянин настолько ценился, что для приобретения его пускался в ход государственный аппарат. Но даже уполномоченному самого царя не удалось вернуть обратно всех вывезенных крестьян. Из 31 человека выведенных крестьян П. Григорьеву удалось вернуть лишь 26. Какая же сила помешала государеву дьяку выполнить порученное ему дело? Этой силой была опричнина. Из пяти человек крестьян, которых не удалось вернуть на старое место, четверо было выведено в опричнину. Так, из отписной грамоты мы узнаем, что из деревни Омосово «другой крестьянин Ивашко Патрикиев на того же двора вышел в опришнину». Несмотря на то, что он «вышел в опришнину без отказу и безпошлинно», вернуть его не удалось. А к чему привела попытка вывезти обратно других крестьян, вышедших в опричнину, достаточно ясно видно из следующего: «Деревня Перносарь, а в ней двор пуст... и с тое деревни крестьянин Обрам Курыханов, да дети его Якуш да Ивашко вышли за Русина за Волынского, и Петр Григорьев старостою и с половальнике повезли тех крестьян назад

в Юрьевскую деревню в Перносарь за царя великого князя, *и приехав из опришнины, из Мехайловского погоста ис Пороския волости крестьяне Офромико Кузьмин да Федько Васков Фалкова, да Шабанко Дмитров и с ными со многими людьми, да тех крестьян обратно з детми выбили и повезли ех к себе в волость со всими животы, без отказу и без пошлин, силно».* [1]

На фоне той картины растаскивания крестьян, которую мы наблюдали на примере поместья Нелединского, эпизод «боя» опричников с царской администрацией, где в качестве военной добычи фигурируют крестьяне, очень хорошо демонстрирует нам существо опричнины. Опричнина методами непосредственного насилия проводила ту самую политику «охоты на крестьян», которую «дети боярские», не входящие в опричнину, проводили — мы это видели на примере поместья Нелединского — в форме крестьянского выхода и вывоза.

Мы познакомились на нескольких примерах с опричниной, как классовой политикой феодалов, направленной против крестьянства. Каковы были итоги этой политики? Н. А. Рожков в своем исследовании о сельском хозяйстве Московской Руси в XVI в. сделал очень важное наблюдение, которое он, впрочем, в угоду своей концепции объяснил неправильно. Это наблюдение Н. А. Рожкова касается вопроса о величине крестьянской запашки. [2] Свои выводы по этому вопросу он сформулировал в виде следующего тезиса: «Средние размеры запашки на двор и на рабочего в центре и в западном Полесье, довольно значительные в первой половине XVI в., сильно сократились к концу столетия». [3] Верный своей теории, Н. А. Рожков видит причину этого явления в распространении поместной системы. «Упадок сельскохозяйственного производства и сокращение размеров запашки на двор и рабочего в центре и западном Полесье — непосредственное следствие развития поместной системы и монастырского землевладения». [4]

Но факты, приводимые Н. А. Рожковым, заставляют нас дать другое объяснение причин уменьшения крестьянской запашки. Анализируя таблицу, содержащую данные об эволюции размеров крестьянской запашки, Н. А. Рожков замечает: «Просматривая цифры этой таблицы, легко за-

[1] Д. Я. Самоквасов, ук. соч., т. II, стр. 55 (курсив мой. *И. С.*).

[2] В. О. Ключевский в своем отзыве о книге Рожкова отметил ошибку последнего, заключающуюся в том, что Н. А. Рожков, определяя размер запашки *на одного рабочего*, учел лишь лиц, упоминаемых в писцовой книге; в действительности же рабочего населения значительно больше, так как писцовая книга, как правило, упоминает лишь представителя двора (см. В. О. Ключевский, Отзывы и ответы, 1918 г., стр. 427—428). Но эта поправка Ключевского не лишает ценности данные Н. А. Рожкова о величине *запашки на двор*, которые мы и используем.

[3] Н. А. Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., М., 1899 г., стр. 472.

[4] Там же, стр. 475—476.

метить с *70-х гг. XVI в.* значительное уменьшение средней запашки на крестьянский двор и на земледельческого рабочего». [1]

И действительно, если мы обратимся к данным таблицы, то убедимся, что 70-е годы XVI в. образуют резкую грань. Если в 50 — 60-х годах средняя величина запашки на двор колеблется между 7 — 8 четвертями, то начиная с 70-х годов средняя запашка на двор — 3 — 4 четверти». [2]

Второе наблюдение Н. А. Рожкова по интересующему нас вопросу состоит в том, что наиболее резкое уменьшение запашки наблюдается в центре и в западном Полесье. Под последним Н. А. Рожков понимает Новгородскую и Псковскую области.

Если мы теперь сопоставим эти два факта — резкое падение начиная с 70-х годов крестьянской запашки и тот факт, что это явление наиболее резко выявилось в двух упомянутых районах, — то нам сразу станет ясна причина, вызвавшая эти явления.

Семидесятые годы XVI в. — это первые годы *опричнины*. Разгром крестьянского хозяйства, который она несла с собой, не мог не вызвать резкого сокращения крестьянской запашки. И это сокращение должно было быть наиболее заметным как раз в тех районах, где действие опричнины было наиболее сильным. А такими районами как раз и были центр и Новгородская область, где Рожков наблюдал наиболее резкое уменьшение крестьянской запашки.

Но тем самым мы получаем возможность подвести материальные итоги политики опричнины.

Эти итоги выражаются двумя цифрами: 7 — 8 четвертей запашки на двор *до* опричнины и 3 — 4 четверти запашки на двор *после* опричнины.

Если эти цифры перевести на язык экономических категорий, то они будут означать, что в результате опричнины было экспроприировано 50% крестьянских земель. Классовый смысл опричнины становится очевидным.

Итак, резюмируя итоги опричнины, мы устанавливаем следующие основные положения:

1. Опричнина означала разгром крестьянского хозяйства и экспроприацию значительной части крестьянских земель в пользу феодалов.

2. Опричнина характеризуется острой борьбой за рабочую силу крестьянина, в форме ли крестьянского выхода или вывода на основании закона о Юрьевом дне, или в форме насильственного увоза крестьян.

3. Опричнина резко обострила классовые противоречия внутри феодального общества Московской Руси, доведя их до такой степени, что классовая борьба начинала в отдельных случаях принимать форму гражданской войны между опричниками и крестьянством.

[1] Н. А. Рожков, ук. соч., стр. 146 (курсив мой. *И. С.*).

[2] Там же, ук. соч., таблица на стр. 148—151.

История XVI в. в России является очень сложным процессом. Она начинается «экономическим расцветом» (М. Н. Покровский) в первой половине века и заканчивается крестьянской войной на грани XVI и XVII вв.

Развитие обмена, рост рынков, высокий удельный вес денежной ренты, — все это наряду с развитием городского ремесла и интенсивным процессом образования новых ремесленно-торговых центров-*рядков* не могло означать ничего иного, кроме разложения феодального способа производства. Но поскольку и производство и государственная власть находились в руках феодалов, постольку увеличение роли рынка и денег в хозяйстве феодала становилось мощным стимулом к усилению эксплуатации непосредственного производителя. Это явление великолепно охарактеризовано Энгельсом в следующих словах: «В XIV и XV столетиях быстро развились и разбогатели города. Особенно отличались художественной промышленностью и пышностью южная Германия и города по Рейну. Роскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, питавшемуся грубой пищей, одетому в грубую одежду, обставленному неуклюжей мебелью. Но откуда взять эти прекрасные вещи? Разбой на большой дороге становился все опаснее и безуспешнее. Для покупки же нужны деньги. А *этого можно было добиться только через крестьян. Отсюда новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляются старания и все быстрее растут усилия превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных, а общую марку в господскую землю*». [1]

Совершенно аналогичный процесс мы имеем и в Московском государстве. «Новый нажим на крестьян», о котором говорит Энгельс, вылился здесь в формы опричнины. Мы уже ознакомились с некоторыми итогами этого «нажима на крестьян». В частности слова Энгельса о стараниях и усилиях помещиков превратить крестьянскую землю в господскую землю целиком подтверждаются анализом данных о величие крестьянской запашки.

Столь же точно подтверждается и тезис Энгельса об «увеличении оброков и барщины». Те же 70-е годы, которые являются критическим моментом в процессе уменьшения крестьянской запашки, — 70-е годы XVI в. характеризуются существенным изменением формуляра поместных грамот.

Формулы поместных грамот, определяющие права помещика по отношению к крестьянам, являются ценным источником, фиксирующим типичные формы эксплуатации непосредственного производителя. Правда, обычно формулы актов легко приобретают трафаретный характер, но тем важнее становится смена данного формуляра той или иной категории актов новым. Эта смена формулы сигнализирует, что новые отношения

[1] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 1931 г., стр. 88 (курсив мой. *И. С.*)

развились настолько, что старые юридические формы их уже не в состоянии охватить и должны быть заменены новыми формами, адекватными тем явлениям, которые они отражают.

В числе других документов, опубликованных Д. Я. Самоквасовым в первом томе «Архивного материала», им напечатано свыше 300 поместных грамот, относящихся к Шелонской пятине Новгородской области. Эти грамоты охватывают период с конца XV в. по конец XVI в. (1484—1584гг.).[1] Формуляры этих грамот отразили изменения в экономике, которыми был так богат XVI в.

Группируя грамоты по особенностям их формуляров, мы можем наметить три группы формул, определяющих права помещика по отношению к крестьянам.

Первая формула: «И вы б к Остафью [имя помещика. *И. С.*] приходили и слушали его во всем и доход бы есте денежный и хлебной и мелкой *доход давали, по старине, как есте давали доход наперед сего прежним помещиком*».[2]

Вторая формула: «И вы б Богдашка [имя помещика. *И. С.*] и его приказчика слушали и пашню его пахали, где собе учинит и оброк платили».[3]

Третья формула: «И вы б все крестьяне, которые в том селе на сте и-

[1] Материал этих грамот был подвергнут специальному исследованию И. И. Полосиным в статье «Поместное право и крестьянская крепость» (Ученые записки Института истории РАНИОН, т. IV, М., 1929 г.). Но, будучи типичным буржуазным историком-юристом, И. И. Полосин оказался неспособным дать классовое объяснение эволюции грамот. Эту эволюцию он рассматривает как эволюцию правовых воззрений законодателя, который колеблется между защитой интересов крестьян и помещиков. «Законодатель, — по мнению И. И. Полосина, — балансирует между противоречивыми решениями: он продолжает настойчиво оберегать [от кого? *И. С.*] крестьянина, как государственного тяглеца; регулирует размеры «боярского дела»; ищет компромисса [*И. С.*] между крестьянином и землевладельцем в вопросе о пошлинах — «пожилом» и «повозе» (стр. 35). Изображая таким образом государство как надклассовую организацию, как посредника между помещиком и крестьянином, И. И. Полосин замазывает классовую сущность политики, нашедшей свое выражение в поместных грамотах. Но даже Полосин вынужден был признать, что новая редакция поместных грамот (см. ниже) означает «новый усиленный нажим на крестьянский труд... и может быть связана с испомещением «опричных» (стр. 31).

[2] Д. Я. Самоквасов, Архивный материал, т. I, отд. 2, грамота 1559 г., № 80, стр. 11. Эта же формула повторяется в грамотах №№ 61 (1567 г.), 84 (1560 г.), 93 (1553 г.), 95 (1554 г.), 107 (1557 г.), 108 (1556 г.), 122 (1554 г.), 125 (1553 г.), стр. 11—38.

[3] Там же, грамота № 78 (1562 г.), стр. 10. Эта же формула повторяется в грамотах: №№ 62 (1566 г.), 64 (1564 г.), 65 (1569), 68 (1563 г.), 74 (1566 г.), 77 (1566 г.), 79 (1568 г.), 81 (1568 г.), 83 (1562 г.), 86 (1568 г.), 87 (1568 г.), 88 (1569 г.), 89 (1566 г.), 90 (1568 г.), 91 (1568 г.), 92 (1565 г.), 94 (1568 г.), 97 (1569 г.), 98 (1570 г.), 99 (1568 г.), 100 (1563 г.), 102 (1570 г.), 104 (1569 г.), 105 (1569 г.), 106 (1570 г.), 110 (1568 г.), 111 (1568 г.), 113 (1569 г.), 114 (1566), 115 (1568 г.), 116 (1566 г.), 117 (1561 г.), 118 (1568 г.), 120 (1568 г.), 121 (1565 г.), 126 (1563 г.), 127 (1568 г.), 128 (1564 г.), 129 (1564 г.), 130 (1569), стр. 2—38.

на десяти четвертях живут, Ивана Ондреева сына Назинова [имя помещика. *И. С.*] слушали, а *пашню его пахали и оброк платили, чим вас изоброчит*». [1]

Анализируя эти формулы, легко заметить, что в них зафиксировались старые отношения (первая формула), новые отношения (третья формула) и переход от старого к новому (вторая формула). Этому выводу вполне соответствует и хронология грамот. Основная масса грамот первого типа падает на период *до 60-х годов XVI в.* Интересующая нас в них клаузула сложилась в течение первой половины XVI в. В начале века имелась несколько иная формула, которая затем приобрела вид формулы № 1. Грамоты 20 — 30-х годов XVI в. дают помещику поместье как правило «з доходом з денежным и з хлебным и с мелким доходом опричь наше великих князей и обежные дани». [2]

Момент перехода от этой формулы к формуле № 1 зафиксирован в грамотах №№ 122 и 123. Обе эти грамоты были даны на имя одного и того же лица — кормового ключника Ивана IV, Богдана Третьякова сына Ржаникова. Грамота № 123 была выдана 18 июля 1549 г. и содержит еще формулу: «со всем тем, как было то поместье за прежним ключником, со всем доходом з денежным и з хлебным и с мелким доходом, опричь моей царевы и великого князя обежные дани». Грамота № 122 датирована 23 марта 1554 г., и уже содержит в себе формулу № 1: «И вы б к Богдану приходили и слушали его во всем и доходы ему денежной и хлебной и мелкий доход давали по старине, как есте (давали) прежним помещикам». [3]

В то же время, как видно из сопоставления формул грамот №№ 122 и 123, они в существенном совпадают, и грамота № 122 заменяет формулой «по старине» идентичную ей формулу: «со всем тем, как было то поместье за прежним ключником» — грамоты № 123.

Формула № 1 отразила положение крестьянства накануне того «нового нажима на крестьян», о котором говорит Энгельс. «Мы всюду видим в эту эпоху, — замечает он в «Марке» — *твердо установленные*, большей частью умеренные *крестьянские повинности*». [4]

Эта фиксация крестьянских повинностей при растущей производительности труда давала крестьянам возможность известного накопления, *особенно при увеличившейся* роли рынка. Это вполне подтверждается

[1] Д. Я. Самоквасов, ук. соч., т. I, отд. 2, грамота № 112 (1571 г.) (курсив мой. *И. С.*). Эта же формула повторяется в грамотах №№ 68 (1563 г.), 71 (1503 г.), 76 (1502 г.), 82 (1561 г.), 101 (1571 г.), 124 (1571 г.) и в грамотах №№ 1—102 другого сборника грамот за 7080—7081 гг. (1572—1573 гг.), стр. 3—105.

[2] Там же, сб. 1, грамота № 70 (1503 г.). См. также грамоты: №№ 66 (1504 г.), 69 (1523 г.), 103 (1526 г.), 119 (1525 г.).

[3] Там же, стр. 34.

[4] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 88 (курсив мой. *И. С.*).

вышеприведенными словами Штадена о том, что «теперь некоторые крестьяне страны имеют много денег». [1]

«Новый нажим на крестьян» означал прежде всего ликвидацию традиции, «старины». Именно этот момент отразили грамоты с формулой № 2. Все они относятся к 60-м годам XVI в., а большинство из них — ко второй половине 60-х годов. Они охватывают таким образом годы, непосредственно предшествующие опричнине, и первые годы опричнины. Характерной особенностью этих грамот является уничтожение в них ссылки на старину. Гибкая формула: «и вы б [помещика] и его приказщика слушали, пашню его пахали и оброк платили», означала предоставление помещику свободы в деле отмены «старины» и усиления эксплуатации крестьян. Этот этап «нового нажима на крестьян» отразили в себе грамоты с формулой № 3. Закономерно вытекая из формулы № 2, формула № 3 отобразила *итоги* политики опричнины в деле усиления эксплуатации крестьянства. Формула: «чем вас [помещики] изоброчат», означала освящение законом практики опричнины. Массовое распространение этой формулы падает на 70-е гг. XVI в. Мы уже указывали выше, что именно 70-е гг. явились годами резкого уменьшения крестьянской запашки. Это вполне согласуется с новой формулой поместных грамот.

Экспроприация крестьянских земель и эксплуатация крестьянства в таких размерах, которые не ограничивались ничем, кроме собственного усмотрения помещика («чем вас помещик изоброчит»), — это две стороны одного и того же процесса.

Поместные грамоты, опубликованные Д. Я. Самоквасовым, кончаются 1584 г. и охватывают лишь территорию Шелонской пятины Новгорода. Но у нас имеются данные о том, что формула № 3 была распространена и за пределами новгородских пятин и осталась действующей в самом конце XVI в. Среди грамот Коллегии экономии имеется сборник поместных пожалований митрополита и патриарха за 1594 и 1614 — 1622 гг. В числе других грамот мы находим там послушную поместную грамоту от 29 января 1594 г. во Владимирский уезд, данную по случаю пожалования патриарших детей боярских Никифора да Кира Патрикеевых поместьем. В этой грамоте мы находим совершенно такую же формулу, как в грамотах, опубликованных Самоквасовым: «Крестьянам велено Никифора да Кира Патрикеевых чтити и слушати и подсуд им давати и пашню на них пахати и оброк им помещиком платити, чем они их изоброчат». [2]

В своем конспекте книги Каутского «Аграрный вопрос» Ленин, конспектируя главу о «сельском хозяйстве феодальной эпохи», делает сле-

[1] Генрих Штаден, ук. соч., стр. 122.

[2] Московское древлехранилище. Грамоты Коллегии экономии по Костроме, № 162, хрон. № 5129, л. 8.

дующее замечание: «помещики, с одной стороны, расширяли свои земли на счет крестьян. С другой стороны, нуждались в крестьянах как в рабочей силе. Стесненное в земле (лес и пр.), крестьянское хозяйство пошатнулось».[1] Это замечание Ленина относится к Германии XVI — XVII вв. Но оно великолепно схватывает существо и тех процессов, которые происходили в экономике России во второй половине XVI в. Мы проследили как способы расширения помещичьих земель за счет крестьянских, так и те формы, в которых помещики удовлетворяли свою нужду в рабочей силе. Заключительное замечание Ленина, что в итоге всего этого крестьянское хозяйство «пошатнулось», целиком подтверждается фактом сельскохозяйственного кризиса 70—80-х годов XVI века. 70-е годы XVI в., бывшие кульминационным пунктом опричнины, не могли не «пошатнуть» крестьянское хозяйство. Крестьянская политика опричнины в соединении с некоторыми событиями внешней истории (Ливонская война, Татарский разгром Москвы в 1571 г.) являются причинами, вполне объясняющими кризис 70-х годов.

В нашу задачу не входит анализ истории этого кризиса. В плане нашей темы нам необходимо только отметить одно обстоятельство. Н. А. Рожков, установивший впервые факт кризиса в сельском хозяйстве 70-х годов, не только неправильно объясняет его, но и допускает другую ошибку. Н. А. Рожков распространяет кризис на весь конец XVI в., начиная с 70-х годов. В действительности же продолжительность кризиса ограничивается 70 — 80-ми годами XVI в. В 90-х годах мы наблюдаем определенный подъем хозяйства, ликвидацию последствий кризиса. Эта поправка в характеристике кризиса XVI в., данной Н. А. Рожковым, была сделана Б. Д. Грековым в итоге наблюдений над хозяйством новгородского Софийского дома. «В течение 90-х годов XVI в., — резюмирует свои наблюдения Б. Д. Греков, — в Софийском доме наблюдается сравнительно быстрый и успешный процесс оживления хозяйства, в некоторых отношениях качественно примыкающий к периоду до разорения и значительно изменившийся в других».[2]

Выводы Б. Д. Грекова о ликвидации кризиса и новом экономическом подъеме 90-х годов XVI в. подтверждаются данными, относящимися к другой территории и другим областям хозяйственной жизни.

Так, например, С. М. Середонин, комментируя слова Флетчера о том, что воск, сало, кожи, лен, конопля и пр. «добываются и вывозятся за границу в количестве гораздо меньшем против прежнего», замечает: «прежде всего должно установить тот факт, что Флетчер сравнивал русский

[1] Ленинский сборник XIX, стр. 31—32.

[2] Б. Д. Греков, Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома, Летопись занятий ПИАК, вып. I (XXXIV), стр. 152.

отпуск до войны с Баторием с отпуском своего времени», потому что, как мы сейчас увидим, только при таком сравнении можно говорить об уменьшении отпуска.

«В 1554 г. весчей пошлины собрали в Новгороде у Ивана на Опоках 233 р. 13 а., между тем как в 1587 г. весчая пошлина в Новгороде же сдана на откуп за 106 р. 6 а. 3 д., причем 40 р. придачи сравнительно с предшествовавшим годом; равным образом и другие виды торговых пошлин сданы на 1587 г. с значительной наддачей: поворотная за 35 р. 7 а. 4 д., что было собрано в прошлом году, плюс 6 р. наддачи, явчая, пятенная и привозная за 89 р. 7 а. + 15 р. наддачи, померная и покоречная за 350 р. + 50 р. наддачи. *Цифры эти ясно свидетельствуют о том, как сравнительно быстро начала оправляться торговля в царствование Федора, но*, с другой стороны, что и в 1587 г. она не достигла еще того уровня, на котором стояла в 1554 г.». [1]

Об экономическом подъеме говорят и данные, полученные при изучении хозяйства Иосифова Волоколамского монастыря. Так, по данным приходо-расходной книги Иосифова Волоколамского монастыря за 1593 — 1594 гг., посев яровых хлебов в 1594 г. в монастырской вотчине увеличился по сравнению с предыдущим годом на 2,64% (было высеяно $7106^{5}/_{8}$ четвертей, больше чем в 1593 г. на $183^{1}/_{4}$ четверти). Но еще важнее, чем факт прироста пашни, данные дает изучение состава пашни в Волоколамском монастыре. Приходо-расходная книга знает три категории пашни. Яровое сеется: 1) «на монастырских на старых пашнях», 2) «на монастырской на новой пашне оброчными крестьяны», 3) «на пустошах и на пустых долях из снопов».

Следующая таблица показывает соотношение видов пашни в Волоколамском монастыре в 1594 г. [2]

Категория пашни	В четвертях	В процентах к итогу	Примечание
1. Старая пашня	6089 $^{1}/_{4}$	85,6	«На монастырь того ярового хлеба довелося из снопов». Посеяно же на этой категории пашни $2332^{7}/_{8}$ четвертей.
2. Новая пашня	432 $^{1}/_{2}$	6,1	
3. На пустошах и на пустых долях из снопов	584 $^{7}/_{8}$ *	8,3	
Всего	7106 $^{5}/_{8}$	100%	

[1] С. М. Середонин, Сочинение Д. Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник, 1891 г., стр. 209—210 (курсив мой. *И. С.*).

[2] Источник — Приходо-расходная книга Иосифова Волоколамского монастыря за 1593—1594 гг., лл. 100—105 об. Собрание ИАИ АН СССР.

Эта таблица показывает, что *новая пашня* достигает почти 15% всей пашни, причем процесс освоения пустошей настолько интенсивен, что (если взять отношение $2332^{7}/_{8}$ четв.: $6089^{1}/_{4}$) общая площадь засеянных бывших пустошей достигает почти 40% по отношению к старой пашне (38,3%).

Анализ состава пашни Волоколамского монастыря дает нам право говорить об интенсивном процессе ликвидации кризиса, о процессе подъема.

Об интенсивном освоении пустых земель говорят и данные упомянутого выше сборника патриарших поместных грамот. Так, из грамоты от 8 июня 1597 г. мы узнаем, что патриарх «пожаловал своего сына боярского Семена Федорова сына Александрова в Ростовском уезде в Корашской волости деревнею Колягиным в поместье. А преж сего та деревня была дворцовая тяглая. А по книгам письма Григория Болтина с товарищи 75 году написано: деревня Колягина, а в ней 17 дворов крестьянских, пашни 6 вытей, на выть по 20 чети, всего 120 чети; сена 120 копен; лесу 2 десятины. И после писма та деревня запустела от поветрия. А от 95-го году та пустош Колягина по 104 год дана была на оброк ему же Семену. И он в те годы на тои пустоши поставил двор свои и людцкие дворы, и пашню розпахал». [1]

История деревни Колягино, которая содержится в приводимой грамоте, интересна тем, что дает нам довольно точные даты о начале и конце кризиса XVI в. По данным писцовых книг 75 года (т. е. 1567 г.) деревня Колягино полна народу, имеет большую запашку и угодья. Но вскоре после писцов начинается «поветрие» — кризис, и деревня Колягино «пустеет», превращается в пустошь. Этот период продолжается до 95 года (т. е. 1587 г.), когда начинается восстановительный процесс. И к 105 году (т. е. к 1597 г.) *пустошь* Колягино снова становится *деревней* Колягино с помещичьим и людскими дворами и запашкой. История деревни Колягино вполне подтверждает тезис о том, что кризис XVI в. падает на 70-е—80-е годы, а с конца 80-х годов начинается период ликвидации кризиса.

В другой патриаршей грамоте от 23 июля 1597 г. приводится следующая челобитная патриарших детей боярских: «Пожалован он Леонтей пустошью Змеевым да пустошью Дубровицами, да пустошью Шубкиным на пятьдесят чети с осминою, и Волосова монастыря игумен Пимин ему те пустоши отделил; а Якову Новикову пустош Высокое, Костылево то ж, пустош Прокофьево двадцать две чети отделил Тимофей Корякин к старому его поместью, ко шти четвертям. И они деи те пустоши россекли и розчищали, и розпахали и розпахиваючи одолжали великим долгом; а иную деи землю роздали сторонним людем на роспашку и записи на себя

[1] Грамоты Коллегии экономии по Костроме, № 112 хрон. № 5129, л. 42 об.

подавали з зарядом (sic)». [1] Новиковы просили в своей челобитной, чтобы «тех пустошей у них имати не велети». Челобитная их была удовлетворена.

Для нас эта челобитная интересна тем, что она снова демонстрирует нам процесс ликвидации пустошей, распашку их и превращение в пашню.

Приведенные примеры показывают, что взгляд на вторую половину XVI в. как на сплошной период кризиса, не соответствуют действительности. Мы видим, что 90-е годы характеризуется экономическим подъемом, признаками которого было восстановление хозяйства, увеличение запашки, распашка запустевших земель, рост торговли и т. д.

Но это означает, что традиционный взгляд на то, что «смута» началась в обстановке экономического развала, не соответствует действительности и нуждается в пересмотре.

Этот взгляд тесно связан с общими концепциями «смуты», в которых «смута» выводится *сверху* и *извне*, а внутренние противоречия, вызвавшие крестьянскую войну, не вскрываются. Согласно этим концепциям, процесс шел примерно так: кризис в 70-х годах был вызван бегством крестьян с земель из центра на окраины ввиду усиления эксплуатации. Это бегство привело к скоплению на окраинах, особенно на юге, массы недовольных, которые воспользовались «смутой» на верху Московского государства и двинулись громить центральные районы Московского государства. Нисколько не собираясь отрицать бегства значительного количества крестьянства на свободные окраины, мы считаем необходимым подчеркнуть, что не это была основная сила, вызвавшая крестьянскую войну. Обострение противоречий надо искать не снаружи, а внутри, в недрах феодальной деревни.

Энгельс пишет в «Марке»: «Против этого хищничества помещиков, дворян и церковных владык с конца XV в. крестьяне стали подниматься в виде частых разрозненных восстаний, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабии, Баварии, Франконии и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию». [2]

Хищничество помещиков в феодальной России XVI в. шло по двум направлениям: расхищение крестьянских земель и усиление эксплуатации крестьянства. Нарастание классовых противоречий как раз шло по линии борьбы крестьян за землю и против барщины.

Согласно традиционному представлению, в конце XVI в. «порожжей» земли было сколько угодно. Данные писцовых книг 80-х годов с их огромным процентом пустых земель гипнотизировали исследователей. Но стоит нам, отказавшись от взгляда на то, что кризис захватил весь конец века,

[1] Грамоты Коллегии экономии по Костроме, № 112, хрон. № 5129, лл. 46—47.
[2] Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 88.

внимательнее присмотреться к данным источников конца XVI в., как мы увидим, что борьба за землю играет очень видную роль в экономике того времени. Уже цитированные выше отрывки из сборника грамот Коллегии экономии показывают, что даже пустоши в 90-х годах имели большую хозяйственную ценность и являлись предметом челобитий. Тот же Сборник дает нам несколько примеров, из которых видно, что борьба за землю приобретала и более резкие формы. Прежде всего обращает на себя внимание формула патриарших грамот, касающихся охраны поместий, отписанных на патриарха. «А которую пашню и луги, и пожни, и лес, и всякое угодье отпишут на патриарха, и тое пашню и луги, и лес, и всякое угодье приказати беречи патриарховых дворцовых сел приказщикам и крестьяном до патриархова указу, которые села подошли блиско; и велено беречи накрепко, *чтобы сторонние люди насилством пашни не пахали, и сена не косили, и лесу не секли, и всякими угодьи не владели*».[1]

Острие этой формулы обращено, таким образом, против захвата земли и ее насильственной эксплуатации «сторонними людьми». И эта опасность — не абстрактно выдуманная «возможность». Как и всегда, формуляр грамоты отразил в себе реальную действительность. Так, в челобитной сына боярского Федора Соболева на другого помещика Михаила Танеева читаем: «Подошли деи его Федоровы поместные пустоши к его Михайлове вотчине: пустош Юрятино, пустош Зыково, пустош Фотино, пустош Струково. И Михаила деи у Федора вытравил лугу на тритцат копен да десятину вытравил овса, да полдесятины гречи. А ту деи пустош Струково пахал насилством и сеял рожь и ярь насилством. А ныне деи, рож спрятав, хочет на тои пустоши опят озимь сеяти. А называет ту пустош вотчинною землею».[2]

Здесь перед нами как раз тот насильственный захват пустой земли, против которого направлена была вышеприведенная формула патриаршей грамоты.

И Федор Соболев отнюдь не беззащитное существо. В том же 1599 г. он организует налет на Ивана Сокурова (о котором грамота говорит, что «жил деи он Иван за патриархом во крестьянах», но который сам владел крепостными «старинными людьми» и по существу был типичным мелким помещиком), разоряет его хозяйство, захватывает его дом, инвентарь, крепостных, хлеб, и т. д.[3]

На усиленный «спрос» на землю указывают и факты найма земли, ее

[1] Грамоты Коллегии экономии, № 162 по Костроме, хрон. № 5129. Грамота от 1 ноября 1592 г., л. 5 (курсив мой. *И. С.*). Эта же формула повторяется в грамоте от 1 сентября 1595 г. Там же, л. 22 об.

[2] Там же, л. 88 об. (грамота относится к концу 1599 г.).

[3] Там же, лл. 92 об.—93. Этот пример приводит Н. А. Рожков в своей книге «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.», стр. 451.

аренды. Так, из грамоты от 3 августа 1598 г. мы узнаем, что владелец поместья Михаил Фомин отдал в аренду землю некоему Федору Шишкину: «А он деи Михайло тое половину селца Мещерки с пустошми до нашего указу отдал в наем пашню пахати и сено косити Федору Шишкину. И Федор деи Шишкин ярь сеял, и сено косил на себя и паренину под рожь ко 107 году взорал, и на многих десятинах лес россекал и розчищал». Хозяйственные мероприятия Федора Шишкина, однако, не увенчались успехом, так как поместье Фомина было передано другому помещику Василию Соболеву. «И Василий деи Соболев, — излагает дальнейший ход событий челобитная, — и в полусельце Мещерки и в пустоше Синкове и в пустоши во Ряженке на Михайловском поместье наемную ораную землю пар под озимнюю поимал у Федора у Шишкина на себя силно. И сена деи в Мещерки пятдесят копен с селища свез на свой двор, а с иных деи с лугов Федоровых людей збил и косить им не дал а иное деи сено подкошенное в лугах, и он деи то сено хочет свесть на лес (?) же..» [1]

Лишенный таким образом хозяйства, Федор Шишкин требовал, чтобы ему были возмещены хотя бы убытки, какие он понес в результате затраты труда на расчистку и распашку земли. На эту просьбу последовала резолюция патриарха, из которой мы узнаем один очень важный факт.

Предписывая Василию Соболеву отдать Федору Шишкину захваченное сено и хлеб, патриаршая грамота так разрешает вопрос о компенсации Шишкина за убытки: «А что будет Федоровы люди Шишкина вспахали паренины чистые земли, и что роспахали земли разчищая лес, и ты б Василию Соболеву у Федора у Шишкина *велел взяти за ту пашню наем по розчету за чистую землю за десятину по тамошней цене, по чему чистые земли нераные крестьяне десятину наймуют*, а за переложную землю, что Федор розпахивал ко сто седьмому году против чистые же земли за десятину, чтоб промеж ними вперед спору не было и рож велел сеяти ко 107 году Федору Соболеву» (sic! Очевидная ошибка переписчика. Из контекста ясно, что здесь должно быть «Шишкину». *И. С.*). [2]

Таким образом Василию Соболеву предписывалось продолжать аренду Шишкиным земли на год, получив с него арендную плату по определенной таксе. [3]

[1] Грамоты Коллегии экономии, лл. 68—68 об.

[2] Там же, лл. 69 — 69 об. (курсив мой. *И. С.*).

[3] Н. А. Рожков, излагая в указанном сочинении своими словами содержание этой грамоты, не понял текста и исказил его содержание. «Подлежащая власть,—по мнению Н. А. Рожкова,—разрешила дело так: арендатор [Федор Шишкин. *И. С.*] имеет право взять себе посеянный им яровой хлеб, равно как и скошенное им сено; *новый помещик, Соболев, должен вознаградить его за расчистку земли из-под леса и за приготовление к посеву парового поля, уплатив ему за каждую десятину* по той цене, какую обыкновенно в той местности платили крестьяне, бравшие земли на оброк. Решение справедливое и, повидимому, уравновешивающее интересы обеих сторон, но нет сомнения,

Но нас в данном случае интересует не столько сам случай конфликта между двумя помещиками — случай, впрочем, весьма характерный для изучаемого периода, — сколько следующее место в грамоте: «... Велел взяти за ту пашню наем по розчету за чистую землю за десятину по тамошней цене, по чему чистые земли неораные крестьяне десятину наймуют». Это место вводит нас в новый круг явлений, которые нами еще не исследовались. Если до сих пор мы рассматривали вопрос о борьбе за землю в пределах класса феодалов, то приведенная цитата переносит наше внимание на крестьянство. Приведенное место говорит о *крестьянской аренде земель*, а упоминание о «тамошней цене» аренды земли крестьянами позволяет сделать вывод о более или менее значительных ее размерах, раз уже сложилась определенная средняя стоимость аренды. Это место не является единственным указанием источников на крестьянскую аренду земли. О крестьянской аренде говорит грамота от 24 ноября 1597 г., в которой челобитчик просит отобрать у старого помещика поместье и передать ему, приводя в качестве мотива следующие доводы: «И сам деи [старый помещик. *И. С.*] в том поместьи не живет... А живет деи в оброчной деревни Волосова монастыря; и монастырским деи крестьяном ту пустош Посник [помещик. *И. С.*] в наем отдает. И монастырские дни крестьяне тою пустошью владеют, по его Посникову веленью пашню пашут и лес секут и сено косят». [1]

Аренда земель крестьянами — прямое следствие экспроприации значительной части крестьянских земель в результате опричнины. Аренда земель была наиболее «мирной» и «законной» формой борьбы крестьян за землю. Но она быстро перерастала в острые формы непосредственного

что оно не могло вознаградить арендатора за тот хозяйственный ущерб, который он понес. *Он оказался*, правда, теперь с хлебом и сеном, но *попрежнему без пашни*» (Рожков, Сельское хозяйство Московской Руси XVI в., стр. 453—460. Курсив мой. *И. С.*). Таким образом, Рожков излагает дело так, что плату за распашку земли получает Шишкин, который вместе с тем лишается земли, в то время как в действительности Шишкин сохраняет право аренды еще на один год, и в грамоте речь идет об арендной плате, которую должен был взять Соболев с Шишкина.

Небрежное, некритическое отношение к источнику вообще характерно для упомянутой работы Н. А. Рожкова. Так, неправильно прочитав год составления писцовой книг Бежецкой пятины (вместо 1551 г. — действительное время составления книги, — 1581 г.), Н. А. Рожков строит целую теорию об исключительных условиях Бежецкой пятины во время кризиса, объясняя картину экономического подъема, зафиксированную книгой (вполне естественного, если бы Рожков правильно установил время написания книги, но непонятного при его неправильном чтении), тем, что Бежецкая пятина была главной дорогой, по которой бежало население, оседая вдоль этой дороги (там же, стр. 316). Цитированная Рожковым писцовая книга «Моск. Гл. арх. Мин. ин. д. по Новгороду № 10» помещена в томе VI «Новгородских писцовых книг», где приведены основания ее правильной датировки.

[1] Грамоты Коллегии экономии, л. 51 об.

столкновения крестьян с феодалами на почве борьбы за землю. Яркий пример такой борьбы дает нам грамота от 11 марта 1597 г.

«105 года марта в 11 день в Володимер к Михаилу Фомину послана патриарша грамота по челобитью Василья Федорова сына Соболева. Пожалован он Михаила поместьем в Володимирском уезде половиною селца Мещерок. А велено Михаилу на тои пустоши селитца, и двор ставити, и пашня разпахивати. И он Михаила ту пустош отдал в наем боярина Степана Васильевича крестьяном Онисимку Ефимову да Онтошке Давыдову, а взял на тои пустоши полтретья рубля. А отдает те пустоши тем крестьяном для тово, хотя его Василья с поместья зжити насилством. И ныне деи те Степановы крестьяне всею волостью лес секут насильством в его Михайлове и Васильеве поместье, а лес деи у них не делен. А преж деи сего он Василей на тех Степановых крестьян патриарху извещал, и не одиножды, что те крестьяне патриарш лес секут насилством, хоромы рубят на продажю, и межи в двух местах переорали и вперед деи те Степановы крестьяне хвалятся, что им вашю жа поместную землю к своей земле припахивати. И вперед ему Василью прожити от их насилства не мочно, от прикащиков ему продажа великая». [1]

Чтобы правильно понять эту грамоту, надо прежде всего отделить *концепцию* автора челобитной от *содержания* сообщаемых им фактов. Эта наивная концепция состоит в том, что все то, о чем говорит челобитная, — козни его врага Михаила Фомина. Но достаточно внимательно прочесть текст грамоты, чтобы увидеть, что «козни» Михаила Фомина здесь явно не при чем.

В самом деле, автор челобитной сообщает, что Фомин сдал землю в наем *двум крес*тьянам, но следом за тем он жалуется, что крестьяне рубят лес «всей волостью». Мало того, оказывается, что лес рубят не только в поместьи Соболева, но и «в его Михайлове поместьи». Как видно, автор челобитной не сумел свести концы с концами. Но от этого приводимые им факты только приобретают еще большую ценность. Перед нами острое столкновение между помещиками и крестьянами из-за земли. Содержа в себе все характерные черты своего времени (распашка пустошей, наем земли крестьянами), грамота дает нам новое освещение классовых противоречий конца XVI в. И это новое состоит в том, что наступающей стороной в данном случае являются крестьяне. Обратим внимание на фразу грамоты: «хоромы рубят на продажу». Эта деталь источника чрезвычайно важна. Подъем хозяйства в 90-е годы XVI в. усилил роль рынка и в помещичьем и в крестьянском хозяйстве. В то же время он еще более обострил борьбу за землю. И подчеркивание источником того, что лес рубится крестьянами *на продажу*, демонстрирует нам, как влияние

[1] Грамоты Коллегии экономии, лл. 33—34.

рынка обостряло борьбу между крестьянами и помещиками. Второе, что бросается в глаза при чтении грамоты, — это интенсивность борьбы крестьян. Соболев пишет, что он «патриарху извещал и *не однажды*, что те крестьяне патриарщ лес секут насилством». Это показывает неслучайность приводимых фактов, их типичность, показывает, что борьба за землю вытекала из всей совокупности обстоятельств, определявших отношения между классами. Указание на то, что крестьяне рубят даже патриарший лес «насилством», свидетельствует опять-таки о том, что не личные особенности помещика Соболева были виной такого поведения крестьян. Наконец, мы можем почерпнуть из грамоты даже некоторые сведения об идеологии крестьянства. Сообщение челобитчика: «и вперед деи те Степановы крестьяне хвалятся, что им вашю жа поместную землю к своей земле припахивати», показывает, что смысл борьбы, которую вели крестьяне, — борьба за экспроприацию помещичьей земли, — осознавался крестьянами.

Как реагировал на эту борьбу крестьян господствующий класс? Заключительные слова челобитчика: «и вперед ему Василью прожити от их [крестьян. *И. С.*] насилства не мочно», показывают, что помещик Соболев очень хорошо понимал, что угрожает ему в этой борьбе. Действия власти тоже носят ярко выраженный классовый характер. Резолюция патриарха предлагает, чтобы Фомин «Степановым крестьяном в наем пашни пахати и сена косити и лесу сечи не давал. А будет вперед учнет отдавати ту пустош в наем Степановым крестьянам, и у него то поместье велет взяти и в роздачу роздати». [1]

Борьба крестьян за землю была борьбой за свободную землю, — свободную от крепостника-помещика и феодальной барщины. Но в этой борьбе крестьянин неизбежно сталкивался со своим антагонистом, задачей которого было как раз закрепостить крестьянина и заставить его работать на помещичьей земле.

Яркий факт столкновения этих двух линий борьбы сохранили нам материалы архива Волоколамского монастыря. В приходо-расходной книге за 1592 — 1593 гг. читаем: «Того же месяца (мая) в 18 день взято на крестьянине села Спасского на Борисе на Пещере 4 рубли пенных деняг *за то, что он на стороне за волостью пашет, а монастырских пустошей с своими товарищи из снопа не пашет*». [2]

Эта короткая запись замечательно точно определила цели в этой борьбе обоих классов. Целью борьбы крестьян было пахать «на стороне за волостью», т. е. вне сферы феодальной эксплуатации; наоборот, стремления феодала были направлены на то, чтобы заставить крестьянина пахать

[1] Грамоты Коллегии экономии, л. 34.

[2] Московское древлехранилище. Приходо-расходная книга № 11 за 1592—1593 гг. Волоколамского монастыря, л. 100 об. (курсив мой. *И. С.*).

«монастырские пустоши из снопа», т. е. выжать из крестьянина отработочную ренту.

Таким образом борьба крестьян за землю ставила феодалов перед альтернативой: или крестьянина надо заставить пахать барскую пашню — и заставить силой, или он будет развивать собственное хозяйство, захватывая помещичьи земли и превращая их в свободную крестьянскую пашню. Но тем самым борьба за землю делалась составной частью общей борьбы: крестьян — за уничтожение феодального гнета, помещиков — за новое закрепощение крестьянства.

Источники очень бедны фактами борьбы крестьянства с феодалами. Специфический состав дошедших до нас источников, принадлежность их к господствующему классу, в интересах которого было замазывать случаи этой борьбы, — все это затрудняет в громадной степени прослеживание того, как все более обострялись классовые противоречия и нарастала волна крестьянских выступлений, слившихся в самом конце века в настоящую крестьянскую войну. Пробиться сквозь панцырь классовой идеологии этих источников и заглянуть в самую глубь классовых отношений Московского государства удается лишь в редких случаях. Выше мы привели несколько фактов, которые показывают, какой глубины и силы достигли классовые противоречия. Архив Волоколамского монастыря сохранил нам известие о событии, которое является *новым этапом* в развитии классовой борьбы XVI в.

В уже упоминавшейся приходо-расходной книге Волоколамского монастыря среди обычных для этого типа источников хозяйственных записей находится следующая запись: «Лета 7103-го октября в 21 день приезжали в Осифов монастырь от государя Андреи Ияковлич Измаилов да подьячеи Казарин Петров обыскивати и сыскивати и дозирати всяких монастырских дел по ложному челобитью бывшего келаря черница Антона Лопошинского, а тот чернец Антон приезжал с Ондреем же в Осифов монастырь. И в кои поры Андреи был в Осифове монастыре, и в те поры по науку того Антона крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити и солодов ростити и даней монастырских давати. И старец Мисаила Безнин и келарь и казначее и соборные старцы сказывали про то Ондрею и Казарину. И Андреи и Казарин велели крестьяном всякие монастырские дела делати и крестьян за то велели смиряти, что оне не слушают, и пени на них имати. И как Андреи и Казарин из монастыря поехали и крестьяне монастырские почели пущи того не слушати и приказщиков и ключников учели бити и дел монастырских не почели делати и леса монастырские заповедные посели сечи. И старец Мисаила Безнин про то велел крестьян острастити и чмирити. И которые крестьяне прожиточные сами воровали и поучали

всех воровать и старец Мисаила велел на тех пени имати. И от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати». [1]

Перед нами — редкий случай описания настоящего восстания крепостных крестьян крупной феодальной вотчины. Исходной гранью восстания является 21 октября 1594 года — день приезда царской комиссии. Волнение крестьянства началось во время пребывания комиссии в монастыре. Следующей хронологической вехой является отъезд Андрея Измайлова и Казарина Петрова из монастыря. День их отъезда нам известен: «Лета 7103-го ноября в 21 на введеньев день поехали из монастыря Андреи Яковлевич Измайлов да подьячей Казарин Петров». [2]

Таким образом, движение монастырских крестьян началось между 21 октября и 21 ноября 1594 г. Время его окончания устанавливается следующим образом. Заключительная часть приведенной нами записи о волнениях крестьян говорит о том, что по предписанию старца Мисаила с крестьян стали брать пеню. «И от того крестьяне унелись воровати и почели во всем слушати». Непосредственно за этой фразой следует запись крестьян, с которых была взята пеня. «А се тем крестьяном имена, на ком што пени взято на монастырь. Того ж 103 года февраля в 5 день села Буягорода взято пени на Климе на Быковском 5 рублев денег»... (дальше следует перечисление крестьян, с которых взята пеня). [3]

Таким образом сбор пени с крестьян, после которого волнения начали прекращаться, начался 5 февраля 1595 г.

Итак, движение крестьян Волоколамского монастыря началось в конце октября — начале ноября 1594 г. и закончилось в начале февраля 1595 г. Оно продолжалось, следовательно, около трех месяцев.

Уже один факт такой длительности движения крестьян говорит о его серьезности и глубине. Но цитированная запись дает нам, правда, сжатое, но довольно точное описание существа этого движения. Обращает на себя внимание напряженная обстановка в монастыре накануне волнения крестьян.

Об этом можно заключить уже из самого факта приезда в монастырь царской комиссии. Правда, источник весьма глухо говорит, что комиссия приехала «обыскивати и сыскивати и дозирати всяких монастырских дел», не сообщая о том, что это за дела, но природа этих «дел» ясна. Обратим внимание на состав комиссии. Комиссию возглавлял Андрей Яковлевич Измайлов. Это была очень видная фигура. Он был «большой воевода», т. е. воевода самого привилегированного полка (правда, он был третий

[1] Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря за 1593—1594 гг., лл. 440—441. Собрание ИАИ АН СССР.

[2] Там же, л. 456 а (?) (лист оборван и вставлен нами в текст книги предположительно. *И. С.*).

[3] Там же, л. 441.

воевода этого полка). Мы знаем о нем, что в 1582 г. он «ходил Луговые Черемисы воевати». А после смерти Ивана IV новый царь Федор 12 апр. 1584 г. отправил чиновника Андр. Яков. Измайлова к Баторию с известием о своем воцарении». [1]

Если правительство сочло нужным послать для расследования монастырских дел воеводу и бывшего посла к польскому королю, значит эти «дела» были достаточно серьезны. Поводом для посылки комиссии послужило «ложное челобитье» бывшего монастырского келаря Антона Лопошинского. Характер этого «ложного» челобитья нам станет ясным, если мы учтем указание нашего источника, что вскоре после приезда комиссии, вместе с которой приехал Антон Лопошинский, начались волнения крестьян, — и начались «по науку того Антона». Очевидно, крестьяне Волоколамского монастыря связывали свою судьбу с челобитьем Антона Лопошинского. Итак, мы можем сделать вывод, что накануне приезда в монастырь Андрея Измайлова там уже назрел острый конфликт между феодалом-монастырем и монастырскими крестьянами, причем серьезность этого конфликта была ясна московскому правительству, пославшему для урегулирования этого конфликта чрезвычайную комиссию.

Но приезд комиссии Измайлова оказался искрой, которой только и нехватало для взрыва в монастырской вотчине. Природа взрыва ясна совершенно. Монастырские крестьяне восстали против крепостнической эксплуатации. Они отказались нести барщину и давать оброк монастырю Царская комиссия сделала попытку усмирения крестьян. «Андрей и Казарин велели крестьяном всякие монастырские дела делати и крестьян за то велели смиряти, что они не слушают и пени на них имати».

Можно думать, что именно на это ушел тот месяц, который Андрей Измайлов и Казарин Петров провели в монастыре. Но стоило им уехать из монастыря, как движение крестьян приняло еще больший размах. От методов пассивного сопротивления (неподчинение монастырским властям и отказ от барщины и оброков) крестьяне переходят к методам активной борьбы: «приказщиков и ключников учели бити... и леса монастырские заповедные почели сечи». Это уже начинало грозить самому существованию монастыря. Но стихийное восстание крепостного крестьянства не могло сломить власти организованного господствующего класса. Монастырю удалось привести в покорность «заворовавшее» крестьянство. Мобилизовав силы, монастырю удалось «крестьян *острастити и смирити*». Таким образом, для подавления восстания была применена *сила*. О существе этого движения крестьян говорит и сама терминология источника. «И которые крестьяне прожиточные сами *воровали* и поучали *всех воро-*

[1] Карамзин, История Государства Российского. Изд. Эйнерлинга. Примечания 553 и 732 к IX тому и 57 — к X тому.

вать и старец Мисаила велел на тех пени имати и от того крестьяне унелись *воровати* и почели во всем слушати» (курсив везде мой. *И. С.*). Словами «воровство», «воровать» в XVI в. обозначали политические выступления против власти. И употребление этого выражения в нашем источнике говорит о том, что монастырские власти хорошо понимали существо восстания.

Стоит обратить внимание на одну деталь тактики монастырских властей. Им удалось нащупать путь для разложения восставших крестьян. Монастырские власти решили оторвать от восстания «прожиточных крестьян» при помощи финансового маневра — пени. И это дало свои результаты.

Движение крестьян сильно отразилось на монастырском хозяйстве. В книге сохранилась одна запись, относящаяся, правда, к началу волнений крестьян, но которая достаточно ясно показывает разрушительное действие крестьянского движения на хозяйство монастыря. Мы уже цитировали начало этой записи, приведем ее целиком: «Лета 7103-го ноября в 21 на введеньев день поехали из монастыря Андреи Яковлевич Измайлов да подьячей Казарин Петров. И после того на завтрее, ноября в 22 день посланы старцы поселные по селом по благословению игумена Васьяна и по приговору старца Мисаила Безнина и всех соборных старцев. Приказано поселным старцом нонешняго лета хлеб паханья 102-го году ко 103-му году *овес, который пророс и которой попортился в копнах стоячи*, и тот овес, который хуже, отбирая велети молотити ранее для конского корму и для ухоботья и для мякины». [1]

Отказ крестьян выполнять барщину сразу же привел в полнейшее расстройство все хозяйство монастыря, тем более, что волнения крестьян начались до окончания цикла осенних работ, о чем так красноречиво свидетельствует проросший овес, оставшийся на полях в копнах. Попытка спасти оставшийся на полях хлеб, о которой говорит цитированная запись, оказалась безуспешной, ибо, как мы знаем, после отъезда Андрея Измайлова волнения крестьян не только не прекратились, а напротив — усилились. И посланным старцам, выехавшим организовывать сбор и молотьбу хлеба, пришлось испытать определенное физическое воздействие со стороны восставших крестьян.

Понятна поэтому та энергия, которую развивали монастырские власти в деле приведения в покорность взбунтовавшихся крестьян. Возмущение наиболее мощной производительной силы феодального общества — крестьянства [2] — подрывало самые основы общественного строя феодального общества.

[1] Приходо-расходная книга Волоколамского монастыря за 1593—1594 гг., л. 456 а (?). Собрание ИАИ АН СССР (курсив мой. *И. С.*).

[2] Маркс в письме к В. Засулич отмечает: «Можно с первого же взгляда

Восстание волоколамских крестьян 1594 — 1595 гг. приоткрывает нам небольшой кусочек борьбы классов, сотрясавшей Московское государство в конце XVI в. О продолжении этой борьбы мы узнаем через 11 лет из грамоты митрополита Филарета. В общем рассказе о борьбе Василия Шуйского с Болотниковым мы находим следующее место:

«Да к Можайску ж пришел со многою ратью государев... воевода Иван Федорович Колычев, *очистив от тех воров Волок и Иосифов монастырь и прочие окрестные грады и селы*». [1]

В 1594 г. царский воевода Измайлов усмирял восставших крестьян Волоколамского монастыря. В 1606 г. другой царский воевода Колычев очищает от «воров» Волоколамский монастырь и его села. Помножим эти два факта на масштаб всего Московского государства, и тезис о том, что «смута началась *снизу*», станет вполне очевидным. А слова умного англичанина Флетчера приобретут значение формулы, определяющей классовые противоречия общества, находящегося накануне гражданской войны.

оценить значение этого ряда враждебных влияний, облегчающих и ускоряющих эксплуатацию *земледельцев — этой наиболее мощной производительной силы России*» (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 274. Курсив мой. *И. С.*). Это место, являющееся параллелью к известным словам Маркса в «Нищете философии», не привлекло внимания исследователей.

[1] ААЭ, т. II, № 50 (курсив мой. *И. С.*).

К. Маркс и Ф. Энгельс о начале Византии

Е. Э. ЛИНИЦ

Проблемы возникновения и развития феодальной формации, складывающейся на развалинах античного общества Римской империи — в странах, лежащих в восточном углу Средиземного моря и вошедших в состав средневековой «Византийской» империи, — до самого последнего времени в значительной степени выпадали из поля зрения историков-марксистов. Отдельные работы более или менее случайного характера, рассматривающие отдельные стороны вопроса, не поднимая, однако, основной проблематики на достаточную теоретическую высоту, вряд ли могут быть причислены к марксистской историографии. Выводы буржуазных ученых нередко не только используются без достаточной критической проработки, но находят самую положительную оценку на страницах нашей советской печати.[1]

[1] Ср., напр., статью обзорного характера Г. Лозовика «Десять лет русской византологии» (Историк-марксист, т. VII, стр. 228—238), где автор причисляет к марксистам... А. А. Васильева, расценивая главу его курса по истории Византии по вопросу о византийском феодализме как «прекрасную работу», в которой автор, «несмотря на ряд спорных утверждений... в понимании сущности феодализма, корней его, распространенности, как явления и экономического и политического, как на Западе, так и на Востоке, *вполне стоит на высоте вооруженного марксистским методом историка*» (курсив мой. *Е. Л.*). А. Бергер в статье «Демократическая революция в Фессалониках» (Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1930 г., стр. 447—457), впервые привлекший высказывания К. Маркса о Византии, не проводит четкой границы между взглядами К. Маркса на Византию и концепциями дворянско-буржуазного византиноведения. Также Ф. И. Шмит в работе «Политика и византиноведение» (Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 7-8) трактует, в частности, памятники константинопольского законодательства VI в. (в действительности основной документ слагающегося феодального общества, фиксирующий отмирание рабства) как памятник античного, т. е. рабовладельческого, «римского права», следуя существующей буржуазной традиции в византиноведении, не видящей (вопреки взгляду К. Маркса и Ф. Энгельса — см. ниже), что феодализирующие процессы на почве Византии развертываются начиная с III в.

Между тем и в вопросах «византиноведения» совсем еще не использовано богатое наследство, имеющееся в работах основоположников марксизма-ленинизма, — наиболее острое оружие в борьбе со всякими чуждыми и враждебными пролетариату концепциями и теориями. Работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина впервые дают и в области истории Византии научное, диалектико-материалистическое решение ряда узловых вопросов, над которыми и по сей день беспомощно бьется буржуазное «византиноведение».

Хотя основоположники марксизма не оставили нам специального исследования по истории возникновения, развития и разложения феодализма в Византии, тем не менее, разрабатывая проблемы развития западноевропейского исторического процесса, они нередко делали экскурсы в область восточного Средиземноморья и таким образом затрагивали в своих работах основную проблематику византийского феодализма, вскрывая специфические черты его конкретного своеобразия: византийский феодализм занимает во всемирноисторической концепции Маркса и Энгельса вполне определенное место. [1]

В переписке и в исследованиях К. Маркса и Ф. Энгельса неоднократно упоминаются работы по истории Византии, являющиеся предметом их внимания, входящие в круг их исследовательских интересов. [2] Значительная часть этих упоминаний падает на годы русско-турецких войн (1853 — 55 и 1877—78 гг.), когда в связи с актуальными задачами классовой борьбы пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс изучали прошлое турецкого (малоазийского и балканского) крестьянина, придавая громадное значение его потенциальным революционным возможностям. [3]

К. Маркс и Ф. Энгельс решительным образом порвали с идеалистической концепцией истории Византии Гегеля, развитой им в «Лекциях по философии истории» — этой наиболее «устаревшей и антикварной», по определению В. И. Ленина, части гегелевской философии. [4]

Концепция истории Византии Гегеля развертывается на основе противопоставления двух вариантов развития средневековой Европы. Один из них — путь прогрессивного развития «варварского» Запада. Другой — путь тысячелетнего упадка и гибели византийского Востока, пытавшегося

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 440 — 441.

[2] Там же, т. XXII, стр. 108, 120, т. XXIV, стр. 28.

[3] 25 VI 1877 г. Ф. Энгельс писал В. Бракке о Турции: «пока остается здоровая народная масса — в данном случае турецкий крестьянин и даже турецкий средний помещик, до тех пор такой восточный социальный организм способен выдержать самые невероятные удары. Четыреста лет столичной, унаследованной от Византии коррупции погубили бы всякий другой народ, туркам же стоит только скинуть высший слой, и они сполне смогут померяться силами с Россией». Архив Маркса и Энгельса, т. I(VI), стр. 116

[4] Ленинский сборник XII, стр. 162.

приспособить к новым условиям средневекового развития все наследие старой — античной — науки и культуры. Кладя в основу противопоставления двух вариантов развития мысль, что они обусловливались в своем генезисе различной степенью ломки основ античного общества, Гегель облекает эту — правильную по существу мысль — в мистифицированную религиозную форму, следуя в то же время в своем глубоко отрицательном отношении ко всему византийскому средневековью, в целом, идеям французской просветительной философии XVIII в. [1]

У Гегеля два варианта развития средневекового общества превращаются в два варианта развития христианской религии. [2] На византийском Востоке христианство было воспринято лишь абстрактно, будучи усвоено обществом, находившимся во всеоружии античной, чуждой в своих основах христианству науки и культуры. [3] Иначе обстояло дело на Западе, начавшем развитие с самого начала (von vorne an) вместе с христианством. Установив этот в высшей степени замечательный контраст (einen hochst merkwürdigen Contrast), Гегель рисует красочную картину византийского общества, потонувшего во тьме суеверий, слабостей и позора, слепого подчинения патриархам и духовенству, общества, обреченного на умирание, и в конечном итоге приходит к выводу о полной неинтересности этой позорнейшей картины тысячелетнего упадка. В концепции Гегеля, таким образом, соединяется несоединимое: глубоко отрицательное отношение к византийскому средневековью, проникнутое революционным духом французской просветительной философии, с наихристианнейшими воззрениями консервативного немецкого филистера, идеолога прусского государства Фридриха-Вильгельма III.

У Маркса и Энгельса идея контраста Запада, где «средневековье началось из самого примитивного состояния, стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию», [4] и византийского Востока, где западная (античная) цивилизация лишь амальгамировалась с восточным варварством, становится одной из плодотворнейших идей, вскрывающих причины относительно большей устойчивости турецкого, resp. византийского, феодализма. [5] Теснейшим образом увязывая свои работы с практикой классовой борьбы пролетариата, основоположники марксизма из теоретического анализа исторически складывавшихся особенностей феодализма в Византии делали глубоко практические

[1] G. Hegel, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Stuttgart, 1928 г., стр. 432.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 433—434.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128.

[5] Там же, т. IX, стр. 440, ср. прим. на след. странице.

выводы о характере пути освобождения, открывающегося перед турецким, resp. византийским, крестьянством.

«Константинополь — это вечный город, это Рим Востока. Западная цивилизация, весьма амальгамированная восточным варварством при греческих императорах, восточное варварство, весьма амальгамированное западной цивилизацией при господстве турок, — это делает этот центр теократической империи настоящей преградой для распространения европейского прогресса», писал в 1853 г. К. Маркс. [1]

Когда Византийская империя была завоевана турками, народ-победитель оставил существовать старый способ производства, довольствуясь данью, [2] и, «когда греческие императоры были вытеснены иконийскими султанами, дух старой Византийской империи пережил эту перемену династий». [3]

Развивая ту же мысль, В. И. Ленин писал в эпоху балканской войны в 1912 г.: «В восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья, страшно задерживающие общественное развитие и рост пролетариата. Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей». [4]

В приведенных высказываниях К. Маркса и В. И. Ленина Византийская империя с ее блестящей столицей Константинополем выступает как один из наиболее прочных и живучих оплотов средневековья, феодализма, остатки которого надолго переживают самую Византийскую империю.

Оставляя в стороне весь круг вопросов, освещенных основоположниками марксизма по проблеме византийского феодализма и ограничиваясь рассмотрением лишь одного вопроса, теснейшим образом увязанного с проблемой генезиса феодализма, — о «начале» Византии, необходимо напомнить, что вопрос этот и по сей день принадлежит к числу наиболее дискуссионных и неразрешимых для буржуазной науки проблем. А между тем «тайна» начала Византии была раскрыта К. Марксом и Ф. Энгельсом много десятков лет назад.

---

[1] К. Маркс, Традиционная политика России («New-York Daily Tribune», 12 III 1853 г.). Цитировано по сверенному с подлинником переводу из статьи А. Бергера «Демократическая революция в Византии XIV в.», Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 450. Перевод в Сочинениях, т. IX, стр. 440, менее точен.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 23.

[3] К. Маркс, Традиционная политика России, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 440.

[4] В. И. Ленин, Новая глава всемирной истории, Соч., т. XVI, 2-е изд., стр. 175. См. статью «Социальное значение сербско-болгарских побед», где В. И. Ленин дает конкретизацию этих положений, в частности — в отношении Македонии, там же, стр. 186—187.

Характеризуя философский материализм XVIII в., Ф. Энгельс отмечал в качестве специфической черты ограниченности этого материализма неспособность философов взглянуть на мир как на процесс. Та же черта сказывалась и в исторических исследованиях: «в области истории то же отсутствие исторического взгляда на вещи. Здесь всех ослепляла борьба с остатками средневекового быта в общественных отношениях. На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, причиненный тысячелетним варварством. Никто не обращал внимания на великие шаги вперед, сделанные в течение средних веков... Вследствие этого становился невозможным правильный взгляд на связь исторических событий, и история в лучшем случае являлась не более, как готовым к услугам философа сборником иллюстраций и примеров». [1]

«The History of the decline and fall of the Roman Empire» Э. Гиббона явилась типичным продуктом просветительной философии XVIII в., отражая и сильные и слабые ее стороны. Для Э. Гиббона «подданные Восточной империи, усвоившие и бесчестившие названия греков и римлян, представляют безжизненное однообразие гнусных пороков, в которых не видно даже той энергии, которая воодушевляет выдающихся преступников». [2]

«Руководящая идея или «мораль» его истории кратко сформулирована им в изречении: «я описал триумф варварства и религии». Другими словами, историческое развитие человеческих обществ начиная со II века н. э. являлось регрессом... в котором главным образом повинно христианство». [3] Труд Э. Гиббона, литературно блестяще написанный, насыщенный критическим отношением к религии, характерным для рационализма XVIII в., имел необычайный успех не только как научное, но и как философско-литературное произведение. [4] Вместе с тем и созданное им представление о византийской истории как об «однообразной повести о слабости и ничтожестве», как о «серии переворотов, постепенно подтачивавших на протяжении тринадцати столетий и наконец разрушивших прочное создание человеческого величия», [5] оставалось господствующим на протяжении десятилетий. Разработанная им схема византийской истории «передавалась из поколения в поколение как нечто ясное и несомненное». [6]

В середине XIX в. положение резко изменилось. С победой политической реакции пышно расцвел «романтический» интерес к средневековью

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 1932 г., т. XIV, стр. 648.

[2] E. Gibbon, ук. соч., т. V, 1908 г., стр. 170.

[3] J. Bury, Introduction to his edition of «The History of the decline and fall of the Roman Empire» by E. Gibbon, London, 1896 г., I, стр. XXXVIII.

[4] The Autobiographie of E. Gibbon, ed. by J. Murray, London, 1896 г., стр. 311.

[5] E. Gibbon, ук. соч., т. I, стр. I.

[6] К. Н. Успенский, Очерки по истории Византии, 1917 г., стр. 4.

с его «прочными устоями» общественного порядка. Борьба Греции за независимость, в которой близкое участие по соображениям отнюдь не «романтического» порядка принимали три великих европейских державы, создала стимул пересмотреть заново разработанную Гиббоном схему «тысячелетнего увядания» Римской империи. «Просвещенная» британская политика, поддерживая национальное движение Греции, была направлена в сторону признания политической независимости освобождающейся нации, извлекая из этой теории весьма реальные экономические выгоды для своей торговли и промышленности. В этом отношении и к английской политике в Греции можно применить изречение Каннинга, высказанное им по адресу испанской Америки: «Испанская Америка будет свободной, а если мы не плохо поведем дело, то она сделается английской». [1]

Вместе с тем и «традиционная политика России издавна состояла в том, чтобы возбуждать греков к восстанию, а затем предоставлять их мести султана», хотя «о религии и свободе греков Россия беспокоилась так же мало, как мало русский бог... заботится о ключах святого гроба или о знаменитом святом куполе». [2] «Сотни русских агентов, — указывал К. Маркс, — систематически отправлялись в Турцию и там старались сосредоточить внимание греческих христиан на личности православного императора, как главы, естественного защитника и освободителя угнетенной восточной церкви... Сербское восстание в 1809 г. и греческое возмущение в 1821 г. в большей или меньшей степени обязаны своим возникновением русскому золоту и влиянию». [3]

На этой почве по-новому должен был встать и вопрос о греческом прошлом, о Византии. Если для Э. Гиббона история Византии представляла однообразную картину общества, неуклонно устремлявшегося к упадку, то у новых исследователей явилась потребность заново пересмотреть историю средневековой Греции, противопоставив «неисторическому» взгляду Э. Гиббона новое построение истории Греции, как «живого и развивающегося организма». [4]

Чрезвычайно характерным было появление таких работ, как история Греции Г. Финлея, указывавшего, что развитые им взгляды на византийскую историю часто находятся «в прямой противоположности ко взглядам великих авторитетов» [5] (Вольтера и Гиббона. *Е. Л.*); история греко-римского права К. Цахариэ фон Лингенталя, с точки зрения которого «было бы неисторичным характеризовать более чем тысячелетнюю историю

[1] Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны, изд. Нар. ком. ин. дел, М., 1922 г., стр. 5.

[2] К. Маркс, Лорд Пальмерстон, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, 1932 г., стр. 497.

[3] К. Маркс, Турецкий вопрос, там же, стр. 388.

[4] Ф. И. Успенский, История Византийской империи, П., 1914 г., т. I, стр. 3.

[5] G. Finlay, A History of Greece, Oxford, 1877 г., т. II, стр. 8.

Восточной Римской империи просто как историю беспрерывного государственного и общественного упадка»; [1] история греческого народа М. Паппаригопуло, с его утверждением о «попытке замечательной революции социальной, политической и религиозной, проделанной императорами-иконоборцами, попытке построить общество, основанное на бессмертных принципах, восторжествовавших в мире лишь через тысячелетие», [2] т. е. в эпоху Великой французской революции.

В этих работах впервые во весь рост встал вопрос о моменте перелома, отделяющего «увядающую античность» от стран «развивающегося средневековья» в областях, входивших некогда в состав Восточной Римской империи. В качестве такой переломной эпохи названные выше исследователи указывали VIII век — эпоху иконоборчества, эпоху, получившую в труде Гиббона не только поверхностное, но и ложное освещение. [3]

«С приходом к власти Льва Исаврянина, — пишет историк Финлей — открылась новая эра в Восточной империи, и под его управлением упадок империи не только прекратился, но империя даже начала заново приобретать большую долю своего прежнего могущества», — «реформированная таким образом Восточная империя у современных историков получила наименование Византийской, и термин этот хорошо задуман, чтобы обозначить перемену, внесенную в государственное управление после исчезновения последних следов военной монархии древнего Рима». [4] Противопоставляя далее свои взгляды взглядам других историков, Г. Финлей пишет: «так как Византийская империя являлась лишь продолжением римской правительственной системы в измененной форме (a continuation of the Roman government under a reformed system), нам кажется более правильным относить ее начало к эпохе, когда новые социальные и политические изменения привели к заметным результатам в судьбе Восточной империи. Эта эпоха отмечена приходом к власти Льва Исаврянина». [5]

Равным образом К. Цахариэ фон Лингенталь писал, что с исаврийскими императорами начинается новое государственное образование (eine Neugestaltung), отмеченное многогранным своеобразным отпечатком, постепенно развивающимся в то, что обычно обозначается выражением «византинизм». [6]

Суммируя доводы, положенные в основу этой новой концепции, выдвигающей эпоху иконоборчества как «переломную», коренным образом изменяющую весь путь исторического развития Восточной империи, пре-

[1] K. E. Zachariä v. Lingenthal, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, Berlin, 1892 г., стр. XII.

[2] M. Papparigopoulo, Histoire de la civilisation hellénique, Paris, 1878 г., стр. 188.

[3] J. Bury, Introduction, стр. LIII—LIV.

[4] G. Finlay, A History of Greece, т. II, стр. 2.

[5] Там же, стр. 3.

[6] K. E. Zachariä v. Lingenthal, ук. соч., стр. XII.

вращающую ее в жизнеспособное «новообразование», в «Византийскую империю», можно свести их к следующим основным пунктам:

1) «Состояние Греции на протяжении долгого периода ее порабощения не было состоянием однообразного увядания»; [1] «две тысячи лет страдания не изгладили национального характера и не погасили национального самолюбия». Эпоха после отпадения восточных провинций, «когда история греков тесно связывается с анналами императорского правительства, так что история Византийской империи превращается в составную часть истории греческой нации», является эпохой особого значения. [2]

2) Император Лев Исаврянин, «основатель новой династии», «спаситель Константинополя, реформатор церкви и государства», был первым христианским императором, остановившим волну «мусульманского завоевания»; «он улучшил положение своих подданных»; он провел церковную реформу, пытаясь «очистить» религию «от реминисценций эллинизма»; [3] он провел государственную реформу, улучшив положение народа (Эклога) [4] и, в частности, крестьянства (земледельческий закон [5]); он создал, наконец, новую военную организацию империи (фемный строй). [6]

3) Время царствования Исаврийской династии резко противостоит предшествующей эпохе, контрастируя с периодом (до VIII в.), когда «эллинизм претерпел религиозные, политические и социальные изменения, казалось, возвещавшие о его гибели», когда «под особой угрозой стояла чистота христианской религии», [7] когда под угрозой находились не только «основные принципы христианства», но и «государство и нация терпели жестокие удары». [8]

Авторами этой теории, таким образом, была создана новая концепция истории Византии, сочетавшая новую постановку вопроса, дающую совершенно иное освещение целой эпохе средневековой истории при использовании новейших для того времени данных науки, в частности опубликованных Цахариэ памятников византийского законодательства, с привычной для «просвещенной» части европейского общества симпатией к грекам, «потомкам древних эллинов», борющихся за свободу и за чистоту христианской религии в «красочной» обстановке «полудикого Востока». Концепция эта, естественно, не могла не встретить сочувствия в широких кругах либерально настроенной европейской буржуазии, являясь детищем «просвещенного филэллинизма».

[1] G. Finlay, ук. соч., т. I, стр. XVII.
[2] Там же, стр. XV и XVIII.
[3] Там же, т. II, стр. 3.
[4] Там же, стр. 33.
[5] M. Papparigopoulo, Histoire de la civilisation hellénique, стр. 205.
[6] G. Finlay, ук. соч., стр. 29.
[7] M. Papparigopoulo, ук. соч., стр. 182.
[8] Там же, стр. 183.

В то же время высказанное К. Цахариэ фон Лингенталем предположение о возможной связи между реформой, улучшившей положение крестьянства (распространение свободной сельской общины), и славянской иммиграцией VII в. на Балканском полуострове было подхвачено и подробно развито русскими византинистами, в частности Ф. И. Успенским, обслуживая, таким образом, «от лица науки» притязания царской России на наследие бывшей Византийской империи.

Таким образом, теория о том, что переломный момент или «начало» Византии следует относить к VIII в., получила необычайно широкое распространение в «византиноведении». Она отстранила на второй план высказывавшиеся другими учеными предположения, будто бы гранью является 395 г. (год разделения империи) или 529 (год закрытия афинской школы), или 800 (год коронования Карла Великого) и пр.

К концу XIX и началу XX в. относится распространение новой точки зрения на интересующий нас вопрос. Возникновению ее способствовал необычайный рост археологических открытий на территории Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Персии, Кавказа, Причерноморья, заставивший по-новому расценить творческую роль в созидании византийской культуры тех «полудиких» восточных народов, которые составляли главную массу населения Византийской империи.

«Только обращением к вещам, памятникам материальной культуры и независимым их изучением была поставлена на место индоевропеистическая лингвистика, умерены ее притязания. Индоевропеистическая лингвистика...оказалась просмотревшей или недооценившей иррациональные творческие элементы и в речи и в культуре средиземноморских народов, выводившейся ею из прародины индоевропейской расы и получившей разъяснение как наследие расовой природы, как дальнейшее лишь органическое развитие природных задатков индоевропейской расы», [1] писал Н. Я. Марр. И пальма первенства в расширении мирового культурно-исторического кругозора и открытии «новых, казалось бы, экзотических, центров мировой культуры», более углубленное и более конкретное изучение которых выявило их «неразрывные связи со старым мировым культуротворчеством Европы», бесспорно принадлежит востоковедам. [2]

Эти открытия не могли не оказать влияния и на построения истории Византии. Однако, отдавая должное новым открытиям, буржуазные историки Византии и при разработке новых построений полностью сохранили в своих работах старую методологию.

Лежащая в основе всех исторических и лингвистических построений

[1] Н. Я. Марр, Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры, ПЭРЯТ, М.—Л., 1926 г., стр. 55.

[2] Там же, стр. 46.

буржуазного «византиноведения» расовая теория, присваивающая право на самостоятельное культурное творчество лишь избранным «индоевропейским» народам, пытающаяся «научно» оправдать империалистическую политику международной буржуазии, направленную на угнетение колониальных и полуколониальных стран, все более и более вступала в противоречие с новыми фактами, [1] свидетельствовавшими о длительном культурном развитии всей разноплеменной массы населения Византийской империи. Поток новых и новых фактов, никак, естественно, не вмещавшихся в прежние рубрики, распирал, взрывал старую, ставшую чрезмерно узкой схему, построенную без учета того, что «византийская» культура явилась плодом сотрудничества народов, «говоривших массово на различных языках, вовсе не греческом». [2]

Не будучи в силах совершить тот единственно правильный революционный шаг, который сделал автор некогда «Третьего этнического элемента», впоследствии — «Нового учения о языке», Н. Я. Марр, окончательно изгнавший из науки о языке старую расовую теорию, буржуазные ученые, работавшие в области «византиноведения», сохраняя в своих работах расовую теорию в ее осложненной, рафинированной форме, в виде теории переселений, культурных заимствований и культурных влияний, вынуждены были создавать искусственные, внутренно противоречивые построения, чтобы осмыслить новооткрытые факты. В этих построениях факты нередко «совершали» чуть ли не кругосветные путешествия в поисках «центров культуры», своей мнимой родины.

Наиболее яркое выражение в «византиноведении» новый этап в развитии расовой теории получил в построениях И. Стржиговского. [3] Его построения основаны целиком на непрерывной цепи культурных влияний и заимствований, ярко обнаруживая полную беспомощность буржуазной науки перед лицом фактов.

Новые данные заставили заново пересмотреть и вопрос о «начале» Византии. Наиболее распространенное старое решение было основано на подчеркивании национально-греческого культурно-творческого момента. Наряду с ним было выдвинуто новое понимание исторического развития Византии, относившее переломный момент к эпохе крушения античной Римской империи, когда центр был перенесен на Восток и когда

[1] Ср. С. Н. Быковский, Деление современного человечества на расы и так называемая расовая теория, «Первобытное общество», сборник статей, изд. «Всемирная история», 1932 г., стр. 27—40.

[2] Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Л., 1930 г., стр. 50.

[3] Ср., напр., статью теоретического характера раннего периода развития его теории «Hellas in des Orients Umarmung», Beilage zur «Allgem. Zeitschr.», № 40—41, 18—19 Februar 1902 г.

восточные провинции начали играть в жизни империи руководящую роль. Новое понимание тем успешнее стало завоевывать себе место, что исторические факты, положенные в основу финлеевской концепции, в процессе дальнейшего изучения и усовершенствования методов критики источников, получили новое освещение, значительно ослабляющее силу обосновывавшей ее аргументации.

Точка зрения, что «начало» Византии связано с «катастрофой», заключающей историю античной Римской империи, и с перенесением центра на Восток, «также переживавший и этнографические и экономические изменения, но только, может быть, не такие буйные, как Запад», [1] получила подробное обоснование в введении ко второму изданию «Истории византийской литературы» К. Крумбахера. [2]

К. Крумбахер не занимает твердой и последовательной позиции и строит свою концепцию в значительной мере эклектически. Вся система взглядов К. Крумбахера, вся его аргументация сконструирована при учете культурнотворческой роли все одного и того же национально-греческого элемента, который занимал главенствующее место и в концепции Г. Финлея. Обосновывая свою точку зрения на начало Византии, К. Крумбахер писал: «Не может долее оставаться сомнений в том, где следует искать начало новой эпохи: это время, когда старое язычество было официально замещено новой мировой религией, когда государственная организация претерпела глубокий и длительный переворот, когда в Римской империи греческий элемент — с основанием новой столицы, расположенной в греческом культурном круге, — начал усиливаться, превращаясь в политически сильный, впоследствии господствующий фактор, когда в греческом языке и литературе совершились коренные и чреватые последствиями изменения: начало IV века или, если угодно иметь точную дату, — 324 г., когда Константин Великий вступил как единодержавный император на римский императорский трон». [3]

Подчеркивая значение перемещения центра с запада на восток, как важнейшего события политической истории, и значение происшедшего вследствие этого «постепенного вытеснения латинского языка греческим», К. Крумбахер относил эту историческую грань к IV веку, когда, по его мнению, имели место религиозный переворот (официальное признание христианства государственной религией) и факт преобразования государственной структуры империи. Его аргументация легла в основу всех дальнейших построений буржуазных византинистов, и развитая им система взглядов, варьируя лишь в оттенках, завоевала широкое признание

[1] К. Н. Успенский, ук. соч., стр. 9.
[2] K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Literatur, München, 1897 г.
[3] K. Krumbacher, ук. соч., стр. 1—2.

в современном буржуазном «византиноведении». Так и Герцберг отмечает, что «существенные черты физиономии, которую восточная империя сохраняет вплоть до турецкого завоевания, коренятся уже в направлении, данном учреждениями Константина Великого».[1]

Равным образом и А. А. Васильев начинает свой курс истории Византии с рассмотрения «культурного и религиозного кризиса, который Римская империя переживала в IV в.». По его мнению, этот кризис является «одним из самых важных моментов, какие когда-либо переживала всемирная история». Древняя языческая культура столкнулась с христианством. Будучи признано Константином Великим в начале IV в., христианство было объявлено в конце того же века Феодосием Великим государственной религией. «Христианство и языческий эллинизм слились мало-по-малу в одно целое и создали христианско-греко-восточную культуру, которая и получила название византийской культуры». [2]

Сходное решение вопроса мы находим у Дж. Бьюри, писавшего, что «царствование Константина Великого образует наиболее глубокое деление в истории Европы, и принципы, которые руководили обществом в греческом и римском мире, заменяются новым родом идей. Поклонение императору, которое выражало веру в идеал земной империи, уступило место христианству... Наряду с принятием христианства царствование Константина отмечено событием только второго значения — перенесением центра тяжести империи с запада на восток». [3]

Дальше других в отношении подчеркивания восточного характера Византийской империи идет Ш. Диль, по взгляду которого, «хотя Византия и провозглашала себя охотно наследницей и продолжательницей Рима, хотя ее императоры до последнего дня титуловались «базилевсами ромеев», хотя она никогда не отказывалась от прав на старую и славную столицу империи, в действительности, Византия, однако, очень скоро превратилась и стала по существу восточной монархией. Это превращение закончилось к началу IV в.». [4]

Как показывают приведенные наиболее типичные решения вопроса, современные ученые, принимая новую точку зрения, непосредственно свя-

[1] Г. Герцберг, История Византии, пер. П. Безобразова, М., 1896 г., стр. 3.

[2] A. Vasiliev, Histoire, стр. 52.

[3] J. Bury, The Later Roman Empire, Encyclopedia Brittanica, XIII ed., стр. 510—511. Следует отметить, что Дж. Бьюри, придававший большое значение юридическому факту коронования Карла Великого и восстановления Западной Римской империи, считал на основании этих чисто юридических признаков, что о Восточной империи можно говорить лишь начиная с IX в. Свой труд, посвященный рассмотрению истории IX в., он озаглавил соответствующим образом: «The History of the Eastern Roman Empire», части, посвященные истории периода IV—VIII вв.: «The History of the Later Roman Empire».

[4] Ch. Diehl, Histoire de l'Empire byzantin, Paris, 1920 г., стр. VI и стр. 2.

зывают переломный момент с религиозным переворотом, противопоставляя друг другу «латинско-языческий» и «греческо-христианский» периоды Римской империи.[1]

Ф. Энгельс, возражая Л. Фейербаху, утверждавшему, что периоды человечества отличаются один от другого лишь переменами в религии, указывал на глубокую ошибочность такой точки зрения. «Только там, где речь идет о трех доныне существовавших всемирных религиях: о буддизме, о христианстве и об исламе, можно сказать, — указывал он, — что великие исторические перевороты *сопровождались* переменами в религии».[2] Точка зрения Ф. Энгельса находит все большее и большее подтверждение в фактах, собранных самими же буржуазными учеными. Так, при более внимательном изучении этих работ выясняется, что настоящая историческая «грань» даже хронологически предшествует религиозному перевороту, падая на царствование Диоклетиана или даже Аврелиана. Рассматривая внутреннее состояние империи, сам же К. Крумбахер, например, отмечает, что «большинство важнейших факторов, придавших жизни двора и государства византийский колорит, происходит в III в. Тогда совершилось превращение римской военной монархии в тот бюрократически-придворный организм (bureaukratisch höfisches Organismus), который является характерным для всей византийской эпохи. Этот новый порядок вещей был основан Диоклетианом».[3] Аналогичным образом и А. А. Васильев относит установление новой формы монархии к эпохе Диоклетиана и Константина, указывая в то же время, что автократический строй империи был введен уже Аврелианом.[4] В наиболее определенной форме мысль о том, что начало ранневизантийской эпохи следует относить к царствованию Диоклетиана, выражена (и проставлена в виде даты на заглавном листе книги «284») Э. Штейном, по мнению которого, «превращение сравнительно маленькой Византии в большой город Константина является фактом подчиненного значения» по отношению к замечательному мероприятию «Диоклетиана, который, считаясь с ходом исторического развития, переместил императорскую резиденцию и резиденцию государственного правительства на восток».[5]

[1] K. Krumbacher, Eine Geschichte des späteren römischen Reiches, Populäre Aufsätze, Leipzig, 1909 г., стр. 174.

[2] Ф. Энгельс, Л. Фейербах, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, 1932 г., стр. 656. Ср. также К. Маркс и Ф. Энгельс, О книге г-на Фр. Даумера «Религия нового века», Соч., т. VIII, стр. 268.

[3] K. Krumbacher, Geschichte, стр. 7.

[4] A. Vasiliev, ук. соч., т. I, стр. 77. Ср. аналогичные указания у J. Bury, ук. соч., стр. 510, и у К. Н. Успенского, ук. соч., стр. 17.

[5] E. Stein, Geschichte des spätrömischen Reiches, т. I, 1928 г. Vom römischen zum byzantinischen Staate [284—478], стр. 12.

Таким образом, современное византиноведение силой вещей все более и более приходит к признанию того факта, что историческая грань проходит где-то около 300 г.

В то же время в качестве второй исторической «грани» между переходной «Восточной» империей и собственно «Византийской» подчеркивается значение эпохи царствования императора Ираклия (VIII в.) Современное фашизирующееся «византиноведение», разумеется, отнюдь не случайно выпячивает именно эпоху Ираклия, как вторую «историческую грань». Если для либерально настроенных филэллинов особо привлекательным—по отмеченным выше причинам—моментом в истории Византии являлся момент реформы императоров-иконоборцев (VIII в.), который они подчеркивали, хотя бы и искусственно преувеличивая ее действительное значение, то в эпоху всеобщего кризиса капитализма идеологам фашизма на фронте истории, разумеется, представляется гораздо более решающей эпоха оформления военной организации империи в виде системы военных округов (фем), обеспечивавшей «национальную обороноспособность» Византийской империи (VII в.). [1]

Стремление сгладить значение иконоборческой эпохи, выпятив значение эпохи Ираклия, приводит белоэмигранта Г. Острогорского, в соответствии с политическими тенденциями современного фашизма, к полному отрицанию фактов классовой борьбы, вскрытых К. Н. Успенским под оболочкой религиозных споров «иконоборцев» с «иконопочитателями». [2]

Рассмотренная выше точка зрения, разграничивающая «латинскоязыческий» и «греческо-христианский» периоды истории Римской империи, являясь господствующей в буржуазном «византиноведении», однако, отнюдь не является единственной. Не менее характерной для буржуазного «византиноведения» является иная концепция, наиболее ярко сформулированная одним из лучших исследователей в области социальной и экономической истории Византии К. Н. Успенским в эпоху империалистической войны, накануне пролетарской революции.

Подводя итог всей работе историков Византии над разрешением проблемы периодизации истории Византии, К. Н. Успенский приходит к глубоко-пессимистическим выводам. «На вопрос, когда кончается Римская империя и где начинается собственно византийская, мы находим чуть ли не десять различных ответов, падающих на различные исторические моменты, начиная с перенесения столицы на восток Константином Великим

[1] G. Ostrogorsky, Die Entwicklungsgrundlagen des byzantinischen Reiches. Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, т. XXII, тетр. 2, 1929 г., стр. 130; Stein, E., ук. соч., стр. 2.

[2] G. Ostrogorsky, Ueber die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurier, Byz. Zeitschr., т. XXX, 1929—30 г., стр. 399.

(IV в.), [1] кончая реформами императоров Исаврийской династии и иконоборчеством (VIII в.)». [2]

К. Н. Успенскому положение представляется настолько безнадежным, что он склонен и вовсе отбросить эти «разделяющие перегородки». «Трудно стоять за любую из этих разделяющих перегородок», пишет он. «Но это покажется и совсем излишним, если сообразить и вспомнить, что общество, подданные тех государей, которые позднее стали называться византийскими царями, никогда сами не считали себя и не называли византийцами, а продолжали до самого конца, до турецкого завоевания, именовать себя римлянами, ромеями». [3]

Аргументируя в своем выводе живучестью наименования «ромеи» в византийской среде, К. Н. Успенский руководствовался соображениями, ошибочность которых была вскрыта К. Крумбахером еще в конце прошлого столетия. [4]

В своем утверждении об отсутствии какого-либо переломного момента в истории Восточной империи К. Н. Успенский, разумеется, руководствуется на деле отнюдь не тем мало весомым доводом, который он приводит в качестве непосредственного обоснования своей точки зрения. Действительная основа его концепции лежит в плоскости его общеисторических и философских воззрений, обусловленных его классовой позицией в той конкретно-исторической действительности, которая наличествовала накануне империалистической войны и революции. Продолжая традиции виноградовской школы [5] в анализе конкретных вопросов история Византии, поставив совершенно по-новому ряд существенно важных проблем, вскрывая при разработке отдельных вопросов религиозной борьбы факты классовой борьбы (иконоборчество), К. Н. Успенский в то же время, понятно, отрицал диалектический характер исторического процесса и противопоставлял ему теорию линейного развития.

[1] Точнее было бы сказать, учитывая новейшие работы, — с Диоклетиана. Об этом — ниже. Ср., напр., E. Stein, ук. соч.

[2] К. Н. Успенский, Очерки по истории Византии, М., 1917 г., стр. 5.

[3] Там же.

[4] К. Крумбахер, обращая внимание на то обстоятельство, что еще и современные греки называют себя «ромеями», указывал, что этот факт заставляет быть очень осторожным при суждении о значимости этого наименования в средние века: не может быть сомнения, что первоначальный его смысл «постепенно исчез из народного сознания» и что позднее под термином «ромей» стал все более и более подразумеваться говорящий по-гречески гражданин римского государства и, наконец, вообще грек; «в широких народных массах слово «ромей» постепенно утратило свой этнографический, а в конечном итоге и политический смысл». K. Krumbacher, Geschichte, стр. 3.

[5] Ср. дискуссию «Буржуазные историки Запада в СССР», «Историк-марксист», т. XXI, 1931 г., стр. 68. Ср. общую характеристику П. Г. Виноградова в статье М. Н. Покровского «П. Г. Виноградов», Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 1926 г., № 98 (2729) от 29 IV.

Работая в годы реакции, накануне империалистической войны и пролетарской революции, К. Н. Успенский пытался путем искусственного подбора исторических фактов обосновать теорию непрерывного «мирного» прямолинейного, эволюционного развития, развития без «катастроф», революций, переворотов и всяких потрясений. Так, он решительно выступал даже против облеченной в идеалистические одежды всемирноисторической концепции Гегеля, согласно которой «периоды или стадии [всемирной истории. *Е. Л.*] переходят одна в другую через страшные потрясения всего организма, через грандиозные катаклизмы», против концепции, что «древний мир закончился трагическим падением Римской империи, средневековье открывается образованием германских варварских государств и сложением феодализма...» [1]

С точки зрения К. Н. Успенского, та «грандиозная катастрофа, которой кончают историю античного мира, является в значительной степени преувеличенной»; «едва ли возможным оказывается говорить и о каком-то общем упадке империи». [2]

Еще в большей степени это относится, с точки зрения К. Н. Успенского, к истории Восточной империи, так как «те особенности или признаки, которые считались содержанием византинизма», свидетельствуют, по его мнению, не о совершившемся перерождении Римской империи в иную, новую, не о нахлынувшей вдруг реакции эллинизма или Востока, а «как раз об обсутствии таких переворотов и поворотов и о живучести старых, выработавшихся еще в античной среде укладов и форм». [3]

Приведенные утверждения принадлежат историку, которому нужно поставить в несомненную заслугу выяснение ряда темных вопросов в истории византийского феодализма, историку, констатировавшему, как достижение современной науки, что «теперь никого уже — или только немногих упрямых стародумов — не приводит в смущение возможность говорить о феодализме и феодализационных процессах в Византии». [4] Но классовая природа К. Н. Успенского все же берет верх над объективным историком: затушевывая переломный момент, доказывая исконность форм «византинизма», стремясь сгладить грань между античной и феодальной формациями, он лишь отдает дань классовому страху буржуазии перед приближающейся революцией.

Возвращаясь неоднократно к вопросу об определившейся в годы реакции контрреволюционной позиции либеральной буржуазии, В. И. Ленин указывал, что поворот русского либерального, «образованного общества» против революции, против демократии есть явление не случайное, а неиз-

[1] К. Н. Успенский, ук. соч, стр. 7—8.
[2] Там же, стр. 65—66.
[3] Там же, стр. 10—11.
[4] Там же, стр. 9.

бежное после 1905 г. [1] «Буржуазия, оберегая свое положение эксплуататора, решила: лучше реакция, чем революция». [2] Контрреволюционная позиция либеральной буржуазии ярко сказывается и в концепции К. Н. Успенского, для которого столь характерно резко отрицательное отношение к диалектике Гегеля. Для него термин «диалектичный» равнозначен термину «произвольный». [3] Вполне понятно его отношение к диалектике, которая «по самому существу своему... критична и революционна». [4]

Тот же классовый интерес заставляет К. Н. Успенского, пытающегося подвести философскую базу под свой «позитивизм», искать поддержки в учении о причинности у неокантианцев, [5] у агностиков Маха и Авенариуса, «которые сходятся в основном — в отрицании объективной закономерности природы, неизбежно обрекая себя тем самым на идеалистические выводы». [6]

Объективная закономерность исторического процесса, в борьбу с которой, опираясь на Маха и Авенариуса, вступил К. Н. Успенский, зло насмеялась над ним.

Побуждаемый классовым страхом перед революцией, К. Н. Успенский выступил с теорией, отрицающей закономерность «революций» и «переворотов» в прошлом. По его теории, «история Средиземноморья с незапамятных времен представляет собой вереницу наслаивавшихся друг на друга опытов культурного и политического объединения этого комплекса стран», причем «каждая вновь поднимавшаяся сила, бравшая на себя инициативу объединения, оказывалась носительницей менее развитой культуры, чем объединяемые ею страны». [7] Выступая, казалось бы, во всеоружии всех новейших для своего времени достижений буржуазной исторической науки против устаревшего, созданного некогда Гиббоном представления о византийской истории, «как истории неуклонного стремления к упадку социально-политического организма», [8] К. Н. Успенский в конечном итоге в силу своей классовой природы пришел к утверждению взглядов, почерпнутых из арсенала исторических воззрений самого Гиббона, взгля-

[1] В. И. Ленин, Веховцы и национализм, «Просвещение», № 4, 1913 г., Соч., т. XVI, стр. 364; ср. там же, стр. 133, 180, 205, 242.

[2] Ср. статью В. И. Ленина, разоблачающую контрреволюционную позицию П. Г. Виноградова в 1905 г., «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа», Соч., т. VIII, стр. 189—192.

[3] К. Н. Успенский, ук. соч., стр. 62.

[4] К. Маркс, Послесловие ко второму изданию «Капитала», Капитал, т. I, Гиз, изд. 8-е, стр. XXIII.

[5] Ср. об использовании неокантианства либералами-«веховцами» у В. И. Ленина, Соч., т. XVI, стр. 133.

[6] В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. XIII, стр. 134.

[7] К. Н. Успенский, ук. соч., стр. 10.

[8] Там же, стр. 3—4.

дов, в значительной мере обезоруживающих и ослабляющих его «атаку» против Гиббона. В лице же К. Н. Успенского мы имеем «вершину» буржуазного «византиноведения».

Таким образом, и в области «византиноведения» борьба буржуазных ученых против теории революции облекается в завуалированную форму теорий, отрицающих объективную реальность «исторических граней», рассматривающих вопросы периодизации как моменты условного субъективно-оценочного характера, решение которых может быть различно в зависимости от той или иной точки зрения исследователя. Естественно, что и рассматриваемый здесь вопрос о «начале» Византии оказался не разрешимым для буржуазной науки.

Вопрос о «начале» Византии приобретает, таким образом, глубокое методологическое значение, так как «начало нового» и «уничтожение старого», момент создания нового качества — общества, основанного на более прогрессивном способе производства, — и есть период революционного преобразования самых основ общества. Таким решающим моментом в процессе гибели античного — рабовладельческого — общества и возникновения более прогрессивного — феодального — в Византии и была эпоха около 300 года, которую указывал Ф. Энгельс, характеризуя «*различие между положением мира в конце древности, около 300 года*, и в конце средневековья — 1453 г.». [1]

Приведенные данные показывают, что весь собранный современным «византиноведением» материал оказался не в состоянии опровергнуть правильность даты, указанной Ф. Энгельсом пять с лишним десятков лет тому назад. [2] Но буржуазные ученые, стремясь привести факты прошлого в соответствие с современной направленностью классовых интересов буржуазии, дают им ложное, извращающее действительность освещение и, фиксируя внимание на фактах по сути дела вторичного, производного характера, преимущественно из сферы идеологий, опускают в анализе действительного прошлого наиболее существенные моменты.

Историческая «грань» либо не признается ими вовсе, хотя в ходе исторического исследования отмечаются соответствующие факты общественно-экономического характера (К. Н. Успенский), либо периодизация проводится, исходя из формально-религиозного признака (Крумбахер, Герцберг, Васильев, Бьюри, Штейн), хотя «лишь самая бесстыдная поверхностность дает возможность... совершенно игнорировать то, что христианству предшествовал окончательный крах античных «мировых» порядков

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, 1932 г., стр. 440—441.

[2] Ср., напр., факты гражданской войны, факты, характеризующие падение рабского хозяйства в III в. (уменьшение числа рабов, упрощение и облегчение способа отпуска рабов на волю, развитие колоната, экономический кризис III в. и т. д.), приводимые у E. Stein, ук. соч., стр. 3, 21, 28.

и что христианство было просто выражением этого краха» (К. Маркс и Ф. Энгельс),[1] либо, наконец, отмечаются факты острой классовой борьбы (ein schrecklicher Klassenkampf), в которой, «не усматривается», однако, никакого прогрессивно-революционного содержания (белоэмигрант М. И. Ростовцев).[2]

К буржуазному «византиноведению» в этом отношении полностью применима характеристика, данная В. И. Лениным всей домарксовской социологии и историографии, которые «в лучшем случае давали накопление сырых материалов, отрывочно набранных, и изображения отдельных сторон исторического процесса». «Лишь марксизм, — продолжает далее В. И. Ленин, — указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определенным условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил».[3]

Учет совокупности всех противоречивых тенденций в условиях жизни и производства различных классов общества Римской империи, учет состояния материальных производительных сил и дал возможность Ф. Энгельсу точно фиксировать время «переворота» и констатировать, что «вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность».[4]

Характеризуя отчаянное положение Римской империи накануне германского завоевания, Ф. Энгельс писал: «провинции уничтожили Рим; сам Рим превратился в провинциальный город, подобный другим, но уж переставший господствовать, переставший быть средоточием мировой империи, утративший свое значение резиденции императоров и их приближенных, которые жили теперь в Константинополе, Трире, Милане... Всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения и сношений, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возвращение земледелия на низшую ступень — таков был результат римского мирового господства».[5]

Римское общество, раздираемое противоречиями в рабовладельческом

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, О книге Ф. Даумера «Религия нового века», Соч., т. VIII, стр. 268.

[2] M. Rostovzeff, Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, Leipzig, 1931 г., т. 2, стр. 208—209.

[3] В. И. Ленин, Карл Маркс, Соч., т. XVIII, стр. 13.

[4] Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, 1923 г., стр. 441.

[5] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, 1932 г., стр. 149.

способе производства, клонилось к упадку. «То был безвыходный тупик, в который попал римский мир: рабство сделалось экономически невозможным, труд свободных морально презирался. Первое уже не могло, второй еще не мог сделаться основной формой общественного производства. Вывести из этого положения могла только полная революция». [1] На очереди дня стояла уже социальная революция античности. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся». [2] Революция рабов, расшатавшая устои Римской империи, и завоевание ее варварами, находившимися в стадии разложения родового строя, во взаимодействии с феодальными тенденциями, имевшимися в общественно-экономической структуре Римской империи, [3] привели к превращению рабовладельческого государства в более прогрессивное феодальное. «Это имело громадное значение... Сущность классового общества оставалась. Общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве. Но все же к их освобождению открывалась дорога более широкая, так как крепостной крестьянин не считался прямой собственностью помещика». [4]

Та грандиозная «катастрофа», которая заключает историю античной Римской империи, сказалась в меньшей степени в восточной греческой части империи, в которой сохранились «уцелевшие остатки торговли» [5] и столица которой Константинополь в дальнейшем «до открытия прямого пути в Индию была огромным торговым рынком». [6] Переход к феодальной формации, в особенности на начальных ступенях, принял здесь специфические, отличные от Запада формы. Сохранение элементов рабства в большей, чем на Западе, степени, наряду с нарождающимися феодальными формами эксплуатации, выросший на базе общинного землевладения восточный деспотизм — придали Византийской империи, в отличие от античной Римской, своеобразный, роднящий ее с восточными государствами, в частности с персидской монархией Сассанидов, характер. Это сходство нашло свое внешнее отражение в сходстве форм государственного управления, в теократическом характере империи и т. д. [7]

Положение, высказанное Ф. Энгельсом, что древность кончается около

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 153.
[2] И. В. Сталин, Речь на съезде колхозников-ударников 19 II 1933 г.
[3] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 23.
[4] В. И. Ленин, Лекция о государстве, Соч., т. XXIV, стр. 371.
[5] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 149.
[6] К. Маркс, Действительно спорный пункт в Турции, Соч., т. IX, стр. 382.
[7] Ср., напр., факты, приводимые у E. Stein, Ein Kapitel, стр. 50—90.

300 года н. э., стоит в полном согласии с приведенной нами в начале нашего изложения характеристикой Византии, данной К. Марксом. Византия, как своеобразная амальгама западной цивилизации и восточного варварства (К. Маркс), слагается с самого начала эпохи домината, о чем свидетельствует множество фактов, собранных в наличных сводных работах по истории Византии. [1]

В математически точной, сжатой формуле К. Маркса, [2] раскрывается вся специфическая сложность вопроса о сущности византийского феодализма.

Двойственный, двуликий («Запад» — «Восток») характер Византийской империи, столицу которой — Константинополь — К. Маркс в образной форме уподобляет «золотому мосту между Востоком и Западом», [3] скрещение двух разностадиальных элементов (высокого — «западная цивилизация» — и более низкого — «восточное варварство») даны в этой формуле как черты, определяющие Византийскую империю во всем ее своеобразном существе. «Западная цивилизация» была в значительной мере амальгамирована «восточным варварством», не сумевшим до конца разрушить западную рабовладельческую цивилизацию. Это придало византийскому феодализму сложный и отличный от западного феодализма характер. Под покровом византийского феодализма, существовавшего в теснейшей связи с пережитками рабства, развивалось восточное крестьянское хозяйство, основная база эксплуатируемых и порабощенных народов Востока, союзников пролетариата в современной революционной борьбе. [4]

[1] Ср., напр., работы К. Н. Успенского, А. А. Васильева, Е. Штейна и др. Как одно из литературных свидетельств о происшедшем перевороте можно привести, например, повествование епископа Синезия, посетившего Константинополь в 399 году. Синезий с возмущением пишет, что «варвары занимают все начальственные места». «При настоящем положении мудрая Фемида и бог военного искусства закрыли бы лицо от стыда при виде того, как одетый в меха варвар, сняв с себя овечью кожу и надев тогу, берется рассуждать с римскими мужами о государственных делах, садясь выше консула и опытных законоведов» (цитирую по сверенному с подлинником переводу К. Н. Успенского, «Очерки по истории Византии», стр. 80).

[2] К. Маркс, Традиционная политика России, Соч., т. IX, стр. 440; Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 450.

[3] Там же, соотв. стр. 440 и 450.

[4] Письмо К. Маркса к В. Либкнехту 4 II 1878 г.: «Мы самым решительным образом становимся на сторону турок по двум причинам: 1) потому, что мы изучили *турецкого* крестьянина, — следовательно, турецкую народную массу — и видим в его лице безусловно одного из *наиболее дельных и нравственных представителей крестьянства в Европе*. Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 380—381.

Учение Маркса о первоначальном накоплении

П. П. ЩЕГОЛЕВ

1

Учение Маркса о так называемом первоначальном накоплении капитала образует центральный момент марксовской теории генезиса капиталистического способа производства. [1] Представляется необходимым хотя бы в двух словах напомнить основное его содержание, не претендуя, конечно, на исчерпывающее изложение всей 24-й главы I тома «Капитала». Мы прежде всего опустим весь дескриптивный материал и попытаемся восстановить теоретический костяк главы с тем, чтобы позднее вернуться к лежащей в ее основе исторической действительности.

Процесс возникновения капиталистического способа производства есть прежде всего процесс превращения денег и товаров в капитал. Предпосылкой его является поляризация товарного рынка — встреча и соприкосновение владельцев денег, средств производства и существования и продавцов рабочей силы. «Процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда; это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства». [2]

Процесс превращения производителей в наемных рабочих происходит в недрах феодальной формации. Однако разрушение феодального способа

[1] В настоящей статье автор ставит своей задачей разработать только ту сторону проблемы генезиса капитализма, которая ограничивается процессами так наз. «первоначального накопления».

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 1931 г., стр. 573.

производства есть лишь один из аспектов этого процесса. Более того, центр тяжести «первоначального накопления» заключается как раз не в этом.

По Марксу, «образование капитала при капиталистическом способе производства по существу покоится не только на уничтожении феодального способа производства, но и на экспроприации крестьян, ремесленников, вообще на уничтожении способа производства, покоящегося на частной собственности непосредственного производителя на условия его производства». [1] Запомним это определение. Из него с совершенной очевидностью вытекает, что Маркс не отождествлял феодального способа производства со способом производства, основанным на индивидуальном владении непосредственным производителем необходимыми ему условиями производства. Мы имеем дело с двумя разными способами производства, из которых один означает принадлежность непосредственного производителя к средствам производства, а другой принадлежность средств производства непосредственному производителю, Непонимание этого приводит к искажению, к ревизии марксовского учения о первоначальном накоплении. Так, например, один автор ставит вопрос: «В чем заключается основа его [первоначального накопления] основ?» и отвечает: «в том, что он феодальный способ производства заменяет капиталистическим». [2] Ответ этот неполон, а потому не верен. Экспроприирующая роль первоначального накопления, при таком ответе, оказывается неминуемо смазанной. Разрушение феодального способа производства есть лишь одна сторона исторического процесса, превратившего производителей в наемных рабочих. Разрушение это, по Марксу, сводится «к освобождению их от крепостной зависимости и от подчинения цеху, и только эта сторона и существует для буржуазных ученых». [3] Смазывание второго, существеннейшего аспекта процесса первоначального накопления означает уступку буржуазной науке и полное извращение внутреннего смысла 24-й главы «Капитала».

В самом деле, в дескриптивном материале 24-й главы мы не найдем истории падения крепостной зависимости или ликвидации цехов. Не исчезновение вилланства, например, является для Маркса краеугольным камнем аграрной истории Англии, а обезземеленье крестьянства, так наз.

[1] «Большевик», 1932 г., № 5—6, стр. 91.

[2] А. Гуковский и О. Трахтенберг, Очерк истории докапиталистического общества, изд. 5-е, стр. 397.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 507. Еще в «Немецкой идеологии» читаем: «Главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность и прикованный к ней труд крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, распоряжающегося трудом подмастерьев». К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 15.

огораживание. И это не случайно. Историческая часть 24-й главы отнюдь не является привеском, собранием более или менее колоритных иллюстраций. Она образует незыблемый, гранитный фундамент, на котором построено все Марксово учение о первоначальном накоплении, и в то же время вся компановка главы лишний раз убеждает нас в том, что Маркс считал необходимым подчеркнуть и отметить ту сторону, которая замалчивалась буржуазными историками, а именно «уничтожение способа производства, покоящегося на частной собственности непосредственного производителя на условия его производства».

Признание двоякой заостренности процесса возникновения капиталистического способа производства отнюдь не означает, что капитализм в своем возникновении и развитии сталкивается с двумя отличными друг от друга общественно-экономическими формациями. Совершенно очевидно, что он имеет дело с одной, а именно с феодальной формацией. Но, взрывая эту формацию, он устраняет со своего пути не только господствующий феодальный способ производства, но и сосуществующее с ним, вкрапленное в феодальную формацию «мелкое производство». Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что первоначальное накопление предполагает обязательное применение насилия, что, следовательно, оно покоится на внеэкономическом принуждении и что самая ликвидация мелкого производства производится насильственным способом.

Для обоснования этого положения остановимся на выяснении понятия мелкого производства. Данный способ производства имманентен всем докапиталистическим формациям. Его основа — частная собственность производителя на средства его производства. «Этот способ производства встречается и при рабском, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости». [1]

В частности, относительно античной и феодальной формации мы находим в «Капитале» следующее указание: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось». [2]

Являясь продуктом распада общинного землевладения и присущей ему формы собственности, мелкое производство переходит в античную и рабовладельческую формацию, не становясь, ни в каких условиях, господ-

[1] К. Маркс, т. I, стр. 611.
[2] Там же, стр. 251, прим. 24.

ствующим способом производства, не образуя, следовательно, основы какой-либо самостоятельной общественно-экономической формации.

В нашу задачу не входит прослеживать исторический процесс развития мелкого производства. Укажем только, что, как явствует из приведенной цитаты, в феодальной формации «оно выступает двояко». Во-первых, мелкое производство является интегральной частью самого феодального способа производства. Оно образует его базис, испытывая при этом, однако, существенную трансформацию, поскольку важнейшее условие труда — земля — уходит из сферы владения мелкого производителя, хотя за вычетом земли остальные средства производства и остаются в руках непосредственного производителя. Во втором случае мелкое производство конституируется как самостоятельный способ производства, складывающийся с ходом распадения феодального способа производства вне сферы феодальной эксплуатации. Нужно подчеркнуть также своеобразные стороны этого процесса, в зависимости от того, протекает ли он в сельском хозяйстве или в промышленности, уже отделенной от сельского хозяйства.

Результатом процесса первоначального накопления капитала является, таким образом, уничтожение «способа производства, покоящегося на частной собственности непосредственного производителя на условия его производства». Что касается феодального способа производства, то его ликвидация лишь частично производится методами первоначального накопления. Методами первоначального накопления ликвидируется не принадлежность производителя к средствам производства, а принадлежность средств производства производителю, независимо от того, является ли этот производитель феодально-эксплуатируемым или полным собственником средств производства. Следовательно, этими методами ликвидируется лишь нижний ярус феодального способа производства, а именно мелкое крестьянское хозяйство и, частично, ремесло, «служащее его основанием». Объектом первоначального накопления и в том и в другом случае оказывается масса мелких производителей, либо феодально-эксплуатируемых, либо свободных частных собственников своих условий труда. «Превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда, эта ужасная и трудная экспроприация народной массы образует пролог истории капитала». [1]

Понятно поэтому, что классической формой первоначального накопления для Маркса является обезземеливание крестьянства и что именно с описания отнятия земли у сельского населения начинается историческая, дескриптивная часть 24-й главы I тома «Капитала». Полнейшим непониманием Маркса можно объяснить выдвигание на первый план колониаль-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 612.

ного грабежа. «Формы первоначального накопления капитала бывали различны, — пишет цитированный нами историк. — Это прежде всего колониальный грабеж».[1] Прежде всего, наш автор не понял структуры 24-й главы «Капитала», не понял соотношения логического и исторического ее содержания. Расположение категорий, которыми оперирует Маркс в данной главе, как, впрочем, и на всем протяжении «Капитала», не является случайным. Также обосновано и то, что прежде всего он выдвигает отнятие земли у сельского населения, как изначальную классическую форму первоначального накопления, и только в дальнейшем касается колониальной политики и ее методов.

2

Действительно, экспроприация крестьянства бесспорно самое основное средство отделения производителя от средств труда. Только оно и способно обеспечить достаточно быстрые темпы образования кадров промышленного и сельскохозяйственного пролетариата с одной стороны и внутреннего рынка для продуктов капиталистической промышленности, с другой. «В соответствии с относительно большей или меньшей *экспроприацией* массы непосредственных производителей, производительные силы и *капиталистический способ производства* вообще находятся на весьма разных ступенях развития».[2] Однако не всякая экспроприация, не всякое отнятие земли у сельского населения может быть отнесено нами на счет первоначального накопления. Или еще шире: первоначальное накопление обязательно предполагает применение насилия, применение тех или иных форм внеэкономического принуждения. Акты же насилия и, в частности, насильственной экспроприации сельского населения не всегда тождественны с процессами первоначального накопления.

То, что «отнятие земли у сельского населения» является основной классической формой первоначального накопления, связано не только с тем, что экспроприация крестьянства является радикальнейшим средством массового выделения кадров для пролетариата, но также и с ломкой старых форм феодальной собственности.

Капиталистический «способ производства предполагает, с одной стороны, высвобождение непосредственного производителя из положения простого придатка к земле (в форме вассала, крепостного, раба и т. д.), с другой стороны — экспроприацию массы народа от земли. В этом смысле монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического способа производства...

[1] А. Гуковский, У истоков капитализма, стр. 63.
[2] Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII), стр. 256.

Но та форма земельной собственности, которую находит зарождающийся капиталистический способ производства, не есть соответствующая ему форма. Только он сам создает соответствующую ему форму, подчиняя земледелие капиталу». [1]

Процесс разложения старых форм земельной собственности, по Марксу, является диалектически и предпосылкой и следствием преобразования самого капиталистического способа производства. На это положение, блестяще очерченное еще в подготовительных работах к «К критике политической экономии», необходимо обратить сугубое внимание. Исходным пунктом всего процесса в целом является «реакция капитала на более старые формы земельной собственности». «Разложение этих форм обусловлено происшедшим в городах подчиненным развитием капитала в его даже еще не развитых формах (средневековых) и вместе с тем действием процветающей в других странах одновременно с торговлей мануфактуры (так действует Голландия на Англию в XVI и первой половине XVII в.). В самих этих странах процесс уже совершен, земледелие принесено в жертву скотоводству, а зерновой хлеб доставляется путем ввоза из отсталых стран, например, из Польши и др. (снова Голландия)». [2] Именно в этом смысле новая земельная собственность есть продукт капитала. Она принимает форму капиталистической земельной ренты, и вместе с тем «крестьяне, крепостные, барщинные крестьяне, наследственные арендаторы, кустари и т. д. превращаются в поденщиков, в наемных рабочих; следовательно, наемный труд в своей целостности создается впервые действием капитала на земельную собственность». [3] Именно в силу этого «капитал, как торговый капитал, может самостоятельно развиваться без этого уклада земельной собственности, но не как промышленный капитал. Даже развитие мануфактуры предполагает начинающееся разложение старых экономических отношений земельной собственности. С другой стороны, из этого разложения новая форма в ее совокупности и широте возникает, лишь коль скоро новая промышленность в своем развитии достигла высокой степени совершенства, а это развитие само идет вперед тем быстрее, чем более развились современное земледелие, соответствующая ей форма собственности, соответствующие ей экономические отношения. Поэтому Англия в этом отношении образцовая страна континента». [4]

Таким образом, Маркс совершенно отчетливо вскрывает связь между развитием капитализма и ломкой старых аграрных форм. Такая ломка мыслится им как необходимая, обязательная ступень в становлении капиталистического способа производства. Методы первоначального на-

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, 1932 г., стр. 443.
[2] «Большевик», № 15, 1932 г., стр. 58.
[3] Там же, стр. 57.
[4] Там же, стр. 57, 58.

копления и являются наиболее радикальной, наиболее революционной формой этой ломки. Отсюда и та совершенно исключительная роль, которую Маркс отводит Англии. «Нигде в мире, — читаем мы в «Теориях прибавочной ценности», — капиталистическое производство со времени Генриха VII не распоряжалось так беспощадно традиционными отношениями в земледелии; нигде оно не подчинило так себе отношений, не сделало их столь себе адекватными. Англия представляет в этом отношении самую революционную страну в мире... Исторические условия в сельском хозяйстве, которые находит англичанин, прогрессивно созданы капиталом с конца XV столетия». [1] И дальше, продолжая развивать ту же мысль, Маркс утверждает: «Английские отношения являются единственными, в которых современное землевладение, то есть видоизмененная капиталистическим производством земельная собственность, развилось адекватно». [2]

Связь, устанавливаемая Марксом между первоначальным накоплением и генезисом капитализма, совершенно очевидна. Вскрывая диалектику возникновения капиталистического способа производства, Маркс отводит обезземелению крестьянства исторически строго ограниченное место. Ломка феодальной формы земельной собственности, уничтожение всех исторически сложившихся отношений, противоречащих условиям капиталистического производства, вот где лежит центр тяжести аграрного переворота, классические образцы которого дает английская аграрная история XVI — XVIII вв. Поэтому-то всякие попытки расширительного толкования понятия первоначального накопления, всякое увлечение поверхностными аналогиями, основанными, в лучшем случае, на внешнем сходстве анализируемых явлений, должны встретить с нашей стороны решительный отпор.

Так, например, обезземеление италийского крестьянства во II в. до н. э. никак не может быть причислено к отношениям первоначального накопления. Существо этих процессов различное. В условиях рабовладельческой формации экспроприируемое крестьянство неизбежно превращается в античный пролетариат. «Когда Рим, — пишет Энгельс, — стал «всемирным городом», землевладение в Италии все более и более сосредоточивалось в руках малочисленного класса богатейших собственников, крестьянское население было вытеснено населением рабов». [3] Вытеснение мелких производителей рабами не имеет, конечно, ничего общего с первоначальным накоплением.

Сам Маркс дал классически-четкую формулировку данного положения в письме в редакцию «Отечественных записок». «В различных местах

[1] К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, стр. 6.
[2] Там же, стр. 7.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 163.

«Капитала», — пишет Маркс, — я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли. В продолжение римской истории они были постепенно экспроприированы, причем то же самое движение, которое оторвало их от средств производства и пропитания, повлекло за собой образование крупной поземельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились здесь, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме способности к труду, а с другой — для эксплуатации труда — владельцы всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздношатающейся чернью... а вместе с тем сложился и расцвел не капиталистический способ производства, а рабство. Таким образом, события, поразительно аналогичные между собою, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собою результатам». [1]

Буржуазная историческая наука, превратившая капитализм в надисторическую категорию и обнаружившая, с легкой руки Эд. Мейера и Допша, его проявления и в античном обществе, и в эпоху раннего феодализма, зачастую трактует историю обезземеления италийского крестьянства как сколок с процессов экспроприации сельского населения в западной Европе на заре капиталистической эры. «Причиною этого процесса, — пишет Эд. Мейер, — является прежде всего беспрерывный рост крупного капитала и неизбежное рядом с ним увеличение неимущего пролетариата. Капитал скупает землю и делает существование цветущего крестьянского сословия невозможным». [2] В такой общей форме утверждение Эд. Мейера неприемлемо, потому что Мейер не дифференцирует различных форм капитала, смазывает различную роль торгового капитала в разных формациях, отождествляя торговый капитал в его «античной форме» и промышленный капитал и считая обезземеление италийского крестьянства симптомом торжества капитализма. В советской исторической литературе точка зрения Мейера — Вебера нашла себе место в работах В. Сергеева. По Сергееву, во второй половине II в. в Италии и в провинциях происходил «подъем капиталистического плантаторского хозяйства». [3] Ростовщический капитал «уступает место торговому и промышленному». Крупное землевладение Сергеев безапелляционно считает капиталистическим. Наполнение городов, и в особенности столицы, безземельным пролетариатом оказывается результатом «агрессивного характера римского капитала и энергичного развития капиталистических отношений де-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 2-е изд., М., 1923 г., стр. 266.

[2] Эд. Мейер, Экономическое развитие древнего мира, стр. 86; ср. М. Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 330.

[3] В. Сергеев, История древнего Рима, 2-е изд., стр. 49.

ревни». [1] В полном соответствии с этим и самый процесс экспроприации трактуется как обезземеливание деревни, «увеличивавшее кадры городского пролетариата». Самая же эмиграция из деревни в город, по Сергееву, «со своей стороны, способствовала развитию капиталистических отношений в деревне». [2] Таким образом, не прибегая, правда, к самому термину «первоначальное накопление», В. Сергеев расценивает экспроприацию италийского крестьянства как событие, приведшее к развитию капитализма и даже, косвенно, к росту промышленного капитала. Концепция эта не имеет ничего общего ни с исторической действительностью, ни с марксизмом.

«Даже в тех земледельческих хозяйствах древности, — пишет Маркс, — в которых обнаруживается наибольшая аналогия с капиталистическим сельским хозяйством, в Карфагене и в Риме, даже в них больше сходства с плантационным хозяйством, чем с формой, соответствующей действительно капиталистическому способу эксплуатации. В древности мы вообще не найдем в континентальной Италии формальной аналогии, которая притом во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, «кто понял капиталистический способ производства» и кто не открывает подобно г. Моммсену капиталистического способа производства уже во всяком денежном хозяйстве».

В том же III томе «Капитала» Маркс писал о Киссельбахе, авторе работы «Der Gang des Welthandels», что он «о капитале в современном смысле... не имеет никакого представления, как и г. Моммсен, который в своей римской истории говорит о «капитале» и о «господстве капитала». [3] Современные модернизаторы, эпигоны Моммсена и Мейера, обнаруживают столь же невысокий теоретический уровень даже тогда, когда они усердно драпируются в тогу марксистской фразеологии. Представление «о капитале в современном смысле» остается и для них книгой за семью печатями.

Итак, под первоначальным накоплением мы понимаем только такую экспроприацию непосредственного производителя, которая сопровождается превращением экспроприируемого в пролетария, в продавца своей рабочей силы. На исключение, правда, очень существенное, из этого правила нами будет указано ниже при анализе колониальной политики и колониального хозяйства.

Попытка расширительного толкования понятия первоначального накопления лишает эту категорию ее исторического характера и превращает ее из боевого оружия Марксовой теории генезиса капитализма в терминологический, ни к чему не обязывающий выверт. Типичным в

[1] В. Сергеев, Мировые кризисы, стр. 56.
[2] Там же, стр. 38.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 567.

этом отношении является механистическое перенесение понятия первоначального накопления на процессы, связанные с явлениями так называемого «второго издания» крепостничества. Закрепощение крестьянства и по своей сущности и по результатам диаметрально противоположно процессу отнятия земли у сельского населения. Тем не менее, существуют охотники до подобной путаницы, причем и самая эта «путаница» имеет определенные политические и методологические корни. Так, неслучайно находим мы ее у теоретика социал-фашизма Отто Бауэра. В книге «Борьба за землю», написанной по поручению Зальцбургского партейтага социал-демократической партии Австрии, он описывает, между прочим, закрепощение австрийских крестьян, имевшее место после подавления крестьянских движений конца XVI в. и сопровождавшееся упразднением старинных крестьянских сервитутов, захватом дворянами и церковью пашни, пастбища, леса и т. д. «И этот переворот, — утверждает Бауэр, — является эпизодом из истории первоначального накопления капитала» [1]. Это, конечно, неверно. В аграрной истории Австрии, также как и значительной части Германии, мы имеем дело с «вторым изданием» крепостничества, с усилением феодальной эксплуатации, с закрепощением крестьянства, идущим рука об руку с его обезземеливанием. «Сравнительно с *фактическим* положением крестьянства в тринадцатом и четырнадцатом, а в северной Германии и в пятнадцатом столетии новое крепостное право было чем угодно, только не смягчением». [2] Бауэр пытается свести концы с концами, вводя в свою схему «потомство» закрепощаемых крестьян, поставлявшее рабочих капиталистическим мануфактурам. Какова бы ни была судьба потомков, совершенно очевидно, что она ничего не меняет в характеристике положения австрийского крестьянства, переживавшего эпоху «второго издания» крепостничества, а отнюдь не какие-либо «эпизоды из истории первоначального накопления».

В том же направлении идет расширительное толкование понятия первоначального накопления у некоторых советских историков. Так, по С. Г. Томсинскому, «разинщина и пугачевщина произошли в эпоху первоначального накопления капиталов, которое в России затянулось на несколько столетий». [3] Происходило же это накопление «в своеобразной форме в барщинном и оброчном хозяйстве, где помещик сплошь и рядом присваивал даже часть необходимого продукта крестьянина». [4] Более того, по его мнению, «Маркс относит к первоначальному накоплению те процессы, которые связаны не только с раскрепощением, но и с закре-

[1] Отто Бауэр, Борьба за землю, стр. 55.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 601.
[3] «Крепостная Россия», сб. статей, стр. 97.
[4] Там же, стр. 99.

пощением». [1] Несомненно, что такая интерпретация понятия первоначального накопления совершенно ошибочна. Ошибка Томсинского сводится к тому, что он всякую экспроприацию крестьянства, всякое извлечение из крестьянского хозяйства его продукта «сверх известной меры» приравнивает к первоначальному накоплению. Поэтому, в частности, ему не удается разобраться и в приводимой им цитате из черновика письма Маркса к Засулич: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с их земель, как это было в Англии и других странах... Наоборот: попробуйте вырвать у них продукт их земледельческого труда сверх известной меры, и, несмотря на имеющихся в вашем распоряжении жандармов, вам не удастся удержать их на земле». [2] Делать на основании этого отрывка те выводы, к которым приходит Томсинский, можно, только заранее отождествив первоначальное накопление с экспроприацией крестьянства вообще. На самом деле Маркс в приведенном отрывке разбирает различные формы экспроприации, совершенно не касаясь вопроса о том, какая из форм действительно характерна для процесса первоначального накопления. Об этом свидетельствует вторая часть цитаты: «В последние времена Римской империи провинциальные декурионы — крупные поземельные собственники — покинули свои земли, стали бродячими, продавались даже в рабство, лишь бы избавиться от земли, которая стала лишь официальным предлогом для вымогательств с них». По Томсинскому, очевидно, «последние времена Римской империи» пришлось бы также считать эпохой первоначального накопления.

По А. Малышеву, «русские историки-марксисты эпоху господства крепостного хозяйства рассматривают в то же время как эпоху первоначального накопления капитала, тем самым оттеняя сущность крепостного хозяйства, как своеобразной формы разложения феодализма, перерастания его в капитализм». [3] Концепция Малышева подверглась уже надлежащей оценке марксистской критики, указавшей, что Малышев стоит на позициях Струве и с них ревизует маркс-ленинское учение о феодализме. [4] Нам хотелось бы только отметить, что упомянутые

[1] «Крепостная Россия», стр. 98. В последней работе Томсинского содержится попытка несколько иной трактовки процесса первоначального накопления. Томсинский в середине XVII в. усматривает «элементы первоначального накопления», относя начало первоначального накопления в его «классической форме» к XIX веку. Однако принципиальная ошибочность старой точки зрения осталась у Томсинского не вскрытой. Он попрежнему склонен приравнивать накопление торгового капитала, колониальный грабеж и крепостную мануфактуру в условиях «второго издания» феодализма к первоначальному накоплению («Хозяйство крупного феодала семнадцатого века», т. I, 1933 г., стр. LX—LXIII).

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 278.

[3] «Крепостная Россия», стр. 42.

[4] «Историк-марксист», т. 22, статья Э. Газганова.

«русские историки-марксисты» не только дают ложную оценку крепостничества, но путают и в вопросе о сущности первоначального накопления. Они повторяют ошибку Отто Бауэра, пытаясь поставить знак равенства между закрепощением крестьянства и первоначальным накоплением. Методологически это так же абсурдно, как попытка найти процессы первоначального накопления и генезиса капитализма в античном обществе. Переплет различных форм классового угнетения, эксплуатации и экспроприации, под действие которых попадает непосредственный производитель-крестьянин, может повторяться, являя картину «событий поразительно аналогичных между собой». Но в каждом отдельном случае «историческая среда» будет определять конечный результат этих событий. И только в том случае экспроприация крестьянства явится действительно моментом первоначального накопления, если она будет сопровождаться превращением обезземеливаемых крестьян в пролетариев и втягиванием их в орбиту складывающегося капиталистического производства.

Ревизия марксовского учения о первоначальном накоплении идет не только по линии смешивания процессов первоначального накопления с закрепощением крестьянства и его обезземеливанием, в условиях растущей рабовладельческой и феодальной эксплуатации. Особая разновидность ревизионизма представлена попытками отождествления первоначального накопления с накоплением, совершающимся в сфере торгового капитала. Но об этих попытках речь ниже. Сейчас же необходимо отметить, что обезземеливание крестьянства, составляя «основание процесса» первоначального накопления, отнюдь не исчерпывает собой всех его моментов. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в этих рудниках, первые шаги к завоеванию и ограблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления». [1]

3

Классическая, лапидарная по форме и стилю характеристика методов колониальной эксплуатации принадлежит к наиболее ярким, незабываемым страницам I тома «Капитала». Нам незачем здесь пересказывать конкретное их содержание. Поставленная нами проблема может быть сформулирована следующим образом. Основой первоначального накопления является экспроприация и пролетаризация крестьянства. В

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 603.

колониях же европейского капитала мы сталкиваемся с процессами совершенно противоположного порядка. Сам Маркс говорит в указанном отрывке о погребении заживо, о порабощении, об охоте за чернокожими. «С заслуживающей удивления быстротой распространяется... рабство негров. В 1501 г. мы замечаем первые попытки ввоза негров, в 1510 г. начинается вывоз их из Лиссабона для нужд горного дела, между 1513 и 1515 гг. лежит начало возделывания сахарного тростника на Антильских островах, в 1530 г. последовало запрещение рабства индейцев, но уже в 1520 г. черные рабы на С. Доминго были настолько многочисленны, что поселенцы-европейцы с ужасом взвешивали возможность возмущения черных».[1] Впоследствии и золотые и серебряные рудники разрабатывались на основе широчайшего применения рабского труда. Параллельно этому испанцы применяли самые разнообразные формы феодальной эксплуатации. Еще в 1499 г. Колумб положил начало системе «encomiendas», [2] которая в течение XVI в. была развита и закреплена целым рядом законов и ордонансов. «Encomiendas» сводились к передаче колонистам-испанцам права «покровительства» и «защиты» туземного населения, причем для покрытия издержек на устройст церквей для туземцев, а также в качестве денежного вознаграждения encomiendas получили право взимания натуральных и денежных повинностей. [3] При господстве отработочной ренты индейцы должны были, обыкновенно, в течение 8—10 месяцев работать на полях или по промывке золота, остальная же часть года предоставлялась им для обработки собственных полей.

Еще до издания закона 1525 г. объявившего индейцев-язычников наследственными рабами испанских колонистов, испанские губернаторы Вест-Индского архипелага и Американского материка обратились к системе так наз. «repartimentos», т. е. к организованной раздаче туземцев в рабство колонистам. А во второй четверти XVI в. уже вся Мексика была разбита на 80 repartimentos, Мехоакан на 40, Мецтилан на 11 и т. д. [4]

Все эти факты говорят о том, что испанское хозяйничание в Америке привело захваченные области не к капитализму, а к консервации самых отсталых, варварски-примитивных форм эксплуатации, к решительному регрессу производительных сил и физическому вымиранию населения. Считая колониальную политику XVI в. моментом первоначального накопления, не впадаем ли мы в противоречие с тем, что утверждалось нами выше? Экспроприация туземного населения Америки имела результатом не превращение экспроприируемого населения в пролетариев, а переселение его к праотцам. С другой стороны, формы колониального хозяйничания

[1] W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, часть 2, стр. 693.
[2] Там же, стр. 696.
[3] М. Ковалевский. Общинное землевладение, ч. I, М., 1879 г., стр. 51.
[4] Там же, стр. 57.

испанцев находят значительные аналогии в античном обществе, в истории колоний античного Рима. И тут и там основой колониальной эксплуатации выступает рабство. Особо схожие черты обнаруживает организация горного дела, как это видно на примере испанских серебряных рудников. «Вначале, — рассказывает Диодор об этих рудниках, — горным делом занимались частные люди и приобретали огромные богатства, потому что руда лежала неглубоко и ее находили в огромных количествах. После, когда Иберией (Испанией) овладели римляне, рудники попали в руки жадных италиков, которым они доставляли огромное богатство. Они купили множество рабов и дали их под надзор особых надсмотрщиков».[1] Черты сходства обнаруживаются и в конечных результатах колониального хозяйничания Рима и Испании XVI в. и в той выдающейся роли, какую и там и тут сыграл торговый и ростовщический капитал. По определению Цицерона, в составе римской колонии в Азии «откупщики, люди видные в обществе и почтенные, поместили в этой провинции свои капиталы и устроили деловые конторы (rationes et copias); из других классов (ordinibus) люди промышленные и предприимчивые часто ведут обороты в Азии, частью положили там большие деньги (pecunias magnas)». Во всей колониальной системе древнего Рима «преобладает, по словам Виппера, финансовая и торговая эксплуатация чужих земель и чужой культуры». Тот же Виппер указывает на то, что, «поднявшись в качестве торговой столицы средней Италии, Рим вступал уже в эру заморских завоеваний с большими свободными капиталами и с влиятельным классом откупщиков».[2] В руках римских капиталистов были сосредоточены эксплуатация испанских и македонских рудников, обширных плантаций в Африке и в Сардинии, бывших коронных земель и угодий в азиатских областях, сбор десятины, т. е. прямого налога, в той же Азии и т. д.

Следует ли из этого, что между колониальной системой древнего Рима и европейских государств начала XVI в. действительно нет никакой принципиальной разницы? Или же обе системы, вместе и в неразрывной связи, должны быть включены в наше понятие первоначального накопления? Ответ наш должен быть решительно отрицательным.

В нашем анализе колониальной политики мы должны итти тем же путем, которому следовали при разрешении вопроса о формах крестьянской экспроприации. Было бы абсолютно неправильно смешивать и отождествлять колониальные системы рабовладельческого Рима и, скажем, западноевропейских государств XVI—XVIII вв. Такое смешение как раз характерно для современной буржуазной исторической науки, совершенно сознательно трактующей капитализм как надисторическую кате-

[1] Цит. по К. Каутскому, Происхождение христианства, стр. 50.
[2] Проф. Р. Виппер, Очерки истории Римской империи, стр. 123.

горию. «Заморское расширение государства [Рима] было *капиталистическим* [курсив мой. *П. Щ.*]. Не должностная знать старой традиции, которая хотела ограничиться предусмотрительной политикой вмешательства, но капиталистические интересы торговцев, откупщиков налогов и доменов вынудили уничтожение старых торговых центров: Карфагена, Коринфа, Родоса, внушили политику заморских аннексий, которые служили эксплуатационным интересам капитала, а не колонизационным интересам свободных крестьян». [1] Подобная формулировка в корне ошибочна в силу того представления о капитале, которое свойственно Веберу.

Когда Вебер говорит о капиталистическом расширении Рима, он и имеет в виду капитализм «вообще», потому что, по Веберу, не существует никакого принципиального различия между «допотопными» формами капитала и капитализмом, как способом производства.

Для современной буржуазной науки характерно распадение ее на дробные и взаимно противоречащие течения, которые при всем видимом несходстве исповедуемых ими убеждений и полном, казалось бы, расхождении основных методологических принципов, выполняют одну и ту же функцию борьбы с марксизмом. И Бюхера и Мейера объединяет именно эта установка, также как объединяет она Допша и Зомбарта и многих других буржуазных ученых. Если для сторонников Мейера, Допша, Вебера центр тяжести всей аргументации сводится к доказательству извечности капитализма, а, следовательно, к слиянию и отождествлению капитализма с его допотопными формами, с ростовщическим и торговым капиталом, то для методологии Каутского характерен другой момент, именно искусственная изоляция торгового и промышленного капитала, перенесение на торговый капитал и феодализм ответственности за процессы первоначального накопления и вытекающее отсюда отрицание участия насилия и внеэкономического принуждения в образовании промышленного капитала. Колониальная политика XVI—XVIII вв. рисуется Каутским как дело рук дворянства и феодалов, как дело, которому промышленный капитал был органически чужд, в котором он совершенно не был заинтересован. По Каутскому, «там, где феодальное дворянство имело в своем распоряжении военную силу, оно стремилось к расширению государственной области, которая, понятно, должна была стать его собственной областью. Так, например, дворянство было в средневековом периоде душой немецкой политики экспансии по отношении к славянам, в Испании и Франции оно являлось, наравне с абсолютизмом, движущей осью колониальной политики XVI и XVII столетий. В Америке испанские и французские завоеватели насаждали новые феодальные господства». [2] С точки

[1] М. Вебер, Аграрная история древнего мира, стр. 333.

[2] К. Каутский, Национальное государство, империалистическое государство и союз государств, М., 1917 г., стр. 29.

зрения Каутского, колонии являются обузой, тормозом развития капиталистических отношений в метрополии. «Франция менее потерпела от своей американской колониальной политики в XVIII в. только потому, что ее колонии перешли в руки англичан». [1]

В еще более отчетливой форме развивает Каутский эту мысль в своем «Материалистическом понимании истории». «Индустриальный капитализм возникает не из военного насилия и не нуждается в нем для поддержания своего существования. Правда, среди методов первоначального накопления применение военной силы играет преимущественную роль, однако не сами промышленные капиталисты применяли эти методы, либо толкали на них,—часто они сами относились к ним неодобрительно. Те богатства, которые были получены грабителями всех видов путем первоначального накопления, нужно было взять у грабителей лишь мирным путем товарного обмена, чтобы эти богатства могли перейти в руки промышленников для оплодотворения производства. Писарро, Кортец и т. п. не основывали фабрик». [2] Каутскианская ревизия учения Маркса о первоначальном накоплении проникнута с начала и до конца духом грубой, откровенной апологии капиталистического строя. Она покоится на голом отрицании целой груды фактического материала, свидетельствующего о том, что колониальная экспансия XVI—XVIII вв. явилась необходимой, исторически неизбежной ступенью генезиса капиталистического способа производства, что, говоря словами Зомбарта, «благосостояние множества цветущих и богатых народностей древнего и нового мира только и создало те средства, которые вызвали к жизни европейский капитализм». [3]

Каков же должен быть наш критерий при оценке различных форм и исторических периодов колониальной экспансии? Основным критерием является их отношение к процессу возникновения и развития капитализма. Не всякая колониальная эксплуатация, не всякий колониальный грабеж может быть отнесен нами к первоначальному накоплению. Маркс в 24-й главе говорит о методах первоначального накопления, что «все они пользуются государственной властью... чтобы ускорить превращение феодального способа производства в капиталистический и сократить переходные ступени». [4] Еще и еще раз не всякое насилие, не всякая экспроприация, не всякая форма колониальной эксплуатации образуют «моменты первоначального накопления», а только такое насилие, такая колониальная политика, которые ускоряют превращение феодального способа производства в капиталистический. Совершенно очевидно, что колониальная система древнего Рима только ускоряла рост и концентра-

[1] К. Каутский, Национальное государство, стр. 30.
[2] К. Каутский, Материалистическое понимание истории, т. II, стр. 430.
[3] Зомбарт, Современный капитализм, т. I, стр. 334.
[4] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 603.

цию торгового капитала на основе рабского способа производства и ни на иоту не приближалась к сокращению переходных ступеней между феодализмом и капитализмом. Иначе обстоит дело с колониями европейских государств XVI—XVIII вв. Если Писарро и Кортец и не основывали сами фабрик, то все же совершенно несомненно, что именно эксплуатация колоний Центральной и Южной Америки явилась предпосылкой расцвета капиталистической мануфактуры в Испании середины XVI в. Захват Нового Света «создал в колониях рынок сбыта для испанских товаров». [1] Источники рисуют нам Испанию около середины XVI в. как страну с сильно развитой текстильной промышленностью. Об этом времени вспоминали кортесы в 1576 г. в одной из своих резолюций. «В местах этих [Толедо и др.] не было ни мужчин, ни женщин, как бы стары и малоработоспособны они ни были, не было ни юноши, ни девушки, даже в самом нежном возрасте, которые не имели бы средств к существованию и взаимной поддержке... Все были заняты там переработкой шерсти, одни в одном доме, другие в другом. Город Толедо не мог вместить всех ткацких станков. Все окрестные местности были покрыты ими, так что и город и деревня были заселены трудолюбивым, дельным, обеспеченным и довольным народом». [2] Если в 1525 г. в Толедо и его окрестностях в шелковой и шерстяной промышленности работало 10 000 человек, то через 25 лет там было занято уже около 50 000. По Геблеру, шерстяное производство кормило целую треть испанского народа, а в Кастилии почти все население поголовно. [3] Но «мелкое цеховое ремесло не в состоянии было производить товары для Америки. Оно не могло нести сопряженный с этим риск». [4] На помощь явился купеческий капитал, приступивший к реорганизации производства на началах капиталистической мануфактуры. Ничего не может быть характернее отзыва современника, описывавшего, правда, уже в начале XVII в., торжественное уличное шествие цехов в Сеговии: «на втором месте идут фабриканты шерсти и полотна, которых народ неправильно называет купцами. На самом же деле они подобны отцам семейств, ибо они и внутри своих домов и вне их дают пропитание большому количеству народа: многие нанимают до 200 и даже до 300 человек. При помощи чужих рук они производят громадное количество тончайшего полотна, так что промысел их подобен земледелию и приносит великую пользу народу и государству». [5]

[1] Bonn, Spaniens Niedergang während der Preisrevolution des 16 Jahrhunderts, 1896 г., стр. 105.

[2] Там же, стр. 120.

[3] Ср. Häbler, Die wirtschaftliche Blüte Spaniens in XVI Jahrhundert und ihr Verfall, 1888.

[4] Bonn, ук. соч., стр. 119.

[5] Там же, стр. 120.

Нас не интересуют сейчас причины эфемерности, недолговечности испанской мануфактуры. Нам важно только установить непосредственную, теснейшую связь между испанской колонизацией, с присущими ей методами рабовладельческой и феодальной эксплуатации, с расцветом испанской мануфактурной промышленности. Исторический пример Каутского целиком обращается против него. И Кортец, и Писарро лили, в конечном счету, воду на мельницу капитализма, а разве дело в одной Испании? Мы имеем полное основание расширить территориальные рамки, в пределах которых сказывалось воздействие колониальных захватов XVI и XVII вв. «Различные моменты первоначального накопления распределяются теперь между различными странами, — именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией, Англией, — и притом более или менее в известной исторической последовательности». [1] Следует ли из этого, что участие каждой из перечисленных стран в процессе первоначального накопления должно было сопровождаться последовательным торжеством капитализма в каждой из этих стран? Но, ведь, Маркс сам указывал, что «современный способ производства развился только там, где условия для этого создались еще в средние века», и привел при этом как раз пример Португалии («стоит сравнить, например, Голландию с Португалией»), [2] как страны, в которой эти условия отсутствовали. Из этого следует, что мы обязаны рассматривать отдельные этапы колониальной политики в соотношении их с процессом развития капитализма в целом. Колониальная политика образует «момент первоначального накопления» не просто в силу присущих ей методов насилия и ограбления колонизуемых областей. При всем сходстве методов римская и испанская колониальная система принадлежат различным историческим эпохам. Дело решает, таким образом, уровень и основная тенденция экономического развития метрополии. Поскольку в западной Европе создались предпосылки для возникновения и развития капиталистического способа производства, постольку и колониальные захваты, с их грандиозным применением различнейших форм внеэкономического принуждения, должны были форсировать поступательный ход капиталистического производства, образуя в силу этого один из «главных моментов первоначального накопления». [3] И обратно, в античном обществе колониальная система при-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 603.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 233.

[3] Кальвин, этот идеолог «самой смелой части тогдашней буржуазии» (Энгельс), вполне последовательно выступал в защиту колониального рабства. Он, правда, считает преимуществом среднеевропейских стран отсутствие рабства и замену его «наемным трудом» (mercenarii), но заявляет, что вообще рабство нельзя считать недозволенным явлением; иначе апостолы никогда бы не допустили его и стали бы резко восставать против этого обычая, если бы он был богопротивен. По его мнению, исходной точкой уничтожения рабства был предрассудок; чтобы подчеркнуть безразличный с

водила к укреплению господствующего рабского способа производства и развивавшегося на его основе торгового и ростовщического капитала.

Что касается «теории» Каутского, то она должна быть отвергнута как сикофантская апология «индустриального капитализма», основанная на грубом искажении подлинной исторической действительности.

4

Анализ колониальной политики, как одной из форм первоначального накопления, подвел нас вплотную к проблеме торгового капитала. В нашу задачу не входит рассмотрение этой проблемы во всем ее объеме, не входит также и критическое подытоживание тех дискуссий, которые велись по данному вопросу в среде историков-марксистов. Мы должны, однако, хотя бы в двух словах напомнить самые главные моменты в учении Маркса о торговом капитале, без чего трудно будет определить роль и формы участия торгового капитала в процессе первоначального накопления.

По классическому определению Маркса, торговый и ростовщический капитал являются «допотопными формами капитала». Исторической предпосылкой возникновения торгового капитала является наличие элементов простого товарного и денежного обращения, охватываемого марксовской формулой Т — Д — Т. Что касается ростовщического капитала, то, чтобы он мог существовать, «необходимо лишь одно: по крайней мере часть продуктов должна превратиться в товары, и наряду с товарной торговлей деньги должны развить свои различные функции». [1] Торговый капитал возникает в рамках докапиталистических формаций, причем он не связан в своем возникновении и развитии с каким-либо специфическим способом производства. Торговый капитал относится индифферентно к тому, на основе какого способа производства, в системе каких производственных отношений производится продукт. Ему важно лишь, чтобы продукт этот принял обличие товара и как товар проходил «процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег». [2] Складываясь в порах различных общественно-экономических формаций, торговый капитал оказывает, однако, определенное воздействие на развитие тех способов производства,

нравственной точки зрения характер рабства, Кальвин ссылается на факт его существования у испанцев. «У нас нет его, — прибавляет Кальвин, — потому что нет в том необходимости» (см. Виппер, Церковь и государство в Женеве XVI в., М., 1894 г., стр. 103, 104).

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 301.

[2] Там же, стр. 227.

которые он находит уже сложившимися к моменту своего возникновения и развития. В литературе нашей это последнее обстоятельство зачастую игнорируется, что приводит к явной недооценке роли торгового капитала, являющейся своеобразной реакцией против теории «торгового капитализма». Между тем Маркс диалектически исследовал сущность торгового капитала, вывел отсюда закономерность, лежащую в основе его движения. Благоприятствуя изготовлению избыточного продукта, предназначенного войти в обмен, торговый капитал придает производству характер производства, имеющего целью своей меновую стоимость, в то время как в докапиталистических формациях целью производства является потребительная стоимость. «Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость». [1] Подчиняя производство все в большей и большей степени меновой стоимости, торговый капитал обязательно разлагает старые отношения. Но на этом и кончается то общее, что несет торговый капитал докапиталистическим формациям. Дальнейшая реакция на разлагающую роль торгового капитала определяется всецело теми специфическими особенностями, которые свойственны каждому из докапиталистических способов производства в отдельности.

Усиленное изготовление избыточного продукта, стимулируемое ростом торгового капитала, может происходить и на основе консервации старого способа производства, на основе интенсификации уже сложившейся системы эксплуатации. Но тот же рост торгового капитала может в иных условиях ускорить процесс вызревания нового способа производства, новой системы производственных отношений. Отсюда, в конечном итоге, и разные результаты исторического процесса развития торгового капитала. Процесс этот является, вместе с тем, процессом накопления, совершающегося при помощи специфических методов, блестяще охарактеризованных в III томе «Капитала». Сюда относятся, прежде всего, обсчет и обман. Торговый капитал присваивает себе подавляющую часть прибавочного продукта, пользуясь, с одной стороны, тем, что он выступает посредником между обществами с преобладанием отношений натурального хозяйства, для которых, следовательно, продажа продуктов по их стоимости имеет второстепенное значение. С другой стороны — торговый капитал использует то обстоятельство, что главная часть прибавочного продукта сосредоточена в руках представителей «наслаждающегося богатства» — феодалов, рабовладельцев, которым купец и «расставляет свои сети». «Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет собой систему грабежа, и недаром его развитие у

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 308.

торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильническим грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.». [1]

Таким образом, методы развития торгового капитала в значительной части совпадают с методами первоначального накопления. Однако, несмотря на это видимое сходство, мы встречаемся в данном случае с двумя совершенно различными процессами, напоминающими друг друга лишь внешними формами своего выражения. Для того, чтобы осознать это положение, мы должны вдуматься в природу самого торгового капитала. Характерные формы движения общи для капитала как в процессе производства, так и в процессе обращения. Движение торгового капитала, выраженное формулой Д — Т — Д, есть движение самовозрастающей стоимости. «Это Д — Т — Д, как характерное движение купеческого капитала, отличает его от Т — Д — Т, от той торговли товарами между самими производителями, конечной целью которой является обмен потребительных стоимостей». [2] Именно в силу этого образование торгового капитала отличается от процесса накопления сокровищ, и сам торговый капитал оказывается «исторической формой капитала задолго до того, как капитал подчинил себе производство». [3] Вместе с тем отношение промышленного капитала к капиталу торговому и ростовщическому, к этим более старым формам, которые «он застает в эпоху своего возникновения», [4] определяется тем, что как самостоятельные формы они должны быть сломаны и подчинены промышленному капиталу. «Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т. е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства». [5] Иначе говоря, степень самостоятельного развития купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства.

Вместе с тем известный уровень развития торгового капитала является необходимой предпосылкой возникновения капитализма. Однако развитие торгового капитала, рассматриваемое изолированно от общественно-экономической среды, в которой оно происходит, *само по себе* еще не сигнализирует наступление капиталистической эры. Исторической предпосылкой капиталистического способа производства торговый капитал является как предварительное условие концентрации денежного имущества

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 231, 232.
[2] Там же, стр. 228.
[3] Там же.
[4] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 367.
[5] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 229.

и как форма концентрации в руках купца разрозненных актов купли и продажи. Однако для обеспечения перехода к капитализму необходимы еще и другие предпосылки, и они-то, в конечном счете, и решают дело. «Для возникновения капиталистического отношения, — писал Маркс в одном из набросков к I тому «Капитала», — вообще необходима в качестве предпосылки определенная историческая ступень и форма общественного производства. В рамках прежнего способа производства должны развиться средства сообщения, средства производства и потребности, которые выходят за пределы старых производственных отношений и вынуждают их превратиться в отношения капиталистические». [1]

Сказанное о торговом капитале относится в значительной степени и к капиталу ростовщическому. «Ростовщичество способствует, во-первых, образованию самостоятельного денежного капитала, далее оно присваивает себе средства производства, то есть разоряет собственников старых средств производства. Поскольку оно приводит к этим двум результатам, оно является могучим средством в образовании предпосылок промышленного капитала — могучим агентом в отделении средств производства от производителя». [2] Кроме того, ростовщический капитал выполняет аналогично капиталу торговому функцию образования и концентрации самостоятельного денежного капитала. Он централизует богатство, специально в форме богатства денежного, «лишь там, где средства производства расщеплены; где, следовательно, рабочий производит более или менее самостоятельно... как крестьянин или ремесленник, безразлично, является ли этот крестьянин крепостным или нет, является ли этот ремесленник цеховым или нет». [3] При этом ростовщический капитал не изменяет данного способа производства, «но присасывается к нему как паразит и истощает его до полного упадка». [4] Две характерные формы ростовщичества это, «во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд знатным расточителям, преимущественно землевладельцам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям». [5] Объективно революционная роль ростовщического капитала сводится к тому, что «он разрушает и уничтожает формы собственности, на прочном базисе и непрерывном воспроизводстве которых в одной и той же форме покоится политический строй страны». [6] Ростовщичество, таким образом, оказывается разрушителем античного и феодального богатства и соответствующих им форм собственности. С дру-

[1] «Большевик», № 15, стр. 82.
[2] К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 404.
[3] Там же, стр. 405.
[4] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 428.
[5] Там же, стр. 426.
[6] Там же, стр. 428.

гой стороны, оно уничтожает мелкое производство, причем, однако, окончательный эффект разрушительного действия ростовщического капитала всецело определяется свойствами того способа производства, с которым он сталкивается в своем развитии. «При азиатских формах ростовщичество может долго существовать, не вызывая ничего, кроме экономического и политического упадка, но не производя реального разложения». [1] При господстве рабовладельческого способа производства ростовщики превращаются сами в крупных землевладельцев и рабовладельцев. Алчный выскочка заменяет старого эксплуататора, не меняя старый способ производства. В какой мере ростовщический капитал может способствовать возникновению промышленного капитализма, это всецело определяется «ступенью исторического развития». Только в такую эпоху, когда имеются остальные условия капиталистического производства — свободный труд, мировой рынок, разложение старых общественных отношений, развитие труда до известной степени и т. д., — ростовщичество может способствовать возникновению нового способа производства», [2] а сам ростовщик оказывается «одним из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал». [3]

Совершенно очевидно, что роль торгового и ростовщического капитала в процессе первоначального накопления обусловлена их ролью в генезисе капитализма. Грубейшей методологической ошибкой является смешение процессов образования и накопления торгового и ростовщического капитала с процессом первоначального накопления. В самом деле, накопление торгового капитала может итти совершенно безотносительно к тому, имеются ли налицо какие-либо данные для возникновения капиталистического способа производства, процесс же первоначального накопления и есть, как мы неоднократно подчеркивали, процесс создания «общественного отношения, именуемого капиталом».

Именно в этом методологически единственно правильном разрезе должна ставиться проблема первоначального накопления. Противоположная концепция, покоящаяся на злостном смешении торгового капитала с капиталом вообще, восходит едва ли не к Зомбарту. Именно Зомбарт еще в первом издании своего «Современного капитализма» поставил знак равенства между концентрацией денежного имущества и первоначальным накоплением. «То, что мы понимаем под «первоначальным накоплением», — пишет Зомбарт, — ближайшим образом не что иное, как тот совершенно простой факт, что в руках отдельных лиц скопляются

[1] К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. III, стр. 405.
[2] Там же.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, 428.

более или менее крупные денежные суммы». [1] Полагая, что его «учение о генезисе материальных сил, способных развиться в капитал», есть именно то, «которое содержит глава, помеченная Карлом Марксом как глава о первоначальном накоплении», Зомбарт довольно развязно заявляет, «что марксовская концепция его сущности совпадает с нашей только в смысле постановки проблемы». [2] На самом же деле коренное расхождение между Марксом и Зомбартом заключается именно в постановке проблемы. Зомбарт сначала смешивает «крупные денежные суммы» с капиталом, потом путает накопление этих сумм с первоначальным накоплением и затем, нагородив вокруг себя всю эту путаницу, с полнейшим самодовольством заявляет о своей солидарности с Марксом «в смысле постановки проблемы».

Сравнительно с этим основным методологическим пороком Зомбарта второстепенной представляется даже та теория образования капитала путем накопления городских рент, с помощью которой он думал раскрыть тайну возникновения капитала, т. е. «образование крупного денежного имущества, являющегося фактическим субстратом для капиталистических предприятий». [3] «Мы у цели. Тайна разоблачена. Начало гражданского богатства выяснено», радостно восклицал Зомбарт в первом издании своего «Современного капитализма», обнаружив, что основанием для громадных денежных и торговых предприятий, «из которых развился современный капитал», послужило накопление земельных рент. И тут же он закреплял теоретическое значение своего открытия, торжественно декларируя: «Очевидно, что капитал не внезапно появился в мир, обагрив свой путь кровопролитием, как это понимал Маркс. Напротив, это было тихое, постепенное, незаметное для рабочего населения сцеживание мелких частиц трудового заработка». [4]

Во втором издании «Современного капитализма» Зомбарт внес в свою теорию ряд поправок, придавших ей еще большую антимарксистскую заостренность. При этом накоплению городских рент придается гораздо меньшее значение, чем раньше. Сам Зомбарт признает, что сюжет этот «был трактован в несколько провоцирующей манере и с излишней заостренностью в самой постановке проблемы». [5] Здесь накопление городских рент («die Akkumulation städtischen Grundrenten») фигурирует наравне с образованием состояний в ремесленном хозяйстве, в ростовщичестве, при разработке драгоценных металлов и т. д. Тем самым Зом-

[1] Зомбарт, Современный капитализм, т. I, стр. 229.

[2] Там же, стр. 228. Первоначальную аккумуляцию Зомбарт в другом месте определяет как «возникновение» ex nihilo имуществ, обладающих свойствами капитала» (там же, стр. 275).

[3] Там же, стр. 246.

[4] Там же, стр. 299.

[5] Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, стр. 649.

барт отказывается от попытки монистического объяснения процессов возникновения капиталистического хозяйства, — центр тяжести новой концепции лежит в противопоставлении понятия богатства (Reichtum) или состояния (Vermögen) понятию капитала. «Грубой ошибкой первого издания настоящей работы было то, что в нем не проводилось достаточно резкого различия между состоянием и капиталом, между образованием состояния («Vermögensbildung») и образованием капитала («Kapitalbildung»).[1] В этом самокритическом заявлении заключено несомненное зерно истины. Мы видим, что Зомбарт действительно спутал промышленный капитал с торговым и ростовщическим и на этом основании выдал свою теорию первичного накопления этих допотопных форм капитала за вариант марксовской теории первоначального накопления. Но что делает Зомбарт во втором издании? Проводя резкую дифференциацию между накоплением состояний и накоплением капитала, Зомбарт переносит в сферу накопления состояний все моменты, связанные с разбоем, принудительной торговлей, колониальной эксплуатацией и т. д. Он бережно охраняет капитал от компрометирующего соседства внеэкономического принуждения. Процесс первоначального накопления превращается таким образом в процесс накопления *состояний*, и, в особенности, все моменты насильственного порядка отодвигаются за пределы, в которых собственно возникает и складывается капитализм. Впрочем, проблема генезиса капитализма Зомбарта во втором издании, по существу, снимается. Запутавшись в собственных противоречиях, он апеллирует к европейской душе, из глубины которой вырос капитализм.[2] Полемизировать и вообще всерьез разбирать данное положение, конечно, не приходится.

24-я глава первого тома «Капитала» удостаивается и во втором издании «Современного капитализма» неоднократного внимания со стороны Зомбарта, но об этих его замечаниях и высказываниях речь пойдет в другом месте.

Что касается до теоретического здания, воздвигнутого Зомбартом в первом издании, то оно оказалось стоящим на песке и было развеяно в прах буржуазными историками, выступившими во всеоружии внушительного фактического материала. Полемика их против Зомбарта принесла очевидную пользу тем, что она ликвидировала ту позитивную концепцию, которую Зомбарт думал противопоставить гениальным страницам, посвященным первоначальному накоплению у автора «Капитала». Что противники Зомбарта выступали сами как апологеты капитализма, нас в данном случае не интересует. Нам важно установить, что сам Зомбарт ошибался дважды: во-первых, он пытался изобразить

[1] Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, стр. 587.
[2] В. Зомбарт, Современный капитализм, 2-е изд., т. I, ч. 1, стр. 323.

процесс накопления торгового и ростовщического (по нашей терминологии) капитала как идиллическое «отцеживание» городских рент, во-вторых, он отождествлял данный процесс с первоначальным накоплением в марксовском смысле этого слова. В результате ловкого жонглирования марксистской терминологией, самая сердцевина учения Маркса о генезисе капитализма оказалась вышелушенной. Экспроприированный производитель исчез бесследно с исторической сцены, чтобы не портить респектабельного и приятного филистерскому глазу зрелища мирного накопления городских рент.

Именно в этом и состоит основной методологический порок Зомбарта. Непонимание его приводит, как мы увидим дальше, к капитуляции перед буржуазной наукой и перед самим Зомбартом. Марксизм отделяется от буржуазных теорий генезиса капитализма не только тем, что он вскрывает внутреннее, глубокое содержание процессов образования и накопления торгового и ростовщического капитала, [1] но и тем, что он вплетат крепчайшим узлом в нить развития капитализма насильственную экспроприацию непосредственных производителей.

Целый ряд ошибочных формулировок и положений, встречающихся в нашей марксистской исторической литературе, является результатом некритического, недостаточно продуманного отношения к указанным сторонам зомбартовской концепции.

Никто, конечно, не станет упрекать А. И. Тюменева в том, что он поддался Зомбарту там, где Зомбарт выдвигает свою теорию «аккумуляции городских рент». А. И. Тюменев имеет крупнейшие заслуги не только в борьбе с буржуазными концепциями Э. Мейера и К. Бюхера. Он критически подытожил полемику, разгоревшуюся в среде буржуазных историков вокруг теории Зомбарта. Он очень убедительно вскрыл ее фактическую несостоятельность. Но чем же, как не просочившимся влиянием Зомбарта, можно объяснить, что А. И. Тюменев в своей заслуженно известной работе «Капитализм в древней Греции» целую главу озаглавил «Развитие торговли и условия первоначального накопления в древней Греции»?

Обращаясь к содержанию этой главы, мы убеждаемся, что оно отнюдь не соответствует заглавию. В ней А. И. Тюменев говорит об условиях накопления в древней Греции торгового капитала. «Тесная связь с пиратством, развитие правильного и постоянного торгового обмена из случайных пиратских набегов, ближайшая заинтересованность и непосред-

[1] Никакой буржуазный ученый не станет отрицать «накопления капиталов», как необходимой ступени развития капитализма. «La société capitaliste ne pouvait naître que de l'accumulation des capitaux». Поверхностный Сэ высказывает тут только общее место современной буржуазной науки. H. Sée, Les origines du capitalisme moderne, стр. 34.

ственное участие в торговле аристократических кругов, посреднический по преимуществу характер торговли, накопление капиталов путем торговых операций — все это типические для начального периода развития торговли черты выступают и в истории древней Греции». [1] Ни о каком первоначальном накоплении у А. И. Тюменева нет и речи, да и не может быть, потому что он занимает правильную, в общем, позицию, сводящуюся к отрицанию существования капитализма в древней Греции. «Преобладание торгового капитала, — пишет А. И. Тюменев, — имевшее место в древней Греции, отнюдь не может еще быть отождествляемо с капитализмом». [2] Дело сводится, таким образом, к неправильному толкованию и применению понятия первоначального накопления, идущему в разрез с установкой, данной Марксом. По мнению А. И. Тюменева, «вопрос о первоначальном накоплении капиталов почти не затрагивался у «экономистов прежнего времени, вплоть до Зомбарта, создавшего собственную теорию первоначального накопления. Что касается Маркса, то 24-я глава I тома «Капитала» касается исключительно условий возникновения промышленного капитализма, т. е. капитализма в его последней стадии, а не возникновения генетических форм капитала». [3] Упоминание о стадиях в приведенной цитате не случайно. В разбираемом нами труде А. И. Тюменев неоднократно пользуется термином «торговый капитализм», явно сбиваясь на трактовку торгового капитала как стадии капитализма. [4] Исходя из представления о стадиальном развитии капитализма, А. И. Тюменев приходит к отождествлению накопления торгового и ростовщического капитала с первоначальным накоплением и к совершенному забвению тех характерных, специфических черт, которые делают первоначальное накопление моментом генезиса капиталистического способа производства. Накопление торгового и ростовщического капитала может совершаться в рамках любой докапиталистической формации (кроме архаической), первоначальное же накопление имеет место только на переломе от феодальной формации к капиталистической, в условиях разложения феодализма, когда ставится, но еще не разрешается вопрос «кто кого?», вопрос об исходе борьбы между феодализмом и капитализмом. Кто не понимает этого, тот невольно скатывается на позиции Зомбарта. Для преодоления Зомбарта недостаточно простого опровержения его теории аккумуляции городской ренты. Ведь, с этих позиций его критиковали и буржуазные ученые вроде Штри́дера, Зивекинга и др. Мы же должны критиковать Зомбарта не для того, чтобы солидаризироваться с Штридером, но чтобы

[1] А. И. Тюменев, Капитализм в древней Греции, стр. 67.
[2] Там же, стр. 166.
[3] Там же, стр. 31.
[4] См. там же, стр. 154 и сл.

показать, что уже в самой постановке проблемы Зомбарт резко и бесповоротно разошелся с Марксом.

Ошибочное отождествление процесса образования торгового капитала с первоначальным накоплением имеется налицо не только у А. И. Тюменева.[1] Сходно представлял себе первоначальное накопление и И. М. Кулишер. «В XV—XVI вв., — утверждал Кулишер, — мы можем наблюдать в Московском государстве явления, которые хотя и не свойственны одному лишь периоду раннего капитализма, а встречаются и в предыдущую эпоху, но все же ввиду слабой дифференциации хозяйственной деятельности имеют место и в этот период, в соединении с другими моментами, ярко выражающими характерные черты эпохи первоначального накопления».[2] Для Кулишера характерно смешение процессов первоначального накопления с процессами роста торгового капитала. Кулишер совершенно игнорирует марксовское понимание первоначального накопления, обходя молчанием вопросы обезземеливания крестьянства и экспроприации непосредственных производителей. Это и было отмечено в марксистской критике. «Он, — писал о Кулишере С. Г. Томсинский, — как и Зомбарт, видит источники накопления в подрядах, откупах, в торговле и промыслах».[3] К сожалению, так же, как Тюменев, полемизируя с Кулишером и Зомбартом, Томсинский ограничивается указанием на то, что Зомбарт неправильно указывает источники накопления.[4]

Таким же ошибочным пониманием первоначального накопления страдает и С. В. Вознесенский. Названный историк достаточно определенно говорит о крепостничестве и, в частности, о крепостной мануфактуре, как об явлениях враждебных, антагонистических капиталистическому способу производства. Но он же, касаясь экономического развития России в XVI в., говорит: «в эпоху своего «первоначального накопления» в Московской Руси господствующее положение в экономике страны занимали дворяне-землевладельцы и именитые торговцы, или гости».[5] Непонятно, что собственно С. В. Вознесенский понимает под «своим» первоначальным накоплением? Из всего же контекста изложения Вознесенского явствует, что первоначальным накоплением он считает процесс сложения и развития торгового капитала, эксплуатирующего государственных крестьян и инонационалов, с одной стороны, и процесс закре-

[1] Впрочем, А. И. Тюменев, как это видно из его статьи «Наука об античности в СССР за 15 лет» (Сообщения ГАИМК, 1932 г., № 9—10) признал ошибочность своих прежних формулировок по вопросам торгового капитализма.

[2] И. М. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. II, стр. 425.

[3] См. сб. «Крепостная Россия», стр. 97.

[4] Там же.

[5] С. В. Вознесенский, Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России, стр. 7.

лощения крестьян в центре государства, а также на южной и западной его окраине «землевладельческому дворянству» — с другой. Совершенно очевидно, что первоначальное накопление тут ровно не при чем и что русские историки только тогда покончат с теоретической путаницей, когда твердо усвоят себе то положение, что о первоначальном накоплении в России, в стране, пережившей «второе издание» крепостничества, для XVI века и для значительно более позднего времени может быть речь, лишь поскольку мы можем установить связанный с разложением крепостнических отношений процесс отделения производителя от средств производства и накопления капитала в крестьянских «кустарных» промыслах и крестьянской мануфактуре.

Резюмируем теперь наше изложение. Процесс возникновения и роста торгового (а равно и ростовщического) капитала, или, иначе говоря, процесс накопления торгового капитала, совершается на основе широчайшего применения методов внеэкономического принуждения. Методы эти, сводящиеся к ограблению-расхищению, обману, насильственной экспроприации, сближают этот процесс по формам его выражения с процессом первоначального накопления. Однако существо этих процессов существенно различное. Известный уровень развития торгового капитала является необходимой предпосылкой возникновения капиталистического способа производства, а, следовательно, и первоначального накопления. Первоначальное же накопление является моментом генезиса капитализма, подразумевая под капитализмом, согласно Марксу, самый капиталистический способ производства, а не какие-либо «допотопные» формы капитала.

Таким образом, и исторически оба эти процесса могут оказаться разъединенными. Сложение и развитие торгового капитала в недрах феодальной формации задолго предшествует первым приступам первоначального накопления. Первоначальное накопление предполагает и достижение известной ступени в развитии торгового капитала и определенный уровень развития производительных сил. Этим отнюдь не снимается вопрос о торговом капитале, как факторе самого первоначального накопления. В эпоху генезиса капитализма и самое накопление торгового капитала становится моментом первоначального накопления, поскольку оно является исходной точкой концентрации «денежного имущества», превращающегося в средства производства и средства существования рабочей силы. Но нужно, однако, условиться раз навсегда, что, вплетаясь в процесс первоначального накопления, или, иначе говоря, активно способствуя насаждению капиталистического способа производства, торговый капитал теряет свои специфические черты — перестает быть торговым капиталом, поскольку отныне главенствующим методом увеличения суммы ценностей, находящихся в распоряжении владельцев этого капитала, ста-

новится покупка рабочей силы. Торговый капитал может дотла разорить мелкого производителя, не принуждая его в то же время к продаже своей рабочей силы. Такое разорение, такая экспроприация не будут еще означать первоначального накопления. Можно сказать, что первоначальное накопление предполагает не только ликвидацию мелкого производителя, но и диалектическое самоотрицание втянувшегося в его процесс торгового капитала.

Не создателем, не творцом капитализма, а ускорителем темпов его развития выступает перед нами торговый капитал. Средством же этого ускорения и оказываются методы первоначального накопления. Отсюда необходимость рассмотрения путей развития капитализма с точки зрения различия их темпов и различной в них роли торгового капитала.

5

Маркс в «Капитале» и Ленин в «Развитии капитализма» указывают несколько путей, по которым идет развитие капитализма. Первый путь это превращение мелкого самостоятельного производителя в купца и капиталиста — «действительно революционизирующий путь», как о нем говорит Маркс.[1] Революционизирующее его значение состоит в том, что он предполагает кардинальное изменение способа производства. Исходным его пунктом является мастерская цехового мастера. «Совместный труд значительного числа рабочих, объединенных в одном и том же помещении... образует исходный пункт капиталистического производства».[2] Через простую кооперацию, не составляющую, впрочем, «прочной формы, характеризующей особую эпоху в развитии капиталистического способа производства»,[3] намечается, с момента внедрения разделения труда, переход к капиталистической мануфактуре. «Из раздробленного мелкого производства вырастает капиталистическая простая кооперация», указывает Ленин, усматривающий «этот исходный пункт капитализма... в наших мелких крестьянских («кустарных») промыслах».[4]

Путь этот, обеспечивающий, в конечном счете, полную перемену в способе производства, совершается, однако, в относительно замедленных темпах. «Без сомнения, некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились сначала в зародышевых капиталистов, а потом, постепенно расширяя эксплуатацию наемного труда и соответственно усиливая накопление капитала, в капиталистов sans phrase...

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 310.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 240.
[3] Там же, стр. 251.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 275.

Но необычайная медлительность этого метода отнюдь не соответствовала торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века». [1]

Очевидно, что Маркс признавал подлинно революционизирующим данный путь потому, что только он один исторически обеспечивал замыкание торгового капитала в процессе обращения и с самого начала превращал торговлю в «слугу промышленного производства».

Следует ли, однако, из этого, что при развитии капитализма по данному пути торговая прибыль не играет никакой роли, что весь процесс образования капитала может быть сведен к накоплению прибыли, получаемой внутри мелкого товарного производства? Конечно, нет. Маркс говорит об этом достаточно определенно: «промышленник (der Industrielle) становится купцом и непосредственно производит в крупных размерах для торговли». [2]

По Ленину, «не может подлежать сомнению, что в обстановке товарного хозяйства мелкий производитель неизбежно выделяет из своей среды не только более зажиточных промышленников вообще, но и в частности — представителей торгового капитала». [3] Ленин обвиняет далее народническую литературу в том, что ею «игнорируется тот факт, что из их же [мелких товаропроизводителей. *П. Щ.*] среды выходили и продолжают выходить «скупщики». [4]

Таким образом, и Маркс и Ленин подчеркивают то обстоятельство, что мелкий производитель-промышленник становится купцом, что, следовательно, и при данном типе развития возникновение и складывание капиталистических отношений не может миновать стадии торгового капитала. И при данном типе мы имеем, следовательно, дело с превращением торгового капитала в промышленный, но превращение это протекает в особой, специфической форме. Превращение это имеет место в условиях подчинения торгового капитала промышленному, в условиях предварительного накопления на основе эксплуатации наемного труда, в условиях, когда с самого начала дано то соотношение между торговым и промышленным капиталом, которое имманентно присуще капиталистическому способу производства. Но соотношение это может сложиться и иначе. Купец может непосредственно подчинить себе производство. При этом он лишь номинально становится фабрикантом, в действительности же остается простым купцом. «Собственно капиталистом остается здесь купец, который кладет себе в карман большую часть прибавочной стоимости». [5]

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 602.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 235.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 281—282.
[4] Там же, стр. 283.
[5] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 311.

Однако торговый капитал не производит на первых порах какого-либо коренного переворота в способе производства. Он сплошь и рядом удерживает и консервирует старый способ, ограничиваясь ухудшением положения непосредственного производителя. Наступает господство так называемых ублюдочных форм, «при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, еще не выступило его формальное подчинение капиталу... Наряду с самостоятельными производителями, занимающимися ремеслом или земледелием в традиционных, унаследованных от предков формах, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, паразитически эксплуатирующий их. Преобладание в обществе этой формы эксплуатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков». [1]

Таким образом, и на данном пути консервация старого способа производства оказывается относительной. Выходом из тупика становится сведение производителя на положение наемного рабочего, обрабатывающего чужое сырье за сдельную плату. «Если, — говорит Ленин, — дальнейшее развитие ведет к тому, что в производство вводится систематическое разделение труда, преобразующее технику мелкого производителя, если «скупщик» выделяет некоторые детальные операции и производит их наемными рабочими в своей мастерской, если наряду с раздачей работы на дом и в неразрывной связи с ней появляются крупные мастерские с разделением труда (принадлежащие нередко тем же скупщикам), то мы имеем перед собой другого рода процесс возникновения капиталистической мануфактуры». [2]

Существует, наконец, и третий путь: «купец прямо становится промышленником; это — случай отраслей промышленности, основанных на торговле, особенно рассчитанных на роскошь отраслей, которые вместе с сырым материалом и рабочими ввозятся купцами из-за границы». [3]

Таким образом, три намеченных Марксом пути развития капиталистического способа производства соответствуют трем формам превращения торгового капитала в промышленный. Первому пути, по Марксу, присущи замедленные темпы. Зато он революционнее в смысле окончательных своих результатов.

Торговый капитал не получает при нем сколько-нибудь самостоятельного развития. Каковы бы ни были количественные соотношения между долями капитала, накопленного в мелком производстве, и капитала тор-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 396.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 298—299.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 235. Обозначение этого пути как третьего носит условный характер. У Маркса в цитируемом месте он обозначен как первый.

гового, превращающегося в промышленный, важно, что этот торговый капитал с самого начала выступает в качестве придатка промышленного. Потенциально заложенная в торговом капитале тенденция к консервации старого способа производства сводится до минимума, раз налицо уже дана трансформация мелкого производства в капиталистическое, к которой торговому капиталу остается только приспособляться. С другой стороны, замедленные темпы объясняются медленностью процессов накопления, совершающихся в мелком производстве. Именно поэтому мелкому производителю необходимо стать еще и купцом, чтобы в торговле найти новые, дополнительные каналы накопления и этим разрешить проблему ускорения темпов капиталистического развития в его целом.

Там же, где торговый капитал выступает самостоятельно, где он противостоит как некая внешняя сила мелкому производству, не тронутому процессами изнутри идущего разложения, там он консервирует мелкое производство на его старой основе. Процесс отделения мелкого производителя от принадлежащих ему орудий и средств производства искусственно тормозится и не получает до поры до времени своего логического завершения, а тем самым тормозится и процесс вызревания капиталистических производственных отношений.

Наконец, на так называемом третьем пути («купец, становящийся промышленником») торговый капитал, орудуя на «пустом месте», создает с самого начала централизованную мануфактуру. Этим вносится новый, существенный корректив в темпы развития капиталистического способа производства. Однако и тут должны неизбежно сказаться отрицательные стороны самостоятельного выступления торгового капитала. Они сказываются прежде всего в непрочности, в эфемерности достигаемых им результатов, в неумении закрепить раз завоеванные позиции.

Моменты внеэкономического принуждения сопутствуют капитализму на всех его путях. Субъектом, носителем насилия, применяемого по отношению к непосредственному производителю, может быть и «промышленник, ставший купцом», и «купец, ставший промышленником». «Если крупный промышленник не останавливается ни перед какими средствами, чтобы обеспечить себе монополию, то «кустарь»-крестьянин в этом отношении родной брат его». [1]

Уже то первичное накопление, которое совершается в ремесле и торговле, широко связано с эксплуатацией городских низов и крестьянства методами внеэкономического принуждения. Решающим же толчком, неслыханно ускорившим процесс превращения торгового капитала в промышленный, послужило широчайшее развертывание процессов первоначального накопления. Государственная власть выступает в данном слу-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 259.

чае в качестве прямой союзницы торгового капитала. О классовой природе этой власти, как и вообще о роли государства в процессе первоначального накопления, нам придется поговорить особо. Здесь достаточно вспомнить о Кольбере и подчеркнуть, что альянс государства и купца означает торжество наиболее брутальных форм внеэкономического принуждения, и, следовательно, создает широчайшие рамки для расцвета методов первоначального накопления.

«Система протекционизма — по Марксу — была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых рабочих, капитализировать национальные средства производства и существования, насильственно сокращать переход от старого способа производства к современному... На европейском континенте процесс этот, по примеру Кольбера, был еще более упрощен» [1] (чем в Англии).

Во Франции — при Людовике XIV, — по Энгельсу, «мануфактуры были приведены в состояние усиленного оживления покровительственной системой Кольбера... Натуральное хозяйство крестьян было разрушено и замещено денежным; внутренний рынок был создан и в то же самое время вскоре был снова разрушен почти совсем, по крайней мере на время, путем этого же процесса, путем неслыханного насилия, с которым новая экономическая необходимость навязывала себя жизни, а также путем возрастания налогового обложения деньгами и людьми, ставшего неизбежным тогда вследствие введения постоянных армий и рекрутчины»... [2]

К методам первоначального накопления следует отнести все виды и разновидности принудительного труда, применяемого во вновь возникающих мануфактурных предприятиях. Важно подчеркнуть, что мы сталкиваемся в данном случае не с пережитками крепостничества, а с отношениями принуждения, наново созданными законодательством и политическими мероприятиями государственной власти. Сюда относятся постановления, направленные против бродяжничества и составляющие интегральную часть законодательства против экспроприированных. Наиболее яркий пример — это знаменитый елисаветинский статут о подмастерьях 1563 г. Он делает труд в целом ряде «ремесел и мастерств» обязательным для «каждого неженатого человека моложе 30 лет... если он обучен одному из перечисленных искусств, ремесел и наук или работал в них в течение трех лет или более и не имеет недвижимости... и не работает по найму в сельском хозяйстве или в перечисленных ремеслах... и не работает законно в каком-либо другом ремесле и не принадлежит к челяди или служащим какого-либо знатного лица или джентльмена и т. д.».

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, г., стр. 608.

[2] Переписка Ф. Энгельса с Николаем—оном, «Летописи марксизма», № III (XIII), 1930 г., стр. 120.

Охват статута очень широк. Не оказывая предпочтения какой-либо отдельной категории предпринимателей, он одинаково идет навстречу и мелкому хозяйчику из разжившихся ремесленников, и скупщику, и купцу-промышленнику. Но импульс елисаветинскому законодательству был дан, несомненно, со стороны торгового капитала, представлявшего интересы всей имущей, владельческой Англии. Там, где буржуазия становилась у власти, она с неумолимой последовательностью развязывала силы первоначального накопления. По откровенному признанию одного памфлетиста эпохи английской революции, для бедняка «самое подходящее место это исправительный дом или тюрьма... Если же они здоровы, их надо принудить к труду, потому что закон Христа гласит: не трудящийся да не ест». [1] Автор этого памфлета, некий добряк Hartlib, предлагал подвергнуть принудительному обучению сирот и детей бедных родителей, посадив их за прядение и ткачество. На практике это в целом ряде случаев и имело место. Так, в North Riding в 1652 г. решено было отправить всех бедных в исправительный дом в Pickering с тем, чтобы заставить их прясть шерсть и выделывать сукно и т. д. [2] Производителя, насильственно разъединенного со средствами его производства, насильственно обучали навыкам и приемам работы в промышленности и потом насильственно загоняли на мануфактуру или в мастерскую цехового хозяйчика.

Во Франции XVII — XVIII вв. бедные, заключенные в «госпиталях», принуждались к работе. Даже больные должны были выполнять легкую работу. «В Salpêtrière женщины и подростки вязали, выделывали кудель и шерсть, вышивки, ковровые изделия, кружева, производили и чинили домашнее белье, даже для частных лиц. В Bicêtre процветали тканье полотна, чесанье и пряденье шерсти, в Орлеане производство кружев и шнурков и тканье полотна, в Сен-Менеу прядение конопли и шерсти и вязанье чулок. Суассон, Нойон, Бове, Берне, Труа, Амьен, Аббевиль и др. также имели свои мануфактурные предприятия». [3] Еще в 1764 г. правительство издало грозную декларацию против бродяжничества. «Будут считаться бродягами, — говорилось в этой декларации, — и людьми без определенных занятий и будут осуждены в качестве таковых все лица, не практиковавшие в течение последних шести месяцев какой-либо определенной профессии или ремесла, не имеющие какого-либо имущества, которое могло бы доставить им средства к существованию, и не могущие доказать показаниями достойных доверия людей благонадежность своих нравов». [4] Декларация предусматривала две санкции против бродяжничества: га-

[1] James, Social problems and policy during the puritan revolution, стр. 18.
[2] Там же, стр. 94.
[3] C. Bloch, L'assistance et l'état en France à la veille de la révolution, стр. 91.
[4] Там же, стр. 161.

леры и заключение. Взрослые бродяги (в возрасте от 17 до 60 лет) должны были приговариваться к трехлетним работам на галерах, в случае рецидива — к девятилетним, пойманные в третий раз к пожизненным. По выражению современного памфлетиста Montlinot, это была «война не на жизнь, а на смерть против расы, лишенной крова, собственности и всяких средств к существованию». [1]

С другой стороны, еще Кольбер широко практиковал внедрение принудительного труда в мануфактурные предприятия и строительные работы. Аналогичные мероприятия мы находим и в Испании около середины XVI в., и в Пруссии, и в Австрии. [2] Необходимо, однако, подчеркнуть глубокое принципиальное различие между подобными мероприятиями и той политикой, которая проводилась в России в эпоху Петра I. Широко практикуя приписку к фабрикам и заводам государственных крестьян, разрешая (с 1721 г.) предпринимателям не из дворян покупать частновладельческие деревни, русский императорский абсолютизм создавал мануфактурные предприятия, не бывшие по самому своему существу капиталистическими. «Поссессионная», а за ней и вотчинная мануфактура по способу производства всецело относятся к феодализму и в самом своем историческом возникновении и развитии тесно связаны с «вторым изданием» феодализма, ареной которого была сначала Московская Русь, а потом и императорская Россия XVIII в. Характерно, что Зомбарт не делает никакого различия между старыми, как он их называет, и новыми формами принудительного труда и благополучно объединяет в одной главе русскую крепостную промышленность с Кольбером и всем западноевропейским законодательством против экспроприированных. [3] На самом же деле к процессу первоначального накопления мы можем отнести только те формы принудительного труда, которые должны были расширить и вышколить кадры пролетариата для капиталистического производства и которые, следовательно, складывалась вне всякой непосредственной связи с выветрившимися и разложившимися формами феодальной эксплуатации.

Точно также развитие системы налогов и государственных долгов привлекается Марксом не само по себе, а как момент, содействовавший экспроприации непосредственного производителя и, следовательно, ускорявший темпы развертывания капиталистической индустрии. Маркс говорит о крупной роли, «которую государственные долги и современная фискальная система играют в превращении общественного богатства в капитал, в экспроприации самостоятельных производителей и в угнете-

[1] C. Bloch, ук. соч., стр. 162.
[2] Ср. И. М. Кулишер, Эволюция прибыли с капитала, т. I, стр. 610 и сл.
[3] Sombart, ук. соч., стр. 814.

нии наемных рабочих».[1] В частности «государственный долг делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления», ибо «словно прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает их таким образом в капитал».[2] При анализе действия международной кредитной системы Маркс пользуется примером, на который надо обратить самое пристальное внимание. Голландцы ссужали деньгами Англию, перестав в то же время «быть господствующей торговой и промышленной нацией».[3] «История падения Голландии, — пишет Маркс в другом месте, — как господствующей торговой нации, есть история подчинения торгового капитала промышленному».[4] Это не помешало голландской кредитной системе стать фактором первоначального накопления, которое совершалось, однако, не в самой Голландии, а в Англии. Маркс, таким образом, указывает на необходимость выхода за пределы ограниченных национальных, государственных рамок при рассмотрении процесса первоначального накопления, на необходимость трактовать возникновение и развитие капиталистического способа производства как единый процесс, протекающий, однако, со значительными отклонениями, обусловленными многообразием местных условий. Одни страны отстают, коснеют в условиях преобладающего влияния торгового капитала, другие ложатся пластом и приканчиваются при помощи пресса колониальной эксплуатации, наконец третьи прорываются вперед и становятся очагами капиталистического производства. Но и Голландия, ссужающая своими капиталами капиталистическое хозяйство Англии, и Южная Америка, сыны которой погибают на разработках золотых и серебряных рудников, в той или иной степени участвуют в историческом рождении капитализма, «сочащегося кровью и грязью с головы и до пят». И подлинная их роль может быть уяснена только из всего контекста экономической истории XVI — XVIII вв. отнюдь не при изолированном, локальном рассмотрении, искусственно вырывающем историю той или иной страны из той экономической среды, в которой она совершается.

Изучение исторической роли торгового капитала и различных путей развития капитализма привело нас к определенным выводам относительно соотношения этих моментов с процессом первоначального накопления. Попробуем вкратце резюмировать наши выводы:

1. Процесс сложения и развития (первичного накопления) торгового капитала не идентичен с процессом первоначального накопления. Исторически он старше его, причем, однако, известный уровень развития, до-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 607.
[2] Там же, стр. 606.
[3] Там же, стр. 607.
[4] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 309.

стигнутый торговым капиталом, сам по себе еще не обусловливает перехода к первоначальному накоплению. Последнее имеет место только там, где созрели все остальные предпосылки генезиса капиталистического способа производства.

2. Схожесть внешних форм, в которых протекают эти процессы, основана на том, что оба вырастают из применения методов внеэкономического принуждения.

3. Торговый капитал дает импульс первоначальному накоплению, могущественно ускоряя темпы развития капиталистических отношений, поскольку сам он превращается в капитал промышленный. При этом формы превращения торгового капитала в промышленный могут быть основаны как на его подчиненном (подлинно революционизирующий путь), так и на самостоятельном выступлении («купец, становящийся промышленником»).

4. Конкретные формы, в которые облекается процесс первоначального накопления (помимо ведущей — отнятие земли у сельского населения и кроме эксплуатации колоний), суть: проводимая государством система принудительного труда (протекционизм), фискальная (налоговая) система, государственные долги и пр.

6

Как мы знаем, по Марксу, организация, покоящаяся «на разделении труда, создает свою классическую форму в мануфактуре. Как характерная форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение мануфактурного периода в собственном смысле этого слова, т. е. приблизительно с половины XVI столетия до последней трети XVIII». [1]

Таким образом, мы имеем дело с особым мануфактурным периодом в развитии капитализма. В течение этого периода капитализм не является еще господствующим способом производства. «Мануфактура не могла ни охватить общественного производства во всем его объеме, ни преобразовать его в самой его основе. Как экономический кунстштюк возвышалась она на широком основании городского ремесла и сельской домашней промышленности». [2] Иначе говоря, развитие капитализма в мануфактурной его стадии происходит в рамках феодальной формации.

«Исторической предпосылкой развития первого расцвета мануфактуры в Италии и позже во Фландрии было общение с иностранными нациями, — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии». — В других странах, например, в Англии и Франции, мануфактуры первоначально

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 252.

[2] Там же, стр. 279.

ограничивались внутренним рынком. Кроме указанных предпосылок, мануфактуры обусловлены еще возросшей концентрацией населения — в особенности деревенского — и капитала, который начал скопляться отчасти в цехах, несмотря на все цеховые запреты, отчасти у купцов, в отдельных руках». [1] В «Немецкой идеологии», также как и в «Нищете философии», мы не находим еще самого понятия первоначального накопления. Однако уже тут налицо целый ряд положений, получивших свое дальнейшее развитие и окончательную формулировку в 24-й главе I тома «Капитала». Так, в «Немецкой идеологии» говорится о том, что «одновременно с возникновением мануфактур начинается период бродяжничества, вызванный упразднением феодальных дружин, роспуском войск, служивших королям против их вассалов, улучшением земледелия и превращением огромных площадей пахотной земли и пастбища». [2] Здесь, по сути дела, Марксом дается первый абрис параграфа, посвященного в 24-й главе «отнятию земли у сельского населения».

Там же, в «Немецкой идеологии», дана блестящая характеристика исторических судеб мануфактуры. «Мануфактура и вообще все развитие производства достигли огромного подъема благодаря расширению сношений, вызванному открытием Америки и морского пути в Ост-Индию. Новые, ввезенные оттуда продукты, в особенности вступившие в обращение массы золота и серебра, которые радикально изменили взаимоотношения классов и нанесли жестокий удар феодальной земельной собственности и рабочим, походы авантюристов, колонизация и прежде всего ставшее теперь возможным и изо дня в день совершавшееся все в большем объеме расширение рынков до размера мирового рынка — все это породило новую фазу исторического развития...» [3]

«Расширение рынка, накопление капиталов, перемены в социальном положении классов, целая масса людей, лишенных своих прежних источников дохода, — вот исторические условия образования мануфактуры» — читаем мы в «Нищете философии». [4]

В наши задачи не входит сколько-нибудь развернутая характеристика учения Маркса и Ленина о мануфактуре и о мануфактурной стадии капитализма. Нам важно только выяснить, в каком соотношении находятся понятия мануфактурного периода и эпохи первоначального накопления. Мануфактурный период, как мы видели, Маркс датирует очень точно. «Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 45.
[2] Там же, стр. 46.
[3] Там же, стр. 47.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 386.

тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию». [1] Но процессы первоначального накопления, обрисованные Марксом в «Капитале», распространяются хронологически на тот же промежуток времени, что и мануфактурный период в развитии капитализма. Приблизительно в половине XVIII веке исчезает yeomanry, а в последние десятилетия XVIII столетия исчез всякий след общинного землевладения земледельцев». [2] Таким образом, историческое завершение процесса обезземеления крестьянства приблизительно совпадает с окончанием мануфактурного периода, хотя последние всплески огораживаний прослеживаются Марксом вплоть до 20-х годов XIX в. («Дело герцогини Сутерландской»). «На Западе Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее завершился, — пишет Маркс в 25-й главе «Капитала». — Здесь капиталистический режим или прямо подчинил себе все национальное производство, или... по крайней мере косвенно управляет теми принадлежащими к старому способу производства слоями, которые продолжают существовать рядом с ним и постепенно приходят в упадок». [3] Как видим, Маркс дает очень точный критерий для определения степени завершенности процесса первоначального накопления. Критерий этот — господство капиталистического режима, имеющее в свою очередь необходимой предпосылкой преобразование капиталистической мануфактуры в капиталистическую крупную промышленность. Применение методов первоначального накопления возможно, однако, и в более поздний период, поскольку и в условиях господства капитализма в экономическую ткань буржуазного общества оказываются вкрапленными те или иные остатки мелкого производства. Подчеркнем также, что Маркс говорит о западной Европе, противопоставляя ее колониям, где борьба между капиталистом и мелким производителем еще не закончена. Поэтому, например, применение понятия эпохи первоначального накопления к истории Индии за промежуток между 1757 и 1857 гг. представляется нам вполне правомерным. [4]

С другой стороны, первые проявления первоначального накопления приурочены у Маркса к первым шагам капиталистического производства, в мануфактурной его форме. Поскольку, например, Италия выделяется из общеевропейских рамок мануфактурного периода, постольку и процессы первоначального накопления созревают в ней раньше, чем в других странах. «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения. Крепостной эмансипировался здесь прежде, чем успел обеспечить за собою

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 574.
[2] Там же, стр. 579.
[3] Там же, стр. 613—614.
[4] Ср. И. М. Рейснер, Очерки классовой борьбы в Индии, стр. 41.

какое-либо право давности на землю. Поэтому освобождение немедленно превращает его в поставленного вне общества пролетария». [1]

Такое совпадение хронологических рамок мануфактурного периода и эпохи первоначального накопления далеко не случайно. Мы имеем в данном случае дело с двумя различными сторонами одного и того же процесса, существенной чертой которого является то, что он протекает в недрах феодальной формации в условиях прогрессирующего разложения феодального способа производства, в условиях, когда вместе с тем вопрос об окончательной победе капитализма не может считаться решенным. Именно поэтому развивающемуся капитализму необходимо развертывание всех тех специфических форм внеэкономического принуждения, которые входят в марксовское понятие первоначального накопления. В течение всего мануфактурного периода приходится вновь и вновь на основе этих методов воссоздавать «отношение, именуемое капиталом». Надобность в этом ослабевает только с окончательным торжеством капитализма, а это торжество имеет, в свою очередь, необходимой своей предпосылкой переход капитализма через промышленный переворот из стадии мануфактурной в стадию крупной промышленности. Первоначальное накопление уступает место капиталистическому накоплению. «Когда этот процесс превращения [так наз. первоначального накопления. *П. Щ.*] достаточно разложил старое общество в глубину и ширину, когда рабочие уже превращены в пролетариев, а условия их труда — в капитал, когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда, дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплуатируемые и, следовательно, общие средства производства, и связанная с этим дальнейшая экспроприация частных собственников приобретают новую форму». [2]

Таким образом, XVI — XVIII века в истории западной Европы являются эпохой разложения феодализма, совершающегося под прямым воздействием капиталистического способа производства, переживающего свой мануфактурный период и развивающегося на основе первоначального накопления, т. е. на основе «экспроприации народной массы немногими узурпаторами». [3]

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 574, примечание 189.

[2] Там же, стр. 612.

[3] Там же, стр. 613. Ср. у Розы Люксембург: «при первоначальном накоплении, т. е. при историческом зарождении капитализма в Европе, обнимающем период от исхода средних веков и вплоть до XIX столетия...» (Р. Люксембург, Накопление капитала, 2-е изд., стр. 379). Исходя из своей ошибочной концепции накопления капитала, Люксембург искусственно сужает поле применения первоначального накопления. Говоря о методах капиталистической экспансии в колониях, Люксембург пишет: «Мы имеем здесь дело уже не с первоначальным накоплением: описанный процесс продолжается до наших дней» (там же, стр. 380). Это, конечно, не аргумент.

7

Весь ход предыдущего нашего изложения вплотную подвел нас к вопросу о месте первоначального накопления в общем ходе классовой борьбы XVI — XVIII вв. Нам нужно уточнить вопрос о том, кто явился носителем конкретных форм внеэкономического принуждения, в которые облекся процесс первоначального накопления? Какова была классовая природа проводившего его в жизнь государства? Как и кем велась борьба против первоначального накопления и можно ли считать прогрессивной и эту борьбу и возглавившие ее социальные группировки?

Короче говоря, перед нами встает проблема государства и проблема борьбы за разные пути развития капитализма. Без освещения этих проблем не может быть понят ни один крупный исторический сдвиг в западноевропейской истории XVI — XVIII вв. Итак, начнем с государства. Активная роль государства в развитии первоначального накопления неоднократно подчеркивается Марксом на всем протяжении 24-й главы I тома «Капитала». Так, «королевская власть, являющаяся сама продуктом развития буржуазии, насильственно ускоряет процесс роспуска феодальных дружин. Методы первоначального накопления вообще пользуются государственною властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы облегчить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический». [1] Государственные долги, протекционистская политика — все это примеры использования государственной власти в интересах первоначального накопления.

Мы не можем здесь, в силу характера нашей темы, уделить внимание проблеме абсолютизма в целом. Вместе с теорией торгового капитализма пала и концепция абсолютистского государства, как продукта торгового капитала, как политической надстройки над торговым капитализмом. Между тем некоторые убежденные сторонники этой теории создали на ее основе довольно затейливую «теоретическую» канву. Одни пытались ввести в оборот понятие двух абсолютизмов, одного «прогрессивного, торгово-капиталистического», и другого «реакционного, дворянского». [2] Другие полагали, что при «торговом капитализме» «экономическое и политическое господство принадлежит классу торговых капиталистов». [3]

Экспроприация непосредственного производителя в колониях в интересах капитала-колонизатора принадлежит к первоначальному накоплению, даже если она происходит в «наши дни».

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 603.

[2] В. Д. Преображенский, Происхождение современных государств Европы, ч. II. Абсолютизм, стр. 87.

[3] Н. Н. Розенталь, Западная Европа в эпоху торгового капитализма, стр. 3.

Третьи, что «торговый капитал заставляет монархию служить своим классовым интересам». [1]

Критическое преодоление богдановской концепции торгового капитализма привело к ликвидации недоразумений, накопившихся вокруг вопроса о классовой природе абсолютистского государства. Не будучи связанным в своем развитии с господством какого-либо определенного способа производства, торговый капитал, следовательно, не определяет собой и классового расчленения, классового строения общества. В обществе же, разделенном на классы, господствующим является класс, выступающий в качестве владельца средств производства, будет ли это совокупность всех необходимых средств производства, как при капитализме, или, по крайней мере, решающей их части, без которой невозможен процесс производства (земля при феодализме). Таким классом не может быть «класс торговых капиталистов» именно в силу того, что он не занимает господствующего положения в сфере производства. Торговая буржуазия, несмотря на то, что она может играть большую роль в развитии капитализма, нигде и никогда не командует процессом производства в целом. Поэтому-то мы должны отвергнуть представление об абсолютизме, как о «государстве торгового капитала».

Точно так же не выдерживает критики попытка подойти к абсолютизму с точки зрения пресловутой теории равновесия. Сторонники этой теории совершенно неправильно ссылаются при этом на одно высказывание Энгельса в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Высказывание это гласит: «В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил («wo die kämpfenden Klassen einander so nahe das Gleichgewicht halten»), что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию». [2] Совершенно ясно, что Энгельс основное ударение делает на слове «кажущаяся»: государственная власть приобретает кажущуюся, видимую независимость от борющихся классов. В этом заключается сущность таких переходных форм, как абсолютная монархия или бонапартизм. Иные толкования указанного места из Энгельса приводят к полному разрыву со всем учением Маркса и Ленина о природе государства. «Эта новая политическая сила, — говорит об абсолютизме один из цитированных нами историков, — могла родиться лишь на почве равновесия двух антагонистических, друг друга парализующих господствующих классов, откуда и

[1] С. Куниский, Очерк истории английской революции, стр. 21.

[2] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1932 г. стр. 174.

могло произойти такое непомерное усиление верховной власти короля». [1] Подобная «интерпретация» Энгельса не имеет ничего общего с марксистско-ленинским учением о государстве. Не может существовать такое государство, которое не было бы орудием господства определенного общественного класса. Нет такого государства, которое было бы просто политической надстройкой, как таковой, не связанной с каким-либо определенным классом. Марксизм отрицает вместе с тем возможность существования двух господствующих классов, разделяющих между собою на равных началах политическую власть. В особенности же неприемлемо для него представление о двух господствующих классах, парализующих друг друга, уступающих и передоверяющих власть королю, который оказывается на положении надклассового суперарбитра.

Совершенно очевидно, что абсолютную монархию мы должны мерить той же меркой, что и всякое эксплуататорское государство. Каждой общественно-экономической формации соответствует определенный тип эксплуататорского, классового государства. В «Лекции о государстве» Ленин неустанно подчеркивает, что в пределах одной и той же формации при всем разнообразии форм государство остается тождественным по своей классовой сущности. Процесс первоначального накопления протекает в рамках феодальной формации, в эпоху, когда феодальный способ производства, несмотря на свое прогрессирующее разложение, продолжает сохранять *господствующее положение*. На всем протяжении возникновения, развития и упадка феодального общества власть принадлежит и не может не принадлежать дворянству, помещикам-феодалам. Феодальное государство Карла Великого, также как и бюрократический абсолютизм Людовика XIV, по своей природе крепостническое государство. Следовательно, абсолютизм не что иное, как одна из форм феодально-крепостнического государства, при которой господствующим классом остается дворянство, основным содержанием всей политики — оборона феодальной системы эксплуатации крестьянских масс. Но данная политическая форма возникает лишь на определенном этапе развития или, вернее, разложения феодализма. В западной Европе государство XVI в. мало похоже на государство XI — XII вв. Мы впадем в ошибку, если примем изменение фасада государства за перемещение основной его классовой базы. Мы ошибемся, если будем считать абсолютизм в его классовой сущности чем-то отличным или даже противоположным дворянской монархии эпохи расцвета феодализма. Но в то же время ошибочным было бы также игнорирование тех несомненных отличий, какие имеются, скажем, между сословной монархией XIII — XIV вв. и монархией абсолютной. Ведь, орудием первоначального накопления, по Марксу, оказывается

[1] В. Д. Преображенский, ук. соч., стр. 8.

именно королевская, абсолютная власть. Нам важно выяснить, каким же образом дворянское государство становится орудием капиталистических интересов. Из этого видимого противоречия механисты и богдановцы находили простой выход, когда они ставили знак равенства между государством и торговым капиталом. Такой путь «разрешения» проблемы для нас закрыт. Нам нужно выяснить, в чем состояли характерные для абсолютизма видоизменения феодального государства, чем они были *обусловлены*, какой характер носили процессы дифференциации, происходившие в среде господствующего дворянства, и как процессы эти влияли на отношение дворянства к растущему капитализму и к буржуазии — его носительнице. Все эти вопросы в рамках настоящей статьи могут быть освещены лишь самым суммарным образом. Напомним еще раз, что у нас одна только цель: раскрыть роль государства в процессе первоначального накопления.

По М. Н. Покровскому, абсолютизм «характеризуется тремя основными признаками: наличностью бюрократии, постоянной армией и системой денежных налогов». [1] Возникновение каждого из этих институтов базируется на совершенно определенных экономических предпосылках.

Начнем с армии. Ближайшей причиной перехода большинства европейских государств к постоянной армии явился переворот в военном деле, пережитый западной Европой в XIV — XV вв. Исходная точка этого переворота — изобретение огнестрельного оружия. Если и верно, что первое упоминание огнестрельного оружия восходит к Петрарке, [2] то все же окончательное освоение этого совершенно нового рода оружия относится к концу XV и началу XVI в. Освоение это сопровождалось крушением старой военной тактики, крушением рыцарства и возвышением пехоты. Стрелки и пехотинцы, вооруженные холодным оружием, значительно усиливались в своей численности и, сплотившись в одну сомкнутую колонну, стали теперь решающей силой боя. Тем не менее, еще в XVI в. война велась при помощи наемных войск. Наемные войска преобладали даже в Тридцатилетней войне. Только с конца XVI в. начинается комплектование постоянных контингентов, причем и эти контингенты оказываются сравнительно крайне малочисленными. Так, например, Ришелье в 1640 г. хвалился, что у Франции было под знаменами 150 тысяч пехоты и более 50 тысяч конницы, причем и эти сведения были, повидимому, сильно преувеличены. [3] Однако самое появление наемных войск, не говоря уже о постоянной армии, предполагает определенные социально-экономические предпосылки, определенную степень разложения фео-

[1] М. Н. Покровский, О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России, «Борьба классов», № 2 за 1931 г., стр. 85.

[3] Г. Дельбрюк, История военного искусства, т. IV, стр. 29.

[2] Там же, стр. 217.

дальных отношений. «Ничто не зависит до такой степени от экономических условий, как именно состав, организация, вооружение, стратегия и тактика армии». [1]

А к этим экономическим условиям нужно отнести в первую голову рост товаро-денежного хозяйства, переход к денежной форме налогового обложения и сосредоточение значительных денежных сумм в распоряжении государственной власти. Или, как выражается Дельбрюк, «естественную границу численности войск должны были указывать пределы финансовых ресурсов государей, ведущих войну». [2] В войне основное — деньги. Мысль эту первым подхватил итальянский кондотьер Тривульцио. А об императоре Максимилиане I современный аугсбургский хронист писал: «Er wollte stets Kriege führen und hatte doch kein Geld. Zu Zeiten, wenn er in den Krieg ziehen wollte, waren seine Diener so arm, dass sie sich (nebst dem Kaiser) nicht aus der Herberge lösen konnten». [3]

Тому же Максимилиану приходилось выходить к войскам, когда выходила задержка с выплатой жалования, и Христом-богом просить их не расходиться. Нанять войско, снарядить его и экипировать — это значило в первую очередь разрешить финансовый вопрос. Отсюда постоянная забота абсолютной монархии о деньгах и отчаянная борьба за право самостоятельного установления налогов и бесконтрольного расходования поступающих налоговых сумм. Поэтому-то такой крупной вехой в истории французского абсолютизма был 1439 год, год, когда абсолютистский режим эмансипировался в вопросе о взимании тальи от контроля сословного представительства. То, что еще в XV в. удалось французскому абсолютизму, было в XVI — XVII вв. предметом вожделения со стороны английского. В конце концов толчком к буржуазной революции в Англии должен был стать конфликт между короной и парламентом, обусловленный в значительной степени финансовыми притязаниями королевской власти.

Итак, наряду с постоянной армией, вторым отличительным признаком абсолютной монархии является система денежных налогов. Но в равной степени можно сказать, что абсолютная монархия невозможна без бюрократии. Блестящую характеристику социальной сущности бюрократии мы находим в одной из ранних статей Ленина: «Бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в соче-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 383.
[2] Г. Дельбрюк, ук. соч., стр. 55.
[3] R. Ehrenberg, Das Zeitalter der Fugger, m. I, стр. 59.

тании интересов помещика и буржуа». [1] Буржуазные источники бюрократии отнюдь не меняют классовой сущности того государства, слугой которого выступает бюрократический аппарат. Бюрократ, вышедший из буржуазной среды, может в некоторые моменты своей деятельности стать полновластным хозяином дворянского государства. Однако нужно остерегаться от увлечения плебейской фигурой какого-либо Кольбера. За его широкими плечами скрывается все то же дворянское государство. Правда, «бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов... первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев «мещанства»,[2] но самая оппозиционность обюрократившихся мещан была чрезвычайно относительной, ограниченной. Вопрос о социальном составе бюрократии и о социальном ее происхождении не следует смешивать с вопросом о той классовой линии, которую проводили чиновники, заполнявшие всяческие правительственные канцелярии. Эти выходцы из буржуазии сплошь и рядом, на положении «постоянных флюгеров», делали не свое, не буржуазное дело, хотя они же, в определенной исторической ситуации, становились «политическим оружием буржуазии». Своим возвышением бюрократия обязана была фракционной борьбе внутри дворянства, равно как и нежеланию дворянства унижать свое достоинство занятием чисто чиновнических должностей. Во Франции в XVII в. дворяне, например, считали для себя службу по дипломатической части, вплоть до выполнения обязанностей дипломатических представителей за границами страны — унизительной. Поэтому-то дипломатия Ришелье не знала в среде своих деятелей ни одного крупного дворянина и должна была рекрутироваться из людей без роду и племени. По отзыву историка, «гражданские должности по линии финансов и народного образования презирались аристократией наравне с торговлей и промышленностью». [3] Дело дворянина — военная служба. Сидение же в канцеляриях предоставляется «приказным дьякам», разночинцам. Поэтому-то буржуазия, и не в одной только Франции, легко заполняла канцелярии и департаменты своими выдвиженцами. Итак, аппарат сколочен не из дворянских элементов. Политика осуществляется не дворянскими руками. Но это отнюдь не означает перехода власти к буржуазии, перехода, связанного с изменением классовой сущности дворянского государства. Появление бюрократии указывает лишь на дальнейшее изменение *формы* дворянского государства, изменение, обусловленное теми же экономическими причинами, которые породили постоянные армии и систему налогов.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 186.
[2] Там же, стр. 291, 292.
[3] D'Avenel, Richelieu et la monarchie absolue, т. II, стр. 287.

Под этими экономическими причинами мы ближайшим образом понимаем разложение феодальных «отношений под напором растущего товарного хозяйства. Если товарное хозяйство разлагало феодализм, как экономическую систему, то оно должно было как-то видоизменять и политическую систему феодализма». [1] Для уточнения этой формулировки надо напомнить, что с XVI в., а в некоторых частях Европы и значительно раньше (Италия!), разложение феодализма происходит не только под влиянием развития простого товарного хозяйства, но под влиянием растущих капиталистических отношений, в которые переросли отношения товарного хозяйства. Исходным пунктом здесь является слияние в одно целое раздробленных феодальных княжеств, областей, городов и т. д., а слияние это, по Ленину, «вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков». [2]

Изменение экономической обстановки, вымывание основ натурального хозяйства — вот что поставило перед дворянством задачу «управления по-новому». А управлять по-новому и означало перейти к максимальной концентрации государственной власти и сделать ее решающим рычагами систему постоянной армии, систему налогов и бюрократию. Однако изменение экономической обстановки само по себе еще не влечет за собой сложения абсолютной монархии. Предпосылкой возникновения и развития абсолютизма является дифференциация внутри господствующего дворянского класса. Таким образом, перед нами встает более общий вопрос об исторической судьбе дворянства. Вопрос этот, важный и интересный, до сих пор не получил надлежащего освещения в марксистской исторической литературе. Несомненно, буржуазия играет большую роль в утверждении абсолютизма. Иван Грозный, подходя к реформе второй половины своего царствования, блокировался с определенной группой купеческой буржуазии. Борьба Алой и Белой Розы кончилась победой Белой Розы благодаря поддержке, полученной ею от торговых городов юго-восточной Англии. Людовик XI в борьбе с феодальной «Лигой общественного блага» опирался на городские коммуны северо-восточной Франции. Об огнестрельном оружии Энгельс говорит, что «оно стало с самого начала оружием... возвышавшейся при их поддержке монархии против феодальной знати». [3] В том же «Анти-Дюринге» он упоминает о периоде, когда «королевская власть использовала буржуазию против знати (das Bürgerthum gegen den Adel benutzte)». [4] Все это дает нам основание считать роль буржуазии в возникновении абсолютизма значительной, но все же не решаю-

[1] М. Н. Покровский, ук. соч., «Борьба классов», № 2, стр. 85.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 270.
[4] Там же, стр. 168.

щей. Речь идет об использовании ее в качестве попутчицы. Чем же является королевская власть, блокирующаяся с буржуазией? Не чем иным, как представительницей части дворянского класса, интересы которой резко разошлись с интересами другой ее части, или, еще точнее, представительницей среднего и мелкого дворянства, заинтересованного в ликвидации политического могущества феодальной знати и в установлении мощной, централизованной абсолютной монархии.

В самом деле, с конца XV и начала XVI в. в среде западноевропейского дворянства наблюдается ряд явлений, свидетельствующих о расслоении, совершающемся в недрах этого класса. Без учета этого расслоения мы вряд ли сможем понять и общий ход классовой борьбы в XVI — XVII вв., и, в частности, ту обстановку, в которой протекали процессы первоначального накопления.

Уместно было бы с самого начала вспомнить, что аналогичная дифференциация происходила и в недрах класса феодалов в Московской Руси. По М. Н. Покровскому, «малу-по-малу феодальный класс распался на две или даже, если хотите, на три части: на крупное феодальное боярство, потомков бывших великих князей и других крупных землевладельцев, владевших огромными вотчинами, но все более разорявшихся, и на мелкое дворянство, которое, наоборот, создавало новое хозяйство и с великим трудом, что называется, выбивалось в люди, сколачивая себе кое-какое достояние. А рядом с этими классами стояло одинаково ненавистное им обоим крупное церковное землевладение». [1] Отметим, в скобках, что терминология М. Н. в данном случае не совсем точна. Правильнее было бы говорить не о различных классах, а о трех различных фракциях внутри одного общественного класса. Но самый распад феодального класса происходит под действием аналогичных причин буквально по всей Европе. В Германии начала XVI в. распад этот привел к рыцарскому восстанию 1523 г. Движение это, насквозь реакционное, имело определенную социально-политическую программу, вытекавшую из экономических условий существования значительной части немецкого дворянства. «Низшее дворянство, рыцарство, быстрыми шагами шло навстречу своей гибели». [2] Распад дворянства обусловил также различное отношение отдельных его фракций к реформационному движению. Тяга экономически подорванной части дворянства к недвижимостям церкви породила дворянский кальвинизм в Шотландии, Венгрии, Польше, в некоторых областях Франции. Во Франции XVI в. условия экономического быта отдельных слоев дворянского класса резко контрастны. Провин-

[1] М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, Партиздат, 1933 г., стр. 40.

[2] Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 38.

циальное мелкое дворянство, так называемые «медные лбы», живет в совсем иных условиях, чем владельцы немногих сохранившихся еще крупных феодов. А эти, в свою очередь, сильно отличаются от придворного дворянства, окружающего трон последних Валуа. Наконец, в Англии исторический раскол дворянства вылился в знаменитую войну Алой и Белой Розы, на полях которой полегло все, что было наиболее аристократического, родовитого в дворянском классе. Но и оставшаяся его часть пошла по пути расслоения, подготовившего к началу XVII в. отчетливую консолидацию враждебных сил «старого» и «нового» дворянства.

Процессы эти не могли не повлиять и на политическую структуру разлагающегося феодального общества, и на характер экономической политики, проводившейся абсолютной монархией. А это значит, что они влияли и на размах и темпы процессов первоначального накопления, поскольку последние обусловливались активным участием и вмешательством государственной власти. В свою очередь расслоение дворянства было прямым результатом растущего разложения натурально-хозяйственных основ феодализма под влиянием роста простого товарного хозяйства, а затем и капиталистического способа производства. Однако более глубокая подоплека этого процесса может быть понята нами лишь в свете марксовского учения о формах докапиталистической земельной ренты. Дело в том, что эволюция форм докапиталистической земельной ренты определительно влияет на судьбу не только непосредственного производителя, но и эксплуататора-помещика. Общие экономические сдвиги, сопровождающие разложение феодального способа производства, преломляются для помещика-феодала сквозь призму метаморфозы, претерпеваемой земельной рентой. Иначе говоря, консолидация экономических условий существования дворянства находится в теснейшей зависимости от того, какая форма земельной ренты преобладает в тот момент, когда само дворянство оказывается втянутым в пучину хозяйственного переворота. Попробуем обосновать нашу мысль на нескольких примерах.

Начнем с Англии. В Англии к началу XVI в. в основном был завершен процесс коммутации, т. е. перевода натуральных повинностей в денежные, или, иначе говоря, продуктовой ренты в денежную ренту. Вопрос о темпах, какими проходил этот процесс, имеет для нас в данном случае второстепенное значение. [1] Вопреки распространенному мнению ряда бур-

[1] Спор буржуазных ученых о времени исчезновения в Англии натуральных повинностей не привел к окончательным результатам. Во всяком случае, старые представления Роджерса, отодвигавшего почти полное исчезновение барщины к началу XIV в., следует признать преувеличенными, также как и аналогичную точку зрения Петрушевского, следовавшего в данном случае за Роджерсом. По свидетельству Е. А. Косминского, «в эпоху Уота Тайлера крепостная и барщинная система были в полном ходу» («Бюллетень заочноконсультационного отделения ИКП», 1930 г., № 9, стр. 38).

жуазных историков, завершение процесса коммутации отнюдь не означало перехода от феодальной аренды к капиталистической. В английской деревне к началу XVI в. господствовали различные формы феодальной и полуфеодальной аренды, так что и арендная плата была не чем иным, как докапиталистической земельной рентой, принявшей денежное выражение. Коммутация, сама по себе, не означала еще замены феодальных отношений капиталистическими, но именно завершение процесса коммутации открыло реальные предпосылки для этого перехода. Процесс расслоения английского дворянства был тесно связан именно с этим переходом, наметившимся еще в первой половине XVI в. Результатом его было появление нового дворянства — «джентри». «В 1648 г., —говорит Маркс, — буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви». [1] Новое дворянство рекрутировалось и из буржуазии и из старого дворянства, подвергавшегося процессу обуржуазивания. Под обуржуазиванием мы разумеем процесс превращения дворян, существующих на феодальные доходы, в той или иной откровенной или замаскированной форме в буржуазных землевладельцев, получающих капиталистическую ренту или предпринимательскую прибыль. Присущая им «форма землевладения представляла не феодальную, а буржуазную собственность. Эти землевладельцы, с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для ее мануфактур рабочие руки, а с другой — были в состоянии дать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли. Этим объясняется общность их интересов с интересами буржуазии, этим и объясняется союз обоих классов». [2]

Моменты появления и распространения капиталистической аренды с одной стороны и проникновения наемного труда в помещичьи поместья с другой — показательны для начинающегося процесса обуржуазивания известных слоев дворянства. Вспомнив пафос, с каким в шекспировской Англии пропагандировались турнепс и клевер, табак и табачные плантации, мы поймем глубины новой, предпринимательской психологии, присущей этим слоям: джентри — дворянин по ярлыку. О таком дворянине одно из действующих лиц «Алхимика», комедии Бен Джонсона, говорит:

Путь к его земельному владенью,
За свежестью следов, еще горяч,
Как и двадцатилетний нрав владельца.
. . . . . Его доход
Равняется трем тысячам годичных—
Он прибыл в Лондон изучать дуэль

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 гг.), стр. 221.
[2] Там же, стр. 441.

И показаться в свете, вслед за чем он
В деревне думает дожить свой век. [1]

«Сколько лондонских купцов возведено в дворянство!» восклицает другой из собеседников.

Процесс обуржуазивания джентри отнюдь не совпадает с процессом втягивания помещиков в торговлю. Например, наш крепостник-помещик мог сколько угодно заниматься экспортной торговлей и вывозить «по балтическим волнам» и лес и сало. Он оставался крепостником-феодалом, потом что хотя продукт эксплуатируемого им крестьянина и превращался в товар, но способ производства этого продукта оставался прежним. Дифференциация английского дворянства также началась с торговли, торговли шерстью. Еще реакционер Кларендон отметил, что именно втянутое в торговлю шерстью дворянство изменило королю и стало оплотом парламента. Но, ведь, *торговать* шерстью мог и крепостник. Основное заключается в том, что от торговли шерстью, от экспортных операций часть дворянства перешла к перестройке самой своей экономической базы, к замене дворянско-феодальной эксплуатации эксплуатацией буржуазной. Обстоятельство это имело кардинальное значение для исторических судеб Англии и прежде всего обусловило то, что «английская аристократия со времени Генриха VIII не только не противодействовала развитию промышленности, но, напротив, старалась извлекать из нее пользу». [2]

Иначе обстоит дело с континентальным дворянством, в первую очередь с французским. Для него основным источником дохода вплоть до буржуазной революции XVIII в. остается докапиталистическая земельная рента в ее денежной форме, причем специфическим является «перед революцией во Франции нарушение и соединение денежной ренты с остатками ее прежних форм». [3] Французское дворянство обнаруживает своеобразный иммунитет по отношению к какому бы то ни было обуржуазиванию. «Дворянам представлялось немало возможностей заинтересоваться коммерческими предприятиями, стать судовладельцами, колонизаторами, промышленниками; они не обратили на это никакого внимания». [4] Сказанное о первой половине XVII в. сохраняет значение и для всего «старого порядка». В XVI в. из экономического кризиса, вызванного «революцией цен», дворянство Франции ищет выхода в секуляризации церковных имуществ, в итальянских войнах и в возвращении к изжитым страной формам феодальной раздробленности. Отсюда специфически паразитический облик французского дворянства. Иначе в

[1] Бен Джонсон, Драматические произведения, М., 1931 г., стр. 403.
[2] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, 1931 г., стр. 23.
[3] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 575.
[4] Avenel, Richelieu et la monarchie absolue, т. II, стр. 5, 6.

Германии. Со второй половины XVI в. значительная часть немецкого дворянства возвращается к отработочной ренте, к барщине, устанавливая, таким образом, второе издание феодализма. Крестьянское хозяйство экспроприируется для нужд экстенсивного по своей технике крупного вотчинного хозяйства. Параллельно с экспроприацией крестьянских наделов идет закрепощение крестьянства северо-восточной Германии, начало которому кладут указы о введении барщины в Бранденбурге, Нейморке, Померании и Мекленбурге.

Каждый из обрисованных нами путей социально-экономической эволюции дворянства предполагает и соответствующий ему путь развития классовой борьбы. Экономические интересы дворянства могут быть целиком увязаны с интересами буржуазии лишь тогда, когда само дворянство, в определенной своей части, переходит к новым буржуазным формам эксплуатации, как это и имело место в Англии. Именно поэтому против феодально-дворянского абсолютизма Тюдоров и Стюартов создался общий фронт буржуазии и джентри, и в самой английской революции осуществилась та расстановка классовых сил, о которой писал Маркс в статье о «Балансе прусской революции». [1] Следует ли, однако, из этого, что в других случаях, когда нет налицо буржуазного перерождения помещика-дворянина, дворянское государство вообще не может проводить политики первоначального накопления? Подобное утверждение было бы исторически неверно и противоречило бы указаниям Маркса насчет роли государственной власти в процессе «ускорения превращения феодального способа производства в капиталистический». Не нужно только забывать, что носителем протекционистской системы, системы «искусственной фабрикации фабрикантов», оставалось дворянское государство и что государство это, временно предпринимая защиту тех или иных буржуазных

[1] Характерно, что активное содействие государства процессу огораживания начинается в Англии только после эпохи буржуазной революции. По словам Маркса, «законодательство испугалось этого переворота. Оно не стояло еще на той высоте цивилизации, на которой «wealth of nation», т. е. образование капитала и беспощадная эксплуатация и обеднение народных масс, считается верхом государственной мудрости» (Капитал, т. I, стр. 519). Фискальные и военные мотивы, которыми руководствовалось правительство Тюдоров (английская армия комплектовалась из мелкого, среднезажиточного крестьянства, и акты против огораживаний не перестают подчеркивать пагубные последствия обезлюдения деревень с точки зрения нужд государственной обороны), перестают существовать для олигархии, окончательно становящейся у власти после «славной» революции 1688 г., и «хотя вмешательство Тюдоров и в меньшей степени Стюартов и попытка их оказать покровительство крестьянам не были продиктованы каким-либо бескорыстьем и в значительной степени оставались на бумаге, все же полное их прекращение после 1642 г., а также полоса огораживаний, последовавших за революцией 1688 г., показывают, что мелкие земледельцы больше проиграли, чем выиграли от революции, взявшей власть у короны и передавшей ее сквайрам» (Tawney, The agrarian question in the XVI century, стр. 316).

интересов, ни на минуту не упускало из виду генеральную линию отстаивания и укрепления социально-экономических позиций господствующего дворянства.

Переход к протекционизму в широком смысле слова связан с непосредственной заинтересованностью помещика в развитии торговли. Эпоха разложения феодализма характеризуется тем, что превращение продукта в товар, потребительной стоимости в меновую, приобретает все более систематический характер. Помещики, даже не превращаясь еще в «агрария», не перестраивая способа эксплуатации, покупают и продают больше, чем раньше. Рост капиталистической мануфактуры впервые создает достаточно емкий внутренний рынок для продуктов сельского хозяйства. Помещичье хозяйство становится составной частью рынка, в связи с чем и сам помещик начинает предъявлять все возрастающий спрос на промышленную, мануфактурную продукцию, зачастую импортного происхождения. Параллельно с этим растет и спрос, предъявляемый дворянским государством в связи с ростом постоянных армий и развитием бюрократического аппарата. Оружие, холодное и огнестрельное, сукно, холст, бумага — во всем этом нуждается во все возрастающей степени дворянское государство эпохи разложения феодализма. Поэтому-то и протекционистская система становится экономической программой абсолютной власти. Протекционизм стремится ориентировать и регулировать процесс капиталистического развития в интересах дворянства. Власть эта заинтересована в том, чтобы король и дворянин могли покупать как можно дешевле. Она защищает интересы дворянства, как потребителя определенной группы товаров и как продавца продукции эксплуатируемого им крестьянства. Если Кольбер и делает очень много для развития мануфактуры, то самое это развитие поставлено в определенные рамки и обусловлено степенью заинтересованности в нем дворянского государства, первого дворянина — короля — и массы дворянства — потребительницы продуктов мануфактурного производства. Этим и объясняется сравнительно быстрое вырождение кольбертизма и упадок вызванной им к жизни централизованной мануфактуры. [1]

Таким образом, участие абсолютной монархии в процессах первоначального накопления отнюдь не предполагает превращения ее в буржуазную монархию, отнюдь не означает приобщения самой буржуазии к власти. Надо отметить прежде всего один вид буржуазии, с которой дворянство было очень тесно связано. Это связь, правда, чрезвычайно прихотливая,

[1] Непосредственной причиной этого упадка послужили, конечно, войны Людовика XIV. «С 1703 по 1713 г. в мелких производствах вытканo 18 тысяч кусков тканей, на мануфактурах 32 тысячи, в период с 1718 по 1723 г. пропорция изменяется: мелкие производства дают 51 тысячу кусков, мануфактуры 27 тысяч» (H. Sée, L'évolution commerciale et industrielle de la France sous l'ancien régime, стр. 156).

с ростовщической буржуазией. Мы не можем представить себе абсолютную монархию без постоянной армии, налогов и бюрократии, но в свою очередь вся система государственного управления и государственного хозяйства абсолютизма покоится на дальнейшем участии и «сотрудничестве» ростовщического капитала. Деятели абсолютизма один за другим печалуются по поводу того, что им не удается обойтись без дружеских услуг «партизанов», финансистов, fermiers-généraux. Они вешают подчас своих кредиторов (вспомним политику регентства во Франции после крушения системы Ло), но не могут окончательно обойтись без них. «Финансовые дельцы и участники откупов, — поучал Ришелье, — представляют собой особый класс, вредный для государства, но необходимый. Этот род чиновников есть зло, без которого нельзя обойтись...» Но сам Ришелье насаждал ростовщиков, как это делали и его преемники. Еще накануне революции связь между абсолютистским режимом и «финансистами» оставалась чрезвычайно интенсивной. Однако ростовщический капитал сам по себе еще не заинтересован в торжестве капиталистического способа производства, и самая связь абсолютизма с ростовщической буржуазией только подтверждает характеристику дворянского государства, как реакционно-феодального в своей основе. Гораздо большее значение имеет возможность сближения между дворянством и торгово-промышленной буржуазией. Именно это сближение интересов «двух эксплуататорских групп» (Сталин) и приводит к тому, что «буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс». [1]

Сближение это протекает на основе общности определенных экономических интересов. Так, например, в кольбертизме разрешение основной задачи по охране потребительских интересов дворянства совпадает с линией развития торгового капитала, стремящегося овладеть командными высотами промышленного производства. Для нас особо важна возникающая отсюда солидарность дворянского землевладения и капитала в борьбе их против непосредственного производителя, против крестьянина. Наконец, нельзя забывать и о внешней политике, о торговых войнах «европейских наций, ареной для которых служит земной шар». [2] В этих больших военных предприятиях начиная от завоевания Казанского царства Иваном Грозным и кончая войной за испанское наследство дворянская государственность в своих интересах защищает интересы торгового капитала, торговой буржуазии, которая наравне с господствующим дворянством заинтересована в грабеже, завоеваниях и колониальной эксплуатации. Итак, в силу всех этих причин государственная власть, остающаяся

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 1931 г., стр. 277.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 542.

властью дворянской, втягивается в активное содействие процессам первоначального накопления, ускоряющим в свою очередь момент перехода феодального способа производства в капиталистический. Мы видели, что глубочайшей предпосылкой этого является метаморфоза форм докапиталистической земельной ренты, связанная с общим ходом разложения феодального хозяйства. Утверждение денежной формы ренты ставит помещика вплотную перед проблемой втягивания в рыночные отношения и создает тем самым почву для сближения между ним и купцом, представителем торгового капитала. Данное сближение, подчеркнем это лишний раз, отнюдь не означает еще какого-либо буржуазного перерождения самого дворянства. Такое перерождение, только и могущее обеспечить длительный блок определенного крыла дворянства с буржуазией, имеет место в случае превращения помещика в получателя капиталистической земельной ренты и предпринимательской прибыли, т. е. в случае перехода его на рельсы капиталистической эксплуатации. В свою очередь, рецидив отработочной ренты, «второе издание феодализма», дает качественно иное соотношение сил внутри абсолютной монархии. Дворянин-крепостник строит свои взаимоотношения с буржуазией, с капиталом иначе, чем дворянин-рантье французского типа, не говоря уже о дворянине-джентри. В свою очередь и торговый капитал начинает играть консервативную, реакционную роль, направленную лишь на то, чтобы потуже стянуть узел крепостнической эксплуатации. При всем внешнем сходстве петровского меркантилизма с меркантилизмом какого-нибудь Кольбера, экономическое содержание этих двух систем будет глубоко различным. И продуктом меркантилизма, проводимого на основе охранения и укрепления крепостничества, может быть только крепостная мануфактура, а не мануфактура капиталистическая, может быть только дальнейшее усиление крепостничества, а отнюдь не обезземеление юридически-свободного крестьянства. Таким образом мы лишний раз можем убедиться в ограниченности понятия первоначального накопления в приложении к странам второго издания феодализма и в частности к России XVI — XVIII вв., ограниченности в том смысле, что ареной первоначального накопления может быть здесь только мелкотоварное производство, в частности крестьянская мануфактура, не барщинное хозяйство, не крепостная мануфактура.

С другой стороны, из всего вышесказанного вытекает, что какова бы ни была степень участия дворянского государства в стимулировании процесса первоначального накопления, самое участие это отнюдь не может снять историческую необходимость буржуазной революции. Облегчая на известном этапе муки рождения капиталистического производства, дворянское государство остается все же до конца оплотом феодализма и погибает вместе с ним в пламени буржуазной революции.

8

Применение методов первоначального накопления, как уже отмечалось, проводилось всегда в определенных классовых интересах. Сам процесс возникновения капитализма является в то же время процессом ожесточенной классовой борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, в которой гибнут целые социальные слои, целые классы, обреченные на исчезновение в эту эпоху «бури и натиска» капиталистического способа производства.

Процессы первоначального накопления должны были наталкиваться и исторически действительно наталкивались на ожесточенное сопротивление экспроприированного мелкого производителя, в первую голову крестьянства. История Англии XVI—XVII вв., действительная история, а не фальсифицированная в угоду либеральным лендлордам, полна эпизодами кровавой борьбы крестьянства против огораживания, против расхищения и грабежа крестьянской земли. Движения эти носят, однако, местный характер. В 30-х годах XVI века крестьянские восстания охватывают Линкольншайр и Йоркшайр. В 1549 г. вспыхивает восстание в Норфольке, возглавленное Робертом Кэтом и принимающее довольно значительные размеры. По свидетельству лорда-протектора Сомерсета, «одни кричат: «долой изгороди!», другие стоят за свои общинные земли...» [1] В Корнуэльсе и Девоншайре восставшие энергично сносят изгороди. После разгрома Кэта, через год, волнения в Кенте возобновляются. В 1552—1554 гг. происходят беспорядки в Букингемшайре и на острове Уайте. В 1569 г. массовое разрушение изгородей происходит в Дербишайре и т. д. В начале XVII в. возобновляющийся в усиленных темпах процесс огораживаний приводит к ряду новых выступлений против огораживания и дренажа. В 1607 г. восстают крестьяне Нортгемптшайра, Лейстершайра, Глостера, Бедфордшайра и Уорика. Они именуют себя левеллерами и диггерами, разрушают изгороди и распахивают огороженную землю. Их прокламации полны жалоб на «тех, кто обезлюдил и разорил целые селения и поставил на их место пастбища для овец, ничего не дающих для нашего благополучия». [2]

Тянувшиеся через всю первую половину XVII в. крестьянские движения вспыхивают затем с новой силой в эпоху революции и гражданской войны. [3] Нам незачем подробно излагать историю всех этих движений. Надо только вдуматься в их особенности, отличающие их от аналогичных движений континентального крестьянства. А особенности эти в

[1] И. Гранат, К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии, стр. 238.

[2] W. H. R. Curtler, The enclosure and redistribution of our land, стр. 132.

[3] По заверению новейшего историка M. James, дающего в своей книге исключительно богатый фактический материал, «the Parliamentary journals for the years 1640—1644 are full of references to enclosure riots» (James, ук. соч., стр. 90, 91).

основном сводятся к тому, что в Англии крестьяне выступают не только против различных пережитков феодальной эксплуатации, но и против той насильственной их (т. е. крестьян) экспроприации, которая выходит за пределы феодальной экспроприации и образует ступень к новому, капиталистическому способу производства. Английский крестьянин борется и против феодализма и против капитализма, выступающего перед ним в обличии первоначального накопления. Но чем объективно является крестьянин, субъективно мечтающий о возврате к свободному мелкому производству, основанному на индивидуальном владении землей и средствами производства? Представим себе на минуту возможность победы английского крестьянства в той борьбе, какую оно вело в XVII в. Представим себе, что изгороди были бы снесены и земля возвращена общинам. Совершенно очевидно, что этим были бы аннулированы результаты первоначального накопления; но факт реституции экспроприированной собственности сам по себе означал бы только, что капитализм в английской деревне развился бы с другого конца. Неизбежность развития капитализма вытекала бы в данном случае, и в исторической действительности вытекает, из противоречий простого товарного хозяйства. Исторический способ производства, покоящийся на индивидуальном владении орудиями и средствами производства, купируется, насильственно разрушается при помощи насильственных методов первоначального накопления. Но попробуем рассмотреть процесс развития данного способа производства в целом, абстрагируясь от факта первоначального накопления и анализируя самый этот процесс под углом зрения внутренней его закономерности. «Даже в том случае, — пишет Энгельс в «Анти-Дюринге», — если мы исключим всякую возможность грабежа, насилия и обмана, если мы допустим, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личном труде собственника и что затем во все дальнейшее время только равные стоимости обменивались на равные, но все-таки, с дальнейшим развитием производства и обмена, мы необходимо придем к современному капиталистическому способу производства...» [1]

Итак, «на известной ступени своего развития товарное производство превращается в капиталистическое». Классическую формулировку данного положения мы найдем у Ленина: «мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно стихийно и в массовом масштабе». [2]

«Конечно, мелкокрестьянское товарное хозяйство не есть еще капиталистическое хозяйство, — указывает тов. Сталин, — но оно в своей

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 166.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. XXV, стр. 173.

основе однотипно с капиталистическим хозяйством, так как опирается на частную собственность на средства производства». [1]

Приведенные цитаты из классиков марксизма с неопровержимостью устанавливают, что никакая победа крестьянства не могла создать угрозу для капитализма. Развитие мелкого производства, освобожденного от феодальных пут и от угрозы непосредственной экспроприации, должно было неминуемо, хотя и с другого конца, привести к торжеству капиталистического способа производства.

В точном соответствии с данным положением Маркс в 24-й главе, анализируя условия исчезновения общинного землевладения, говорит: «Мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные орудия». [2] Под экономическими причинами Маркс в данном случае понимает процесс разложения мелкого крестьянского хозяйства на основе развития противоречий, имманентно присущих мелкому производству. Эскизный абрис этого процесса имеется отчасти в параграфе, посвященном «Генезису капиталистических фермеров». Также как и процесс превращения ремесленника в капиталиста, это «медленный процесс, продолжающийся целыми столетиями». [3] Исходная форма, в которой является фермер, это бейлифф — помещичий бурмистр, «который сам еще крепостной». «Во второй половине XIV столетия его заменяет фермер, которого лендлорд снабжает семенами, скотом и земледельческими орудиями. Его положение немногим отличается от положения крестьянства... Скоро он становится metayer, половником-арендатором. В Англии эта форма быстро исчезает, уступая место фермеру в собственном смысле слова...» [4] Аграрный переворот XVI в. сыграл, по Марксу, совершенно исключительную роль в истории фермерства. В частности «узурпация общинных пастбищ и т. п. позволяет фермеру значительно увеличить количество своего скота почти без всяких издержек... этот скот доставляет обильное удобрение для его земли». [5] Однако влияние экспроприации общинных земель на развитие фермерства было все-таки довольно косвенным. «Экспроприация... создает непосредственно лишь крупных земельных собственников...» [6] Исторически решающим является то, что «у обязанных к платежу ренты крестьян, находящихся в лучшем положении, необходимо развивается обыкновение эксплуатировать сельских наемных рабочих за свой собственный счет... Таким образом для них постепенно развивается возможность собрать известное

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 7-е, стр. 619.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 579—580.
[3] Там же, стр. 596.
[4] Там же.
[5] Там же.
[6] Там же.

состояние и самим превратиться в будущем в капиталистов. Так даже среди старых владельцев земли, которые работают сами, возникает питомник капиталистических арендаторов». [1]

Анализируя условия разложения свободной парцеллярной собственности крестьян, этой «нормальнейшей формы земельной собственности для мелкого производства», Маркс указывает следующие причины ее гибели: «уничтожение деревенской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности, постепенное обеднение и истощение земли, подвергающейся этой культуре; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность держать скот, конкуренция крупного хозяйства, ведется ли оно как плантаторское хозяйство или капиталистически». [2]

По Ленину, «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян, появляются уже зачатки их разложения». [3] Строй же общественно-экономических отношений в крестьянстве «показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли... сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплуатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков». [4]

Различие путей развития капиталистических отношений в деревне теснейшим образом связано с различием в отношении классовых сил, с различным ходом и исходом классовой борьбы. Именно это положение послужило Ленину основной методологической предпосылкой его учения о прусском и американском путях развития капитализма в сельском хозяйстве. Рассмотрение проблемы прусского и американского путей не входит, конечно, в наши задачи. Отметим только, что эти два пути Ленин искал в совершенно иной исторической обстановке, чем та, в которой протекает процесс обезземеления английского крестьянства. Сам Ленин подчеркнул, что возможны «бесконечно разнообразные сочетания элементов того или иного типа капиталистической эволюции, и только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитат из того или иного отзыва Маркса про ту или другую историческую эпоху». [5]

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 576.
[2] Там же, стр. 582.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 127.
[4] Там же, стр. 125.
[5] Там же, стр. 13.

Сам Маркс, анализируя роль английской буржуазии в процессе обезземеливания крестьянства после революции 1688 г., подчеркивает историческое своеобразие этой роли и историческую возможность совершенно иного сочетания классовых сил. Шведская буржуазия, в противоположность английской, «соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, — поддерживала королей, насильственно отбиравших у аристократии награбленные ею коронные земли».[1]

В приведенной цитате Маркс имеет в виду проводившуюся в течение XVII в. так называемую редукцию государственных земель. Начальный период редукции относится к средине XVII в. На сейме 1650 г. недворянские сословия подали записку, в которой, между прочим, говорилось: «С того времени, когда казенные крестьяне поступили под власть землевладельцев, сии бессердечные тираны начали обременять их незаконными сборами, невыносимыми повинностями, мучить их заключением в темницу, страшить угрозами лишения жизни, свободы и имущества, так что наконец земледельцы разорились и обеднели до крайности... Много честных и прежде состоятельных податных крестьян прогнаны из дома и с земли их отцов и дедов, под одну усадьбу кладутся 10,15, 20 крестьянских дворов, и крупная часть прежних податных участков превратилась в дворянские мызы...»[2] Как видим, жалобы недворянских сословий очень напоминают ламентации английских противников огораживаний. Но исторический ход развития аграрных отношений Швеции был совсем не тот, что в Англии. Уже в 1655 г. при Карле X была принята резолюция о «справедливой и скромной редукции» коронных земель. Вокруг вопроса о редукции в самой Швеции кипела ожесточенная классовая борьба, причем редукционные мероприятия проводились в жизнь, несмотря на ожесточенное сопротивление высшего дворянства. Так, в 1681 г. казна получила отчасти в виде земель, отчасти в деньгах огромную для того времени сумму в 400 тысяч талеров.[3] Достигнуто это было ценой разорения «знатнейших семейств Швеции» (Берендтс). В дальнейшем была ликвидирована недвижимая собственность графств и баронств, увеличившая доходы казны на 200 т. талеров ежегодно. Земли, возвращенные короне, поступали в пользование крестьян, обязанных государству уплатой налога и несением военной службы. Не вникая в дальнейшее, необходимо подчеркнуть, что расцвет внешнего могущества Швеции падает именно на эпоху редукции и что переход от абсолютизма к режиму олигархии в начале XVIII в. и связанное с этим прекращение работ редукционных комиссий означает наступление эпохи феодальной реакции и бесповоротное вытеснение Швеции с арены мировой истории.

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 523.
[2] Берендтс, Государственное хозяйство Швеции, т. I, СПб., 1890 г., стр. 263.
[3] Там же, стр. 313.

Мы воспользовались намеком Маркса, чтобы на конкретном примере вскрыть противоречивость и пестроту тех форм, в которых протекает процесс возникновения капитализма. Борьба английского крестьянства под влиянием действия совершенно определенных исторических условий имела один результат, борьба шведского крестьянства другой, а борьба французского — третий.

Но если мелкое производство и рождает капитализм «стихийно», то из этого вовсе не следует, что мелкий производитель, становящийся хозяйчиком, кулаком, зарекается от применения методов внеэкономического принуждения. Подобное утверждение звучало бы как недопустимая идеализация кулачества, последнего оплота капиталистической эксплуатации и злейшего врага социалистического строительства в Советском Союзе. Этот мелкий хозяйчик с той же алчностью и жадностью обращается к насильственным мероприятиям, как его старший брат — крупный буржуа и помещик. Он охотно копирует при этом и самые методы, пускаемые в ход сверху. Достаточно вспомнить историю внутрикрестьянских огораживаний в Англии XVI и XVII вв. Достаточно вспомнить всю систему угнетения и насильственной тренировки цеховых подмастерьев и учеников. Все же, в условиях ликвидированного феодализма и свободного развития капиталистических отношений на базе разлагающегося мелкого производства, на базе «органически» протекающего расслоения ремесла и крестьянского хозяйства поле для действия первоначального накопления суживается, поскольку здесь не создается подходящих предпосылок для внезапной, массовой и насильственной экспроприации мелких производителей.

Исторически, капитализм в западной Европе и в особенности в Англии, в этой ведущей стране, складывается на основе широчайшего применения методов первоначального накопления. Начальные ростки капиталистического производства (простая кооперация) предшествуют эпохе первоначального накопления, но уже мануфактура XVI века, эта первая стадия капиталистического способа производства, нуждается в первоначальном накоплении, как своей исторической предпосылке. Первоначальное накопление обусловливает темпы развития капиталистической мануфактуры, сокращает сроки родов нового способа производства и тем самым выполняет известную прогрессивную роль. Но только социал-фашисты типа Отто Бауэра могут на этом основании делать выводы о реакционности движений, направленных *против* первоначального накопления. Борьба мелкого производителя против проводимой экспроприации принадлежащих ему средств производства прогрессивна, потому что она является объективно борьбой за иной тип капиталистической эволюции и притом такой тип, который предполагает радикальную ломку феодальных отношений. Самый же процесс первоначального накопления не предполагает

такой ломки и исторически всегда связывается с сохранением тех или иных социально-экономических пережитков феодализма, в Англии, например, крупного помещичьего землевладения. Всякая углубленная буржуазно-демократическая революция на том или ином своем этапе пересекается с процессами первоначального накопления и, в меру своего углубления, суживает те или иные их исторические результаты. С другой стороны, буржуазная революция, кончившаяся так, как она окончилась в Англии — «компромиссом между восходящей буржуазией и бывшими феодальными крупными землевладельцами» (Ф. Энгельс),— стимулирует первоначальное накопление, придает ему новый размах и усиленные темпы.

Такова сложная диалектика первоначального накопления и развертывающейся вокруг него классовой борьбы. Реакционный фатализм меньшевистских теоретиков не имеет ничего общего ни с исторической действительностью, ни с подлинной теорией Карла Маркса.

9

Но как же обстоит дело с этой самой исторической действительностью? Во втором издании своего «Современного капитализма» Зомбарт метнул в своего противника парфянскую стрелу. Место это звучит как откровенная инсинуация. «Марксовская глава о «первоначальном накоплении» была для своего времени гениальным произведением. Сегодня его изложение устарело. Мы знаем, что в нем нет ни слова правды, что изложение это не может быть согласовано с фактами».[1] Сам Зомбарт не потрудился подкрепить свой выпад сколько-нибудь систематической критикой громадного исторического материала, положенного Марксом в основу всего построения 24-й главы. Да такая задача была и непосильна Зомбарту, этому любителю теоретических экстравагантностей, бьющих на чисто внешний эффект. Если конкретизировать обвинение, брошенное им по адресу Маркса, то оно сведется к тому, что Маркс не в праве был брать процесс развития капитализма в Англии за образец капиталистического развития вообще и что в самой Англии «отнятие земли у сельского населения не могло стать сколько-нибудь заметным источником для возникновения пролетариата». «Как можно утверждать, что английское развитие послужило всеобщим законом [для других стран]?»[2] спрашивает Зомбарт. «Что касается огораживаний, то они, по всей вероятности, поставили лишь самую незначительную часть того неимущего и безработного населения, с которым мы встречаемся в Англии в XVII и XVIII вв.».[3]

[1] W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, стр. 787.
[2] Там же, стр. 796.
[3] Там же, стр. 794.

Но на континенте они не смогли выполнить и этой сравнительно скромной роли. «Что же произвело на свет неимущие и малоимущие слои во Франции, в этой классической стране раннего капитализма, из которых образовался затем класс наемных рабочих?»[1]

Зомбарт ограничился недоуменными вопросами и парой импрессионистических замечаний относительно роли огораживаний и монастырской секуляризации. Гораздо более серьезную критику исторической части 24-й главы находим мы в «Заметке о первоначальном накоплении», принадлежащей перу покойного А. Н. Савина, помещенной им еще в 1901 г. в сборнике «Помощь». Эпоха, когда писалась эта заметка, наложила свой отпечаток и на стиль ее и на идейное содержание. «Не надо забывать, что конец 90-х и начало 900-х гг. было временем, когда буржуазные ученые даже несколько «увлекались» марксизмом», пишет Г. С. Зайдель, характеризуя ту историческую среду, в которой складывались взгляды Тарле.[2] Испытал такое «увлечение» и Савин, воспринимавший, однако, марксизм сквозь призму «легального марксизма» и вульгарного экономического материализма. Недаром его соавторами по сборнику были такие «светила», как Булгаков и Туган-Барановский! Отсюда искреннее желание Савина постичь научную значимость 24-й главы, освоить ее теоретическое содержание, и отсюда же конечная бесплодность этой попытки, обусловленная буржуазным мировоззрением Савина, толкавшим его на путь «критики» Маркса и выхолащивания основных методологических положений марксовского учения о первоначальном накоплении.

«Эти 50 страниц, — читаем мы в «Заметке» Савина, — одно из самых влиятельных произведений исторической литературы. И даже специалист не имеет права обойти высокомерным молчанием 24-ю главу I тома «Капитала». Короткий, беглый очерк, где так много недосказанного, неточного, даже неверного, даст ему, вероятно, значительно больше, чем 10 томов Роджерса или полемика Ашли и Лидэма».[3] Начав за здравие, Савин кончает, однако, за упокой. Маркс, по его мнению, «умышленно отстраняет всю мирную сторону дела и сосредоточивается на истории всякого рода насилий. Он, конечно, был в праве ограничить себя, как угодно, но, конечно, он этим лишил себя права на суждение обо всем процессе обезземеливания. Кто рассматривает только насильственную сторону известного рода явлений, тот, конечно, не увидит в нем ничего, кроме насилия. Только значит ли это, что весь процесс был сплошным насилием? И наконец... Маркс тоже не проводит резкой границы между грабежом на законном и на незаконном основании...»

[1] W. Sombart, Der moderne Kapitalismus, т. I, стр. 796.

[2] Г. Зайдель и М. Цвибак, Классовый враг на историческом фронте, 1931 г., стр. 10.

[3] Сборник «Помощь», 1901 г., стр. 442.

Переходя к разбору отдельных разделов 24-й главы, Савин упрекает Маркса в том, что он, «неосторожно следуя за Фортескью, Кобbетом, Торнтоном и Роджерсом..., начинает с идиллического описания «золотого века», из которого английские крестьяне были низвергнуты прямо в железный». Далее, по мнению Савина, Маркс, говоря о законодательных актах против огораживаний, «не умеет объяснить их теорией классовой борьбы». Резюмируя свои впечатления от раздела, посвященного «отнятию земли у сельского населения», Савин саркастически замечает: «Здесь почти каждое положение должно быть отвергнуто». Что же конкретно не удовлетворяет Савина? Во-первых, по его мнению, вилланство не кончилось в XIV в. Затем история огораживаний не написана, и поэтому невозможно определить их удельный вес в аграрной эволюции XVI в. Самая экспроприация общинных земель могла производиться лендлордами и не при помощи насилия, а вполне законными средствами. Участие капиталистов, купеческой буржуазии в расхищении монастырских имуществ не получило у Маркса должного освещения. И, наконец, им допущена ошибка в датировке акта об отмене ленного держания.

Переходя далее к главе, посвященной кровавому законодательству против экспроприированных, Савин находит, что и здесь «изложение открывает... возможность и для более опасных и устойчивых возражений». Объяснение, даваемое Марксом сложному и спутанному клубку явлений «переходного периода», оказывается и односторонним и недостаточным. Так, например, рабочее законодательство XV — XVI вв. оказывается, по Марксу, новшеством, продуктом новой классовой борьбы, тогда как, на самом деле, оно является пережитком статутов о рабочих, открывающихся «знаменитым статутом Эдуарда III». «Основная тенденция этого закона глубоко реакционная — не расчистить место для нового порядка, а, наоборот, — искусственно продлить на некоторое время жизнь отживающего организма».[1]

Идем дальше. На двух страницах, отведенных «генезису фермеров-капиталистов», Маркс, по Савину, «представляет дело так, как будто весь фермерский капитал накоплен в деревенской обстановке, на счет батраков и лендлордов». Савин обвиняет Маркса в игнорировании роли городского капитала, торгового, ростовщического и промышленного, «потекшего в деревню широкой волной». С другой стороны, его огорчает, что в «генезисе промышленника-капиталиста» «революционная точка зрения снова получает решительное преобладание». В савинской интерпретации Маркс «настаивает, что общественная роль... промышленного капитала», возникшего путем медленной и сравнительно мирной эволюции, «была совершенно незначительна в сравнении с ролью торгового и ростов-

[1] Сборник «Помощь», стр. 446.

щического капитала».[1] В итоге и классовая борьба дана Марксом чрезвычайно схематично. Своих положительных исправлений и эту схему Савин не вносит. Он просто считает, что сложный исторический процесс никогда не уложится в рамки одной простой и ясной формулы. «Схема,— добавляет он меланхологически, — в конце концов передает больше результат, чем ход развития. Основным и наиболее мучающим Савина вопросом оказывается в конце концов вопрос о насилии. «К сожалению,— говорит он, — катастрофическая точка зрения доселе преобладает в литературе по английской социальной истории XIV—XVI вв.». В этом обывательском вздохе так и чувствуется будущий многолетний сотрудник приснопамятных «Русских ведомостей». Савин спешит, впрочем, признать, что «в XV — XVI вв. произошел крупный переворот в распределении средств, положивший основу капиталистическому порядку» и что «у чистого, грубейшего насилия было свое место в перевороте». Однако «несомненно, что в огромном большинстве случаев мы имеем дело с «организованным» юридическим насилием». «Самая важная часть процесса «экспроприации», именно обезземеление крестьян, прошла, в общем, без нарушения господствовавших правовых норм и понятий».[2] Экспроприаторам просто не было надобности прогонять крестьян силой, потому что в их распоряжении находились и соответствующие статуты и меноциальный обычай. Во всяком случае, «широкое распространение насилия не должно закрывать нам глаза на более мирную и спокойную часть переворота... Несмотря на отрывочный характер наших сведений, мы имеем право утверждать, что и часть фермеров вышла из крестьянской среды путем медленного и, конечно, не всегда хищнического процесса».[3] Особенную же осторожность следует соблюдать в суждениях об огораживании XVI в., ибо «наши сведения о них невелики».

Таковы основные моменты содержания савинской критической «Заметки». Чисто словесное признание заслуг Маркса соединяется у Савина с явной тенденцией к выхолащиванию марксизма, к подмене его жиденьким эволюционизмом вульгарно-позитивистского пошиба. Отсюда и то, что подлинный Маркс остается для Савина книгой за семью печатями.

Вскоре после А. Н. Савина с критикой исторической части марксовского учения о первоначальном накоплении выступил историк И. Гранат, посвятивший целую книгу вопросу об обезземеливании английского крестьянства в XVI в. И. Граната, по собственному его признанию, взяло сомнение в том, «действительно ли возникновение капиталистического строя совершалось путем общественных катастроф? Теоретически, —

[1] Сборник «Помощь», стр. 449.
[2] Там же, стр. 453.
[3] Там же, стр. 454.

по его мнению, — можно доказать, что такие катастрофы не необходимы».[1] Гранат и вознамерился «на этом классическом примере проверить, действительно ли меньшинство — лендлорды, одни или в союзе с нарождавшейся буржуазией, — оказались в силах отнять землю и средства к самостоятельному труду у громадного большинства народа»,[2] ограничив себя, впрочем, рассмотрением первого момента этой экспроприации, приуроченного к последней трети XV и первым десятилетиям XVI в. В результате Гранат пришел к определенным выводам, всецело заостренным против марксовской концепции аграрного кризиса XVI в. Нет возможности, да и надобности, подробно восстанавливать ход гранатовского исследования. Первая глава его посвящена крестьянскому землевладению в феодальную эпоху. Подобно Савину, Гранат пытается опровергнуть утверждение Маркса относительно того, что в конце XIV, а еще более в XV в. «громадное большинство населения Англии состояло из свободных крестьян». Однако, в то время как Савин подчеркивает момент устойчивости крепостничества, вилланства, Гранат идет другим путем и стремится отодвинуть в глубь средневековья момент появления сельскохозяйственного пролетариата. В основе методологии Граната лежит, таким образом, свойственная еще Роджерсу и Петрушевскому и перекликающаяся с историко-философскими построениями Допша модернизация социальных отношений феодальной деревни. По утверждению Граната, «за несколько веков до возникновения капитализма в стране уже существовал обширный класс наемных рабочих... громадный безнадельный пролетариат».[3] Образование этого пролетариата Гранат ставит в связь с особенностями организации английской общины и, в частности, с институтом так называемого менората. «Существование пролетариата как класса», по мнению Граната, обусловлено самим строем общины. «Естественно поэтому, что и дальнейшая эволюция английской деревни в первые века развития капитализма должна оказаться существенно иной, чем ее представляет господствующая в литературе теория».[4] В свою очередь господство этой теории Гранат объясняет тем, что «наука оставалась по этому вопросу почти при прежнем материале, которым пользовались Маркс и его современники», а также и тем, что некоторые исследователи, вроде М. М. Ковалевского, «под обаянием величавой концепции Маркса» сочли как бы излишней детальную проверку существующих взглядов. Впрочем, и сам Гранат не занимается какой-либо «детальной проверкой», а просто следует за выводами Лидэма и Гея, принимая на веру сообщаемые этим последним цифры.

[1] И. Гранат, К вопросу об обезземеливании крестьянства в Англии, М., 1908 г., стр. III.

[2] Там же, стр. IV.

[3] Там же, стр. 26.

[4] Там же, стр. 78.

Следуя данным Гея, Гранат приходит к окончательному выводу о научной необоснованности «теории насильственной экспроприации английского крестьянства в XV—XVI вв.». Вопрос должен быть пересмотрен во всем его объеме, причем в основу пересмотра должны быть положены «объективные материалы по экономической и социальной истории крестьянства, заключающиеся в вотчинных описях, протоколах вотчинных судов и т. п. источниках».[1] По всему смыслу цитируемого места, «объективные материалы» противопоставляются «субъективным» отзывам современников, материалу памфлетов, петиций, брошюр и народной литературы.

«Самый факт убыли сельского населения Англии к началу XVI столетия не может подлежать сомнению»,[2] однако объясняется он отнюдь не насильственной экспроприацией крестьянства, а... развитием городской промышленности. В конце концов, ключ к объяснению перемен, совершившихся в аграрном строе Англии, Гранат находит в более высокой оплате труда в городской промышленности. «Развитие промышленности отвлекло из деревни часть ее работников, разделило ее население и тем сделало неизбежным полное переустройство жизни деревни».[3] Исходя из этих априорно установленных предпосылок, Гранат приходит к отрицанию какой-либо активно-предпринимательской роли дворян-помещиков. В эволюции помещичьего хозяйства он видит одну только сторону — декаданс, упадок. Мы имеем дело «с падением ренты, с массовой, все усиливающейся ликвидацией помещичьего хозяйства». Повышение земельной обеспеченности среднего крестьянского двора в корне подрывает «господствующее мнение о насильственной экспроприации крестьянства лендлордами».[4] Отметим тут же, что цифровые данные, приводимые Гранатом, относятся к XV и к началу XVI в. и что, следовательно, они, даже при условии абсолютной их точности, ничего не меняют в установленной Марксом схеме аграрного переворота. XV век был, вопреки Савину, эпохой подъема крестьянского хозяйства, роста его товарности, а, следовательно, и роста земельной обеспеченности крестьянства, достигавшегося за счет аренды помещичьей земли. Но пойдем дальше. Признавая факт обезлюдения деревни и настаивая вместе с тем на том, что земельная площадь деревни нисколько не сократилась, «несмотря на всю убыль ее населения», Гранат тем самым впадает в противоречие отнюдь не диалектического свойства. Выход из него он опять-таки находит в эволюции «внутреннего строя» английской деревни. «То, что мы видим в Англии XV — XVI вв., не есть разложение трудового крестьянства, которое никогда здесь не

[1] И. Гранат, ук. соч., стр. 95.
[2] Там же, стр. 101.
[3] Там же, стр. 135.
[4] Там же, стр. 154.

являлось доминирующим элементом деревни, а превращение крепкого крестьянства в предпринимательские хозяйства».[1]

Таким образом, основой аграрного переворота оказывается постепенное, шаг за шагом идущее расширение размеров хозяйства кулака или, как деликатно называет его Гранат, «хозяйственного мужичка», постепенно превращающегося в фермера-капиталиста.

«Не вторжение внешней силы — не власть меньшинства, не внезапная общественная катастрофа отняли землю у крестьянина и выдвинули на его место фермера-капиталиста; не катастрофа и не насилие создали и промышленного рабочего-пролетария. И тот и другой класс явились последовательным развитием элементов, существовавших еще в средневековой английской деревне, заложенных системой неделимости крестьянского двора и единонаследия и в конечном счете обусловленных почвенными особенностями страны. Крепкий крестьянин расстался со своей земельной собственностью потому, что фермерство приносило бо́льшую прибыль; коттер и малоземельный крестьянин покинули свои крофты и тофты потому, что наемный труд в промышленности давал больше, чем они вырабатывали в деревне».[2]

Отсюда следует, что огораживания, производившиеся помещиками и не носившие сколько-нибудь массового характера, ударяли по интересам не всей деревни, а только имущей ее верхушки, йоменов и хезбондменов. Поэтому-то, например, движение Роберта Кэта Гранат трактует как движение кулацкое, имевшее единственной своей целью снижение арендной платы, вносившейся фермерами-йоменами помещикам.

Необходимо при этом подчеркнуть, что процесс самого расслоения деревни Гранат, как видно из приведенного отрывка, отнюдь не воспринимает как имманентный результат развития противоречий мелкого товарного производства. Коттер, по его мнению, вообще стал коттером (безземельным или малоземельным крестьянином) «потому, что в английской деревне, при ее тяжелой почве, требовавшей для обработки относительно много скота, вести хозяйство мог только крепкий, зажиточный двор».[3] Таким образом, развитие кулачества объясняется из особенностей геологического строения английской почвы, причем от этого, однако, гранатовская теория ничего не теряет в своей исторической беспочвенности.

В заключение автор с чисто приват-доцентской претенциозностью читает нотацию автору «Капитала»: «не политическое насилие, а экономические условия направляют жизнь народа; в этом отношении социологическая концепция Маркса с каждым новым шагом вперед исторической науки может найти себе только новое подтверждение; но условия про-

[1] И. Гранат, ук. соч., стр. 173.
[2] Там же, стр. 247.
[3] Там же, стр. 243.

изводства не есть сила, от народа не зависящая, над ним стоящая, то фатально обрекающая его на порабощение, то как бы случайно открывающая перед ним путь к свободе: хозяйственный строй вырабатывается или избирается народом в результате непрерывного приспособления к внешним условиям, и, естественно, развиться может только тот экономический порядок, который.. относительно больше отвечает интересам большинства народа, интересам большинства его трудовой массы».[1]

Даже из нашего сжатого изложения читателю должно быть ясно, что Гранат критикует Маркса с народнических позиций. Типично-народническими являются и гранатовское понятие народа и концепция народного хозяйственного строя, строя мелкого производства, стойко сопротивляющегося всяким попыткам насильственного вмешательства со стороны властного меньшинства. Самый марксизм Гранат воспринимает как плоский экономический материализм, что опять-таки вполне соответствует теоретическому уровню народничества. Недаром, по указанию самого Граната, тему своего исследования он сформулировал еще в конце 90-х годов, в эпоху напряженной идейной борьбы между народниками и марксистами. Гранат вынужден признать дифференциацию английской деревни, он даже преувеличивает ее, отодвигает ее истоки в глубь феодализма. Но самую эту дифференциацию он объясняет чисто внешними моментами: особенностями почвы и ростом городской промышленности. Фатальными для судеб английского крестьянства оказываются не внутренние закономерности развития мелкого производства и вообще не какие-либо социально-исторические условия, а условия естественные, почвенные. Однако народничество Граната органически вливается в общее русло буржуазного эволюционизма. И Зомбарт, и Савин, и Гранат обвиняют Маркса прежде всего в том, что он считает аграрный переворот XVI в. катаклизмом, насильственной катастрофой, круто и внезапно изменившей предыдущую эволюцию английских аграрных отношений.

Мы не собираемся, в данной связи, подводить итоги всему тому, что говорилось и писалось по вопросам аграрной истории Англии XV и в особенности XVI вв. Нам хотелось бы просто свести Маркса с его критиками, чтобы показать, как превосходство марксовского метода обеспечило его концепции научно-незыблемую позицию, совершенно не поколебленную последующей буржуазной литературой. Начать надо с того, что «критики» — и Зомбарт, и Савин, и Гранат — совершенно не усвоили самой сущности марксовских воззрений на первоначальное накопление вообще и на экспроприацию английского крестьянства в частности. А это, в свою очередь, связано с особо характерным для Савина непониманием марксовского учения о феодализме, как общественно-экономической

[1] И. Гранат, ук. соч., стр. 247.

формации. Савин находит у Маркса противоречие между общим положением «о возникновении» структуры капиталистического общества из экономической структуры общества феодального и последующим изложением 24-й главы, в котором «капиталистическому строю предшествует мелкое производство и общество свободных мелких собственников».[1] «Но феодальный строй, — недоуменно замечает Савин, — не есть порядок мелкого производства и свободных мелких собственников». Не понимая того, что самостоятельное мелкое производство является продуктом распада феодальных отношений, Савин конструирует из него особую промежуточную форму, расцвет которой падает на «тесный промежуток между капиталистической эрой и последними моментами освобождения крестьян». Савину совершенно невдомек, что феодальная формация, по Марксу, ликвидируется не ранее наступления эпохи буржуазной революции и промышленного переворота. Маркс, по его мнению, «преуменьшил долговечность феодального строя». Впрочем, самое главное для Савина, как мы уже знаем, его решительное несогласие с общей марксовской трактовкой аграрного строя Англии XV в., которую он считает «идиллическим описанием никогда не существовавшего «золотого века» английского крестьянства». Последнее является несомненным преувеличением: ни о какой идиллии у Маркса нет и речи. Но самая сущность тех изменений, которые переживало английское крестьянство в XVI в., у Маркса схвачена правильно. XV век — это эпоха, когда разложение старых форм феодальной эксплуатации зашло очень далеко, когда завершен, в основном, процесс так называемой коммутации, процесс перевода натуральных повинностей в денежные, когда исчезает вилланство, как *массовый* институт, и когда, вместе с тем, еще не началось сколько-нибудь заметное применение огораживаний. В XV в. английское крестьянство было поставлено в более благоприятные условия, чем в XIV и XVI вв., а это значит, что ему была предоставлена большая свобода экономического развития, приводившего к расслоению деревни и к росту капиталистических отношений снизу, из гущи самого крестьянства. «До наступления больших аграрных перемен XVI в. был период, — читаем мы у самого авторитетного из современных буржуазных исследователей английской аграрной истории, у Тонея, — который можно было бы несколько упрощенно включить в хронологические рамки с 1381 по 1487 г., период возрастающего благополучия (of increasing prosperity) мелких землевладельцев».[2] Доказательством этого является, по мнению Тонея, технический и культурный прогресс крестьянского хозяйства, падение целого ряда ограничений, связанных с вилланством, концентрация и расширение земельной площади, находившей-

[1] Сборник «Помощь», стр. 451.

[2] R. H. Tawney, The agrarian problem of the XVI century, стр. 136.

ся во фактическом пользовании крестьянства. «За столетье, протекшее от крестьянского восстания и до первого статута против огораживаний, образовался, несмотря на политическую анархию, интервал между двумя режимами, основанными на угнетении, между режимом вилланства и режимом конкуренции».[1] Это свое положение Тоней подкрепляет обильным фактическим материалом, реферирование которого не входит, однако, в наши задачи. Нам важно только отметить, что работа Тонея, совершенно независимо от субъективных намерений автора, ни разу на протяжении 400 с лишним страниц не упоминающего имя Маркса, подтверждает концепцию 24-й главы I тома «Капитала» и целиком оборачивается против Савина.

Совершенно так же обстоит дело и с вилланством. В своей работе «Английская деревня в эпоху Тюдоров» Савин показал существование крепостных «бондменов» в поздние годы елисаветинского царствования.[2] Но совершенно очевидно, что мы имеем в данном случае дело лишь с пережитком давно исчезнувшего института. Было бы так же неправильно строить на этом факте какие-либо широкие выводы, как, скажем, отрицать капиталистический характер шотландской горной промышленности XVIII в. на основании бесспорного наличия крепостного труда в шахтах и рудниках Шотландии. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что Маркс далек от того, чтобы трактовать «свободных, самостоятельных хозяйствующих крестьян» как однородную массу, чуждую какого бы то ни было внутреннего расслоения. Гранат явно искажает Маркса, приписывая ему трактовку сельскохозяйственного пролетариата как «более или менее случайного и незначительного элемента в общественном укладе».[3] По Марксу, определенно подчеркивается наличие «*особого* [курсив мой. *П. Щ.*], относительно и абсолютно немногочисленного класса настоящих наемных рабочих». Правда, они «фактически были и самостоятельными крестьянами, так как наряду с заработной платой получали коттедж и 4—5 акров пахотной земли».[4] Однако это последнее обстоятельство ни в коем случае не ослабляет общего указания Маркса о наличии вполне оформившегося «особого» класса наемных рабочих. Вспомним, что писал по аналогичному поводу Ленин: «Типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом».[5] Ленин указывает далее, что в «нашей литературе зача-

[1] Ср. у Tawney, ук. соч., стр. 41, 42.

[2] Ср. у Косминского: «В XVI в. крепостных в Англии остается очень немного. Крепостное право в Англии в XVI в. пережиток» (Бюллетень заочноконсультационного отделения ИКП, № 9 за 1930 г., стр. 39).

[3] И. Гранат, ук. соч., стр. 3.

[4] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 575.

[5] В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 129.

стую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего. Это вполне верно как тенденция, но в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм. Наделение сельского рабочего землей делается очень часто в интересах самих сельских хозяев». Коттер и является, по прямому указанию Ленина, своеобразным английским представителем класса наемных рабочих с наделом. Выходит, таким образом, что со своим открытием сельскохозяйственного пролетариата Гранат ломился в открытую дверь. К тому же он не сумел сколько-нибудь наукообразно истолковать собранный им материал, оказался вынужденным сконструировать архинелепую теорию влияния почвенных условий на внутренний строй английской общины. Наконец, Гранат решительно переоценил степень расслоения английской деревни накануне аграрного переворота. Новейшие данные и тут категорически подтверждают Марксову схему.[1]

Переходим теперь к центральной проблеме, к проблеме огораживаний. Из-за огораживаний Марксу досталось больше всего. Хор критиков единодушен, настойчив и беспощаден. Переоценил! Исказил! Схематизировал! В этом сходятся и Зомбарт, и Гранат, и другие. Попробуем разобраться в этом вопросе. Прежде всего отведем упреки Марксу в игнорировании «границы между грабежом на законном и незаконном основании». Да, действительно, Маркс не признавал границы между узаконенным и законным грабежом. Да, действительно, акты сгона крестьян с земли, даже узаконенные приговором менориальной курии или парламентским биллем, не переставали для Маркса быть актами насильственной экспроприации. Трудно представить себе более яркое проявление кретинизма буржуазно-юридического мышления, чем это жонглирование «законными» и «незаконными» формами обезземеленья. А между тем таким именно образом строит современная лендлордистская историография свою незатейливую и вместе с тем беззастенчивую апологию земельных грабежей XVI—XVII вв.[2]

[1] Ср. у Тонея статистические данные о расслоении фригольдеров и обычных держателей (customary tenants) (Tawney, ук. соч., стр. 31—33, 63—65). Данные о расслоении фригольдеров, проверенные по 22 менорам, на первый взгляд дают картину численного преобладания малоземельных коттеров, но, как справедливо указывает Тоней, «хотя значительное число фригольдеров состояло из мельчайших землевладельцев, все же преобладание их не было таким заметным, как это можно было бы предположить, основываясь на одних только статистических данных». Анализируя экономическое расслоение обычных держателей, Тоней приводит данные по 43 менорам, охватывающим 1664 держателей. Из них коттеров, держания которых сводятся к избе (cottage) или дому, всего 167, держателей площади, не превышающей $2^1/_2$ акров, всего 255 и т. д. (ук. соч., стр. 64).

[2] См. Эшли, Экономическая история Англии, стр. 547; W. H. R. Curtler, The enclosure and redidistribution of our land, стр. 118—119, 156—159 и т. д.

Закон для Маркса всегда является орудием господства определенного общественного класса, и поэтому-то деление «форм грабежа» на законные и незаконные оказывается лишенным всякого смысла. Задача историка-марксиста сводится к тому, чтобы объяснить, исходя из анализа классовой ситуации, причины, по которым огораживания XVI в. совершаются формально, в обход закона, в то время когда, наоборот, огораживания XVIII — XIX вв. протекают сплошь на законных основаниях. Однако это ничуть не мешает ему рассматривать волны огораживаний как последовательные фазы единого процесса насильственной экспроприации английского крестьянства. Трактовать этот вопрос так, как трактуют его Савин, Кортлер и многие другие, это значит полностью становиться на точку зрения огораживателей-помещиков, искренно считавших, что они имеют полное «право» вышибать крестьян с их земли и присваивать себе общинные угодья. Но когда и где господствующие классы сомневаются в своих «правах»?

Итак, спорить с буржуазными историками на этом пути не приходится. Серьезнее обстоит дело с вопросом о количественном размахе огораживаний XVI в. и об удельном их весе в общей сумме перемен, пережитых аграрным строем Англии в «эпоху Тюдоров». В «Заметке» Савина этой проблеме придано чрезвычайно большое значение. Вместе с тем Савин воздержался от каких-либо позитивных высказываний, сославшись на малую исследованность вопроса. Уже после появления «Заметки», в первой четверти XX в., появился ряд работ, общая тенденция которых состоит в том, чтобы свести до минимума историческую роль огораживаний.[1] На этом поприще подвизалась целая плеяда буржуазно-лендлордистских историков, изо всех сил стремившихся изгнать всякую тень насилия со страниц английской аграрной истории, оправдать лендлордов и изобразить развитие английских аграрных отношений как идиллический процесс роста агрономических знаний и просвещенных способов обработки земли.

Основным авторитетом для всей этой группы историков остается и по сие время Гей. О работах Гея, тогда еще не законченных и не опубликованных, сообщает в особом примечании к своей заметке А. Н. Савин. На Гея же ссылается, как мы уже знаем, и Гранат. Наконец, и Зомбарт опирается в последнем издании своего «Современного капитализма» на публикации Лидэма, издавшего материалы анкет, производившихся между 1488 и 1517 гг. правительственными комиссиями по огораживаниям.

У нас нет возможности заняться здесь сколько-нибудь обстоятельным разбором исследований Гея и его последователей. Отметим только самые существенные моменты их исследовательской манеры и обрисуем в самых

[1] Работы Лидэма, Гея, Кортлера, Гоннера и др.

беглых чертах основные их выводы. Особенности метода заключаются в полном игнорировании свидетельских показаний современников, в обращении к якобы объективному материалу обследовательских комиссий. По мнению Гея, литература, принадлежащая перу современников, отмечена печатью «истерических, реторических стенаний и должна быть отвергнута в силу содержащихся в ней преувеличений».[1] Устраняя из поля своего зрения всю современную памфлетную литературу, Гей сосредоточивает свое внимание исключительно на данных, собранных королевскими commission of inquisition. Результаты своего исследования Гей облекает в строго статистическую форму. Оказывается, что общая площадь земли, огороженной по данным комиссий 1517 — 1519 и 1607 гг., достигает 171 051 акра, или, иначе говоря, составляет 0,9 всей земельной площади Англии, исчисляемой им в 19 млн акров. Данные комиссий охватывают, однако, далеко не всю Англию и носят строго локальный характер. Допуская неточности в подсчете и учитывая, гипотетически, рост огораживаний в графствах, не обследованных комиссиями, Гей повышает размеры площади, огороженной между 1455 и 1607 гг., до 516 673 акров, что составит меньше 2% всей английской земельной площади.

В свете этих цифр представление об аграрном перевороте теряет всякий реальный смысл. Количественный его размах суживается до таких ничтожных пределов, при которых вообще снимается всякий вопрос о *перевороте*. Однако так ли это и можно ли вообще придавать данным Гея какое-либо серьезное значение?

Нет сомнения, что Гей фальсифицировал подлинную историю аграрной революции вообще и огораживаний XVI в. в частности. Его метод научно порочен, потому что он ориентируется на односторонний источник, на данные, собранные королевскими комиссиями, бывшими орудиями совершенно определенной классовой политики. Считать эти данные базой каких бы то ни было статистических вычислений, претендующих на какое-либо объективное отражение действительности, совершенно бессмысленно. Комиссии, посланные дворянским правительством, составленные из дворян и допрашивавшие под контролем дворян, конечно, больше всего заботились о том, чтобы скрыть действительное положение вещей и замазать подлинные размеры огораживаний. Довериться их выводам, брать их за основу научного построения это значит заранее итти на фальсификацию, на орудование заведомо недобросовестным материалом. Добавим к этому, что и «гипотетические» подсчеты Гея совершенно произвольны

[1] Главные работы Гея: «Inclosures in England in the XVI century» в журн. «Quarterly Journ. of Economies», т. XVII; «The Midland Revolt» в «Transactions of Royal Hist. Soc.», т. XVIII, и «The inquisitions of depopulation in 1517», там же, т. XIV. Ср. Curtler, ук. соч., стр. 164 passim.

и буквально взяты с потолка, и тогда нехитрая механика фальсификаторской работы американского историка предстанет во всей своей неприглядной наготе.

К этим выводам приходят и наиболее корректные представители буржуазной исторической науки, отказывающиеся следовать за выводами своего зарвавшегося коллеги. Липсон охотно допускает наличие ошибок и предлагает поднять цифры Гея в два раза.[1] Признавая наличие преувеличений в отзывах современной памфлетной литературы, Липсон предостерегает от впадения в противоположную крайность. «Прежде всего, анкета производилась комиссиями в обстановке жестокой оппозиции, почему мы и можем предположить, что данные, ими собранные, недостаточны. Еще более серьезным дефектом является то, что мы не знаем, в каком соотношении находилась огороженная площадь к площади возделывавшейся земли. Данные о соотношении между огороженными землями и всей площадью графств явно недостаточны, тем более, что мы должны помнить о том, какую значительную часть всей площади занимали леса и пустоши». Понятно, что Липсон пытается свести все дело к вопросам техники обработки материала, смазывая основную проблему классовой сущности источников, использованных у Гея. К аналогичным выводам приходит и Тоней. По Тонею, данные Гея и Лидэма могут пригодиться только при составлении географической карты огораживаний. Они дают указание на сравнительную густоту огораживаний в отдельных графствах. «Нужно признаться, что в остальном цифры не высокой ценности... Вспомним методы, при помощи которых они собирались. Они сообщались в форме ответов на вопросы, поставленные членами комиссии присяжным из крестьян (by juries of peasants). Присяжные эти, как сообщают наиболее активные члены комиссий, зачастую обрабатывались (have been occasionally packed) и запугивались местными землевладельцами и допрашивались членами комиссии в присутствии своих лендлордов. Нет надобности доказывать, что в наши дни невозможно было бы отстаивать даже приблизительную точность данных, полученных в условиях подобного допроса».[2] Тоней категорически возражает против недооценки общественных показаний современников, против противопоставления им ненадежных цифровых данных королевских комиссий. «В итоге, наши заключения о количественном размахе обезлюдения деревни в XVI в. должны, несмотря на изыскания Лидэма и проф. Гея, носить отрицательный характер. Цифры, которыми мы располагаем, не такого рода, чтобы на их основании можно было игнорировать прямые

[1] Lipson, The economic history of England, т. I, стр. 159.

[2] Tawney, ук. соч., стр. 263. Ср. H. Sée, L'évolution du régime agraire en Angleterre, Revue de synthèse historique, т. XXVIII, стр. 63, 64.

показания современников, указывающие на то, что движение в известных частях Англии было настолько распространено, что оно вызвало серьезную нужду и волнения». [1]

Таким образом, мы видим, что к работе Гея нельзя отнестись сколько-нибудь серьезно. А, ведь, это единственная попытка с «фактами» в руках опровергнуть Марксово представление об аграрном перевороте, об аграрной революции XVI в. Стоит ли вспоминать здесь об аналогичной попытке Зомбарта. В первом издании «Современного капитализма» он нашел, что «описание Маркса страдает большой неясностью относительно количественного значения этого явления». [2] Зомбарт перевел сумму английского экспорта шерсти за последний год царствования Генриха VIII в число овечьих шкур и сделал отсюда вывод об овечьем поголовьи и, наконец, опираясь на прусские данные середины XIX в. о соотношении между численностью овечьего стада и размерами пастбища, пришел к выводу, что английское овцеводство XVI в. потребовало бы под пастбища 6% всей земельной площади. Отнеся половину этой пастбищной площади на счет старых пастбищ, Зомбарт пришел к тому заключению, что в пастбища к концу XVI в. было обращено около 3% общей площади. Весь этот подсчет носит совершенно фантастический характер, все в нем произвольно. И выбор года (экспорт шерсти неуклонно возрастал в течение XVI в.), и предположение, что вся шерсть экспортировалась, и сведение всех огораживаний к конверсии, к обращению пахотной земли в пастбищную. Мы имеем полное основание не принимать всерьез подобных дилетантских упражнений г-на Зомбарта.

Но вместе с псевдонаучными выводами Гея и Зомбарта падает всякая основа для критики марксовского учения об английском аграрном перевороте XVI в. «Есть все основания полагать, — пишет Липсон, — что аграрные перемены XVI в. сопровождались усиленнейшим угнетением и зачастую сгоном населения во многих сельских округах. В отчетах современников нет ничего странного, они описывают положение вещей, которое может быть подтверждено со всей возможной очевидностью». [3]

Так решительным образом торжествует «катастрофическая точка зрения». Меньше всего можно заподозреть Липсона и Тонея в приверженности к марксизму. Таким образом, важно подчеркнуть, что даже в стане профессиональных жрецов буржуазной исторической науки нет единодушия, нет единогласия. Хотят они того, или не хотят, но собранный ими материал дает блестящее подтверждение не фальсификаторским конструкциям Гея, не аляповато-народнической росписи Граната, не эклекти-

[1] Tawney, ук. соч., стр. 265.
[2] В. Зомбарт, Современный капитализм, т. II, стр. 161.
[3] Lipson, ук. соч., стр. 160.

ческому «эволюционизму» Липсона и Тонея, а несокрушимой как скала и единственной подлинно научной концепции автора «Капитала».

Савин вовсе неправ, когда он обвиняет Маркса в слепом следовании за источниками. По вопросу, глубоко занимавшему всех буржуазных историков, а именно о степени достоверности показаний современников, Маркс делает следующее чрезвычайно глубокое замечание: «Жалобы таких старых хроник все же несколько преувеличены, но они точно рисуют то впечатление, которое совершившаяся в то время революция производственных отношений произвела на современников».[1] Кто из последующих исследователей поднялся до такого безукоризненно точного определения научной ценности указанной группы источников? Кто сумел одной стройной формулой осветить их положительную и отрицательную сторону. Маркс-историк и тут оказывается гигантом, у ног которого копошатся лиллипуты буржуазной историографии.

Так же неправ Савин, когда обвиняет Маркса в игнорировании мирной стороны дела. Это так же нелепо, как выступление Граната на защиту попранных прав «экономического фактора». «Поскольку рабочие вытесняются средствами труда — овцами, лошадьми и т. д., — акты непосредственного насилия создают здесь первую предпосылку промышленной революции. Сначала рабочие прогоняются с земли, а потом приходят овцы. И только расхищение земли в крупном масштабе, как, напр., в Англии, создает арену для крупного сельского хозяйства. Поэтому при своем начале этот переворот в земледелии имел внешнюю видимость революции скорее политического характера».[2]

Самую главу о первоначальном накоплении следует уметь читать в контексте всего учения Маркса о капиталистическом способе производства. В главе этой нет места анализу закономерностей разложения мелкого товарного производства. Эскизно этого вопроса Маркс касается в § 4, посвященном генезису капиталистических фермеров. И здесь Маркс уделяет место и «перевороту в земледелии», и падению ценности благородных металлов, и повышению цен на сельскохозяйственные продукты. Самый процесс возникновения капиталистических отношений в английской деревне рассматривается Марксом двояко: как процесс крупного землевладельца, присвоителя земельной ренты, и как процесс возникновения капиталистических фермеров. Но именно первый из указанных процессов протекает в специфически насильственных формах, что дает Марксу основание характеризовать его термином «революции скорее политического характера».

Во втором же параграфе 24-й главы Маркс достаточно определенно

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 576.

[2] Там же, стр. 330.

указывает: «мы оставляем здесь в стороне чисто экономические пружины аграрной революции. Нас интересуют ее насильственные орудия». [1]

В силу этих же причин Маркс сосредоточил свое внимание на помещичьих огораживаниях, на ленлордах. Однако участие в этом процессе буржуазии, «горожан», отмечено Марксом чрезвычайно выразительно. Савин явно не вчитался в марксовский текст.

Наконец, рабочее законодательство опять-таки верно объяснено у Маркса, а никак не у Савина. Савин дал формальное, а поэтому исторически ложное истолкование знаменитых законов против экспроприированных. Одиум этих законов он захотел переложить с капиталистического способа производства на феодальный. Зато обвинение Маркса в игнорировании роли городского капитала в деревне опять-таки основано на «недоразумении». Маркс, анализируя генезис фермера, справедливо берет за основу процесс внутренней дифференциации крестьянства, процесс метаморфозы мелкого производителя в предпринимателя-фермера. Поэтому-то он был в праве отвлечься от существенного, но в данном контексте все же совершенно второстепенного вопроса о том, что было привнесено в этот процесс благодаря участию в нем ростовщического и торгового капитала. Также не понял Савин и марксовского учения о трех путях развития капитализма. Нелепо упрекать в переоценке роли торгового капитала Маркса, видевшего единственный «подлинно-революционный путь развития капитализма в процессе превращения ремесленника в капиталиста». Наш критик снова не потрудился обратиться хотя бы к соответствующим главам III тома «Капитала».

В конце концов, на долю Савина остаются общие ламентации на тему о насилии и эволюции.

Остался еще последний столп современной буржуазной науки Зомбарт. Во втором издании «Современного капитализма» он воздержался от повторения подозрительных манипуляций с шерстью и овцами. От этой необходимости его избавила ссылка на... данные королевских обследовательских комиссий, те самые данные, которые послужили объектом некрасивых фокусов Гея. Но, помимо этого, Зомбарт выдвинул еще вопрос о применимости понятия *первоначального накопления к странам континента и в частности к Франции*. Если не на английской, то на французской почве думает побить Зомбарт Маркса. Для вящшего эффекта Франция тут же изображается как «классическая страна раннего капитализма». Правильно ли в какой бы то ни было мере подобное утверждение Зомбарта? Конечно, нет. «Классической ее во всяком случае признать нельзя. Франция XVII в. является страной отсталой и по сравнению с Англией, и по сравнению с Голландией. Из докладной записки

[1] К. Маркс, Капитал, I, стр. 579—580.

Кольбера явствует, например, что в 1604 г. у Франции насчитывалось не свыше 200 судов, в то время как голландцы в 1658 г. располагали 16 тысячами. «Их оборотливость, — пишет Кольбер, — и наша несообразительность зашли так далеко, что посредством своих торговых агентов и комиссионеров, которых они сумели учредить во всех портах, голландцы сделались хозяевами всей торговли и благодаря своему торговому флоту определили цену всех покупаемых или продаваемых ими товаров». Усилия Кольбера и протекционистской системы, направленные к тому, чтобы сделать Францию экономически передовой страной, окончились, как известно, неудачей. Упадок централизованной мануфактуры, утрата колоний, свертывание экспортной торговли — вот баланс французской экономики начала XVIII в. Особенно же отсталым оказывалось французское сельское хозяйство с присущими ему рецидивами натуральной формы докапиталистической земельной ренты, сплошь опутанное целой сетью феодальных отношений и трудно доступное проникновению городского капитала. Недаром Маркс говорит о том, что во Франции времен Людовика XIV и Людовика XV «финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка или, вернее, фасад общественного здания представлял собой что-то вроде сатиры над остальным неподвижным состоянием главной отрасли производства (земледелия) и голоданием производителей». [1]

Итак, у нас нет решительно никаких оснований считать Францию «классической страной раннего капитализма» и вместе с тем совершенно неправильно полагать, что Маркс видел в огораживаниях универсальную форму экспроприации непосредственного производителя. Мы видели выше, что и Маркс, и Ленин подчеркивали необычайное разнообразие конкретных путей развития капитализма в сельском хозяйстве. Огораживания были специфически английской формой экспроприации крестьянства, которая вовсе не должна была буквально повторяться в других странах. «Его [обезземеления крестьянства] история, — по Марксу, — в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи. В классической форме совершается она только в Англии». [2]

Но совершенно очевидно, что и во Франции процесс формирования пролетариата проходил на основе отделения производителя от принадлежавших ему орудий и средств производства и что здесь нашли себе применение методы насилия, методы внеэкономического принуждения. Достаточно сослаться на прогрессирующий в течение второй половины XVII и всего XVIII века захват общинных земель. Борьба французского

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, письмо к Николаю—ону, стр. 269.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 574

абсолютизма с захватчиками общинных угодий напоминает, и в сильнейшей степени, борьбу Тюдоров и Стюартов против огораживателей. И результаты насквозь фальшивой политики «защиты» крестьянских интересов были приблизительно одинаковы и в Англии и во Франции. Более того, во время крестьянских движений, например, в Бретани, крестьяне разрушают изгороди точь-в-точь, как это делали их английские собратья. Правда, захват общинных имуществ производился во Франции не помещиками-капиталистами, а, наоборот, феодально-паразитическим дворянством, но результатом этого захвата могло быть только обнищание крестьянства, насильственное сужение его производственной базы и идущая отсюда усиленная его пролетаризация. Но вместе с тем между Англией и Францией было и коренное различие в аграрном строе, отчетливо формулированное Марксом: «В Англии крупная земельная собственность находилась в гармонии с общественным способом производства. Во Франции преобладало мелкое хозяйство, несмотря на крупную земельную собственность, поэтому последняя и была разбита на куски революцией». [1]

В нашем очерке мы не могли и помыслить о том, чтобы охватить всю историческую действительность, запечатленную в 24-й главе «Капитала». Задача написания исчерпывающего комментария к этой главе еще только предстоит коллективу историков-марксистов. На одном примере, на одном участке этой богатой, пестрой и разнообразной исторической ткани хотели мы показать ценность исторической концепции Маркса в свете позднейших работ буржуазной историографии. Но выводы, к которым мы пришли, могут быть расширены на содержание всей главы. Марксовское освещение конкретной аграрной истории, колониальной политики, истории «кровавого» законодательства сохраняет свою основополагающую научную ценность. Вопреки Зомбарту, здесь ничто не устарело, ничто не обветшало. Сотни томов, написанных присяжными историками буржуазии, канули в Лету. Кто помнит теперь обо всех этих Киссельбахах? Освещенная пламенем революционного пафоса, полная гнева и сарказма, 24-я глава в лабиринте сложнейших исторических фактов всегда останется Ариадниной нитью для каждого историка-марксиста.

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, изд. 1929 г., стр. 33.

Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме

Н. Н. РОЗЕНТАЛЬ

К концу 40-х годов XIX века, когда впервые сложилось марксистское мировоззрение, буржуазная историческая наука уже достигла того уровня развития, за которым для нее вскоре наступил период упадка. Англия выдвинула к этому времени Робертсона, Гиббона, Галлама; Франция — целую плеяду замечательных историков во главе с Гизо и Огюстеном Тьерри; в Германии появились первые труды Георга Вайца. Известно, что Маркс и Энгельс высоко ценили лучших из своих буржуазных учителей истории. «Мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой, — писал Маркс Вейдемейеру 5 марта 1852 г. — Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы». Много лет спустя мы находим такую же оценку буржуазным историкам первой половины XIX в. у Энгельса: «Если материалистическое понимание истории открыл Маркс, то Тьерри, Минье, Гизо, все английские историки до 1850 г. доказывают, что к этому стремились многие». [1]

Буржуазная историческая наука зародилась в эпоху революционной борьбы буржуазии с феодальным строем. Первые буржуазные историки, будучи идеологами молодого, восходящего класса, не боялись глядеть в глаза фактам, не стремились извращать содержание исторического процесса. Они хотели как можно лучше понять прошлое для того, чтобы тем вернее победить его. Отсюда их трезвый, деловой интерес к эпохе феодализма, изучение которой дало значительные результаты уже в XVIII в. Отсюда критический анализ Средневековья, способный в отдельных случаях подняться до раскрытия истинных пружин общественного развития. В настоящее время принято обвинять основоположников буржуазной

[1] Письмо к Штаркенбургу 25 I 1894 г.

научной мысли в якобы некритическом, поверхностном подходе к средним векам. Но, спрашивается, кто глубже проник в истинную сущность средневекового общества: такой «некритический» ум, как, например, Вольтер, который утверждал, что до XII в. «вся Европа, за исключением нескольких городов, была разделена на два класса людей: владельцев земель, светских и духовных, и рабов», [1] или новейшие буржуазные ученые, по мнению которых феодальный строй представлял собой «систему политически соподчиненных государственных сословий, из которых каждое несло соответствующее его социальному существу и силе государственное тягло, осуществляя таким образом то, что можно было назвать государственным разделением труда»? [2]

Но при всех тех достижениях, которыми в праве гордиться буржуазная историческая наука XVIII и особенно первой половины XIX в., она тем не менее далеко не поднялась на подлинно научную высоту. Стать наукой в собственном смысле слова история получила возможность только благодаря Марксу. Лишь диалектический материализм впервые пролил истинный свет на весь долгий путь, проходимый человечеством от доклассового общества к бесклассовому. «То, что я сделал нового, — читаем мы в цитированном письме Маркса к Вейдемейеру, — состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы развивающегося производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы».

Эти краткие положения развиты Марксом в его гениальной теории общественно-экономических формаций, которая и явилась действительно научной основой изучения истории. Без помощи данной теории нельзя удовлетворительно объяснить ни одну историческую эпоху. Поэтому, несмотря на то, что первые буржуазные историки во многих отношениях лучше разбирались в историческом процессе, чем их позднейшие эпигоны, они тем не менее не могли не сделать в своих работах самых грубых ошибок, обусловленных классовой ограниченностью их мышления.

«История есть политика, опрокинутая в прошлое», говорил М. Н. Покровский. Изучая феодальное прошлое западноевропейского общества, первые буржуазные историки вели борьбу с этим прошлым во имя интересов своего класса. До эпохи окончательного оформления капитализма главными врагами буржуазии были феодальное дворянство, абсолютная монархия и церковь. Чтобы установить свое классовое господство, бур-

[1] Вольтер, Опыт о нравах и духе народов, гл. 197.

[2] Д. М. Петрушевский, Очерки из экономической истории средневековой Европы, стр. 164, 1928 г.

жуазия должна была вырвать из рук феодальной аристократии орудия ее идеологического и политического воздействия на народные массы. Поэтому не удивительно, что основоположники буржуазной науки направили острие своей критической мысли в первую очередь против сословных привилегий, абсолютизма и христианской религии.

Уже мыслители XVIII в. хорошо понимали классовый смысл изучения истории. В 1727 и 1734 гг. во Франции появились два исторических труда по эпохе возникновения феодализма, авторы которых, говоря об одном и том же предмете, но судя о нем с точки зрения различных классов, пришли к диаметрально противоположным выводам. Этими авторами были граф де Буленвилье и аббат Дюбо. По характерному отзыву их младшего современника Монтескье, «граф де Буленвилье и аббат Дюбо — оба составили по системе, из которых одна похожа на заговор против третьего сословия, а другая против дворянства». [1] Сам Монтескье с присущим ему соглашательством осудил радикализм Дюбо, защищая наследственные привилегии феодальной знати, но со своей стороны решительно высказался против неограниченной монархии. Он приветствовал древних германцев, которые, по его мнению, освободили население Римской империи от гнета деспотизма. В глазах Монтескье север Европы был «фабрикой орудий, которыми сокрушают выкованные на юге цепи. Здесь, в этих странах, образуются те мощные народы, которые выступают из своей страны для того, чтобы уничтожать тиранов и рабов, и заявить людям, что если природа создала их равными, то разум мог их преклонить к зависимости ради одного только их собственного благополучия». [2]

В своем отвращении к деспотизму Монтескье был склонен идеализировать средние века с их воображаемой политической свободой и дорогими его сердцу сословными собраниями. Лучшим временем в истории Франции ему представлялся период до XV в., когда, по его словам, французская монархия начала превращаться в деспотию. В этом отношении гораздо более последовательным идеологом буржуазии, чем Монтескье, явился Вольтер, который понял прогрессивный характер исторического процесса и ярко изобразил произвол и мракобесие феодальной эпохи. «Мы видели, — пишет он, — как в XII и XIII вв. монахи и епископы становились государями; эти епископы и монахи всюду стояли во главе феодального правительства. Они установили комические обычаи, столь же грубые, как их нравы: исключительное право входить в церковь с соколом в руке; право заставлять крестьян колотить по воде пруда, чтобы мешать лягушкам тревожить сон барона, монаха или прелата..., право взимать поборы со странствующих купцов и т. п. Но, кроме этих смеш-

[1] Монтескье, О духе законов, кн. 30, гл. 10.

[2] Там же, кн. 17, гл. 5.

ных сторон варварства, мы видим кровавое варварство религиозных войн... На основании нарисованной нами картины Европы от Карла Великого до наших дней уже нетрудно судить, что эта часть земного шара в настоящее время несравненно населеннее, цивилизованнее, богаче и просвещеннее, чем во времена Карла». [1] Реакционер Шатобриан назвал цитированный труд великого французского просветителя «непрерывным оскорблением христианства». Вызывая бешеную ненависть у своих классовых врагов, Вольтер вместе с тем воспитал целое поколение ученых «вольтерьянцев», которое, идя по его пути, окончательно сокрушило идейные устои феодализма. Историческая наука должна быть особенно благодарна Вольтеру за такого ученика, как Эдвард Гиббон, автор знаменитого исследования «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1789). Проникнутая враждой к средним векам — эпохе «торжества варварства и христианства», книга Гиббона была окончена в тот самый год, когда началась Великая французская революция. Нельзя не обратить внимания на это знаменательное единство революционной исторической мысли и революционной исторической практики.

Борьба буржуазии с наследьем «старого порядка» продолжалась и в XIX в., причем на фронте исторической науки ею были одержаны наиболее крупные победы во Франции эпохи реставрации (1814 — 1830). Развитие техники научной работы и, в частности, успехи источниковедения доставили буржуазным историкам XIX века такое орудие исследования, какое оставалось еще недоступным их предшественникам. Но изучение источников само по себе никогда не являлось целью исторической науки. Углубляясь в прошлое, историк выполняет определенные социальные заказы своего времени. В царствование реставрированных Бурбонов французская либеральная буржуазия стремилась исторически обосновать идеалы конституционно-монархического режима. Уроки истории должны были предостеречь короля от тенденций к деспотизму и вместе с тем внушить обществу спасительный страх перед крайностями республиканской свободы.

Из представителей буржуазной либеральной профессуры периода реставрации особенно типичен Гизо. Успех его лекций возрастал по мере того, как в промышленных кругах Франции начинали все сильнее беспокоиться по поводу абсолютистских замыслов Карла X. Наиболее значительным плодом университетской деятельности Гизо явилось его знаменитое сочинение «История цивилизации во Франции» (1829 — 1830 гг.). Этот труд посвящен эпохе возникновения и развития французского феодализма до XIV в. Книге Гизо мы обязаны, в частности, первой попыткой дать точное определение феодального строя, которое с тех пор надолго

[1] Вольтер, Опыт о нравах, гл. 197.

утвердилось у лучших представителей буржуазной исторической литературы. По сравнению с чисто юридическим пониманием феодализма у Монтескье или у немецких историков-юристов начала XIX века, это определение, несомненно, представляет собой большой шаг вперед. Но все же и для Гизо феодализм остается не чем иным, как особой системой государства и права. По его мнению, все главные факты и существенные элементы феодального строя сводятся к числу трех, кои суть:

«1. Особенное свойство территориальной собственности, состоящее в том, что, несмотря на ее действительность, полноту и наследственность, она получается тем не менее от высшего лица, налагающего на владельца под страхом утраты на нее прав некоторые личные обязательства, что лишает ее той полной независимости, какою она отличается теперь.

«2. Слияние верховной власти с собственностью, т. е. получение владельцем земли над всеми ее жителями всех или почти всех прав, составляющих то, что мы называем теперь верховной властью, и принадлежащих в настоящее время одному только правительству, власти общественной.

«3. Иерархическая система законодательных, судебных и военных учреждений, которые связывали между собою ленных владельцев и составляли из них особенное общество». [1]

Как видим, все внимание Гизо в феодальном обществе привлек к себе исключительно правящий землевладельческий класс, совершенно заслонив собою тех, чей труд составлял основу его существования. Третье сословие в глазах Гизо составляло «другое общество, вне феодального», «иное по происхождению и по природе». [2] Согласно своему пониманию феодализма, Гизо утверждал, что этот строй господствовал во Франции лишь в XI — XIII вв., «от Гуго Капета до Филиппа Валуа». Эпохе господства феодализма предшествовал длительный период его образования, а в XIV в. он уже был сокрушен соединенными силами королевской власти и городов. «В конце X в. королевская власть и коммуны были еще незаметны или едва заметны. В начале XIV в. королевская власть составляет голову государства, а коммуны образуют собою тело нации. Эти две силы, долженствовавшие победить феодальный порядок, если еще не достигли в то время своего полного развития, то приобрели уже положительный перевес. Следовательно, судя по этому признаку, можно сказать, что здесь останавливается собственно феодальная эпоха, так как главным характером ее было отсутствие всякой нации и всякой центральной власти». [3]

Подобно де Буленвилье и Монтескье, Гизо был «терманистом», т. е.

[1] Гизо, История цивилизации во Франции, т. III, перев. М. Корсак, М., 1881 г., стр. 20—21.

[2] Там же, т. IV, стр. 5.

[3] Там же, т. III, стр. 4—5.

считал, что феодализм сложился из тех отношений, которые принесли с собой на территорию Римской империи завоевавшие ее германцы.[1] Говоря о причинах падения Рима, он находит их в деспотизме императорской власти. По словам Гизо, «благодеяния деспотизма не продолжительны; он отравляет даже те источники, которые сам открывает».[2] Напротив, германцы, с точки зрения Гизо, были сильны своей свободой. «Единственно действительная сила этого общества, то, что в нем было могуче и деятельно, заключалась в воле лица; всякий делал, что хотел, на свой страх... Германцы передали нам дух свободы, свободы, которую мы постигаем и знаем теперь как право и благо всякого лица быть властелином себя самого, своих поступков и своей судьбы, насколько то не вредит другому».[3] Последнее замечание чрезвычайно характерно для доктринерского либерализма Гизо, который самую свободу мыслил не иначе, как в шорах буржуазного правопорядка. Осуждая деспотизм, он в то же время отнюдь не являлся сторонником демократических вольностей. «Нет сомнения, — осторожно замечает Гизо, — что мы кое-что утратили с упадком средневековых коммун, но не так уж много, по моему мнению, как нас хотят в этом уверить. Я убежден, что централизация, характеризующая нашу историю, во всяком случае доставила Франции гораздо более величия и благоденствия и более счастливую и славную судьбу, чем если бы в ней господствовали или даже взяли перевес местные учреждения, местная независимость и местные идеи».[4]

Значительно более радикальным буржуазным умом, чем Гизо, был другой современный ему историк феодализма, Огюстен Тьерри. Главное, что интересовало Тьерри в истории Франции, была освободительная борьба третьего сословия против феодалов. Корни этой борьбы он усматривал в завоевании и порабощении франками туземного населения Галлии. Германские завоеватели образовали господствующий класс общества, феодальную аристократию; порабощенные туземцы — бесправную народную массу, так называемое «третье сословие». С точки зрения Тьерри,

[1] Распространенное в буржуазной исторической литературе разделение историков западноевропейского феодализма на «романистов» и «германистов» нужно признать совершенно условным. «Романистами» обычно называют тех, кто выводит феодальные отношения преимущественно из древнеримских корней, а «германистами» — из германских. Исходя из этого формального признака, нередко объединяют между собой историков, принадлежащих к совершенно различным школам и направлениям, как, например, идеолога передовой буржуазии XVIII в. Дюбо и новейшего реакционного ученого Фюстель де Куланжа, аристократа де Буленвилье и радикального буржуа Огюстена Тьерри, которого Маркс называл «отцом классовой борьбы» во французской исторической науке, и т. п.

[2] Гизо, История цивилизации во Франции, т. I, стр. 43.

[3] Там же, стр. 194.

[4] Там же, т. IV, стр. 68.

вся история Франции до Великой революции представляла собой историю борьбы этих двух социальных сил. Наивность «расовой теории», с помощью которой он объяснял происхождение классов, не умаляет его заслуг в деле признания исторической роли классовой борьбы. Симпатии Тьерри всецело на стороне угнетенных. В своих «Письмах об истории Франции» (1827 г.) он с особенной яркостью изобразил восстания городских коммун против их феодальных сеньоров, доказав прогрессивный характер этих восстаний даже в тех случаях, когда они кончались неудачей. «Пределы рабства тогда, как и всегда, зависят от воли и смелости тех, которые его несут», таков справедливый вывод, сделанный Тьерри в заключительной главе его книги.

В числе крупнейших историков первой половины XIX века, посвятивших себя изучению эпохи феодализма, следует назвать также германского ученого Георга Вайца, автора капитального исследования «Deutsche Verfassungsgeschichte», первый том которого вышел в 1844 г. Если французские германисты во главе с Гизо, придавая решающее значение германцам для генезиса феодализма, по существу довольно смутно представляли себе их древний общественный строй, то Вайц впервые тщательно изучил памятники германской праистории. Неопределенная картина пришествия с севера вольнолюбивых германских племен, завещанная традицией Монтескье, превратилась у Вайца в точное описание условий их расселения. Но, разумеется, и Вайцу, также как другим буржуазным ученым, не удалось выйти из рамок своей классовой ограниченности. Исторические работы Вайца явились выполнением социального заказа современной ему немецкой буржуазии, которая желала «научно» обосновать претензии Германии на равноправную роль среди передовых европейских наций. Выдающийся историк, Вайц в то же время и прежде всего германский буржуазный патриот, убежденный в высоком культурном уровне своих предков. Для него совершенно неприемлемы рассуждения Гизо, который отождествлял быт германцев Тацита с бытом отсталых народностей Северной Америки и центральной Африки. «Германцы не грубые дикари, — так начинает Вайц вторую главу первого тома своего исследования. — В эпоху Тацита многое у них еще было недоразвито, кое-что еще оставалось суровым и жестоким, но уже заметно смягчалось; они не знали у себя ничего неблагородного, во всяком случае ничего упадочного или испорченного». [1]

Таково было состояние буржуазной науки о феодализме, когда появились первые теоретические произведения Маркса — Энгельса. Для основоположников марксистской мысли феодальный строй представлял большой интерес, как источник, откуда возникло современное капитали-

[1] Waitz, Verfassungsgeschichte, т. 1, стр. 51, изд. 3-е.

стическое общество. И нельзя не отметить, что уже первыми своими работами Маркс и Энгельс произвели коренной переворот в традиционных взглядах на феодализм.

Буржуазные историки сводили его проблему, как мы знаем, к проблемам государственной власти и права: в трудах Маркса—Энгельса феодализм рассматривается как система производственных отношений и вместе с тем особая ступень развития человечества. В свете своей научной теории Маркс не только обнаружил слабые места буржуазных концепций феодализма, но и безошибочно разрешил ряд связанных с ними труднейших конкретно-исторических вопросов.

По вопросу о происхождении феодального общества основоположники марксизма не стали на точку зрения ни романистов, ни германистов. Рассматривая исторический процесс во всей его полноте, Маркс считал необходимым учесть при объяснении характерных черт западноевропейского феодализма взаимодействие как римских, так и германских элементов. «Нет ничего обычнее представления, — читаем мы в «Немецкой идеологии», — будто в истории до сих пор все дело было только *в захвате*. Варвары *захватили* Римскую империю, — и фактом этого захвата объясняют переход от античного мира к феодальному... Феодализм вовсе не был перенесен в готовом виде из Германии; его происхождение коренится в военной организации варварских войск во время самого завоевания, которая лишь после завоевания, благодаря воздействию найденных в завоеванных странах производительных сил, развилась в настоящий феодализм». [1]

Не случайно, что в годы создания «Немецкой идеологии» (1845 — 1846), когда в исторической литературе господствовали взгляды германистов, Маркс и Энгельс особенно заостряли свои возражения против них: «Принимаемая оседающими завоевателями форма общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам. Этим объясняется также и тот факт, отмеченный всюду в эпоху после переселения народов, что раб стал господином и что завоеватели очень скоро переняли язык, образование и нравы завоеванных народов». [2]

Возникновение западноевропейского феодализма было в то же время разложением античного рабовладельческого общества. Причины этого процесса с исключительной глубиной освещены Марксом—Энгельсом в их позднейших работах. Но уже в 40-х годах они с полной ясностью

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 63—64, 1933 г.
[2] Там же.

понимали, что упадок древнего мира был вызван не его политической организацией, а составлявшим его основу рабовладельческим строем. В статье «Морализирующая критика и критизирующая мораль» (1847 г.) Маркс, возражая буржуазному радикалу Гейнцену, решительно опроверг распространенную точку зрения, согласно которой Рим погиб вследствие деспотизма императоров. Античные монархии, как и античные республики, говорит он, были приведены к гибели рабством.

Рассматривая феодализм как определенную ступень в развитии общественных формаций, Маркс, разумеется, должен был обратить особое внимание на характерные признаки феодального общества, качественно отличающие его от других обществ. Для буржуазных историков вопрос о качественном своеобразии социальных эпох по существу был совершенно недоступен. Большая часть из них считала эпоху феодализма периодом упадка, провала между античной древностью и новым временем. С этой точки зрения, западная Европа примерно в XV — XVI вв. вернулась к тому состоянию, в каком она находилась до разрушения Римской империи. Только немногие величайшие умы буржуазии, как Гегель, могли возвыситься до понимания единства всемирноисторического процесса, но и то в извращенном идеалистическом аспекте. Поэтому нельзя не подивиться тому гениальному проникновению в мировую историю, с каким Маркс признал феодализм более высокой ступенью общественного развития, чем античность. При этом, однако, Маркс отнюдь не имел в виду прямолинейного характера прогресса: исторический переход от античного общества к феодализму был связан, по его словам, с длительным состоянием упадка. «Последние века клонившейся к гибели Римской империи и самое завоевание ее варварами разрушили множество производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, за отсутствием сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно приостановлена, сельское и городское население убыло», но «в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широком базисе, подготовленном римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия». [1]

Возникнув на почве разложившегося рабовладельческого общества, феодализм был необходимой исторической предпосылкой возникновения капитализма. Тем самым для Маркса естественно решался вопрос о хронологических гранях феодальной эпохи. Последняя продолжалась в течение того времени, когда в обществе преобладали определенные производственные отношения. В отличие от Гизо и других буржуазных историков, Маркс, разумеется, не мог считать конечным периодом западноевропейского феодализма XIII в. и выносить такие факты, как образова-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

ние городов и возникновение королевской власти, за рамки феодального строя. С точки зрения ученых-метафизиков, города и королевская власть существовали от начала века; при феодализме они пришли в упадок, но затем снова поднялись и в конце концов уничтожили феодальные отношения. Для диалектика Маркса средневековой ремесленный город качественно отличался от тех городов, которые были продуктами других исторических эпох. Рост городов в феодальном обществе означал не уничтожение, но закономерное развитие последнего. Если у Гизо города боролись с феодализмом, то у Маркса борьба горожан и феодалов являлась выражением классовых противоречий внутри феодализма. «Из крепостных средневековья вышли мещане первых городов; из этого мещанства развились первые элементы буржуазии. Современное буржуазное общество, возникшее из погибшего феодального общества, не уничтожило классовых противоречий. Оно лишь создало... новые формы борьбы на место старых». [1]

С исключительной четкостью Маркс вскрывает феодальную сущность средневековых городских коммун, которые, по мнению официальных представителей исторической науки, стояли вне феодализма. «Этой феодальной структуре земельной собственности соответствовали *в городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла... Благодаря постепенному накоплению путем сбережений небольших капиталов отдельными ремесленниками и неизменности числа последних при растущем населении развилась система подмастерства и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения». [2] Точно также у Маркса не было сомнений в феодальном характере средневековой монархии, которая рассматривалась буржуазными учеными лишь как пережиток прошлого и залог будущего. «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства — стоял монарх». [3]

Величайшим вкладом Маркса в изучение конкретной истории западной Европы является, как мы знаем, анализ генезиса капитализма. Знаменитая двадцать четвертая глава первого тома «Капитала» впервые ярко осветила проблему возникновения капиталистического общества с той стороны, которая сознательно затемнялась буржуазными историками, — со стороны экспроприации непосредственных производителей. Говорить о зарождении классов капиталистов и пролетариев — это значило вскрывать противоречия внутри третьего сословия, разоблачать эксплуататорский характер буржуазии. Такая задача была по плечу только мыслителю,

[1] Манифест Коммунистической партии.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14—15.

[3] Там же.

сумевшему преодолеть буржуазную ограниченность. «Одна сторона того исторического процесса, который превращает производителя в наемного рабочего, заключается в освобождении производителя от феодального и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но имеется и другая сторона, состоящая в том, что освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями». И историю этой их экспроприации, «вписанной в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня», впервые изучил только Маркс.

Если окончательное решение вопроса о так называемом «первоначальном накоплении» дано Марксом в «Капитале», то сам вопрос был правильно поставлен им уже в работах 40-х годов. Например, в «Нищете философии» мы читаем: «Созданию мануфактурной мастерской предшествовало в пятнадцатом и шестнадцатом столетиях почти всеобщее бродяжничество. Мануфактурная мастерская нашла... могущественную поддержку в большом числе крестьян, которые в продолжение целых столетий приливали в города, так как превращение полей в луга и успехи земледелия, уменьшившие количество необходимых для обработки земли рук, постоянно гнали их из деревень». [1] Далее Маркс говорит о «переменах в социальном положении классов», о «целой массе людей, лишенных своих прежних источников дохода», как об «исторических условиях образования мануфактуры». [2] Таким образом мы видим, что по ряду существеннейших вопросов истории феодализма Марксом были даны четкие установки уже в ранний период его творчества, и что эти установки совершали коренной переворот в исторической науке. Ее дальнейшее развитие зависело теперь от того, в какой мере она могла воспринять и усвоить основные положения марксизма.

Теоретическое оформление пролетарского сознания было естественным следствием происходивших в то время в Европе глубоких социальных сдвигов. Если рост рабочего класса подарил человечеству таких гениев, как Маркс и Энгельс, то он же обусловил умственный упадок буржуазии. Ярким доказательством этого явились работы Гизо и Тьерри, вышедшие в свет вскоре после классовых боев 1848 года. Сочинение Гизо посвящено вопросу о том, «почему удалась английская революция» (1850), а книга Тьерри — «истории образования и развития третьего сословия» (1853). Оба труда нашли себе обстоятельный разбор у Маркса. Из сопоставления высказываний авторов и критика с поразительной наглядностью обнаруживается рядом с мощной мыслью основателя пролетарской на-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 386.
[2] Там же.

уки бессилие незадолго до того еще острых умов буржуазии. Не понимая истинных причин крушения июльской монархии во Франции, Гизо объясняет этот факт скверным характером французов и ставит своим соотечественникам в пример англичан, которые, мол, мирно наслаждаются монархическим режимом с 1688 года. У Гизо нет ни исследования путей хозяйственного развития Англии и Франции, ни исторического анализа их общественных классов, ни сколько-нибудь углубленного подхода к политическим событиям. Каждая строка этого анемичного памфлета подтверждает правильность вывода, сделанного на основании его Марксом: «Да, не только короли уходят, но и таланты буржуазии уходят». [1]

Зато тем больший научный интерес имеют мысли самого Маркса об английской истории, высказанные им по поводу произведения Гизо. [2] Эти мысли проливают свет не только на результаты и следствия Великой английской революции, но и на ее отдаленные исторические предпосылки. В немногих словах Маркс с исчерпывающей полнотой вскрыл своеобразие социальных антагонизмов в Англии и Франции, указав на характерные черты развития в этих странах имущественных отношений. «Великая загадка для господина Гизо, которую он в состоянии объяснить только особенной рассудительностью англичан, — загадка консервативного характера английской революции» ни в какой мере не осталась загадкой для читателей Маркса, в совершенстве объяснившего ее «длительным союзом между буржуазией и значительнейшей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской, которая путем парцеллирования уничтожила крупное землевладение».

По сравнению с памфлетом Гизо книга Тьерри безусловно была более значительным произведением, но и к ее автору в равной степени применимы слова Маркса, что «даже самые умные люди ancien régime, даже те люди, которым ни в коем случае нельзя отказать в своего рода историческом таланте, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что они лишились всякого исторического разумения». Рассматривая «историю образования и развития третьего сословия», Тьерри стремился «исторически» доказать классовое единство буржуазии и пролетариата. Тот самый историк, который в свое время ярко вскрыл антагонизм между

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 280.

[2] Разбираемая рецензия Маркса мало известна нашим историкам Великой английской революции. В частности, А. Н. Савин в своих «Лекциях» ничего не говорит о ней, ссылаясь в то же время на высказывания Маркса об английской революции в «Новой Рейнской газете» и Энгельса в предисловии к «Развитию социализма от утопии к науке». См. А. Н. Савин, Лекции по истории английской революции, Гиз, 1924 г., стр. 32—33.

третьим сословием и феодалами, теперь ставил себе целью затушевать непримиримость интересов внутри третьего сословия. «Удивительно, — писал Маркс Энгельсу в 1854 году, — как этот господин, «отец классовой борьбы» во французской исторической науке, негодует в предисловии на «новых», которые видят противоречие между буржуазией и пролетариатом и находят следы его в истории третьего сословия еще до 1789 г. Он изо всех сил старается доказать, что третье сословие охватывает всех, за исключением дворянства и духовенства, и что буржуазия играет роль представительницы всех остальных элементов».

Несостоятельность тезиса Тьерри о социальном единстве третьего сословия была обнаружена основателями марксизма еще задолго до издания его последнего труда и притом не только на фактах современности, но и далекого прошлого. «Если бы г. Тьерри прочел наши книги, — замечает Маркс, — то он знал бы, что острое противоречие между буржуазией и народом начинается, конечно, лишь с того момента, как только она перестает противостоять в виде третьего сословия дворянству и духовенству». Однако исторические корни этого противоречия существовали уже с самого возникновения третьего сословия. «Манифест коммунистической партии» знает борьбу внутри феодального общества не только между бароном и крепостным, но и между цеховым мастером и подмастерьем. В замечательной брошюре Энгельса «Крестьянская война в Германии» (1850 г.) ясно показано, как «из первоначальной массы горожан средневековых городов с расцветом торговли и ремесла развились три резко обособившихся друг от друга группы»: патриции, бюргеры и плебеи, и как «под всеми этими классами, за исключением последнего, находилась громадная эксплуатируемая масса народа — *крестьяне*». [1] С помощью своего метода познания действительности Маркс сумел найти в самой книге Тьерри — вопреки всем намерениям ее автора — ряд неопровержимых доказательств противоречивой сущности третьего сословия. «Меня очень заинтересовало, — говорит Маркс — что из приводимых им документов видно, что слово catalla, capitalia (капитал) входит в употребление вместе с появлением городских коммун. Кроме того, он, совершенно этого не желая, доказал, что французская буржуазия всего больше вредила своей победе тем, что лишь в 1789 г. решилась действовать заодно с крестьянами».

Идейный сдвиг, пережитый в середине XIX века отдельными представителями либеральной мысли под влиянием подъема пролетарского движения, явился глубоко знаменательным показателем превращения буржуазии из прогрессивного класса в реакционный. Однако буржуазная наука еще продолжала развиваться, причем ее центр тяжести постепенно

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 121, 125.

переместился в более молодые капиталистические страны, Германию, Соединенные штаты, Россию. Тщетно отрицаемый либералами факт существования классовых противоречий в буржуазном обществе сделался настолько очевидным, что возбудил повсюду широкий интерес к вопросу о генезисе современной формы собственности. Изучение сохранившихся в Европе следов старинного аграрного быта позволило Гакстгаузену уже в 1847 г. написать книгу о русской крестьянской общине, а в начале 50-х годов появилось знаменитое исследование земельного строя древних германцев Георга-Людвига Маурера «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства» (1853 г.). Маурер доказал, что частной собственности на землю у германцев предшествовала собственность коллективная, общинная. Германское общество первых веков н. э. представляло собой совокупность свободных сельских общин (марок), основанных на принципе аграрного коммунизма. Но еще до завоевания германцами Римской империи внутри общин стало выделяться частное владение усадьбой, затем пашней и т. д. На римской почве этот процесс значительно ускорился. С появлением частной земельной собственности члены общины постепенно разделились на имущих и на неимущих. Вместе с имущественным равенством исчезло и равенство социальное. Возвысившиеся крупные собственники не замедлили захватить в свои руки государственную власть; демократическая «марка» уступила место феодальной «сеньории». Таким образом, Маурер не только осветил вопрос о первобытных формах собственности, но и дал новое объяснение происхождению феодализма, резко отличавшееся от историко-юридических концепций его буржуазных предшественников.

Свои выводы Маурер развил и дополнил в дальнейших трудах на ту же тему, особенно в четырехтомном исследовании «История барских и крестьянских дворов и подворного устройства в Германии» (1862). Вскоре у него образовалась многочисленная школа учеников и продолжателей, которой мы обязаны, в частности, серьезной разработкой экономических проблем феодализма. Вместе с тем выдвинулся ряд крупных ученых, посвятивших себя изучению древнейших форм общества. Выдающиеся работы Моргана «Первобытное общество» (1877), М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (1879) и других исследователей окончательно установили тот факт, что частная собственность везде возникла в результате разложения собственности коллективной, что все народы прошли в своем развитии через стадию первобытного коммунизма. Тем самым был доказан изменяемый исторический характер общественных форм и нанесен сокрушительный удар традиционному буржуазному мировоззрению, которое провозгласило капиталистический строй единственным, согласованным с законами «вечного разума».

Нечего говорить о том, какое значение имели эти научные завоевания для основателей марксизма. Замечательно, что еще в 40-е годы, когда «история первобытного общества была почти совершенно неизвестна» (Энгельс), они вполне правильно подошли к вопросу о развитии форм собственности. «Первая форма собственности, — читаем мы в «Немецкой идеологии», — это племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства... Вторая форма собственности, это — античная общинная и государственная собственность». [1] В 50-х годах Маркс и Энгельс специально занимались изучением общинных порядков в Индии, которое дало им много нового фактического материала. В то же время они с напряженным вниманием следили за всеми достижениями исторической науки, чутко откликаясь на каждую сколько-нибудь ценную мысль. Установление факта отсутствия частной собственности в древнейшую эпоху существования всех народов неопровержимо доказывало правильность марксистской теории исторического процесса. Пробудившийся в научных кругах интерес к первобытным временам объективно соответствовал, как отметил Маркс, социалистическому направлению, «хотя ученые даже и не подозревали о своей связи с ним». «В человеческой истории, — писал он Энгельсу в 1868 году, — происходит то же, что и в палеонтологии. Даже самые выдающиеся мыслители принципиально, благодаря слепоте, обусловленной предрассудками, не замечают вещей, находящихся под самым носом. Позднее, в свое время, все начинают удивляться, — что, ведь, повсюду имеются следы того, чего раньше не замечали... И, к своему удивлению, они в самом древнем встречают самое новейшее и даже приверженцев такого равенства, что сам Прудон от него пришел бы в ужас».

Мы знаем, какую высокую оценку нашли у Маркса и Энгельса труды Маурера. «Его книги, — говорит Маркс в том же письме, — имеют громадное значение. Не только первобытное время, но и все позднейшее развитие свободных имперских городов, иммунитета владельцев поместий, государственной власти, борьбы между свободным крестьянством и крепостничеством, — все это является в совершенно новом освещении».

Но важнейшим плодом научно-исторической мысли второй половины XIX в., несомненно, следует признать открытия в области истории форм собственности. Именно эти открытия дали возможность основателям марксизма уточнить их взгляды на развитие общества в эпоху, предшествовавшую возникновению классов. В своих последних работах, особенно в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», Энгельс широко использовал материалы Маурера и его школы, Моргана, Ковалевского и других новейших исследователей для окончательного разрешения проблемы материалистического понимания истории.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 12.

Однако, чутко реагируя на все ценное, что создавали отдельные выдающиеся представители буржуазной науки, Маркс и Энгельс никогда не упускали из вида классовой ограниченности их мышления и резко расходились с ними по ряду существенных вопросов. Не нужно думать, например, как это делает хотя бы В. Д. Преображенский, будто бы «Ф. Энгельс почти полностью присоединился к взглядам Маурера на социальную и хозяйственную эволюцию германцев, положившую начало феодализации Европы». [1] Напротив, именно Энгельс обнаружил серьезные недостатки, какими страдает мауреровская концепция генезиса и развития феодализма. В письме к Марксу от 15 декабря он объясняет ошибки Маурера следующими причинами:

1) «привычкой приводить примеры и иллюстрации из всех эпох поочередно, притом еще перемешивая их»,

2) «остатком юридической связанности, которая мешает ему всякий раз, когда дело идет о том, чтобы понять *развитие*»,

3) тем, что «он слишком мало придает значения *силе* и той роли, какую она играет»,

4) «предрассудком, унаследованным от просветителей, будто после темного Средневековья должно быть постоянное движение вперед, к лучшему». По словам Энгельса, этот предрассудок мешал Мауреру видеть «не только противоречивый характер действительного прогресса, но и отдельные случаи регресса».

Своим учением о мирном, «естественном» переходе от общинного строя к феодальному Маурер близко подошел к тому направлению в науке о феодализме, которое впоследствии стало разрабатываться реакционнейшими представителями так называемой «эволюционно-исторической» школы. Разумеется, между Маурером и его учениками с одной стороны и буржуазными эволюционистами с другой — лежит глубокая принципиальная грань. Но характерно, что, решительно возражая Мауреру по вопросу о существовании общины и отсутствии частной земельной собственности у древних германцев, духовный вождь эволюционистов Фюстель де Куланж сходится с ним в признании факта органического самозарождения феодализма. Для Фюстель де Куланжа, как и для Маурера, феодальный строй в Европе образовался совершенно независимо от борьбы германцев с Римом. «Я не романист и не германист, — говорил Фюстель, по словам его биографа Гиро. — Я не отношу источника феодализма ни к германцам, ни к римлянам; я нахожу его в известных институтах и течениях, общих и германцам и римлянам, и всем народам». [2] В предисловии к пятому тому своей «Истории общественного строя древней Франции»

[1] В. Д. Преображенский, Очерк истории общественных форм, 1928 г., стр. 75.
[2] P. Guiraud, Fustel de Coulanges, стр. 143.

Фюстель де Куланж высказывает следующие мысли: «Мы находим феодальный строй у народов, не имеющих ничего общего с германцами, мы находим его также у народов, у которых нет связи с римлянами... Он существовал у славян и у венгров. Ирландские памятники показывают, что он образовался в Ирландии свободно, без всякого завоевания, без римского или германского влияния. Феодализм встречается еще у многих других народов, даже за пределами Европы, и в другие эпохи истории. Он развивался у представителей всевозможных рас. Он не присущ ни римской, ни германской природе: он свойственен природе человеческой вообще».

Такая постановка вопроса глубоко не научна. Разумеется, не следует думать, что феодализм существовал лишь в одной западной Европе, но там, где он имел место, он возник в результате исторического развития определенных, более ранних общественных порядков. В западной Европе ему предшествовали разлагавшееся рабовладельческое общество Римской империи и общинно-родовой строй древних германцев. Понять генезис западноевропейского феодализма можно лишь путем предварительного изучения древнеримских и древнегерманских отношений во всей полноте их взаимодействия. Именно так ставили вопрос великие диалектики Маркс и Энгельс, которые, разумеется, тоже не были ни германистами, ни романистами. Блестящий разбор образования феодального строя в Европе мы имеем в восьмой главе «Происхождения семьи» Энгельса. Основоположники марксизма и вместе с ними их продолжатели — Ленин и Сталин — считали необходимой предшествующей ступенью западноевропейского феодализма рабство. Уже в «Анти-Дюринге» Энгельс категорически утверждал: «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и Рима. А без основания, заложенного Грецией и Римом, не было бы также и современной Европы». Но рабовладельческое общество не могло перейти в феодальное без «полной революции» (Энгельс). Основной движущей силой этой революции, разрушившей Римскую империю, были рабы и порабощаемые беднейшие граждане, а тем ядром, вокруг которого они сплотились и тем дали ему возможность разбить римскую государственную машину, явились германцы. В «Происхождении семьи» Энгельс ярко изобразил «безвыходный тупик, в который попал римский мир», и освободительную роль, сыгранную варварами. «Римское государство, — читаем мы, — превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных. Налоги, государственные повинности и оброки разного рода погружали массу населения во все более глубокую нищету; этот гнет усиливали до невыносимости вымогательства наместников, сборщиков налогов, солдат. Своим мировым господством римское государство привело к такому положению: свое право на существование оно основывало на поддержании

порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей».

Каждая строка цитируемой восьмой главы книги Энгельса разоблачает чудовищную фальшь новейших реакционных историков, которые, начиная с Фюстель де Куланжа, поют восторженные дифирамбы «великой империи римских цезарей». Но с не меньшей суровостью Энгельс выступает и против другой крайности, против прославления национальных доблестей германцев, которым нередко грешила немецкая шовинистическая историография, в лице Вайца, Гизебрехта, Рота и их эпигонов вплоть до нашего современника — Допша. «Омолодили Европу не специфические национальные особенности германцев, а просто... их варварство, их родовой строй».

В кратком очерке нет возможности охватить все то, чем обязана историческая наука гениальным высказываниям Маркса—Энгельса о феодализме. Эти высказывания должны лечь в основу будущих научных трудов по истории феодального общества. К сожалению, нужно признать, что все то, что писалось в последнее время о западноевропейском феодализме, ни в какой степени не выдерживает критерия научности. Нет надобности, конечно, останавливаться на новейших произведениях буржуазной историографии, которая в эпоху загнивания капитализма окончательно утратила способность «исторического разумения». Лучшее, что могут делать современные буржуазные историки, сводится к лабораторному изучению отдельных памятников прошлого, дающему во всех смыслах слова «микроскопические» результаты. Но и эта возможность ускользает от них, так как их ослепляемый классовыми шорами взгляд уже не в силах проникнуть в истинный смысл источника и правильно истолковать его содержание. А в тех случаях, когда они пытаются стать на путь синтеза, они подменяют историческое исследование апологией капитализма, как Допш и его последователи, или даже доходят до возрождения «диалектики» блаженного Августина, как, например, Карсавин.

КАРЛ МАРКС
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

К. Маркс и языкознание

С. Н. БЫКОВСКИЙ

Маркс не был профессионалом-лингвистом. Во всяком случае в числе его ученых трудов не имеется специальных исследований по языку. Тем не менее, каждому языковеду, стремящемуся стать на действительно научный путь в своей исследовательской работе и на деле преодолеть тупую ограниченность и реакционность буржуазной языковедной науки, совершенно очевидно и понятно значение К. Маркса и для языкознания. Усвоение марксистской методологии, представляющей собою общую методологию всех отраслей знания, является необходимой предпосылкой подлинно-научной работы и в области языкознания в такой же степени, как и во всякой другой отрасли науки.

Однако значение К. Маркса для языкознания отнюдь не сводится только к тому, что К. Маркс вооружает языковедов научной методологией. Помимо методологии и классических образцов применения материалистической диалектики к разрешению проблем истории, политической экономии, естествознания и других отделов науки, в работах К. Маркса заключено значительное количество совершенно конкретных указаний и замечаний по основным, а в ряде случаев и по различным частным вопросам языкознания. Подобно тому, как К. Маркс в ряде своих различных работ дает блестящие образцы применения материалистической диалектики в области исторического исследования, в области политической экономии, естествознания и других отделов науки, так и в области языкознания им даны такие же образцы применения метода диалектического материализма к изучению языка.

Теория диалектического материализма с образцами Марксова применения материалистической диалектики к исследованию конкретного материала, исторического, экономического и других, составляет, подобно тому, как это имеет место в отношении всех других отделов науки, незыблемую основу, фундамент марксистской лингвистики.

Языковедные указания и замечания К. Маркса, вместе с соответствующими указаниями и замечаниями Ф. Энгельса, являются началом конкретной марксистской лингвистической науки. Совокупность этих указаний и замечаний составляет не простую арифметическую сумму большего или меньшего количества соответствующих отрывков из их работ, а отражает и выражает определенную концепцию по основным, решающим вопросам языкознания. Именно это обстоятельство дает основание говорить о начале конкретной марксистской лингвистической науки. Основанная К. Марксом и Ф. Энгельсом, развитая и углубленная в дальнейшем В. И. Лениным и т. Сталиным, развиваемая далее и углубляемая т. Сталиным и в настоящее время, марксистско-ленинская наука о языке, а не буржуазное языкознание, является теоретическим языковедным обоснованием нашей языковой политики, составляющей не отъемлемую и существенно важную часть нашей национальной политики.

Как особенно наглядно и отчетливо это можно видеть на основании переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, оба основоположника марксизма чрезвычайно усердно занимались изучением различных языков. Речь идет при этом не о простом овладении не родными для К. Маркса и Ф. Энгельса языками, «чужой» речью, не исключая, например, русской, но о научном изучении «чужих» языков.

В письме от 1 VI 1853 г. Ф. Энгельс восторгается *«юным»* английским языком К. Маркса. Он «не только хорошо, он прямо блестящ».[1] В письме от 3 V 1854 г. К. Маркс сообщает Ф. Энгельсу, что в свободные часы он занимается испанским языком, степень трудности изучения которого определяет сравнением с итальянским языком.[2] Из письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 29 II 1856 г. видно, что К. Маркс усиленно занимается изучением славянских, в частности русского, языков,[3] о чем он вновь по поводу прочитанных им книг пишет Ф. Энгельсу 5 III того же года,[4] 22 I 1870 г.,[5] 10 II 1870 г.,[6] 11 V 1870 г.[7] и в редакцию журнала «Отечественные записки» в конце 1877 г.[8] Русский язык К. Маркс знал настолько хорошо, что свободно пользовался русскими сочинениями в оригинальных русских изданиях, а не в переводах. Он

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 486—487. Ср. ответные замечания К. Маркса, там же, стр. 488.

[2] Там же, т. XXII, стр. 29—30.

[3] Там же, стр. 119—121.

[4] Там же, стр. 122—123.

[5] Там же, т. XXIV, стр. 281.

[6] Там же, стр. 286—287.

[7] Там же, стр. 341.

[8] К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 4-е изд. под ред. В. В. Адоратского, стр. 309.

свободно читал русский текст не только современных русских авторов, но и текст древних памятников, глубоко проникая в самое существо содержания последних, примером чему может служить понимание К. Марксом содержания одного из труднейших памятников Слова о полку Игореве». В письме к Ф. Энгельсу от 1 III 1869 г. К. Маркс сообщает о своих занятиях по шотландскому языку, [1] и т. д.

В своих «Воспоминаниях о К. Марксе» В. Либкнехт специально останавливается на занятиях К. Маркса языками, отмечая, что К. Маркс читал на всех европейских языках, а на трех — немецком, французском и английском, кроме того, писал так, что «восхищал людей, знающих эти языки». По отзыву В. Либкнехта, К. Маркс «обладал огромным лингвистическим талантом». Когда ему было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и овладел последним в течение каких-нибудь 6 месяцев настолько, что свободно читал русские книги. К. Маркс отлично знал также древние языки, латинский и греческий, и вообще был «замечательным знатоком языков». [2]

Отлично знал языки и Ф. Энгельс. По отзыву П. Лафарга, Ф. Энгельс был «настоящим полиглоттом», причем знал не только литературные, но и разговорные языки и «старые диалекты». [3]

Однако письма и ученые труды К. Маркса и Ф. Энгельса обнаруживают и нечто гораздо большое. Как сказано, К. Маркс и Ф. Энгельс не просто овладевали «чужими» для них языками, но изучали их и научно. Так, из письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 29 II 1856 г. о занятиях славянскими языками видно, что К. Маркс изучал теоретические работы по славянскому языкознанию. [4] Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 4 XII 1855 г. указывает на отличную ориентировку К. Маркса в вопросах о различных школах в области языкознания. [5] Из письма его же к Ф. Энгельсу от 16 VI 1864 г. видно, что он интересовался и внимательно изучал литературу по вопросам теоретического языкознания на различных европейских языках. [6] Вообще, теоретическая языковедная подготовка К. Маркса была такова, что он не только мог иметь свое определенное мнение о том или ином лингвистическом исследовании, но мог указывать, например, конкретные ошибки в трудах буржуазных специалистов-языковедов, поправлять эти ошибки и противопоставлять суждениям буржуазных языковедов свое собственное мнение. Столь же компетентен был в вопросах

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 166.
[2] В. Либкнехт, Воспоминания о Марксе, М., 1918, г., стр. 10.
[3] П. Лафарг, Письмо к Николаю—ону, «Летописи марксизма», II, 1927 г., стр. 115.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 119.
[5] Там же, стр. 107.
[6] Там же, т. XXIII, стр. 190.

теоретического языкознания и Ф. Энгельс, изучивший основные труды лингвистов своего времени, Боппа, Гримма, Дица и др. [1]

С полным основанием В. Либкнехт отмечает в своих «Воспоминаниях о К. Марксе», что К. Маркс «понимал существо языка», занимался вопросами происхождения, развития и структуры языков. [2]

Это обстоятельство имеет чрезвычайно большое значение для правильности суждения о К. Марксе, как о лингвисте. Если он и не был лингвистом-профессионалом и если среди его ученых трудов не имеется специальных лингвистических исследований, то его мнение или суждение по тому или иному вопросу языкознания представляет собою, однако, мнение или суждение специалиста, а не случайного и стороннего для языкознания лица. Разумеется, во всех случаях своих лингвистических суждений и заметок К. Маркс руководствовался разработанной им совместно с Ф. Энгельсом общей методологией науки. Но во всех таких случаях он не ограничивался одними общеметодологическими положениями, отвлеченным теоретизированием. Он знал языковой конкретный материал. Он разрабатывал лингвистические положения на конкретном языковом материале. Он конкретизировал свои языковедные указания и замечания, обосновывая их на фактах.

Обращает на себя внимание, прежде всего, самый подход К. Маркса к языку, — его определение языка, как явления.

С точки зрения буржуазных языковедов, специалистов-профессионалов, [3] язык представляет собою совокупность звуков, простое сочетание последних. Несмотря на формальное признание, что язык имеет «две стороны»: внешнюю, физическую, — звуки слов, и внутреннюю, духовную, — значения слов, смысловая сторона речи иногда не занимала и до сих пор не занимает сколько-нибудь значительного места в исследованиях буржуазных ученых, ни тем более — равноправного с звуковой. В соответствии с этим пренебрежением к смысловой стороне речи, буржуазные лингвисты обращали исключительное внимание на форму речи, причем и изучение последней разрывали и разрывают на самостоятельные, органически между собой не связанные части. Изучение каждой такой группы форм отведено особой языковедной специальности, по существу же — особым, самостоятельным «лингвистическим наукам», какими яв-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 326—327.

[2] В. Либкнехт, Воспоминания о Марксе, стр. 10.

[3] Буржуазное языкознание, как в его современном состоянии, так и взятое в историческом развитии, разумеется, отнюдь не представляет собою единства. Так как настоящая работа не имеет задачей рассмотрение отдельных школ, направлений и течений в буржуазном языкознании, то всюду, где говорится о буржуазном языкознании, последнее характеризуется лишь со стороны общих, типических для всех его разновидностей признаков и особенностей.

ляются фонетика, морфология, синтаксис. Из них фонетика, учение о звуковой стороне речи в собственном и узком смысле слова, получила особенное значение. Она приобрела характер преобладающий, с явной тенденцией к полному своему приравнению к науке о языке, т. е. к устранению, как излишних, других частей буржуазного языкознания. Имея предметом изучения форму, в отрыве последней от содержания, буржуазные языковеды вели и ведут свое исследование формально, т. е. идеалистически, сравнивая форму с формой, вывод с выводом. Прикрываясь иногда, особенно в самое последнее время, вывеской «лингвисты-социологи», буржуазные языковеды изучают язык и языковые явления в качестве чисто психологических и физиологических феноменов, не делая по существу никаких попыток подойти к языку и языковым явлениям, как к общественным категориям.[1] Вся их «социология» сводится к общим, ни к чему не обязывающим положениям, остающимся внешними привесками и излишними придатками к основным психо-физиологическим построениям, установка на которые дается генеральным требованием: «в языке две стороны: 1) внешняя, физическая, — звуки слов и 2) внутренняя, духовная, — значения слов. Мы должны будем познакомиться с обеими этими сторонами языка. Ознакомление с первою должно исходить из данных анатомии и физиологии, со второю — из данных психологии».

Имея полную необходимость объяснить изменения в языке, связанные с развитием речи, буржуазные языковеды, оторвавшие изучение языка от изучения общества, неизбежно искали и ищут причину всех изменений в области языковых явлений вне истории общества. В этом изучении они идут по тому самому пути, который охарактеризован В. И. Лениным в качестве «мертвого, бледного и сухого». Оставляя в тени «самодвижение, двигательную силу движения, его источник, мотив», — буржуазные лингвисты в своем изучении языка давали простое, формальное, статическое описание языковых явлений, или же переносили источник движения «во вне»;[2] в последнем случае на помощь им приходила реакционная по своей внутренней сущности расовая теория, которая позволяла не только

[1] Наличие среди части советских языковедов, стремящихся стать в изучении языка на позиции марксизма-ленинизма, странных иллюзий, будто бы буржуазные лингвисты пытаются подойти к языку социологически, что им лишь «не удается», побуждает меня привести следующее замечание Н. Я. Марра по поводу социологического направления одной из таких школ — Мейе: «Все это, говоря очень сдержанно, голая фразеология без единого соответственно проработанного в ее подтверждение лингвистического факта... Где тут хоть малейший след социологических исканий? Язык, надстроечная категория, трактуется с такой изоляциею, с самодовлеющим бытием и ему присущими законами, что трудно представить себе что-либо более антисоциологическое». Н. Я. Марр, Избранные работы, т. I, изд. ГАИМК, 1933 г., стр. 267.

[2] Ср. В. И. Ленин, К вопросу о диалектике, Соч., т. XIII, изд. 2, стр. 301—302.

внешне «научно», но и в необходимом политическом направлении истолковывать языковые явления.

Как правило, сами буржуазные лингвисты категорически отрицают какую бы то ни было связь своих построений с расовой теорией. Они признают — и настойчиво подчеркивают это — различие между расой и нацией. По их собственному признанию, «родство языков не предполагает еще родства рас», «язык является одним из существенных признаков национальности, но не расы», «народы одной и той же расы могут говорить на совершенно чуждых языках, и, наоборот, народы разных рас — на языках родственных или даже на одном и том же языке». Но эти словесные формулы нисколько не мешают буржуазным лингвистам на деле, фактически применять в своих исследованиях и построениях принципы самой доподлинной расовой теории. Упомянутые словесные формулы и признания — абстракции. Они имеют тем меньшее значение, что сами последователи и представители расовой теории практически смешивают понятия расы и национальности, считая, например, за отдельные и особые расы — славян, англичан, германцев и т. д. С точки зрения расовой теории существенно признание тех или иных физических или психических признаков неизменной сущностью того или иного народа, признание, что частичные изменения этих признаков не зависят от изменения в строе общества, признание, что эти признаки даны не общественным развитием, а мистической «народностью» соответствующего народа. [1]

Именно в духе расовой теории объяснялись и объясняются буржуазными лингвистами все языковые изменения. Различия в области грамматического строя воспринимались и воспринимаются ими не в качестве этапов в развитии речи, обусловленных развитием общества, а в качестве

[1] Указания, что буржуазные лингвисты основывают свои построения на применении расовой теории, нередко вызывают «удивление» даже у советских языковедов, наивно принимающих словесные заверения буржуазных лингвистов, как достоверный факт. «Сомневающимся» не лишнее напомнить следующее указание акад. Н. Я. Марра: «Система языка у индоевропеистов носила под различными названиями, обычно под названием семьи — расовый смысл, и доселе их представление не утратило отпечатка да сильного привкуса этой расовости... На этом общественно зиждется союз индоевропеистики и узкого национализма, а порой не только национализма, но и его противоположности, именно великодержавного шовинизма» (Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, М., 1931 г., стр. 92). Впрочем, связь своих построений с расовой теорией вполне открыто признавали еще в половине XIX в. сами же буржуазные лингвисты. А. Шлейхер выпустил в 1863 г. специальную работу «Die Darwinische Theorie und die Sprachwissenschaft (русск. перев. в изд. 1864 г.), посвященную доказательствам тесной зависимости (буржуазных) лингвистических построений от учения Ч. Дарвина. Как оказывается, прообразом лингвистических схем послужила теория происхождения и развития видов, *механически* перенесенная в область языкознания. Равно и современная фашизирующаяся буржуазная наука (в Германии) открыто проповедует идею связи языка с расой.

явлений, связанных с принадлежностью к особым группам, к особым «семьям» языков и народов. Признавая возможность частичных изменений в области языка, буржуазные лингвисты толковали и толкуют эти изменения не как результат общественного развития, а как результат влияния одного народа на другой, как результат заимствования одним народом у другого. Только в этом заключается так называемый «историзм» буржуазных ученых, «учет» истории общества. Подлинного историзма в этом нет. На деле имеет место полное отвлечение от исторической действительности, от фактической истории соответствующих народов. И это отвлечение от исторической действительности вело и ведет буржуазных лингвистов к возможности выдавать за «строго научные» построения такие схемы, которые не имеют в своем основании никаких фактов достоверной истории. «Влияния» и «заимствования» просто декларируются, выдаются за «факт», но никогда не доказывались и не доказываются буржуазными языковедами.

При определении, кто у кого заимствовал, играют роль современные буржуазному языковеду положение и состояние народа — более сильный в настоящий момент и более развитый в настоящий момент в культурном отношении народ — обязательно «образец», «источник» заимствования или влияния; более слабый и менее развитый в культурном отношении — обязательно «заимствует» или «поддается влиянию». Никакой фактической проверки в таких случаях не производилось и не производится буржуазными исследователями никогда. В итоге — вымышленная «история» языка, вымышленные схемы с искусственно восстановленными древними праязыками, пранародами и прародинами. В итоге — вымышленные праязыки и пранароды древности оказываются более развитыми, чем современные живые, реальные. В итоге — мнимое духовное обнищание и вырождение тех или иных народов, намеченных к тому политикой империализма, с широкой возможностью толкования в духе расовой теории о мнимой «прирожденной» неспособности тех или иных народов к культурному развитию, об «исторической предопределенности» «деградации» и «духовного обнищания» этих народов. Тем самым от лица науки «цивилизованным» империалистам выдавался и выдается мандат на культурную, идеологическую «гегемонию» над «низшими расами», что в переводе на обычный язык означало и означает признание права буржуазии на империалистическое угнетение, на эксплуатацию народов подчиненных империалистам колоний и полуколоний, право на эксплуатацию национальных меньшинств.

В этой политической стороне дела заключается тайна существования и признания буржуазными лингвистами схем, антинаучный, абсурдный характер которых, казалось бы, должен был бросаться в глаза по первому же ознакомлению с такими «схемами».

В полную противоположность буржуазным языковедам, К. Маркс рассматривал язык в качестве неразлучного спутника мышления. По К. Марксу, язык столь же древен, как и сознание. На «духе» языка с самого начала «тяготеет проклятие отягощения его материей», которая в данном случае представлена в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, — в виде языка.[1] В полную противоположность буржуазным лингвистам, К. Маркс не отрывает язык от сознания, от мышления, но рассматривает их в неразрывном единстве, во взаимной тесной связи. Форма, следовательно, воспринимается им и в данном случае, в соответствии со всем его учением, в диалектической связи с содержанием, и тем самым заранее исключается формалистический, т. е. идеалистический подход к разрешению языковедных проблем, столь характерный для всех буржуазных языковедов.

Эта сторона в определении языка у К. Маркса находится в полном соответствии с пониманием К. Марксом языка, как важнейшего средства общения людей; язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении людей между собою.[2] «Животное, — разъясняет К. Маркс, — не *«относится»* ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение».[3] Специфическим отличием человека от животного, по определению К. Маркса, как известно, является производство средств производства. Сами люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к существованию».[4] Именно материальное производство является «основой всей общественной жизни».[5] Таким образом, в этой своей характеристике другой стороны языка К. Маркс лишь иным способом выразил то же понимание общественной природы языка.

Ни К. Маркс ни Ф. Энгельс не дали развернутого и полного определения языка. Но приведенное суждение К. Маркса о сущности языка в действительности заключает в себе это определение. Язык выступает в нем в качестве формы (в частности, звуковая речь — в качестве звуковой формы), диалектически связанной с внутренним своим содержанием — мышлением, сознанием общественного человека. В понимании К. Маркса язык выступает не как чисто психо-физиологическое явление, вовсе оторванное от общества, от общественного развития, но как специфическое идеологическое явление, как явление надстроечного порядка.[6]

И замечательно, что независимо от упомянутых указаний К. Маркса.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20—21, ср. стр. 434—435.
[2] Там же, стр. 16, 20—21.
[3] Там же, стр. 21.
[4] Там же, стр. 11.
[5] К. Маркс, Капитал, т. I, изд. 8, стр. 122, примечание.
[6] Там же, стр. 33.

которые были опубликованы очень недавно, именно к этому же определению языка пришел и В. И. Ленин. [1]

Это определение, это понимание языка имеет решающее значение при исследовании всех основных и частных вопросов языкознания.

Резко расходясь с буржуазными лингвистами в понимании языка, как явления, К. Маркс столь же резко расходится с ними и в объяснении происхождения языка.

Буржуазные лингвисты, как известно, обычно объясняют происхождение языка на почве подражания первобытным человеком тем звукам, которые он наблюдал в окружающей его природе, в частности — звукам, производимым дикими животными, служившими объектом охоты для первобытного человека. Принимая это объяснение, буржуазные лингвисты сами же отмечают «затруднение» в объяснении звукоподражанием происхождения слов для обозначения того, «что не звучит». Другая идеалистическая «теория» происхождения речи, ведущая свое начало от В. Вундта, сводит дело к психо-биологическому объяснению: речь развилась, яко бы, из звуков и жестов, возникавших при ощущениях кислого, горького, при чувстве довольства и недовольства и т. п. Но предпочтительнее буржуазные лингвисты совсем не говорят о происхождении языка, оставляя вопрос, так сказать, открытым. [2]

В марксистском учении теория происхождения языка, как известно, была развита и обоснована более подробно Ф. Энгельсом в его этюде об очеловеченьи обезьяны. Ф. Энгельс объяснил происхождение речи из развития трудовой деятельности человека, научившегося пользоваться орудиями труда и производить последние. Производительный труд объединил людей, создал общество. В процессе развития производительного труда возникла человеческая речь. [3] Но точка зрения Ф. Энгельса одно целое с пониманием К. Маркса. Не остановившись подробнее на разрешении вопроса о происхождении речи, К. Маркс, однако, совершенно отчетливо изложил свой взгляд, указав на развитие трудовых связей между людьми, как на необходимое условие возникновения речи. Подчеркнув, что сознание, а, следовательно, и язык—являются продуктом исто-

[1] IX Ленинский сборн., изд 2-е, стр. 15; XII Ленинский сборн., изд. 2-е, стр. 141, 145, 223—251.

[2] Блестящим исключением является Л. Нуаре, который первый из числа буржуазных исследователей указал на связь возникновения речи с развитием труда. Однако Л. Нуаре не только не сумел придать своей гипотезе той определенности, четкости и стройности, которые отличают теорию происхождения языка Ф. Энгельса, но в обосновании своих догадок целиком исходит из основ буржуазного языкознания. См. его работы: Der Ursprung der Sprache, Mainz, 1877 г.; Das Werkzeug, Mainz, 1878 г. На русском языке — Орудие труда и его значение в истории развития человечества, Гиз Украины, 1925 г.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 452—460.

рического развития, что речь существует со времени возникновения коллектива людей, общества, [1] К. Маркс столь же определенно указал на роль трудовой деятельности людей, которая составляет основу коллектива, а потому служит и предпосылкой для возникновения речи. [2]

«Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное общение людей еще являются здесь непосредственно вытекающими из материального соотношения людей. То же самое можно сказать и о духовном производстве, как оно выражается в языке, политике, законах, морали, религии, метафизике и т. д. того или другого народа». [3]

В своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс коснулись и проблемы развития языка. Сюда относятся вопросы развития языка и образования племенных языков в доклассовом обществе, а также вопросы об условиях образования национальных языков и об условиях развития языка в классовом обществе.

Буржуазное языкознание включает отдел по истории языка, но всю историю языка в целом и отдельных конкретных языков буржуазные языковеды сводят к формальной истории звуков, при том, по существу, к истории вымышленной. Путем сравнения так называемых индоевропейских языков они искусственно восстанавливают звуки и отдельные слова праязыка индоевропейцев. Дальнейшую историю «отделившихся» от этого праязыка групп индоевропейских языков они представляют в виде формальных изменений звуков и замены одних звуков другими. В качестве причины изменений указывается влияние одного звука на другой. Таким же образом строится буржуазными лингвистами «история» других, не-индоевропейских языков. В научном отношении эти построения неубедительны, они противоречат фактам, так как восстанавливаемые теоретически праязыки оказываются по обилию звуков богаче современных, более развитыми, чем современные языки. Мало того, объединения народов в условиях первобытного хозяйства в построениях буржуазных языковедов оказываются более крупными, более значительными, чем, например, при капитализме. Но как эти, так и другие несообразности не смущают буржуазных лингвистов, так как их «исторические» схемы развития языка соответствуют классовым интересам буржуазии. Эти схемы от лица «науки» обосновывают предвзятые политические идеи мнимой природной неспособности тех или иных народов к культурному развитию, — народов, служащих объектом эксплуатации и угнетения.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 21.

[2] К. Маркс, Критические замечания о книге А. Вагнера, Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1930 г., стр. 387—388.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 16.

Если дело касается изменений в области грамматического строя, морфологии и синтаксиса, т. е. учения о формах слов и формах словосочетаний, то буржуазные лингвисты прибегают в случае необходимости объяснения этих изменений к приему психологического, чисто формального истолкования. Причиной исчезновения старых форм указывается «разрушение ассоциаций», необходимых для выделения основы и формальной принадлежности. Например, исчезновение в языке тех или иных слов вызывает исчезновение связанных с ними падежных окончаний; утрата двойственного числа вызвала потерю соответствующих формальных принадлежностей, связанных с существованием двойственного числа. Но чем вызывается самое «разрушение ассоциаций» — это остается в буржуазной лингвистике без объяснения.

Таким же образом и в случае возникновения новых форм на помощь буржуазным лингвистам приходит формализм — новые формы, с точки зрения этого формализма, совсем «не новые»: изменились только звуки, а в образовании формы изменений не произошло, или же новая форма перенесена из наличных в языке форм другой категории — склонений, спряжений и т. д.

Иначе говоря, изменение признается, но развитие языка путем этих упомянутых объяснений категорически отрицается. Действительное развитие языка начисто исключено в буржуазном языкознании.

Не менее «просто» объясняется появление в языке таких новых форм и слов, аналогии которым в данном изучаемом языке буржуазные языковеды затрудняются подобрать. В этом случае на помощь им приходит теория заимствований и влияний. Новые формы и слова «приобретаются» из языков других народов. Социологизирование подобных лингвистов идет по линии ссылки на «культурное сотрудничество» соответствующих народов, т. е. на старое формалистическое объяснение, оставляемое по существу без всяких изменений, набрасывается некоторый «флер» обществоведческого подхода, призванный усыпить внимание тех, кто потребует связи в изучении языка с изучением общества.

Действительной истории языка буржуазное языкознание не знает.

Вопросов развития языка в доклассовом обществе и условий образования племенных языков подробнее касался в своих различных работах Ф. Энгельс, особенно в связи с исследованием условий разложения доклассового общества и образования государства. Относящиеся к данному вопросу указания Ф. Энгельса содержатся в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». [1] Существенное значение для лингвиста имеет в этой работе прежде всего характеристика первобытно-коммунистического общества. Правда, она не содержит непосредственных

[1] Новейший русский перевод в издании Партиздата, 1933 г.

лингвистических указаний, но она необходима для понимания самых условий развития языка в доклассовом обществе; она необходима для выработки исторической перспективы у лингвиста в понимании развития языка.

Характеризуя условия существования и самый строй первобытного общества, Ф. Энгельс указывает на коммунистический характер отношений, на коммунистический способ производства в первобытном обществе, на отсутствие классового расслоения, на отсутствие бедных и богатых, на отсутствие специального аппарата угнетения. [1] Разве без этой характеристики можно понять, например, историю возникновения множественного и единственного числа, местоимений «мой», «твой» и «свой» и т. д., степеней сравнения и т. д. и т. п.?

В той же работе на нескольких конкретных примерах Ф. Энгельс выясняет роль географической среды для развития общества. Он указывает, что различие природных условий накладывало определенный и сильный отпечаток на все культурное развитие обществ, находящихся в разных природных условиях. Но это различие географической среды никогда не сказывалось на культурной истории общества непосредственно — решающим моментом во всех случаях было развитие материального производства. Только на определенной ступени развития последнего природные условия могли оказывать то или иное свое влияние на развитие общества. [2] Значение этих разъяснений Ф. Энгельса для понимания условий образования местных отличий различных языков, несомненно, существенно.

Важное значение для лингвиста имеет и характеристика родового строя в названной работе Ф. Энгельса. По его прямому указанию, род возникает лишь на определенной ступени развития первобытнокоммунистического общества — на средней ступени дикости. [3] Совершенно естественно, что до возникновения рода и родовых связей первобытный человек не мог осознавать в пределах своей общественной ячейки кровнородственных связей. Его сознание на этой ступени развития общества должно было иметь отличительные особенности по сравнению с эпохой существования родового строя. По связи языка с сознанием и язык первобытного общества до возникновения рода должен был иметь свои особенности. Характеризуя порядки родового общества, Ф. Энгельс отмечает обычай усыновления родом посторонних лиц, например, захваченных в плен. [4] Для раз-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, особенно стр. 120 — 121, 187 — 190.

[2] Там же, стр. 44—47, 188—190. Ср. Ф. Энгельс, письмо к Г. Штаркенбургу от 25 I 1894 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 4-е изд. под ред. В. В. Адоратского, 1932 г., стр. 406.

[3] Там же стр. 187.

[4] Там же, стр. 108—111, 124—125, 146—148.

вития языка такого рода явления, само собой разумеется, бесследно проходить не могли. Сложный состав тех или иных конкретных языков, наличие сходных слов для обозначения одних и тех же понятий в языках различных народов, сходство некоторых форм и т. д. — в ряде случаев получает свое объяснение именно отсюда. Отмечая в той же работе процесс распада родов на части, которые в дальнейшем приобретали самостоятельность, Ф. Энгельс, в отличие от буржуазных лингвистов, знающих только лишь линию отделения и выделения языков, подчеркивает наличие в условиях существования доклассового общества диаметрально противоположного первому процесса — процесса объединения родов в племена и племен в длительные союзы. [1] Не приходится доказывать, что изучение этого явления имеет исключительное значение для правильной постановки изучения развития языка.

Такое же значение имеют и другие указания Ф. Энгельса, относящиеся к характеристике родового строя. [2]

У К. Маркса мы почти не находим непосредственно относящихся к проблеме развития языка в доклассовом обществе указаний, кроме одного — о тесной связи развития языка на заре существования человеческого общества с материальным производством. В это время материальное производство почти непосредственно влияло на особенности речи, почти непосредственно обусловливало эти особенности. [3] Однако и в работах К. Маркса разбросаны не менее важные для разрешения упомянутой проблемы развития языка в доклассовом обществе указания, не говоря о том, что характеристика, которую Ф. Энгельс дал первобытному обществу, разделялась целиком и К. Марксом.

В I томе «Капитала» имеются существенно важные для лингвиста указания на роль географической среды для развития человеческой культуры. И, целиком согласуясь с соответствующими замечаниями и разъяснениями Ф. Энгельса, они составляют к ним существенное дополнение. В одном случае К. Маркс объясняет различие влияния разных условий внешней среды на разных этапах развития общества. К. Маркс различает два больших класса внешних природных условий: естественное богатство средствами существования и естественное богатство средствами труда. К первому он относит плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п.; ко второму — действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и пр. «На низших ступенях культуры первый род, на высших — второй род естественного богатства имеет решающее значение», так как «чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприят-

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 112, 114—115, 117—118, 127—128, 134, 146, 152—153.

[2] Там же, стр. 107—119, 124—127, 132, 146—149, 152—153, 158, 160, 162—164.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 16.

нее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя». [1] В другом случае К. Маркс разъясняет, какую роль играют различия природных условий для развития общества вообще. Если слишком скудная природа не способствует развитию культуры, то и слишком обильная, «расточительная» природа не располагает человека к интенсивному развитию, «не делает его собственное развитие естественной необходимостью». Не абсолютное плодородие почвы, по разъяснению К. Маркса, а, напротив, ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу первоначального развития общества. [2]

Эти указания не содержат прямых лингвистических замечаний, но совершенно очевидно, что лингвист не может их оставить в стороне. Эти указания, детализируя решение вопроса о роли географической среды, помогают понять закономерность в образовании местных языковых различий.

Такое же важное значение имеют для лингвистов общие указания К. Маркса в введении к «К критике политической экономии» относительно пережитков. Эти указания непосредственно относятся к характеристике буржуазной, капиталистической формации. К. Маркс имеет в виду пережитки предшествующих формаций в капиталистической, отмечая закономерное их присутствие в буржуазном обществе, при том всегда в сильно искаженном, почти неузнаваемом виде. [3] Однако эти указания К. Маркса нельзя не распространить и на доклассовое общество, имевшее длительную историю развития. Само доклассовое общество, первобытнокоммунистическая формация, прошло несколько этапов своего развития. Каждый этап характеризовался своими особенностями, исключительно ему присущими. Но пережитки явлений более ранних этапов развития доклассового общества не могли не удерживаться на более поздних ступенях его развития. Это разъяснение К. Маркса, как не трудно заметить, стоит в самой тесной связи и целиком соответствует всей его концепции развития общества. [4] Само собою разумеется, что при изучении языковых явлений эти указания нельзя не принять во внимание. Подобно тому как в языке эпохи буржуазного общества необходимо искать наслоения более ранних стадий в разви-

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 398.

[2] Там же, стр. 399. Ср. указания К. Маркса относительно роли развития общественного разделения труда в первоначальном развитии общества в «Немецкой идеологии», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 11—15, 21—26.

[3] К. Маркс, К критике политической экономии, 1933 г., стр. 30—32, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 196—198.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 284—285.

тии языка, так и на различных более поздних этапах развития доклассового общества в языке нельзя не искать наслоений от более раннего времени, от первых этапов развития доклассового общества, не сводя, однако, всего дела к простой совокупности одних «пережитков».

Указания К. Маркса и Ф. Энгельса, прямо или косвенно относящиеся к характеристике доклассового общества и имеющие существенное значение для правильного понимания условий развития языка в доклассовом обществе, следовательно и для понимания условий образования и развития племенных языков, играют крайне важную роль введения к пониманию и изучению условий образования и развития языков национальных.

В буржуазной лингвистике проблема образования национальных языков имеет особо заостренное политическое значение. Само собою разумеется, что и эта проблема разрешается буржуазными лингвистами в духе расовой теории. Их лингвистические схемы образования и развития языков исходят из молчаливого допущения, что все основные особенности различных языков составляют неотъемлемое свойство той или иной расы. Наличие или отсутствие тех или иных морфологических «законов», структурные отличия речи — все это признается исконными для соответствующего народа или группы народов явлениями. Правда, буржуазная лингвистика вынуждена допускать и признавать факт некоторых изменений в пределах звуков языка одного и того же народа или какой-либо определенной группы народов, как, например, исчезновение носовых гласных в славянских языках (юсы), переход «ъ» в «о» в тех же языках и т. д. Но, во-первых, эти изменения истолковываются формалистически, с точки зрения «влияния» одних звуков на другие, во-вторых, не в этом заключается основная сущность буржуазной лингвистики. Для нее гораздо существеннее признание именно невозможности перехода определенных звуков какого-либо данного языка в другие, наблюдаемые в тех же самых словах в каком-либо другом языке. Для нее существенно признание, что структурное различие языков, различия в грамматическом строе речи, какими, например, являются агглютинация, флективный строй и проч., представляют собою не продукт исторического развития, а определенное свойство того или иного народа или той или иной группы народов. Для буржуазной лингвистики существенно признание всех тех особенностей речи, которые не подходят под выведенное «правило» и на деле представляют или пережитки пройденного языком исторического этапа, или новообразования, простыми «исключениями» из «общего правила» или результатом «засорения» изучаемого языка какими-либо влияниями и заимствованиями. Со всеми этими существенными чертами буржуазного языкознания неразрывно связаны националистические, шовинистические устремления буржуазных языковедов. В их схемах получают свое «научное» оправдание и обоснование великодержавные шовинистические устремле-

ния националистической буржуазии, примером чему в буржуазной «истории» славянских языков могут служить построения русских буржуазных лингвистов, по которым украинский и белорусский языки, наряду с русским, одинаково оказываются «ветвями», отделившимися от прарусского языка. В этих же схемах получает свою опору пропаганда панфиннистских, пантюркистских, панславистских и т. п. идей, пропаганда националистических представлений о прошлом различных самостоятельных народов в виде прошлого единого огромного народа, в действительности никогда не существовавшего. Эти же схемы служат «научной» базой для пропаганды идеи исключительной замкнутости и обособленности отдельных национальных языков, с признанием «порчей» или «засорением» всего того, что одновременно присуще и языкам каких-либо других народов, как, например, «порчей» и «засорением» украинского языка признавалось все то, что одновременно свойственно и украинскому и русскому языкам, карельского — все то, что одновременно свойственно карельскому и русскому. Эти лингвистические «схемы», «законы», «правила», «исключения» — служат для искусственного разжигания национализма, имея своей неотъемлемой частью выводы о «праязыках», «пранародах» и «прародинах». Буржуазные исследователи возбуждают в литературе спор, по форме «академический», каким именно народом была занята данная лингвистически обследуемая территория, какому именно народу она служила «прародиной», какой другой народ «потеснил» с данной территории ее прежнего «хозяина». При этом одни исследователи высказываются в пользу одного народа, другие — в пользу другого, стараясь возбудить этими своими построениями один народ против другого.

Буржуазные лингвистические схемы образования и развития национальных языков имеют в своем основании реакционную буржуазную национальную политику, и ее же они обслуживают от лица «чистой» науки.

Теоретические указания К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу об условиях образования и развития национальных языков выведены из точного наблюдения над историческими и языковыми фактами. Они тесно связаны с постановкой и разрешением К. Марксом и Ф. Энгельсом национального вопроса. Именно эти указания, а не расовая теория буржуазных лингвистов, являются теоретическим языковедным обоснованием нашей национальной политики, существенной и неотъемлемой частью которой является наша языковая политика.

Как было отмечено выше, подробная разработка проблемы национальных языков, тесно связанная с проблемой нации, принадлежит В. И. Ленину и т. Сталину.

То, что кратко, в очень сжатой форме, иногда в одной-двух строчках, было высказано К. Марксом и Ф. Энгельсом, в дальнейшем детально разъяснено и разработано в ряде специальных работ по национальному вопросу

В. И. Лениным.[1] Отчасти в развитие положений, выдвинутых В. И. Лениным, отчасти непосредственно углубляя и развивая мысль К. Маркса и Ф. Энгельса, разработку этой проблемы продолжил т. Сталин.[2] У В. И. Ленина и у т. Сталина мы не найдем при этом таких положений, которые не шли бы по линии дальнейшей разработки положений, выдвинутых К. Марксом и Ф. Энгельсом, причем В. И. Ленин и т. Сталин существенно дополнили прежние указания, с учетом новейших явлений в области развития нации и национальных языков эпохи империализма (В. И. Ленин) и социализма (И. В. Сталин).

Важнейшим положением, выдвинутым К. Марксом и Ф. Энгельсом по вопросу о нации и национальных языках, явилось указание, что нация представляет собою историческую категорию, возникшую в связи с развитием буржуазного способа производства путем смешения самостоятельных ранее племен. Это положение, оставшееся недоступным для понимания буржуазных языковедов и историков, было выдвинуто К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии».[3] Оно вошло затем и в «Коммунистический манифест», где было заново обосновано и углублено.[4] В дальнейшем оно красной нитью проходит при разрешении всех соответствующих вопросов в исследовании Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».[5] В резком противоречии с выводами ограниченного

[1] Важнейшие теоретические положения, относящиеся к вопросу об образовании и развитии наций, см. в работах В. И. Ленина: Соч., т. XVI, стр. 510; т. XVII, стр. 124, 139—140 и 428; т. XVIII, стр. 25; т. XXV, стр. 227—228. С этими положениями В. И. Ленина тесно связаны его указания по вопросам национальной политики: о языковой политике буржуазных либералов и демократов — Соч., т. VI, стр. 83—85; т. XVI, стр. 510—511, 553—554, 595—597, 617—618; т. XVII, стр. 12, 65—67, 92—95, 113—115, 125—126, 133—136, 144—149, 179—181, 202—204, 361—362; о языковой политике ВКП(б)—т. V, стр. 342—343; т. XVI, стр. 66,114—115, 133, 139—140, 143—144, 150—151, 179—181, 234—235, 327—329, 361—362, 389—390, 437, 452—453, 509—510, 597; т. XVIII, стр. 325—326; т. XIX, стр. 39—40, 227—228, 237—238, 534; т. XXIV, стр. 96, 135—139, 153—155.

[2] Важнейшие теоретические положения — сборник «Марксизм и национальный вопрос», 1920 г., особ. стр. 3—13, 13—14, 39—40; Доклад на XVI съезде ВКП(б), стенограф. отчет, стр. 54, 56, 290. Важнейшие места работ т. Сталина по национальному вопросу в связи с вопросами языковой политики — сборник «Марксизм и национальный вопрос», стр. 30—42, 98—101, 202—274; Стенограф. отчет X съезда РКП(б), стр. 113; Доклад на XII съезде РКП(б), стенограф. отчет, стр. 362 и 365; О политических задачах университета Народов Востока, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 137—138; Доклад на XVI съезде ВКП(б), стенограф. отчет, стр. 54—56, 290—291. Кроме того см. резолюции партсъездов — стенографические отчеты VIII съезда, стр. 327; X съезда, стр. 456—460; XII съезда, стр. 588—596.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 414.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 487—488.

[5] Ук. соч., стр. 117—118, 133—135, 146, 152—153, 162—164, 171—172, 184—185.

буржуазного языкознания находится заявление Ф. Энгельса: «дошедшие до нас языки оставляют сомнение в том, существовало ли у всех германцев общее выражение для слова «род». [1] Оно является частным случаем общего вывода Ф. Энгельса, сформулированного им в одной лишь строке: «из племен развились нации и государства». [2] Несмотря на все «усердное» изучение ими конкретного материала, этот вывод остался недоступным для буржуазных лингвистов и историков, для которых нет различия между племенем и нацией. У буржуазных лингвистов и историков, конструирующих мифические праязыки и пранароды вопреки историческим фактам, схемы получаются почти обратные, как будто из «великих наций» прошлого произошли «малые племена» настоящего времени.

Приведенное указание К. Маркса и Ф. Энгельса является основным положением по вопросу об условиях образования и развития национальных языков. По форме как бы мимоходом выдвинутое в «Коммунистическом манифесте», оно не осталось не замеченным гениальными продолжателями К. Маркса и Ф. Энгельса и великими учителями и вождями мирового пролетариата В. И. Лениным и т. Сталиным: В. И. Ленин вновь подтвердил, объяснил и развил это положение К. Маркса; т. Сталин разработал и обосновал это положение на обширном фактическом материале, внеся в него новые дополнения.

К. Марксом и Ф. Энгельсом было выдвинуто и второе, чрезвычайно важное положение об условиях развития национальных языков при капитализме — положение о насильственной ассимиляции языка побежденной и подчиненной нации с языком господствующей, преобладающей нации. [3]

Эта мысль основоположников марксизма в дальнейшем была детально разработана В. И. Лениным и т. Сталиным.

К. Марксом и Ф. Энгельсом было выдвинуто и третье основное положение о развитии национальной культуры — об исторической тенденции развития национальных культур в сторону их будущего слияния в одну общую социалистическую культуру при победе социализма в мировом масштабе. Последнее положение также было сформулировано и обосновано К. Марксом и Ф. Энгельсом еще в «Немецкой идеологии», [4] а затем было ими включено в «Коммунистический манифест». [5]

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 162—164.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 459.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 63—64; 414; Ф. Энгельс, Происхождение семьи, стр. 175—176, 179—182; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 185; т. XXIII, стр. 204—205.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 36.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 487—488, 494, 500.

Эта мысль в дальнейшем была объяснена и углублена В. И. Лениным и т. Сталиным. Тов. Сталин, продолживший разработку этого вопроса, кроме того, дополнил это положение указаниями относительно развития языка,

Образование национальных языков и значительный период их дальнейшего развития относятся к эпохе существования классового общества. Буржуазные лингвисты, изучающие язык формалистически, вне связи развития языка с развитием общества, ни в какой степени не отмечают влияния особенностей классового общества на язык. Язык, как и другие общественные явления классового общества, как формы идеологии, как государство, — для них такие же «внеклассовые» или «надклассовые» категории. [1] Умолчание буржуазных лингвистов о классовой сущности языка тесно связано с буржуазной языковой политикой, служащей одним из орудий классового угнетения буржуазным эксплуататорским классом пролетариата и крестьянства.

К. Маркс последовательно рассматривал язык как общественное явление. [2] Он требовал поэтому изучения языка не как некоторой абстракции, не как языка «вообще», а языков определенных ступеней развития, языка определенной исторической эпохи. [3] Отсюда само собою следует, что языковед-марксист обязан при изучении языковых явлений принять во внимание все те указания К. Маркса и Ф. Энгельса, которые относятся к характеристике классового общества в целом и к каждой антагонистической общественно-экономической формации в особенности, если исследуется язык в условиях классового общества. Сюда относятся, в первую очередь, классические характеристики феодального и буржуазного обществ, данные основоположниками марксизма в «Коммунистическом манифесте». [4] Сюда же относится характеристика сложного состава буржуазной формации, данная К. Марксом в введении к «К критике политической экономии». [5] Сюда нельзя не отнести указаний К. Маркса и Ф. Энгельса об условиях формирования класса индустриального пролетариата. [6] Но, помимо всех этих указаний К. Маркса и Ф. Энгельса относительно условий развития

[1] Правда, буржуазные лингвисты различают литературный и так наз. «народный» языки, но отсюда до признания классовой сущности языка в классовом обществе еще весьма далеко. «Народный» язык буржуазные лингвисты молчаливо, а иногда и открыто признают простым «искажением», «порчей» литературного языка. В действительности, последний является в классовом обществе языком господствующего класса.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 32, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 434—435.

[3] К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 10—11, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 174—175.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 484, 487, 500. См. также т. IV, стр. 36—37.

[5] К. Маркс. К критике политической экономии, стр. 30—32, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 196—198.

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 490, 492—493; К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 8-е, стр. 209—210, 490, 492—493.

языка в классовом обществе, в работах основоположников марксизма мы находим блестящие характеристики, непосредственно, прямо относящиеся к языку классового общества. К числу подобных характеристик относится определение английского феодального языка, которое дал в своих работах Ф. Энгельс. Отмечая «варварское феодальное наречие», которым английское право «продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества», отмечая несоответствие этого языка новым отношениям, Ф. Энгельс по существу дал общую характеристику феодального языка, своей конструкцией, грамматическим строем, терминологией отличающегося от языка буржуазного общества. [1] В другой работе Ф. Энгельс характеризует язык буржуазного общества. Особенности капиталистического строя, буржуазная форма эксплуатации человека человеком «наложили свой отпечаток даже на язык». [2] Свои особенности, по определению Ф. Энгельса, имеет язык молодой буржуазии, борющейся с дворянством за власть. [3] То же указывает в ряде своих работ К. Маркс, подчеркивая ту особенность языка буржуазии, которая дает ей возможность в нужных случаях обманывать народные массы «добродетельно-банальными» обещаниями и до поры до времени прятать под прикрытием громких фраз затаенные реакционные замыслы. [4] К. Маркс указывает, что на различных этапах борьбы за власть буржуазия резко меняет язык — изменяет самый стиль речи, связанный с новым ее содержанием. [5] Особым способом выражения своих мыслей буржуазия навязывает массам свою идеологию. [6] Отличительные особенности, в сравнении с языком буржуазии, имеет язык пролетариата. [7]

В тесной связи с этими положениями находятся указания К. Маркса о той роли, которую язык у буржуазных идеологов играет как средство маскировки действительных политических убеждений. Представители немецкой философии молодой буржуазии пользовались теми же «христианскими словесными формами», к которым в XVI в. прибегал для проповеди своих «еретических мыслей» Т. Мюнцер. [8] То же делали с иными целями и в иной форме буржуазные политические деятели времени Великой французской революции и времени революций 1848 г. [9] Роль и особенности

[1] Ф. Энгельс, Из предисловия к английскому изданию книги «Развитие социализма от утопии к науке»; Анти-Дюринг, 4-е изд., 1932 г., стр. 380—381.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 554. Ср. т. IV, стр. 210.

[3] Там же, т. VI, стр. 24—25.

[4] Там же, т. VIII, стр. 39, 62—63, 371.

[5] Там же, стр. 39, 41

[6] Там же, т. III, стр. 16—17, 25—27, 81—82; т. VIII, стр. 281—282.

[7] Там же, т. III, стр. 415.

[8] Там же, т. VIII, стр. 138, 142.

[9] Там же, т. IV, стр. 10, 383, 390, 394—395; т. VIII, стр. 280, 323—325; К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 281—282.

языка буржуазных идеологов были вскрыты основоположниками марксизма не только в области непосредственно политической агитации и пропаганды, но и в области собственно теоретической, научной, философской работы. [1] В соответствии с этим анализом роли языка, К. Маркс и Ф. Энгельс оставили ряд ценнейших замечаний о тех свойствах, которыми должен обладать язык революционного, пролетарского агитатора. [2]

Развивая положения основоположников марксизма об особенностях языка буржуазии, на основе новых наблюдений В. И. Ленин в дальнейшем, в качестве частного случая учения о классовой сущности языка, построил свое учение о «революционной» фразеологии идеологов буржуазии [3] и дал ряд конкретных указаний, какими качествами должен обладать язык революционного, пролетарского агитатора. [4] На этой же основе В. И. Ленин показал, что точность научной терминологии теснейшим образом связана с идеологией теоретика. [5]

Замечания и указания основоположников марксизма относительно классовой сущности языка в классовом обществе далеко не исчерпываются общей характеристикой языка в целом, как способа выражения определенных мыслей. К. Маркс и Ф. Энгельс сделали ряд ценнейших указаний относительно отдельных сторон языка, его грамматического строя, смысла и значения слов, образования новых понятий и терминов и т. д.

[1] Те же отрывки. Кроме того, см. К. Маркс, Критика Готской программы, М., 1933 г., стр. 15—21, 22—25, 36, 40—41, 42 и др.; Ф. Энгельс, Письмо к Э. Бернштейну от 11 IV 1884 г., Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. I, стр. 357; Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 402—403, 541, 561, 578, 617; Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах, там же, стр. 655, Соч., т. IV, стр. 32, 396—397; К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 55, прим., стр. 25; К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 250, прим., стр. 364, прим., стр. 567 прим.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. XX, прим.; Ф. Энгельс, Предисловие к 3-му изданию «Капитала», там же, стр. XXIV; Ф. Энгельс, Письма к Э. Бернштейну, Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 317, 319, 321, 354; К. Маркс, Письмо к Швейцеру от 24/I 1865 г.; К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 4-е изд. под ред. В. В. Адоратского, стр. 28, 33.

[3] См. В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 158—159, 275—276, 277; т. V, стр. 172, 250, 319; т. VI, стр. 116; т. VII, стр. 123, 243—244, 340—341; т. VIII, стр. 90—91; т. IX, стр. 181; т. X, стр. 158—159; т. XI, стр. 63, 143, 223—224, 235, 237, 301, 302, 472, 473; т. XII, стр. 202, 205, 292, 293, 326, 405; т. XIV, стр. 63; т. XV, стр. 10—11, 28, 190—191, 251—252, 302—303; т. XVIII, стр. 333—335; т. XIX, стр. 49—50, 65; т. XX, стр. 91, 326—327, 450—451; т. XXIV, стр. 39—40, 291—296, 342—343, 387, 517—518.

[4] XII Ленинский сборн., стр. 354—355. Соч., т. VIII, стр. 50, 305; т. IX, стр. 155—156, 212; т. X, стр. 143—144; т. XI, стр. 139—141, 221, 280; т. XII, стр. 32, 36, 349—350; т. XX, стр. 79; т. XXIV, стр. 499, 539, 550—551; т. XXVI, стр. 165—166.

[5] Соч., т. V, стр. 18—19, 22—23, 25, 34, 35—36, 37—39, 42—43, 43—45, 47—48; т. XXVI, стр. 123—125; XI Ленинский сборн., стр. 348—402.

Эта часть их учения, дополняя характеристику языка и развития его в классовом обществе, вместе с тем служит для прочного обоснования научно наблюденными языковыми фактами как характеристики классовой сущности языка классового общества, так и общей языковой теории К. Маркса и Ф. Энгельса.

В то время как буржуазные лингвисты для объяснения нового слова прежде всего прибегают к теории заимствования и в первую очередь отыскивают истоки нового слова изучаемого языка в каком-либо другом языке, К. Маркс, в резкую противоположность буржуазным лингвистам, делает ударение на образовании новых общественных явлений, в связь с которыми он ставит возникновение нового слова. Такой именно характер носит его краткое замечание относительно слова cattalla, capitalia (капитал) в письме к Ф. Энгельсу от 27 VI 1854 г.; К. Маркс связывает появление этого слова с образованием городских коммун эпохи феодализма.[1] Таким же образом выражение labouring poor (работающие бедняки) в английском языке К. Маркс ставит в связь с развитием капитализма, «когда класс наемных рабочих приобретает заметные размеры». [2] Образование выражения «гражданское общество» К. Маркс связывает с возникновением и развитием отношений собственности буржуазного общества. [3] Все эти примеры выясняют, что решающим условием возникновения новых слов, с точки зрения К. Маркса, являлось образование новых общественных категорий, т. е. развитие самого общества.

С точки зрения буржуазных языковедов, особенности грамматического строя, морфологические особенности языка, синтаксис — составляют особенности соответствующих народов, особенность расы. В противоположность буржуазным лингвистам, К. Маркс рассматривает эти языковые явления в качестве продукта исторического развития. Наличие формы причастия настоящего времени «havand» (имея) в шотландском языке рассматривается К. Марксом в качестве примера такого развития языка.[4] Наличие некоторых форм в западном фризском языке, при соответствии им особого начертания в английском языке, на котором те же слова произносятся иначе, дает К. Марксу основание для восстановления более древнего произношения английских слов. [5]

Таким образом изменение строя языка, строения и произношения слов К. Маркс ставил в связь с развитием самого общества.

Однако ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс никогда не думали при этом выводить все языковые явления непосредственно из экономики. От такого упро-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 48—49.
[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 610.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 27.
[4] Там же, т. XXIV, стр. 168.
[5] Там же, стр. 180—181.

щенства они бесконечно далеки. Ф. Энгельс оставил на этот счет даже специальное указание, высмеяв, в качестве примера, самую возможность попытки «объяснить экономически происхождение верхненемецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины». [1]

В соответствии с идеалистической методологией, совершенно не разработанным, забытым и заброшенным остается в буржуазной лингвистике отдел значения слов, или так наз. семасиология. К. Маркс является подлинным основателем этого отдела в языкознании, представляющего у него неотделимую и существенную часть его языковедной теории.

Самый факт изменения значений слов настолько очевиден, что буржуазные лингвисты не могут его не констатировать. Некоторые из них пытаются дать истолкование этому явлению. Но, не понимая и не желая понимать социальной природы языка и сущности связи развития языка с развитием общества, они и здесь дают чисто формалистическое толкование, не вскрывая никаких законов образования новых слов и перенесения старых слов на новые явления и предметы. В основании факта возникновения новых слов они видят простое возникновение новых предметов, не связывая этого с общественным развитием, тем более — с развитием форм общества. В основании переноса значений они видят простую ассоциацию по сходству или по смежности, опять-таки ни в какой степени не вскрывая социальной сущности этого явления. Они ограничиваются констатированием факта сужения и расширения понятий, возникновения прямых значений из косвенных, превращения собственных имен в нарицательные и т. д. Таким образом, в отделе языкознания, который теснее всего связан с историей развития общества, который всего показательнее в этом отношении, они остаются формалистами, практически не признающими развития языка, сводящими развитие языка к простому изменению значения слов.

По поводу названия Mühle, mill (мельница) К. Маркс замечает, что оно возникло в мануфактурный период; так как математики начиная с половины XVIII в., работая над вопросами практической механики, при обсуждении устройства двигателей исходили из механизма водяной мельницы, то в дальнейшем название последней стало применяться ко всякому механическому двигателю вообще. [2] По-английски фабрика до сих пор

[1] Ф. Энгельс, Письмо к И. Блоху от 21 IX 1890 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, 4-е изд. под ред. В. В. Адоратского, стр. 375—376. Это указание является частным случаем общего положения, разъясненного Ф. Энгельсом в письмах к Г. Штаркенбургу, от 25 I 1894 г., там же, стр. 407; к Ф. Мерингу, от 14 VI 1893 г., там же, стр. 405; к К. Шмидту, от 27 X 1890 г.; там же, стр. 384—385 и в других работах.

[2] К. Маркс, Письмо к Ф. Энгельсу от 28 I 1863 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXIII, стр. 131—132.

называется mill (мельница). В немецких же сочинениях по технологии в первой половине XIX в. термин Mühle (мельница) обозначает всякую машину, а также всякую мануфактуру, применяющую механические аппараты. [1] Таким же образом термин «стоимость» в немецком языке, при первоначальном значении «потребительная стоимость», в дальнейшем стал применяться без особого различия и к понятию «потребительная стоимость» и к понятию «меновая стоимость». [2] У древних германцев величина участка земли «морген» измерялась трудом одного дня; отсюда и самое название меры — «морген». [3]

Ряд аналогичных наблюдений делает и Ф. Энгельс. Следуя указаниям К. Маркса, он замечает, что этимологически совершенно правилен перевод греческого слова basileus (базилевс) немецким könig (русск. король, царь); но современному слову König (король, царь) по своему действительному значению древнегреческое «базилевс» совершенно не соответствует. Греческий базилевс был подлинным старейшиной рода, военачальником, судьей и верховным жрецом; правительственной властью, какой наделен царь в классовом обществе, базилевс не обладал. [4]

Точно так же дело обстоит с латинским rex (царь). [5]

Эти и другие подобные наблюдения К. Маркса и Ф. Энгельса [6] позволяют сделать несколько чрезвычайно важных для языкознания выводов.

Первый из них заключается в том, что при возникновении новых явлений и связанных с ними новых понятий за новыми явлениями нередко закрепляются старые термины. Новые слова, следовательно, возникают далеко не во всех случаях возникновения новых явлений. Закономерность, наблюдаемая в случаях перенесения старых названий на новые явления, выражается в том, что данное перенесение происходит по функциональному признаку. Старое название переносится, например, на такой новый предмет, который выполняет ту же самую или приблизительно ту же функцию, которую ранее выполнял другой предмет, имевший то же самое название.

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 262, прим.

[2] К. Маркс, Из критических замечаний на книгу А. Вагнера, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 396—398. Ср. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 2.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 31, прим.

[4] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 129—131 и прим.

[5] Там же, стр. 154, прим.

[6] К. Маркс, Из критических замечаний на книгу А. Вагнера, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 382, К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 120, 172, 903; Ф. Энгельс, Примеч. к англ. переводу Капитала, там же, стр. 11; К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 167—168; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 138; К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, изд. 1932 г., стр. 230—231; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 40, 41, 509; Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 162—164.

С первым выводом тесно связан второй — одно и то же название, одно и то же слово, как оказывается, может иметь целый ряд значений, обозначая соответствующий им ряд конкретных явлений и предметов, но в то же время оно сохраняет и одно единое значение — по функции, выполняемой предметом. Таким образом, с основным единым значением слова возможно связать целый «пучок» производных значений, располагая, вместе с тем, множественность производных значений в семантический «ряд».[1]

Не трудно заметить, что этот закон представляет собою частный случай общего закона материалистической диалектики, закона единства противоположностей.

Открытие этого закона К. Марксом имеет огромное научное значение. При установлении «пучков» и «рядов» значений слов является возможность объяснить однородный состав звуков тех слов, значение которых, на первый взгляд, кажется различным. Открытие этого закона ставит вопрос о существовании таких звуковых соответствий, над которыми буржуазные лингвисты никогда не задумывались.

Третий вытекающий отсюда же вывод заключается в том, что изменение значения слов обусловлено изменением, развитием самого общества. Это станет совершенно очевидным, если принять во внимание указания К. Маркса относительно того, как следует понимать функцию, свойства и способ употребления вещей.

Высмеивая ограниченного, плоского Н. Барбона, с точки зрения которого вещи имеют «присущее им внутреннее свойство, которое везде остается неизменным», например, способность магнита притягивать железо, К. Маркс разъясняет, что открытие различных свойств вещи, а также многообразных способов пользования ею — является делом исторического развития. Так обстоит дело и со способностью магнита притягивать железо — это стало известно лишь на определенном этапе общественного развития, и данным свойством магнита начали пользоваться только тогда, когда сложились к тому исторические предпосылки. [2] В письме к П. В. Анненкову К. Маркс разъясняет на примере другой категории «вещей» — машины, — что применение машин составляет одно из отношений капиталистического строя, но способ пользования машинами — не одно и то же, что самые машины. [3]

В свете этих указаний К. Маркса совершенно очевидно, что различные функции предметов стоят в связи с общественным развитием. Перенесение функции одного предмета на другой в такой же мере обусловлено общественным развитием, как в то же время составляет выражение послед-

[1] Термины «пучок» и «ряд» значений введены в научный оборот Н. Я. Марром.

[2] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 1 и прим.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 287—288.

него. Следовательно, и перенесение старых названий на новые явления и предметы по функциональному признаку должно изучаться в связи с историей самого общества, а не как оторванное от общества чисто психофизиологическое явление.

Четвертый вывод заключается в том, что с изменением явления, т. е. с его развитием, за ним может сохраниться старое название. Если явление перешло в свою диалектическую противоположность, то старое название, за ним все же сохранившееся, уже более не соответствует сущности явления.

Не трудно заметить, что эта особенность в развитии значения слов в ряде случаев может способствовать полному смешению совершенно различных понятий, т. е. вести к серьезной путанице. Это может происходить в результате простой невнимательности, т. е. в результате случайной ошибки. Но действительная природа таких ошибок — классовая, и бессознательные ошибки этого рода так или иначе отражают классовый интерес, хотя бы и не осознаваемый. Примером этого рода «ошибок» является типичное для буржуазных экономистов понимание капитала, которым еще полковник Торренс признавал первый камень или первую палку первобытного дикаря. [1] Точно таким же образом буржуазные экономисты смешивают понятия денег и капитала [2]. В этот же ряд идет упомянутое смешение древнегреческого «базилевса» или латинского «rex» с «царем» классового общества. [3] Во всех этих случаях буржуазными идеологами руководит выражаемый ими классовый буржуазный интерес — увековечить категории капиталистического общества.

Наблюдая законы перенесения старых названий на новые явления и предметы, К. Маркс и Ф. Энгельс сделали и еще одно чрезвычайно важное в научном отношении открытие.

По частному случаю, относящемуся к области образования названий драгоценных металлов, К. Маркс замечает, что лингвисты доказали связь названий драгоценных металлов с соотношениями их цветов. [4] Со своей стороны, Ф. Энгельс отметил, что название какого-нибудь тела в химии часто зависит от положения данного тела в ряду других. [5]

Эти замечания дают, на первый взгляд, основание предполагать, что основоположники марксизма не всегда связывали развитие значения слов

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 225.

[2] Там же, т. III, стр. 364, прим. Другие примеры — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 32, 396—397; т. XIV, стр. 655; К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 250, прим.; стр. 567, прим.

[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 129—131, 154 и прим. к назв. стр.

[4] К. Маркс, К критике политич. экономии, стр. 167—168, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 138.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 509. См. также стр. 355 и 40—41.

и образование новых названий с развитием общества, а допускали также прямую связь с физическими свойствами самих вещей, т. е. со свойствами, «внутренне-присущими» самим вещам. Но это предположение решительно исключается приведенным выше разъяснением К. Маркса, что свойства и способы пользования вещами представляют «дело исторического развития». В свете этого разъяснения становится совершенно очевидным, что и в данном случае связь развития значения слов и образования новых терминов с развитием общества подразумевается само собою.

Подобно тому, как В. И. Ленин и тов. Сталин существенно дополнили, развили и углубили другие, изложенные выше языковедные замечания основоположников марксизма, они не обошли и вопросов развития строя речи и развития значения слов. Так, у В. И. Ленина мы находим новое наблюдение, подтверждающее замечания К. Маркса и Ф. Энгельса относительно развития строя речи. [1] У В. И. Ленина мы находим ряд замечаний по вопросу о связи между образованием новых понятий и слов с общественным развитием. [2] В. И. Ленин дополнил, углубил языковедные замечания К. Маркса и Ф. Энгельса указаниями относительно диалектического характера развития языка. [3] Новые наблюдения, дополняющие наблюдения К. Маркса и Ф. Энгельса, сделал В. И. Ленин над развитием значения слов. [4]

Марксистское понимание языка, в частности — развития значения слов, ведет к существенно важному выводу и об использовании языковых данных в качестве исторического источника.

Уже буржуазная лингвистика использовала языковые данные для тех или иных исторических построений. Однако буржуазные лингвисты, как было указано выше, подходили и подходят к языку формалистически. Их метод изучения языковых данных не ведет к восстановлению реальной картины исторического прошлого. Они восстанавливают в действительности не существовавшую «историю». Таковы их схемы с «восстановленными» праязыками и культурной историей мифических «пранародов».

Напротив, марксистское понимание языка, марксистский метод изучения языковых явлений — ведут к восстановлению реальной исторической картины прошлого. В самом деле, изучение развития значений слов,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 525.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. V, стр. 92; т. XXIV, стр. 29, 49, 77, 132, 150, 201, 305 — 306; т. XXV, стр. 72; XIX Ленинский сборн., стр. 160—165.

[3] XII Ленинский сборн., стр. 315 и 324 — 325; В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 57—58.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 94—95, 105—106, 300—301; т. XI, стр. 78; т. XIV, стр. 16; т. XVII, стр. 84; т. XX, стр. 82—83, 132—133; т. XXII, стр. 347—348; т. XXIII, стр. 242, 338—339, 340, 341; т. XXIV, стр. 5—6, 291, 307, 336—337, 345, 398—399, 581, 609; т. XXV, стр. 33.

установление «пучков» и «рядов» значений одних и тех же слов, ввиду обусловленности развития значений слов развитием общества, дает возможность суждения о развитии общества. Установление семантических рядов позволяет судить о последовательности в смене тех или иных соответствующих явлений. Словом, по языковым данным, как по идеологическому, надстроечному явлению, имеется возможность суждения о движении базиса. Это обстоятельство вытекает само собою из всего контекста указаний и замечаний К. Маркса и Ф. Энгельса о языке. Но, кроме того, Ф. Энгельс оставил на этот счет и прямые указания. В своих исследованиях он дал конкретный пример восстановления по языковым данным картины развития общества. Так, используя данные Л. Моргана, по терминам родства, уже более не соответствующим фактическим отношениям родства, Ф. Энгельс восстановил формы семьи, более архаические, чем самые примитивные из числа известных этнографам. [1] По стилю и способу выражения мыслей Т. Мюнцера Ф. Энгельс судил о степени развития аудитории, к которой были обращены проповеди Т. Мюнцера. [2] Аналогичный характер имеют замечания К. Маркса о названиях монет различных наций [3] и его замечания о возможности неверного толкования древнеримской формулы «senatus populusque Romanus». [4]

У В. И. Ленина мы находим аналогичный пример суждения по языковым данным об общественных явлениях. По языку либералов до революций 1905 и 1917 гг. В. И. Ленин считал возможным судить о «приближении взрыва в пролетарских революционных массах»; по языку буржуазных английских либералов В. И. Ленин считал возможным судить о том, «что делается в настроении, умах и сердцах английских, французских и американских рабочих». [5]

Изложенное показывает, что в трудах основоположников марксизма содержится конкретное разрешение основных вопросов, основных проблем языкознания. Мы имеем в их работах определение языка. Мы имеем в их работах совершенно определенное указание на связь языка с мышлением. В них дано объяснение условий возникновения языка, условий развития языка в доклассовом и в классовом обществах, условий образования и развития племенных и национальных языков, а также указаны пути развития языка при социализме. К. Марксом и Ф. Энгельсом конкретно выяснены особенности развития языка в классовом феодальном и буржуазном обществе. Ими разрешен вопрос о развитии

[1] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частн. собств. и гос., стр. 49—51; 58—59, примеч.; 61—62.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 187.

[3] К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 54, примеч. ко 2 изд.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 48.

[5] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 270—271.

строя речи и связи этого развития с историей общества. К. Марксом и Ф. Энгельсом основан новый по существу, хотя и не новый по названию, раздел учения о значении слов в языкознании. К. Марксом и Ф. Энгельсом показано на конкретных примерах, что язык может и должен быть использован в исторических исследованиях в качестве драгоценнейшего исторического источника.

Таким образом, К. Марксом и Ф. Энгельсом заложены основы, положено начало конкретной марксистской науки о языке. Именно она, а не буржуазное языкознание, составляет языковедное теоретическое обоснование нашей языковой политики, как части нашей политики национальной.

В работах В. И. Ленина и тов. Сталина дано дальнейшее развитие, дальнейшее углубление языковедческих указаний К. Маркса и Ф. Энгельса. Вместе с языковедческими указаниями и замечаниями основоположников марксизма, указания и замечания В. И. Ленина и т. Сталина составляют начало марксистско-ленинской науки о языке.

Наше время, выдвинувшее в среде ученых СССР крупнейшего ученого лингвиста, акад. Н. Я. Марра, долгое время изучавшего языковые материалы помимо и вне разработки и изучения методологии марксизма-ленинизма, и на лингвистическом участке теоретического фронта дает новые и новые подтверждения тем положениям, которые уже вошли в железный инвентарь мировой марксистско-ленинской науки.

Извилистыми путями, в борьбе с буржуазной филологией и языкознанием, вышедший из буржуазной лингвистической школы, которая наложила свою печать на многие, особенно более ранние его работы, Н. Я. Марр пришел к ряду основных лингвистических положений, совпадающих с положениями классиков марксизма-ленинизма. Таково положение о связи языка с мышлением. Таково общее понимание языка как идеологического, надстроечного явления. Таково близкое к пониманию К. Маркса и Ф. Энгельса определение условий происхождения языка. Таково положение о различии в условиях развития языка в доклассовом и классовом обществах. Таково положение о развитии национальных языков. Таково отношение акад. Н. Я. Марра к проблеме значения слов. Такова точка зрения Н. Я. Марра по вопросу о развитии строя речи. Таков взгляд его на языковые данные, как на важнейший исторический источник.

При детализации и конкретизации основных положений лингвистической науки акад. Н. Я. Марр далеко не всегда и не везде шел правильным путем. Многие положения, как ошибочные, противоречащие фактам, были отвергнуты им в процессе дальнейшей работы, заменены новыми,

[1] Основные выводы и положения акад. Н. Я. Марра подобраны в систематическом порядке в сборнике отрывков из его работ «Вопросы языка в освещении яфетической теории», в изд. ГАИМК, сер. «Библиотека», № 9, Л., 1933. Краткое изложение учения Н. Я. Марра см. в моей работе «Н. Я. Марр и его теория», изд. Соцэкгиза, 1933 г.

также не всегда безукоризненными и бесспорными. Это было неизбежно при эмпирических поисках. Последние не могли заменить осознанного и освоенного применения метода диалектического материализма. Но внимательное, кропотливейшее, добросовестное изучение языковых фактов с железной необходимостью влекло акад. Н. Я. Марра и в период эмпирических поисков в сторону марксистских выводов, подсказываемых материалом: такова сила и таково значение марксистско-ленинского метода, с которым факты не идут вразрез. Незнание марксистско-ленинского учения отягощало работы Н. Я. Марра в период эмпирических поисков неизбежными ошибками и приводило к постоянным отклонениям от правильного пути, который намечался ощупью, не озарялся долгие годы светом диалектического материализма. Но, не связанный путами буржуазного общества, в условиях СССР, в стране диктатуры пролетариата и социалистической стройки, Н. Я. Марр свободно подошел в процессе развития своей лингвистической исследовательской работы к тому рубежу, за которым начинается осознанное применение марксистско-ленинской методологии. Научный путь Н. Я. Марра привел его в ряды ВКП(б), а вместе с тем путь научных исканий Н. Я. Марра еще раз подтвердил, насколько безошибочен и четок метод К. Маркса, насколько верен путь К. Маркса, единственный правильный путь, которым должен итти всякий исследователь, стремящийся к дальнейшему развитию науки по своей специальности и активно борющийся с тем застоем, загниванием, возвратом к средневековью, какие переживает в настоящее время буржуазная наука.

Вопросы языкознания в „Немецкой идеологии“ Маркса и Энгельса

К первому опубликованию полного оригинального текста «Немецкой идеологии»

С. Д. КАЦНЕЛЬСОН

1. Место языковых высказываний в «Немецкой идеологии»

По поручению Института Маркса-Энгельса-Ленина В. В. Адоратским недавно издано «первое несокращенное» издание оригинального текста «Немецкой идеологии».[1] Важность этой работы основоположников марксизма, написанной ими в 1845—1846 гг. и опубликованной полностью впервые лишь теперь, после долгих лет погребения в архивах душеприказчиков Маркса и Энгельса из лагеря немецкой социал-демократии, ренегатов пролетариата, станет вполне ясной, если воспроизвести здесь рассказ Маркса об истории этого произведения: «Когда весной 1845 г. он [Фридрих Энгельс. *С.К.*] также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды, противоположные идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было выполнено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись, в виде двух толстых томов in octavo, давно уже прибыла на место издания в Вестфалию. когда мы получили известие, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что достигли своей главной цели — выяснения дела самим себе».[2]

Из этого рассказа, воспроизводимого Энгельсом в предисловии к

[1] K. Marx, Fr. Engels, Die deutsche Ideologie. Kritik der neuesten deutschen Philosophie in ihren Repräsentanten Feuerbach, B. Bauer und Stirner, und des deutschen Sozialismus in seinen verschiedenen Propheten (1845—1846). K. Marx, Fr. Engels, Historisch-kritische Gesammtausgabe (MEGA). Im Auftrage des Marx-Engels-Lenin-Instituts, Moskau, herausgegeben von V. Adoratskij. Erste Abteilung, Band 5, Marx-Engels Verlag G. M. B. H., Berlin, 1932. Вышло одновременно и народным изданием в Verlag für Literatur und Politik.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, М., 1933 г., стр. 43—44.

«Людвигу Фейербаху», очевидно совершенно исключительное историческое, теоретическое и практическое значение этого произведения, в котором авторы поставили своей целью «детально разработать их новое мировоззрение в различнейших направлениях». [1] Здесь, как отмечает издатель В. В. Адоратский в своем предисловии, «наряду с полемикой дается также и положительное изложение взглядов Маркса и Энгельса по ряду вопросов теории познания, логики, истории, искусства, языковедения и т. д. Из их ранних произведений именно в этом с наибольшей полнотой, наиболее всесторонне освещены основные вопросы диалектического материализма». [2]

Вопросы, которые всплывают при первом подходе к многочисленным высказываниям о языке в «Немецкой идеологии», таковы: откуда и каким путем пришли основоположники марксизма к вопросам языка? Что заставило их привлечь вопросы языка к своему исследованию? Каковы, следовательно, те реальные нити, которые связывают эти вопросы с другими вопросами диалектического материализма на стадии его возникновения?

Освещение вопросов языка в «Немецкой идеологии» отнюдь не случайно. Это не попутные, вскользь высказанные замечания, а органическое звено в общей цепи исследования истории общества в исчерпывающей полноте и в совокупности всех его сторон. Выяснение языковых связей необходимо вытекало из общей задачи произведения — создать на основе идейного разгрома немецких «идеологов» левогегельянского толка и «истинных» опошлителей коммунистического движения путем преодоления абстрактного, одностороннего и потому недостаточного материала Фейербаха цельное, развернутое в деталях мировоззрение.

Что же представлял собою «немецкий идеолог», против которого решили выступить Маркс и Энгельс? Основная черта его мировоззрения — это нуднейший, беспросветный идеализм, блестяще охарактеризованный в предисловии к «Немецкой идеологии»:

«Одному молодцу пришло однажды в голову, что люди тонут в воде только потому, что ими овладела мысль о тяжести. Если бы они выкинули это представление из головы, хотя бы объявив его суеверным, религиозным, то они избавились бы навсегда от всякого риска потонуть. Всю жизнь свою боролся он против иллюзии тяжести, относительно вредных последствий которой статистика доставляла ему множество новых доказательств. Этот молодец был образцом современных немецких революционных философов» (3; 4). [3]

[1] Ф. Энгельс, Предисловие к «Разоблачениям о кельнском процессе коммунистов».

[2] Die deutsche Ideologie, IX—X.

[3] Здесь, как и везде в дальнейшем, в цитатах и ссылках на «Немецкую идеологию», непосредственно за скобкой обозначены страницы немецкого текста «Die deutsche Ideologie» (MEGA), а после точки с запятой следуют соответствующие страницы рус-

Виднейшими представителями этой «бравой» немецкой философии, «философской фразой о действительном вопросе» заменявшей действительный вопрос (77), были Бруно Бауэр и Макс Штирнер. Для них существовала «только история религии и философии», а эта последняя существовала для них «лишь через посредство Гегеля, который с течением времени стал всеобщей шпаргалкой, энциклопедическим словарем всех новых немецких спекулянтов принципами и фабрикантов систем» (153).

Этой идеологической точки зрения на историю общества не смог преодолеть даже материалист Фейербах, который на место гегелевской абсолютной идеи поставил независимо от нее существующую природу, на место религиозного существа он поставил существо человеческое. Однако Фейербах не смог познать природу в ее действительной истории, природу, на известной стадии своего развития породившую человечество и с тех пор неразрывно связанную с историей общества, точно так же, как не смог он перейти от своего абстрактного человека к действительным живым людям, производящим в общественной связи.

Фейербах прошел мимо того обстоятельства, что «окружающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века (von Ewigkeit) данная, всегда себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжая развивать его промышленность и его способ общения, и видоизменяло, в зависимости с изменявшимися потребностями, его социальный строй» (32; 33). Изгнав идеализм из области гносеологии, Фейербах понял природу и человека метафизически и сохранил идеализм в вопросах истории общества и общественного сознания.

Дальше гегельянских умозрительных построений и фейербаховского понимания природы и общества не смогли продвинуться и так наз. «истинные социалисты», виднейшим представителем которых был Карл Грюн. Увлекаясь английской и французской социалистической литературой, они пытались «освоить» ее с помощью гегельянской и фейербаховской философии. Этот «перевод французских идей на язык немецкой идеологии и произвольно сфабрикованная связь между коммунизмом и немецкой

ского перевода по IV т. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (Партиздат, 1933 г.). Перевод цитат в основном дается по IV т. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, за исключением немногочисленных случаев, везде оговоренных в подстрочных примечаниях. В некоторых местах приводятся выдержки из старых фрагментарных переводов «Немецкой идеологии» (перевод части «Святого Макса», вышедший отдельной книжкой под названием: «Критика учения Штирнера», перевод с нем. под ред., с примеч. и вступит. статьей Б. Гиммельфарба, кн-во «Степи», СПб., 1913 г., стр. 93—167, и переводы, помещенные в томах I и IV Архива Маркса и Энгельса), как пример полного непонимания, а подчас и грубой фальсификации основных положений К. Маркса и Ф. Энгельса.

идеологией» (436) составляли все содержание «истинного социализма». «Истинные социалисты» «отрывают сознание определенных исторически-обусловленных жизненных форм от этих жизненных сфер, соизмеряя его меркой истинного абсолютного, т. е. немецко-философского сознания. Они превращают совершенно последовательно отношения данных определенных индивидов в отношения «человека, как такового» («*des* Menschen»), они объясняют себе мысли этих определенных людей о своих отношениях, как их мысли о «человеке, как таковом» (436). Из общего либерально-буржуазного потока немецкой идеологии их выделяло не новое мировоззрение, не научное опровержение гегельянства и абстрактного материализма Фейербаха, а пестрая примесь плохо понятых, импортированных из Англии и Франции социалистических идей.

Всемирноисторическая заслуга последовательного преодоления идеализма и фейербаховского материализма неоспоримо принадлежит основоположникам марксизма. В «Немецкой идеологии» намечены впервые в развернутом виде основы нового мировоззрения, диалектического материализма. На место туманных представлений, на место надуманного религиозного мира Маркс и Энгельс поставили здесь действительную природу в ее развитии, в ее взаимодействии и связи, с тех пор как существуют люди, с историей общественного производства людей. «Проследить эмпирически это материалистическое развитие» стало для них «единственно интересным». Набросав в «Немецкой идеологии» общую диалектическую картину истории общества, они формулировали основы своего учения о государстве, как орудии классового господства (59; 59), о предстоящей коммунистической революции, задачей которой явится уничтожение частной собственности на средства производства (60; 60), о всемирноисторической роли пролетариата в этой революции (25; 26) — мысли, которые следует считать центральными, основными идеями «Немецкой идеологии», ибо в них в качестве зародыша уже содержится «главное и коренное отличие» марксизма «от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии» (Ленин) — зародыш учения о диктатуре пролетариата, как переходном периоде от капитализма к бесклассовому обществу.

В нашу задачу не входит подробный разбор различнейших сторон того мировоззрения, которое Маркс и Энгельс детально разработали в «Немецкой идеологии». Остановимся на одной лишь стороне их взглядов в области общественной истории, которая подведет нас вплотную к интересующей нас теме, на вопросе об общественном сознании. На примере Фейербаха уже видно, как недостаточно его заявление, что суть дела не в сознании, а в реальности мира, как последний существует независимо от всякого сознания. Надо было объяснить еще и само сознание, как продукт этого действительного мира, надо было показать реальные истоки сознания и его многообразные связи с материальным бытием. Мало было объявить

ошибавшимся целое поколение немецких мыслителей, надо было объяснить самый факт, как могло так статься, что люди заблуждались, что в поисках истины они все больше удалялись от нее, заменяя фразами об истине действительный, диалектически развивающийся, реально существующий мир вещей и людей.

История теоретической борьбы, этой особой формы классовой борьбы, которая играла исключительную роль в Германии того периода, поставила вопрос о происхождении сознания, его связях и развитии со всей остротой, и ответ на этот вопрос был впервые дан основоположниками марксизма. Вот как они рассказывают об этом процессе:

«Как случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии? Этот вопрос проложил даже для немецких теоретиков путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которому не только не свойственно отсутствие предпосылок, но которое эмпирически руководствуется как раз действительными материальными предпосылками, как таковыми, и потому есть действительное критическое воззрение на мир. Этот путь был намечен уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher» во «Введении к критике гегелевской философии права» и в статье «К еврейскому вопросу». Но так как это было сделано тогда еще в философской фразеологии, то попадающиеся там по традиции такие философские выражения, как «человеческая сущность», «род» и т. п., дали немецким теоретикам желанный повод к тому, чтобы неверно понять действительное развитие [мыслей] и вообразить, будто и здесь все дело только в новой перелицовке их истасканных теоретических сюртуков»... (215; 215).

Таким образом, ясно, что логика теоретической борьбы поставила вопрос о материальных основаниях возникновения и истории сознания. Не дать положительного ответа на этот вопрос значило бы оставить лазейку для идеализма и поповщины, так или иначе признать сверхъестественное происхождение сознания. Необходимо было «достроить здание материалистической философии доверху». Диалектический материализм сумел разрешить этот вопрос, потребовав объяснения «теоретической фразы из данных действительных отношений» (30), из тех отношений, в которые люди вступают в процессе общественного производства.

На протяжении многих страниц «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс обнажают действительные корни процесса производства идей, представлений и т. д., объясняют различные формы немецкой теоретической мысли из особенностей капиталистического развития тогдашней Германии, находят «сущность» религии в «материальной основе ее несущности» (140). Особо необходимо отметить место (175—178), где дан классический образец материалистического очерка истории немецкого идеализма. Здесь, как и во многих других местах «Немецкой идеологии», конкретно прослеживается процесс возникновения на определенной ступени общественного развития

отдельных представлений, например, понятий о чести и преданности при феодализме, о свободе и равенстве с возникновением буржуазных отношений, получающих свое выражение в обычном языке (или, как Маркс и Энгельс его называют, Profanensprache), которые затем, под влиянием особых общественных условий, вырываются теоретически из общей сферы языка, окутываются в мистические туманности и замыкаются в самостоятельные сферы языка философии, языка религии и т. д. или просто религии, философии и т. д.

Таким образом, становится ясным, что привело Маркса и Энгельса к вопросам языка. Язык рассматривается ими как практическое сознание, непосредственно вырастающее из процесса производственной деятельности людей, из сферы которого с течением времени под влиянием общественного разделения труда обособились различные отрасли идеологии. Язык рассматривается ими, таким образом, как необходимое звено при исследовании материально-производственных корней всякого сознания. Эта связь, в которой языковые вопросы привлечены к исследованию, сформулирована авторами «Немецкой идеологии» в следующем отрывке:

«Производство идей, представлений, сознания первоначально (zunächst) непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное общение людей еще являются здесь непосредственно вытекающими из материального соотношения людей. То же самое можно сказать о духовном производстве, как оно выражается в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. [1] Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но люди действительные, действующие, как они обусловлены определенным развитием своих производительных сил и соответствующих последнему способов сношений вплоть до их отдаленнейших формаций». [2] «Сознание (das Bewusstsein) никогда не может быть чем-либо иным, как сознанным бытием (das bewusste Sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей [3] идеологии люди и их отношения кажутся поставленными на

[1] «Von der geistigen Produktion, wie sie in der Sprache der Politik, der Gesetze, der Moral, der Religion, Metaphysik usw. eines Volkes sich darstellt, gilt dasselbe». В IV т. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса переведено так, как если бы после «der Sprache» стояла запятая, что несколько меняет смысл, а именно: «то же самое можно сказать о духовном производстве, как оно выражается в языке, политике, законах, морали, религии, метафизике и т. д. того или другого народа».

[2] Перевод Юшкевича, помещенный в первом томе Архива Маркса и Энгельса гласит: «Люди, как они обусловлены определенным развитием своих производительных сил и соответствующих последним способов сношений до их отдаленнейших формаций, являются производителями своих представлений, идей и т. д. и т. д. о реальных действующих людях» (переведено über вместо aber).

[3] «Wenn in der ganzen Ideologie». В IV т. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса переведено: «если во *всякой* идеологии...»

голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке проистекает из непосредственно физического процесса их жизни» (15; 16).

Напав на следы этого единства языка и мышления с действительностью, идеалист никак не может постичь, в чем состоит это единство, и переворачивает действительные отношения вверх дном. «Право, — пишет Макс Штирнер, — есть первоначально моя мысль, или она [!] имеет начало во мне. Но раз она от меня выделилась, только «слово» произнесено, и она становится плотью» (296). Мысль, выраженная в слове, порождает мир, — так извращает идеалист действительный ход вещей. Идеалист верит в магическое слово, способное перевернуть мир». Для него все дело только в названиях; самого же дела он совершенно не касается, так как не знает действительных отношений, на которых основываются эти различные формы права, и в юридическом выражении классовых отношений видит только идеализированные названия тех варварских отношений» (321; 325).

Играя словами, выбрасывая слова из своего лексикона или видоизменяя по желанию их значения, идеалист воображает, что он переворачивает действительный мир. Маркс и Энгельс едко высмеивают находящегося во власти этой иллюзии идеалиста Штирнера. «Эгоизм собственности, — приводят они слова Штирнера, — лишается последнего, когда и «Мой бог» становится бессмысленным, *ибо*» (величайшее «Ибо») «бог существует, лишь когда он принимает к сердцу благо единичного, точно также как этот (последний) ищет в нем свое благо». «Согласно этому, — добавляют иронически авторы «Немецкой идеологии», — французский буржуа был бы лишь тогда своей «последней» «собственности» лишен, когда слово adieu оказалось бы изгнанным из его языка» (212). [1]

[1] Разоблачение аналогичного случая идеалистического отожествления языка и действительности мы находим в «Нищете философии» Маркса (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 321): «Как мы уже видели, Прудон превращает стоимость труда в «действительную причину» стоимости продуктов, так что *заработная плата* — официальное название «стоимости труда» — составляет, по его мнению, полную цену всякой вещи. Вот почему его смущает возражение Сэя. В труде-товаре, этой ужасной действительности, он видит только грамматическое сокращение. Значит, и все современное общество, основанное на труде-товаре, опирается отныне лишь на поэтическую вольность, на фигуральное выражение. И если общество захочет «уничтожить все те неудобства», от которых оно страдает, то ему стоит только устранить неблагозвучные выражения, изменить язык; а для этого ему нужно обратиться к Академии и потребовать нового издания ее словаря».

То, что Маркс иронически предлагал Прудону 85 лет тому назад, то в настоящее время преподносится нам серьезно, как мероприятие языковой политики пролетариата. Воинствующая идеалистическая чушь выступила с предложением выкинуть, как архаизм, в целях якобы борьбы «за пролетарский язык», в целях якобы борьбы с религией, слово «бог» из «Интернационала» (см. А. Зарецкий, Far a proletarišer šprax, Киев, 1931).

Оставаясь слепым в отношении того, что реально связывает язык и сознание с миром действительных предметов, идеалист тщетно ищет выхода из языка и сознания, оставаясь все время в их пределах.

«Вся проблема перехода от мышления к действительности и, значит, от языка к жизни существует только в философской иллюзии, т. е. правомерна лишь по отношению к философскому сознанию, для которого характер и происхождение его мнимого отрыва от жизни не могут быть ясными. Эта великая проблема, поскольку она вообще мелькала (spukte) в головах наших идеологов, должна была, конечно, в конце концов заставить одного из этих странствующих рыцарей отправиться в поиски слова, которое, в качестве слова, образует искомый переход, в качестве слова перестает быть просто словом и указывает таинственным, надъязыковым образом выход из языка к действительному объекту. им обозначаемому, — которое, короче, играет среди слов ту же роль, какую в христианской фантазии играет среди людей и искупительный богочеловек» (427; 437).

Таким образом, видно, как в поисках объяснения своего отрыва от жизни, коренившегося, как и вся немецкая «идеология», в мелкобуржуазных отношениях Германии того времени, «идеологи» уперлись в вариант «основного вопроса всякой философии», вопроса об отношении сознания к бытию. Особенность этого варианта заключалась в том, что вопрос стал настолько широко и конкретно, что сделалась явной недостаточность обычного в прежней философии чисто-гносеологического решения этого вопроса. Эту глубину и конкретность постановки в значительной степени усугубило еще то обстоятельство, что к вопросу о переходе от мышления к действительности оказалось привлеченным «тело мысли» — язык. Различные фракции немецкой философии безнадежно барахтались в тине идеалистической постановки этого вопроса. Фейербах слишком узко решил этот вопрос, оставив ряд переходов и промежуточных звеньев не освещенными. Гений Маркса и Энгельса сказался здесь в том, что они вскрыли всю несостоятельность философской постановки этого вопроса. Они указали на то, что вопрос о переходе от сознания к жизни в действительности не существует как вопрос, что в жизни ежеминутно и ежесекундно миллиарды раз совершается этот переход на деле, что сознание рождается из реальной производственной жизни общества, что проверяется оно в практической деятельности людей. Они привлекли обширнейший материал по истории человеческой практики, по истории общественного производства для объяснения возникновения и истории сознания, реально существующего в виде языка. Эта основная связь, в которой вопросы языка привлечены основоположниками марксизма к исследованию в «Немецкой идеологии», лучше всего явствует из следующего отрывка:

«Для философов одна из наиболее трудных задач — спуститься из мира мысли в действительный мир. Непосредственная действительность

мысли это язык. Так как философы обособили (verselbständigt) мышление, то они должны были обособить и язык в некое самостоятельное царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли в качестве слов обладают своим собственным содержанием. Проблема спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в проблему спуститься от языка к жизни. Мы уже показали, что обособление мыслей и идей в качестве самостоятельных сил есть следствие обособления личных отношений и связей индивидов. Мы показали, что исключительное систематическое занятие этими мыслями со стороны идеологов и философов, а значит и систематизирование этих мыслей, есть следствие разделения труда, и что в частности немецкая философия есть следствие немецких мелкобуржуазных отношений. Философы должны были бы свести [1] свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства; что они суть только проявления действительной жизни» (424; 434—435).

2. О происхождении языка

В предыдущей главе было уже показано, каким путем пришли основоположники марксизма к вопросу о происхождении языка и сознания. Что же могла дать в ответ на этот вопрос современная им наука?

Вопрос о происхождении языка являлся излюбленной темой в литературе раннего романтизма, расцветшей в начале XIX века. 30 января 1796 г. в письме к своему брату Августу-Вильгельму молодой Фридрих Шлегель писал: «Кто не показывает *необходимости* возникновения языка, тот может оставаться дома. Мечтать о *возможном* возникновении языка может всякий». Эта мысль целиком совпадает с основной идеей сочинения Фихте «О языковой способности и о происхождении языка» (1795 г.). [2] «Не следует, — писал там Фихте — ограничиться показыванием того, как какой-либо язык *мог* быть изобретен. Следует вывести необходимость этого изобретения из природы человеческого разума; следует показать необходимость изобретения языка» (стр. 301).

Требованием показать необходимость возникновения языка Фихте возвышался над многими теоретиками XVIII в. Он опровергает теории изобретения языка, «общественного договора», теорию происхождения речи из аффективных криков животных в том виде, как они проповедывались до него, потому, что они выводят происхождение языка из ряда случайностей. Его не удовлетворяют доводы абстрактной возможности зарож-

[1] Auflösen — растворить, распустить.

[2] Von der Sprachfähigkeit und dem Ursprunge der Sprache. J. G. Fichtes sämmtliche Werke, Berlin, 1846 г., 8 тт. (3 ч., 3 т.), стр. 301—341.

дения речи. Как идеалист, он, однако, не в силах вскрыть той реальной необходимости, которая лежит в основе этого процесса. Мнимый ключ к проблеме он находит в самой «природе субъективного разума». Этим самым он совершил отступление от революционных социальных теорий французских мыслителей, вступив на путь примирения науки с поповщиной.

Субъективизм Фихте получил свое дальнейшее развитие в литературе раннего романтизма. «Не следует думать, — писал Фридрих Шлегель, — что язык возник из необходимости обмениваться своими мыслями с мыслями других людей. Человек разговаривает, прежде всего, с самим собою. Потребность в языке, как в средстве достигать самосознания, предшествует потребности в обмене мыслями». Позже мы находим у Фр. Шлегеля и явно поповскую проповедь божественного откровения слова.

Не придерживаясь средневековой точки зрения происхождения всех языков мира из древнееврейского, отвергнутой еще Лейбницем, все романтическое направление продолжает развивать эту теорию in abstracto: все языки мира рассматриваются как продукт деградации единого райского праязыка. Это вымышленное состояние возникновения речи предстает в реакционной фантазии романтиков наделенным всеми благими качествами. То, думалось им, был язык чистой поэзии, язык музыкальных тонов и гармонических созвучий, язык, состоявший из одних только гласных, язык, отличавшийся непосредственностью в передаче всех оттенков человеческих чувств и переживаний. Дальнейшая судьба этого языка — это судьба человечества после грехопадения. Развитие «депоэтизировало» язык, возникновение согласных «раззвучило» (hat enttönt) его, речь окостенела, потеряв изначальную «символичность» и «чувствительность». Сочинения ранних романтиков полны поисками следов этого райского состояния. Братья Шлегели, Новалис, Тик и др. хватаются за всякую возможность, сулящую приподнять занавес. Они занимаются символическим толкованием отдельных звуков речи. Они стремятся открыть в языке пифагорийскую мистику чисел и апеллируют к понимаемой в духе средневекового реализма математике. Они усматривают аналогию своему праязыку в таинственных египетских иероглифах, не поддавшихся к тому времени еще научной дешифровке.

Этому бесовскому навождению в науке не суждено было долго продержаться. Судьба уготовила представителям раннего романтизма тяжелое разочарование. В поисках подтверждений своих фантастических теорий ранние романтики занялись филологией, в частности восточной. Братья Шлегели явились в Германии застрельщиками древнеиндийской филологии, открывавшей путями древнейшего, как иногда казалось, языка возможность проникнуть в самые сокровенные глубины речи. Ближайшие исследования строя санскрита вскрыли, однако, всю несостоятельность и

иллюзорность романтических представлений. Расшифровка египетских иероглифов в 20-х годах нанесла еще один сокрушительный удар. Развитие сравнительноисторического языкознания быстро довершило крушение раннего романтизма. Сами представители этого течения оказались вынужденными признать несостоятельность своих прежних взглядов.

Умудренная горьким опытом, молодая буржуазная наука о языке не решается более заглядывать в головокружительные глубины этой проблемы. Вильгельм Гумбольдт, один из немногих представителей философии языка после Гердера и ранних романтиков, не может продвинуться дальше кантовского скептицизма. «Источник языка находится на совершенно недоступной для нас высоте» — таков венец философской мудрости Гумбольдта. [1] Молчаливо отстраняет эту проблему основоположник сравнительноисторического языкознания Франц Бопп. В предисловии к своей «Сравнительной грамматике» он пишет: «тайну корней или основание наименований первопонятий мы оставляем не тронутым». [2] Поздний А. В. Шлегель подводит теоретическую базу под эту проблемобоязнь. В своем сочинении «De l'étymologie en général» [3] он предостерегает против опасности подвергнуться невольному влиянию какой-либо гипотезы происхождения языка и настоятельно советует продвигаться вперед в этимологических разысканиях, не составляя себе никаких представлений относительно этой проблемы. Свой разбор различнейших теорий происхождения языка он заключает выводом, что это «неразрешимая проблема, мистерия». Этой формулировке А. В. Шлегеля, возводящей собственное бессилие в абстрактный закон истории, суждено было в 1866 г. получить юридическое оформление. Французское Société de linguistique de Paris в своем уставе исключило проблему происхождения языка из круга дозволенных исследований. Так буржуазная наука выдала себе свидетельство о теоретической бедности. Не спас положения и талантливейший начинатель сравнительноисторического языкознания Яков Гримм, прочитавший в 1851 г. в Берлинской академии наук доклад о происхождении языка. [4] В этом докладе развернута широкая картина развития языка, преимущественно его грамматической структуры; непосредственно же относительно предпосылок возникновения языка была высказана лишь та довольно расплывчатая мысль, что язык является свободным произведением человеческой истории, не будучи ни продуктом изобретения, ни от века врожденным человеку.

[1] H. Steinthal, Der Ursprung der Sprache, Берлин, 1888 г., стр. 81.

[2] Franz Bopp, Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litanischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen, 3-е изд., I т. Предисловие к 1-му изданию, стр. III.

[3] Oeuvres de M. Auguste-Guillaume de Schlegel écrites en français, 2-ой том, Лейпциг, 1846 г., стр. 103—148.

[4] Jacob Grimm, Kleinere Schriften, Berlin, 1864 г., I т., стр. 255—298.

То, что дано основоположниками марксизма по вопросу о происхождении языка, представляет собою независимое от отвлеченных и произвольных языковедных и философских построений, самостоятельное обобщение гигантской массы материалов по истории общественного производства во всех его видах, включая сюда и историю сознания в ее различнейших проявлениях, историю философии, религии, науки, языка и т. д. и т. д. Маркс и Энгельс открыли то, о чем могло лишь тосковать и мечтать языкознание до них: они показали *необходимость* возникновения языка на определенной ступени развития общественных материальных производительных сил.

Четыре момента характеризуют, согласно Марксу и Энгельсу, общество до возникновения языка. Из этих четырех сторон три, а именно: производство средств, необходимых к жизни (1), удовлетворение новых, непрерывно порождаемых предшествующими производством и потреблением потребностей (2) и продолжение человеческого рода (3) — являются сторонами, «которые существовали совместно с начала истории и которые имеют силу в истории еще и теперь» (19; 19—20). Эти три стороны выступают, однако, не только как отношение естественное, но еще как отношение общественное. Дело в том, что производство и воспроизводство жизни (своей — путем труда и чужой — путем рождения) людей происходит при определенных меняющихся в зависимости от способа производства формах общественных связей и зависимостей. Определенная форма общественных отношений, определенный способ производства, является четвертой стороной общества из числа тех, что предшествуют появлению языка и сознания. Выяснив эти обстоятельства, Маркс и Энгельс продолжают:

«Лишь теперь, после того, как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек обладает также и «сознанием». Но и им он также обладает не с самого начала в вида «чистого сознания». На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков,— словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание,— язык как раз и *есть* [1] практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды [2] в общении с другими людьми. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «*относится*» ни к чему и вообще не «от-

[1] В немецком тексте ist подчеркнуто; Юшкевич перевел (I т. Архива К. Маркса и Ф. Энгельса): «Язык — это практическое» и т. д. без курсива.

[2] Нужда — Nothaft. Юшкевич оставил это слово не переведенным.

носится»; [1] для животного его отношение к другим не существует, как отношение. Таким образом, сознание с самого начала есть общественный [2] продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть, прежде всего, осознание *ближайшей* чувственной среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному, и перед которой они беспомощны (von der sie sich imponieren lassen), как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (естественная [3] религия). Здесь сразу видно, что эта естественная религия или это определенное отношение к природе обусловливается общественной формой, и обратно. Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обусловливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу — их ограниченное отношение к природе, [4] как раз благодаря тому, что природа еще почти не преобразована ходом истории, а, с другой стороны, проявляется сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же — что его инстинкт осознан» (19—20; 20—21).

Итак, сознание существует не извечно. Оно имеет историю, однако историю не «свою», не суверенную, саморазвивающуюся историю, как сознание у Гегеля, а историю, обусловленную историей общества. Язык возникает на определенной стадии развития общественных отношений. На какой стадии развития общества возникает язык, в этом отрывке говорится крайне обще, но ряд замечаний в «Немецкой идеологии» дает основания для ряда более детальных выводов, тем более достоверных, что мы располагаем позднейшим прямым высказыванием Маркса на этот счет. Об этом подробнее в конце настоящей главы. Отметив тот факт, что язык является общественным продуктом, Маркс и Энгельс не допускают и тени мысли о сознательном изобретении языка. Маркс и Энгельс подчеркивают, что язык вместе с сознанием стихийно выросли из потребностей общения людей в процессе совместного производства их жизни. На стр. 404

[1] «И вообще не относится» Юшкевич опустил.

[2] Gesellschaftliches Юшкевич перевел «исторический».

[3] Naturreligion; лучше бы—религия природы. Слово «естественная» вносит сюда вредный оттенок.

[4] У Юшкевича повсюду вместо «ограниченное» (borniertes) — «сознательное».

они прямо говорят о стихийности возникновения речи (die Naturwüchsigkeit [1] der Sprache). Позже мы увидим, как едко высмеивают они «договорные» иллюзии Макса Штирнера.

Приведенный отрывок о происхождении языка имеет исключительную важность еще и потому, что в нем в немногих гениальных строках намечена диалектика отношения языка и сознания. «Сознание выступает в виде... языка», «язык и *есть*... действительное сознание», «язык *подобно* [курсив мой. *С. К.*] сознанию»... и т. д. Язык здесь то различается, то отожествляется с сознанием. Это противоречие отнюдь не является противоречием изложения или учения, оно есть глубокое отражение объективных, действительно присущих языку противоречий. Здесь дано диалектическое обобщение того обстоятельства, что язык и сознание неразрывно связаны между собою, и что в своем развитии они шагают далеко неравномерно, порождая противоречия формы и содержания в языке.

Теоретическое языкознание изобилует примерами этого неравномерного развития языка и сознания, примерами того, как в процессе истории языка старые слова, обороты и грамматические формы «выветривались», незаметно лищались своего старого содержания и наполнялись новыми значениями, сохраняя неизменной свою внешнюю оболочку и как, с другой стороны, беспрестанно нарождавшиеся новые слова и формы неравномерностью своего возникновения вносили разнобой в фонетический, словарный и грамматический, казалось бы, стабилизированный строй данного языка. За примерами этого рода далеко не ходить, так как мы сами переживаем в настоящее время такой процесс неравномерной ломки языков, небывалый по грандиозности масштабов, глубине и основательности происходящих событий. Строительство «национальной по форме, социалистической по содержанию» (Сталин) культуры в нашей стране в области языка проявляется в основном в том, что по старым наезженным путям национального языка идет новое пролетарское, диалектически-материалистическое осознание мира.

Наталкиваясь на отдельные проявления этой противоречивой связи языка и сознания, находя различные случаи подобного неравномерного развития формы и содержания в языке, языковеды в подавляющем своем большинстве оказались неспособными охватить этот процесс во всей совокупности его противоположных сторон и тенденций. В своих обобщениях они отображали этот процесс однобоко, близоруко, мертво; произвольно выхватывая одну из полярных сторон, они превращали ее в метафизический абсолют, объявляя несостоятельной противоположную точку

[1] Кое-кто пытается истолковать Naturwüchsigkeit как «отприродное» происхождение и развитие (в отличие от общественного). Однако ряд контекстов «Немецкой идеологии» с полной очевидностью показывают, что под Naturwüchsigkeit следует понимать стихийное развитие в отличие от планомерного (см., напр., стр. 22—23).

зрения. Наблюдая тот факт, что каждой грамматической форме соответствует определенное значение, античный грамматик-аналогист заключал, что в языке царит абсолютная закономерность и гармония строя. Видя неравномерность этого явления, отсутствие прямого соответствия между грамматической формой и ее функцией, видя наличие исключений из каждого грамматического правила, его противник-аномалист с тем же правом доказывал, что в языке лишь аномалия и хаос. В XVII—XVIII вв. отражение этой диалектики языка приняло форму спора между рационалистической «всеобщей» грамматикой и сенсуалистической стилистикой. Грамматики-рационалисты, видя отдельные совпадения грамматических и формальнологических категорий, во многих языках направляли свои поиски в сторону универсального, «истинного» философского языка, скрытого будто бы во всех языках под покровом множества и различия форм и в своем очищенном виде представляющего адекватное выражение формальнологического сознания. Сенсуалисты же, замечая в языке неравномерное проявление различных стадий в развитии сознания, делали из этого тот вывод, что каждый язык и отдельные языковые произведения следует изучать в неповторимом и непереводимом на другие языки своеобразии их мышления и стилистического оформления, выдвигая, таким образом, на место рационалистической грамматики — стилистику и поэтику, основанные не на абсолютных и универсальных понятиях «логики», а на учете индивидуально-многообразной «психологии». В начале XVIII в. встречается, однако, достопримечательная попытка диалектически понять историю языка в ее органической связи с историей сознания. Имеется в виду Вико, сумевший в своих «Принципах новой науки об общей природе наций» (1725 г.), по восторженному о нем отзыву Маркса, дать «основные положения сравнительного языковедения (хотя и фантастические)». [1]

В своих исследованиях, содержащих зачатки материалистического понимания истории, Вико во многом (например, в вопросе о происхождении языка, о стадиальности языка и сознания, о связи языка и общества) сумел опередить выдающегося представителя философского языкознания начала XIX в. В. Гумбольдта. Последний, хотя и вышел благодаря широкому кругу своих знаний и интересов за узкие пределы метафизической постановки вопроса о связи языка и сознания, однако даже в пределах своего идеалистического мировоззрения не смог диалектически преодолеть это единство, переступая на ходулях кантианских антиномий формы и содержания, объективного и субъективного в языке и т. д.

Нет необходимости останавливаться на дальнейшем развитии этих

[1] F. Lassale, Nachgelassene Briefe und Schriften, 1922 г., т. III, стр. 387—388 (Письмо Маркса к Лассалю от 28 апреля 1862 г.).

взглядов в XIX в. Отметим лишь, что благодаря успехам сравнительного исследования языков и непрекращавшемуся влиянию со стороны естественных наук в языкознании в течение этого века все больше и больше берет верх ползуче-эмпирическое направление, избегающее ставить «философские» проблемы об отношении языка и сознания и стремящееся замкнуться в скорлупе внешнего описания фонетики, грамматического строя и других явлений языка. Время от времени от этого основного ядра откалывались более или менее значительные диссидентские группы, пытавшиеся обобщить вновь накопленные факты. Расколы и разброд особенно усиливаются в современной буржуазной лингвистике, переживающей состояние тяжелого кризиса в связи с общим кризисом буржуазного мира. Поиски выхода идут во все стороны, привлекаются материалы языков так наз. первобытных народов, детского языка, материалы психологии, логики, эстетики, философии и т. д. Все чаще и чаще раздаются реакционные голоса о возврате к Гумбольдту, к фантастическим мечтаниям ранних романтиков, к метафизической точке зрения XVIII в. Лишь в нашей стране языкознание сумело найти реальный выход из тупика.

Н. Я. Марр, который под влиянием пролетарской революции оказался наиболее последовательным из лингвистов, разорвавших с господствовавшим индоевропейским языкознанием, сумел в своих исследованиях не только раскрыть конкретные формы связи языка и сознания, но в громадном большинстве случаев еще и объяснить эти связи из уровня развития общественного производства или весьма приблизиться к такому объяснению.

Вся история языкознания доказывает, таким образом, правильность диалектических формулировок Маркса и Энгельса об отношении языка и сознания. Эта мысль о единстве языка и сознания пронизывает все их высказывания о языке. Лишь в крайне тесных и ограниченных пределах возможно противопоставление языка сознанию. Стоит, однако, перешагнуть за эти узкие пределы, и мы выпадаем из сферы языка. Для тех, кто ищет «спецификум» языка в его отличии от сознания, приведем здесь место из «Анти-Дюринга», где Ф. Энгельс едко высмеивает подошедшего к этим метафизическим идеям с другой стороны Дюринга.

«Мы не станем, — пишет он, — цитировать образчиков той плоской оракульской окрошки, той, попросту, чуши, которую г. Дюринг преподносит на целых 50 страницах своим читателям, как «основательную» науку об элементах сознания. Приведем лишь следующее место: «кто способен мыслить при посредстве речи, тот еще никогда не испытал, что означает *отвлеченное и подлинное* мышление». Если так, то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями, ибо их мышлению никогда не мешает назойливое вмешательство языка». [1]

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 84.

Диалектическая формулировка отношения языка и сознания, формулировка языка, как «практического, действительного сознания», данная в «Немецкой идеологии», важна, следовательно, тем, что она определяет границы языкового исследования. Язык есть материализованное в звуках сознание, язык есть отношение звука и сознания. [1] Там, где отсутствует один член отношения, там отсутствует и все отношение. Таким образом, каждый элемент языка, — будь то слово, будь то предложение, будь то звук речи — фонема, — должен изучаться в единстве звука и сознания. Как, абстрагируясь от звука, мы попадаем в область «чистого» сознания, в область идей, понятий, представлений и т. д., так, абстрагируясь от сознания, мы, изучая звуки, выпадаем из сферы языка в область физиологии и акустики речи. [2]

[1] Говоря о языке, как о диалектическом единстве звука и сознания, мы здесь не касаемся, разумеется, ни языка жестов, ни письма.

[2] Многие лингвисты никак не могут удовлетвориться подобным сложным ответом на запутанный вопрос о взаимоотношении языка и сознания. Стремясь во что бы то ни стало найти «простое» и «бесхитростное» решение этого вопроса, они в своих попытках истолковать приведенный отрывок из «Немецкой идеологии» ищут специфичность языка в его отличии от сознания и таким образом отрывают язык от мышления. Так, например, Эден в статье «Маркс и Энгельс об языкознании» («Международный язык», 1933 г., № 3, стр. 78) пишет: «Специфика языка — служить целям взаимной связи, общению людей, быть «реальным сознанием», но «реальное сознание» это все же *не* то же, что мышление человека [курсив мой. *С. К.*]. Язык «сам по себе» — не совсем точно передает выражаемую мысль; и таким образом язык получает свойство влиять на мышление, может по законам диалектического [читай: механистического. *С. К.*] взаимодействия или способствовать его развитию, или его тормозить».

Маркс и Энгельс, следовательно, утверждают, что язык есть сознание людей, как оно дано реально, т. е. не в представлении идеалистов, а в ежедневном и ежеминутном общении людей, а именно, материализованное в звуках сознание. Идеалистствующий комментатор пытается протащить совершенно противоположную мысль. Он выносит мышление за скобки языка и вместо диалектического единства усматривает здесь лишь простое взаимодействие, одну лишь способность языка влиять на мышление и обратно.

Аналогичное этому мы находим и в статье Г. П. Сердюченко «Классики марксизма-ленинизма о языке. — К. Маркс» (Революция и горец, 1933 г., Ростов н/Дону, № 3—4). Согласно Г. П. Сердюченко, язык в понимании Маркса и Энгельса сводится лишь к «форме выражения сознания» (стр. 35).

Еще дальше идет К. Безносик, который в своей сугубо мистической и схоластической статье в литературно-лингвистическом сборнике «К пятнадцатой годовщине Октябрьской революции», вышедшей в издании еврейского сектора Белорусской Академии наук (на еврейском языке, Минск, 1932 г.), пишет: «Язык связан с мышлением и сознанием. Язык — *выражение* [курсив мой. *С. К.*] реального сознания — имеет свое содержание и форму» (стр. 99) и через пару строк: «еще один раз — язык имеет свое содержание и форму». Что означает это определение языка, как выражения сознания в противовес подчеркнутому Марксом и Энгельсом положению, что «язык как раз и есть реальное сознание», что означает утверждение, что язык имеет свое содержание и форму в отличие от сознания, если не прямую ревизию учения Маркса и Энгельса о языке, как о реальном сознании?

Цитированный выше отрывок из «Немецкой идеологии» замечателен еще тем, что в нем дано определение еще одной стороны языка, именно, языка — как выражения общего. Характерной чертой сознания людей Маркс и Энгельс считают «отношение». «Там, где есть какое-нибудь отношение, оно существует для меня, животное не *«относится»* ни к чему и вообще не относится. Для животного его отношение к другим не существует, как отношение» (20). Это свойство сознания и языка отображать реальный мир в его отношениях и связях Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали и после. В своих заметках на книгу Адольфа Вагнера, писанных зимой 1880—1881 г., Маркс писал:

«Люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в теоретическом отношении к *предметам внешнего мира*». Как и другие животные, они начинают с того, что едят, пьют и т. д., т. е. не «стоят» в каком-нибудь отношении, а активно действуют, при помощи действия овладевают известными предметами внешнего мира и, таким образом, удовлетворяют свои потребности (они, следовательно, начинают с производства). Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того, как умножились и дальше развивались потребности людей и виды деятельности, которыми они удовлетворяются, люди дают *отдельные названия целым классам этих предметов* (курсив мой. *С. К.*), которые они уже отличали на опыте от остального внешнего мира». [1] На это свойство словесного наименования выражать отношения целых классов предметов, быть «особым (родовым) названием» (Маркс) обратил внимание в своих философских работах и Ленин, некоторые из высказываний которого следует привести. В своем конспекте «Истории философии» Гегеля, цитируя слова Гегеля, что «язык выражает в сущности лишь всеобщее; но то, что думают, есть особенное, отдельное. Поэтому нельзя выразить на языке то, что думают», Ленин замечает: «NB в языке есть только *общее*». А до этого Ленин пишет: «почему нельзя назвать отдельного? один из предметов данного рода (столов) именно отличается от остальных тем-то». [2] И на стр. 219 того же сборника Ленин заключает: «всякое слово (речь) уже обобщает», «чувства показывают реальность, мысль и слово общее».

Эта диалектика общего и единичного в языке (слово, будучи обращено на единичный предмет, выражает его связь, отношение, то, что обще ему с рядом других предметов), в общих чертах подмеченная еще в античной

[1] Архив Маркса и Энгельса, кн. V, стр. 388.
[2] XII Ленинский сборн., стр. 223.

философии, [1] у Гегеля прослеживается далеко не последовательно. Идеалист Гегель проводит принципиальную грань между «святым» философским языком и обычным, простым «мирским языком» (Profanensprache). Так, например, в «Малой логике» он утверждает, что предложения отличны от суждений, что в них-де определение не стоит в отношении всеобщности к подлежащему. [2] Напротив, Маркс, Энгельс и Ленин уничтожили эту искусственную перегородку между языком и философским языком, произвольно возведенную Гегелем. Ленин, анализируя диалектику отдельного и общего, так подытожил свой анализ: «Таким образом, в любом предложении можно (и должно), как в «ячейке», «клетчатке», вскрыть зачатки всех элементов диалектики, показав, таким образом, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика». [3]

Эти слова Ленина подлинно являются директивой для марксистско-ленинского языкознания. В каждом предложении должно вскрыть элементы диалектики, показать, что всему познанию человека вообще свойственна диалектика — это указание неоценимой важности, ибо оно вооружает лингвистику в борьбе с реакционнейшими установками идеалиста Леви-Брюля и ему подобных, которые, на основании предвзятого анализа языков, мифов и т. п. современных так наз. «первобытных» народов, делают в угоду своим империалистическим кликам вывод о принципиальном отличии сознания колониальных «цветных» народов от сознания народов «белых». [4]

Марксизм-ленинизм вскрыл несостоятельность еще одного гегелевского положения, относящегося сюда. Заметив общий характер словесного наименования, выражающего единичный предмет, Гегель сделал реакционный вывод, что между языком и действительностью лежит непреодолимая глубочайшая пропасть. «Нельзя выразить на языке то, что думают». «Это единичное вовсе не может быть высказано». [5] «Имя — случайность, и Sache selbst самую суть вещи не выражает (как выразить отдельное?)», — резюмирует Ленин эту мысль Гегеля. [6] Думают о единичных предметах, об отдельном, об особенном, а выражают их на языке как всеобщее, — не может свести концы с концами идеалист Гегель. С этих позиций он напа-

[1] Так, например, в платоновском диалоге «Филеб» Сократ говорит: «Мы утверждаем, что тожество единства и множества, обусловленное речью, есть всюду, во всяком высказывании, было всегда и прежде и теперь. Это не прекратится никогда и не теперь началось, но является, как мне кажется, вечным и нестареющим свойством нашей речи» (Платон, Творения, т. IV, изд. Academia, стр. 111).

[2] Гегель, Соч., 1929 г., т. I, стр. 275.

[3] XII Ленинский сборн., стр. 324. См. еще Ф. Энгельс, Диалектика природы, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 398.

[4] См. Леви-Брюль, Первобытное мышление, 1930 г.

[5] Гегель, Соч., т. X, стр. 33, 1932 г.

[6] XII Ленинский сборн., стр. 225.

дает на материализм. «Эта диалектика, — заявляет он, — непреодолима для того, кто утверждает, что чувственно сущее есть реальное». [1] И еще: «со здравым человеческим смыслом или со скептицизмом новейшего времени, или вообще с философией, утверждающими, что чувственная достоверность (то, что каждый видит, слышит и т. д.) имеет в себе истину и что существование вне нас чувственных вещей представляет собою истину, — с утверждающими это и не стоит, собственно, заводить споры, не стоит опровергать их доводами. Ибо достаточно только понимать их непосредственное утверждение, будто непосредственное является истинным, соответственно тому, что они высказывают; они именно всегда высказывают нечто другое, чем то, что они разумеют. Поразительнее всего то, что они и не могут высказать то, что они разумеют, ибо, если они говорят: чувственное, то это — всеобщее...» [2]

«Этим, — отвечает Ленин, — Гегель бьет всякий материализм, кроме диалектического». [3] «Гегель серьезно «верил», думал, что материализм, как философия, есть наука о мышлении, об общем, а общее есть смысл. Здесь он повторял ошибку того самого субъективного идеализма, который он везде называл «дурным идеализмом». [4]

Марксизм-ленинизм отверг эту идеалистическую и метафизическую предустановку, эту «ошибку (или слабость) мистика» (Ленин), показав, как совершается переход от действительности к сознанию, как сознание отображает конкретную действительность. Дело в том, что *общее* и *отношение* вовсе не являются субъективными порождениями человеческого разума или чистыми свойствами языка. Отношение не следует понимать идеалистически, отношение это действительная реальная связь различных явлений и вещей в природе. «Отношение, — пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — для философов — идея. Они знают отношение «человека» к себе самому и поэтому все действительные отношения превращаются у них в идеи» (53). Диалектика единичного и общего, это, следовательно, не специфическая особенность языка и мышления, а прежде всего объективная данная связь вещей в природе. Неверно, будто в действительности существует лишь отдельное и единичное. Отдельное в природе «не существует иначе, как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое

[1] Гегель, Сочин., т. X, стр. 33.
[2] Там же, стр. 104.
[3] XII Ленинский сборн., стр. 225.
[4] Там же.

отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)» (Ленин). [1]

Познавая посредством общих понятий единичное, люди шаг за шагом раскрывают конкретную действительность, в совокупности бесконечного количества ее свойств. «В понятиях человека *своеобразно* (это NB: *своеобразно и диалектически*!!) отражается природа». [2] Это своеобразие человеческого сознания и языка как раз в том и состоит, что познание *общего* является необходимой ступенью к познанию отдельного, конкретного. «Значение общего противоречиво, оно мертво, оно нечисто, неполно и т. д. и т. д., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов и т. д. дает конкретное в его полноте» (Ленин). [3]

Когда какой-либо предмет называется данным именем, в нем раскрывается некоторое, общее ему с данным рядом предметов свойство. Так, например, называя данный предмет «стулом», тем самым выражается то обстоятельство, что этому предмету присущ ряд свойств, уподобляющих его другим стульям, именно то, что он определенной формы, что на нем можно сидеть и т. д. Этим самым, однако, нисколько не называются те свойства данного стула, которые только и выделяют его из всей массы других стульев. Для того, чтобы этого достичь, следует называть одно за другим остальные свойства данного стула, общие ему с другими рядами предметов, например, то, что он деревянный, изготовлен тогда-то и там-то и т. д. Таким образом, называя вещь одним словом, мы называем лишь одну ее сторону, одно отношение данной вещи, лишь одну из ее бесчисленных связей. Познать вещь можно, однако, лишь в сумме ее отношений и связей. Поэтому процесс познания вещи есть процесс бесконечного вскрывания ее действительных связей или, грубо беря, бесконечный процесс правильного называния. Смешным донкихотством и нелепостью является поэтому мечта Штирнера найти одно такое слово, которое вобрало бы в себя все богатство определений (предикатов) вселенной. Это все равно, что из всего богатства словаря оставить одно словечко «это» или словечко «он» и, прилагая эти слова к любой вещи или любому человеку, воображать, что нет ученей человека в мире, ибо знаешь все вещи, как «это» и всех людей, как «его». Маркс и Энгельс остроумно и глубоко называют эту невежественную догадку Штирнера «смертью языка в языке».

«Санчо [т. е. Макс Штирнер. *С. К.*], — пишут они, — следующий по всем путям и перепутьям за философами, неизбежно вынужден иметь философский камень, квадратуру круга и жизненный эликсир, вынужден иметь «слово», которое, как таковое, обладало бы чудодейственной силой

[1] XII Ленинский сборн., стр. 325.

[2] Там же, стр. 237.

[3] Там же, стр. 229.

вывести из царства языка и мысли в действительную жизнь. От долголетнего общения с Дон Кихотом Санчо так набрался его духа, что не замечает, что эта его «задача», это его «признание» представляют попросту следствие веры в его увесистые философские рыцарские книги.

«Санчо начинает с того, что опять излагает нам господство Святого и идей в мире — на этот раз в новом виде господства языка или фразы. Язык, лишь только он обособляется, конечно, тотчас же становится фразой.

«На стр. 151 Санчо называет современный мир «миром фразы, миром, в начале которого было слово». Он подробно излагает мотивы своей погони за волшебным словом. Философская спекуляция стремилась найти *предикат*, который был бы настолько всеобщ, что заключал бы в себе каждого... Для того, чтобы предикат заключал в себе каждого, — каждый должен являться в нем в качестве *субъекта*, т. е. не просто, как то, *что* он есть, но и как тот, *кто* он есть» (стр. 152). Так как спекуляция «искала» таких предикатов, которые Санчо называл раньше призванием, определением, задачей, родом и т. д., то и действительные люди «*искали*» себя до сих пор «в слове, в логосе, в предикате» (стр. 153). Пока до сих пор в рамках языка стремились отличить одного индивида от другого просто как тожественное лицо, пользовались именем. Но Санчо не успокаивается на обыкновенных именах; так как философская спекуляция поставила перед ним задачу отыскать столь всеобщий предикат, чтобы он содержал в себе каждого в качестве субъекта, то он ищет философское, абстрактное имя, «Имя», которое превыше всех имен, ищет имя всех имен, имя, как категорию, которое, например, отличало бы Санчо от Бруно, а их обоих от Фейербаха, с такой же точностью, как их собственные имена, и в то же время было бы применено ко всем трем, так же, как и ко всем другим людям и (живым существам — нововведение), которое внесло бы величайшую путаницу во все вексельные отношения, брачные контракты и т. д. и покончило бы одним ударом со всеми нотариальными конторами и бюро гражданского состояния. Это чудесное имя, это волшебное слово, которое в языке есть смерть языка, этот предназначенный для ослов мостик (Eselsbrücke) [1] для перехода к жизни и высшая ступень китайской лестницы на небо есть — *Единственный*» (424—425).

Учение марксизма-ленинизма о диалектике общего и единичного в языке как отражении диалектики в природе осталось книгой за семью печатями для гнусного опошлителя марксизма, сверхмудреца и водолея, «от природы принадлежащего к племени филистеров» (Маркс), — Каутского. Со свойственной ему манерой легко и просто (с поддельной легкостью и с простотой, которая хуже воровства) касаться вещей, суть и глубина

[1] Eselsbrücke — шпаргалка, буквально мост для ослов.

которых остались от него сокрытыми, он выкладывает ворох плоских и путаных мыслей относительно характера связи языка и мышления:

«Способность к абстрактным представлениям также, однако, зависит от языка. Какой-то недостаток в языке привел, вероятно, к образованию первых понятий. В природе существуют *лишь* [!] единичные вещи, язык, однако, слишком беден, чтобы обозначить каждого индивида в отдельности. Человек вынужден в силу этого обозначать одним и тем же словом все сходные между собой существа. Этим самым он, однако, совершает, сам того не сознавая (unbewusst), научную деятельность, собирание сходного и выделение различного. Язык в силу этого стал не только органом договора (различных людей между собой, но также и органом мышления...» [1]

Эта выдержка может послужить образцом невежества и теоретической беззаботности. Здесь что ни слово, то перл. В конце главы мы увидим, что способность к общим понятиям появляется у людей не вследствие органического порока языка, а как достижение определенной стадии в развитии общественных производительных сил. Далее, неверно, что в природе существуют только единичные вещи, а общее и сходное в языке является лишь результатом невозможности давать различные названия каждому индивиду в отдельности. Ибо природа вовсе не представляет из себя кладбища застывших, неповторимых, не имеющих между собой общего и не переходящих друг в друга единичных вещей; «природа и конкретна и абстрактна, и явление и суть, и мгновение и отношение» (Ленин). [2] Диалектика общего и единичного в языке, в отдельном предложении и слове является, следовательно, не субъективной выдумкой, не человеческим домыслом к природе вещей, а пусть подчас искаженным, но «в целом, в причине, в итоге, в тенденции, в источнике» (Ленин) [3] отражением диалектики объективного, действительно существующего и развивающегося мира. Общее и отношение потому и существуют в языке, что они прежде даны как реальные свойства материи. Называние ряда единичных вещей одним и тем же словом и «собирание сходного» может иметь значение «научной деятельности» лишь потому, что под сходным в языке и понятиях кроются действительно общие и сходные свойства данного ряда вещей. С другой стороны, современное языкознание с неоспоримостью устанавливает, что звуковому языку в истории человечества предшествовал язык жестов, который, также как и звуковой, язык является «органом мышления». Но в отличие от звукового языка язык жестов на первой стадии его развития выражал непосредственно единичные предметы. Об этом подробно ниже. Каутский, следовательно, обнаружил полнейшее невежество,

[1] Karl Kautsky, Ethyk und materialistische Geschichtsauffassung, Berlin, 1930 г. (стереотипное переиздание), стр. 95—96.

[2] IX Ленинский сборн., стр. 248.

[3] Там же.

утверждая, что «язык слишком беден, чтобы обозначить каждого индивида в отдельности». Напротив того, самый бедный язык, язык на первых стадиях его развития, как раз и обозначает каждую вещь в отдельности. Утверждая, что «в природе существуют лишь единичные вещи», а «способность к абстрактным представлениям зависит от языка», Каутский по сути дела повторяет зады Гегеля, сходные высказывания которого мы уже привели ранее. Каутский, следовательно, не дал себе труда понять то принципиально и существенно новое, что внесли основоположники марксизма в освещение этого вопроса. Более того. Он отступает далеко назад и в сравнении с Гегелем, ибо там, где глубокий ум Гегеля отмечает ряд противоречий, действительное сцепление и переплетение которых он уразуметь не в силах, там Каутский проходит свободно и легко лишь потому, что все шипы и задорины этого сложного вопроса проходят сквозь его голову, словно через пустоту, не задевая там никакой материи и не порождая никаких забот.

Учение марксизма-ленинизма о диалектике общего и единичного в языке и сознании, впервые развернутое в приложении к языку в «Немецкой идеологии», дает основу для понимания истории и стадиальности словообразования.

Как известно, Н. Я. Марр открыл явление полисемантизма (многозначимости) первобытного слова, тот факт, что в первобытных языках одно слово имело самые неожиданные и, на наш взгляд, противоречивые значения. Одно и то же первобытное слово означало и имя первобытного коллектива, и каждого члена коллектива в отдельности, и территорию коллектива, и разные конкретные предметы на этой территории, и небо с облаками и птицами, и воду с тем, что в ней, и т. д. и т. д. Н. Я. Марр отмечает и более поздние стадии полисемантизма речи, например, стадию, на которой складывается осознание и словесное наименование руки, с которой связан комплекс различнейших значений, например, первичное понятие ремесла — рукомесла, власти, ума, различных аттрибутов матриархата и др. Все это прослежено на материале громаднейшего охвата. Анализ этих материалов в свете учения марксизма-ленинизма о слове помогает нам понять это явление, смысл которого несколько затемняется термином «полисемантизм» (многозначимость). Ибо отличие первобытного слова от современного вовсе не в том, что первобытное слово многозначно, а современное нет. Современное слово тоже многозначно: дом означает не только данный дом, но всякий дом, дом вообще. Слово всегда обобщает, слово всегда многозначно. В этой связи различие между словом в современном языке и словом первобытного языка в качественно иной многозначимости, в качественно ином полисемантизме. В своем конспекте фейербаховского «Лейбница» Ленин цитирует следующее чрезвычайно важное для нас место. Воспроизведем этот отрывок в том его виде, как он напеча-

тан в XII Ленинском сборнике с одобрительными замечаниями Ленина:

Лейбниц в «Новых опытах»: «Общность состоит в сходстве единичных предметов между собой, и сходство это является реальностью» (книга III, глава 3, § 11). «Но разве это сходство не чувственная истина? Разве существа, которых рассудок причисляет к одному классу, к одному роду, не одинаковым образом аффицируют мои органы чувств?... Разве для моего полового чувства — чувства, которое имеет также огромное теоретическое значение, хотя обыкновенно и оставляется без внимания в учении об органах чувств, — нет никакой разницы между женщиной и самкой животного? В чем же в таком случае заключается различие между рассудком и чувством или способностью к ощущениям? {*Хорошо сказано*!} Чувственное восприятие дает *предмет*, рассудок — *название* для него. В рассудке нет того, чего бы не было в чувственном восприятии, но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в рассудке находится лишь номинально, по названию. {NB}. Рассудок есть высшее существо, правитель мира, но лишь по названию, а не в действительности. {*Хорошо сказано*!} Что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в его целости» (195). [1]

Чрезвычайно важна заключительная часть этой цитаты. Слово, название есть «служащий для различения знак, [2] какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета». История языка показывает, что это *возведение признака предмета в название совершалось и совершается далеко не по личному произволу, что в различные времена различные признаки предметов ложились в основу их названия, что различные стадии в названиях различаются по тому, какой общий признак лежит в основе называния*. Проиллюстрируем это сравнение самой первой и современной стадии словообразования. Первобытный человек, называя все его окружающее несколькими словами, вовсе не путал один предмет с другим. Он отмечал в них лишь то сходное, что объединяло все предметы, их общий признак, а именно их принадлежность к тому или иному первобытному коллективу. Различные предметы назывались одним и тем же именем в том случае, если они принадлежали одному и тому же коллективному собственнику. Одинаковые предметы назывались различно в том случае, если принадлежали различным коллективам. Это обстоятельство формулировано Н. Я. Марром в различных работах. «Для яфе-

[1] XII Ленинский сборн., стр. 141.

[2] Выражение: «знак..., который я делаю представителем предмета», предоставляет некоторую возможность истолковать это место в духе теории иероглифов (См. В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, гл. IV, 6). Однако смысл всего отрывка восстает против такого толкования; знак понимается здесь не как внешний, условный знак, а как отражение «бросающегося в глаза» признака самой вещи.

тического языкознания, — пишет он в 1926 г., — анализ словаря устанавливает, что нет слова, которое не восходило бы к племенному названию, и в конце концов одно слово, примитивный звуковой комплекс, для данного коллектива-племени или его примитивно племенного слоя означало все, или, если исключить закрепление каждого такого слова за данным племенем, само по себе оно собственно ничего не означало». [1] В 1930 г. он пишет о том же: «На первичных стадиях звуковой речи ни имя, ни, следовательно, глагол не выражал (а в зависимости от наличного тогда мышления и не мог выразить) нечего абсолютного, вне соотношений с окружением, не было представления ни о чем, что не было во владении и пользовании коллектива или его производственно-социальных групп», которые Н. Я. Марр тогда еще некритически называл классами. [2]

В основе же современного называния (это особенно касается научной терминологии) лежит не признак пребывания данной вещи в чьем-нибудь владении, а самые разнообразные действительные, объективные отношения самых вещей. Название вещи меняют сейчас не тогда, когда она перекочевывает из рук оного собственника в руки другого, а тогда, когда обнаруживают иные объективные ее связи, чем те, которые у нее предполагали раньше. Так как наша речь в своем составе неоднородна, то сказанное здесь в отношении современного языка относится больше к области научной терминологии. Энгельс прекрасно выразил это в своем отрывке о «значении названий» из «Диалектики природы».

«В органической химии, — пишет он, — значение какого-нибудь тела, а, значит, также название его, не зависит уже просто от его состава, а скорее от его положения в том ряду, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы найдем, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено названием, указывающим этот *ряд* (*парафины* и т. д.)». [3]

Несомненно, таким образом, сколь различно то «общее», что лежит в основе названия в различные эпохи в истории человечества; несомненно, что только в свете учения марксизма-ленинизма о диалектике общего и единичного в языке по-новому освещаются важнейшие выводы и заключения яфетической теории.

Определив общие черты языка, Маркс и Энгельс переходят в приведенном в начале этой главы отрывке из «Немецкой идеологии» к дальнейшему выяснению конкретного содержания первобытного сознания. «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как только осознанным бытием».

[1] По этапам развития яфетической теории, стр. 331.
[2] Доклады Академии наук СССР, 1930 г., стр. 75.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 509.

Каково же то бытие, которое отражает первобытное сознание? Это, с одной стороны, «сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе»; «это в то же время сознание природы», «сознание ближайшей чувственной обстановки». Здесь чрезвычайно важно указание на взаимную связь отражения природы и общества в сознании первобытных людей. Предметы природы и общественные отношения появляются в сознании людей одновременно, как две неразрывные стороны одного и того же процесса. Это происходит потому, что люди приходят к сознанию природы не путем пассивного созерцания и абстрактной любознательности, также и не путем эстетического любования ее красотами, а в процессе активной непрерывной переделки природы, иначе говоря, в процессе своего общественного производства. Люди познают природу по мере того, как она вливается в жизнь общества, по мере производственного проникновения в ее таинственные свойства и силы, по мере все растущего «очеловечения» природы. В процессе своего производства люди накладывают на окружающие их предметы штемпель общественных отношений, так как производят они эти предметы в определенной общественной связи. «Предмет, как бытие для человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное поведение человека по отношению к человеку».[1]

Таким образом, с возникновением общества предметы природы выступают не только как обладатели определенных естественных свойств, но и свойств общественных, определяемых уровнем общественных отношений. Вещь является отныне не только конгломератом данных физических, химических, биологических и т. п. качеств, но еще и предметом коллективной либо частной собственности, продуктом свободного или рабского труда и т. д., точно так же, как человек выступает не просто как животный вид, а как общественный человек, как член определенного общества, первобытно ли коммунистического, рабовладельческого ли, феодального и т. д. Познавая предметы окружающей природы, беспрестанно раскрывая одно за другим их свойства, люди одновременно познают и те отношения, в которые они вступают в процессе своего совместного производства.

В первоначальном сознании эти две стороны: отражение природы и общества — выступают крайне расплывчато и нечетко. «Это начало сознания того, что индивид вообще живет в обществе», это — «чисто животное сознание природы». «Это начало носит столь же животный характер, как и общественная жизнь на этой ступени, оно чисто стадное сознание и человек отличается от барана лишь тем, что его сознание заменяет ему инстинкт». Причина этой слабой развитости первобытного со-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 63.

знания заключается в том, что «природа едва исторически модифицирована», что практический опыт, полученный человечеством в процессе своей материальной деятельности, еще ничтожно мал. Первобытное сознание смутно отражает ту начальную стадию в развитии общества, когда слабое развитие общества обусловлено ограниченным изменением природы и, наоборот, ограниченное изменение природы обусловлено слабым развитием общественных производительных сил. По мере роста общественно-производственной деятельности людей, по мере все растущего подчинения природы людьми, по мере того, как все значительней и шире становился круг захватываемых их деятельностью предметов, — знание людей о вещах проникает все глубже, все более проясняется, дифференцируется и уточняется в деталях. В этом беспрерывном процессе раскрывания свойств и связей окружающего мира — познание естественных отношений предметов и их общественных отношений, осознание природы в узком смысле слова и осознание общества, осознание человеком самого себя, как производящего в общественной связи и потому мыслящего субъекта, выступают неразрывно, как две стороны одной медали. Чем дальше в глубь веков, тем менее разграничены и четки эти представления людей, тем более сливаются и отожествляются они в их сознании и, наоборот — чем дальше от начального пункта истории, тем более отчетливо и ясно выступает осознание связей и различия природы и общества и выросшего в процессе производственной деятельности сознания. Эту тенденцию истории человеческого сознания гениально сформулировал Ленин в следующем, замечательном по краткости, яркости и глубине мыслей отрывке из конспекта гегелевской «Логики»:

«Перед человеком, — пишет он, — *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею».[1]

«Ступеньки выделения» человека из природы, познание человеком себя, как общественно-производящего и мыслящего субъекта, являются в то же время и ступеньками понимания мира. Дикарь, мало знающий мир, мало знает и общество и выросшее в обществе сознание, дикарь потому не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, причем это выделение дается не готовым, а есть долгий и мучительный процесс восхождения со «ступеньки» на «ступеньку».

Эти мысли Маркса и Энгельса о содержании первобытного сознания прекрасно подтверждены данными нового учения о языке.

Предшествующее изложение показало, что звуковые слова, на первой стадии развития обращенные на реальные предметы, сигнализировали от-

[1] IX Ленинский сб., стр. 41.

ношение общественного бытия этих вещей, факт их принадлежности к тому или иному первобытному производственному коллективу. Таким образом, уже в первых словах природа и общество отражаются неотделимо друг от друга, уже в первых словах, бессознательно для первобытных людей, заключено отражение того факта, что люди, изменяя природу, становятся в определенные общественные отношения и накладывают на вещи отпечаток этих отношений. Эта «природа» первобытного сознания остается для первобытного человека таинственной и непознанной, точно так же, как она представляет собою неразрешимую загадку для современных языковедов идеалистического и вульгарно-материалистического толка. Не зная корней и границ своего сознания, первобытные люди переходят в своем словоупотреблении за эти границы, вкладывая в свои слова произвольное фантастическое содержание. Палеонтологический анализ языка, произведенный Н. Я. Марром, и данные мифологии, донесшей до нас пережитки первобытного мышления, показывают, что первобытные люди склонны были в своем сознании соотносить к тому или иному производственному коллективу и предметы, не находившиеся в действительном его владении. Все то, что так или иначе связано с коллективом, территория, на которой живет коллектив, всякое животное, растение, звезды, солнце и луна, все представляется первобытному сознанию, как находящееся в его владении. Однако, при всем многообразии первобытного словоупотребления, значение первобытных слов остается одним, — они указывают на общественную функцию предметов природы, на их (действительную или мнимую) принадлежность к той или другой первобытной группировке. Эту первичную фазу в возникновении звуковой речи Н. Я. Марр называет «космической». Основание для такой ее характеристики заключается в том, что первобытные люди своими «групповыми» или, иначе, тотемными словами обозначали все то, что так или иначе входило в их маленький мирок или космос. Однако, поскольку это наименование позволяет смешивать это начальное мировоззрение с позднейшими космическими представлениями, расцветающими на базе развитого скотоводства, земледелия, мореплавания и т. д., поскольку, далее, несмотря на указание на первичную диффузность и недифференцированность сознания, утверждается, что в первичном значении первобытных слов выступает — «небо», — этот термин оказывается не совсем удачным. Впрочем, здесь речь идет об общем вопросе о материальных предпосылках возникновения звукового языка у Н. Я. Марра, разбору которого посвящен конец настоящей главы.

Сейчас необходимо остановиться на вопросе об идеализме в первобытном сознании. В начале этой главы приведено место из «Немецкой идеологии», где Маркс и Энгельс характеризуют первобытное сознание природы как религиозное, как «природную религию». Где же причина этого рели-

гиозного затемнения сознания природы? Причина в том основном для первобытного общества факте, что «природа едва исторически модифицирована», корни — в слабом развитии общественного производства и тем самым в слабом развитии сознания. Общественная практика на той ступени ничтожно мала для того, чтобы люди научились безошибочно пользоваться таким тонким орудием, как слово или представление и понятие, правильно определять границы их приложения. Выше было показано, как люди склонны вкладывать в свои понятия фантастическое содержание. Не в силах уразуметь общую природу своих понятий и слов-оборотней, они фетишизируют их в виде таинственных вездесущих существ. Эту связь первобытного сознания и идеализма и — что для нас здесь особо важно — связь языка и идеализма развивает Ленин в заметке о первобытном идеализме:

«Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и «нумен», непознаваемая «вещь-в-себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, логос, бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (=религии) *даны* уже *в первой, элементарной* абстракции («дом» вообще и отдельные домы).

«Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете=бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек фантазии».[1]

Здесь первостепенно важно отметить замечание Ленина, что «раздвоение познания человека и возможность идеализма (=религия) *даны* уже в *первой, элементарной* абстракции». Эта возможность, следовательно, дана и в первобытном слове. Эта возможность является правилом в условиях первобытного производства, ибо менее всего умы первобытных людей были в состоянии заметить совершающееся в пределах первобытного слова превращение понятия в фантазию. Это незаметное, несознаваемое превращение понятия в нелепость есть, таким образом, следствие «ребячества», низкого уровня производительных сил, «отрицательно экономических причин» (Энгельс). С расколом общества на классы эти незаметно возникшие фантазии использовываются и развиваются господствующими эксплуататорскими классами как орудие угнетения, как средство

[1] XII Ленинский сб., стр. 337—339, конспект «Метафизики» Аристотеля.

господства, поддерживаются и развиваются долго еще даже после того, как человеческая практика и наука доказали абсурдность и никчемность религии.[1]

Наличие элементов идеализма в первобытном сознании не должно, однако, заслонить от нас тот громадного значения факт, что в первобытном сознании имелись и золотые крупицы примитивного материализма. Одна из основных ошибок современного исследователя первобытного мышления идеалиста Леви-Брюля как раз в том и состоит, что он своеобразно «смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому» (о недопустимости такого смешения см. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, добавл. к § I, гл. IV). Имея крайне смутное представление об этих противоположностях, Леви-Брюль метафизически противопоставляет «логическое» (метафизическое) мышление цивилизованных народов мышлению «дологическому» (первобытнодиалектическому), сохранившемуся пережиточно в мифах, обычаях, сказаниях и т. п. так наз. первобытных народов, как мышление материалистическое (по терминологии Леви-Брюля—«научное», «объективное») мышлению идеалистическому. Согласно его характеристике, логическое мышление целиком совпадает со знанием, всегда является «обладанием объекта», всегда «объективирует вне себя, как нечто чужое, то, что подлежит сознанию», иначе говоря, предполагает существование объекта независимо от сознания и, следовательно, материалистично. Сущность же первобытного «пралогического» мышления он видит в том, что помимо того, что оно не знает метафизических абсолютных противоположностей, ему свойственно «интимное обладание объектом», иначе идеалистическое отожествление объекта и сознания. Для того, чтобы сделать свою мысль более ясной, Леви-Брюль прибегает к помощи чрезвычайно поучительного в этом отношении рассуждения о боге:

«Достаточно рассмотреть, — пишет он, — один объект, бога, например, как его рассматривает и исследует логическое мышление и как он дан в коллективных представлениях иного строя. Рациональная попытка познать бога одновременно как будто и соединяет мыслящего субъекта с

[1] Оставив для особой работы детальное освещение вопроса о происхождении религии, как оно рисуется в свете этих высказываний Маркса, Энгельса и Ленина, здесь следует ограничиться предварительным замечанием о том, что эти взгляды в корне расходятся с анимистической теорией происхождения религии Плеханова, Кунова и др. Основной ошибкой этих меньшевистских историков религии является то, что, повторяя зады буржуазной науки о религии, они считают первичной стадией в религии сравнительно позднюю ее стадию — анимизм. Отвлекаясь от общей связи религии и сознания, проходя мимо того факта, что *возможность* религии дана в *каждой* абстракции, они видят связь религии с сознанием лишь на одной его ступени, с сознанием особого рода — анимизмом, и в этом начало всех их идеалистических либо механистических ошибок.

богом и отдаляет от него. Необходимость подчиняться логической дисциплине противополагает себя партиципациям между человеком и богом, не могущим быть представленными без противоречия. Таким образом, познание бога приводит к нулю. А, между тем, какая нужда в этом рациональном познании у верующего, чувствующего себя соединенным со своим богом? Разве сознание сопричастности своего существа с божественной сущностью не дает ему такой уверенности, по сравнению с которой логическая достоверность остается всегда чем-то бледным, холодным и почти безразличным?»[1]

Итак, логическое мышление приводит познание бога к нулю, оно атеистично и материалистично; первобытное же мышление, согласно Леви-Брюлю, предполагает «сопричастность с высшим существом», иначе—оно религиозно и идеалистично. Леви-Брюль, однако, не в состоянии свести концы с концами при помощи этой своей теории: он натыкается сплошь и рядом на «упорство» фактов, свидетельствующих о том, что, с одной стороны, самый отсталый дикарь в целом ряде случаев действует вполне «научно», а, с другой, о том, что и сознание цивилизованных европейцев далеко не свободно от элементов «мистики». Во избежание противоречий идеалист вынужден констатировать факт сожительства двух, по его мнению — противоречивых, типов мышления в одной черепной коробке. Тем самым он незаметно для себя, сам того не сознавая, несколько приближается к истине о взаимной связи материализма и идеализма. Ибо марксисты видят в этом вопросе разницу между первобытным и современным сознанием не в том, что первое насквозь идеалистично, а второе сплошь материалистично. Разницу эту они видят лишь в пропорции идеализма и материализма, фантазии и науки на каждой ступени сознания. Сюда, без сомнения, относится вывод, сформулированный Лениным в отношении древнегреческой философии Пифагора: «Связь зачатков научного мышления и фантазии на подобие религии, мифологии. А теперь? То же, та же связь, только пропорция науки и мифологии иная». [2]

Сейчас следует остановиться на вопросе о том, на какой стадии развития общественного производства возник язык. В своих заметках на книгу Адольфа Вагнера Маркс четко формулирует эту стадию:

«На известном уровне дальнейшего развития, после того, как умножились и дальше развивались потребности людей и виды деятельности, которыми они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличали на опыте от остального внешнего мира. *Это необходимо наступает, так как в процессе производства, т. е. в процессе присвоения этих предметов, люди постоянно нахо-*

[1] Первобытное мышление, стр. 319.
[2] XII Ленинский сб., стр. 179.

дятся в трудовой связи (werkrätiger Umgang) *друг с другом и с этими предметами и вскоре начинают также борьбу с другими лицами из-за этих предметов* [курсив мой. *С. К.*]. Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи (а такое предположение вытекает необходимо из наличия речи), определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей. Люди дают этим предметам особое (родовое) название лишь потому, что *им уже известна способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей и что они стараются при помощи более или менее часто повторяющейся деятельности овладеть ими и сохранить их в своем владении*»[1] (курсив мой. *С. К.*)

Таким образом, выясняя вопрос о происхождении языка, Маркс подходит к нему со стороны общего характера слова. Маркс определяет все те предпосылки и причины, которые определяют особенный, родовой, общий характер слова. Это прежде всего *общественное* производство. Это, вместе с тем, ознакомление в процессе этого производства с общими свойствами целых групп предметов, ибо не «одно имя является общим у предметов» (263), а имя, если оно правильно употреблено, фиксирует действительно общие ряду предметов свойства. Это, наконец, — и на это последнее обстоятельство следует обратить особое внимание, — то, что «люди вскоре начинают борьбу с другими лицами из-за этих предметов», что люди стараются сохранить предметы в своем владении, другими словами, то, что люди в процессе первобытной хозяйственной деятельности приходят к сознанию собственности, сначала собственности коллективной.

Эта обусловленность появления сознания «*общего*» процессом возникновения собственности в путях первобытного производства, возникновения обмена и общественного разделения труда, коротко намечена Марксом и Энгельсом еще в «Немецкой идеологии»:

«Вместе с разделением труда, — пишут они, — дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», а прежде всего в действительности, в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд» (22; 23).

На место фигурирующей в этом отрывке «семьи», согласно позднейшим указаниям Энгельса (см. примечание Энгельса к 3 изд. «Капитала» Маркса)[2] должно поставить первобытнокоммунистическое сообщество,

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, стр. 388.

[2] Т. I, раздел «Разделение труда в мануфактуре и разделение труда в обществе», гл. XII (K. Marx, Das Kapital. Besorgt vom Marx-Engels-Lenin Institut, I т., I кн. М., 1932 г., стр. 368.

развившееся в род, из недр которого лишь впоследствии вышла современная семья. Таким образом, еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс объяснили возникновение сознания *общего* из реальных противоречий, которые возникли и внутри первобытного коллектива и на его границе с соседними общинами.

Различные вопросы происхождения языка, как они рисуются в свете фактов и выводов яфетической теории, затрагивались уже попутно ранее. Теперь нужно остановиться на общей картине возникновения речи, существенно дополняемой этими новыми материалами. По мысли Маркса и Энгельса, — особенно это ярко выступает в приведенном здесь отрывке из заметок о книге Адольфа Вагнера, — в начале истории людей лежит полоса, в течение которой люди в путях своего производства дорабатываются до сознания собственности. До этого момента люди, будучи уже в состоянии различать окружающие их предметы, с которыми они сталкивались в процессе добывания средств к жизни, не дают все же предметам общие, родовые названия. Заслуга яфетической теории в том, что она заполнила эту огромную полосу, лежащую между инстинктом животного и сознанием общего, возникшим на сравнительно поздней стадии в развитии людей. Привлечением многочисленных материалов Н. Я. Марр доказал, что между бессловесным человеком-зверем и началом звуковой речи лежит огромный период, когда человечество выработало и пользовалось в своем обиходе речью жестов, главным образом ручных. Этим самым вопрос о возникновении звуковой речи конкретизируется и развивается в существеннейших деталях.

Однако выдвинутый Н. Я. Марром тезис, что «звуковая речь возникла на стадии уже космического мировоззрения»,[1] дает кое-кому основание, исходя из неправильного толкования Н. Я. Марра, датировать возникновение звуковой речи эпохой развитого скотоводства и земледелия и вступить таким образом в противоречие с Марксом и Энгельсом, которые, как мы уже видели, связывали вопрос о происхождении языка с вопросом о начале осознания коммунистической собственности, сложившейся на гораздо более ранней ступени общественного развития. Мы несколько подробнее осветим этот вопрос, ибо чрезвычайно важно показать, как замечательно оправдываются фактами современной науки основные выводы Маркса и Энгельса о происхождении языка, в основных чертах гениально сформулированные еще в «Немецкой идеологии».

Психолог В. Вундт в своей «Völkerpsychologie»[2] указывает на принципиальное различие между языком жестов и звуковым языком. Звуковое слово, согласно Вундту, является адекватным символом предмета, жест

[1] Н. Я. Марр, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, 1931 г., стр. 48.

[2] T. I. Die Sprache, I, 4-е изд., стр. 182—183.

же выражает предмет непосредственно через какой-либо внешний его признак. Из трех ступеней, через которые проходит язык жестов, как указывает Вундт, — жесты указательные, изобразительные и символические, — последние уже находятся вне собственной категории жестов и стоят по своему характеру ближе к звуковому языку. Эта генетическая классификация, в основном верно выражающая направление и основные стадии в развитии языка жестов, у Вундта затемнена, однако, непониманием производственных корней языка жестов и вытекающих из этого некоторых его особенностей.

Первая стадия в развитии языка жестов — жесты указательные — в зачаточной форме наблюдается, как отмечает Вундт, и в животном мире. У людей эти жесты перестают быть спорадическими и становятся распространенным средством общения, так как несоизмеримо более сложная производственная деятельность людей, с начала своей истории связанная с изготовлением и употреблением орудий труда, с необходимостью вызвала более тесное сплочение, сотрудничество и общение производящих индивидов. Указательный жест непосредственно вырастает из действия. Указание по своей природе — незаконченное, почему-либо неудавшееся действие. В условиях коллективной жизни это неудавшееся действие становится указанием, так как оно воспринимается окружающими как призыв о помощи, как просьба о содействии. В искусственных условиях лаборатории на Тенерифе W. Köhler'у[1] удалось наблюдать следующие указательные жесты у человекоподобных обезьян: обезьяна, стремящаяся получить бананы, делает ряд хватательных движений; или обезьяна, желая, чтобы ее сопроводили другие ее товарищи, тянет их за руку, толкает их, делает шаги по направлению к цели, т. е. пытается проделать желательные ей действия. Эти незавершенные, не достигшие своей цели действия становятся указаниями, т. е. схватываются, понимаются окружающими обезьянами, так как им свойственны те же стремления и минимальные

[1] Жест тем похож на звуковое слово, что как один, так и другое в противоположность аффективному крику выражает не субъективное состояние, а находящийся вне говорящего объект. W. Köhler в работе «Zur Psychologie der Schimpansen» (Psychologische Forschungen, Berlin, 1921, I т.) замечает, что «фонетические элементы обезьян ничего объективного, находящегося вне субъекта, не выражают», и добавляет: «с мимикой и жестами животных дело обстоит подобным же образом: ничто из этого не обозначает объективного и не имеет «функции изложения» (Bühler). Это на стр. 27. А на стр. 29 он, в полном противоречии с предыдущим высказыванием, пишет: «так же, как и чувственное проявление субъективного состояния, шимпанзе понимают взаимно в общем без труда и выражения желания или стремления, поскольку эти динамические проявления или назначения направлены от шимпанзе на ему подобного или когда они направлены на другое существо или предмет». В дальнейшем он приводит многие примеры подобных, направленных на внешний объект, имеющих «функцию изложения» жестов.

навыки стадной солидарности. Более сложная практическая деятельность и несравненно более развитая солидарность первичного человеческого общества или стада в гораздо большей степени обеспечивали понимание указательного жеста. Таким образом, указание есть абстракция в том смысле, что здесь действие оказывается отвлеченным от своего постоянного содержания, от своей основной функции и через то приобретает особую функцию служить заместителем, отражением действия, функции жеста. Наиболее активный орган человеческого действия или воздействия на окружающую природу — рука — становится и основным, преимущественным органом языка жестов, преимущественным, но не единственным, так как мимика и телодвижения постоянно сопровождают жест.

Указание по своей природе противоречиво. Выросшее из действия, оно, также как и действие, непосредственно направлено на отдельный объект, не сопоставляя и не выражая его отношения к другим предметам. Указание выражает предмет через посредство самого же, рядом находящегося, предмета. Следовательно, будучи направлено на предмет, указание всегда единично. Вне данной, конкретно указуемой вещи, за пределами ограниченного поля зрения, слуха и т. д., указание становится настолько всеобщим и неопределенным, что лишается всякого смысла. В этом отличие указания от слова, сказанное в отношении какой-либо вещи выражает эту вещь в ее связи с другими вещами (говоря языком гегелевской логики — выражает бытие этого предмета для другого). Поэтому и вне непосредственной данности предмета слово сохраняет определенный, хотя и абстрактный, смысл (данный «стул» и «стул» вообще). Указание же сигнализирует предмет, как таковой, вне его конкретных связей (указывает «наличное бытие» предмета), поэтому вне непосредственно данных предметов оно становится расплывчато и абстрактно до крайности. Среди слов указанию, пожалуй, сродни самое общее слово «это»,[1] все есть «это». «Это» имеет смысл лишь в конкретной обстановке. Само по себе оно имеет лишь крайне смутное содержание. Замечу в скобках: по-идеалистически нечетко этот анализ указательного жеста, как единичного, предвосхитил Гегель. В «Науке Логики» он следующим образом развивает на присущем ему языке понятие единичного: единичное это «внешность непосредственного. *Это есть*; оно *непосредственно*; но оно есть *это*, лишь поскольку оно *указано*. Указывание есть рефлектирующее движение, которое совпадает с собою и полагает непосредственность, но как нечто внешнее себя. Единичное, правда, есть также это, как и восстановленное из опосредствования непосредственное; но оно имеет непосредственность не вне его, оно само есть отталкивающее отделение, *положенное отвлечение*, но в своем отделении само есть положительное отношение». [2]

[1] XII Ленинский сб., стр. 223.

[2] Наука Логики, пер. Дебольского, ч. II, М., 1929 г., стр. 36.

Вторая стадия в развитии языка жестов — жесты изобразительные — появляется как непосредственное продолжение первой. В процессе многократно повторяющейся деятельности действия людей все более специализируются и упорядочиваются, с определенными процессами связываются все более определенные движения, и, как результат этого указания на действие, жесты, повторяющие действие, начинают принимать некоторый более определенный и общий смысл. Ввиду большего практического опыта людей на данной стадии, ввиду их большего знакомства с процессами практического овладения окружающими их предметами и развития памяти становится возможным некоторое отвлечение от непосредственно данной обстановки. При помощи изобразительного жеста, т. е. путем повторения какого-нибудь действия, в основных своих чертах уже знакомого собеседникам, можно уже рассказать о былом или о желаемом. Однако в каждом таком жесте имеется и то новое, особенное, о чем желает сказать собеседник, то частное, что выделяет данное действие из ряда ему подобных (например, указание на место действия, действующих лиц и т. д.). Характеризуя жест на изобразительной стадии, Вундт отмечает, что к нему зачастую придается сопровождающий жест, который оттеняет случайные, особенные признаки действия или предмета. Вундт, однако, ошибается, когда он, замечая, что в изобразительном жесте заключается одновременно и момент всеобщности и момент единичности, заключает, что эти моменты существуют не в тесной связи, и произвольно расчленяет изобразительный жест на общий (пластический и очертительный) и единичный (сопроводительный). Дело в том, что человечество на этой стадии до общего жеста еще не доработалось. Процесс говорения состоял тогда вовсе не в том, что, обладая каким-то не весть откуда взявшимся словарем общих жестов, люди применяли отдельные общие жесты, для понятности сопровождая их уточняющими сопроводительными жестами. Таким расчлененным понятиям неоткуда было взяться еще в то время. Процесс говорения состоял в том, что люди воспроизводили цельное действие со всеми его нерасчлененно выступающими общими и единичными действиями, что люди передавали запечатленную в их памяти картину, не оперируя готовыми понятиями, как мы словами, а совершая все имеющие быть изображенными действия в их естественной последовательности. Изобразительный жест является, таким образом, жестом частным, особенным, в котором уже закончены некоторые моменты общего порядка. Если искать сходного в языках жестов у современных так наз. «первобытных» народов, то мы его найдем не в таких отвлеченных мнимо-изобразительных жестах (как, скажем, кругом сомкнутые пальцы для обозначения солнца и т. д.), а в встречающейся пантомимической передаче целого действия. Когда дикарь целиком повторяет операцию, как он, наклонившись, напился воды из ручья, черпая ее горстью, то тут еще далеко до опериро-

вания разрозненными отвлеченными понятиями, как «пить», «вода», «ручей», хотя, несомненно, все эти понятия в зачаточном виде имеются и в этом пантомимическом воспроизведении.

Переход от стадии частного изобразительного жеста к третьей стадии жеста общего или символического составляет для Вундта непреодолимую трудность, даже в рамках его идеалистического, в значительной мере освобожденного от необходимости строго считаться с действительностью изложения. Совершающееся до сих пор «естественное» развитие обрывается, и Вундт выбирает два пути обхода очутившейся перед ним пропасти, не решаясь проследить имевший место в действительности «скачок»: с одной стороны, он говорит о постепенном, незаметном отклонении жестов от своих непосредственных значений, пока за ними не закрепляется «случайное» символическое значение (например, вытянутая ладонь в значении «тишина»), затирая эволюционистской замазкой развернувшуюся в его построении щель, с другой — он допускает возможность произвольного изобретения жестов-символов,[1] пуская, таким образом, ко дну свое намерение проследить «естественные» пути развития языка. Действительная трудность теоретического перехода заключается здесь в том, что, как показывает анализ данных языка, прямого перехода от жеста изобразительного к символическому не существовало, впервые в значении общего выступает звуковое слово, общие же или символические жесты зарождаются лишь при посредстве звукового языка, как позднейшая передача новых, в пределах звуковой речи народившихся слов-понятий средствами языка жестов, как новое употребление старых указательных и изобразительных жестов-действий, ставшее возможным лишь значительно позже того, как возникла звуковая речь.

Итак, на ступеньку общего понятия или слова человечество взбирается не непосредственно со ступеньки жеста изобразительного, а совершив отступление и предварительно перебравшись на позиции звукового материала. Это отступление совершилось, однако, не сознательно, а стихийно. Выше было изложено, как объясняют Маркс и Энгельс возникновение звуковой речи; был приведен отрывок из заметок Маркса на книгу Адольфа Вагнера, где Маркс объясняет возникновение особых, родовых или общих наименований из того, что на известной ступени развития в процессе деятельности уже познавшие ценность многих окружающих их предметов люди приходят к сознанию коллективной собственности на эти предметы.

В связи с этим чрезвычайно длительным и мучительным процессом первичного осознания собственности сложилась звуковая речь. Люди научились сначала практически, а затем и теоретически отличать один

[1] См. стр. 234 назв. сочинения.

коллектив от другого, и самих себя воспринимать как членов определенного коллектива. В память врезываются различные случайные и неслучайные признаки, отличающие один коллектив от другого, среди этих признаков и аффективные крики, вырабатывающиеся в процессе совместной жизни коллективные сигналы. Первобытные люди в пантомимическом воспроизведении чужого коллектива среди остального воспроизводили и звуки, характерные для того коллектива. В функции называния и сигнализации собственности звуковая сторона скоро становится преобладающей, стержневой частью пантомимического жеста. Дело в том, что новый общественный феномен — собственность — в широком масштабе загадал людям противоречивую загадку общего. С осознанием собственности весь мир начинает в их глазах двоиться. За каждым встреченным предметом скрывается какой-то неуловимый и таинственный обладатель — коллективный собственник. За каждым индивидом скрывается принадлежность к какому-то целому и общему. Общее пронизывает буквально все на территории данного коллектива, объединяет самые разнородные предметы и, вместе с тем, не является ни тем, ни другим, ни третьим в отдельности. При переходе одной вещи от одного коллектива к другому с нею происходит самая невообразимая путаница: в вещи изменилось самое главное, ее «душа», ее принадлежность к одному общему вытеснена принадлежностью к другому общему, но внешне она мало или совсем не изменилась. Будучи не в силах разгадать диалектику общего и единичного, дикарь фетишизирует это общее, представляет его в качестве таинственного единичного существа, тотема — первобытноидеалистическое искажение действительности. Наглядный изобразительный жест капитулирует перед обозначением этого таинственного феномена, звук побеждает благодаря меньшей своей наглядности, меньшей связанности с внешней оболочкой предметов.

Возникшая звуковая речь явилась, таким образом, средством обозначения возникшего представления об общем. Однако возникновение языковых слов было и отступлением в том смысле, что общее слово, пока оно сигнализировало лишь на собственность и тотем, как идеалистическое искажение понятия собственности, было крайне недостаточным для обозначения богатого мира многообразнейших предметов. Поэтому, несмотря на победу звука, жест еще долго служит надежным его подспорьем в речи, конкретизируя и уточняя его абстрактную неопределенность.

Здесь нет возможности подробно остановиться на развитии взглядов Н. Я. Марра по вопросу о происхождении языка; следует лишь отметить два последних этапа этого развития. В 1926 г. Н. Я. Марр, отмечая существование ручной речи задолго до нарождения звукового языка, писал по вопросу о возникновении звуковой речи:

«Самое очеловечение натурального животного звука должно было

произойти независимо от потребностей несовершенного ручного языка. Очеловечение животного звука могло последовать лишь по общественном его использовании в процессе или для коллективно устраиваемой забавы, или для коллективно совершаемой работы, одинаково массовым инстинктом направляемой и требовавшей для своего осуществления протяжного повторения животного звука, неизбежного подчинения его связному или прерывному течению производства.

«Это было, как мы теперь уже знаем, обращение к тотему, что явствует и из других обстоятельств. Им можно было выразить в звуках самый главный, самый нужный, впоследствии самый священный и сокровенный из имевшихся у человека образов и хотя бы в этом одном важнейшем случае заменить звуковым словом «руку». Повторность звукового комплекса являлась магическим средством»...[1]

В этом отрывке содержатся основные черты учения Н. Я. Марра о происхождении языка на пережитом им этапе. Здесь уже имеется и учение о позднейшем происхождении звуковой речи по сравнению с речью ручной, о магическом, чародейном характере этой речи и т. д. Существеннейшими недочетами этих взглядов были следующие моменты: 1) Вопрос о производственных корнях языка Н. Я. Марр понимал тогда несколько упрощенно, сосредоточивая свои поиски в сторону «определенного производственного труда», положившего начало творчеству членораздельной звуковой речи. 2) Заметив первобытноидеалистический характер первобытных слов, Н. Я. Марр на данном этапе отожествляет его со сравнительно поздним магическим заклинанием, выросшим в процессе действа особого слоя или группировки магов. Этим самым возникновение звуковой речи относилось к чрезвычайно поздней эпохе чрезвычайно дифференцированной общественной жизни. 3) Замену «руки» звуковым словом Н. Я. Марр понимает как буквальный перевод ручных понятий на звуковой язык, считая «руку» первым основным значением звуковых слов, значением, ставшим в центре словотворчества.

В работе Н. Я. Марра, вышедшей в 1930 г., «Стадия мышления при возникновении глагола 'быть',[2] в работе «Право собственности по сигнализации языка» и др. мы замечаем значительное продвижение Н. Я. Марра вперед от этих его положений. Анализируя историческую смену значений глагола 'быть', Н. Я. Марр замечает: «Здесь не место углублять семантическую сторону этого палеонтологически вскрытого положения (т. е. связи значений 'быть', 'иметь' с 'рукой'); она нас поведет также от нам привычного владения личного к первично-коллективному, следовательно, тотему, и тогда речевая техника выражения принадлежности

[1] По этапам развития яфетической теории, стр. 326.
[2] Доклады Академии наук СССР, 1930 г., стр. 73—78.

или владения окажется иной, вероятно, и без участия «руки». Однако здесь происходит встреча с вопросом о формации местоимения, увязанного генетически с происхождением собственности и ее терминологии. Сейчас первостепенно важно отметить, что на первичных стадиях развития звуковой речи ни имя, ни, следовательно, глагол не выражал (а в зависимости от наличия тогда мышления и не мог выразить) ничего абсолютного, вне соотношений с окружением, не было представления ни о чем, что не было бы во владении и пользовании коллектива или его производственно-социальных групп (классов), а надстроечно — тотема, пережившего в человечестве все стадии восприятия от диффузного (нерасчлененно коллективно-единого, общего) через коллективность (групповую) до единичности, с соответственными частично групповыми (социально дифференцированными) воплощениями его магических сил, впоследствии отложившихся в классовых (еще позднее абстрактно, грамматически - родовых) показателях имен».

Таким образом, отвергая значение «руки» в качестве первичного значения звуковых слов, Н. Я. Марр приходит здесь к замечательной мысли о возникновении звукового языка в путях нарождения коллективной собственности. Нет надобности останавливаться на неверном употреблении термина «класс» в этом контексте, о чем неоднократно уже писал сам Н. Я. Марр. Открыв взаимную неразрывную связь вопросов о происхождении местоимения и звукового языка вообще, Н. Я. Марр, как мы видели, пришел в этом вопросе к выводам, аналогичным тем, которые Маркс и Энгельс сформулировали в основном еще в «Немецкой идеологии».

Нельзя также не отметить некоторой недомолвки, могущей привести к неверным истолкованиям проблемы связи развития собственности и языка. Резюмируя свою работу «Право собственности по сигнализации языка», Н. Я. Марр пишет:

«1) Собственность ведет свое начало от дородового состояния производственно-социальной группировки человеческих коллективов, но тогда собственность по нашим понятиям вовсе не собственность, это собственность тотемическая, без какого-либо представления даже о той или иной групповой природе собственности и вместе с тем коммунистическая, разумеется, первобытнокоммунистическая. И тогда не было не только местоимений, но и вообще звуковой речи.

«2) Собственность меняет свое содержание, становясь достоянием той или иной группы общего коллектива и еще более меняет свое содержание, когда она обращается в частную или индивидуальную собственность, но на всех стадиях собственность продолжает сохранять свое название: в начале «тотем», трудмагический «собственник», потом соответственно в языке нарастают местоимения, начиная с 3-го лица возвратного или лич-

ного общего и проходя в первые два лица, сначала классово-коллективные (по грам. схеме, мн. число), затем индивидуальные, личные или частные, однако местоименные формы возникают не вслед за собственностью, а раньше, вызываемые к жизни другими потребностями производства и производственных отношений».[1]

В этом отрывке не говорится прямо о связи возникновения языка с возникновением собственности. Здесь утверждается даже, что было время, когда существовала дородовая коммунистическая собственность, но языка не было, но, с другой стороны, и собственности в нашем смысле не было. От дородовой «собственности» Н. Я. Марр переходит к собственности родовой, на которой, очевидно, и возникает впервые понятие о «тотеме» «трудмагическом собственничестве» или как бы первое выраженное в слове сознание собственности.

Некоторая кажущаяся упрощенность такой схемы может создать впечатление противоречивости ее высказываниям Маркса. Для уточнения ее воспользуемся следующим указанием Маркса из введения к «К критике политической экономии»:

«Гегель, — пишет Маркс, — правильно начинает философию права с владения, как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Поэтому было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владеют*, но не имеют *собственности*. Более простая категория выступает, таким образом, как отношение первичных семейных или родовых сообществ и собственности. В более развитом обществе она выступает как более простое отношение развившегося организма. Однако более конкретный субстрат, отношение которого есть владение, постоянно предполагается. Можно представить себе владеющим единичного дикаря. Но тогда владение не есть правоотношение. Неверно, будто владение исторически развилось в семью. Наоборот, оно всегда подразумевает эту «более конкретную правовую категорию». Но, между тем, здесь остается доля истины, а именно, что простые категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения или связи, которые идеально выражаются в более конкретной категории, в то время как развитая конкретность сохраняет эту же категорию как подчиненное отношение». [2]

В начале истории человечества лежит, следовательно, громадная полоса, когда первичные человеческие стада или группы, уже изготовляющие простейшие орудия труда, «еще только владеют» определенными

[1] Сб. «На боевом посту», стр. 383.

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, 1932 г., стр. 27—28.

предметами на определенной территории, «но не имеют *собственности*». В процессе этого владения они минимально познают или узнают окружающие их предметы, свойства окружающей их природы и вырабатывают примитивнейшие средства общения — указательные и изобразительные жесты. Следующая ступень образования общинной и групповой собственности приводит к возникновению членораздельной звуковой речи.

Здесь следует еще раз остановиться на вопросе о космическом мировоззрении, которое Н. Я. Марр считает той стадией мышления, при которой возникла звуковая речь. Это положение Н. Я. Марра также не может быть принято без оговорок. В этом тезисе о космическом мировоззрении заключена та истина, что понятие тотема на первой фазе развития языка имеет мало общего с развитым тотемизмом, когда каждая производственная группировка, благодаря уже развитому общественному разделению труда, отображает в сознании в ее тесной связи ту стадию в господствующем способе производства (например, охота на медведя, — тотем «медведь» и т. п.), в которой она находится. В начале понятие тотема, мало определенное в своем значении, случайное, неустоявшееся и лишь только в этом смысле «космическое». Слово это, однако, мало подходит, ибо всем своим содержанием оно тянет к позднейшим стадиям в мышлении человека, когда на базе развитого скотоводства, земледелия, мореходства и т. д. складываются, с одной стороны, минимальные геофизические, астрономические и др. знания, а с другой — культы космических тел.

Таким образом, мы видим, как, за вычетом оговоренных мест, факты и выводы яфетической теории блестяще подтверждают те выводы, которые Маркс и Энгельс сделали по вопросу о происхождении языка впервые в «Немецкой идеологии», почти за 90 лет до наших дней. Мы видим, с другой стороны, как, несмотря на то, что с тех пор наука двигалась вперед и накопила горы новых материалов, гениальные мысли Маркса и Энгельса, благодаря своим глубоким корням в действительности, благодаря их великой почвенности, сохранили по сию пору всю свою свежесть, силу и действенность для правильного понимания этого вопроса, для марксистско-ленинских обобщений новых фактических данных, для марксистско-ленинской перестройки науки.

3. Вопросы истории языка

В этой главе суммируются те отрывки из «Немецкой идеологии», которые освещают вопросы взаимоотношения языка и отдельных форм идеологии, классового языка и истории национального языка. Не только способом решения, но уже самой постановкой этих вопросов Маркс и Энгельс совершили решающий перелом в развитии науки о языке. Ибо о каком взаимоотношении языка с отдельными идеологическими обла-

стями могла итти речь в буржуазном языкознании, которое в течение XIX в. все больше и больше отходило от изучения *содержания* в языке, углубляясь в доведенные до звукоедства физиологические и акустические исследования речи? Что могли буржуазные лингвисты выявить классового в языке, если язык рассматривался ими как явление не общественного, а скорее натуралистического порядка? А в смысле выявления действительной истории национального языка что дало оно, помимо тощей внеисторической абстракции «национального духа», витающего над всеми эпохами в развитии языка, как элогимы над пустынными водами в начале мироздания?

Нужно начать с рассмотрения места языка в общей системе идеологии.

Как уже было указано, на первых ступенях общественного развития язык выступает как цельная недифференцированная область сознания. В дальнейшем с развитием общества из языка выделяются одна за другой отдельные отрасли идеологии. Непосредственной предпосылкой этой дифференциации является разделение физического и умственного труда. С выделением особого слоя идеологов расщепляется до того единое сознание. Отдельные отрасли сознания противопоставляются с этого времени обычному практическому сознанию простых смертных.

«Это баранье или племенное сознание (Stammbewusstsein), — пишут Маркс и Энгельс, — получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом — разделением труда, совершавшимся само собой, «естественно возникшим» («naturwüchsig»), благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д., и т. д.[1] Разделение труда становится действительным разделением труда лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может действительно* вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» (20—21; 22).

В той мере, в какой разделение умственного и физического труда совершается в доклассовом первобытнокоммунистическом обществе, мы наблюдаем и здесь этот процесс выделения «чистой» теории из области

[1] В переводе Юшкевича это предложение гласит: «Вместе с этим развивается и разделение труда, бывшее первоначально лишь разделением труда в половом акте, разделение труда, совершающееся само собой или «естественно» благодаря природным задаткам (например, телесная сила, потребности, случайности и т. д. и т. д.)».

языка. Современные этнографические исследования показывают в массовом масштабе, как с выделением колдунов, «стариков» и т. д. отдельные заклинания, обычаи, обряды, формулы религиозных церемоний, нормы поведения все более и более обособляются из повседневной речи в особую идеологическую область. Это расчленение особенно возрастает с расколом общества на классы, когда в среде самого господствующего класса возникает разделение умственного и физического труда (стр. 36), и профессиональная армия лиц умственного труда в целях упрочения классового господства специально занимается разработкой отдельных идеологических областей. Продукты своего идеологического производства господствующий класс навязывает массе угнетаемого населения, используя для этого все возможные каналы общественного воздействия.

«В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает и средствами духовного производства, так что ему благодаря этому в то же время в общем подчинены мысли тех, у которых нет средств для духовного производства. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений (иными словами:) выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — идеальное выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, т. е. мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, в силу этого, мыслят. В той мере, в какой они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху на всем ее протяжении, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит, господствуют также как и мыслящие, как производители мыслей, регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи. В такое время, например, и в такой стране, где королевская власть, аристократия и буржуазия спорят из-за господства, где, таким образом, господство разделено, там господствующей мыслью оказывается учение о разделении властей, о котором говорят как о «вечном законе» (35—36; 36—37).

Анализ языка господствующего класса стоит у Маркса и Энгельса в тесной связи с их учением о классовом сознании. Идеологическое производство господствующего класса эксплуататоров, т. е. выработка так наз. «всеобщих», «естественных», «абсолютных» идей, понятий и т. д. в области религии, философии, морали, права и т. д., есть результат возвышения повседневного языка своего класса, имеющего реальное значение в ограниченных пределах данных общественных отношений, в степень

«всеобщего» языка, в степень абстрактных и вечных истин. Маркс и Энгельс методично вскрывают связь абстрактнейших категорий философии, права, религии и т. д. с обычным языком господствующего класса, земной характер которого (языка) более очевиден.

«Существовавшие до сих пор производственные отношения индивидов,— пишут они, — должны выражаться в качестве правовых и политических отношений... В рамках разделения труда эти отношения должны приобрести самостоятельное существование (sich verselbstständigen) по отношению к индивидам. Все отношения могут быть выражены в языке только в виде понятий. Уверенность, что эти обобщения и понятия существуют в качестве таинственных сил, есть необходимый результат обособления реальных отношений, выражением которых они являются. Эти общие понятия, кроме их отмеченного значения в обычном сознании, приобретают еще особое значение и развитие у политиков и у юристов, которых разделение труда толкает к культу этих понятий и которые видят в них, а не в производственных отношениях, истинную основу всех реальных отношений собственности» (342; 348).

Какая-нибудь идея может быть превращена, следовательно, во «всеобщую» именно потому, что она ранее уже существует «в обычном сознании», в обычном языке, как *общее*, как *понятие*, отражающее с большим или меньшим приближением существующие реальные отношения. «Эти господствующие понятия будут иметь тем более общую форму, чем более вынужден господствующий класс представлять свои интересы, как интересы всех членов общества» (556; из зачеркнутого варианта). В главе «Мое самонаслаждение» Маркс и Энгельс прослеживают конкретный пример такого превращения обычных фраз и мыслей господствующего класса во «всеобщие» категории отдельной области «чистой» идеологии, в данном случае философии:

«Философия, проповедующая наслаждение, берет в Европе свое начало от школы киренаиков.[1] Если в древности застрельщиками этой философии были греки, то в новое время ими являются французы, и в силу тех же самых оснований, ибо их темперамент и их общество особенно предрасполагают их к наслаждению. Философия наслаждения была всегда лишь остроумным языком[2] известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения. Не говоря уже о том, что способ и содержание их наслаждения всегда определялись всем строем остального общества и носили на себе следы всех его противоречий, — философия наслаждения становилась пустой фразой, лишь только она начинала претендовать на всеобщее значение и провозглашала себя мировоззрением

[1] В оригинале: «... ist in Europa so alt wie die apenäische Schule».

[2] Die geistreiche Sprache. В IV т. Соч. К. Маркса и Ф. Энгельса переведено: «остроумной фразеологией».

общества в целом. Она опускалась в этих случаях до уровня назидательного морализирования, до софистического прикрашивания существующего общества, или же превращалась в свою противоположность, объявляя наслаждением вынужденный аскетизм.

«Философия наслаждения возникла в новое время вместе с гибелью феодализма и превращением феодального сельского дворянства в жадную до наслаждений и расточительную придворную знать эпохи абсолютной монархии. У этой знати она сохраняет еще форму непосредственного наивного жизнепонимания, получившего свое выражение в мемуарах, стихах, романах и т. д. Собственно на уровень философии она становится лишь у некоторых писателей революционной буржуазии, которые принадлежали по своему образованию и образу жизни к придворной знати. Они были поэтому приняты обоими классами, хотя с совершенно различных точек зрения. Если у дворянства этот язык[1] ограничивается лишь его применением к высшему сословию и условиям его жизни, то буржуазия обобщает его, применяя ко всем индивидам без различия; таким образом, он абстрагируется от условий жизни этих индивидов, превращая благодаря этому всю теорию наслаждения в плоскую и лицемерную моральную доктрину» (396—397; 404—405).

Связь философии с обычным языком здесь подчеркнута дважды. Собственно, до выступления буржуазии здесь и не существует особой «всеобщей» философии, до этого выступления философия наслаждения является обычным языком действительно наслаждающегося класса феодалов. Лишь с приходом буржуазии, выступающей в этот период в качестве представителя интересов всего общества, этот язык неправомерно обобщается, растягивается, выставляется в качестве общеобязательных для всего общества истин и приобретает, таким путем, призрачную самостоятельность.

Приход нового общественного класса, претендующего на господство и выступающего от имени всего общества, привел к превращению обычных в определенных общественных слоях слов в пустую философскую фразу, во «всеобщее». Это «всеобщее», однако, далеко не всегда идеалистически извращает действительность, далеко не всегда и не в одинаковой степени лишается определенности и конкретности содержания. Отношение этих «всеобщих» идей к действительности, степень и полнота ее отражения в них зависит от общественного положения того класса, который выступает с этими идеями «всеобщности»:

[1] Diese Sprache. В IV т. Сочинений переведено: «эта фразеология». Переводчик из IV т. Сочинений прошел здесь мимо того обстоятельства, что данный отрывок из «Немецкой идеологии» отражает до известной степени взгляды Маркса и Энгельса на взаимоотношение языка и отдельных идеологических областей; он принимает встречающееся в отрывке слово «язык» за простую метафору, переводя его в одном случае словом «идеология», в другом «теория».

«Всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь идеально (ideell ausgedrückt): придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые. Класс, совершающий революцию, — уже по одному тому, что он противостоит *классу*, — с самого начала выступает не как класс, а как представитель всего общества; он представляется в качестве всей массы общества, в противовес единственному господствующему классу. Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно более связан еще с общим интересом всех остальных не господствующих классов, не успел еще под давлением отношений, существовавших до тех пор, развиться в особый интерес особого класса. Поэтому многим из индивидов прочих классов, не достигающих господства, его победа также идет на пользу, — но лишь постольку, поскольку она ставит этих индивидов в положение, позволяющее подняться в ряды господствующего класса. Когда французская буржуазия свалила господство аристократии, перед многими пролетариями в силу этого открылась возможность подняться над пролетариатом, но лишь постольку, поскольку они становились буржуа. В силу этого основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирается класс, господствовавший до него; зато впоследствии также и противоположность между негосподствующим и ставшим господствующим классом развивается все более остро и глубоко» (37; 38).

Прямым следствием этих обостряющихся противоречий является все растущее противоречие между «всеобщим» сознанием и сознанием угнетенного большинства с одной стороны и с другой — все увеличивающийся разрыв «всеобщего» сознания, как оно проявляется в философии, морали, религии и т. д. с существующими отношениями производства. Таким образом, отношение «всеобщего» сознания к объективной действительности, которую он выражает, переменчиво в зависимости от общественного отношения класса-носителя этих «всеобщих» идей. Когда интересы класса действительно совпадают на известный момент с интересами всего общества, эти идеи не лишены истины; с обострением же противоречий между господствующими и угнетаемыми классами все больше и больше обнаруживается иллюзорный характер этих идей и представлений господствующего класса. Сознание пролетариата, классовые интересы которого ведут к уничтожению всяких классов и, следовательно, наиболее полно и последовательно совпадают с общими интересами человеческого общества в целом, является поэтому наиболее последовательным материалистическим сознанием мира, наиболее верным и полным его отражением.

Ранее уже было указано (в главе «О происхождении языка»), что

Маркс и Энгельс уничтожили ту китайскую стену, которая разделяла язык и сознание в различнейших языковедных построениях и которая сохраняется и сейчас в различных направлениях буржуазного языкознания. Согласно Марксу и Энгельсу, нет «чистой» идеологии, нет «чистой» философии, морали, науки и т. д., а есть отдельные области языка, обособившиеся вследствие разделения труда, области, выросшие, следовательно, на базе определенных общественных отношений и с известным приближением, в зависимости от общественного положения класса и предшествующей истории сознания, отображающие действительность. К обычному языку, языку простых смертных, языку «мирскому», «светскому», как он часто называется в «Немецкой идеологии», Маркс и Энгельс подходят так же, как и к любой обособившейся отрасли идеологии, они рассматривают язык как «действительное сознание», они обнаруживают в нем ту же основную закономерность, что и в любой идеологии. Язык господствующего класса подвержен тем же изменениям, что и «всеобщие» понятия и идеи этого класса.

«Чем больше присущая обществу нормальная форма общения и, следовательно, условия господствующего класса развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед[1] производительным силам, чем больше поэтому раскол в самом господствующем классе между ним и подчиненным классом, тем неистинней становится, конечно, сознание, которое первоначально соответствовало этой форме общения (т. е. оно перестает быть соответствующим ей сознанием), тем больше прежние традиционные представления этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т. д. формулированы в виде общих интересов, опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью, чем больше они теряют свое значение для самого сознания, тем решительнее они утверждаются, тем лицемернее, моральнее и священнее становится язык этого нормального общества. А чем лицемернее становится это общество, тем легче такому легковерному человеку, как Санчо [Штирнер. *С. К.*] всюду открывать представление о Святом, об идеальном. От всеобщего лицемерия общества он, легковерный, может абстрагировать всеобщую веру в Святое, в господство Святого и даже принять это Святое за пьедестал существующего общества. Он одурачен этим лицемерием, из которого он должен был бы сделать как раз обратный вывод» (271—272; 273).

Отправной пункт, откуда Маркс и Энгельс подходят к языку класса, тот же, что и при подходе к любой частной специальной области сознания.

Язык — это «реальное сознание», это осознанное бытие. Основное в

[1] У Гиммельфарба — «до простой идеализированной фразеологии».

языке это то, какую действительность он отображает, с какой степенью приближения или искажения отображается эта действительность. Анализируя содержание языка, Маркс и Энгельс объясняют его из положения класса, говорящего данным языком. Именно с этой стороны подходят они к фразеологии Штирнера и находят, что в ней философски обобщен язык «берлинского буржуа» того времени. Таков, например, анализ той напыщенной декларации «на языке бюргера, специально берлинского бюргера», к которой Штирнер прибегает, «желая, чтобы его теория свободы стала ясной как день для немецкого бюргера» (281). Передавая эту декларацию иронически, с особенностями берлинского произношения, Маркс и Энгельс показывают, что в основе ее лежат невежество и иллюзии немецкого заурядмещанина. Они показывают, что в сравнении между «сынами дикости» и цивилизованными, которое проводит Штирнер, отображается «фантазия» «образованного» берлинца, образование которого состоит в том, что он обоих не знает, с обоими знаком лишь по наслышке. Маркс и Энгельс показывают, что превосходное недовольство железными дорогами и «стремление ввысь, в воздушные сферы, к птицам» у Штирнера, помимо невежества, имеет своими корнями общую отсталость реакционного немецкого бюргера, питающего «предпочтение к извозчику, ломовой телеге и проселочной дороге». Особенности своего мировоззрения Штирнер передает и тогда, когда он собирается нарисовать картину восстания батраков. И бунтующих батраков Штирнер заставляет говорить языком «берлинского бюргера». «Бунт на коленях» немецкого обывателя отображен во всем характере речи штирнеровских «бунтарей», обратившихся с требованием к своему помещику.

«Твердый дух» и «крепкое самосознание домашнего слуги» обнаруживается также в «твердом» и «крепком» языке, которым говорят он[1] и его товарищи. «Ну, уж — как-нибудь — *придется* нам вместе кругленькая сумма — дорогой барин». Уже раньше в прокламации мы читали: «В случае надобности — ах — мы *полагаем* сделать — может статься — примерно и т. д. Можно подумать, что и батраки тоже взобрались на славного коня Клавиленьо» (366—367; 374).

Слабое развитие буржуазных отношений в тогдашней Германии определило трусливое поведение германской буржуазии на деле и на словах. Отсюда — идеалистические хитросплетения в речах ее идеологов, ежеминутное прибегание к двусмысленным оборотам и словесным ухищрениям, сплошное заикание и боязнь мыслить, сплошной «языковый маскарад» вместо прямых и ясных речей. Выяснению «языкового маскарада», занимающему большое место в разоблачении немецких идеологов, посвящена

[1] Представитель бунтующих «батраков» Штирнера.

целиком следующая глава. Теперь сделаем некоторые выводы из учения Маркса и Энгельса о классовом языке.

Советское языкознание в последние годы, в связи с общим обострением классовой борьбы в нашей стране, обусловленным развернутым социалистическим наступлением пролетариата по всему фронту, все чаще и чаще наталкивалось на проблему классового языка. В попытках дать ответ на этот вопрос мы имеем немало вульгаризаций и срывов. Эти срывы идут главным образом по линии отрыва классового языка от классового сознания, по линии поисков классовости исключительно во внешних явлениях языка (как тембр голоса, темп, «тонус» речи и т. д.). Чрезвычайно показательной в этом отношении является статья Данилова «Язык общественного класса».[1] В силу всего этого особенно важным является то указание, которое следует из всех приведенных отрывков Маркса и Энгельса по вопросу о языке класса: необходимость подойти к языку прежде всего со стороны сознания, со стороны того, что и как отображает данный язык. Исключительно формалистический подход к языку тем более опасен, что в капиталистическом обществе различие классовых языков скрывается под оболочкой национального языка. Со стороны сознания главным образом подошел к вопросу о содержании национального языка Энгельс, который в своей ранней работе «Положение рабочего класса в Англии» впервые сформулировал марксистское положение о языках классов капиталистического общества и о национальном языке. Анализируя язык господствующих классов, Энгельс нашел, что «позорное рабство, в котором деньги держат буржуа, ввиду господства буржуазии, наложило свой отпечаток даже на язык», что ввиду господства буржуазии «дух торгашества проникает весь язык, все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях».[2] А в главе «Выводы» Энгельс подчеркивал:

«Ввиду всего этого нет ничего удивительного, что английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, с которыми она живет бок-о-бок. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, настолько различных, насколько могут быть различны только две расы, — два народа, из которых мы на континенте до настоящего времени знали только один — буржуазию. А, между тем, именно второй народ, состоящий из пролетариев, имеет гораздо больше значения для будущего Англии».[3]

[1] Ученые записки РАНИОН, т. III, 1929 г.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 554 — 555.

[3] Там же, стр. 415.

Здесь у Энгельса формулировка пролетарского диалекта стоит в прямой связи с идеями и представлениями, нравами и нравственными принципами, религией и политикой рабочих. Поставить вопрос о языке класса вне этой связи значит за единством национального языка не видеть его противоречий, за единством местных диалектов не видеть того, что поднимает крестьянский диалект до уровня языка рабочих. Все приведенные формулировки из «Немецкой идеологии» исходят из этой же неразрывной связи языка и сознания.

Как опасно игнорирование этой связи, как опасно забвение тех крепких уз, которые связывают язык и сознание, можно видеть на примере Каутского, который в своей критике бауэровских взглядов на национальный вопрос таким образом «разъясняет» громадное значение национального языка:

«Люди, не понимающие нашего языка, люди, с которыми мы не можем объясниться, стоят вне круга нашего общения. По отношению к ним мы чувствуем себя общественно связанными со всеми теми, которые говорят на нашем языке, каков бы ни был их характер и их социальное положение. На чужбине национальное различие часто оказывается могущественнее, чем самая резкая классовая противоположность. Немецкий рабочий, попадающий во Францию, не зная ни слова по-французски и не имея возле себя товарищей по классу, говорящих по-немецки, будет себя чувствовать среди французских пролетариев заброшенным и одиноким, несмотря на всю интернационалистскую классовую сознательность, и он с радостью будет приветствовать первого попавшегося немца, который его окликнет, если бы то был даже эксплуататор, которого он на родине ненавидел от всей души».[1]

Перед лицом незнакомого языка, по Каутскому, капитулирует «интернациональная классовая солидарность», и немецкий рабочий бросается на шею ненавистного ему эксплуататора. Родной национальный язык оказывается в последнюю минуту сильнее внутринациональных классовых противоречий. Как в этой тираде Каутского не видеть предвосхищения Каутского 1914 г., сумевшего — уже не во Франции, а в своей же «родной» Германии, «возле товарищей по классу, говорящих по-немецки», — «с радостью приветствовать» врагов рабочего класса и изменить делу пролетарской революции. Теоретические корни ошибки Каутского в этом вопросе — это абстрагирование языка от классового сознания, игнорирование и неверие в силу интернациональной пролетарской солидарности; в основе тирады Каутского лежит филистерски невежественное, верхоглядское и пошлое толкование национального языка как арифметической суммы грамматических форм и словаря.

[1] К. Каутский, Национальность и международность, сб. «Марксизм и национальные проблемы», стр. 154.

Громадное значение для понимания происхождения национального языка и отношения языка к нации имеет следующий отрывок из «Немецкой идеологии». Возражая Штирнеру, говорящему о языке человеческого рода вообще, Маркс и Энгельс указывают, что такого языка вообще в действительности не дано, а существуют отдельные национальные языки, возникшие на путях образования наций.

«Язык здесь [у Штирнера. *С. К.*] рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельству. Впрочем, в любом современном развитом языке стихийно возникшая[1] речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению народов, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией» (404—405; 414).

Процесс возникновения национального языка здесь рассматривается как одна из сторон процесса возникновения нации. Многие места из «Немецкой идеологии» и позднейших работ Маркса и Энгельса показывают, что этот процесс образования наций был в то же время процессом образования буржуазных отношений.

Это понимание языка в его отношении к нации получает свое дальнейшее развитие в работах Ленина и Сталина. Ленин и Сталин развивают ту основную мысль основоположников марксизма, что «нации являются не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма», что «процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации» (Сталин). Ленин и Сталин подчеркивают, что в этом процессе «буржуазия — главное действующее лицо», что «рынок — первая школа, где буржуазия учится национализму» (Сталин). Вот как Ленин излагает этот процесс образования нации:

«Г-н Михайловский заимствует, очевидно, свои представления об истории общества из той детской побасенки, которую учат гимназисты. История общественности, — гласит эта доктрина в прописи, — состоит в том, что сначала была семья, эта ячейка всякого общества (это — чисто буржуазная идея: раздробленные мелкие семьи сделались господствующими только при буржуазном режиме; они совершенно отсутствовали в доисторические времена. Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы), затем— дескать — семья разрослась в племя, а племя разрослось в государство.

[1] Die Naturwüchsigkeit der Sprache. В IV т. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса переведено: «первоначально самобытная речь».

Если г-н Михайловский с важным видом повторяет этот ребяческий взгляд, так это показывает только, — помимо всего другого, — что он не имеет ни малейшего представления о ходе хотя бы даже русской истории. Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху Московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII в.) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г-н Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных».[1]

Процесс создания национального языка есть неотъемлемая сторона этого общего процесса образования национальных связей.

Язык, служащий в первобытнокоммунистическом — дородовом — и родовом обществе одним из тех реальных узлов, которые связывают первобытное общество воедино, как родство по крови, разделение труда и т. д., по мере роста общественных связей расширяет свои территориальные границы и вместе с образованием наций превращается в национальный язык.

«Национальные движения не впервые возникают в России и не одной ей свойственны. Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие его есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответ-

[1] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., т. I, стр. 72—73.

ствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец,— условие тесной связи со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем». [1]

В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин, выяснив основы марксистско-ленинской теории национального вопроса, выступает с развернутой критикой позиций австро-ревизионизма в этом вопросе. Особенность бауэровской точки зрения на национальный язык заключается в том, что она отрицает значение языка для определения нации.

«Что такое нация, — спрашивает он [Бауэр. *С. К.*), — есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют тем не менее нацию».

«Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что «евреи вовсе не имеют общего языка и составляют тем не менее нацию». Но не успел он добраться до 130 стр., как уже переменил фронт, заявляя так же решительно: «Несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка».

«Бауэр хотел доказать, что «язык это важнейшее орудие человеческого общения», но он вместе с тем нечаянно доказал и то, чего он не собирался доказывать, а именно, несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

«Так сама себя опровергает сшитая идеологическими нитками теория». [2]

Национальный язык является, следовательно, одним из необходимых признаков, которые в своей совокупности дают нам нацию. Сталин показал, что отрицание этого обстоятельства несостоятельно как теоретически, так и практически.

Пути образования национального языка указаны Марксом и Энгельсом в приведенном выше отрывке из «Немецкой идеологии». Таких путей — три: 1) путь развития языков из готового материала; 2) путь смешения различных языков в связи с смешением народов и 3) путь концентрации диалектов в единый национальный язык. В первом случае приходящая к господству буржуазия использовывает готовый, сложившийся еще в эпоху феодализма литературный язык. Во втором случае национальный язык создается заново в зависимости от происходящего на базе развития капиталистических отношений смешения двух народов в единую капиталистическую нацию. В третьем случае — литературный язык также создается заново, но не путем скрещения различных языков, а на основе находящихся в близких между собой отношениях диалектов.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XVII, стр. 428.

[2] И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос (сборн. «Национальные проблемы и марксизм», стр. 204, 207).

Как далека эта многокрасочная картина, изображающая реальный процесс прихода буржуазии к «заведыванию» развитием языка во всем его конкретно историческом многообразии, от той ничтожной и серенькой схемы, которую Каутские и Бауэры пытаются подсунуть в угоду буржуазии.

Несмотря на некоторое различие в определении роли языка в процессе образования нации, и Каутский и Бауэр сходятся в изображении образования национального языка. Оба они элиминируют классовое содержание из этого процесса. Оба они знают только один ровный и гладенький, лишенный всяких шероховатостей путь развития национального языка из готового материала, возникающего в феодальном обществе. Дальнейшая постепенная эволюция языка стоит у Каутского в непосредственной связи с развитием буржуазной демократии, которая у него, однако, выступает как фетиш, лишенной своего отвратительного классового содержания. У Бауэра развитие национального языка связано с развитием такой же надуманной и внеисторической абстракции, которая фигурирует у него под названием «национальной общности». Нет возможности подробнее остановиться здесь на разборе этих взглядов, которым посвящаются специальные работы. Однако сказанного достаточно для того, чтобы заметить ту огромную пропасть, которая лежит между гениальными обобщениями основоположников марксизма в области теории национального языка (как и во всех других областях), впервые изложенными Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии» и развернутыми и в последующих произведениях, а также произведениях Ленина и Сталина, и той жалкой теоретической стряпней, которой горе-теоретики социал-фашизма стремятся прикрыть свою измену пролетарской революции.

В «Немецкой идеологии» дается, таким образом, формулировка основных вопросов истории языка: вопроса о связи языка, как он дан в повседневной речи людей, и языка идеологов, вопроса о языке господствующего класса, как господствующем языке в классовом обществе, вопроса об основной закономерности в развитии классового сознания и языка, вопроса о национальном языке и двух враждебных классовых языках в рамках этого национального языка. Вопросы истории языка выдвинуты сейчас на передний план теоретического исследования языков. Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» предлагает «значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе». Меж тем нигде отставание так не велико в области истории языка, как в разработке вопросов, затронутых в этой главе. Если в области выяснения вопроса о происхождении языка имеется немало крупнейших достижений, если немало проделано по вопросам скрещения языков в условиях первобытно-коммунистического общества, то по дальнейшему развитию языков, по истории национальных языков, по вопросу об истории языков отдельных клас-

сов капиталистического общества сделано чрезвычайно мало. В этих условиях высказывания в «Немецкой идеологии» и последующих произведениях Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина приобретают величайшее значение и несомненно являются ценнейшим руководством в деле марксистско-ленинской разработки этих проблем.

4. Борьба за пролетарский язык

Маркс и Энгельс не ограничиваются, однако, показом в «Немецкой идеологии» классового характера языков в классовом обществе. С предельной четкостью они формулируют также необходимость борьбы против буржуазного языка, против буржуазного словоупотребления.

«Если представить себе противоположность коммунизма миру частной собственности в самой грубой форме, т. е. в абстрактной форме, в которой устранены все действительные условия этой противоположности ,— то получается противоположность собственности и отсутствия собственности. В этом случае можно рассматривать устранение этой противоположности как устранение той или иной ее стороны, как устранение собственности, причем получается всеобщее отсутствие собственности или нищенство, либо же как устранение отсутствия собственности, которая состоит в установлении истинной собственности. В действительности же на одной стороне находятся действительные частные собственники, на другой — лишенные собственности коммунистические пролетарии. Эта противоположность обостряется с каждым днем и непреодолимо ведет к кризису. Поэтому, если теоретические представители пролетариев желают достигнуть чего-либо в своей литературной деятельности, то они прежде всего должны постараться покончить со всеми фразами, которые ослабляют сознание остроты этой противоположности, — с фразами, которые затушевывают эту противоположность и даже позволяют буржуа приблизиться своего спасения ради к коммунистам на почве филантропических мечтаний. Но все эти дурные свойства мы находим в словечках истинных социалистов, в особенности в «истинной собственности». Мы отлично знаем, что кучке немецких фразеров не погубить коммунистического движения. Но в такой стране, как Германия, где философские фразы успели за ряд веков добиться известной силы, где отсутствие имеющихся у других народов резких классовых противоречий и без того ослабляет остроту и решительность коммунистического сознания, в такой стране надо выступать против всяческих фраз, которые могли бы еще более разжижить и ослабить полнейшую противоположность коммунизма существующему общественному строю» (452—453; 463).

Итак, совершенно недостаточно признать язык общественным фактом, как и недостаточно признать классовый характер языка. Не пойти дальше — значит безнадежно застрять в безвыходном тупике объективизма. Маркс

и Энгельс резко формулируют дальнейший вывод из этих признаний — необходимость борьбы против буржуазной фразеологии, против всякой попытки нечетким буржуазным словом и словоупотреблением замазать классовые противоречия. Необходимость этой борьбы тем настоятельнее, чем больше выдвигается историей на передний план идеологическая форма классовой борьбы. Необходимость этой борьбы формулировал также В. И. Ленин, говоря о задачах политической партии пролетариата.

«Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представить себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему и хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, таких-то цифрах, таких-то судебных приговорах и пр. и пр. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и основное условие воспитания революционной активности масс». [1]

Борьбу с буржуазным языком немецких идеологов Маркс и Энгельс ведут непрерывно на протяжении всей «Немецкой идеологии», подвергая разбору не только основные мысли этих идеологов, но и неразрывно связанные с ними их способы выражения. Острым скальпелем детальнейшего анализа они вскрывают все те мелкие уловки, словесные сплетения, парафразы, обороты, которыми буржуазный идеолог окутывает свои реакционные стремления. Разгромив безжалостной критикой основные установки «Немецкой идеологии», указав на ее буржуазные корни, они преследуют противника по пятам, раскрывая все те стилистические проделки и трюки, которые «идеология» проделывает над языком, чтобы придать своим выступлениям тень логичности и доказательности.

Еще у Гегеля встречается эта эксплуатация языка в интересах его идеалистической «системы». Угадав общую последовательность и связь логических категорий и будучи не в силах проследить те реальные взаимоотношения, те действительные пути и переходы, которые ведут от одной категории к другой, будучи не в силах открыть производственные отношения людей, как материалистическую подоплеку истории мысли, Гегель прибегал к произвольному конструированию связей, фабрикации искусственных

[1] В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 414.

переходов, перебрасыванию шатких, зачастую фантастических мостиков между категориями. В своем письме к Шмидту от 4 февраля 1891 г. Энгельс так предупреждает в отношении гегелевской «Логики»: «Если вы у Гегеля натыкаетесь на «болото», то вы на этом не останавливайтесь. Шесть месяцев спустя вы откроете в том же самом болоте твердые камни, на которые вам можно будет встать и совершенно благополучно перейти. Законченный ряд степеней в развитии идей относится у Гегеля к системе, к преходящему — и я считаю это самым слабым, хотя это и самое остроумное, потому что в трудных местах он помогает себе остротой. Положительное и отрицательное гибнут (zu Grunde gehen) и ведут поэтому к категории основания (des Grundes) («Энциклопедия»), но это надо делать на каждом языке по-новому. Переведите ряд ступеней в учении о сущности на другой язык, и переходы станут по большей части невозможны».

Последователи Гегеля довели эту манеру до степени чуть ли не основного доказательства их утопических реакционных бредов. Утопая в мутных пучинах умозрения, они цепляются за случайную соломинку звуковых созвучий, синонимов, произвольных этимологий, приложений и др.

«Приложение (die Apposition), — пишут Маркс и Энгельс, — это «серый» Санкт-Санчо, его логический и исторический локомотив, приведенная к своему кратчайшему простейшему выражению движущая сила «Книги». [1] Для превращения одного представления в другое или для доказательства тождества двух совершенно разнородных вещей подыскивается несколько промежуточных звеньев, которые, частью по своему смыслу, частью по этимологическому составу, частью просто по своему звучанию, пригодны для установления искомой связи между обоими основными представлениями. Эти звенья пристегиваются затем в виде приложения к первому представлению, притом таким образом, что все дальше уходишь от отправного пункта и все больше приближаешься к желательному пункту. Когда цепь приложений готова настолько, что ее можно без опасности замкнуть, тогда заключительное представление тоже пристегивается с помощью тире — в виде приложения — и фокус проделан... Это в высшей степени удобный способ контрабандного протаскивания мыслей, тем более действительный, чем в большей мере он служит рычагом главнейших рассуждений. Если с успехом проделать этот фокус несколько раз подряд, то можно, идя по стопам Санчо, выбросить одно за другим отдельные звенья и свести наконец всю цепь приложений к нескольким самым необходимым крючкам. — Приложение можно далее, как мы уже видели выше, также и перевернуть, и прийти таким образом к новым, сложным фокусам и еще более изумительным результатам. Мы видели также, что приложение есть

[1] В переводе Гиммельфарба: «сведенная его (?) к самому короткому и простом выражению двигательная сила «Книги».

логическая форма бесконечного ряда, употребляемого в математике. Святой Санчо применяет приложение двояко, во-первых, чисто логически, при канонизации мира, где оно служит ему для превращения любой мирской вещи в «Святое», и, во-вторых, исторически, при изложении связи различных эпох, и при их характеристике, причем каждая историческая ступень приводится к одному единственному слову, и в конце концов получается тот результат, что последнее звено исторического ряда ни на волос не дальше первого звена и все эпохи данного ряда подводятся в заключение под одну единственную категорию, вроде идеализма, зависимости от мыслей и т. д. А если нужно придать историческому ряду[1] приложений видимость прогресса, то это делается посредством того, что заключительная фраза представляется в качестве завершения первой эпохи ряда, промежуточные же звенья в качестве восходящих ступеней развития на пути к последней завершающей фразе» (252—253; 254).

По всей книге рассеяны многочисленные разоблачения этих мелких сноровок и жульнических приемов немецких идеологов. Перейдем к отдельным образцам этих разоблачений.

Об использовании приложения в качестве средства фабрикации произвольных отношений уже говорилось в вышеприведенном отрывке. На стр. 135—137 имеется еще один разбор такого использования приложений. Посредством ряда приложений к предложению «я познаю вещи» Санчо превращает конкретную действительность в отвлеченный признак. Схема рассуждений Штирнера такова: я познаю вещи — я их познаю истинно — я познаю истину — истина мне свята — я познаю святое и вечное, следовательно, — предметы внешнего мира — святое и вечное. «Таково искусство превращать светский мир, предметы при помощи арифметического ряда приложений в «дух для духа». Маркс и Энгельс указывают, что так как этот ряд ограничен лишь пределами болезненной безудержной штирнеровской фантазии, то естественно, что он может быть бесконечно продолжен.

Использование парафразы у Штирнера так же идеалистично, как и использование приложений. Единственное основание, которое лежит в ряде многих доказательств Штирнера, это «чистая»[2] форма речи, именно парафраза, описание одного какого-нибудь отношения, как выражения, как способа существования другого. Каждое отношение может быть изображено как пример отношения собственности и точно также его можно изобразить как отношение любви, власти, эксплуатации и т. д. (стр. 277, 279). Эту абстрактную возможность использования парафразы Штирнер эксплуатирует во-всю.

Для стилистических уловок используется и порядок слов предложе-

[1] В переводе Гиммельфарба слово «историческому» выпущено.

[2] Eine blosse Form des Sprechens. В IV т. Сочинений: «особая форма речи».

ния. Как известно, порядок слов предложения имеет громадное синтаксическое и логическое значение. В зависимости от места слова меняются его функция и значение. Переставляя порядок и внешне мало меняя структуру предложения, Штирнер празднует легкую победу над логикой. Здесь «ему знание языка в том объеме, в каком оно приобретается в обыденной жизни, вполне достаточно, чтобы прийти таким путем к самым неожиданным открытиям» (258; 259). Путем перестановки Штирнер выводит ряд следующих уравнений:

не мое богатство = мое небогатство.
не моя свобода = моя несвобода.
не мое счастье = мое несчастье.

Частица отрицания «не», которая в первой части имеет значение общего отрицания, выражая все возможные формы различия, например, то, что это наше общее, не исключительно мое богатство, во второй части уравнения превращается в отрицание моего богатства, моей свободы и т. д. Переставляя частицу «не», Штирнер добивается незаметного смещения понятий в желательном для него направлении. Не меньшее место в ряду мелкотравчатых повадок Штирнера занимает спекуляция на синонимике и многозначности слов.

«Наряду с приложением идет синонимика, которую святой Санчо эксплуатирует на все лады. Если два слова связаны этимологически, или хотя бы сходны только по своему звучанию, то на них возлагается солидарная ответственность друг за друга; если одно слово имеет различные значения, то, смотря по надобности, оно употребляется то в одном из них, то в другом, причем делается вид, будто святой Санчо говорит об одном и том же предмете в различных «преломлениях». Особую отрасль синонимики составляет далее перевод, когда какое-нибудь французское или латинское выражение дополняется немецким, которым оно выражается наполовину, а наряду с этим имеет еще и совсем другое значение» (253—254; 255).

Синонимы используются Штирнером также для придачи своему изложению характера историзма. Так, например, говоря о праве, он берет ряд соприкасающихся абстракций, бога, природу в ее отрыве от человека и т. д. и располагает их в мнимой исторической последовательности. На стр. 316 мы находим разбор того, как Штирнер достигает своих целей при помощи синонимов, лишь на половину покрывающих друг друга. Свое отожествление санкюлотов и берлинских мелких буржуа Штирнер проводит путем «синонимического злоупотребления словом citoyen, превращенного в берлинского «доброго бюргера» (см. еще стр. 295, 296, 375 и др.).

Или вот пример пошлой эксплуатации многозначимости слова:

«Штирнер выше опровергнул... коммунистическое уничтожение частной собственности тем, что превратил частную собственность в «обладание» (das «Haben»), а затем объявил глагол «иметь», «обладать» (haben)

необходимым словом, вечной истиной, потому что и в коммунистическом обществе может случиться, что он будет «иметь» боли в желудке. Совершенно так же он обосновывает теперь неотменимость частной собственности тем, что он ее превращает в понятие собственности, эксплуатирует этимологическую связь между словами «собственность» (Eigentum) и «особенный» (eigen) и объявляет это слово «особенный, свойственный» вечной истиной, потому что ведь и при коммунистическом строе может случиться, что ему будут «свойственны» боли в желудке. Вся эта теоретическая чепуха, ищущая своего убежища в этимологии, была бы невозможна, если бы действительная частная собственность, которую стремятся уничтожить коммунисты, не была превращена в абстрактное понятие: «собственности вообще» (208—209; 208).

На стр. 266—268 Маркс и Энгельс отмечают в качестве излюбленного приема нашего «святого» эксплуатацию слов: определение, призвание, задача и т. д., чем для него бесконечно облегчается превращение чего угодно в святое. «В призвании, определении, задаче и т. д. индивид является в своем собственном представлении не самим собой, а совершенно иным, чужим, т. е. святым, и делает свое представление о том, каким он должен быть правомерным, идеальным, святым по сравнению со своим действительным бытием. Таким образом Санкт-Санчо может, где это ему нужно, превратить все в святое при помощи следующего ряда приложений: определить себя (sich bestimmen), т. е. дать себе назначение (eine Bestimmung); сюда можно вложить любое содержание, дать себе назначение как таковое, дать себе святое назначение, дать себе назначение как святое, т. е. святое как назначение. Или быть определенным (bestimmt sein), т. е. иметь назначение (eine Bestimmung), иметь святое назначение, назначение как святое, святое как назначение, назначение святого» (266—267). На стр. 298—299 и дальше приводятся примеры того, какие «блошиные скачки» предпринимает Санкт-Санчо со словом «право». Право и право, право юристов, моральное право, то, что кому-либо благорассудится («recht» ist), и так далее, все это употребляется вперемежку.

На стр. 386 (394) Маркс и Энгельс вскрывают подобную же эксплуатацию многозначимости слова Vermögen (состояние). Многие штирнеровские выводы покоятся на положении: «все, что ты в состоянии делать, есть Твое состояние».

«Положение это или совершенно не имеет смысла, будучи тавтологией, или же представляет собой бессмыслицу. Оно тавтологично, если означает: что Ты в состоянии делать — то Ты в состоянии сделать. Оно бессмысленно, если состояние № 2 должно выражать состояние «в обыкновенном смысле», т. е. состояние в торговом смысле, — если оно основывается на этом этимологическом сходстве слов».

Абсурдность попытки установить прямую связь между этимологией и

историей предметов, отображенных в слове, подвергается суровой критике в следующем отрывке об «этимологической синонимике»:

«Слово Gesellschaft («общество») происходит от слова Sal (зал). Если в зале (Saal) имеется много людей, то зал есть причина того, что они находятся в обществе. Они находятся в обществе и составляют самое большее салонное общество, разговаривая обычными салонными фразами. Там, же, где мы имеем действительное общение, это последнее следует считать независимым от общества («Книга», стр. 286).

«Так как» слово Gesellschaft происходит от Sal (что, кстати, неверно, ибо первичными корнями всех слов являются глаголы),[1] то sal должно совпадать с Saal. Но Sal означает, однако, на староверхненемецком наречии строение, Kisello, Geselle—сожитель, откуда происходит Gesellschaft—общежитие, общество, Hausgenosse — домочадец, так что «Saal» притянуто сюда совершенно произвольно. Но это не имеет значения; Saal тотчас же превращается в «salon», точно между староверхненемецким «Sal» и новофранцузским «salon» не лежит расстояние приблизительно в тысячу лет и столько-то миль. Так общество превращено в салонное общество, в котором, согласно немецко-мещанскому представлению, происходит только обмен фразами, но нет никакого действительно общения. Впрочем, поскольку для святого Макса важно только превратить общество в «Святое», он мог бы достигнуть этого гораздо более коротким путем, если бы попристальней занялся этимологией и заглянул в любой этимологический словарь. Какой находкой было бы для него открытие этимологической связи между словами «Gesellschaft» и selig [блаженный] — Gesellschaft — selig — heilig — das Heilige, общество — блаженный — святой — святое,— что может быть проще?

Если этимологическая синомика «Штирнера» правильна, то коммунисты ищут истинное графство, графство, как Святое. Как Gesellschaft происходит от Sal, строение, так и граф (готское garâvjo) от готского râvo, дом. Sal, строение=Râvo, дом, и, значит, Gesellschaft=Grafschaft [об-

[1] В своем утверждении, что первичные корни слов были глаголами, Маркс и Энгельс стояли на вершине современной им науки о языке. Этот взгляд на характер первобытного корня, встречающийся у А. Шлегеля, Гримма и др., восходит к воззрениям Гердера на происхождение языка (см. Eva Fiesel, Die Sprachphilosophie der deutschen Romantik, 1927г., стр. 66—67). Утверждая, что первый корень был по своему характеру глаголом, Шлегель, Бопп, Гримм и др. были далеки от мысли приписывать первобытному аморфному корню глагольное оформление. В этих взглядах можно, следовательно, увидеть предвосхищение взглядов Н. Я. Марра, который доказывает, что первобытные звуковые слова были односложны и аморфны, означали одновременно и предмет и то или иное действие, связанное с функцией этого предмета, и выражали активную мысль, так как являлись с самого начала в роли предложения (см. Н. Я. Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, Сборн. «Языковедение и материализм», 1929 г., стр. 37—38).

щество=графство]. Префиксы и суффиксы в обоих одинаковы, коренные слоги имеют одинаковое значение, — стало быть, святое общество коммунистов есть святое графство, графство, как Святое, — что может быть проще? Святой Санчо смутно чувствовал это, когда усмотрел в коммунизме завершение ленной системы, т. е. системы «графства» (254—255; 255—256).

Маркс и Энгельс наглядно показывают в этом отрывке, как нелепо непосредственно сводить связи слова к связям, имеющим место в действительности, как нелепо выдавать этимологическую смену значений за реальные отношения самих вещей. В другом отрывке ставится вопрос о причинах, обусловливающих недопустимость такого сведения.

«Буржуа может без труда доказать на основании своего языка тожество меркантильных и индивидуальных или даже общечеловеческих отношений, ибо самый этот язык есть продукт буржуазии и поэтому, как в действительности, так и в языке, отношения купли-продажи сделались основой всех других отношений. Например, propriété — Eigentum — собственность и Eigenschaft свойство; property — Eigentum — собственность и Eigentümlichkeit — своеобразие; «eigen» [«собственный», «свойственный», «особенный»] в меркантильном и в индивидуальном смысле; valeur, value, Wert [стоимость, ценность] — commerce, Verkehr (общение, торговля); echangé, exchange, Austausch (обмен, мена) и т. д. Все эти слова обозначают как коммерческие отношения, так и свойства и взаимоотношения индивидов, как таковых. В остальных новых языках дело обстоит совершенно так же. Если святой Макс всерьез намерен эксплуатировать эту двусмысленность, то ему будет не трудно сделать ряд новых блестящих экономических открытий, не зная ни аза в экономии; и действительно, его новые экономические факты, о которых речь будет ниже, относятся целиком к области этой синонимики. Добродушный и легковерный Jacques берет игру буржуа словами «собственность» (Eigentum) и «свойство» (Eigenschaft) настолько всерьез, с таким священным трепетом, что старается даже, как мы увидим ниже, относиться к своим собственным свойствам, как частный собственник» (210—211; 210).

Кроме важнейшего сам по себе факта установления «связи между языком и буржуазными отношениями» (стр. 265), в этом отрывке содержится прямой ответ на вопрос, который в языкознании приобрел известность под именем отношения истории слов (Wörtergeschichte) к «истории вещей» (Sachengeschichte). Отображает ли этимология слова историю вещей? На этот вопрос Маркс и Энгельс отвечают, что этимология не отражает прямо истории вещей, ибо слово отражает предмет не полностью, не во всех его объективных связях, а лишь приближенно и что эта степень приближения стоит в прямой связи с общим мировоззрением класса, который называет. Полисемантичность слова eigen или Vermögen связана с мировоззрением буржуазного класса, который создал эту полисемантичность. В мировоз-

зрениях буржуа точка зрения эксплуатации, частной собственности, барышничества, полезности играют роль мерила всех отношений, буржуа сводит все объективные общественные и естественные отношения к единому отношению полезности. Доказывать что-нибудь за счет этого — значит солидаризоваться с путаницей, примкнуть к точке зрения буржуа, познающего мир под углом зрения своих паразитических интересов.

Как решается вопрос об отношении истории слова к истории вещей в современном языкознании? Шухардт, терминологию которого мы здесь употребили, указывает на различные противоречия в процессе развития языка и сознания; одна и та же вещь рассматривается и в зависимости от этого называется по-иному различными людьми, даже современниками. «Одному бросается в глаза один, другому другой признак». «Вещь меняется, а слово, обозначающее вещь, остается»[1] и т. д. Однако объяснить этот процесс, вскрыть его закономерности и тем более сделать выводы из этих закономерностей в отношении исследования путем палеонтологического анализа слов истории общества Шухардт не смог.

Ближе всего к выводам, которые Маркс и Энгельс формулировали в «Немецкой идеологии», подошел Н. Я. Марр в своих разработках истории материальной культуры на основании анализа лингвистических данных. Приведем здесь пример такого исследования.

В своей работе «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории» (1926) Н. Я. Марр вскрывает этап «функциональной семантики» в словообразовании, когда название закрепляется по хозяйственной функции нарекаемого. Н. Я. Марр вскрыл, что название оленя в зависимости от его функций, как средства передвижения, перешло на слонов, верблюдов и позднее лошадей, означая, вместе с тем, и сани, телегу, местами и временами также средства передвижения на воде — воду— реку, лодку, корабль и пр. Языковед-идеалист, на основании этих этимологических связей, мог бы сделать тот вывод, что в ту эпоху зоологические виды лошади, оленя, верблюда и т. д. представляли собой какое-то единое фантастическое чудовище на колесах или полозьях, которое с одинаковым успехом передвигалось как на суше, так и на море и т. д. Это и составляет нелепость мифа, вырастающего в путях логического толкования первобытного языка и сознания. Н. Я Марр подошел к этой, на первый взгляд, фантастической смене значений с учетом смены мировоззрений и тем самым сумел обеспечить и важные выводы для истории материальной культуры. За своеобразием этимологически переплетающихся значений, позволяющих сделать любые фантастические предположения, он сумел прочесть подлинную историю смены оленя конем в путях общественного хозяйствования, что подтвердилось затем раскопками.

[1] См. Schuchardt, Brevier, 1922 г., стр. 114—127.

Таким образом судить по словам о вещах и, что то же, раскрывать путем анализа этимологии слов скрывающуюся за ними подлинную историю развития общества можно лишь с учетом того мировоззрения класса или первобытной общины, которое отражено в слове. Без такого учета всякое суждение о действительности по словам становится надуманным и нелепым. Без такого учета исследовать язык буржуа или язык мифа и т. п. значит дать себя завлечь буржуазным или мифологическим и т. д. сознанием.

Вывод, вытекающий из практики борьбы Маркса и Энгельса против буржуазного языка в «Немецкой идеологии», особенно актуален сейчас, в период ожесточенной классовой борьбы пролетариата за социализм у нас, за пролетарскую революцию — в капиталистическом мире. Буржуазное словоупотребление нередко проникает и в среду пролетарской печати, и в наши терминологические разработки, и в наши переводы работ основоположников марксизма, и в переводы сочинений классиков марксизма на национальные языки и т. д., отражая подчас слабую теоретическую подготовленность наших кадров переводчиков, лингвистов и т. д., зачастую представляя собой и сознательную фальсификацию и преднамеренное искажение текста. Разработка практики борьбы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина против буржуазного языка должна поэтому стать в центре теории и практики марксистско-ленинского языкознания.

Заключение

Необходимо остановиться еще на некоторых исключительно важных замечаниях из «Немецкой идеологии», которые по своему содержанию не могли войти в предыдущие главы.

В главе «Собственность» (стр. 385; 393—394) мы находим полный иронии разбор индивидуалистической точки зрения Штирнера на язык.

«... ясно, — пишут Маркс и Энгельс, — и без «соглашения», [1] что собственность в необыкновенном смысле, о которой мы уже говорили в «Феноменологии», должна приниматься в «Союзе» в качестве платежного средства, как «ходячая» и «курсирующая собственность». Насчет таких простых фактов, как, например, что Я питаю сочувствие, что Я говорю с другими, что Мне ампутируют (т. е. отрывают) ногу, — «Союз», конечно, согласится, что «чувство чувствующих является также Моим, является собственностью» (стр. 387); также и насчет того, что чужие уши и языки, равно как и механические соотношения,[2] тоже моя собственность. Таким

[1] В IV т. Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (стр. 272) слова: «ohne Verständigung», переведены: «без взаимного понимания».

[2] Там же, слова: «mechanische Verhältnisse», переведены: «существующие отношения».

образом, накопление богатств в «Союзе» будет заключаться главным образом в том, чтобы все отношения превращать посредством легкой парафразы в отношения собственности».

Таким образом, вздорность индивидуалистской точки зрения обнаруживается при анализе всех сторон жизни индивида, — будь то его чувства, вызванные средой, будь то язык, невозможный иначе как в обществе, будь то различные даже механические операции, которые кто-то проделывает над индивидом. Для того, чтобы избежать абсурда, Штирнер пытается осложнить свои индивидуалистические представления вариацией теории «общественного договора»: штирнеровский индивид апеллирует к обществу о признании правомерности его индивидуалистской, не признающей общества точки зрения, штирнеровский индивид заключает «соглашение» с обществом относительно своей антиобщественной теории. Это — своеобразная теория общественного договора, где общество является придатком индивида и лишь задним числом фиксирует его индивидуальные качества. Человек рассматривается здесь не как продукт общественного производства, не как результат тысячевековой совместной практической деятельности людей, а, наоборот, общество само является здесь лишь механическим аггрегатом от века данных в готовом виде людей, обладающих всеми человеческими качествами, в том числе и языком с самого начала. Этот метафизический, антиисторический взгляд на человека разоблачается Марксом и Энгельсом еще и в следующем отрывке:

«Мы уже знаем, какую роль играет в Союзе соглашение» (стр. 462).

«Если [пишет Штирнер. *С. К.*] приходится вступать в соглашение и в словесное общение, то Я, разумеется, могу воспользоваться только человеческими средствами, которые находятся в Моем распоряжении, ибо Я являюсь вместе с тем человеком» (т. е. экземпляром рода). Таким образом, язык здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам» (404; 414).

Штирнер рассматривает, следовательно, язык не как продукт общественных обстоятельств, а как продукт человеческого рода вообще, человека, как такового. Отвлекаясь от общественной истории людей, Штирнер не замечает, что «языка вообще» не существует, что до сих пор существовали и существуют лишь языки данных конкретных исторических обществ, начиная с первобытных общин и кончая современными нациями. Маркс и Энгельс едко вышучивают этот абстрактный, не имеющий никаких опор в действительности подход к языку. Они требуют учета всех решительно сторон и обстоятельств, образующих в своей совокупности язык, они требуют изучения всех как естественных, так и общественных предпосылок возникновения речи:

«...Неверно не только утверждение, будто я «из ничего» делаю, на-

пример, себя «говорящим», но, кроме того, и Ничто, лежащее здесь в основе, есть весьма многообразное Нечто, а именно: действительный индивид, его органы речи, определенная ступень физического развития, существующие язык и наречия, уши, способные слушать, и человеческое окружение, от которого можно что-либо услышать, и т. д. Стало быть, при развитии какого-либо свойства нечто создается из чего-то чем-то, а вовсе не приходит, как в гегелевской логике, от ничего через ничто к ничему» (130; 129).

Штирнерам, игнорирующим все многообразие действительных отношений и считающимся лишь с выдумками собственной головы, ровно ничего, конечно, не стоит решить в один присест и проблему революционизирования языка:

«Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода [подразумевается язык. *С. К.*]. В «Союзе» будут говорить на языке, как таковом, на святом языке, на языке Святого, — на древнееврейском и именно на арамейском диалекте, на котором говорила «воплощенная сущность» Христос» (405; IV т., 290—291. 414).

В духе Штирнеров решать вопрос о контроле над языком, вопрос о переделке существующих языков, об активном вмешательстве в языковое развитие как вопрос «сам собой разумеющийся». Основоположники марксизма решительно высмеивают подобного рода беспочвенные, не доказанные фактическими данными априорные суждения. То, что требуется вывести из анализа действительных отношений, то Штирнеры выставляют в качестве теоретической предпосылки. То, что должно вытекать из тенденций истории языка, как надстройки, то для них явствует само собой без всякого предварительного изучения. Это абстрактно-теоретический подход к проблемам развития языка полностью сохранил и современный потомок Штирнера, ренегат пролетарской революции, социал-фашист К. Каутский. Не давая себе труда анализировать действительную тенденцию языкового развития, он тупо и легкомысленно переносит тенденцию развития языков при капитализме (вытеснение языков угнетенных наций «мировыми» языками передовых капиталистических наций) за грани капитализма, в эпоху социализма и коммунизма. Тов. Сталин опроверг весь этот надуманный ход развития путем мастерского диалектического обобщения действительных языковых процессов, имеющих место в нашей социалистической стране. Вот что говорит по этому вопросу он в своем заключительном слове на XVI партсъезде: «В своем выступлении в 1925 г. я возражал против националшовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австро-германском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую *немецкую* нацию с одним общим *немецким* языком и к *онемечению* чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской,

ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающей эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР в одну общую великорусскую нацию с одним общим *великорусским* языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго — даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым». [1]

Марксизм-ленинизм исходит, следовательно, из «фактов жизни нашей страны после победы социализма в СССР» для решения вопроса о развитии языков при социализме. Социал-фашистский теоретик чурается анализа действительных отношений. При решении вопросов языка он, как и любой другой буржуазный теоретик, исходит прежде всего из буржуазной точки зрения на мир, подводящей все объективные отношения под одно единое отношение эксплуатации, барышничества и выгоды.

Маркс и Энгельс разоблачают буржуазный подход к языку, игнорирующий происходящие в действительности языковые процессы. К языку, как и ко всему остальному в мире, буржуа подходит со стороны личной выгоды и барышничества. Все объективные отношения он преломляет через призму эксплуататорских интересов своего класса, через призму «полезности». Там, где это отношение отсутствует, он склонен выдумать его из головы. Следующие блестящие строки из «Немецкой идеологии» посвящены разбору буржуазной теории полезности в ее приложении к языку:

«У Гольбаха, — пишут они, — вся деятельность индивидов в их взаимном общении, например, речь, любовь и т. д., изображается в виде отношений пользы и использования. Таким образом, действительные отношения, из которых он исходит, это — речь, любовь, определенные осуществления определенных свойств индивидов. Но эти отношения не обладают здесь свойственным им специфическим значением, а служат выражением и проявлением третьего, подставленного вместо них отношения, именно, отношения полезности или использования. Эта перефразировка перестает быть бессмысленной и произвольной, поскольку для индивида его отношения имеют значение не сами по себе, не как самоосуществление, а как маска, — од-

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 1932 г., стр. 731.

нако как маска не категории использования, но некоей действительной третьей силы и отношения, называемого отношением полезности. Словесный маскарад[1] имеет смысл лишь тогда, когда он является бессознательным или сознательным выражением действительного маскарада. В этом случае отношение полезности имеет вполне определенный смысл, именно тот, что я извлекаю пользу для себя, причиняя ущерб другому (exploitation de l' homme par l'homme); далее в этом случае польза, извлекаемая мной из какого-нибудь отношения, чужда вообще этому отношению подобно тому, как выше, говоря о способности (состоянии), мы видели, что от каждой способности требуется чуждый ей продукт, это — отношение, определяемое общественными отношениями, — а оно как раз и есть отношение полезности. Все это действительно имеет место у буржуа. Для него только одно отношение имеет значение ради себя самого — отношение эксплуатации; все прочие отношения существуют для него лишь постольку, поскольку он может подвести их под это единственное отношение, и даже там, где он встречает такие отношения, которые нельзя прямо подчинить отношению эксплуатации, он подчиняет их этому отношению, по крайней мере, в своем воображении» (388; IV т. 396—397).

Необходимо, наконец, остановиться еще на одном отрывке из «Немецкой идеологии», чрéватом чрезвычайно важными методологическими выводами для языкознания. Среди «кривляющихся» и «пьяных» идей, которые высказал Штирнер, находится идея абсолютной «несравнимости» (Unvergleichlichkeit). Штирнер выступил против сравнения, как такового, независимо от того, имеет ли это сравнение реальное основание в привлеченных к сравнению материалах. Наряду с этим текстом Штирнер сам допустил сравнение в своем утопическом «Союзе», который, по его представлению, будет покоиться на равенстве потребностей и где останется во всей своей силе денежная система, это «практически овеществленное сравнение». Упрекнув Штирнера в непоследовательности, Маркс и Энгельс подвергают анализу сам принцип абсолютной несравнимости.

«Нет ничего легче, как назвать равенство и неравенство, сходство и несходство рефлективными определениями. И несравнимость есть некоторое рефлективное определение, имеющее своей предпосылкой деятельность сравнения. Но для доказательства того, что сравнение вовсе не есть чисто произвольное рефлективное определение, достаточно привести только один пример, именно — деньги — это устойчивое tertium comparationis всех людей и вещей. Впрочем, несравнимость может иметь несколько различных значений. Единственное значение, о котором здесь может итти речь, а именно «единственность» в смысле самобытности, предполагает, что деятельность несравнимого индивида в определенной сфере отличается даже

[1] Die Maskerade in der Sprache — маскарад в языке.

от деятельности равных индивидов. Персиани [1] несравненная певица именно потому, что она — певица и что ее сравнивают с другими певицами, притом сравнивают люди, которые способны познать ее несравнимость посредством сравнивания, опирающегося на нормальную организацию их ушей и их музыкальное образование. Пение Персиани несравнимо с кваканьем лягушки, хотя и здесь было бы возможно сравнение, но только — сравнение между человеком и лягушкой вообще, а не между Персиани и данной единственной лягушкой. Только в первом случае можно говорить о сравнении между индивидами, во втором же — сравниваются только их видовые или родовые свойства. Третий вид несравнимости, несравнимость пения Персиани с хвостом какой-нибудь кометы, — мы предоставляем Санчо для его «самонаслаждения», так как он явно находит радость в таких «нелепых суждениях», хотя, впрочем, даже и это нелепое сравнение реально в нелепости современных отношений. Деньги — общий масштаб всех, даже самых разнородных людей...»

«Впрочем, Санчо знаком только с методом сравнивания литераторов и болтунов, приводящих нас к тому глубокомысленному выводу, что Санчо не есть Бруно, а Бруно не есть Санчо. Но он, конечно, совершенно не знаком с науками, которые достигли больших успехов лишь благодаря сравнению и установлению отличий в сфере сравнения и в которых сравнение приобретает общезначный характер, с такими науками, как сравнительная анатомия, ботаника, языковедение т. д.» (418—419; 428—429).

Актуальнейшее значение этого отрывка в том, что сейчас, в эпоху кризиса буржуазного сравнительного языкознания, когда эта наука стала перед необходимостью либо пойти вперед от простого вульгарно-эволюционистского и идеалистического сравнения к действительно историческому материалистически-диалектическому исследованию языка, либо назад к метафизическим антиисторическим воззрениям грамматиков XVIII в., иногда раздаются голоса против сравнения вообще, против сравнения, как такового, против всякого сравнивания. Современный Санчо отличается от Санчо-Штирнера тем, что он орудует в недрах одной из тех наук — языкознания, где сравнение, согласно Марксу и Энгельсу, приобрело общезначимый характер. Во всем остальном он, как две капли воды, — конечно, сохраняя пафос дистанции, — схож со своим предвозвестником. Как и Санчо-Штирнер, он провозглашает абсолютную недопустимость всякого сравнения... для других. Самому же Санчо сам бог велел сравнивать. Современный Санчо начинает со сравнения палеонтологического метода Н. Я. Марра со сравнительным методом индоевропеистики:

«Палеонтологический метод, — пишет он, — противоположен сравнительному методу индоевропеистики. Он противоположен тем, что, во-пер-

[1] Знаменитая итальянская певица того времени.

вых, держится на единстве глоттогонического процесса, а, во-вторых, тем, что он [метод. *С. К.*] вынужден объяснять языковые факты материалистически. Однако между сравнительным методом европеистики [?] и палеонтологическим имеется определенное сходство: оба воспринимают универсальность и общезначимость сравнительного рассматривания объектов сознания. Яфетическая теория является так же, как и индоевропеистика, сравнительной лингвистикой. Поэтому оценка, которую Гегель дал сравнительному методу, может быть применена к палеонтологическому методу. Яфетидология совершила великое дело тем, что выставила идею единства глоттогонического процесса, она вскрыла идеалистический и империалистический характер индоевропеистики и выдвинула в первую очередь необходимость объяснить языковые факты материалистически. В этом ее историческая заслуга. Но [замечательнейшее «но». *С. К.*] яфетическая теория возникла в лоне сравнительной индоевропеистики, следовательно [еще более замечательное «следовательно». *С. К.*] она должна была по необходимости остаться в кругу принципов сравнительного рассматривания объектов познания — это ее недостаток. Традиции мертвых поколений кошмаром тяготеют над головами живых». [1]

Оставляя в стороне положительную оценку яфетической теории, даваемую Ломтевым, следует перейти к сущности упрека, который он делает Н. Я. Марру. Видит ли Ломтев, что Н. Я. Марр не застрял на идеалистическом и империалистическом сравнительном методе индоевропейского языкознания? Да, Ломтев признает, что работы Н. Я. Марра тем отличаются от работ индоевропеистов, что Н. Я. Марр сравнивает, во-первых, материалистически, а, во-вторых, исторически, с точки зрения единства глоттогонического процесса. Но меньшевистствующего идеалиста Ломтева это не устраивает. Он против всякого, в том числе и материалистического сравнения. Во имя идеалистически понятого Гегеля языковед Ломтев повторяет зады Штирнера. И после этого повертывается еще язык у человека говорить о традиции, тяготеющей кошмаром над живыми поколениями.

Обзор языковедных высказываний Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии» закончен. Он показал, насколько это было в силах автора, совершенно исключительное значение этих высказываний для решения тех задач, которые в наши дни стали перед языкознанием. Необходимо, однако, предупредить читателя от предъявления неправомерных требований к настоящей статье. Дело в том, что, ограниченная материалами «Немецкой идеологии», она не дает полного представления о богатой тематике языковых высказываний у основоположников марксизма, и ряд вопросов, развитие которых относится к более позднему периоду в развитии марксизма, полу-

[1] Ломтев, К критике индоевропеизма и яфетидологии, «Afn Špraxfront», № 1—2, 1931 г.

чили здесь явно недостаточное и лишь частичное освещение. Автор решается на это предупреждение, так как давно назревшая потребность в сводной работе по языковедным высказываниям основоположников марксизма может невольно привести к неверному пониманию роли и места этой статьи. Между тем работа эта претендует на нечто весьма скромное. И если она хоть в какой-либо мере явится толчком для дальнейшей разработки марксистско-ленинского языкознания, то автор будет считать свою цель достигнутой.

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К 50-летию смерти Карла Маркса. *Н. Я. Марр* 3
Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. *А. Г. Пригожин* 22

Карл Маркс и проблемы доклассового общества

Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества. *П. П. Ефименко* 91
Маркс—Энгельс и основные проблемы доклассового общества. *В. И. Равдоникас* 118
Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества. *Е. Ю. Кричевский* 217

Карл Маркс и проблемы рабовладельческого общества

Проблема социальной революции в античном обществе. *С. И. Ковалев* 295
Разложение родового строя и социальная революция VII—VI вв. в Греции. *А. И. Тюменев* 329
Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов. *О. О. Крюгер* 378

Карл Маркс и проблемы феодального общества

Характер капиталистической деятельности аугсбургского торгового дома Фуггеров (XV—XVII вв.). *Е. К. Некрасова* 401
Историческая теория Маркса и Энгельса и крепостничество «второго издания» в восточной Европе. *М. М. Цвибак* 451
Классовые противоречия в феодальной деревне России в конце XVI века. *И. И. Смирнов* 508
Маркс и Энгельс о начале Византии. *Е. Э. Липшиц* 543
Учение Маркса о первоначальном накоплении. *П. П. Щеголев* 564
Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме. *Н. Н. Ровенталь* 645

Карл Маркс и проблемы языка

Маркс и языкознание. *С. Н. Быковский* 665
Вопросы языкознания в «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса. *С. Д. Кацнельсон* 695

Ответственный редактор *А. Г. Приложий* Технический редактор *Г. Г. Гильо*
Корректор *Н. А. Томин*
Супер-обложка, тиснение на переплете, форзац, макеты титулов
работы *М. И. Разулевича*
Отпечатано в количестве 2125 экз.
со 2-й типографии «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига», Ленинград, Гатчинская, 26.
Заказ № 1376. Ленгорлит № 1838.
Формат бумаги 72×105; 49 печ. листов (90,2 тыс. тип. знаков в 1 б. листе)
Бум. листов $24^1/_2$
Сдано в набор 23/XII-33 г. Подписано к печати 10/II-34 г.